

Выпуск 1

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

I. Вечернее Богослужение

ДЕВЯТЫЙ ЧАС

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для просвещения православных христиан напечатать книгу «Смысл и значение православно-христианскаго ежедневнаго Богослужения» для просвещения и назидания православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.
(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

I. Вечернее Богослужение

Когда наши чувства становятся умереннее, страсти слабее, помыслы естественнее? Когда вся душа наша оказывается способнее восприять должное духовное настроение? Согласно правильному порядку жизни,— вечером, в те часы, когда человек готовится возлечь на одр (постель), временную гробницу свою, желает предаться сну — истинному образу смерти. Церковь в эти торжественные часы приглашает нас к молитве и поучению (размышлению), старается дать весьма важный урок, чтобы мы не только в бодрственном состоянии, но и в сонном безмолвии просвещались зрением судеб Божиих.

Вечер и в открытом храме природы есть одно из тех поразительных явлений, которые сами собой способны привести душу к тихому умилению (сокрушению сердечному, сожалению о грехах) и молитвенному расположению. Церковь Господа Иисуса Христа придала еще большее знаменование (значение) трогательному явлению природы, сообщила ему характер священный, установив свое *Богослужение вечернее,* и каждый день возвещая приближение вечера звоном колокола, по звуку которого собравшиеся в храм Божий слушают *Девятый час,* собственно *Вечерню* и *Повечерие.*

А. Девятый час

Девятый час, соответствующий нашему третьему часу пополудни (после полудня), ознаменован в последнем дне земной жизни Спасителя моментом Его Крестной смерти.

Совершая Девятый час, Святая Церковь описывает в нем последнее великое мгновение, когда всё *совершилось* в деле искупления нашего и когда Искупитель рода человеческого, *преклонив главу, предал дух Свой Богу Отцу* (Ин. 19, 30; Мф. 27, 50; Мк. 15, 37; Лк. 23, 46); поэтому в Богослужении Девятого часа собраны такие псалмы и молитвы, которые все ведут и приклоняют нас к самому подножию Креста Господня.

Первую половину Девятого часа составляют псалмы 83-й, 84-й и 85-й.

В первом из них изображаются блаженные, возлюбленные селения (селение — здесь: жилище, храм, местопребывание) Господа Сил — пламенное стремление благочестивой души, полагающей *восхождения в сердце своем* (у которой (души) в сердце стези́ направлены к Господу), и желание войти во дворы Господни, дабы вечно обитать там со Спасителем, положившим за нас

Примечание. Настоящий текст печатается по книге: “Смысл и значение православно-христианскаго ежедневнаго Богослужения”. Изд. 4-е, Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря. М., 1904.

В данном случае орфография текста изменена применительно к современной практике, заменены некоторые грамматические архаизмы, приведены смысловые и иные уточнения, трудные для понимания слова и словосочетания снабжены пояснениями на современном русском языке, исправлены ошибки. Текст печатается с незначительными сокращениями.

жизнь Свою, и — самое блаженство обитающих в дому Божием.

Да поразмыслит христианин о том, что лучшее для него восхождение духовное разве не есть восхождение на Голгофу? Здесь-то *приметатися* (лежать, быть у порога) в *дому Бога* — Спасителя да *изволяет он паче, неже жити* (лучше, нежели жить) *в селениих грешничих*. Здесь, возвысив себя духом, христианин, с чувством любви и благодарности к Искупителю своему, прочитает и следующие два псалма Девятого часа.

84-й Псалом прообразовательно возвещает об искуплении рода человеческого, совершенном Крестной смертью Господа Иисуса Христа: *Благоволи́л еси, Господи, землю Твою* (умилосердился к земле Твоей)... *Оставил* (простил) *еси беззакония людей Твоих, покрыл еси вся грехи их... Господь Бог рече́т мир на люди Своя... Милость и истина сретóстеся* (встретятся), *правда и мир облобыза́стася* (облобызаются), то есть — там, где за всех принесена Великая Жертва умилостивления и примирения. «Правда Христова открылась в правом суде, когда Он лукавых обличал и добрым выражал похвалу, а мир — в кротости. Но лучше сказать, что милость есть божественное естество, как имеющее власть отпускать грехи и исцелять болезни; истина же есть человеческое естество, потому что *не обретеся*, сказано, *лесть в устех Его*, и потому что по справедливости Он только один сохранил достоинство человеческой природы, и потому что Он истинный человек, а не призрак. А что сказано *сретостеся*, то это значит, что составили одно, то есть соединились в одном лице. Правда принимается вместо божественного естества. Ибо один Бог праведный Судия есть. Мир же вместо естества человеческого, по врожден-

ной Его кротости. Эти добродетели облобызались, потому что имели во Христе единение и согласие» (Толковая псалтирь Евфимия Зигабена).

85-й Псалом заключает в себе моление об усвоении нам силы Крестной смерти Сына Божия, о спасении нас, на Него уповающих; здесь же находится указание на сошествие Спасителя во ад и оттуда восшествие к Отцу Небесному. *Приклони́, Господи, ухо Твое, и услыши мя, яко нищ и убог есмь аз. Возвесели́ душу раба Твоего, яко к Тебе взях душу мою. Несть подобен Тебе в бозе́х* (между богами), *Господи, и несть по делом Твоим* (и нет дел, как Твои). *Яко милость Твоя велия на мне* (велика ко мне), *и избавил еси душу мою от ада преиспо́днейшаго.* Как всё это спасительно и прилично говорить христианину, стоящему перед Крестом своего Спасителя и Господа!

Во второй половине Девятого часа находятся моления и прошения к Распятому Господу — в тропарях и молитвах его. Особенно выразительно то моление, тот тропарь, который поется Великим постом: “Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкуси́вый (познавший, испытавший), умертви́ плоти нашея мудрование, Христе Боже, и спаси нас”! Здесь прямо указывается час смерти Искупителя и испрашивается умерщвление плотского нашего мудрования (плотских помышлений, желаний, чувств).

В стихе “Видя разбойник Начальника жизни на Кресте висяща...”, читаемом также Великим постом, представлены сильные слова благоразумного разбойника на кресте; а в стихе “Посреде двою́ разбойнику ме́рило праведное (весы справедливые, весы правды) обре́теся Крест Твой: о́вому убо (одному, следовательно) низводиму во ад тягото́ю хуления (тяжестью богохульства), другому же легча́щуся (получившему облегчение) от прегре-

шений, к познанию Богословия...” — какое глубокое учение о Кресте и как оно превосходно выражено!

Но и кроме Великого поста, во всякое другое время обращаемся мы к Искупителю, на Кресте за нас страдавшему: “Иже нас ради рождейся от Девы и распятие претерпев Благи́й... не пре́зри, яже созда́л еси (не пренебрегай теми, которых создал) рукою Твоею... яви́ человеколюбие Твое, Милостиве... Не предаждь нас до конца, имене Твоего ради... не разори́ (не нарушай) завета Твоего, и не отстави (не удали́, не отдали) милости Твоея от нас...”.

После песни, приличной дню, или кондака, мы опять обращаемся к Спасителю, во-первых, с молитвой, сообразной всякому времени: “Иже на всякое время и на всякий час на Небеси и на земли покланяемый и славимый Христе Боже...”!

А затем — с такой молитвой святого Василия Великого, которая вся, можно сказать, и составлена, и произносится при подножии Креста Господня:

“Владыко, Господи Иисусе Христе Боже наш, долготерпевый о наших согрешениих, и даже до нынешняго часа́ приведы́й нас, воньже (в который) на Животворящем Древе ви́ся, благоразумному разбойнику, Иже (Ты, т. е. Господь) в рай путесотворил еси (здесь: приготовил) вход!.. Очисти нас грешных... пощади нас по множеству милости Твоея... изми нас из руки сопротивнаго...”!

Особенно же, как во всей этой молитве выражено глубокое чувство покаяния, так в следующих ее словах изложено прошение помощи от Господа на самое важнейшее дело христианское, — “...да ветхаго отложи́вше человека, в новаго облече́мся: и Тебе поживем нашему Владыце и Благодетелю, и тако Твоим последующе повеле-

нием, в вечный покой достигнем, идеже (где) есть всех веселящихся жилище...".

Вот содержание и смысл Девятого богослужебного часа. Когда будете читать его дома или слушать в церкви, рассуждайте внимательно о том, как Господь и Спаситель наш, желая спасти род человеческий, на Кресте воззвал: *Жажду!* и как тогда оцтом (оцет — винный уксус) и желчью (желчь — очень горький напиток) напоен был, как предал Пресвятую душу Свою в руки Бога, Отца Своего, и как — вследствие этого — потряслись все основания земли, камни распались, мертвые восстали от гробов, и как один от воинов пронзил копием ребра Ему, и абие *изыде* (и тотчас потекли) *кровь и вода*.

Рассуждая об этих и других страданиях Господа, благоговейно, в сокрушении сердца, а если можно и со слезами,— усердно совершайте молитвы Девятого часа (Учительное известие в Служебнике).

Если же по какой-либо уважительной причине не случится вам прочитать или выслушать Девятый час, то, воспоминая с благоговением Спасительные страдания и Крестную смерть Господа нашего Иисуса Христа, сотворите вместо Девятого часа 50 молитв Иисусовых: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!" и положите 7 поклонов (см. это правило в конце Следованной Псалтири).

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 год.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 502

Выпуск 2

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

I. Вечернее Богослужение

ВЕЧЕРНЯ

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для просвещения православных христиан напечатать книгу «Смысл и значение православно-христианскаго ежедневнаго Богослужения» для просвещения и назидания православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.
(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

I. Вечернее Богослужение

Когда наши чувства становятся умереннее, страсти слабее, помыслы естественнее? Когда вся душа наша оказывается способнее восприять должное духовное настроение? Согласно правильному порядку жизни,— вечером, в те часы, когда человек готовится возлечь на одр (постель), временную гробницу свою, желает предаться сну — истинному образу смерти. Церковь в эти торжественные часы приглашает нас к молитве и поучению (размышлению), старается дать весьма важный урок, чтобы мы не только в бодрственном состоянии, но и в сонном безмолвии просвещались зрением судеб Божиих.

Вечер и в открытом храме природы есть одно из тех поразительных явлений, которые сами собой способны привести душу к тихому умилению (сокрушению сердечному, сожалению о грехах) и молитвенному расположению. Церковь Господа Иисуса Христа придала еще большее знаменование (значение) трогательному явлению природы, сообщила ему характер священный, установив свое *Богослужение вечернее,* и каждый день возвещая приближение вечера звоном колокола, по звуку которого собравшиеся в храм Божий слушают *Девятый час,* собственно *Вечерню* и *Повечерие.*

Б. Вечерня

Ничто не может быть для нас естественнее в вечернюю пору, как — благодарить Бога за Его благодетельный Промысл, хранивший нас в продолжение мимошедшего дня,— просить у Него прощения о грехах, которыми мы оскорбляли Его благость с утра до вечера,— прославлять преимущественно те дела Божии, о которых напоминает нам наступивший день церковный,— наконец, просить Бога о святом препровождении вечера и приводить себе на память вечер нашей жизни.

Богослужение Вечерни, которая, по церковному исчислению времени, должна оканчивать один день и начинать следующий, приспособлено к такому назначению; и потому в нем мы то благодарим Виновника и Промыслителя нашей жизни,— то изливаем чувства покаяния во всегдашних грехах наших,— то молимся о святом провождении времени, а более того — славим и тех святых, о которых напоминает нам следующий день.

В первой части Вечерни Псалом предначинательный — 103-й призывает нас благодарить Господа, Творца и Промыслителя, утвердившего землю на тве́рди (твердь — видимое пространство небес) ее, покрывающего водами превы́спренняя Своя (в русск. Псалтири — устрояешь над водами Горние чертоги Твои), напая́ющего и зверей сельных, т. е. полевых, произращающего траву ското́м, и всё премудростию и благостию устроившего.

В следующей за тем ектении, называемой великой, мы молимся о благах духовных и телесных, о всех людях и особенно — о священны́х благотворителях наших, о пастырях Церкви и о властех и воинстве. В этой ектении Святая Церковь прежде всего приглашает нас молиться миром, т. е. в мире совести, без чего не примет от нас Бог никакой жертвы (Мф. 5, 23, 24), затем указывает нам на необходимость

свы́шняго мира, т. е. благодатного мира с Богом; затем уже мы просим мира и всему миру и благостояния (твердого, прочного стояния) Церквей Божиих. Всё это моление оканчиваем преданием себя Христу Богу, с воспоминанием Пресвятой Матери Господней и всех святых, как высоких примеров смирения воле Божией, а вместе — и ходатаев наших перед Богом.

После чтения кафизмы следует пение псаломских стихов: "Господи, воззвах..." — псалмы 140-й, 141-й, 129-й и 116-й. В них мы приносим молитву упования, как бедствующие среди врагов спасения нашего, но всю надежду полагающие на Господа, молитву покаяния, веруя, что у Господа — очищение и Он избавит нас от всех беззаконий наших, и возносим глас хвалы за Его великую милость к нам и Его вечную истину.

Со стихами псалмов Святая Церковь соединяет *стихиры*, в которых прославляет благость Божию, явленную нам или в Спасителе нашем, или в тех святых, воспоминанию которых посвящен наступающий день Святой Церкви. Изображая Домостроительство (созидание, устроение) нашего спасения или подвиги святых, Церковь научает нас прославлять Господа не только словом, но — подобно святым — и самыми делами, и жизнью.

Из стихир, относящихся к этой части Вечерни, особенно замечательны те, которыми завершается пение стихир на Богослужении воскресном, прекрасные стихиры, составленные святым Иоанном Дамаскиным. Они называются *Догма́тиками,* потому что излагают до́гматы, т. е. богословское учение о воплощении Сына Божия и о Лице Его, как Богочеловека, *не во двою́ лицу́* (не на два лица) *разделяема, но во двою́ естеству́* (но в двух естествах) *неслитно познаваема,* а также о достоинстве Богоматери, как Всемирной славы, Небесной двери, Матери, паче (превыше) естества пребывшей Девою по Рождестве Емману́ила, т. е. Хри-

ста — как он назван у пророка Исаии (7, 14) и у евангелиста Матфея (1, 23).

Во второй половине Вечерни Церковь зримым образом возводит нас на высшую ступень молитвы — усугубляет ее, возвышает. Это видно как из того, что в это время (в дни праздничные) совершается торжественный вход священнослужителей в алтарь, так и из возвышенного песнопения «Свете тихий», которое поют или хор, или иногда сами священнослужители.

Премудрость, про́сти — возглашает пред Царскими вратами диакон или священник, показывая этим, что следующая песнь имеет высокое значение,— что мы должны усугубить наше внимание и потому стоять *прости,* т. е. не сидеть, но быть в прямом положении, с добрыми и напряженными (нерасслабленными, бодрственными) чувствами духа, в простоте сердца принимая Божественную премудрость.

Мы славим Божественного Спасителя нашего песнию: *Свете Тихий...** В ней мы именуем Господа Иисуса Христа *Тихим Светом святыя славы Отца Небеснаго,* потому что только через Него, через Его Воплощение свет славы Божией стал для нас источником блаженства, а без этого для грешников он был бы огнем попаляющим. Он же, Единородный Сын, Сый (Сущий, Пребывающий вечно, Вечный) в лоне Отчи, научил нас знать и славить Отца, Сына и Святаго Духа — Бога. Он дарует нам истинную жизнь и потому достоин святых славословий и вечного благодарения.

И вновь возглашается: *Премудрость, вонмем!* — для возбуждения (сосредоточения) нашего внимания, чем ука-

*Свете тихий, наряду с великим славословием и Сподоби Господи,– древнейшая христианская песнь. Она приводится в Александрийском кодексе Библии V века. Предположительно написана мучеником Афиногеном, епископом Севастийским. *(М. Скабалланович: Толковый типикон.– М. 1995).*

зывается, особенно в праздники, на следующее за этим чтение из Священного Писания — *паремий,* а в обычные дни — на пение избранных стихов Священного Писания, называемых *прокимнами,* и на молитву: "Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам..".

Две ектении содержатся в этой части вечернего Богослужения.

Одной из них, называемой сугубой, мы молим преимущественно о благодетелях Церкви и храма: о духовных пастырях, о Богом хранимей стране нашей, властех и воинстве ея, о создателях храма, о принадлежащей к нему братии и особенно о тех, кто трудами или служением своим приносит ему пользу,— "о плодоносящих, доброделающих, труждающихся, поющих и предстоящих людех...".

Другая ектения, с пением: *Подай, Господи,*— вся есть прошение о святом провождении жизни,— ею мы испрашиваем себе безгрешный и мирный вечер,— Ангела, хранителя душ и телес наших,— покаяния и всего полезного для души, и, наконец, христианской кончины.

К этой же части Вечерни, кроме молитв в честь святых или праздника, называемых *стиховны,* относится и молитва праведного Симеона Богоприимца: *Ныне отпущаеши...* Эту предсмертную молитву святого старца Церковь побуждает нас повторять нам каждый вечер, чтобы и мы желали кончины блаженной и, готовясь к ней, могли с окончанием каждого дня говорить то же, что желательно христианину сказать перед кончиной своей жизни: "Я отхожу с миром в душе моей... видели очи мои спасение Твое, Владыко!"

Таков смысл содержания Вечерни. Когда будете читать ее дома или молиться в церкви, благоговейно поучайтесь в мыслях своих, умиленно размышляя о том, как Господь и Спаситель наш Иисус Христос, претерпев Спасительные Страсти Свои, в пятницу вечером умер на Кресте за грехи

наши и нашего ради спасения... как потом праведные Иосиф с Никодимом, сняв Тело Христово, обвили его плащани́цей* и положили во гробе, как Мария Магдалина и Пречистая Матерь Господа с плачем и рыданием, в горести сердца своего смотрели на всё это (Учительное известие).

Если почему-либо вы не сможете прочитать или выслушать Вечерню, то, воспоминая о Крестной смерти и погребении Спасителя, сотворите 100 молитв Иисусовых: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!" и положите 25 поклонов.

---

*Плащаница – полотно, погребальные пелены: *и снем е* (тело Иисуса Христа Иосиф) обвит плащаницею (Лк. 23, 53)). Плащаницею называется изображение (на полотне) положения Спасителя во гроб.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 год.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

Выпуск 3

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

I. Вечернее Богослужение

ПОВЕЧЕРИЕ

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для просвещения православных христиан напечатать книгу «Смысл и значение православно-христианскаго ежедневнаго Богослужения» для просвещения и назидания православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.
(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

I. Вечернее Богослужение

Когда наши чувства становятся умереннее, страсти слабее, помыслы естественнее? Когда вся душа наша оказывается способнее восприять должное духовное настроение? Согласно правильному порядку жизни,— вечером, в те часы, когда человек готовится возлечь на одр (постель), временную гробницу свою, желает предаться сну — истинному образу смерти. Церковь в эти торжественные часы приглашает нас к молитве и поучению (размышлению), старается дать весьма важный урок, чтобы мы не только в бодрственном состоянии, но и в сонном безмолвии просвещались зрением судеб Божиих.

Вечер и в открытом храме природы есть одно из тех поразительных явлений, которые сами собой способны привести душу к тихому умилению (сокрушению сердечному, сожалению о грехах) и молитвенному расположению. Церковь Господа Иисуса Христа придала еще большее знаменование (значение) трогательному явлению природы, сообщила ему характер священный, установив свое *Богослужение вечернее,* и каждый день возвещая приближение вечера звоном колокола, по звуку которого собравшиеся в храм Божий слушают *Девятый час,* собственно *Вечерню* и *Повечерие.*

Повечерие

Приближается ночь; уставшая плоть и утрудившийся дух требуют покоя. Но кто знает, пробудится ли плоть наша от успокоения ночного, или она уснет сном смертным? Почиет ли дух наш в мире или покой его будут возмущать темные зраки (нечистый мрачный вид) лукавых бесов, суеты мирской, безчинные движения грехолюбивого (любящего грех) тела?

Как же необходимо нам, при отхождении ко сну, предстать перед Господом с сокрушенной молитвой о грехах, с прошением о том, чтобы Он не погубил нас на ложах наших, со беззакониями нашими, но сохранил нас во время сна от всех искушений и соблазнов, от всех козней и обаяний (заклинаний, нашептываний) врагов спасения нашего. И Святая Церковь ежедневно внушает нам, на сон грядущим, эти благочестивые чувствования в Повечерии, которое совершаться должно после вечерней трапе́зы. Повечерий — два: *мало́е и вели́кое.*

Малое Повечерие есть сокращение великого. И это малое церковное моление весьма поучительно. Оно научает нас приготовлять себя ко сну не только частной, домашней, но и общественной молитвой.

Содержание малого Повечерия следующее.

Прежде всего мы приносим Господу покаяние во грехах, читая Псалом 50-й; далее, в псалмах 69-м и 142-м — просим помощи Всесильного Бога и заступления Его от врагов, ищущих уловить души наши,— врагов, которые, если нет особой помощи Божией, всего опаснее для нас тогда, когда предаемся сну; затем произносим славословие: "Слава в вышних Богу..."– с прошением об исцелении душ наших и сохранении нас от греха в нощное время; ограждаем себя верой, читая *Символ веры;* укрепляем себя молитвой ко Господу Иисусу Христу: "Иже (Тот, Кто) на всякое время...", да избавит Он нас от всякого зла и оградит святыми Своими Ангелами, а затем и молитвой к Божией Матери *Нескве́рная, Небла́зная* (Чуждая соблазна, Чистая)... как Первой Ходатаице за грешных, прося Ее заступления во все дни жизни и в самый час нашей смерти.

Молитвой: “И даждь нам, на сон грядущим...”– просим Бога, дабы даровал Он нам, ко сну отходящим, вместе с покоем душевным и покой телесный, дабы сохранил нас от всякого темного и ночного сладострастия. Наконец, краткой молитвой преподобного Иоанникия: “Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святый. Троице Святая, слава Тебе!” – совершенно предаем себя в руки Отеческого Промысла Божия.

Особенно великое *Повечерие, при* внимательном чтении или слушании, легко может возбудить (вызвать) глубокие чувства христианские.

Мысль о том, что с наступлением ночи наступает в природе некая всеобщая безжизненность, образ повсюдной (как бы общей) могилы, и то, что человек как бы на огромном кладбище остается одиноким,— эта мысль сама по себе всегда поразительна и всегда наводит на душу тяжелое и вместе сладостное уныние.

Псалом 101-й Повечерия изображает это глубокое чувство одиночества и заставляет человека вопиять к Богу с молитвой: *Господи, услыши молитву мою, и вопль мой к Тебе да прии́дет... Уподо́бихся нея́сыти пустынней* (пеликану в пустыне); *бых яко нощный вран на ны́рищи* (стал как филин на развалинах). *Бдех и бых, яко птица, осо́бящаяся на зде* (не сплю и сижу как одинокая птица на кровле).

Мысль о том, что во мраке ночном, когда человек готов погрузиться в сон, темные силы сатанинские легче, чем днем, могут возобладать над ним, и что, следовательно, ему нужна особая помощь,— внушает смиренному христианину страх и невольно побуждает его к молитве. Как естественны в этом отношении язык и чувства, выраженные в первых семи псалмах великого Повечерия!

Молящегося попеременно видим то приходящим в глубокое смирение, и слышим слова: *нищ есмь и убог, Боже, помози́ ми;* то он воодушевляется крепкой надеждой на Бога своего: *в мире усну и почи́ю. Живы́й в помощи Вы́шняго, в* крове Бога *Небеснаго водвори́тся;* то снова устрашает его мысль о невидимых врагах, равно как и о грехах своих, и пото-

му он снова скорбит и молит об утешении и заступлении: *Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь. Исцели мя, Господи, яко смято́шася кости моя (ибо* кости мои потрясены), *и душа моя смятеся зело́* (сильно потрясена).

Обычный сон может нечаянно свести нас с ложа во гроб, как не сказать при этом: *Просвети очи мои, да не когда усну в смерть* (да не усну я сном смертным)! Во сне и смерти окружают человека темные зраки лукавых бесов; Церковь влагает в уста наши превосходные молитвы святого Василия Великого ко Господу и Павла, монаха обители Евергетидской, к Богоматери. Смерть может настигнуть нас неготовыми; тогда темные дела наши пойдут вслед за нами...

Для предварительного очищения предлагаются нам покаянные псалмы пророка Давида с молитвой царя Манасси́и — столь умилительные и сильные, что ими грешник как бы насильно желает исторгнуть (вырвать) себе прощение у Судии Неумы́тного (Неподкупного). По смерти — суд: один из из тропарей Повечерия живо напоминает нам, яко (как) *страшен суд Твой, Господи, Ангелом предстоящим, человеком вводимым, книгам разгибаемым... кий* (какой) *суд будет мне, зачатому во гресе́х*?

Но и обычный сон, сам по себе, без отношения к упоминаемым предметам рассматриваемый, есть великое благо для человека, утружденного (утомленного) дневными заботами. Церковь не забыла этой прекрасной мысли и потому заставляет нас умиленной молитвой монаха Антиоха молить Спасителя о покое и сне ночном: *И даждь нам, Владыко, на сон грядущим, покой тела и души;* для покоя телесного *даруй нам сон легок,* (от) *всякаго сатанина мечтания* (диавольского призрака) *измене́н;* для покоя душевного *даруй* во сне *бодр ум, целомудрен помысл, сердце трезвя́щееся* (бодрствующее).

Наконец, последняя мысль Повечерия: не столько временный сон, сколько сон смертный возбуждает чувство разлучения со всем, что видим, чувствуем, любим; ненавидеть здесь нельзя: это неестественно; и потому всем желаем добра, за всех желаем молиться, когда видим, что ничем иным, кроме молит-

вы, не можем изъяснить своего чувства. Эту мысль превосходно выражает последняя молитва Повечерия: *Ненавидящих и обидящих нас прости, Господи Человеколюбче...*

Если у человека еще остаются волнующиеся мысль и чувство, мы видим их вполне погружающимися в живое упование на Источник всякой жизни. Такое погружение выражено в кратком стихе: *Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святый.*

Так всякая молитва и стих Повечерия верно приспособлены к свойству мыслей и чувств, которые добрый христианин находит сам в себе, подходя к своему ложу!

В великом Повечерии три части: первая часть состоит из псалмов 69-го, 4-го, 6-го, 12-го, 24-го, 30-го и 90-го. Во вторую часть входят: молитва святого Василия Великого, псалмы 50-й и 101-й, молитва Манассии, царя Иудейского, тропари: *Помилуй нас, Господи, помилуй нас...* В составе третьей части — Псалом 142-й, великое славословие, рядовой канон святому (то есть канон святому, память которого совершается в данный день — "на ряду") или канон Пресвятой Богородице, стихиры: *Господи сил с нами буди... Иже на всякое время... Нескверная, Неблазная... И даждь нам, Владыко... Упование мое Отец...* Молитва — *Владыко, Многомилостиве...* которую возглашает священник преклонившимся нам на землю. Оканчивается великое Повечерие взаимным испрашиванием благословения и прощения настоятеля у братии, и братии — у настоятеля.

Зная содержание и смысл Повечерия, вы, когда будете читать его дома или слушать в церкви, размышляйте о том, как Святейшая Душа Спасителя, соединенная с Божеством, сошедшая во ад, связала державно (всей силой) князя тьмы, пленила его царство и освободила души от века (от начала мира) там находившихся праведников от мучительства его, и, возведя их с Собой, вселила в рай даже ранее Своего преславного Вознесения, а потому, благодаря Господа за все Его благодеяния, которые Он сотворил роду человеческому Спасительной Страстью и Животворной Своей смертью, молите Его прилежно, чтобы Он, очистив и ваши прегрешения, избавил

вас от вечной муки и сподобил Царства Небесного со всеми святыми, Ему благоугодившими (Учительное известие).

Если же не случится вам когда-либо прочитать или выслушать Повечерие, то, воспоминая о сошествии во ад Спасителя и изведении из него душ праведных, сотворите 50 молитв Иисусовых и положите 12 поклонов (за малое Повечерие). А за великое Повечерие — втрое больше сего.

Всё вечернее Богослужение оканчивается напутственным для нас благословением Церкви в отпусте священника, когда пастырь, обратившись лицом к своей пастве, изъявляет ей молитвенное желание, дабы достигли все мы главной цели наших молений, то есть: *Христос истинный Бог наш, молитвами Пречистыя Своея Матере и всех святых, да помилует и спасет нас, яко Благ и Человеколюбец.* И мы, наконец, идем в свои дома, где должны совершить еще *Молитвы на сон грядущим.*

Сущность этих молитв прекрасно изображена в "Беседах" Я. К. Амфитеатрова*.

Изложив сущность Утренних молитв, он затем продолжает: "Еще усерднее и человеколюбивее попечение Церкви о нас в то время, когда мы и после дневных трудов, и после дневных грехов намереваемся отойти к ночному сну; отсюда еще трогательнее и пламеннее церковные Молитвы на сон грядущим.

Я сказал: после дневных грехов. Так, братия возлюбленные, слово Божие учит нас, что нет ни одного человека, который бы чист был перед Богом,— хотя бы этот человек жил только один день на земле. Да и совесть наша свидетельствует, что мы каждый день согрешаем то как человеки, то и не как человеки, а иногда и *горе́е* (горше, хуже) *скотов*".

"Есть у нас ежедневные грехи вольные и невольные, ведомые и неведомые. Есть грехи от юности и по прошествии юности, грехи от науки злой (от учения, знания вредного, приносящего зло), от нагльства (вспыльчивости, гнева), от уныния. Мы должны бы со страхом и благоговением произносить имя

*Яков Козьмич Амфитеатров (1802—1848) — духовный писатель, профессор Киевской Духовной Академии. Имеются в виду его "Беседы об отношении Церкви к православным христианам".

Божие, но мы ежедневно всуе (тщетно, без пользы) призываем сие Святое и Страшное имя, либо хулим оное (его) в помышлении своем. Мы должны бы каждую минуту любить своих ближних как братий, обходиться со всеми как с детьми Отца Небесного; но что же мы делаем, как не ежедневно укоряем других, клевещем, гневаемся, судим, уязвляемся (здесь: раздражаемся, завидуем) сердцем при виде чужой доброты?

К нам приходил несчастный за утешением, а мы еще больше опечалили его. Приходил нищий за помощью, а мы презрели его (пренебрегли им). Приходил смиренный за советом, а мы перед ним развеличались, разгорделись, либо ему дали повод к соблазну, либо сами, при взгляде на него, помыслили что-либо дурное в сердце своем. Безгодно (здесь: чрезмерно, много) спали, неумеренно употребляли пищу и питие, предавались безумному смеху; иногда становились на молитву, но ум наш двигался о лукавствии (здесь: думал о соблазнах) мира; иногда совсем не радели (не заботились, не безпокоились) о молитве и произносили одни слова неподобные (неподобающие); может быть, целый день провели в злых насмешках над погрешением брата нашего и забыли, что свои грехи у нас — безчисленны (молитва 3-я)".

Не такова ли точно история повседневной жизни нашей? С окончанием каждого дня оканчивается отдельная часть бытия нашего, и каждый вечер в тайной книге сердца нашего добавляется особая мрачная страница. Мы не любим, иногда не умеем читать этих плачевных страниц, но они написаны в совести нашей, их видит правосудие Небесное, видит Святая Церковь и при окончании каждого дня старается закрыть их от Всевидящего ока Божия умиленной покаянной молитвой.

Потому-то она каждый вечер предлагает нам самые трогательные молитвы к Богу Отцу, к Богу Сыну, к Богу Духу Святому — молитвы очистительные и покаянные; потому-то она заставляет, умоляет взывать к Спасителю и Судии нашему, чтобы Он каждому дню нашей жизни даровал конец благой, и чтобы, не записывая имени и дел наших в Книге судной, Он записал нас в *Книге Животной* (в Книге Жизни) (молитва 7-я, ст. 9-й).

Ночной сон, дарованный Господом в упокоение немощи нашей, в ослабление (облегчение) трудов многотрудной плоти и воссияние (озарение светом) нового дня для нас Церковь считает одним из великих чудес милосердия Божия к нам, грешным, чудес славных и ужасных (изумительных, вызывающих трепет), их же несть числа (утренняя молитва 6-я).

Но еще большее чудо она видит в том, что Великодаровитый и Человеколюбивый Господь приводит нас к концу того или другого мимошедшего дня нашей жизни, тогда как мы ленивы на угождение Безсмертному Царю и ничего доброго не делаем.

Дабы мы познали, как велико это ежедневное чудо милосердия Божия, Церковь дает нам необычно трогательную, благодарную и вместе с тем очистительную молитву, сама как бы не находя слов, достаточных для проявления нашей благодарности.

"Что Ти принесу? Или́ что Ти воздам, Великодаровитый, Безсмертный Царю, Щедре и Человеколюбче Господи? Яко ленящася мене на Твое угождение, и ничто́же благо сотворша, привел еси на конец мимоше́дшаго дне сего, обращение и спасение души моей стро́я (устраивая, приготовляя)?" (молитва 4-я). "Мирен сон и безмятежен даруй ми, Ангела Твоего Хранителя посли, покрывающа и соблюдающа (сохраняюща) мя от всякаго зла: яко Ты еси Хранитель душа́м и телесе́м нашим" (молитва 5-я).

Умилительное зрелище представляет собой мать, которая с нежной заботливостью готовит спокойное и чистое ложе своему младенцу: защищает его от беспокойных насекомых и закрывает от шума людского; и, когда дитя уже спит, она все еще бодрствует у колыбели его, молитвенным словом и сердцем желая ему сна тихого и отрадного.

Но когда обдумываю значение Вечерних молитв, когда стараюсь проникнуть в их смысл, то нахожу, что самые нежные заботы земных матерей о своих детях далеко не сравняются с попечением Церкви о нас, грешных: самые лучшие их желания о мирном сне детей всё еще не так хороши, не так святы и возвышенны, как желание Церкви при наступлении нашего сна ночного.

Как трогателен образ спящего христианина, начертанный в Вечерних молитвах Церкви! Христианин почивает на ложе, а в нем почивает (пребывает) Сладчайший Иисус, Добрый Пастырь Своих овец.

Телесные очи христианина покрыты сонной мглой, но его дух озаряется немеркнущим светом Духа Святого. Его ум во время бодрствования — может статься — забывавший о Евангелии, во сне осиява́ется таинственным лучом разумения Евангельского. Его душа знаменуется (запечатлевается) любовью ко Кресту Искупителя, сердце — чистотой слова Господня, тело освобождается от страстей Безстрастною Страстию Пострадавшего за нас, мысль хранится Божественным смирением Агнца Божия (молитва 2-я).

Сон его не только безмятежен, но и священ, ибо у него отнят лукавый помысл (он избавлен от злых козней) видимого сего жития (молитва 4-я), удалено всякое мечтание (всякий призрак) и темные сласти (сластолюбие), укрощено стремление страстей (склонность к страстям), всей душе и телу дарована благодатная ослаба (облегчение) (молитва 6-я). Над ним простерты покров Пресвятой Девы и молитвы угодников Божиих (молитва 8-я). У его ложа ночного бодрствует Ангел Хранитель, блюдущий (оберегающий) его от нападения темных сил и от всякой иной неподобной вещи (неподобающего случая) (молитвы 4-я, 5-я, 7-я, 10-я). Не есть ли это образ того сна, каким могут почивать только благодатные сыны Божии на лоне Отца Небесного?

Но грешнику ли почивать блаженным покоем праведников? Для кого скорее и внезапнее одр может сделаться гробом, сон — смертью, как не для грешника? Для кого ужаснее Последний суд Божий, как не для того, *кто злое творить* не *престае́т!* Церковь знает всю опасность нечаянной (неожиданной) кончины, праведно могущей постигнуть нас, в нечая́нии (ничего не ожидая) лежащих: посему-то, приводя ко одру, она заставляет, побуждает каждого из нас с недоумением вопрошать Господа: “Не ужели мне одр сей гроб будет? Или еще окаянную мою душу просветиши днем”? Заставляет нас в ложе и в сне предусматривать (видеть заранее) истинный гроб и смерть: “Вот гроб

мой предо мной, и смерть предстоит мне". Сама как бы трепещет суда Божиего за нас и нас заставляет признаться: "Суда Твоего, Господи, боюсь и муки безконечной ужасаюсь". И до суда Божия заставляет нас осуждать самих себя: "Знаю, о мой Боже, что я не достоин Твоего человеколюбия, а достоин всякого осуждения и муки".

Но и здесь, братия возлюбленные, в этом неложном (истинном) откровении предсмертных и предсудных чувств наших, в этом правильном самоосуждении нашем Церковь отнюдь не хочет оставить нас в отчаянии; напротив, чем ближе опасность, чем яснее наша уверенность в нашем недостоинстве, тем более она старается возбудить в нас надежду, заставляя каждого произносить спокойно и со всей преданностью: "Упование мое — Отец, Прибежище мое — Сын, Покров мой — Дух Святый".

Тем более она дает нам христианское дерзнове́ние, влагая в уста наши сильные слова святого Иоанна Дамаскина: "Господи, или хощу́, или не хощу, спаси мя. Аще бо праведника спасеши, ничто́же ве́лие; и аще чи́стаго поми́луеши, ничтоже дивно: достойни бо суть милости Твоея. Но на мне грешнем удиви́ милость Твою, о сем яви человеколюбие Твое, да не одолеет моя злоба Твоей неизглаго́ланней благости и милосердию".

Ставя нас перед ложем, на которое возлечь желаем, Церковь заповедует ограждать его крестным зна́мением, как щитом необоримым; желает духу нашему сообщить блаженное веселие (блаженную радость) при мысли о Животворящей силе Креста Господня; и когда наши ве́жди (веки) готовы сомкнуться, она говорит нам последнее слово материнское: "Перекрестись и с молитвой засни, помышляя День судный" ("Беседы об отношении Церкви к православным христианам", беседа 8-я).

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 год.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

Выпуск 4

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

II. Утренее Богослужение

УТРЕННИЕ МОЛИТВЫ ПОЛУНОЩНИЦА

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для просвещения православных христиан напечатать книгу «Смысл и значение православно-христианскаго ежедневнаго Богослужения» для просвещения и назидания православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.
(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

II. Утреннее Богослужение

Утренние молитвы

Утреннее церковное Богослужение благочестивый христианин обычно предваряет своими домашними Утренними молитвами.

О *сущности* Утренних *молитв* Я. К. Амфитеатров говорит так: “Не довольствуясь одними общими молитвами за нас, приносимыми в храмах, и ведая, что мы не все поспешим туда, Церковь предлагает каждому из нас, как мать младенцу, особую готовую пищу домашнюю,— предлагает Утренние молитвы, назначенные ею для домашнего употребления нашего.

Она желает, чтобы первым нашим словом по пробуждении было призывание имени Всесвятой Живоначальной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, что-

*Яков Козьмич Амфитеатров (1802—1848) — духовный писатель, профессор Киевской Духовной Академии. Имеются в виду его “Беседы об отношении Церкви к православным христианам”.

бы первым нашим действием было троекратное ограждение себя знамением Честного Животворящего Креста Господня. Она старается тотчас по востании нашем от сна придать нам чистоту Ангельскую, поставить нас в лике (среди всего множества) сил Небесных и заставляет воспевать Ангельскую песнь: *Свят, Свят, Свят!*

Но как все мы далеки от чистоты и святыни (святости) Ангелов Божиих, мы, кто отходит ко сну грешными, а пробуждается от сна иногда еще грешнее, нежели какими уснули; потому-то Церковь сначала заповедует нам благодарить Создателя нашего, что Он не погубил нас со беззакониями нашими, но по Своему обычному человеколюбию и долготерпению воздвиг от одра и сна; потом каждую молитву свою наполняет очистительными воплями (возгласами) покаяния, просвещения и освящения нашего.

Так в иных молитвах она заставляет нас умолять Господа, чтобы Он Сам очистил нас от всякия скверны плоти и духа и даровал нам бодренным сердцем и трезвенною (бодрственной, воздержной) мыслию всю настоящаго жития нощь прейти (молитвы 1-я и 5-я); в других — чтобы Он, после нашего сна ночного, озарил нам светом день безгрешен (молитва 2-я), просветил наши мысли, очеса и ум наш от тяжкаго сна лености возставил (молитва 6-я); в иных — чтобы Он, даруя нам новый день жизни, помогал нам на всякое время во всякой вещи (во всяком деле) и избавлял от всякия мирския злыя вещи (злых дел) (молитва 3-я),

сподобляя нас всегда творить Его Святую волю (молитва 4-я).

Уныние, забвение, нерадение почти всегда бывают причиной неисправленной жизни нашей. Церковь обращает нас к Богоматери, а Она Святыми Своими и всесильными мольбами отженет (искоренит) эти и все другие пороки (молитва последняя), разрешит пленицы (разрушит цепи) грехопадений наших и сотворит нас домом Духа Божественнаго (молитва 7-я).

В каждую минуту жизни нам необходим Небесный страж и помощник: Церковь призывает нас взывать к Ангелу Хранителю окаянной души нашей, да не оставит он нас, ниже (даже не) отступит за невоздержание наше; да укрепит бедствующую и худую (плохую, негодную) руку нашу, и наставит нас на путь спасения; да покрывает в настоящий день и хранит нас от всякого искушения.

Многократно мы отходили ко сну, многократно и вставали ото сна такими же, как и вчера, и третьего дня; востали ныне; может быть,— встанем и завтра; но кто знает, лучше ли будем сегодня и завтра, чем были вчера? Станем ли совершать дела света или еще глубже погрузимся во тьму греховную? Ах, братие, сколько раз обещались мы исправить окаянную жизнь нашу и всегда лгали себе и Богу нашему! Где наши дела, которые могли бы спасти нас? Боже мой, не взыщеши (не найдешь) дел отнюд (совсем) оправдающих мя!» Что же остается нам для спасения? Благо-

дать, вера. Посему-то Церковь в начале Утренних молитв обязывает нас произносить молитвенно Символ веры, а в конце их дает нам самую сильную молитву к Искупителю нашему, которой старается не только умилостивить Господа, но как бы убедить Его всем делом искупления — спасать нас, ссылаясь не на наши непостоянные, а на Его непреложные обетования (неизменные обещания), не на наши дела, а "на Его безконечную благодать и милосердие".

"Ты, Многомилостивый",— призывает Церковь каждого из нас вопиять (взывать) ко Господу Иисусу — "многия ради любве сшел и воплотился еси, яко да спасеши всех. Теперь еще и еще спаси мя по благодати, молю Тя".

Какой грешник сам от себя дерзнул бы сказать Богу — Судии: "Если от дел (по делам) спасешь меня, это не благодать и не дар; это долг паче (это более, чем долг, превыше долга)?» Церковь влагает в уста наши это дерзновение. Кто отважился бы одну простую веру свою представить вместо всех дел благих и ею смиренно защищаться перед правосудием? Церковь дает нам эту великую защиту. Ей, Многий в щедротах и Неизреченный в милости! Ты Сам сказал: *Веруяй в Мя жив будет и не узрит смерти во веки.*

Итак, если вера в Тебя спасает отчаянных грешников, то вот, я верую: спаси меня, ибо Ты мой Бог и Создатель. Пусть вера моя вместо дел вменится (засчитается) мне; ибо дел, оправдывающих меня, Ты не най-

дешь у меня. Но та вера моя да удовлетворит Тебе за всё, та (она) да отвещает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоея вечныя.

Пусть не хвалится сатана, что он отторгнет меня от Твоей руки и ограды (ограждения, защиты). Не взирай на мою испорченную волю; но хочу ли я или не хочу, спаси меня: ибо Ты Бог мой от чрева матере моея (молитва 8-я).

Таким образом, Святая Матерь Церковь наша не только молит Господа о нас, но и защищает нас перед Ним; не только сама защищает, но и нам, окаянным, дает некоторое неотъемлемое право на *защиту* самих себя (беседа 8-я).

Когда душа наша свежее и свободнее от праха земных помышлений? Утром. Церковь старается на несколько минут овладеть нашей утренней душой — и призывает нас к утренней службе, а вместе со службой и к поучению.

Вы всё еще спите и почиваете,— говорил Спаситель ученикам Своим, около полуночи совершая кровавый подвиг в саду Гефсиманском. Троекратно подходил Он к ним, троекратно находил их спящими; и как бы жалея нарушить (безпокоясь о том, чтобы не нарушить) покой друзей Своих, Один повергался на землю с пламенной молитвой к Отцу Небесному (Мф. 26, 39-44). Взирая на нас, как на детей, безпечно покоящихся в колыбелях своих, Святая Церковь — Матерь наша, около полуночи тихо старается пробуждать нас

гласом Искупителя: *Что спите? Вставше, молитеся, да не внидете в напасть* (в искушение).

Но если мы спим и не хотим подняться от ложа нашего, то она со своими служителями и с немногими бодрствующими сынами — обыкновенно удаляется в храмы свои, как Господь удалялся в сад Гефсиманский, и там совершает полунощные молитвы о нас и вслед за ними — утренние *(в Псково-Печерском монастыре с утра совершается Братский молебен, потом Утренние молитвы, Полунощница).* Мы еще спим и почиваем, а она уже повторяет покаянные и поучительные псалмы Давидовы. Мы спим, а она, как бы с сожалением говоря о нас: *Вы всё еще спите и почиваете,*— уже многократно испрашивает нам в молитве Господней хлеба насущного у Отца Небесного *на Полунощнице, Утрени и Первом часе.*

Полунощница

Утреннее Богослужение обычно начинается у нас *Полунощницей* — молитвенным чтением и пением, которое древние совершали (как и теперь некоторые обители совершают) в самую *полночь.* Это самое раннее и наиболее удаленное от мирского шума время Церковь учит нас посвящать Господу и предлагает тогда такие молитвы и воспоминания, которые наиболее мо-

гут утверждать жизнь христианина в Боге и уповании жизни Вечной (надежде на жизнь Вечную).

На Полунощнице, после обычных начальных молитв, мы прежде всего очищаем себя чувствами покаяния и потому читаем Псалом покаянный — 50-й. Затем чтением великого Псалма 118-го (кафизмы 17-й) утверждаем волю свою в законе Божием, ибо исповедуем с Псалмопевцем, как (сколь) блаженны ходящие в законе Господнем, как (сколь) благ он (закон) паче (более) тысящ злата и сребра, сладостен паче меда и сота, как умудряет ревнителей своих паче (более, чем) старцев, просвещает и вразумляет младенцев, как дарует многий мир и другие драгоценные блага любящим его.

Этот Псалом — один из поучительнейших во всей Псалтири: его воспевает Церковь при воспоминании погребения Спасителя в Великую Субботу; его повторяет при гробе каждого брата нашего или сестры нашей, отошедших в другой мир; его же положила (определила) она повторять и ежедневно, дабы в сердце каждого христианина, как на дверях отшельника, начертать важную и приснопамятную (достойную напоминания) истину: “Memento mori” — “Помни о смерти”.

Утвердив таким образом волю свою в воле Божией, христианин, востав от сна, старается утвердить и сердце свое в истинной вере, для чего читает Символ веры. Потом слышим песнь: *Се* (Вот) *Жених грядет в полунощи* и другие песни, напоминающие нам о Втором пришествии Господа, дабы не настигло оно нас, как

тать *в нощи* (как вор ночью) (2 Пет. 3, 10),— неприготовленными.

Но приводя на память Страшный день суда, имеющего решить участь всех на целую вечность, мы не можем не воспомянуть отцов и братии наших, уже перешедших предел смерти, и там, где нет места покаянию, жаждущих молитв Святой Церкви? Потому Церковь в конце Полунощницы полагает моление за усопших.

Это моление начинает она двумя псалмами: *Возведох очи мои в* горы — 120-м, и — *Се ныне благословите Господа вси раби Господни* — 133-м, возводящими дух наш к Тому, Кто недреманно хранит Нового Израиля (то есть Новозаветную Церковь Христову) и особенно присутствует благодатию Своею во святилищах; а потом — в песнях и молитве "Помяни, Господи, в надежде Воскресения Жизни Вечныя, усопшия..." побуждает нас просить усопшим прощения грехов и упокоения в месте светле, идеже присещает (где посещает, встречает) свет лица Божия. Вся Полунощница оканчивается ектенией, в которой, молясь обо всех живущих, не только любящих, но и ненавидящих нас, молимся и об отшедших отцах и братиях наших.

Кроме Вседневной Полунощницы, есть у нас еще *Субботняя* и *Воскресная*. Первая (Субботняя) отличается от вседневной почти одной кафизмой; ибо вместо 17-й, как положенной для чтения на Утрени в Субботу, полагается чтение 9-й кафизмы. Последняя (Воскрес-

ная) замечательна тем, что вместо чтения кафизмы и пения известных умилительных песней, совершается славословие Пресвятой Троице — в каноне и следующих за ним высоких песнях святого Григория Синаита: “Достойно есть, яко воистину (истинно), славити Тя, Бога Слова...”. В этом последнем случае, то есть в начале дня, открывшего нам славу Божественного Воскресения, Церковь поставляет чад своих как бы среди Ангелов, немолчно воспевающих славу Бога Триипостасного (Имеющего Три Лица — Три Ипостаси).

Совершая Полунощницу, размышляйте прилежно о том, как Господь наш — в полночь, идя на Вольную Страсть (Добровольное Страдание), в саду так прилежно молился, что пот Его был как капли крови, каплющей на землю. Размышляйте и о том, как взятый там воинами, подобно злодею, связанный, Он веден был прежде ко Анне (Первосвященнику), и какое здесь претерпел исполненное клеветы и злоречия уничижение, оплевания, биения и другие неисчислимые страдания, — и всё это для того, чтобы освободить нас от уз греховных и от мучения и господства диавольского (Учительное известие).

Если же не придется вам когда-нибудь прочитать или выслушать Полунощницу, то воспоминая кровавые Страдания Спасителя в саду Гефсиманском и во дворе Каиафы, сотворите молитв Иисусовых 100 и поклонов положите 25.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 год.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 505

Выпуск 5

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

II. Утренее Богослужение

УТРЕНЯ

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для просвещения православных христиан напечатать книгу «Смысл и значение православно-христианскаго ежедневнаго Богослужения» для просвещения и назидания православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.
(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

Утреннее Богослужение

Утреня

Начало нашей Утрени заслуживает особого замечания. Церковь, помня Апостольскую заповедь: *Молю прежде всех творити молитвы — за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1-2),— представляет в начале своей Утрени краткое моление о властях и Отечестве и совершает его следующим образом.

В то время, как священник совершает каждение по всему храму, возбуждая благовонием (благоуханием) кадила не столько внешние, сколько внутренние чувства наши, дабы расположили мы сами себя приносить молитвы наши, яко (как) кадило перед Богом,— чтец неспешно произносит псалмы 19-й и 20-й: *Услышит тя Господь в день печали... Господи, силою Твоею возвеселится Царь...* — в которых выражаются молитвенные благожелания властям и Отечеству; затем — молитвенную песнь: «Спаси, Господи, люди Твоя...» и другие молитвы, также относящиеся к властям и Отечеству; священник молится о том же в краткой ектении: «Помилуй нас, Боже...», и, начертывая кадилом крест перед Святым Престолом, возглашает: «Слава Святе́й и Единосущней и

Животворящей и Нераздельней Троице, всегда, ны́не и присно и во ве́ки веко́в».

Так Православная Церковь исполняет священную обязанность по отношению к своим земным защитникам и покровителям – властям, а тем самым и каждого из нас учит прежде всего молиться о властях с той же уверенностью в том, что, если власти пребудут в мире, будут и у нас мир и благоденствие.

Возглас священника, которым славословится Пресвятая Троица, напоминает нам, что все мы, просвещенные чистейшим Богопознанием и животворимые (оживляемые, воскрешаемые) благодатью Бога Триипостасного, должны приносить Ему честь и славу. На этот возглас отвечают хор или чтец новозаветным Ангельским славословием: *Слава в вышних Богу и на земли мир!* После сего следуют чтение избранных псалмов, ектения великая, кафизмы, песни, относящиеся к данному дню.

Вся Утреня может быть разделена на три главных части: в первой части — *шестопсалмие,* во второй — *канон,* третья начинается *славословием.*

В первой части Утрени важнейшее чтение — *шестопсалмие,* или шесть избранных псалмов. Церковь заповедует нам, «да глаголем их со всяким вниманием и страхом Божиим, яко Самому собесе́дующе Христу Богу нашему невидимо, и моляще о гресех наших». И действительно, они так трогательны, утешительны и поучительны, что способны в самом великом грешнике возбудить чувства покаяния и надежды на милосердие Спасителя, и душу, пораженную самой жестокой скорбью, утешить и ободрить.

Содержание их следующее.

Господи! Что ся́ умно́жиша стужающии ми (как умножились враги мои)? Так сетует, печалится молящийся на мно-

жество врагов своего спасения, но успокаивает себя твердой надеждой на помощь Небесную и не боится множества врагов, нападающих на него. Он уверен, что от Господа — спасение и на верующих — благословение Его (Пс. 3).

Господи! Да не яростию Твоею (не в ярости Твоей) *обличи́ши мене́,*— молится трепещущий перед правдой Божией грешник, чувствуя всю виновность свою перед ней, сознавая, что несть (нет) мира в костях его от лица грехов его (то есть от грехов его), что беззакония превзыдоша главу его и, как бремя тяжкое, тяготят его. Никто не утешит оплакивающего грехи свои. К Одному Богу — Спасителю вопие́т он: *не остави мене, Господи Боже мой, не отступи́ от мене; вонми́ в помощь мою* (поспеши на помощь мне), *Господи спасения моего* (Пс. 37).

Боже, Боже *мой, к Тебе у́тренюю* (Тебя от ранней зари ищу я)! Так начинает благочестивая душа выражать пламенное стремление свое к Богу и желание видеть славу Его во святилище. Любящий Бога воспоминает о Нем на постели своей, помышляет о Нем *на утренних* — в часы утра, в кро́ве крил (в тени крыл) Его радуется и здесь чувствует себя безопасным от врагов, ищущих души его (Пс. 62).

После сего верующий, чувствуя благодатное утешение, произносит славословие и хвалу — *аллилуиа* — Пресвятой Троице; а затем опять как бы подавленный сознанием бедствий греха, молится: *Господи! Боже спасения моего, во дни воззва́х и в нощи́* (днем вопию и ночью) *пред Тобою. Испо́лнися зол душа моя и живот мой* (жизнь моя) *аду прибли́жися.* Кающемуся мнится (думается), что не только знаемые (близкие) удаляются от него и полагают его мерзость себе (считают его отвратительным для себя), но и Господь отрева́ет (отвергает) душу его; он продолжает взывать к своему Спасителю: *да вни́дет пред Тя* (да взойдет пред Лицо Твое) *молитва моя, приклони ухо Твое к молению моему* (Пс. 87).

Утешение благодати снова входит в сердце кающегося, и он в святом восторге восклицает: *Благослови́, душе́ моя, Господа, и вся внутренняя моя имя Святое Его!*

Господь очищает все наши беззакония, исцеляет все недуги, избавляет жизнь нашу от истле́ния (растления); Он — Отец Щедрый и Многомилостивый и знает все наши немощи. Милость Его от века и до века на боящихся Его. Да благословят Его все Ангелы и все создания! *На всяком месте влады́чествия Его, благослови́, душе моя, Господа* (Пс. 102).

Но и после того, как прощены нам грехи и мы введены в Царство благодати, можем ли похвалиться святостью? Можем ли не сознавать опять недостоинства нашего перед Всесвятым? Потому еще молимся: *Господи, услыши молитву мою! — Не вни́ди в суд с рабом Твоим, яко не оправди́тся пред Тобою всяк живы́й* (ни один из живущих). Враг гонит (преследует) нас; но мы воздеваем руки к Господу, жаждем Его как земля безводная, и молимся, да покажет Он путь Свой нам, да научит творить волю Свою, и Духом Благим да наставит нас на стези (пути) правые (Пс. 142).

В середине шестопсалмия священник становится перед Царскими дверьми́ и, соединяя свои молитвы с нашими, еще более укрепляет нас в уповании на милосердие Всесвятой Троицы. Он читает 12 молитв, молясь Триипостасному Богу о всех стоящих перед лицом славы Его, да спасет нас силой Своей, да отжене́т (отгонит) мрак от сердец наших, да помянет всех на земле и на море, требующих помощи Его, наконец, славословит и благодарит Господа за дарование нам света дневного и просит о свете духовном, благодатном.

К ободрению же и утверждению душ наших в надежде спасения служит и та песнь, которую слышим после великой ектении и перед чтением кафизм — песнь, славящая спасительное пришествие Господа на землю: *Бог Господь, и яви́ся нам, благословен гряды́й во имя Господне!* Она взята из Псал-

ма 117-го (см. стихи 26 и 27) и соединяется с другими стихами этого Псалма (1, 11, 17 и 22).

Во второй части Утрени важнее всего *канон*.

Слово *канон*, то есть правило, означает, что эти песнопения составлены по особым правилам. Обычно состоят они из 8 песней, и каждая содержит в себе несколько малых песней,— *ирмо́с*, или начальную песнь, как образец, 3 или 4 *тропаря*,— песни, имеющие *обращение* (характер, направленность), сообразное с *ирмосом*, и равные ему по пространству (по объему). [*Ирмос* происходит от греческого слова, значащего *связывать*, а *тропарь* — от слова, значение которого — *обращать* (соотноситься)].

Последний тропарь в каждой из 8 песней относится к Богоматери, к Которой Церковь чаще всего обращается, как Высшей всех святых и Сильнейшей Ходатаице нашей перед Спасителем.

Основание свое каноны имеют в священных песнях, большей частью ветхозаветных, из которых заимствуются отдельные выражения, и, таким образом, от древних преобразований и пророчеств возводят нас к событиям новозаветным, от чудес Божиих древних — к новым дивным действиям благодати.

Первая песнь имеет отношение к благодарственной песни Моисеевой, воспетой по переходе через Чермное (Красное) море: *Пои́м Го́сподеви, славно бо просла́вися*... (Исх., гл. 15),— и эта песнь славит десницу Господню, прославленную в крепости, возводя тем самым дух наш к Божественному Победителю зла и смерти, избавившему нас от плена вечного*.

---

* 2-я песнь поется и читается только Великим постом. Она заимствована из обличительной песни Моисеевой: *Вонми, Небо, и возглаголю*... (Втор., гл. 32).

Третья песнь имеет основание в молитве святой Анны, матери Самуи́ла, благодарившей Бога за разрешение своего неплодства: *Утверди́ся сердце мое в Господе...* (1 Цар., гл. 2),— и изображает молитвенные чувствования или всей Церкви, прежде неплодной, а ныне веселящейся о многих святых чадах своих, или каждой души христианской, просящей своего утверждения в Господе.

Четвертая песнь — это подражание песни пророка Аввакума: *Господи, услы́шах слух Твой и убоя́хся...* (Аввак., гл. 3), — с благоговейным трепетом созерцавшего славу пришествия Божия, эта песнь славит Таинство пришествия к нам Сына Божия.

Пятая песнь заимствована из книги пророка Исаии: *От но́щи у́тренюет дух мой к Тебе, Боже...* (Ис. 26, 9—21), воспевающего избавление Церкви от врагов и торжество над самой смертью,— и молимся мы о благодатном просвещении, о мире Небесном, о других плодах Божественного Искупления.

В шестой песни мы, подобно пророку Ионе, молившемуся во чреве китовом: *Возопи́х в скорби моей ко Господу Богу...* (Иона, гл. 2), обращаемся к Тому, Чье Тридневное Воскресение прообразовал Иона, и просим Его (Господа) об избавлении нас от житейских волн и от всех опасностей, угрожающих нашему спасению.

В седьмой песни мы, по примеру трех отроко́в, в Вавилонской пе́щи воспевавших: *Благословен еси, Господи Боже отец наших...* (Дан. 3, 26—51), прославляем Святую Троицу,— Благословенного Бога отцов наших.

Восьмая песнь заимствована из песни тех же святых отроков (Дан. 3, 52—60), и мы, подобно им, призываем все дела Господни петь и превозносить Владыку всех во веки.

Девятая песнь составлена в соответствии с новозаветной песнью Захарии, отца святого Иоанна Предтечи: *Благословен Господь Бог Изра́илев, яко посети́ и сотвори́ избавление лю-*

дем Своим... (Лк. 1, 68—79), и предваряется она обычно песнью Самой Богоматери: *Вели́чит душа Моя Господа*... (Лк. 1, 26—36). Эта песнь посвящена преимущественно похвале Божией Матери.

Весь канон разделен в честь Святой Троицы на три части, каковые отделяются одна от другой малыми ектениями и завершаются чтением или пением особых песней.

Так, после 3-й песни слышим *седа́лен,*— песнь, названную так потому, что древние христиане после 3-й песни обычно отдыхали сидя и слушали чтение поучений или святых повестей (назиданий). Седальны полагаются и после каждой кафизмы по той же причине.

После 6-й песни положено пение *кондака* и *и́коса,* а иногда и чтение *синаксаря́,* или краткого описания того, что воспоминается в тот день Церковью.

9-я песнь завершается *свети́льном* — песнию, в которой молимся о ниспослании нам света обычного и особенно — благодатного.

Последняя песнь — это как бы переход к следующему за тем славословию, содержащемуся в псалмах 148-м, 149-м и 150-м, и в хвалебной песни: *Слава в вышних Богу!*

В последней части Утрени пение и молитвы соответствуют преимущественно утру или началу дня. «Слава Тебе, показавшему нам свет!» — восклицает священник, возносящий благодарение Богу как за свет, воссиявший нам во дни (то есть в дневное время), так и за свет веры, просветившей нас, подобно солнцу, и соделавшей *сынами света и дня* (1 Сол.* 5, 5).

Лик (хор) отвечает пением песни: «Слава в вышних Богу!», в которой мы благодарим Святую Троицу и особенно Агнца

---

* Первое послание (апостола Павла) к Солу́няном. По-русски — Первое послание к Фессалоникийцам (сокр. 1 Фес.).— *Ред.*

Божия, вземлющего грехи мира, и просим, да сподобит Он нас всё время дня провести без греха.

Песнь эта — древнейшая, ибо о ней упоминают отцы IV века, например, святой Афанасий в книге о девстве и, может быть, она та самая, которой христиане еще во II веке, в ранних утренних собраниях славили Христа как Бога, по свидетельству Плиния (Младшего; римского писателя) — в донесении императору Траяну.

После славословия мы молимся подобно тому, как молимся в последней части Вечерни, применяя моление ко времени утреннему.

Совершая Утреню или молясь за нею, размышляйте о том, как Господь с великим уничижением был веден от Анны к Каиафе и какие там, от полуночи до утра, ради грехов наших, претерпел испытания, лютые томления, заушение (удары по уху, пощечины), оплевания, поругания и другие немилосердные удары (Учительное известие).

Если же у вас нет возможности вычитать или молиться за Утреней, то, воспоминая страшные Страдания Господа во дворе Каиафы — от полуночи до утра, сотворите 300 молитв Иисусовых и положите 50 поклонов.

Первый час

Первый час, соответствующий нашему седьмому часу утра, характерен тем, что в это время Судимый и Мучимый Спаситель был переведен от Каиафы к Пилату, в самом начале дня.

В трех псалмах Первого часа (5-м, 89-м и 100-м) мы слышим древнейшие молитвы утренние.

В первом из них святой Давид проявляет ревность свою о благочестии и отвращается от нечестивых, молится, *дабы отпали они от мыслей своих и да возвеселилисъ* все уповающие на Господа.

Во втором из них пророк Моисей, более древний, чем пророк Давид, исповедует вечность и величие Творца и ничтожество человека, который, как трава, *утром процветет (расцветет), а вечером отпадет, ожесте́ет и и́зсхнет* (затвердеет и высохнет), и молит о том, чтобы исполняющий нас зау́тра (рано утром) милостью Своей всегда призирал (милостиво смотрел) на рабов Своих.

В третьем — опять слышим святого Давида: он воспевает *милость и суд,* являет перед Богом обет свой (указывает на свои прошения, молитвы к Богу) — удалять и наказывать клеветников и гордых, а приближать к Себе только верных и непорочных, и тем самым научает нас устраняться от общества развращенных и соединяться с благочестивыми. Затем (если есть «аллилуиа») читается молитва (собств. — тропарь): «Заутра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой..!»

Воссияло солнце, как жених, исходящий от чертога своего; человек должен выйти на дело свое и на делание до вечера. Сколько он может в продолжение дня встретить беззакония, клеветы, недоразумений!

Поэтому мы произносим молитвы из Псалма 118-го: *Стопы́ моя направи по словеси Твоему* (утверди в слове Твоем), *и да не обладает мною всякое беззаконие! Избави мя от клеветы человеческия* (от угнетения человеческого), *и сохраню заповеди Твоя! Лице́ Твое просвети́ на раба Твоего* (осияй раба Твоего светом лица Твоего) *и научи мя оправданием* (уставам) *Твоим! Да исполнятся уста моя хваления Твоего, Господи, яко да воспою́ славу Твою, весь день великолепие Твое!*

И после других известных молитв завершаем Первый час молитвой Спасителю: «Да зна́менается на нас свет лица Его,

и да испра́вятся стопы́ наши к деланию Божественных заповедей!»

Кроме того, в Первом часе есть важные напоминания о Спасителе страждущем. Как *Полунощница* напоминает о молитве Господа в вертограде (в саду) и о приведении к Первосвященнику Анне, так Утреня — о приведении от Анны к Каиафе и о мучениях, перенесенных Спасителем, — от полуночи до утра; также и Первый час как бы ставит нас перед очами Искупителя, веде́мого от Каиафы к Пилату в прето́р (судебное место), сопровождаемого клеветой и ненавистью старейшин и архиереев иудейских.

«В совершении Первого часа благоговейно да размышляем: како Спаситель наш в 1-й час дне веде́н бысть в претор от Каиафы к Пилату и како там всего мира Судия́ от беззаконных архиереев оболган и от неправеднаго судии́ осужде́н бысть» (Учительное известие).

Если же вам не случится молиться в храме или вычитать Первый час, сотворите 50 молитв Иисусовых и положите 7 поклонов.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

Выпуск 6

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

II. Утренее Богослужение

ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для
просвещения православных христиан
напечатать книгу «Смысл и значение
православно-христианскаго ежедневнаго
Богослужения» для просвещения и назидания
православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.

(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

II. Утреннее Богослужение

Всенощное бдение

Состав Утрени во многом сходен с составом Вечерни и отличается преимущественно тем, что содержит в себе *канон*, то есть песнопения в честь Господа или святых Его. Нельзя не заметить и того, что в Вечерне преимущественно воспоминается Ветхозаветное, а в Утрени — Новозаветное Домостроительство (здесь: руководство, управление, созидание) нашего спасения. Поэтому Святая Церковь, когда имеет совершить особое торжество на Великие праздники, соединяет Вечерню и Утреню в одно целое и, таким образом, совершает Богослужение, называемое *Всенощным бдением*,— полное торжество.

Составители Всенощного Богослужения соединили и привели к согласию (к согласованию) всё разнообразие священных предметов, дабы возвысить и усладить дух созерцаниями Небесного. Для религиозного духа здесь слышим звуки древнейшей в мире Богослужебной поэзии в псалмах пророка Давида, вдохновенные речи пророков ветхозаветных и восторженные песни христианских песнотворцев.

Для познания и назидания здесь находим догмат, олицетворенную добродетель христианскую, историю, преображенную (претворенную) в живую и трогательную песнь. Даже для внешних чувств попеременно представляются нам здесь: чтение, беседа, пение — слуху; облачения, разнообразные действия клириков облаченных, возжение светильников, каждение — очам и обонянию.

Мы привыкли видеть и слышать эту святую службу и потому не всегда живо чувствуем ее силу, важность и дух благочестия, повсюду движущийся в ней. Но не по нашим чувствам, часто вялым и слабым, должно судить о ней. "Мы думали, что на Небесах стоим и слышим Ангельские гласы",— говорили те, кто первый раз услышали службу и священнодействия Православной Церкви. Вот минута, когда и чувственный, не просвещенный верой человек может постигнуть дух нашего Богослужения, не понимая даже языка его.

Всенощное Богослужение, равно как и другие виды наших православных служб, составлено из четырех частей: а) Священного Писания, б) песнопений христианских песнотворцев, в) различных молитв, г) священнодействий.

1) Из Священного Писания заимствованы для Всенощной —

а) псалмы, б) паремии, или чтения из книг Священного Писания Ветхого, иногда — Нового Завета, в) утренние, т. е. читаемые на Утрени Евангелия.

а) Псалмы — Боговдохновенные песни пророка Давида широко используются на Утреннем Богослужении и как бы пронизывают его собой — то в виде кратких стихов, то в виде припевов, то как *прокимны* (отдельные стихи из псалмов); входят целыми частями, содержащими по несколько псалмов, каковы — шестопсалмие, рядовые (то есть чита-

емые “на ряду” — ежедневно, кроме дней Великого поста) кафизмы.

б) Кроме псалмов, на Всенощных бдениях читаются и другие места из Священного Писания — *паремии*. Паремии избраны согласно верному религиозному вкусу и по строгому закону соответствия обстоятельствам той службы, на которой предлагается их чтение; и потому в них выражается сущность и характер праздничного Богослужения. Сама Церковь старается возбудить в нас особое к ним внимание, повелевая перед их чтением служителю алтаря возглашать знаменательные слова: “Вонмем (будем внимательны), премудрость”!

в) Между *степе́нными* и каноном на Всенощном бдении читается Евангелие. Утренние Евангелия бывают двух видов: одни — на праздники Господни, Богородичные и великих святых; их содержание — самый предмет праздников; другие — Евангелия воскресные, их содержанием служит история о Воскресении Господа, явлениях Его по Воскресении и о Вознесении на Небо.

2) Новозаветные песнопения — тропари, кондаки, каноны и иные песни, имеющие свои особые названия, звуки (звучание) и дух, образуют обильный источник чувства и назидания; ими преимущественно отличается служба одного дня от другого, один предмет службы от другого; они суть характер, олицетворение воспоминаемого в службе лица или события; они — это самое событие, преобразившееся в живую, часто восторженную песнь, или песнь, вызывающую благочестивое чувство к наслаждению предметами духовными, питающую и воцерковляющую дух и уводящую его от мирского рассеяния и жизни внешней.

Взаимное отношение всенощных богослужебных песней можно представить в следующем виде.

Кондак, читаемый обычно по 6-й песни канона, можно назвать *темой* всех песней службы, которой (темой) кратким песненным языком выражается главный предмет праздника.

Дневной или праздничный *тропарь* — это первое *развитие темы в* чертах более полных и определенных; это — вид *разделения* (разработки, раскрытия) *темы,*

Ближайшее (т. е. дальнейшее) развитие тропаря, особенно кондака, есть *икос:* он есть тема, перешедшая из предложения в полную *строфу,* иногда в краткую *оду.*

Ближайшее развитие и как бы расширение мысли и духа, движущегося в икосе,— это *стихиры* на "Господи, воззвах", литийные, стиховные, хвалитные: это полные, иногда значительно обширные оды, имеющие не всегда равное число строф — четыре, шесть, восемь, десять, двенадцать.

Полнейшее развитие стихирных од есть *канон,* состоящий из трех, девяти и обычно из восьми песней, или од, из которых каждая бывает сложена из трех, четырех, пяти и шести строф, или тропарей, вместе с ирмосом, который в каждой песни канона служит *связью с* последующими строфами.

Если бы так случилось, что внимание и дух молящегося каким-либо образом растерялись во множестве и разнообразии тонов, то Церковь положила объединять их еще некоторыми краткими песнями, поразительными и в удобных местах службы расположенными весьма искусно. Отсюда — *седальны, неседальны, степенны и антифоны, стихиры — по* (после) *полиелейные, по* (после) *Евангельские, световодственные, или светильны, ексапостиларий* (тропарь, читаемый на утрени после канона в воскресные и некоторые праздничные дни; тропари, читаемые в иные дни

вместо ексапостиларие в, называются “светильны”) и так далее.

Простой взгляд на расположение и взаимное отношение отдельных песней показывает, насколько связана и стройна целая песнь, составляющая Всенощную службу нашу Богу, как разнообразны, но не разногласны тоны ее, и вместе, как сообразны со свойствами то молящегося, то торжествующего духа.

Главная мысль или *данное* (тема) службы, первоначально являясь кратким в кондаке, возрастает в тропаре и икосе, облекается в величие и торжественность в различных стихирах, получает полнейшее и как бы окончательное образование (развитие) в канонах; по временам она дает отдельные тоны и отголоски то умилительные, то возвышенные — в отдельных стихах небольшого размера.

3) Молитвы на Всенощном бдении — одни читаются тайно священниками, другие возглашаются вслух — для народа. В начале Всенощной, когда читается или поется “предначинательный” Псалом 103-й: *Благослови, душе моя, Господа,*— священник тайно перед Царскими вратами читает *молитвы светильничные,* в которых просит Господа, дабы Он просветил очи сердец наших в познание истины, облек нас в оружие духовного света, избавил нас от страха ночного и всякой вещи, во тьме преходящей (от язвы, ходящей во мраке)...

Когда читается *шестопсалмие,* мы опять видим священника Божия, уединенно стоящего перед Царскими вратами алтаря, как перед дверями заключенного (закрытого) Рая. Избранный и освященный ходатай у Бога за предстоящий в храме народ, он читает в это время свои *12 утренних молитв,* в которых всеумиленно (с особым смирением, сокрушением сердечным) благодарит Господа, восставивше-

го от сна народ, собравшийся на славословие Божие, испрашивает ему помощи Небесной, умоляет Владыку жизни, да помянет Он на Небесах каждого из предстоящих в храме — по имени, да явит нас сынами света и дня и во множестве щедрот Своих да не забудет не только находящихся в храме, но и по всей земле и на море, и на всяком месте владычества Божия.

Молитвы эти проникнуты глубочайшим духом благочестия и умиления и исполнены неизъяснимой духовной сладости.

Другой род молитв на Всенощном Богослужении (общий, впрочем, для этой и других церковных служб) составляют наши ектении — великая и малые,— это молитвы по преимуществу общенародные, или молитвы *напряженные* (то есть усиленные). В них для людей каждого общественного звания изложены существенные потребности и прошения.

Священноначалие церковное, правители гражданские, воинство, весь народ, благостояние Церкви и народа, благосостояние видимой природы — *воздуха и плодов земных,* облегчение участи страждущих, плененных, огорченных душой, плавающих, путешествующих, и Ангел Хранитель жизни нашей, и день святой и безгрешный, и полезное душам нашим, и христианская кончина,— всё это не забыто и обо всём приглашают нас священник или диакон крепким (настойчивым, сильным) воплем сердечным взывать ко Господу, да помилует Он всех и всё да подаст нам.

Но как бы не довольствуясь одними священническими и общенародными молитвами, *Святая Церковь земная* "среди Всенощного бдения и среди храма, *с воплем* крепким *и со слезами,* молит Господа Бога *молитвами всей Небесной Церкви,— услышать нас,* грешных, молящихся Ему, благо-

приятну сотворить молитву нашу, даровать нам оставление прегрешений наших, покрыть нас кровом крил Своих, отогнать от нас всякого врага и супостата (противника, неприятеля), умирить нашу жизнь, помиловать нас и мир Свой, и спасти души наша". Это молитвы — *Спаси́, Боже, люди Твоя́,* читаемые диаконом, и *Влады́ко Многоми́лостиве,* читаемая священником на литии.

4) Последняя часть Всенощного Богослужения, больше видимая и меньше понимаемая, есть внешний образ действий, имеющих место при его совершении. Богослужение назидает нас не одним языком словесным, но и языком действий.

Мы видим служителей Божиих — то действующих внутри алтаря, то исходящих в притвор, то появляющихся на середине храма или перед Царскими вратами, то обращающихся на Восток, то на Запад, выходящих Царскими или северными дверями. Видим каждение — близ алтаря или по всему храму; замечаем то уменьшение, то умножение света от светильников, и так далее. Всё это, кроме приятного впечатления и разнообразия, имеет важный духовный смысл и глубокое значение.

В самом начале Всенощной отверзаются Царские врата как бы Небесного Царства, и священник возглашает славу Святой Троице, открывая верующим неисповедимую глубину естества Божия; а вслед за тем он призывает их поклониться Тому, через Кого единственно тайна эта сделалась доступной людям, то есть "Христу, Цареви и Богу нашему". После сего священник с кадилом в руках, предшествуемый диаконом, несущим светильник, идет по всей церкви, чтобы никакая часть храма не лишена была света благодати Христовой и исполнения Святого Духа, образуемого фимиамом.

Огонь и фимиам в эту торжественную минуту напоминают также Творческий глас “Да будет свет” и Духа Божия, Который “носился над водой” во время творения мира; ибо во все время этого обхождения храма лики (хор) поют величественный Псалом пророка Давида: “Благослови, душе моя, Господа. Господи Боже мой, возвеличился еси зело, вся премудростию сотворил еси”, изображающий в самых вдохновенных стихах дивную картину мироздания.

“Господь одевается светом как ризою, простирает небо как шатер и полагает облака на восхождение Свое, ходит на крыльях ветра, творит Ангелов Своих пламенем огненным, основывает землю на тверди ее и дает ей одеяние — бездну. Воды боятся гласа Его грома и дан им предел, егоже не прейдут; источники в дебрях напояют зверей сельных, при них обитают небесные птицы; земля же насытится от плода дел своих, и хлеб сердце человека укрепит, солнце познало запад свой и бысть нощь, во тьме которой скитаются дубравные звери,— взыскать себе от Бога пищу; но воссияет солнце и — они в ложах своих лягут. Тогда выходит человек на делание свое до вечера”.

Далее восторженный Давид прямо обращает речь свою к Господу: “Исполнилась вся земля твари Твоей; все от Тебя чают исполниться благ; отвратишь лице — и возмятутся (сокроешь лице Твое — мятутся), отымешь дух — и исчезнут; но пошлешь Духа Твоего — и созиждутся, и обновишь лице земли: призираешь на землю — и трясется; прикасаешься горам — и дымятся. Буди слава Господня во веки! Пою Богу моему доколе есмь, да усладится Ему беседа моя... яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси”!

Но недолго человек наслаждался таким чистым созерцанием дел Божиих. Он пал, и рай сладости для него за-

крылся. Изгнание из рая первых людей изображается закрытием Царских врат, вместе с окончанием Псалма.

После первой ектении оба хора поют стихи, избранные из трех первых псалмов, как бы увещательные речи, летящие из утраченного рая. "Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых,— и путь нечестивых погибнет. Работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом; блажени вси надеющиися Нань (на Него). Воскресни, Господи, спаси мя, Боже мой; яко Господне есть спасение, и на людех Его — благословение Его".

Каждый выразительный стих этот отделен один от другого Ангельским припевом: Аллилуиа (с евр. — Хвалите Господа).

Хор, подражая изгнанному Адаму, как бы от лица всего человечества, подвигнутого душевной болезнью (исполненного сильного беспокойства души) о своем падении, восклицает: "Господи, воззвах к Тебе, услыши мя! Услыши мя, Господи, внегда воззвати ми (когда взываю) к Тебе. Да взыдет молитва моя, как фимиам перед Тобой: воздеяние рук моих вместо вечерней жертвы".

В эту минуту диакон совершает каждение, знаменуя тем самым жертвы, которые приносились Богу от начала мира и предобразовали грядущую Искупительную жертву Богочеловека, а самим собой диакон являет служителей Божиих, которые посылались в мир для возвещения о Мессии.

Между тем хор продолжает взывать: "Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему", и начинает уже к стихам псалмов прибавлять другие стихи — новозаветные, изображающие празднество дня, как бы в радостном ожидании искупления.

"Аще беззакония на́зриши (если будешь замечать беззакония), Господи, Господи, кто постои́т (устоит)? Яко у

Тебе очищение есть". "От стражи утренния до нощи, от стражи утренния (в русск. Псалтири: "Душа моя ожидает Господа более, нежели стражи — утра), да уповает Израиль (так в Писании иногда называется Церковь Ветхозаветная) на Господа". И провидя, наконец, скорое спасение, восклицает: "Яко у Господа милость и многое у Него избавление, и Той избавит Израиля от всех беззаконий его. Хвалите Господа вси языцы". И при открывании Царских врат хор воспевает Славу Триединому Богу вместе с песнью о воплощении.

Во время пения "Богородична-Догматика" исходит из алтаря священник, во образ обещанного Спасителя, предшествуемый диаконом с кадилом и светильниками, как Предтечей и пророками, и при возгласе "Премудрость, прости!" снова входит в алтарь.

Лики (хор) поют трогательный вечерний гимн Спасителю: "О, Тихий Свет, Святой славы Безсмертного Небесного Отца, Святого и Блаженного,— Иисусе Христе! Мы, пришедшие на запад (ко времени захода) солнца, увидев свет вечерний, поем Отца, Сына и Святого Духа. Ты Один достоин во все времена быть воспеваемым голосами преподобных,— Сыне Божий, дающий жизнь! Поэтому мир Тебя славит".

Выразительный гимн этот ясно показывает, как на закате первобытного света, данного миру, и уже во время вечера человечества, воссиял для него Новый, Тихий Свет в Кротком Лице Спасителя, ради немощи смертных уме́рившего (уменьшившего) в Себе Безсмертную славу Небесного Отца.

После прокимна накануне праздников читаются пророчества и притчи, или "паремии", предзнаменующие подобиями и изречениями, взятыми из Ветхого Завета, события Завета Нового.

Усиливаются молитвы верующих: в ектении сугубой, после которой читается или поется умилительно: “Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам...”; в ектении просительной и на литии, для совершения которой священнослужащие выходят из алтаря к притвору: по древнему милосердному обычаю, с тем чтобы и кающиеся, которым запрещен был вход в церковь, могли хотя бы на короткое время участвовать в общей молитве. Здесь молятся о всякой душе христианской, скорбящей и озлобленной, кающейся и милости Божией требующей, и, призывая ходатайство всех Небесных сил и святых угодников, просят, чтобы Господь всем нам даровал оставление грехов и, таким образом, умирил нашу жизнь.

Возвращаясь от притвора в трапезу, или в храм, лики (хор) поют стихиры стиховны. Вечерня приближается к концу: мы уже довольно насладились созерцанием Грядущего Спасителя миру; души и сердца наши — с верой и любовью — стремятся к Нему, все наши надежды и упования почили (пребывают) на Нем...

Вечерние наши молитвы оканчиваются умилительной молитвой святого Симеона Богоприимца, который после стольких лет ожидания, удостоившись, наконец, видеть и принять в свои объятия Мессию, радостно воскликнул: “Ныне отпущаешь раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром, ибо очи мои видели спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицем всех людей, свет во откровение язычникам и славу народа Твоего Израиля”.

Здесь же, во время Ангельского приветствия Пресвятой Деве “Богородице Дево, радуйся...”, настоятель благословляет хлебы, пшеницу, вино и елей (оливковое масло) для подкрепления верных (верующих), в древности молившихся всю ночь, и для напоминания нам о той духовной пище, ко-

торую ниспослал нам Господь, — это Хлеб истинный, сходящий с Небесе" в словесах Писания и других благодатных Его дарах, за которые *вознося хвалу Господу,* настоятель именем Господним благословляет предстоящих и молящихся в храме.

Затем начинается Утреня — воспоминание уже не образов и гаданий ветхозаветных, а событий Нового Завета.

Согласно древнему обряду, к началу шестопсалмия следует гасить все лампады (здесь: светильники), кроме малого света в алтаре и перед иконами Спасителя и Божией Матери.

Среди общего безмолвия и в полумраке звучит только один голос посреди церкви: "Слава в вышних Богу и на земли мир, в человецех благоволение...". Трижды повторяемое возглашение это напоминает Ангельское приветствие Вифлеемским пастырям в ночь Рождества Христова.

Потом чтец возглашает дважды: "Господи, устне мои отверзеши и уста моя возвестят хвалу Твою", чтобы тем самым приготовить слушающих к большему вниманию: и начинает *шестопсалмие,* которое является внутренней беседой христианина со Христом, родившимся от Девы Марии и в яслях положенным, беседой словами утренних шести псалмов; посему чтение это всегда совершается с особым благоговением, и священник выходит из алтаря к Царским вратам — присоединить свои тайные молитвы к безмолвному молению паствы.

В первом Псалме шестопсалмия (Пс. 3) изображается твердое упование души на Бога. Второй Псалом (Пс. 37) есть вопль болезненной (беспокоящейся) души, преследуемой бедствиями мира. Третий Псалом (Пс. 62) — это утренняя утешительная молитва. Слава и тройное Аллилуиа в честь Пресвятой Троицы отделяют три первых псалма от

трех следующих, в которых пророк Давид то являет нищету свою перед Богом (Пс. 87), то проникнутый благодарностью при воспоминании о всех благодеяниях Божиих, велит душе своей благословлять Господа и всей внутренней сущностью своей — имя Святое Его и не забывать всех воздаяний Его (Пс. 102); наконец, в последнем Псалме (Пс. 142) еще раз он просит Господа — услышать его в правде Своей и не входить в суд с рабом Своим. Слава и Аллилуиа завершают псалмы.

После великой ектении оба хора громко и радостно поют: "Бог Господь и явися нам..." и, как бы готовясь к Его сретению (встрече), восклицают: "...благословен грядый во имя Господне"! Затем пением тропаря изображается торжество дня, вызвавшее их духовную радость. И в подражание древним христианам, все ночи на воскресные и праздничные дни проводившим в торжественном стихословии (чтении по стихам) Псалтири, читаются кафизмы со "Славами" ("Славою" называется каждая из трех частей, на которые делятся кафизмы) и ектениями.

Наступает время *полиелея:* вся Церковь ярко освещается светом лампад (светильников) и еще ярче — духовным светом Евангельского благовестия, чтобы насладиться не только слышанием, но и самым зрением (видением) слова Божия, исходящего к народу из алтаря.

Во время открывания Царских врат оба хора попеременно воспевают избранные стихи из 19-й кафизмы с умилительным припевом — Аллилуиа, как бы исключительно посвященным утреннему Богослужению. "Хвалите имя Господне, хвалите раби Господа"! — восклицает один лик (хор); а другой в ответ ему поет: "Благословен Господь от Сиона, Живый во Иерусалиме"; и вновь первый призывает: "Исповедайтеся Господеви, яко Благ, яко в век милость Его"; вто-

рой хор поясняет эти слова, дополняя: “Исповедайтеся Богу Небесному”, но то же убеждение звучит в устах обоих хоров: “Яко в век милость Его”.

Само слово *полиелей* значит “многомилостивое”.

Во время пения “Хвалите имя Господне...” предстоятель, знаменуя собой образ Самого Спасителя, со служащими исходит из алтаря и обходит всю церковь с благовонным кадилом и светильником, ибо всех просвещает свет Христов и посещает благодать Его.

Если совершается праздник Господень, или Пресвятой Богородицы, или великого святого,— клирики поют перед праздничной иконой, лежащей на аналогии (аналое — высоком столе с наклонным верхом; на нем читается Евангелие, кладутся святые иконы) посреди церкви,— величание, а хор отвечает пением того же величания с припевами псаломских стихов.

Если совершается Всенощная воскресная, то все песнопения ее посвящены бывают памяти дивного Востания Спасова из мертвых, и Евангелие всегда читается воскресное — одно из одиннадцати воскресных Евангелий, читаемых на воскресных Всенощных поочередно — одно за другим. Но перед Евангелием о Воскресении, в ожидании радостной вести, воспоминается раннее пришествие мироносиц (благочестивых женщин, приходивших помазывать благовонным миром Христа, лежавшего во гробе) и учеников к упраздненному (потерявшему значение) гробу и самое изумление Небесных сил при взирании на Божественного Мертвеца, всё Собою оживившего.

“Ангельский собор *удивися*, зря Тебе, в мертвых вменившася (считавшегося мертвым)...” Так Ангелы, но не так мироносицы: “Мироносицы жены, с миры (с миром — составом из благовонных веществ) пришедшия ко гробу Твоему, Спа-

се, *рыдаху...*" И эти два противоположных впечатления — Ангелов и человеков соединяются в одну песнь трогательным восклицанием: "Благословен еси, Господи, научи мя оправданием (законам) Твоим", которое Церковь поет и над усопшим Христом — над Плащаницей в Великую Субботу, и над усопшими во Христе, в надежде Воскресения. А вслед за тем все верные призываются поклониться Богу вместе с Серафимами, поющими Трисвятое — Отцу и Сыну и Святому Духу.

После малой ектении поются или читаются в высшей степени назидательные и умилительные "антифоны — степенны". Они составлены по образцу псалмов Давидовых, составляющих 18-ю кафизму, каждый Псалом которой называется — "Песнь степеней" (см. псалмы 119— 133). Псалмы эти пелись израильтянами (иудеями) в древности — в пути и на ступенях (степенях), ведших в храм Божий. Надо полагать, что и антифоны — степенны положено у нас петь или читать перед Евангелием на Всенощных бдениях для того, чтобы постепенно приготовлять христиан к нравственному восхождению и приближению к *Духу Христову*, сокрытому в Евангельском учении.

Ибо если взять во внимание все антифоны — степенны (которых в каждом гласе 9, а в восьми гласах — 72), то в них можно видеть удивительную, самую верную и постепенную, так сказать, лествицу (лестницу), возводящую к нравственному усовершенствованию (см. книгу — "Октоих" епископа Модеста).

Жаль только, что большинству известны, хотя и самые умилительные, но не многие антифоны — стихи 4-го гласа: "От юности моея мнози борют мя страсти, но Сам мя заступи и спаси, Спасе мой. Ненавидящии Сиона посрамитеся от Господа, яко трава бо огнем будете изсохше (высохнете, будете

уничтожены). Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется (становится чистой, непорочной) Троическим единством священнотайне (через откровение Священных таин)". Но по этим стихам можно судить и о содержании других стихов.

Когда же Евангелие, по его прочтении, кладется на аналой — верующим для поклонения и целования, то лики (хоры) или все молящиеся, уже как бы очевидцы Воскресения, поют: "Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу... Ты бо еси Бог наш, разве Тебе (кроме Тебя) иного не знаем... Се бо прииде Крестом радость всему миру... Распятие бо претерпев, смертию смерть разруши".

Сознавая и чувствуя, что в такие торжественные минуты оставаться грешником уже нельзя, верующие, для очищения множества согрешений своих, прибегают и к молитвам апостолов, и к молитвам Пресвятой Богородицы, и к покаянному Псалму Давидову "Помилуй мя, Боже...", и ко всей Церкви Небесной.

И, помолившись усердно, в воскресные дни верующие подходят к Евангелию, совершая перед ним поклонение и его целование, а в праздники — к святым иконам, при этом священник помазывает верующих освященным елеем для получения духовного и телесного освящения.

Между тем, когда верующие подходят к Евангелию или к праздничной иконе, чтецы и певцы начинают петь и читать "канон", или "правило", составленное из 9 песней, в честь Воскресения Христова, праздника Господнего или Богородичного, или известного великого святого.

Каноны введены в состав Утреннего Богослужения в седьмом и восьмом столетиях, и большая их часть написана красноречивым преподобным Иоанном Дамаскиным, другом его — преподобным Космой, епископом Маиумы (Маи-

умским), и другими святыми песнописцами, которые обогатили Церковь канонами на ее торжественные дни и определили самый напев их — на восемь разных голосов (гласов).

Первый стих каждой песни называется *ирмосом,* или связью всех других, по его образцу написанных, и основная мысль его заимствована из песней ветхозаветных.

На 9-й песни диакон с кадилом в руках, как бы воспоминая посещение Богоматерью дома праведного Захарии, приглашает верных возвеличить песнями Матерь Света; и хоры прославляют Ее собственной Ее высокой песнью, которую Она, Всесвятая, воспела при посещении праведной Елисаветы: "Величит Душа Моя Господа, и возрадовася Дух Мой о Бозе Спасе Моем",— а в припевах превозносят Ее: "Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим..."

Вслед за каноном читаются и поются "светильны" и три хвалебных псалма, соединенных с праздничными стихирами. В этих псалмах вся тварь — небо и земля — соединяются, чтобы воспевать славу Творца Своего. По их окончании священник при отверстых Царских вратах полагает начало великому славословию возгласом: "Слава Тебе, показавшему нам свет!"

В древности настоятель произносил эти слова, обращая их к собранию верных, когда в конце Всенощного бдения видел, наконец, что заря уже занималась на востоке; и христиане, прежде, чем разойтись, исповедовали еще раз, в одном великом и общем славословии, составленном из песней обоих Заветов, Божество Искупителя. Они начинали пение словами Ангелов, прославивших Вифлеемского Младенца, и заканчивали Трисвятой песнью Серафимов, со славой Пресвятой Троице.

Нельзя не знать этой великой песни, от начала до конца ее, и не умиляться сердцем, особенно при ее обращени-

ях к Кроткому Агнцу, вземлющему грехи мира и сидящему одесную Отца. Ветхий и Новый Завет отзываются в каждом стихе ее.

У нас она поется просто; но надо слышать эту песнь на Православном Востоке, чтобы иметь ясное понятие о ее торжественности. Там архиерей сходит на середину церкви, принимает в руки свещники (двусвещник — дикирий и трисвещник — трикирий) и, осеняя народ, возглашает: "Слава Тебе, показавшему нам свет!", а все духовенство вокруг него начинает петь вместе с ликами (хорами): "Слава в вышних Богу..."

Сугубая и просительная ектении, с молитвой главоприклонения, вслед за которой следует благословение настоятеля, завершают Утреню.

Первый час, читаемый вновь в полумраке, как и шестопсалмие, заставляет христианина углубиться в самого себя при слышании молитв его, по окончании которых священник еще раз выходит из затворенного алтаря и молит, чтобы Христос, Свет Истинный, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, знаменал на нас свет (осиял нас светом) лица Своего... и исправил стопы наши к деланию (и направил ноги наши к исполнению) заповедей Его... Хор громко и торжественно возглашает победительную песнь Божией Матери: "Взбранной (Призванной защищать, ограждать) Воеводе...", по окончании которой совершается отпуст (см. V и VI письма о Богослужении, А. Н. Муравьева)*.

*Андрей Николаевич Муравьев (1806-1874) – писатель, преимущественно на духовные и церковно-исторические темы. Один из главных трудов – «Письма о Богослужении Восточной Кафолической Церкви...»

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 507

Выпуск 7

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

III. Дневное Богослужение

ТРЕТИЙ ЧАС. ШЕСТОЙ ЧАС.

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для
просвещения православных христиан
напечатать книгу «Смысл и значение
православно-христианскаго ежедневнаго
Богослужения» для просвещения и назидания
православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.

(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

III. Дневное Богослужение

Около полудня Церковь представляет нам самый Божественный предмет для молитвы, для размышлений и поучения — Третий час, Шестой час и Божественную Литургию.

День естественный есть неумолкающий проповедник величия и славы Божией, явленных в мире видимом через Творение и Промышление Творца Вселенной. День христианский есть проповедник того же величия и славы в мире христианском, явленных через Искупление и Восстановление рода человеческого. День каждого человека есть новая жизнь его, определяющая разные роды деятельности, связанные с теми же выгодами и неудобствами, с которыми связана жизнь наша вообще. Дневное Богослужение Церкви объемлет день наш в этих трех смыслах.

А. Третий час

С течением дня и со сменой часов изменяются потребности и характер нашей деятельности; псалмы и молитвы Третьего часа приспособлены особенно к этому изменению. Служба Третьего часа напоминает нам, с одной стороны, Страдания Господа от времени осуждения до шествия Его на Голгофу (Мф. 27, 27—32), а с другой — Сошe-

ствие Святого Духа на апостолов, последовавшее в третий час дня (Деян. 2, 15).

Псалмы на Третьем часе положены такие, которые содержат в себе указание на упомянутые события. Воспоминая Страдания Господа нашего Иисуса Христа, бывшие на суде у Пилата и Ирода, от третьего до шестого часа, Святая Церковь избрала для службы Третьего часа 16-й и 24-й псалмы, в которых пророчески изображаются, с одной стороны, наветы (козни, коварные выходки) и злоба иудеев на Искупителя и Его безвинное страдание, а с другой — выражается внутреннее состояние Господа, окруженного неистовыми врагами. Это — молитвенный вопль страждущего: *Объя́ша мя, яко лев готов на лов, и яко ски́мен, обита́яй в тайных* (в русск. Псалтири: они подобны льву, жаждущему добычи, подобны молодому льву, сидящему в местах скрытных)... *Виждь враги моя, яко умно́жишася, и ненавиде́нием неправедным возненави́деша мя* (и какой лютой ненавистью они ненавидят меня)...

Воспоминая другое необыкновенное событие, которым в христианстве ознаменован третий (по нашему счету девятый) час дня, то есть Сошествие Святого Духа на апостолов в виде огненных языков,— Святая Церковь в 50-м, покаянном Псалме, положенном для чтения на этой же службе Третьего часа, и в следующих за ним тропарях — просит Господа очистить сердце наше и обновить дух наш благодатным действием Святого Духа: “Господи, Иже Пресвята́го Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпосла́вый. Того, Благи́й, не отыми́ от нас: но обнови нас, молящих Ти ся”. *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови́ во утробе моей. Не отве́ржи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене.*

Молитва эта — самая необходимая для нас, потому что без благодати Святого Духа мы вообще безсильны на совер-

шение дел благих, и потому, в частности, что ходим посреди сетей многих — соблазнительных, часто омрачающих сердце наше и колеблющих дух наш.

Завершается Третий час краткой, но весьма сильной молитвой святого Мардария ко Пресвятой Троице: “Владыко Боже Отче Вседержи́телю, Господи Сыне Единоро́дный Иисусе Христе, и Святы́й Ду́ше, Еди́но Божество́, Едина Сила, помилуй мя грешнаго, и и́миже ве́си судьба́ми (и Тобой установленными постановлениями, законами), спаси́ мя, недостойнаго раба Твоего, яко благословен еси во веки веков. Аминь”.

Совершая Третий час во умилении сердца и благоговейно, да размышляем о том, как Спаситель наш в третий час дня был судим Пилатом и какие тогда претерпел различные поруга́ния и зауше́ния (удары по уху, пощечины), как, привязанный к мраморному столбу, воспринял лютые раны, и вместе с ними — увенчание острым те́рнием, перенес и другие нестерпимые муки, чтобы нас освободить от мучи́тельства (жестокого господства) диавольского.

В то же время прилично размышлять и о том, как Дух Святой в третий час дня сошел на святых апостолов в огненных языках,— и таким образом размышляя, молить Господа, чтобы Он и нам подал Духа Святого к духовному просвещению и к достойному прохождению христианской жизни.

Если же вы почему-либо не совершите и не выслушаете Третьего часа, то сотворите за него 50 молитв Иисусовых и положите 7 поклонов.

Б. Шестой час

Бе... час яко шесты́й... тогда предаде Его им, да распнется... И нося Крест Свой, изы́де Иисус на глаголемое (называемое) *ло́бное место, идеже пропяша* (там распяли) *Его* (Ин. 19,14-18). Вот тот священный страшный час, о котором напо-

минает служба Шестого часа. Сообразно с целью установления этой службы избраны Церковью псалмы — 53-й, 54-й и 90-й. В них таинственно указывается отчасти на предательство Иудино (Пс. 54, 13, 14), отчасти на ненависть и убийство, совершённое иудеями, искавшими смерти Господа, отчасти на землетрясение и мрак, покрывавший землю от шестого часа до девятого (ст. 6), отчасти на победу над смертью и адом, отчасти же описывается история внутренних чувств Искупителя на Кресте.

Он изображается Своей волей приносящим Себя в жертву за грехи мира: *волею пожру́ Тебе* (принесу Тебе в жертву) (Пс. 53, 8); а в Псалме 90-м внушается мысль о том, что уповающего с твердой верой на силу Креста Христова *Господь избавит и покры́ет и яви́т ему спасение Свое* (ст. 14, 16).

В тропаре Шестого часа молимся: “Иже *в* шесты́й день же и час на Кресте пригвозде́й (пригвоздивший) в рай́ (в раю) дерзновенный (здесь: дерзкий) Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери́ (разорви, уничтожь), Христе Боже, и спаси нас”! Главная мысль Шестого часа отображена в стихе: “Спасение соделал еси посреде́ земли́ (т. е. в Иерусалиме) Христе Боже, на Кресте Пречистеи руце Твои просте́рл еси, собирая вся языки (соединяя все народы)...”

В молитве святого Василия Великого читаем: “...Избави нас (Господи) от всякаго всегубительнаго и мрачнаго прегрешения, и всех озлобити нас ищущих (ищущих сделать нам злое), видимых и невидимых враг. Пригвозди страху Твоему плоти наша и не уклони сердец наших (не дай уклониться сердцам нашим) в словеса́ или помышления лука́вствия, но любовию Твоею уязви́ (здесь: воспламени) души наша...”

Совершая Богослужение этого часа, должно размышлять о том, как в шестой час, соответствующий нашему двенадцатому, Спаситель наш, неся Крест Свой, веден был на Распятие, и как немилосердно был пригвожден четырьмя гвоз-

дями ко Кресту на Голгофе, между двумя разбойниками, как воины разделили одежды Его, и мимоходящие ругались (насмехались) над Ним, и разбойник, висевший ошуюю Его (слева от Него), хулил (поносил) Его, и какая тогда была тьма по всей земле (Учительное известие).

Если же не совершится и не выслушается вами Шестой час, то сотворите 50 молитв Иисусовых и положите 7 поклонов.

Так требуется Святой Церковью (см. Правило это в конце Следованной Псалтири).

Кроме обычных часов, есть еще так называемые междоча́сия и часы, совершаемые в на́вечерие (накануне) Рождества Христова, Богоявления, в Великий Пято́к (Пятницу) и на Пасху.

1. Часы и междочасия состоят каждый из трех псалмов, трех тропарей, одного кондака и нескольких весьма трогательных молитв святого Василия Великого, а все вместе они содержат в себе 24 псалма, столько же тропарей и молитв и восемь кондаков.

Они постоянно напоминают нам:

а) о великих делах Божиих в мире вообще;

б) о важнейших событиях в мире христианском;

в) определяют образ жизни, достойный истинно христианского дня священного,— определяют чувства и потребности христианина, сообразно замечательнейшим часам каждого дня, то есть *первому* (или седьмому), *третьему* (или девятому), *шестому* (или двенадцатому) и *девятому* (или третьему пополудни) часам.

В наших Богослужебных часах особенно воспоминаются события того христианского дня, знаменательнее которого не было и не будет в мире христианском,— Дня Страданий Господних.

Мы часто не можем постигнуть глубокой Крестной скорби Искупителя нашего; часто не находим способа раскрыть эту Священную скорбь; а она раскрывается в псалмах наших священных часов, для которых главной темой служат слова Спасителя: *Аще возможно есть, да мимойдет от Мене чаша сия: обаче* (впрочем, однако) не Моя, но Твоя да будет воля. И еще: *Боже мой, Боже мой! Вскую* (зачем, почему) *Мя еси оставил?* (Мф. 26, 37-46; 27, 46).

Эти Боговдохновенные псалмы в известном смысле представляют собой историю внутренних чувствований, внутренней жизни Искупителя в последний великий день Его земного, уничиженного состояния. А для истинного христианина ежедневное совершение часов есть ежедневная неумолкающая проповедь, живая история Таинства Искупления и вместе с тем — живой образ жизни христианской.

2. Но еще больше назидания содержат часы, совершаемые в навечерия Рождества Христова, Богоявления и во святой Великий Пяток.

Цари древней Греции (автор имеет в виду Византию. — Ред.) с особым благоговением присутствовали при совершении этих часов; и потому они получили название *Царских.* Ныне и народ мало посещает их; а они истинно Царские по Царственному величию духа, в них пребывающему, по торжественному тону и священной важности, в которую они облечены. Слушая их со вниманием, думаешь о том, что все древние пророки, все знаменитейшие сладкопевцы христианской Церкви в священный час стеклись (собрались) единодушно и согласно воспеть великие тайны — Воплощения, Богоявления и Страданий Искупителя.

Вместо обычных псалмов часовых, на Царских часах избраны такие псалмы, которые выражают дух и значение служебных (богослужебных) событий. В паремиях слышим глагол вдохновенной и пророчествующей древности, предска-

зывающей то или другое великое дело Божие. Чтения из Евангелий представляют историю события. Чтения из Посланий и Деяний апостольских выражают догматическую и нравственную мысль его.

Песнь церковная жива и торжественна более, нежели в обычных службах: то она в виде гимна изумляющего, славящего, призывающего небо и землю к хвале Всевышнему; то она как молитва изливается в святых чувствах благодарения и покорности Создателю Вселенной; то вводит лица событий действующими и трогательно беседующими...

3. Особого рода часы совершаются в продолжение Светлой седмицы. В них нет ни псалмов, составляющих как бы душу обычных часов, ни привычных молитв. Они суть одна торжественная, непространная (небольшая по объему) песнь, составленная из нескольких стихир, преимущественно повторяемых в пасхальной службе.

Эти стихиры суть:

а) "Христос воскресе..." — тропарь Пасхи, выражающий сущность праздника и говорящий о плодах Воскресения Христова;

б) стихира по (после) евангельская — "Воскресение Христово видевше..." — трогательно призывающая к поклонению Святому Господу Иисусу, Единому Безгрешному;

в) умилительное ипако́й (название некоторых песнопений; с греч. яз. — слушание, внимание) — "Предвари́вшия утро яже о Марии [Те (жены), которые были с Марией перед утром]..." — в котором Ангел, собеседник святых жен, повелевает тещи́ (быстро идти, бежать) и миру проповедать, яко воста Господь;

г) кондак Святой Пасхи: "Аще (хотя) и во гроб снизшел еси Безсмертне...";

д) к ним присоединяются еще три дивных тропаря — "Во гробе плотски (плотью), во аде же с душею, яко Бог...", "Яко

Живоносец (Носящий в Себе жизнь), яко раи́ Красне́йший (Прекраснейший)...", "Вышняго (т. е. Самого Бога) Освященное Божественное Селение (Жилище, Храм)...".

На все четыре часа Церковь положила воспевать одну и ту же вышеуказанную службу, всякий раз повторяя ее. Этим она выразила мысль о том, что истинная, глубокая, духовная радость обнаруживается не в многословии, а через частое благоговейное повторение одних и тех же слов, одного и того же предмета своего великого торжества.

По Шестом часе положены — "Изобразительны", то есть изображение Литургии в малом виде, или служба вместолитургийная, так же полная духа и жизни, как и другие службы.

Начало последования Изобразительных составляют псалмы: 102-й — *Благослови, душе моя, Господа и вся внутренняя моя имя Святое Его* и 145-й — *Хвали, душе моя, Господа. Восхвалю Господа в животе моем* (доколе жив, пока жив), *пою Богу моему, до́ндеже есмь* (до тех пор, пока я есть)... Каждый из этих псалмов в Служебнике по способу пения называется "антифон", то есть противогласник, ибо поются они двумя хорами поочередно, а по содержанию они — "Изобразительны".

В Псалме 102-м мы призываемся к упованию на Господа изображением милосердия Его к людям. Этот Псалом побуждает все силы души к молитве, все чувствования к благодарению Бога за Его благодеяния, и как бы внушает нам, что если иногда нельзя приносить молитвы вместе с молитвами Богослужебного Церковного собрания, то всегда можно славить Господа внутренне на всяком месте.

Псалом 145-й служит как бы продолжением предыдущего Псалма: в нем также есть увещание — уповать на Господа и хвалить Его, хвалить Его всю жизнь, во всех обстоя-

тельствах ее, доколе (до тех пор, пока) существует человек, и, значит, не только тогда, когда человек бывает на Богослужении, в собрании церковном, а всегда.

После этих псалмов поется, точно так же, как и на Литургии, песнь, изображающая Воплощение Господа: "Единородный Сыне и Слове Божий, Безсмертен Сый (то есть Сущий, Вечный)...", и за ней следует пение "Блаженных" — стихов, в которых Господь Иисус Христос обещает блаженство за различные добродетели.

После молитвы ко Пресвятей Троице: "Помяни нас, Господи..."– возносится славословие Триединому Богу: "Лик Небесный (множество Ангелов) поет Тя и глаголет: "Свят, Свят, Свят Господь Саваоф (Господь Воинств; Саваоф — с евр. род. мн. ч. — воинств, сил), исполнь Небо и земля Славы Твоея...". Затем читается исповедание веры православной — *Символ веры* и исповедание согрешений наших в молитве: "Ослаби, остави (Прости, отпусти...)...".

Читается также молитва Господня: "Отче наш", и после возгласа священника читаются или поются кондаки. После кондаков произносится 12 раз: "Господи, помилуй", читается молитва: "Всесвятая Троице...". Затем следуют — "Буди имя Господне благословено от ныне и до века", Псалом 33-й: "Благословлю Господа на всякое время..." и отпуст.

В Богослужебных книгах последование Изобразительных носит название "Обедницы", то есть службы, совершаемой дома или в храме вместо Обедни — Литургии.

При совершении Обедницы заповедуется благодарить усердно Спасителя за все понесенные Им лютые (жестокие) страдания, которые Он по Своей воле претерпел нас ради, чтобы навсегда избавить нас от мучительства (жестокого господства) диавольского, и за излиянную Им Пречистую Кровь Его, Которой Он искупил нас от клятвы законной

(клятвы закона), и, наконец, за Животворящую Смерть Его, Которой Он оживотворил умерший грехом род человеческий.

Если вы не были при совершении этой службы и сами не совершали ее, то сотворите за нее 100 молитв Иисусовых и положите 10 поклонов.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
2003 г.

Выпуск 8

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

III. Дневное Богослужение

Божественная литургия

Посвящается памяти
архимандрита Нафанаила (Поспелова, †2002),
при жизни выразившего желание для
просвещения православных христиан
напечатать книгу «Смысл и значение
православно-христианскаго ежедневнаго
Богослужения» для просвещения и назидания
православных христиан.

Пойте Богу нашему, пойте, пойте Цареви нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно.

(Пс. 46, 7, 8).

Во имя Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святаго Духа — Святая Православная Христианская Церковь ежедневно совершает в храмах Божиих вечерние, утренние и дневные Богослужения, по примеру святого Псалмопевца, свидетельствующего о себе: *Вечер и заутра, и полудне повем и возвещу (буду умолять и вопиять), и услышит (Господь) глас мой* (Пс. 54, 18).

Каждое из этих трех Богослужений слагается в свою очередь из трех частей: *Вечернее Богослужение* — состоит из Девятого часа, Вечерни и Повечерия; *утреннее* — из Полунощницы, Утрени и Первого часа; *дневное* — из Третьего часа, Шестого часа и Божественной литургии.

Таким образом, из вечернего, утреннего и дневного Богослужений Церковных образуются девять служб: Девятый час, Вечерня, Повечерие, Полунощница, Утреня, Первый час, Третий час, Шестой час и Божественная литургия, подобно тому, как, по учению святого Дионисия Ареопагита, из трех чинов Ангельских образуются девять ликов, день и ночь славословящих Господа.

Смысл и значение православного христианского ежедневного Богослужения

III. Дневное Богослужение

Около полудня Церковь представляет нам самый Божественный предмет для молитвы, для размышлений и поучения — Третий час, Шестой час и Божественную Литургию.

День естественный есть неумолкающий проповедник величия и славы Божией, явленных в мире видимом через Творение и Промышление Творца Вселенной. День христианский есть проповедник того же величия и славы в мире христианском, явленных через Искупление и Восстановление рода человеческого. День каждого человека есть новая жизнь его, определяющая разные роды деятельности, связанные с теми же выгодами и неудобствами, с которыми связана жизнь наша вообще. Дневное Богослужение Церкви объемлет день наш в этих трех смыслах.

В. Божественная литургия

В христианской Православной Церкви нет Богослужения выше, святее, благоговейнее и спасительнее Божественной литургии.

Выше — потому что все другие службы церковные суть только приготовительные моления, сила которых и конец совершаются в Литургии. На Литургии прилично воспоминать слова песни церковной: “В храме стояще славы Твоея, на Не-

беси стояти мним (представляем себе)" или: "На Небо сердце имуще, Ангельский подражаим чин (Ангельскому чину подражаем)". Особенно при совершении Литургии храм наш представляет земное Небо.

Святее — потому что Литургия не есть только собрание молитв и песнопений, но в ней совершается одно из святейших и важнейших Таинств нашей Церкви — Таинство Евхаристии.

Благоговейнее — нет службы, которая бы требовала с нашей стороны большего благоговения, больше глубокого смирения и умиления сердечного, чем сколько требует их священная Литургия. Мы должны здесь с полной верой содержать в уме истинные и поразительные песни церковные, описывающие святость и величие Литургии. "Да молчит всякая плоть человеча и да стоит со страхом и трепетом...", возвещал святой Василий Великий, получивший откровение свыше — составить Литургию. "Ныне силы Небесные с нами невидимо служат...",— уверяет прозорливец святой Григорий Двоеслов,— "...се бо (ибо вот) Царь Славы...".

Нет для нас службы *спасительнее* Литургии, потому что здесь верующие причащаются Животворящего Тела и Крови Искупителя своего во оставление грехов и в Жизнь Вечную; здесь воспоминаются живые и мертвые и соединяются все со своим Господом и Ходатаем; а без этого соединения нет и не может быть спасения.

Главный предмет и общее содержание Литургии представлены в *Новой Скрижали* так:

"Рассудила Церковь служить Литургию таким образом, да содержит в себе все *Таинство Вочеловечения Сына Божия,* и все дела Его, которые сотворил и явил Он для нас от начала до конца, то есть от Рождества Своего даже до Вознесения, одесную (по правую руку) Бога и Отца седения (сидения) и ниспослания Духа Святаго на ученики Своя и апостолы. Сей порядок дел Христовых в сочинении Литургии

Василий Великий и (Иоанн) Златоустый сохранили и предали (передали). Ибо они в достохвальном сем чине сначала Христа Спасителя Рождение, потом Жизнь Его, смерть и, наконец, все то, что после смерти Его исполнилось, словами священными и знаками чувственными (здесь: видимыми) изложили, и в знаменованиях (обозначениях) таинственных, яко видимое очами (дабы видеть (мы) их могли), изобразили, да наставятся сими чада Церкви в невещественные и премирные знания (да получат через них чада Церкви познание о невещественном, Небесном). Начало Жизни Христовой и в действиях первых — прежде освящения Даров совершаемых, средние Его дела в середине — при самом освящении, и конечные последними — после освящения Даров — расположили" ("Новая Скрижаль", ч. 2, гл. 6, § 30).

Литургия, как преимущественное Богослужение Новозаветное, в котором Церковь торжественно воспоминает и живописует высочайшее Таинство Искупления, требует и преимущественного внимания нашего. Священнейшее Таинство Евхаристии в ней сопровождается такими священными действиями и многозначительными символами, что внимательный христианин, действительно, может видеть в этом Богослужении сокращенное изображение не только Жизни Господа и Спасителя нашего, но и всего учения Евангельского.

Господь, совершая Тайную Вечерю Свою, сказал святым апостолам: *Сие творите в Мое воспоминание* (Лк.22, 19; 1 Кор. 11, 24, 25); и с тех пор повторяется эта Вечеря во всей христианской Православной Церкви и будет повторяться до скончания века (1 Кор, 11, 26). Божественная литургия представляет собой Вечерю Господню, только для большего назидания нашего сложенную (соединенную) с некоторыми песнопениями и молитвами, переданными нам от древнейших святых пастырей Церкви[1] .

[1]По преданию известно, что в обширнейшем виде Литургия была переда-

Проскомидия

Перед Литургией совершается *Проскомидия* (с греч.– принесение). Это — сокращение Литургии, изображающее ее сущность в предварительных, *противообразных* (соответствующий образу, подлиннику) священнодействиях.

Полнота Церкви Христовой образуется из Церкви Небесной и Церкви Земной. Поэтому во время Таинственного Жертвоприношения Агнца Божия, Который жрется (приносится в жертву) за мирской живот (за жизнь мира) и его спасение, сначала воспоминается Церковь Небесная.

Священник изымает из первой просфоры Агнец, "в воспоминание Господа и Спаса нашего Иисуса Христа" и во образ Его;

потом из второй просфоры —частицу "в честь и память Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии", предстоящей одесную Его, как Царицы Неба и земли, в ризах позлащенных одеянной и преукрашенной";

затем из третьей просфоры — частицы в воспоминание: 1) честнаго славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна; 2) всех святых пророков ветхозаветных; 3) всех святых апостолов; 4) всех святых святителей; 5) всех святых му-

на Церкви Иерусалимской святым апостолом **Иаковом, братом** Господним; потом в сокращении она изложена святым Василием Великим, а в том виде, в каком она у нас обычно совершается, приведена святым Иоанном Златоустом. Литургия Златоустого совершается **круглый год** ежедневно, кроме Великого поста, в который положено совершать или часы с Изобразительными, или Литургию Преждеосвященных Даров, или Литургию Василия Великого. Литургия Василия Великого совершается только 10 раз в году: в пять Воскресных дней великого поста, в Великий Четверток (Четверг), в Великую Субботу, в навечерие Рождества Христова и Богоявления (если они приходятся на понедельник, вторник, среду, четверг и пятницу) или в праздники Рождества Христова и Богоявления (если навечерия случаются в субботу и воскресенье) и в память Василия Великого 1(14) января. Литургия Преждеосвященных даров совершается по средам и пяткам (пятницам) Великого поста, в четверток (четверг) 5-й недели (также в дни памятей 40 мучеников Севастийских, 1-го и 2-го Обретения главы Иоанна Предтечи), и в Понедельник, Вторник и Среду Страстной седмицы.

чеников и мучениц; 6) всех преподобных отцев и матерей; 7) всех святых безсребренников; 8) святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны, дневнаго святаго (то есть святого, память которого совершается в данный день) и всех святых; 9) святаго Иоанна Златоустаго или Василия Великаго. в зависимости от того, чья Литургия совершается.

Земная Церковь воспоминает и призывает в помощь себе, в важнейшее время своего действования, всю Небесную Церковь, образовавшуюся из святых людей, чтобы их молитвами посетил нас Бог. Но спасительные действия Божественной литургии собственно касаются земных членов Царства Христова и тех, которые перешли от земли с верой и упованием к жизни Вечной на Небесах.

Поэтому священник из четвертой просфоры изымает частицы — а) за всех лиц иерархии и за весь священнический, или духовный чин; б) о властех и воинстве; в) за тех живых христиан, которые заповедали священнику молиться о них; г) наконец, из пятой просфоры — о памяти и оставлении грехов усопших Патриархов, Благочестивых Царей и Цариц, создателей храма; д) за других усопших, их же хощет иерей помянути; е) за всех вообще усопших отец и братий наших по вере; ж) помянув всю Церковь Христову Земную и Небесную, служащий священник вынимает и за себя частицу, говоря: “Помяни, Господи, и мое недостоинство и прости ми всякое прегрешение вольное и невольное”.

Здесь мы видим всю Земную Церковь и всех христиан, еще не достигших совершенства, всех живых и усопших членов благодатного Царства, чающих надежды живота Вечного (ожидающих в надежде жизни Вечной), и в важнейшую минуту собранных вместе для того, чтобы воспомянул их Господь и Владыка Вселенной в Небесном жилище Своем.

В Литургии находим осуществление и видимый образ той великой истины, что все, верующие в Искупителя, от начала

и до конца мира,— живые или мертвые, составляют единое тело, Единую Церковь, Глава которой, Основание и Жизнь есть Господь наш Иисус Христос.

Литургия оглашенных

В первой половине Литургии — до Трисвятой песни — замечательны следующие молитвы, песни и действия: предначинательное благословение Пресвятой Троицы, великая ектения, изобразительные псалмы, или антифоны, песнь — "Единородный Сыне и Слове Божий..." и вход с Евангелием.

"Благословено Царство Отца и Сына и Святаго Духа...",— возглашает священник, и тем самым напоминает верующим, что все они, как чада Благодатного Царства Божия, должны всегда благословлять и благодарить Промысл Триединого Бога, устрояющего наше спасение.

И вот мы, с чувством сынов благодати, начинаем — великой ектенией — молить Отца Небесного о мире и спасении всех. В псалмах изобразительных 102-м и 145-м, в которых говорится о плодах пришествия Сына Божия на землю, воспеваем безконечную милость, очищающую все беззакония наши, хранящую нас и все в жизни нашей благоустрояющую.

Затем мы обращаемся к Самому Создателю и в песни— "Единородный Сыне..." славим всё благодатное Его о нас смотрение (провидение Божие).

Во время пения антифонов священник в алтаре читает тайно (про себя, не вслух) молитвы антифонов, в которых просит Бога благоснисходительно (с терпением; снисхождением) воззреть (посмотреть) на предстоящих людей, благословить их и сохранить, принять и исполнить к пользе их прошения.

После каждого антифона произносится малая ектения (содержащая в себе только начало и конец великой), "дабы,— как говорит преподобный Кассиан,— через эти ектении

предстоящие могли чаще соединяться с Господом и не разленились бы от долговременного продолжения одного какого-либо действия".

Отверзаются Царские врата, и священник (или диакон — там, где он есть) износит Евангелие — в знак первого явления нам Господа Иисуса Христа, Небесного Наставника, грядущего возвестить миру слово жизни и спасения. Евангелию предшествуют светильники, напоминающие о пророках и преимущественно — о Предтече Господнем, светильнике горящем и светящем (Ин. 5, 35) и указывающем Агнца Божия, Вземлющего (Берущего на Себя) грехи мира. Диакон возглашает: "Господу помолимся", "Премудрость, прости" (востав и стоя прямо, "просто"), побуждая нас к самому строгому вниманию. Наконец, всех нас Церковь призывает воздать благоговейное поклонение Божественному Спасителю: "Приидите, поклонимся и припадем ко Христу...".

После явления Святого Евангелия Церковь не тотчас приступает к чтению нам слова Божия, но сначала она учит чад своих воздать славу Пресвятой Троице и очистить сердца "Трисвятой песнию". Антифоны, по разумению Церкви, означают пророчества о плотском пришествии Христовом,— следующий после второго антифона стих "Единородный Сыне..." проповедует совершившееся уже Воплощение Сына Божия от Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, а малый вход с Евангелием изображает вступление Его в подвиг проповеднического служения и хождение по градам и весям (сёлам).

Посему диакон, предходящий с Евангелием, возглашает: "Премудрость, прости", чем возбуждает предстоящих к сохранению ума и сердца от всяких суетных помыслов и греховных движений перед лицом Самого Господа Иисуса Христа; а предстоящие, со своей стороны, побуждают друг друга к единодушному поклонению Господу песнию: "Приидите, поклонимся и припадем ко Христу..."

Вслед за поклонением следует прославление величия Триединого Господа — возгласом священнодействующего: “Яко Свят еси, Боже наш...” и “Трисвятой песнию”, в конце которой испрашивается нам помилование Божие. Затем от горнего места — через священника — подается “Мир всем”, и опять призывается наше внимание диаконским возгласом: “Вонмем. Премудрость. Вонмем”.

Мы внимаем слову Божию сначала через чтение Апостола (так как через апостолов мы приводимся ко Христу, и уста их суть также уста Христовы), затем — через чтение Евангелия.

Непосредственно перед раскрытием этой святейшей сокровищницы словес Господних совершается каждение, знаменующее распространение повсюду благодати Евангельской. Священник, обращаясь к диакону, готовящемуся раскрыть Евангелие, напоминает ему, что Один “Бог дает глагол благовествующему силою многою...”, и вновь привлекает внимание слушающих словами: “Премудрость, прости. Услышим святаго Евангелия” и преподает им “мир”. По раскрытии Евангелия лик радостно взывает: “Слава Тебе, Господи, слава Тебе!”

Церковь хочет, чтобы мы внимали слову Господню с желанием благодати Божественной, чтобы допустили в сердцах наших действовать всей ее силе и — приступили к благовествующему в мире с великим усердием и радостью.

Выслушав Евангелие и краткую благодарственную песнь “Слава Тебе, Господи...”, мы тотчас обращаемся к Богу с молитвой, называемой “прилежным молением”, или — “сугубой ектенией”. Эта молитва должна быть непосредственным следствием чтения слова Божия, а вместе с тем — и средством к лучшему раскрытию в нас силы этого Божественнаго семени.

Оканчивается первая половина Литургии молитвами об оглашенных и повелением им выйти из храма. В древности

в это время выводились из храма не только оглашенные, то есть еще не принявшие Святого Крещения (но готовившиеся к нему и проходившие обучение — оглашение — истинам веры), но и публично каявшиеся.

О чем же нам следует помышлять, когда мы не видим ныне исхождения из храма ни оглашенных, ни кающихся? Поищем в себе самих то, что в оглашенных и каявшихся признавалось недостойным участия в Святейшем Таинстве. Отженем от себя (отгоним, искореним) всякое сомнение и маловерие, отвергнем все земные помышления и чувствования и таким образом оставим в себе одних истинно верных слушателей и участников "Литургии верных".

Литургия верных

В начале Литургии верных Церковь торжественно приуготовляется к приношению Безкровной Божественной Жертвы — ектениями, готовящими нас к Высочайшему Священнодействию.

После раскрытия антиминса (шелкового плата с изображением положения Господа Иисуса Христа во гроб и с частицей святых мощей, полагаемого на Престоле), по совершении двух ектений, прилежнейшего испрашивания милостей Божиих,— ектений, во время произнесения которых диакон напоминает нам о важности предстоящих священнодействий, а священник тайно читает молитвы, которыми, с одной стороны, благодарит Бога за то, что Он удостоил его предстать Своему Святому Жертвеннику, а с другой — просит укрепить его силой Духа Святаго на предлежащее служение и услышать моление верующих.

Церковь окончательно приготовляет Дары для Таинственной Безкровной Жертвы, перенося их на Великом входе с жертвенника на Престол; и таким образом, когда отверзаются Царские врата, Церковь представляет второе торжествен-

ное явление Сына Божия — явление Его для принятия за нас Страданий и Крестной смерти. Так мы должны помышлять о Спасителе, когда совершается "Великий вход", или вход с приуготовленными для освящения Дарами.

В каком расположении духа прилично быть тогда христианам, это весьма ясно показывает "Херувимская песнь", которая научает нас и тогда, когда представляем себе Господа, грядущего в уничиженном виде приветствовать Его как Владыку нашего, Господа Небесе и земли! Тогда же, в знак благоговения перед знамениями спасительных Страданий Господних, преклоняют верующие главы свои и вместе со священнослужителями молятся, дабы помянул Господь Бог во Царствии Своем высоких защитников и пастырей Церкви и всех православных христиан, и, таким образом, как бы прилагают к переносимым Дарам молитвы свои – для возношения их с Божественной Жертвой.

После входа и ектении "Исполним молитву нашу Господеви..." все присутствующие в храме приглашаются засвидетельствовать друг перед другом и перед Богом взаимную братскую любовь и общую их веру. Обновление в сердцах наших христианской любви весьма нужно в это время, "да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святаго Духа".

Таким образом, мы предстанем перед лицем Божественного Спасителя, присутствующего в Святейшем Таинстве, истинными исповедниками Его учения. Для этого же со всей Церковью повторяем мы и Символ веры вслед за возгласом диакона: "Двери, двери..."! и когда отверзается завеса Царских врат и священник, поднимая и опуская воздух (подобный платку покров, которым бывают покрыты Святые Дары, одновременно и на дискосе, и в Чаше) над Святыми Дарами, изображает тем самым тихое веяние Святого Духа.

"Станем добре, станем со страхом..."! Это начало Святого Возношения. "Стоять добре,— говорит святой (Иоанн) Златоуст,— ничтоже иное есть, разве аще (кроме как) стояти, яко-

же лепо есть (как и следует достойно) человеком предстояти Богу — со страхом и трепетом".

«...Вонмем, Святое Возношение в мире приносити"! То есть: да расположим себя к миру со всеми: и с Богом, и с ближними, и в мире будем приносить Святую Жертву.

"Милость мира...", то есть ту самую Жертву, Которая даровала нам Божию милость вечного мира с Богом, с самими собой и со всеми ближними, или "...Жертву хваления", то есть вседушевного славословия и всесердечного благодарения, мы не иначе можем приносить Всемилосердному и Всесвятому Богу, как только дерзновенно и неосужденно, как только в глубоком мире.

После приветствия апостольского: *Благодать Господа нашего Иисуса Христа*... (2 Кор. 13, 3) вновь напоминается нам о важности настоящего часа: "Горе имеим сердца"! (умом и сердцем возвысимся над всем чувственным) – возглашает предстоятель, и мы, вместе с хором подтверждая это словами "Имамы (то есть имеем [сердца; возвышаемые]) ко Господу", должны, действительно, вознестись духом превыше всего земного. Затем начинается совершение самого Таинства Евхаристии.

Священник, подобно Господу и Законоположнику (буквально — "Законодателю", то есть Тому, Кто установил ее, Евхаристию, как Закон) этой Таинственной Вечери, начавшему ее Благодарением (по-гречески "Благодарение" – *Евхаристиа ко Отцу* (Лк. 22, 19; 1 Кор. 11, 24), призывает всех нас благодарить Господа; во время пения "Достойно и праведно есть покланятися Отцу и Сыну и Святому Духу..." он воссылает ко Отцу Небесному молитву благодарения, перечисляя в ней все благодеяния Божии, явленные нам в Творении, Промышлении и особенно Искуплении, за которые мы вечно должны благодарить Господа Бога.

Представим себе и мы тогда, каковы высочайшие благодеяния к нам Божии; поразмыслим о том, какая Благость извела нас из ничтожества и привела в бытие, как Она взыскала

нас (нашла и заботилась о нас) после бедственного грехопадения и сотворила всё, чтобы спасти погибавших. Она даровала грешникам Сына Единородного и отверзла Крестом Его Небо для земнородных (рожденных на земле). Возблагодарим Всемилосердного Бога за все Его безчисленные к нам милости, ведомые и неведомые.

Возблагодарим и за дарованное нам новозаветное Богослужение, которое благоволил Всесвятой Бог принимать от нас, несмотря на то, что тьмы (множества) Ангелов служат Ему, и, созерцая победу Его благости над нашим злом, славят Его, "Поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф...!"

Церковь учит и нас воспевать эту Серафимскую песнь; но к ней для нас, грешных, она прилагает (присоединяет) и песнь ветхозаветных отроков: "Осанна — спасение — в Вышних (на Небесах), благословен грядый (грядущий, приходящий) во имя Господне! Осанна в Вышних"! Церковь научает нас и тому, что спасение — от Господа, к нам грядущего и вместе с тем присутствующего в Вышних,— превыше Ангелов и всех Горних (Небесных) сил.

Священник, воспоминая установление Святой Евхаристии, произносит слова Самого Господа Иисуса Христа: *Приимите, ядите, сие есть Тело Мое...*— затем: *Пийте от нея вси, сия есть Кровь моя...*

Из этого познаём, что спасение наше, действительно, не только в Вышних, но и среди нас: с нами Господь! Мы слышим Его Божественные глаголы, через Его Пресвятые руки приносим Святейшую Жертву и, не имея ничего собственного, Им благодетельствованные, вопием ко Отцу Небесному: "Твоя от Твоих, Тебе приносяще о всех и за вся (то есть за все, что Ты сделал для нас), Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи..."!

Во время пения этого стиха да падет во прах (да смирится с благоговением и самоуничижением) душа верующая,

ибо священнодействующий призывает Всесвятого Духа на предлежащие Дары (Хлеб и Вино) и совершает величайшее чудо всемогущей любви Божией,— не огонь сходит с неба, как некогда на жертвы ветхозаветные, а Сам Святой Дух Всесовершающий, и Он прелагает (изменяет сущность, пресуществляет) Хлеб и Вино в Истинное Тело и Истинную Кровь нашего Спасителя. Поэтому после слов: "...Тебе благодарим, Господи, и молимтися, Боже наш" мы должны и телом пасть на землю (поклониться до земли, сделать земной поклон), дабы воздать Боголепное поклонение Господу, таинственно присутствующему на Святом Престоле, в Своем Пречистом Теле и Крови.

Так приносит Святая Церковь ежедневно Божественную, Умилостивительную и Благодарственную Жертву "О всех и за вся"! Но как иногда невнимательны бывают иные присутствующие при этом святом действии, и как немногие, занимаясь житейскими делами, в домах своих или на работе — вне ее, думают о том, что совершается для них в это время в храме! Впрочем, и отсутствующим возвещается у нас о важности этого часа — посредством благовеста "к Достойно". Услышав этот звон церковный, каждый, хотя бы на две минуты, должен оставлять свои дела, свои занятия и присоединять свою молитву к молитвам Святой Церкви.

После освящения Даров следуют моления перед ними. Церковь, видя перед собой Возлюбленного Господа своего, как бы спешит возглаголать (высказать) перед Ним все, что есть на ее сердце.

Во-первых, с благодарением воспоминает она святых, тех же самых, которых поминала она на проскомидии и некогда украшавших ее на земле, а ныне ходатайствующих о Земной Церкви, самих же пребывающих в Церкви Небесной: "Изрядно же — преимущественно — благодарит о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице"; и молится, да посетит нас Господь по молитвам святых.

Потом творит моления за усопших в надежде Воскресения и жизни Вечной, молится за пастырей своих и служителей, о властех и воинстве .

Яснее познаем пространство (величие, широту) любви к нам Матери нашей Церкви из молитвы святого Василия Великого.

“Помяни, Господи,— молится в этой молитве священник,— предстоящия люди и ради благословных вин (здесь: из-за обоснованных причин) оставльшихся (отсутствующих)... сокровища (здесь: имущество) их исполни всякого блага, супружества их в мире и единомыслии соблюди, младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныя утеши, расточенныя (рассеянные) собери, прельщенныя обрати... стужаемыя (мучимые) от духов нечистых свободи, плавающим сплавай, путешествующим сшествуй, вдовицам предстани (помоги, защити), сирых (сирот) защити...”. Словом, все нужды и беды наши воспоминает Церковь и всем чадам своим испрашивает необходимые блага.

Но поскольку благо самой Церкви — благо всеобщее и оно должно быть главнейшим предметом молитв наших, что достигается преимущественно достойным служением пастырей,— то молиться за них, по наставлению апостола (Еф. 6,18,19) побуждаемся мы особенно возгласом священника: “В первых помяни, Господи, Святейший Синод...”[1] Другим возгласом “И даждь нам единеми усты... славити и воспевати Пречестное и Великолепое (Блистающее красотой; Великолепное) имя Твое...” указывается высочайшая цель христиан, о чем пишет апостол: *Дондеже* (пока не) *достигнем вся в соединение веры и познания Сына Божия* (Еф. 4,13).

Далее в ектении мы молимся о себе и друг о друге; да будет нам ниспослана Божественная благодать, да избавимся от всех зол и да проводим Богоугодно данное нам время жиз-

[1]Ныне — “Великаго Господина и Отца нашего (имярек), Святейшего Патриарха Московскаго и всея Руси”.

ни; а в конце ектении все — едиными устами и единым сердцем вопием к Богу Отцу словами молитвы Господней: *Отче наш...* И, в знак покорности Отцу Небесному, преклоняем головы свои перед Ним, умоляя Его, да устроит Он с нами всё во благо "Благодатию и щедротами, и человеколюбием Единороднаго Сына Своего...".

Когда священнослужители причащаются Божественных Таин в алтаре при затворенных Царских вратах, поется "причастен" (стих — обычно псаломский — поемый во время причащения священниками и диаконами Святых Таин), дабы мы размышляли о великих последствиях Крестной смерти нашего Господа, о сошествии Его во ад, об искуплении душ верующих и отверзении для всех Царства Небесного.

Когда отверзаются Святые двери, является Чаша спасения и мы слышим приглашение: "Со страхом Божиим и верою приступите!"

Следует поразмыслить нам, столь редко приступающим ко Причащению, о том, как далеки мы от чистоты древних христиан, за каждой Литургией причащавшихся Святых Таин. Представляя же в явлении святой Чаши явление Господа по Его Воскресении, да падем, по крайней мере, к ногам Божественного Искупителя, как святая Мария Магдалина, хотя мы и недостойны прикоснуться к Животворящему Его Телу.

Когда затем еще раз являются нам Святые Дары при возгласе священника: "(Благословен Бог наш), всегда, ныне и присно и во веки веков!" благоговейно представим себе последнее явление Господа, припомним сладчайшее (самое радостное) обетование (обещание) Его — таинственно пребывать с нами до скончания века и, подобно апостолам, свидетелям Божественного Вознесения (Лк. 24, 52), опять поклонимся Ему до земли.

Когда слышим благодарную песнь: “Да исполнятся уста наша...” и последнюю ектению — благодарение за Причащение Святых Таин, благодарим и мы за то, что Господь сподобил нас быть, в некоторой мере, созерцателями Пренебесных (выше Небес находящихся) Таинств Своих. Но, готовясь к исхождению из храма, приимем напутственную молитву пастыря, которую произносит он не в алтаре, а среди нас, как отец среди детей, и — его благословение в “отпусте”. Приняв всё это с верой, мы наилучшим образом сохраним в сердце те сокровища, которые приобрели во время молитвы за Литургией.

Наконец, когда затворяются Царские двери и мы воздаем последнее поклонение святыне Господней, подумаем и о том великом совершении (завершении, конце) всего, когда затворится навеки Чертог Царства Небесного и уже не будет нам времени для покаяния.

С молитвой святого старца Симеона *Ныне отпущаеши* (отпускаешь) *раба Твоего, Владыко...* с чувством любви и благодарения ко Спасителю нашему изыдем из храма.

Литургия Преждеосвященных Даров[1]

начинается Вечерней, но возгласом Литургии: “Благословено Царство...” и имеет особенности.

Так, после первой паремии, но перед началом второй, священник, имея в руках кадильницу (кадило) и свечу, возглашает, обратившись к народу: “Свет Христов просвещает всех!” Тем самым он указывает на таинственный смысл чтений ветхозаветных, через которые сияет Свет Христов, просвещавший праотцов и пророков.

[1]Эта литургия называется так потому, что совершается на Святых Дарах, освященных заранее (прежде) — за Литургией святого Иоанна Златоуста или за Литургией святого Василия Великого.— Ред.

После второй паремии все мы, присутствующие в храме, преклоняем колени с песнью святого пророка Давида “Да исправится (да направится) молитва моя...” (Пс. 140) и просим Господа, да будет молитва наша принята Им с благоволением, как благоухание кадила, как Жертва вечерняя. Вместе с тем мы умоляем Его, да положит Он хранение устам нашим, склонным к празднословию и осуждению ближнего, а сердца оградит от лукавых помыслов, извиняющих (и оправдывающих) наши грехи.

Перенесение Святых Даров предваряется и сопровождается особой песнью: “Ныне силы Небесныя с нами невидимо служат; се бо входит Царь Славы, се Жертва Тайная совершенна дориносится (здесь: торжественно и благоговейно переносится). Верою и любовию приступим, да причастницы жизни Вечныя будем. Аллилуиа!”

При перенесении Божественных Таин, как при шествии Царя Славы, в храме воцаряется глубокое молчание, и мы все приклоняемся до земли, воздавая Боголепное поклонение Телу и Крови нашего Господа и Спасителя.

За этой Литургией не бывает освящения Даров, и мы, тотчас по перенесении Святых Таин на Престол, молимся перед ними, как перед Всесовершенной Жертвой, да приимет ее Бог в Пренебесный и Мысленный (здесь: Духовный; не доступный чувственному восприятию) Свой Жертвенник и да возниспослет (ниспошлёт) нам Божественную благодать. Моление это оканчивается молитвой Господней; и после возгласа “Преждеосвященная Святая — святым” следует Причащение Святых Таин.

Заамвонная (то есть читаемая “за амвоном”, практически посреди церкви) молитва читается особая, соответствующая времени поста. В ней мы благодарим Господа, введшего нас в эти пречестные дни для очищения души и тела, и просим, да подаст нам Всеблагой Бог течение (прохождение) поста со-

вершить в подвиге добром, сокрушить невидимых змиев и, неосужденно окончания поста достигнув, поклониться Святому Воскресению.

Это значит, что на время Великого поста Церковь смотрит как на шествие по духовной пустыне; ведя же через нее чад своих, она желает им быть победителями всех врагов спасения, и, таким образом, с духовной радостью и торжеством прийти к светлым дням Святой Пасхи.

Архиерейское служение Литургии

Для более ясного понимания полноты Литургии представляем размышления об архиерейском ее служении.

Архиерей входит в западные двери храма и тихим гласом глаголет: «Вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему во страсе (страхе) Твоем: Господи, настави мя правдою Твоею враг (врагов) моих ради, исправи (выровняй) пред Тобою путь мой».

Встречают архиерея священники, один из них — с крестом, и диаконы с кадильницами. Хор поет: «Достойно есть, яко воистину блажити Тя, Богородицу...», в двунадесятые праздники — ирмос 9-й песни канона на утрени[1]. Первое приготовление архиерея к священнодействию — это входная молитва перед затворенными Царскими вратами и закрытыми завесой (занавесом при Царских вратах).

Затем архиерей является среди народа, на возвышенном месте в центре храма — на архиерейском амвоне (облачальном месте, рундуке), потому что служение его должно быть видимо всей церкви для ее назидания; но является он здесь

[1]Вместе с ирмосом поются (или не поются) припевы, взятые из 9-й песни канона. В подобных случаях ирмосы 9-й песни канона называются «задостойниками», поскольку они поются «вместо Достойно».

в одежде простой, обыкновенной, напоминая тем самым неузнанное сначала явление Христово в смиренной одежде человеческой. А поскольку святитель во время священнодействия представляет собой не только ближайшего служителя Христова, но являет отчасти и образ Самого Христа, то ему нужно теперь облечься в священные одежды, означающие Христоподражательные (в подражание Христу) свойства и добродетели. Одежды эти приносят ему диаконы (или иподиаконы), как Ангелы, из алтаря, как бы из невидимых хранилищ благодати, и облачают его, как знамениями (то есть каждая из священных одежд имеет свою символику, определенное духовное значение, о чем см. ниже); между тем другие диаконы оглашают таинственное значение каждой из этих одежд.

Сначала надевают на архиерея *стихарь* (подризник) — в знамение чистоты и веселия духовного; затем *епитрахиль* — знамение ига Христова и благодати, изливающейся в священстве; далее *пояс* — знамение силы Божией и готовности к служению; *поручи,* дающие свободу священнодействовать,— в память об узах Христовых; *наколенник* (палицу) — для напоминания о лентионе (полотенце) Христовом и о том, что духовный подвижник должен быть вооружен духовным мечом — глаголом Божиим; потом верхнюю ризу — *фелонь*[1] , или *саккос* — изображающий багряную хламиду (царскую накидку — порфиру) поруганного Христа или вретище (рубище) покаяния.

Но существенный знак архиерейства есть *омофор* — нарамник (то есть надеваемый на рамена — на плечи), знаменующий не только иго Христово, воспринимаемое служителем Христовым, но также иго, которое воспринял на Себя Сам Христос, то есть естество человеческое, которое Он, как Бла-

[1]Стихарь — богослужебная одежда диаконов, епитрахиль (у диакона — орарь), пояс, поручи, набедренник (или наколенник) и фелонь — богослужебные одежды и пресвитера.

гой Пастырь заблуждшую овцу, поднял на рамена (плечи) Свои и принес в дом Отца Небесного.

Как явный и ближайший последователь Христов, святитель принимает на перси свои (на грудь свою) *крест;* а дабы он помнил, что должен иметь в сердце своем, ему возлагают на сердце (собств.— на грудь) *панагию,* то есть образ Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем или образ Самого Господа Иисуса Христа; наконец, венчают его, как духовного Владыку в своей Церкви,— *митрой.*

Под ноги ему кладут *орлецы* — для указания на выспреннее (возвышенное) стремление горе (вверх, к Престолу Божию). В руки дают *трикирий* и *дикирий* — свещники с тремя и двумя свечами (в знамение света Святой Троицы и двух естеств в Спасителе — Божественного и Человеческого), которыми он осеняет народ — на восток, на запад, на полдень (юг) и на север, как осенением Святого Духа.

Диакон напоминает ему о долге его звания евангельскими словами: «Тако да просветится свет твой пред человеки...», а лики (хоры) приветствуют его пением — «Ис полла эти, Деспота» — «На многая лета, Владыко».

Отдав диаконам свещники, архиерей садится, и начинают часы; встает он только на Аллилуиа, на Трисвятое и на Честнейшую. Во время чтения часов выносят из алтаря «рукоумывало», и умывает руки, «седя» (сидя). В то же самое время архиерей посвящает в стихарь и во иподиакона (если есть посвящаемые).

По окончании часов служащие архимандриты, игумены, протопресвитеры (собств. протоиереи) и пресвитеры (священники), облачившись в алтаре, выходят из него южной и северной дверями и, поклонившись архиерею, становятся по чину, с правой и с левой стороны от него. Эти исхождения из алтаря и вхождения в него напоминают слова Евангелия: «Отселе узрите (отныне будете видеть) Небо отверсто, и Ан-

гелы Божии восходящии и нисходящии над Сына Человеческаго (к Сыну Человеческому)» (Ин. 1, 51).

По прочтении часов епископ встает и тихо молится: «Царю Небесный...», «Слава в вышних Богу...», «Господи, устне мои отверзеши...», а диаконы подходят к епископу, напоминая: «Время сотворити (здесь: совершить Священную Службу) Господеви...», и просят благословения на свое служение при Литургии. С ними первенствующий из протопресвитеров (протоиереев) поклоняется Владыке, идет в алтарь южной дверью, *вшед, повелит диакону Царския двери отверсти* и начинает: «Благословено Царство...».

Во время «мирной ектении» архиерей «седя» читает молитвы «Предложения» (то есть жертвенника, на котором приготовляются к Литургии Святые Дары, каковые также называются «Предложением», пока они пребывают на жертвеннике): «Боже, Боже наш...» и прочие три молитвы — «Согласия» (то есть единодушия в молитве). Встает же только «в возгласы» и на «Единородный...».

Старший пресвитер начинает Литургию благословением Царства Пресвятой Троицы, подобно тому, как праотцы и пророки возвещали славу Божию и благодать Христову прежде, чем Сам Христос открыл (начал) дело спасения рода человеческого.

Великая ектения, или протяженная, продолжительная молитва, заключает в себе все, о чем должны мы благоразумно просить у Бога для нашей жизни, начиная с вышнего (свыше являемого) мира и спасения душ наших и заключая совершенной преданностью (предаванием, отдаванием) самих себя и друг друга и всей нашей жизни Христу Богу, при заступлении (заступничестве) Пречистой Девы и всех святых.

Что может быть трогательнее молитвы о плавающих, путешествующих, недугующих, страждущих, плененных и о спасении их? Но здесь от милосердного ока Церкви не укры-

лось (не осталось незамеченным) ни одно бедствие человечества: даже и невидимый мир участвует в ее всеобъемлющей любви, когда она молит о всех прежде почивших отцах и братиях, зде лежащих и повсюду православных. На велегласные (громкие) приглашения диакона к этой молитве народ в лице хора отвечает: «Господи, помилуй... Тебе, Господи...», пресвитеры же, следуя тайной молитвой за словами диакона, всегда в конце ектений возглашают хвалу Триединому Богу.

Между великой и двумя малыми ектениями поются на оба хора *антифоны,* то есть попеременные песнопения, составленные отчасти из целых псалмов, отчасти из избранных (псаломских) стихов, относящихся к празднеству дня.

Этот вид пения установлен святым Игнатием Богоносцем, которого ребенком благословил Спаситель в числе приведенных к нему младенцев.

Таинственное видение Ангелов, возглашавших друг другу славу Божию, внушило эту мысль святому Игнатию, и он передал ее Церкви. А в VI веке император (Византийский) Юстиниан принес благоговейно в дар Церкви высокий гимн свой, во славу Единородного Сына Божия. Гимн этот поставлен в конце второго антифона, чтобы песнью о Воплощении запечатлеть истину пророческих вдохновений.

Начинается торжественный вход с Евангелием. Епископ встает со своей кафедры и тайной молитвой «Владыко Господи...» готовится ко входу в алтарь. Созерцая в Евангелии как бы присутствие Самого Христа, целует его, и, подражая Иоанну Предтече, который, увидев грядущего Спасителя, воскликнул: «Се (Вот), Агнец Божий, Вземляй (Который берет на Себя) грехи мира»,— первый призывает верных к поклонению Ему словами: «Приидите, поклонимся и припадем ко Христу: спаси ны, Сыне Божий...».

В Евангелии — свет Христов, и ближайшее действие молитвы есть духовный свет в душе, а потому при пении этой

молитвы архиерей осеняет верных светильниками, как бы Божественным светом, окруженный и поддерживаемый священнослужителями, «неспешно и тихо» идя в алтарь, вновь осеняет направо и налево народ, отдает протодиакону трикирий, целует Царские врата справа и слева и затем — Престол.

Молитва: «Спаси ны, Сыне Божий...» «переходит» с середины храма на клирос, а оттуда — в алтарь. Архиерей принимает кадило и благоуханием фимиама, во-первых, воздает честь Престолу Христову, кадит алтарь и жертвенник, а затем и церковь, изображая тем самым действие глубокой внутренней молитвы,— усладительное (доставляющее радость, удовольствие, наслаждение) веяние Святого Духа. В ответ на каждение церковь приветствует святителя пожеланием ему многих лет, по обычаю — на греческом языке («Ис полла...»); и сам архиерей вслед за тем взаимно приветствует желанием многих лет всю церковь, начиная со Святейшего Патриарха Московского и всея Руси *(имярек)* и властей, которое диакон и клир возглашают, а он запечатлевает осенением рук своих.

После каждения архиерей вновь приступает к молитве — еще более внутренней, потому что она начинается в алтаре — у самого Престола Христова и отсюда переходит в церковь, молитве — еще более возвышенной, потому что она относится непосредственно к Пресвятой Троице.

Святитель в первый раз возглашает сам, прославляя святость Божию: «Яко Свят еси, Боже наш, и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно...», и, возвращаясь к своей тайной молитве, не оканчивает славословия, а в знак единства предоставляет довершить его диакону, обращающемуся к церкви с восклицанием «...и во веки веков».

Трисвятая песнь, возглашаемая на клиросе и в алтаре, также сопровождается светом светильников. Архиерей берет дикирий и крестообразно касается его основанием лежащего на Престоле Евангелия, как источника света; потом обра-

щается к народу и, держа в одной руке светильник, в другой — крест, крестообразно осеняет с амвона всю церковь — на запад, на полдень (юг), на север и на восток с трогательными словами: «Призри (Посмотри) с Небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей и — утверди и (утверди его, виноград), егоже насади десница Твоя».

Церковь видит в этом осенении не только двоякий свет дикирия — знамение двоякой природы Христовой (Божественной и Человеческой), но и спасительную цель Его Воплощения — Крест. Когда же архиерей возвращается в алтарь уже не только к Престолу, но далее — к востоку — на «Горнее место», во изображение Христова Вознесения и седения одесную Бога Отца, то, взяв трикирий, из этой более глубокой внутренней части святилища еще раз осеняет всех Троическим Светом Божества, Живущего во Свете Неприступном.

Начинается чтение Апостола, во время которого епископ сидит на Горнем месте, как преемник апостолов, а по обеим сторонам от него сидят пресвитеры, как его сослужители. Но перед чтением он снимает с себя и отдает омофор, дабы сей знак, некоторым образом Христов, предшествовал Евангелию Спасителя, когда его будут выносить для чтения, и дабы в то же время представить себя смиренно стоящим наравне с прочими учениками Слова Божия — в одной только митре, отличающей его от других.

По окончании же чтения Евангелия святитель сходит с Горнего места, вновь становится перед Престолом для молитв, возносимых в следующих ектениях — сугубой, об умерших, об оглашенных и прочих — до Херувимской песни.

Поется Херувимская песнь — творение императора (Византийского) Иустина и совершается воспоминание шествия Царя Славы на вольные Страдания и Крестную смерть. В Херувимской песни слово — «дориносима», или «копьеносима» в точности отображает ту картину, которую хотел пока-

зать Иустин. Римские воины при возглашении (имени) новоизбранного императора обычно поднимали его посредине легиона (отряда войска, численностью около 6 тысяч воинов) на щите, поднимаемом в свою очередь на копьях, и, таким образом, император являлся поверх окружавших его копий.

В церкви мы видим похожую картину: после слов «отложим попечение» появляется диакон, как бы один из невидимого легиона (здесь: великого множества) Ангелов, поднимающий над главой, на дискосе (священном богослужебном блюде), как на щите, Царя всех, в смиренном виде Агнца.

Перед самым великим входом всегда поражают слух благодетельные (приводящие к созиданию блага, к творению добра) слова «отложим попечение», и как своевременно извлекают они грубый ум из помыслов житейских!

Тогда сам архиерей, в Царских вратах омыв в освященной здесь же его молитвой воде[1] очи и руки, чтобы чисто созерцать и действовать, и трижды простирая (воздвизая) руки в молитве перед Престолом, идет сам творить молитвенное воспоминание живых и мертвых над жертвенником и отпускает (отдает) приуготовленного Таинственного Агнца для страшного Его принесения в жертву на Престоле за грехи людей.

Христиане ожидают сего торжественного шествия, втайне (про себя, без возглашения) поминают своих родных и молят, с преклонением главы, идущих мимо пресвитеров, чтобы помянули и их самих перед Господом.

Песнь святого Василия Великого на это же мгновение, которую поют только однажды в году, в Великую Субботу, еще

[1]Как сказано в «Чине, бываемом на хиротонию иподиакона», «...И помазует архиерей тою святою водою очи свои, уши, ноздри и устне. ...И егда (после того, как) архиерей приимет Святая (Святые Дары) и служащии вси пройдут во олтарь, рукополагаемый же иподиакон, поклонився архиерею, несет воду на правой и левой клиросы и к народом, и помазуются тою водою вси. И отводят его паки во олтарь и сливают оставшую воду в кладязь» («Чиновник архиерейского священнослужения». М., Синодальная типография, 1907, л. 131 об.).

умилительнее: «Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом, и ничтоже земное в себе да помышляет; Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь (в духовную пищу) верным. Предходят же Сему лицы (хоры, множества) Ангельстии, со всяким Началом и Властию (Начала и Власти — чины Ангельские), многоочитии Херувими и шестокрылатии Серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: Аллилуиа».

Вместе со слышанием этой песни мы видим ее как бы изображение в лицах: диаконы (или иподиаконы) в образе Ангелов, предыдут (идут впереди) *со свечами;* другие веют над дискосом и сосудом (Чашей) *рипидами* (кругами на длинных рукоятях) с изображением Серафимов; иные облекают (окутывают) все шествие облаками *фимиама,* как бы приготовляя Ему воздушную стезю (тропу): один несет на плече своем *воздух* (больший плат, или покров, которым покрываются Святые Дары — вместе и дискос, и Чаша), память о погребальной плащанице Христовой; другой несет *омофор,*— знак вочеловечения, с сияющим на нем крестом; старший диакон высоко держит над главой *дискос,* или блюдо, на котором лежит покровенный Агнец; за ним старший пресвитер с *Потиром,* Чашей, готовой скоро исполниться (наполниться) Кровию Христовой; далее следуют постепенно (последовательно) в руках иерейских орудия Божественного Страдания: *крест, копие, губа,* которая напоила Его желчью, и *лжица,* дающая вкушать (священный сосуд в виде ложечки, которым преподаются) Тело и Кровь Его верным (мирянам).

Архиерей — без митры и омофора — раболепно встречает это изобразительное (образное) шествие в дверях Царских, сам творит поминовение и, поставляя дискос и Чашу на Престол, как бы во гроб, подобно праведному Иосифу Аримафейскому, воспоминает его подвиг, произнося: «Благообразный Иосиф с древа снем Пречистое Тело Твое, плащаницею чистою обвив, и благоуханьми во гробе нове закрыв положи».

Снова выходит диакон к народу и призывает исполнить (совершить) молитву Господеви; но уже прошения его не касаются благ земных и временных, а простираются единственно — к благам духовным и Небесным. Он молит об Ангеле Хранителе, о том, что есть доброго и полезного душам нашим, о прощении грехов, о провождении нашей жизни в мире и покаянии и о христианской ее кончине, с добрым ответом перед Страшным судилищем Христовым.

Какие назидательные прошения и молитвы! Затем мы услышим со всей церковью пожелание мира из уст святительских, и диакон приглашает христиан ко взаимной любви, дабы они могли единомысленно исповедовать — и хор договаривает за всех: «...Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную», показывая тем самым, что все мы сохраняем взаимную любовь и с любовью исповедуем Истинного Бога.

Прежде во время этого пения все христиане целовали друг друга; теперь одни только священники в алтаре целуют руку и плечи у архиерея и друг у друга.

Диакон взывает: «Двери, двери, премудростию вонмем». А церковь поет Символ веры: «Верую...». Архиерей преклоняет главу к Престолу: служащие священники веют над Святыми Дарами и его главой воздухом. В древности в это время закрывались двери храма от неверных и еретиков; теперь верующие должны закрыть свои чувства и оградить их от рассеянности. Диакон еще раз призывает верных ко вниманию такими сильными словами: «Станем добре, станем со страхом, вонмем, Святое Возношение в мире приносити» и удаляется в алтарь.

В ответ на возглашение диакона лик поет: «Милость мира, Жертву хваления». То есть — будем, воспоминая великую милость Божию, Крестную смерть Спасителя, даровавшую нам глубокий мир с Богом, с самими собой и с ближними,— будем приносить за нее Богу Жертву хваления, или — Евхаристию.

Тогда в последний раз, для возжения (возгревания) усердия в народе перед освящением Даров, исходит к народу епископ, держа в руках свещники и, подняв их к небу, сначала преподает верным три духовных дара от каждого Лица Святой Троицы: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы (любовь) Бога и Отца, и причастие Святаго Духа...» (общение во Святом Духе); и молит всех: «Горе имеим сердца», и, получив от верных ответ: «Имамы ко Господу!», епископ, осеняя их, восклицает: «Благодарим Господа!» и возвращается к Престолу Божию. Настали самые важные минуты Литургии: начинается Приношение Безкровной Жертвы; звон колокола побуждает к вящшей (к большей, к более усердной) молитве не только предстоящих, но и отсутствующих; церковь поет: «Достойно и праведно есть покланятися Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней».

Святитель перед Престолом воспоминает все дивные и несказанные благодеяния Господа роду человеческому, начиная от сотворения мира до Его Искупления, приходя более и более в восторг (в возвышенное состояние) и как бы не находя уже человеческих слов для воздаяния (принесения) достойной хвалы Богу, восхищается (возносится) до Небес, слышит там с пророком Исаией Серафимскую песнь, видит с пророком Иезекиилем таинственные образы — орла, тельца, льва, человека — и восклицает: «Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще».

Хор, участвуя в его восторге, отвечает сначала словами самих Ангелов — как бы на Небе: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, исполнь Небо и земля славы Твоея!».

Потом и на земле приветствуют Господа кликами (восклицаниями) ветхозаветных отроков, изшедших некогда с пальмовыми ветвями на сретение (встречу) Сына Давидова: «Осанна в Вышних! Благословен грядый во имя Господне!». «В сие мгновение,— говорит святой Иоанн Златоуст, — мно-

гие святые мужи видели внутри святилища Ангелов, сослужащих им и со страхом предстоящих Трапезе».

Восторженный (вознесенный) до Небес ум святителя и воспламененное любовью сердце, в Ангельских славословиях, молитвенно от славословия Святой Троицы движется вслед за Спасителем мира, с Неба переносится на землю — в ту безпримерную ночь, в которую Он предан был за мирской живот (за жизнь мира) — в ту горницу велию, в которой Он установил Таинство Евхаристии — в вечное Его воспоминание и, указывая на Святой Хлеб, произносит слова Господни: «Приимите, ядите, сие есть Тело Мое, еже за вы ломимое во оставление грехов», а на Чашу — «Пийте от нея вси, сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за многия изливаемая во оставление грехов».

Воспомянув эту спасительную заповедь (здесь: наставление, указание, поручение) и все, для нас бывшее: Крест, гроб, Воскресение, Вознесение, одесную (по правую руку) сидение и Второе пришествие, святитель вновь возносится горе к Богу Отцу с этим вольным (добровольным) Сыновним приношением и — вместе с этим — принося Ему эту Словесную и Безкровную Службу, эти Дары — Хлеб и Вино (поднимаемые крестообразно сложенными руками диакона), возглашает: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся...».

Умиленно при этом он просит и молит Отца Небесного о ниспослании Духа Святаго на себя и на предлежащие Дары, которые, с произношением тайнодейственных слов, благословляет притрепетно (исполненный трепета) крестным знамением: *Хлеб*, глаголя: «И сотвори убо Хлеб сей Честное Тело Христа Твоего», *Чашу* — «А еже в Чаши сей Честную Кровь Христа Твоего», обоя (то есть вместе и Хлеб, и Чашу): «Преложив Духом Твоим Святым...»!

Тогда имея перед собой уже не Хлеб и Вино, но Истинное Тело Христово и Истинную Кровь Христову, он и все сослужащие благоговейно простираются ниц перед Сверхъестествен-

ным Таинством, каковое дерзнул совершить смертный по благодати Святого Духа. Во всё же время этого Великого действия лики поют благоговейно: «...Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш!».

И нельзя в эти минуты не петь, не благословить, не благодарить Господа и не молиться Ему: Небо теперь всё — со всеми Небожителями — здесь.

«Что творишь, о брат мой! — говорил некогда святой Ефрем Сирин (Iок. 373—379) рассеявавшимся (отвлекавшимся) в эту страшную минуту,— что творишь! Не обещал ли иерею горе имети сердце, и не страшишься ли в час сей обретаться лживым! О, великое чудо! Агнец Божий ради тебя закалается, все силы Небесные с иереем за тебя молятся, Кровь Христова вливается в тайную Чашу за твое очищение, а ты не стыдишься, не оплакиваешь самого себя в сие мгновение, не молясь ни о себе, ни о других!»

Воздавая затем честь Телу и Крови Христовым кажденим фимиама, священнодействующий молится, чтобы великое это Таинство было причащающимся его — в трезвение (бодрствование) души, во оставление грехов, в приобщение Святого Духа, во исполнение (здесь: для достижения) Царства Небесного, в дерзновение к Богу, не в суд или во осуждение; благодарно воспоминает как об участниках в молитве и Таинстве, так и о всех святых, от века благоугодивших Господу: праотцах, отцах, патриархах, пророках, апостолах, проповедниках, евангелистах, мучениках, исповедниках, воздержниках и о всяком духе праведном, в вере скончавшемся; наипаче же («изрядно») о Пресвятей, Пречистей, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве (вечно Пребывающей Девой) Марии». Церковь ублажает Ее достойными хвалами, величая: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим...».

Архиерей, воспомянув также Крестителя Господня Иоанна, святых и славных апостолов, святого, его же память со-

вершается, и всех святых, чтобы молитвами их посетил нас Господь,— молится о всех усопших в надежде Воскресения живота Вечного, чтобы Господь упокоил их, идеже приобщает (там, где присутствует, пребывает) свет лица Его; молится за власти духовные и мирские, за Церковь, за всех христиан живых и даже за всю вселенную; ибо точно на всю вселенную простирается сила и действие Жертвы Христовой,— молится особенно, чтобы все едиными устами и единым сердцем славили и воспевали Пречестное и Великолепое (Блистающее красотой, Великолепное) имя Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков.

Наконец, Владыка заключает свою молитву великими словами: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами», осеняя при этом крестовидно обеими руками предстоящих и отвечающих ему: «И со духом твоим».

Выходит из алтаря диакон и повторяет прежние духовные, высокие молитвы, но присоединяет к ним вначале прошение о том, «чтобы Господь, приняв Святые принесенные Ему Дары в Пренебесный и Мысленный Свой Жертвенник, вознеспослал нам Божественную Свою благодать и Дар Святаго Духа»; а в конце говорит: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе, друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

Между тем святитель глаголет молитву: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче, и просим, и молим, и мили ся деем (с сокрушением молимся, просим о заступлении, о милости): сподоби нас причаститися Небесных Твоих и Страшных Таин, сея Священныя и Духовныя Трапезы, с чистою совестию, во оставление грехов, в прощение согрешений, во общение Духа Святаго, в наследие Царствия Небеснаго, в дерзновение еже к Тебе, не в суд или во осуждение».

В заключение этой молитвы взывает: «И сподоби нас, Владыко, со дерзновением, неосужденно смети призывати Тебе,

Небеснаго Бога Отца, и глаголати». В ответ на это *людие* поют Богоугоднейшую из всех молитв — собственно молитву Господню: «Отче наш...». Тайно молятся этой молитвой и все сослужащие и сам архиерей, в заключение ее возглашающий: «Яко Твое есть Царство, и сила, и слава Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно, и во веки веков». Лик: «Аминь».

Приготовившимся таким образом ко Святому Причащению и присутствующим при совершении Богослужения архиерей преподает: «Мир всем», благословляет их обеими руками и в ответ от них слышит: «И духови твоему».

Святитель присовокупляет еще две тайных молитвы: одну о всех преклонивших, по возглашению диакона, свои главы, которую заключает возгласом: «Благодатию и щедротами...», а другую о том, чтобы Господь внял нам (услышал нас) от Святого Жилища Своего, пришел и освятил нас и сподобил Державной Своей рукой преподать Пречистое Тело и Честную Кровь Свою нам и всем людям.

Наконец, с привлекающим внимание словом «Вонмем», святилище — алтарь закрывается завесой, для причащения священнослужащих. В эту минуту архиерей, подняв с дискоса Тело Христово, возносит Его горе, возглашая торжественно: «Святая святым»,— чем дает понять, насколько святым нужно быть для принятия этой Святыни, а лик смиренно отвечает ему: «Един Свят, Един Господь, Иисус Христос, во славу Бога Отца. Аминь».

Церковь поет «причастный стих»; архиерей, причастившись сам, по обычаю причащает в алтаре и сослужащих, которые для принятия Тела Христова подходят к архиерею с левой стороны, а для принятия Крови Христовой — с правой. Поистине эта умилительная картина трогательно напоминает последнюю Вечерю Христову с Его учениками.

После причащения священнослужащих Царские врата вновь отверзаются. Устами диакона как бы Сам Спаситель призывает всех верных на Свою Трапезу: «Со страхом

Божиим и верою приступите!» Церковь радостно восклицает: «Благословен грядый во имя Господне! Бог Господь и явися нам!» После Причащения верующих она поет трогательную песнь: «Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклаяемся, Та бо нас спасла есть».

Затем еще однажды являются народу Святые Дары в Царских вратах и тотчас скрываются от церкви и поставляются на жертвеннике.

При этом священнодействующий воспоминает последнее явление Христа апостолам и Его Вознесение на Небо; и, как бы удаляясь за Христом на Небеса, он произносит у Престола: «Благословен Бог наш...», так что церковь это не слышит, а только конец славословия произносится вслух в Царских вратах: «...всегда, ныне и присно, и во веки веков»; ибо Господь обещал быть с нами во веки.

После краткой — благодарственной за Причащение и с испрашиванием совершенного, святого, мирного и безгрешного всего дня — ектении и заамвонной молитвы, архиерей еще раз благословляет предстоящих и делает им отпуст (то есть «отпускает» людей — благословляет им выход из храма).

Таково страшное, внушающее благоговение, величественное, чрезвычайное, удивительное совершение Страшных Таин Христовых!

Евхаристическая жертва

Размышляя о Святейшей Евхаристии, напомним кратко догматическое учение о ее существе.

Нет сомнения, что Святейшая Евхаристия при том только условии может примирить нас с Богом, если в ней под видом Хлеба и Вина присутствует Сам Господь Иисус Христос, Единственный Ходатай и Примиритель человеческого рода с Небесным правосудием; если далее Он присутствует в Евхаристии

не только для того, чтобы подаваться в снедь верным, но вместе с тем и для того, чтобы приноситься за них в Жертву Богу, так как без жертвы, по учению Апостола, невозможно примирение с Богом (Евр. 9, 22); если сверх того Евхаристия, будучи Жертвой за нас Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, есть вместе с тем жертва Богу и с нашей стороны, ибо когда она не наша, то и не может примирить нас с правдой Божией; если, наконец, Евхаристия находится в ближайшем, теснейшем отношении к Голгофской Жертве, кроме которой нет и не может быть иной жертвы, довлеющей к удовлетворению (достаточной для удовлетворения) безконечного правосудия за грехи наши.

Таким образом, говоря о существе Евхаристии, напомним себе, что:

а) в Евхаристии, действительно, присутствует Сам Господь Иисус Христос; б) она есть Истинная Действительная Жертва за нас Единородного Сына Божия Богу Отцу; в) она есть и наша собственная жертва; г) она состоит в теснейшей связи с Жертвой Крестной.

Учение о Божественном установлении Евхаристии будет служить вступлением к размышлению о вышеназванных предметах, а учение о том, каким образом мы должны участвовать в Евхаристической Жертве, чтобы она могла служить действительным средством к примирению нас с Богом, заключит размышление о ее существе.

Божественное установление Евхаристии

Святейшая Евхаристия имеет происхождение Божественное — она установлена Самим Господом нашим Иисусом Христом. Об этом свидетельствуют: а) история обетования о ней Господа Иисуса Христа — Ин., гл. 6; б) история самого ее установления, которую передают Евангелисты — Матфей: 26, 26—28, Марк: 14, 22—24, Лука: 22, 16—20 и Апостол Павел: 1 Кор. 11, 23—25.

Присутствие Господа Иисуса Христа в Евхаристии

В учении о присутствии Господа Иисуса Христа в Евхаристии нужно различать: а) действительность и б) образ этого присутствия.

а) Православная Церковь верует, что Господь Иисус Христос, действительно, присутствует в Евхаристии.

Эта истина имеет неопровержимые основания: *в Священном Писании* — это все вышеуказанные места из Евангелистов и Апостола Павла, которые нужно понимать не в переносном, а в прямом, буквальном смысле; *в Священном Предании* — к нему относится учение не только Отцов Церкви о присутствии Господа Иисуса Христа в Евхаристии, например, святых: Игнатия Богоносца, ‡ок. 107 (Послание к Смирнянам, 7), Иустина Философа, Iок. 166 (Апология 1, гл. 26), Иринея Лионского, ‡ок. 202 (Против ересей, кн. 4, гл. 18, 4 и 5), Кирилла Иерусалимского, I386 (Тайноводственные поучения, 4, 1, 2, 3, 6), Иоанна Златоуста, I407 (Беседы на Евангелие от Матфея, 82), Иоанна Дамаскина, ‡ок.780 (Точное изложение веры, кн. 4, гл. 13), но и целых Соборов — Первого, Никейского — 325 г., Третьего, Ефесского — 431 г., и Седьмого, Никейского Второго — 787 г.

Все эти свидетельства приведены в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 154—164.

Следовательно, мнение древних еретиков докетов (I век) и реформатов (Виклифа, ‡1384; Цвингли, ‡1531; Кальвина, ‡1564), и особенно новых, которые учат, что Хлеб и Вино и по освящении остаются простым хлебом и вином и служат только символами Тела и Крови Христовой,— есть заблуждение.

б) Господь Иисус Христос присутствует в Евхаристии не так, как будто бы только проницает (по ошибочному учению лютеран) Хлеб и Вино, остающиеся неизменными, и только пребывает в них, с ними, под ними (по-латыни: in, cum, sub

pane); но так, что Хлеб и Вино прелагаются, пресуществляются, претворяются в Самое Тело и в Самую Кровь Его (Православное исповедание веры, ч. 1, ответ на 56-й вопрос; Послание Восточных Патриархов о вере).

В подтверждение этой истины могут быть приведены: опять же — вышеуказанные места из Священного Писания, где прямо и ясно Самый Хлеб называется Телом Христовым, Самое Вино — Кровию Христовою, а Хлеб и Вино не иначе могут соделаться Телом и Кровию Христовою, как только через преложение, претворение; различные чинопоследования Литургии — так как во всех древних Литургиях, употребляющихся не только в Православной Церкви, но и у несториан, евтихиан, сирийцев, яковитов и в Церкви Римской, есть молитва к Богу Отцу перед освящением Даров о том, чтобы Он преложил, пременил, претворил Духом Святым Хлеб — в Честное Тело Христа, а Вино — в Честную Кровь Его; учение Отцов и учителей Церкви — святых Кирилла Иерусалимского (Тайноводственные поучения 1, 7), Григория Нисского, ‡ок. 395 (Катих. [1]37), Амвросия Медиоланского, ‡397 (Книга о Таинствах), Иоанна Дамаскина (Точное изложение веры, кн. 4, гл. 13), блаженного Феодорита Киррского, ‡ок. 466 (Толкование на Евангелие от Иоанна, 6). Указанные свидетельства Отцов Церкви см. в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 169—173.

Из учения о присутствии Господа Иисуса Христа в Евхаристии вытекают следующие заключения, которые еще яснее определяют образ присутствия Его в этом Таинстве.

Первое: Хлеб и Вино в Евхаристии претворяются собственно в Тело и Кровь Господа. Но так как с Его Телом и Кровию нераздельно соединена Его Душа, а с Его Человечеством нераздельно — ипостасно соединено Его Божество, то ясно, что Господь Иисус Христос присутствует в Евхаристии не одним

[1]Это должна быть ссылка на «Большое огласительное (катихизическое) слово».

только Телом Своим и Кровию, но всем Существом, то есть и Душой Своей, и Самим Божеством (см. Ин. 6, 56, 57; Точное изложение веры, кн. 4, гл. 13; Беседы о Таинствах, епископа Евсевия, с. 175).

Второе: Хотя Освященные Дары раздробляются и разделяются в Евхаристии, но собственно это бывает только с видами (то есть с веществом) Хлеба и Вина, а не с Самым Телом, Которое вместе с Кровию, как Тело Духовное, Прославленное, Безсмертное, *ктому уже не умирает* (Рим. 6, 9; 1 Кор. 15, 43, 44), следовательно, не может подвергаться разделению, разрушению, раздроблению.

Отсюда в каждой части Освященных Даров находится не одна какая-либо часть Тела и Крови Господней, но Тело Христово всегда и во всем целое, и в каждой части — до малейшей частицы — присутствует весь Христос по Существу Своему, то есть с Душой и Божеством, Совершенный Бог и Совершенный Человек (см. Послание Восточных Патриархов о вере, член 17-й; слова в чине Литургии при раздроблении Агнца).

Третье: Равным образом, хотя Евхаристия совершалась и совершается в безчисленных местах вселенной, но Тело Христово всегда и везде Одно, и Кровь Христова всегда и везде Одна, и повсюду в Евхаристии присутствует Один и Тот же Христос, Совершенный Бог и Совершенный Человек (Послание Восточных Патриархов о вере, член 17-й).

Четвертое: Так как Хлеб и Вино через Таинственное освящение прелагаются в Истинное Тело и Кровь Господа Иисуса Христа, то значит со времени освящения Даров Он присутствует в Евхаристии постоянно, то есть присутствует не только при самом употреблении и принятии Таинства верующими, но и до употребления и после употребления (там же).

Пятое: Наконец, так как Хлеб и Вино прелагаются в Евхаристии в Истинную Плоть и в Истинную Кровь Господа Иисуса Христа, Которым Он всегда присущ по Божеству Своему, то ясно, что Освященным Дарам следует воздавать покло-

нение Боголепное (приличное Богу) (Православное Исповедание веры, ч. 1, ответы на вопросы 56, 107; святой Иоанн Златоуст, Толкование на 1-е Послание к Коринфянам, беседа 25, 5).

Святая Евхаристия есть Истинная за нас Жертва Искупителя нашего Богу Отцу

Православная Церковь, исповедуя в Евхаристии Высочайшее Таинство, верует также и исповедует, вопреки мнениям протестантов, что Евхаристия есть вместе Истинная, Действительная Жертва за нас Правосудию Божию Господа нашего Иисуса Христа.

Эта истина имеет непоколебимые основания в *Священном Писании,*— это пророчество пророка Малахии о Евхаристии, как Жертве (Мал. 1,10—11),— слово Господа Иисуса Христа из Его беседы об установлении Евхаристии (Ин. 6, 57),— Его же слова при самом установлении Евхаристии (Мф. 26, 26—28),— слова Апостола Павла, сказанные им в предостережение коринфянам от участия в идоложертвенных (1 Кор. 10, 18—21); в *Священном Предании к* нему относятся — исповедание Церкви, что в Евхаристии она приносит Богу *Жертву о всех и за вся* (Чинопоследование Литургии),— свидетельства Вселенских Соборов — Никейского Первого, Ефесского, Никейского Второго,— свидетельства Отцов и учителей Церкви святых Игнатия Богоносца, Иустина Философа, Киприана Карфагенского (I258), Григория Нисского, Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина. Все эти свидетельства см. в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 162—164; 190—194.

Святая Евхаристия, будучи Жертвой за нас Единородного Сына Божия, есть вместе с тем жертва Богу Отцу и с нашей стороны

Для подтверждения этой истины должно быть обращено внимание преимущественно на то, что Евхаристия — ви-

димым образом — приносится нами самими, руками из нашей среды избранных и освященных мужей, приносится нашей верой и любовью, соединяющими нас с Господом Иисусом Христом.

Отношение Евхаристической Жертвы к Жертве Крестной

1. Что общего между Крестной и Евхаристической Жертвой Господа Иисуса Христа?

Общим между Жертвой, приносимой Богу в Святой Евхаристии, и Жертвой Голгофской является то, что они суть одно в существе своем. И ныне на жертвенниках Церкви приносится та же самая Пречистая Плоть Господа, Которая страдала на Кресте, та же самая Пречистая Кровь Его, Которая пролита за нас на Голгофе.

Евхаристическая Жертва священнодействуется невидимо тем же Вечным Первосвященником Господом Иисусом Христом, Который совершил и Жертвоприношение Крестное (см. молитву священника на Херувимской песни).

2. Чем они отличаются одна от другой?

Различие между Крестной Жертвой и Жертвой Евхаристической следующее.

На Кресте Господь Иисус Христос видимо принес в Жертву Богу Отцу Свое Пречистое Тело и Свою Пречистую Кровь, а в Евхаристии Он приносит их невидимо и только для нас под видом Хлеба и Вина.

Там Он непосредственно Сам принес Искупительное Жертвоприношение: здесь, хотя и невидимо, также Сам совершает его, но — видимо, посредством пастырей Церкви. Там Жертва принесена через действительное заколение Агнца Божия; здесь она совершается через Таинственное Преложение Духом Святым Хлеба и Вина в Тело и Кровь Христовы, без страданий, без пролития крови, без смерти.

На Кресте Господь Иисус Христос однажды принес Себя в Жертву для искупления мира; а Евхаристическое жертвоприношение со времени его установления совершалось, совершается и будет совершаться до скончания мира (1 Кор. 11, 25, 26).

3. Каковы же свойства Жертвы Евхаристической? Будучи, в существе своем, единой с Крестной Жертвой, Евхаристическая Жертва есть *Умилостивительная* Жертва за всех живущих и умерших в вере и покаянии (Послание Восточных Патриархов о вере, член 17-й, см. 1 Ин. 1, 7; Евр. 9,13,14; Гал. 3,13; Еф. 2,13,18; Кол. 1,19—21; 1 Ин. 2, 2; Лк. 22,19, 20).

Имея силу умилостивлять в отношении нас Бога, она — очевидно — сильна испрашивать нам у Бога и разного рода блага; следовательно, будучи Жертвой Умилостивительной, она есть вместе с тем Жертва *Просительная, Ходатайственная*. Поэтому Церковь, совершая Евхаристию, молит Бога не только о помиловании нас за грехи, но также испрашивает у Него и разнообразные дары, духовные и телесные, благопотребные (благовременные, необходимые) для человека в жизни.

Далее Святая Евхаристия есть Жертва *Хвалебная и Благодарственная* потому, что она едина с Голгофской Жертвой, которая, как единственный источник всех благодеяний Божиих к нам, грешным, есть для нас предмет вечной хвалы и благодарения Господу. Поэтому за Литургией Василия Великого и Иоанна Златоуста, перед освящением Даров, Церковь, воспоминая великие благодеяния Божии, прославляет и благодарит Святую Троицу (см. Лк. 22, 19, 20; 1 Кор. 11, 23, 24).

Евхаристическая Жертва есть Жертва *Безкровная, Безстрастная,* только *Воспоминательная,* совершаемая в воспоминание страданий и смерти Божественного Агнца (Лк. 22,19,20; см. также Литургию Василия Великого и Литургию Иоанна Златоуста и свидетельства Соборов — Никейского Первого, Ефесского, Никейского Второго, в Беседах о Таинствах, епископа Евсевия, с. 154—160).

Наконец, она есть Жертва *Духовная;* ибо совершается Духом Святым, действует прежде и более всего на дух и должна соединяться со внутренним духовным жертвоприношением.

Каким образом мы должны участвовать в Евхаристической Жертве, чтобы она могла примирять нас с правосудием Божиим?

Посредством живой и сердечной веры в умилостивительную силу смерти Христовой и в такую же силу Евхаристии.

Посредством благоговейного присутствия за Божественной литургией.

Посредством Причащения Тела и Крови Христовых.

Наконец, духовно распинаясь и умирая с Господом и для Господа.

После всего сказанного, как же для нас должна быть важна и священна Божественная литургия, за которой совершается Евхаристическая Жертва; как чисты и совершенны Хлеб и Вино, на которых она совершается; насколько «чище и светлее лучей солнечных» должны быть ее совершители; как святы и дороги самые места — храмы Божии и времена,— где и когда совершается эта служба Божия; как высоко, в нравственно-религиозном отношении, должны быть настроены присутствующие на ней; и как они должны быть внимательны к другим службам — вечерним и утренним, приготовительным к ней!

2003 г.
Отпечатано в ГУП "Псковская областная типография" с готовых диапозитивов
Тираж 1000 экз. Заказ № 1672

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 509

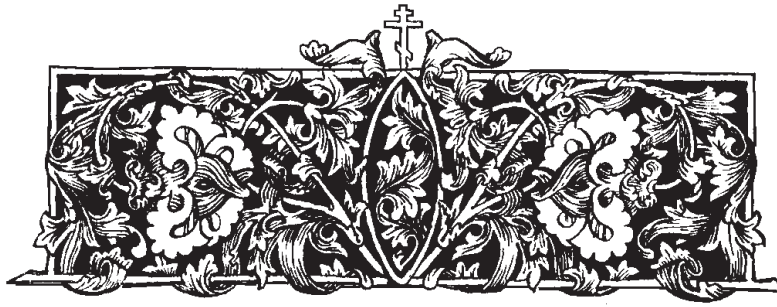
О св. праведном Иоанне Кронштадтском

Сокровенный сердца человек

Дерзновение в молитвах о. Иоанна

Пастырь-ревнитель

Жертва Богу



Сокровенный сердца человек

В лучах тихого света Правды Христовой протекает жизнь христианина.

Увлеченные суетой жизни, ее громким, разноязычным шумом, ее пестрыми красками, мы часто или забываем об этом, или не замечаем этого.

И вот от времени до времени является настойчивая потребность уйти, так сказать, и от внешней жизни, и от самого себя в сокровенную глубину своего духа, чтобы там поставить себя и свою жизнь и жизнь окружающих под эти благодатные лучи, озарить ими глубины жизни, дать себе отчет: как жить, куда идти, чтобы «не бесплоден был в нас крест Христов».

У нас это бывает редко; обычно мы заглушаем в себе как эту, так и другие потребности нашего духа.

Но вот перед нами тот, который развил красоту своей богоподобной души до возможных для него пределов, кто, прислушиваясь к тихому, но властному Божественному призыву, звучащему в глубине совести всякого человека, шел на этот призыв, кто учился самопознанию на великих творениях Отцов Церкви, Учителей покаяния и смирения,— и вот плод его многолетнего духовного подвига: «Моя жизнь во Христе».

Разумеется, эта книга известна каждому, кто знает и чтит отца Иоанна. Отдельные мысли, которыми переполнена она, можно чи-

тать и перечитывать каждый день, и всегда они кажутся одинаково свежими, точно новыми; никогда не утрачивают своей силы. Напротив: иногда прочитаешь одну-две мысли... и хочется закрыть книгу, потому что прочитанное дает содержание и настроение на целый день. Это, вероятно, по опыту знают многие.

Но вот что иногда как-то поражает и заставляет точно замирать сердце — не день, не месяц длилось у человека такое благодатное настроение, такое созерцание, такое самоуглубление; целая жизнь прошла так, целая жизнь протекла в непрерывной духовной борьбе, в непрерывном познавании своей человеческой немощи, своей греховности, своей полной беспомощности и в непрерывном же ощущении скорой помощи от Господа, Его великих милостей, Его бесчисленных и бесконечных чудес... Вся жизнь протекла во Христе.

И без Христа, без Которого люди обходятся иногда целыми годами, этот человек не мог помыслить себя ни на один миг.

Мы все, конечно, верим, все молимся, у каждого есть, так сказать, свой личный внутренний опыт Богопознания... Но как слаб этот опыт у огромного большинства из нас, как неустойчива вера, как робка молитва по сравнению с тем, кто всегда, следуя апостольскому завету, жил «сокрытой во Христе жизнью в Боге!»

Мы минуты отдаем Богу, на минуту касаемся риз Христовых, и в эти минуты мы постигаем как-то всем существом своим великий смысл жизни; девять десятых нашей жизни мы «бродим по распутиям мира», скучаем, томимся, раздражаемся, падаем, сознаем свое падение и бессилие подняться, приходим в уныние и т. д. без конца...

О. Иоанн жил во Христе всем своим существом, перед Ним проверял всякую свою мысль, Ему исповедовал всякое свое согрешение, с Ним беседовал в той непрестанной «умной молитве», которая была обычным состоянием его души.

И потому так прекрасна, так необыкновенна была его жизнь: вся она была одухотворена, вся она была озарена светом вечности, вся она была раскрытием тех глубин человеческой души, в которых живет «сокровенный сердца человек», человек, навсегда сочетавшийся с Богом...

И постепенно воспитывая в себе этого «внутреннего человека», о. Иоанн лелеял и воспитывал его и в других.

С именем его, жившего постоянно в миру, вращавшегося среди людей, связано возникновение не одного храма на св. Руси, не одной женской обители.

Не потому ли, что нигде так полно, как в храме, не созревает наш внутренний человек, и нигде с большим удобством, чем в обители, нельзя достигнуть того отрешения от мира, того полного «сочетания Христу», которое является сущностью христианской жизни?

Это невольно вызывает, конечно, жгучий — особенно в наши дни вопрос о сравнении двух форм жизни — мирской и монашеской: которая из них, так сказать, выше, которая полнее?

В настоящее время, как известно, приходится часто слышать резкое осуждение идеи монашества.

«В наши дни,— читаем в одном из обличений монашества,— многие вздыхают о первобытном, светлом и радостном христианстве... но кто стер радость с лица христианства и тем изменил его облик в аскетическом стиле? Монашествующие принесли с собой в недра христианской общественности дух пустыни, отречения от радостей жизни и сумели религию жизни превратить в вечный помысл о смерти».

Первобытное, светлое христианство. Что понимать под этим?

Ведь это не то розовое сентиментальное настроение, которым проникнуты книги Ренана... Ведь, если первобытное христианство было особенно радостно, особенно светло,— как справедливо замечают защитники монашества (Церк. Вест. № 25),— лишь потому, что оно было наиболее аскетично, наиболее проникнуто духом подвига и самоотречения.

Думается, резкое осуждение идеи монашества происходит от того, что многие теперь склонны подвиг христианской жизни считать очень уж легким.

–Чего ради,— говорят,— уходить от мира, когда церковь сама благословляет мирские радости, семью, брак, словом, все чистые человеческие переживания?

Христианство благословляет. Но разве не призываются в помощь брачующимся св. мученики, как они призываются в помощь принимающему сан диакона или иерея? Разве древняя Церковь,

когда люди обладали более цельной душой, не внушала венчающимся именно в день свадьбы причащаться св. Таин?

Все это открывает для вдумчивой христианской души такую глубину и высоту подвига, такую необходимость аскетизма в самом широком смысле слова, что жизнь далеко не представляется легкой, переполненной исключительно земными радостями.

Радость несомненно есть; но радость о Господе, радость от соединения с Господом, от сознания, что в своей маленькой жизни ты являешься как бы послушным орудием в руках Божиих, через которое Бог проявляет Свою волю, открывает Свое царство, дает светиться среди людей «мира сего» Своему вечному свету. Жизнь и в миру для истинного христианина есть соответственно подвиг «послушания».

В этом подвиге — и радость.

Но не это ли, в сущности, и радость монаха? Полнота жизни определяется ведь вовсе не тем, что человек должен пережить «всю гамму человеческих чувствований, ощущений и переживаний», а только тем, далек или близок человек от «всеисполняющаго» Духа Божия.

С этой точки зрения жизнь в одинокой келье монаха, не знающего никакого дела, кроме молитвы да вязания четок, может быть гораздо полнее, чем жизнь человека, вкусившего все блага мира, с головой погруженного в общественную работу, в то же время утратившего нечто более дорогое, единственное, чем живет человек.

Инок отрекается от мира и «сущих в мире». Но не заповедано ли каждому христианину любить Христа больше отца и матери, жены и детей? А разве служение во имя Христа, оказание братской любви и помощи живущим в мире запрещается иноку? Разве иеромонах, идущий под вражеские пули напутствовать воинов, монах-миссионер среди полудиких детей холодных снегов Сибири не делают великого Евангельского дела? Разве святители Питирим, Иоасаф, Ермоген и целый лик подобных им не выполняли в самом служении своем миру заповеди Христовой любви, которая душу свою полагает за други своя? Разве монастыри, воспитывающие детей, призревающие сирот, дающие приют больным, несущие просвещение в темную крестьянскую среду, не служат обществу в самом широком смысле слова?

Все эти добрые дела есть, конечно, лишь естественное обнаружение того духа молитвы и любви, которым живет монастырь или отдельный инок, и центр тяжести лежит именно в этом настроении.

Если наши русские люди говорили, что «иноки — свет миру», то они разумели именно «внутреннего человека», который, развиваясь в условиях монашеских, достигает такой необычной красоты и просто тем, что он существует, говорит миру о действительности, реальности и другого, духовного мира. Потому-то, думается, и все основатели православного монашества, все подвижники христианства полагали первую заботу не во внешней организации монашеской жизни,— как это было и есть у католиков, а именно в создании истинного духа монашества, в создании того настроения человека, когда душа, обручившись Христу, уже ни на мгновение не разлучается с Ним.

Можно возражать против того или другого направления монашеской жизни, против состояния того или другого монастыря, но осуждать монашество в его основе — невозможно. Невозможно уже потому, что оно — коренится в природе человеческого духа, оно есть проявление глубочайших и высочайших запросов человеческой души.

«Проповедь апостольская,— пишет почтенная игумения м. Таисия в своих письмах к новоначальной инокине,— имеющая целью распространение христианской веры на земле, сама собой сделалась и источником аскетического духа между верующими. Св. Иоанн Златоуст говорит: «Небесный огонь, принесенный на землю Богочеловеком («огня приидох воврещи на землю, и что хощу, аще уже возгореся» — Лк. 12, 49), возгорелся в сердцах людей, воспламенил в них жизнь новую, оживотворил их дух, подавленный чувственностью, и воскриленная им свобода ума почувствовала потребность и силу воспрянуть от дольнего к горнему».

Чем сильнее возгоралась эта искра, тем сильнее ощущалась потребность высвободиться от опутывающих душу тенет мирской жизни и предаться уединению для беспрепятственного внимания «единому на потребу».

К этому вниманию непрерывно призывал почивший батюшка о. Иоанн. Удивительно ли, что тем с большей радостью жертвовал

он на нужды обителей, где все условия жизни способствуют выработке этого внимания? Удивительно ли, что и сам он с такой любовью, с такой радостью строил новые обители?

Женский монастырь на родине о. Иоанна — в селе Суре; Сурское монастырское подворье в Архангельске; в Петрограде Иоанновский женский монастырь; обширный Вауловский скит этого же монастыря в Ярославской губернии — все это создано о. Иоанном.

Известно, что о. Иоанн трогательно заботился о том, чтобы сестры в его обителях не терпели ни в чем недостатка; известно, что он сам, определяя в тот или иной монастырь новую «агницу Христову», делал за нее вклад; известно, что его монастыри не есть исключительно монастыри «созерцательные»: при женском монастыре в Суре есть школа; в 12 верстах — скит с церковью, где полное монастырское хозяйство; в Иоанновском монастыре в настоящее время лазарет для раненых воинов, приют для детей-сирот, временное убежище для несчастных детей-галичан...

Монастырскому просвещению о. Иоанн всегда придавал большое значение. Еще в 1897 году писал он матушке Таисии, игумении Леушинского монастыря, о своей, тогда юной племяннице, воспитывавшейся под сенью этого монастыря: «Дай Бог, чтобы монастырская жизнь и монастырское воспитание в религиозном духе послужили для нее прекрасным началом последующей жизни, потому что жизнь в обители должна быть началом всякой добродетели, как для Пресвятой Девы Марии — воспитание в храме Иерусалимском». Но все-таки значение монастыря вытекает не из того или иного внешнего служения миру; значение монастыря — в нем самом, в этой духовной жизни, которая развивается в нем и благодатными струями изливается из него в мир. И на эту жизнь и было обращено всегда главное внимание о. Иоанна.

«Не забывайте,— говорил он сестрам обители,— для чего вы собрались и живете в обители: не для покоя и наслаждения телесного, не для сна и наслаждения пищей и питием.., а для трудов и подвигов молитвы, воздержания, труда телесного и духовного, для послушания, смирения, терпения и размышления о будущих вечных благах, уготованных любящим Бога в Царствии Небесном. «Наше житие на Небесах,— говорит Апостол, — откуда мы и Спасителя ждем, Господа нашего Иисуса Христа»... Вы оделись черною одеж-

дою в знак внутренней печали вашей о грехах, содеянных в мире, да и теперь содеваемых вами в обители... с другой стороны — это одеяние означает образ ангельского жития, воздержания, чистоты и целомудрия, смирения и послушания. Смотрите за собой — не скрывается ли под этой черной одеждой черное сердце, лукавые нечистые помыслы или злое, непокорное сердце, непокорная воля, неисправленный злой нрав. Ваше звание — иноческое требует «иного» склада всей внутренней и внешней жизни, чем была она, когда вы жили в мире и по своей воле... Приготовьте сердца ваши в жилище Богу — верою, любовию, кротостию, смирением, воздержанием, терпением, послушанием, чистотою, целомудрием, незлобием, всепрощением друг другу прегрешений, взиранием к небесным благам, непреходящим, неветшающим!» («Путь к Богу»).

Все проповеди о. Иоанна, обращенные к тем или другим сестрам обители, проникнуты именно этой мыслью о воспитании в себе духа Христовой любви, духа истинной молитвы; все они напоминают совершающим иноческий подвиг о сущности этого подвига, а всем, живущим в миру,— о сущности вообще христианской жизни, которая есть непрестанная борьба с «ветхим» человеком, непрестанное хождение пред Богом, сокровенная жизнь «со Христом в Боге».

Кронштадтский Пастырь. 1914, №50-52, с.785-791

Дерзновение в молитвах о. Иоанна

Не может человек увидеть Меня и остаться в живых»,— говорил Господь Бог Моисею. Нам понятно смущение человеческого сердца перед святыней величия Божия; нам понятен этот благоговейный трепет его, этот страх его перед Богом; понятно нам и то, почему народ еврейский не решился взойти на гору Синайскую, когда слава Господня облаком одела ее: боялись они, чтобы не поразил их Господь.

Все это понятно, все это для человека естественно. Но все это, по преимуществу, настроение человека подзаконного, человека вет-

хозаветного. С тех пор, как пришел на землю воплотившийся Сын Божий, с тех пор, как «Объятия Отча» раскрылись грешному человечеству Его искупительными страданиями и крестной смертию, Новый Завет установился у Бога с людьми, и такое дерзновение получила душа человеческая, что называет Бога своим Отцом, что предстоит Ему вместе с херувимами и серафимами и верит, и знает, что все, чего ни попросит от Бога, даст ей Бог, если просит она для славы Божией.

Близость к Богу, любовь к Нему, изгоняющая всякий страх, кроме страха нарушить волю Божию,— вот настроение христианина, и чем совершеннее христианин, тем любовь его к Богу чище, полнее, сильнее, тем его дерзновение пламеннее.

Немощные в вере, люди плоти, мы, однако, сердцем чувствуем, кто из ближних наших имеет дерзновение к Богу, кто живет в любви Его, кто как бы весь бывает осиян благодатью Его и эту благодать раздает другим.

К таким дерзновенным предстателям, к таким молитвенникам пред Господом безотчетно и неудержимо тянемся мы, у них учимся и сами тому, в чем должна протекать жизнь христианина, каковы должны быть правильные, истинно-христианские отношения между Богом и нами...

Одним из таких «дерзновенных» молитвенников был и о. Иоанн. «Дерзновение», детская простота сердца и детское же предстояние перед Богом, живое ощущение близости к себе Господа, это так характерно для отца Иоанна.

«Прося Господа или Пречистую Матерь Божию, или Ангелов, или святых, нужно иметь такую веру, какую имел капернаумский сотник...

Воистину я верую с сотником, что если буду просить как должно и о чем должно какого-либо святого: подай сие — и подаст; приди ко мне на помощь — и придет; сотвори сие — и сотворит. Вот такую простоту и сильную веру надо иметь».

Такую веру и имел сам Батюшка, и этой верой нередко творил чудеса.

Когда читаешь его дневники, не можешь оторваться от этих строк, которые чаруют прежде всего именно тем, что проникнуты такой простой, такой сильной верой. Как для всех святых Божиих,

Господь близок душе Батюшки; так близок, как будто бы он видит Его непрестанно сердечными очами; он как бы разговаривает с Ним, он исповедует каждый день, каждый час, каждую минуту исповедует пред Ним все свои грехи, сомнения, малейшие уклонения от путей Правды Его, он просит помощи Его на всякий шаг своей жизни, он благодарит Его за все Его бесконечные милости.

По молитве о. Иоанна творились чудеса. Но как сам он говорил об этих чудесах? Всем, наверное, известно хотя бы такое место из его дневника: «Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка 9 дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий,— лишь только причастился на 9-й день поутру Животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердой верою. Я молился о нем Господу, чтобы Он исцелил его. «Господи,— говорил я,— исцели раба Твоего от болезни его. Достоин есть, емуже даси сия, любит бо священников Твоих и дары своя присылает им». Молился и в церкви у престола Господня за Литургией во время молитвы: «Иже общия сия и согласныя даровавый нам молитвы...» и пред самыми Таинами. Я молился между прочим так: «Господи, Животе наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданию жена и дети его»,— и благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волосок от смерти. Слава всемогуществу, благости и благопослушеству Твоему, Господи!»

Представить себе только, что в течение всей своей долгой жизни Батюшка так просто, так дерзновенно беседовал с Богом.

Мы, люди с движущимися мыслями, лукаво мудрствующие, обычно, прежде чем к Богу обратиться с молитвой, разбираемся в том: да исполнится ли наша молитва, услышит ли Господь, да, может быть, мы недостойны, чтобы Он слышал нас; может быть, надо не о том молиться...И т.д., и т.д. без конца.

А вот Батюшка, как и святые Божии, молился иначе; думается, и нас другой молитве учат они: ведь человек, искренно верующий, не может, по словам апостола, «грешить», т. е. сознательно делать зло или просить у Бога помощи на злое дело. Ведь всякая наша мо-

литва, чего бы мы ни просили — внешнего или внутреннего блага — только тогда настоящая молитва, когда мы просим чего-либо, имея в конце концов в виду славу Божию. Может ли не исполниться эта молитва? Может ли не выздороветь человек, когда мы просим его выздоровления для его духовного роста и для славы Божией? Может ли не обратиться к Богу грешник, за которого слезами исходит наше сердце? Может ли Господь ответить отказом нам, когда мы обращаемся к нему с верой сотника или жены-хананеянки!

Такие великие служители Христовы, как о. Иоанн, как бы говорят нам: конечно, нет. Смотрите на нас и учитесь у нас дерзновению, детской любви к Богу и детской «смелости» в молитве. Вы можете падать, но верьте, что Господь восставит вас, если только вы верите, что Он может это сделать,— и ваше падение не будет препятствием в вашей молитве; вы можете ошибаться в своих желаниях, но Господь Отечески кротко, без всякой боли для вас, вразумит вас, только будьте искренни в отношении к Нему, только, молясь о чем-нибудь, просите, чтобы это было по Его воле; словом, — молитесь по-детски просто, и вы будете услышаны и почувствуете это.

Это впечатление, которое остается после чтения мыслей и заметок того, кто жил апостольски «во Христе». И еще сильнее было это впечатление от «дерзновенной» молитвы Батюшки у тех, кто видел его в служении, кто видел его, именем Божиим совершающим чудеса.

Игумен Георгий, эконом Полтавского Архиерейского дома, пишет в своих воспоминаниях о Батюшке, как однажды, проезжая через Вологодскую губернию, о. Иоанн остановился в одном селе и послал его, о. Георгия, к сельскому священнику попросить разрешения отслужить обедню. Отец Георгий через некоторое время вернулся, сообщив, что в селе никого нет. Тогда о. Иоанн велел ударить в колокол, а сам прошел в церковь. «Подходит ко мне,— пишет о. Георгий,— какой-то мужичок и удивляется, что монах звонит. Спросил меня, кто я. Я ему сказал и объяснил, что приехал Батюшка и желает отслужить обедню. Этот мужичок,— он сказался сторожем церкви, растерялся и не знал, что и делать от радости. И говорит: «Церковь я отопру, служите, но нашего батюшки нет, и в селе никого нет: все на пожар ушли». Оказалось, здесь около трех месяцев не было дождя, и была сильная засуха. Мы приш-

ли с Батюшкой в церковь, начали служить утреню. Народа — ни души, кроме тех, кто приехал с нами на пароходе. Начали обедню. Вдруг приходит местный священник, и до чего он был обрадован и благодарен такой неожиданности! Стал просить Батюшку помолиться о дожде. Батюшка согласился и, обратившись к народу, сказал: «Православные, давайте вместе молиться, чтобы Господь дал дождь». Народу собралась уже полная церковь. Во время причащения стали находить тучи; я и говорю Батюшке: «Кажется, дождь собирается». А он мне и отвечает: «Слава Богу! Верно, Господь услышал молитву православных».

После обедни стало накрапывать, а затем, к неописуемой радости народа, пошел и очень сильный дождь, который не прекращался целые сутки.

Как просто все в этом «чуде»! Просто и страшно, и радостно.

Страшит и радует именно то, что зрители этого и других бесчисленных чудес, совершенных по молитвам Батюшки, и все, читающие описание их, чувствуют, что в самом деле Господь так Отечески близок к нам, так ждет от нас именно сыновнего отношения к Себе, так, выражаясь по-человечески, поощряет наше «дерзновение» к Нему.

У нас в подавляющей массе нет этого дерзновения; точно преграда какая стоит между нами и Богом; преграда эта, конечно, нечистота нашего сердца, осознание нами нашей греховности. Но разве не должны мы чаще вспоминать, что «нет греха, побеждающего благость Божию», разве в Таинствах покаяния и причащения не даны нам силы порвать все преграды, стоящие между нами и небом, и разве мы, как и великие светочи Евангельской Любви и Правды, не призываемся к сыновнему дерзновению перед Господом: «Дерзайте убо, дерзайте людие Божии...»

«Дерзать» надо, потому что только «дерзновенной» молитвой, полной веры в Бога и упования на Него, можем мы, каждый в отведенной нам области, бороться со злом, которое и в нас самих, и вокруг нас.

«Дерзать» надо, потому что враг наш не спит, враг наш ищет, как бы уязвить сердце наше сомнением, унынием, тоской, маловерием, а «скорбь сердца — смерть сердца: она есть отпадение от Бога»,— пишет тот же о. Иоанн.

Но если жить такой верой; если думать, что каждый твой шаг в руках Божиих, что вот ты вздохнул, и твой вздох уже слышен у Престола Божия; ты призвал на помощь того или другого святого, и он уже тут, близко; ты обратился к Богу, и Он уже готов сдвинуть всякую гору зла, мешающую тебе подойти к Нему, утишить всякие волны, как бы злы и свирепы не были они, — если жить так, то ведь — это уж слишком просто, легко! Тогда ничто, ни горечи жизни, ни самая смерть (ибо ее нет, а есть только переход в другую форму бытия) не страшны?! Тогда человеку слишком дано большое счастье... Так говорят люди, воспитанные на философских теориях, на «мудрости мира сего», на литературе Андреева, Горького, Арцыбашева, для которых жизнь — проклятая стена, а Бог — только «некто в сером»... И терзаются, и мучаются, и не смеют, боятся поверить в близость того, что делает жизнь светлой, осмысленной, радостной. И хочется сказать им: да не бойтесь же, придите, посмотрите на тех, которые так верили, так «дерзновенно» молились, так жили перед очами Божиими: разве не они были творцами жизни, носителями всепобеждающей Правды и Любви, вестниками торжества духа, борцами со всякой тьмой, злом и насилием, и разве не они были для всех, знавших их, источником радости бесконечной?!

Старец преп. Серафим Саровский, Амвросий Оптинский, отец Иоанн Кронштадтский,— какие это были сыны света, обладатели радости!

Да и как ни радоваться сердцу, которое покоится в Боге и которое слышит как бы постоянно обращенный к нему голос Божий:

— Я с тобой... Не бойся!

И всем около него бывает радостно.

Вот о. Иоанн кротко и радостно улыбается, когда его теснит народ, приветствует тех, кого узнает, всех благословляет, всем старается сказать ласковое слово, — и кругом него слышатся радостные восклицания: «Радость ты наша! Дорогой ты наш!»

Сколько вокруг нас врагов христианства, сколько умов, скептически относящихся к вопросам веры, к силе молитвы, к силе Таинств!..

И вот, чувствуя иногда какое-то сердечное смущение от натиска этих темных волн в духовной атмосфере, окружающей нас, хо-

чется у гробницы великого молитвенника земли Русской молиться: для славы Имени Божия, для торжества Правды Христовой испроси и нам дерзновение пред Господом! Испроси нам сердце простое и детское! Испроси нам полное сыновнее доверие к Богу, испроси нам хотя бы часть того Духа, Который почивал на тебе! — И мы узнаем радость жизни, мы почувствуем себя сильными в борьбе со всяким злом!

Кронштадтский Пастырь. 1914, №36 с. 557-562

Пастырь-ревнитель

Опять 20-е декабря, опять день памяти отца Иоанна, и опять целый рой мыслей в голове, целый ряд отзвуков в душе, самых светлых, самых глубоких, самых святых воспоминаний, настроений и чувств пред этой для всех дорогой гробницей, увенчанной живыми цветами, озаренной сотнями свечей, омытой многими слезами и повитой тихой любовью, какой дышат церковные песнопения, не умолкающие здесь в течение всего этого дня.

«Дорогой батюшка», «Добрый батюшка», «светлый», «радостный» — все эти эпитеты сделались как бы постоянными для личности о. Иоанна.

«В нем над всеми отдельными его качествами царит,— говорил один священник,— его необычайная личность, чудесная гармония характера, особая нежность тонов и свежесть красок. Смотря на него, невольно вспоминаешь цветы Назарета, голубые волны Генисаретского озера, зеленые холмы Галилеи. Но это — гармония, в которой заглавная нота — пастырство». Сколько раз уже сами пастыри Церкви провозглашали о. Иоанна «красой священства», «гордостью и отрадой своей», сколько говорилось о его необыкновенном пастырском служении!

Его иначе и представить себе нельзя, как стоящим «с кадильницей в руках между живыми и мертвыми», между Церковью тор-

жествующей и Церковью воинствующей, где люди ежедневно, ежечасно, ежеминутно падают, согрешают, умирают духовно,— и он один из тех, которые за этих немощных предстоят Престолу Божию, приносят Жертву, в которой «горняя дольним совокупляются», и вместе с Ней приносят «скорби людей, плененных воздыхания, страдания убогих, нужды путешествующих, немощных скорби, старых немощи, рыдания младенцев, обеты дев, молитвы вдов и сирот умиление...»

«Пастырь-молитвенник» называли его еще при жизни по всей России и за границей... Это знаем, это помним мы все. Но не полезно ли нам, особенно в наши дни, помнить еще об одном качестве о. Иоанна, помнить о том, что он был не только «добрым и кротким», «светлым и радостным», но и гневным и строгим; не только вестником милосердия, но и вестником Страшного суда Божия для нераскаянных грешников, для неверов, кощунников, изуверов; не только пастырем-молитвенником, но и пастырем-ревнителем, ревнителем о чистоте православной веры, о святыне, врученной каждому христианину при крещении, о высоте звания христианского, ревнителем о тех талантах духовных, которыми наделил Господь народ русский, делающий его «богоносным» и «достоянием Божиим».

«Ревность по Доме Твоем снедает меня!» — говорил пророк, и можно сказать, что эта святая ревность отличала великого Всероссийского Пастыря.

Это была ревность пламенная и искренняя, соединенная поэтому с великим смирением. О. Иоанн не принадлежал к тем книжникам и фарисеям, которые, возлагая на других людей бремена неудобоносимые, сами перстом не хотят двинуть их; но ежедневно и ежечасно исповедуясь перед Господом, он прежде всего ревновал о достижении им самим идеала христианина и священника, а затем ревновал о чистоте, высоте и святости жизни других христиан.

«Господи, не дай мне возмечтать о себе, как бы о лучшем кого-либо из людей, но думать как о худшем всех, и никого не осуждать, а себя судить строго»,— молился он, и так думал, и потому непрестанно боролся с собой. И какая это была борьба! «Служение мое св. Церкви, совершение молитв и Таинств было не без преткновений, невидимые враги сильно бороли и пленяли меня, смущали

меня, особенно при совершении Таинств, борьба была на жизнь и смерть, смерть духовную. Я каялся, плакал, побеждаемый, и получал прощение».

«Постоянно,— говорит он в другом месте своего дневника,— я должен воевать с собою, со своими похотями и прелестью врага и умерщвлять все страсти, считая их нелепыми, бессмысленными и пагубными...» И так постоянно. И борясь всегда сам с собой, он дерзновенно боролся со всеми видами греха и прелести, как только они проявлялись в человеке.

«Ужасно, невообразимо растлена природа человеческая всякими грехами, такими, о которых и говорить стыдно, и больно, и страшно. Мы, священники-духовники, знаем это больше, чем кто-либо другой... Нет такой греховной нелепости и мерзости греха, в какую бы не впал человек!..» — пишет о. Иоанн в своем дневнике и рисует картину человеческих беззаконий, напоминающую картину жизни Содома и Гоморры или римского общества по свидетельству ап. Павла. И какое же у него отношение ко всем нечестиям, ко всем мерзостям жизни?

Учитель покаяния, с какой другой проповедью мог обратиться он к этим, обремененным грехами своим духовным чадам, как не с призывом к чистосердечному раскаянию, к сокрушенному плачу, к твердой решимости бросить все скверное и гнусное и отдать сердце свое Богу. «Приблизьтесь к Богу, и приблизится к вам!»,— напоминал он грешникам. И указывал на царя Давида, на Манассию, на апостолов Петра и Павла, на блудницу, блудного, на разбойника благоразумного, на Марию Египетскую. От великой любви и жалости, переполнявшей его пастырское сердце, рождались в нем эти горячие проповеди, эти апостольские призывы к покаянию... Но эта же истинная Христова любовь рождала и другие слова в его сердце, рождала слова угрозы Судом Божиим тем, которые безрассудно попирали слова Господни, которые сознательно возвращались к своим грехам, которые смешивали «Христа и велиара», которые и после неоднократного проявления над ними милосердия и долготерпения Божия продолжали коснеть в неверии, в богохульстве и греховной нечистоте!

И походил в это время о.Иоанн на великого Предтечу Господня, о котором писал, что любит его за «кроткую, но и грозную и реши-

тельную проповедь», и сам, обращаясь к этим ослепленным гордыней ума, ложной мудростью мира или похотями плоти, говорил, как пророк, грозно и решительно: «Теперь вы укрываетесь от суда человеческого и от своей совести и безнаказанно творите беззаконные дела... но там не утаится ни один помысл... На всемирном этом гумне (в день Страшного Суда) лопата вывеет всю мякину и сожжет огнем неугасимым, а пшеницу соберет в житницу небесную. Итак, пусть неправедный творит неправду еще, скверный да осквернится еще, а праведный да творит правду еще, и святый да освящается еще. Се гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его (Ап. 22, 12). Что вы станете делать, неверующие, неготовые, растленные до мозга костей, когда постигнет вас Страшный суд Божий?»

Таких слов, таких вопросов можно было бы много найти в дневнике и проповедях о. Иоанна, и сколько раз с ними обращался он к тем, которые стоили этого обращения?!

Для него не могло быть двух истин, для него не могло быть никакого общения «света со тьмой», «Христа с велиаром». Он любил, жалел и звал ко Христу самого отчаянного грешника; бездна зла не страшила его, но подмены истины ложью, Христа антихристом не выносило его чистое, благодатное сердце. Тогда загоралась в нем святая ревность, ревность, о которой скорбел он как о недостатке в современных ему верующих людях, ревность, которой мало и у нас, и которую он завещал нам так же, как и свою любовь ко Христу.

Да без ревности и нет этой любви. Если нам все равно, будут славить Христа или предавать поруганию, если нам все равно, будет расти православная Церковь или будут расхищать ее еретики и сектанты, если нам все равно, прославляться или хулиться ради нас, ради нашей жизни, будет имя Божие, то мы не христиане. Мы — соль, потерявшая силу, которая никуда не годна. И напротив, если мы искренно верим и сознательно носим звание христиан, мы ревниво будем оберегать святыню нашей веры, нашей души ото всего, что не Христово, чуждо Ему, противно Его заповедям. Мы над собой прежде всего будем бодрствовать, как неустанно бодрствовал почивший пастырь, а потом будем непрестанно молиться, чтобы дано нам было ясное осознание, умение и в жизни, и в людях

отличать Дух Христов от духа зла, и ревностно будем оберегать тех, кто слабее и меньше нас, от всего того, что идет не от Христа, а от враждебных Ему сил. И прежде и больше всего будем ревновать о чистоте жизни христианской.

Как необходима эта ревность в наши именно дни, дни лукавые, дни, когда наряду с проявлениями веры, героизма, любви, напоминающими первые века христианства, проявляется и такое растление духа, такая полная утрата нравственного чутья, такое извращение религиозной мысли, что вспоминаешь Апостола, называвшего подобного рода людей людьми с сожженной совестью.

«Сожженная совесть...» Надо вдуматься в страшный смысл этих слов, чтобы холодом вечной смерти, ужасом повеяло от них. А между тем, сколько в наши дни людей, о которых ничего другого не скажешь, кроме того, что они обладают сожженной совестью, и только этим можно объяснить себе их темные деяния, их кощунственные выходки против Бога и Церкви, их наглое надругательство над всем, что есть святого для души человеческой!

Перед этим, как будто безнаказанным попиранием всего святого стоишь иногда растерянный, нравственно разбитый, недоумевающий: что же это такое? Как уживается в одном человеке крайний аскетизм и крайняя распущенность, внешнее благочестие и сознательное или бессознательное богохульство, полнейшее самоуничижение и непомерное самообожание? И только слова Апостола о людях с сожженной совестью проливают страшный свет на этих воистину несчастнейших из несчастных людей!

Как среди истинных христиан есть натуры более простые и более сложные, так и среди уловленных сетями диавольскими есть натуры, понятные с первого раза, и натуры «более сложные», может быть, и сами-то себе не отдающие отчета, что они идут «путем погибельным». Когда встречаешь разных обманщиков и проходимцев, вроде всевозможных «братцев» и «старцев», сознательно играющих на болезненно-мистических струнах верующего люда, сулящих ему в разных сектах и толках полноту благ духовных, а на самом деле преследующих одну цель — обобрать его духовно и материально, «как липку», тогда понимаешь, с кем имеешь дело.

Будем бодрствовать над собой, будем следить за чистотой своего сердца, будем слушаться голоса Божьего в Его заповедях, творе-

ниях святых отцев, таких пастырей Церкви, как о. Иоанн. И чуткая совесть сразу отличит истину от лжи, человека, живущего, действительно, во Христе, от человека, увлекаемого своей собственной страстью.

И в этот день памяти о. Иоанна хочется просить его именно о том, чтобы он, так болевший при жизни за своих чад духовных, не допустил никого из нас сбиться с правого пути, чтобы он провел нас невредимыми через все бури и искушения, через все подводные камни, какие встречаются на нашем пути в наши дни, чтобы он вдохнул в нас дух Христов, твердость в добре и святую ревность о безусловной чистоте нашей внутренней и внешней жизни.

«Христианин,— учит он нас с бессмертных страниц своего дневника,

– не только должен гнушаться всяких грехов, но не допускать до себя и мысли греховной. Святость — стихия христианина, без нее христианин

– не христианин...»

Так убереги же святыми молитвами твоими, дорогой наш Батюшка, православный народ русский и каждого из нас от тех, кто вносит в нашу жизнь соблазн, грех и растление; молись и за них, чтобы обратились к Богу и Его Церкви раньше своего смертного часа, а нам дай ревность в исполнении Закона Христова и постоянную память слов апостольских: «Смотрите, как опасно ходите!»

Кронштадтский Пастырь. 1916, №50-52, с. 713-720

Жертва Богу

Над страницами дневника о. Иоанна всегда возникает целый рой светлых мыслей, отрадных упований, спокойных переживаний...

И вот одно из мест в этом дневнике, которое так близко должно быть в настоящие дни тому, чье сердце задето скорбью утрат, изранено и разбито.

«Да принесет всякий человек своего Исаака, своего единородного, своего возлюбленного, своего обетованного в жертву Богу и да по-

кажет Ему свою веру и свое послушание, да будет достоин даров Божиих, коими он пользовался или будет пользоваться».

Так пишет о. Иоанн. Мы знаем, что он учил дерзновенной молитве и сам молился в простоте сердца и с детским дерзновением, как жена хананеянка, как сотник капернаумский. «Воистину,— говорил он,— я верую с сотником, что если буду просить как должно и о чем должно какого-либо святого: подай сие — и подаст; приди ко мне на помощь — и придет; сотвори сие — и сотворит».

Но веруя так и нас уча такой вере, о. Иоанн учил еще и другому: целый ряд страниц его дневника говорит нам, что надо не только с детской простотой открывать пред Господом свои желания, но надо и с полной покорностью предаваться и в волю Божию, принимая от Него посылаемые нам скорби, надо в жертву Господу отдавать самое дорогое для нас, «нашего Исаака, единородного, возлюбленного», если этого требует Бог.

Не скрывает о.Иоанн, обо всем говоривший по внутреннему опыту, что «никогда так не трудно сказать от сердца: да будет, Отче, воля Твоя, как в сильной скорби или в тяжкой болезни... Но,— продолжает он,— когда растленной природе нашей трудно бывает признать над собой волю Божию, без коей ничто не бывает, и покориться ей со смирением, тогда-то пусть она и покорится ей, тогда пусть и принесет Господу свою драгоценнейшую жертву — преданность Ему сердечную не только в покое и счастье, но и в скорби и в несчастье; свое суетное, ошибочное мудрование да покорит Премудрости Божией совершенной, ибо как отстоит небо от земли, так отстоят помышления наши от мыслей Божиих»...

Как это надо помнить нам, именно в наше время, когда так часто искушается наша вера, искушается тем, что, по-видимому, не исполняется наша молитва.

Всякий, понесший невозвратимую утрату, потерявший в эти дни именно то, что для него было всего ценней и дороже, всякий, переживший момент такого искушения веры, знает, что ничего тяжелее и страшнее нельзя представить себе.

Бог не слышит молитвы! — какая это боль! Какая это мука! «По-человечески», кажется, и не перенести этого; сердце разрывается, ум мутится, и не кажется ли нам, что в эти минуты нашей духовной Голгофы «оружие проходит нашу душу», и она или замира-

ет от боли, или изливается в вопле, напоминающем вопль Христа Спасителя: «Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты оставил Меня?»

Да, по-человечески невозможно перенести этого; но «невозможное человеку — возможно Богу», и вот те, которые, как отец Иоанн, имели богатый внутренний опыт, которые на себе испытали и силу огненных испытаний, и силу всепобеждающей и всеисцеляющей благодати Божией, как бы говорят нам: в эти минуты посещающей Вас скорби, не противьтесь Богу, смиритесь пред Ним, страдание, посылаемое Вам, примите охотно, как дар Божий, и в самой скорби откроется для Вас глубина милосердия и любви Христовой. Много предлагается людям способов утолить свою скорбь, но на самом деле нет ни одного способа, который бы давал человеку «сердце новое», который бы наполнял его душу и в часы скорби лучами света, нет ни одного,— кроме молитвы и Таинства причащения. Больше, чем кто-либо, знал о. Иоанн, как Господь в этом Таинстве касается души человеческой и каким миром, какой радостью наполняет ее.

И вот сам он писал после пережитых минут скорби: «В самые скорбные, безотрадные минуты Господь с нами: «с ним есмь в скорби» (Пс. 90). А мы думаем, что нет, что Бог оставил нас. О, несказанная держава Бога над нашими сердцами! Мать не может совершенно привлечь нашего сердца в любовь свою, а Господь привлекает Своими Таинами и молитвою». Так писал о. Иоанн. Эти строки его дневника напоминают другую книгу, которая тоже должна бы быть известна всякому православному христианину, как неиссякаемый источник утешения именно в скорбях. Это — книга новопрославленного святителя Иоанна Тобольского: «Илиотропион» или «Сообразование человеческой воли с Божественной волею».

О ней нельзя рассказывать, ее надо прочитать, и тогда почувствуется ее сила... Она говорит о том, что вся жизнь наша должна быть жертвой Богу, вся должна быть проникнута любовью к Нему, и руководящим началом ее должна быть воля Божия.

«Эмблемой такого обращения нашего к Богу,— говорит святитель,— да послужит нам растение подсолнечник (илиотропион). Пусть он будет всегда пред очами нашими. О нем, как о некотором чуде, писал Плиний: «Мы многократно говорили, что подсолнечник представляет своего рода чудо в природе: это растение по-

стоянно обращено головою своею к солнцу и вместе с ним обращается от востока до запада, даже во дни облачные, до того сильно любит оно солнце; ночью же, ради исключительной любви к одному солнцу, совокупляет оно свои цветочные лепестки воедино и закрывает их». «Христианин-читатель,— говорит святитель,— заметь это раз навсегда, что подсолнечник и в мрачные дни совершает круговое течение, следуя за солнцем из неизменной любви к нему. Нашим солнцем, освящающим наш житейский путь, является воля Божия; она не всегда безоблачно освещает нам дорогу жизни; часто с ясными днями мешаются мрачные для нас дни: дожди, ветры, бури поднимаются, и никто из христиан не освобождается от подлежания космическим явлениям и тягостям перемен воздушных. Да будет же так сильна любовь наша к нашему Солнцу, воле Божией, чтобы мы, неразлучно с ней, могли и во дни невзгод и скорби, как подсолнечник во дни мрачные, продолжать безошибочно плавать по житейскому морю по указаниям компаса воли Божией, ведущей нас в безопасную пристань вечности!»

Это основная мысль всей книги, с которой трудно расстаться, когда берешь ее в руки.

Кронштадтский Пастырь. 1917, №4, с. 52-54

Старица Божия

Памяти матушки Таисии

Еще одна свеча догорела. Еще отошла в иной мир одна душа, которая и здесь, на земле, уже дышала чистым воздухом вечности, жила только для Бога; жила только предвкушением радости совершенной, которая дается человеку в минуты его общения со Христом...

Скончалась матушка Таисия, настоятельница Иоанно-Предтеченского, Леушинского, первоклассного монастыря, инокиня, в самом полном смысле этого слова, духовная поэтесса, родная по духу почтенному Батюшке о. Иоанну, «старица Божия».

Так именно он и сам называл ее в своих письмах к ней, и еще называл ее «достопочтеннейшей», «дорогой», «неоцененной матуш-

кой», «сестрой и духовной дочерью», «красным солнышком», «сердечно любимой», «щедрой о Господе», «Боголюбезной», «многозаботливой», «многотрудной» и «многоболезненной».

Нельзя без сердечного волнения читать эти трогательные письма о. Иоанна к покойной матушке, из которых выступает не только светлый образ о. Иоанна, но и духовная красота его собеседницы.

«Мой сердечный привет тебе,— пишет в одном письме о. Иоанн,— и пожелание тишины и спокойствия твоей великой, труженической душе. Мира желаю тебе, свыше сходящего, и терпения в обстояниях и скорбях. По великому твоему деланию в Господе посылаются тебе, т. е. попускаются от Бога скорби для стяжания светлейшего венца на Небесах. Ведь и душа Спасителя мира скорбела смертельно за грехи мира («прискорбна есть душа Моя до смерти»); а ты скорбишь за свою обитель — свой малый мирок, преданный тебе Господом. Но «претерпевший до конца спасен будет».

«Да и как врагу стерпеть твои добрые дела? Сколько их творится в стенах твоей обители?! Да к тому еще подоспели и Воронцовская, и Сурская обители с подворьями — все это твои детища, твоими руками распространившиеся, как молодые посадки, имеющие во время свое дать плоды духовные. Ты — Царство Божие водворяешь на земле, а врага бесплотного изгоняешь с нея; вот он и гонит тебя; но — шутки плохи с ним и с его присными. С С-й же в особенности. Немедленно постарайся удалить ее для общего блага. Паршивая овца все стадо портит; особенно нетерпима ее дьявольская гордость и презорство, ее задорливый нрав. Дай Бог тебе получить от Бога богатое воздаяние за все твое терпение».

А вот характерная строчка из одного письма:

«Кланяюсь тебе, святой старице, и целую твою священную главу, «мыслящую непрестанно, яже суть Божия».

Та, которую так называл пастырь «по духу Христову» всероссийский молитвенник, была, очевидно, этого достойна. И достойна она была потому, что, действительно, вся жила в Боге и для Бога; роднило ее с Батюшкой о. Иоанном то, что оба они ко Христу стремились всеми помыслами, всеми силами своей души. Есть небольшая книжечка матушки Таисии: «Письма к новоначальной инокине о главнейших обязанностях иноческой жизни». Одухотворенная

книжка, всякой своей страницей держащая душу в каком-то повышенном настроении, в каком-то радостном трепете от прикосновения к мирам иным.

«Вспомни, сестра,— пишет в этой книжке м.Таисия,— первые дни твоего вступления в обитель, когда сердце твое горело любовью ко Христу и готово было не только на всякое лишение, но и на самую нищету ради Его. Ты хотела быть «Марией, приседящей у ног Иисусовых и слышащей слово Его», слово «о едином на потребу», слово сладчайшее «паче меда и млека»... Вернись же, сестра, к ногам Иисусовым! О, как хорошо возле них!» — Так писать могла только та, которая сама сидела всю жизнь у ног Христовых, которая никого не любила так горячо, беззаветно, полно, как Иисуса Сладчайшего, и Ему, своему небесному Жениху, с молодых лет уневестила себя.

«Великое дело — пострижение во святый ангельский образ. Велика и таинственна сила, заключающаяся в его священнодействии, направляемая к тому, чтобы человек стал ангелом по образу внутренней своей жизни, ибо ангелы — бестелесны, и вещественный образ не может уподобиться им. Пострижение для инока — как бы второе крещение... Зрелище поистине небесное и умилительное! Как древле Богоотроковица пред Святая Святых, так ныне пред св. вратами алтаря Господня, предстанешь ты, дева, и торжественно, во услышание всех присутствующих в храме, объявишь, «что добровольно оставляешь на веки мир с его соблазнами», «отвращаешь очи твои еже не видети суеты», «вменяя вся уметы быти да Христа Единого приобрящешь.»

Блаженна ты, сестра!.. Ты возвеселила небо и землю; ты возвеселила и Самого Господа, призывающего всех обремененных суетой мира к Своему блаженному покою: «Приидите ко Мне, и Аз упокою вы». — И вот ты откликнулась на призыв Его, пришла к Нему и принесла свои дары и жертвы: дар — непорочное, чистое девство, жертву – любящее сердце, свободное от земных пристрастий, от плотской любви. Он только этого и ищет, только и жаждет: «Сыне, даждь Ми сердце твое!» — И если Он усмотрит твою жертву искреннею, не двоедушною, Он примет ее и уневестит Себе твою душу, но только при условиях, чтобы сердце твое не двоилось, но принадлежало бы лишь Ему одному всецело, бесповоротно, искренно, свято».

Таково было сердце и самой матушки Таисии.

При совершении своего иноческого подвига она держала перед своей душой чарующий образ Невесты Песни Песней, изображающей душу, уневестившуюся Христу, невесты, которая «и день, и ночь имела в уме и в сердце Жениха своего», потому что она посвятила Ему себя всецело, Его единого возлюбив всей душей, всем сердцем и всем помышлением», как того и требует Господь: „Егоже возлюби душа моя, удержах и не оставих Его, дондеже введох в дом матери моея»... Так и сама матушка, давая наставления вверенным ее попечениям душам, старалась удерживать, старалась никогда не оставлять возлюбленного, нетленного Жениха своего.

Священники, иноки, инокини,— все эти люди, стоящие как бы пред самым престолом Божиим,— «соль» земли, свет миру... В этом их служение, в этом их слава, в этом их награда... Они стоят на высотах жизни, и мир смотрит на них. Но не дай Бог никому упасть с этих высот, не дай Бог померкнуть светильникам, не дай Бог, если соль потеряет свою силу: куда годится она? И с той святой пламенной ревностью, с какой о. Иоанн возгревал в себе благодать священства, матушка Таисия возгревала в себе духовные дары, сообщенные ей при пострижении в иночество. Всю жизнь напоминала она сестрам-инокиням и самой себе те слова, какие слышит всякая инокиня при принятии чина ангельского:

«Виждь, кому сочетаваешься; виждь, какова обетования даеши: Ангели предстают зде невидимо, написующе исповедание твое сие, о немже и истязана будеши во второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа».

Всякий, кто видел, знал старицу Божию, всякий, кто читал ее овеянные молитвой стихотворения и беседы с инокинями, всякий, наконец, знавший о той великой дружбе, которая связывала эти два святые сердца — ее и Батюшки о. Иоанна, со светлой верой, с христианским упованием провожают ее теперь в иной мир: верится, она войдет в радость Господа своего; она, которой «весь мир был чужд и не нужен», найдет теперь вечный покой в обителях Христовых, потому что никто и ничто уже не отлучит ее теперь от любви Божией. Труды, скорби, болезни, неизбежные «искушения» были уделом последних лет ее славной жизни, но не сбудутся ли на ней Слова Писания: «Он испытал их, как золото в горниле, и при-

нял их, как жертву всесовершенную». Чувствуют верующие, что такой всесовершенной жертвой Богу была жизнь матушки Таисию. Потому и провожают они ее в иной мир не только с тихой печалью, но и с небесной радостью. Вечная память старице Божией! Да будет образ ее памятен каждому из нас и особенно каждой верующей женской душе, потому что она одна из тех, которые поняли, в чем высшая красота женской души: в нетленной чистоте духа, в глубочайшем смирении, в горячей, совершенной любви к Богу, а в Боге и ко всем людям,— в любви, ничего не требующей, в любви все покрывающей, в любви Христовой.

Монахиня Анастасия (Платонова)

Кронштадтский Пастырь. 1915, №4, с.74-76

Перечень книг монахини Анастасии (А. Ф. Платоновой)

Жертва разлада. Причина самоубийства по В.С. Соловьеву и Ф. Тютчеву. СПб.: Единение, 1908 — 43 с.

Пастырь молитвенник. Очерк жизни о. Иоанна Кронштадтского. СПб.: О-во в память о. Иоанна Кронштадтского, 1912 — 36 с.

На высотах духа. Стихотворения и рассказы. СПб.: Изд. П. Сойкина, 1912-256 с.

Под сенью веры. Сборник религиозно-нравственных статей. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1913- 179 с.

Светлые дали. Рассказы из первых веков христианства. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1913 — 109 с.

На рассвете. Рассказ из жизни первых христиан. СПб.: Постоянная комиссия народных чтений, 1913 — 40 с.

К радости совершенной. Сборник рассказов и стихотворений. СПб.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 232 с.

Перед иконою «Скоропослушницы». Стихи. Пг.: Александра-Невское о-во трезвости, 1914 —4 с.

Великие дни (под первыми впечатлениями войны). Сборник статей. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 116 с.

Дивен Бог во святых Своих. Очерки из жизни святых. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 87 с.

Не в силе Бог, а в правде. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 240 с.

Святая мученица царица Александра. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 32 с.

Святая равноапостольная Мария Магдалина. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 23 с.

Святая равноапостольная Нина, просветительница Грузии. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 32 с.

Святитель Христов Питирим, епископ Тамбовский. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 59 с.

Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 48 с.

Святой первомученик и архидиакон Стефан. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1914 — 16 с.

Святая мученица Татиана. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 24 с.

Святая великомученица Варвара. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 32 с.

Святой апостол Павел. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 95 с.

Святой Апостол Петр. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 76 с.

Святой Иоанн воин. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 42 с.

Святой великомученик и целитель Пантелеимон. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 48 с.

Святой равноапостольный князь Владимир. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 68 с.

Под небесной защитой. Очерки и статьи. Пг.: Училищный совет при Свят. Синоде. 1915 — 80 с.

Любовь до конца. Историческая повесть из жизни первых христиан. Пг.: О-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1915 — 96 с.

Под грозой. Повесть из времен татарщины. Пг.: 0-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1915 — 96 с.

Над Днепровскими курганами. Повесть из жизни Киевской Руси. Пг.: О-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1916 — 95 с.

За други своя. Рассказ. Пг.: Постоянная комиссия народных чтений, 1915 -36 с.

Церковные обряды и их значение для православного христианина. Пг.: Постоянная комиссия народных чтений, 1916 — 28 с.

Апостол Японии. Очерк жизни архиепископа Японского Николая. Училищный совет при Свят. Синоде. 1916 — 96 с.

Последние язычники. Повесть из времен Юлиана отступника. Пг.: 0-во распространения религиозно-нравственного просвещения, 1917 — 96 с.

На высотах духа. Рассказы. М.: Отчий дом, 1998 — 240 с. Над Днепровскими курганами. М.: Отчий дом, 2000 — 95 с. Под грозой. Повесть из времен татарщины. М.: 0тчий дом, 2000—96с. Жизнеописание. Статьи. СПб.: Леушинское подворье, 2003 — 64 с. К радости совершенной. Духовные стихотворения. СПб.: Леушинское подворье, 2003 — 60 с. (готовится к печати)

Составил М. В. Шкаровский

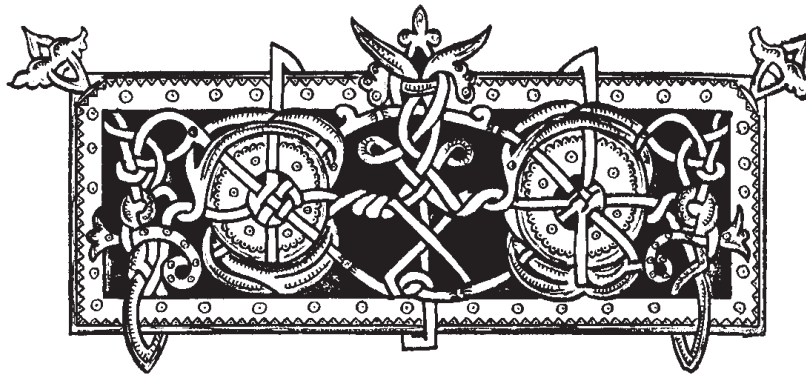
Издание отпечатано в ГУП "Псковская областная типография" с готовых диапозитивов
2003 год
Тираж 2000 экз. Заказ № 1919

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 510

В ЧЕМ СОСТОИТ БЛАЖЕНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе, но в законе Господни воля его, и в законе Его поучится день и нощь. И будет яко древо, насажденное при исходищих вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет, и вся, елика аще творит, успеет. Не тако нечестивии, не тако, но яко прах, егоже возметает ветр от лица земли. Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Яко весть Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет.

Псалом 1



В ЧЕМ СОСТОИТ БЛАЖЕНСТВО ЧЕЛОВЕКА

Поет вдохновенный Божественный певец, ударяет в звучные струны.

Поет святой Давид, вещает слова Неба. И звуки псалтыри его – звуки небесные! Предмет песнопения: *блаженство человека.*

Братия, послушаем учения Божественного, изложенного в Божественном песнопении. Послушаем глаголов, послушаем звуков, которыми глаголет, которыми гремит к нам Небо.

О вы, ищущие счастия, гоняющиеся за удовольствиями, жаждущие наслаждений! Придите, послушайте священной песни! Доколе мучить себя трудом непрестанным и тщетным, невенчаемым никакими плодами, никакими приобретениями прочными? Послушайте, что говорит Дух Святой устами Давида о человеческом блаженстве, к которому стремятся, которого алчут все человеки.

Был Давид царем, и не сказал, что престол царей – престол блаженства человеческого.

Был Давид полководцем и героем; от юных лет до старости препирался с иноплеменниками в кровавых сечах; сколько дал битв, столько одержал побед; на берега Евфрата с берегов Иордана передвинул границы своего царства, и не сказал, что в славе победоносца и завоевателя – блаженство человека.

Собрал Давид бесчисленное богатство, собрал его мечом своим. Золото лежало в кладовых его как бы медь, а серебро накидано было в них как бы песок. Но не сказал Давид, что в богатстве – блаженство человека.

Имел Давид все земные утешения; ни в одном из них не признал блаженства человеческого.

Когда Давид был отроком; когда занятием его было пасти овец отца своего Иессея; внезапно, по повелению Божию, приходит пророк Самуил, святым елеем помазует убогого пастуха в царя израильскому народу. Час помазания своего на царство Давид не назвал часом блаженства.

Дни детства проводил Давид в пустыне дикой. Там мышцы его начали ощущать в себе доблесть мышц богатыря – без оружия, с одними руками, бросался он на льва и медведя, удавлял льва и медведя.

Там душу его начало двигать, наполнять небесное вдохновение. Руки, сокрушавшие льва и медведя, устроили псалтырь, прикасались к струнам, напряженным и приведенным в согласие действием Духа: издались гармонические, усладительные, духовные, разумные звуки. Далеко, далеко, чрез времена, чрез столетия и тысячелетия, понеслись эти звуки, повторились и повторяются бесчисленными голосами, прославили имя Давида по всем концам земли, по всем векам ее христианского быта. Жизни пустынной, жизни, полной подвигов чудных, чудного вдохновения, Давид не назвал блаженством человека.

Блажен муж, воспевает он,– в каком бы месте, в каком бы звании, в каком бы состоянии и сане не был этот муж, *иже не иде на совет нечестивых и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе.*

Блажен муж, который хранится от греха, который отражает от себя грех, в каком бы образе, в каком бы облачении не предстал ему грех; предстанет ли он в беззаконном поступке, представится ли в помышлении, советующем беззаконие, или в чувстве, приносящем наслаждение, упоение греховное.

Если с таким крепким мужеством и слабая жена отражает от себя грех, то и она *блажен муж*, воспетый Давидом.

Участники этого блаженства, участники мужеского о Христе возраста – отроки и дети, твердо противостающие греху. Нет лицеприятия у правосудного Бога.

Блажен муж, которого вся воля в законе Божием. Блаженно сердце, созревшее в познании воли Божией, увидевшее *яко благ Господь*, стяжавшее это видение исполнением заповедей Господних, соединившее волю свою с волею Господа. Такое сердце – муж.

И будет этот муж *яко древо, насажденное при исходищих вод.* Такое древо не боится палящих лучей солнца, не боится засухи: корни его всегда напитаны влагою; не ждут они дождей, не терпят никогда недостатка в питании, того недостатка, от которого древа, растущие на горных и сухих местах, часто болеют, часто вянут, умирают. Древу, растущему на высоте, открытому для влияния ветров и солнца, изредка пиющему дождь небесный, изредка освежающемуся росою небесною, подобен человек, расположенный к благочестию, но ведущий жизнь невнимательную, рассеянную, мало и поверхностно занимающийся изучением Закона Божия. Иногда и он освежается росою умиления; иногда и на его иссохшую душу падает живительный слезный дождь покаяния; иногда и его

ум и сердце возбуждены движением к Богу; но это состояние не бывает, не может быть постоянным, даже продолжительным. Поучающийся в законе Божием день и ночь подобен древу, насажденному при *исходищих вод*. Непрестанно его ум и сердце – эти корни человека – погружены в Закон Божий; непрестанно кипят для него чистые, полные силы, струи жизни вечной. Эти воды, эта сила, эта жизнь – Дух Святой, обитающий в Священном и святом Писании, обитающий в заповедях Евангелия. Кто углубляется постоянно в Писание, изучает его в смирении духа, испрашивая у Бога разумение молитвою, кто направляет по евангельским заповедям все дела свои, все сокровенные движения души, тот непременно соделывается причастником живущего в них Святого Духа.

Изучение Закона Божия требует терпения. Это изучение есть стяжание души своей. Это – наука из наук, это – наука, сообщенная человеку Богом! Стези ее совершенно отдельны от тех обыкновенных стезей, которыми идут науки земные, науки человеческие. К ней доступ – самоотвержением, смирением, верою. Истинная, Богоугодная вера, в которой нет никакой лести и обмана, заключается в исполнении заповедей Евангелия, в трудолюбивом и постоянном насаждении их в душе своей, в борьбе с разумом, с богопротивными ощущениями, движениями сердца и тела. И разум, и сердце, и тело падшего человека враждебно настроены к Закону Божию. Тесен и прискорбен путь наш к премудрости Божией. Ведет нас к ней святая вера, попирая, сокрушая противодействие и разума, и сердца, и тела падших. Здесь нужны терпение, твердость, постоянство! *В терпении вашем стяжите души ваши* (Лк. 21, 19).

Проходят дни, месяцы, годы, настает свое время, время, известное Богу, и *древо, насажденное при исходищих вод,* приносит плод свой. Этот плод – явственное причастие Святого

Духа, обетованное Сыном Божиим всем, истинно верующим в Него. Благолепен, дивен плод Духа, изменяет всего человека! Переносится Священное Писание из книги в душу; начертываются невидимым перстом на его скрижалях – на уме и сердце – слово Бога и воля Бога, Слово и Дух. Воля такого человека сливается воедино с волею Божиею: он желает одного угодного Богу, исполняет одну только волю Божию. Потому-то он имеет Бога споспешником во всех своих начинаниях *и вся, елика творит, успеет*. Не такое подобие для нечестивых, не сравнивает их вдохновенный Давид с древами или с чем другим, имеющим свойства, признаки жизни. Другое для них сравнение! *Не тако нечестивии, не тако,* воспевает царственный Пророк, *но яко прах, егоже возметает ветр от лица земли*. Нечестивые – это пыль безжизненная, поднятая вихрем бурным – шумною суетою мира – с лица земли, крутящаяся в воздухе, несущаяся густым, заслоняющим солнце, всю природу облаком.

Не смотри на это облако! Не верь обману очей твоих. Для них пустая пыль, ничтожная пыль ложно представляется облаком. Закрой на минуту глаза, и пролетит эта пыль, носимая сильным мгновенным дыханием вихря, не повредив твоего зрения. Чрез минуту ты откроешь очи, посмотришь – где облако обширное? Поищешь его след, и нет облака, нет после него никакого следа, нет никакого признака бытия его.

Грозною песнею, грозными звуками продолжает Давид изрекать грозное, роковое определение на нечестивых.

Сего ради не воскреснут нечестивии на суд, ниже грешницы в совет праведных. Нет участия для нечестивых в воскресении первом, которое описал святой Иоанн в Апокалипсисе, в воскресении духовном, совершающемся во время земной жизни, когда прикоснется к душе вседетельный Дух и обновит ее в пакибытие.

Воскресает душа, оживает в жизнь Божественную! Ее ум и сердце просвещаются, соделываются причастниками духовного разума. Самый этот разум – признак воскресения. Так, напротив, плотское мудрование – невидимая смерть души. Духовный разум – действие Святого Духа. Он видит грех, видит страсти в себе и других, видит свою душу и души других, видит сети миродержителя, низлагает всякое помышление, взимающееся на разум Христов, отражает от себя грех, в каком бы видоизменении он не приблизился, потому что духовный разум – царство, свет Святого Духа в уме и сердце. *Не воскреснут нечестивии* для духовного рассуждения! Это рассуждение – *совет* одних *праведных*, их достояние. Оно неприступно, непостижимо для нечестивых и грешных. Оно – Боговидение,– и только *чистые сердцем узрят Бога* (Мф. 5, 8).

Путь нечестивых ненавистен Богу, столь чужд и мерзостен Ему, что Писание представляет Бога отвратившимся его, как бы не знающим его. Путь нечестивых имеет грань, имеет горестный предел. Эта грань на краю глубокой, мрачной пропасти, вечного хранилища вечной смерти. И *погибнет* он – путь нечестивых – навсегда в этой страшной пропасти, приведши наперед к ней и погубивши в ней всех шествовавших им.

Напротив того, путь правды столь приятен Богу, что Писание говорит о нем: *весть Господь путь праведных*. Блаженный путь, ты приводишь к Богу! Ты бесконечен, как бесконечен Бог. *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых*, не увлекается их образом мыслей, их нравственными правилами, их поведением, *но в законе Господни вся воля его.*

1847 г.

По творению свт. Игнатия (Брянчанинова)
«Блажен муж»

2003 г.

Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Издание напечатано в ГУП "Псковская областная типография" с готовых диапозитивов
Тираж 2000 экз. Заказ № 2460

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 511

Увещание ко спасению

Слово Божие – жизнь вечная, питающийся им *жив будет во веки* (Ин. 6, 51). Где бы ни питался человек словом Божиим: в пустыне ли, или посреди многолюдства – везде слово Божие сохраняет свое святое свойство – свойство живота вечного.

Увещание ко спасению

Возлюбленнейшие!

Я посетил многие иноческие обители и видел на опыте то, что святые отцы описывают в своих Боговдохновенных книгах. Видел, что во всяком месте: и в пустыне уединенной, и среди шумящего многолюдства – те из христиан, которые вникают в слово Божие и стараются осуществлять его жизнию, наполняют мышцы свои – ум и сердце – напутствием к блаженной вечности. Напротив того те, кто небрегут о упражнении в слове Божием, о исполнении святых Божиих заповедей, несмотря на то, что живут в глубокой пустыне, пребывают в горестном омрачении духовном, в плену у греха, в совершенном бесплодии. Пустынножитие, не соединенное с духовными занятиями, вскармливает, тучнит, усиливает греховные страсти. Так наставляют нас святые отцы, так есть на самом деле. Слово Божие – жизнь вечная, питающийся им *жив будет во веки* (Ин. 6, 51). Где бы ни питался человек словом Божиим: в пустыне ли, или посреди многолюдства – везде слово Божие сохраняет свое святое свойство – свойство живота вечного. А потому никакое место не препятствует этой жизни вечной сообщать причащающимся ей жизнь духовную, единую истинную жизнь. Пребывая с вами, всегда напоминал я вам, увещевал вас заниматься словом Божиим – оно может даровать нашей шумной обители достоинство обители уединенной, оно может построить духовную ограду вокруг обители нашей, не имеющей вещественной ограды. Эта духовная ограда будет крепче и выше всякой ограды, воздвигнутой из кирпичей и камней; никакой порок не проникнет в обитель нашу, никакая добродетель не утратится из нее. Находясь в отсутствии, не нахожу ничего лучшего, как повторить вам письменно то, что говорил устами. Братия! Не проводите жизни вашей в пустых занятиях; не промотайте жизни земной, краткой, данной нам для приобретений вечных. Она пробежит, промчит-

ся и не возвратится; потеря ее – невознаградима; проводящие ее в суетах и играниях лишают сами себя блаженной вечности, уготованной нам Богом. Употребите ее на изучение воли Божией, благой и совершенной, изложенной в Священном и Святом Писаниях.

И прежде увещевал я вас, чтоб вы, претерпевая в Богоданном нам убежище, искали мира душевного в слове Божием, не увлекаясь суетными помыслами и мечтами, которые обещают дать мир и отнимают его. *Безумного часть – мала пред очами его,*– сказал великий Исаак (Слово 2). Напротив того, в душе, принимающей с благодарением дары Божии, возрастает ценность этих даров. Так говорю о нашем пристанище. Благодарение Богу за эту пристань может сделать пристань тихою, приятнейшею; смущенные взгляды ропота и недовольства передают свою мутность, свою мрачность и тому, за что, по всей справедливости, следовало бы благодарить, прославлять Бога.

Древо, пересаждаемое с места на место, растрачивает свои силы, хотя бы по природе оно было и сильно, лишается возможности приносить плоды. *В терпении нашем* повелел нам *стяжевать души наши* Божественный Учитель наш (Лк. 21, 19). Он возвестил, что творящие плод, творят его в терпении (Лк. 8, 15).Он возвестил: претерпевый до конца, той спасен будет (Мф. 24, 13); кто же поколеблется, возвестил наконец Он же, *о том не благоволит душа Моя* (Евр. 10, 38).

Погружаюсь в созерцание нивы Христовой. Сколько на ней посеяно семян, сколько возросло колосьев! Как они прекрасно зеленеют, шумят утешительно и насладительно, волнуемые ветром. Приходит для этих колосьев время зрелости, время жатвы; они оставляют поле, на котором родились и выросли, собираются на гумно, сушатся, обмолачиваются, вывеваются. Точно такова наша жизнь. Сколько нужно различных переворотов, чтоб человек увидел всю суетность мира, всю его ничтожность, достиг, наконец, как гумна, недра святой обители. Тяжеловесное, плодоносное зерно, как бы ни перевевали его, всегда падает на гумно, а плевелы и зерна бессильные, пустые, легкие, уносятся с гумна ветром; сперва показываются они облаком, что-то значащим; потом редеют,

редеют, теряются из виду, пропадают. Скорби, встречающиеся в обществе, не могут быть извинением малодушия. Быт и место бесскорбные на земле – несбыточная мечта, которого ищут умы и сердца, чуждые Божественного просвещения, обольщенные бесами. Нам заповедано искать мира душевного во взаимном ношении немощей. Не переменами места, рождающимися единственно от осуждения ближних, исполняется закон Христов. Нет! *Друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов* (Евр. 6, 2). Убегает от исполнения закона Христова безумно ищущий места бесскорбного. Место и жизнь бесскорбные – на небе, оттуда *отбеже всякая печаль и воздыхание.* Земля – место воздыханий, и блаженны воздыхающие на ней – они утешатся на небе. Место и жизнь бесскорбные – когда сердце обрящет смирение, и смирением войдет в терпение.

Всему этому, всему, что ни есть благое и спасительное, научает нас слово Божие. И потому сам Господь повелевает, все пророки и апостолы, все святые отцы увещевают, заповедывают, умоляют пребывать постоянно в слове Божием, которое источник всех благ, которое – жизнь, которое – свет на земле, в этой юдоли плача, глада, тьмы, смерти. *И свет во тьме светится, и тьма его не объят* (Ин. 1, 5). Водимый лучом этого света, выходит странник земной на пажить спасительную, духовную, отсюда предначинает жизнь вечную.

Примите, братия, слова мои, которые – не что иное, как отголосок учения всех святых. Так пустынный дикий вертеп – жилище гадов и всякой нечистоты – повторяет эхом своим вдохновенные звуки Божественных песнопений.

Испрашивающий ваших святых молитв и поручающий себя вашим святым молитвам

Архимандрит Игнатий
1847 г.

По творению свт. Игнатия Брянчанинова «Послание к братии Сергиевой пустыни из Бабаевского монастыря»

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 512

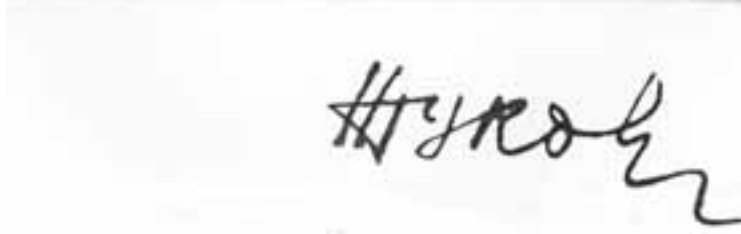
Защитнику Отечества

Маршал Г.К Жуков

«Меня упрекали в излишней требовательности. Оглядываясь назад, думаю, что иногда я действительно был излишне требователен и не всегда сдержан и терпим к проступкам своих подчиненных. Однако и теперь считаю, что никому не дано право наслаждаться жизнью за счет труда другого. А это особенно важно осознать людям, которым придется на полях сражений, не щадя своей жизни, первыми защищать Родину.

Меня выводила из равновесия та или иная недобросовестность в работе, в поведении военнослужащего. Некоторые этого не понимали, а я, в свою очередь, видимо, недостаточно был снисходителен к человеческим слабостям».

Из воспоминаний маршала Жукова



Маршал Г.К. Жуков

Георгий Константинович Жуков родился в 1896 году в деревне Стрелковка Калужской губернии. Его отец – Константин Жуков – был сапожником, мать – Устинья – простой крестьянкой. Природа наделила Устинью Жукову твердым характером и недюжинной физической силой – от нее эти качества унаследовал будущий маршал.

По местному крестьянскому обычаю (вызванному высокой детской смертностью) мальчика крестили на следующий день после появления на свет. Его нарекли в честь святого великомученика и победоносца Георгия.

Жуковы жили бедно. Зимой и осенью отец сапожничал в городах, мать занималась извозом. Как и многие крестьянские дети, Георгий с семи лет работал со взрослыми на полевых работах.

Начальное образование будущий маршал получил в деревне – с отличием окончил трехлетнюю церковно-приходскую школу, в программу которой входили Закон Божий, чтение и письмо, арифметика, начала истории и естествознания. Мальчику было тогда десять лет. На семейном совете было решено на следующий год отправить Георгия в город – учиться ремеслу у родного дяди по матери – Михаила Пилихина, который владел скорняжной мастерской в Москве.

Мастерская Пилихина помещалась в одном из дворов в центре Москвы. Мальчики-ученики вставали в шесть утра и готовили все нужное для мастеров, которые приходили в семь и работали до семи вечера, с часовым перерывом на обед. Обедали в мастерской все вместе. В течение рабочего дня мальчики учились у мастеров ремеслу или помогали приказчикам в магазине. Вечером прибирали мастерскую. В обязанности учеников входила также помощь по хозяйству. За оплошности и провинности мальчики получали тумаки и подзатыльники от старших. Спать они ложились в одиннадцать. Спали на полу в ма-

Мать Устинья Артемьевна

стерской, в холодные дни – на полатях, устроенных в прихожей с черного хода.

По субботам учеников водили к Всенощной, по воскресеньям – на Литургию. Ходили в храм Христа Спасителя, в Успенский собор в Кремле. Регент Успенского собора Н.С. Голованов (впоследствии – главный дирижер оркестра Большого театра) и его жена, знаменитая певица Нежданова, были хорошими знакомыми Пилихина.

Старший сын хозяина, Александр, двоюродный брат и почти ровесник Егора, взялся его учить тому, что знал сам, в том числе немецкому языку. Егор начал читать журналы и газеты и решил поступать на трехгодичные вечерние общеобразовательные курсы, окончание которых давало права выпускника городского училища. В 1911 году, пятнадцати лет, он с отличием кончил курсы и тогда же перешел в разряд старших мальчиков, которому подчинялось трое мальчиков-учеников. Его стали называть по имени-отчеству.

В 1912 году Георгий в первый раз получил десятидневный отпуск и приехал в деревню с подарками родителям. В конце этого же года окончилось его обучение – он стал мастером в фирме Пилихина. Как это было принято, хозяин дал Георгию небольшую премию и полный комплект одежды – костюм-тройку, два пальто – демисезонное и зимнее с каракулевым воротником, белье, обувь. Георгий мог выбирать между работой в мастерской и магазином и предпочел магазин, где можно было общаться с образованными людьми. Теперь он получал жалованье – 25 рублей в месяц (столько же, сколько старший сын Пилихина, Александр) и снял койку в доме недалеко от мастер-

ской. Георгий уже думал о женитьбе, но началась Первая мировая война.

Его двоюродный брат и ближайший друг Александр пошел на фронт добровольцем и звал Георгия с собой. Георгий его примеру не последовал, но отказался и от предложения своего дяди и хозяина Михаила Пилихина выхлопотать ему хотя бы отсрочку от военной службы.

В июле 1915 года объявили досрочный призыв молодежи года рождения Жукова (до войны призывной возраст был 20 лет). Георгий съездил в деревню, помог родителям, попрощался с друзьями. В августе его мобилизовали. В анкете он не стал писать, что окончил полный курс городского училища (тогда его сразу бы сделали прапорщиком), а написал – два класса церковно-приходской школы. Это определило его чин – рядовой. В своих воспоминаниях маршал Жуков пишет: “На мое решение повлияла поездка в родную деревню незадолго перед этим. Я встретил там, дома, двух прапорщиков из нашей деревни, до того плохих, неудачных, нескладных, что, глядя на них, мне было даже как-то неловко подумать, что вот я, девятнадцатилетний мальчишка, кончу школу прапорщиков и пойду командовать взводом и начальствовать над бывалыми солдатами, над бородачами, и буду в их глазах таким же, как эти прапорщики, которых я видел у себя в деревне. Мне не хотелось этого, было неловко”.

Георгия Жукова взяли в кавалерию, в драгуны. До весны 1916 года он проходил подготовку в Харьковской губернии. Новобранцев-драгун учили напряженно – и тому, что надлежит знать кавалеристу, и тому, что должен уметь пехотинец. Жуков успевал отлично. Поэтому весной его, в числе тридцати человек, направили в учебную команду. По окончании учения он стал вице-унтер-офицером. И хотя в учебном взводе Жуков столкнулся с унтер-офицерским самодурством и несправедливостью, он много раз на протяжении дальнейшей службы добрым словом поминал учебную команду и унтер-офицеров как воспитателей солдат. Шедшие на фронт кавалерийские пополнения были прекрасно обучены.

В начале августа 1916 года Жуков, в числе других младших командиров, выехал в свою дивизию на Юго-Западный фронт.

Вице-унтер-офицер Г. Жуков

Эшелон двигался очень медленно. Во время длительных стоянок можно было многое услышать о положении в армии. Через десятки лет маршал Жуков вспоминал: “С фронта везли тяжелораненых, и санитарные поезда тоже стояли, пропуская эшелоны на фронт. От раненых мы многое узнали, и в первую очередь то, что наши войска очень плохо вооружены. Высший командный состав пользуется дурной репутацией, и среди солдат широко распространено мнение, что в верховном командовании сидят изменники, подкупленные немцами. Кормят солдат плохо. Эти известия с фронта действовали угнетающе, и мы молча расходились по вагонам”. Между тем всего два месяца назад русская армия одержала блестящие победы на Юго-Западном фронте. К этому времени она была вооружена не хуже противостоящей австрийской армии и лишь немногим уступала немецкой. Однако тыловые настроения, недоверие к верховному командованию уже начинали подрывать боеспособность русской армии.

На боевых позициях Жуков с блеском применил навыки, полученные в запасном полку и учебной команде. Он вызвался в войсковую разведку и несколько раз с товарищами ходил за линию фронта. Получил два Георгиевских креста, был контужен и попал в госпиталь.

В конце 1916 года Жуков, еще не вполне оправившийся от контузии, был направлен в ту же учебную команду, из которой ушел на фронт. Теперь он учил новобранцев. В запасном эскадроне шло уже серьезное брожение.

Утром 27 февраля 1917 года эскадрон, в котором служил Жуков, был поднят по тревоге и направился в ближайший город – Балаклею. Никто ничего не знал. На плацу у штаба полка

построились рядом с другими частями. К кавалеристам пришли рабочие с красными знаменами, начался митинг с призывами: народу нужны мир, земля и воля. Солдаты прокричали “ура” и разъехались по казармам. Это была революция.

На следующий день унтер-офицер Жуков был избран председателем солдатского комитета эскадрона и вошел в состав полкового комитета. Ряд офицеров арестовали. Через полвека маршал Жуков писал: “Нельзя сказать, что я был в те годы политически сознательным человеком. Тот или иной, берущий за живое лозунг, брошенный в солдатскую среду <...>, много значил и многими подхватывался. <...> И кто его знает, как бы вышло, если бы я оказался не солдатом, а офицером, если бы кончил школу прапорщиков, отличился в боях, получил бы уже другие офицерские чины и к этому времени разразилась бы революция. Куда бы я пошел под влиянием тех или иных обстоятельств, где бы оказался? Может быть, доживал бы где-нибудь свой век в эмиграции?”

К концу лета 1917 года в расположении части Жукова все чаще стали появляться националисты. Осенью некоторые подразделения заявили о том, что они выступают на стороне Петлюры. Жуков убедил комитет эскадрона распустить солдат по домам. Через некоторое время он и сам отправился в Москву, куда прибыл 30 ноября 1917 года.

В Москве царили хаос и неразбериха. Мастерская, в которой работал Жуков, уже не существовала – год назад хозяин предусмотрительно ее ликвидировал. Мастера разбрелись кто куда. Жуков поехал к себе в деревню.

В августе 1918 года вступил в Красную Армию. Дивизия, в которую был зачислен Жуков, состояла в основном из опытных унтер-офицеров и солдат царской армии. Занимались с ними исключительно политической подготовкой. В мае его дивизия была направлена на Восточный фронт воевать против Колчака.

На фронте Жукова звали на политработу. Он отказался – видел свое место только в строю.

В сентябре дивизия, в которой воевал Жуков, была переброшена под Царицын, где приняла участие в тяжелейших боях против Деникина. Жуков не получил здесь ни одной царапины. Но был серьезно ранен в октябре в боях местного значения.

В госпитале Жуков заболел тифом, так что при выписке едва стоял на ногах. Ему дали месячный отпуск. Жуков поехал домой, в Стрелковку.

В родной деревне шло изъятие комитетом бедноты "излишков" хлеба у тех, кто считался кулаками. На Восточном фронте, в Сибири, не знавшей голода, Жуков приветствовал борьбу с кулаками. Столкнувшись с этой борьбой у себя дома, он постарался побыстрей вернуться в армию.

В военкомате Жукова направили в запасной батальон в Тверь, оттуда – на курсы красных командиров. В январе Жуков стал курсантом Рязанских кавалерийских курсов. Военные дисциплины преподавали бывшие офицеры царской армии. Учили хорошо.

В июле 1920 года личный состав курсов направили в Москву, где формировалась бригада курсантов. В середине августа хорошо вооруженную бригаду перебросили в Краснодар. На юге России открывалась последняя глава Гражданской войны.

На Кубани действовали белые войска, а кроме того, в результате политики "расказачивания", проводившейся Советской властью, население было готово к мятежу. Ко времени прибытия туда бригады, в составе которой был Жуков, эта политика уже смягчилась, но тем не менее обстановка требовала стремительных действий.

Курсанты разгромили белые отряды, однако разрозненное сопротивление, партизанская война не угасали. Схватки были небольшими, но жестокими. Военное дело осложнялось категорическими приказами не ожесточать мирное население. Больше того, курсанты должны были помогать беднякам и семьям красноармейцев. Выставив заставы и держа оружие под рукой, курсанты ремонтировали дома, сельскохозяйственный инвентарь, надворные постройки.

Когда Гражданская война кончилась, началась демобилизация. Численность Красной Армии сокращалась в 10 раз. Г.К. Жуков, доказавший свои боевые качества, вышедший в командиры из красноармейского состава, был оставлен в армии.

В 1923 году двадцатисемилетний Жуков был назначен командиром кавалерийского полка. Жуков усиленно занимается самообразованием, отрывая время для чтения от ночного сна.

В 1924 году его направляют в Высшую кавалерийскую школу в Ленинград, где рядом с ним учатся будущие прославленные полководцы Великой Отечественной войны Рокоссовский, Баграмян, Еременко.

В конце 1929 года его командируют в Москву на Курсы усовершенствования высшего командного состава. Занятия проводили крупные военачальники, ведущая научная профессура. Слушатели курсов, по словам Жукова, "увлекались военной теорией, гонялись за каждой книжной новинкой, собирали все, что можно было собрать по военным вопросам, чтобы увезти с собой в часть". Военный профессионализм Жукова постоянно рос.

В 1930 году Жуков назначается в Москву помощником начальника инспекции кавалерии Красной Армии (пост начальника занимал Буденный). Это был период модернизации армии, создания механизированных частей, предназначенных сначала дополнить, а потом и заменить конницу. Жуков работал с величайшим увлечением.

В начале 1933 года – новое назначение: принять командование кавалерийской дивизией, размещавшейся в районе захолустного Белорусского города Слуцка. До 1931 года эта дивизия квартировала под Ленинградом, там, где до революции размещалась императорская кавалерия. Теперь пришлось обустраиваться буквально на голом месте. Командный состав дивизии столкнулся с большими трудностями. Жуков принял решение – сделать все, что можно, для своих подчиненных и их семей. В дивизии была усилена боевая подготовка, и скоро она стала образцовой. Из воспоминаний маршала Жукова: "Со спокойной совестью могу сказать, что в подготовке дивизии командиры и политработники тогда большего дать не могли, а все, что имели, отдали сполна".

Наступил 1937 год с его неслыханными репрессиями. Многие прославленные полководцы были объявлены "врагами народа" и расстреляны в расцвете сил. Жуков, который тогда еще не был высшим командиром, этой участи избежал. Его назначили командиром конного корпуса. На этом посту Жуков не только, как всегда, усилил дисциплину и боевую подготовку солдат и командного состава, но и смог спасти от ареста одного из пре-

красных командиров полка. Командира обвиняли в том, что он связан с врагами народа. Жуков приехал на партийное собрание, где готовилась расправа над невиновным человеком, и в течение трех часов молча слушал потоки клеветы. Затем взял слово и указал, что вина полководцев, объявленных врагами народа, неизвестна. А значит нельзя предъявлять человеку "обвинение" за связь с ними. Жукову удалось переломить настроение присутствующих, и собрание ограничилось обсуждением невиновного.

В марте 1938 года Жукова перебрасывают командовать другим кавалерийским корпусом. Здесь и он подвергся проработке на собрании партактива. Однако, выслушав дутые обвинения, Жуков сам обрушился на клеветников, создавших в дивизиях обстановку беспринципности и страха. Мужество Жукова произвело впечатление на собравшихся, которые ограничились обсуждением своего командира. Могло, однако, повернуться по-другому, и тогда, как писал в воспоминаниях маршал Жуков, "моя судьба была бы решена в застенках НКВД, как и многих других наших честных людей".

В декабре 1938 года Жукова назначают заместителем командующего войсками Белорусского военного округа. Новое место службы – в Смоленске. С чувством, близким к ужасу, Жуков убедился, что подготовка командного состава резко упала, у людей опустились руки. Тем не менее нужно было готовиться к войне. В функции Жукова входило руководство боевой подготовкой конницы и танковых бригад, которым предстояло взаимодействовать в ходе будущих сражений.

В конце мая 1939 года Жуков провел в районе Минска полевую командно-штабную игру. 1 июня проводился ее разбор. Он был прерван телефонным звонком – Жукову надлежало на следующий день прибыть в Москву. В те годы многие крупные военачальники по вызову Ворошилова отправлялись в Москву и оказывались в тюрьме. Военные хорошо это знали. Знал и Жуков. Не заходя домой, он отправился на вокзал и первым же поездом уехал в Москву.

Однако Ворошилов вызвал его по делу государственной важности. Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать граничащую с Советским Союзом

Монголию от внешней агрессии. С начала мая 1939 года японские войска пытались захватить участок монгольской территории в районе реки Халхин-Гол. В соответствии с договором части Красной Армии оказывали им сопротивление. Однако дела у советских подразделений складывались неважно. Жукова назначали в район боевых действий новым командующим войсками. На следующий день он вылетел в Монголию.

5 июня Жуков добрался до Халхин-Гола. Несколько дней на машине осматривал район боевых действий. До советской границы отсюда – почти 650 километров, связь по единственной грунтовой дороге. Вокруг – степь, для противника все как на ладони. На японской стороне рельеф выгоднее – складки местности, в которых легко укрыть войска, и к тому же подведены две железные дороги и несколько грунтовых. Все преимущества быстрого и скрытного сосредоточения – на японской стороне.

Жуков убедился – враг подтягивает силы. Он отправляет срочное донесение в Москву: немедленно усилить авиацию, направить в Монголию не менее трех стрелковых дивизий и танковую бригаду.

Из Сибири через безводную степь покатились колонны с пехотой, пошли танки.

С середины июня в небе над Халхин-Голом завязались неслыханные в то время воздушные бои. В некоторых из них одновременно принимало участие свыше двухсот самолетов с обеих сторон.

Перед рассветом 3 июля на северном фланге фронта один из советских полковников внезапно натолкнулся на японские войска, уже начавшие форсировать реку. Сюда немедленно прибыл Жуков. Он вызвал авиацию – бомбить переправу, ввел в бой танковую бригаду. Донельзя измотанная длительным маршем, она только что встала на отдых в нескольких километрах от линии фронта и примчалась поднятая по тревоге.

Потом выяснилось – в целом японцы превосходили советско-монгольские войска по пехоте и артиллерии в 3 раза, по кавалерии в 4,5 раза.

Сражение бушевало почти трое суток. Советские танки уничтожили всю японскую артиллерию.

Утром 5 июля остатки вражеской группировки бросились к переправе. Враг был наголову разбит.

На поле боя остались сотни раздавленных и разбитых орудий, пулеметов, машин. Тысячи трупов устилали землю.

По мнению западных историков, японские военачальники разработали абсолютно здравый план, но не приняли в расчет мгновенную реакцию Жукова.

Однако Япония готовилась к реваншу. Днем и ночью к Халхин-Голу подвозились новые японские войска. Они продвинулись на 20 километров внутрь Монголии, развернувшись по фронту длиной в 74 километра.

Перед Жуковым стояла задача – уничтожить японские войска на территории Монголии, не перенося боевые действия за монгольскую границу (чтобы не дать повода для обвинений в агрессии).

К середине августа под командованием комкора Жукова (он получил это звание 31 июля) были сосредоточены хорошо вооруженные советско- монгольские войска, которые хотя и уступали по численности противостоящей японской армии, но насчитывали гораздо больше танков, самолетов и другой военной техники. Сложность состояла в том, что войска нужно было разместить в голой степи, а затем вывести на исходные позиции так, чтобы при этом дезинформировать противника, создать впечатление, что советско-монгольские войска готовятся исключительно к обороне.

Наступление было назначено на воскресенье 20 августа. Его начало оказалось для противника полной неожиданностью: японское командование разрешило в этот день отлучку в тыл многим генералам и старшим офицерам.

После мощной артподготовки и бомбардировки противника с воздуха началось наступление на всем протяжении семидесятикилометрового фронта. Через пять дней японские войска оказались в котле. Затем в течение нескольких дней продолжалось круглосуточное кровопролитное сражение, в ходе которого советско-монгольские войска рассекали группировку врага и уничтожали ее по частям. Японские солдаты сражались до последнего патрона.

29 августа пал последний узел японского сопротивления. 31 августа Жуков доложил об успешном завершении операции.

15 сентября 1939 года в Москве было подписано соглашение о ликвидации конфликта.

За победу у Халхин-Гола Г.К. Жуков был удостоен звания Героя Советского Союза.

В начале мая 1940 года Г.К. Жукова отозвали в Москву. В июне ему присвоили звание генерала армии. Из мемуаров маршала Жукова:

"Первое тяжелое переживание в моей жизни было связано с 37-м и 38-м годами. На меня готовились соответствующие документы, видимо, их было уже достаточно, уже кто-то где-то бегал с портфелем, в котором они лежали. В общем, дело шло к тому, что я мог кончить тем же, чем тогда кончали многие другие. И вот после всего этого – вдруг вызов и приказание ехать на Халхин-Гол. Я поехал туда с радостью. А после завершения операции испытал большое удовлетворение. Не только потому, что была удачно проведена операция, которую я до сих пор люблю, но и потому, что я своими действиями там как бы оправдался, как бы отбросил от себя все те наветы и обвинения, которые скапливались против меня в предыдущие годы и о которых я частично знал, а частично догадывался. Я был рад всему: нашему успеху, новому воинскому званию, получению звания Героя Советского Союза. Все это подтверждало, что я сделал то, чего от меня ожидали, а то, в чем меня раньше пытались обвинить, стало наглядной неправдой".

В июле 1940 года Жуков был назначен командующим Киевским Особым военным округом.

Все лето и осень 1940 года в пограничных округах шла напряженная учеба в условиях, приближенных к боевым. Учения проводились днем и ночью, в любую погоду. Г.К. Жукова почти не видели в Киеве в штабе округа. Он постоянно находился в войсках.

Из воспоминаний красноармейца М.Т. Калашникова (будущего конструктора стрелкового оружия, в частности – автомата АК-47): "Энергию, волю Г.К. Жукова мы почувствовали сразу <...>. Пожалуй, за все время службы до этого (а призван в армию я был в 1938 году) мне не доводилось столько участво-

вать в учениях и полевых занятиях, сколько летом и осенью 1940 года... Но вот что удивительно: психологические и физические нагрузки возрастали, а у нас словно второе дыхание открылось – повысился интерес к службе, к совершенствованию знаний и навыков".

Гитлеровская Германия интенсивно готовилась к войне против Советского Союза. А в нашей стране, вплоть до нападения Германии, продолжались репрессии, в результате которых гибли одаренные генералы и офицеры.

В конце декабря 1940 года – начале января 1941 года в Москве прошло совещание высшего командования Красной Армии. На нем выступал с докладом Жуков: "...война может вспыхнуть в любую минуту. Мы не можем строить свои оперативные планы, исходя из того, что будем иметь через полтора-два года. Надо рассчитывать на те силы, которыми наши приграничные округа располагают сегодня".

1 февраля 1941 года Жуков назначается начальником Генерального штаба.

Его рабочий день в те предвоенные месяцы – 15-16 часов почти без выходных. Жуков понимает, что армия недостаточно хорошо вооружена, и делает все возможное для обеспечения ее новой техникой, для укрепления советской границы. В конце марта – начале апреля 1941 года, по инициативе Г.К. Жукова и наркома обороны С.К. Тимошенко, в армию был призван приписной состав из запаса (800 тысяч человек), которых в основном направили для пополнения дивизий в пограничных округах.

И все-таки Советский Союз не был готов к нападению Германии 22 июня 1941 года.

Советские войска, еще вчера жившие мирной жизнью, не могли оказать организованного сопротивления танковым колоннам вермахта, вторгшимся на территорию нашей страны. Однако приказ из Москвы предписывал: немедленно обрушиться всеми силами на вторгшегося врага и уничтожить его. Дрались до последнего человека пограничные заставы, началась героическая оборона Брестской крепости, самоотверженно сражались советские летчики. Бойцы и командиры совершали бесчисленные подвиги, многие из которых стали известны только после войны.

По плану “Барбаросса” германская группа армий “Юг”, прорвав границу, сосредоточила главный удар в общем направлении на Киев. Советское командование под руководством Жукова решило нанести контрудар по обоим флангам врага с севера и юга. 23 июня началось танковое сражение, в которое с обеих сторон втянулось намного больше тысячи танков. Немцы столкнулись с сопротивлением, подобного которому они не встретили нигде в Европе. Кое-где им пришлось отступить до прибытия подкрепления – и это при том, что советские войска уступали им в численности. На несколько дней продвижение врага было задержано.

Жуков надеялся добиться перелома в ходе сражения на Южном фронте. Но этого не случилось: не было налажено взаимодействие войск и управление ими, подводила связь, неважно была организована разведка.

На Западном и Северно-Западном фронтах обстановка складывалась гораздо хуже. 26 июня Жуков был вызван в Москву с Южного фронта для работы в Генеральном штабе, который напряженно изыскивал пути и средства, чтобы остановить продвижение немецких войск.

Прошел месяц войны, и советский Генеральный штаб накопил достаточно данных о распределении сил противника, его резервах на советско-германском фронте. Проделав огромную аналитическую работу, Жуков убедился: во избежание окружения войска Юго-Западного фронта нужно отвести за Днепр. Киев придется оставить. Необходимо укрепить Центральный фронт, в частности – за счет войск, прикрывавших Москву с Запада (поскольку через две недели к Москве прибудут дивизии с Дальнего Востока). Этот план, в особенности сдача врагу Киева, вызвал резко отрицательную оценку Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. Жуков был сразу же освобожден от поста начальника Генерального штаба, хотя и оставался членом Ставки. (Киев все равно пришлось сдать. Позднее Жуков писал: “Как известно, войска Юго-Западного фронта в дальнейшем тяжело поплатились за <...> решения, которые были приняты без серьезного анализа обстановки”).

В план, предложенный Жуковым, входила немедленная организация контрудара в районе города Ельни, взятого немца-

Ноябрь 1941 года

ми в самом конце июля. Дело в том, что с захватом Ельни враг приобретал плацдарм для наступления на Москву. В этом районе был развернут Резервный фронт. Жуков назначается его командующим. 31 июля он прибыл в штаб фронта.

Начались тяжелейшие бои под Ельней. В результате в начале сентября Ельнинская группировка противника была разгромлена, в город вошли советские войска. По свидетельству журналистов, в районе Ельни не осталось ни одного дома – все было уничтожено артиллерией или сгорело в ходе боев. В самой Ельне уцелела только каменная церковь. Но район Ельни – небольшая территория в 150-200 квадратных километров, вся изрытая снарядами,– стал первым куском земли, отвоеванным у гитлеровского вермахта во Второй мировой войне.

Жуков сразу был отозван в Москву, где получил новое назначение – командовать Ленинградским фронтом. Положение, сложившееся в тот момент под Ленинградом, было почти катастрофическим. Требовалось обязательно удержать город, так как с его потерей произошло бы соединение немцев с финнами, и в результате создалась бы опасная группировка, нависающая с Севера над Москвой.

10 сентября Жуков вылетел в Ленинград.

Он попал в Смольный в разгар совещания Военного совета фронта. Обсуждался план действий в случае, если город не удастся удержать: как именно уничтожить перед сдачей важнейшие объекты города, как подготовить к выводу из строя корабли Балтийского флота, чтобы ими не смог воспользоваться противник. Первое решение Военного совета под руковод-

ством Жукова – Ленинград защищать до последнего человека. Навсегда забыть о мерах на случай, если враг ворвется в город. Этому не бывать.

Флоту было приказано использовать на полную мощь все артиллерийские средства и авиацию, не оставляя никаких резервов. На танкоопасных направлениях на подступах к городу была сосредоточена артиллерия, в том числе – часть зенитных орудий, снятых для этого с позиций. Жуков приказал списать на берег часть моряков и отправить их на фронт. Для того чтобы не дать врагу возможности создать ударные группировки, Жуков требовал постоянно атаковать противника. В начале октября, как писал позднее Жуков, "впервые за много дней мы осознали, что фронт на подступах к городу выполнил свою задачу и остановил немецкое наступление".

Город сдан не был. Немецкое командование приняло решение блокировать город, одновременно подвергая его артиллерийским обстрелам и непрерывным бомбардировкам. Начиналась героическая оборона Ленинграда.

5 октября Жуков был вызван в Москву – на подступах к ней складывалось крайне тяжелое положение.

Рано утром 5 октября советские самолеты обнаружили громадные колонны танков и мотопехоты, которые, прорвав фронт, двигались на Москву. Войска, прикрывавшие Москву, были обойдены и сражались, по-видимому, в окружении.

Через многие годы Жуков скажет: "Надо оценить по достоинству немецкую армию, с которой нам пришлось столкнуться с первых дней войны. Мы же не перед дурачками отступали по тысяче километров, а перед сильнейшей армией мира. Надо ясно сказать, что немецкая армия к началу войны была лучше нашей армии, лучше подготовлена, выучена, вооружена, психологически более готова к войне, втянута в нее. Она имела опыт войны, и притом войны победоносной. Это играет огромную роль. Надо также признать, что немецкий генеральный штаб и вообще немецкие штабы тогда лучше работали, чем наш Генеральный штаб и вообще наши штабы, немецкие командующие в тот период лучше и глубже думали, чем наши командующие. Мы учились в ходе войны и выучились, и стали бить немцев, но это был длительный процесс. И начался этот процесс с

На командном пункте

того, что на стороне немцев было преимущество во всех отношениях.

У нас стесняются писать о неустойчивости наших войск в начальном периоде войны. А войска бывали неустойчивыми и не только отступали, но и бежали, и впадали в панику. В нежелании признать это сказывается тенденция: дескать, народ не виноват, виновато только начальство. В общей форме это верно. В итоге это, действительно, так. Но, говоря конкретно, в начале войны мы плохо воевали не только наверху, но и внизу. Не секрет, что у нас рядом воевали дивизии, из которых одна дралась хорошо, стойко, а соседняя с ней бежала, испытав на себе такой же самый удар противника. Были разные командиры, разные дивизии, разные меры стойкости.

Обо всем этом следует говорить и писать, я бы сказал, что в этом есть даже педагогическая сторона: современные читатели, в том числе молодежь, не должны думать, что все зависит только от начальства.

Нет, победа зависит от всех, от каждого человека, от его личной стойкости в бою. Потому что мы знаем, что в одинаковых условиях одни люди вели себя стойко, а другие нет. И этого нельзя замалчивать".

10 октября Жуков был назначен командующим Западным фронтом. К середине октября основные направления на Москву были прикрыты. Что касается советских войск, попавших в окружение за Вязьмой, то они дрались до последнего солдата и до последнего патрона. Немцам пришлось вести бои на фрон-

те глубиной 100-150 километров с запада на восток, почти три десятка его дивизий были скованы здесь еще на 9-10 дней. Это дало возможность выиграть время для занятия обороны на можайском рубеже.

В середине октября, перегруппировав силы, враг возобновил наступление на Москву. Фронт все еще отодвигался, но медленно, в кровопролитных боях.

Под Москвой сооружались оборонительные линии. В холод, нередко под огнем противника, 600 тысяч жителей Москвы, из них три четверти – женщины, в короткий срок построили 700 километров противотанковых рвов, 3800 дотов и дзотов. Советские войска, отступавшие под давлением врага, находили оборудованные позиции, что многократно умножало силу сопротивления.

Из москвичей и жителей Подмосковья формировались диверсионные группы и партизанские отряды, основная задача которых была – нанести урон вражеским коммуникациям.

20 октября в Москве было введено осадное положение.

Жесткой обороной советские войска изматывали противника. К концу октября наступило некоторое затишье. Враг готовился к решительной операции.

7 ноября на Красной площади был проведен традиционный парад советских войск. Многие из частей с парада отправлялись прямо на фронт.

15 ноября группа армий "Центр" снова двинулась на Москву. 300 немецких танков прорвали оборону севернее столицы. Однако немцев здесь остановили. Ближе всего враг подошел к Москве в районе Крюкова.

Однако, как писал впоследствии Жуков, когда немцы "подошли к каналу, к Крюкову, стало ясно, что они не рассчитали. Они шли на последнем дыхании. Подошли, а в резерве ни одной дивизии. К 3-4 декабря у них в дивизиях оставалось примерно по 30-35 танков из 300, т.е. одна десятая часть. <...> Они уже истратили все, что у них было, потому что не рассчитали силу нашего сопротивления".

Жуков разгадал общие контуры немецкого плана наступления на Москву, и благодаря этому удалось отражать удары врага только силами Западного фронта. Стратегические резервы, стянутые под Москвой, сохранялись до решающего момента.

Наметился перелом и на других фронтах. Был освобожден Тихвин. Ликвидирована попытка немцев соединиться с финнами под Ленинградом. На юге был освобожден Ростов.

6 декабря войска Западного фронта под Москвой перешли в наступление.

Директива Жукова предписывала: стремительно продвигаться вперед путем обхода арьегарда противника, не вступая с ним в затяжные фронтальные бои. Главное было не дать врагу опомниться. А это значило – идти в глубоком снегу, ночевать в сильный мороз под открытым небом, зачастую штурмовать дзоты врага без артиллерийской подготовки, поскольку орудия застревали и отставали.

13 декабря поступило сообщение о разгроме фланговых группировок врага под Москвой.

Из мемуаров маршала Жукова (о битве под Москвой): "Греха таить не буду, были моменты, когда замирало сердце в ожидании развязки ожесточенных битв, но я не помню, чтобы возникали моменты неверия в стойкость наших войск. На последнем этапе оборонительного сражения 25.XI – 5.XII я не спал одиннадцать суток, будучи в чрезвычайном нервном напряжении, но зато когда наши богатыри погнали врага от Москвы, я свалился и проспал более двух суток подряд, просыпаясь только для того, чтобы узнать, как развивается контрнаступление".

К началу января 1942 года Западный и смежные фронты отбросили противника на 100-250 километров от столицы. Было освобождено 11 тысяч населенных пунктов, среди них – Калинин и Калуга.

5 января 1942 года в Ставке обсуждался план общего наступления на всем фронте – от Ладожского озера до Черного моря. Прибывший прямо с фронта Жуков предложил сосредоточиться только на западном направлении. Его предложение принято не было. (Позднее, в 1966 году, Жуков очень низко оценил военные действия советских войск зимой 1942 года.)

Тем не менее Жуков сделал все для выполнения приказа Ставки. В конце февраля – начале марта фронты на западном направлении получили пополнения, но, как замечает Жуков, "они запоздали". Враг сумел создать развитую систему обороны, о которую разбивались атаки советских войск.

К весне 1942 года советская военная промышленность уже превосходила военную экономику Германии. Воюющие стороны располагали, в сущности, равными силами. Ставка Верховного Главнокомандующего поставила задачу обеспечить "полный разгром гитлеровских войск в 1942 году".

В конце марта 1942 года в Кремле состоялось совещание, на котором обсуждалась летняя кампания 1942 года. Возобладало мнение начать наступление на юго-западном фронте – под Харьковом и в Крыму. Жуков и Генеральный штаб попрежнему были против наступательных операций по всей линии фронта и считали необходимым развернуть наступление только на западном направлении, а на других – активно обороняться, встречая противника ударами авиации и мощным огнем. Однако твердое выступление Жукова на совещании не изменило мнения Верховного Главнокомандующего Сталина. Несогласие с руководством привело к тому, что из подчинения Жукова был выведен Калининский фронт.

"События мая и июня показали просчеты Ставки",– лаконично написал в своих мемуарах Жуков. Войска Крымского фронта, после напряженных боев, шедших с конца декабря 1941 года, получили приказ перейти к жесткой обороне лишь во второй половине апреля. Они еще не успели перестроить свои боевые порядки, когда в первой половине мая противник внезапно сам открыл наступление и овладел Керчью. 12 мая началось крупное наступление советских войск на Юго-Западном фронте, однако через несколько дней оно закончилось крупной неудачей под Харьковом. Эти поражения облегчили немецкому командованию проведение удара, приведшего гитлеровцев в конечном счете к выходу на Кавказ и к Сталинграду.

Ставка допускала возможным одновременное немецкое наступление на двух направлениях – южном и московском. Причем предполагалось, что решительный удар последует все же по Москве. В результате стратегические резервы размещались в основном на центральном направлении. Это оказалось ошибкой.

28 июня 1942 года противник перешел в наступление на юге и пробил ничем не подкрепленный советский фронт. На северном крыле южного фронта немцы были остановлены 6 июля,

в Воронеже. Однако на юге немецкое наступление продолжалось. Были захвачены Ростов, Краснодар. Советские войска несли серьезный урон, однако при отходе наносили врагам чувствительные потери, нигде не попадали в окружение и в целом вывели боевую технику.

В результате утраты Крыма, поражений под Харьковом, захвата Донбасса, выдвижения противника к Воронежу, захвата района Дона, гитлеровцы снова овладели стратегической инициативой. Они шли к Волге и на Кавказ.

В это время Западный фронт был занят наступательными операциями, с тем чтобы сковать резервы врага, предотвратив их переброску на Кавказ и к Сталинграду. В середине июля 1942 года началось наступление советских войск подо Ржевом. В результате рассчитанных мер по дезинформации противника, оно оказалось совершенно неожиданным для гитлеровского командования. Жуков потребовал самой тщательной подготовки операции с учетом новейшей немецкой тактики оборонительного боя. Советские войска дрались с исключительным упорством. В конце августа, после кровопролитнейших боев в густых сырых лесах, ржевская группировка противника была разгромлена. Провалилась и немецкая операция под Сухиничами. Это было первое серьезное немецкое поражение в 1942 году.

27 августа Жуков был вызван в Ставку и получил назначение в Сталинград. Немцы уже ворвались в город и в северной его части вышли к Волге.

29 августа Жуков – на Сталинградском фронте. 5 сентября, по приказу Ставки, началось наступление наших войск. Считанные километры отвоевывались очень большой кровью. Из выступления Жукова на совещании у командующего 1-й гвардейской армией: “Мы воюем второй год, и пора бы уже научиться воевать грамотно. Еще Суворов говорил, что разведка – глаза и уши армии. А именно разведка работает у вас неудовлетворительно. Поэтому вы наступаете вслепую, не зная противостоящего противника, системы его обороны, пулеметно-артиллерийского и, прежде всего, противотанкового огня. <...> Нельзя полагаться только на патриотизм, мужество и отвагу наших бойцов, бросать их в бой на неизвестного вам противника одним призывом “Вперед, на врага!” Немцев на “ура” не возь-

мешь. Мы не имеем права губить людей понапрасну и вместе с тем должны сделать все возможное, чтобы выполнить приказ Ставки – разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге, и оказать помощь Сталинграду".

Перед Жуковым и начальником Генерального штаба Василевским была поставлена задача – разработать план действий советских войск под Сталинградом. План был доложен Сталину 13 сентября. Через месяц он был окончательно разработан и утвержден. Операция "Уран" состояла в том, чтобы нанести одновременные удары ближе к основанию клина гитлеровских войск, направленного на Сталинград. В октябре завершается формирование новых резервных армий Ставки. В ноябре их можно будет вывести на фланги группировки противника. Успех, однако, возможен только в том случае, если советские части удержатся в Сталинграде на время, необходимое для подготовки операции.

В назначенные дни – 19 и 20 ноября – войска Юго-Западного и Донского фронтов, поддержанные мощной артиллерийской подготовкой, перешли в наступление. С упорными боями они прорвали вражескую оборону и рванулись навстречу друг другу. В 16 часов 23 ноября немецкие войска в Сталинграде и у города были окружены. В "котле" оказалась группировка противника численностью 330 тысяч человек.

Жуков в результате тщательного анализа обстановки представил в Ставку план возможных действий немецких войск, которые неизбежно попытаются выйти из окружения. План Жукова в точности совпал с дальнейшими действиями противника. К сожалению, учтен он не был, и в декабре на очень узком участке советский фронт был прорван гитлеровскими танками, которые стремились к Сталинграду на помощь окруженной группировке. Чтобы остановить немецкие танки, еще раз потребовался нечеловеческий героизм, срочная переброска резервов. Противник стал постепенно отходить. Отныне кольцо попавшей в окружение группировки немецких войск стало методически сжиматься.

Конфигурация сталинградского "котла", в который попали немецкие войска, к концу ноября представляла собой эллипс, вытянутый с запада на восток на 70-80 километров и сплю-

щенный с севера на юг до 35-40 километров. По плану, предложенному Жуковым, вражескую группировку предполагалось рассечь по кратчайшему расстоянию примерно посередине встречными ударами с севера и юга, а затем уничтожать по частям. Однако "котел" рассекали по горизонтали, что было сопряжено с огромными трудностями и жертвами. Немцы, имевшие превосходство в живой силе и технике, часто контратаковали. Быстротечные схватки разыгрывались вокруг каждого опорного пункта, блиндажа, зачастую едва видного в заснеженной степи, где крутила вьюга. Мороз был более двадцати градусов. Красноармейцы продвигались по открытой местности, гитлеровцы укрывались в обжитых за многие недели подготовки окопах, землянках, блиндажах. Советские войска пробивались на восток к городу мучительно медленно, под плотным огнем.

2 февраля 1943 года остатки 330-тысячной немецкой группировки капитулировали. "Битва в районе Сталинграда,– писал Жуков,– была исключительно ожесточенной. Лично я сравниваю ее лишь с битвой под Москвой".

За успешное общее руководство контрнаступлением в районе Сталинграда Г.К. Жуков среди других военачальников был награжден вновь учрежденным орденом Суворова I степени. На орденском знаке, врученном ему, стоял № 1.

Из книги американского военного исследователя Г. Солсбери "Великие битвы маршала Жукова": "Сталинград висел на волоске. Его судьба и, возможно, судьба России были вверены в руки Жукова. Битва под Москвой сделала Жукова национальным героем. <...> После Сталинграда никто не оспаривал первенство Жукова. И после Сталинграда никто больше не сомневался – Россия, имея во главе своих армий Жукова, в конечном счете разгромит Германию".

В ноябре-декабре 1942 года Жуков не только планирует операцию под Сталинградом, но и координирует действия фронтов на западном и северо-западном направлениях. В двадцатых числах ноября советские войска на западе перешли в наступление и начали продвигаться вперед. После почти двухмесячных боев относительно небольшой ценой были освобождены Великие Луки. Линия фронта на западном и северно-западном фронтах неуклонно перемещалась на запад. Между тем "на этих на-

правлениях вражеское командование имело <...> более половины всех сил, находившихся на советско-германском фронте. Это были наиболее боеспособные войска противника" ("История второй мировой войны" в 12 томах).

В январе 1943 года Жуков координирует действия фронтов по прорыву блокады Ленинграда. 12 января 1943 года Ленинградский и Волховский фронты ударили по обеим сторонам вражеского коридора, упиравшегося в Ладожское озеро и не допускавшего связи Ленинграда со страной по суше. Противник сопротивлялся с исключительным упорством. Бой шел в течение семи суток. 18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду и встретились.

В этот же день Г.К. Жукову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

В первой половине февраля советские войска взяли Курск, Белгород, Ростов. 16 февраля был освобожден Харьков. Между тем, гитлеровские войска готовились к реваншу. К двадцатым числам февраля советские войска стали спотыкаться о крепнувшую оборону противника, который вскоре перешел в наступление. 14 марта противник опять вошел в Харьков. В общей сложности немецкие войска оттеснили Юго-Западный и Воронежский фронты на 100-150 километров.

14 марта Жуков был вызван в Кремль, где получил поручение отправиться в штаб Воронежского фронта. Немцы уже взяли Белгород.

С прибытием Жукова фронт на данном направлении стабилизировался. Наступление немецких войск было остановлено.

Из книги американского военного исследователя М. Кайдена «"Тигры" горят!»: "Невероятны достижения Жукова в сражениях с самыми лучшими силами, которые только могли бросить нацисты против русских <...>. Жуков редко имел превосходство в силах в проводимой им операции. Он поистине был "пожарным" русского фронта: когда все остальные терпели неудачи, когда других генералов били, когда обороняющихся вот-вот должна была поглотить катастрофа, тогда Сталин обращался к Жукову. Он появлялся на сцене – военный гений, человек, наделенный стальным характером, решимостью, не допускавшей ничего, кроме исполнения его воли, и

превращал катастрофу вничью, а избавление – в блистательную победу".

Сам Жуков отзывался о своих достижениях с большой скромностью. Он высоко оценивал работу генералов К.К. Рокоссовского, Б.М. Шапошникова, С.К. Тимошенко, А.М. Василевского и многих других сотрудников Генерального штаба и командующих фронтами и армиями.

Хотя немцы были остановлены, не было сомнений в том, что летом они попытаются провести наступление. Жуков взялся за установление его стратегического направления.

Из мемуаров маршала Жукова: "Я размышлял, глядя на карту: "На севере противник обложил Ленинград, но взять его не сможет, частично снята блокада города, а неприятель завяз в Синявинских и Волховских болотах и лесах. Вторично не посмеет идти прямо на Москву <...>. На Южном фронте – в Кавказских горах и в Сталинграде – враг потерпел жестокое поражение... Где же все-таки предпримет генеральное наступление? Логическая цепь рассуждений привела к выводу: враг решится на мощный удар только в Центральной России, по линии Орел – Курск – Белгород... Тут простор, раздолье для танков и механизированных клиньев, охватов... Только тут, и нигде больше",– утверждался я, чувствуя, что интуиция меня не подводит. Да и – пусть для вас не покажется странным – по своему опыту охотника я знал: дикий раненый зверь по своему кровавому следу вторично не пойдет".

"Теперь все это ушло в прошлое, стало историей, но тогда прийти к этой идее было чрезвычайно трудно. <...> то ли везло мне в войну, то ли рожден был для деятельности военным, во всяком случае, и на этот раз повезло, вытянул груз непомерной тяжести. Ведь передо мной Верховный поставил тогда сложнейшую задачу: не только поправить дела на Воронежском фронте, оказавшемся под тяжким бременем удара, но и дать наметки стратегического плана действий противоборствующих сторон на весну и лето 1943 года. А это, простите, не дом срубить и даже не камни ворочать, к чему в крестьянстве я привык, а предусмотреть буквально все: и расположение наших войск, их моральный дух, и наличие резервов, пропускную способность железных дорог, и обширнейшие районы, на которых мог-

ли развернуться великие сражения, а прежде всего предугадать, что замышляет германский генералитет и ставка во главе с Гитлером. Вот только подумайте: а вдруг германское командование, концентрируя силы в одном районе, на самом деле изберет полем битвы совсем другой театр войны? Стало быть, все наметки плана полетят прахом. Просчет в прогнозах может стоить потока крови, потери новых территорий нашей страны".

8 апреля 1943 года Жуков написал Сталину доклад о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и об оборонительных боях советских войск на ближайший период. Доклад заканчивался словами: "Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника в нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника".

Пишет английский историк Д. Орджилл: "Одним из стратегических приемов Жукова было позволить противнику истощиться в атаках, нанося ему максимальный урон, тогда как он сам незаметно накапливал силы, чтобы создать местный численный перевес. Затем, когда силы противника были растянуты до предела, Жуков наносил контрудар по дезорганизованному и обескураженному противнику на участке фронта, где наступление врага провалилось. Это была превосходная тактика против танковых дивизий, которая, несмотря на свою кажущуюся простоту, требовала высочайшего мужества от принимавшей на себя первый удар противника русской пехоты".

По мнению Жукова, сотрудников Генштаба и командующих фронтами, немцы должны попытаться ликвидировать далеко вдававшиеся в их расположение части советских войск – так называемый Курский выступ, или Курскую дугу.

Вечером 12 апреля Жуков и Василевский докладывали в ставке: когда немцы возобновят активные действия весной и летом 1943 года, надо встретить их на заранее и тщательно оборудованных позициях.

В районе Курского выступа с советской стороны было сооружено восемь оборонительных полос общей глубиной до 300 километров. Отрыли почти 10 тысяч километров окопов и тран-

шей. На всех танкоопасных направлениях были сделаны минные поля, противотанковые районы, рвы. Везде – широкие полосы проволочных заграждений, некоторые из них под током.

Из книги американского историка М. Кайдена «"Тигры" горят!»: «Немцы давно имели репутацию военных, готовившихся к сражению методически, эффективно, не упуская ничего. Теперь русские превзошли врага в детальной и основательной подготовке... Под твердым руководством Жукова русские трудились круглосуточно, наполняя людскими и материальными ресурсами Курский выступ».

Гитлеровское руководство полагалось на то, что им принесет победу новая техника – танки "тигр" и "пантера", штурмовые орудия "фердинанд". Однако соотношение сил на фронте летом 1943 года отнюдь не благоприятствовало немцам. Хотя Германия провела тотальную мобилизацию, она не смогла восполнить потери и вернуться к уровню максимальной численности своих армий на Восточном фронте, т.е. к уровню осени 1942 года. Советские войска превосходили противника и в живой силе, и в технике.

Наступление на Курской дуге, первоначально назначенное немецким командованием на начало мая, в последующие два месяца несколько раз откладывалось. Предгрозовое затишье затянулось на сто дней.

Два месяца – май и июнь – Жуков безотлучно провел в войсках Воронежского и Центрального фронтов.

Советской разведке удалось не только установить, где и какие силы сосредоточили немцы, но и своевременно выяснять даты наступления, которые противник переносил. В ночь с 4 на 5 июля разведка установила, что немецкое наступление начнется в 3 часа утра.

В 2.20 утра там, где ожидались удары противника, советские части начали артподготовку. В результате немецкие войска выступили в атаку, потерпев урон, и позже, чем планировали.

Развернулось величайшее сражение Великой Отечественной войны.

Из воспоминаний генерала И.М. Чистякова, дравшегося на южном фасе Курского выступа: "На наиболее важных участках плотность <немецких> танков доходила до 100 и более бо-

евых машин на километр фронта. Сам танк занимает три метра в ширину, и поэтому можно сказать, что на нас шла стена танков".

Перегруппировывая силы, меняя направление ударов, немецкие танковые дивизии в течение 8 дней атаковали Центральный фронт, но смогли продвинуться не более, чем на 6-12 километров.

10 июля Жуков уже на Брянском фронте. Здесь 12 июля советские войска начали наступление в направлении Орла, т. е. севернее Курской дуги. Гитлеровскому командованию пришлось перебросить часть войск туда.

15 июля перешел в наступление и Центральный фронт.

На южном фасе Курского выступа немцы сосредоточили более сильную группировку и смогли вогнать в советскую оборону клин на глубину до 35 километров. 12 июля сюда прибывает Жуков. На участки прорывов были срочно переброшены резервные соединения танковых и стрелковых войск.

12 июля на южном фасе Курского выступа, в районе Прохоровки, разыгралось крупнейшее во Второй мировой войне встречное танковое сражение, в котором столкнулось примерно по 800 танков и штурмовых орудий с каждой стороны.

Вспоминает немецкий танкист: "На нас обрушилась неисчислимая масса вражеских танков, я никогда не получал такого впечатления подавляющей русской мощи, как в тот день. Клубы пыли и дыма не дали возможности авиации оказать нам помощь, и скоро множество Т-34 прорвали наши порядки и бешено носились по всему полю боя".

Примерно половина немецких танков, вступивших в бой под Прохоровкой, была выведена из строя.

16 июля немцы окончательно прекратили атаки и постепенно начали отступать на исходные рубежи.

После битвы на Курской дуге гитлеровское руководство уже не планировало наступательных операций. Немецкие войска перешли к жесткой обороне.

Жуков стремился отладить наступление так, чтобы немецкие части окружались и разбивались по частям. Шла маневренная война. Противник не пропускал ни одного опрометчивого шага – тут же следовали сильные контрудары. Жуков всегда

В парадном мундире

требовал от подчиненных действовать стремительно, но обдуманно, ничего не оставлять на волю случая.

3 августа началось корректируемое Жуковым наступление советских войск на белгородско-харьковском направлении. 5 августа был взят Белгород. В этот же день завершились тяжелые бои по овладению Орлом. 23 августа был взят Харьков. Это был эпилог битвы на Курской дуге.

Отныне цель гитлеровского командования – нанести максимальный ущерб Советскому Союзу и наступающей Красной Армии, с тем чтобы советские войска вынуждены были остановиться, не дойдя до германской границы. Немецкие войска дрались в обороне с исключительным упорством, а отступая, уничтожали все, что могли.

Из приказа немецкого генерал-фельдмаршала Манштейна от 11 сентября 1943 года: “Любыми средствами добиваться того, чтобы сельское население вместе с лошадьми и крупным рогатым скотом уходило на запад... Люди, способные носить оружие, любыми средствами должны быть собраны и партиями отправлены в тыл... Материальные ресурсы, которые не могут быть вывезены в тыл, должны быть уничтожены любыми средствами”.

За этими строками – злодеяния нацистских войск на оккупированных территориях Советского Союза.

Вторая половина лета и осень 1943 года беспримерны в истории Великой Отечественной войны по нашим потерям.

Германский генеральный штаб, с целью усиления обороны отступающих войск, принял решение о строительстве "Восточного вала" – линии глубокой обороны, которая проходила бы от Нарвы и Пскова на севере до Днепра на юге.

Перед советскими войсками встала задача как можно быстрее захватить Днепр, с тем чтобы противник не успел превратить Донбасс и Левобережную Украину в пустынный район.

Жуков предложил провести на Левобережной Украине операции на окружение и отсечение значительных немецких группировок. Сталин не согласился, он полагал, что врага следует выгонять лобовым натиском. "Я не стал спорить", – лаконично заметил Жуков в своих мемуарах.

Моральный дух советских войск был как никогда высок. Красная Армия с боями дошла до Днепра и начала его форсирование 21-22 сентября, на сутки раньше намеченного срока. Героика первых часов и дней переправы подкреплялась грамотной и слаженной работой всех родов войск.

К концу сентября советские войска вышли на Днепр на фронте в 700 километров и захватили 23 плацдарма на правом берегу. Немцам не удалось удержать "Восточный вал".

26 октября Ставка утвердила предложенный Жуковым план взятия Киева. Спланированный Жуковым охват оказался полной неожиданностью для противника и привел к быстрой и решительной победе. 6 ноября Киев был освобожден. Сразу же был взят и ряд других городов, в том числе Житомир. Однако накал битвы не снижался, и 13 ноября Житомир был вновь захвачен немцами.

В целом к концу 1943 года было освобождено 54 процента территории, захваченной врагом в 1941-1942 годах. За год наступления Красная Армия продвинулась с боями на запад на 500–1300 километров.

В середине декабря 1943 года Жуков был вызван в Москву, где он обстоятельно познакомился с обстановкой на всем фронте. На декабрьском совещании в Ставке были поставлены задачи фронтам на зимнюю кампанию 1944 года. Общая цель –

развернуть генеральное наступление от Ленинграда до Крыма включительно.

24 декабря у Житомира началась разработанная под руководством Жукова блестящая операция, когда за один день немецкая оборона была взломана на 300-километровом участке, а введенные в прорыв две танковые армии прошли свыше 100 километров. 31 декабря Житомир был вновь освобожден.

К середине января были полностью освобождены Киевская и Житомирская области. Бои переместились в Винницкую и Ровенскую области.

Клин 1-го Украинского фронта глубоко рассек немецкую оборону. 2-й Украинский фронт, действовавший южнее, далеко отстал от него, и в результате между этими двумя фронтами образовался выступ, заполненный немецкими войсками, протяженностью в 275 километров с запада на восток. Жуков предложил в Ставке план новой смелой операции: встречными ударами 1-го Украинского фронта прямо на восток и 2-го Украинского фронта прямо на запад окружить и уничтожить вражескую группировку.

Блестящая по замыслу Корсунь-Шевченковская операция началась 24 января 1944 года, и уже 28 января клещи вокруг немецкой группировки сомкнулись. Вражеская группировка была уничтожена.

18-20 февраля 1944 года Жуков был в Москве, где доложил в Ставке свои соображения о развитии наступления. В ходе обсуждения была намечена грандиозная стратегическая операция: 1-й Украинский фронт ударом, рассчитанным на несколько сотен километров, выходит в предгорья Карпат в районе города Черновцы. При успехе все группировки противника, находящиеся южнее, в том числе в Румынии, лишаются коммуникаций, так что немцам придется питать южный участок фронта далеким кружным путем через Венгрию.

4 марта войска 1-го Украинского фронта, который после гибели Н.Ф. Ватутина перешел под командование Жукова, развернули наступление. 7 марта завязалось ожесточеннейшее сражение, достигшее такого накала, которого, как писал Жуков, “мы не видели со времен Курской дуги”.

В этих исключительно тяжелых боях во всем блеске проявился полководческий талант Жукова. Немецкие войска начали контрнаступление, обескровились в отчаянных атаках, а уже 21 марта советские войска стремительно рванулись на юг. 24 марта они достигли Днестра. 29 марта был освобожден город Черновцы.

22 апреля Г.К. Жуков был награжден высшим полководческим орденом "Победа". На врученном ему орденском знаке стоял № 1.

К лету 1944 года немецкий фронт громадной дугой огибал Минск.

Конфигурация фронта сложилась в итоге зимней кампании 1944 года. 1-й Украинский фронт, вырвавшийся дальше всех на запад, охватил Белорусский выступ с юга, а с севера наши войска нависли над левым флангом немецкой группировки.

На совещании в Ставке в двадцатых числах апреля Верховный Главнокомандующий Сталин предложил открыть летнюю кампанию наступлением войск 1-го Украинского фронта. Однако Жуков понимал, что гитлеровское командование считает самым опасным для себя тот участок фронта, где Красная Армия ближе всего к Германии и, следовательно, будет сосредотачивать свои силы именно против 1-го Украинского фронта. Начать здесь наступление значит с самого начала ввязаться в тяжелые бои. Генеральный штаб разделял мнение Жукова. Сталин согласился. Было решено провести летнее наступление в Белоруссии, а для того чтобы отвлечь резервы противника, ударить на Карельском перешейке и в Карелии с целью вывести Финляндию из войны.

План летнего наступления в Белоруссии разрабатывался многими генералами и высшими офицерами в Ставке и Генеральном штабе под идейным руководством Жукова. В это время он был заместителем Верховного Главнокомандующего, так что нередко директивы Ставки спускались фронтам за двумя подписями – Сталина и Жукова.

План операции был прост и в то же время смел и грандиозен: мощными ударами, сходящимися по флангам Белорусского выступа, разгромить вражескую группировку "Центр" и освободить Белоруссию. Далее – выход к побережью Балтийского

моря и границе Восточной Пруссии. Тем самым закладывались предпосылки для развития наступления на Варшавском направлении.

30 мая 1944 года план был утвержден Ставкой.

Выполнять его предстояло тем, кто под смертоносным огнем поднимался из окопов или, съежившись, трясся на броне в составе танковых десантов, прижимался к земле в буре снарядов и мин и снова бросался в атаку. За красными стрелами, вычерченными на штабных картах, стояли подвиги и смерти тысяч солдат.

Жуков направлялся на 1-й и 2-й Белорусские фронты для координации их действий.

Незадолго до начала операции, 6 июня 1944 года, войска западных союзников высадились во Франции. Отныне Германия вела войну на двух фронтах.

Против немецких войск, державшихся в Белоруссии, широко применялись охваты и окружение раздробленных группировок. Полоса нашего наступления протянулась на 1200 километров. Было запланировано 6 участков прорыва обороны врага. Глубина операции – 600 километров. Решающая роль в операции отводилась 1-му Белорусскому фронту.

Наступление было начато 23-24 июня. В результате тяжелых боев оборона врага была опрокинута. 27 июня в кольце диаметром 25 километров юго-восточнее Бобруйска оказалось свыше 40 тысяч немцев. Они делали отчаянные попытки пробиться из окружения. Вражеская группировка была уничтожена с воздуха.

Обходя узлы сопротивления, советские танки проходили до 50 километров в день. Большую помощь войскам оказывали белорусские партизаны, нанося противнику удары с тыла, перекрывая ему пути сообщения.

3 июля в “котле” к востоку от Минска оказалась почти 100-тысячная группировка противника. В плен сдалось 57 тысяч гитлеровских солдат и офицеров, в том числе 12 генералов.

3 июля Минск был освобожден.

Освобожденная белорусская земля носила страшные следы фашистских злодеяний. Для воинов Красной Армии они служили самой наглядной агитацией против врага.

7 июля Жуков был вызван в Ставку, где получил приказ взять на себя руководство 1-м Украинским фронтом, кото-

рый должен был выступить, взаимодействуя с левым крылом 1-го Белорусского фронта. Жуков предложил тогда с ходу захватить Восточную Пруссию. К сожалению, его предложение не было принято, что привело к усилению немецкой обороны в этом районе и к тяжелым боям там в феврале 1945 года.

27 июля был взят Львов. 29 июля советские войска форсировали Вислу.

Ко второй половине июля наши войска прошли за месяц около 500 километров.

Жуков не принимал участия в планировании операций 1-го Украинского фронта и, воздавая должное победоносным войскам, отметил ряд недоработок, которые повлекли за собой лишние жертвы в пехоте.

В ходе летней кампании 1944 года был разбит весь оборонительный фронт врага на протяжении 2200 километров.

29 июля Г.К. Жуков был награжден второй медалью «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

22 августа Жукову было поручено планирование операции по вводу войск в Болгарию. Тщательное наблюдение не обнаружило на болгарской территории воинских частей, поэтому под руководством Жукова было спланировано мирное вступление советских войск в эту страну. Оно произошло 8 сентября. Жуков задержался в Болгарии до середины сентября, причем выполнял там не только военную, но и политическую миссию Ставки.

14 сентября советские войска вошли в Прагу.

Из мемуаров маршала Жукова: “Чем ближе был конец войны, тем больше Сталин интриговал между маршалами – командующими фронтами и своими заместителями, зачастую сталкивая их “лбами”, сея рознь, зависть и подталкивая к успеху на нездоровой основе”. Это, однако, не успело серьезно отразиться на выполнении командованием Красной Армии своих задач. Красная Армия вступала в 1945 год в зените своего могущества, сильно превосходя противника в живой силе и технике.

На рубеже 1944–1945 годов протяженность советско-германского фронта сократилась почти вдвое, а это значит, что плотность обороны противника круто возросла. На глубину 300–500 километров, то есть вплоть до Берлина, немцы создали семь оборонительных полос.

В сложнейших условиях Жуков сумел обеспечить действия разведки и дезинформацию противника. Из воспоминаний маршала Жукова: “Раньше мы получали хорошие разведывательные сведения от наших партизанских отрядов, действовавших в тылу врага. Здесь их у нас не было. Теперь нужно было добывать данные о противнике главным образом с помощью агентурной и авиационной разведки и разведки наземных войск. На эту важную сторону дела было обращено особое внимание командования, штабов всех степеней. <...> Новые условия требовали от нас особой бдительности, скрытности сосредоточений и перегруппировки войск”.

Гитлеровское командование даже отдаленно не представляло, какие силы противостояли им на берлинском направлении. Основная часть немецких войск была брошена в Венгрию и Чехию.

На исходе 1944 года завершалась подготовка Красной Армии к наступлению с взятием Берлина.

По плану на разгром Германии отводилось 45 дней – наступлением на глубину 600–700 километров.

12 января перешел в наступление 1-й Украинский фронт. 13 января 1-й и 3-й Белорусские фронты обрушились на Восточную Пруссию. 14 января началось наступление на Варшаву.

17 января 1945 года Варшава была взята.

Тем временем 1-й Белорусский фронт много западнее Варшавы продолжал стремительный марш с боями на запад. На пути от Вислы до Одера танкисты проходили с боями до 100 километров в сутки. В ходе стремительного наступления авиация умело взаимодействовала с подвижными частями. Бомбардировщики накатывали волнами, бомбили железнодорожные станции, пути сообщений, скопления живой силы и техники противника.

После войны, оценивая эту операцию, Г.К. Жуков подчеркнул: “Может быть, у некоторых создалось впечатление, что сил у нас было так много – артиллерийских, танковых и прочих, что можно было вообще без пехоты провести прорыв. <...> Я должен сказать, что думающие так, находятся в заблуждении. Сопротивление было очень серьезное. <...> Драка была очень сложная, она велась не только с перевернутым фронтом

направо, налево, назад, но мы имеем и немало случаев, когда наши части сами попадались и дрались в окружении. Вы сами понимаете, что в условиях, когда фронт быстро преследовал противника, громя подходящие резервы и отступающие его части, некоторые наши части сами попадали в окружение отходящих частей противника, его подходящих резервов".

Жуков в этой операции до конца реализовал ресурсы фронта, искусно рассекал и дробил немецкий фронт обороны. Прибегая к дерзким маневрам на окружение, он не дал возможности германскому командованию организовать последовательную оборону на сильно укрепленных рубежах, созданных между Вислой и Одером. Жуков продвигал на запад сильные ударные группировки, обладавшие громадной пробивной силой, и пристально следил за тем, чтобы не нарушилось массирование сил и средств. За 17 дней наступательных боев части Красной Армии прошли до 400 километров. Была взята вся западная часть Польши. Из донесения в Ставку от 29 января 1945 года: "Стремительное продвижение войск воспрепятствовало гитлеровцам разрушить в Польше города и промышленные предприятия, железные и шоссейные дороги, не дало им возможности угнать и истребить польское население, вывезти скот и продовольствие".

26 января передовые танковые соединения перешли польско-немецкую границу. Советские войска в Германии!

В 10 часов 31 января советские танкисты форсировали Одер. До Берлина оставалось менее 100 километров.

Противник усилил сопротивление. На западном берегу Одера завязались исключительно тяжелые бои. Немцы пытались сбросить советские войска с занятого ими плацдарма. Однако противник был оттеснен, а плацдарм расширен.

12 февраля 1945 года в самом тогда массовом американском иллюстрированном еженедельнике "Лайф" основное место заняла статья "Жуков". Вот выдержки из нее: "Обходя узлы сопротивления и предоставляя их ликвидацию тыловым частям, Жуков промчал свои танковые авангарды и моторизованную пехоту за первые 18 дней кампании по болотистой и лесистой местности более чем на 300 миль – рекордная быстрота наступления, значительно превосходящая темпы наступления нем-

цев в 1941 году. <...> Что бы ни произошло в течение ближайших недель, Георгий Константинович Жуков войдет в историю как один из крупнейших полководцев Второй мировой войны. <...> Его успехи на поле боя не имеют себе равных в нынешней войне. Ни среди союзных армий, ни в германской армии нельзя найти ни одного генерала, равного Жукову".

К ранней весне Польша была полностью освобождена.

На военно-научной конференции в конце 1945 года Г.К. Жуков исчерпывающим образом ответил на вопросы, почему Берлин не был взят в феврале: "Со средствами, которые имел фронт, можно было бы дойти до Берлина. Конечно, Берлин не имел в это время сильного прикрытия. <...>. Но надо было суметь устоять против соблазна – это дело нелегкое. Командир не должен терять голову, даже при успехе. <...> Можно было пойти на Берлин, можно было бросить подвижные войска и выйти к Берлину. Но назад вернуться было бы нельзя, так как противник легко мог закрыть пути отхода. Противник легко, ударом с севера прорвал бы нашу пехоту, вышел на переправы р. Одер и поставил бы войска фронта в тяжелое положение. Еще раз подчеркиваю, нужно уметь держать себя в руках и не идти на соблазн, ни в коем случае не идти на авантюру. Командир в своих решениях никогда не должен терять здравого смысла".

К середине апреля 2-й Белорусский фронт вышел на восточный берег Одера до Балтийского моря, обеспечив северный фланг 1-го Белорусского. На южном крыле немцев выбили из Венгрии, значительной части Чехословакии, в Австрии взяли Вену.

Главной задачей Красной Армии оставалось взятие Берлина. Жуков работал над планом овладения столицей Германии с конца ноября 1944 года.

Со времени открытия второго фронта и по мере приближения победы, в военные действия все больше вторгалась политика. На конференции глав правительств СССР, США и Англии, проходившей в Ялте 4–11 февраля, были утверждены границы зон оккупации Германии союзным войсками. Берлин после войны должен был находиться в пределах советской зоны.

Руководство нацистской Германии готовилось защищать Берлин любой ценой. Город был, в сущности, превращен в кре-

пость. Подходы к нему с востока – сплошная зона мощных оборонительных сооружений.

5 апреля в штабе 1-го Белорусского фронта была проведена командно-штабная игра по взятию Берлина. В ней приняли участие все командующие армиями, члены военных советов, командиры корпусов. Детально проигрывался весь ход сражения. Особое внимание уделялось взаимодействию наземных войск с авиацией.

16 апреля в 5 часов утра мощной артподготовкой началась операция по взятию Берлина.

Несмотря на все усилия, оборона врага так и не была до конца разведана. Наступление велось в лоб через чрезвычайно укрепленные Зееловские высоты. Немцы сопротивлялись с невероятным упорством. Зееловские высоты были взяты только к утру 18 апреля.

21 апреля войска 1-го Белорусского фронта ворвались на окраины Берлина. 25 апреля 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты сомкнули кольцо окружения противника.

Нацисты дрались в Берлине до последнего. В бой были брошены старики и пятнадцатилетние дети. Каждый жилой дом был превращен в крепость.

Чтобы деморализовать врага, по приказу советского командования через определенные промежутки времени одновременно открывали огонь по городу 11 тысяч орудий. Всего с 21 апреля по 2 мая на Берлин было обрушено 800 тысяч снарядов.

В Берлинской операции под командованием маршала Жукова было 13 армий. Механизм управления войсками был отлажен до совершенства. В дни штурма Берлина Жуков спал не более 2–3 часов в сутки. По большей части маршал следил за ходом сражения со своего командного пункта.

Немцы держали многие улицы под многослойным огнем, первый шаг по ним означал верную смерть. Штурмовые группы нашли выход: саперы закладывали тол в стены домов. Еще не рассеивался дым от очередного взрыва, как в пролом бросались бойцы штурмовых групп и часто в рукопашной схватке одолевали врага. 22 апреля Жуков потребовал от командующих армиями, чтобы сражение не прекращалось ни на час:

Г.К. Жуков в 1944 году

днем наступали первые эшелоны армий, ночью – вторые. Наши войска несли большие потери.

27-28 апреля были переломными днями в битве за Берлин. 29 апреля наиболее ожесточенные сражения развернулись уже в центре города. Было водружено Красное знамя над ратушей. Начался штурм зданий гестапо. Шли бои за рейхстаг и прилегающий район. Жуков контролировал каждый этап штурма рейхстага. К ночи 1 мая рейхстаг был целиком взят.

1 мая было получено известие о том, что Гитлер покончил самоубийством.

Утром 2 мая сдавшийся в плен командующий обороной Берлина приказал немецким войскам прекратить сопротивление.

К 15 часам все было кончено. Из окон домов свисают тысячи и тысячи белых простынь и полотенец – берлинцы демонстрируют отсутствие сопротивления.

Потери Советской Армии в Берлинской операции превысили 102 тысячи человек только убитыми.

Советские войска, оставив в тылу Берлин, продолжали наступление на запад, до встречи с противником.

7 мая Жуков был назначен представителем Верховного Главнокомандования советских войск. Последнее приказание из Москвы – подготовить историческую церемонию подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Капитуляция должна быть подписана немцами перед Верховным командованием всех стран антигитлеровской коалиции.

Быстро подыскали уцелевшее здание в восточной части Берлина (в нем размещалось военно-инженерное училище). Нужную мебель, ковры доставили из ставки Гитлера.

8 мая, ровно в 24 часа, представители Верховного командования союзных войск во главе с Г.К. Жуковым вошли в зал, где предстояло подписание капитуляции. Они разместились за столом у стены, к которой были прикреплены государственные флаги СССР, США, Англии и Франции. За большими столами в зале – советские генералы, бравшие штурмом Берлин. Вокруг множество советских и иностранных журналистов.

Г.К. Жуков открыл заседание. Он приказал ввести уполномоченных германского главнокомандования и объявил порядок подписания акта о капитуляции. Затем пригласил немецкую делегацию подписать акт. В 0 часов 43 минуты церемония подписания акта о капитуляции закончилась. Жуков предложил немцам покинуть помещение.

От имени Верховного Главнокомандования Жуков поздравил присутствующих с Победой. Это был миг торжества и одновременно скорби по погибшим. Присутствовавшие в зале советские генералы, писал Жуков, "сами привыкшие без малейшего страха смотреть смерти в лицо, как ни крепились, не смогли сдержать слез".

Через час начался прием, прошедший с успехом. Тосты за Победу, единство союзников. По приказанию Г.К. Жукова подавались только отечественные продукты и напитки – ничего трофейного.

В первые дни после капитуляции Жуков, среди прочих задач, занимался налаживанием мирной жизни в советской зоне оккупации. В числе многих первоочередных решений, под которыми стояла его подпись,– постановление "О снабжении молоком детей Берлина" от 31 мая 1945 года.

Из беседы Г.К Жукова с корреспондентом "Комсомольской правды" 6 мая 1970 года: "Честно говоря, когда шла война, все мы, и я в том числе, были полны решимости воздать сполна фашистам за их бесчинства на нашей земле. Но мы сдержали свой гнев. Наши идеологические чувства не позволили отдаться слепой мести. Огромную роль тут сыграла воспитательная работа в армии <...> и великодушие, свойственное нашему народу".

12 июня Г.К. Жуков за руководство операциями в районе Берлина получает третью Золотую Звезду Героя Советского Союза. В августе его награждают вторым полководческим орденом "Победа".

24 июня 1945 года в ознаменование Победы над Германией в Великой Отечественной войне на Красной площади в Москве состоялся парад. Его принимал маршал Жуков, выехавший на белом коне из Спасских ворот Кремля. В заключение парада к подножию Мавзолея было брошено 200 знамен разбитой немецко-фашистской армии.

Личное бесстрашие Жукова было хорошо известно. Он много раз бывал на передовой. Когда осматривал переднюю линию на Белорусском фронте, получил тяжелую контузию. Бывало, маршал ел кашу из одного котелка с солдатом. Народная молва прославляла его как человека, спасшего Отечество и весь мир от фашизма. О нем складывали легенды.

Однако уже осенью 1946 года началась очередная волна сталинских репрессий. Были арестованы многие боевые генералы и офицеры. Г.К. Жуков не мог не понять – над ним сгущаются тучи.

В апреле 1946 года Жуков был отозван из Германии в Москву и назначен на должность главнокомандующего Сухопутными войсками и первого заместителя министра обороны. Однако прослужил он в Москве меньше двух месяцев.

В июне 1946 года на заседании Высшего военного совета Жукову было предъявлено обвинение в возглавлении заговора с целью осуществления военного переворота. Жуков спокойно и твердо заявил, что ни к какому заговору не причастен. В защиту Жукова выступили маршалы И.С. Конев, А.М. Василевский, К.К. Рокоссовский, П.С. Рыбалко. Обвинение было снято, однако Г.К. Жуков был освобожден от занимаемой им высокой должности. Он получил назначение командующего войсками Одесского военного округа.

Из воспоминаний маршала Жукова: "Я, приехав в Одессу, твердо решил ни на йоту ни снизить требований к своим подчиненным, к войскам, к их боевой подготовке. Я твердо решил остаться самим собой. Я понимал: от меня ждут, что стану другим, что махну рукой и буду командовать округом через пень-колоду. Но я не позволил себе этого. Конечно, слава

Акт капитуляции Германии

есть слава. Но в то же время она палка о двух концах и иногда больно бьет по тебе. После этого удара я сделал все, чтобы остаться таким, каким был. В этом я видел свое внутреннее спасение. В выдержке, в работе, в том, чтобы не потерять силы характера и в этих тяжело сложившихся для меня обстоятельствах". Почти через двадцать лет Г.К. Жуков сказал: "в 47-м каждый день ждал ареста. Подготовил чемоданчик с бельем".

В конце 1947 года Г.К. Жукова срочно вызвали в Москву. Уже были арестованы многие генералы и офицеры, работавшие с ним в войну.

В начале января Г.К. Жуков внезапно попал в больницу – первый инфаркт. В феврале после выхода из больницы он получил новое назначение – командующего Уральским военным округом.

Маршал Жуков принимает парад Победы

Смерть Сталина 5 марта 1953 года вернула маршала Жукова на то место, которое он занимал семь лет назад – первого заместителя министра обороны СССР.

С первых недель пребывания в Министерстве обороны Г.К. Жуков дал мощный толчок развитию отечественной военной науки. Благодаря его заботам, военный читатель тех лет получил переводы на русский язык практически всех значительных книг по военным вопросам.

В феврале 1955 года Г.К. Жуков был назначен министром обороны СССР. Шло перевооружение армии на базе новой техники. Г.К. Жуков принимал важнейшие решения о приоритете того или иного вида оружия. Обороноспособность страны должна была обеспечиваться без подрыва инфраструктуры национальной экономики.

В феврале 1956 года на XX съезде КПСС Г.К. Жукова избирают членом ЦК. В декабре 1956 года за выдающиеся заслуги перед советским народом и в связи с 60-летием Г.К. Жуков награжден орденом Ленина и четвертой медалью "Золотая

Звезда" Героя Советского Союза. В июне 1956 года Жуков вошел в Президиум ЦК КПСС.

В июле-августе 1956 года Жуков руководит большими общеармейскими учениями в Белоруссии и Прибалтике. Он возвращается в Москву окрыленным – армия совершенствует свое боевое мастерство. На октябрь Жуков намечает новые учения – в Киевском военном округе. Однако Н.С. Хрущев внезапно направляет его с официальной миссией в Югославию и Албанию. В отсутствие Г.К. Жукова и за его спиной идет подготовка к отстранению его от занимаемых им высоких должностей.

В конце октября 1956 года, когда Г.К. Жуков еще находился с официальной миссией за границей, его смещают с поста министра обороны.

Г.К. Жуков узнал об этом только на аэродроме в Москве. Лишился он и всех остальных занимаемых постов.

Из воспоминаний маршала Жукова: "Узнав о партийном приговоре, я твердо решил не потерять себя, не сломаться, не раскиснуть, не утратить силы воли, как бы ни было тяжело.

Что мне помогло? Я поступил так. Вернувшись, принял снотворное. Проспал несколько часов. Поднялся. Поел. Принял снотворное. Опять заснул. Снова проснулся, снова принял снотворное, снова заснул... Так продолжалось пятнадцать суток, которые я проспал с короткими перерывами. И я как-то пережил все то, что мучило меня, что сидело в памяти. Все то, о чем бы я думал, с чем внутренне спорил, что переживал бы в бодрствующем состоянии, все это я пережил, видимо, во сне. Спорил и доказывал, и огорчался – все во сне. А потом, когда прошли эти пятнадцать суток, поехал на рыбалку. <...> Так я пережил этот тяжелый момент".

15 марта 1958 года Г.К. Жукову объявили об увольнении в отставку.

Его военные заслуги стали преуменьшать. Маршала Жукова, завоевавшего доверие и любовь миллионов солдат и офицеров, прошедших с ним и за ним по дорогам Великой Отечественной войны, пытались очернить. Имя великого полководца, национального героя России, вычеркнули из отечественной истории.

Г.К. Жуков скончался 18 июня 1974 года. Он похоронен на Красной площади, у Кремлевской стены.

По рождению и воспитанию Г.К. Жуков был православным человеком.

Младшая дочь маршала Мария Георгиевна нашла свидетельства того, что между 1923 и 1928 годом Г.К. Жуков, тогда командовавший полком, приезжал к старцу Оптиной пустыни Нектарию, жившему в то время в 50 верстах от Козельска в селе Холмищи. По некоторым свидетельствам этих встреч было более одной. Старец Нектарий благословил будущего маршала: "Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет".

Есть свидетельство, что в войну Г.К. Жуков по всем фронтам возил с собой Казанскую икону Божией Матери.

Мария Георгиевна Жукова пишет о том, как Г.К. Жуков помогал священникам восстанавливать разрушенные в войну храмы.

Сохранилось свидетельство того, что маршал Жуков приходил в храм Новодевичьего монастыря (рядом с ним похоронена его мать) и передал настоятелю деньги на поминовение всех усопших воинов.

Приведем выдержку из письма Марии Георгиевне Жуковой архимандрита Кирилла (Павлова), духовника Троице-Сергиевой лавры.

"А вот и другое свидетельство о верующей душе Жукова Георгия Константиновича – протоиерея, отца Анатолия, фамилию его сейчас не помню.

Он служил в соборе г. Ижевска. Этот отец Анатолий, тоже уже пожилой протоиерей, ему уже тогда было около 80 лет. Он к нам приезжал в лавру, обедал вместе с братией и однажды при разговоре он поведал нам, что во время войны был в звании генерал-майора, а когда война кончилась, он ушел в отставку, а затем принял сан и служил клириком Ижевского собора.

"Во время войны,– говорил отец Анатолий,– я как генерал встречался с маршалом Жуковым, беседовал с ним, и однажды во время беседы я спросил, верует ли он в Бога". Жуков мне ответил, говорит отец Анатолий: "Я верю в силу Всемогущественнейшую, в разум Премудрейший, сотворивший такую красоту и гармонию природы, и преклоняюсь перед этим. А отец Анатолий, а тогда генерал-майор, и говорит Жукову Г.К.:

“А вот это то, что Вы признаете, и есть Бог”. То, что в душе своей Георгий Константинович чувствовал Бога, это бесспорно. Другое дело, что он, может быть, не мог свое чувство выразить словами, потому что вера в Бога в то время была в поношении, в загоне, и ему как высокопоставленному начальнику надо было соблюдать осторожность, так как тогда кругом торжествовали атеизм и безбожие. Читая его статьи и мемуары, чувствуешь, что душа его христианская. <...> Печать избранничества Божия на нем чувствуется во всей его жизни”.

Составлено по изданиям:
Г.К. Жуков. Воспоминания и размышления. Десятое издание, дополненное по рукописи автора. Т. 1–3. М. 1990; Н.Н. Яковлев. Жуков. Серия “Жизнь замечательных людей”. М. 1992; М. Жукова. Маршал Жуков: Сокровенная жизнь души. М. 2001.

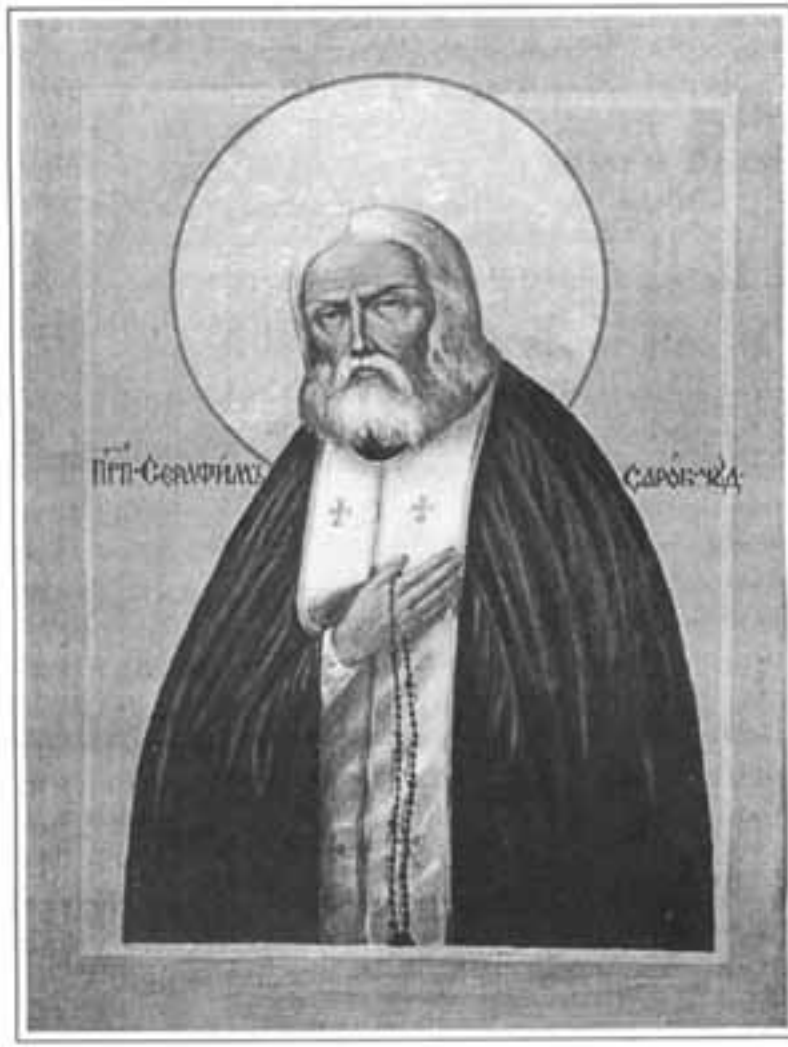
Издание отпечатано в ГУП “Псковская областная типография” с готовых диапозитивов
Тираж 1000 экз. Заказ № 3089

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 513

К 100-летию прославлению прп. Серафима Саровского

БЕСЕДА ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни



Преподобный Серафим Саровский

Беседа преподобного Серафима Саровского

с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни

1

Однажды, это было в Саровской пустыни, вскоре, после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской. При Дивеевской общине в начале ее существования отец Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «мельничной» та часть обители, в которую, по завету старца, должны были приниматься одни лишь девицы. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия..

Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну так,— сказала она,— иди к батюшке — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келью его.

Батюшка отец Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие! И вот только немного повремените, пока я поговорю с «сиротами» моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь!

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте!

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие! На самую верхнюю ступеньку садиться изволите.— И, усадив меня, прибавил:

— Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с «сиротами» моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святыню, но лишь для одного только батюшки отца Серафима, о коем думаю, и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илиною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божиего по-

рядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его».

Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал старец со своими «сиротами», тогда дверь отворилась, и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие, не взыщите! Вот «сиротки» мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, Саровским гостинником, на другой день после ранней обедни ехать к нему в «ближнюю пустыньку».

2

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь, почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его «ближнюю пустыньку», даже ничего не пивши и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи не пивши и не евши пробыли у дверей этой «ближней его пустыньки».

Тысячи народа приходили к великому старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах,

возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из «пустыньки» батюшки отца Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великого старца. Наконец, и они смутились духом, и даже сам отец Гурий, вечеру уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы.

Надобно знать девственный Саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх отца Гурия.

Но я сказал:

— Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки Серафима, хоть бы мне и голодною смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка отец Серафим весьма немного погодя, действительно, отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду с вами побеседовать. Но уж не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так — после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли...

И стал нас, начиная с меня, благословлять, и сказал отцу Гурию:

— Так; друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажнинку — там меня обрящите, а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился. Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение цело-

го дня, я хоть под конец да сподобился однако же не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его Богодухновенных словес, так утешила меня! Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой; и, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоение, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божиего, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я, действительно, ощущал в сердце моем.

Но кто мне даст глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?!

3

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на «ближней пажнинке» своей, возле той же его «ближней пустыньки» против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне,— сказал великий старец,— что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто,— продолжал отец Серафим,— не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христиан-

ской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий Серафим (батюшка произносил свое имя, как все куряне — жители Курска — не Серафим, а «Серахвим»), растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божиего. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божиего.

Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа.

Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: *«Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает»*. Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: *«Во всяком языце бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть»*. И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию-сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: *«Пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той та речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой»*. Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия.

Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, Пришедшего в мир грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта

приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: *«Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас»*. Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: *«Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец любит Сына и вся дает в руце Его»*.

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божиего.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима.— Я что-то не понимаю,

— Стяжание все равно что приобретение,— отвечал мне он,— ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею — и говорит всем нам: *«Купуйте, дондеже приниду, искупующе время, яко дние лукави суть»*, то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о

мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: *«Шедши; купите на торжищи»*. Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они, хоть и юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель как состояние равноангельское и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божиего недоставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель, и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей? без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божиего, и говорится в отеческих книгах: *«Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово»*. Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: *«Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая воля Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная»*.

И вот эта-то третья, вражеская, воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа.

Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую.

Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит? чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего.

Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно, и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За это-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: *«Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне».* Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Троического Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божьему всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: *«Вселюся в них и похожду и буду им в Бога, и тии будут в людие мои».*

Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи войти с Ним в чертог радости.

Юродивые же, видев, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены.

Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери,— в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: *«Се стою при дверях и толку!»*... разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью.

О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! «В чем застану, в том и сужду»,— говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощен-

ными попечением и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет!

Вот почему сказано: *«Бдите и молитеся, да не внидите в напасть»,* то есть да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать Его.

Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно.

А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику.

Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Писания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: *«Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!»*... — и воскресил его Господь.

Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять.

Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущего со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати комуждо по делом его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике присно неоскудевающем всякой благостыни и небесным, и земныя?! А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостаиваемся.

Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати.

И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: *«Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша»,* когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине; то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия.

Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хотя бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? Из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «*Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли»,* то есть явлюсь и буду являться всякому, верующему в Меня и призывающему Меня, и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими — с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но, когда при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соиз-

волит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа, и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божиего на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь, поядаяй все нечистое», и в общение с Ним не может войти никтоже от скверн плоти и духа.

4

— Ну а как же, батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по шести на сто, но по сто на один рубль духовный, но даже еще и того в бесчисленное число раз больше.

Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божиего пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите, и, таким образом, о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и, как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать.

Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитися», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: *«Не всяк, глаголяй Ми, Господи, Господи! Спасется, но творяй волю Отца Моего»,* то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо «проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: *«Да веруете в Бога и Егоже послал есть Иисуса Христа».*

Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божием, то благословен Бог, не о чем горевать, хоть сейчас на Страшный Суд Христов! Ибо *«в чем застану, в том и сужду»*.

Если же нет,— то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возжженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во сретение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаритянам: *«Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет вовеки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный»*.

5

— Батюшка,— сказал я,— вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время,— так отвечал старец,— по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: *«И виде Адам Господа, ходящаго в рай»* или когда читаем у апостола Павла: *«Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами»*. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам. Вот некоторые и говорят: *«Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?»*

А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так, Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: *«Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?»*, то есть как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих.

Таким точно образом говорится и про Авраама, и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столб облачный и огненный, или что то же — явная благодать Духа Святаго,— служили путеводителями народу Божию в пустыне.

Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве.

Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не

ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущим и жаждущим правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что, когда в Библии говорится: *«Вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданнаго и созданнаго Им от персти земной»* — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: *«Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа»*. И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим, живущим на земле одушевленным Божиим созданиям.

Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лицо его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями как венец творения на земле; все-таки пребыл бы неимущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя неимущим.

Когда же вдунул Господь Бог в лицо Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков безсмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастех своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лицо Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и

Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении.

Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в рай, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно.

Такую же премудрость, и силу и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости; в раю, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно безсмертного, всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа дознания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией— узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа, Дух Божий «не убо бе в мире, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божиего вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах,

а проявлялось только отвне, и признаки его пребывания в мире были известны роду человеческому.

Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого.

И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного, Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам видел Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божиего или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим безчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями.

Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божиего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей.

Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца Вселенной и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которое хотя и в тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть, по самому этому Боголюбезному ее исканию, ненепричастными Духу Божиему, ибо сказано: *«Языки неведущие Бога естеством законная творят и угодная Богу соделывают»*. А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: *«Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче»*.

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, не ведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно, и по каким наружным и внутренним ощущениям

можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир. Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ни о чем возможности узнать в точности, пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве плод семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, прожив по благодати Всесвятаго Духа Божиего триста лет, потом, на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна-пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это, действительно, Он и есть обетованный миру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то, по воскресении Своем, дунул на Апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божиего. Но мало сего — ведь говорил же Он им: *«У не есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мир; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то поедет Его в мир, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними»*. Это уже обещана была Им благодать-возблагодать.

И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемуждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огне-

образной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ея силе и действиям. И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святою Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: *«Печать Дара Духа Святаго»*. А на что, батюшка ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими.

Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а, напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божиего. И делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми.

Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянных грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего.

Слово Божие недаром говорит:

«Внутрь вас есть Царствие Божие и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть те люди, которые, несмотря и на

узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи, прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связей, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. *«Приидите,— говорит Господь,— и аще грехи ваши будут, яко багряное; то, яко снег, убелю их».* Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и *«финицы в руках их»* как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь *«Аллилуия». «Красоте пения их никтоже подражати можаше».* Про них Ангел Божий сказал: *«Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей»,*— испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланнаго Его собственною волею за спасение мира, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечного во ответ благоприятен на Страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков спадший с небесе Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется *«Язвою бесов»,* ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

6

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священно-

тайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей.

Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наша и управляя стопы наша на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. *«Аминъ, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки»:* имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатью Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи мира и туне дарующего благодать-возблагодать. Про этуто благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: *«И свет во тьме светится и тьма Его не объят».* Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом безценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: *«Авва Отче! Не до конца прогневайся на нераскаянность эту!»,* а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатью Божиею и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ея действие в людях, ею просвещенных.

Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: *«Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем».* То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в Законе

словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих?

И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его.

Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе, как под покрывалом.

Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и *«быша ризы Его, блещущия яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц»*. Когда же Моисей и Илия явились к нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, *«облак»*, сказано, *«осени их»*. И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ея.

7

— Каким же образом,— спросил я батюшку отца Серафима,— узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто! — отвечал он мне. Поэтому-то и Господь говорит: *«Вся простота суть обретающим разум...»* Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?..» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про Апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь

в этом разуме, и Апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: *«Изволися Духу Святому и нам»,* и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную на пользу всем верным — так святые Апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божиего...

Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно,— сказал я,— чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня? Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И, приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И

вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас.

Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажень кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца.

Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь?— спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие,— сказал батюшка отец Серафим,— тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победит мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир», по слову апостольскому, *«всяк ум преимущий»*. Таким его называет Апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в серд-

ца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим.. Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! – отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: *«Жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас».* Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего Апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на Небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы труды к трудам прилагая, восходить нам от

силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: *«Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...»* Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал;

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах,— спросил он меня,— такой же, как из бани?

— Нет,— отвечал я,— на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете?

Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Чтоже земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: *«Теплотою Духа Святаго согрей мя!»* Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза,

будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое Апостол говорит:

«Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит *«не в препретельных земныя премудрости остовах, но в явлении силы и духа».* Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь:

«Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе...» Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: *«Я сам был в полноте Духа Святаго...»* Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!..

Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, батюшка,— сказал я,— удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню,— отвечал мне отец Серафим,— что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его — не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до

того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего.

У Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему,— вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является полноте Своей пренебесной славы. *«Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он,— а все прочее Я Сам приложу тебе»,* ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим:

«Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что, по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через Апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить Закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с Небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. *«Жатвы бо много,— говорит Господь,— делателей же мало».* Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших

ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. *«Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое».*

Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть его благостыню во всей ея полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «*Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его»,* лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. *«Един движет тысящи, два же тьмы».* Сам Господь говорит: *«Вся возможна верующему»,* а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: *«Вся могу о укрепляющем мя Христе».* Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него:

«Веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас; да радость ваша исполнена будет.

Доселе не просисте ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и приимете...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе. Мне сотвористе».

Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились.

Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его, сотворит и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя.

Однако опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

«Радость моя...».
Книга о преподобном Серафиме, Саровском чудотворце.–
М., 2002.– с. 625-655.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Издание напечатано в ГУП "Псковская областная типография" с готовых диапозитивов
Тираж 2000 экз. Заказ № 496

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 514

Демонская твердыня

(О гордости)

Бог гордым противится,
а смиренным дает благодать.

Иак. 4, 6

Демонская твердыня

(О гордости)

Величайший знаток глубин человеческого духа, преподобный Исаак Сирин в своем 41-м слове говорит:

“Восчувствовавший свой грех выше того, кто молитвою своею воскрешает мертвых; кто сподобился видеть самого себя, тот выше сподобившегося видеть Ангелов”.

Вот к этому познанию самого себя и ведет рассмотрение вопроса, который мы поставили в заголовке.

И гордость, и самолюбие, и тщеславие, сюда можно прибавить — высокомерие, надменность, чванство — все это разные виды одного основного явления — “обращенности на себя”,— оставим его как общий термин, покрывающий все вышеперечисленные термины.

Из всех этих слов наиболее твердым смыслом отличаются два: тщеславие и гордость; они, по “Лествице”, как отрок и муж, как зерно и хлеб, начало и конец.

Симптомы тщеславия, этого начального греха: нетерпение упреков, жажда похвал, искание легких путей, непрерывное ориентирование на других — что они скажут? как это покажется? что подумают? “Тщеславие издали видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных — серьезными, рассеянных — сосредоточенными, обжорливых — воздержанными и т. д.” — все это, пока есть зрители.

Детская и юношеская застенчивость часто не что иное, как то же скрытое самолюбие и тщеславие.

Той же ориентировкой на зрителя объясняется грех самооправдания, который часто вкрадывается незаметно даже в нашу исповедь: “грешен, как *и все*”,— “только *мелкие грехи* — никого не убил, не украл”.

«Бес тщеславия радуется,– говорит преподобный Иоанн Лествичник,– видя умножение наших добродетелей: чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. “Когда я храню пост, я тщеславлюсь; когда же, для утаения подвига моего, скрываю его — тщеславлюсь о своем благоразумии. Если я красиво одеваюсь, я тщеславлюсь, а переодевшись в худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить ли стану — тщеславием обладаюсь; соблюдаю молчание — паки оному предаюсь. Куда сие терние не поверни, все станет оно вверх своими спицами”.

“Я редко видел,— пишет один из современных писателей,— чтобы великая немая радость страдания проходила далями человеческих душ, не сопровождаемая своим отвратительным спутником — суетным, болтливым кокетством (тщеславием). В чем сущность кокетства? По-моему, в неспособности к бытию. Кокетливые люди — люди, в сущности, несуществующие, ибо бытие свое они сами приравнивают к мнению о них других людей. Испытывая величайшие страдания, кокетливые люди органически стремятся к тому, чтобы показать их другим, ибо посторонний взгляд для них то же, что огни рампы для театральных декораций” (Степун: “Николай Переслегин”, стр. 24).

Усилившееся тщеславие рождает *гордость*.

Гордость есть крайняя самоуверенность, с отвержением всего, что не мое, источник гнева, жестокости и злобы, отказ от Божией помощи, “демонская твердыня”. Она — “медная стена” между нами и Богом (Авва Пимен); она — вражда к Богу, начало всякого греха, она — во всяком грехе. Ведь всякий грех есть вольная отдача себя *своей* страсти, сознательное попрание Божьего закона, дерзость против Бога, хотя “гордости подверженный как раз имеет крайнюю нужду в Боге, ибо люди спасти такого не могут” (“Лествица”).

Откуда же берется эта страсть? Как она начинается? Чем питается? Какие степени проходит в своем развитии? По каким признакам можно узнать ее?

Последнее особенно важно, так как гордый обычно *не видит* своего греха. “Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился, а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: “Прости меня, отче, во мне нет гордости”. Мудрый старец ему ответил: “Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!”

Во всяком случае, если человеку трудно просить прощения, если он обидчив и мнителен, если помнит зло и осуждает других, то это все — несомненно, признаки гордости.

Об этом прекрасно пишет Симеон Новый Богослов:

"Кто, будучи *безчестим* или досаждаем, сильно болеет от этого сердцем, о том человеке ведомо да будет, что он носит древнего змия (гордость) в недрах своих. Если он станет молча переносить обиды, то сделает змия этого немощным и расслабленным. А если будет противоречить с горечью и говорить с дерзостью, то придаст силы змию изливать яд в сердце его и немилосердно пожирать внутренности его".

В "Слове на язычников" святого Афанасия Великого есть такое место:

"Люди впали в самовожделение, предпочтя *собственное* созерцанию божественному" (Творения, т. 1, стр. 8, изд. 1851 г., М.). В этом кратком определении вскрыта самая сущность гордости: человек, для которого доселе центром и предметом вожделения был Бог, отвернулся от Него, "впал в само-*вожделение*", восхотел и возлюбил себя больше Бога, предпочел божественному созерцанию — созерцание самого себя.

В нашей жизни это обращение к "самосозерцанию" и "самовожделению" сделалось нашей природой и проявляется хотя бы в виде могучего инстинкта *самосохранения* как в телесной, так и в душевной нашей жизни.

Как злокачественная опухоль часто начинается с ушиба или продолжительного раздражения определенного места, так и болезнь гордости часто начинается или от внезапного потрясения души (например, большим горем), или от продолжительного личного самочувствия, вследствие, например, успеха, удачи, постоянного упражнения своего таланта.

Часто это — так называемый "темпераментный" человек, "увлекающийся", "страстный", талантливый. Это — своего рода извергающийся гейзер, своей непрерывной активностью мешающий и Богу, и людям подойти к нему. Он полон, поглощен, упоен собой. Он ничего не видит и не чувствует, кроме своего горения, таланта, которым наслаждается, от которого получает полное счастье и удовлетворение.

Едва ли можно сделать что-нибудь с такими людьми, пока они сами не выдохнутся, пока вулкан не погаснет. В этом опасность всякой одаренности, всякого таланта. Эти качества должны быть уравновешены полной, глубокой духовностью.

В случаях обратных, в переживаниях горя — тот же результат: человек "поглощен" своим горем, окружающий мир тускнеет и меркнет в его глазах; он ни о чем не может ни думать, ни говорить, кроме, как о своем горе; он живет им, он держится за него, в конце концов, как за единственное, что у него осталось, как за единственный смысл своей жизни. Ведь есть же люди, "которые даже в самом чувстве собственного унижения посягнули отыскать наслаждение" (Достоевский: "Записки из подполья").

Часто эта обращенность на себя развивается у людей тихих, покорных, молчаливых, у которых с детства подавлялась их личная жизнь, и эта "подавленная субъективность порождает, как компенсацию, эгоцентрическую тенденцию (Юнг: "Психологические типы") в самых разнообразных проявлениях: обидчивость, мнительность, кокетство, желание обратить на себя внимание даже поддерживанием и раздуванием дурных о себе слухов, наконец, даже в виде прямых психозов характера, навязчивых идей, манией преследования или манией величия (Поприщин у Гоголя).

Итак, сосредоточенность на себе уводит человека от мира и от Бога; он, так сказать, отщепляется от общего ствола мироздания и обращается в стружку, завитую вокруг пустого места.

Попробуем наметить главные этапы развития гордости от легкого самодовольства до крайнего душевного омрачения и полной гибели.

Вначале это только занятость собой, почти нормальная, сопровождаемая хорошим настроением, переходящим часто в легкомыслие. Человек доволен собой, часто хохочет, посвистывает, напевает, прищелкивает пальцами. Любит казаться оригинальным, поражать парадоксами, острить; проявляет особые вкусы, капризен в еде. Охотно дает советы и вмешивается по-дружески в чужие дела; невольно обнаруживает свой исключительный интерес к себе такими фразами (перебивая чужую речь): "нет, что я вам расскажу", или "нет, я знаю лучше случай", или "у меня обыкновение...", или "я придерживаюсь правила...", "я имею привычку предпочитать" (у Тургенева).

Говоря о чужом горе, безсознательно говорят о себе: “Я так была потрясена, до сих пор не могу прийти в себя”. Одновременно огромная зависимость от чужого одобрения, в зависимости от которого человек то внезапно расцветает, то вянет и “скисает”. Но в общем, в этой стадии настроение остается светлым. Этот вид эгоцентризма очень свойственен юности, хотя встречается и в зрелом возрасте.

Счастье человеку, если на этой стадии встретят его серьезные заботы, особенно о других (женитьба, семья), работа, труд. Или пленит его религиозный путь, и он, привлеченный красотой духовного подвига, увидит свою нищету и убожество и возжелает благодатной помощи. Если этого не случится, болезнь развивается дальше.

Является искренняя уверенность в своем превосходстве. Часто это выражается в неудержимом многословии. Ведь что такое болтливость, как, с одной стороны, отсутствие скромности, а с другой — самоуслаждение примитивным процессом самообнаружения. Эгоистическая природа многословия ничуть не уменьшается от того, что это многословие иногда на серьезную тему: гордый человек может толковать о смирении и молчании, прославлять пост, дебатировать вопрос,— что выше — добрые дела или молитва.

Уверенность в себе быстро переходит в страсть командования; он посягает на чужую волю (не вынося ни малейшего посягания на свою), распоряжается чужим вниманием, временем, силами, становится нагл и нахален. Свое дело — важно, чужое — пустяки. Он берется за все, во все вмешивается.

На этой стадии настроение гордого портится. В своей агрессивности он, естественно, встречает противодействие и отпор; является раздражительность, упрямство, сварливость; он убежден, что его никто не понимает, даже его духовник; столкновения с “миром” обостряются, и гордец окончательно делает выбор: “я” против людей, но еще не против Бога.

Душа становится темной и холодной, в ней поселяется надменность, презрение, злоба, ненависть. Помрачается ум, различение добра и зла делается спутанным, так как оно заменяется различением “моего” и “не моего”. Он выходит из всякого повиновения, невыносим во всяком обществе; его цель — вести свою линию, посрамить, поразить других; он жадно ищет известности, хотя бы скандальной, мстя этим миру за непризнание и беря у него реванш. Если он монах, то бросает монастырь, где ему все невыносимо, и

ищет собственных путей. Иногда эта сила самоутверждения направлена на материальное стяжание, карьеру, общественную и политическую деятельность, иногда, если есть талант — на творчество, и тут гордец может иметь, благодаря своему напору, некоторые победы. На этой же почве создаются расколы и ереси.

Наконец, на последней ступеньке человек разрывает и с Богом. Если раньше он делал грех из озорства и бунта, то теперь разрешает себе все: грех его не мучит, он делается его привычкой; если в этой стадии ему может быть легко, то ему легко с диаволом и на темных путях. Состояние души мрачное, безпросветное, одиночество полное, но вместе с тем искреннее убеждение в правоте своего пути и чувство полной безопасности – в то время, как черные крылья мчат его к гибели.

Собственно говоря, такое состояние мало чем отличается от помешательства.

Гордый — и в этой жизни пребывает в состоянии полной изоляции (тьма кромешная). Посмотреть, как он беседует, спорит: он или вовсе не слышит того, что ему говорят, или слышит только то, что совпадает с его взглядами; если же ему говорят что-либо, несогласное с его мнениями, он злится, как от личной обиды, издевается и яростно отрицает. В окружающих он видит только те свойства, которые он сам им навязал, так что даже в похвалах своих он остается гордым, в себе замкнутым, непроницаемым для объективного.

Характерно, что наиболее распространенные формы душевной болезни — мания величия и мания преследования — прямо вытекают из “повышенного самоощущения” и совершенно немыслимы для смиренных, простых, забывающих себя людей. Ведь и психиатры считают, что к душевной болезни (паранойя) ведут, главным образом, преувеличенное чувство собственной личности, враждебное отношение к людям, потеря нормальной способности приспособления, извращенность суждений. Классический параноик никогда не критикует себя, он всегда прав в своих глазах и остро недоволен окружающими людьми и условиями своей жизни.

Вот где выясняется глубина определения преподобного Иоанна Лествичника: “Гордость есть крайнее души убожество”.

Гордый терпит поражение на всех фронтах:

Психологически — тоска, мрак, безплодие. *Морально* — одиночество, иссякание любви, злоба. *С богословской точки зрения*

— смерть души, предваряющая смерть телесную, геенна еще при жизни. *Гносеологически** — солипсизм**. *Физиологически и патологически* — нервная и душевная болезнь.

В заключение естественно поставить вопрос: как бороться с болезнью, что противопоставить гибели, угрожающей идущим по этому пути?

Ответ вытекает из сущности вопроса — смирение, послушание объективному; послушание, по ступенькам — любимым людям, близким, законам мира, объективной правде, красоте, всему доброму в нас и вне нас, послушание Закону Божию, наконец — послушание Церкви, ее уставам, ее заповедям, ее таинственным воздействиям.

А для этого — то, что стоит в начале христианского пути: "Кто хочет идти за Мною, пусть отвержется себя".

Да отвержется, да отвергается каждый день; пусть каждый день — как стоит в древнейших рукописях — берет человек свой крест — крест терпения обид, поставления себя на последнее место, перенесения огорчений и болезней и молчаливого принятия поношения, полного безоговорочного послушания — немедленного, добровольного, радостного, безстрашного, постоянного.

И тогда ему откроется путь в царство покоя, "глубочайшего смиренномудрия, все страсти истребляющего".

Богу нашему, "Который гордым противится, а смиренным дает благодать",— слава.

Печатается по изданию: Священник Ельчанинов. Записи.

———————

*Гносеология (от греч. gnosis – познание и ...логия), то же, что теория познания.

**Солипсизм – (от лат. solus – единственный и ipse – сам):

1). Крайняя форма субъективного идеализма, признающая несомненной реальностью только сознающего субъекта и объявляющая все остальное существующим лишь в его сознании.

2). В этическом смысле – крайний эгоизм, эгоцентризм.

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Тираж 1000 экз.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 515

20 декабря (2 января) 2003 года

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия в день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского

СЛОВО
Архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия в день памяти святого праведного Иоанна Кронштадтского

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Приветствую, дорогие, всех вас: отца Наместника Псково-Печерского монастыря архимандрита Тихона, дорогих наших отцов и вас, возлюбленные о Господе братья и сестры, с престольным праздником памяти дивного святого Русской земли, праведного отца нашего Иоанна Кронштадского.

Мы сегодня слышали в Евангельском чтении слова Господа: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на Небесех* (Мф. 5, 16).

Святой праведный Иоанн Кронштадтский, действительно, был светом для Русской земли. Он светил миру своею жизнию и своими делами, своею преданностью Богу и твердой, крепкой верой. И эту веру он насаждал в сердце народа русского.

Господь сказал в Святом Евангелии: *Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет* (Мф. 16, 24). И Отец Иоанн взял крест Христов и последовал за Господом. Это был, действительно, человек праведной жизни, почему Церковь и именует его святым праведным.

Жил он не для себя. Он жил ради Бога, ради русского народа и ради нашего Отечества. Он не знал ни покоя, ни отдыха. Он, подобно солнечному лучу, появлялся во всех уголках нашей Родины для того, чтобы будить совесть людскую, для того,

с. Карамышево. После Божественной литургии в приходе св. праведного Иоанна Кронштадтского

чтобы обращать сердца русских людей к познанию истинного Господа и святых Его заповедей.

Время, в которое жил святой праведный Иоанн Кронштадтский, как и ныне, было неспокойное, также было всякое смятение в народе.

Это были предреволюционные годы, которые тревожили жизнь Церкви и жизнь всего государства. Но святой праведный Иоанн Кронштадтский, невзирая ни на что, проповедовал любовь Божию. В сердцах людей утверждал он эту любовь и веру Христову.

Мы должны быть счастливы, потому что имеем на Псковской земле этот небольшой приход, посвященный памяти праведного Иоанна Кронштадтского. И мы сегодня окружаем его ангельский лик, явленный в святой иконе, потому что святой праведный Иоанн Кронштадтский, действительно, был ангелом на земле. Это был посланник Божий для нашего Отечества. Он, подобно ангелу светлому, появлялся в разных городах и весях, радуя и ободряя всех, призывая не терять веры, уповать на Господа, исполнять Его святые заповеди.

В преддверии Рождества Христова он призывал народ: «Прииди, склонись, род людской, у яслей Христа и знатный, и богатый, и убогий, все приидите к Младенцу Христу и принесите Ему свою любовь, свою верность».

В преддверии Великого праздника и мы к вам приехали для того, чтобы совершить здесь святую молитву и не только порадовать вас, но и призвать имя Божие и прославить святогоправедного Иоанна Кронштадтского.

Да утвердится в наших сердцах вера во Христа, да будет и любовь между нами. Пусть каждый из нас стремится принести к яслям Господа свою веру, свою любовь и свои добрые дела, чтобы нам не осудиться со беззаконными, но чтобы иметь оправдание перед Господом молитвами святого праведного Иоанна Кронштадтского, по мере подражая и в своей жизни этому дивному угоднику Божию.

Да будет благодатная помощь сопутствующей всем нам во благочестии и чистоте. Аминь.

с. Карамышево.
Храм в честь св. праведного Иоанна Кронштадтского

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Тираж 1000 экз.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 516

ХРИСТИАНИНУ НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ!

Вот слово мое к чадам Церкви Христовой. Не бойтесь ни пластиковых карточек, ни штрих-кодов, ни любых комбинаций цифр, кодов и знаков. Для духовной жизни все перечисленное не имеет никакого значения, важно, что имена ваши записаны в книге жизни у Агнца.

Но бойтесь, повторяю, бойтесь потерять дух христианской любви, которая является семенем Царства Божия в вашем сердце. Возрастите это семя, украсьте себя обильно плодами добрых дел милосердия и сострадания, и вы непременно тогда услышите блаженный глас Спасителя; “Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира” (Мф. 25, 34).

Преосвященный Сергий (Соколов),
епископ Новосибирский и Бердский

ХРИСТИАНИНУ НЕЧЕГО БОЯТЬСЯ!

Я как епископ скажу: христианину, ежеминутно осознающему себя соработником в доме Отца Небесного, стремящемуся жить по воле Божией, никакая электронная слежка не страшна. Ему нечего бояться, ибо он с Богом, а без воли Божией, как говорится в Писании, ни один волос с головы его не упадет.

То, что человечество приближается к последним временам, о признаках которых ясно говорит Евангелие, у христиан не вызывает сомнения. И дело не столько в глобальных конфликтах, войнах и землетрясениях, упоминающихся в слове Божием, а в том, что особенно становится заметным: в оскудении любви и веры в людях — это главные признаки надвигающегося конца мира. “Боящийся несовершен в любви” (1 Ин. 4,18).

Что же побуждает меня взяться за перо? С помощью Божией я хочу поделиться с читателями теми грустными мыслями, которые все чаще возникают при общении с духовной паствой. И в том, что она находится далеко не на должном духовном уровне и религиозное сознание многих напоминает отношение к жизни древних язычников, — в этом есть и моя личная вина, и это не позволяет мне, архиерею, молчать.

Преосвященный Сергий (Соколов), епископ Новосибирский и Бердский (‡2000)

Я хочу высказать свою точку зрения относительно весьма смущающего многих христиан факта, а именно — повсеместно вводимого сегодня так называемого штрих-кода и ИНН, в основании которого скрыто фигурирует таинственная цифра 666, называемая числом антихриста.

Первое, на что бы хотелось обратить особое внимание, — это то, что цифра эта имеет библейское происхождение, так как мы узнали о ней не из каких-то демонических, колдовских трактатов, а из Библии — книги, которую мы с верой почитаем и целуем как слово Самого Бога, дарованное нам для нашего спасения. Мы верим, что в священных текстах нет и не может быть ни одного слова и знака, от которого бы пострадала наша душа. И если мы читаем в Библии о диаволе и его кознях роду человеческому, то мы и эти слова принимаем с благодарностью Богу, предупреждающему нас, что “мир лежит во зле” (1 Ин. 5, 19).

Все дело лишь в вашем желании, чтобы на земле везде исполнялась только воля Божия. Многие, к сожалению, забывают, что число 666 упоминается в Библии не только как знак антихриста, но впервые мы его встречаем в ветхозаветных текстах, описывающих богатство и роскошь царства царя Соломона. “В золоте, которое приходило Соломону в каждый год, весу было шестьсот шестьдесят шесть талантов золотых” (3 Цар. 10, 14).

Сначала скажем о самом числе 666, которое с момента первого употребления в Библии, несомненно, имеет символическое значение. Это прежде всего знак или код, который отражает духовное состояние времени забвения Бога, именно времени.

Число 666 в Ветхом Завете отражает чистый годовой доход царства Соломона, слава и могущество которого отождествлялись с верхом возможностей человека в обустройстве того мира.

Вспомним теперь, что и в XX веке число 666 появилось в обиходе не в нашей многострадальной России, а в материально процветающих США, гордящихся своим экономическим чудом, приведшим в области электронных устройств к внедрению в повседневную жизнь числа 666, которое используется как основное кодовое число в соответствующей технологии.

Христиане должны были бы крайне удивиться, если бы в век богоотступничества, открытого насаждения культа зла и насилия, стремления “вложить дух в образ зверя” (Откр. 13, 15) в мире повсеместно появился бы иной знак, а не число 666. Но обо всем этом нам было предсказано, а поэтому, сохраняя веру и духовную рассудительность, попросим у Бога мудрости, чтобы нам понять, что надо делать далее для вечного спасения своей души.

Представим себе, что вместо 666 в штрих-коде использовалось бы другое подобное число, например 444, 888 или

777, которое также удобно позволяло бы внедрять пластиковые карты и иные новые электронные изобретения, помогающие финансовым, социальным, статистическим и другим службам проводить полезные с бытовой точки зрения операции. Неужели проблема перестала бы существовать? Нет, ибо она не в цифрах и знаках.

Научно-технический прогресс стремительно развивается, и нам даже трудно представить себе, в каких областях науки и техники могут применяться новейшие технологии, использующие, помимо всего прочего, штрих-код. В Библии пророчески указана лишь самая простейшая бытовая ситуация купли-продажи, которая уже сегодня широко используется в странах Запада и Америки. В крупных магазинах тоже уже не первый год учет товаров идет путем электронной фиксации штрих-кодов. Все это свершившийся факт, а для верующего человека — исполнившееся пророчество. И всякий здравомыслящий человек скажет, что это абсолютно никак не затрагивает его духовной свободы. Знаки, коды, шифры могут быть самые разные, но они только предупреждают нас об определенном времени (в данном случае, лукавом и небезопасном) и месте. И это хорошо, что мы не остаемся в неведении.

Сейчас идет глобальная работа по присвоению штрих-кода каждому жителю планеты. Хорошо это или плохо?

План грандиозный, но, учитывая успехи современной науки и техники, вполне реальный, по крайней мере, в странах с развитой цивилизацией. Говорят, что после его осуществления (я не думаю, что это будет скоро) все человечество будет подвергнуто тотальной слежке. Не берусь судить об этом с точки зрения прав человека на личную жизнь и ее неприкосновенность, но как епископ скажу, что Церковь постоянно учит свою паству о Всевидящем Божественном Оке Творца, от которого невозможно закрыться не только в

специальных бункерах, но которое видит и каждую мысль человека, то есть контролирует постоянно наше духовное состояние. Если мы об этом не помним, то это наша большая беда, и поэтому христианину, ежеминутно осознающему себя соработником в доме Отца Небесного, стремящемуся жить по воле Божией, никакая электронная слежка не страшна. Ему нечего бояться, ибо он с Богом, а без воли Божией, как говорится в Писании, ни один волос с головы его не упадет.

Далее обратим особое внимание на то, что в Апокалипсисе говорится именно о принудительном (Откр. 13, 12) поклонении антихристу. Тот, кто не поклонится, будет умерщвлен. Причем поклонение образу антихриста в духе (Откр. 13, 15) признается за внутреннее сердечное согласие с новой системой ценностей и является на самом деле добровольным принятием печати антихриста.

То есть принятие печати антихриста — это прежде всего и исключительно добровольное противление воле Божией, что происходит не иначе, как в сердце человека, и именуется "хулой на Духа Святого" (Мк. 3, 29). "Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше" (Мф. 6, 21), — говорится в Священном Писании. Поэтому-то так важно всем нам уметь слышать свое сердце. И если оно прельщается ценностями мира сего: славой, богатством, комфортом и прочими искушениями, то необходимо как можно скорее через покаяние и исповедь открыть доступ к нашему внутреннему человеку исцеляющей благодати Божией. Иными словами, "печать антихриста" — это не внешний знак или число 666, а добровольное принятие зла в свое сердце.

С этим согласны современные православные богословы, изучающие этот вопрос. Еще в 1997 году Священный Синод Греческой Церкви был обеспокоен повсеместным распространением Шенгенского Соглашения. Это Соглашение предусматривает активное внедрение в странах, подписавших

договор, так называемой “электронной регистрации”. Священный Синод Греческой Церкви подробно обсудил эти волнующие всех христиан вопросы и определил, что ни штрих-код, ни число 666 не являются печатью антихриста, ибо она (печать) есть прежде всего добровольный духовный акт, свидетельствующий о союзе человека с богоборческими силами. Штрих-код и число 666 являются лишь внешними символами и знаками, которые в случае насильственного введения их в употребление (что уже имеет место) не могут принести духовного вреда человеку, верующему во всемогущество Божие и вверяющему себя Его Божественному Промыслу. Более того, если мы будем говорить о духовно живых членах Церкви Христовой, родившихся от воды и Духа Святого в таинстве Крещения, то им не сможет причинить вреда никакая печать антихриста, ибо чада Церкви запечатлены однажды печатью Духа Святого в таинстве Миропомазания.

Эта Великая Печать ограждает их от всех козней лукавого духа от рождения до смерти, если только они сами добровольно не отрекутся от Христа Спасителя. Отречение же это (да не будет этого ни с кем) может произойти не при получении пластиковой карточки, никак не влияющей на душу человека, а в глубине охладевшего сердца, спокойно взирающего на утверждение вокруг безбожных, бессовестных и безнравственных принципов жизни современного мира. Обратимся еще раз к истории царства Соломона. За грех идолопоклонства и богоотступничества оно было наказано Богом: потеряло свое могущество и распалось. Когда царь Ровоам попытался было силой восстановить былое единство, то услышал от Бога: “Не начинайте войны с братьями вашими… возвратитесь каждый в дом свой, ибо от Меня это было” (3 Цар. 12, 24). Таков Промысл Божий о мире. Нам трудно понять перипетии исторического развития стран, народов, общества. Все положительно разрешается только

при полном, без остатка вручении себя в руки Бога, когда мы вспоминаем мудрые слова Священного Писания, что ничто “не может отлучить нас от любви Божией” (Рим. 8, 39) и что для любящего Бога “все содействует ко благу” (Рим. 8, 28).

Вначале мы упомянули, что главным признаком приближающегося конца мира является оскудение в людях любви.

Именно отсутствие любви более всего должно нас сегодня беспокоить, а не пластиковые карточки, которые, как все материальное, — тленны. Наверное, так устроен человек, что всякое внешнее новшество принимает настороженно. Когда князь Владимир ввел школьное обучение детей, летописец повествует, что матери рыдали о них как об умерших. История изобилует аналогичными примерами, ибо все это звенья одной цепи. Сегодня многие из нас, уже не смущаясь, пользуются плодами научно-технического прогресса. Из глухого леса по сотовому телефону в столицу сообщаем о полной корзине белых грибов, на рабочем столе почти у всех руководителей мигают экраны компьютеров — все это веяние нового времени.

Но одновременно мы видим, как улетучиваются из сознания людей, словно пар, такие общечеловеческие понятия как милосердие, сострадание, нравственная чистота и целомудрие. Понятие любви, которое должно лежать в основании всей жизни, исказилось до неузнаваемости. А там, где нет любви, там нет Бога. Пустоты в природе не бывает. Поэтому вместо Бога люди начинают поклоняться идолу — золотому тельцу, вместо Христа в сердце человека вселяется дух антихриста. О том, что дух антихриста уже присутствует в мире, давно предупреждали еще ученики Христовы (1 Ин. 4, 3). Противостоять ему можно только будучи членом Церкви, о которой Христос сказал: “Создам Церковь мою, и врата ада не одолеют ее” (Мф. 16, 18).

Вот слово мое к чадам Церкви Христовой. Не бойтесь ни пластиковых карточек, ни штрих-кодов, ни любых комбинаций цифр, кодов и знаков. Для духовной жизни все перечисленное не имеет никакого значения, важно, что имена ваши записаны в книге жизни у Агнца (Откр. 13, 8).

Но бойтесь, повторяю, бойтесь потерять дух христианской любви, которая является семенем Царства Божия в вашем сердце. Возрастите это семя, украсьте себя обильно плодами добрых дел милосердия и сострадания, и вы непременно тогда услышите блаженный глас Спасителя: "Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира" (Мф. 25, 34).

Новосибирский Епархиальный Вестник. 2000. № 3/15 (март); перепечатано в № 12/23 (декабрь).

Пастыри Церкви отвечают на наболевшие вопросы

Слово **Патриарха:** «Только вольное и сознательное отречение от Господа и Спасителя приводит к погибели... Будем же достойно проходить предстоящее нам поприще Великого поста, помня, что тогда никто и ничто не отлучит нас от любви Божией. Немощным же в вере и смущающимся Святая Церковь снова и снова напоминает: *"С нами Бог! Разумейте, языцы, и покоряйтеся: яко с нами Бог!"» (Из Послания Патриарха Алексия II в Неделю Первую Великого поста 2001 года).*

Митрополит Мелетий: «Православным должно быть стыдно бояться немощных дерзостей лукавого, забывая, что есть Всесильный Бог... Сети диавола подобны паутине; их

разрывают церковные Таинства, пост и молитва, а также решимость бороться с диаволом и готовность служить Богу» *(Митрополит Мелетий. Печать антихриста в современном предании. М., 2001)*.

Протоиерей Василий Ермаков, настоятель храма на Серафимовском кладбище в Санкт-Петербурге.

— Батюшка, сейчас много споров об ИНН — принимать или не принимать их?

— ИНН... Здесь нашумели монахи, бросили камень соблазна в тихую российскую заводь. Они где-то в Почаеве сидели, думали, штрих-код какой-то разобрали, нашли какие-то три шестерки там, где и нет ничего, и сказали: не берите, мол,— печать антихристова. Так что ж, тогда и 666-ю страницу надо вырывать из Библии? И паспорт уничтожать, если в номере три шестерки? И вот кричат: не будем брать ИНН, пишут письма Путину (ему еще заниматься такой ерундой!). Сегодняшние крикуны забыли о том, что мы пережили революционную эпоху, когда воистину была печать антихриста на правом рукаве и на лбу в виде красной звезды, а кто не имел этой печати, не был коммунистом, тот был лишенцем, то есть был лишен всего законного, необходимого, маломальского бытия. Сегодняшние крикуны в октябрятах носили на груди "ангелочка" дорогого, а в пионерах вместо креста — красный галстук и отдавали салют — почти гитлеровское "Зиг хайль"! Что это — не печать антихриста?! Все сегодняшние радетели борьбы с антихристом сами были советскими людьми, в церковь не ходили, учились в советских вузах. Тогда они молчали, боялись. А потом, когда наступило спокойствие, они пошли спасать себя, спасать других, забывая о том, что мы, старые священники, давно любим Россию, спасаем свой народ, в трудное советское время личным примером показывая, как надо верить, как надо молиться христианину при храме

Господнем (*С матушкой Церковью. Беседа с настоятелем церкви прп. Серафима Саровского протоиереем Василием Ермаковым// Православный С-Петербург, 2001, № 1*).

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). «... Вот теперь много молодежи ринулось в Церковь, кто уже состарившись в скверне греха, кто отчаявшись разобраться в превратностях жизни и разочаровавшись в ее приманках, а кто — задумавшись о смысле бытия. Люди делают страшный рывок из объятий сатанинских, люди тянутся к Богу. И Бог открывает им Свои отеческие объятия. Как было бы хорошо, если бы они по-детски смогли припасть ко всему, что дает Господь в Церкви Своим чадам, начали бы учиться в Церкви заново мыслить, заново чувствовать, заново жить.

Но нет! Великий "ухажер" — диавол на самом пороге Церкви похищает у большинства из них смиренное сознание того, кто он и зачем сюда пришел. И человек не входит, а "вваливается" в Церковь, со всем тем, что есть и было в нем от прожитой жизни, и в таком состоянии сразу начинает судить и рядить, что в Церкви правильно, а что и изменить пора.

Он "уже знает, что такое благодать и как она выглядит", еще не начав быть православным христианином, он становится судией и учителем. Так снова Господь изгоняется им из своего сердца. И где?

Прямо в Церкви.

А человек этого уже и не почувствует, ведь он находится в Церкви, ведь он пролистал уже все книги, и ему уже пора и священный сан принимать, а ей уже пора одеваться в монашеские одежды.

Но, дорогие мои, они примут и священный сан, они примут и монашество, но все это уже без Бога, водимые той же силой, что вела их в жизни до прихода в Церковь и что так ловко обманула их и теперь. А дальше жди и других

исключительных, возможных только на почве искаженной веры явлений. Без труда, без борьбы и без крестных страданий воспринятое — без жизни, христианство только по имени, а значит и без Бога, и явит различные обольщения в видениях и откровениях…» *(Проповеди. Псково-Печерский монастырь, 2001. С. 163-164).*

Из послания клиру Владимирской епархии **архиепископа Евлогия,** монаха, который из руин возрождал и Данилов монастырь, и Оптину пустынь: «На сегодня вопрос принятия ИНН не является вопросом вероисповедальным, а лишь формой исполнения гражданского долга… Механически, обманным путем невозможно лишить веры христианина, охраняемого свыше. Считать разрастающийся страх перед цифрами, совпадающими будто с апокалиптическими, излишним и чуждым православному человеку. Согласно учению Церкви, должно более бояться Бога, чем внешних предписаний, регулирующих нашу земную жизнь» *(Послание Евлогия, архиепископа Владимирского и Суздальского, клиру Владимирской епархии//Радонеж, 2000, №19-20).*

Протоирей Димитрий Дудко (человек, прошедший советские лагеря) так отвечал недоумевающим: «Как Вы думаете насчет ИНН, насчет этого числа 666? — А что думать, пока это просто число, которое существует в природе. Вот когда скажут и потребуют его принять во имя антихриста, отказаться от Христа, тогда это будет иметь силу… Число существует в природе. Но что оно значит для нас без условий — ничего. Даже если насильно, или создадут такие условия, что надо принять, или положат печать-знак, но не скажут, во имя кого, нам это ничего не будет значить. Значит только то, что мы должны быть тверды в вере. А то умно рассуждаем,

а жить продолжаем по-язычески, и блудим, и пьянствуем... Воспротивиться антихристу надо не тем, что будем панически смотреть на число зверя 666, оно ничто, просто цифры, а тем, чтоб хранить верность Христу, Его заповедям» *(Чей это знак// Протоиерей Димитрий Дудко. Русь державная. 2001, № 2).*

Из проповеди московского **протоиерея Александра Шаргунова,** произнесенной 26 февраля 1999 года:

«666 есть прежде всего число человеческое, такое же как всякое другое число. Если вы встретите в Библии 666-ю страницу, вы же не будете ее вырывать, эта страница такая же, как любая другая страница. Значит, само по себе это число еще ничего не значит. Только тогда, когда оно наполняется духовным содержанием принесения жертвы идолу, как отступничества от Христа, оно становится таковым. Блаженный Августин говорит, что число "шесть" является числом совершенства, ибо Бог сотворил мир в течение шести дней, и мир был совершенный. И только на седьмой день Бог освятил этот мир, так что он обретает свое назначение только тогда, когда освящен Богом. Самая главная опасность, которая существует в мире,— это стремление к совершенству без Бога, и тройное самосовершенство — будь то личность человека, будь то сама Церковь Христова или человеческое общество — есть число 666. Это число не может быть внешне обозначено. Выбор добра и зла осуществляется всегда в свободе. Только то, что делается свободно и сознательно, имеет значение. Невозможно, чтобы просто одно число, само по себе, имело такое мистическое значение. Что сказать о людях, которые создали сверхмощный компьютер с апокалиптическим названием "Зверь" и предлагают нам принять электронные карточки, использующие штрих-

код с числом 666? Является ли участие в принятии таких карточек нашим отступничеством уже от Христа? Мы должны увидеть, что только тогда, когда это будет связано с отречением от Христа: словом ли или каким-то действием (то есть свободным принятием антихриста); только тогда, когда христианин отречется от знамения своего Крещения, в таинстве которого он трижды отрекался "сатаны и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и вся гордыни его" и трижды сочетавался Христу; только тогда, когда он отречется от печати дара Духа Святаго, принятой на лоб и на руку в миропомазании, — число 666, действительно, станет для него губительным. Оно и сейчас не является безопасным постольку, поскольку идет уже бесовская игра со словом "зверь". Но до тех пор, пока нам не объявлено, что именно такое отречение от Христа предполагает принятие нами карточки с числом 666, мы должны видеть разницу между пропастью и стоянием у самой пропасти. Мощная современная техника и стремительное развитие беззакония в мире, действительно, подвели нас уже к краю этой пропасти, но это не есть еще сама пропасть. Это такая же разница, как разница между жизнью и смертью: между тем и другим расстояние — всего один шаг. Но сделать этот шаг раньше времени — значит погубить себя и других людей. Призвать других людей раньше времени сделать этот выбор — значит призвать их к исповедничеству и мученичеству: любою ценою не принять эту карточку. И, значит, допустить ту духовную слепоту, которая ведет к утрате самого важного — рассудительности. Святой Афанасий Великий говорит нам, что самое главное в богословии и в духовной жизни — именно чувство равновесия, с тем чтобы не уклониться ни вправо, ни влево и не потерять почву под ногами; и чтобы не было тревоги, не было паники, не было растерянности, то

есть: **не было жертвенности там, где она не требуется.** Дай Бог, чтобы мы понимали, что и самые духоносные старцы могут иногда ошибаться. Не должно быть у нас слепого довлеющего авторитета. Как говорит преподобный Серафим Саровский: “Когда я говорил от своего ума, то бывали ошибки”. А преподобный Силуан Афонский, приводя эти слова, говорит: “Ошибки могут быть трагическими”. Это говорят о себе святые люди, которые для нас являются абсолютными авторитетами. Наступают времена больших испытаний для Церкви во всех отношениях: и внешних, и внутренних духовных, поэтому рассудительность, как говорят святые отцы, должна явиться для нас главным духовным даром, ибо, не имея рассудительности, при всех прочих дарованиях мы может направить и свое благородство, и всю свою силу не туда, куда нужно. Будем молить Господа о том, чтобы Он дал нам чистоту сердца, и мы сохранили ее (как те люди, которые не осквернили своего поста), с тем чтобы видеть Бога. И чтобы по милости Божией, по дару Церкви, которая имеет ум Христов, мы обрели спасительную рассудительность и слышали слово Господне: “Берегитесь, чтобы кто не прельстил вас”» (Мф. 24, 4) *(Протоиерей Александр Шаргунов. Великий пост. Проповедь в храме. Курган-Москва, 1999. С. 468-471).*

Святитель Димитрий Ростовский резко оспаривал мнение раскольников, уверявших, что в городах не может быть спасения: «В самое лютое антихристова царства время будут во градех и селех избраннии раби и угодники Божии, души свои спасающие» *(Святитель Димитрий митрополит Ростовский и Ярославский. О Кресте. М., 1855. С. 317).*

Какова печать антихриста, запечатлевающая ныне злых, и какова та, которою запечатлевать будет антихрист по воцарении?

Злопомнение есть печать антихриста и сердце злопамятного запечатлено печатию его. И когда антихрист (т.е. дух антихристов действующий в миру), кладет эту печать, то от этой печати злопамятства всегда обмирает сердце человеческое, (т.е. делается как бы мертвым, не способным к скорби о грехе, к прочим духовным чувствам и страху Божиему). Говорю: так обмирает человек, когда сердце его бывает запечатлено ненавистию. Это проклятое злопамятство делает человека столь бесчувственным, что люди сами умерщвляют себя разными смертями. Иного делает оно отступником от веры; иного – самоубийцею; иного заставляет идти на нож; иного делает предателем; иного делает хулителем; иного тоскливым; и нисколько не дает сердцу человека мирствовать. Не замечают того несчастные люди, что все это производит злопамятство и доводит их до смерти…

Итак, когда антихрист будет налагать печать свою на людей, сердца их будут делаться как бы мертвыми.

И тогда, т.е. во время того предреченного бедствия антихрист начнет печатать людей своей печатию, якобы для того, чтобы знамением сим спасать их от бедствия, ибо только имеющим печать, согласно Апокалипсису (Апок. 13, 17), будет продаваться хлеб. Многие будут умирать на дорогах. Люди сделаются как хищные птицы, набрасывающиеся на падаль, будут пожирать тела мертвых. Но какие люди будут пожирать тела мертвых? Те, которые запечатлены печатию антихриста; христиане, хотя им не будет ни выдаваться, ни продаваться хлеб за неимением ими на себе печати, не станут есть трупы; запечатленные же, несмотря на доступность им хлеба,– станут пожирать мертвецов.

Ибо, когда запечатлеется человек печатию, сделается сердце его еще более бесчувственным; будучи не в силах выносить голод, люди будут хватать трупы и где попало, сев в стороне от дороги, пожирать их. Наконец, умертвится и сам, запечатленный печатью антихриста; на печати же написано будет следующее: «Я твой есмь».– «Да, ты мой еси».– «“Волею иду, а не насильно».– «И я по воле твоей принимаю тебя, а не насильно».– Сии четыре наречения или надписи изображены будут посреди той проклятой печати.

Посмертныя вещания преподобнаго Нила Мироточиваго Афонскаго. С-Пбг, 2003. С. 83-85.

Из поучений отца Зосимы о кодах (об ИНН)

Схиархимандрит Зосима как ревнитель веры православной всегда безбоязненно, не взирая на лица, стоял на защите чистоты православия, обличая всякую ложь и неправду.

И когда в Церкви враг посеял смущение вокруг ИНН (в укр. варианте — «кодов»), когда кампания «кодоброчества» начала набирать обороты, угрожая единству Церкви, мужественный схимник, основываясь на преданиях своих великих наставников и великих Старцев, возвысил своё слово в защиту народа Божия против новой смуты нашего лукавого времени.

Мы приведём только некоторые из его слов на эту наболевшую тему, сказанные в живой беседе со своей паствой, с теми людьми, которые со всего мира приезжали в Никольское, чтобы услышать здесь правду.

«… Да, ещё: бесконечные вопросы, смущение идёт в Церкви Божией в отношении этих кодов, этих пресловутых карточек и прочее. Многие из духовенства крайнюю позицию занимают, считают, что это уже печать антихриста и прочее. Христос был против этого: обличал нас, фарисеев, что бремена неудобоносимые надеваем на людей.

Было заседание Священного Синода. Конечно, Священный Синод против этой глобализации — это уже первый шаг к антихристовой печати, здесь никакого секрета нет…

Но пока о Боге нас никто не спрашивает, пока идёт только государственный учёт, как сказал Святейший Патриарх.

Некоторое духовенство непримиримую позицию заняло — никаких уступок: тот же самый С-й монастырь. А кто ж поцепил на этот монастырь код? Вы ещё понятия не имели, а уже на монастырской печати код стоял. Говорят: это надо так, а как мы со счёта будем деньги переводить, а как мы будем жить? Так вам надо, а народу — не надо? А как же народ будет жить? Не дадут этой пенсии, за что ж хлеба купить, за что ж будешь жить? В тот же монастырь кто ж эту свечку пойдёт купить?

Пока я не приветствую этой крайности суждений: надо вас, бедных людей, жалеть.

Вот когда нас спросят о Боге, о нашем уповании, о вере — тогда мы скажем твёрдое своё слово христианское, тогда начнётся путь исповедничества нашего, как это было в истории Святой Православной Церкви.

Пока о Боге не спрашивают, я спокойно к этому отношусь. Всё равно, знайте, берёшь-не берёшь ты этого кода, мы давно уже «закодированы» все. В паспорте у вас что стоит? Код, номер какой-то — откуда мы знаем, что этот номер обозначает. В военном билете, пенсионном — что стоит? Номер. Ну вот — ехали, ехали и приехали.

А фарисеи, мне даже рассказывать стыдно, уже объявили, что это конец, отлучают от причастия народ Божий, смуту сеют. Зачем сеять смуту, зачем бунтовать?

Пусть народ молится, пусть радуется во славу Божию. Ещё впереди будут все искушения, все испытания. Дай нам, Господи, готовиться…

Вот простое моё слово пастырское, жалостливое слово ко всем вам…»

«Опять мне пишут письма, опять идут пасквили об этих пресловутых кодах. Сегодня в алтаре читал письмо одной женщины из Мариуполя:

“Батюшка Зосима, что нам делать, нас монахи С-ого монастыря уже «заморочили» с этими кодами. Говорят, с голода умирайте, а кодов не берите. Моя соседка намерена умереть с голода, а кодов не брать. Пишут, что если ты принял код, то уже на 30% в аду, а карточку — на 60 процентов…”

Сколько живу, такого не слыхивал, чтобы ад процентами уже измеряли. Интересно, по ихней тарификации, если звонишь по телефону и набираешь код, номер — на сколько процентов в аду? Это ж надо, до такого только додуматься!..

“А ещё старец Василий какой-то туда приходил, ему явления разные были, что кодов ни в коем случае нельзя брать. Батюшка Зосима, объясните на проповеди. Грешная Елена”.

Да какой это старец — проходимец какой-то, шарлатан, да и всё.

Вот, на прошлой неделе у нас в деревеньке был святитель Софроний, благодатная беседа у нас с ним была, действительно, мудрый Старец. И сказал святитель: “Зачем вы колотите, зачем вы вред Церкви наносите? Всё это ещё не то. Не надо колотить — это ещё не те времена. Спокойно относитесь, как к государственному учёту”. Вот так — просто

и ясно. И никаких листовок политических не читайте, чтобы вас никто не “заморочил”.

Помогай, Господи, чтобы у нас этих глупостей, крайностей не было.

Многие говорят: “Батюшка, как у вас здесь спокойно, мирно, никто не пишет, не митингует — молятся да Псалтирь читают”. Так и должно быть: никакого политиканства, мир умирает за святыми вратами. Здесь умиротворение, спокойствие, тишина — мы пришли к Богу…»

Рассуждая о событиях, которые должны разразиться в конце мира, при воцарении антихриста, схимник часто говорил: «Читайте Лаврентия Черниговского. Как у него всё написано, так и будет».

Он не любил говорить от себя, а имел обыкновение обращаться к авторитету известных подвижников, прославленных уже ныне в лике святых. Как бы подчёркивая этим, что главный аргумент в решении трудных вопросов — преемственность духа, чувств и мыслей.

Так, когда один православный журналист, начитавшись статей и книг о кодах, хотел внести и свою лепту в «борьбу с мировым злом», Батюшка в краткой беседе, обращаясь к духовному наследию преподобного Лаврентия, быстро остудил этот неуместный пыл.

«Преподобный Лаврентий Черниговский — великий, светлый Старец нашего времени. Ему было дано от Господа пророчествовать о последних временах. К нему приходили пророки Энох и Илия, всю ночь беседовали со Старцем о конце мира, о грядущем Страшном Суде Божием. Приходил к нему и Евангелист апостол Иоанн Богослов, посвящал его в тайны Апокалипсиса. И если бы преподобный Лаврентий захотел, если бы это нужно было для нашего спасения, он бы целые тома исписал: что и как оно будет при конце мира. Но

он не от себя говорил, а от Духа Святаго. А Дух Святой немногословен. Почему Старец и оставил нам несколько слов, необходимых для нашего спасения, оставил нам предупреждение и чудное утешение. Не так, как эти современные писаки, измарали целые тома о конце мира — ужасами простой народ пугают. Это плод больной фантазии, это настоящая литература ужасов, льстящая нашему пустому любопытству и тщеславию.

О чём же предупреждал нас Богоносный Старец Лаврентий? О кодах, о пластиковых паспортах, о том, что будет ИНН какой-то: смотрите — не берите? Если бы это, действительно, было так важно, то обязательно сказал бы нам Старец, не умолчал бы. Но Старец предупреждает нас о том, чему был научен от пророков Эноха и Илии, от апостола Иоанна, а не от современных лжепророков и мнимых праведников: «Смотрите, блюдитеся, — говорит он, — ибо многие из духовенства погибнут и в погибель паству свою поведут…» Как погибнут? От того, что, может быть, приняли коды? И не вспоминает о них Старец, но говорит чётко и ясно: через расколы, через отделение от Матери Церкви, через гордыню свою. И эти мнимые современные праведники, лжестарцы и лжепророки, если не угомонятся, новый раскол создадут.

«По плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Смута, политиканство, разделение и разорение обителей, разрушение семей, совершенно ненужное озлобление властей против Церкви, ложь и клевета на Патриарха, бесовское уныние и отчаяние, душевное и духовное расстройство — вот плоды ревности не по разуму…

Но преподобный Лаврентий оставил нам и чудное утешение, за которое мы ему благодарны: Господь не оставит Русь Святую, и как бы диавол не восставал на Церковь, Русь сохранит Святое Православие до скончания века, до Второго Славного Пришествия Христова.

Только не отступайте сами от Матери Церкви, не занимайтесь политиканством, не митингуйте. Наше дело — молиться, очищать своё сердце от страстей: “удались от зла и сотвори благо”.

Не бойтесь, Мать Церковь обязательно предупредит своих чад, когда придёт антихрист, когда действительно будут уже ставить печати…»

«Батюшка, а как же мнения некоторых старцев об ИНН?» — робко спросил журналист.

«Лжестарчество — бич нашего времени, — с печалью ответил Батюшка. — Истинные Старцы всегда ревновали о церковном мире».

Видя упорство новых Дон Кихотов от православия, воюющих не на жизнь, а на смерть с воздушными мельницами ИНН, Старец с печалью и болью говорил: «Ещё бес посмеётся над этими лжеревнителями: те, кто сегодня больше всего кричит против кодов,— первыми примут печать антихриста».

Как понимать эти слова? Схиигумен Илий из Оптиной пустыни так объяснил эти слова о. Зосимы: «Всё будет, как в сказке о пастухе и волках. Он всё кричал: волки, волки. А когда, действительно, напали волки, никто этому уже не поверил. Так и здесь. Сейчас кричат: печать, печать, а когда действительно будут ставить печати — кто поверит? Эти мнимые ревнители не осознают, что они подрезают ветку, на которой сидят…» Как ни парадоксально, но оказывается, миссия современных «кодоборцев» совершенно противоположна той, которую они декларируют: мол, мы выступаем, чтобы люди не брали кодов для того, чтобы в будущем они не взяли печать. Как раз наоборот — миссия «кодоборчества»: подготовить массовое сознание к принятию печати!

Похоже, диавол в своей борьбе с Церковью опять использует карту апокалипсиса, которую он неоднократно с успехом уже использовал во все смутные времена. Но сегодня, кроме

расколов, преследуется ещё одна цель: все, даже неверующие люди, осознают, что мы живём уже в предапокалиптические времена. Идея конца мира буквально носится в воздухе, о чём пишут даже мирские средства массовой информации. И чтобы человечество не воспринимало всерьёз идею апокалипсиса, идею антихриста и печати, её надо дискредитировать, затаскать до банальности, чтобы она вызывала скептическую улыбку.

И когда, действительно, придёт антихрист и Церковь скажет своё слово, многие не поверят: «Да сколько же у вас печатей было, сколько антихристов? С нас довольно, мы уже наслушались, натерпелись». Кто ж тогда ответит за этот соблазн, с кого Господь взыщет эти души?

Любовь превыше всего. Светлой памяти схиархимандрита Зосимы. Православный благовестник, 2004. С. 177-183.

Последние ли наши времена?

На встрече с сотрудниками Издательства Московской Патриархии 31 января 2001 года Патриарх Алексий II сказал: «Мы все время твердим антихрист, антихрист, антихрист. .. И тем самым ведь просто призываем его!» Это — давняя боль Патриарха. Еще два года назад он сетовал: «К сожалению, некоторые пытаются отвечать от ветра головы своея — манипулируют с графическим изображением числа 666. Сейчас, например, стало модно умножать 666 на 3 (получается 1998). Однако надо помнить, что Сам Господь сказал: “Не ваше дело знать времена и сроки”». *(Интервью Патриарха Алексия II журналу “Профиль”)(Воронеж Православный. Воронеж, 1988, № 7(15).*

«... Убежденность в том, что нынешние времена — последние, трудно совместить с известным предсказанием преподобного Серафима Саровского: в последние времена "архиереи так онечестивятся, что главнейшему догмату веры Христовой и веровать не будут". То есть догмату о Воскресении Христовом» *(С. Нилус. На берегу Божьей реки. Свято-Троицкая Сергиева Лавра,1992,ч. 2,с. 157).*

Известны ли кому такие архиереи Московской Патриархии, которые не веруют Воскресению Христову? Есть ли среди них хоть один, кто не радуется искренне в Пасхальную ночь? Кто может указать на архипастыря, лукаво замолкающего, когда пение «Символа веры» доходит до «чаю воскрешения мертвых»?

Нет таких фактов? Ну, значит, и градус апокалиптических предостережений должен быть понижен. И тот, кто тотально или огульно подозревает и обвиняет архиереев в нечестии (полагая, что раз времена — как это «доподлинно» известно — «последние», то и архиереи должны быть соответствующими, то есть псевдоправославными слугами антихриста), сам должен быть назван нечестивцем.

...Кроме того, в классической святоотеческой литературе мы почти не найдем пророчеств о грядущих временах, ведь у отцов древности не встречается желания пророчествовать о будущих временах.

Приведите примеры пророчеств из творений святителей Василия Великого,Григория Богослова,преподобного Иоанна Дамаскина. Нет их! А ведь это те отцы, которые являются для нас образцом Православия.

И вот здесь-то и возникает вопрос: если мы видим, что какие-то проявления нынешней церковной жизни не соответствуют тому, что было в эпоху Вселенских Соборов, в эпоху великих отцов, то имеем ли мы право сказать, что, мол, просто церковная жизнь «развилась» так, что она пере-

росла в своих духовных дарах «золотой век» Православия и стяжала дух пророчества, которого у тех святых отцов не было, или же мы должны говорить скорее о какой-то деградации? Не менее важно заметить при встрече с разговорами на тему о современных пророчествах, что очень часто это — именно разговоры. По большей части, когда желают что-то сказать о грядущих судьбах России, ссылаются не на письменные источники, не на рукописи самих святых, а на устную традицию.

Святитель Иоанн (Максимович) остужал апокалиптический пыл отца Серафима (Роуза): «Евангелие проповедано уже почти всем народам. Значит ли это, что уже наступает конец света? – Нет,– ответил Владыка,– Евангелие Христово должно быть проповедано на всех языках мира в православном понимании. Только затем наступит конец света».

О кончине века и антихристе

Сличение текстов Священного Писания об антихристе и последних временах заставило нас в отдельных случаях заняться их истолкованием, поскольку упомянутые там знамения времени ныне ясно обнаруживаются как в делах человеческих, так и в духовно-нравственной атмосфере. Чтобы не задерживаться на различных суждениях, мнениях и догадках, скажем два слова о числе 666, которое неизменно оказывается на первом плане при любом обсуждении эсхатологической темы. Истинное значение этого числа (в том смысле, какой придает ему Откровение Иоанна Богослова, где оно — число зверя, то есть антихриста) нам неизвестно.

Его уразумеют лишь те, кому доведется жить в страшные дни его господства и принимать либо отвергать антихристову печать. А до той поры оно, по нашему разумению, не более чем одно из знамений предстоящего его явления. Утверждая это, мы не противоречим духу и букве Священного Писания, где число 666 символически связано с именем, под которым антихрист выступит как лицо историческое. Но так как, по мнению отцов, числу этому могут соответствовать многие имена, восемнадцатый стих тринадцатой главы Откровения и доселе представляет для нас неразрешимую загадку.

Но помимо числа 666, есть множество иных свидетельств тому, что антихристово *время близко* (Откр. 1, 3). Почему же христиане наших дней, пренебрегая ими, озабочены лишь числовой символикой? Если тайна беззакония ныне не просто действует, но при всеобщем безучастии властно вторгается в жизнь мира, то хорошо ли столько внимания уделять имени беззаконника и через это вновь и вновь невольно его призывать? Вспомним слова отцов, извещающие нас, что время антихриста, хотя оно и близко, будет предварено многими событиями, о которых прикровенно возвещает Новый Завет. Так, Господь наш, наряду с *войнами и военными слухами**, говорит о всесветных бедствиях, вызванных тем греховным состоянием человечества, которое у апостола Павла обобщенно называется *отступлением*** (апостасией). А то, до какой степени распространится это отступление, изъясняют нам — каждый, насколько это открывалось ему свыше,—позднейшие отцы. Мы же на основании их предсказаний и собственных наблюдений можем сказать, что оно к настоящему времени утвердилось во всех областях жизни, и последствия его утверждения не вызывают сомнений. Коль скоро образ и

---

* Ср.: Мф. 24, 6.

** Ср.: 2 Фес. 2, 3.

мера предсказанной апостасии осуществились в современном человечестве сполна, то не замедлит и Божие вмешательство. И если, по слову Господа, *ни одна иота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5,18), то исполнится, без сомнения, и то, что в различное время было возвещено свыше верным рабам Его.

Подводя итог множеству догадок и опасений относительно судеб мира и человека, спросим о самом главном: в чем опасность эсхатологической перспективы для верных и должны ли они страшиться ее? Мы знаем, что все *ветшающее и стареющее близко к уничтожению* (Евр. 8, 13) и все имеющее начало непременно имеет и конец. Поэтому конечная судьба мира не парадокс, но исполнение предначертанного. Если человек, как частица тварной вселенной, в свое время появляется на свет, достигает зрелости, стареет и умирает, то и все творение, повинуясь велению Творца, в положенные сроки окончит свое бытие. И если срокам этим суждено исполниться в наши дни, кто сможет сему противиться? Но разве истинный конец наш не *жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем* (Рим. 6, 23)? Да, нас не могут не устрашать чаемые бедствия и пришествие антихриста. Но страх этот — иного рода, чем у тех, кто далек от веры и всецело укоренен в нынешнем веке. Истинно верным страшиться нечего. Устранившись суеты, подчинив себя закону воздержания, они на деле отверглись мира *со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24), твердо содержат в памяти слова апостола, что *ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали,* и полностью применяют к себе их продолжение: *итак, отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света* (Рим. 13, 11, 12). Зная о приближении конца, они еще более утверждаются в вере и делах спасения.

Да и были ли такие времена, когда присутствие антихристова духа в мире не напоминало о себе делом? И если

главный антихрист явится лишь при конце дней, то предтечи и помощники его действовали в любую эпоху, будучи, как и он, причиной величайших бедствий. В самом деле, так ли много добавит грядущий лжец к тем бесчисленным потрясениям, что уже произошли или вот-вот произойдут? И если по благодати Божией не устрашили нас многовековые происки малых антихристов и их началовождя сатаны, то не устрашит и число 666, скрывающее последнего *сына погибели*. Будучи символом, это число до исполнения сроков имеет вполне отвлеченное значение, ибо от нас никто еще не потребовал добровольного его принятия и отречения от своей веры. После победы христианства указы государей и другие официальные акты имели на себе знак креста, но все иноверные подданные христианских царств не превращались от этого в христиан. В наши дни на большинстве отечественных и заграничных товаров красуются всевозможные цифры и эмблемы, но отсюда никак не следует, что любой их покупатель автоматически проникается «тайным смыслом», заложенным в этих обозначениях. Однако мы тяжко согрешим, если по собственной воле и сознательно отречемся от своей веры и поклонимся лжебогу.

Зная малую меру своих сил, полагаем, что сказали достаточно. Мы убедились, что до пришествия антихриста многому еще надлежит произойти. Будем же с молитвой и неоскудевающим боголюбием готовиться к тому, что ожидает нас в ближайшие времена. И да послужит это залогом нашего спасения и дерзновения пред Богом, Который один знает и может спасти Своих.

Старец Иосиф Ватопедский. О кончине века и антихристе.
М., 2006. С. 74-77.

Издание Псково-Печерского монастыря, 2008 г., изд. 5-е
Отпечатано в ГППО “Дом Печати”. Тираж 10 000 экз. Заказ № 522.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 517

Храм в честь Святых Сорока мучеников Севастийских

По благословению

Высокопреосвященнейшего Евсевия,

Архиепископа Псковского и Великолукского,

Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

Священноархимандрита

Любой православный храм возводится во славу Святыя, Единосущныя, Животворящия и Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа.

Храм - это место особенного присутствия Божия, это место молитвы.

История создания печерского храма в честь Св. Сорока мучеников Севастийских ведет в глубину веков, когда во времена царствования великого князя Василия III Иоанновича Псково-Печерскую обитель возглавил игумен Дорофей.

Сей игумен много потрудился в устройстве монастыря: была расширена Успенская церковь и в ней устроен придел преподобных Антония и Феодосия Киево-Печерских; началось строительство монастырской звонницы. Все деревянные постройки были перенесены с холма вниз, где и был воздвигнут новый деревянный трапезный храм во имя Св. Сорока Севастийских мучеников.

Почему новый храм был устроен в честь Севастийских мучеников?

Причин тому несколько. Одна из них та, что обитель стояла недалеко от границы государства и часто подвергалась нападениям иноземцев. Севастийские мученики были воинами и имели благодать защищать от неприятеля.

Но есть еще и другая причина, ведет она к одному из основателей Псково-Печерского монастыря - устроителю обители прп. Ионе.

Вот как пишет об этом исследователь Ю. Г. Малков в своей книге «Летопись Псково-Печерского монастыря»: «Был в то время *(т.е. в 70-е годы XV века – прим.)* некий священник, именем Иоанн, уроженец московской земли, отчего прозвали его псковичи Шестником (т.е. пришлым). Этот Иоанн священствовал два с половиной года вместе с Исидором пресвитером во граде

Икона священномученика Исидора Юрьевского.

Юрьеве Ливонском (ныне — город Тарту в Эстонии). Исидор служил в Георгиевском храме, а Иоанн — в Никольском, которые построил здесь великий князь Ярослав Владимирович Киевский.

И когда начали немцы — то лаской, то угрозами — пытаться присоединить жителей так называемого Русского конца к своей латинской вере, тогда тот священник Иоанн ушел из града Юрьева во град Псков. Исидор же остался в Юрьеве и после многих споров с немцами о христианской вере был заключен ими в темницу — с другими семьюдесятью двумя православными христианами. Но не покорились они немцам, и потому все вместе с Исидором ввержены были под лед в реку Омовжу — во исповедание Христово — в год 6980-й (1472 г.), зимой, января в 8-й день. Когда же во время весеннего разлива поднялась вода, то тела их были обретены на три поприща вверх по реке Омовже — все в одном месте и все как бы положенные кем-то лицом на восток и совершенно неповрежденные. Пресвитер же Исидор лежал посреди них во всем священническом облачении. На этом месте некоторых из них и погребли; а иных, привезя во град Юрьев, похоронили около церкви.

Иоанн же, пожив недолго во граде Пскове, услышал здесь об открытии Богом зданной пещеры. Скорбя, размышлял он об Исидоре: как тот с другими христианами мужественно совершил подвиг веры. И сам тогда загорелся любовью ко Христу и захотел

увидеть место Богом зданной пещеры, о котором слышал он от рассказчиков следующее. Есть, мол, у самой границы с Немецкой землей некий ручей под названием Каменец — глубокий, как ров; и течет он прямо на восток. По обе же стороны этого ручья — высокие горы, местами состоящие из песка, белого и крепкого, образующего как бы стены — сверху донизу; тут-то и находится Богом зданная пещера.

И когда увидел Иоанн это место, то весьма возлюбил его. И, вернувшись во град Псков, взял жену свою и двоих сыновей и пришел (...) в это святое место, начал копать в горе церковь — за Богом зданною пещерой, к западу от нее».

Вероятно, что игумен Дорофей знал о дружбе прп. Ионы с Исидором Юрьевским и желании прп. Ионы увековечить память подвига юрьевских мучеников. Но в то время они не были прославлены в лике святых (канонизация их состоялась лишь в 1897 году во время царствования последнего русского императора Николая II, память их празднуется церковью 8/21 января). Поэтому, видимо, решено было возвести храм в честь Св. Сорока мучеников иже в Севастии, подвиг которых был схож с подвигом Исидора и его 72 прихожан.

В нынешнем Сорокамученическом храме есть писанный на стене образ сщмч. Исидора Юрьевского. Так соединились подвиги христиан IV и XV веков.

Вернемся к преобразованиям, которые проводил в обители игумен Дорофей. Руководил всеми работами представитель великого князя в Пскове дьяк Мисюрь Мунехин.

Надо особо отметить незаурядную личность государева дьяка. Будучи человеком государственного ума и занимая разные посты в управлении, он в 1493 году совершил путешествие на Восток, посетив Иерусалим и Царьград, долгое время был в Египте (с его слов потом было составлено описание этой страны). Тогда-то и получил он прозвище Мисюрь, что значит «египтянин». В 1501 году занимал должность пристава при турец-

Икона Святых Сорока мучеников Севастийских.

ком после Алакозе, а с 1510 года, став псковским дьяком, ведал административными и дипломатическими делами Пскова. Большую заботу и усердие являл дьяк в деле строительства новых храмов. При его непосредственном участии и иждивением Великого князя только в 1518 год Псков украсился 4 новыми церквями: в честь свт. Петра, митрополита Московского, св. апостола и евангелиста Луки, св. апостола Фомы и прп. Димитрия Прилуцкого. В том же 1518 году в честь победы русских над польско-литовским войском строятся 2 храма в Опочке: прп. Сергия Радонежского и св. мц. Параскевы. Неудивительно, что особую любовь Мисюрь Мунехин имел к Печерской обители.

Заглянем в Первую Псковскую летопись 1519 года: «... начаша Мисюрь Мунехин, великого князя дьяк псковской да его подьячей Ортюша Псковитин назирати убогое место, незнаемое никем же, под немецким рубежом, 40 верст ото Пскова, а десять верст за Изборском, в Тайлове погосте, 7 верст от Нового городка от немецкого, Печерской монастырь, Вифляньскую пещеру, Богом сотворенную, и начаша на праздники Пречистыя Богородицы,

Матере Божией, честнаго и славнаго Ея Успения и всех Ея честных праздник, ездити со многими людьми и монастырь кормити; а монастырек был на верее горы, и начаша им пещись, аки отец господин добрый, с своим подьячим Ортюшею. А Пречистая Царица, честное и славное Ея Успение, нача милость Свою являти православным крестьяном, приходящим к Ей с верою и чистым сердцем; и начаша много множество людей приходити на честный Ея праздник, а Пречистая нача Своею милостию многонедужныя исцеляти. И промчеся милость Ея даже и до Царя Московского, государя нашего, великого князя Василья Ивановича всея Русии, и услыша вся земля Русская милость Пречистыя Печерскиа: не токмо в честнем храме Ея, но и вне монастыря, и приходя(щим) к Ней и отходя(щим) на пути исцеляет всяки недуги — не токмо крестьян (т.е. православных христиан), но и Латыны. И нача Мисюрь волостьми, своею казною по обе стороны ручья горы копати, и церковь большую созидати, и в гору копатися дале и глыбже; и начаша монастырь строити в подоле меж гор, а ручей сквозе монастырь и воду возведоша вверх, а Святых преподобных отец Печерских Феодосия и Антония (церковь) снесоша з горы в печеру, в созданную церковь в новую — вкупе с Пречистою (т.е. вместе с пещерным Успенским храмом), и освящаша храм преподобных отец Феодосиа и Антониа на сам праздник Успение Пречистей; и начаша с проскурою (с просфорою) и з святою водою к государю ездити... И начаша быти оттоле монастырь Печерской славен — не токмо в Руси, но и в Латыне, рекше в Немецкой земле, даже и до моря Варяжска» *(Псковские летописи. Вып. 1. М.-Л., 1941, с. 100-101).*

Сблизившись в Пскове со знатными, образованными и благочестивыми супругами Стефаном и Марией, он часто рассказывал им об удивительной, затерянной в лесах, обители Пречистой Богородицы. Рассказам внимал сын их Корнилий. Мунехин же впервые привез отрока в Печеры, тем самым определив не только судьбу будущего преподобномученика, но и дальнейшую

судьбу монастыря. Впоследствии, став печерским игуменом, прмч. Корнилий своими молитвами и делами не только приукрасил и умножил Дом Пречистыя Богородицы, но и просветил истинной верой Христовой жителей этого края.

Псковский дьяк Мунехин оставался на своей должности 17 лет и умер в 1528 году, и за особые заслуги по устроению обители первым из мирян был похоронен в монастырских пещерах.

Итак, возвратимся к тому времени, когда при игумене Дорофее и его помощнике старце Филарете был построен храм в честь Св. Сорока мучеников Севастийских. Исследователь печерской старины Ю. Г. Малков на основании летописных источников делает вывод, что дата построения этой церкви – 1523 год, сразу же за вторым освящением Успенского храма: «И здесь свидетельство летописи исключает предположение о каком бы то ни было перерыве в проводившихся в монастыре в 1523 г. строительных работах. Таким образом, исторические источники позволяют утверждать, что Сорокамученический храм был построен осенью этого же 1523 года, сразу же за расширением Успенского храма и переносом под гору «ветхого» монастыря. Храм был освящен, скорее всего, в ближайший день празднования памяти святых мучеников – в полном соответствии с существовавшей тогда на Руси практикой освящения храмов непосредственно в дни храмовых праздников, т.е. в данном случае 9 марта 1524 г.» *(Ю. Г. Малков. «Из истории приходских храмов г. Печеры». Машинопись).*

Там, где первоначально был выстроен храм, он простоял недолго. В 1540 году на этом месте прмч. Корнилий начинает строительство нового каменного Благовещенского храма, а Сорокамученический престол переносит за монастырскую ограду, на «дворец» (дворец – монастырский двор рядом с обителью, где останавливались приезжие богомольцы). Там же, на «дворце», была часовня в честь вмц. Варвары (ныне на этом месте и находится Сорокамученический храм, построенный в 1817 г.) и пала-

ты для царского приезда. Новоустроенный храм должен был также служить и для духовного окормления людей рождающегося посада.

Но деревянная церковь на «дворце» просуществовала недолго, она сгорела в 1581 году, когда войска польского короля Стефана Батория осадили печерскую крепость.

Вскоре на этом же месте была выстроен новый храм, но и он был сожжен в 1611 году, когда монастырь вновь был осажден неприятелем.

Вот что повествует «Сказание о нашествии иноплеменников на Печерский монастырь»: «В лето 7119-е (1611 г.), когда поляки и литовцы — гетман Жолкевский с воинами своими — обманом засели в царствующем граде Москве, тогда, грехов наших ради, пришел под Печерский монастырь в первую субботу Великого Поста, февраля в 10-й день, литовский полковник Александр Лисовский со своими воинами — литовскими и немецкими людьми.

Неожиданно с ходу вломились они в Острог (*«острогом» называлась часть крепости, примыкавшая к собственно монастырю и занимавшая пространство между нынешней главной Петровской башней со Святыми вратами, Никольской церковью и башней справа от входа в обитель — Острожной; между храмом и Острожной башней проходила глухая стена, ныне не существующая. Острог представлял своего рода ловушку для врага* – прим. пер.) и в Остроге посекли много людей, а иных увели в плен. Сам же Лисовский со своими воинами остановился на Гостином и Конюшенном дворах. В церкви же Святых Сорока мучеников иконы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и колокола, а на Конюшенном дворе — лошадей, и седла, и всякий конский запас, и в Торгу, и в Посаде на Пачковке, и в (ближних) сельцах — все имение разграбил.

На утро же в 11-й день февраля, на память святого Власия, епископа Севастийского и святого благоверного князя Всеволода-Гавриила, в воскресенье, ко граду приступ сотворил — ко

Рисунок из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII века», изображающий храм Святых Сорока мучеников Севастийских.

Святым вратам и к Нижним. И Божиею милостию и заступлением Пречистой Богородицы и всех святых молитвами — ни в чем же не преуспел. На утро же в понедельник те литовские люди церковь Святых Сорока мучеников подожгли, и Гостиный двор и Торг и Пачковский Посад выжгли, и со многим грабежом отошли к Вороничю».

В эти смутные времена много чудес явил Господь защитникам обители, о чем рассказывает «Повесть о начале и основании Псково-Печерского монастыря». Вот одно из таких свидетельств: «В то же (самое) время, когда венгры и немцы, разделившись, пошли на приступ, тогда некто рыболов Сергий Витая Брада видел над церковью Пречистой Богородицы множество некиих в белых ризах со свечами в руках, говоривших друг другу: «Грядем христианам на помощь и пожжем иноверных». Думаю — были это Сорок святых мучеников и преподобные отцы, лежащие в Богом зданной пещере.

В тот же час, всю надежду возложив на Господа Бога и на Пречистую Его Матерь — на пребывающую в Доме Своем Непобедимую Воеводу, Пречистую Богородицу, и на святого Николу Чудотворца, и на всех святых, немногие тогда нашедшиеся люди осмелели и били из пищалей, и метали (в наступающих) камни — от четвертого часа до девятого — и победили их.

Об этом же случившемся явлении свидетельствовали впоследствии сами те венгры и немцы: «Когда шли мы на приступ, — говорили они, — то видели некую Божию помощь над монастырем — множество воинов в белых ризах», побивающих их; и тотчас напал на них великий страх и, посрамленные, обратились они в бегство».

Дважды Сорокамученический храм был сожжен и дважды вновь возрождался. На рисунке 1661 года из альбома Мейерберга «Виды и бытовые картины России XVII века» можно видеть вновь отстроенный деревянный храм перед входом в монастырь. Возможно, что он строился по подобию первого, еще монастырского, т.к. его вытянутый, характерный для трапезных храмов вид достаточно архаичен.

Нынешний кирпичный оштукатуренный храм воздвигнут в 1816-1817 годах на месте ветхой деревянной церкви. Решение о строительстве каменного храма было принято в 1778 году при архиепископе Иннокентии (Нечаеве), а освящен он был в 1817 году архиепископом (а позже – митрополитом) Евгением (Болховитиновым), известным своими трудами по истории Псковского края.

В сохранившейся храмовой описи (от 25 мая 1856 года) говорится: «Означенная во имя святых Четыредясети мученик, иже в Севастии приходская, холодная, однопрестольная, каменная, крестообразной формы церковь сооружена в 1816 году новой, по внешнему и внутреннему устройству архитектуры; длиной по алтарю, церкви и притвору 15,5 сажен, шириною 6,5 сажен. В стене оной 12 больших окон с железными решетками, в осьмерике – 6, без оных; в главе – 4 «фальшивых» (окна)... Снаружи окрашена охрою по штукатурке, а внутренние стены – средины оных – венецианской ярью, нижняя часть их и столбы – отделаны под мрамор... У западной стены над входными дверьми – хоры с двумя лестницами...»

Церковь по своим архитектурным формам и декору фасадов относится к стилю провинциального барокко с элементами классицизма. Видимо, из-за удаленности от столицы, архитектор не стал следовать за господствовавшими тогда формами классицизма с его помпезностью, а склонился к традициям чисто русского церковного зодчества, проявлявшимся в теплоте и уютности.

Вот как описан храм в «Кадастре достопримечательностей Псковской области»: «Храм в каменной ограде (из «дикого» камня – крупных природных валунов) с воротами, типа «восьмерик на четверике», с выступающими апсидой, боковыми крыльями, трапезной. С запада над входом – колокольня трехъярусная. Над восьмериком декоративный фонарик со шлемовидной главкой и крестом. Сохранился иконостас, убранство интерьера. Материал – кирпич, оштукатурена. Площадь храма – 630 м^2 (35х18). Восьмерик с 6-ю оконными проемами, перекрыт восьмигранным сомкнутым сводом. Декоративный барабан восьмерика завершает глава полусферической формы, увенчанная яблоком и крестом. Колокольня трехъярусная, квадратная в плане, столпообразная. Восьмигранный купол колокольни завершается тонким шпилем с яблоком и металлическим крестом».

Новая колокольня была пристроена к храму в 1860 году, значительную часть средств на нее пожертвовал печерянин М. Е. Плешков.

Семья Плешковых особенно заботилась о благолепии и благоукрашении Сорокамученической церкви. На их средства была не только построена колокольня, но и приобретены в 1880 году новые колокола. В 1896 году при их содействии заменили шпиль колокольни, а также украсили несколько храмовых икон (6 из них, в честь двунадесятых праздников, и ныне находятся в алтаре).

Примеру благочестивой семьи следовали и другие печеряне. Так в 1884 году были сооружены и вызолочены крест

на главе и под оным – шар бронзовый на средства печерского мещанина Ивана Герасимова. В 1902 году церковным старостой П. Ф. Коровниковым была пожертвована гробница для Св. Плащаницы. В 1912 году старостой А. М. Костиным подарено паникадило в 15 свечей.

В церкви в основном сохранилось внутреннее убранство XIX века. Иконостас деревянный, двухъярусный. Он обильно декорирован золоченой резьбой в виде виноградных лоз и цветов лилии. Живопись иконостаса можно датировать 60-ми годами XIX столетия, именно тогда, как известно из храмовых документов, проводились работы по украшению церкви.

Роспись стен и купола храма исполнена по образцам древнерусской (а точнее – новгородской) иконописной школы в 1965-69 годах художниками Г. П. Ивановым и Ю. В. Павловским при настоятеле митрофорном протоиерее Василии Евстафьеве, прослужившем в храме бессменно 25 лет. Церковный художник Герасим Петрович Иванов – ныне священник Богоявленского кафедрального собора в Москве.

В храме, к сожалению, не сохранились древние иконы, некогда украшавшие деревянный храм. Одна из них, «Страшный суд», находилась в притворе церкви, но в 70-х гг. XX века наместник монастыря, большой знаток живописи и художник архимандрит Алипий заинтересовался ею. Икону отреставрировали, и с тех пор этот памятник псковской иконописи последней трети XVI века украшает Успенский собор обители.

Особо почитаются прихожанами иконы Пресвятой Богородицы «Умиление» и «Одигитрия».

В Сорокамученической церкви и поныне сохраняется антиминс, освященный 20 августа 1862 года архиепископом Рижским и Митавским Платоном.

Есть упоминание о священниках храма и в списке лиц, монашествующих и белого духовенства, роды которых поименованы в древнем монастырском Синодике: «Четыредесятскаго попа

Феодора… Четыредесятской церкви священно-иерея Елисея…» А в монастырских пещерах есть и сохранившееся захоронение с такой надписью: «7166 (1658) Генваря 30 преставися р. б. Священноиерей Георгий Миронов сын служителя церкве четыредесяте мученик на посаде".

Особым событием в истории храма является посещение его в 1903 году святыми страстотерпцами Государем Императором Николаем II и Царицей Александрой Федоровной.

Вот историческое свидетельство о посещении Сорокамученического храма августейшей четой: «Пригород Печеры словно преобразился: при въезде в него возвышалась громадная триумфальная арка, вокруг которой собрались сельчане. Чем далее к монастырю, тем народу было все больше. У церкви Сорока Мучеников люди образовали сплошную стену; здесь же перед храмом были вынесены хоругви и стояло духовенство. В ограде обители также находилось множество жителей Печер. Из Успенского собора вышел крестный ход с хоругвями во главе с епископом Сергием.

При торжественном звоне Их Величества подъехали к сельской церкви Сорока Мучеников, где были встречены духовенством и прослушали краткое молебствие. Настоятель благословил Царя и Царицу св. иконою.

Колокольный звон не стихал, а по выходе Их Величеств из храма полилось «ура». Выйдя из экипажей, члены Августейшей Семьи прошли к святым вратам, где были встречены Псковским владыкой с духовенством и в предшествии крестного хода проследовали в Успенский собор Печерской обители. Там епископ Сергий приветствовал их речью».

В 1901 году настоятелем храма был протоиерей Михаил Мутовозов, служивший в нем с сентября 1880 года. Тогда же в 1901 он составил «Церковную ведомость».

Из нее узнаем, что в церковной библиотеке, кроме богослужебных книг, имелось не более 100 других книг, церковный причт состоял из двух священников и диакона.

В 1896 воду в пользу церкви была пожертвовано печерским мещанином Иваном Герасимовым пустошь Матово в количестве 50 десятин земли; эта пустошь отдавалась в аренду за 130 рублей в год; она находилась в 15 верстах от церкви.

В приходе было 7 богаделен, в которых содержалось на случайные подаяния прихожан 30 женщин и 4 мужчины.

В Печорах существовало две школы. Одна министерская 2-х классная, учрежденная в ноябре месяце 1871 г. на счет казны; обучалось в ней в 1901 году 120 человек детей; учителя были окончившие курс в Псковской учительской семинарии; законоучителем в ней был настоятель храма Св. Сорока мучеников протоиерей Михаил Мутовозов. Другая - земская, учреждена в 1876 году на счет земства; обучалось в ней 54 человека детей; учительница получила образование на Высших женских курсах; законоучителем был местный священник Иаков Белявский.

В октябре 1900 года была открыта Горно-Лебедевская земская школа: в ней обучалось 57 человек детей. В сентябре 1901 года была открыта в деревне Танищеве на счет Псковского Епархиального училищного совета Выморковская одноклассная церковно-приходская школа; в ней обучалось 45 человек.

Часовен в приходе было 11 - из них три каменные, остальные деревянные. Первая находится в полуверсты от Печор, построена в 1864 году печорскими купцами Костиным и Лабутиным. Богослужение в ней бывало в Пяток Пасхальной недели, когда празднуется память иконы Божией Матери «Живоносный источник». Вторая построена Печорским Обществом в память

25-летняго царствования Императора Александра Второго. Богослужение в ней совершалось 19 февраля (память апп. от 70-ти Архиппа и Филимона) и 1 марта (память прмц. Евдокии).

Третья каменная часовня построена в 1865 году в деревне Медковицы тамошними крестьянами. Богослужение в ней происходило в день св. пророка Божия Илии (2 августа).

При церкви в 1901 году было 6679 прихожан, в т.ч. духовных - 40, военных - 1001, статских - 2, купцов, мещан и пр. городских обывателей 478 человек, крестьян - 5206 человек.

Совершено в 1901 году 43 брака, родилось мальчиков 141, а девочек 124 человека.

Перечислим и деревни, которые тогда входили в Печорский приход: Барканово, Березники, Бобково, Булатково, Белохвостово, Ворохово, Володино, Воробьево, Выморково, Горелый Рой, Гвоздниково, Давыдов Конец, Давыдовское Загорье, Декшино, Демидово, Затрубье, Задребье, Кунья Гора, Козье Загорье, Лугино, Лебеды, Лахново, Малая Пачковка, Маслово, Парышкино, Пальцово, Подавалицы, Пластырково, Поддубье, Рысево, Танищево, Умковичи, Херково, Цывилево, Большая Пачковка, Боровцы, Вашина Гора, Головино, Горохово, Забелино, Заболотье, Замшары, Крохово, Лезги, Медковицы, Мыльниково, Медковичи, Нутрецово, Подлесье, Рагозино, Саурово, Сорокино, Смольник, Шляпниково. Всего дворов было 876.

В 1901 году настоятелем храма был протоиерей Михаил Мутовозов, служивший в нем с сентября 1880 года. Матушку его звали Ольгой Васильевной, а детей - Александром и Марией.

Вторым священником был иерей Иаков Белявский, назначенный в храм в сентябре 1900 года. Матушку его звали Феоной Ивановной, она было дочерью эконома Псковской Духовной семинарии. Их детей - Людмилой, Евгенией, Ольгой, Николаем и Михаилом.

Штатный диакон Павел Лутцо служил в храме с 1898 года. Его матушку звали Олимпиадой Андреевной.

Псаломщик Михаил Симеонович Скоропостижный обучался в Санкт-Петербургском Училище при лейб-гвардии Семеновского полка, с ноября 1899 года служил в храме Св. Сорока мучеников. Псаломщик Иоанн Гонестов был рукоположен во диакона и назначен псаломщиком в настоящий храм. В семействе у него - матушка Акилина Ивановна, дети Леонид, Анастасия, Мария, Николай, Иоанн.

Заштатный диакон Андрей Колосов, вдова Олимпиада Алексеевна Космодамианская, матушка бывшего настоятеля протоиерея Космодамианского; вдова Александра Тимофеевна Соколовская, жена диакона Симеона Соколовского; вдова Любовь Михайловича Беллавина, жена бывшего дьячка Михаила Ивановича Беллавина.

Церковным старостой с 1898 года был мещанин пригорода Печор Петр Федорович Коровников, который пожертвовал в храм две бронзовые хоругви, запрестольный крест и семилампадник.

XX век перевернул российскую историю. В 1920 году Печорский район по мирному Тартускому договору отошел к буржуазной Эстонии. А в 1923 году Православная церковь Эстонии самостоятельно вышла из юрисдикции Всероссийского (Московского) Патриархата и была принята в юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) Патриархата, придерживающегося «нового» календарного стиля. В Печерской епархии этому активно противостоял наместник обители епископ Иоанн (Булин).

Когда же в 1940 году Печоры возвратились в состав России, приход храма Св. Сорока мучеников Севастийских первым просил Московский Патриархат принять его в лоно Матери-Церкви.

Позже митрополит Александр в Богоявленском московском соборе 30 марта 1941 года принес покаяние и был принят в каноническое общение с Московской Патриархией.

В 1936 году печерский приход был разделен на русский и сетуско-эстонский. До этого разделения богослужение в храме Св. Сорока мучеников начиналось с Великаго Пятка и оканчивалось в первых числах ноября. Затем службы переносились в зимнюю Варваринскую церковь и совершались в ней до Великаго Пятка. Эти две церкви были одним приходским храмом и служили в них одни и те же священники. После разделения в Сорокамученическом храме сложили печи, которые позже церковным старостой Н. П. Пановым были заменены на паровое отопление. Также старанием Н. П. Панова деревянный каркас шпиля колокольни был заменен на металлический, обшитый жестью, были сняты и вычищены позолоченные крест и шар.

С 1986 года в храме Св. Сорока мучеников Севастийских служит нынешний настоятель протоиерей Григорий Секретарев. С 1989-го ему духовно помогает окормлять паству второй священник - иерей Леонид Секретарев.

Почти уже 20 лет о благолепии храма и хозяйственных нуждах прихода заботится староста П. И. Соловьев. Его стараниями в 1986 году была устроена новая котельная, а в 1991-м построен 2-х этажный кирпичный церковный дом. В 1987 году был позолочен купол и крест храма, в 2000-м установлен новый крест над алтарем, частично отреставрирован иконостас. Постоянно ведутся работы по улучшению состояния здания церкви.

Сегодня к приходу Сорокамученического храма относятся две часовни: Никольская (на берегу р. Пачковки) и действующая Иоанно-Предтеченская, в которую 2 раза в год (в Пятницу

Светлой седмицы и в Рождество св. Иоанна Предтечи) бывают крестные ходы, служатся водосвятные молебны.

Торжественным звоном радует прихожан с 1985 года потомственный звонарь Л. Н. Ринусов. Его дед С. И. Ринусов (+1924) и отец Н. С. Ринусов (+1988) были звонарями Сорокамученической церкви.

Нынешнее городское кладбище ранее относилось к храму. Над кладбищенскими воротами висели иконы Воскресения Христова и Казанской Божией Матери. На этом кладбище похоронен настоятель храма протоиерей М. А. Мутовозов (+16 июня 1920 г.).

Упокой, Господи, всех строителей, благотворителей и прихожан святаго храма сего, всех служивших в нем, иереев, и диаконов, и ктиторов, чтецов и певцов, всех безродных – даруй им, Господи, Царство Небесное, прости им всякое согрешение, вольное и невольное, и сотвори им ВЕЧНУЮ ПАМЯТЬ! Приими, Господи, эту молитву за всех прихожан святаго храма Св. Сорока мучеников Севастийских от их благодарных потомков!

Для нас же, живых, пусть как церковное наставление звучат в душе и сердце слова святителя Иоанна Златоуста: «Ах! Как великодаровит Христос Спаситель наш! На небесах славословят воинства ангельские – на земле подражают их славословию человеки, составляя лики в Церкви. На небесах Серафимы поют Трисвятую песнь – на земле ту же самую песнь возсылает многочисленное собрание человеков. Одно общее торжество составляют небесные и земные существа. Одно у них благодарение, одно радостное ликование. Неизреченное милосердие Господа совокупило их вместе, всеблагий Отец согласил их пение в одну стройную песнь. Вот к чему мы стремимся здесь, вот плод нашего собрания. Ничто так не услаждает нашу жизнь, как то утешение, которое мы получаем в Церкви!

В Церкви радующиеся продолжают свою радость: в Церкви скорбящим утешение, в Церкви печальным веселие, в Церкви

удрученным отдых, в Церкви труждающимся успокоение, ибо сказано: «Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы» (Мф. 11, 28). Что вожделеннее этих слов, что усладительнее этого зова? На пир тебя зовет Господь, когда зовет тебя в Церковь, приглашает к успокоению от трудов, дает отдых от горестей, врачует скорбь душевную удовольствием, печаль веселием. Какая неизреченная заботливость! Какое небесное приглашение!»

И устремимся всем сердцем нашим, и мыслию, и направим ноги наши в дом Господень!

Материалы подготовлены
прот. Григорием Секретаревым
и В. И. Деревягиной.

Рисунки Маши Стребковой и Кати Секретаревой.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК

№ 518

Выпуск 4

Христос Воскресе!

Воскресшаго Господа тридневна от гроба, Дево, моли́ о воспевающих, и любовию блажащих: Тебе бо и́мамы вси прибежище спасительное, и Ходатаицу к Нему: наследие бо Твое́, и рабы есмы́, Богородице, и к Твоему заступлению вси взира́ем.

Ексапостиларий 10, Богородичен

Кто потрудился постяся, кто во время прошедшего поста не оставался в праздности, но усердно трудился над делом своего спасения, да приимет ныне динарий,— получит в благодатных плодах Воскресения ту награду, какую обещал Бог добрым делателям (Мф. 20, 1-8)

Этой награды от Воскресшего Христа мы и желаем вам, дорогие братия и сестры, благотворители, благоукрасители и почитатели нашей Святой Псково-Печерской Обители и приветствуем всех вас Пасхальным приветствием:

Христос Воскресе!

Духовный Собор старцев и братия
Свято-Успенской Псково-Печерской Обители

СВИДЕТЕЛЬСТВО БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Но, может быть, кто-нибудь из нас в недоумении спросит: где же Святейшая Матерь Иисусова? Евангелисты совершенно молчат о Ней в своем рассказе о воскресении; но Она несомненно тут, между Апостолами, Она всегда неотлучно с ними пребывала.

Отчего же Ея незаметно? Отчего не говорит Она Апостолам о воскресении Сына Своего, о явлении Его Ей Самой? Отчего не спешит утешить их, укрепить веру их?

Оттого, что во всей Своей жизни Она соблюдала глубокую молчаливость, совершенное безмолвие и ничем не развлекаемое сосредоточение внутри Себя; таков был Ея характер, воспитанный полною верою и преданностью Богу: ни высочайшая радость, ни глубочайшая скорбь не могли изменить Ея безмолвия — сей постоянной черты Ея духа.

В Ней, при всей пламеннейшей любви к Богу Сыну, было и теперь то же глубочайшее, безмерное смирение, каким дышала Она всю жизнь Свою.

Молчала Она, когда обручник Ея Иосиф смятеся, зря к Ней небрачней и бракоокрадованную помышляя Непорочную; молчала Она, когда стояла при кресте Сына Своего; молчала Она всегда, слагая лишь в сердце Своем все дела и слова Его; молчала и теперь, сохраняя дивное воскресение Его в таинственной глубине сердца. Молчанием Своим ныне Она желала устранить Себя от всякого вида славы, явила новый опыт смирения, самого глубокого.

Смиренная Раба Господня предоставляла Самому Воскресшему открыть Себя, когда Ему будет угодно.

Можно думать, что Сам Господь не повелел Ей быть благовестницею воскресения.

Можно думать, что Господь предначертал допустить вначале неверие Апостолов, что Он не желал внезапной перемены мыслей и убеждений, но приводил к вере с премудрою постепенностию.

И благодаря Его предначертанию, первоначальное неверие Апостолов послужило во благо веры: слабость их явилась нашею силою; осторожность их стала твердым основанием христианской Церкви.

ТАК БЫЛИ ЕЩЕ КОСНЫ УЧЕНИКИ...

В то утро мог верить только Иоанн, который в словах мироносиц, и особенно Марии Магдалины и матери своей Саломии, находил подкрепление своей вере. Но все остальные упорствовали в неверии.

Петр, впрочем, восстав, побежал ко гробу опять посмотреть, не встретит ли там какого-либо нового удостоверения. Но, пришедши и осмотрев гроб, увидел то же, что и прежде, — только пелены лежащие.

Так и пошел он обратно, сам в себе *дивясь бывшему*. Шел он и, конечно, глубоко скорбел, что не только Господь, но даже и Ангел не явился ему, чтобы влить отраду в его горестно томящуюся и кающуюся душу. Правда, он не без некоторого утешения воспоминал слова Ангела мироносицам: *скажите ученикам и Петру*,— значит, Господь не разгневался на него совершенно и повелел Ангелу упомянуть о нем, ради его великого горя и покаянных слез.

Тем не менее, состояние духа его в это время было очень тяжелое; он думал, не по его ли вине нет явлений Господа никому из Апостолов?

И не в эту ли пору Милосердый Господь явился ему, в утешение и умиротворение сердца его? Весьма вероятно. Но как произошло это явление, об этом нет подробностей

в Евангелии. Известно только, что Господь явился Петру прежде, чем кому бы то ни было из Апостолов.

Так устроило правосудие Божие: кто первый исповедал Господа Христом, Сыном Бога Живаго, тот справедливо первый удостоился видеть Его Воскресшего. Явившись ему отдельно и раньше, чем другим Апостолам, Господь, конечно, изрек ему прощение за его троекратное отречение. Естественно, что Петр немедленно поделился своею радостию с Апостолами. И только после этого явления Господа Петру начали, наконец, уверяться Апостолы и стали говорить друг другу, что Господь воистину воскрес!

Но так как ученики Господа скрывались по разным местам, то не все они слышали рассказ самого Петра и далеко не все они видели и слышали всех мироносиц, и неверующие еще оставались.

Явились другие вестники воскресения. Евангелие говорит нам, что после того, как воскрес Господь, многие усопшие святые воскресли, вышли из гробов своих, вошли во святой град и явились многим. Без сомнения, этими воскресшими были недавно умершие праведные люди, известные остававшимся в живых жителям Иерусалима, которые могли узнать их и поверить их восстанию из гробов.

Но в то же время светлой вести явилось противоборство: явились многие завистливые люди, которым нужно было во что бы то ни стало опровергнуть воскресение.

НАВЕТНИКИ ВОСКРЕСЕНИЯ

Мы видели, что воины, бывшие при гробе, убежали в город. Можно предполагать, что некоторые из воинов, более смелые, несколько отбежавши, остановились невдалеке, в нерешительности, что теперь им делать; а заметивши приближение ко гробу женщин и затем Апостолов Петра и Иоанна, наблюдали скрытно, чем все это кончится.

А когда мироносицы уже возвращались от гроба, то некоторые из воинов, и, вероятно, старшие из них, по долгу службы, поспешили донести начальству о всем, случившемся на их страже. И так как они были поставлены при гробе первосвященниками иудейскими, то они и пошли к первосвященникам и рассказали им обо всем, чему сами были очевидцами: о явлении Ангела, отвалении камня, пустоте гроба и посещении его мироносицами и Апостолами.

Все это показалось чрезвычайно важным, страшным и нестерпимым для убийц Господа Иисуса. Потрясенные, недоумевающие, они поспешно собрали старейшин на совещание о том, как поступить в сем поразительном случае, как поскорее замять и потушить принесенную весть и не дать ей распространиться в легковерном народе. Видя, что одни только воины знают, как произошло чудо воскресения, первосвященники вынуждены были

прежде всего купить их молчание и тут же собрали им довольно денег, чтобы они никому о воскресении не говорили.

А рассказы воинов о посещениях гроба мироносицами и Апостолами дали им повод выдумать, что тело Иисуса украдено. И так как ничего другого не могли они второпях придумать, то они щедро подкупили воинов, чтобы те везде рассказывали, будто ученики Иисуса, пришедши ночью, украли тело Его, когда воины спали. А чтобы воины не боялись ответственности, им обещали подкупить и правителя...

Таким образом, первосвященники за деньги купили смерть Христа, за деньги же продали и Его воскресение. Золото восторжествовало над совестью. Вздорный слух о похищении тела Иисусова скоро пронесся по всему Иерусалиму, и неверные иудеи ему поверили.

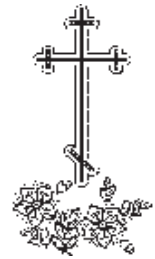
Но в таком случае, где же тело Иисуса? Почему оно не разыскано? Почему не призваны и не допрошены похитители? Иудеи ни о чем этом вовсе не заботятся. И о них справедливо восклицал вдохновенный певец воскресения: *или Погребеннаго да дадят, или Воскресшему да поклонятся!* И спросим еще: возможно ли было даже поверить нелепому слуху о похищении тела? *Как можно было украсть Его,*– спрашивает иудеев святитель Московский Филарет,– *когда вы окружили Его гроб воинами?* «Они спали»,– говорят иудеи. Военные стражи спали? Так, по мнению иудеев. Неужели все до одного? Так. Неужели ни один не проснулся, когда для взятия тела необходимо было отвалить камень, велий зело, для чего потребно было несколько человек и что не могло быть без шума? Ни один не проснулся. Но кто же свидетельствует

о том, что тело украдено? Те же стражи. Как? Те же стражи, которые спали и не проснулись, свидетельствуют о том, что произошло во время сна их и чего они не слыхали? Кто может иметь дерзость разглашать такую басню? Неверующие иудеи. Кто может иметь безумие верить ей? Неверующие.

Спросим еще: как могло статься, чтобы ученики Иисуса, которые при первом виде предстоящей Ему опасности, обратились в бегство, как могло статься, чтобы они решились на дерзкое и безполезное предприятие украсть тело умершего Учителя своего из гроба, запечатанного и окруженного стражей по повелению правительства?! И на что им нужен был мертвый, им, робким и беззащитным, как овцы без пастыря?

Неверие ни о чем этом не рассуждает; оно мчит по всему свету слова, которые ему нравятся потому только, что они дышат неверием.

Но если стало известно, что сделано похищение из-за плохой стражи, из-под печати правительства, то преданы ли суду стражи? Отнюдь нет! Военный начальник стражей ни о чем не заботится, стражи безпечальны, им даже дали довольно денег. И слух о похищении тела Иисусова пошел колесить между иудеями. Как ни был ложен этот слух, Апостолы могли встревожиться и бояться, что кровожадные начальники иудейские предадут их суду за злонамеренную кражу. Вот почему одни из Апостолов ушли в тот день из Иерусалима, а другие собрались вместе в одном доме и заперли двери, опасаясь нашествия иудеев.



СЕРДЦЕ НАШЕ ГОРЕЛО В НАС

Но Воскресшему Господу угодно было в тот же день окончательно утвердить веру их другими явлениями. Два ученика Христовых, не принадлежавшие к числу двенадцати: Клеопа, чье имя названо в Евангелии, сродник Господень, а другой, по преданию, Лука, писатель Евангелия, умолчавший о своем имени по смирению, вышли из Иерусалима в недалекое селение Еммаус.

Можно предполагать, что ввиду большого стечения народа в Иерусалим на праздник Пасхи многие из иудеев, особенно бедные, жили в окрестностях города, между прочим, и в недалеком Еммаусе, откуда легко было посещать Иерусалим до конца праздника. В Еммаусе, по древнему преданию, был дом Клеопы, который мог пригласить к себе Луку, уроженца отдаленной Антиохии.

Вышли они из Иерусалима, оба зная лишь то, что тела Господа не оказалось во гробе и что явившиеся мироносицам Ангелы называли Его живым. О явлении Самого Господа Марии Магдалине, мироносицам и Петру они еще не слыхали, и поэтому более прочих нуждались в утеше-

нии. Идут они и разговаривают между собою о страдании Христа, о Его распятии, о Его погребении, наконец, о Его воскресении, которому их любящее Христа сердце желало бы верить, но которому нераскрытое разумение их верить еще боялось.

И вот, когда они беседовали и предлагали друг другу вопросы и недоумения, они видят, что подходит к ним, по-видимому, незнакомый им путник; подходит и идет с ними рядом, вслушиваясь в их беседу. Это был Сам Господь Иисус. Но так как они не могли сразу принять радость внезапного явления, то Он явился им в ином образе, то есть существенно измененном смертию и воскресением, так что они, в своем смятенном состоянии духа, видя знаемого ими Учителя, не узнавали Его.

Он не дал им узнать Себя, без сомнения, по предусмотрению, что внезапность открытого чудесного явления не только поразила бы их душевные и телесные силы, но и сделала бы их неспособными принять наставление, которое Он намерен был преподать им. От собственного их разговора Он заимствовал случай изложить и истолковать им предречения и предзнаменования Священных Писаний о Его страдании, смерти и воскресении. Он изъяснил им, что распятие Его не должно служить для них соблазном, ибо оно — необходимое спасительное дело. Он доказал им необходимость страдания и воскресения, чтобы войти Ему в славу на земле и на небе. И в то же время тайным действием Своей Божественной силы Он возжег в сердцах их святой огонь благодатного утешения.

Беседа Его была продолжительна (селение Еммаус отстояло от Иерусалима на 10 с лишним верст). Ученикам сладко было слушать слова Его; их сердце разгоралось;

они чувствовали, что Он рассеял их недоумения и утвердил их колебавшуюся веру.

Так они дошли до Еммауса. Между тем день склонялся к вечеру. Утешенные ученики просили Собеседника зайти к ним и вечерять у них. Он вошел с ними в дом, возлег с ними за трапезу и, в награду за их скорбь о Страдальце, за их любовь к Учителю, за их желание упокоить, почтить угощением Странника, Он, благословляя и преломляя хлеб, даровал им совершенную радость узнать Его. Может быть, ученики заметили язвы на руках Его и увидели Его Самого в свете воскресения.

Сие осияние было мгновенно, и Он вдруг перестал быть видим, потому что уже совершилось действие, благотворное для них. Обрадованные путники, не довольствуясь своим счастьем, поспешили разделить его с другими учениками Христовыми. Немедленно и спешно пошли они обратно в Иерусалим, несмотря на поздний вечер.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПОКОБО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Тираж 2000 экз. 2003 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 519

Выпуск 5

С Светлым Христовым Воскресением!

Яко в последняя лета, сущу позде от суббот предстал еси другом Христе, и чудесем чудо извествуеши, заключенным входом дверным, еже из мертвых Твое Воскресение; но исполнил еси радости ученики и Духа Святаго преподал еси им, и власть подал еси оставления грехов и Фомы не оставил еси в неверствия погружатися бури; темже подаждь и нам разум истинный, и оставление прегрешений, Благоутробне Господи.

Евангельская стихира девятая

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Если кто успел прийти только в одиннадцатый час, кто вышел на делание Божие очень поздно, стал пещись о спасении души своей уже в старости, и тот да не страшится замедления; ибо Домовладыка, любя честь и будучи щедр, приемлет и последнего, как первого, успокаивает и пришедшего в единонадесятый час, как трудившегося с первого часа, воздавая всем должное. И первому удовлетворяет, награждая его по справедливости, и последнего милует, по снисхождению, и одному дает заслуженное, и сему дарствует по благости Своей; и добрая дела приемлет с радостию, и благое намерение целует с любовию, и деяния чтит как должно, и доброе расположение хвалит. Сего добраго воздаяния от Воскресшего Христа, Спасителя нашего, желаем всем вам, дорогие братия и сестры, благотворители, доброжелатели и почитатели нашей Святой Псково-Печерской Обители! Всех вас поздравляем с Великим Праздником Светлого Христова Воскресения!

ВОИСТИНУ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Духовный Собор старцев и братия
Святой Псково-Печерской Обители

ЯВЛЕНИЕ АПОСТОЛАМ

А в Иерусалиме к вечеру, когда улицы города уже пустели, робко собрались все Апостолы и ученики Христовы в одном месте. Только Апостола Фомы почему-то не было в собрании, но, без сомнения, по воле Божией, чтобы на нем впоследствии еще более утвердилась непостижимая истина воскресения.

Двери собрания были заперты, *страха ради иудейска,* т. е., чтобы кто-нибудь из врагов Господа не вошел к ним с дурным намерением и не услышал их разговоров. Но не страх собрал Апостолов; страх рассеял бы их по разным, для каждого более надежным тайным местам, а не повел бы всех в одно место, всем им известное и по сему самому не довольно скрытое и от других. Какая же сила собрала их в одно место, и притом не совсем безопасное? Конечно, еще не угасшая вера и особенно живая, сильная любовь к распятому Учителю, которая в общении с любящими Его искала облегчения скорби и подкрепления веры.

И ученики беседовали о том, что было утром, что в продолжение дня, кому, как и где являлся Господь. Рассказы повторялись не один раз. Было уже поздно. Уже оканчивалась вечерняя трапеза. Как вот входят емма-

усские путники и сообщают всему собранию о своем чудесном удостоверении в воскресении Христовом. Слушая их, одни радостно говорили, что Господь истинно воскрес и явился Апостолу Петру; а другие, которые сами еще не сподобились видеть Воскресшего, не поверили и еммаусским очевидцам.

Явления одиночные, явления в местах отдаленных не удовлетворяли целого общества, истомленного ожиданием; оно все желало подобной встречи со своим Учителем. Ученикам Господа нужно было увериться в воскресении явлением и словами Самого Воскресшего, нужно было для того, чтобы им быть свидетелями-самовидцами и провозвестниками великой истины для всего мира. И воздыхания их любви услышала Его любовь: Он явился им Сам.

Еще продолжалась в заключенной храмине беседа, как вдруг собеседники заметили, что среди них стоит Некто, Кого доселе не было.

Мир вам! — произносит знакомый голос. Легко представить, какой страх и вместе радость овладели всеми. Все ждали и желали сего явления, но, встретив Его лицом к лицу, смутились, испугались, молчали. Тело Господа было так духообразно, а вид Его так небесен, Его окружало такое Божественное величие, самый образ явления при запертых дверях был так чудесен, что ученики невольно думали, точно ли это их Воскресший Учитель с Своею плотию?

Не дух ли только Его, пришедший с неба посетить их на время? И при мысли о явлении из другого мира сердце трепетало от страха, а глаза все-таки не могли оторвать-

ся от возлюбленного Образа. Недоумение, ужас и радость — все смешалось.

Чтоб успокоить мнительных, Господь сказал им: *Что смущаетесь? И для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня* (Лк. 24, 38-39). И, сказав сие, показал им руки и ноги, и ребра Свои. Ученики глубоко обрадовались, увидев Господа. И радость их была так велика и поразительна, что они не верили своей радости и, не доверяя самим себе, сомневались в действительности того, что видели собственными глазами.

И им, не верующим от радости и удивляющимся, милостивый Господь дал их чувствам новое доказательство Своего воскресения. Он сказал: *есть ли у вас здесь какая пища?* Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И Он, взяв, ел пред ними. Сомневаться, не верить стало уже невозможно (Заметим при сем, что если Он теперь принимал пищу, то, без сомнения, это происходило как-нибудь чудесно, происходило не потому, что естество Христово еще нуждалось в пище, но по снисхождению к колеблющимся ученикам, для доказательства воскресения).

Итак, Господь не требовал доверия безусловно: нет, пусть и глаза видят, и руки осязают, пусть все чувства учеников познают истину Его воскресения. Вместе с тем Господь кротко *упрекал их за неверие и жестокосердие, что видевшим Его воскресшего не поверили* (Мк. 16, 14).

Господь напомнил им, что Его воскресение, столько приводящее их в недоумение, не должно быть для

них чем-либо новым и неожиданным, ибо теперь совершилось то, что не раз было предсказано Им прежде. Он сказал им: *вот то, о чем Я вам говорил, еще быв с вами, что надлежит исполниться всему, написанному о Мне в законе Моисеевом и в пророках и в псалмах* (Лк. 24, 44).

Но ученики еще мало способны были понимать Писание. Надлежало не только раскрыть пред ними Писание, но раскрыть и самый ум их для разумения Писаний. И Господь предложил им изъяснение пророчеств о Нем, и этой беседою, этим раскрытием и просветлением ума к ясному пониманию Писаний окончательно утвердил их веру в Его воскресение. Ученики сами увидели теперь, что так, именно так надлежало пострадать Христу и воскреснуть из мертвых в третий день.

Заметим при этом разницу в действиях Господа Иисуса по отношению к мироносицам и по отношению к Апостолам: при явлении Своем мироносицам Он действует прямо и единственно только на сердце их, а при явлении Апостолам — на ум, беседуя, совопрошая, порицая, убеждая и переводя убеждения ума в теплоту сердца. Таким образом, жены-мироносицы уверовали с первой минуты воскресения, а Апостолы уверовали с первого дня.

И когда все было успокоено и уяснено, Господь Иисус произнес им вторично: *Мир вам!* Вы должны быть (сказал Он в заключение беседы) свидетелями всех сих событий. *Как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас* (Лк. 20, 21). Апостолы Христовы должны теперь проповедовать вместо Него, идти в мир от лица Его и покорять людей воле Его.

Какая необычайная власть и какой труд дается Апостолам! А какие пособия у них для этого дела? Обыкновенных никаких нет. Ученики Господа незнатны, неучены и бедны. Но Господь при сем сообщает им Божественную силу Своим дуновением. Он дунул и говорит им: *Приимите Духа Свята. Кому простите грехи, тому простятся. На ком оставите, на том останутся* (Ин. 20, 22-23).

Сим действием и словом Он посвятил их в Апостольское служение и дал благодать отпускать грехи. Это дарование Духа было лишь преддверием обильнейшего излияния Его в день Пятидесятницы, когда Апостолам сообщен был и *дар языков*.

И ныне было действительное сообщение Духа Святого: Господь сказал — и совершилось. Он дал — и ученики приняли. Последними словами Господа завершилось Его первое явление всем вместе ученикам. Господь вдруг стал невидим.

Христос Воскресе!
Вистину Воскресе!

БЛАГОВЕСТНИКИ

Ученики были безмолвны, сначала — от смущения, потом — от радости и благоговения пред Господом. Такое высокое состояние, граничившее с восторгом и восхищением небесным, еще не переживалось Апостолами. Чудо воскресения стало настолько несомненным для них, что они впоследствии всенародно называли себя *свидетелями воскресения* (Деян. 2, 32; 3, 15), и радость их была безгранична.

Они радовались, потому что рассеялись их тяжелые сомнения об участи Господа; радовались, так как увидели живым Того, Кого любили всем сердцем; радовались, так как ожили лучшие их надежды на Него. Слушая речи Его теперь, они должны были убедиться в том, что так никогда не говорил человек. Они уверились в том, что Учитель их — Владыка жизни и смерти, что Он — обетованный Христос, что Он — Истинный Господь и Бог, Владыка неба, земли, ада, времени и вечности.

И вместе с тем они поняли, что кончилась прежняя и началась новая жизнь Христа. Он уже не жил с ними, как

простой человек, хотя и пребывал около них и с ними невидимо. Пребывал невидимо всегда, но являлся им только по временам. Он не приходил, но являлся, не уходил, но становился невидимым. Он являлся и скрывался, когда Ему было благоугодно, являлся вдруг, мгновенно и *в ином образе*, и также мгновенно делался невидимым. И никто не мог знать, откуда Он пришел или куда пойдет. И хотя Он являлся ученикам в некоторой чувственно материальной телесности, но Его телесность не подлежала более физическим законам и ограничениям.

И Апостолы могли тогда сказать о себе словами св. Павла: *аще и разумехом Христа по плоти, ныне же ктому не разумеем* (2 Кор. 5, 16). Или иначе: мы знали Его со всеми немощами естества человеческого, ныне же созерцаем Его одеянным славою нетления...

Мир вам! — неоднократно говорил Господь. В устах Воскресшего это приветствие необыкновенное. Где Он был? Откуда возвратился? Какой мир принес Он?

Он был на Кресте, был во гробе; сквозь двери гроба нисходил во ад, где освободил души, чаявшие Его пришествия; возносился на небеса, показался Ангелам, как Искупитель человеков, отверз рай разбойнику (исповедавшему Его на кресте Господом) и всем праведникам Ветхаго Завета; был на престоле со Отцом Небесным, никогда не разлучаясь с Ним по Божеству и представ Ему теперь как вечный Ходатай за мир человеческий.

Итак, Он от Бога Отца пришел и принес от Него мир и дарует его людям в лице Своих Апостолов. Какой же мир?

Мир вам: враг поражен и связан, Отец Небесный умилостивлен, грех прощен!

Мир вам! — говорил Он прежде всего Апостолам, потерявшим тогда мир духа. Грозные недоумения возмущали их умы и обуревали сердца. Господь принес им мир внутренний, мир сил душевных, мир победительный, блаженный мир, которого уже не отнимет у них никто и ничто. И этот мир человека с Богом и собственной совестью своей должен был через Апостолов разлиться по всему человеческому верующему миру.

Господь облекает Своих Апостолов властью повсюду водворять мир, они передадут это высокое право своим преемникам, и таким образом на все века достанет мира, принесенного и дарованного людям Господом Воскресшим. Служители Божии и ныне от Апостольских преемников облекаются властью умирять нашу совесть и сердце и обновлять союз наш с Богом. Их власть отпускать грехи есть тот самый дар Духа, который даровал Апостолам Воскресший Господь. О, сколько благ проистекло из воскресения Христова для всего мира и на все века!

Торжествует вера, ибо Господь непреложно засвидетельствовал истину Своего воскресения: в течение одного первого дня Он пять раз являлся Своей братии; явившись собранным ученикам, беседовал с ними и призывал их не только осмотреть пронзенные руки, ноги и ребра Свои, но и осязать Его.

Торжествует надежда, ибо если Христос воскрес, то и мы воскреснем некогда, и будем всегда с Ним, если будем поступать так, как поступал Он. Он сказал последователям Своим: *идеже есмь Аз, и вы живы будете. Аз живу, и вы живы будете. Кто в Меня верует, тот имеет жизнь вечную* (Ин. 14, 3, 19; 3, 16). И слово Его твердо. В

нас самих, в каждой душе есть неистребимое желание и непременное, присно живущее чаяние вечной жизни.

Торжествует любовь, ибо благодатный союз между Творцом и человеком восстановлен и утвержден непоколебимо. Чего желать нам более, когда Сам Воскресший Господь называет людей братьями Своими: *Поди к братиям Моим,*– говорит Он Марии. Итак, *радуйтесь, усовершайтесь, утешайтесь, будьте единомысленны, мирны, и Бог любви и мира будет с вами* (2 Кор. 13, 11).

Вот вам пасхальное приветствие, которое говорят вам Апостолы! Пусть же слова: *Христос воскресе* – будут не только обрядовым приветом вашим ближнему, но всегдашней мыслью души, памятью сердца на каждый час и миг вашей жизни!

Святитель Феофан Затворник

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПОКОБО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Тираж 2000 экз. 2003 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 520

Выпуск 6

Со Святым и Светоносным Днем Преславнаго и Спасительнаго Христа Бога нашего Воскресения!

О премудрых судеб Твоих, Христе! Како Петру убо плащаницами единеми, дал еси разумети Твое Воскресение: Луце же и Клеопе спутешествуя, беседовал еси; и беседуяй не абие (не тот час) Себе являеши; темже и поносимь бываеши, яко един пришельствуяй во Иерусалим, и не причащаяйся в конец совета их, но иже вся к создания пользе строя, и иже о Тебе пророчествия открыл еси, и внегда благословити хлеб познался еси им, ихже и прежде того сердца к познанию Твоему распаластася, иже и учеником собранным уже ясно проповедаста Твое воскресение, имже помилуй нас.

Евангельская стихира пятая

Христос Воскресе!

Все войдите в радость Господа своего. И первые и последние, примите мзду (награду) от Милосердого Владыки! Богатые и бедные, ликуйте друг с другом, как дети одного Отца Небесного. Трудящиеся и ленивые в деле спасения своего, почтите настоящий день всемирного торжества! Постившиеся и непостившиеся, возвеселитесь ныне, когда Небо и земля радуются, и празднует вся тварь. Все насладитесь пиршеством веры, все пользуйтесь богатством благости Божией! Никто не жалуйся на бедность, ибо для всех открылось Царство Небесное, в котором уготовано верующим богатое наследие. Никто не плачь о грехах своих, ибо из гроба Спасителя возсияло прощение всем грешникам, желающим получить оное. Никто не страшись смерти, ибо от неё освободила нас смерть Спасова, если только мы снова не поработимся ей грехами. Ее истреби объятый ею Жизнодавец! Он первый воскрес, как Глава, а потом возстанут и все члены Его — верующие в Него и видящие в себе животворный дух Его (1 Кор. 15, 21-23; Рим. 8, 11). Да будет же Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Во дни празднования Светлого Христова Воскресения сими душеспасительными словесами к вам обращаемся, дорогие братия и сестры, благотворители и почитатели нашей Святой Псково-Печерской Обители и поздравляем всех вас с Великим Праздником Святой Пасхи.

ВОИСТИНУ ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Духовный Собор старцев и братия
Псково-Печерского монастыря

ПРЕВЗОШЕДШИЕ МУЖЕЙ

Евангелие говорит нам, что первые увидели Воскресшего Господа женщины, им являлись Ангелы, им явился Сам Господь — раньше, чем кому-либо из всех Апостолов. Почему так? Прежде всего это было в награду св. женам за их веру глубокую, за их мучительную скорбь при Кресте, за их крепкую любовь, пусть к умершему и положенному во гроб Христу. Любовь повлекла их ко гробу Его и привлекла к себе любовь Его, и Он явился им Сам.

Женщины служили Ему имением своим, служили без всякой надежды на возмездие от Того, Кто не имел где преклонить голову (Мф. 8, 20). Женщина принесла и последнюю при жизни Его жертву любви, помазав драгоценным миром Его голову и ноги. Женщины неотступно стояли при Кресте Господа, тогда как ученики Его бежали и скрылись, где кто мог, исключая одного только друга Христова — Иоанна. Женщины были при погребении Господа и сидели против гроба до самой той минуты, как привален был ко гробу камень. Женщины первые пришли ко гробу Его, между тем как ученики (исключая Петра и Иоанна) едва к вечеру робко собрались в одном доме и сидели запершись. Кроме того, была и другая причина, по которой женщинам даровано первенство в явлениях Воскресшего Господа. Жена из уст змия лукавого приняла первую ложь, и жена же из уст Самого Воскресшего услышала первая радостную истину, дабы та, чья рука растворила смертное питие, та же подала и чашу жизни.

БЕЗМОЛВНЫЕ СВИДЕТЕЛИ ВОСКРЕСЕНИЯ

Святитель Московский Филарет обращает наше внимание и на самые ризы Господни, оставшиеся во гробе, т. е. на ту плащаницу, которой при погребении обвито было тело Его, сударь, или платок, который был на главе Его, и препоясание, которое было на Нем во время Его распятия.

Что значит то, что Воскресший Господь оставил и сохранил ризы Свои во гробе, чтобы их видели? Это значит то, что и ризы Господа должны быть в числе свидетелей Его воскресения. Иудеи говорили, что тело Господа украдено учениками/ Магдалина сначала думала (и, вероятно, ученики тоже), что тело Господа кем-то перенесено. Но вот ризы Его вопиют против клеветников и вразумляют рассуждающих погрешительно.

Есть ли время у похищающего тело развивать плащаницу и сударь и опять свивать их и укладывать порознь в порядке? Плащаницу нужно было бы не развивать, а сдирать с тела с усилием, так как смирна была липкая и, как свинец, прикрепляла плащаницу к телу.

Но какая нужда переносящему погребенное тело обнажать оное, когда, напротив, и обнаженное надлежало одеть, как для удобнейшего перенесения, так и сообразно с мнением иудеев о прикосновении к мертвым?

Таким образом, и безмолвные ризы Господа проповедовали Его воскресение.

О ТЕЛЕ СЛАВЫ ЕГО

Приникнем и к тайне, которой облечено тело Воскресшего Господа. В каком поразительном для нашего зрения образе является Воскресший Господь! Он существующий и невидимый, видимый и неузнаваемый, узнаваемый и снова незримый, проходящий сквозь затворенные двери и принимающий пищу...

Апостолы не менее нас изумлялись этим непостижимым явлениям, но добросовестно записали их так, как видели; значит, так было на самом деле! Человеческий ум никогда не поймет этих явлений. Они принадлежат самой природе воскресшего тела Христова. Святая Церковь исповедует, что Христос *из гроба плотски всем возсия* (канон Св. Пасхи, песнь 7), *возсия, просияв солнца светлее* (п. 9), *прекрасно из мертвых возсиявший днесь* (п. 4). Господь воскрес в том же теле, в котором обитал Его дух во время Его земной жизни, но это тело стало прославленным, одухотворенным, облеклось в нетление и бессмертие. В теле духовном, образующемся из вещественного, преобразуются земные начала в небесные, грубые — в тонкие.

В самой природе наблюдаются необозримая постепенность в восхождение грубого к более тонкому, к неуловимому. Свет проходит сквозь стекло, вода — сквозь дерево, огонь проникает железо, медь, серебро, золото — тела самые плотные. Преображенное и прославленное тело Господа, духовное, неземное, небесное, не поражало, однако, светлостью, как на Фаворе, но издавало столько Божественного света, сколько вмещали оземленелые очи учеников Его. Телесность Воскресшего Господа была сверхчувственная. И такая телесность является существенной принадлежностью Его явлений.

Тело Воскресшего Господа отчасти подобно нашему земному телу: видится глазами, осязается руками, принимает пищу, а отчасти является совсем другим: проходит сквозь запертые двери, появляется и скрывается мгновенно. Заметим при сем,

что прославленное тело Христа являлось столь тонким и легким, что было доступно осязанию только по снисхождению к смертным человекам. По воскресении Христос ел и пил не в силу необходимости — тогда тело Его уже не нуждалось в этом — а для удостоверения в воскресении.

И наше тело должно некогда достигнуть подобия прославленного тела Христа Спасителя (Рим. 6, 5; 1 Кор. 15, 49; Фил. 3, 21). Явления Иисуса Христа по воскресении убеждают нас, что, кроме настоящего, видимого нами мира, несомненно, существует еще другой, не видимый для нас теперь мир, таинственный, но некогда он откроется пред нами во всем своем величии и вместит в себе достойных. И этот мир, высший, духовный, не изменяющийся, не просто существует возле нашего мира, но окружает его со всех сторон и проникает его, и действует в нем, и воздействует на него всюду и всегда...

ЗНАЮ, ПОТОМУ ЧТО ВЕРЮ

Почему же Господь по воскресении своем не явился тотчас иудеям? Так спрашивали многие еще во времена св. Златоуста. Богомудрый святитель называл этот вопрос тщетным и суетным и утверждал, что иудеи не поверили бы Самому Воскресшему: до такого ожесточения они были самолюбивы и завистливы. Не убедились же они в Божестве Иисуса воскрешением Лазаря, уже смердевшего и тлевшего, но раздражились и даже собирались Его убить. Явления Воскресшего были именно такие, которых нужно было удостоиться; нужно было заслужить эту радость. А враги Христовы не были этого достойны и не были к этому способны. Они не поверили бы Воскресшему и при всенародном Его появлении, они стали бы говорить, что Явившийся или не умирал, или ожил не Божественною силою, и еще с большим неистовством восстали бы против Него, хотя, конечно, совершенно ничего не могли бы Ему сделать.

Желая избавить их от напрасного неистовства, от новой вины, Господь не явил им Себя. Изводил Он Апостолов из Ие-

русалима на гору Елеонскую в день вознесения, иудеи же недостойны и неспособны были узреть Его прославленное человечество. Господь не явил им Себя, потому что они Его не любили, но Он оставил им непререкаемое свидетельство Своего воскресения — чудеса, которые явно, при всех творили Апостолы по Его воскресении и вознесении, творили единственно Его именем. Эти чудеса вполне могли доказать истину воскресения. Пять тысяч душ обратились ко Христу после исцеления Петром человека, хромого от рождения, но иудейские начальники не уверовали!

Кроме того, если бы Христос явился народу, тогда народ увидел бы, что обманут своими начальниками, которые заставили его отказаться от Христа, и восстал бы против них, и могло бы возникнуть величайшее возмущение. Не изменив своих земных надежд на Мессию, народ тотчас потребовал бы воцарения Иисуса и свержения власти римской. Самые Апостолы, все еще мечтавшие о царстве израильском, легко пристали бы к народу и не готовы были бы идти на всемирную проповедь.

Наконец, если бы Господь явился народу только в Иерусалиме, многие бы сказали: отчего же не явился Он и во всех других городах Иудеи и Галилеи? Как уверовал бы в Него весь мир потому только, что все иудеи видели Его в то время воскресшим?! Были же иудеи, которые через 500 с лишком лет по воскресении Христа требовали от святого Григория, архиепископа Омиритского (память его 9 декабря): покажи нам Христа живого, и мы уверуем в Него. Святитель умолил Господа явиться им. Но кто же будет так дерзок, чтобы желать этого явления постоянно!

Вера не требует такой очевидности. *Блаженны не видевшие и уверовавшие,*— говорит Сам Христос (Ин. 20, 29). Не видя Христа, веруй в Него, люби Его, и будешь радостен, и будешь не только радоваться *радостию неизреченною и преславною* (1 Пет. 1, 8), но будешь блажен. А это, без сомнения, есть нечто высшее мгновенных восторгов и всякой радости: в блаженстве ты сердечным оком узришь Христа. Господь дает мысли свободу доходить самой до спасительной веры, позволяет испытывать истину; но в то же время Он внушает, что любовь к

Нему незримому — самый благонадежный путь к Нему. Господь ощутительно является не холодному анализу рассудка, но теплоте сердечной, любви христианской.

Лучшим доказательством воскресения Христова, и нашего воскресения со Христом, и самого бытия Божия служит благочестивая христианская жизнь. И для всего мира довольно немногих свидетелей воскресения, немногих, но облеченных силою свыше. Вполне довольно тех плодов их проповеди и чудес, какие являются и будут являться во все последующие века, особенно в конце времен и даже в бесконечной вечности.

Для нас, слава Богу, истина воскресения Христова представляет столько многосторонних жизненных свидетельств, что сияет ныне, как солнце. А коль скоро утверждена истина воскресения, то сим самым утверждена истина всего, что творил и чему поучал Господь наш. Ничто так прямо не ведет к мысли и к удостоверению о Божестве Иисуса Христа, и к вере в Него, как Его воскресение! Оно явилось и завершением дела любви, и печатию Его силы и истины.

Слава и благодарение воскресшему Христу Богу нашему, что Он Свое спасительное воскресение явил нам очевиднейшим образом и дал ему достовернейших свидетелей. Слава утвердившему Своим воскресением Свою веру и Свою Церковь. О, Любовь Воскресшая! О, Любовь Вечная! Первая весть Твоя по воскресении — весть о прощении грешника. О, как грешнику не любить Тебя! (Ин. 20, 22-23; Лк. 24, 47).

Пойдем, грешники, вместе с мироносицами к воскресшему Иисусу и припадем к стопам Его, со слезами радости и благодарности. Он — наш Учитель и Благодетель, и Брат, и Друг. Он не отринет нас; Он вознесся от земли, но обещался,— о, любезное и сладкое обещание! — обещался быть с нами, земными во вся дни до скончания века (Мф. 28, 20; канон Пасхи, песнь 9).

О Господи Иисусе Христе, Спасителю наш воскресший! *Приближися нам,*— хотя бы на дни радости о Тебе,— *приближися, везде Сый, якоже со Апостолами Твоими всегда еси, сице и Тебе желающим соедини Себе, Щедре,* приблизься, и обрадуй сердца наши, и даруй мир Твой, превосходящий всякий ум, повей на нас живою верою и деятельною любовью, и помилуй нас молитвами Пречистыя Твоея Матери и свято возлюбивших Тебя жен-мироносиц и Апостолов Твоих. Аминь. *(Читается на третьем часе в Великом Посту).*

Святитель Феофан Затворник

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г., тир 1000 экз., 2003 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 521

9 (22) марта)
2003 года

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

СЛОВО
Архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия в день памяти святых 40 мучеников Севастийских

СЛОВО
Архиепископа Псковского и Великолукского Евсевия в день памяти святых 40 мучеников Севастийских

Ваше Высокопреподобие, честные отцы, возлюбленные о Господе братия и сестры, всех вас сердечно поздравляю с престольным праздником в честь святых 40 мучеников, пострадавших в Севастии за имя Христово. Сегодня у нас престольный праздник. Сегодня торжество нашей веры. Сегодня торжество у всех нас, православных христиан, потому что мы чтим сегодня героев, подвижников, мучеников, пострадавших за имя Христово, проявивших твердость в вере и любовь к Господу. Это и есть условие спасения всех нас. Имей любовь чистую, неподдельную любовь ко Господу нашему, к людям нашим, имей твердую, непоколебимую веру православную.

Когда мы совершаем память святых 40 мучеников, мы переносимся в начало IV века, в 313 год. Именно в 313 году был подписан императором Константином Великим эдикт о свободе исповедания христианской веры. Но несмотря на это, отдельные правители продолжали гонения на верующих во Христа.

Так случилось и со святыми воинами Севастийскими. Они служили у соправителя Константина Великого Лициния, коварного и лицемерного, подписавшего эдикт о свободе православной веры, но на самом деле остававшегося непримиримым язычником, от которого пострадал также и святой мученик Димитрий Солунский. Языческий мир не мог смириться с вселенской христианской

верой. Язычники были убеждены в своей пагубной вере, и они ее отстаивали. И когда началась проповедь о Христе, то эту проповедь и проповедников стали гнать и уничтожать. Так случилось со святыми, ныне прославляемыми 40 мучениками Севастийскими. Они дерзновенно исповедовали веру во Христа Спасителя, и когда им было предложено изменить христианской вере, отречься от веры во Христа, то они предпочли лучше принять мученическую кончину, чем изменить своим убеждениям, чем изменить Христу, потому что знали: Господь есть Спаситель, Он есть Свет, что грядущего за ним Он не отгоняет, а спасает, что через веру во Христа открывается дверь в храмы Господни.

Эта вера и стала их свидетельством на суде перед правителем. Когда они заявили: «Мы христиане, идолам не поклонимся, делайте с нами что хотите»,– их морозной ночью держали в ледяной воде в Севастийском озере, а потом усекли мечом и сожгли их тела. С того времени святая наша церковь Христова чтит их святую па-

мять, чтит за то, что они проявили верность Богу и любовь к Нему, и за то, что они стали примером для подражания многим-многим верующим христианам в стойкости в вере и любви ко Господу. И сегодня мы обращаемся к ним с молитвенной просьбой, чтобы по их молитвам Господь утвердил в нас веру православную и любовь ко Господу.

А любовь – превыше всего. Именно она и двигала на подвиг многие-многие тысячи, а может, миллионы верующих во Христа, именно любовь неподдельная, жертвенная любовь к Богу и ближнему. Мы сегодня слышали слова апостола Павла, который сказал, что «ничто не может меня отвратить, отлучить от любви Божией: ни смерть, ни теснота, ни гонения, ни скорбь, ни высота, ни глубина, ни настоящее, ни будущее, ни грядущее – ничто не может меня отлучить от любви Христовой». Ибо он знал, что любовь есть совершенство всей жизни и земной, и небесной.

Возлюбленные о Господе отцы, братия и сестры, совершая память святых мучеников, хотелось бы призвать и всех вас, чтобы и нам не изменить нашей православной вере, чтобы и нас Господь утвердил в любви к Нему, к нашей святой Православной Церкви, чтобы никакая сила не могла бы нас отлучить от любви Божией, чтобы и мы имели горячие, твердые, непоколебимые, верные сердца, подобно святым 40 мученикам Севастийским, чтобы и нам иметь твердость в наших убеждениях и в нашем служении, чтобы и нас Господь не лишил Своего утешения и здесь, на земле, и даровал бы и нам нетленные венцы в Небесном Царстве. Аминь.

С праздником вас, дорогие мои, доброго вам здоровья и благополучия, и от Бога утешения и радости.

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Тираж 1000 экз.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 522

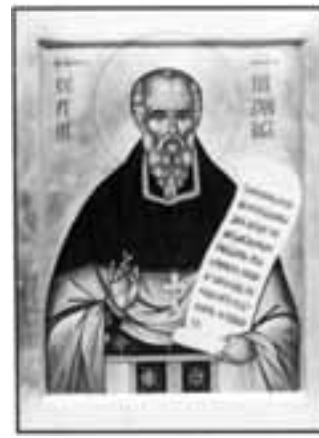
Священноисповедник

Сергий Касимовский

И ЕГО ЗАВЕЩАНИЕ

...Итак, встанем, возьмем свой крест и пойдем за Христом. И пойдем твердой поступью, решительно и не оглядываясь назад, помня слова Спасителя: никто, возложивший руку свою на плуг, и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия (Лк. 9, 62). И как только мы начнем свой крестный путь, немедленно, тотчас же нам готова помощь. Невидимо и неслышно подойдет к нам наш Господь и Учитель, и подставит Свое плечо под наш крест, и пойдет вместе с нами — и таким легким покажется нам крест наш, и так радостно будет нести его.

Из завещания детям



Священноисповедник

Сергий Касимовский

и его завещание

Протоиерей Сергий Анатольевич Правдолюбов родился 13 июня 1890 года в селе Маккавееве Касимовского уезда Рязанской губернии в семье учителя Касимовского Духовного училища Анатолия Авдеевича Правдолюбова (впоследствии протоиерея Успенской церкви города Касимова). Род Правдолюбовых был священническим со старинных времен, по некоторым записям и преданиям священники Правдолюбовы известны с середины XVIII века. Уже в первом выпуске Рязанской Духовной семинарии 1817 года числился Феодор Правдолюбов.

Сергей получил образование в Касимовском Духовном училище, Рязанской Духовной семинарии и Киевской Духовной академии, которую окончил в 1915 году с присуждением ученой степени кандидата богословия.

В 1915 году поступил на должность псаломщика в Киеве. В том же году стал священником Спасской церкви в слободе Кукарке Вятской епархии. Рукоположен был епископом Вятским Никандром 26 октября старого стиля.

В 1919 году был назначен настоятелем Троицкого собора в слободе Кукарке (город Советск Кировской области) и назначен благочинным 1-го округа Яранского уезда Вятской епархии.

Чудом остался жив при следующих обстоятельствах. В город пришел карательный отряд латышских стрелков. Ночью пошли с рейдом по городу, арестовывая и расстреливая на ходу самых влиятельных людей города. Подошли к собору и, разбудив сторожа, потребовали сказать, в каком доме живет "главный поп". Сторож показал на дом старого настоятеля, который был в весьма преклонных летах, но для сторожа по многолетней привычке и был "главным попом". Старца-священника разбудили, вывели из дома и расстреляли. К сожалению, имени его никто не записал для памяти и поминовения в наши дни, но отец Сергий, конечно, помнил его и всегда о нем молился как о пострадавшем за Христа.

В том же году всех священников арестовали, свезли в лес и велели копать большой ров недалеко от железнодорожной ветки. Все духовенство было уверено, что копают могилу для себя. И плакали, и молились, прося у Бога поддержки. Потом вдруг подъехал состав из нескольких товарных вагонов и начальник прокричал:

– Вам, попам, не привыкать к покойницкой вони. Вот мы и пригнали вас сюда. Ваша задача — разгрузить и закопать четыре вагона тухлой рыбы. После этого, по моей команде, можете быть свободны!

Вонь, действительно, разносилась страшная. Но радость о том, что смерть прошла стороной, была велика.

В 1923 году отец Сергий с семьей переехал в Касимов. Определением архиепископа Рязанского и Зарайского Бориса (Соколова; †1928) с 8 сентября был назначен настоятелем Троицкой церкви в Касимове. 26 февраля 1928 года был награжден крестом с украше-

ниями “за усердное проповедание слова Божия”. По характеристике касимовского горсовета, проповеди протоиерея Сергия приходили слушать жители города из других приходов. Он был прекрасный проповедник, оратор, апологет, дерзновенно защищавший Бога и Его Святую Церковь.

В декабре 1929 года протоиерей Сергий был арестован и заключен в Касимовскую тюрьму вместе со многими священнослужителями города и района. Заключение длилось несколько месяцев. К Пасхе пришло неожиданное освобождение. Лишь несколько лет назад выяснилось, что протоиерей Сергий был приговорен к двум годам заключения, но по ходатайству касимовских прихожан был освобожден по указанию из Рязани.

По решению священномученика архиепископа Рязанского и Шацкого Иувеналия протоиерей Сергий был награжден митрой (указ № 583 от 4 мая 1934 года).

В эти годы полностью раскрылись таланты отца Сергия, данные ему от Бога. Он был как бы собирателем и некоторым центром церковной и духовной жизни города. Его естественная властность вместе со смирением и простотой, сила слова и наставления воздействовали на многих и многих людей. Его беседы со священнослужителями, приезжавшими в Касимов, были для духовенства большой поддержкой. Отца Сергия любил слушать даже его отец – протоиерей Анатолий Авдеевич Правдолюбов, что вызывало даже некоторую ревность его супруги — Клавдии Андреевны. Протоиерей Михаил Андреевич Дмитриев, бывший в заключении в тюрьме вместе с отцом Сергием зимой 1930 года, говорил позднее:

– Был бы отец Сергий в тюрьме, а с ним и тюрьма не тюрьма!

Следственное дело 1935 года показывает, что осью его, вместе с делом блаженной Матроны Анемнясевской, исповедницы, и макетом книги отца Николая, были проповеди и служение протоиерея Сергия, о чем свидетельствует стандартный вопрос к свидетелям:

– Дайте, пожалуйста, характеристику проповедей протоиерея Сергия Правдолюбова...

Арест был, конечно, неизбежен. Характеристика отца Сергия в горисполкоме была заготовлена заранее. В ней написано: “Сергий Правдолюбов, 42 лет, митрофорный протоиерей...” На самом деле отец Сергий получил митру в 44 года, а не в 42. Значит, текст писался в 1932 году, за три года до ареста!

Центром жизни протоиерея Сергия, безусловно, является заключение и пребывание на Соловках в 1935-1940 годах. Крест исповедничества он нес с большим достоинством, духовным опытом и смирением, что хорошо показано в соловецких рассказах его сына Анатолия (рассказы были опубликованы в 1999 году). Сын свидетельствует также и о том, что отец Сергий был неким “духовным корнем, из которого все мы выросли”.

После освобождения из лагеря в 1940 году отец Сергий вернулся в Касимов, но Троицкая церковь была уже закрыта, священнических мест не было. Существовал отец Сергий со своей семьей случайными требами, временным служением в том или другом храме во время болезни штатных священников и тем, что работала его жена, Лидия Дмитриевна, помогая прокормить большую семью.

В 1943 году отец Сергий был приглашен на освободившееся место в Никольскую церковь в Касимове, но прослужил недолго, так как в декабре был мобилизован на трудовой фронт и направлен в Малеево в качестве сторожа инвентаря Малеевского карьера по добыче белого камня для строительства и других нужд. Каменоломни были всегда местом работы рабов и заключенных...

После трех лет пребывания в каменоломнях отец Сергий получил назначение настоятелем и благочинным в город Спасск Рязанской области и с 1946 года до декабря 1947-го жил и служил в Спасске. Здесь Бог послал ему большую радость: его сын Анатолий, пребывавший вместе с ним на Соловках, 21 июля был рукоположен во диакона и назначен в храм к отцу для совместного служения. Однако недолго длилось это служение: протоиерея Сергия перевели в город Лебедянь (тогда город входил в состав Рязанской области). Вместо отца в Спасске оставили сына — уполномоченный

Совета по делам религии пошел даже на это, только бы выслать отца Сергия из Спасска. Протоиерей Сергий уехал в Лебедянь, а 7 декабря диакона Анатолия рукоположили во священника и сразу же назначили настоятелем и благочинным Спасского округа.

Последние три года жизни отца Сергия прошли в болезнях и трудах — сказывалось заключение. 18 декабря 1950 года, в канун дня памяти особенно чтимого отцом Сергием Святителя и Чудотворца Николая, сердце соловецкого узника и исповедника не выдержало – и душа его отошла ко Господу. Ему было шестьдесят лет, а выглядел он на все восемьдесят.

Наставления отца Сергия бережно и свято хранились в его семье. Двое его сыновей стали священниками (двое погибли на фронте). Влияние отца Сергия, его духовного облика, личности сильно и сейчас — в его детях и внуках, которые тоже стали священниками, и неразрывно связано с его исповедническим подвигом.

Определением Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия и Священного Синода 28 декабря 2000 года протоиерей Сергий был прославлен как священноисповедник и причислен к Собору новомучеников и исповедников Российских.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия, митрополита Рязанского и Касимовского Симона и митрополита Воронежского и Липецкого Мефодия 4 октября 2001 года было совершено обретение святых мощей священноисповедника Сергия Правдолюбова в городе Лебедяни Липецкой области. 5 октября святые мощи исповедника были перенесены в Спасскую церковь в селе Маккавеево (поселок Сынтул) Касимовского района Рязанской области, где они готовились ко всенародному почитанию.

5 февраля 2002 года по благословению митрополита Рязанского и Касимовского Симона честные мощи священноисповедника Сергия были торжественно перенесены в Никольскую церковь в городе Касимове для временного пребывания. В день посещения города Касимова Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алек-

сием, 1 июля 2002 года, мощи находились в Вознесенском соборе города. В день празднования 850-летия города Касимова, в воскресенье, 15 сентября 2002 года, митрополитом Рязанским и Касимовским Симоном было совершено торжественное освящение Троицкого храма в Касимове, в котором священноисповедник Сергий в течение многих лет был настоятелем. Во главе с епископом Шацким Иосифом, викарием Рязанской епархии, духовенство города и района перенесло раку со святыми мощами священноисповедника Сергия из Никольского храма в новоосвященный Троицкий храм для постоянного пребывания.

Память священноисповедника Сергия можно совершать в день его кончины – 5/18 декабря, в день Собора Рязанских святых — 10/23 июня, а также вместе с Собором новомучеников и исповедников Российских — 25 января/7 февраля, если этот день совпадает с воскресным днем, а если не совпадает, то в ближайшее воскресенье после 25 января / 7 февраля.

Моим детям и внукам О ТОМ, КАК ПРОВОДИТЬ ПОСТЫ И ГОТОВИТЬСЯ К ИСПОВЕДИ И ПРИОБЩЕНИЮ СВЯТЫХ ХРИСТОВЫХ ТАИН

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Бывают в жизни человека внезапные и сильные потрясения — удары. Течет благополучно жизнь, ничто не предвещает несчастья. Вдруг настигает человека ошеломляющий, неожиданный удар — и вся жизнь перевернулась: человек теряет равновесие от тяжких страданий.

Если без воли Божией не падает ни один волос с головы нашей, то уж, конечно, не без воли Божией бывают эти сокрушительные жизненные удары. Бог ведает причины каждого из них, а нам нужно твердо знать и свято верить, что это — рука Божия, воля Божия о нас, благая и совершенная.

Трудно переносятся эти страдания, но когда проходят они, то оставляют в душе человека явственный след, свидетельствующий о том, что эти жизненные удары имеют силу очищать душу человека, приближать ее к Богу, а потому делать ее лучше, чище, возвышенней. Недаром существует в народе нашем поговорка: "Гром не грянет — мужик не перекрестится". И посылаются Господом эти удары с благой целью,— чтобы одумались забывшиеся люди, вспомнили о едином на потребу (Лк. 10, 42), перекрестились и изменили свою жизнь. Несомненно также и то, что если бы люди не так часто и так легко забывались, убаюканные благополучным ходом мирной и тихой жизни, то меньше

было бы этих ударов, а иных из них и вовсе не было бы... Господь с болью и состраданием посылает их, жалеет человека страдающего, но не может иначе: огрубевает сердце человека так, что только гром заставляет иного перекреститься.

Не дожидайтесь, дорогие детки, этого грома, будьте всегда богобоязненны и благочестивы: *Страшно впасть в руки Бога Живаго!* (Евр. 10, 31). Бегайте греха, как самого омерзительного и страшного чудовища. Упражняйтесь в добре и любви к людям. Служите им, умывайте им ноги (Ин. 13, 5) — *и Бог любви и мира будет с вами* (2 Кор. 13, 11).

Кроме этих внезапных громовых ударов, которые Господь посылает иногда для нашего спасения, угодно было Ему учредить спасительные времена, нарочито устроенные к тому, чтобы мы, отрекшись от земной суеты, вспомнили о Боге, о своей душе, о ее вечном спасении. Это ПОСТЫ. Святая Церковь Христова установила их четыре, расположив в течение целого года приблизительно через равные промежутки времени: весной — Великий, летом — Петровский, осенью — Успенский, зимой — Рождественский. Это мирные, тихие, негромкие удары, но все же удары, как удар колокола, зовущий ко спасению. Не нужно закрывать уши для этих мирных, благостных призывов Божией благодати и нужно так настроить себя, чтобы любить посты, понимать, для чего они установлены, ждать их и проводить со всей строгостью и серьезностью.

Что такое пост? Это время, когда христианам запрещается вкушать все подряд, а разрешается есть только определенную, так называемую постную пищу. Большинство современных христиан легко смотрит на эту заповедь церковную, считают ее неважной — говорят: "Пустяки!" Но вспомним Писание: некогда Адаму и Еве было разрешено есть все и запрещено вкушать плоды только с одного дерева – вовсе легкий пост. Но вот Ева дерзновенно протянула руку к запрещенному плоду и съела его, дала мужу – и он съел. И что получилось: от нарушения этой за-

поведи, по видимости легкой и незначительной, погиб весь мир, все человечество. Для спасения людей потребовалось пролитие на Кресте, до того бывшем ужасным орудием позорной казни, невинной и пречистой Крови Основателя и Совершителя нашей веры Господа Иисуса Христа... Хороши "пустяки"!

Большинство современных христиан так же легко, как на пост, смотрят на то, как иногда страха ради иудейска или по другим причинам заявляют, что они неверующие. А такой же "пустяк" случился некогда с Апостолом Петром: он тоже на словах только сказал, что не знает человека того (Мф. 26, 72), не имеет отношения ко Христу — и получилось ОТРЕЧЕНИЕ. Апостол Петр сразу же был исключен из числа учеников Христовых: Ангел по Воскресении велел мироносицам сказать ученикам Его и Петру (Мк. 16, 7), что Христос воскрес. Из этих слов Ангела видно, что ученики остались учениками,— и так называл их Ангел,— а Петр стал только Петром, был исключен из сонма Апостолов. Горький плач Апостола Петра, продолжавшийся всю его жизнь, и строгое троекратное испытание его Христом, когда оскорбе Петр (Ин. 21,17), говорят о том, что вовсе не пустяк то был, а событие колоссальной важности.

Дорогие мои детки! Помните всю жизнь эти два события! Относитесь к своему христианскому званию и призванию со всей серьезностью. Не нарушайте ни среды, ни пятницы во всю свою жизнь и никогда не стыдитесь называть себя учениками Христа. Не стыдитесь Креста Христова и своего великого звания, но гордитесь — как говорит Апостол, хвалитесь Крестом Христовым и званием христианина.

Пост, как уже сказано, есть время, в которое Церковь повелевает вкушать только постную пищу. Это воздержание от пищи скоромной есть пост телесный. В телесном посте наиболее верные христианские семьи наставлены. Однако, будучи наставленным в телесном посте и строго его соблюдая, можно не получить от этого пользы для спасения души.

В одной из книг религиозно-нравственного содержания мне пришлось читать рассказ о том, как один разбойник, убив в лесу человека и ограбив его, нашел в кармане убитого хлеб и кусок сала. Он был голоден и хотел поесть хлеба с салом, но, вспомнив, что в тот день была среда, отложил сало, сказав себе, что завтра сало съест, а сегодня — грех: среда. Чудовищное несоответствие поста телесного и поста духовного! Литература светская изобилует образами купцов, ставивших пудовые свечи, строго соблюдавших посты телесные, но и постом ведших свои коммерческие дела так же нечестно, как и мясоедом. Угодны ли такие посты Богу? И вообще, пост ли это? Конечно, нет! Это надругательство над постом. Постится тело, а душа не хочет воспрянуть от греховного сна.

Человек состоит из тела и души. Поэтому постящийся должен поститься не только телесно, но и духовно. Постящеся, братие, телесно,— увещевает нас Матерь наша Святая Церковь,— постимся и духовно, разрешим всякие несправедливые узы (союз неправды), разорвем сети насильственных долговых обязательств, раздерем всякую несправедливую запись, дадим хлеб алчущим, и бедных, не имеющих крова, введем в свои домы, чтобы от Христа Бога получить нам великую милость (из стихиры 1-й Недели Великого поста; прочитать 58-ю главу книги пророка Исаии).

О необходимости духовного поста хорошо сказал один из наших отечественных проповедников: “Что в том, что мы постимся, а не исправляемся, что в том будет пользы? Одно воздержание, хотя бы и самое строгое, от скоромной пищи, не принесет нам пользы, если мы при этом творим злые дела. Если и одним пеплом будем питаться, а от злобы не отстанем, не спасемся. Если от хлеба воздерживаемся, а при этом гневаемся на брата и завидуем ему, то мы уподобляемся только зверям. Ведь и они хлеба не едят, а едят мясо. Вот так же и мы: гневом, завистию, клеветою пожираем друг друга и братий своих. Хорошо,

что ты воздерживаешься от мяса и рыбы, но при этом отстань и от гнева и злобы, от гордости, клеветы, зависти, обиды, воровства, пьянства, блуда и всякого греха. Отстанем, братия, от грехов наших и тогда не будем подобны скотам. Будем творить плоды добрых дел — и Ангелам уподобимся, и со святыми получим вечную жизнь" (из древней рукописи "Измарагд").

Мы слабы, мало заботимся о спасении души, не умеем жить по-христиански. Вот к этому нас побуждает пост — как я уже сказал, мирный, но удар по нашей жизни. Пост установлен, чтобы отрезвить нас, заставить одуматься, пробудиться от греховного сна: *Душе моя, душе моя, востани, что спиши? Конец приближается!* — вот властный, энергичный голос Матери нашей Церкви во дни святого поста. Если мы спали до сих пор духовно, не умели жить по-христиански, то научимся теперь — во святые дни поста. Если не начинали еще жить по-Божьи, то начнем хотя бы отныне: *Се ныне время благоприятное, се ныне день спасения* (Ис. 61, 1, 2; Лк. 4, 19). Если теперь не начнем, то когда же соберемся? Неужели еще дальше будем испытывать Божие долготерпение? Неужели отважимся ожидать тех страшных ударов и потрясений, о которых я говорил вначале? Да не будет этого! Страшно впасть в руки Бога Живаго! — да и смерть у каждого стоит за плечами...

Итак, начнем сейчас же, немедленно!

Если есть у тебя грешная привычка судить и осуждать ближнего, то вот, настал Великий пост — положи же доброе начало, брось эту привычку. А если по немощи забудешься, осудишь кого, то дай себе правило положить в тот день три земных поклона с такой молитвой: "Спаси, Господи, и помилуй такого-то (кого осудил) и его молитвами помилуй мя грешного". И так делай всегда, когда кого осудишь. Если исполнишь это, Господь увидит твое усердие и избавит тебя навсегда от этой греховной привычки. А если ты не будешь осуждать никого, то и Бог тебя никогда не осудит — вот ты и получишь спасение.

Точно так поступай и во всем другом. Посетила сердце мысль нецеломудренная? Положи три поклона со словами: “Господи, прости меня блудного”, и блудным себя считай. Ведь Господь и нецеломудренный взор вменяет в блуд (Мф. 5, 27 и 28). Обманул кого-нибудь? Иди и повинись пред ним, признайся в своем обмане и проси прощения. Присвоил чужое? Иди и возврати ему, а если это невозможно, вдвое отдай нищему. Обидел кого? Иди и примирись... Дух гордости будет нашептывать: “Как это можно? Стыдно! Что обо мне люди подумают?” Отвечай ему: “Бога не обманешь, Он все видит и знает. Не стыдился грешить — не буду стыдиться и каяться. Помоги мне, Господи!”

А, помилуй Бог, в больший какой грех впадешь, то принеси Богу особое покаяние, исповедуй твой грех отцу духовному, по возможности немедленно; проси, как милости, у него епитимии и неси ее благодушно, с великой радостью, зная, что в этом твое спасение: ты и раскаялся и хочешь сотворить плод, достойный покаяния. Непременно начни поступать так и молись постоянно: “Господи Боже наш! Аще и ничтоже благое сотворих пред Тобою, даждь ми отныне положити начало благое”.

Трудно это? Да, очень трудно!

Когда Апостолу Павлу приходилось видеть, как ученики его борются с грехом, он говорил им: *Вы еще не до крови сражались* (Евр. 12, 4). Бороться с грехом нужно, оказывается, до крови. Вот какой напряженной должна быть эта борьба. И вообще, быть достойным на земле звания христианина сопряжено с большими трудностями, скорбями, подвигом. *Подвизайтеся внити сквозе тесная врата* (Лк. 13, 24),— говорил Христос. И в другой раз сказал: *Внидите узкими враты* (Мф. 7, 13).

Христос заповедует нам жизнь строгую, подвижническую, указывает врата на Небе узкие и тесные, путь ко спасению трудный, прискорбный. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24),– говорит Апостол Павел. *Иже хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест*

свой, и по Мне грядет (Мк. 8, 34),– говорит и Сам Господь наш Иисус Христос. Он и Сам в жизни Своей шел крестным путем и смерть принял крестную. Видите, и у Него путь узкий, тесный, страдальческий, крестный. Пострадал Он за нас и нам оставил образ, да последуем стопам Его (1 Пет. 2, 21).

Апостолы, мученики, святители, преподобные и праведные и за ними целый сонм верующих шли путем подвигов и скорбей, то есть подлинным путем Христовым. И нам ОБЯЗАТЕЛЬНО идти этим путем. Другой путь есть, но он ведет в пагубу, и множество людей им идет.

Нам же Христос сказал: Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими. Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Мф. 7, 13-14).

Узкий путь и тесные врата — это и есть христианское подвижничество. Это борьба с плотью, страстями и миром. Известно, чего требует вера христианская и закон христианский,— того, что противно естественному, "ветхому" нашему человеку; требует того, чтобы мы не жили так, как живут неверы, а сумели построить жизнь прямо противоположную. Для истинных христиан обязательны труд, бдение, молитва, пост, покаяние, чистота душевная и телесная, вся жизнь добродетельная и святая. Разве это легко для нашей греховной природы? Не требуется ли здесь постоянное усилие, не требуются ли здесь постоянные подвиги?

Итак, христианство и подвиги — две вещи нераздельные. Или ты подвижник – и тогда христианин, или избегаешь подвигов, не хочешь их совершать — и тогда ты не христианин, свернул с христианской дороги, подался на широкий путь и легко и свободно зашагал к погибели...

Но мы хотим быть настоящими христианами, хотим и подвигов. Но в чем они? Что мы должны делать?

Пришло время поста, скажем – Великого. Семь недель, почти пятьдесят дней нельзя есть скоромного. Первая неделя, Крестопоклонная и Страстная — особо строгий пост, нельзя вкушать даже с постным маслом.

Трудно? Очень. Особенно в середине и второй половине поста. Плоть корчится, протестует, требует, чтобы ее накормили до отвала. А ты принудь себя, одержи верх над телом, проведи весь пост как следует. И если одолеешь себя — вот и первый твой подвиг!

Настало время молиться? Принудь себя — вот и подвиг!

Надо идти в церковь, тяжело, удерживает и то, и это, отвлекает то одно, то другое? Вооружись, оставь все и иди — вот и подвиг!

Долго поют, тяжело стоять? Удержи себя до конца службы, дождись отпуста — вот и подвиг!

В церкви нет охоты молиться, холодность на сердце? Поклонами, вниманием, усилием воли старайся преодолеть эту неохоту — вот и подвиг!

Слышишь кощунства, пересуды, смехословие, празднословие? Уклонись или, по крайней мере, молчи — вот и подвиг!

Вынуждают тебя на гнев, прекословие, на ссору? Уступи, удержи волнение смятенного сердца — вот и подвиг!

Имеешь нравящуюся тебе вещь, а кто-нибудь выразил желание иметь ее? Отдай – вот и подвиг!

Имеешь врагов, можешь им отомстить? Остановись, не мсти, мало того, прости им; мало того, сделай им добро — это уже великий подвиг! Святитель Димитрий Ростовский говорит: “Кто прощает врагов и молится за них, тот чудотворец”.

Открывается тебе случай к неправедному, нечестному приобретению? Уклонись — вот и подвиг!

Похотливая плоть требует непозволенных Христовым Законом удовольствий, излишних нарядов? Откажи ей — вот и подвиг!

Вызывает тебя мир на веселость, на игру во время поста? Останься дома — вот и подвиг!

Хочется книжку светскую почитать постом, музыку послушать, поиграть? Воздержись – вот и подвиг!

Хорошо живешь материально, все у тебя есть, и даже излишек в запас можно откладывать? Вспомни о голодных, босых, раздетых, приглядись к жизни и поищи их, удовлетвори их нужды, да не воздыхая и жалея о том, что им отдаешь, а с радостью — вот и подвиг, подвиг блистательный! Подашь нуждающемуся человеку, а руку протянет невидимо и примет Христос. И будет у тебя накопляться богатство нетленное на Небесах.

Этот подвиг непременно усвой, он обязательный для всех христиан. На Страшном Суде тот, кто подавал милостыню, услышит от Господа: *Приидите, благословенные...* (Мф. 25, 34), а кто не подавал: *Идите от Меня, проклятые...* (Мф. 25, 41). Не отговаривайся скудостью, вспомни две лепты евангельской вдовицы. Господь сказал, что она подала больше всех богатых.

Видишь несчастных, хотел бы помочь, но не можешь, не в силах? Опустись на колени и молись за них Отцу Небесному именем Иисуса Христа, и Он окажет им помощь через других, а ты совершишь подвиг любви и милосердия.

Увидишь покойника – знакомый или незнакомый,– помолись за него – вот и подвиг! Это великая милость для умершего.

На утренних и вечерних молитвах и в церкви, молясь за знакомых и родных усопших, помяни и всех праотец, отец и братий наших и особенно тепло помолись за тех, за кого некому помолиться,– и это подвиг! И Господь отметит его, и за тебя помолятся верные христиане, когда сам будешь покойником. Не проходи мимо кладбища, не помолясь про себя, втайне за всех, кто здесь схоронен,– это подвиг!

Шум, гам, суета житейская кругом, помолиться негде? Войди внутрь себя и тверди молитву: “Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного”. И не раз, не два, а десять, сотню,

тысячу и больше молитв прочитай — и это подвиг! Если в этом подвиге будешь упражняться, Господь пошлет тебе неотходную, сердечно-умную, умиленную, слезную молитву. Помни, что настоящая молитва есть дар с Неба христианину-подвижнику.

Жизнь велика и сложна, на каждом шагу она ставит нам задачи: как поступить в том или в другом случае? Если будешь поступать по ветхому человеку — пойдешь в пагубу; если будешь поступать по Закону Христову — будешь совершать подвиги и исполнишь Христовы слова: *Подвизайтеся внити сквозе тесная врата* (Лк. 13, 24).

Трудно, и очень? Ничего не поделаешь! Другого пути к вечной и блаженной жизни нет.

Вот, допустим, проникнуть к твоей семье и близким в дом можно только чрез малую и очень трудно проходимую дыру, и больше никак к ним не попадешь. Полезли бы вы в эту дыру? Полезли бы, увидели своих — и радости бы не было конца, и дыра эта неудобная забылась бы.

Весной змея должна сменить кожу: если не сменит кожу, то умрет. И вот инстинкт сохранения жизни заставляет ее искать кучу из хвороста и камней, и она продирается сквозь эту груду, хворост ранит ее, сдирает старую шкуру, змея вылезает из этой груды, оставляя в ней старую кожу. Хотя она вся изранена и окровавлена, она бесконечно довольна тем, что содрала с себя ветхую кожу, и знает, что взамен будет у нее расти новая и она останется жить.

Хотя бы у змеи поучиться нам приобретать жизнь, спасать себя от смерти! Тем более сказано нам: *Будьте мудры, как змеи* (Мф. 10, 16). Будем же мудры как змеи, не будем бояться боли, ран и крови, продеремся сквозь груду христианских подвигов. Они обдерут с нас кожу ветхого человека, и в этом — залог нашего спасения. Не будем бояться труда, пота, хотя бы и кровавого, не устрашимся ни боли, ни скорби, ни тесноты, ни самой смерти. Господь поддержит нас и скажет нам Свои великие уте-

шительные слова: *Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ея, но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль, но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Ин. 16, 21-22)... *вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; вы печальны будете, но печаль ваша обратится в радость* (Ин. 16, 20). *В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь – Я победил мир* (Ин. 16, 33).

Итак, встанем, возьмем свой крест и пойдем за Христом. И пойдем твердой поступью, решительно и не оглядываясь назад, помня слова Спасителя: *никто, возложивший руку свою на плуг, и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия* (Лк. 9, 62). И как только мы начнем свой крестный путь, немедленно, тотчас же нам готова помощь. Невидимо и неслышно подойдет к нам наш Господь и Учитель, и подставит Свое плечо под наш крест, и пойдет вместе с нами — и таким легким покажется нам крест наш, и так радостно будет нести его.

Всякий, кто старается хоть сколько-нибудь жить по-христиански, наверняка, замечал, как многое из того, что для людей мира сего кажется трудным, было для него легко и приятно. Например, затащи человека мирского в храм и заставь его простоять службу — мука будет для него. А многим из нас служба доставляет такую радость, такое облегчение, такую помощь в трудной жизни, что мы выходим из церкви с облегчением, словно кто нас обрадовал, утешил, успокоил, обласкал.

Многие из христиан находили великое наслаждение в самом посте телесном. Например, на Страстную, насыщенную воспоминаниями крестных страданий Господа, не с принуждением воздерживались от пищи, но с радостью и наслаждением. На это указывал Господь Иисус Христос: *...когда отнимется у них Жених, и тогда будут поститься* (Мф. 9, 15). Не только не хочется съесть что-либо скоромное на Страстную, но, наобо-

рот, если бы принудили, то это было бы неподдельным страданием.

Я знаю, некоторые из христиан любят строгость святых постов, ждут их и встречают с радостью. Отчего это? Подвиги превращаются в поведение, которое нравится, имеет в себе притягательную силу. Это именно оттого, что Христос подошел к верному Своему ученику-крестоносцу и облегчил труд его, так что он из тяжкого превратился в желанный, радостный.

Известно, что мученики Христовы с радостью, с неземной улыбкой на устах, с гимнами в честь Воскресшего Господа встречали самую смерть. А это отчего? Оттого же! От той же великой помощи, которую оказывает Христос Спаситель Своим верным ученикам: *...вы имеете печаль, но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Ин. 16, 22).

Вот о какой особенности христианского крестоношения не нужно забывать. Это крестоношение нераздельно с радостью общения нашего духа с духом великого Крестоносца — Господа нашего Иисуса Христа, исполняющего Свое обетование: *Не оставлю вас сиротами, приду к вам* (Ин. 14, 18). Это христиане твердо знают, а потому с уверенностью говорят с Апостолом Иоанном Богословом: *Заповеди Его не тяжки* (1 Ин. 5, 3). Да и Сам Христос говорил нам это: *Иго Мое благо и бремя Мое легко* (Мф. 11, 30).

Так совершается чудо превращения трудности христианского крестоношения в неизъяснимую легкость и радость. И исполняются слова Христовы: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28). Вот и пропадает страх перед трудностью подвигов — не одни мы понесем их тяжесть, а вместе с нами наш Великий Учитель и Господь, Который *Сам искушен быв, может и искушаемым помощи* (Евр. 2, 18).

Вспомните, как Он Сам был оставлен в саду Гефсиманском всем миром. Он взял с Собою трех любимых Своих учеников, но

и они спали, а затем разбежались. Это испытал Спаситель наш, но нам не дает этого испытать: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18, 20). *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20),– говорит Господь. Он не заснет, не оставит нас одних, а всегда протянет руку, когда мы будем изнемогать.

Запомним это, и тогда это воспоминание тихим радостным светом осветит нашу скорбную жизнь. Будем взывать: *Господи! спаси нас, погибаем* (Мф. 8, 25) — и сейчас же ощутим протянутую руку помощи, *и печаль наша в радость будет* (Ин. 16, 20).

Я не останавливался подробно на телесной стороне поста. Она усвоена всеми, кто желает быть христианином, он знает, какой род пищи, в какой пост предписывается Церковью, знает и исполняет строго и неопустительно. Не исполняют пост лишь "обросившиеся" христиане, которых и по имени трудно назвать христианами, которые в неведении своем и заблуждении дают пощечины Матери нашей Церкви и не слушаются ее даже в малом, не признают ни среды, ни пятницы и никаких постов. "Пустяки,— думают они,— *не то, что входит в уста, оскверняет человека* (Мф. 15, 11), подумаешь, не все ли равно, что есть?" Так, одна дама в разговоре с епископом Феофаном Затворником сообщила ему, что она не то в среду, не то в пятницу в пути выпила стакан молока. "Это, конечно, вещь неважная",— сказала дама. А епископ ей ответил: "Матушка, ты не стакан молока выпила, а пощечину Матери-Церкви дала!" Вот в чем грех-то, и грех большой — Матерь-то свою не признавать, пощечинами-то ее награждать. А кому Церковь не Мать, тому Бог не Отец. Вот оно куда пошло дело-то, а ты говоришь — пустяки, неважная вещь!"

На духовной стороне поста я остановился нарочито подробно, потому что она не так привита в постовом быту современных христиан. Зачастую строго блюдут телесный пост, посуду даже меняют, чтобы посудой, в которой варилось скоромное, не оскоромиться: ее оставляют, варят в другой. А вот о необходи-

мости такой же строгости духовного поста очень многие даже и не подозревают. Между тем необходимо так же строго следить за духовной стороной поста, как и за телесной. В христианских семьях старшие должны следить и за собой, и за младшими, за детьми.

Я писал выше, что для истинно христианской жизни необходимо бороться с грехом, и бороться не от случая к случаю, а постоянно. Но если это необходимо всегда, то постом становится необходимым вдвое, втрое больше. Грех постом приобретает как бы большую силу, усугубляется. Если вообще благочестивому [вы знаете, что *чистое и непорочное благочестие пред Богом и Отцем есть то, чтобы призирать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неосквернённым от мира* (Иак. 1, 27)] необходимо всегда себя хранить неосквернённым, то постом — в особенности. Пост есть время святое, нарочито Церковью установленное, чтобы мы проводили его, и в особенности его, свято и непорочно. Поэтому постом, какой бы грех ни приражался, и взрослые, и дети должны с ним энергичнее, чем всегда, бороться. Рассердится кто — нельзя, остановись: пост! Поссорился — примирись сейчас же: пост! И так во всем. Всякие греховные мысли, настроения и дела должны пресекаться немедленно. Взрослые следят за собой сами, детей останавливают взрослые.

Орудие в руках христиан всемогущее, как всемогущ Господь,– это ИМЯ ИИСУСОВО. Это имя для вдохновителя всех грехов, диавола,– пламенный, обоюдоострый, испепеляющий меч! Надо навыкнуть самим и приучить детей тотчас же по возникновении греха твердить молитву Иисусову: ГОСПОДИ ИИСУСЕ ХРИСТЕ, СЫНЕ БОЖИЙ, ПОМИЛУЙ МЯ, ГРЕШНАГО. И не один раз, не два, а до тех пор, пока не испепелится греховное настроение и перейдет в благодатно-умиленное, радостное, оттого что чувствует христианин, как боится этого имени сатана и как уходит он трусливо и позорно от борца и ученика Христова, духовно поражающего его этим всемогущим оружием. Име-

нем Господним бесы изгонялись, больные исцелялись, мертвые воскресали. Этим именем поражай, христианин, и врага твоего спасения. Не меня послушайся, а святого Апостола Иакова, первого епископа Иерусалимского. Он говорит: *Противостаньте диаволу, и убежит от вас; приблизътесь к Богу, и приблизится к вам* (Иак. 4, 7-8).

Также настойчиво нужно заставлять себя совершать подвиги, творить дела милости, призирать вдов и сирот в их скорбях. Обязанность наша эта постом увеличивается, так как Церковь требует от нас в святое время поста быть ревностными исполнителями заповедей Христовых, с усиленной энергией творить дела милосердия. И пренебречь этим приказанием Церкви не смеет никто из тех, кто хочет быть истинным христианином. Взрослые, заставляйте себя прежде всего, показывайте пример младшим и учите их работать Господу с принуждением. Не забывайте, в особенности постом, голоса Церкви: *Дадим алчущим хлеб, нищия и бескровныя введем в домы.*

Подведу итоги. Постом мы обязаны строго нести телесный пост и не менее строго — духовный, который, коротко, состоит в том, чтобы мы хранили себя неосквернеными от мира, призирали вдов и сирот в их скорбях.

Если мы так истово и правильно будем проводить посты, и в особенности Великий, то, по мысли Церкви, мы приобретем опыт истинно христианской жизни. Проживем семьдесят, шестьдесят, пятьдесят лет — этот опыт станет привычным. Мы будем расти духовно. Незримо в сердцах наших будет устрояться Царство Божие, мы будем становиться все лучше и лучше, по мере сил своих исполняя заповедь: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48). Так мы будем приобретать спасение.

В промежутке между постами мы не должны, так сказать, духовно размагничиваться. И облегчая, и даже совершенно оставляя, как и установила Церковь, телесный пост, мы не должны

ослаблять напряженности христианской жизни: и с грехом бороться, и дела милосердия творить, пользуясь опытом правильно проведенного поста. Чтобы мы не забывали сладостной спасительности великопостных переживаний, Церковь мудро устроила дневные памяти каждой недели года, которые живо напоминают нам Страстную и Пасху. Была Великая Среда, в ней вспоминалось предательство Иуды — и в каждую неделю есть малая среда, которая тоже ознаменована постом. Есть Великая Пятница, незабываемый день крестных страданий и смерти Господа нашего Иисуса Христа,— и в каждую неделю имеется малая пятница, и она тоже ознаменовывается постом. Есть Светлое Христово Воскресение, светлый и все-радостный день Пасхи,– и в каждую неделю есть воскресенье, и в этот день ослабляется пост даже Великим постом. Весь год, чередуясь, идут недели, и христианский мир все время пребывает под покровом этих всесвятых и спасительных воспоминаний. Как божественно мудро все это устроено!

Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь (Притч. 9, 1). Дом – это Церковь, а седмь столпов – это Таинства.

Истово, строго и серьезно проводя посты, мы незаметно для себя подготавливаемся к другой обязанности христианина, которую в течение поста необходимо исполнить: это обязанность ГОВЕНИЯ. По повелению Церкви христианин должен избрать для себя в посте одну неделю и эту неделю поговеть. Говение состоит из усиленной молитвы церковной и домашней; отстранения (по возможности) от домашних и служебных дел, чтобы углубиться в себя, рассмотреть свою жизнь и раскаяться во всем, что было в ней греховного; Таинства Исповеди; Таинства Приобщения Святых Христовых Таин.

Избрав себе неделю, христианин неопустительно должен посещать храм и простаивать все службы. Молиться в храме он должен усердно, стоять с должным вниманием и сосредоточенностью; молиться теми молитвами, которые поются и читают-

ся в храме. В то же время он не должен забывать основной цели своих молитв и более всего молиться о том, чтобы Господь отверз ему дверь покаяния, чтобы Он очистил его телесный храм, весь осквернённый грехами. Чтобы молитвами Пресвятой Богородицы наставил его на путь спасения, потому что запутался он в лабиринте постыдных грехов; из-за лености и откладывания на потом все еще не удосужился сыскать правильного пути, а жизнь вся прожита, а страх Страшного Суда при множестве содеянного зла заставляет его трепетать. Но надеясь на милость благоутробия Божия, он, как Давид, вопиет: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей* (Пс. 50, 1).

Молитвами такого содержания должен молиться грешник, вступивший на путь покаяния. Недаром Церковь еще задолго до поста поет покаянную песнь: *Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче,*– и продолжает петь ее во всю Святую Четыредесятницу.

Со слезами молясь в церкви о своем окаянстве, говеющий и дома должен усилить свою обычную молитву и непременно молиться об отверзении дверей покаяния, потому что, если Бог не поможет, он сам, своими силами не сможет пройти спасительного пути покаяния. Кающийся должен, насколько это возможно, устраниться от обычных житейских дел и попечений, уединиться, чтобы, углубившись внутрь себя, осмотреть свою внутреннюю храмину, подробно обсудить и осудить себя, возненавидеть ту удушливую греховную атмосферу, в которую погружена его бедная душа.

Всмотрись в себя внимательно, отвратись от всего худого, оплачь то, что следует оплакать, и, положив намерение ходить по заповедям непорочно, приготовь себя слезным сокрушением ко Святому Таинству. Недостаточно осудить себя в общих чертах. Это ошибка рядовых исповедей. Нужно спуститься до самых глубин своей греховности, нужно иметь мужество увидеть все безобразные формы своего беззакония. Рассматривать себя

без пособия трудно, особенно на первый раз; надо иметь под руками книжку в руководство. “Всего проще,– говорит епископ Феофан Затворник,– возьми чин исповеди в Требнике и просматривай себя по нему”; или “Вопросы на исповеди” протоиерея Григория Дьяченко (или книжку, изданную обществом любителей духовного просвещения: “Говение по уставу Православной Церкви”). Кроме того, читай Евангелие, особенно 5, 6 и 7-ю главы Евангелия от Матфея, послание Апостола Павла к Римлянам с 12-й главы (и до конца), Соборное послание Апостола Иакова (все 5 глав, и другое, что есть под рукой).

Стороны, с которых следует рассматривать себя, следующие: дела или факты; лежащие под ними чувства или расположения и (главное) общий дух жизни: кому служишь — себе, миру или Богу? Внешний ли ты только христианин или и внутренний, то есть кланяющийся Богу духом и истиною?

Внешний христианин – обрядовер, о котором сказано: *Приближаются Мне людие сии усты своими, и устнами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене; всуе же чтут Мя* (Мф. 15, 8-9). Если ты таков был до сих пор, то переменись, отдай Господу твое сердце, будь внутренним христианином, кланяйся Богу не телом и устами только, но духом и истиною. Моли всеусердно Господа Иисуса Христа, чтобы Он зажег в твоем сердце огонь ревности по богоугодной жизни, чтобы пришел Сам и вселился в твое сердце со Отцем и Духом по Его неложному обетованию: *...и Мы приидем к нему, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23).

При анализе себя не следует судить других, следует держаться своей личности и предоставлять все сравнения Тому, Кто ведает сердца и утробы. Рассмотрев себя подробно, ты почувствуешь себя растерзанным от сознания своего беззакония, кругом виноватым и безответным пред Богом. Осуди такую свою жизнь и решись вскоре переменить ее. Это сознание своего окаянства, своей растерзанности, своего непотребства как бы стирает в

прах сердце, “сокрушает” его. Это – спасительное сокрушение: *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Нужно добиваться этого сокрушения. Устыди себя пред людьми, Ангелами и святыми. Подосадуй на себя за оплошность; поскорби за себя ради потерь, причиненных грехом; поболи, что оскорбил Бога, не переставшего изливать на тебя Свои милости и тогда, когда ты работал греху; устраши себя Страшным Судом и вечной мукою, и поплачь обо всем этом, если Господь пошлет слезы. Сокрушение сердца слагается из всех этих чувств, из которых каждое есть то же для сердца, что удар молота для камня... Бей по сердцу всеми этими чувствами, как молотом по камню, — и камень твоего сердца превратится в порошок. Сердце будет сокрушено, разбито. Из него будет выбито все, что мешает спасению, все, что составляет содержание ветхого или, что то же, греховного человеческого сердца. Оно будет мягче, удобоподвижнее ко всему, из чего слагается истинное покаяние...

Сделал так? Сокрушил сердце? Благо тебе!

Но надо осудить себя, возненавидеть грех и возыметь твердую решимость не ходить более теми путями, какими ходили, в корне переменить жизнь свою. Вот когда все это переживешь, всем этим переболеешь и в результате этих спасительных переживаний будешь иметь сердце сокрушенное и смиренное, тогда иди смело на исповедь и открой свою душу Самому Господу Иисусу Христу, Который невидимо стоит рядом со Своим учеником и твоим духовником-священником... Упади на колени и скажи умом и сердцем: *Отче! я согрешил против Неба и пред Тобою, и уже недостоин называться сыном Твоим, прими меня в число наемников Твоих* (Лк. 15, 18-19).

Но об исповеди надо поговорить особо. Какое безпредельное счастье имеем мы, христиане, получив возможность приступать во всякое время к сему великому Таинству! В нем заключена оставленная Господом Иисусом Христом сила отпускать грехи, как бы велики и чудовищны они ни были. Только один Сын

Человеческий Господь наш Иисус Христос имеет эту великую власть: на земле оставлять грехи. Вознесшись на Небо, Он не захотел лишить этого великого счастья людей и передал эту власть Церкви Своей Святой в лице ее епископов и священников. *Приимите Дух Свят,*– сказал Он по Воскресении,– *кому отпустите грехи, тому отпустятся, на ком удержите, на том удержатся* (Ин. 20, 23). Епископ и священник в Таинстве Исповеди осуществляют данную им Христом власть, когда, благословляя кающегося, говорят: "И аз, недостойный иерей, властию Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь". Вот дар, каким христиане получают на земле прощение своих грехов, как бы тяжки они ни были. Я уже сказал и повторяю, что это подлинное и безпредельное счастье для людей.

Мы все крещены в детстве. Вырастая, приходим в сознание уже крещеными, возрожденными водою и Духом, принятыми в Церковь по вере родителей и восприемников. В свое время в сознании своем мы не могли пережить этого великого акта вхождения в новую жизнь, так как были младенцами, а потому каждому христианину при вступлении в сознательную жизнь следует, во-первых, узнать, в чем заключается сущность этого великого акта, и пережить переворот сознательного принятия его со всеми обязанностями, из него вытекающими.

Раньше, до воцерковления христианских семейств, крестили взрослых. Принимали их к Крещению не сразу, по долгом испытании и оглашении в истинах Христовой веры... Крещения добивались те из внешних (язычники, неверующие), кто приобретал веру во Христа и твердое желание быть Его учеником. Их долго приготовляли, строго испытывали и только после этого крестили.

Без Крещения нельзя спастись. Других дверей в Церковь Христову и Царство Небесное нет! Господь Иисус Христос сказал Никодиму: *Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия* (Ин. 3, 3). И даль-

ше: *Если кто не родится от воды и Духа, то не может войти в Царствие Божие. Рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух* (Ин. 3, 5-6). И еще: *Не удивляйся тому, что Я сказал тебе: должно вам родиться свыше* (Ин. 3, 7).

Спасение не может начаться и совершиться без второго рождения человека от воды и Духа. Вот это-то рождение и совершается над христианином в Таинстве Святого Крещения и Миропомазания. Погруженный трижды в водную купель и запечатленный печатью Миропомазания, христианин силою Святого Духа таинственно рождается в новую жизнь, становится новою тварью. Навсегда отрекается от сатаны и сочетается Христу. Он уже теперь ушел из царства тьмы и вступил в Царство Света, чтобы работать Христу и со Христом бороться с диаволом и ангелами его.

В Крещении таинственно омывается грех первородный и прощаются грехи личные, если крещается взрослый. И если бы за Крещением тотчас следовала бы смерть, то новокрещеный, как святой, вступил бы в Царство Небесное.

Над каждым из нас совершено это великое Таинство. Мы родились во второй раз от воды и Духа, но безсознательно — по причине своего младенчества. А потому обязаны по вступлении в сознательный возраст вновь пережить свое рождение, принять уже сознательно это твердое решение — отречься от сатаны и сочетаться Христу.

Переживал ли ты этот нравственный переворот? Если нет, то нужно его... перечувствовать и пережить! Надо сказать Христу: “Я по вере родителей и восприемников некогда в младенчестве отрекался от сатаны и сочетался с Тобою — теперь же я сознательно отрекаюсь, уже сам, от сатаны и сочетаюсь на всю жизнь с Тобою, моим Спасителем и Господом!..”

Трагедия человека-христианина заключается в том, что он, имея поврежденную грехом природу, не может не грешить, а грех отгоняет благодать Святого Духа. И снова погибель гро-

зит христианину. И погиб бы он, если бы Господу не угодно было установить на земле Таинство Исповеди, в котором человеку прощаются грехи, соделанные уже после Крещения. Поэтому исповедь и называется баней пакибытия, то есть баней, в которой омывается грех и человек снова делается чистым от соделанных грехов. Правда, баня эта не водная, а слезная, но очищающая и истребляющая грехи человека совершенно. Всю жизнь до самой смерти человек, когда ему угодно, имеет возможность приступить к этому великому Таинству и когда угодно может стать чистым от греха, таким, каким был после Крещения.

Какое же счастье для человека — установление такого Таинства! Если бы не было его, грех так оплел бы человека, что он задохнулся бы, лишенный благодати Святого Духа!

Итак, дорожи, христианин, этим великим Таинством, чаще приступай к нему, и приступай с должным и тщательным приготовлением. Помни, что Таинство Исповеди есть слезная баня пакибытия. Я говорю об этом так подробно для того, чтобы вы знали, к чему вы приступаете. Посему, приготовившись так, как сказано выше, и понимая самое существо Таинства Исповеди, приступай к Таинству со страхом и трепетом, потому что Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое.

Вера в то, что Сам Христос принимает исповедание наше, что Он хочет и может простить нам грехи, что мы отходим после исповеди чистыми от всякого греха, совершенно необходима для кающегося, ибо по вере и совершается Таинство. Перед исповедью испроси прощения у кого можешь и прости всех врагов своих от всего сердца. О грехах своих рассказывай подробно, без утайки. Каждый утаенный грех не только не прощается, но делается сугубым грехом и тяжелым бременем ложится на душу кающегося, и он неисцеленным отходит от духовной врачебницы.

Получив от Бога через священника прощение своих грехов, положи твердое намерение изменить свою жизнь, старать-

ся жить отныне истинно христианской жизнью. Устроившись так, ты не только очистишь свою душу от всех своих грехов, но и приготовишь себя к величайшему Таинству Приобщения Тела и Крови Христовых. К Таинству Приобщения, кроме вычитывания правила, не требуется особого приготовления. Приготовлением к нему служит самое говение в течение недели и правильно проведенная исповедь. Но о самом существе Таинства Святого Причащения скажу несколько слов. Когда Господь был на земле и учил народ и Своих учеников, Он через них и нас научил этому великому Таинству:

Отец Мой дает вам истинный хлеб с небес. Ибо хлеб Божий есть тот, который сходит с небес, и дает жизнь миру (Ин. 6, 32-33)... *Я есмь хлеб жизни* (Ин. 6, 48).

Отцы ваши ели манну в пустыне, и умерли. Хлеб же, сходящий с небес, таков, что ядущий его не умрет. Я хлеб живый, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить во век; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира (Ин. 6, 49-51).

Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем. Как послал Меня живый Отец, и Я живу Отцем, так и ядущий Меня жить будет Мною (Ин. 6, 53-57).

Иудеи соблазнились, роптали на Него, но Он их не возвратил. Тогда Иисус сказал двенадцати: *не хотите ли и вы отойти? Симон Петр отвечал Ему: Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни* (Ин. 6, 67-68). И ученики поверили Ему и остались с Ним...

Так учил Господь о Причащении при Своей земной жизни. Накануне крестной Своей смерти, в Великий Четверг, на Тайной

Вечери, Он причастил Своим Телом и Кровию Своих учеников. *И когда они ели, Иисус взял хлеб, благодарил, благословил, преломив и, подавая ученикам, сказал: Приимите, ядите; сие есть Тело Мое. И, взяв чашу, и благодарив, подал им, и сказал: пейте из нея все, ибо сие есть Кровь Моя новаго завета, за многих изливаемая, во оставление грехов* (Мф. 26, 26-28).

Так в первый раз христиане приобщились Святых Христовых Таин. *Сие творите в Мое воспоминание* (1 Кор. 11, 24), — сказал Господь, и ученики творили и творят сейчас. В Святой Православной Церкви за каждой Литургией повторяется Тайная Вечеря. Предлагаемые на святой Трапезе хлеб и вино, не изменяя своего вида и вкуса, силою Духа Святого прелагаются в Истинное Тело и Честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и за каждой Литургией верующие могут приобщаться Святых Христовых Таин точно так же, как некогда из рук Самого Спасителя на Тайной Вечери приобщились Его ученики. Причастившись Тела и Крови Христовых, христианин принимает Самого Христа. Тело и Кровь Христовы входят в плоть и кровь человека, и совершается чудо вселения всего Христа в человека-христианина: *Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем* (Ин. 6, 56). Совершается то, о чем говорит святой Апостол: *...не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

И еще одно чудо совершается при этом. Причастившийся Тела и Крови Христовых засеменяет в своем существе залог воскресения в Жизнь Вечную: *Ядущего Мою Плоть и пиющего Мою Кровь... Я воскрешу в последний день...* (Ин. 6, 54).

Это таинственное, но действительное вхождение Господа Иисуса Христа в существо христианина соделывает то, что христианин и живет со Христом, и умирает с Ним. С Ним же и воскреснет в последний день. Знай это, христианин! И с подлинным страхом Божиим и живой верой приступай ко Святой Чаше, и с благоговением пей из сего Источника безсмертия.

Отходя от Святой Чаши, имей пасхальное настроение. У тебя Пасха! Твоя личная Пасха. Ты воскреснешь в последний день, как воскрес Христос. До вечера не становись на колени. Пусть ликует и радуется дух твой... Чаще про себя тверди: “Слава Тебе, Боже, Слава Тебе, Боже, Слава Тебе, Боже!!!”

Теперь несколько слов к вам, детки мои! Отшествие мое близко! Может быть, не придется мне больше, как раньше, самому приготовлять вас к достойному проведению поста и к этим великим Таинствам. Прошу вас и молю: строго соблюдайте посты, никогда не ешьте скоромного ни в среду, ни в пятницу, ни в посты.

Перепишите себе каждый это мое убогое писание. Вынимайте его в каждый пост, прочитывайте и старайтесь по нему проводить посты и приступать к великим Таинствам Исповеди и Святого Причащения. Обо мне молитесь, а я о вас, чтобы быть нам вместе с Витей, Сережей и Володенькой в Царстве нашего Небесного Отца и Господа нашего Иисуса Христа благодатью Святого Духа. Аминь.

Протоиерей Сергий ПРАВДОЛЮБОВ
Малеево. Каменоломни. Ноябрь 1944 года

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.
Издание отпечатано в ГУП “Псковская областная типография” с готовых диапозитивов
Тираж 2000 экз. Заказ

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 523

Священномученик архиепископ Александр (Петровский)

В 1917-1919 годах был наместником Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

Силою молитвы твоея, страстотерпче Христов Александре, укрепи нас немощных на брань духовную со духом злобы поднебесной, устремившагося души народа нашего поглотити и погубити, молим тя прилежно.

Канон, песнь 9

Священномученик Александр,
архиепископ Харьковский

ЖИТИЕ
священномученика Александра (Петровского), архиепископа Харьковского

Священномученик архиепископ Александр (Петровский) родился 23 августа 1851 года в г. Луцке Волынской губернии в семье диакона. Окончил 4 класса Волынской Духовной семинарии, служил учителем народной школы. Рано потеряв родителей, вел рассеянную жизнь. Однажды во сне ему явилась покойная мать и сказала: «Оставляй эту жизнь и поступай в монастырь».

Это видение так повлияло на молодого человека, что он резко переменил образ жизни и, действительно, принял монашеский постриг в Москве, в Донском в честь иконы Божией Матери монастыре. Это произошло в 1900 году. Вскоре был рукоположен во иеромонаха и назначен наместником Донского монастыря с возведением в сан архимандрита.

С 1903 года он – эконом и казначей Туркестанского архиерейского дома, член Туркестанского учительского совета, консистории и императорского Палестинского общества.

В 1906 году назначен казначеем Жировицкого Успенского монастыря, в 1910 году переведен настоятелем Лубенского Спасо-Преображенского монастыря.

В 1911 году после прославления святителя Иоасафа Белгородского отец Александр организовал крестный ход из Лубенского монастыря в Белгород, в котором участвовало несколько сотен человек.

В декабре 1917 года только что избранный на Всероссийском Поместном Соборе Русской Православной Церкви Святейший Патриарх Тихон назначил архимандрита Александра настоятелем

Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. На его долю выпало управлять монастырём в очень сложное время. Страна с трудом выдерживала лишения войны. В конце февраля в России началась революция. Началась непрерывная смена политической ситуации. Печерская обитель оказалась в самом пекле страстей, военных схваток и вторжений.

На фоне частой смены власти появились банды, занимавшиеся грабежом и разбоем. В декабре 1917 года произошло, к примеру, такое событие. Русские войска уходили с фронта, поэтому в Печорах было много солдат с оружием в руках.

Однажды такой военный отряд, вооруженный станковым пулеметом, остановился около Варваринской церкви и готовился сбить из пулемёта двуглавый русский герб на Святых вратах, установленный Петром Первым. Началась стрельба. Но двуглавый орёл держался крепко на металлическом стержне. Стрельба не прекращалась, что начинало угрожать разрушением самой башни. Только вмешательство наместника монастыря архимандрита Александра спасло башню от разрушения.

Архимандрит Александр был человеком необыкновенно живым, общительным, ласковым, а вместе с тем умел стойкость свою сочетать с удивительной выдержкой, которая проявлялась во всем. В своих проповедях он открыто осуждал действия большевиков и своим ревностным словом согревал и укреплял боголюбивый православный народ стоять на жизнь и смерть за чистоту Святого Православия.

С 1919 года он настоятель скитской церкви бывшего Козельщанского Рождества Богородицы женского монастыря Полтавской губернии. Обитель была тогда многолюдной и богатой. Был там прекрасный храм, типография, иконописная мастерская. Служило там, найдя пристанище после закрытия церквей, двенадцать священников. «Забыть нельзя,— пишет свидетель,— как они пели акафист Живоносному Гробу. Мощным хором раздавался припев: *Радуйся, Живоносный Гробе, из него же Христос Воскресе*. Были между ними замечательные люди — подвижники, певцы, проповедники». Когда стало очень тяжело монастырю от всякого рода репрессий, часть сестер – до пятидесяти человек, переместились за реку Псел, где образовался скит. Духовником его и стал отец Алек-

сандр. Он обладал прекрасным тенором, любил пение и умел вдохновить народ на общее пение. «Пойте все!» — обращался архимандрит Александр к народу,— и вся масса молящихся подхватывала все основные молитвословия Всенощного бдения или Литургии. Служба совершалась истово, по уставу, всенощная тянулась не меньше четырех часов — и проходила с громадным подъемом.

Закрыт был Козельщанский монастырь и все храмы поблизости. Старосте одного из них удавалось некоторое время с большим трудом отстаивать скит, и туда собиралась масса народа со всей округи. Но в 1932 году и скит был также закрыт.

Отец Александр уехал в Киев и 30 октября 1932 года был хиротонисан во епископа Уманского, викария Киевской епархии, а 25 августа 1933 года назначен епископом Винницким. В 1934 году был членом Временного Патриаршего Священного Синода при Заместителе Патриаршего Местоблюстителя митрополите Сергии (Страгородском), с 20 мая 1937 года назначен архиепископом Харьковским.

К этому времени в Харькове действовал всего лишь один храм Канонической Православной Церкви – в честь святителя Николая. Единственный не только в Харькове, но и по всей Харьковской епархии (все остальные храмы были насильственным образом заняты обновленцами и самосвятами, старанием которых священнослужители, преданные Канонической Церкви, были репрессированы и большинство из них истреблены). Владыка Александр быстро приобрел всеобщую любовь. Был он человеком необыкновенно живым, общительным, ласковым, а вместе с тем умел стойкость свою сочетать с удивительной выдержкой, которая проявлялась во всем.

В этом храме владыка Александр постоянно священнодействовал и своим архипастырским ревностным словом согревал и укреплял боголюбивый православный народ стоять на жизнь и смерть за чистоту Святого Православия. Церковь была на окраине, и народ мог собираться туда без особого опасения. Собирались отовсюду.

Представители властей предложили архиепископу Александру поделить храм с обновленцами, чтобы в одно воскресенье служил архиепископ Александр с православным клиром, в другое — обновленцы. Паства была категорически против обновленцев, и,

чтобы избежать столкновения, владыка Александр предложил поделить храм: отдать обновленцам один из его приделов, с тем чтобы он был отделен стеной. Через две недели стена была сооружена. В обновленческом храме почти никого не было, зато православный посещало столько народа, что причащение продолжалось по несколько часов. Исповедь, конечно, была общей – при огромном количестве исповедников. Кончалось причащение в пять часов вечера,– и надо было до вечерни совершить несколько десятков крещений: восемьдесят, девяносто, а то и до ста двадцати. Приезжали люди из далеких мест и терпеливо простаивали долгие службы. А какой подъем царил – передать нельзя, какое пение – забыть нельзя. Владыка умел вдохновлять пение от всего сердца. Радея о богослужении, церковном пении, владыка Александр умел передать свою любовь прихожанам. Во время пения ектений: "Подай, Господи" – владыка говорил: "Да вы и человека не станете так просить, чтобы он подал, разве так холодно просят? Пойте все!" Как для многих православных иерархов того времени, пришел час и владыке Александру засвидетельствовать свою верность Христу и Его святой Церкви мученическим исповедничеством.

28 июля 1938 года архиепископ Александр был арестован НКВД по Харьковской области по подозрению в контрреволюционной пропаганде и агитации, якобы являясь участником антисоветской церковной организации, а также обвинялся в шпионаже в пользу Польши. 17 июня 1939 года военным трибуналом Харьковского военного округа Владыка Александр был осужден к 10 годам тюремного заключения. 5 января 1940 года приговор был отменен, и дело было возвращено на доследование, но в мае того же года владыка Александр скончался в тюремной больнице. О его страданиях в тюремных застенках и о мученической кончине лишь одному Богу известно.

На следующий день в городской судебно-медицинский морг был доставлен труп старика с документом, в котором была указана фамилия Петровский, с предписанием похоронить. Вскоре, однако, было получено указание возвратить труп в тюрьму. Работник морга, служивший иподиаконом у владыки Александра, и привратник, впоследствии ставший священником, сразу узнали владыку; в тюрьму были отправлены останки другого человека с до-

кументами архиепископа, а тело владыки Александра было вывезено из морга. Ночью монахи и близкие почитатели облачили его в архиерейские ризы, совершили отпевание и с благоговением похоронили на Залютинском кладбище города Харькова в стороне от общего места захоронения, обозначив могилу особым знаком.

В доброй памяти православного харьковского народа архиепископ Александр остался ревностным архипастырем и защитником Святой Канонической Православной Церкви, который пребывал непрестанно в молитвенном подвиге и ходатайстве пред Богом за спасение Святого Православия.

В 1991 году архиепископ Александр реабилитирован. 22 июня 1993 года определением Синода Украинской Православной Церкви прославлен как местночтимый святой Харьковской епархии; Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года причислен к лику общероссийских святых. Мощи владыки перенесены в Свято-Благовещенский собор города Харькова и установлены на особом месте, для молитвенного поклонения боголюбивого православного народа Харьковщины, с глубоким благоговением почитающего своего Небесного покровителя, наряду со святыми мощами святителя Афанасия Цареградского и Лубенского Чудотворца и святителя Мелетия Архиепископа Харьковского и Ахтырского.

Память священномученика Александра совершается 19 мая (1 июня), а также в 4-ю неделю по Пятидесятнице в Соборе Псково-Печерских святых.

Боголюбивый православный народ приобрел нового молитвенника и ходатая пред Богом, память которого в продолжении стояния за веру своих дедов и прадедов будет свято чтиться из рода в род.

Составлено по изданиям: Православная энциклопедия. Том I; За Христа пострадавшие: Гонения на Русскую Православную Церковь. 1917-1956; Новые мученики Российские, 1957; О Преславнаго Чудесе... Исторический очерк о Псково-Печерском Свято-Успенском монастыре в XX веке.– Псков, 2000.

Тропарь, глас 4

Нравом причастник, и престолом наместник апостолом быв, деяние обрел еси богодухновенне, в видения восход: сего ради слово истины исправляя, и веры ради пострадал еси даже до крове, священномучениче Александре, моли Христа Бога спастися душам нашим.

Кондак, глас 4

Во святителех благочестно пожив, и мучения путь прошед, идольския угасил еси жертвы, и поборник быв твоему стаду, богомудре, темже тя почитающе тайно вопием ти: от бед избави ны присно твоими мольбами, отче наш, Александре.

Величание

Величаем тя священномучениче, Александре, и чтем святую память твою: ты бо молиши за нас Христа Бога нашего.

Минея общая

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПОЧАЕВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 524

11 (24) мая 2003 года

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского

ЕВСЕВИЯ

перед выпускниками общеобразовательных учреждений города Пскова

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского

ЕВСЕВИЯ

перед выпускниками общеобразовательных учреждений города Пскова

Дорогие губернатор Евгений Эдуардович, мэр города Пскова Михаил Яковлевич, руководители и выпускники общеобразовательных учреждений города Пскова, дорогие родители, учителя, воспитатели!

Примите наше сердечное поздравление с окончанием учебного года. Сегодня у нас особый день – последнего звонка в этом учебном году. Но сегодня мы услышали и особый звон, под звуки которого мы собрались здесь на Вечевой – Соборной площади у стен нашего знаменитого Троицкого кафедрального собора. Этот звон возвестил вам уже не начало обычного урока. Он возвестил всем нам о начале Вашего нового этапа в жизни и учебе.

Мы пришли сюда для того, чтобы засвидетельствовать нашу память к историческому прошлому, чтобы прикоснуться к этому священному и дорогому для всех нас месту.

Прошел первый этап в жизни каждого из выпускников этого юбилейного года, и для вас начинается и открывается новый путь в вашей жизни.

Вот почему сегодня мы и хотели поблагодарить Бога прежде всего за то, что Он дал возможность, силы и здоровье, чтобы окончить этот учебный год.

Мы хотели бы поблагодарить ваших родителей за их нелегкий труд, понесенный ради вашего воспитания и образования. Мы хотели бы от вашего имени поблагодарить и низко поклониться всем руководителям образовательных учреждений за их огромный, титанический труд по делу вашего духовного возрастания и физического совершенствования.

Сегодня хотелось бы вам сказать, дорогие наши юноши и девушки, то, о чем вам мало говорили на ваших школьных уроках, а именно о времени, в которое мы сейчас живем. Оно тревожное, неспокойное и очень противоречивое: одни говорят и живут по-Божьему, а другие же по-своему. Молодым же трудно определиться, куда и за кем идти, а человечество все глубже и глубже вязнет в безнравственную грязь и все дальше и дальше отходит от Бога – источника всякой радости, жизни и света.

Дороги и близки моему сердцу все вы, пришедшие сегодня на это святое место, и обращаюсь ко всем вам с просьбой – почаще спрашивайте себя: кто я, откуда пришел, куда пойду, что я делаю, ради чего я живу, что будет после меня, что ожидает меня? Ведь я человек, а не животное; я знаю, что у меня есть разум, совесть, умею говорить, строить. Умею отличать хорошее от плохого, доброе от злого. Имея все это, не потерять бы свои дарования и употребить их на созидание, а не на разрушение.

Берегите трезвый ум, чистую совесть, человеческое достоинство, не отдавайте свою честь никому. Не теряйте своей – нашей православной веры в Бога, веры наших отцов, не изменяйте и своей – нашей Родине, верьте в Россию. Она всегда поможет вам. Стремитесь к тому, чтобы за ваши слова и дела вас благода-

рили, а не ругали и не проклинали. Учитесь уважать друг друга, а особенно старших. Цените жизнь, данную вам самим Богом и вашими родителями. Полюбите доброе и возненавидьте злое, мерзкое и пагубное.

В добрый жизненный вам путь! Господь Бог наш, Творец Вселенной да благословит каждого из вас Своим небесным благословением, а то, что вы услышали сейчас, пусть будет для вас правилом всей вашей жизни, и тогда будет с вами успех в делах, счастье и радость в вашей жизни.

Не забывайте этот праздничный день святых равноапостольных Мефодия и Кирилла, учителей славянских народов – основателей и нашей Русской культуры. Не забывайте своего священного города Пскова, своих родителей, учителей и тех, кто оказывал вам содействие в вашем воспитании, образовании и возрастании. Помните, что вы выходите из стен ваших школ в знаменательный, юбилейный 2003 год для нашего города Пскова. Не забывайте этих священных стен нашего Кремля, ведь они хранят богатую историю нашего народа, народа-созидателя, а не разрушителя.

Пусть звуки нашего древнего колокольного звона будят в вашем сознании чувства ко всему дорогому, святому и спасительному.

Благословение Божие да пребудет над всеми нами во все дни жизни нашей. Аминь.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 525

10 (23) мая 2003 года

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского ЕВСЕВИЯ перед призывниками

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского

ЕВСЕВИЯ

перед призывниками

Уважаемый губернатор Евгений Эдуардович, уважаемый мэр города Пскова Михаил Яковлевич! Дорогие военачальники, ветераны, воины наши, призывники, дорогие родители, отцы, братия и сестры!

Сегодня мы собрались здесь, чтобы встретиться с вами, порадоваться за наше новое поколение, за тех, кто готовится стать воином, защитником нашей Российской державы. И хотелось бы в этот день прежде всего поблагодарить Бога за эту возможность, чтобы стать здесь в окружении наших новых, молодых воинов. Поблагодарить родителей, учителей и тех, кто способствовал становлению и развитию этих сынов России.

Дорогие наши юные призывники, вам предстоит новый нелегкий жизненный путь – служение Родине, служение своему родному народу. Это воинское служение всегда вызыва-

ло у каждого гражданина своего государства чувство уважения, любви и заботы о своих воинах, о своих героях и защитниках.

И хотелось, чтобы это чувство не покинуло никого из нас. А молодые воины помнили бы тех, кто думает, заботится о них и помогает им.

Мы, люди старшего поколения, знаем, насколько сложная сейчас обстановка в мире, сколько требуется от нас сил, способностей, мужества, чтобы бороться с внешним и внутренним врагом.

Мудрые сказали, что жизнь – это борьба, а Господь сказал: "Побеждающему в борьбе дается награда". Так вот хотелось бы сказать в этот день нашим призывникам: "Готовьтесь не к поражениям, а к победам над силами противления как в духовном, так и в физическом смысле".

Хочу напомнить вам, что, кроме силы Божией и воинской силы, нет сильнее ничего в этом мире. На Бога и на наше воинство надеется наш народ. Отныне вы становитесь в ряды наших защитников, наших русских героев, от вас будут зависеть жизнь, мир и покой наших людей.

Берите пример стойкости и мужества у своих предшественников. Ведь Родина наша особенно прославлена великими полководцами и отважными солдатами, отдавшими свои силы и саму жизнь за святую Русь, о чем свидетельствуют эти имена, написанные на монументах памяти и в сердце народной истории.

Их молитвенно всегда вспоминает святая наша Православная Церковь, которая напоминает всем, что *нет больше той любви, как если кто положит душу* и жизнь свою *за други своя* (Ин. 15, 13).

Пусть Господь благословит начало вашего воинского служения на благо нашей родной России и на благо нашего родного народа.

Желаю всем вам крепости сил, мужества, успеха, воинских побед, а между вами да будут мир, дружелюбие и помощь друг другу. Не допускайте, чтобы кто-то посягал на ваше здоровье и на ваши честь и достоинство.

Знайте, что красота души и сердца – это чистая жизнь, это доброе отношение к вашим товарищам и помощь им. Если человек теряет совесть, если он нравственно падает, он уже не будет способен ни на какие подвиги, он уже не солдат и не воин. Он не защитник Отечества, он пленник своих собственных страстей. Такой человек никому не будет нужен.

Да не будет этого с вами, наши дорогие призывники, дорогие наши воины. Будьте славными солдатами России. Будьте сильными духом и здоровыми телом. Станьте в ряд русских богатырей на радость родной матери России, на защиту ее рубежей.

Бог благословит ваше служение нашей родной Отчизне. Аминь.

г. Псков

На 1-й стр. воинский храм в честь св. благоверного князя Александра Невского в г. Пскове.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 г.
Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 526

О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

О ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

СТЕНОГРАММА ЛЕКЦИИ

Вопрос о духе есть вопрос о безсмертной нашей жизни. Если мы не камни и не животные, то мы — духи, безсмертные лики духов, облеченных в тело. Но как это почувствовать, как осознать это в себе? Люди обращаются к Евангелию — высшей мудрости, читают Евангелие, стараются применять к себе. Но как часто Евангелие "не удовлетворяет" их, иначе сказать **— не удовлетворяет их то понимание Евангелия,** которое они имеют, ибо не духовной своей сутью они еще подходят к священной книге. Человек, средний человек в мире, собственно, живет только двумя сторонами своей жизни: физической и душевной, а духовная сторона большей частью в людях почти не заметна. И даже у верующих христиан она выражается слабо и почти ими не осознается.

Что такое "физическая" сторона жизни, это каждый знает, не стоит об этом и говорить. Душевная сторона жизни — это проявление естественных эмоций и психических сил в человеке — то, чем человек не отличается от животного. Но в чем же духовность? И как эту духовность в себе найти, и что с ней делать, как ее возрастить? Можно себе представить такую картину: гора, и в горе, в середине, в центре ее,— драгоценный камень. Точно такую же картину пред-

ставляет собой человек. Материал физический, материал душевный, психический,— и в центре этой человеческой жизни зерно-дух, ипостась личности духа.

Когда человек стареет и у него ослабляются все функции организма, ослабляются не только физические его органы — зрение, слух, функции тела,— но и душевные его качества слабеют: память, способности, которые он имел, таланты душевные ослабляются, сходят на нет. Но удивительное явление мы здесь наблюдаем в развитом духе. Дух не только не ослабляется со смертью душевного и физического организма, но дух проясняется, усиливается и как бы входит в свою настоящую полноту. Это было у всех святых, и это бывает у всех духовных людей. "Ветхий человек тлеет,— новый обновляется",— как говорил Апостол Павел. Это знают люди духа, и для них эта жизнь духа есть истинная реальность. Они, когда физический организм обновляется, не останавливаются на этом печальном явлении, они знают, что у них есть жемчужина, драгоценность, о которой говорит Евангелие, ибо Царство Божие подобно зерну горчичному, которое "меньше всех других семян", — говорит Господь, но, "когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его".

Дух придавлен земной оболочкой, плотью, душевностью, жизненными проявлениями от самой земли, но потом, если только человек обратит внимание на самое ценное, на самое великое, что в нем есть, на дух свой безсмертный, и начнет работать по развитию этого сокровища в себе — такой человек сам вырастает в большую духовность, и духовность начинает доминировать над его душевностью и его телесностью. Конечно, для многих людей здесь прежде всего подвиг веры, ибо, если духовная жизнь мало ощущается в себе или в других, то необходим подвиг веры.

Верьте больше святым, чем грешным, ибо все святые люди это утверждают, а все грешные отрицают. Человеку нужно произвести выбор между этими двумя половинами человечества, и если он осознает жизнь своего духа, то придет к познанию Духа Святого, Отца и Создателя и — проникнется сиянием света Христова. Евангелие говорит только об этом. Как Евангелие нельзя понимать плотским умом, так же нельзя понимать Евангелие и "душевно". Тот план, в котором Евангелие понятно, есть откровение духу от Духа. По мере роста духа в человеке ему начинает делаться понятной тайна Евангелия, и вырастает ценность его жизни.

Оптинский старец Варсонофий говорил одному близкому мне человеку: "Вот как иногда бывает,— должен ко мне прийти человек, мой духовный сын, которому я хочу дать духовный совет. Положение его я знаю; думаю, что мне ему ответить, что сказать, думаю, рассуждаю, решаю сказать ему то-то и то-то. Потом иду служить Литургию (после которой обычно бывает прием). Служу Литургию и, отслужив, причастившись Святых Таин, я говорю ему совершенно другое, чем то, что хотел сказать, и, вот, этот ответ бывает всегда правилен, этот ответ, подсказанный мне помимо действия моего разума, моих чувств"...

Это есть, конечно, проявление духовности, которое мы видим у всех святых, которое называется *прозорливостью.*

Прозорливость — это видение духом другого духа в человеке. Ведь обычно, когда мы друг с другом бываем знакомы, мы видим другого человека только физически или видим его лишь душевную психологию,— все это поверхностно, но дух наш может, действительно, коснуться глубин другого духа и познать его. Святые при большой очищенности сердца имели дар видения не глазами физическими, не психической догадкой, но дар подлинного познания души,— они видели душу другого человека.

Как начаток этой духовности проявляется у нас грешных? У нас это проявляется вот как: мы чувствуем, что, кроме внешних пяти чувств или даже шести чувств (мускульное шестое чувство), у нас еще есть какое-то высшее чувство. Мы его почти не замечаем, и нам трудно его всегда регистрировать. Вот мы, например, встречаем в первый раз человека: мы не знаем, кто он. Но тайно устанавливается у нас какое-то знание о нем: он нам приятен или неприятен, он нам "симпатичен" или "не симпатичен", как выражаемся мы. Уже потом, познакомившись с ним ближе, мы можем составить о нем наше мнение, но в данную минуту мы непосредственно его касаемся нашим духом. Здесь, конечно, могут быть ошибки (и бывают), ибо люди в мире не обладают чистотой и поэтому, конечно, могут и не вполне и всегда правильно почувствовать человека.

Дух — это наш талант, данный нам, который мы должны разработать, отдать в рост, чтобы его принести Господу очищенным и просветленным. Мы должны прежде всего свой дух заметить. Проявление духовности в человеке совершается в молитве. Молитва есть зеркало духовности. Чем человек духовнее, тем молитва его горячей, ярче, сильней; легче воспламеняется и поддерживается.

Но уже вера в свой безсмертный дух и сознание слабости и потемненности своей — это тоже есть проявление духовности. Люди, имеющие опыт настоящего покаяния, настоящего приобщения (подлинно в вере) Святых Таин, имеют опыт духа вот какой: "опыт легкости" — вдруг их телесность становится легкой, их душевное чувство приобретает некоторую окрыленность, которая не является результатом простой, обычной радости (ведь иногда человек чувствует земную окрыленность после стакана вина или приятного разговора), но действиями благодати. Небесная окрыленность является и независимо от принятия Святых

Таин; чаще всего после доброго поступка — человек сделает другому человеку безкорыстное добро и потом чувствует небесную радость.

Я коснулся проявления духовности положительной, но есть духовность отрицательного порядка. С прискорбием скажу, что некоторые люди, которые даже называют себя “верующими” и “православными”, не верят, категорически не верят (с некоторой усмешкой даже) в реальность существования сил зла. Так же существуют темные духи, как и существует ангельский мир, как существует Отец ангелов и людей. И даже с этим темным миром человеку приходится гораздо чаще встречаться, чем с миром светлым. Посмотрите на лицо злобствующего человека, который одержим какой-нибудь страстью: чувством скупости, пристрастия к деньгам, к вину. Посмотрите на человека, который завидует, и вы увидите демонический дух,— а не человеческий. В глазах их пробегает что-то, не только не достойное человека, но и смертельное для человека. И сколь часто человек бывает пленником этого духа, является добычей невидимых разбойников, которые его обкрадывают, как птицы притчи евангельской склевывают зерна, лежащие “при дороге” (См. притчу о Сеятеле).

Откуда это?.. А когда человек приходит в храм Божий, чтобы молиться, исполнен молитвенным жаром, молится и вдруг чувствует, что начинают его касаться кощунственные, грязные мысли; он мучается, терзается, приходит в отчаяние. Но отчаиваться ему не надо, ибо это не его мысли, но невидимого злого духа, к нему подошедшего.

Епископ Феофан говорит, что духовная жизнь человека начинается с той минуты, когда человек начинает различать три мира: мир собственного своего духа, мир темный и мир светлый. Как наша душа может приходить в соприкосновение с душами других людей, также наша душа входит в

соприкосновение с духом безтелесным, светлым или темным. Светлый наш помощник есть хранитель, дух, ведущий нас, но не принуждающий нас, а помогающий, дающий нам благой совет. И темный дух бывает близок к нам; дух, который вторгается в нашу душу и производит в ней большие опустошения.

Ограниченный временем, я не могу вам в достаточной полноте раскрыть реальность этих двух миров. Но если человек ощутил в молитве соприкосновение с высшим миром, Божиим, то он, несомненно, тем самым приобрел опыт узнавать влияние и внушение с другой (темной) стороны. Человеку надо быть, действительно, опытным в этом деле. Если же он не будет даже верить, что эти духовные силы существуют около него, то он будет делать дела, которые потом его и других будут повергать в великую скорбь. Апостол Павел, в полноте владевший духовным опытом, говорит: "Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего приимите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять. *Итак станьте, препоясав чресла ваши истиною, и облекшись в броню праведности, и обув ноги в готовность благовествовать мир; а паче всего возьмите щит веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие* (Послание к Ефесянам, гл. 6, 14-17). Наша общехристианская борьба не против "плоти и крови", не против материального мира,— наша борьба духовная с действительными величинами всех сил темного мира. Святые, подвижники нашей веры, Учители нашей Церкви, как опытные врачи (имеющие ве-

ликий опыт), дают нам практические советы в ведении и охранении нашей жизни.

Человек, действительно, может осознать, что есть потусторонний мир — светлый и темный, и есть души человеческие, которые общаются то со светлым, то с темным миром. У многих людей подчас рождается чувство особенное, благодатное, когда они входят в какой-нибудь дом, квартиру, где благодать и мир. Они чувствуют, духовно осязают это. Входя же в дом, где злость, ссоры, ненависть, споры всякие, они тоже почувствуют и эту атмосферу. Поэтому люди всегда ищут успокоение около какого-нибудь человека, имеющего в себе благодать и мир. Об этом сказал преподобный Серафим Саровский: “Стяжи в себе мир — вокруг тебя спасутся тысячи. Неси всегда свет, чистоту, любовь, неси это Царство Божие, и вокруг тебя спасутся тысячи; ты, может быть, ничего не будешь им говорить, а они будут спасаться от того, что будут **около Божьего света, горящего в тебе ”.**

Но вот человек осознал, что высший подлинный мир познается только чрез мир духа. Что делать, как вести жизнь? Я отвечу кратко:

Основание духовности есть видеть свои грехи, свою немощь, и верить, что только благодать Божия может исцелить нас, духовно воскресить. **Все, что человек делает в отношении своего тела, пусть исполняет в отношении своего духа,— вот что есть духовная жизнь.** Мы питаем свое тело, греем, моем его, даем ему воздух,— **все это нужно делать и в отношении духа.** Омовение есть исповедь; видя свои грехи, надо чувствовать и верить, что только благодатью Христовой они омываются и очищаются. Писание есть благодать Божия, манна небесная (она в древности была лишь прообразом действительной манны, благодати Христовой); человек может насытиться только благодатью Божией; все

остальное лишь разжигает, дает удовлетворение на короткое время, и потом еще больше мучает человека. **Свет...** Что такое свет? Это правда; она освящает. Что такое **тепло?** Это любовь, которой мы должны наполнять наше духовное существо (борьба против **холода** — зла). *Такова жизнь духа. Питание — благодать Божию* можно получить через молитву. Молитва — это наша пища духовная; мы не забываем пить чай, и обедать, и ужинать каждый день, но что мы даем нашему духу вне формальной молитвы? Мы думаем часто, как бы "отбыть молитву" и не стремимся,— как птица поет и зверь дышит,— любить небо и молиться всегда, быть в молитвенности непрестанно.

Человеку надлежит приводить свой дух в равновесие; человек не может вести правильно свою духовную жизнь, если дух его постоянно колеблется. Когда мы волнуемся, выходим из себя, мы делаемся неспособными к обычной жизни, делаем ошибки, ибо **потеряли свое равновесие.** Первый признак человека, стремящегося к духовной жизни,— стремиться к равновесию, к спокойствию духа. А для этого человек не должен быть ни к чему чрезмерно привязан — ни к своим привычкам, ни к вещам, ни к людям... Чрезмерная привязанность должна быть только к Богу.

Нужно питать, греть, освещать, омывать свой дух, давать ему некий простор для роста, ставить его в те условия, в которых живет наше тело, не могущее жить в иных условиях питания, тепла, элементарной гигиены; такую гигиену мы должны давать и нашему духу.

Даже не очень духовным взором человек может видеть в повседневной жизни, как освящается через нашу плоть дух. Совершенно явственно сквозь лицо человека, особенно через глаза, светится иногда что-то теплое и светлое; лицо бывает наполнено внутренним светом. Эту озаренность переживает человеческая душа и в себе.

Мы тянемся к Жизни... Сознательно или безсознательно, но мы хотим понять эту Жизнь, к которой мы тянемся, как к какой-то полноте, которой здесь нет,— только клочок которой мы видим здесь. Эта полнота — наша истинная жизнь, и блажен человек, который не увлекается внешним обликом скоропреходящего мира, но останавливает свой взор на искорках подлинной жизни, видимой в себе, зажигается этими искорками и горит. Нам надо здесь уже зажечься! Если здесь, на земле, не зажжемся,— зажжемся ли мы после?

В обращении взора к небу состоит духовная жизнь человека. Мы должны стяжать жизнь в ином мире. Мы должны заметить в себе и в других дух безсмертный, и ради него жить, в нем положить свою надежду. И когда наступит неизбежная последняя минута нашей земной жизни и рука Всевышнего призовет нас в другой мир,— мы тогда пойдем в этот мир не как животное, сопротивляясь и как бы проваливаясь в бездну, но — как в дом родной, куда тянулась всю жизнь наша душа, что мы любили, во что верили радостно. Легка бывает смерть такого человека. Душа легка, она не тяжела, не вязнет в этом мире и потому легко отходит. И, конечно, что может ждать такой человек, как не **полноты блаженства,** начало которого он уже испытал здесь!

Но путь к этому блаженству ведет через крест.

Многие понимают крест как что-то лишь извне приходящее. Это не совсем верно. **Взятие креста Христова — есть готовность человека на борьбу за правду, за любовь и за чистоту в этом мире.**

Трудна эта борьба в грешном и прелюбодейном мире, ужасно трудно бывает пребывать здесь в полной правде. Все осуждают, срывают ваш порыв к добру, а вы несете его чрез всю жизнь, как крест. Это есть крест Христов. Можно нести в жизни и разбойничий крест, крест того разбойника, который не покаялся. Оба разбойника несли крест, и только

один из них взял крест Христов (смирение), а другой остался со своим крестом разбойника. Действительно, трудна и трагична жизнь духовного человека в этом мире, ибо о нем правдиво можно сказать, что он “не от мира сего”.

Обычно, говоря про человека, что он “не от мира сего”, хотят сказать, что он — недалекий, неумный, не могущий жить с другими. Это очень неверно. Человек “не от мира сего” — это человек, ценности которого выше ценностей большинства людей этого мира. Внешне этот человек может жить, как жил известный государственный деятель Сперанский (который вместе со своей многотрудной деятельностью был и большим духовным человеком, с подлинным молитвенным опытом). Можно быть хирургом — как Пирогов, писателем — как Достоевский... На всех путях человек может осуществлять Христову правду. Он не должен для этого внешне выходить из мира сего. Жить отшельником. И в мире человек может сохраниться от зла. В этом чудо жизни во Христе. Господь жил не в пустыне, не в горах, а среди мира, именно для того, чтобы каждый человек воплотил Его Дух в своей личной жизни, на каких бы путях он ни стоял. Многим кажется, что она невозможна, что пойди они в монастырь, они бы стали жить духовно. Но и в монастыре жизнь бывает трудна, не лишена **тех же** трудностей, что и в миру. Всякий человек должен помнить, что не своей силой он просветляется, а Божией силой. “Его” силы нет, есть Божия сила. “Невозможное человеку возможно Богу”. В это надо верить. Верить не только в то, что Господь **есть,** а верить во все Его слова, в то, что Евангелие — самая реальная книга в этом мире. **Кто в это поверит, тот увидит, что это так.**

Говоря о духовной жизни, можно ее сравнить с плаванием... Человек, знающий, как плавать, но не плавающий,— утонет. Понятно ли, что я хочу этим сказать? Что недоста-

точно только теоретическое знание некоторых истин, но практическое их исполнение, вот что важно. Нужен первый путь, первые шаги, важен свой подлинный опыт.

Да, силу чувства обращенности и превращенности из ветхого в новое, от греха к правде можно назвать чудом. Чудо — в рождении духовного человека; и оно всегда сопровождается удивлением, изумлением, ибо открывается то, чего человек дотоле не видел.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 г.

Лицензия № 03083 от 15 июня 1998 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 527

Святой праведный

Иоанн Кронштадтский

БЕСЕДА О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

БЕСЕДА О БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ*

Дорогие мои, сейчас я вам расскажу о Божественной литургии. Если собрать драгоценности всего мира и положить на одну чашу весов, а на другую — Литургию, то чаша весов с Божественной литургией перевесит. Только человек не понимает, какой драгоценностью он обладает до тех пор, пока это счастье не отнимается у него. К сожалению, человек не ценит ни солнце, ни воздух, ни свет. Настанет темнота, отберется воздух, и нечем ему будет дышать, тогда поймет человек и оценит, чем он обладал и чего лишился. Люди, имеющие возможность бывать на Божественной литургии, не бывают на ней, а те, кто ходит, часто стоят невнимательно, рассеянно, привнося с собой [*в церковь*] житейские помыслы и заботы. Почему же это так? Да потому, что он не вдумывается, что же это такое — Литургия. Человек не понимает всю глубину и всю важность совершаемой перед его глазами Великой Тайны, между тем из чудес это самое важнейшее и есть — Божественная литургия.

Ради Божественной литургии — Тайны — солнце на небе светит днем, луна — ночью; и звезды небесные, тысячи их, свой свет издают; и земля плод дает, и потому мы можем питаться хлебом. Повторяю: земля только потому приносит плоды, хлеб и виноград, что хлеб и вино каждый день приносятся на святой Престол при совершении Литургии. Не нам, не для нас, грешных, покрытых язвами, дает земля плод свой, не стоим мы его. Земля дает его для Божественной жертвы и будет давать, доколе будет совершаться Божественная литургия.

Не будет Литургии — солнце померкнет, и земля перестанет производить свой плод.

Теперь я расскажу вам, кто и когда совершал впервые Божественную литургию. Есть на небе Солнце Правды — вечное, никем не сотворенное, самосветящееся и разливающее предвечный Свет.

* Публикуется по: *В. Т. Верховцева*. Воспоминания об отце Иоанне Кронштадтском его духовной дочери. Сергиев Посад. 1916. С. 24-27.

Солнце — это Бог Отец, и от Него — Солнца пресветлого исходит Божественный луч. Это — Сын Божий. Это — луч Божественный, луч Света дивного. Он зажег на земле чудную лампаду, не елеем наполняя ее, не маслом, а Своею Божественною чистою Кровию. И это и есть Божественная литургия, и совершил ее в первый раз Господь наш Иисус Христос в Сионской горнице, в час, когда совершалась Тайная Вечеря.

Святые отцы описывают, что первую Литургию Иисус Христос совершал так.

Взял хлеб, нет, не хлеб взял Спаситель в Свои пречистые руки, а тебя, душа грешная, тебя Спаситель Своими святейшими руками взял, возвел очи Свои к небу и, показав Отцу нашу грешную душу, сказал: "Искуплю ее Кровию Своею и мукою Крестною и грехи ее беру на Себя" (см.: Откр. 1, 5; Евр. 13, 12-13). Потом сказал Иисус Христос: *Приимите, ядите: сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26), благословив хлеб, как бы ожидая Свою крестную смерть, сделав на хлебе знамение — Крест. Затем, взяв чашу с вином, благословил ее и, возведя очи Свои к небу, подал ее ученикам Своим и сказал: "Пейте от чаши сей, *ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета,* сие творите в Мое воспоминание" (см. Мф. 26, 27). Так была установлена первая Литургия Иисуса Христа на Тайной Вечери. И теперь приносятся на Престол хлеб и вино, но в Божественной литургии они превращаются в Тело и Кровь Христа. И люди, вкусив Тело и Кровь Христовы, приобщаются Божественному Естеству так, чтобы вошел в дом души их Господь, и душа стала [*со*] Христом.

О, какое это великое счастье! Господь входит в грешную душу и испепеляет в ней все беззакония, и делается душа человека Домом Божиим. И так оставил наш Спаситель как бы завещание совершать Литургию и вкушать Его животворящие Тело и Кровь. Литургия — это дивный подарок Иисуса Христа, Литургия — это мост, по которому можно пройти в жизнь вечную. Помните — это завещание Иисуса Христа! Идите этим золотым мостом, который спасает от пропасти ада. Не слушайте, возлюбленные, тех людей, которые бегут от чаши Спасителя. Это несчастные, заблудшие, жалкие люди, вдали от реки [*жизни*] Христовой они падают в пропасть.

О, как жалки, как несчастны эти люди, которые меняют службу Божественную на мечты мира сего, которых житейские заботы лишают быть в храме Божием. Други мои! Любите храм Божий! Это постоянное [*место*] пре-

бывания Бога. Спешите туда, особенно в праздники. Там свет, освещающий и укрепляющий всякого человека. Там святое приношение Тела и Крови Христовой, нас укрепляющее, опаляющее, очищающее нашу душу. Притом Литургия у нас еще называется обедней. Это обед и пир, на который Господь зовет через слуг Своих; слуги — это пастыри. Но как много среди нас таких, которые на зов Царя не откликаются и не хотят слушаться голоса Христова и святого Евангелия. Мало того, что сами не идут, но и другим мешают, смеются над ними. О, как [*они*] несчастны окаянные, лишающие себя драгоценного дара; топчут они в заблуждении своем благоуханную розу — Божественную литургию Христову. Дорогие мои, любите Божественную литургию, считайте для себя потерянным тот день своей жизни, в который не удалось быть за Литургией, особенно в праздник.

Святой Иоанн Златоуст говорит, что Божественная литургия есть великий чудный дар; Ангелы Божии завидуют нам, людям, которым даровано счастье — вкушать Божественные Тело и Кровь. Они миллиардами слетаются туда, где приносится Божественная жертва и с трепетом предстоят пред святым Престолом, закрывая лица и прославляя великую Тайну, совершаемую здесь.

Божественная литургия есть ось мира: как колеса могут двигаться только вокруг оси, так и наш мир может двигаться, имея Божественную литургию. Она есть основание всей жизни мира. А если бы не было этого, наш страшный, грешный мир от нечистоты и беззакония погиб бы и разрушился, если бы не освящался этими великими Тайнами страшными явления Божественного Искупителя. В этот момент освящается Престол и храм, и все молящиеся освящаются. Земля, самый воздух дают человеку все необходимое для жизни только потому, что на Престоле возлежит Святой Агнец — Иисус Христос — на дискосе и в чаше под видом вина и хлеба.

Дорогие мои, благодарите Господа за то, что Он сподобляет нас слушать Божественную литургию и вкушать Пречистое Тело Свое и Животворящую Кровь Свою.

Молю Тебя, Господи, о тех, которые в заблуждении своем не хотят, не ищут найти утешение в Святых Тайнах спасительных, но Ты же и вразуми их, Господи, и приведи к покаянию, чтобы они познали спасительную силу Твою.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2003 год
Тираж 1000 экз.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 528

СВЯТОСТЬ

Апо́столи, му́ченицы и проро́цы,/ святи́телие, преподо́бнии и пра́ведннии,/ до́бре подвиг соверши́вшии и веру соблю́дшии,/ дерзнове́ние имуще ко Спасу,/ о нас Того, яко Бла́га, моли́те,// спасти́ся, молимся, душа́м нашим.

Тропарь всем святым, глас 2: субботы

СВЯТОСТЬ

Какой славой для Православной Церкви является сонм ее святых! Какое их бесчисленное множество!

Сколько тысяч их мы знаем по именам, но еще больше – нескончаемые тысячи – мы по именам не знаем. Разве можно назвать поименно все тех святых мучеников в числе двадцати тысяч, которые были сожжены в Никомидии в праздник Рождества Христова нечестивым царем Максимианом? Языческий царь Максимиан (это был 302 год по Рождестве Христовом) справлял праздник победы, принося жертвы богам. На площади около язычников оказались, может быть из любопытства, и многие христиане. Когда началось кропление народа идоложертвенной кровью, то есть кровью животных, закланных в честь идолов, христиане побежали с этой площади к своему святому храму. Максимиан повелел сжечь и храм со всеми молившимися, и всех, кто находился в ограде и около храма. В этот день, 28 декабря по церковному стилю, мы прославляем этих двадцать тысяч с лишком мучеников за Христа, сожженных нечестивым Максимианом. Разве мы можем знать их имена?

Разве нам ведомы имена четырнадцати тысяч младенцев, истребленных Иродом, вскоре после рождения Спасителя мира,– младенцев, еще не вкусивших греха и святыми своими душами прославляющих Господа в Небесном Его царстве? В рождественские дни мы вспоминаем и эти четырнадцать тысяч мучеников-детей, убиенных за Христа.

Разве известно множество тысяч имен подвижников и пустынников палестинских, египетских, сирийских, которые от четвертого века христианства сияли своими подвигами в великих обителях этой страны и о которых церковные историки говорили, что каждый, кто обитал в этих святых обителях, достигал святости своими подвигами? Или имена подвижников русских монастырей?

А сколько просто рабов Божиих, живших и не в монастырях, и не в пустынях, а в обычных домах, но с Господом в душе, праведная жизнь которых была покрыта покровом их величайшего смирения, которые спаслись для вечной жизни, вошли в Царствие Небесное и остались, или чаще всего, не остались в памяти людей, уйдя, как верные дети своего Божественного учителя, к Господу и ведомые Ему только Одному!

Их миллионы, прославляемых нами святых Божиих людей. Какой они дают нам всем урок – и святители, и преподобные, и мученики, и просто рабы Божии, которые в тайниках своего сердца спаслись верою и добродетельною своею жизнью? Святой апостол Павел отвечает на этот вопрос. Он говорит: “Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа” (Евр. 12, 14).

Вот цель нашей жизни, вот завет всех святых Божиих угодников: к святости стремиться, иначе говоря, к спасению своей души, как к этой святости стремились все Божии люди.

Господь не требует от нас, чтобы мы, подобно Его апостолам, оставили свои семьи, свои дома. Никто нас не истязает и не мучает так, как мучили в первые века святых Христовых учеников. Но все мы должны жить со Христом и в этой жизни со Христом достигать святости или вечного спасения, стать достойными небесных обителей радости, света и вечного счастья у нашего небесного Отца.

Ведь мы что обещаем Господу во святом Крещении (возможно, через своих восприемников), а потом много раз обещали Господу в минуту благодатного покаяния? Мы обещали отречься от диавола как начальника всех грехов; обещали много раз в течение всей жизни при своем покаянии отказаться от греховной жизни и всеми силами души сохранять в себе чистое сердце.

Мы сочетались со Христом в святом Таинстве крещения, а это значит, что мы и душу, и тело, и жизнь, и свободу,– все должны посвятить нашему Господу Иисусу Христу. В этом сила нашего христианского Крещения, в этом значение нашего христианского звания, в этом сущность нашей христианской жизни. Если же кто и принял святое Крещение, но не живет со Христом, о том сказано в Слове Божием, что он кажется только живым, но он мертв.

Мы должны жить со Христом. Это что значит? Живет со Христом тот, кто верует в Спасителя; тот, кто верует в Господа как Источник благодати, без которой мы все погибли бы во грехах своих; кто верует в Господа как Судию и Воздаятеля, Который имеет власть или прославить нас, или повергнуть навеки в скорбь и плач. Живет со Христом тот, для кого Господь Иисус Христос и свет, и жизнь, и утешение, и радость, и блаженство, и наслаждение, и высочайший пример для подражания. Пусть никто не подумает, что идти за Христом – это значит наносить какой-либо ущерб своим делам земным: домашним или служебным, рабочим. Напротив, кто идет за Христом и призывает Его Пресвятое Имя, того Господь благословляет успехом в его трудах, тот освящается в своих трудах благословением Божиим, и Господь взирает на него как на Свое верное дитя. Он благословляет его совершать земные его труды и в то же время ни-

когда не забывать того, что жить со Христом, спасать свою душу – это священнейший долг каждого, кто носит высочайшее звание христианина, кто путем спасения идет к вечной жизни.

Дорогие мои, мы живем со Христом, мы спасаем свои души не только помощью Божией, не только своими слабыми силами, стремясь к святости. Разве святые угодники Божии когда-либо порывали или разрывают связь с нами? Никогда. Они пребывают в Церкви Небесной, мы пребываем в Церкви земной, а Церковь Небесная и Церковь земная – одно Тело Христово. Если они в своей земной жизни молились о нас, разве теперь, когда они стоят у Престола Божия, не тем ли чище и действенней их молитва за нас, помогающая нам спасать грешные души? Если они любили нас, любили людей в земной жизни, то не тем ли совершеннее их любовь к нам, их забота о нас теперь, когда они приобщились любви Божией, когда они созерцают Самого Господа? Они, мы веруем, непрестанно молятся о том, чтобы мы жили со Христом в душе, чтобы мы учились подражать нашему Спасителю и им, святым угодникам, в вере, терпении, любви, молитве, покаянии, смирении, незлобии, чтобы не погибла ни одна душа, ибо на каждом из нас лежит печать, неизгладимая печать дара Духа Святого, которую мы получили в святом Крещении. И нужно, чтобы мы с этой печатью на своей бессмертной душе непостыдно предстали перед Лицом Божиим, когда Господу угодно будет нас призвать.

Веруя в то, что в деле нашего спасения нам помогают и молитвы святых угодников, мы им молимся, мы их благодарим за ту помощь, которую не раз осязали на себе. Мы их просим, чтобы они умоляли за нас Христа, Спасителя нашего, чтобы Он за грехи наши не отнимал от нас Своих благословений, но помогал нам терпеть в скорбях, каяться в грехах и никогда не терять Господа Иисуса Христа в своем сердце.

И дай Бог нам иметь в себе чистое сердце и не опаздывать в деле спасения! Не знает никто из нас, когда постигнет его болезнь и смерть. Не откладывайте на завтра украшение души теми святыми Божиими добродетелями, которые ведут всех нас к спасению, как привели к спасению вечному святых угодников.

Пошли же, Господи, нам всем, по молитвам святых, постоянное памятование среди трудов земных о том, что мы придем к вечной жизни и что наибольшим и наивысшим счастьем для наших бессмертных душ будет поклониться Господу, Преблагословенной Матери Божией и всем святым угодникам Божиим.

Митрополит Николай (Ярушевич). Слово, сказанное в Ильинской церкви г. Москвы, что в Черкизове // Митрополит Николай (Ярушевич). Слова и речи (1957 – 1960 гг.). СПб. 1994. С. 181-184. (ЖМП, 1959, № 10, с. 55-57).

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 529

ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

С праздником Пресвятыя Славныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии поздравляем вас, дорогие братия и сестры, паломники, печеряне, благотворители и почитатели нашей святой Псково-Печерской обители! Прославим, вернии, Обрадованную Богородицу, паче же во устех наших имамы всегда святое и благословенное имя Ея!

Духовный Собор старцев
Псково-Печерского монастыря

Богослужения праздника Успения Пресвятыя Богородицы

27-го августа

В ***4 часа дня*** — Малая вечерня и молебен Божией Матери с акафистом на Успенской площади.

В ***6 часов вечера*** — Всенощное бдение праздника на Успенской площади с переходом в ***7 часов 30 минут*** на Михайловскую площадь.

28-го августа

В ***5 часов утра*** — ранняя Божественная литургия в Сретенском храме. В ***5 часов 30 минут утра*** — водосвятный молебен в Успенском *соборе.* В ***7 часов утра*** — средняя Божественная литургия в Успенском Соборе. С ***7-ми часов утра*** до начала Крестного хода — молебны пред чудотворным образом Успения Пресвятыя Богородицы на Михайловской площади. В ***10 часов утра*** — поздняя Божественная литургия в Михайловском соборе, после которой (в начале первого часа дня) — Крестный ход вокруг монастыря с чудотворной иконой Успения Пресвятыя Богородицы.

В ***6 часов вечера*** — вечернее Богослужение праздника Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа на Михайловской площади.

29-го августа

В ***7 часов утра*** — ранняя Божественная литургия в Успенском соборе. В ***10 часов утра*** — поздняя Божественная литургия в Михайловском соборе.

В ***6 часов вечера*** — Чин Погребения Божией Матери на Михайловской площади, после пения Великого Славословия — шествие со святой Плащаницей на Успенскую площадь.

30-го августа

В *8 часов утра* **— Божественная литургия в Успенском соборе.**

ПОБЕДА НАД СМЕРТЬЮ

Слово в день Успения Пресвятой Богородицы

Воспою, радуяся, Твоя Успение.
Ирмос песни 1-й

Братья, что это значит, что Церковь кончину Божией Матери называет не смертью, как обыкновенно мы называем кончину людей, а успением или, что все равно, упокоением или мирным сном, и не только не скорбит, не плачет при гробе Ее, а, напротив, поет радостные, торжественные песни Ее исходу? То, что преблагословенная Матерь Господа в самом деле не умерла, как обыкновенно умирают люди, а как бы уснула ненадолго мирным сном после тяжких скорбей жизни и что гроб Ее, бывший для Нее дверью к Небесному Царствию, скрывает в себе много радости для христианина; из этого гроба, как и из гроба воскресшего Господа, веет и на нас небесным нетлением, или лучше сказать — этот гроб непреложно обещает и нам бессмертие по душе и нетление по телу, истребляя в нас страх смерти. Слава Победителю смерти, Господу Иисусу! До пришествия Его смерть была очень страшна для человека потому, что она похищала свои добы-

чи безвозвратно, а средств избавиться от нее никаких не было, так как грех, которым сильна была смерть, разливался подобно морскому наводнению и остановить это наводнение ничто было не в силах; между тем знали, что люди, похищенные смертью, как пленники, содержались там, куда они обыкновенно отходили после смерти. Было, правда, два-три примера, что двое из людей вовсе не испытали смерти, а один молитвой и слезами получил отсрочку у нее тогда, как она совсем было занесла уже на него убийственную руку, и ей не велено было касаться его еще пятнадцать лет. Но что значили эти два-три примера в сравнении с миллионами людей умиравших?! То же, что капля в океане. Притом последний пример не был совсем утешителен для людей потому, что царь Езекия не мог же совершенно избавиться от смерти, а только вымолил себе отсрочку от нее, а первые два — Енох и Илия — считались неподражаемыми по святости жизни, за которую они были живыми взяты на небо. Что же видим теперь, после явления Господа во плоти нашей и после победы, одержанной Им над грехом и смертью? Весь ужас смерти исчез; она сделалась как бы мирным сном, после которого настанет радостное утро всеобщего воскресения. По мере того как каждый из нас побеждает еще живущий в нас грех,— а теперь даны нам все средства побеждать его (2 Пет. 1, 3), — исчезает и страх смерти, так что торжествующие победители греха с радостью встречают ложе смерти и уже не умирают, а точно засыпают мирным сном. “Ныне,— говорит св. Златоуст,— Господь сокрушил врата адовы и само лицо смерти истребил. Но что я говорю: лицо смерти? Даже само имя смерти изменил, ибо она теперь называется уже не смертью, но успокоением и сном”. Самый

очевидный пример торжества над смертью видим мы в пречистой Матери Господа. Она склонилась в гробе только для краткого отдохновения плоти. Говорим "для краткого" потому, что, по свидетельству предания, на третий день после Ее смерти уже не найдено в гробе пречистого тела Ее — оно воскрешено и взято было на небо, где вместе с душой стало наслаждаться блаженством небесным. За Божией Матерью видим апостолов и мучеников, которые встречают смерть с радостью, как величайшего друга, который взамен скоропреходящих благ настоящего мира или взамен его бед и скорбей дарствует им вечные радости Царствия Небесного. За ними видим всех святых, которые смотрели на смерть также с радостью, видя в ней конец земных трудов и начало небесной славы. Святая Церковь старается и в нас поселить такое же бесстрашие к смерти, увещевая нас прогонять страх ее постепенным искоренением в себе грехов, и своих мертвецов она называет теперь не иначе, как усопшими, т. е. как бы уснувшими, потому что бессмертная жизнь в будущем веке так теперь для нас несомненна и право наше на нее так верно, что мы не можем или не должны иначе смотреть на смерть, как на сон. Слава бесконечно благому Богу! Прежде над мертвецами долго и безутешно рыдали, и даже повелевалось прямо над мертвецами источать слезы. *Чадо,*— говорит богопросвещенный мудрец,— *над мертвецом источи слезы, и якоже зле страждущ начни плач... Горек сотвори плач, и рыдание тепло, и сотвори сетование, якоже ему достоит* (Сир. 38, 16-17), а ныне вместо надгробного рыдания мы поем песнь *Аллилуиа,* или *Хвалите Бога,* восхваляя божественную премудрость и благость, которые смерть сделала переходом к бессмертию.

Братья! Звания небесного причастницы, вы видели на иконе всечестного и славного Успения Богоматери, как Она мирно почивает. Какое спокойствие и отражение небесной радости на Ее лике! Это точно сон, краткий переход от земли на небо. Поучимся же и сами рачением к добродетели и презрением к пороку сделать смерть свою мирным сном. Доколе будет царствовать в нас грех, дотоле будет страшна для нас и смерть, потому что точно *смерть грешников люта* (Пс. 33, 22). Грех есть причина смерти. *Оброцы греха,* сказано, *смерть* (Рим. 6, 23).

Будем же посильно побеждать в себе грех как причину смерти. Побеждать его только сначала весьма трудно, а потом будет и легко, и сладостно, так как по мере увеличения *страданий,* причиняемых борьбой с грехом, *будет увеличиваться и утешение Христово* (2 Кор. 1, 5) в нас и Господь, сказавший, что *иго* Его *благо и бремя легко* (Мф. 11, 30), верно, сделает легкими и животворными и труды подвижников. Притом, что достается трудом, то дороже ценится и тем мы больше наслаждаемся. Мы для трудов и созданы, а не для неги и бездействия. Да, небесная слава, конца не имеющая, без сомнения, и стоит посильных трудов целой жизни. Это несравненное блаженство, это царство славы даром не дается. *Царство Небесное,* сказано, *нудится,* т. е. силой приобретается, *и нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12).

Не оттого ли мы так ленивы побеждать в себе страсти и злые наклонности, что в нас слаба вера в жизнь будущего века? Но она также несомненна, как настоящая жизнь наша. Разве Тот, Кто дал нам начаток жизни здесь, на земле, не даст нам полной, совершенной жизни на небе?! Да, это неизбежно должно быть, и этому труднее не быть, чем быть. И в этом уверяет нас неложное слово Божие. *Вси сущии во гробех,*— говорит оно,— *услышат*

глас Сына Божия, и, услышавши, оживут, *и изыдут, сотворшии благая, в воскрешение живота: а сотворшии злая, в воскресение суда* (Ин. 5, 28-29).

Братья! Вечная жизнь за гробом не подлежит никакому сомнению. Но также не подлежит ни малейшему сомнению, что она может быть двоякая: для праведников — блаженная, а для ожесточенных грешников — мучительная. Смерть есть предел, граница между настоящей и будущей жизнью, и мы не знаем, далеко или близко она от нас. Будем готовы всегда стать на эту грозную границу между двумя жизнями. Аминь.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский

2003 г. Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 5000 экз. Заказ №

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 530

ТРИ КАНОНА:

Покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу, Божией Матери и Ангелу Хранителю

ЗАДОСТОЙНИКИ ПРАЗДНИКОВ

«Нерукотворенный Образ
Господа нашего Иисуса Христа»
из Успенского собора Свято-Успенского
Псково-Печерского монастыря

ТРИ КАНОНА: ПОКАЯННЫЙ КО ГОСПОДУ НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ, БОЖИЕЙ МАТЕРИ и АНГЕЛУ ХРАНИТЕЛЮ

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, аминь.

Начало обычное:

Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Царю Небесный: Трисвятое. Пресвятая Троице: Отче наш: Господи, помилуй. *(12 раз).* Слава и ныне: Приидите, поклонимся: *(Трижды).* Псалом 50-й: Помилуй мя, Боже...

Песнь 1

Ирмос: ***Яко по суху пешествовав Израиль, по бездне стопами, гонителя фараона видя потопляема, Богу победную песнь поим, вопияше.***

Господу Иисусу Христу

Запев: **Помилуй мя, Боже, помилуй мя.** *(Поклон)*

Ныне приступих аз грешный и обремененный к Тебе, Владыце и Богу моему; не смею же взирати на небо, токмо молюся, глаголя: даждь ми, Господи, ум, да плачуся дел моих горько.

О, горе мне грешному! Паче всех человек окаянен есмь, покаяния несть во мне; даждь ми, Господи, слезы, да плачуся дел моих горько.

Безумне, окаянне человече, в лености время губиши; помысли житие твое, и обратися ко Господу Богу, и плачися о делех твоих горько.

Богородичен: Запев: **Пресвятая Богородице, спаси нас.**

Мати Божия Пречистая, воззри на мя грешнаго, и от сети диаволи избави мя, и на путь покаяния настави мя, да плачуся дел моих горько.

Пресвятой Богородице

Запев: **Пресвятая Богородице, спаси нас.** *(Поклон)*

Многими содержимь напастьми, к Тебе прибегаю, спасения иский: о, Мати Слова и Дево, от тяжких и лютых мя спаси.

Страстей мя смущают прилози, многаго уныния исполнити мою душу; умири, Отроковице, тишиною Сына и Бога Твоего, Всенепорочная.

Спаса рождшую Тя и Бога, молю, Дево, избавитися ми лютых: к Тебе бо ныне прибегая, простираю и душу и помышление.

Недугующа телом и душею, посещения Божественнаго и промышления от Тебе сподоби, едина Богомати, яко благая, Благаго же Родительница.

Ангелу Хранителю

Иисусу: Запев: **Господи Иисусе Христе Боже мой, помилуй мя.** *(Поклон)*

Песнь воспети и восхвалити, Спасе, Твоего раба достойно сподоби, безплотному Ангелу, наставнику и хранителю моему.

Ангелу: Запев: **Святый Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне.** *(Поклон)*

Един аз в неразумии и в лености ныне лежу, наставниче мой и хранителю, не остави мене погибающа.

Слава: Ум мой твоею молитвою направи, творити ми Божия повеления, да получу от Бога отдание грехов, и ненавидети ми злых настави мя, молюся ти.

И ныне: Молися, Девице, о мне, рабе Твоем, ко Благодателю, со хранителем моим Ангелом, и настави мя творити заповеди Сына Твоего и Творца моего.

Песнь 3

Ирмос: ***Несть свят, якоже Ты, Господи Боже мой, вознесый рог верных Твоих, Блаже, и утвердивый нас на камени исповедания Твоего.***

Господу Иисусу Христу

Внегда поставлени будут престоли на судищи страшнем, тогда всех человек дела обличатся; горе тамо будет грешным, в муку отсылаемым; и то ведущи, душе моя, покайся от злых дел твоих.

Праведницы возрадуются, а грешнии восплачутся, тогда никтоже возможет помощи нам, но дела наша осудят нас; темже прежде конца покайся от злых дел твоих.

Увы мне великогрешному, иже делы и мысльми осквернився, ни капли слез имею от жестосердия; ныне

возникни от земли, душе моя, и покайся от злых дел твоих.

Богородичен: Се, взывает, Госпоже, Сын Твой, и поучает нас на доброе, аз же грешный добра всегда бегаю; но Ты, Милостивая, помилуй мя, да покаюся от злых моих дел.

Пресвятой Богородице

Предстательство и покров жизни моея полагаю Тя, Богородительнице Дево: Ты мя окорми ко пристанищу Твоему, благих виновна, верных утверждение, едина Всепетая.

Молю, Дево, душевное смущение и печали моея бурю разорити: Ты бо, Богоневестная, начальника тишины Христа родила еси, едина Пречистая.

Благодетеля рождши добрых виновнаго, благодеяния богатство всем источи, вся бо можеши, яко сильнаго в крепости Христа рождши, Богоблаженная.

Лютыми недуги и болезненными страстьми истязаему, Дево, Ты ми помози: исцелений бо неоскудное Тя знаю сокровище, Пренепорочная, неиждиваемое.

Ангелу Хранителю

Все помышление мое и душу мою к тебе возложих, хранителю мой; ты от всякия мя напасти вражия избави.

Враг попирает мя, и озлобляет, и поучает всегда творити своя хотения; но ты, наставниче мой, не остави мене погибающа.

Слава: Пети песнь со благодарением и усердием Творцу и Богу даждь ми, и тебе, благому Ангелу хранителю моему: избавителю мой, изми мя от враг озлобляющих мя.

И ныне: Исцели, Пречистая, моя многонедужныя струпы, яже в души, прожени враги, иже присно борются со мною.

Таже:

Господи, помилуй. *(Трижды)*

Кондак Ангелу Хранителю

Явися мне милосерд, святый Ангеле Господень, хранителю мой, и не отлучайся от мене сквернаго, но просвети мя светом неприкосновенным и сотвори мя достойна Царствия Небеснаго.

Икос Ангелу Хранителю

Уничиженную душу мою многими соблазны, ты, святый предстателю, неизреченныя славы небесныя сподоби, и певец с лики безплотных сил Божиих, помилуй мя и сохрани, и помыслы добрыми душу мою просвети, да твоею славою, Ангеле мой, обогащуся, и низложи зломыслящия мне враги, и сотвори мя достойна Царствия Небеснаго.

Седален Господу Иисусу Христу

Помышляю день страшный и плачуся деяний моих лукавых: како отвещаю Безсмертному Царю, или коим дерзновением воззрю на Судию, блудный аз? Благоутробный Отче, Сыне Единородный и Душе Святый, помилуй мя.

Слава: ***седален Ангелу Хранителю***

От любве душевныя вопию ти, хранителю моея души, всесвятый мой Ангеле: покрый мя и соблюди от лукаваго ловления всегда, и к жизни настави небесней, вразумляя и просвещая и укрепляя мя.

И ныне: ***Богородичен***

Богородице безневестная Пречистая, Яже без семене рождши всех Владыку, Того со Ангелом хранителем моим моли, избавити ми ся всякаго недоумения, и дати умиление и свет души моей и согрешением очищение, Яже едина вскоре заступающи.

Песнь 4

Ирмос: ***Христос моя сила, Бог и Господь, честная Церковь боголепно поет, взывающи от смысла чиста, о Господе празднующи.***

Господу Иисусу Христу

Широк путь зде и угодный сласти творити, но горько будет в последний день, егда душа от тела разлучатися будет: блюдися от сих, человече, Царствия ради Божия.

Почто убогаго обидиши, мзду наемничу удержуеши, брата твоего не любиши, блуд и гордость гониши? Остави убо сия, душе моя, и покайся Царствия ради Божия.

О, безумный человече, доколе углебаеши, яко пчела, собирающи богатство твое? Вскоре бо погибнет, яко прах и пепел: но более взыщи Царствия Божия.

Богородичен: Госпоже Богородице, помилуй мя грешнаго, и в добродетели укрепи, и соблюди мя, да наглая смерть не похитит мя неготоваго, и доведи мя, Дево, Царствия Божия.

Пресвятой Богородице

Страстей моих смущение, кормчию рождшая Господа, и бурю утиши моих прегрешений, Богоневестная.

Милосердия Твоего бездну призывающу подаждь ми, Яже Благосердаго рождшая и Спаса всех поющих Тя.

Наслаждающеся, Пречистая, Твоих дарований, благодарственное воспеваем пение, ведуще Тя Богоматерь.

На одре болезни моея и немощи низлежащу ми, яко Боголюбива, помози, Богородице, едина Приснодево.

Надежду и утверждение и спасения стену недвижиму имуще Тя, Всепетая, неудобства всякаго избавляемся.

Ангелу Хранителю

Моли Человеколюбца Бога ты, хранителю мой, и не остави мене, но присно в мире житие мое соблюди и подаждь ми спасение необоримое.

Яко заступника и хранителя животу моему прием тя от Бога, Ангеле, молю тя, святый, от всяких мя бед свободи.

Слава: Мою скверность твоею святынею очисти, хранителю мой, и от части шуия да отлучен буду молитвами твоими и причастник славы явлюся.

И ныне: Недоумение предлежит ми от обышедших мя зол, Пречистая, но избави мя от них скоро: к Тебе бо единей прибегох.

Песнь 5

Ирмос: ***Божиим светом Твоим, Блаже, утренюющих Ти души любовию озари, молюся, Тя ведети, Слове Божий, истиннаго Бога, от мрака греховнаго взывающа.***

Господу Иисусу Христу

Воспомяни, окаянный человече, како лжам, клеветам, разбою, немощем, лютым зверем, грехов ради порабощен еси; душе моя грешная, того ли восхотела еси?

Трепещут ми уди, всеми бо сотворих вину: очима взираяй, ушима слышай, языком злая глаголяй, всего себе геенне предаяй; душе моя грешная, сего ли восхотела еси?

Блудника и разбойника кающася приял еси, Спасе, аз же един леностию греховною отягчихся и злым делом поработихся; душе моя грешная, сего ли восхотела еси?

Богородичен: Дивная и скорая помощнице всем человеком, Мати Божия, помози мне недостойному, душа бо моя грешная того восхоте.

Пресвятой Богородице

Исполни, Чистая, веселия сердце мое, Твою нетленную дающи радость, веселия рождшая виновнаго.

Избави нас от бед, Богородице чистая, вечное рождши избавление, и мир, всяк ум преимущий.

Разреши мглу прегрешений моих, Богоневесто, просвещением Твоея светлости, Свет рождшая Божественный и превечный.

Исцели, Чистая, души моея неможение, посещения Твоего сподобльшая, и здравие молитвами Твоими подаждь ми.

Ангелу Хранителю

Яко имея дерзновение к Богу, хранителю мой святый, Сего умоли от оскорбляющих мя зол избавити.

Свете светлый, светло просвети душу мою, наставниче мой и хранителю, от Бога данный ми Ангеле.

Слава: Спяща мя зле тяготою греховною, яко бдяща сохрани, Ангеле Божий, и возстави мя на славословие молением твоим.

И ныне: Марие, Госпоже Богородице безневестная, надеждо верных, вражия возношения низложи, поющия же Тя возвесели.

Песнь 6

Ирмос: ***Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиве.***

Господу Иисусу Христу

Житие на земли блудно пожих и душу во тьму предах, ныне убо молю Тя, Милостивый Владыко: свободи мя

от работы сея вражия, и даждь ми разум творити волю Твою.

Кто творит таковая, якоже аз? Якоже бо свиния лежит в калу, тако и аз греху служу. Но Ты, Господи, исторгни мя от гнуса сего и даждь ми сердце творити заповеди Твоя.

Воспряни, окаянный человече, к Богу, воспомянув своя согрешения, припадая ко Творцу, слезя и стеня; Той же, яко милосерд, даст ти ум знати волю Свою.

Богородичен: Богородице Дево, от видимаго и невидимаго зла сохрани мя, Пречистая, и приими молитвы моя, и донеси я Сыну Твоему, да даст ми ум творити волю Его.

Пресвятой Богородице

Смерти и тли яко спасл есть, Сам Ся издав смерти, тлением и смертию мое естество ято бывшее, Дево, моли Господа и Сына Твоего, врагов злодейства мя избавити.

Предстательницу Тя живота вем и хранительницу тверду, Дево, и напастей решащу молвы, и налоги бесов отгоняющу; и молюся всегда, от тли страстей моих избавити мя.

Яко стену прибежища стяжахом, и душ всесовершенное спасение, и пространство в скорбех, Отроковице, и просвещением Твоим присно радуемся, о Владычице, и ныне нас от страстей и бед спаси.

На одре ныне немощствуяй лежу, и несть исцеления плоти моей: но, Бога и Спаса миру и Избавителя недугов рождшая, Тебе молюся, Благой: от тли недуг возстави мя.

Ангелу Хранителю

Всяких мя напастей свободи, и от печалей спаси, молюся ти, святый Ангеле, данный ми от Бога, хранителю мой добрый.

Освети ум мой, блаже, и просвети мя, молюся ти, святый Ангеле, и мыслити ми полезная всегда настави мя.

Слава: Устави сердце мое от настоящаго мятежа, и бдети укрепи мя во благих, хранителю мой, и настави мя чудно к тишине животней.

И ныне: Слово Божие в Тя вселися, Богородице, и человеком Тя показа небесную лествицу; Тобою бо к нам Вышний сошел есть.

Кондак Господу Иисусу Христу

Душе моя, почто грехами богатееши, почто волю диаволю твориши, в чесом надежду полагаеши? Престани от сих и обратися к Богу с плачем, зовущи: милосерде Господи, помилуй мя грешнаго.

Икос Господу Иисусу Христу

Помысли, душе моя, горький час смерти и страшный суд Творца твоего и Бога: ангели бо грознии поймут тя, душе, и в вечный огнь введут: убо прежде смерти покайся, вопиющи: Господи, помилуй мя грешнаго.

Песнь 7

Ирмос: ***Росодательну убо пещь содела Ангел преподобным отроком, халдеи же опаляющее веление Божие, мучителя увеща вопити: благословен еси, Боже отец наших.***

Господу Иисусу Христу

Не надейся, душе моя, на тленное богатство и на неправедное собрание, вся бо сия не веси кому оставиши, но возопий: помилуй мя, Христе Боже, недостойнаго.

Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту, видиши бо, яко сильнии и младии умирают, но возопий: помилуй мя, Христе Боже, недостойнаго.

Воспомяни, душе моя, вечное житие, Царство Небесное, уготованное святым, и тьму кромешную и гнев Божий злым, и возопий: помилуй мя, Христе Боже, недостойнаго.

Богородичен: Припади, душе моя, к Божией Матери и помолися Той, есть бо скорая помощница кающимся, умолит Сына Христа Бога, и помилует мя недостойнаго.

Пресвятой Богородице

Наше спасение якоже восхотел еси, Спасе, устроити, во утробу Девыя вселился еси, Юже миру предстательницу показал еси: отец наших Боже, благословен еси.

Волителя милости, Егоже родила еси, Мати чистая, умоли избавитися от прегрешений и душевных скверн верою зовущим: отец наших Боже, благословен еси.

Сокровище спасения и источник нетления, Тя рождшую, и столп утверждения, и дверь покаяния, зовущим показал еси: отец наших Боже, благословен еси.

Телесныя слабости и душевныя недуги, Богородительнице, любовию приступающих к крову Твоему, Дево, исцелити сподоби, Спаса Христа нам рождшая.

Ангелу Хранителю

Милостив буди ми и умоли Бога, Господень Ангеле, имею бо тя заступника во всем животе моем, наставника же и хранителя, от Бога дарованнаго ми во веки.

Не остави в путь шествующия души моея окаянныя убити разбойником, святый Ангеле, яже ти от Бога предана бысть непорочне; но настави ю на путь покаяния.

Слава: Всю посрамлену душу мою привожду от лукавых ми помысл и дел: но предвари, наставниче мой, и исцеление ми подаждь благими помыслы, уклоняти ми ся всегда на правыя стези.

И ныне: Премудрости исполни всех и крепости Божественныя, Ипостасная Премудросте Вышняго, Богородицы ради, верою вопиющих: отец наших Боже, благословен еси.

Песнь 8

Ирмос: ***Из пламене преподобным росу источил еси и праведнаго жертву водою попалил еси: вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети. Тя превозносим во вся веки.***

Господу Иисусу Христу

Како не имам плакатися, егда помышляю смерть, видех бо во гробе лежаща брата моего, безславна и безобразна? Что убо чаю, и на что надеюся? Токмо даждь ми, Господи, прежде конца покаяние. *(Дважды)*

Верую, яко приидеши судити живых и мертвых, и вси во своем чину станут, старии и младии, владыки и князи, девы и священницы; где обрящуся аз? Сего ради вопию: даждь ми, Господи, прежде конца покаяние.

Богородичен: Пречистая Богородице, приими недостойную молитву мою и сохрани мя от наглыя смерти, и даруй ми прежде конца покаяние.

Пресвятой Богородице

Помощи яже от Тебе требующия не презри, Дево, поющия и превозносящия Тя во веки.

Неможение души моея исцеляеши и телесныя болезни, Дево, да Тя прославлю, Чистая, во веки.

Исцелений богатство изливаеши верно поющим Тя, Дево, и превозносящим неизреченное Твое рождество.

Напастей Ты прилоги отгоняеши и страстей находы, Дево: темже Тя поем во вся веки.

Ангелу Хранителю

От Бога посланный, утверди живот мой, раба твоего, преблагий Ангеле, и не остави мене во веки.

Ангела тя суща блага, души моея наставника и хранителя, преблаженне, воспеваю во веки.

Слава: Буди ми покров и забрало, в день испытания всех человек, воньже огнем искушаются дела благая же и злая.

И ныне: Буди ми помощница и тишина, Богородице Приснодево, рабу Твоему, и не остави мене лишена быти Твоего владычества.

Песнь 9

Ирмос: ***Бога человеком невозможно видети, на Негоже не смеют чини Ангельстии взирати; Тобою же, Всечистая, явися человеком Слово Воплощенно, Егоже величающе, с небесными вои Тя ублажаем.***

Господу Иисусу Христу

Ныне к вам прибегаю, Ангели, Архангели и вся небесныя силы, у Престола Божия стоящии, молитеся ко Творцу своему, да избавит душу мою от муки вечныя.

Ныне плачуся к вам, святии патриарси, царие и пророцы, апостоли и святителие и вси избраннии Христовы: помозите ми на суде, да спасет душу мою от силы вражия.

Ныне к вам воздежу руце, святии мученицы, пустынницы, девственницы, праведницы и вси святии, молящиися ко Господу за весь мир, да помилует мя в час смерти моея.

Богородичен: Мати Божия, помози ми, на Тя сильне надеющемуся, умоли Сына Своего, да поставит мя недостойнаго одесную Себе, егда сядет судяй живых и мертвых, аминь.

Пресвятой Богородице

Тока слез моих не отвратися, Яже от всякаго лица всяку слезу отъемшаго, Дево, Христа рождшая.

Радости мое сердце исполни, Дево, Яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи.

Пристанище и предстательство к Тебе прибегающих буди, Дево, и стена нерушимая, прибежище же и покров и веселие.

Света Твоего зарями просвети, Дево, мрак неведения отгоняющи, благоверно Богородицу Тя исповедающих.

На месте озлобления немощи смирившагося, Дево, исцели, из нездравия во здравие претворяющи.

Ангелу Хранителю

Иисусу: Запев: **Господи Иисусе Христе Боже мой, помилуй мя.**

Пощади, Боже, наследие Твое, грехи наша вся презрев ныне, на сие имея молящую Тя, на земли безсеменно Тебе рождшую, великия ради милости восхотевшаго вообразитися, Христе, в человечество.

Иисусу: Запев: **Господи Иисусе Христе Боже мой, помилуй мя.**

Помилуй мя, едине Спасе мой, яко милостив еси и милосерд, и праведных ликов сотвори мя причастника.

Ангелу: Запев: **Святый Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне.**

Мыслити ми присно и творити, Господень Ангеле, благая и полезная даруй, яко сильна яви в немощи и непорочна.

Слава: Яко имея дерзновение к Царю Небесному, Того моли, с прочими безплотными, помиловати мя окаяннаго.

И ныне: Много дерзновение имущи, Дево, к Воплощшемуся из Тебе, преложи мя от уз и разрешение ми подаждь и спасение, молитвами Твоими.

Таже чтем три молитвы сия:

Молитва
ко Господу нашему Иисусу Христу

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. *(Поклон)*

Владыко Христе Боже, Иже страстьми Своими страсти моя исцеливый и язвами Своими язвы моя уврачевавый, даруй мне, много Тебе прегрешившему, слезы умиления; сраствори моему телу от обоняния Животворящаго Тела Твоего, и наслади душу мою Твоею Честною Кровию от горести, еюже мя сопротивник напои; возвыси мой ум к Тебе, долу поникший, и возведи от пропасти погибели: яко не имам покаяния, не имам умиления, не имам слезы утешительныя, возводящия чада ко своему наследию. Омрачихся умом в житейских страстех, не могу воззрети к Тебе в болезни, не могу согретися слезами, яже к Тебе

любве. Но, Владыко Господи Иисусе Христе, сокровище благих, даруй мне покаяние всецелое и сердце люботрудное во взыскание Твое, даруй мне благодать Твою и обнови во мне зраки Твоего образа. Оставих Тя, не остави мене; изыди на взыскание мое, возведи к пажити Твоей и сопричти мя овцам избраннаго Твоего стада, воспитай мя с ними от злака Божественных Твоих Таинств, молитвами Пречистыя Твоея Матере и всех святых Твоих. Аминь.

Молитва ко Пресвятей Богородице

Пресвятая Богородице, спаси нас. *(Поклон)*

Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятелище сирых и странных предстательнице, скорбящих радосте, обидимых покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну, окорми мя яко странна. Обиду мою веси, разреши ту, яко волиши: яко не имам иныя помощи разве Тебе, ни иныя предстательницы, ни благия утешительницы, токмо Тебе, о Богомати, яко да сохраниши мя и покрыеши во веки веков. Аминь.

Молитва Ангелу Хранителю

Святый Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне. *(Поклон)*

Ангеле Христов святый, к тебе припадая молюся, хранителю мой святый, приданный мне на соблюдение души и телу моему грешному от святаго крещения, аз же своею леностию и своим злым обычаем прогневах твою пречистую светлость и отгнах тя от себе всеми студными делы:

лжами, клеветами, завистию, осуждением, презорством, непокорством, братоненавидением, и злопомнением, сребролюбием, прелюбодеянием, яростию, скупостию, объядением без сытости и опивством, многоглаголанием, злыми помыслы и лукавыми, гордым обычаем и блудным возбешением, имый самохотение на всякое плотское вожделение. О, злое мое произволение, егоже и скоти безсловеснии не творят! Да како возможеши воззрети на мя, или приступити ко мне, аки псу смердящему? Которыма очима, Ангеле Христов, воззриши на мя, оплетшася зле во гнусных делех? Да како уже возмогу отпущения просити горьким и злым моим и лукавым деянием, в няже впадаю по вся дни и нощи и на всяк час? Но молюся ти припадая, хранителю мой святый, умилосердися на мя грешнаго и недостойнаго раба твоего *(имя)*, буди ми помощник и заступник на злаго моего сопротивника, святыми твоими молитвами, и Царствия Божия причастника мя сотвори со всеми святыми, всегда, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

Достойно есть:

Аще же празднество, поем задостойник праздника.

Слава, и ныне: Господи, помилуй *(трижды) и отпуст:*

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, аминь. Господи, помилуй. *(Трижды)*

Задостойники праздников см. на стр. 22

Задостойники праздников

Светлое Христово Воскресение. Пасха

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне и веселися, Сионе. Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востании Рождества Твоего.

Неделя Ваий (Вход Господень в Иерусалим)

Бог Господь и явися нам, составите праздник, и веселящеся приидите, возвеличим Христа, с ваиами и ветвьми, песньми зовуще: благословен Грядый во имя Господа Спаса нашего.

Вознесение Господа нашего Иисуса Христа

Тя паче ума и словесе Матерь Божию, в лето Безлетнаго неизреченно рождшую, вернии единомудренно величаем.

Пятидесятница. День Святой Троицы

Радуйся, Царице, матеродевственная славо: всяка бо удобообращательная благоглаголивая уста витийствовати не могут, Тебе пети достойно: изумевает же ум всяк Твое Рождество разумети. Темже Тя согласно славим.

Крещение Господне. Богоявление

Недоумеет всяк язык благохвалити по достоянию, изумевает же ум и премирный пети Тя, Богородице. Обаче, Благая сущи, веру приими, ибо любовь веси божественную нашу: Ты бо христиан еси Предстательница, Тя величаем.

Сретение Господа нашего Иисуса Христа

В законе сени и писаний образ видим вернии: всяк мужеский пол, ложесна разверзая, свят Богу. Тем Первороженное Слово Отца Безначальна, Сына первородящася Материю неискусомужно, величаем.

Благовещение Пресвятой Богородицы

Яко одушевленному Божию кивоту, да никакоже коснется рука скверных, устне же верных Богородице немолчно, глас Ангела воспевающе, с радостию да вопиют: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!

Преображение Господа нашего Иисуса Христа

Рождество Твое нетленно явися: Бог из боку Твоею пройде, яко плотоносец явися на земли, и с человеки поживе. Тя, Богородице, тем вси величаем.

Успение Пресвятой Богородицы

Побеждаются естества уставы в Тебе, Дево Чистая: девствует бо рождество, и живот предобручает смерть. По рождестве Дева, и по смерти жива, спасаеши присно, Богородице, наследие Твое.

Рождество Пресвятой Богородицы

Чужде матерем девство, и странно девам деторождение: на Тебе, Богородице, обоя устроишася. Тем Тя вся племена земная непрестанно величаем.

Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста

Таин еси, Богородице, рай, невозделанно возрастивший Христа, Имже крестное живоносное на земли насадися Древо. Тем, ныне возносиму, покланяющеся ему, Тя величаем.

Введение во храм Пресвятой Богородицы

Яко одушевленному Божию кивоту, да никакоже коснется рука скверных, устне же верных Богородице немолчно, глас Ангела воспевающе, с радостию да вопиют: истинно вышши всех еси, Дево Чистая.

Рождество Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа

Любити убо нам, яко безбедное страхом, удобее молчание: любовию же, Дево, песни ткати спротяженно сложенныя неудобно есть. Но и, Мати, силу, елико есть произволение, даждь.

Печ. по изд. «Дорожный молитвослов с псалтирью», Москва, 1995.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2007 г., издание 2-е

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 531

В ПОИСКАХ СЧАСТЬЯ

К. П. Победоносцев (†1907)

В поисках счастья

Вся жизнь человеческая — искание счастья. Неутолимая жажда счастья вселяется в человека с той минуты, как он начинает себя чувствовать, и не истощается, не умирает до последнего издыхания. Надежда на счастье не имеет конца, не знает предела и меры: она безгранична, как вселенная, и нет ей конечной цели, потому что начало ее и конец — в бесконечном. Счастье, которого ищет человек, определяет судьбу его, отзывается в ней **несчастьем.** Несчастье человека происходит от его величия: оттого он несчастен, что в нем самом — бесконечное, и это бесконечное — человек при всем своем искусстве, при всем старании не в силах совершенно заключить и закопать в конечном.

Счастье отлетело от человека с той минуты, как он захотел **овладеть** бесконечным, сделать его своим, познать его. Этого знания не получил он, но в нем произошло **раздвоение,** и с тех пор одна половина его ищет другую для того, чтобы восстановить единство и целость сознания и жизни.

Мы хотим переделать жизнь, отвести в другую сторону старые ключи ее, которыми питались прежние поколения, расположить ее вновь по сочиненному нами плану — и составляем, и пересоставляем этот план по правилам науки, причем нередко обличаем в себе глубокое невежество в той самой науке, по которой планы составляются. Не беда! — говорим мы смело, — жизнь исправит ошибки нашего плана, и противоречим сами себе, ссылаясь на жизнь, которой знать не хотели, когда принимались за план свой. Жизнь на каждом шагу обличает нас следами неправды, вместо той правды, ко-

торую мы обещали внести в нее; явлениями эгоизма, корыстолюбия, насилия — вместо любви и мира; язвами бедности и оскудения — вместо богатства и умножения силы; жалобами и воплями недовольства — вместо того довольства, которое мы пророчили. Не беда! — повторяем мы громче и громче, стараясь заглушить все вопросы, сомнения и возражения, лишь бы **принципы** нашего века были сохранены и поддержаны. Что нужды, если страдает современное поколение; что за беда, если вместо крепких людей являются отовсюду дрянные людишки; пусть будет сегодня плохо; завтра, послезавтра будет лучше. Новые поколения процветут на развалинах старого — и наши принципы оправдают себя блистательно в новом мире, в потомстве, в будущем... Увы! Разве осуществятся они в таком смысле, как случилось с писателем Свифтом: в молодости он **устроил дом сумасшедших** и под старость нашел себе приют **в этом самом доме.**

Священник Александр Захаров

Слово о счастье

Если бы мы сейчас вышли на улицу и стали спрашивать у прохожих: «Чего бы вы хотели больше всего для себя в жизни?» — мы получили бы множество разнообразных ответов. Но суть всех ответов была бы одна: «Хочу быть счастливым!» Это общее желание всех людей: и мужчин, и женщин; и образованных, и необразованных, малых и старых.

Долгое время считалось, что счастье человеческое напрямую зависит от материального достатка: чем до-

статка больше, тем и счастья больше. Многие надеялись и старались осчастливить людей, облегчая их труд, окружая комфортом, улучшая условия жизни. Кажется, уже облегчили и улучшили вполне. Но оказывается, что человек может и в «Мерседесе», и в евростандартной квартире, и при телевизоре и видеомагнитофоне быть глубоко несчастным.

От чего же в таком случае зависит счастье? Где его искать? Может ли вообще хоть что-то гарантировать счастье? Вопрос непраздный. Вопрос, может быть, самый наисущественный в жизни человеческой. Ужели при таком общем и искреннем желании счастья мы его на этой грешной земле так и не разыщем?..

Чадца мои милые, и впрямь не разыщем,— покуда эта земля будет населяться грешниками, и покуда мы будем искать счастье там, где его найти невозможно...

Мы его сейчас ищем для себя кто где: кто-то ищет на верхних ступенях общественной лестницы — для таких людей счастье обусловливается высокой и хорошо оплачиваемой должностью. Другой ищет счастья в интересной работе, третий – в интересных книгах, развратник — в интересных женщинах, пьяница — в вине, наркоман — в героине или марихуане. Кто в чем. Отчего же не находим?

Не находим, потому что не ищем. Не находим, потому что не той дорогой шагаем, разыскивая счастье. Дорога выбрана скорее ко всеобщему несчастью, чем к счастью. Ибо это дорога, на которой нет Бога. Конец известен: душевное разочарование, уныние, неудовлетворенность жизнью, мысли о самоубийстве.

Дабы не быть голословным, приведу пример из жизни. В те годы, которые мы теперь называем «застойными», мне довелось прочитать в газете коротенькое со-

общение о том, что «в жестоком мире капитала» покончил жизнь самоубийством сын миллионера. При нем нашли предсмертную записку такого содержания: «Взял от жизни все. Ничего интересного в ней не нашел. Ухожу из жизни добровольно». Дело совсем не в том, что он жил в мире капитала. В любом месте и в любое время, при любом общественном устройстве радости, доставляемые материальными благами, имеют свойство притупляться. Можно радоваться новому автомобилю день, два, неделю. Но потом к нему привыкаешь. Хорошо, если автомобиль надоел, однако хочется яхту или самолет. А если есть уже и самолет, и вообще все, чего хотелось? Иные думают, что вот тогда-то и наступит полнейшее счастье – когда уже нечего желать. Глубочайшее заблуждение. Тогда наступит то, что случилось с сыном миллионера.

Да, деньги значительно расширяют свободу наших действий. Да, свобода — одна из важнейших потребностей человека. Но ведь самый-то интерес жизни человеческой не в свободе как таковой, но **в *самозабвенном служении свободно выбранной цели.***

Едва человек становится вполне свободным,– тут же является вопрос: что ему с этой свободой делать, куда употребить? Свобода сама по себе не дает жизни никакого содержания. И содержание, и смысл, и интерес жизни дает присутствие в ней чего-то горячо любимого и стремление к этому любимому приблизиться. Счастье человеческое обусловливается теми успехами или неудачами, которые человек встречает на пути к желанной цели. Успехи делают его счастливым, неудачи огорчают. Если пьяница стремится к вину, так он и счастлив, когда оно у него есть, а несчастлив, — когда вынужденно блюдет «сухой закон». Если врач стремится вылечить

больного, он рад, когда дело идет на поправку, и огорчается, если болезнь осложняется.

Можно взять любого человека... Да возьмите хоть каждый сам себя и спросите: когда и почему вы были счастливы? И когда несчастны? Вот видите: счастливы, когда достигали желаемого, получали, чего хотели, а несчастны — когда это не удавалось.

Когда все цели достигнуты и желать уже больше нечего — этот источник иссыхает и всякая надежда на радость в дальнейшей жизни испаряется. Я бы эту предсмертную записку рекомендовал крупными буквами переписать и повесить у себя в доме на видном месте всем людям, уповающим найти счастье в материальных благах. Когда вы, подобно тому молодому человеку, удовлетворите их вполне и без остатка, — вы, поверьте, сделаете тот же вывод, что и он: *когда уже больше нечего желать, тогда уже больше незачем и жить.*

Самые страшные времена не позади,– где был тяжелый, изнурительный физический труд, дикие звери, неумение бороться с болезнями, отсутствие грамотности, хорошего питания.

Самые страшные времена — впереди,– где грамотные, сытые, безбедно, безболезненно, безопасно и комфортно существующие люди неожиданно обнаружат бессмысленность своего дальнейшего существования. Если эти люди не обратятся к Богу, они закончат мировую историю такой страшной агонией, перед которой померкнут все ужасы прежних варварских времен. И смысл, и счастье в жизни, и самую-то эту жизнь дарует лишь Бог. Ибо Он — **«сокровище благих и жизни подателю».** Вне Его — только обман обольстителя.

Можно ли назвать осмысленной жизнь, протекающую, что называется, «от зарплаты до зарплаты»? Ко-

нечно, какие-то сиюминутные задачи в жизни присутствуют у каждого: заработать на пропитание, купить обновку к празднику, вылечиться, если заболел. Но это не цели жизненные — это только средства для достижения цели. Автомобиль ведь не для того существует, чтобы его заправлять бензином и ремонтировать. Это его заправляют и ремонтируют для того, чтобы он людей или грузы перевозил. А иной человек только для того и живет, чтобы заправлять себя продуктами питания и ремонтировать болячки. Родные мои, недостойно это человека — жить бессмысленней автомобиля.

Можно ли назвать счастливой жизнь многих наших современников, добывающих свое счастье и деньгами, и бицепсами, где угодно и любыми средствами — только не тем, где им его Благий их Создатель дарит, просто дарит: **Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня: ибо Я кроток и смирен сердцем; и найдете покой душам вашим (Мф. 11, 28-29).**

Но мы, вместо того, чтобы откликнуться на зов Христа и прийти к Нему, идем на зов телевизионных зазывал, обещающих нам, что покой нашим душам дадут разные маги, астрологи, гипнологи, целители и экстрасенсы, а свое счастье мы сможем найти, совершив поездку в Турцию или Арабские Эмираты.

Чревоугодник ищет счастье в изысканной и обильной трапезе. И вот он пьет это свое «счастье» полной чашей и попадает в больницу с ожирением или инфарктом. Вот так осчастливил себя! У пьяницы счастье в стакане. Но он ведь, спиваясь, не только сам деградирует, перестает быть личностью, – он рождает дебильных детей, которые потом и сами мучаются, и его мучают. И заслуженно мучают, ибо он часто уже с детства ли-

шал их самого необходимого: и одежды, и питания, пропивая все. Его счастье строится на истерзанных родительских сердцах, на слезах жены, на загубленном здоровье детей, на собственном загубленном здоровье. Счастье ли это?

Счастье сребролюбца в деньгах. И вот он всеми правдами и неправдами набивает свои карманы и банковские счета этим «счастьем», поступаясь при этом совестью, идя часто на обман, а то и кражу, или даже убийство...

Вот так и строим мы каждый свое счастье — на чьем-то горе, страдании, на чужих слезах и крови.

Чадца, мои родные, единственно верный ответ на этот самый насущный для нас всех вопрос: «Где найти счастье?» — надо искать не в телевизоре, не в рекламных проспектах, не у друзей, «умеющих жить», и даже не у папы с мамой.

Единственно верный ответ на этот вопрос может дать лишь Бог. Ибо Он, в отличие от людей, не ошибается и любит всех нас. А значит и счастья желает всем нам. Люди любят тех, кто им приятен; Бог любит всех. Ибо все мы — дети Его. И любит Он нас до такой степени, что отдал за нас, грешников, на распятие Своего Сына. «Ибо Христос, когда еще мы были немощны, в определенное время умер за нечестивых. Ибо едва ли кто умрет за праведника; разве за благодетеля, может быть, кто и решится умереть. Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5, 6-8).

Зачем же Он умирал ради нас, грешников? На этот вопрос отвечает св. апостол и евангелист Иоанн Богослов: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не по-

гиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Не погиб, но имел жизнь вечную! Христос умирал, чтобы мы не умерли. Вот цель, поставленная Богом перед человеком — жизнь вечная. Большая цель, наполняющая смыслом всю нашу жизнь — жизнь вечная, Царство Небесное...

Давайте посмотрим: что от нас требуется для стяжания Царствия Небесного? Требуется делать добро и не грешить.

А теперь давайте посмотрим, что такое «делать добро»? Ведь это не что иное, как умножать счастье — и свое, и ближних. Накормил ли ты голодного, помог ли больному или хоть просто посуду после ужина вымыл, когда все в доме устали, и ты в том числе. Все это твои маленькие добрые дела и вместе с тем твои маленькие шажки к Царству Небесному.

Делать их подчас очень трудно — проще накричать на жену, что она «грязнуля», плохая хозяйка. Но если этот маленький шажок, несмотря на трудность, все-таки сделан — какая светлая радость бывает на душе! Таким образом, делание добра — это рассеивание по миру радости, это делание счастливыми себя и своих ближних — тех, кому ты это добро делаешь.

А теперь давайте посмотрим: что такое «делание грехов»? Что происходит, когда мы воруем, убиваем, клевещем, совершаем супружеские измены? Да, мы становимся недостойными Царства Божия: «ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6, 9-10). Но греша, мы несчастим не только себя, но и своих ближних; тех, на кого наши грехи распространяются, кого мы избиваем, обворовываем, обманываем, оскорбляем, унижаем. Таким образом, если

«делание добра» мы назвали «рассеиванием радости», то «делание грехов» можно с полным основанием назвать «рассеиванием горя».

Слово это «о счастии» хотелось бы закончить пожеланием всем счастья, стяжания Царствия Божия чрез стяжание святости. Но я обнаружил бы полную свою несостоятельность как священник, если бы возомнил, что каждый, прочитавший это «слово» и даже понявший, что он живет не так как надо, – тут же и переменит свою жизнь и заживет как надо. Православному священнику, может быть, более, чем кому-либо из людей известно, какое большое расстояние лежит от благого желания до исполнения сего желания в жизни. Внемлите мне, подобные мне грешники: грешниками вы тотчас быть не перестанете. И даже совсем и никогда ими быть не перестанете —даже если станете святыми. «Несть человек, иже поживет и не согрешит». Но есть грешники, видящие свой грех и оплакивающие его; и есть радующиеся своему греху и за грех его не считающие. Помоги вам Бог осознать себя первыми грешниками. Из таких-то и выходят святые.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 год

Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 2534

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 532

Подвижники благочестия Псково-Печерского монастыря. XX век

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

епископа

Феодора (Текучева)

(1908-1985)

Епископ Федор (Текучев)

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

епископа

Феодора (Текучева)

(1908-1985)

Епископ Феодор (в миру Димитрий Васильевич Текучев) родился 14 мая 1908 года в Донской (ныне Ростовской) области в семье донского казака.

В 1918 году Димитрий окончил Четвертую Церковно-приходскую школу в г. Новочеркасске. По обстоятельствам гражданской войны оказался за пределами Родины и в 1925 году окончил Британскую среднюю общеобразовательную школу в г. Эленкей (Турция, близ г. Константинополя). Богословское образование получил в Свято-Сергиевском Православном Богословском институте в Париже (в 1926 – 1930 годах). Инспектором института тогда был епископ Вениамин (Федченков). По его совету на IV курсе, в 1930 году, Димитрий Текучев решил стать монахом. И 28 марта 1930 года он был пострижен в Сергиевском подворье в Париже митрополитом Западноевропейских приходов Московского Патриархата Евлогием (Георгиевским) с именем Феодор, в честь святителя Феодора, архиепископа Ростовского, чудотворца, племянника преподобного Сергия Радонежского. 30 марта епископом Вениамином он был рукоположен во иеродиакона, а 25 мая митрополитом Евлогием – во иеромонаха в Александро-Невском кафедральном соборе в Париже. В 1930 году с июня по декабрь месяц иеромонах Феодор исполнял обязанности настоятеля храма в г. Виши-Франце

(Франция). Иеромонах Феодор был одним из первых насельников монашеской общины Трехсвятительского подворья в Париже, созданного в 1931 году после того, как митрополит Евлогий вместе с подчиненными ему русскими приходами в Западной Европе самовольно перешел в юрисдикцию Патриарха Константинопольского.

В 1936 году по вызову Преосвященного Вениамина, в то время архиепископа Алеутского и Североамериканского, Экзарха Московской Патриархии в США, иеромонах Феодор прибыл в Северную Америку и служил в Нью-Йорке, в Серафимовском и Иверском подворьях.

В 1937 году архиепископ Вениамин назначил иеромонаха Феодора настоятелем Свято-Николаевского кафедрального собора в Сан-Франциско. Епископ Вашингтонский Антоний (Покровский: †1939) возвел отца Феодора в сан игумена и наградил палицей.

Впоследствии игумен Феодор был благочинным храмов Североамериканской епархии Русской Православной Церкви на Западе США. В 1943 году переведен в Чикаго настоятелем Свято-Георгиевского собора. В том же году по представлению митрополита Вениамина Святейший Патриарх Сергий определил «быть игумену Феодору епископом Аргентинским». 5 декабря 1943 года игумен Феодор был возведен митрополитом Вениамином в сан архимандрита, а 12 декабря того же года была совершена хиротония его во епископа Аргентинского митрополитом Вениамином, епископом Чикагским Герасимом (Константинопольский Патриархат) и епископом Североамериканским Дионисием (Сербская Церковь).

В 1947 году епископ Феодор выехал в Аргентину. В Буэнос-Айресе им был основан Благовещенский приход и храм. В

1953 году (с июля 1952 г.) епископ Феодор находился на кафедре Сан-Францисской и Калифорнийской.

В марте 1956 года Владыка Феодор вернулся на Родину, жил на подворье в Переделкино и в Свято-Успенском Одесском монастыре. Пребывал на покое в Молдавии в Гербовецком монастыре (1957-1960гг.), в Кицканском монастыре (I960-1962гг.), в Куприановском монастыре (1962г.)

Определением Священного Синода епископ Феодор переведен с 16 августа 1962 года на покой в Псково-Печерский монастырь.

12 декабря 1973 г. Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Пименом епископ Феодор был награжден орденом св. кн. Владимира III степени в честь тридцатилетия в архиерейском сане.

В мае 1980 г. исполнилось 50 лет со дня рукоположения владыки Феодора во пресвитера. В день юбилея в Успенском Псково-Печерском монастыре состоялись торжества в присутствии братии монастыря. Святейший Патриарх Пимен наградил юбиляра орденом преподобного Сергия Радонежского III степени.

Митрополит Таллинский и Эстонский Алексий, управляющий делами Московской Патриархии, прислал Преосвященнейшему Феодору телеграмму: «Сердечно поздравляю Вас, Преосвященнейший и дорогой Владыко, с золотым юбилеем Вашего священнослужения и награждением Вас орденом преподобного Сергия Радонежского. В знаменательный день Вашей жизни молитвенно вспоминаю Вас. Желаю здоровья, сил, милости Божией. С братской любовью – митрополит Алексий».

Вручение Владыке Феодору ордена состоялось в Псково-Печерском монастыре 11 июня I960 года. В ответном сло-

ве епископ Феодор сказал: «Блаженной памяти митрополит Евлогий имел обычай давать постригавшимся студентам имена учеников преподобного Сергия Радонежского. Мне было дано имя племянника преподобного – святителя Феодора, архиепископа Ростовского. Сегодня я награжден орденом преподобного Сергия Радонежского. Хочется верить, что преподобный Сергий будет помогать мне в дальнейшем служении Богу и Церкви и доведет меня до Небесного Царствия Божия».

Во время пребывания в Псково-Печерском монастыре, несмотря на болезнь, Владыка Феодор всегда был бодр духом, старательно исполнял келейное правило, нередко совершал богослужения в храме. Все, кто знал владыку Феодора и общался с ним, отмечали его радушие и простоту.

В 1985 году здоровье Владыки Феодора ухудшилось. В канун празднования Похвалы Пресвятой Богородицы, 29 марта, над ним было совершено Таинство елеосвящения, на следующий день он причастился Святых Христовых Таин.

3 апреля 1985 года, в среду 6-й седмицы Великого поста, утром, преосвященный Феодор почил о Господе.

Накануне погребения был совершен парастас, а 5 апреля 1985 года митрополит Псковский и Порховский Иоанн в сослужении монастырской братии и клириков Псковской и других епархий, при множестве мирян совершил отпевание. При звоне монастырских колоколов, под пение ирмосов Великого канона гроб с телом почившего святителя был обнесен вокруг монастырской площади, примыкающей к Успенскому собору, и поставлен в Богозданных пещерах Псково-Печерского монастыря, рядом с могилами архиепископа Андрея (Сухенко; ‡1972) и епископа Иоанникия (Сперанского; ‡1969). Там архимандрит Иоанн совершил заупокойную литию и предал земле тело.

Из духовного дневника

Из записок епископа Феодора (Текучева)

–Каждый день совершается божественная служба, и каждый день через нее мы приближаемся к Богу. И каждый день Господь одинаково щедр, одинаково обильно подает Свою благодать. Слава Богу! Слава Богу!

–Подобно тому как птицы с утра поют, воспевают Господа, так и человек с утра должен воспевать Господа на молитве.

–Как хорошо предаваться в волю Божию.

–Пресвятая Богородица – есть утешение наше.

–Православные имеют прекрасный обычай целовать иконы Спасителя, Божией Матери и Святых Угодников. Прекрасный обычай! Этим целованием мы как бы целуем их подвиги, одобряем и почитаем их такую жизнь, радуемся им, выражаем любовь к ним.

–Литургия есть торжество православия.

–Без скорбей нет спасения, без скорбей человек не научится, без скорбей нет радостей.

–Пост – драгоценное время! Дорожи им!

–По-настоящему нас любят те, кто не особенно нас возвышает.

–Какое счастье живо, искренне, от души помолиться не за себя, а за других.

–Христианская жизнь есть – труд.

–Если есть какой дар, то только от Бога.

–Главное ведь – спасение души, а остальное не важно. Остальное всё могут и отобрать. Не важно!

Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография» с готовых диапозитивов
Тираж 2000 экз. Заказ № 2277

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 533

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА И МИР ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

Но Иисус сказал:
пустите детей,
и не препятствуйте им
приходить ко Мне,
ибо таковых есть
Царство Небесное.

Мф 19, 14-15

ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА И МИР ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОГО ШКОЛЬНИКА

Министерство образования Российской Федерации опубликовало информационное письмо органам управления образованием субъектов Российской Федерации от 22.10.2002 № 14-52-876 ин/16, доводящее до их сведения примерное содержание образования по учебному предмету «Православная культура», которое может быть использовано в рамках регионального компонента образования и компонента образовательного учреждения. Это означает, что государство берет на себя бюджетное финансирование предмета «Православная культура» как предмета по выбору в рамках учебного плана.

Трудно переоценить значение этого события: разработано нормативное и научное обеспечение нового учебного предмета «Православная культура» (так теперь следует именовать курс «Основы православной культуры»). Отныне школам дано право на законных основаниях по согласованию с пожеланиями родителей предоставлять детям возможность его изучения, и российские школьники смогут, наконец, позна-

комиться с традиционной отечественной православной культурой. Культурой, на которой были воспитаны многие поколения их предков и от которой были искусственно оторваны их дедушки и бабушки, отцы и матери.

Кто может сегодня в нарушение международных норм «Конвенции о правах ребенка», вступившей в силу в Российской Федерации 15.09.1990 и декларирующей право ребенка получать образование, способствующее воспитанию уважения к «культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной» (Ст. 29, 1c/), препятствовать российским школьникам получать знания о традиционной культуре России? И разве может государство не заботиться о воспитании образованных и культурных граждан, знающих и уважающих национальные ценности, святыни и традиции своего отечества, о воспитании юного гражданина в духе мира, терпимости, равноправия и дружбы между всеми народами, национальными и религиозными группами (Ст. 13, 1; 14, 1; 29, 1d/)?

Опубликованный Министерством образования Российской Федерации документ является ответом государства тем «правозащитникам», которые защищают неведомо чьи права неведомо от кого.

Сделан первый шаг. Не будем тратить время на борьбу со злыми, но все же ветряными мельницами, ибо невозможно остановить мощный процесс, идущий во всех регионах страны, и подумаем о том, в каких направлениях возможна разработка содержания нового предмета.

Пришло время потрудиться разработчикам учебных программ, пособий, учебников, рабочих тетрадей – дидактического комплекта, какой положено иметь каждому школьному предмету. Предстоит проделать огромную работу, масштабы которой трудно даже представить в полном объеме.

Все современные дискуссии на темы преподавания православной культуры в школе в настоящее время сводятся к тому, что разными разработчиками программ обосновываются несколько подходов отбора содержания: религиоведческий, искусствоведческий, краеведческий, источниковедческий, теологический, культурологический. Особенности существующих авторских программ в основном объясняются базовыми знаниями их составителей, исходя из которых, ими дается обоснование учебных целей и задач курса. Такое разнообразие, в принципе, явление положительное при условии единого понимания всеми участниками всех образовательных структур феномена «православная культура» и значения учебного предмета «православная культура» в структуре среднего образования.

Для чего учить? Чему учить? Кого учить? Как учить? Эти «вечные» вопросы дидактики впрямую стоят сегодня перед разработчиками нового учебного предмета. Поразмышляем над этими вопросами.

Для начала разработке подлежат три основные проблемы концептуального характера: проблема понимания смысла термина «православная культура» в его философском и педагогическом аспектах, исходя из чего будут определены принципы отбора содержания инвариантной программы (какой материал в программе будет обязательным, а какой – вариативным, ориентированным на специфические региональные особенности); проблема специфики восприятия православной культуры разными категориями людей, и прежде всего детей с разным уровнем знаний в области религиозной культуры; проблема языка изложения православной культуры современному ребенку. Это три взаимосвязанные проблемы, которые предстоит разрабатывать одновременно.

Для чего следует учить современного школьника данному предмету? Ответ может быть кратким: Иван, не помнящий родства, человек, утративший понимание своих культурно-

исторических корней,– явление ненормальное и опасное для жизнеспособности государства. Недаром данная проблема разработана на государственном уровне в таких документах, как «Национальная доктрина образования в России», а также государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001-2005 годы».

Чему учить? Ответ зависит от понимания феномена «православная культура». Что такое православная культура? Правомерно ли выделение данного понятия? Являются ли синонимическими понятия «православная культура», «культура Православия», «православные основы культуры» и «основы православной культуры»? По этому вопросу сегодня нет единой точки зрения. Тем не менее в принятом Министерством образования документе предмет назван «православная культура». Программы учебного предмета с таким названием будут иметь правовой нормативный статус для общеобразовательной государственной школы. И видимо, не стоит сегодня тормозить разработку учебно-методического обеспечения нового учебного предмета дополнительными дискуссиями.

Место рассмотрения данного вопроса – в теоретической концепции учебного предмета, где должно быть дано подробное описание термина. А для педагогов-практиков достаточно будет того, что привычное им название «основы православной культуры» и обозначенное в документе Министерства образования название «православная культура» подразумевают один и тот же учебный предмет.

При определении феномена «православная культура» мы сталкиваемся с некоторыми сложностями, связанными с разными подходами к нему: существует понимание православной культуры с позиции канонического Православия, понимание православной культуры в контексте истории и научное понимание. И если первые два подхода соприкасаются, то третий практически отрицает само это явление, так как научный подход не рассматривает неповторимые явления (на-

пример, чудеса), не являющиеся доказанными фактами. А принцип научности, как известно, является одним из ведущих принципов дидактики, предопределяя формирование содержания образования. Именно поэтому должно быть дано определение понятия «православная культура». Ибо в противном случае стойкий иммунитет советского атеистического мировоззрения свяжет данное понятие в сознании школьника с неким мифологизмом (в лучшем случае) либо с безграмотностью «неученых предков».

В этом есть определенные трудности. Православная культура в понимании служителя Русской Православной Церкви и православная культура реальной жизни православного человека дореволюционной России – это не одно и то же. Одинаково ли понимал Православие верующий ученый (И. П. Павлов, например) и крестьянин, имевший два класса образования церковноприходской школы? Как воспринимал Православие до революции ребенок (в семье, школе)? На какой уровень понимания должен ориентироваться составитель программы? И возможно ли дать всеобъемлющее определение сущности православной культуры, доступное пониманию любого человека? В ней есть, например, славянская линия и византийская линия, имеющие глубокие исторические корни. Их знание так же важно, как и знание православного канона.

Вопрос об определении понятия «православная культура» оказывается тесно связанным с вопросом о том, кого будут учить этому предмету, кто будет изучать его,– о возможностях и готовности сегодняшнего школьника к его восприятию. Педагогика – это наука о детовождении. В православном понимании педагогом-детоводителем является Сам Христос, а учитель – только посредник, который направляет ребенка. Необходимо помнить, что сам феномен православной культуры возник как следствие принятия нашими предками христианства как истинной веры и целостного мировоз-

зрения, и при изучении предмета ребенок должен быть сориентирован учителем в направлении постижения значимости смысла этого события.

Однако учитель не может предусмотреть всех возможных путей, по которым ребенок будет двигаться в указанном направлении: *Пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне* (Мф. 19, 14). Евангельское повествование ориентирует на правильное понимание взаимоотношений взрослых и детей.

С позиции взрослых учеников Христа дети могли отвлечь Господа от важных дел (см. толкование святителя Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея)[1]. А Господь подчеркивает высокие добродетели детей, которые могут служить примером для взрослых, как-то: простосердечие, смирение, спокойствие. И при этом ребенок не гордится ни одной из этих добродетелей, что является свойством высокой мудрости, то есть обладает качествами и не надмевается ими (там же)[2]. Именно высота душевных свойств ребенка, поставленного Господом для взрослых в качестве вехи на пути в царство Небесное, должна заставить сегодняшних разработчиков программ предмета «православная культура» внимательно присмотреться к детскому миру.

Сразу возникает много вопросов, над которыми следует подумать. Сохраняет ли современный ребенок указанные качества? На какой уровень понимания православной культуры следует ориентироваться? Каковы ценности детского мира современного школьника? И каким языком говорить с ним о православной культуре: языком ли дореволюционной церковноприходской школы (тогда предмет приобретает характер закона Божия) или языком, на котором говорит священник, то есть только языком церковного канона? Или можно найти золотую середину и знакомить детей с православ-

1 Толковое Евангелие. Книга I. М., 1870. Репринт. М, 1993. С. 349.

2 Там же. С. 322.

ной культурой на языке, доступном уровню понимания современного невоцерковленного человека, сохраняя при этом высокое содержание и не опускаясь в то же время в изложении православной культуры до упрощенного ее понимания? И должно ли быть отражено в программе личное понимание и отношение автора к православной культуре?

Попробуем ответить кратко. Результаты анкетирования школьников обычных общеобразовательных школ России в течение последних нескольких лет показывают тенденцию к перераспределению иерархии ценностных ориентаций современных детей. Современный школьник в последние годы выделяет в качестве одной из приоритетных ценностей детского мира веру в Бога. Во всех возрастных группах Бог ставится детьми на одно из первых мест в ряду терминальных ценностей. Стабильно высокое место занимают такие ценности, как семья и любовь (1-е место – семья, любовь; 2-е место – Бог).

Откуда же появляется, как и кем формируется у школьников наших обычных светских школ из семей, принадлежащих к разным социальным слоям населения, такое высокое признание значимости абсолютных ценностей в период всеобщего оскудения общественных духовно-нравственных идеалов? Но при этом школьники путаются и затрудняются в понимании слов «ангел», «святой», «защитник», «жертва», «рай», «ад» и т. д. – практически любого понятия из Священного Писания, что свидетельствует об отсутствии у них знаний в области религиозной культуры.

Одновременно в ответах одних и тех же детей просматривается закономерность: чем больше у них разрушение ценностных ориентаций в области восприятия высоких образцов классического изобразительного искусства, литературы, музыки и чем большее число детей начинает увлекаться чтением литературы типа «Гарри Поттера», слушанием поп- и рок-музыки и т. п., тем более высокие места занимают

у них абсолютные ценности: Бог ставится ими в последние два-три года на первое-второе места, то есть как бы автоматически ставится защитный ценностный рубеж в духовно-нравственной культуре ребенка. И если в средних классах (пятые-седьмые) подростки, вступающие в трудный возраст самосознания, сохраняя как якорь спасения ценности семьи, отходят от Бога (1-е место – семья, 2-е – дружба, 3-е – книги, в том числе «Гарри Поттер», 4-е место – Бог), то уже в восьмом классе Бог ставится школьниками на 1-е место в системе ценностей детского мира (в девятом классе – на 3-е место, в десятом-одиннадцатом классе – на 2-е место).

Мы еще раз получаем подтверждение наличия вышеуказанных свойств детей. В качестве нравственных ценностей дети всех возрастных групп выделяют доброту, любовь, честность, преданность. Так проявляется образ Божий в ребенке, чутко воспринимающем Божие присутствие в мире. Нынешний ребенок, как и его православный сверстник ушедших веков, также любит своих родителей, он наделен добротой, совестливостью, непосредственностью чувств, доверием к доброму взрослому. Эти качества сохраняются в каждом поколении детей. А современный ребенок еще и выделяет для себя личные запреты. К их числу относятся предательство, преступление, наркотики и алкоголь. Таким образом, семья, Бог и любовь являются приоритетными ценностями современного школьника. Несмотря на социальную нестабильность, разрушение многих недавних общественных идеалов, детский мир сохраняет преемственность религиозных и нравственных ценностей. Данное явление не удается осмыслить с позиции научного анализа.

При наличии положительных характеристик следует выделить и негативные качества. Возможными причинами их развития является воздействие на детей трех факторов: общечеловеческой поврежденности первородным грехом, поврежденности современной системой образования, атеисти-

ческий характер которой в конечном счете способствовал разрушению духовно-нравственной культуры современного человека, поврежденности вследствие воздействия массовой культуры и средств массовой информации. Это сказывается в достаточно глубоком материалистическом мировоззрении, несмотря на то, что большинство школьников считают себя верующими; в восприятии в качестве жизненных принципов идеалов массовой культуры; в неспособности разобраться в жизненных ситуациях с духовно-нравственных позиций. И в то же время старшеклассников интересуют «вечные» проблемы: происхождение вселенной и появление жизни на Земле, происхождение видов (верна ли теория Дарвина?), вопросы бессмертия души (Страшный суд, Апокалипсис, зачем отпевают людей?), Таинства Церкви (особенно Венчание), вопросы семьи и брака, вопросы религиозной безопасности.

Знание ценностей мира современного школьника поможет авторам программ и учебных пособий по предмету использовать их в качестве принципиальной основы, позволяющей разрабатывать темы православной культуры в соответствии с готовностью детей к их восприятию. В дидактике это означает, что знания о православной культуре должны быть актуализированы в систему ценностей детского мира, то есть должна быть выстроена мотивация учебной деятельности.

Что и как видел, видит и сможет увидеть с Божией помощью и с помощью учителя ребенок в православной культуре? Источники по дореволюционному и современному воспитанию детей показывают, что ребенок младшего возраста воспринимал жизнь как праздники – *радости* (И. С. Шмелев), но он знал и то, что праздник кончается и наступает время поста. Знал, что есть грех и есть предательство, есть смерть и есть покаяние и что обязательно наступит самый главный и красивый праздник – Пасха, Воскресение Христово. Достаточно скоро наступало понимание жизни как чередования радостей и скорбей (И. С. Шмелев).

Сотериологический смысл христианства – спасение человека Божественной любовью. Определение сущности православной культуры как феномена, в котором отражаются категории, понятия, духовные состояния пасхальной радости и аскетики – такое понимание было и может быть доступно и ребенку, и ученому, и крестьянину. Претворение скорби в радость, преодоление биологического смысла человеческой жизни путем покаяния и всяческого воздержания, радостный духовный подъем – это процесс, не имеющий конца в рамках земной истории.

Православная культура отражает эту сущность в разных форматах и средствах: в традициях, ценностях, воспитательной системе, в особенностях быта, в искусстве иконописи, церковной архитектуры и музыки, литературы. Образцами воплощения данного смысла в архитектурно-изобразительном искусстве являются, например, храмы святого Иоанна Предтечи в Ярославле (противопоставление яркой праздничности растений, обвивающих колонны, и изможденной плоти святого Иоанна Крестителя), Покрова Божией Матери на рву (храм Василия Блаженного) в Москве (где «яркая радуга красок храма и изможденный лик святого символизируют блаженство, вырастающее из страданий и преодоления душевного и телесного естества». Е. Н. Трубецкой).

Сочетание великой скорби и великой радости, преодоления царства смерти: *Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав* (тропарь Пасхи). Этот религиозно-философский смысл отражается в православной культуре и должен быть донесен до детей в рамках учебного предмета.

Как подобрать для этого учебный материал? Определив смысловое богословское ядро православной культуры как сотериологическую идею спасения и искупления человека, следует подумать о том, какой материал и в какой последовательности сможет эту идею раскрыть. Что следует ска-

зать детям обязательно и сразу? Что доступно будет в старших классах? Данный смысл не может быть раскрыт как нейтрально-искусствоведческое, узкокраеведческое, источниковедческое и тем более религиоведческое содержание; не может он быть полноценно раскрыт и при эпизодическом вкраплении тем православной культуры в содержание курса «мировая художественная культура» – именно в силу сущности Православия как ясного, определенного динамичного мировосприятия.

Преобладание в отборе материала теологического характера сразу уводит учебный предмет в сторону Закона Божия, преподавание которого в рамках общеобразовательной светской школы вызывает сегодня возражения по ряду причин. Остается еще один возможный подход: культурологический. На него и ориентирует разработчиков программ документ, принятый Министерством образования.

Православная культура – это культура жизни человека. В прошлом она пронизывала всю жизнь: быт, труд, досуг, государственность, язык, творчество. Часть православной культуры сохранилась в видимых современному ребенку эстетических формах: памятниках архитектуры, литературы, иконописи, музыки, истории. И сегодняшний школьник может соприкасаться с ними, изучая их с первого по одиннадцатый классы.

Все содержание курса может быть актуализировано для современного ребенка (приближено к его пониманию) при осмыслении православной культуры во взаимосвязи с ценностями мира сего. Можно объединить, например, все содержание общей темой: «Православная культура и жизнь современного человека в свете жизни Богочеловека Иисуса Христа в сотворенном мире».

Эта интегративная тема содержания предмета «Православная культура» должна быть затем обязательно раскрыта на основе фундаментальных тем Священного

Писания, отражающих сотериологический смысл христианства – идею спасения человека. Раскрытие этой идеи откроет школьникам смысл православной культуры, так как именно он отражается в разных творческих формах и видах православного искусства, ценностях и традициях православной жизни. Такими фундаментальными темами являются сотворение мира – Боговоплощение – Крестная Жертва – Воскресение. В рамках этих тем можно произвести отбор содержательных элементов, которые воплощают ведущую идею, а затем выделенные содержательные элементы оформить как темы, соответствующие возможностям восприятия детей на разных ступенях обучения.

Темы могут варьироваться в зависимости от авторского подхода и возможностей детей. Например, в рамках сквозной темы «Сотворение мира» может быть представлена подтема «Прославление Творца тварью», которая в разных классах разрабатывается разными вариативными темами: в младших классах – «Животные как меньшие братья человека» (преп. Серафим Саровский; пророк Даниил во рву со львами и т. д.); в старших – та же тема как новое мироощущение и миропонимание: «Сердце милующее у человека» (по Исааку Сирину). А в модульных курсах старших классов та же тема пойдет как разработка аскетического учения святых отцов, как религиозно-философское понимание смысла жизни.

Здесь появляется возможность для установления межпредметных связей с другими предметами (А. С. Пушкин: «И милость к падшим призывал»).

Динамика разработки базовых понятий в этих темах идет от простого понимания ребенком термина-действия «жалость» через понятное ему «любовь» к более сложному «милость», к пониманию преображенного состояния человека: «новая тварь», «одухотворенная», и к правильному пониманию духовности как состояния человека, преображенного благодатью Божией.

Та же фундаментальная тема богословского ядра содержания может быть раскрыта кругом тем, посвященных Пресвятой Богородице, – «Божия Матерь как радость всей твари» («О Тебе радуется»). В младших классах это будут темы, раскрывающие соучастие всего живого в общей радости (и людей, и животных), в средних – темы типа «Храм, собранный любовью», иконы «Покров Божией Матери» и т. д., в старших классах возможна разработка тем, связанных с осмыслением языковых средств выражения в православной культуре («Красота в иконописной символике красок», «Тайна солнечного спектра и цвета радуги как преломление Божественного смысла жизни» и т. д.). Здесь богатое поле для творческих авторских программ.

Следующая проблема – *как* учить? Это вопрос о методике преподавания нового предмета. Вопрос также неисследованный. Например, ранее разработанные дидактические приемы сориентированы на строго научную систему доказательств. Но стремясь донести до современной молодежи такой предмет, как православная культура, нельзя примитивизировать дидактику как в отборе содержания, так и в определении приемов обучения. Современную дидактику следует, возможно, обогатить еще одним принципом обучения: «не ссори!» (академик Российской академии образования В. С. Леднев).

Ум современного молодого человека противоречив. С одной стороны, он освобожден от тех качественных характеристик, о которых писали святые отцы Церкви («ум в сердце», святитель Феофан Затворник), с другой – он прагматизирован бурно развивающимися информационными технологиями. Именно в силу прагматичности сознания современного подростка и старшеклассника встает вопрос о возможности полноценного восприятия современным школьником мистической основы православной культуры. Например, Священное Писание показывает человеку действие Божественного

Промысла. А как рассказать ребенку о чуде появления человека, о чудесах Господа Иисуса Христа? Чудо в примитивном изложении отталкивает и вызывает реплику: «Покажите!» В то же время в рамках светской школы не могут быть использованы методики религиозного воспитания. Над вопросом о дидактических и методических приемах изложения православной культуры следует размышлять и разработчикам учебных пособий.

В данной статье очерчен только основной круг вопросов, в разработке которых сделаны уже первые шаги: создан экспериментальный учебно-методический комплект «Православная культура» культурологического содержания для первого класса. Он разработан в соответствии с «Примерным содержанием по учебному предмету "Православная культура" на основе обобщения богатого опыта преподавания предмета в разных регионах России.

Движение в этом направлении – это дело, которое требует большой личной ответственности. Мы не имеем права стать камнем преткновения для ребенка на пути постижения им православной культуры.

Иисус сказал: *пустите детей, и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть царство Небесное* (Мф. 19, 14). Но мы не вправе забыть и другое: *А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею, и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит* (Мф. 18, 6-7).

Л. ШЕВЧЕНКО,
Международная педагогическая академия

Лицензия № 030831 от 15 июня 1998 г.
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография» с готовых диапозитивов
Тираж 2000 экз. Заказ №2396

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 534

“Боже, во имя Твое спаси мя…”

Из воспоминаний о регенте
Николае Александровиче Вехновском

“Боже, во имя Твое спаси мя…”

Из воспоминаний о регенте Николае Александровиче Вехновском

Восемнадцатого июля 1972 г., в день памяти преподобного Сергия Радонежского, на семьдесят восьмом году жизни умер старейший регент любительского хора Псково-Печерского монастыря и церковный композитор Николай Александрович Вехновский. Смерть последовала после тяжелой продолжительной болезни и отозвалась глубокой скорбью в сердцах тех, кто знал и любил почившего. А знали и любили его многие. Да это и немудрено: шестьдесят пять лет регентского служения (из них пятьдесят один год в Псково-Печерском монастыре) остались за плечами нашего родителя.

Вот вехи жизни его: родился четырнадцатого января 1895 года в посёлке Лобно Новоржевского уезда Псковской губернии в семье потомственного священника – протоиерея Александра Вехновского. Прадед Николая – полковой священник,

“Боже, во имя Твое спаси мя…” – третий стих 53 псалма; является названием концерта церковного композитора А. А. Архангельского, любимого Николаем Александровичем.

за ревностное служение был удостоен многих церковных и гражданских наград. Другой прадед, также протоиерей, принимал активное участие в устроении Псковской духовной семинарии и был первым ее ректором. Еще один прадед – протоиерей Пётр Вехновский был настоятелем Псковского кафедрального Троицкого собора.

Родительница Николая – Мария Вехновская (вышла из семьи потомственных священников) была женщина благочестивая, добрая, глубоко веровавшая в промысл Божий. Семья протоиерея Александра была многодетной, но вот мальчики, рождавшиеся до Николая, умирали в раннем младенческом возрасте. Родители об этом очень скорбели, молились и просили помощи Божией. И как-то однажды, молясь святителю Николаю, они дали обет: если родится мальчик, то назовут его Николаем. Молитва была услышана – родился мальчик, и дали ему имя Николай.

С раннего детства мальчик любил церковь, службы и в пять-шесть лет стал прислуживать в алтаре. Подавал батюшке кадило, выносил свечу, читал на клиросе и очень рано стал на службах подпевать своему отцу. В шесть-семь лет у мальчика обнаружилась незаурядная музыкальная одаренность. В восемь лет Николай стал управлять своим приходским хором. Смастерил сам маленькую переносную фисгармонию для спевок в храме. Дедушка наш – протоиерей Александр был богобоязненным, строгим, дисциплинированным и аккуратным человеком. Эти качества родители настойчиво прививали своим детям.

Настало время отправлять Николая в Псков, в Духовное училище. Там обратил на него внимание преподаватель пения – протоиерей Михаил Гривский. И папа становится головщиком хора, а по окончании Духовного училища – регентом семинарского хора. В семинарии у Николая проявились композиторские способности, и во втором классе семинарии в

1912 г. он написал свое первое произведение “Разбойника благоразумного”.

В тревожные революционные годы Николай Вехновский переехал в Нарву и был регентом в храме, расположенном в Нарвской крепости. Через два года по благословению настоятеля Псково-Печерского монастыря архиепископа Иоанна (Булина) папу пригласили в Псково-Печерский монастырь на должность регента любительского смешанного хора. В 1921 году Николай Александрович окончательно переехал в Печоры и занял эту должность.

В эти годы в Печорах, по промыслу Божию, оказался и протоиерей Михаил Гривский – любимый учитель папы, под руководством которого он совершенствовался в церковно-музыкальной деятельности.

В монастыре Николай Александрович укомплектовал любительский хор. Организовал мужской квартет, который сопровождал правящего архиерея в поездках по епархии. Кроме того, папа и его квартет пели в течение многих лет в Успенском храме Литургии Преждеосвященных даров и т. д. У папы в братском корпусе была келья. Там стояла фисгармония, на стене висела черная доска с нотными линейками. В келье проводились спевки с хором, занятия с певчими нотной грамотой и обучение головщиков монашеского хора. А по открытии при монастыре Духовной семинарии папа вел там уроки пения.

В 1925 г. при участии Николая Александровича было образовано Печорское Русское Общество Просвещения. Туда входили врачи, учителя, инженеры. Были и древние фамилии: Шаховские, Оболенские, которые эмигрировали из России. Николай Александрович одновременно преподавал пение в средней школе и в гимназии. В послевоенные годы преподавал пение в педагогическом училище и теорию музыки и сольфеджио в музыкальной школе.

В 1926 году папа женился на солистке своего хора Марии Николаевне. Здесь будет уместно сказать несколько слов о нашей родительнице. Маму с восьми лет приняли в монастырский любительский хор, и в нём она пропела всю свою жизнь до смерти папы – шестьдесят четыре года.

В тридцатые годы Николай Александрович в соавторстве с одним из своих коллег издал детский учебник пения (с первого по шестой классы). По просьбе издателя журнала "Русское общество" (Таллинн) писал в этот журнал статьи о русском народном творчестве, о исполнении русских народных песен и т. д.

В эти годы папа выезжал со своим квартетом в южную часть Эстонии, где они давали концерты духовной музыки и исполняли русские народные песни. Хор же с программой духовных произведений выезжал в Тарту и Таллинн.

В 1937 году в Нарве торжественно отмечалось столетие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. По этому случаю состоялся первый слёт русских хоров в Эстонии. Активное участие Николая Александровича в организации и проведении праздника было отмечено наградами.

В 1939 году в Печорах проводился второй большой слёт русских хоров в Эстонии. В день открытия праздника песни с утра была отслужена Божественная литургия, потом молебен с многолетиями.

Возглавлял Богослужения архиепископ Николай с сонмом духовенства при огромном стечении мирян. На Богослужениях и духовном концерте хором в шестьсот человек руководил Николай Александрович.

В годы оккупации папой проводились благотворительные концерты. Средства, собранные с этих концертов, шли на помощь детям, находившимся в немецких концлагерях.

Шестьдесят пять лет посвятил папа церковно-регентскому служению. За самоотверженное, ревностное и неутомимое

служение Церкви Божией Николай Александрович был награждён орденом Платона, а в 1970 г. Святейший патриарх Алексий I к празднику в честь преподобномученика Корнилия наградил папу орденом святого князя Владимира III степени...

Николай Александрович чтил Бога. С детства горячо верил и всю жизнь посвятил Ему.

Он чтил Церковь, чтил и любил свой родной Псково-Печерский монастырь... А отсюда уже и отношение его ко всему в храме: шла ли литургия, всенощное бдение, пели ли молебен или читался акафист Царице Небесной Успению – всё делал с благоговением, горячо, от души. И люди чувствовали это...

Когда умер папа, мы приехали на похороны и увидели его. Он лежал такой светлый, простой, с очень спокойным лицом, как бы ушедшим в себя и, вместе с тем, такой доступный, близкий – лежал родной человек. Вот таким он и был для людей; только когда был жив, то прибавлялось еще: общитель-

ность и приветливость. Не было в нём зла, гордости, не было лукавства, держался всегда естественно. Это был брат, отец, дедушка. Вот почему почитали и любили его.

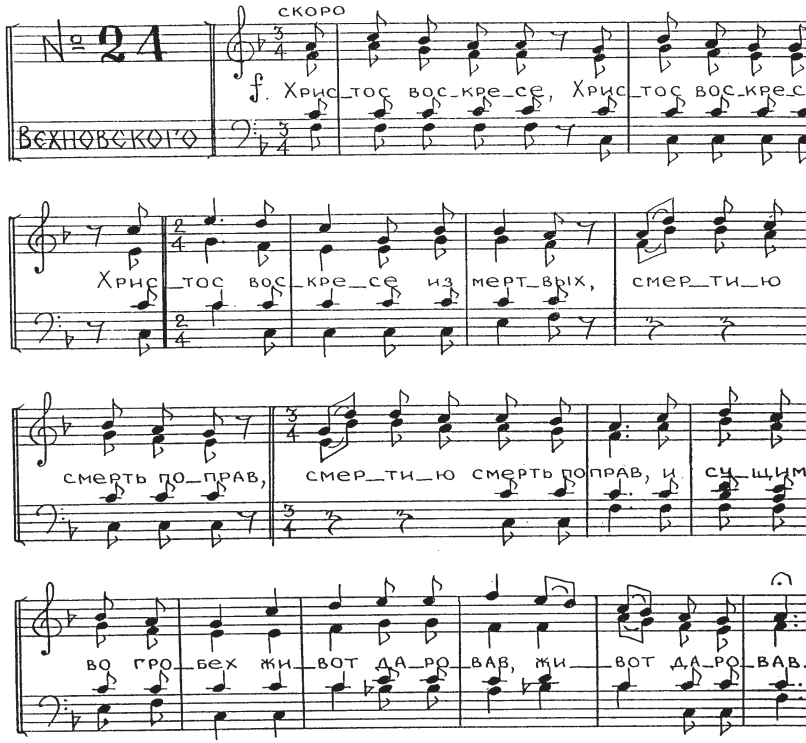
В таком духе верности православию и любви к Матери-Церкви Николай Александрович и Мария Николаевна (дорогая и верная его спутница) воспитали своих детей и внуков. Старшая дочь Наталия Николаевна в настоящее время управляет главным хором в Александро-Невском Соборе Таллинна в Эстонии. Младшая дочь Екатерина Николаевна – регент небольшого, но слаженного хора в Троицком храме города Невеля Псковской епархии. Внук Алексий – старший протодиакон кафедрального собора С.-Петербурга. И три внучки: Наталия, Мария и Ольга идут по стопам дедушки (третье поколение) – являются регентами церковных хоров разных городов.

Болезнь свою папа переносил терпеливо и мужественно. Почти ежедневно причащался Святых Христовых Таин. Кончина была христианской, тихой и мирной.

Отпевание было совершено 20 июля в Сретенском храме ризничим обители архимандритом Серафимом (Розенбергом) в сослужении монастырского духовенства и двух мужей дочерей – протоиерея Владимира и протоиерея Иоанна. Хором, который сопровождал Божественную литургию и отпевание,– руководила младшая дочь – Екатерина Николаевна. Гроб с телом был обнесён вокруг храма и погребён в ближней пещере. Рядом с гробом папы спустя четырнадцать лет поставили гроб мамы.

Вечная память и благодарность за их жизнь, труды, подвиги и христианскую любовь, которую они носили в сердце и которой щедро делились с родными и окружающими.

Горячо любящие и безгранично благодарные их дети:
Николай, Наталия и Екатерина, внуки и правнуки.



Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 2657

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 535

Что в теле болезнь, то в душе грех

Из Слов прп. Симеона Нового Богослова

Что в теле болезнь, то в душе грех

 то болезнь в теле, то грех в душе.

Когда тело заболит, больной ни о чем уже другом не заботится, ни о богатстве, ни о славе, ни об утехах, а все об одном уврачевании тела и восстановлении здоровья. Так и когда душа болит грехом, надлежит всю заботу обращать ни на другое что, ни на богатство, ни на славу, ни на удовольствия, а на одно уврачевание болезни душевной и возвращение душе здравия. Что же скажу я, всеокаянный, в оправдание свое, в день Страшного суда, если тогда душа моя окажется больною многими и различными болезнями? Почему не приложил никакого попечения о здравии души своей, а всю жизнь свою трудился и хлопотал только о богатстве, славе и удовольствиях?

2. Причина этому, кажется, та, что не знает грешник о болезнях души своей и не чувствует в настоящей жизни, какое зло причиняют они душе; не зная же и не чувствуя сего, обманывается и, полагая, что у него все хорошо, нисколько не беспокоится о здоровье души своей. И не потому ли грешник, то есть больной душевно, горд бывает, что бесчувствен есть и не чувствует зла, причиняемого ему грехами? И еще что? Чем более кто бесчувствен, тем более гордится, как говорит и божественный Давид: *гордыня ненавидящих Тя взыде выну*

(*Пс.* 73, 23). Будучи же горд, он и мысли не допускает, чтобы был болен, и ненавистию отплачивает тому, кто стал бы говорить ему о его болезни или предлагать врачевство, тогда как настоящий христианин, чувствующий раны и болезни души своей, ищет врача и охотно подчиняется его врачеванию. Когда тело наше заболевает, мы чувствуем боль и, чувствуя ее, ищем врачевства, да уврачуемся. Если б не имели мы чувства, то не чувствовали бы и боли; если б боли не чувствовали, не чувствовали бы потребности и во врачевстве. Тому же следовало бы быть и в душе, то есть чтоб она своим духовным чувством чувствовала свою духовную болезнь. Но бывает иначе — не чувствует. Не чувствуя же болезни, не тяготится ею и не ищет врачевства. Оттого грешник, не чувствуя боли в душе, живет себе весело и не печалится о грехах. Влача достойное состояние, ибо пока он таков, неисцелим и, как неисцелимый,— погибший, ненавистный Богу и святым Ангелам.

Посему надлежит нам, сколько можно, позаботиться о том, чтобы прийти в чувство душою своею, возболезновать о грехах своих и взыскать врача душ и телес Господа Иисуса Христа и, припадши к Нему, умолять Его, да исцелит болезни души нашей. Эти болезни души суть похоти богатства, славы и удовольствия, по причине коих люди бывают гневливы, досадительны, неподвижны на добро, празднолюбивы, лихоимны, хищны, неправедны, тщеславны, горды, завистливы, человеконенавистны, мстительны. Что скажешь ты о всем этом?! Малы эти болезни душевные и ничтожны?! И благословно душе, верующей во Христа, не чувствовать их и не печалиться о них? Не должно ли, напротив, плакать и рыдать, и жалобные испускать вопли, чтобы Врач наш, видя сие, сжалился над нею и дал ей и увидеть, и восчувствовать болезни свои? Ибо пока не увидит она их и не восчувствует, не может уврачевать ее Сам всемогущий Врач. Да и что есть увра-

чевание души? Есть дивное некое изменение души, по коему уврачеванная душа и похоти злые, которые прежде были ей так вожделенны, начинает считать мерзостию и заразою, и за это ненавидит их не сама по себе, а благодатию исцелившего ее Врача, Коего и благодарит она потом всегда и о Коем велегласно проповедует всем, взывая: *сия измена десницы Вышняго* (Пс. 76, 11). Но чтобы пришел Врач, надобно призвать Его; чтобы призвать, надобно увидеть болезнь и почувствовать ее.

3. Как внешнее свое состояние человек сознает и чувствует, именно, слаб ли он или крепок, здоров или нездоров, счастлив или несчастлив, обиду терпит или благодеяние получает,— как все это он знает и чувствует, так всякий христианин должен видеть и чувствовать свое внутреннее состояние, здоров ли по душе или болен, счастлив или несчастлив, благоденствует или страждет. И если не чувствует он этого внутренне в себе самом, то всуе носит имя христианина, и хоть именуется так, но на самом деле не таков. Ибо если бы он был истинным христианином и имел общение с Владыкою Христом, то был бы причастен и живота Его и света, так как Христос есть живот и свет. Следовательно, и видел бы себя, и чувствовал все свое, потому что видеть и чувствовать есть естественное свойство живых, так что у кого нет этого, тот мертв. Таким образом, кто не видит и не чувствует душевно добра и зла, которое прибывает в него и выбывает из него, тот еще мертв и не просвещен лучами умного Солнца правды. Да потщится же таковый наискорейше потещи и припасть мысленно к Иисусу Христу, умоляя Его сжалиться над ним, оживить его и просветить, дать ему прийти в чувство и познать состояние свое, и потом от Него единого да взыщет спасения себе. Ибо бесчувственного человека не может спасти и Сам Бог, могущий все творить.

Человек создан состоящим из двух естеств, мысленного и чувственного, души и тела. Почему потребовалось для него и двоякое врачевство, после того как он впал в великую болезнь после великого здравия, какое имел прежде. Болезнь есть потеря здравия, и возболевший по преступлении человек возболел естеством. Болезнь же, в естество внедрившаяся и ставшая естественною, непременяема, как естество. Суди теперь, сколь великая потребна сила, чтобы применить больное естество в здравие, когда это есть то же, что поставить его выше естества, как оно есть в нем в настоящем своем состоянии? Для указания сего-то и дано нам богодухновенное Писание, которое есть для нас врачебная наука.

Врачебное искусство, врачующее тело человеческое, никак не может уврачевать первоначальную коренную болезнь, то есть тление, но употребляет всякие свои способы лишь на то, чтобы врачевать вторичные болезни, когда естественно-больное тело выходит и из этого естественно-болезненного своего состояния и впадает во вторичную какую-либо болезнь, в водянку, например, или в горячку; это врачевание происходит не от букв, какими прописывает врач врачевство, а от употребления того, что им прописывается; прописываются же им разные вещества, которые при различной врачевательной силе и действенности все однородны, однако ж, с заболевшим телом, чтоб могли воздействовать на это тело и врачевать его.

Итак, если врачебное искусство, истощая все способы врачевания и все употребив врачевательные вещества, доходит лишь до того, чтобы врачевать вторичные болезни тела и поставлять заболевшее тело только в предшествовавшее сей болезни состояние, которое есть естественно болезненное состояние тления, то где взять силу к врачеванию сей последней коренной болезни? Она — выше естества. Чтоб уврачевать и больное человеческое естество и восстановить в нем истинное, свой-

ственное ему по первоначальному его устроению здравие, для сего потребна сверхъестественная и пресущественная сила. Какая же это сверхъестественная и пресущественная сила, могущая возвратить нам первоначальное здравие? Это есть Господь наш Иисус Христос, Сын Божий, Который, чтоб уврачевать подобное подобным, благоволил воспринять человеческое естество здравое. И вот, когда кто верою прилепляется ко Христу, тогда Христос сочетавается с ним и Божеством, и здравым человечеством, и чрез такое единение восстановляет в нем первоначальное истинное здравие.

Но как при врачевании тела, на восстановление здравия в нем действуют не буквы, коими прописывается врачевство, а сила прописанных веществ, так и в отношении к врачеванию души, оздравление ее и спасительное на нее воздействие совершается не буквами Божественного Писания, а силою Христа, Который прописан в Писании. *Не в словеси бо царство Божие, но в силе* (1 Кор. 4, 20). Ибо все Божественное Писание, Ветхое и Новое, руководит естественно больное человеческое естество к Иисусу Христу, Который есть единственный Врач душ и телес наших. Кто остается непричастным Его Божественной благодати, тот остается и неуврачеванным, а кто причащается Его благодати, у того душа перестает уже быть больною. Ибо плод веры нашей христианской есть здравие души. Затем Бог соделался человеком, чтоб душа чрез Него могла воспринимать здравие свое. Следовательно, у кого душа не здрава, тот еще не стал христианином настоящим. Здоровою же душа делается силою божественною и светом благодати, даруемой Христом за веру. Душа невидима, и не видно, здорова она или нет, не только для других, но нередко и для нее самой. Но есть видимые знаки, по которым для всех явно бывает ее состояние. Укажу на самый видный, на упорядочение и исправление пяти чувств — зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания. Когда кто держит их в порядке и владеет ими разумно,— явно, что душа его в своем чине, здорова, и че-

ловек тогда является настоящим разумным животным и действует по разуму и рассуждению, а не как животные несмысленные, состоящие во власти у своих чувств. Владение пятью чувствами будто есть очень простое дело; но я тебе скажу, что кто властвует над пятью чувствами, тот властвует над всею вселенною и над всем, что в ней, ибо у нас все бывает от них и чрез них. Но кто таков, тот сам властвуем бывает от Бога и всецело покорствует во всем воле Божией. Так царство Божие водворяется и первоначальный чин восстановляется, ибо человек вначале определен был царем мира. В сем черта образа Божия и подобия. Таким образом, кто не властвует над пятью чувствами, тот не бывает по образу Божию и подобию; и хотя бы он всю мудрость мира поглотил и знал все сущее, о нем неложен приговор: *приложися скотом несмысленным и уподобися им* (Пс. 48, 13). Он живет на похуление Бога, Создателя всяческих, как написано: *имя Божие вами хулится во языцех* (Рим. 2, 24). И Христово имя похуляется таковыми, и вера христианская поношается от неверных, которые говорят: если бы Бог христианский был истинный Бог, то христиане не были бы таковы же, как и мы; между тем многие из них живут гораздо хуже нас, в неправдах и срамных похотях.

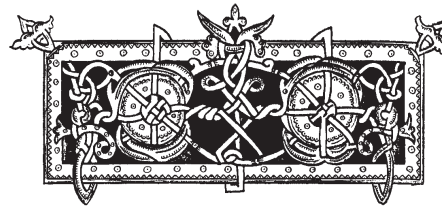
Нас же да просветит благодать Христова, да подаст здравие душе нашей, и да даст нам силу держать в своей власти пять чувств и жить достодолжно, чтобы славилось имя Божие чрез нас. Ему слава и поклонение ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

2003 год

Лицензия № 030831 от 15 июня 1998 г.
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография» с готовых диапозитивов
Тираж 2000 экз. Заказ №

Бог по чрезмерной любви Своей к людям подверг их разным лишениям в жизни сей

Из Слов прп. Симеона Нового Богослова



Бог по чрезмерной любви Своей к людям подверг их разным лишениям в жизни сей

Человеколюбивый Бог благоволил быть такому порядку, чтобы человека, отпадшего от благодати Его, окружали многие страхи, разные неприятности, скорби и беды. Оставил Он его быть обременяему всем этим, со всех сторон беспокоиму и бориму даже от себя самого. Причина, почему Он так устроил, предивна, исполнь любви и благости. Как какой-нибудь богатый-пребогатый человек, имея сына возлюбленного, по великой своей к нему любви, не хочет, чтоб он искал где-либо на стороне или от другого кого получал потребное себе, пищу, питие, одежду, обувь или другое какое утешение и упокоение, но желает, чтоб все это он получал от него одного, отца своего, дабы чрез это всегда находился подле него и упокоевался на коленях его; и если случится как-нибудь, что этот сын убежит от него и у другого кого пожелает получать потребное себе, то отец так все устрояет, чтобы сын или совсем нигде ничего не находил, или находил с большим трудом и потом; мало того, он еще всем, находящимся под его властию, повещает, чтоб, коль скоро увидят сына его шатающимся там и сям вдали от него, гнали его и всякие причиня-

ли ему неприятности, дабы он и нехотя, поневоле воротился к нему, много любящему его отцу, не находя себе нигде покоя; таким же образом и Бог поступил с отпадшим человеком, устроив, чтоб он не находил себе покоя в настоящей жизни в вещах мира сего и чрез то вынуждаем был опять возвращаться ко всеблагому Богу, Господу и Владыке всяческих, Отцу, Промыслителю, Упокоителю, Искупителю и Спасителю, и всегда находиться при Нем, дабы таким образом и человек находил успокоение, и Бог, Отец его, имея при Себе его, сына, радовался о нем.

Прежде преступления человек находился в полном счастии, всякое имел утешение и жил во всегдашней радости в раю, без скорби и печали, даже не зная, что такое есть печаль. Но забывшись по причине этого самого великого счастия, пришел он к похотению того, что было выше меры его и выше силы его, восхотел быть богом по внушению диавола. За это тотчас, как только и делом покусился на то, что получить было для него невозможно, потерял то великое счастие и упокоение, какое имел, стал беден и пришел в столь же великую нищету, сколь великое имел прежде богатство, восприяв таким образом наказание за возгордение, коим подвигшись, дерзнул он покуситься на то великое и отважное покушение — как будто пресытился он тем счастием, какое даровал ему Бог, и, брезгуя им, восхотел высшего. Сделавшись так бедным, стал он, по причине нужд и недостатков, поднимать всякие труды и хлопоты, но, не находя при всем том потребного столько, как бы ему хотелось, то подавляем был скорбию, печалию и унынием, то на большие напрягался усилия, чтоб достигнуть довольства и обилия, сбросив томившую его тяготу скудости. По этой же причине иной делался вором, явным или тайным, иной разбойником, насиль-

но отнимающим чужое, иной лихоимцем, неправедным обманщиком; отсюда же зависть, предательство, клевета, враждование, споры, суды, наветы, ложь, клятвопреступничество, убийство. И Самого Бога забыли, Который на настоящую жизнь в виде временного наказания определил бедность, заслуженную роду человеческому преступлением Адамовым. Действуя так, они, можно сказать, идут против Бога, когда во что бы то ни стало усиливаются сделаться богатыми и всем обилующими, несмотря на Божие присуждение нам скудости на настоящую жизнь. Сделавшись богатыми, являются они гордыми и тщеславными. Далее же что последует? Вот что: Бог гордым противится, и последняя их зрят туда же, куда попал отступник от Бога — диавол.

Бедность есть благодеяние Святого Бога

Итак, знать надлежит относительно скудости во всем, что Бог праведно наложил ее на нас как временное наказание, и потому претерпевать ее с благодарением, да привлечем на себя благоутробие, милость и попечение Божие. *Егоже бо любит Господь, наказует,* да смирится наказательною скудостию и далек будет от гордости, *биет же всякого сына, егоже приемлет* (Евр. 12, 6), болезнями и скорбями, чтоб к себе его притянуть и иметь всегда с собою, и за труды и подвиги, с благодарностию переносимые, увенчать его венцом терпения и сделать сыном приятным. Преступление Адамово последовало не от другого чего, как от того, что он имел все блага в изобилии без труда. Почему Бог за преступление определил нам в поте

лица своего снедать хлеб свой, пока умрем. Если же для настоящей жизни на всех людей наложена скудость как естественное временное наказание, то всеми неправдами усиливающийся убежать из-под него попадет под вечное наказание, потому что избежать скудости в настоящей жизни едва ли возможно без хищений, неправды и лихоимства; к тому же счастие и богатство естественно порождают гордость, источник всякого греха, а гордого, стремглав низвергши долу, берет в свою власть срамота, то есть начинают господствовать над ними плотские страсти,— порождения его неразумия и растления в нем здравого смысла.

Кто хулит бедность, тот отрицается христианства и не хочет быть христианином

Посему христианин, который всячески хлопочет и усиливается избыть от скудости, очевидно, не хочет быть христианином истинным, потому что истинному христианину нельзя быть без лишений и нужд. Сын Божий и Бог, соделавшийся человеком для восстановления естества человеческого, не благоволил тотчас отменить первое наказательное определение, то есть нужду во всем и смерть, наложенные на Адама и род наш за преступление заповеди, ибо и то, чтобы нам в поте лица снедать хлеб свой, и то: *земля еси и в землю пойдеши,* пребывают и навсегда пребудут в роде нашем, до скончания века. Но что сделал и делает Господь наш Иисус Христос? — То, что верующих в Его вочеловеченное домостроительство делает причастниками Своей силы, яко Бог сил, и Своей премудрости, яко Бог премудрости, и чрез то, не отменяя делом пер-

вого определения, отменяет тем, что отъемлет силу его, воодушевляя верующих благодушно переносить всякого рода лишения и скорби, Сам первый подъяв их до бесславной смерти на кресте и сделавшись для нас в этом образцом и примером. Вследствие сего видим, что и Апостолы, и все истинные христиане, приемля от благодати Христовой силу, с радостию переносят всякие скорби и искушения и приносят Богу достойные плоды с великим терпением. Почему ни мученики не просили Христа избавить их от терзаний и мучений, ни подвижники не искали освобождения от трудов и потов подвижничества, но те и другие умоляли лишь даровать им терпение, и с этим терпением подвизались подвигом мученичества и подвижничества, чтоб в будущей жизни восприять награду за труд свой.

Необходимость настоит, чтобы христиане имели скорби и беды

Итак, для всякого благочестивого неизбежны скорбь, теснота и лишения, и это не к ущербу, а к усилению и возвышению его благочестия. Пока не испытает кто искушений, не может понять и познать сокрытой в них сладости и силы для жизни по Богу. Когда же испытает их и познает сие, то не может не благодарить испытующего его Господа. И когда свободится от них, не за то одно благодарит Избавителя, что освободил, но и за то, что даровал испытать чрез них. Не испытавший искушений бывает неискусен в жизни и к богоугождению не так рачителен. А испытавший их и освободившийся от них горит духом к Богу и всеусердно благодарит Его. Конечно, бывают усердные к Богу и благодарные и из тех, кои не испытывают искушений, но не с таким жаром, как те, кои испытывают их и избавляются

от них. Посему крайне потребно и спасительно христианину подпадать искушениям, скорбям, теснотам и лишениям, да познает на себе многопомощную силу Божию и Бога да благодарит от всей души, от всего помышления и всею силою. Кто живет покойно и не имеет искушений, тот подвержен двум невыгодам: первая, что не так усердствует к Богу и не от всей души благодарит Его, а вторая, что ум его неизбежно вдается в суетные попечения и заботы. Может быть, и Адам не так бы легко прельстился, не послушал бы злого совета диаволова и не восхотел бы быть богом, если бы поусерднее благодарил Бога, когда был окружен величайшим оным упокоением и неизреченною радостию. Так-то сколько потребно для нас дышать воздухом, столько потребно благодарить Бога, в самых искушениях, скорбях и лишениях, каким подвергаемся, идя путем богоугождения. Будем же, братия мои, и мы благодарить Бога о всем и безропотно претерпевать всякое искушение и скорбь, во Христе Иисусе, Господе нашем, Коему слава во веки. Аминь.

2003 год
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 2836

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 537

9 (22) - 10 (23) июля 2003 года

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского ЕВСЕВИЯ

На освящение памятников святой княгине Ольге скульпторов Церетели и Клыкова

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского ЕВСЕВИЯ

На освящение памятника княгине Ольге скульпторов Церетели

Уважаемый Губернатор Евгений Эдуардович, уважаемый мэр г. Пскова Михаил Яковлевич, дорогие отцы, братия и сестры, дорогие гости!

Совсем немного времени осталось у нас до праздничной даты, и в преддверии этого торжества мы сегодня освящаем образ св. равноапостольной княгини Ольги, с именем которой непосредственно связан 1100-летний юбилей нашего древнего города.

Святая Ольга была первой христианкой древней Руси. Она стала просветительницей народа русского, светом Евангельского учения. Она первая возвестила людям о том, что у человека есть две жизни: одна – земная, другая – небесная; что нужно собирать богатство не только для тела, но и для души; что необходимо любить Бога как Творца Вселенной и дающего жизнь всем людям; что нужно любить наших ближних, помогать им в жизни, терпеть и не осуждать, утешать скорбящих, помогать больным и нуждающимся.

Святая княгиня Ольга оставила нам пример стойкости в вере православной, мужества в государственном управлении, в защите границ родной России. И наш священный долг – бе-

речь бесценные традиции нашего русского Православия. «Разрушать всегда легко, много лет и в нашей стране мы пытались разрушить старый мир до основания, но, разрушая старое, убедились в своей неспособности создать столь же надежное и крепкое новое, и в наше время не ослабло это стремление некоторых к разрушению вековечного, родного, жизненного», – сказал Святейший Патриарх Алексий II.

Сегодня мы освящаем памятник нашей землячке – княгине Российской Ольге. Он подарен Пскову знаменитым скульптором Зурабом Церетели. Этот памятник – выражение нашей любви и благодарности святой Ольге за ее подвиг служения русскому народу и нашей российской земле.

Стоя здесь, у этого монумента, постараемся и мы хранить веру наших отцов и матерей, любить Божии храмы и святую молитву, проводить свою земную жизнь согласно заповедям нашего Господа Иисуса Христа, чтобы не лишиться Царствия Божия.

С преддверием великого праздника, великого юбилея!

На освящение памятника княгине Ольге скульптора Клыкова

Уважаемый Губернатор Евгений Эдуардович, уважаемый мэр г. Пскова Михаил Яковлевич, дорогие отцы, братия и сестры, дорогие гости!

С чувством особого духовного восторга приветствую всех вас и поздравляю с великим торжеством в честь 1100-летия нашего города Пскова, торжеством в честь свободы и независимости нашей родной России и ее народа, ибо, празднуя юбилей нашего города, мы празднуем начало развития и становления русской государственности. У истоков формирования наших народов в единое целое

стоит богомудрая землячка наша – святая княгиня Российская Ольга. История города Пскова, насчитывающая одиннадцать столетий, наполнена многими событиями – как мирными, благополучными, так и страшными, трагическими испытаниями. И как бы она ни была трагична, мы благодарим Бога за все совершившееся и приносим глубокую благодарность княгине Ольге. Ее покровительством, ее духовной помощью Русь обретала победы и независимость от чужеземных захватчиков, так часто нападавших на Русскую землю.

Сегодня мы воздаем честь и хвалу св. равноапостольной княгине Ольге не только как основательнице нашего города, но и основательнице христианского русского народа, который ее молитвами избавился от языческих суеверий, познал свет Евангельского учения, прекратив служить идолам, стал жить по правде Божией. Святая Ольга знала умом и чувствовала сердцем, что народу русскому необходима православная вера, которая способна укрепить единство в государстве и создать его могущество, принести народу счастье, благополучие, свет и радость.

Позвольте выразить нашу благодарность за этот многоценный подарок скульптору Вячеславу Михайловичу Клыкову и тем, кто каким-либо образом принимал участие в создании и установке этого памятника. Пусть образ святой Ольги напоминает людям о том, кто стоял у истоков нашего города, кто желал людям благополучия и процветания, кто защищал нашу Русь от врагов, кто заботился о благополучии нашего народа.

Всем участникам праздника здоровья, радости и всего самого наилучшего!

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 538

10 (23) - 11 (24) июля 2003 года

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского

ЕВСЕВИЯ

На молебне в д. Выбуты – родине
св. равноапостольной княгини Ольги

На Соборной площади в день памяти
св. равноапостольной княгини Ольги

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского ЕВСЕВИЯ

На молебне в д. Выбуты – родине святой равноапостольной княгини Ольги

Дорогие псковичи, гости!

Сегодня мы празднуем память святой равноапостольной княгини Ольги, празднуем наш великий юбилей. Для нас с вами св. Ольга прежде всего наша землячка, первая наша православная христианка, благовестница Святого Евангелия.

Семя, брошенное святой Ольгой в душу русского человека, много веков росло и приносило добрый плод, а плоды эти от Духа Божия: мир, радость, долготерпение, благость, милосердие. Этими добрыми плодами долго жила Россия.

В народе говорят: что посеешь, то и пожнешь. И вот сегодня кто-то может спросить, что же сеет современный русский человек на своем поле? Мы с вами видим незасеянные поля, и только на некоторых участках, как воспоминание о прошлом, где-то колосится рожь и пшеница.

Наше современное общество занято сеянием недоброго семени, а от него нет и плода доброго. Всякие сорняки – бурьян и отравляющий борщевик – занимают, засоряют некогда плодоносные земли. Плачет, наверное, кормилица наша Русская мать-земля, но никто ее не слышит, не понимает и не помогает. Наверное, такое же состояние на сегодня в душе у русского человека. Не принимает он в свое сердце спасительное семя – Слово Божие. Плевелы его грехов почивают в сердце его. Все святое и чистое отвергает он, и все правила Святой Православной Церк-

ви стали чужды для него. Грубеет и твердеет его душевная почва, молчит его совесть. Пройдет весна его жизни, жаркое лето иссушит все, что было посеяно, а подойдет осень – какие плоды соберет человек, чтобы питать свою вечность? Вот тут и скажешь: «Что сеял, то и пожинай». И благо для человека, если он найдет добрые зерна пшеницы для Хлеба Небесного, и худо ему, если он не найдет их, а вместо них будет собирать отравляющие плевелы. А ведь у каждого впереди предстоит вечность, с чем войдет в нее человек, найдет и принесет ли он плоды, которые были бы для него залогом радости и вечной жизни? По слову Священного Писания, этими плодами являются мир, радость, долготерпение, благость, милосердие, любовь, кротость, чистота душевная и телесная.

Позаботимся, дорогие, чтобы нам с вами потрудиться и принести плоды, достойные нашего христианского звания. Семя – Слово Божие – брошено на русское поле, в сердце нашего народа святой равноапостольной княгиней Ольгой. Да не будет оно попрано нашими беззаконными делами. Пусть это доброе семя нашей веры умножается в нас, произрастает на поле русского доброго сердца и приносит добрый плод через наши молитвы и добрые дела, которые да увенчают нашу жизнь нетленным венцом в Царствии Божием вместе со святыми.

Слово Божие оживляет наши души, небесная манна питает наши сердца, свет Закона Божия освещает нашу жизненную дорогу. Пусть наши сердца будут благодатной почвой для произрастания добрых дел, коими оправдались бы наши души на Суде Божием. И дай, Господи, чтобы не заглушили доброго семени наши духовные плевелы: злоба, ненависть, скупость, осуждение, воровство, наркомания, пьянство, блудодеяние, гордость, жестокость и прочие страсти.

Из далекой страны приходила к царю Соломону царица Савская, как об этом сказано в Библии (3 Царств. 10, 1-13), чтобы послушать соломоновой мудрости и научиться у него чему-либо доброму, Божиему.

К нам же обращается сам Спаситель, и каждый из нас теперь может открыть Святое Евангелие и научиться у Господа нашего Иисуса Христа – Спасителя мира. И пока есть время

и возможность, постарайтесь открыть эту Священную Книгу, чтобы напитаться духовно и быть достойными нашей землячки – первой русской христианки – святой благоверной великой княгини Ольги. С праздником!

На Соборной площади в день памяти святой равноапостольной княгини Ольги

Ваши Высокопреосвященства, Ваши Преосвященства, уважаемый губернатор Евгений Эдуардович, уважаемый мэр г. Пскова Михаил Яковлевич, всечестные отцы, возлюбленные о Господе братья и сестры, дорогие друзья, дорогие наши гости!

Сегодня мы вместе единой семьей собрались на наш самый дорогой и родной для нас праздник рождения нашего Богоспасаемого города Пскова. Сегодня у нас тройной праздник: память святой благоверной равноапостольной княгини Российской Ольги, 1100 лет нашему городу, а также освобождение Пскова от немецко-фашистских захватчиков. Потому у нас с вами такое возвышенное, великое, радостное торжество. А его могло бы не быть, если бы на Псковской земле не родилась наша прекрасная и богомудрая русская княгиня Ольга. С ее рождением, с ее жизнью и ее делами связана история России и нашего родного Пскова.

Поистине она украсила Русь своим подвигом, своею христианскою жизнью. Она – первая из русских людей приняла Святое Таинство крещения и стала называться Православной христианкой. С этим именем она стала жить и делать все, что способствовало распространению христианства на Руси. Имя «христианин» стало на русской земле дорого и близко почти всем тогдашним людям, т. к. они стали узнавать о христианстве из истории жизни древней Церкви, из мученических актов, т. е. из сказаний о страданиях мучеников за Христа Спасителя в первые века нашей истории. Языческие судьи, допрашивая перед казнью святых мучеников, обращались к ним с вопросами: «Какого ты звания? Где твоя родина?» А мужественные исповедники веры Христовой на эти вопросы часто отвечали: «Я христианин». Их пыта-

ли, заставляя назвать свое имя, род занятий, вынуждая их показать, откуда они родом, кто их родственники, но в эти минуты святые мученики помнили лишь о том священном звании, которое дороже и бесценнее всех благ этого земного мира – звании православных христиан.

С крещением княгини Ольги православная вера стала распространяться и на Руси. Наша русская земля осветилась светом Христова учения, русский народ узнал, что Господь Иисус Христос есть Свет наш, Он – наше Солнце, потому, что устами святого пророка Исаии было сказано о Нем: «народ, сидящий во тьме, увидел свет великий, и сидящим в стране в тени смертной воссиял свет» (Ис. 9, 1-2). И Сам Господь, Иисус Христос сказал о Себе: «Я – свет миру» (Ис. 9, 5). Он – наше Солнце, которое взошло над всем миром, чтобы не заходить никогда.

Всякий свет противоположен тьме. Солнце, восходя, прогоняет тьму. И то Солнце, которое озирало род человеческий, рождением Сына Божия на земле осветило Своим светом все вопросы жизни, какими жил от начала века пытливый ум человека, ответило на все искания живого человеческого сердца, раскрыло перед человечеством все тайны жизни и смерти, из века в век волновавшие своею неразгаданностью; Солнце это сделало ясным и светлым путь земной жизни каждого человека.

Свет Божий указал и нам, потомкам святой благоверной княгини Ольги, путь к Евангельским заповедям чистоты и кротости, любви, веры и надежды. Теперь и мы знаем, что Бог создал мир видимый и невидимый и самого человека, что Он не сотворил зла, греха, несчастий. Все скорби и болезни человека вошли в его жизнь как следствие греха после того, как первый человек нарушил волю Божию.

Бог не создал смерть. Первый человек был создан бессмертным и никогда не должен был знать смерти. Смерть вошла в жизнь человека после нарушения им воли Божией, после грехопадения. Смерть – это плод греха, как учит апостол Павел.

Теперь и мы знаем и веруем, что каждому из нас жизнь дарована Господом, что она в руках Божиих; мы веруем в то, что Бог — Вездесущий и Всеведущий. Мы знаем, что Господь видит не только каждый шаг нашей жизни, но видит наши желания, и

потому мы должны все делать как бы перед очами Всевидящего Господа: и думать, и желать, и радоваться; и в печалях возлагать свое упование на Господа.

Теперь и мы веруем в Бога как в Праведного Судию и Мздовоздаятеля, Который призовет каждого из нас на Свой Суд, и на этом Суде мы от своих дел или постыдимся, или прославимся, по слову Божию (1 Ин. 2, 28; Рим. 8, 17). Мы веруем в Господа Иисуса Христа Спасителя, Который был распят за нас на кресте и претерпел тягчайшие муки для того, чтобы освободить нас от вечной смерти, от власти греха и диавола. Истинный христианин любит Крест Христов, любит его лобызать, любит с благоговением полагать на себе крестное знамение «во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», веруя в то, что сила крестного знамения ограждает его от врагов видимых и невидимых.

Теперь и мы веруем в Единую, Святую, Соборную Церковь Христову. Почитая ее как свою мать, мы должны хранить ее уставы, ее заветы.

Истинно верующий христианин, покорный зову Церкви и велению своего сердца, подходит к Святой Чаше, чтобы в Святых Дарах получить залог вечной жизни и вечного пребывания с Господом Спасителем. Церковь учредила посты, и мы должны почитать их.

Мы знаем, что истинный христианин — это тот, вера которого подтверждается делами его доброй, христианской жизни.

Наша православная вера – есть вера истинная, ибо она свидетельствуется жизнью, она есть вера спасающая, есть вера чудодейственная, потому что она нашей немощи сообщает всемогущую силу Божию!

Истинная вера, принесенная нам святою Ольгою, – это наш светоч, который ведет за собою в Царство Небесное, освещая каждый шаг нашей жизни, научая нас быть достойными христианами, добродетельными, милосердными, кроткими, прощающими обиды.

Свет веры Христовой и ныне сияет по всему лицу русской земли, не умаляется и не может умалиться на земле сила проповеди об истинном Боге. До конца мира Святая Церковь не перестанет учить людей путям, ведущим к Царству Небесному; не оскудеет

Архиепископ Псковский и Великолукский Евсевий
и Наместник Псково-Печерского монастыря
Архимандрит Тихон

и никогда не сможет оскудеть сила благодати Святого Духа, какую Церковь преподает людям. Будем и мы просить Бога, подобно святым апостолам: «Господи, умножь в нас веру». А укреплять свою веру мы можем молитвой, вниманием к чтению Слова Божия, хождением в храм Божий, размышлением о путях промысла Божия в жизни каждого из нас, вдохновляться примерами из жизни святых людей. Но при всем этом Господь может сказать нам: «Покажи мне веру твою без дел твоих» (Иак. 2, 18) ибо «как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва есть» (Иак. 2, 26). Слово Божие говорит нам: «что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его» (Иак. 2, 14).

Мы должны знать, что истинная вера свидетельствуется нашей добродетельной жизнью. Надо, чтобы она светилась в добрых делах нашей жизни, чтобы свет веры сиял перед людьми, как завещает нам Господь: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела и прославят Отца ва-

шего Небесного» (Мф. 5, 16). А добрые дела, по слову апостола Павла: «... любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание» (Гал. 5, 22-23). Во всем этом – наше вечное, небесное богатство, наша вечная, духовная красота и радость, в этом и свидетельство святой Православной веры.

Дорогие отцы, братья и сестры! Будем беречь в себе, как драгоценность, свет нашей веры в Господа, чтобы с нею жить и с нею уйти туда, где сияет вечный незаходимый свет, где ждут сынов Света неиссякаемые радости. Бережно хранить и приумножать богатство наших предков, которым мы приносим сегодня и всегда свою глубокую благодарность за все, сделанное ими. А самое главное – за то, что они за 1100 лет не преклонили свои колена перед языческим ваалом, не изменили вере своих отцов, не кланялись богу чужому. Они берегли свои христианские святыни, твердо стояли за Русь Святую, за Дом Живоначальной Троицы, за святую православную веру. И пусть те небесные благодатные лучи, некогда засиявшие над нашим городом, никогда не померкнут, возвещая о небесном граде, куда должен стремиться каждый человек.

Мой милый и уютный город Псков, да будешь ты благословен от Бога, да не померкнет солнце над тобою. Да пронесутся мимо бури, ураган и шторм. Да светит свет Христовой Православной веры. Основания твои да не подвигнутся вовек. Пусть радость, мир и счастье увидят наши люди. Пусть наши дети и потомки наши пойдут за нами, где сияет вечный свет! А на пути нашем, да будет всем нам помощь Божия, Покров Пречистой Девы Марии и заступничество святой благоверной великой княгини Ольги и всех святых нашей Псковской земли!

С великим праздником! С великим юбилеем! С великим торжеством!

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

2003 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 539

4 (17) июля 2003 года

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского

ЕВСЕВИЯ

на освящение
Царской часовни

СЛОВО

Архиепископа Псковского и Великолукского

ЕВСЕВИЯ

на освящение Царской часовни

Уважаемый Губернатор Евгений Эдуардович, уважаемый мэр г. Пскова Михаил Яковлевич, дорогие отцы, братия и сестры, дорогие гости!

Сегодня поистине страшный день, печальный, трагический день для нашей Родины. 85 лет тому назад, в ночь на 17 июля 1918 года были расстреляны в Екатеринбурге Российский Император Царь Николай II, царица Александра, сын Алексей, четыре дочери и несколько человек из его ближайшего окружения.

Произошла одна из самых страшных трагедий России. Трагедия, от последствий которой мы не освободились и до сегодняшнего дня.

То, что мы сейчас находимся здесь, также связано с трагическим моментом жизни последнего русского Царя – именно здесь, в Пскове, на этой железнодорожной станции, император Николай II узнал и пережил самое страшное и гнусное предательство: измену своих приближенных.

Отрекаясь от престола, Император, как мы теперь знаем, делал это ради блага России и из любви к ней. Вынужденно подписывая акт об отречении, он полагал, что в России утихнут народные волнения.

Но не мира и спокойствия жаждали бунтари и противные силы. Не тишины и покоя ждали изменники. Их целью было обезглавить Россию. С уходом от царского престола, с убийством Царя Николая великая империя была повержена в революционный

хаос, унесший миллионы русского народа. Погибла вся красота тогдашней России: разграблены и уничтожены были святыни нашей Родины.

Государь мог после отречения найти себе безопасную и спокойную жизнь за границей (как это сделали тогда многие), но он не пошел по этому пути, желая страдать вместе с Родиной. Приговорен же он был к расстрелу небольшой кучкой людей не за какую-либо вину, а за то только, что его будто бы кто-то хотел похитить.

Когда революционеры уничтожали Россию, Святитель Тихон сказал им: «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства вашего в жизни настоящей – земной».

Православная Россия оказалась распятой. Она в тот момент уподобилась Христу, взойдя на свою Голгофу и принеся в своем распятии искупительную жертву – миллионы невинных замученных людей.

Но России суждено было воскреснуть для свидетельства истины в этом мире, омраченном грехом. Русский народ с безмерным терпением перенес от мира лукавого такие испытания, какие ни один европейский народ не выдержал бы. Вот что о возрождении нашей Родины сказал великий философ и русский мыслитель Иван Александрович Ильин (в этом году исполняется 120 лет со дня его рождения): «Помышляя о грядущей Рос-

сии мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы должны быть ей верны и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России как поколение дряблое и предательское».

Ныне Россия в беспримерном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна заимствовать. Она сама должна создать и выковать свой общественный и государственный облик, который в этот момент ей будет необходим. Сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно подчиняется сверхличным целям, и единый народ найдет своего личного главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью.

Сейчас мы стоим у стен новосооруженной Царской часовни в честь Воскресения Христова. Это событие само по себе знаковое, символ возрождающейся нашей России и ее воскресения. Ради этого воскресения нам и надо сопротивляться новому безбожному мировому порядку, отстаивать наш идеал российской государственности и Святую Православную веру, ведь в ней наша жизнь, воскресение, радость земная и вечная.

Сегодня позвольте мне выразить самую искреннюю благодарность нашему Губернатору Евгению Эдуардовичу, усердием которого воздвигнута эта красавица начала XXI века Царская часовня в честь Воскресения Христова. Пусть она напоминает нам и нашим потомкам и о нашем духовном воскресении, о нашем стремлении к возрождению, духовному обновлению и вечному спасению.

Поздравляю всех вас с преддверием великого юбилея, великого праздника – 1100-летия Пскова, желаю всем вам радости и здоровья.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
2003 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 540

ВЛАДЫКА

Из воспоминаний о Святейшем Патриархе Алексии I (Симанском)

Патриарх Московский и всея Руси Алексий (в миру Сергей Владимирович Симанский) родился 27 октября (9 ноября) 1877 г. в Москве в старинной дворянской семье. Он получил глубоко религиозное воспитание и превосходное домашнее образование, продолженное в гимназических классах Лазаревского института восточных языков и в Московском Николаевском лицее. В 1899 г. Сергей Владимирович Симанский окончил юридический факультет Московского университета с ученой степенью кандидата права. Осенью 1900 г. он поступил в Московскую Духовную Академию. 9 февраля 1902 г. епископ Волоколамский Арсений (Стадницкий), ректор Академии, совершил пострижение Сергея Симанского в монашество с именем Алексий (в честь Митрополита Алексия, святителя Московского). 17 марта 1902 г. монах Алексий был рукоположен во иеродиакона, а 21 декабря 1903 г. — во иеромонаха. Весной 1904 г. иеромонах Алексий окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, защитив по кафедре философии диссертацию "Господствующие в современном нравственно-правовом сознании понятия перед судом митрополита Московского Филарета".

В августе 1904 г. иеромонах Алексий был назначен инспектором Псковской Духовной Семинарии, в сентябре 1906 г. — ректором Тульской Духовной Семинарии с возведением в сан архимандрита. В обеих Семинариях он также преподавал Священное Писание Нового Завета. В те годы проявился проповеднический дар будущего Патриарха. С 6 декабря 1911 г. архимандрит Алексий был ректором Новгородской Духовной Семинарии и настоятелем монастыря во имя преподобного Антония Римлянина.

28 апреля 1913 г. в новгородском Софийском соборе Блаженнейший Патриарх Антиохийский Григорий IV и пять архиереев совершили хиротонию архимандрита Алексия во епископа Тихвинского, второго викария Новгородской епархии.

В годы первой мировой войны епископ Тихвинский Алексий всеми доступными ему средствами старался облегчить тяготы беженцев и страдания раненых. По его инициативе в Новгородской епархии было организовано несколько лазаретов, широко развернулся сбор средств в помощь нуждающимся.

11 декабря 1916 г. епископ Тихвинский Алексий был назначен первым викарием Новгородской епархии. В то же время он являлся настоятелем Варлаамо-Хутынского монастыря. Архиепископ Новгородский Арсений, будучи постоянно занят в Святейшем Синоде и

Государственном Совете, предоставил фактическое управление епархией своему викарию.

21 февраля 1921 г. Патриарх Тихон назначил Преосвященного Алексия первым викарием Петроградской епархии с титулом епископа Ямбургского, определив ему местом постоянного служения Казанский собор.

16/29 мая 1922 г. епископ Алексий вступил в управление Петроградской митрополией. Сохранив верность Патриарху Тихону, он решительно отклонил предложение раскольников-обновленцев перейти на их сторону. 29 июня 1922 г. епископ Алексий был "уволен на покой" обновленческим ВЦУ, а в октябре 1922 г. подвергся административной высылке в Казахстан (Каркаралинск Карагандинской области), где провел более трех лет.

Весной 1926 г., в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, епископ Алексий возвратился в Ленинград. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя Митрополит Нижегородский Сергий назначил его управляющим Новгородской епархией с титулом архиепископа Тихвинского (позднее — Хутынского). С того времени архиепископ Алексий становится ближайшим сотрудником Митрополита Сергия, участвует в составлении известной Декларации 1927 года.

В 1927 г. архиепископ Алексий вошел в состав (вновь образованного Временного Патриаршего Священного Синода, продолжая управлять Новгородской епархией. Практически все стороны церковной жизни находились в его поле зрения. Среди обсуждавшихся им вопросов были дела церковного устроения, имеющие историческое значение, и частные вопросы приходской практики, по которым требовалось авторитетное святительское суждение.

18 мая 1932 г. в ознаменование пятой годовщины со времени образования Временного Патриаршего Священного Синода Заместитель Патриаршего Местоблюстителя возвел трех его членов, состоявших в нем с самого основания, — архиепископов Хутынского Алексия, Одесского Анатолия (Грисюка; I 1938) и Ярославского Павла (Борисовского; I1937) в сан митрополита. При этом Преосвященному Алексию был присвоен титул "Старорусский".

Митрополит Алексий 20 октября 1933 г. получает назначение на Ленинградскую кафедру.

Характеризуя этот период служения митрополита Алексия, его биограф пишет:

"Ставя в центр духовной жизни паствы церковную молитву, митрополит Алексий все свое свободное от общецерковной работы в Москве время посвящал богослужениям в храмах города, являя пример благоговейной молитвы. Служить владыка Алексий очень любил. Ча-

сто можно было видеть, как в небольшие церковные праздники митрополит Ленинградский скромно служил по священническому чину в боковом приделе храма. И как любили такие служения владыки верующие!

В праздничные дни митрополичьи службы были высокоторжественными и проходили с большим духовным подъемом, который всегда умел создать митрополит Алексий, несмотря на то, что служил просто, молитвенно, без какой бы то ни было внешней эффектности".

Тяжелое положение Ленинградской епархии в те годы также было связано с сохранявшимся там еще обновленчеством. Обновленческий "митрополит" Николай Платонов, лидер ленинградских обновленцев с 1934 г., указывает далее биограф, "неоднократно выступал с резкими личными выпадами против митрополита Алексия, стремясь вызвать его на полемику. Но последний проявил удивительную выдержку и не ответил ни на один из его личных выпадов. Все старания обновленцев скомпрометировать митрополита Алексия оказались тщетными. Однако управлять митрополией в окружении обновленчества владыке Алексию было нелегко — ему приходилось проявлять максимум такта и выдержки".

С первых дней Великой Отечественной войны митрополит Алексий проявил высокий патриотизм, решительно поддержав призыв Патриаршего Местоблюстителя Митрополита Сергия, и вслед за ним выступил с Посланием "Церковь зовет к защите Родины", которое было зачитано и разослано по Ленинградской епархии в июле 1941 г.

Митрополит Алексий остался вместе с паствой в осажденном Ленинграде, где перенес голод, нужду и все ужасы блокады, не прекращая богослужений, несмотря на трудности военного времени, частые бомбежки и артиллерийские обстрелы. Пример его любви и жертвенности воодушевлял тысячи людей, поддерживал в них веру в победу.

На Соборе епископов Русской Православной Церкви 8 сентября 1943 г. митрополит Алексий выступил с докладом "Долг христианина перед Церковью и Родиной в эпоху Отечественной войны".

В период первосвятительства Патриарха Сергия митрополит Алексий был его ближайшим помощником. После кончины Патриарха Сергия в 1944 году очередной Поместный Собор избрал 2 февраля 1945 года митрополита Алексия Патриархом.

Русская Православная Церковь. Очерки истории 1917-1988.– М.: 1988, с. 60-62

Ниже мы помещаем рассказ об одном из блокадных дней митрополита Алексия, будущего Патриарха Московского и всея Руси.

Владыка

Высокопреосвященный владыка Алексий (Симанский, †1970) прежде не отличался ни ростом, ни дородностью, но теперь, после трех месяцев блокадного голода, он стал походить на подростка, особенно сзади. Лишь впалые щеки, седая бородка и большой с залысиной лоб указывали, что это не простой старик, а умудренный большим духовным и жизненным опытом старец.

Сегодня был особенно сильный артобстрел города. Немцы стреляли с Дудергофских высот, и тяжелые снаряды, выпущенные из стальных жерл крупповских пушек, рвались неподалеку, с ужасающим грохотом сотрясая храм. Из окон с жалобным звоном вылетали последние стекла и сыпались на церковный пол. Закутанные в одеяла, обвязанные платками, грязные, опухшие, с серыми лицами прихожане, пришедшие на всенощную, из-за продолжающегося обстрела не решались выйти на улицу, спасаясь под кровом Матери Церкви. Они надеялись не столько на толстые стенки елизаветинской кладки и мощные сводчатые перекрытия потолка, но прибегали под Спасительный Покров Божией Матери, милость Сына Ее Иисуса Христа и доброго Святителя Николу Чудотворца, во имя которого стоял этот собор. Дождавшись, когда стихла канонада, они все понемногу разошлись. Тогда владыка бережно вынул из киота чудотворный образ Святителя Николая и вполголоса прочитал тропарь, кондаки и икосы из сладкозвучного его Акафиста и начал обходить собор. Сзади ковылял старый церковный сторож с керосиновым фонарем в руках. Фонарь раскачивался, и странные причудливые тени плясали по покрытым сверкающим инеем стенам, по сводчатому потолку, по тусклой позолоте иконостаса.

— А завешены ли окна? — осведомился митрополит.

— Завешены, владыка, не беспокойтесь, — ответил сторож дядя Вася.

Хождение с иконой чудотворца стало традицией у владыки, и он свято верил, что Божий угодник отведет полет смертельных снарядов от собора.

После владыка помогал сторожу заколачивать окна, подавая ему, стоящему на стремянке, куски старой фанеры и гвозди. Сторож дул на замерзающие пальцы и говорил, что на дворе метет поземка и где-то на Неве пускают в небо ракеты. Что это действуют немецкие диверсанты-сигнальщики, показывая своим самолетам, куда кидать бомбы. Что нормы хлеба пока не прибавили, да хлеб совсем стал никудышный, невесть из чего сделанный. А вражеские самолеты уже шли в ночной вышине, натужно гудя, тяжело нагруженные смертоносными бомбами. Бешено стреляли зенитки, ведя заградительный огонь. Затем задрожала земля и послышались мощные взрывы фугасных бомб где-то в заводских районах.

Сторож пошел закрывать на ночь церковные двери. Вскоре он вернулся. «Там какой-то человек лежит на ступеньках». — «Живой?» — «Нет, кажись, померший». Они вышли на крыльцо. Покойник на коленях склонился на ступеньки, положив голову на паперть. Окоченевшая рука сжимала облезлую меховую шапку. Сторож перевернул покойника и полез во внутренний карман пальто, достав оттуда потрепанный паспорт. «Посвети-ка мне спичкой». — Пока горела спичка, владыка прочел: «Платонов Николай Федорович». — Рука владыки задрожала, болезненно сжалось сердце. — «Так вот где мы встретились, — подумал он. — Посвети еще на лицо, Василий. Да, это он», — сказал владыка, посмотрев на худое мертвое лицо.

— Что, знакомый что ли вам?

— Знакомый, знакомый. Да и ты, Василий, должен его знать по Андреевскому собору. Ведь это бывший обновленческий митрополит Платонов.

Сторож нагнулся.

— Ай, батюшки, да и вправду он! И валенки худые. Видно, пришел с покаянием, да и помер на паперти.

Действительно, это был митрополит. В начале двадцатых годов он блистал своими проповедями, привлекая множе-

ство народа. Это был противник владыки, проклинавший его с амвона. Но пришло время, и коммунисты добрались и до обновленческого духовенства, стали сажать их в тюрьмы и расстреливать Тогда митрополит Платонов ничтоже сумняшеся снял с себя сан, отрекся от Бога и объявил себя атеистом. Устроился лектором в общество безбожников. Но пришла всенародная беда: война, голод, блокада. Быть может, от этих бедствий пробудилась у него совесть, и он пришел в церковь, чтобы принести покаяние. Но, видно, не выдержало старое сердце, и бывший митрополит умер на паперти храма в нескольких шагах от входа. Владыка сотворил над умершим краткую литию и повелел сторожу положить покойника в сарае, где скапливались умершие около церкви.

Владыка в темноте обогнул правый клирос и, с трудом открыв набухшую от сырости дверь, вошел в небольшую с закопченными стенами и потолком пономарку, где ему был поставлен диван и топилась печка. Найдя коробок, он зажег керосиновую лампу и приготовил себе скудный ужин, состоящий из нескольких ложек каши и кусочка блокадного глинистого хлеба. Отрадой и утешением его был настоящий, еще довоенных времен чай. И чай, и сахарин принесли прихожане. Сами истощенные, они чем могли поддерживали своего архиерея.

День еще можно было пережить, но ночь — эта темная блокадная ночь — была жуткой. Немецкие самолеты, прежде чем бомбить, подвешивали в небе на парашютиках осветительные ракеты, которые, сгорая, давали дрожащий мертвенный свет. Всю ночь бухали зенитки, а когда они замолкали и воцарялась тишина, было слышно, как с неба падают осколки зенитных снарядов, гулко ударяясь по кровельному железу и с тупым звуком врезаясь в землю. Этот железный дождь угнетал владыку больше, чем сухой стук метронома или сигналы воздушной тревоги, вызывая в душе какое-то томление. Он думал о тленности всего земного, о том, что человеческая жизнь не может основываться ни на чем другом, кроме Господа и Его вечной правды. Каждую ночь владыка служил Полунощницу, читал чин Двенадцати псалмов. При

этом, стоя на коленях и кладя земные поклоны, горячо молился пред образом Вседержителя, испрашивая у Него милости и прощения всему православному народу, а отходящим в эту ночь в ледяных квартирах Ленинграда в мир иной — вечного покоя и Царствия Небесного. «Господи, дай нам утвердиться в Имени Твоем. Причасти всех страшным и радостным причастием Твоей Истины. Открой ее глазам невидящим», — шептали замерзшие губы владыки.

Бомбежки и артобстрелы становились все злее, и прямые попадания бомб и снарядов в кирпичные стены ленинградских домов превращали их в пирамиды мусора, погребавшие под собой людей. Мороз становился все крепче, а еды с каждым днем оставалось все меньше и меньше. И все чаще и чаще прихожане просили владыку совершать заочные отпевания. Но больше приходилось совершать отпеваний над телами, которые иногда плотными рядами лежали на полу по всему храму. Кто в гробах, кто завернутый в простыни, а кто-то даже в узких кухонных шкафах. Владыка в валенках, ватных армейских штанах, ватнике с надетой поверх этого рясой и фелонью с кадилом в руке обходил эти скорбные ряды, творя заупокойную службу. А сторож нес за ним медный тазик с песком, которым владыка посыпал мертвые тела, символически предавая их земле. Жалостно и негромко пел хор, состоящий из истощенных, закутанных в шерстяные платки старушек, изо рта которых струился легкий пар. Несмотря на голод, лютый мороз, кромешную тьму, артобстрелы и бомбежки, народ приходил в храм каждый день. И не только на Литургию, которую владыка служил по священническому чину без дьякона, но и на Вечерню и Всенощное бдение. Одному Богу было ведомо, как добирались потом до дому в кромешной уличной тьме слабые истощенные дистрофики. Они медленно плелись по узким, протоптанным в снегу тропинкам, спотыкаясь об обледеневшие, лежащие на пути мертвые тела и не обращая внимания на грохот рвущихся снарядов и бомб. Но иногда улица была освещена пожарищем горящих домов, и они останавливались и, кашляя от дыма, грелись у этого зловещего костра.

Когда у владыки кончалась вода, кроткие полуживые прихожане безропотно ставили бидоны на сани, впрягались в них и пускались на поиски проруби в реке или канаве. Иногда возвращались не все из них. Кто-то падал замертво и оставался лежать на дороге. В то время люди так обычно и умирали на ходу. Владыка, вытирая слезы, благодарил этих добрых водовозов. Они же безголосо что-то шептали синими потрескавшимися губами и старались улыбаться, если это можно было принять за улыбку на их опухших мучнистых лицах.

Люди любили владыку, потому что он был прост, смиренен и доступен. Он принимал всех, кто хотел с ним поговорить и получить благословение. Кротким и приветливым в обращении, пребывающим в мирном расположении духа запомнился владыка Алексий Симанский старым, пережившим блокаду ленинградцам. Владыка умел поговорить и с именитым профессором университета, и с солдатом, и с замученными блокадными горожанками. Молодыми и старыми, хотя в 1942 году под слоем копоти на опухших лицах трудно было определить, кто молодой, а кто старый. Особенно в тяжелом положении находились беженцы из области и Прибалтики. У них не было никаких средств для поддержания жизни. Но их было в городе великое множество, и они первыми стали умирать от голода и холода. Владыка тайно раздавал им милостыню и сам, и через прихожан. В блокадную зиму 1941/42 года многое обесценилось, только хлеб и тепло были в цене. Прихожане опускали в церковную кружку не только деньги, но и золотые вещи: обручальные кольца, серьги, царские десятки, которые владыка складывал в ведерко и держал в сейфе. Однажды в середине зимы, поздно вечером, обходя храм с образом Николы Чудотворца, владыка едва не упал, споткнувшись об узелок, лежавший на полу перед иконой Божией Матери «Умягчение злых сердец».

— Ну-ка, посвети сюда, Василий, — сказал он. Сторож поднял узелок:

— Однако тяжелый.

— Ты понеси ко мне в келью этот узелок, после посмотрим, что в нем.

Обойдя храм и закрыв его, они сели за стол и развязали узелок. Там сверкнуло золото и синими вспышками заиграли на огне бриллианты.

— М-да, — произнес владыка, — целый набор семейных драгоценностей и никакой записки при сем.

Сторож равнодушно посмотрел на это богатство и проворчал: «Лучше бы там было немного ржаных сухарей».

Владыка задумался, смотря на эти шедевры ювелирного искусства и наконец сказал:

— Вот что, Василий, сходи-ка ты завтра на Галерную улицу и приведи ко мне ювелира, что делал мне митру, если, конечно, он жив.

На следующий день сторож привел ювелира. Это был сухонький старичок с накинутым на пальто одеялом и в старомодном пенсне на толстом носу.

Он снял шапку, сбросил на пол одеяло и поклонился владыке.

— Многая лета вам, владыка. Я удивлен, зачем вам понадобился ювелир?

—Здравствуй, Семен, все ли у тебя живы?

Ювелир поник головой.

— Нет, владыка, у меня в семье три покойника. Жена и две дочери были убиты осколками снаряда, когда пошли выкупать хлеб. Я их так и не дождался. Пошел искать, и мне сказали, что вот так... Я их даже не видел. Увезли куда-то и похоронили в братской могиле.

— Примите мое соболезнование, дорогой. У всех у нас скорби, потери и несчастия. Господь испытывает нас. Надо терпеть. Будет и на нашей улице праздник. А у меня, Семен, есть к тебе дело.

— Говорите, владыка, я для вас все сделаю.

— У нас в храме собрались пожертвования от прихожан на большую сумму. Ты составь опись и сделай оценку каждой вещи. Все это от имени прихожан Православной Церкви мы передадим в Фонд обороны на танковую колонну.

— С радостью, владыка, с превеликой радостью.

— Ну, действуй. Василий, выгребай все из сейфа на стол.

Ювелир принес из дома специальные весы, лупу и работал три дня.

Сегодня день был тяжелый. Еще вчера владыка послал Василия к старому священнику, который уже не мог выходить из дома, отнести ему банку с кашей, пакетик чая и десять поленьев дров. Ушел Василий и не вернулся. А в то время, если уж кто не вернулся, то уже не возвращался никогда. И вчера, и сегодня город вздрагивал от рвущихся на улице снарядов. Владыка привык к этому старому ворчуну и очень скорбел. Вечером он один ходил по храму с иконой Николы. Сам запирал на ночь церковную дверь и растапливал печку. Но поминать за упокой воздержался. А утром владыка проснулся от настойчивого стука в двери. Когда он открыл двери, перед ним стоял весь заиндевевший и посиневший от холода, но улыбающийся его верный слуга Василий.

— Слава Богу! —сказал митрополит и перекрестился. Василий поведал ему, что банку с кашей и дрова доставил по назначению. Батюшка благодарил и велел кланяться. А когда он шел назад, вблизи рванул снаряд, и его отбросило, ударив в стену дома. Когда он пришел в себя, то не мог понять, кто он и где он. Понемногу опомнился и кое-как добрался назад, к батюшке. Батюшка напоил его чаем, положил на диван, где он пролежал двое суток, пока не перестала кружиться голова.

Вечером владыка писал обращение в Фонд обороны. Он писал, что прихожане Православной Церкви жертвуют на танковую колонну святого Александра Невского три с половиной миллиона рублей и еще, кроме этого, золотыми украшениями и драгоценными камнями на большую сумму. Опись прилагается. На следующий день сторож Василий в сопровождении нескольких прихожан отнес в военкомат чемодан с пожертвованиями и сдал все военкому под расписку. На следующий день владыке позвонили из Смольного и просили передать благодарность прихожанам от городского комитета обороны. Поинтересовались, не надо ли чего? Владыка ответил, что кончилось красное виноградное вино для богослужения, и с дровами тоже плохо. Сказали, что все будет доставлено. Предложили прикрепить его к столовой

Смольного. Но он отказался, сказав: «Как все, так и я». Тогда после короткого молчания голос в трубке ответил: «Мы будем вам помогать с продуктами и дровами». Владыка поблагодарил.

Как-то на неделе, через военную почту, он получил письмо из Ульяновска, где тогда располагалось Управление Православными церквами страны. Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Московский Сергий писал, что он состарился, с каждым годом усиливаются возрастные изменения, что он удручен многими болезнями и немощью, и поэтому вынужден составить завещательное распоряжение, в котором наследником Местоблюстителя Патриаршего Престола объявляет его — Алексия, митрополита Ленинградского.

Узнав это, сторож Василий заулыбался и сказал:

— Ну, владыка, теперь вам и умирать ни в коем разе не полагается.

— На все воля Божия, — сказал владыка и перекрестился,—как Ему Милостивцу угодно, так да сотворит с нами.

И Господь хранил за его смирение, доброту и преданность Церкви и православному народу, который он не оставил в страшные дни 900-дневной блокады, хотя у него была возможность улететь на самолете из окруженного врагами города. Однажды все же пришлось вылететь ему на неделю из блокадного города по вызову митрополита Московского Сергия. И многие запомнили в Ульяновске, как владыка Алексий с удивлением говорил: «Боже, как вы все здесь много едите!»

И ему, родившемуся в 1877 году и поставленному в епископы еще дореволюционным Священным Синодом, Бог даровал многая и многая лета жизни и долгие годы Патриаршего служения...

Печатается по изданию: «Православный С-Петербург, 2000 г., № 8 (99)

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание отпечатано в ГУП "Псковская областная типография" с готовых диапозитивов
Заказ № 2917. Тираж 2000 экз.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 541

О КРЕСТНЫХ ХОДАХ ПСКОВСКИХ

Из истории Псковской епархии

На путях и перекрестках творим моление для того, чтобы очистить все пути и распутия, осквернённые нашими грехами. Подъемлем из храмов священные иконы, износим честные кресты, а иногда, где есть, и священнейшие мощи святых для того, чтобы освятить и людей, и все, что потребно им для жизни,— то есть домы, пути, воды, воздух и самую землю, как попираемую и оскверняемую стопами грешников. Все это для того, чтобы обитаемый град и вся страна соделались причастными Божественной благодати, отвергнув от себя все губительное и тлетворное; молимся да будет милостив нам Тот, Кто воплотился для нас и принял зрак раба, Кого представляют Божественные иконы и образы святых Его, чисто жительствовавших на земле.

Новая скрижаль

О КРЕСТНЫХ ХОДАХ ПСКОВСКИХ

Из истории Псковской епархии

В Пскове, как и во всех древних городах русских, было учреждено значительное число крестных хождений, основанных частию на воспоминании милостей Божиих к городу, а частию на особенном чествовании местных праздников и святынь. Одни из них *приходили* к Свято-Троицкому собору, а другие от него *исходили*; в том и другом случае соборный храм Святой Троицы являлся и является средоточием всей святыни Псковской. Такой порядок весьма ясно указывает на историческое значение Троицкого собора, который ведет свое начало от первой просветительницы Псковской земли святой равноапостольной княгини Ольги, есть первый здесь храм и вместе основание всех тех храмов монастырских и приходских, какие стоят ныне в Псковской епархии. Вот почему одни из крестных ходов Псковских должны были приходить, как выражено в чине епископа Псковского Геннадия, “прямо к Святой Троице” (т. е. к Свято-Троицкому собору); а другие исходить непременно “от Святой Троицы”.

К *первому роду* принадлежали семь крестных хождений.

1. Весенний крестный ход Спасо-Елеазаровский был учрежден в конце XVI или в начале XVII века еще из Великопустынского монастыря, где явилась икона Спасителя, и потом продолжался из Спасо-Елеазаровскаго, куда перенесен был сей образ по закрытии Великопустынской обители в

Троицкий кафедральный собор. г. Псков

1764 году. Святая икона приносилась в 4-е воскресенье по Пасхе (в неделю о Расслабленном) в Троицкий Собор из Варлаамовской церкви на Запсковье (где она останавливалась по принесении из своей обители). В следующую среду (день Преполовения) был крестный ход из собора с сим чудотворным образом и соборными иконами: Чирскою иконою Пресвятой Богородицы и святого князя Всеволода-Гавриила на реку Великую для освящения воды, а потом и вокруг всего города. В следующее же воскресенье (в неделю о Самаряныне) икону Спасителя несли в ту же приходскую церковь и оттуда обратно в обитель преподобного Евфросина.

2. *Весенний крестный ход Печерский* начался с 1601 года при архимандрите Иоакиме. Псково-Печерский монастырь выдержал от ливонцев и литовцев много осад и разорений, а польский король Стефан Баторий в 1581 году и взять

не смог его заступлением Божией Матери. В воспоминание сего-то избавления печерские монахи обещались тогда ходить ежегодно во Псков с иконою Умиления Богородицы в неделю седьмую по Пасхе; а Геннадий, епископ Псковский, утвердил в 1601 году и устав сего хождения с расписанием всего порядка церковных служб. Между тем в Пскове тогда был сильный мор из-за неурожая, голодные поселяне приходили в город просить хлеба и умирали прямо на улицах от голода и стужи.

Это несчастье вызвало в псковских гражданах усердие к более торжественному совершению крестного хода из Печерского монастыря. Они просили епископа: 1) к обыкновенным молениям в таких случаях присоединить молитвы о пропитании православного христианства в то голодное время, о даровании плодов земных, теплоты солнечной и благорастворения воздуха на умножение плодов земных и 2) встретить святые Печерские чудотворные иконы в будущем приходе их не у монастыря святителя Николая от Каменной ограды, как было предложено, а ходить за пять верст от города, в погост Камно, равным образом и обратно проводить их до того места. На следующий 1602 год, в установленное время, епископ Геннадий со всем собором и все жители Пскова вышли навстречу Печерским святым иконам за город, в Камно. Святитель сам взял чудотворную икону Умиления Божией Матери и при содействии игуменов нес ее до самого Пскова. С таким же благоговением и торжеством провожали святые иконы Печерские и из Пскова. После сего епископ Геннадий, весь собор священнослужителей и все люди законом постановили, чтобы такой порядок встречи и сопровождения святых чудотворных икон Псково-Печерских у Камно соблюдался и впредь, на память будущим поколениям. В честь принесенных из Печор икон проводились торжественные службы в Троицком соборе и на Печерском подворье. После служб устраивалась тра-

пеза, за которой полагалось чтение о приходе Стефана Батория ко граду Пскову.

3. *Святогорский крестный ход* учрежден в конце XVI или в начале XVII века по случаю явления двух чудотворных икон Божией Матери: Умиления и Одигитрии – в 1563 и 1569 году на месте, где впоследствии была сооружена Святогорская обитель. Иконы приносились на руках богомольцев до села Тригорское, а оттуда сопровождались на лодке сначала по реке Сороти, а потом по Великой до села Выбуты. Здесь, у Ольгиных слуд и Ольгиных ворот, прекращалось крестное плавание, и Святогорские иконы сухим путем приносились в город, что бывало всегда в четверг вечером на 2-й неделе Петрова поста; встречали их у загородной Никитской церкви. В следующее воскресенье (3-е Петрова поста) совершался крестный ход, но не вокруг всего города, а только вокруг

Крестный ход в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре с чудотворною иконою Божией Матери «Успение»

средней стены его. В среду 3-й недели святые иконы относились обратно в свою обитель, сопровождаемые городским духовенством до той же Никитской церкви. Цель учреждения Святогорского крестного хода в монастырской записи отмечена в таких выражениях: “общенароднаго ради моления, дабы Господь Бог дал тихо и мирно и безмятежно житие, и избавил бы от междоусобныя брани, от глада и мора и от нашествия поганых на Российскую землю”.

4. *Осенний крестный ход,* самый торжественный из всех крестных хождений во Пскове, учрежден с 1813 года в память избавления не только Псковской губернии, но и С.-Петербурга от Наполеоновых полчищ. Этот крестный ход в город Псков совершался с 3-го по 29-е октября. Он установлен был в 1812 году, по случаю нашествия французов на Россию, учрежден же был именным указом императора Александра I «в память избавления России от нашествия французов» в 1813 году. В 1880 году Псковская духовная консистория разрешила монастырю удлиннить это крестохождение, возвращая иконы из Пскова кружным путем через Остров. Для этого крестного хода поднималась чудотворная икона Божией Матери «Успение», переносилась она первоначально из Успенского собора в Михайловский, из которого и совершался крестный ход во Псков вместе с другими чудотворными иконами. Пред Литургией, пред началом хода, совершалась большая панихида, на которой поминались православные воины, положившие живот свой в сражениях Отечественной войны. Во Пскове крестный ход с Печерскими иконами вокруг города совершался 7(20) октября, а в Острове 17(30) октября. В 1812 году жители Пскова 7(20) октября почти с теми же иконами совершали крестный ход вокруг всего города, и русские воины под начальством графа Витгенштейна в это же самое время вы-

теснили врагов из Полоцка и тем самым спасли и Псков, и Остров, и Печоры. Очевидцы двенадцатаго года живо помнили, с какими слезами народ повергался пред этою святою иконою, когда ее выносили из монастыря архимандрит Венедикт и престарелый иеросхимонах Лазарь[1].

Крестный ход из Печерского монастыря во Псков представлял зрелище величественное – по многочисленному стечению людей всякого звания и возраста, а вместе с тем и трогательное – по их глубокому благоговению и усердию к святыням Печерским.

К этому крестному хождению приносятся иконы также из Спасо-Елеазаровского монастыря. Встреча Елеазаровской иконы Спасителя происходила 5(18) октября у Варлаамовской церкви, а Печерских икон – 6(19) октября, у часовни Владычнего Креста в Камно. На другой день, 7(20) октября, было крестное хождение вокруг всего города с освящением воды на Великой-реке.

Крестный ход охватывал огромную территорию с десятками и сотнями деревень. В каждом селении крестный ход останавливался для молебна на площадях, перед часовнями, в храмах. Пока шел общий молебен, отдельные иконы монахи носили по домам, на кладбище. Служили также молебны и по дороге прямо на полях, где работали крестьяне.

Торжественность крестного хода всегда производила незабываемое никогда в жизни впечатление. Народ шел сплошной стеной, следуя за священством, а впереди несли иконы. Они тихо как бы плыли над толпой, иконы Заступницы «мира холодного». Окрестности оглашались молитвенным воздыханием к Пречистой Владычице – «Пресвятая Богородице, спаси

[1] Очевидцы с удивлением вспоминали, что эта чудотворная икона, имеющая с киотом значительный вес, была поднята в 1813 году при первом осеннем крестном ходе и несена на гору к Святым вратам только двумя человеками – архимандритом Венедиктом и иеросхимонахом Лазарем (прп. Лазарем Псково-Печерским прозорливым)

нас!» И эти крестные ходы являли живую веру в Божественное заступничество.

Эти четыре большие крестные хождения живо напоминают исторические местности и исторические — незабвенные для Пскова — лица. Вслед за хоругвями и большим знаменем соборным несли знаменитые мечи святых князей Всеволода и Довмонта. За ними следовал небольшой ковчег с частицею мощей святого князя Гавриила-Всеволода и икона этого князя, далее — икона святого Тимофея Довмонта; святые князья открывали шествие для святой родоначальницы русских князей — равноапостольной княгини Ольги, которой икона шла за ними вслед.

Дальнейший ряд составлялся из икон Свято-Троицкого собора и заканчивался той иконой, в честь которой совершается самый ход. В таком составе крестное шествие исходило от Свято-Троицкого собора чрез Власьевские ворота на реку Великую для освящения воды против часовни святой княгини Ольги.

Когда в это время, равно как 6(19) января и 1(14) августа, погружался святой крест в воду, на Пароменской колокольне, близ самой часовни Ольгиной, ударяли в колокол прежде других церквей; и невольно тогда очевидец вспоминал и о первом кресте, который водрузила там святая княгиня Ольга, и о крещении первых жителей, населивших город Псков. После освящения воды крестное хождение продолжалось вокруг городских стен, останавливаясь при каждых воротах, особенно у проломов: Покровского – для поминовения воинов, павших в битве при нашествии Батория в 1581 году, и Варлаамовского, где много псковитян было поражено шведским королем Густавом-Адольфом в 1615 году. Вид священнослужителей, идущих по два в ряд в церковных облачениях, пение священных песнопений, непрерывный звон колоколов, также

Крестный ход в Свято-Успенском Псково-Печерском монастыре с й чудотворною иконою Божией Матери «Успение» в 1958 году

вынос на дорогу храмовых икон от каждой церкви, мимо которой проходило крестное шествие,— все это представляет столько назидательных впечатлений, придавая священную торжественность всему ходу и показывая взаимное сближение между всеми святынями города.

К числу крестных ходов, *приходящих к собору,* принадлежали еще следующие:

5. В день Благовещения Пресвятой Богородицы собирались все священнослужители псковских церквей с храмовыми иконами в зимний собор. Таким же образом приходили из всех храмов в Троицкий летний собор.

6. В 27 день ноября (10 декабря) для воспоминания заслуг святого благоверного князя Гавриила-Всеволода, который и при жизни, и по смерти защищал “Дом Святой Троицы” и никому не отдавал столь высокой чести.

7. В праздник Сошествия Святого Духа для прославления милостей Святыя Троицы, какие излились и доныне изливаются на всю землю Псковскую.

Ко второму ряду крестных хождений, исходящих из Троицкаго собора, принадлежали следующие *семь:*

1) В день Вознесения Господня в Вознесенский женский монастырь по случаю храмового торжества.

2) В шестую неделю по Пасхе — к Покровской церкви от Пролома. Ход этот должно считать началом большого крестного хода, какой положено совершать во вторник следующей седьмой недели вокруг города Пскова,— или лучше повторением того хода, какой совершили псковитяне во время Баториева приступа.

Слушая в этот воскресный день Евангелие "О слепом", естественно припомнить того слепца — Дорофея[1], который в тяжкие минуты сподобился здесь, в бывшем Покровском монастыре, отрадного видения. В ограду Покровской от Пролома церкви заходили и во время весеннего хода Псково-Печерскаго, где выходила на встречу Покровская икона Богоматери, представляющая в лицах и в надписи заступление Богоматери, поданное городу Пскову в 1581 г.

3) В пятницу первой недели Петрова поста в Варлаамовскую церковь с Запсковья для воспоминания чуда преподобного Варлаама Хутынского. Этот ход с особенною торжественностию совершался в Новгороде из Софийского собора в Хутынский монастырь, где почивают мощи преподобного Варлаама; а в Пскове он установлен, равно как и самая церковь построена, по старинному братству городов Новгорода и Пскова.

4) В Иоанно-Предтеченский женский монастырь в день храмового праздника 24 июня (7 июля).

---

[1]Преподобный Дорофей Псковский. Чтится местно.

Праздничный молебен на Соборной площади г. Пскова 24 июля 2003 года.

5) В Ильинскую церковь с Запсковья в день святого пророка Илии 20 июля (2 августа). Церковь эта в записях называлась просто: Илья мокрый, для отличия от другой Ильинской церкви женского монастыря, бывшей на Завеличье, под названием Илья сухой.

6) В Спасо-Мирожский мужской монастырь на храмовый праздник Преображения Господня 6(19) августа.

7) В Снетогорский монастырь — в день Рождества Пресвятой Богородицы 8 сентября.

В этих крестных ходах, именуемых малыми, не участвовали иконы из отдаленных монастырей и не носились княжеские мечи.

В настоящее время каждый год 11(24) июля, в день памяти святой равноапостольной Ольги, совершается после Божественной литургии крестный ход из всех псковских храмов на Соборную площадь Псковского кремля – к храму Пресвятой Троицы, где служится молебен во славу святой равноапостольной Ольги, княгини Российской.

Крестный ход с иконами и хоругвями является выражением духовной силы и мощи Святой Православной Церкви. Соборная, всенародная молитва пробуждает в человеке высочайшие восторженные чувства единения с Богом, Матерью Божией и со всеми святыми.

Крестный ход – это Господь, Матерь Божия и все святые идут по земле Русской, Своими пречистыми стопами освящая ее. Крестный ход свидетельствует миру, что жива душа народная верой, надеждой и любовию к Богу.

Общая молитва «всех и за вся» воодушевляет, объединяет в любви людей и делает их добрее и чище. Русский народ особенно любит крестные ходы, поэтому они – неотъемлемая часть нашей христианской жизни. Аминь.

Печатается по: "Святыни и древности Пскова" графа М. Толстого.– М., 1861; Настольная книга священно-церковно-служителя; История княжества Псковскаго Митрополита Евгения (Болховитинова); Псково-Печерский патерик

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2003 год
Издание отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 3167

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 542

ЗАЩИТНИКУ ОТЕЧЕСТВА

Александр Васильевич Суворов

Полководец и христианин

Изречения

Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу, составленный А. В. Суворовым

Господь дарует мне жизнь для блага государства. Обязан и не замедлю явиться пред Его судилище и дать за то ответ...

А. В. Суворов (из письма дочери)

Александр Васильевич Суворов... Величайший полководец восемнадцатого столетия, христианин, отец солдатам и скромнейший человек, названный «русским Архистратигом». Горячая вера в Бога крепко его связывала с «витязями-офицерами» и «чудо-богатырями» солдатами и помогала одерживать блестящие победы над врагами.

Наречен он был в честь св. благоверного князя Александра Невского.

Любил с детства книги о древних воинах, о сражениях; военную науку начал изучать будучи ребенком. Пятнадцатилетним юношей поступил рядовым в Семеновский полк и добросовестно тянул солдатскую лямку. Учился с увлечением, знакомился с воинскими науками во всех подробностях. Изучил воинские уставы, постоянно бывал на строевых учениях, сам чистил ружье, всякую обязанность исполнял с величайшей точностью. Не хотел быть ремесленником военного дела. Из предметов общего образования история и литература стояли на первом месте. Не только читал, но и сам пробовал писать.

Закаливал свое здоровье; будучи с виду тщедушным и хилым, лучше других переносил усталость, голод, ненастье и всякие лишения.

Солдатская наука далась Суворову легко. Девять лет прослужил он в Семеновском полку в солдатском звании. Эти годы не прошли даром. Он полюбил солдат, а солдаты полюбили его.

В 1754 году произведен в офицеры.

В 1763 году Суворов, уже полковник, получает в командование Суздальский пехотный полк. При полку было много сол-

датских и дворянских детей, которых ничему не обучали. Суворов выстроил две школы: для дворянских и солдатских детей, разделил на классы и сам сделался в них преподавателем. Учил арифметике.

Пройти суворовскую школу было нелегко. Обучать солдат он приказывал толково, сам постоянно бывал на учениях и повторял: «Первое – храбрость». Больше всего заботился, чтобы у каждого солдата была «своя голова на плечах», и он мог все делать с пониманием.

На учениях он командовал: “Скорей, чудо-богатыри!” и они с веселой солдатской песней маршировали бойко. Суворов приказывает свернуть с дороги, солдаты идут по пашне, потом он приказывает идти через болото, но вот впереди река. Суворов сам первый входит в воду, а за ним идут его суздальцы, высоко поднимая ружья над головами. Промокли, надо согреться. Тут Суворов командует: “Бегом, вон видите крепостные стены, на приступ! Ура!” Сам показывает, как взбираться на неприступные стены, помогая друг другу. Пройдут солдаты за день верст шестьдесят, остановятся на ночлег, заснут. Вдруг гремит барабан, поднимается тревога, и Суворов командует отправляться в обратный путь. Солдаты устают, зато понимают, как бывает на войне.

Во главе своей системы Суворов поставил развитие религиозного и нравственного чувства у солдата, поэтому воспитание и обучение солдат были неразделимы. В 1771 году он писал: “... сих мужиков в солдатском платье учили у меня неким молитвам. Так догадывались и познавали они, что во всех делах Бог с ними и устремлялись к честности”. Еще Александр Васильевич говорил: “Без честолюбия, послушания и благонравия нет исправного солдата”. (Честолюбие в его интерпретации – это рвение к наилучшему исполнению службы).

Примечательно, что слова “отступление”, “отход” были запрещены Суворовым к употреблению. Он говорил: “Русак не рак, задом ходить не умеет”.

Александр Васильевич всегда был среди своих солдат. Если кто войдет к нему на квартиру, то увидит: на полу насыпано сено, на сене подушки и солдатская шинель—такая постель у

Суворова. Ел он то же, что и солдаты. Вставал до зари и весь день занимался, обучал солдат, писал наставления.

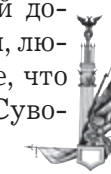
Один из офицеров-сослуживцев Суворова вспоминал: "Этот полковник таков, что как взглянет на человека с солдатским сердцем, то и покорит навек. Он и говорит, и ходит, и смотрит, и ест, и пьет, и спит не так, как другие люди. Последняя рубаха, последний кусок пополам с нами! Ему ничего не надобно, говорит он, был бы солдат доволен".

С пленными Суворов обходился милостиво: если вооруженного врага он бил нещадно, то когда враг бросал оружие, то он не проявлял к нему ни малейшей жестокости, ни бесчинства и говорил: "Да будет мир на Израиле". Пленных он приказывал хорошо кормить и перевязывать раны раненым. И таким своим поведением "вдыхал в них столько же доверенности, сколько страху прежде оной". Он был убежден, что "благоприятие раскаявшихся возмутителей пользует больше нашим интересам, нежели разлитие их крови".

Для Суворова враг был только до тех пор враг, пока он не сложил оружие. Побежденным "давай пощаду, они такие же люди, — учит он в своем солдатском катехизисе,— грех напрасно убивать". "С пленными поступать человеколюбиво,— читаем мы в приказе от 16 мая 1778 года,— стыдиться варварства". Как точно выбрал Суворов слова! Как сильно сказано — не избегать, а именно стыдиться варварства, ненужных жертв, бессмысленной жестокости.

Суворов всегда отличался высоконравственной жизнью. Милосердие, благотворительность, правдолюбие, целомудрие были добродетелями, украшавшими его. Считая строгую нравственность обязанностью христианина и воина, он полагал недопустимым даже произнесение двусмысленных слов в своем присутствии. Его добродетельная жизнь прогоняла всякое подозрение, что набожность его была неискренняя.

По свидетельству историков Суворов, свято чтивший добрые обычаи предков и видевший в них залог добродетели, любил нарочно усиливать, увеличивать в глазах других все, что начинало казаться устаревшим и обветшалым (время Суво-



рова отличалось развитием либеральных идей). Он прибегал регулярно к церковным таинствам, молился, проезжая мимо церкви, клал земные поклоны перед образами, строго держал посты, крестился, входя в комнату, садясь за стол. Во всем житье своем хранил патриархальную простоту старины.

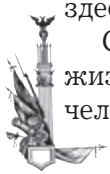
Особую ревность имел полководец к церковной службе. На рассвете всегда шел в церковь, где молился за утреней и обедней. Во время службы сам читал Апостол и пел на клиросе. Благочестие его проявлялось и в постоянных заботах по содержанию старых и сооружению новых церквей. "Я и всех своих оброков на этот предмет нимало не жалею",— говорил Александр Васильевич. Наряду с хлопотами о церковных зданиях, утвари, Суворов обеспечивал и денежное содержание причта.

Александр Васильевич был чрезвычайно скромен в своих потребностях, порицал роскошь, указывая на ее растлевающее действие. Он вел простую жизнь солдата не из-за какого-то расчета, но лишь потому, что находил ее для военного человека единственно подходящей и твердо верил: военному не нужно много имущества, ибо оно отнимает у него мужество.

При сборе войск в лагере и в военное время Суворов часто присутствовал при утренней и вечерней заре и сам, сняв шапку, читал молитву "Отче наш".

Вот что написано о нем в книге "Дух великого Суворова", изданной в Санкт-Петербурге в 1808 году:

"Суворов весьма набожен, соблюдает с величайшей искренностью все обряды и смотрит, чтобы это было так и в его армии. В Варшаве один капитан сократил молитву, которую должен был он читать перед гауптвахтою во время вечерней зари, чтобы скорее оттуда уйти. Фельдмаршал услышал это и приметил пропуск. Он начал ужасно бранить офицера: «Бессовестный, бесчувственный человек! Ты хочешь обмануть Небо, ты хочешь, конечно, обмануть меня и Императрицу! Зачем ты здесь, я прогоню тебя!»"



Суворов учил солдат не бояться смерти, ибо они отдают жизнь за "Дом Богородицы", какою всегда виделась русскому человеку родная земля.

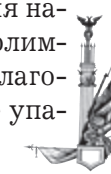
Верой в Бога проникнуты все его приказы и наставления. Вот пример:

“Солдату надлежит быть здорову, храбру, тверду, решиму, правдиву, благочестиву! Молись Богу! От Него победа! Чудо-богатыри! Бог нас водит, Он нам генерал”. “Помилуй Бог! Мы, русские, Богу молимся: Он нам помощник; Царю служим — он на нас надеется и нас любит, и нас наградит... Кого из нас убьют — Царство Небесное! Церковь Бога молит. Останемся живы — нам честь, нам слава, слава, слава!”

Такие и подобные суворовские приказы и наставления читались солдатам, дабы они лучше могли усвоить и запомнить их, по нескольку раз. Суворов говорил: “Герой — властитель стыдливости и воздержания. Нравственность — его религия... В день битвы или похода он взвешивает предметы, уравнивает меры и вполне предается Божественному Провидению”.

Наученные таким примером своего полководца и суворовские соратники действовали в том же духе. Вот рассказ, как завершал подготовку своих солдат к бою любимец Суворова, полковник Ф. В. Харламов: “Собрав вокруг себя свой охотничий батальон, он рассказал о давно прошедших сражениях русских с турками, черкесами, татарами, поляками и в заключение своей речи воскликнул: «Слышите, ребята! Слышите? С нами Бог, и кто переможет нас? Помолимся же Ему усердно, помолим у Его милосердия об отпущении содеянных нами грехов, и кому Бог подаст быть живу после дела, тот помянет убитых. Слышите, дети? Это хорошо, коль сделаем!» После этого он упал на колени, и все ратники то же сделали и молились Присносущему, прося Его благословить наше дело”.

Или другой подобный рассказ соратника Суворова: “Часу в первом или втором пополудни мы увидели у французов движение. Стрелки их шибко неслись к нам, а за ними следовали густые колонны. Мы встали во фронт колонною, и Иван Иванович Сабанеев, подошедши к нам, начал говорить: «Время настало, братцы, поработать по-русски, по-суворовски. Помолимся же Господу Богу милосердному о победе над врагом и, благословясь, встретим врага молодецки. На колена!» И мы все упа-



ли на колена и молились Господу Богу. Когда же окончили молитву, неприятель был от нас выстрела на два. «С Богом, ребята! Четыре взвода вперед! Ступай! Ступай!»"

Подобным образом подготовленные войска с сознанием своего долга шли на войну и совершали удивлявшие всех подвиги. *Благоволит Господь в боящихся Его и во уповающих на милость Его* (Пс. 146,11и 32,18).

Военная служба, начатая с "долговременного бытия в нижних чинах", крепко связала Суворова с солдатами. Он, как никто иной, знал и любил солдата, потому что плечом к плечу прошел с ним весь длинный путь военной службы — от капрала до главнокомандующего. Это, однако, не значит, что, держа себя с ним на равной ноге, Суворов допускал панибратское отношение к себе. В суворовских войсках существовала строгая дисциплина, но основана она была на чувстве глубокого уважения к достоинству человека. "Солдат дорог",— внушал Суворов, наставляя офицеров внимательно относиться к каждому рядовому в отдельности ("взирать на каждого в отдельности"), молодых рекрутов приучать к службе исподволь, "со старыми не равнять", пока не окрепнут.

Если про Суворова можно без преувеличения сказать, что он относился к солдатам, как отец к детям, то и они в свою очередь относились к нему, как дети к отцу: любили, боялись и берегли его. Субординация не была помехой. Он болел душой за вверенное ему войско, солдаты охраняли вверенного им полководца. Участник швейцарской эпопеи, повествуя о переходе через гору Бинтнерсберг, рассказывает: "Глаза мои встречали нашего неутомимого вождя, бессмертного Суворова. Он сидел на казачьей лошади, и я слышал сам, как он силился вырваться из рук двух шедших по сторонам его дюжих казаков, которые держали его самого и вели его лошадь. Он беспрестанно говорил: «Пустите меня, пустите, я сам пойду!» Но усердные его охранители молча продолжали свое дело, а иногда с хладнокровием отвечали: «Сиди!» И великий повиновался".

В первую очередь личным примером завоевывал Суворов сердца солдат. Все, чему он учил их и чего от них требовал, было

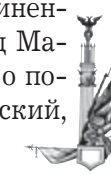
пройдено и проделано им самим. Не брезгуя никакой черной работой, Суворов-полковник с удовлетворением писал: “Знают офицеры, что я сам то делать не стыдился...” Суворов был и майор, и адъютант, до ефрейтора, сам все видел, каждого выучить мог.

Суворов имел привычку озадачивать своих подчиненных неожиданными вопросами вроде таких: сколько грибов в лесу, или звезд на небе, или муравьев в муравейнике? Это не было чудачеством с его стороны, как некоторые думали. Своими вопросами-загадками Суворов приучал к находчивости. Сметливость и инициатива должны составлять, по его мнению, неотъемлемые качества воина.

Словами: “проклятая немогузнайка”, “намёка”, “догадка”, “лживка”, “лукавка”, “краснословка”, “краткомолвка”, “двуличка”, “вежливка” – Суворов заклеймил вереницу понятий, противоположных точности, прямоте, сообразительности. “Если кто теряется от одного слова, то на что же он будет годен при неожиданной неприятельской атаке?” — говорил он. Суворовские витязи никогда не были застигнуты врасплох неприятелем — они сами как из-под земли вырастали перед противником в ту минуту, когда он менее всего ожидал их. Подобно тому, как они должны были всегда быть готовыми к отражению любого неприятельского натиска, они должны были уметь ответить на удар врага смелым и находчивым контрударом, так точно на поставленный невзначай вопрос они обязаны был и дать немедленный ответ.

И суворовцы за словом в карман не лезли. А Александр Васильевич радовался, когда на заведомо неразрешимый вопрос о том, какое расстояние от Земли до вон той звезды, следовал ответ: “Три суворовских перехода!”

Солдаты понимали Суворова даже с полуслова, с одного взгляда или жеста. Великий полководец обладал неподражаемым искусством воздействовать на душу солдатскую словом. Он не пропускал ни одного случая к возбуждению в подчиненных духа чести и мужества. По окончании сражения под Мачевицами генерал Денисов приехал к нему с донесением о победе. Суворов, выслушав его, сказал: “Вот донец, он русский,



он — Илья Муромец, он — Еруслан Лазаревич, он — Добрыня Никитич!.. Победа, слава, честь русским!"

Александр Васильевич мог смело сказать: "Братцы! Вы богатыри! Неприятель от вас дрожит! Вы русские!" — и сердца солдат наполнялись мужеством от этих слов. Его девизы, ставшие непреложными истинами для воинов—"русские не сдаются", "русские не отступают", "отступления не будет" — возвышали духовное достоинство солдат.

Вторую часть знаменитой суворовской "Науки побеждать", называемую "Словесное поучение солдатам", десятки тысяч солдат, унтер-офицеров и офицеров знали наизусть. Вот поразительное свидетельство жизненности суворовских наставлений. Столетний ветеран Илья Осипович Попадичев вспоминал в 1854 году, как Суворов обратился к солдатам: "Благодарю, ребята! С нами Бог! Прага взята! Это дело дорогого стоит. Ура, ребята, ура! Нам за ученых двух дают, мы не берем, трех дают — возьмем, пойдем да и тех побьем! Пуля дура — штык молодец! Береги пулю в дуле на два, на три дня, на целую кампанию. Стреляй редко, да метко! А штыком коли крепко! Ударил штыком, да и тащи его вон! Назад, назад его бери! Да и другого коли! Ушей не вешай, голову подбери, а глазами смотри! Глядишь направо, а видишь и влево».

Перед штурмом Измаила Суворов объезжал полки, беседовал с солдатами и, не скрывая от них сложности предстоящего дела, говорил: "Валы Измаила высоки, рвы глубоки, а все-таки нам надо его взять". И суворовские "чудо-богатыри" доказали, что для них нет ничего невозможного. С Божией помощью все возможно! Перед штурмом Суворов отдал приказ: "Сегодня молиться, завтра — поститься, послезавтра — победа или смерть!" И в то же время со смирением писал Потемкину: "Обещать нельзя, Божий гнев и милость зависят от его Провидения".

Штурм Измаила был поистине торжеством русского военного искусства. Крепость считалась неприступной. Сами участники штурма, глядя после, при дневном свете, куда им приходилось ночью взбираться, сами себе не верили. Императрица писала, что другого подобного штурма в летописях воен-

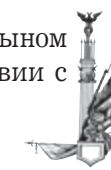
ных она не знала. Турки, никак не ожидавшие взятия Измаила, впали в неописуемый ужас и оцепенение. Сам Суворов признавался, что на такой штурм можно "пускаться только раз в жизни". А солдаты сложили песню о вороне:

Я летал, летал, полетывал,
По белу свету погуливал...
Я видел диво, диво дивное,
Диво дивное, диво чудное:
Как наш батюшка Суворов-граф
С малой силой соколов своих
Разбивал полки тьмучисленные,
Полонил пашей и визирей,
Брал Измаил, крепость сильную,
Крепость сильную, заветную.
Много пало там солдатушек
За святую Русь-отечество
И за веру христианскую.

Величайшее на всю армию влияние имело его благочестие. Солдату известно было оное. Ибо всегда после победы приносил он со всем войском пред алтарем всех благ Подателя благоговейные, сердечные благодарения. Такой пример любимого военачальника утверждал в сердцах его подчиненных сию христианскую истину, что всякая их победа есть дар от Бога. Часто говорил он войску: «Начало премудрости есть страх Господень». Так уроками мудрости действовал он на умы.

Александр Васильевич любил все русское, внушал любовь к родине и повторял, что гордится тем, что он русский. Не нравилось ему, если кто-нибудь старался подражать французам в выговоре и манерах. Одному чтецу на французском языке он сказал: "Читай и говори по-французски так, чтобы все знали, что ты русский!"

Патриотизм его был горячий, живой. Он был родным сыном России, сердце его билось русской кровью и в соответствии с сердцем действовал разум.



Александр Васильевич почти никогда не выпускал из рук пера, любил писать и оставил эпистолярное наследие, которому мог позавидовать любой писатель. Письма его поражают своей пронзительной искренностью, своим исповедальным характером, всем строем неподражаемой суворовской речи. Они насыщены мыслью, действием, чувством.

“Слог его короток и мужествен,— писал первый биограф Суворова И. Ф. Антинг,— в выборе же выражений столь верен, что почти никогда написанного не меняет и не поправляет”.

Письма показывают, что Суворов прекрасно знал древнерусскую и церковную литературу: от библейских и богослужебных текстов до светских средневековых памятников типа “Пчелы” и “Домостроя”.

С Суворовым русские войска были участниками битв против Фридриха Великого и в течение сорока лет переходили леса и болота Польши и Литвы, берега Дуная, степи заволжские, закубанские кочевья, покоряли потомков Чингис-хана в Тавриде, снова сражались на берегах Дуная и Рымника, на скалах Финляндии, на развалинах Праги, на полях Италии и, наконец, в Альпах.

Немного записала история на своих скрижалях таких событий, как поход в Швейцарию. И Ганнибал переходил через Альпы, и Наполеон перебежал их. Но подвиги их здесь ничтожны. Они только провели войско снежными вершинами, не видя неприятеля. Но Суворов прокладывал себе в Альпах дорогу мечом, каждый шаг покупая кровью. “В этом царстве ужаса,— доносил он Государю,— зияли окрест нас пропасти, льдины и камни — все это преодолено, и в этих недоступных местах не устоял пред нами неприятель. Люди утопали в грязи, обрывались в бездны вместе с лошадьми, но среди всех ужасов этих десница Провидения нас хранила”.

Только горячая вера в покровительство Всевышнего помогла Суворову и его воинам вынести и преодолеть те превышающие человеческие силы испытания, что выпали на их долю в ту кампанию.

Про этот путь через Альпийские горы сами швейцарцы рассказывают как про чудо. На швейцарских картах линией проложена эта дорога и написано: “Путь Суворова в 1799 году”. Появление его с солдатами в заоблачных высотах казалось таким необыкновенным явлением, что и по наши дни среди швейцарских пастухов существует легенда о чудесном старике, проведшем войска там, где летали только орлы да бегали горные козы.

Суворов спас честь России неимоверными трудами и отчаянной храбростью. Император пожаловал его за Швейцарский поход генералиссимусом, масса орденов была выдана в полки, все унтер-офицеры пожалованы в офицеры, солдатам выдано по 2 рубля на человека.

В феврале-марте 1800 года тяжело больной Суворов останавливается на время в своем кобринском имении под Петербургом. Он обращает свои мысли к Богу. А так как шел Великий пост, то он проводил его со всей строгостью, предписанной церковным уставом. Все это не нравилось присланному для его лечения лейб-медику Вейкарту, но все его протесты и уговоры были тщетны. Суворов ревностно посещал церковные службы, несмотря на болезнь, клал земные поклоны и даже Вейкарта заставлял, хотя тот и не был православным. Сохранились лишь заключительные слова составленной Суворовым в то время записки: “Будь христианин, Бог Сам даст и знает, что когда дать”.

Беспокоясь о судьбе сына Аркадия, больной Суворов пишет для него десять заповедей, которые начинались словами: “Почтение Бога, Богоматери и святых состоит в избежании греха, источник его — ложь, сей товарищи — лесть, обман”.

Наконец, всем сердцем обратившись к Богу, Александр Васильевич пишет “Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу”, который заканчивается словами: “Се на умоление предлагаю Тебе, Господи, Матерь Твою Пречистую и всех от века Тебе угодивших. Молитва их у Тебе много может. Приими ходатайство их за меня недостойнаго. Не вем уже, что более Тебе изрещи: Твой есмь аз и спаси мя”.

В два часа дня 6 мая по старому стилю или 19-го по новому 1800 года Суворова не стало... Его тело набальзамировали и

12 мая торжественно похоронили в Александре-Невской Лавре. Государь Император шел за гробом. Он был задумчив. Весь день ничто не могло его рассеять и время от времени он повторял одно слово “жаль”.

Драгоценные подробности похорон Суворова сохранились в письмах архимандрита Евгения (Е. А. Болховитинова), впоследствии митрополита Киевского, известного ученого-богослова, историка и писателя. Приехавший в начале 1800 года в Петербург и определенный префектом Александро-Невской Академии, архимандрит Евгений описывает в письме к другу приезд Суворова, его болезнь, смерть и похороны.

“Я был в процессии и потому могу коротко описать вам церемониал. Князь лежал в фельдмаршальском мундире, в Андреевской ленте. Лицо князя было спокойно и без морщин... В физиономии что-то благоговейное и спокойное... Улицы, все окна в домах, балконы и кровли преисполнены были народу. День был прекрасный. Народ отовсюду бежал за нами. Наконец мы дошли и ввели церемонию в верхнюю монастырскую церковь... Проповеди не было... Войска расположены были за монастырем. Отпето погребение, и тут-то раз десять едва я мог удержать слезы. При последнем целовании никто не подходил без слез ко гробу. Тут явился и Державин. Его поклон гробу тронул до основания мое сердце, он закрыл лицо платком и отошел, и верно из сих слез выльется бессмертная ода...” (Г. Р. Державин написал известную оду “Снегирь”).

...Никто не говорил речей. Суворову они были не нужны. Но все плакали, слушая, как пели придворные певчие 90 псалом Давида, будто написанный для Суворова...

Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Александр Васильевич жил, веруя в Бога, молясь ему и постоянно нося Бога в сердце своем, и вот он у Бога.

Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи и от словесе мятежна. Плещма Своима осенит тя и под крыле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его. И вспомнилось народу, сколько раз нападали на него турки, гото-

вясь захватить его в плен, поляки, французы, сколько завистников, врагов было у него, и Бог спасал Суворова.

Падет от страны твоея тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приближится... Сколько тысяч турок было под Измаилом, сколько поляков в Праге, какие силы стерегли его при выходе из Альпийских гор, и никто не взял Суворова в плен и не убил его.

Не приидет к тебе зло, и рана не приближится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих. На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою...

Разрывались кругом Суворова гранаты, летали пули и картечь, кипел рукопашный бой, а он остался жив. По ледяной круче в горах полз под ним казачий конь, и не споткнулся, и не упал в пропасть. И Суворов остался невредим.

На аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Победил Суворов французов и турок, раздавил мятежи в Польше и пугачевскую смуту.

Яко на Мя упова, и избавлю и: покрыю и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его и прославлю его: долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Когда Суворов был в опале, в селе Кончанском, горячо молился он в своем маленьком храме, и Господь услышал его, взял и прославил его. И долго прожил Суворов, и Бог, наконец, взял его к Себе и показал спасение Свое.

Этот псалом был сильнее всякого слова! Он показал народу, какая связь была между подвигами Суворова, его победами и его сильной любовью и горячей верой в Бога. И все плакали, провожая в могилу тело генералиссимуса Суворова.

Его схоронили в нижней Благовещенской церкви, возле левого клироса. На плите выбита краткая надпись: «здесь лежит Суворов».

И славы гром,
Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма за холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род
Прокатится, пройдет,
промчится, прозвучит
и в вечность возвестит,
Кто был Суворов...

Г. Р. Державин

Из высказываний и афоризмов Суворова

Без добродетели нет ни славы, ни чести.

Безбожие поглощает государства и государей, веру, права и нравы.

(О безбожии). Зрите ад, над которым царствует безумие еще сильнее в исходе века. Сей ад распастя челюсти свои до гор Альпийских, воздвигает новый Рим, основание которого близ бездны.

Будь чистосердечен с друзьями своими, умерен в своих нуждах и бескорыстен в своих поступках.

Вот мои мысли о людях: вывеска дураков – гордость, людей посредственного ума – подлость, а человека истинных достоинств – возвышенность чувств, прикрытая скромностью.

Знаешь ли ты трех сестер? Вера, Любовь и Надежда. С ними слава и победа. С ними Бог.

Вся земля не стоит даже одной капли бесполезно пролитой крови.

Главное дарование великого человека – уметь избирать особ по их талантам.

Истинная слава не может быть оценена: она есть следствие пожертвования самим собою в пользу общего блага.

Голод – лучшее лекарство.

Добро делать спешить должно.

Добродетель всегда гонима.

Загребающий жар чужими руками свои пережжет.

Искренность отношений, правда в общении – вот дружба.

Милосердие покрывает строгость. При строгости надобна милость, а иначе строгость – тиранство.

С юных лет приучайся прощать недостатки ближнего и никогда не прощай своих собственных.

Самонаблюдение и самолюбие суть различны: первое повелено Богом, второе – в начале испорчено гордостью.

Таинство одно твердой связи достойных людей – уметь прощать недоразумения и просвещать неотложно в недостатках.

Служба и дружба – две параллельные линии – не сходятся.

Теория без практики мертва.

Три главных достоинства вождя: мужество, ум, здоровье (телесное и душевное).

Трудолюбивая душа должна быть занята своим ремеслом, и частые упражнения для нее столь же живительны, как обычные упражнения для тела.

Ученье – свет, а неученье – тьма.

Велик Бог русский! Мы пойдем с ним по стезям древней славы!

Всемогущий Боже! Даруй, чтоб зло для России не открылось прежде 100 лет, но и тогда основание к сему будет вредно.

Кто любит свое Отечество, тот подает лучший пример любви к человечеству.

Умирай за Дом Богородицы, за Матушку-Царицу, за Пресветлейший дом. Церковь Бога молит. Кто остался жив, тому честь и слава!

КАНОН
СПАСИТЕЛЮ И ГОСПОДУ НАШЕМУ ИИСУСУ ХРИСТУ

составленный графом Александром Васильевичем Суворовым-Рымникским

Песнь 1

Ирмос: *Шествующий Израиль сквозь морскую пучину, некоснувшийся водам своими стопами, воспел хвалу Избавителю своему; аз же, яко брение, Создателю моему дерзаю глаголати органом души сицевое славословие: Аллилуия.*

Припев: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*

Отверзаю уста моя к пению славы и милосердия Твоего, Господи, испытываю сердце и душу мою, и вем, яко ни едино слово довольно к пению чудес Твоих. Но Ты, яко Человеколюбец, не возгнушайся моих словес и услыши мя вопиюща:

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Прогневляя Тебя, Всевышняго, ежечасно, кто не ужаснется праведного суда Твоего, и кто не осудит сам себя на казнь вечную? Но по неизмеримой пучине милосердия Твоего прибегаю к чистому покаянию, единому средству, в уповании Твоея, Господи, милости.

Слава: От утробы матери моея тайною святаго крещения омывая прародительский грех, обещался Тебе, Владыко, ходить по стопам заповедей Твоих, но совлекшись с истиннаго пути, поработах греху и осквернив одежду спасения моего, не смею взирати на небо, но Ты, яко милосерд, услыши мя!

И ныне: К Тебе, Мати Господа моего, обращаю молитву мою, яко к Ходатаице у Творца моего, принеси ее ко Господу, да будет она яко жертва чиста пред страшным Его престолом.

Песнь 2

Ирмос: *Вонми небо и возглаголю и воспою Христа, от Девы плотию пришедшаго (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Кто не изречет Твоего человеколюбия, Христе, когда Ты для единаго избавления человека не только не возгнушался еси девического чрева, но и не пощадил Самого Себя в вольной страсти? Удивляюся снисхождению Твоему, Владыко, и плачуся о неблагодарности моей.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Чем Тебе воздам, всесильный Господи, за толикое ко мне милосердие и чем сделаюсь достойным распятия Твоего, Христе? Прах Твоего создания к Тебе вопиет. Вем, яко едиными добродетельми соединяюсь с Тобой, но наг есмь сего украшения, не милости, но суду Твоему повинен.

Слава: Умножишася беззакония моя, яко песок при крае моря, но не отступих от Тебя, Спасителя моего, согрешаю, оскорбляя Твое величество, но обращаюсь к покаянию. Виждь, Господи, колико слабо человечество: не по делам его суди, но по неизреченной милости Твоей!

И ныне: К Сыну Твоему, Мати Дево Пречистая, дерзаю простирати мольбу мою и, ведая недостоинство мое, к Тебе прибегаю, Владычице, да Ты материнскими Твоими молитвами соделаешь меня достойна Его милости.

Песнь 3

Ирмос: *Утверди, Господи, на камени заповедей Твоих зыблющееся сердце мое, яко един свят еси и препрославлен (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Проснися, душе моя, от сердечнаго Твоего ожесточения, се уже при дверях Жених, где твой светильник? Угас! Беги возжещи его! Но дверь между тем затворяется, и ты лишаешься брачныя вечери.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Виждь, Господи, смирение мое, виждь сокрушение сердца моего, у Тебе единаго очищение, у Тебе единаго избавление есть. Помилуй недостойное Твое создание и не допусти до пагубы душу мою.

Слава: Пролей мне, Господи, источник слез многих, да омыю скверну души моея, да убелюся яко снег, и да приуготовлю храм Тебе в тленном сердце моем. Ты Един силен воздвигнути мя из праха достойным Царствия Твоего.

И ныне: Надежда ненадежных и утешение сетующих Ты еси, Чистая Дево, соделай в храме души моея чертог Сыну Твоему ходатайством материнския Твоея молитвы.

Песнь 4

Ирмос: *Одождивый иногда манну и источивый из камене воду людем Своим, препрославленный Боже, подаждь и мне ,Спасе, благодать Твою, утоляя оскудение и жажду греховныя души (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Приклони, Господи, ухо Твое к молитве моей, от сокрушения сердца моего к Тебе воссылаемой, приими слезы моя, пролитыя за вину грехов моих, се Тебе приносятся, Спасителю, вместо мира многоценнаго, излитаго грешницею на пречистыя нозе Твои. Едино слово Твое было довольно к очищению грехов ея: рцы же и души моей: спасение твое есмь Аз!

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Пришедша спаси грешника, а не праведника призвати к покаянию, воззри, Господи, на преклоненную выю мою, на сокрушенное сердце мое, и что недостает к восполнению за грехи моя, Ты Сам,

Создатель мой, Сердцеведец, восполни и открой мне мысленныя мои очи, да увем и воздам Тебе до последняго.

Слава: Се стоит пред Тобою, Владыко, прах создания Твоего, се сострадает душа его, Ты еси ея Избавитель. Аз согреших пред Тобою яко человек, но не воздех руки к иному богу, яко Ты еси един свят и праведен.

И ныне: Ходатаице всех верных, Владычице Дево Мати Божия, чистейшая всех тварей небесных и земных, воззри на грешника, ищущаго спасения, настави душу мою на путь в Царствие Твоего Сына и Господа нашего!

Песнь 5

Ирмос: *Утреннюю к Тебе, Боже Спасе мой, от нощи греховной, просвети душу мою светом невечерним, светом Твоего Божества, и настави меня на повеления Твоя, яко всесилен (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не отвержи мене, Господи, от лица Твоего, не отыми от мене Духа Твоего Святаго пред Ангелы Твоими. Вем, дела мои мене изобличают и отошлют во тму кромешную, но за веру твердую мою к Тебе помилуй мя: прибегая, Господи, ожидаю Твоего милосердия.

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не устрашает меня пламень муки вечныя, не ужасает меня червь оный неусыпающий и скрежет зубов, но трепещет дух мой и мучится совесть моя от лишения благости Твоея, Господи: кто не воздыхает из грешников, видя святых Твоих, сидящих одесную славы Твоея?

Слава: Не вниди, Господи, в суд с рабом Твоим, не оправдающимся пред Тобою: чем душа моя оправдится, когда в книге Твоей и несоделанное еще ею уже написано есть, и когда не оправдится пред Тобою всяк живый?

И ныне: Заступнице христиан непостыдная, Пречистая Богородице, Ты Едина умилостивиши Сына Твоего от предлежащаго грешнику воздания.

Песнь 6

Ирмос: *Видиши, душе, пред тобою своего Избавителя, искупившаго тебе Своею кровию, видиши раны Его — се Агнец Божий вземляй грехи мира. Ты предстоиши пред Ним яко неблагодарная, ты дерзаеши отверзать уста своя: прослезися и в перси биющи возглаголи: от тли, Боже, мя возведи (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Страшуся, Господи, призвати Тебе в храм души моея, но ведая Твое снисхождение над грешниками, с коими Ты не возгнушался свечеряти в дому Симона прокаженнаго, отверзая душу и сердце мое, прошу якоже оный евангельский муж: единаго слова Твоего довольно Будет к моему избавлению, и хотя несмь достоин, но Ты Един властен освятить и очистить меня, да под кров души моея внидеши.

Слава: Скажи ми, Господи, кончину мою, открой мне путь, коим отселе в вечность пойду, покажи место, идеже будет душа моя — вем аще по делом моим, то вне Царствия Твоего! Но стоит ли гнева Твоего бренное сие создание? Покажи ему место, яко Человеколюбец, хотя при крае Царствия Твоего!

И ныне: Волнующаяся душа моя и утопающая в бездне беззаконий своих ищет помощи, но не обретает, подаждь ей, Пречистая Дева, руку Свою и моли Его же носила еси Спасителя моего и не допусти мя погибнути во веки!

Песнь 7

Ирмос: *Пребывшие в истинной вере отроки не послужиша бездушному идолу, обретоша избавление свое в горящей пещи прохладною росою и возопиша песнь Давшему им победу: отцев Боже, благословен еси (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Тебе, Господи, Единому согреших, Тебе Единому и каюся, яко да оправдишися в словесех Твоих и победиши внегда судити Ти!

Страшно впасти в руки Бога Живаго, но нет отчаяния в милосердии Его, Сам велит апостолу Своему прощати вину седмьдесят раз седмерицею, какоже от Самого истиннаго Бога не ожидать милосердия? Верую слову: «идеже умножися грех, тамо преизбыточествует благодать Божия».

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не презирая милосердие и человеколюбие Твое, Христе, согреших, но по немощи человеческаго естества: разум, память и воля ослабевают там, идеже житейския страсти владеют человеком. Веси, Господи, какия преткновения поставлены ногам моим, и в силах ли ополчиться рука моя, аще не Ты будешь моим путеводителем и уклонишь меня грешнаго от пути лукаваго.

Слава: Запрети, Господи, сопротив гонящих мя: страсти и демоны прельщают душу мою со всех сторон колеблющуюся. Не вем, где подклонить главу мою, и где обрящу покой души моей, будь моим Избавителем.

И ныне: Ослабевшей души моей и уязвленному сердцу моему подаждь исцеление, Дево Чистая, простри за меня материнския руце Свои к Богу и буди мне Ходатаица, можеши бо елика хощеши.

Песнь 8

Ирмос: *Его же воинства небесная славят и трепещут Херувими и Серафими, и Его же не видит око человеческое, вострепещи, душе моя и воскликни: пойте, благословите и превозносите во вся веки (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Превержен есмь к Тебе, Спасе мой, от сосцу матери моея. Возлюбих Тя, крепосте моя, яко Избавителя моего, но не вем откуда преступаю заповеди Твоя. Ты, Создатель мой Един, помилуй мя, да прославлю Твое Божество.

Помилуй мя, Боже, помилуй Мя!

Се пяди положил еси дни моя и весь состав мой яко ничтоже есть пред Тобою, Господи, в сем мире подвержена есть скорби и болезни жизнь моя, а в будущем не вем, что обрящу по делом моим.

Слава: Верую, Господи, что уготовано от Тебя воздаяние праведному и грешному, но от перваго пути далече вовлекохся, а последнему всегда предшествую яко человек: хощу взойти на истинный путь, но житейския попечения оный заграждают. Кий суд будет мне зачатому во гресех, и кто пощадит душу мою, аще не Ты, Спаситель мой?

И ныне: Богородице Владычице, Мати Чистая, избавльшая всех грешников рождением Своим, от бед защити ны.

Песнь 9

Ирмос: *Странная тайна в Тебе, Дево, скрыся, по рождестве бо пребыла еси Дева, сие есть чудо в человеческом роде, на Тебе единой, яко избранной Богом, сия благодать исполнися: Тем Тя вси, яко Честнейшую Херувим, непрестанно величаем (дважды).*

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Услыши, Господи, молитву мою, и вопль мой к Тебе да приидет, не отврати лица Твоего от мене, веси волю мою и немощь мою. Тебе Единому открыто сердце мое, виждь сокрушение мое, се дело рук Твоих к Тебе вопиет: хощу да спасеши мя, не забуди мене недостойнаго и воспомяни во Царствии Своем!

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Се жертва чистая сердца моего, юже приношу Тебе, Господи, на алтарь души моея: се все то сокровище, имже Тебе обещаяся и должен есмь; кроме сего не имею чем Тебе воздать, Спасителю моему, ибо вся моя Твоя суть. Приими сию молитву, Господи, да исправится она яко кадило благовонное пред Тобою.

Слава: Воздевая к Тебе, Богу моему, руки мои, поклоняюся

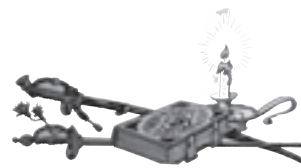
Тебе сокрушенным сердцем и чистою совестию Создателю моему. Верую и исповедую, яко Ты еси Искупитель мой, и несомненно ожидаю от Тебе спасения моего. Вручаю Тебе душу мою и тело, причти меня угодником Твоим. Сего единаго у Тебе прошу и молю, да обрящу.

И ныне: Се на умоление предлагаю Тебе, Господи, Матерь Твою Пречистую и всех от века Тебе угодивших, молитва их у Тебе много может, приими ходатайство их за меня недостойнаго; не вем уже, что более Тебе изрещи: Твой есмь аз, спаси мя! Аминь.

* * *

Канон был написан А. В. Суворовым в феврале-марте 1800 года, несомненно, под влиянием Великого покаянного канона преподобного Андрея Критского, который читается в храмах в дни Великого поста. Трудно сказать, имел ли автор перед собой текст Великого канона: некоторые ирмосы почти дословно воспроизводят текст Великого канона, другие полностью были написаны Суворовым, но также в духе высокого покаянного чувства.

Поскольку канон писался автором не для церковного чтения, а для себя самого, то некоторые его части несколько русифицированы, что было вполне позволительно для церковных текстов келейного употребления.



Составлено по изданиям: «Твой есмь аз Суворов».– М., 1999; Ангел Суворов: Жизнеописние. «Наука побеждать». Изречения.– М., 2003.

2003 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Отпечатано в ГУП "Псковская областная типография" с готовых диапозитивов.
Заказ № 3258. Тираж 2000 экз.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 543

О МАЛОМ ДОБРОДЕЛАНИИ

Мелкие грехи человеческим законом дозволяются, в тюрьму они не приводят. Все повинны в них, и никто не хочет бросать в них камнем... Но не то говорит Откровение Божие — воля Живого Бога. Господь не мирится ни с маленькой ложью, ни с единым убийственным словом, ни с одним прелюбодейным взглядом. Маленькая травка беззакония столь же окаянна перед Господом, сколь большое дерево преступления. Множество малых грехопадений, несомненно, тяжелее для души человека, чем несколько великих, всегда стоящих в памяти, могущих всегда быть снятыми в покаянии. И святой, конечно, не тот, кто делает великие дела, но кто удерживается и от самых малых преступлений.

О МАЛОМ ДОБРОДЕЛАНИИ

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.
Откр. 2,4.

Мелкий грех, как табак, до того вошел в привычку человеческого общества, что общество ему предоставляет всяческие удобства. Где только нельзя найти папирос! Везде можно найти пепельницу, повсюду существуют специальные комнаты, вагоны, купе “для курящих”. Даже не будет преувеличением сказать, что весь мир представляет собой одну огромную комнату, вернее, один огромный вагон в межзвездных сферах: “для курящих”. “Курят” — мелко, спокойно грешат — все: старые и малые, больные и здоровые, ученые и простые... Преступнику перед казнью позволяют выкурить папиросу. Словно воздуху мало в земной атмосфере или слишком пресный он — надо создать себе какой-то дымный, ядовитый воздух и дышать, дышать этим ядом, упиваться этим дымом. И вот все упиваются. До того, что “некурящий” — явление почти такое же редкое, как и “никогда не лгущий”, или “ни над кем не возносящийся”... Табачный рынок — один из самых значительных в мировой торговле, и ежегодно миллионы людей трудятся для доставления возможности другим миллионам и миллионам вдыхать едкий дым, овевать его наркозом свою голову и весь организм.

В природе ли человека мелко, наркотически грешить — “курить”? Странным представляется самый вопрос.

В природе ли человека идти против природы? В природе ли наркотировать себя? Услаждение кокаином правительства запрещают, а табаком поощряют. Мелкие грехи человеческим законом дозволяются, в тюрьму они не приводят. Все повинны в них, и никто не хочет бросать в них камнем. Табак, как "маленький кокаин", дозволен, как маленькая ложь, как незаметная неправда, как убийство человека в сердце или в утробе. Но не то говорит Откровение Божие — воля Живого Бога. Господь не мирится ни с маленькой ложью, ни с единым убийственным словом, ни с одним прелюбодейным взглядом. Маленькая травка беззакония столь же окаянна перед Господом, сколь большое дерево преступления. Множество малых грехопадений, несомненно, тяжелее для души человека, чем несколько великих, всегда стоящих в памяти, могущих всегда быть снятыми в покаянии. И святой, конечно, не тот, кто делает великие дела, но кто удерживается и от самых малых преступлений.

Против великого греха легче начать борьбу, легче возненавидеть его приближение. Известен случай с праведным Антонием Муромским. К нему пришли две женщины: одна сокрушалась о своем одном великом грехе, другая самодовольно свидетельствовала о своей непричастности ни к каким большим грехам*. Встретив женщин на дороге, старец велел первой пойти и принести ему большой камень, а другой — набрать поболее мелких камешков. Через несколько минут женщины возвратились. Тогда старец сказал им: "Теперь отнесите и положите эти камни точно в те места, откуда вы их взяли". Женщина с большим камнем легко

* "На исповеди часто неразумно свидетельствуют люди об этом же, не понимая, что не для самооправдания, но для самоосуждения они пришли". *(Прим. авт.)*

нашла то место, откуда она взяла камень; другая же тщетно кружилась, ища гнезда своих мелких камешков, и возвратилась к старцу со всеми камнями. Прозорливый Антоний объяснил им, что эти камни выражают… У второй женщины они выражали многочисленные грехи, к которым она привыкла, считала их ни за что и никогда в них не каялась. Она не помнила своих мелких грехов и вспышек страстей, а они выражали безотрадное состояние ее души, неспособной даже к покаянию. А первая женщина, помнившая свой грех, болела этим грехом и сняла его со своей души.

Множество малых, недостойных привычек — тина для души человека, если человек утверждает их в себе или осознал как “неизбежное” зло, против которого “не стоит” и “нельзя” бороться. Вот тут-то и попадает душа в западню врага Божиего. “Я не святой”, “я в миру живу”, “я должен жить, как все люди”…— успокаивает себя ноющая совесть верующего человека. Человек, человек, конечно, ты не святой, конечно, ты “живешь в миру” и “должен жить, как все люди”; и потому рождайся, как все люди; умирай, как они, смотри, слушай, говори, как они, но зачем тебе преступать закон Бога, “как они”? Зачем тебе нравственно так не благоухать, “как они”? Задумайся над этим, человек.

Как трудно сдвинуться душе с ложной, но привычной мысли. Психология атеистического мира сего так крепко въелась в психический мир современного человека, что в отношении греха и преступления против Божиих законов почти все люди действуют одинаково — “по штампу”. Самое же печальное, что зло внушило людям “требованиями природы” называть требования греха. Требование природы — дышать, в меру питаться, согреваться, уделять часть суток сну, но никак не наркотировать

свой организм, бессмысленно привязываться к миражу, к дыму.

Ведь стоит только честно задуматься над этим вопросом, как зло само всплывает на поверхность совести. Но в том-то и дело, что современному человеку некогда задуматься над единственно важным вопросом, касающимся не маленькой этой 60—70-летней жизни, но вечности ее бессмертного существования в новых, великих условиях. Поглощенный совсем неверно понимаемой "практикой", человек современный, погрузившись в свою практически земную жизнь, думает, что он в самом деле "практичен". Горестное заблуждение! В минуту своей неизбежной (всегда очень близкой от него) так называемой смерти он воочию увидит, как мало практичен он был, сведя вопрос практики к потребностям своего желудка и совсем забыв свой дух.

А пока человеку, действительно, "некогда" задуматься над элементарными нравственными законами своей жизни. И несчастный человек сам страдает невыразимо от этого. Как ребенок, непрестанно касающийся огня и плачущий, человечество непрестанно касается огня греха и похоти и плачет и страдает, но снова и снова касается... не понимая своего состояния духовной детскости, которая в Евангелии называется "слепотою" и есть действительная слепота сердца при наличии физических глаз.

Человечество само себя убивает через грех, и каждый человек так же. Обуреваясь, волнуясь злом, разнуздывая низшие инстинкты, человечество себе готовит страшную судьбу, как и каждый человек, идущий этим путем. Сеющие ветер — пожнут бурю. И вот над этим, над единственно важным — "некогда" задуматься... "Живи мгновеньем", "что будет, то будет" — отмахивается ду-

ша от самой истины, внутри ее говорящей, что надо ей войти в себя, сосредоточиться, осмотреть привязанности своего сердца и подумать о своей вечной участи. Творец мира велел заботиться человеку только о дне; мир велит заботиться только “о мгновении”, погружая человека в море забот о всей жизни!

Тема о нравственно маленьком совсем не мелка. Здесь отражение апокалиптического упрека Божиего христианскому миру, что он “забыл первую любовь свою”. Сколь чище и нравственно выше человека сейчас даже та пошатнувшаяся природа, из которой создано его тело. Как чист камень, готовый вопиять против людей, не воздающих славу Богу; как чисты цветы, деревья в своем чудном кругу жизни; как великолепно покорны закону Творца звери в чистоте своей. Божия природа не курит, не наркотируется, не развратничает, не вытравляет Богом данного плода. Бессловесная природа учит человека, как нужно нести крест послушания Богу среди всех бурь и страданий этой жизни. Нужно человеку задуматься над этим.

Некоторые думают, что все происходящее здесь, на земле, не будет иметь никаких последствий. Человеку с нечистой совестью, конечно, так приятнее думать. Но зачем обманывать себя? Рано или поздно придется увидеть ослепительную тайну чистоты мироздания.

Мы себя ощущаем как “жизнь”. Неужели же мы себя так мелко расцениваем и так неглубоко понимаем Того, Кто сотворил миры, чтобы думать об этой земной жизненной суете как о бытии человека? Мы гораздо более и выше того, что мы привыкли здесь, на земле, считать не только своею жизнью, но даже своими идеалами. Но мы — зерно, положенное в землю. И потому нам сейчас не видна поверхность вселенной, та истинная картина

природы, которая откроется нашим глазам в минуту так называемой смерти, т.е. для всех весьма скоро.

Что такое смерть? Смерть — это совсем не гроб, не балдахин, не черная повязка на руке, не могила в глине. Смерть — это когда росток жизни нашей вылезет на поверхность земли и станет под прямые лучи Божиего солнца. Умереть и прорасти зерно жизни должно еще здесь, в земле. Это так называемое в Евангелии "рождение духом", "второе рождение" человека. Смерть же тела есть оставление ростком земли, выход из земли. Всякого человека, получившего хотя бы самую маленькую духовную закваску, хотя бы самую незначительную евангельскую жемчужину "внутрь себя", ожидает совсем не смерть, и даже далеко не смерть. Для мертвых же духом, конечно, гробы, могилы, черные повязки — это все реальности. И их духу нельзя будет выйти на поверхность истинной жизни, ибо они на земле для себя, для грехов своих не умерли.

Как яйцо, мы закрыты от иного мира тонкой скорлупой тела. И скорлупки наши бьются одна за другой... Блажен человек, который окажется живым, сформированным для будущей жизни организмом. Достойно плача состояние того, кто окажется бесформенной жидкостью... и еще даже, может быть, отвратительной по своему нравственному запаху!

Здесь, на земле, мы истинно в темноте духа, в "утробе" его. И неужели не преступно, находясь в таком состоянии, не готовиться к своему настоящему рождению, но считать свой мрак либо идеальным предельно-радостным местом жизни (как считает оптимистический атеизм), либо непонятным местом бессмысленных страданий (как считает атеизм пессимистический)?

Физическим глазам смысл, конечно, не виден, но в него очень легко, более чем легко поверить, подумав

над собой и над Евангелием. Об этом смысле кричит вся природа; о нем начинает кричать всякая пробудившаяся душа человека.

Как бережно всем нам, “непроросшим” людям, надо относиться друг к другу… Как нужно оберегать друг во друге это прорастание, этот выход на вольный воздух, под Божие солнце!

Человек страшно за все ответствен, и трудно теоретически вообразить себе несчастье того человека, который, атеистически прожив на земле “так, как будто ничего нет”, вдруг очутится лицом к лицу с реальностью не только более яркой, чем эта наша земля, но даже превосходящей все наши понятия о реальности… Не об этих ли душах страдал Господь в Гефсиманском саду? Во всяком случае, и за них Он принял страдание с Креста.

Если бы видимое небо не отделяло нас от неба невидимого, мы бы содрогались от тех несоответствий духа, которые существуют меж ангельской торжествующей церковью и нашей земной церковью, почти невоинствующих, дряблых человеческих душ. Мы бы ужаснулись и поняли бы ясно ту истину, которая нам сейчас непонятна: что сделал для нас Господь Иисус Христос и что Он делает для каждого из нас. Его спасение мы представляем себе почти теоретически, абстрактно. Некогда бы мы увидели, с одной стороны, белоснежные сонмы молниелучных чистых духов, огненных, пламенных, горящих невообразимой любовью к Богу и устремленных ко спасению всего творения, и, с другой стороны, увидели бы землю с ее сотнями миллионов полулюдей-полунасекомых с сердцами, устремленными только к земле, людей, пожирающих друг друга, самолюбивых, сластолюбивых, деньголюбивых, несговорчивых, одержимых при-

липшими к ним темными силами, мы бы ужаснулись и вострепетали. И нам бы предстала ясная картина безусловной невозможности спасения “естественными” путями. Рассуждения оккультистов об эволюционном движении перевоплощающегося человечества ввысь нам бы показались, в лучшем случае, безумными. Мы бы увидели, что тьма над человечеством не редеет, но сгущается… И мы бы поняли, что сделал для людей воплотившийся на их земле Творец. Мы бы увидели, как колоски даже с одним зернышком берутся небесными жнецами на небо, что малейшая искра Христова в человеке, как единое зернышко в колоске, уже спасает этого человека. Все темное зачеркивается, отсекается, берется одна только искра, и она становится вечной жизнью человека. Слава спасению Христову! Воистину мы ничего не имеем в себе, кроме своего лежащего в прахе достоинства человеческого. И из этого праха мы возникаем благодатью Христовой и искрой уносимся в небо. Но уносимся, если зажглась в нас эта искра любви к Богу, если мы способны оттолкнуться душой от всего смертного в мире, способны заметить это смертное в малейшем и так же оттолкнуть его от себя. Чуткость к малейшему в себе будет для нас показателем здоровья нашей души. Если атомы, действительно, заключают в себе точные солнечные системы, то это прекрасный пример органической однородности всякого греха, малого и большого.

Речь о необходимости отвержения даже самого мелкого греха приводит нас к самому важному вопросу человеческой жизни — вопросу о жизни после смерти.

Откровение Церкви утверждает, что не освободившаяся от той или иной страсти душа перенесет эту свою страсть в потусторонний мир, где ввиду отсутствия тела (до воскре-

сения) невозможно будет эту страсть удовлетворить, отчего душа будет пребывать в непрестанном томлении самосгорания, непрестанной жажде греха и похоти без возможности ее удовлетворить.

Гастроном, только и думавший в своей земной жизни, что о еде, несомненно, будет мучиться после своей смерти, лишившись плотской пищи, но не лишившись духовной жажды к ней стремиться. Пьяница будет невероятно терзаться, не имея тела, которое можно удовлетворить, залив алкоголем, и тем немного успокоить на время мучающуюся душу. Блудник будет испытывать то же чувство. Деньголюбец — тоже... Курильщик — тоже.

Легко сделать опыт. Пусть курильщик не покурит двоетрое суток. Что он будет испытывать? Известное мучение, смягчаемое еще всеми отношениями и развлечениями жизни. Но отнимите жизнь с ее развлечениями... Страдание обострится. Страдает не тело, но душа, живущая в теле, привыкшая через тело удовлетворять свою похоть, свою страсть. Лишенная удовлетворения, душа страдает. Так страдает, конечно, и душа богатого грешника, вдруг лишившаяся богатства, покоелюбца, лишившаяся покоя, душа самолюбца, получившая удар по самолюбию... Сколько самоубийств было на этой почве! Все это опыт, голый опыт нашей земной жизни. Уже здесь, на земле, мы можем проделывать опыты над своей душой. Следует каждому человеку быть дальновидным. Нужно оберегать свой дом от подкопа (Мф. 24, 43).

Чувствуя это, неужели можно спокойно предаваться страстям или даже делить их на серьезные и “невинные”? Ведь огонь все равно огонь — как доменной печи, так и горящей спички. И тот, и другой мучителен для человека, касающегося его, и может быть смертелен. Нужно понять эту несомненную истину, что всякая страсть, всякая злоба, всякая похоть есть огонь.

Божий закон заключил инстинкты тела человеческого в рамки, а волевой и раздражительной энергиям души дает истинное направление, чтобы удобно и легко шел человек к одухотворению. Как назвать того человека, который, понимая все это, спокойно и легкомысленно относится к своим страстям, извиняет их, усыпляя все признаки спасительной чуткости в своей душе.

Надо прежде всего перестать оправдывать свою похоть, даже самую малейшую, надо осудить ее перед Богом и самим собой. Надо взмолиться об избавлении, о спасении. Спаситель Господь называется Спасителем не отвлеченно, но реально. Спаситель спасает от всех слабостей и страстей. Он избавляет. Он исцеляет. Совершенно видимо, ощутительно. Исцеляя, прощает. Прощение есть исцеление того, что надо простить. Дается оно только алчущим и жаждущим этой правды. Просто хотящим, тлеющим в желании своем, не дается исцеления. Горящим же, пламенеющим, умоляющим, стремящимся сердцем дается. Ибо только такие способны оценить дар Божиего исцеления, не растоптать и возблагодарить за него, чутко охранить именем Спасителя от новых искушений зла.

Конечно, курение — очень небольшая похоть, как и спичка — небольшой огонь. Но и эта похоть духопротивна, и невозможно себе даже представить кого-либо из ближайших Господних учеников курящим папиросы.

“Уничтожай малую похоть”,— говорят святые. Нет такого желудя, который не заключал бы в себе дуба. Так и в грехах. Малое растеньице легко выпалывается. Большое требует специальных орудий для своего искоренения.

Духовный смысл курения и всех мелких “оправдываемых” противозаконий духа есть распущенность. Не только тела, но и души. Это есть ложное успокаивание

себя (своих “нервов”, как говорят иногда, не вполне сознавая, что нервы — плотское зеркало души). “Успокаивание” это ведет ко все большему удалению от истинного покоя, от истинного утешения Духа. Это успокоение — мираж. Сейчас — пока есть тело — его надо возобновлять постоянно. После — это наркотическое успокоение будет источником мучительной плененности души.

Надо понять, что “срывающий”, например, свою злобу тоже “успокаивается”. Но, конечно, лишь до нового припадка злобы. Успокаивать себя удовлетворением страсти нельзя. Успокоить себя можно, лишь противостав страсти, удержавшись от нее. Успокоить себя можно, лишь понеся крест борьбы против всякой страсти, даже самой мельчайшей, крест ее неприятия в свое сердце. Это путь истинного, твердого, верного и — главное — вечного счастья. Поднявшийся над туманом видит солнце и вечно голубое небо. Поднявшийся над страстями входит в сферу мира Христова, неописуемого блаженства, начинающегося уже здесь, на земле, и доступного каждому человеку.

Миражное счастье — папироса. Такое же, как на кого-нибудь рассердиться, перед кем-нибудь погордиться, покрасить для людей свои щеки или свои губы, украсть маленький кусочек сладости — маленькую копеечку с церковного блюда Божией природы. Не нужно искать таких счастий. Их прямое, логическое продолжение — кокаин, удар по лицу человека или выстрел в него, подделка ценности. Блажен тот человек, кто, найдя такое счастье, оттолкнет его с праведным и святым гневом. Это царствующее в мире демоническое счастье есть блудница, вторгнувшаяся в брак души человеческой со Христом, Богом истины и чистой блаженной радости.

Всякое утешение вне Духа Святого Утешителя есть тот безумный соблазн, на котором строят свои мечты устроители человеческого рая. Утешитель — один только творческий дух истины Христовой.

Молиться духом, куря папиросу, невозможно. Невозможно проповедовать, куря папиросу. Перед входом в храм Божий откидывается папироса… но храм Божий — ведь это мы.

Кто хочет каждую минуту быть храмом Божиим — откинет папиросу, как всякую ложную мысль, всякое нечистое чувство. Отношение к маленькому душевному движению в себе — термометр горячности веры человека и его любви к Богу.

Можно себе представить такой жизненный пример: табак, как растение, не имеет в себе никакого зла (как и золотой песок, как и хлопок, из которого выделывается денежная ассигнация). Абрикос — Божие растение. Алкоголь бывает очень полезен организму человека в известные минуты и в известных дозах, ничуть не противореча духу, как умеренный чай или кофе. Дерево, материя, из которых делается мебель, все — Божие… Но теперь возьмем эти слагаемые в следующем сочетании: в мягком кресле развалился человек и курит гаванскую сигару, ежеминутно прихлебывая из стоящей около него рюмки абрикотина… Может ли этот человек в таком состоянии вести беседу о Живом Боге — творить молитву Живому Богу? Физически — да, духовно — нет. Почему? Да потому что человек этот сейчас распущен, его душа утонула и в кресле, и в гаванской сигаре, и в рюмке абрикотина. В эту минуту у него почти нет души. Он, как блудный сын Евангелия, скитается “в далеких краях”. Так может человек потерять свою душу. Теряет ее человек все время. И хорошо, если все время опять находит

ее, борется, чтобы не терять, дрожит над душою своею, как над любимым младенцем своим. Душа — младенец бессмертия, беззащитный и жалкий в условиях окружающего нас мира. Как нужно прижимать к груди своей, к сердцу своему свою душу, как нужно любить ее, предназначенную для вечной жизни. О, как нужно счищать даже малейшее пятнышко с нее!

Сейчас был представлен пример невозможности сохранить свою душу, сластолюбиво распределив ее по окружающим предметам: креслу, сигарам, ликеру. Пример взят особенно красочный, хотя бывают в жизни и еще более красочные. Но если взять не красочный, а серый, но того же распущенного духа — все останется той же самой атмосферой, при которой меньшим грехом будет молчать о Христе, чем говорить о Нем. Вот где разгадка того, почему мир молчит о Христе, почему ни на улицах, ни в салонах, ни на дружеских беседах люди не говорят о Спасителе Вселенной, о Едином Отце мира, несмотря на множество людей, верующих в Него.

Не всегда перед людьми стыдно говорить о Боге; иногда перед Богом стыдно бывает говорить о Нем людям. Мир инстинктивно понимает, что в той обстановке, в которой он находится все время, меньше греха молчать о Христе, чем говорить о Нем. И вот люди молчат о Боге. Страшный симптом. Наводняется мир легионами слов, одержим язык человека этими пустыми легионами, и — ни слова, почти ни слова о Боге, о Начале, Конце и Средоточии всего.

Ибо сказать о Боге — это сейчас же обличить себя и весь мир. И если слово о Боге все же сказано, его трудно договорить до конца — и перед собой, и перед миром.

Если у человека нет отвращения к своим маленьким грехам — он духовно нездоров.

Если есть отвращение, но “нет сил” преодолеть слабость, значит, она оставляется до того времени, пока человек не проявит свою веру в борьбе с чем-нибудь более для него опасным, чем данная слабость, а она оставляется ему для смирения. Ибо немало людей на вид беспорочных, не пьющих и не курящих, но подобных, по слову Лествичника, “гнилому яблоку”, то есть исполненных явной или тайной гордыни. И нет возможности смирить их гордыню, как только каким-либо падением. Но останется вне Царствия Божия и его законов тот, кто сам, по тем или иным соображениям, “разрешит” себе мелкие грехи. Такой человек, “усыпляющий” свою совесть, делается не способен преступить грань подлинной жизни духа. Он остается всегда подобен юноше, подходящему ко Христу и сейчас же отходящему от Него с печалью или даже иногда без печали, а просто чтобы... “покурить”!

Ригоризм и пуританство чужды евангельскому духу. Фарисейская праведность без любви более темна в очах Божиих, чем всякий грех. Но и теплохладность христиан в исполнении заповедей также темна. Как фарисействующие, так и торгующие и курящие в храме Божием одинаково изгоняются из храма.

Ибо воля Божия есть *освящение ваше* (1 Фес. 4, 3). Чуткая совесть сама изострит зрение для обнаруживания той чуждой пыли, которая лежит на ранах души.

Сын Божий и Сын Человеческий дал нам одну заповедь для жажды: *Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). В ней Господь как бы говорит: люди, Я не даю вам меры — определите ее сами. Определите сами меру вашей любви к чистоте Моей и вашего послушания этой любви.

Печатается по статье «Апокалипсис мелкого греха» архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Шаховского)

2007 год, издание 2-е

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 544

Крестины

Тысячу лет на Руси радость о рождении человека для жизни земной соединялась с радостью о рождении его — его для Жизни Небесной. В Таинстве крещения чадо земной семьи становилось чадом Церкви и наследовало обетование Вечной Жизни. Много веков почти сразу же за рождением дитяти его крестили.

Дитя — благословение Божие, и родители понимали, что за вверенную им святыню новой души они дадут ответ Господу в день Суда. Желая своему чаду счастья и понимая свою ответственность перед Начальником жизни, православные родители стремились отдать Богу Богово, то есть крестить дитя как можно ранее. Ребенок для родителей мыслился не только как одна из радостей семейной жизни, помощник в заботах, надежда немощной старости, но и как молитвенник о живых и усопших своего рода.

Крестины

Тысячу лет на Руси радость о рождении человека для жизни земной соединялась с радостью о рождении его — его для Жизни Небесной. В Таинстве крещения чадо земной семьи становилось чадом Церкви и наследовало обетование Вечной Жизни. Много веков почти сразу же за рождением дитяти его крестили. Случалось иногда, хотя и редко, что православный человек по греховной слабости жил в невенчанном браке, бывали обстоятельства, когда усопший не мог быть отпет и предан земле. Но не было в русских семьях некрещеных.

Дитя — благословение Божие, и родители понимали, что за вверенную им святыню новой души они дадут ответ Господу в день Суда. Желая своему чаду счастья и понимая свою ответственность перед Начальником жизни, православные родители стремились отдать Богу Богово, то есть крестить дитя как можно ранее. Ребенок для родителей мыслился не только как одна из радостей семейной жизни, помощник в заботах, надежда немощной старости, но и как молитвенник о живых и усопших своего рода.

За годы антирелигиозного террора и духовного пленения успели разрушиться и обветшать храмы, исчезнуть некоторые традиции, растворилось в обыденном духовное знание, приземлились чаяния. Так, во многих семьях нарушилась традиция: родился — крестился. Сегодня возрождаются из

руин не только храмы, реставрируются и православные обычаи, традиции православного быта. Что ж, "время молчать и время говорить" (Еккл. 3, 7),— сказал Премудрый. Поговорим о крещении. О крещении младенцев.

Духовная жизнь ребенка начинается задолго до крещения. И даже до рождения. Начинается она с браковенчания родителей. Для будущего человека небезразлично — родиться в венчанном браке или нет. Ведь невенчанный брак не только неблагодатен, это — грех. А дитя несет на себе грехи своих родителей. Таков закон. Кстати, генетика или педагогика скажут то же: дитя расплачивается за грехи родителей.

Для будущего ребенка небезразличен и день зачатия. Дитя, зачатое в пост или те дни, когда Православная Церковь благословляет воздерживаться от супружеского общения,— также понесет на себе грех родительского невоздержания и непослушания Матери Церкви. Такие дети, по наблюдениям верующих врачей, хуже поддаются лечению, у них чаще проявляются наследственные заболевания, а также "запланированная" несдержанность и своеволие, а значит, они труднее поддаются воспитанию...

По учению Православной Церкви, жизнь новой души начинается с момента зачатия. Именно этим временем определяются многие физические и душевные свойства будущего человека. Это также необходимо учитывать добродетельным супругам.

Будущие мамы заботятся, чтобы в их пище было много витаминов и, напротив, стараются исключить пусть любимые, но не безвредные для ребенка продукты. Это правильно. Но православная супруга, находясь в ожидании, заботится не только о физическом здоровье своего будущего чада, но и о его душе. В это время она чаще посещает богослужение, чаще прибегает к спасительным Таинствам исповеди и причастия. Домашняя ее молитва становится более сосредото-

ченной. К кому обращены слова ее молитвы? Конечно же, к Той, Которая Сама носила в Себе Спасителя,— к Богородице. Добродетельная супруга закажет и молебен перед иконой Божией Матери, именуемой “Феодоровская”. По преданию и опыту многих жен, через эту икону помощь Божией Матери плодоносящим проистекает наиболее обильно.

Но вот наступает время родин. Женщина обязательно должна причаститься как можно ближе к сроку. Пора спросить у родственниц и подруг или купить в церкви образ Божией Матери “Помощница в родах”. Я знаю одну такую иконку, которая уже несколько лет переходит от одной мамы к другой. Во скольких роддомах она побывала с ними за это время! Небольшой отпечатанный образ, наклеенный на картонку. Но чудотворный.

Наконец ребенок родился. При первом же свидании мама осенит его своим нательным крестом. А в молитве поблагодарит Господа за счастливое разрешение. Теперь она будет кормить, любить его и молиться о своем младенце.

А что же отец, бабушки, дедушки? Они закажут благодарственный молебен Спасителю и Богородице перед Ее иконой Тихвинской. К Тихвинскому образу Божией Матери еще не раз обратятся родители со своими заботами. Эту икону вполне можно назвать “Помощница в воспитании”.

Обязательно следует посмотреть в церковный календарь и узнать, в день какого святого родился младенец. Не важно, кто это будет, святой или святая. Угодник Божий не безучастен к вашему счастью. Запомните его имя, а позже скажите его сыну или дочери. Найдите и прочтите его житие. В Божием мире случайностей не бывает, во всем есть Промысл.

Живо ощущая взаимосвязь родин и дневного святого, любящие родители или родственники в достаточных семьях в прежнее время могли заказать икону с образом этого угодника. Иногда такой образ жертвовался в храм. Напри-

мер, в Кремле, в церкви Рождества Богородицы, был устроен придел во имя Никиты Столпника, в память дня рождения супруги царя Алексея Михайловича царицы Марии Ильиничны.

Наступает пора выбрать младенцу имя. В Православной Церкви существует специальный чин наречения имени, где есть "Молитва во еже назнаменати отроча, приемлющее имя во осмый день рождения своего".

К выбору имени должно подходить со всей ответственностью. Имя — это не просто сочетание звуков, красивое слово. Через свое имя ребенок будет допущен к участию в Таинствах Церкви. Отец Самсона Маной в беседе с Ангелом спросил: "Как тебе имя?" — и получил ответ: "Что ты спрашиваешь об имени моем? оно чудно" (Суд. 13, 17—18). Так же "чудно", то есть таинственно имя каждого человека. Христианское имя чудесным образом связывает нас с тем святым, имя которого мы носим. Удивительное чудо соединения земного и небесного!

Обычно новорожденному дают имя святого, в день которого он появился на свет, либо святого, чья память приходится в один из последующих нескольких дней. Иногда имя дают по благословению священника, или называют одним из привычных имен рода, или именем особо любимого и почитаемого угодника.

Вот что писал об имени одного святого святитель Иоанн Златоуст: "Самое имя это считали и украшением родства, и утверждением дома, и спасением для называющихся им, и утешением любви; и как седящие во тьме, как скоро зажжена одна лампада, зажигают от нее много светильников, и каждый вносит их в дом свой, так точно и тогда, когда имя как свет явилось в городе, каждый вносил в свой дом имя этого блаженного, как бы зажигая светильник и как бы приобретая через такое название сокровище бесчисленных благ".

В Священном Писании мы не раз встречаем указание на высочайшее значение имени. Господь, как знак своего обетования, изменил данные при рождении имена Авраама и Сарры, Исаака и Иакова. Ангел Господень указал Захарии имя его будущего сына — Иоанна Предтечи. Архангел Гавриил велел праведному Иосифу дать имя Иисус Младенцу, Которого родит Мария: “И наречешь Ему имя: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их” (Мф. 1, 21). Спаситель переименовывает Симона в Петра: “поставил Симона, нарекши ему имя Петр...” (Мк. 3, 16). Гонитель Христа Савл после духовного прозрения расстается не только с заблуждениями, но и со старым именем и становится апостолом Павлом. “Однако ж тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах” (Лк. 10, 20), — сказал Спаситель о именах праведников, принадлежащих Царству Небесному.

Неразумно и недальновидно поступают родители, дающие своим малышам имена-клички, называющие их вычурными экзотическими или полуэкзотическими именами. Откуда берутся в русских семьях Илоны, Русланы, Янины, Нелли? Что это, желание выделить, указать на необычность своего дитяти? Нет, не выделить, а отделить, исключить из цепочки родовых имен своей семьи, своего народа.

Если родители назвали ребенка неправославным именем, то при крещении ему дается второе имя. Но такого раздвоения лучше избегать. Есть и еще одно странное поветрие — записывать в метрики неполные, уменьшительные имена: Ася или Стася вместо Анастасии, Лина вместо Ангелины.

Красивых имен в православном календаре множество, и за каждым — святой или святая. К тому же в житии каждого угодника Божия есть что-то особо близкое вам. Читайте жития, и сколько имен станут для вас желанными!

Возьмите имя Димитрий. Это имя носил Димитрий Солунский, воин, не отрекшийся от Христа и в самых страшных мучениях. Это имя прославил благоверный князь Димитрий Донской — победитель на Куликовом поле, надеждою на Божию помощь и благословение Сергия Радонежского преодолевший робость перед непобедимым доселе врагом. Это имя преподобного Димитрия Прилуцкого, от юности возлюбившего Бога паче всех земных радостей, ученика Сергия и основателя знаменитой обители. Вспомним и благоверного царевича Димитрия Угличского — кроткого и боголюбивого отрока. Вспомним святителя Димитрия Ростовского — мужа величайшей учености, любящего учителя и смиренного инока. Или имя Нина. Его носила святая равноапостольная Нина, дочь благородных и благочестивых родителей, от детских лет мечтавшая послужить Богу и Его Пречистой Матери. Юной девушкой отправилась она в чужую незнакомую страну и приобрела для Господа целый народ. Нину называют просветительницей Грузии. Разве, прочтя житие этой удивительной подвижницы, предпочтете вы дать дочери имя Нинель?

Кстати, одна из форм антирелигиозной войны — разлучать человека со святым именем, заменять его кличкой. Призывы отказаться от христианских имен характерны для так называемой великой французской революции или для нашего общества после октябрьского переворота. Отношение к религии в обоих случаях было однозначно — ненависть и война.

Нет ничего плохого, если мы своих детей зовем в быту уменьшительными или ласковыми именами: Саша, Лена, Петенька, Гоша... Но все же следует называть ребенка полным именем. Слыша имя своего небесного покровителя, дитя становится как бы ближе к нему. Кроме того, в произнесении имени есть и призывание Божиего угодника.

Если вы выбрали имя или, положась на волю Божию, благодатную и спасительную для нас, решились назвать дитя именем святого, в день которого оно родилось, то хорошо бы вам приобрести и образ этого святого. Как только ребенок сможет различать изображения, ему можно показывать икону с “его” святым, называть имя, обращая внимание на одинаковость звучания двух имен. “И здесь Ольга — и там, на иконке, Ольга”.

Впоследствии обязательно нужно рассказать ребенку житие угодника Божия. А когда дитя подрастет, ему хорошо бы выучить молитву тому святому, чье имя он носит.

Имя выбрано, пора позаботиться о крестных. Для крещения младенца необходим восприемник, или как его еще называют, крестный. Для родителей крестный их ребенка — кум, а крестная — кума. Обычай иметь при крещении поручителя восходит к первоначальной Церкви. Прежде поручитель приводил желающего креститься взрослого человека в церковь и свидетельствовал перед епископом или пресвитером благочестивую жизнь кандидата, его готовность к принятию в Церковь. Сам же поручитель обязывался наставлять своего крестника в основах веры и церковной жизни. При крещении поручитель принимал крещаемого от купели и поэтому назывался восприемником. В крестильных книгах имена восприемников записывались вместе с именами крестников. После крещения связь крестного и крестника укреплялась, возникало духовное родство.

При крещении младенцев одно время сами родители воспринимали своих детей от купели и поручались воспитывать их в правилах веры. Но позже была узаконена единая практика для младенцев и для взрослых.

Функции крестного непростые, и подчас удивляешься, с какой легкостью соглашаются стать крестным или крестной.

А ведь именно забота об участии крестных привела к спору: следует ли крестить младенцев, не лучше ли подождать, пока ребенок будет в состоянии понять, что с ним происходит. Церковный писатель Тертуллиан, защищая эту позицию, писал: “Зачем без крайней нужды подвергать восприемников опасности? Они могут умереть и не выполнить данного обета”. То есть не успеть воспитать крестника для жизни в Церкви и невольным грехом навлечь на себя гнев Божий.

Крестный обязуется наставлять крестника в духовной грамоте, молиться о нем, следить за его воспитанием и принимать в нем участие. На крестного ложится и часть ответственности за поступки своего крестника. В Православной Церкви существует понятие духовного родства. Мистическая связь крестника с крестным не заканчивается с земной жизнью, но продолжается в Вечности.

К сожалению, нередко родители не задумываясь приглашают в восприемники своему чаду людей малоцерковных, а то и вовсе не верующих, соображаясь причинами приятельства, уважения или просто некоторой корысти. Появились даже заочные восприемники, когда “крестный” не присутствует во время крещения, а только считается крестным. Такое отношение к восприемничеству говорит о полном непонимании его сути.

Во время крещения младенца восприемник за него трижды отрекается от сатаны, трижды исповедует сочетание Христу и веру “Ему, яко Царю и Богу”. Восприемник читает за своего крестника Символ веры, то есть молитву “Верую”, в которой отражены все основы христианского вероучения. Восприемник принимает крестника от купели. Во время помазания святым миром держит его на руках и потом трижды обносит вокруг купели. Чего никак не может сделать заочный крестный. Кроме того, от восприемника требуется еще молитвенное участие в происходящем Таинстве.

Родители должны ясно осознавать, что омытый в купели крещения их младенец причисляется к лику святых. Поэтому будет грехом доверить принятие его от купели человеку неблагочестивому, явному грешнику. Символично и ношение на руках вокруг купели. Восприемник как бы обещает не оставлять новокрещенного младенца, воспитывая во Христа крестившегося, помогая ему во Христа облечься.

Как физическое родство отражается в физических чертах ребенка и он повторяет своих родителей, так и духовное родство может отразиться в духовном облике. Ведь восприемника или восприемницу называют духовным отцом и духовной матерью или крестным отцом и крестной матерью.

В “Полном православном богословском энциклопедическом словаре” читаем: “Восприемниками не могут быть явные грешники, невежды и монашествующие”, последние — как отрекшиеся всяческого родства. Для крещения младенца да и взрослого — как младенца духом — необходим один восприемник. “Женщины пусть будут восприемницы детей женского пола, а мужчины восприемниками мужского пола”, — гласит 22-е правило 1-го Вселенского Собора. Но возможно иметь и двух восприемников — мужчину и женщину, если они не состоят в браке.

Существует еще один оттенок восприемничества. “Восприемник нарицается отцом по рождению от Духа Святого и, в силу сего значения нарицаясь тем самым братом отцу и матери по плоти воспринятого им, состоит с ними во второй степени родства” (“Свод указаний и заметок по вопросам пастырской практики”). Это родство плотских и духовных родителей носит название кумовства. Духовное братство также имеет свои обязанности и связывает кумовьев обоюдной молитвой и взаимной услужливостью. Но неразумно было бы искать в кумовстве лишь материальных выгод. Поэтому, выбирая крестного своему ребенку и духовного брата себе, лучше искать человека верующего, молящегося, обязательно церковного, а не богатого, уважаемого по мирским качествам или милого приятеля. “Ищите же прежде Царства Божия и правды его, и это все приложится вам” (Мф. 6, 33).

Коль скоро выбрано имя и восприемник — пора и крестить. Не рано ли?

Время крещения младенца строго не определено. В древней Церкви было несколько традиций. Крещение на восьмой день после рождения как бы заняло место ветхозаветного обрезания, которое было принято совершать в этот день. Оно и называется “нерукотворным обрезанием”. Одно время преобладало мнение, что крестить должно в первый день. Западная Церковь довольно долго держалась именно этого обычая. В воспоминание иудейского закона приносить младенца в 40-й день в храм, по которому и Дева Мария принесла в храм Младенца Христа, — крестили в 40-й день.

На Руси в первые века христианства крестили большей частью в 40-й день, когда и для матери заканчивались по закону дни очищения и она после прочтения над ней специальных молитв могла присутствовать при крещении своего ребенка. Если ребенок рождался слабым и была опасность, что он умрет, не дожив до крещения, то его крестили и ранее

40-го дня. Со временем возобладала практика не затягивать с крещением и крестить как можно ранее, в XVIII— XIX веках — между восьмым и пятнадцатым днем.

Впрочем, срок могут определить сами родители по обстоятельствам. Не следует только очень затягивать. Крещение вводит человека в ограду церковную, созидает его членом Церкви, а значит, Церковь молится о нем. При крещении младенцу придается Ангел-хранитель. После крещения дитя уже можно причащать. Именно младенцу необходимо и желательно частое соединение с Господом, поэтому у младенца и нет препятствия для причастия. Дети, которых регулярно приносят в церковь и причащают, очень отличаются от своих сверстников. "Таковых есть Царство Небесное" (Мф. 19, 14).

Меня всегда удивляло, как церковные дети самого маленького возраста моментально находят друг друга. Как они безошибочно определяют "своих" в песочнице. Это "свое" — Христос, изобразившийся в них от частого приобщения. Такое дитя особенно мило родителям. Впрочем, мы не обсуждаем достоинства крещения, мы уверены в необходимости его. Вопрос лишь — когда? Пора.

"...У тебя есть младенец? Не давай времени усилиться повреждению, пусть освящен будет в младенчестве и от юности посвящен Духу" (святитель Григорий Богослов). Аминь.

Печатается по изданию:
Священник Сергий Николаев. За советом к батюшке.
Сборник.– М., 2002.

2003 год
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 3320

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 545

ТАИНСТВО КРЕЩЕНИЯ

Если кто не родится водою и Духом, не может войти в Царствие Божие.

Ин. 3, 5.

О ТАИНСТВЕ КРЕЩЕНИЯ

Никто не входит в Царство Небесное иначе, как только через Таинство крещения.

Свт. Амвросий Медиоланский

Как обыкновенная жизнь человека начинается рождением, так и христианская жизнь начинается возрождением в Таинстве крещения.

Крещение занимает первое место в ряду христианских Таинств. Первым, по повелению Божию, начал крестить крещением покаяния Иоанн Креститель, говоря людям (Лк. 3, 2-3), чтобы веровали в Грядущего Христа (Деян. 19, 4). Потом Сам Господь освятил для нас Крещение Своим примером (Мф. 3, 13, 16-17). В беседе с Никодимом Господь показал нам великую важность и необходимость для нас возрождения в Крещении: *Аще кто не родится водою и Духом, не может внити в Царствие Божие* (Ин. 3. 5). Наконец, перед вознесением Своим на небо, посылая учеников Своих на всемирную проповедь, торжественно заповедал им: *шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще их блюсти вся, елика заповедах вам* (Мф. 28, 19).

Крещение есть Таинство, в котором верующий при троекратном погружении тела в воду, с призыванием Отца и Сына и Святого Духа умирает для жизни плотской, греховной и возрождается Духом Святым в жизнь духовную, святую.

В Крещении человек освобождается от проклятия как от последствия греха и ему возвращается благословение Божие.

До Крещения сатана через грех властвовал над человеком как над своим рабом. Грех жил в сердце человека, как яд. С Крещением человека насилие сатаны прекращается. Теперь он может действовать только извне, обманом, обольщением, но не насилием. В Крещении яд греха измывается; душа просвещается и освящается. Крещающийся получает силу побеждать грех, стоять за истину и правду до смерти.

Это обновление человека недоступно для наблюдения внешними чувствами. Благодатной силы его нельзя видеть глазами, осязать руками. Неуловимая для внешнего наблюдения вначале, таинственная сила Крещения обнаруживается в последствиях. Как в растительных семенах невозможно видеть и осязать жизненной силы до тех пор, пока они не прозябнут, так и семя благодати, подаваемое в Таинстве крещения, бывает заметно тогда, когда оно даст благодатную поросль в душе крещаемого.

НЕВИДИМЫЕ ДЕЙСТВИЯ ТАИНСТВА КРЕЩЕНИЯ

Омыстеся... освятистеся...
оправдистеся именем Господа нашего
Иисуса Христа и Духом Бога нашего.
1 Кор. 6, 11.

В Таинстве крещения благодать Божия невидимо действует на все существо крещаемого и:

- возрождает его, почему ап. Павел называет Крещение *банею пакибытия* (Тит. 3, 5);

- очищает от всякого греха, оправдывает и освящает (Деян. 2, 28; 1 Пет. 3, 21; Еф. 5, 25-27; 1 Кор. 6, 11);

- соделывает чадом Божиим и членом тела Христова — Церкви (Гал. 3, 26-28; 1 Кор. 12, 13);

-спасает от вечных наказаний за грехи и соделывает наследниками вечной жизни (Мк. 16, 16; Тит. 3, 5-7; 1 Пет. 3,21).

Вот некоторые мысли об этом св. подвижников Вселенского Православия.

Св. Варнава: «Крещение преподается во оставление грехов. Мы входим в воду отягченными грехами и нечистотою, а выходим из воды плодоносящими в сердцах страх Божий и надежду».

Свт. Кирилл Иерусалимский: «Великая вещь — Крещение: оно есть пленных искупление, грехов отпущение, смерть греха, возрождение души, одежда светлая, святая, нерушимая печать, колесница на небо, утешение райское, Царствия ходатайство, дар усыновления».

Свт. Иоанн Златоуст: «Крещение не просто отпускает нам грехи, не просто очищает нас от беззаконий, но вновь творит нас и образует».

Свт. Григорий Богослов: «Благодать и сила Крещения не потопляет мира, как древле, но очищает грех в каждом человеке и совершенно измывает всякую нечистоту и скверну, привнесенную перворождением».

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ ЖЕЛАЮЩЕГО ПРИНЯТЬ СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ

Иоанн крести крещением покаяния, людем глаголя: да во Грядущаго по мне веруют, сиречь во Христа Иисуса.

Деян. 19, 4.

Покаяние и вера — необходимые условия для того, кто желает креститься.

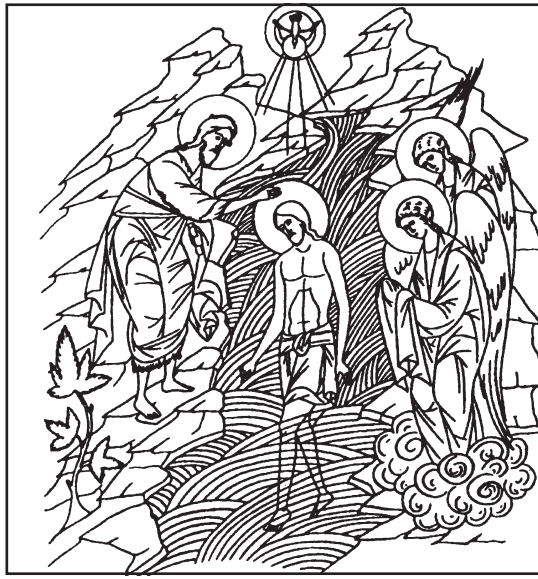
От крещаемого требуются истинное покаяние (Деян. 2, 38), живая вера во Христа (Мк. 16, 16; Деян. 8, 37) и твердое намерение вести жизнь святую, богоугодную (1 Пет. 3, 21; Рим. 6,4, 12-13).

УСТАНОВЛЕНИЕ ТАИНСТВА КРЕЩЕНИЯ

В Священном Писании упоминаются три события, которые указывают на начало христианского Крещения, а именно: св. Иоанн, Предтеча Господень, крестил иудеев в реке Иордан (Мк. 1,4,5); *Сам Господь Иисус Христос крестился от Иоанна в Иордане* (Мф. 3,13, 17), отчего Иоанн именуется Крестителем Господа и, наконец, *Господь Иисус Христос дал апостолам повеление крестить, сказав: Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 18, 19).

Но все названные события не происходили одновременно. Какое же из них следует признать началом и установлением христианского крещения, ведь очевидно, что каждое из них имеет важное значение для Церкви Христовой? *Крещение Иоанново* стало приготовлением людей к принятию христианского Крещения и служило прообразом его, но само по себе еще не было христианским Крещением, и вот почему. Крещение Иоанново называется в Священном Писании крещением *покаяния*, а христианское Крещение названо Крещением во оставление грехов. «Исповедую едино крещение *во оставление грехов*»,— читаем мы в Символе веры. И сам Иоанн Креститель говорил иудеям: *я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною...* (Иисус Христос) *будет крестить вас Духом Святым и огнем* (Мф. 3, 11), то есть мое крещение только располагает к покаянию, а Крещение, которое установит Господь Иисус Христос, будет истреблять, как огнем, грехи людей благодатию Святого Духа. *Покайтесь: ибо приблизилось Царствие Небесное,.. приготовьте (покаянием) путь Господу* (Мф. 3,2-3).

Покаяние было главной темой проповеди святого Иоанна Предтечи. Тех, кто вследствие его проповеди каялись в грехах,



Иоанн погружал в воду, как бы поясняя этим, что покаяние так очищает душу от грехов, как вода омывает тело от грязи и нечистот.

Крещение Иисуса Христа от Иоанна в водах реки Иордан имеет, несомненно, самое близкое отношение к христианскому крещению, но тем не менее и оно не может быть принято собственно за начало христианского крещения.

Во-первых, потому, что Господа Иисуса крестил Иоанн, а крещение Иоанново, как сказано выше, еще не было крещение христианское, и, конечно, потому, что Иисус Христос, как безгрешный Сын Божий, не имел никакой нужды ни в покаянии, к которому располагало крещение Иоанново, ни в крещении христианском, которое уничтожает первородный грех и личные грехи человека, сделанные до крещения.

Но тут, естественно, возникает вопрос, зачем же Христос благоволил принять крещение от Иоанна?.. Ответом может служить беседа Иисуса Христа и Иоанна Крестителя пред крещением Господа. Когда Иисус пришел на Иордан креститься от Иоанна, *Иоанн удерживал Его и говорил: мне надобно креститься от Тебя, и Ты ли приходишь ко мне?* То есть я, грешный раб Твой, должен креститься от Тебя, безгрешного Владыки моего, и Тебе ли, безгрешному Владыке моему,

приходить ко мне за крещением? Христос на это сказал: *оставь теперь: ибо так надлежит нам исполнить всякую правду* (Мф. 3, 14-15), то есть: не прекословь Мне, потому что и тебе, и Мне надо исполнить правду, или долг, обязанность: тебе Отец Мой Небесный заповедал крестить в Иордане всех иудеев, которые будут приходить с раскаянием в грехах, и ты должен крестить приходящих к тебе, это твой долг, твоя обязанность. *Я безгрешен и потому не нуждаюсь в твоем крещении, крещении покаяния*, но Я по земному Моему происхождению иудей, и потому, как иудей, пришел сюда за крещением по воле Отца Моего Небесного, это долг Мой, Моя обязанность. Таким образом, если ты надо Мной, как Сыном человеческим из рода иудейского, совершишь крещение, то мы оба исполним свою правду, свой долг, свою обязанность.

О необходимости крещения в Священном Писании упоминается не один раз: *если кто не родится от воды и Духа, не может увидеть Царствия Божия* (Ин. 3, 5).

Кто будет веровать и креститься, спасен будет (Мк. 16, 16)...

МЕСТО КРЕЩЕНИЯ

Первоначально Крещение совершалось или под открытым небом — в реках, озерах, прудах, источниках, или в домах. Так было преимущественно во времена преследования христиан иудеями или язычниками.

Кроме того, Крещение совершалось иногда под открытым небом и в мирное время, когда крестились вместе целые массы людей. Так было у нас на Руси при крещении множества русских людей при святом князе Владимире; так иногда бывает и в отдаленных миссиях, когда принимают крещение одновременно

многочисленные группы людей. *Под открытым небом* крестился Сам Иисус Христос в реке Иордан; апостол Филипп на пути из Иерусалима в Газу крестил в источнике вельможу эфиопской царицы Кандакии (Деян. 8, 26-39); апостол Павел крестил неподалеку от македонского города Филиппы женщину Лидию, торговавшую багряницами, и ее семейство (Деян. 16, 12-15).

В домах: апостола Павла крестил в частном доме в Дамаске апостол Анания (Деян. 9,11-18); апостол Павел крестил темничного стража со всем его семейством в доме (Деян. 16,23-33); апостол Петр крестил в Кесарии сотника Корнилия в его доме, и крестил не только его, но и всех, бывших тогда в доме сотника (Деян. 10, 1-48).

У нас в России дозволялось и дозволяется крестить в домах не только по слабости здоровья детей, но и по отдаленности прихожан от храма, а также во времена последнего гонения от безбожной власти.

По прекращении гонений, за исключением особых случаев, Крещение совершалось преимущественно в храмах. 31 и 59 правила VI Вселенского Собора требуют, чтобы Крещение совершаемо было в храмах, и только в крайнем случае разрешали крестить в частном доме, где для совершения Таинства обязательно должна быть назначена чистая комната.

В древности для Крещения устраивались и устраиваются сейчас или в храмах, или около них так называемые баптистерии, то есть крещальни. В самом храме, именно в его притворе, для крещения устраивался бассейн с водой и со ступенями для спуска в воду: такая крещальня называлась водоем большой. Иногда же устраивается водоем малый — это большая чаша для хранения святой воды.

В КАКОМ ВОЗРАСТЕ ПРИНИМАЕТСЯ КРЕЩЕНИЕ

Обычно православных крестят в детстве, и они не помнят, как происходит совершение этого Таинства, но в наше время совсем не редкость крестить взрослых, для которых это становится значительным и запоминающимся событием. В этот день они становятся членами Церкви Христовой, решительно меняют жизнь и дают обет сочетаться Христу и веровать Ему, как Царю и Богу. Из крещальной купели человек выходит заново рожденным, оставив свою прошлую жизнь с ее грехами.

В первую очередь для Крещения требуется вера в Господа и Его Святое Евангелие, а также в Церковь, которую Он основал на земле и которая является Телом Его. Поэтому во время Крещения священник и просит читать Символ веры.

Но как же дети? Они не имеют еще сознательной веры, и кто может поручиться, вырастут ли они верующими? Поручиться за них могут крестные, которые для того и существуют в Церкви и обязательны для младенцев. Крестные берут на себя обязательство следить за своими крестниками и воспитывать их в духе православия и благочестия. Для того чтобы обещать это Церкви, крестные сами, как минимум, должны быть верующими и достаточно близкими семье младенца, потому что они должны реально участвовать в его религиозном воспитании.

Некоторые спросят, не лучше ли отложить Крещение до того времени, когда ребенок сам сможет сказать, что он верит в Бога? Но в Таинстве крещения ребенок получает особую благодать, которая поможет ему в жизни. Он становится членом Церкви и может поэтому быть участником святых Таинств, в том числе и Таинства Евхаристии, причащаться Святых Христовых Таин. Наблюдательные люди знают, какая большая разница есть между

крещеными детьми, которых родители регулярно причащают, и некрещеными.

Что же касается веры, то она есть даже у самых маленьких детей. Вера рождается раньше, чем мы можем выразить ее словами, и детская вера крепче и непосредственней, чем у взрослых, душа которых отягощена грехами. Вера есть у всех младенцев, главная задача родителей и крестных не воспитать ее, а не дать ей погаснуть под дурным влиянием. Христос ставил детскую веру в пример, говоря: *Если... не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное* (Мф. 18, 2-5). А тем, кто запрещал детям приходить к Нему, напомнил слова пророка: *Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (Мф. 21,16; Пс. 8,3). Даже грудные дети хвалят Бога, и Бог принимает их хвалу, как же не принимать ее нам.

Крещение детей в древности существовало наряду с Крещением взрослых. Уже апостолы крестили целые семейства вместе с детьми (в Деяниях святых апостолов упоминаются семейство Лидии, темничного стража Криспа, Стефанов дом (Деян. 10,44-48; Деян. 14,14-15). С V века Крещение детей закреплено постановлениями Соборов, но до того времени совершалось по обычаю, идущему от апостолов.

ПОДГОТОВКА К КРЕЩЕНИЮ

В раннехристианские времена взрослого человека допускали к Крещению не сразу. Его готовили для этого иногда год и более.

Готовящийся к Крещению назывался оглашенным, потому что его «оглашали», то есть учили истинам веры и позволяли принимать участие в некоторых службах и обрядах Церкви. Сегодня в Церкви нет правила готовить взрослых ко Крещению каким-то строго установленным образом, как нет и правила крестить их вместе в один день (раньше таким днем была Пасха). Каждый священник

согласно своей пастырской совести испытывает веру и разумение желающего креститься. Если он считает, что пришедший еще не готов к принятию Таинства, что у него нет веры, а креститься он хочет, допустим, из любопытства, то Крещение может и должно быть отложено. Священник может пригласить такого человека на беседу и подготовить его к вступлению в Церковь, объяснив истины, которые заключаются в Символе веры.

Что надо приготовить к Крещению? В первую очередь, нужен **крестик.** Его можно купить в храме. Но у многих уже есть какой-то крестик, часто это семейная реликвия или подарок. Такой крестик надо предварительно показать священнику, и он определит, правильно ли крестик сделан. Православный крест обычно бывает восьмиконечным, то есть имеет три перекладины. Верхняя короткая, на ней помещается сокращенная надпись «Иисус Назорей Царь Иудейский». Средняя самая длинная. Нижняя косая, тоже короткая, левый от нас конец этой перекладины выше, чем правый.

Православная Церковь не отвергает и четырехконечных крестов, у которых только одна перекладина — длинная средняя. Крестик может быть с изображением распятия или без него. На православном изображении распятия ступни ног располагаются рядом друг с другом.

Для крестика нужна ленточка или цепочка. Ее нужно предварительно померить, чтобы она легко одевалась через голову.

Нужна также **крестильная рубашка**. Она должна быть белого цвета как знак чистоты.

Перед крещением и дети, и взрослые раздеваются и во время молитв стоят, закутавшись в длинную простыню (или покрывало), которую хорошо принести с собой заранее.

Нужно привести с собой крестных. Они обязательно должны быть верующими. По русской традиции крестных бывает двое:

женщина и мужчина, но обязателен лишь один. Для мальчика это мужчина, для девочки женщина.

СОВЕРШЕНИЕ КРЕЩЕНИЯ

На купели устанавливаются и зажигаются три свечи, священник в белом облачении выходит к крещаемым и начинает молитвы на наречение имени. В первой молитве впервые произносится имя, которое дается младенцу. В молитве он просит, чтобы свет лица Господня знаменовался на младенце (здесь называется имя). Затем священник благословляет младенца и просит Господа, чтобы крест, которым крещаемый «знаменуется», был и в сердце, и в мыслях его, чтобы он уходил от мирской суеты и следовал повелениям Господним.

Надо сказать, что в Православной Церкви установился обычай давать имена не любые, а в честь святых. Список этих имен печатается в православном календаре каждый год. Поэтому, даже если родители выбрали и записали в свидетельстве о рождении неправославное имя (например, Илона, Руслан и т.п.), надо посоветоваться с батюшкой, как выбрать имя.

Взрослые приходят к началу Крещения, уже раздевшись и накрывшись длинной простыней или покрывалом.

Первое священнодействие Крещения — это возложение руки в знак защиты и благословения. Рука священника здесь — это рука Самого Господа, Который с этих пор берет под Свою особую защиту и покровительство пришедшего к Нему человека.

В чине оглашения три молитвы, в которых Церковь в лице священника запрещает великим и страшным Божиим именем дьяволу и нечистым духам строить козни крещаемому и гонит их прочь.

После того, как нечистый дух изгнан и заклят именем Божиим, настает время человеку самому отказаться от него. Священник

поворачивает и крестных, и их крестника лицом на запад, то есть символически — ко тьме, в которой живут злые духи.

Следующие вопросы надо знать и крестным, и крестнику, потому что на них нужно сознательно отвечать.

Священник:

— Отрекаешься ли ты от сатаны, и от всех дел его, и от всякого служения ему, и от всякой гордыни его?

Крестник или крестный (за ребенка):

— Отрицаюсь.

Эти вопрос и ответ повторяются трижды.

Тогда священник говорит:

— Дунь и плюнь на него.

Плевок — это знак крайнего презрения. Сатана побежден силой Божией, христианину нечего его бояться и для того, чтобы показать, что он не боится мести сатаны, крестник или его крестный дует и плюет (слегка, потому что это все-таки символ, и презрение не зависит от количества слюны) на сатану.

Священник велит повернуться после этого лицом на восток, к Господу, и спрашивает:

— Сочетаешься ли Христу?

Ответ:

— Сочетаюсь.

Вопрос и ответ повторяются трижды.

После исповедания верности Христу крестник или крестный читает Символ веры: *Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя...*

Всем присутствующим раздаются зажженные свечи, и священник произносит возглас, которым начинается Божественная литургия: *Благословенно Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа...* Во время следующей ектении священник просит о том, чтобы вода в купели освятилась силой, и действием, и наитием

Святого Духа, чтобы этой воде Богом была послана благодать избавления и благословение Иордана, то есть той реки, в которой крестился Христос. Священник молится, чтобы на эту воду сошло очистительное действие Святой Троицы и чтобы она стала способной отогнать все наветы видимых и невидимых врагов.

Молится священник и о крещаемом, чтобы он сподобился стать участником смерти и воскресения Христа Бога, чтобы он сохранил благодать Крещения до Страшного Суда Божия.

Затем священник трижды благословляет воду и крестообразно дует на нее, говоря при этом: «Пусть сокрушатся образом крестного знамения все сопротивные (Богу) силы».

Так освящается вода.

В особом сосуде у священника хранится елей для Крещения. Священник окунает в него кисточку и помазывает воду крестообразно.

Затем наступает очередь самого крещаемого.

Священник говорит:

— Помазуется раб Божий (тут произносится имя, например, Александр) елеем радования во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

При этом помазываются лоб, грудь, уши, руки и ноги.

Крещение в Православной Церкви совершается погружением в воду троекратно.

Сразу после помазания елеем с крещаемого снимают одежду, крестный подводит (или подносит) его к купели, и священник погружает его со словами:

— **Крещается раб Божий** (произносится имя) **во имя Отца** (погружение), **Аминь, и Сына** (погружение), **Аминь, и Святаго Духа** (погружение), **Аминь.**

Из купели крещеного воспринимает от священника крестный (крестная). Тут же одеваются крестик и белая рубашечка, которые надо держать в этот момент наготове.

При этом поется тропарь: **Ты, Многомилостивый Христос Бог наш, Который одевается светом, как ризой, подай и мне светлую ризу** (в переводе). Момент этот очень важный. Светлая рубашка или риза символизирует новую одежду души, полученную от Бога в Таинстве крещения. Перед началом его была снята старая одежда, как груз греха, к которому уже не надо обращаться, а из купели вышел новый человек — ему нужна и новая одежда, светлая и чистая.

ТАИНСТВО МИРОПОМАЗАНИЯ

Таинство Миропомазания сейчас совершается вместе с Таинством Крещения, сразу следом за ним. Миропомазание есть Таинство, в котором верующему при помазании освященным миром частей тела во имя Святого Духа подаются дары Святого Духа, возвращающие и укрепляющие в жизни духовной.

Миропомазание совершается тотчас после погружения в купель. Священник читает молитву, в которой благодарит Господа за очищение, освящение и рождение от воды и Духа нового члена Церкви и просит дать через Миропомазание печать дара Духа Святого. Эта печать Господня охраняет нас и защищает.

Святое **миро** (миро — благовонное масло, освященное Патриархом) освящается один раз в несколько лет и затем рассылается по приходам для совершения Таинства миропомазания. Оно хранится в крестильном ящичке священника вместе с другими принадлежностями, необходимыми для Крещения и Миропомазания.

СОВЕРШЕНИЕ ТАИНСТВА МИРОПОМАЗАНИЯ

Обмакнув кисточку в сосуд с миром, священник помазывает крестообразно лоб, глаза, ноздри, губы, уши, грудь, руки и ноги и при каждом помазании возглашает: **Печать дара Духа Святаго. Аминь.** «Аминь» вместе со священником произносят и крестные, и крестники.

Затем крестники и крестные во главе со священником трижды обходят вокруг купели с пением стиха: **Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся. Аллилуия,** по-русски: «Крестившиеся во Христа, во Христа облеклись. Славьте Бога!». Во время крестного хода вокруг купели все держат горящие свечи.

Сразу после шествия читаются Апостол и Евангелие.

В раннехристианские времена новокрещеный ходил в светлой одежде, которую ему одевали после купели, целую неделю. Святое миро также оставалось на его теле в тех местах, где им помазывали, целую неделю. В это время он слушал объяснения Таинства святой Евхаристии и готовился к Причащению Святых Христовых Таин. По истечении недели он приходил к епископу, и миро омывали.

Сейчас все происходит в один день. После чтения крещальных Апостола и Евангелия и некоторых молитв священник берет специальную губку, обмакивает ее в купель и отирает ею те места на теле, которые он недавно помазывал святым миром. Печать дара Духа Святого, которая видимым образом была обозначена миром, теперь остается в сердце христианина.

При омовении священник говорит крестнику: **Ты оправдался. Просветился. Освятился. Омылся. Именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего…**

— Ты крестился. Просветился. Миропомазался. Освятился. Омылся: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Пострижение волос — это с древнейших времен символ и послушания, и жертвы. Например, чинопоследование вступления в монашеский чин так и называется «постриг».

В предварительной молитве священник прославляет Бога за то, что Он дал человеку Свой образ и создал человека с прекрасным телом и душой, и всякая часть его наполнена красотой и смыслом. Выше же всего поместил голову, и в ней — множество чувств, не мешающих друг другу.

С головы новокрещеного священник состригает несколько прядей волос как жертву и посвящение его Богу.

Произнося слова: **Постригается раб Божий** (здесь называется имя) **во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа,** священник специальными ножницами состригает прядки волос с головы постригаемого крестообразно в четырех местах: на затылке, у лба, с правой и левой стороны головы.

В это время крестный или прислуживающий священнику человек готовит комочек воска, раскатав его тоненько так, чтобы в нем поместились волосы. Слепив воск в комочек вместе с волосами, крестный опускает его в купель. Иногда это делает священник или тот, кто ему помогает.

На этом последование Таинства крещения, Таинства миропомазания и обрядов, которые его сопровождают, заканчивается.

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ И МОЛИТВА НА СОРОКОВОЙ ДЕНЬ

Обычно в тот же день после того, как новокрещеные оденутся, их ведут вместе с родителями в храм для того, чтобы воцерковить, а матерей для того, чтобы прочитать над ними очистительную молитву сорокового дня после родов. И крестник, и его мать после этих молитв могут приступать к причастию Святых Христовых Таин.

Мать с младенцем стоит напротив Царских Врат, преклонив голову, а священник читает такую молитву: «Господь Бог Вседержитель, создавший всех словесных и бессловесных тварей одним Своим словом, и до того не существовавших, давший жизнь. Отец Господа нашего Иисуса Христа. Тебе молимся и Тебя просим: по Своей воле Ты спас рабу Твою *(имя матери)*, пришедшую в Святую Твою Церковь, очисти от всякого греха, и от всякой скверны и сподоби ее без осуждения причаститься Святых Твоих Таин» *(в переводе на русский)*.

Вторая часть молитвы относится к младенцу: «И рожденного ею ребенка благослови, вырасти, освяти, вразуми, сделай целомудренным, умным и добрым. Сподоби его и Своего сверхъестественного света. Потому что Ты показал ему свет природный во время, которое Ты определил. Пусть он будет сопричислен святому Твоему стаду единородным Твоим Сыном, с Которым Ты благословен, а также и *с Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом теперь и всегда в бесконечные века. Аминь*. (в переводе на русский).

После прочтения этой молитвы священник берет у матери младенца на руки, делает им крест перед Царскими вратами со словами: *Воцерковляется раб Божий* (имя младенца) *во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа*. А также: *Войдет в дом Твой, поклонится святому храму Твоему. Посреди Церкви воспоет Тебя*.

Мальчиков священник вносит в алтарь через северную дверь алтаря, обносит его вокруг престола и выносит через южную дверь. При этом он читает песнь Симеона Богоприимца, который взял на руки младенца Христа, когда Пресвятая Богородица принесла Его в Иерусалимский храм. *Ныне отпущаеши…* — песнь

Богоприимца. Затем священник дает всем присутствующим целовать крест.

КРЕЩЕНИЕ — БАНЯ ДУХОВНАЯ

Видим, что люди, вшедши в баню, омываются от скверн и пороков телесных и исходят из бани чистыми и одеянными в белую одежду. Так христиане, вшедши в баню святого Крещения, омываются от скверн греховных, очищаются и освящаются и одеваются пресветлою и драгоценною правды Христовой одеждою, яко порфирою царскою; и делаются сынами Небесного Царя и наследниками Небесного царствия; и исходят оттуда чисты, святы, праведны, как говорит апостол: *омыстеся. освятистеся, оправдистеся именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего* (1 Кор. 6, 11). Поэтому святое Крещение называется от апостола банею пакибытия (Тит. 3, 5)

(Из книги «Сокровище духовное» свт. Тихона Задонского, ч. 3)

БЛАГОДАТНАЯ СИЛА КРЕЩЕНИЯ

В житии святого мученика Порфирия, память которого совершается 15 сентября, повествуется следующее.

Римский император Юлиан, бывший христианин, отступил от Христа и хотел восстановить в своем царстве идолопоклонство, а христианство уничтожить. Кроме жестоких мучений, которыми Юлиан хотел принудить христиан изменить своей вере, он употреблял также публичные насмешки над священнослужением

и обычаями христианскими. В то время был при царе один комедиант по имени Порфирий, который лицедействовал перед царем и в угоду ему кощунствовал над свершением христианских священнодействий. Однажды он, желая осмеять Таинство крещения, кощунственно совершал христианские обряды, при этом Таинстве употреблявшиеся, и сам вошел в воду, погрузился в ней троекратно, по образу Крещения христианского, с призыванием Отца, Сына и Святого Духа. И что же? Неверный кощунник тотчас почувствовал в себе присутствие благодати Божией, переродился внезапно и из неверного сделался верующим христианином. В духовном озарении небесным светом Порфирий тут же исповедал Христа Богом, укорил царя-богоотступника и его нечестивую веру. Преданный жесточайшим мукам, святой Порфирий был усечен мечом, стяжав себе милостию Божиею славный венец мученика.

Издание 2-е
2007 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 546

Богочеловек Иисус Христос

Тропарь праздника Рождества Христова

Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащие звездою учахуся Тебе кланятися, Солнцу правды и Тебе ведети с высоты Востока: Господи, слава Тебе.

С Рождеством Христовым!

Дорогие братия и сестры, усердные почитатели и благотворители святой Псково-Печерской обители!

От имени Духовного Собора Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря от всей души приветствуем вас с великим и святым праздником Рождества Христова и с грядущими Новолетием и Святым Богоявлением!

Свет Вифлеемской звезды да озарит Ваши души и снизойдет на них мир и благоволение Божие.

Сын Божий сошел с Неба на землю и стал человеком.

Неприступное Божество стало видимо и доступно человеком в лице Иисуса Христа.

Невместимый вмещается в ясли и Всемогущий повивается пеленами. Некогда было сказано Богом: «Не бо узрит человек лице Мое и жив будет» (Исх. 33, 20). Ныне же возвещается всем: «Не бойтеся! Се благовествую вам радость велию, яже будет всем людем... яко родися вам днесь Спас, Иже есть Христос Господь, во граде Давидове» (Лк. 2, 10-11).

Радость велия – яко с нами Бог!

Радость велия – и ангелы ликуют с человеки! Радость велия – и дети воспевают Младенца Христа.

Благодарение Господу, ниспосылающему ныне нам свои богатые и обильные милости.

Преискренне желаем вам от Господа неоскудеваемых милостей и всякого благополучия в новом лете.

Не унывайте в скорбях и искушениях, а утешайте себя надеждою на всегдашнюю помощь благодати Божией, благодушествуйте в терпении, со смирением друг друга тяготы носите и чтите взаимной любовью и снисхождением, и Господь мира пребудет с вами.

И да подаст вам родившийся Богомладенец Христос радость велию и нескончаемую, здравие душевное и телесное, и поможет вам во всех благих начинаниях и делах, и приведет вас к Невечернему Свету Царствия Своего!

Духовный собор
Псково-Печерского монастыря

Богочеловек Иисус Христос

Какое дивное сочетание двух совершенно противоположных понятий в одном слове: “Богочеловек!..”. Мир не мог прийти к этой мысли. Эта мысль не явилась бы, если бы не было явления Богочеловека. Мысль существует потому, что существовало Лице. Одного только Иисуса Христа мы признаем совершенным Богом и вместе совершенным человеком, кроме греха. В этом согласно убеждают нас Евангелисты и Апостолы. А в IV веке особенно наглядно представлял это преподобный Ефрем Сирин. Он спрашивал:

«Если Иисус Христос не был плотию, *то Кого же родила Пречистая Дева Мария?* А если не Бог Он, *то Кого архангел Гавриил называл Господом?»* (Мф. 1, 25; Лк. 2, 7; 1, 28).

«Если не был Он плотию, *Кто возлежал в яслях?* И если не Бог Он, *Кого славили ангелы?»* (Лк. 2, 7, 13).

«Если не был Он плотию, *Кто был повит пеленами?* И если не Бог Он, *в честь Кого явилась звезда и указала место Его рождения?»* (Лк. 2, 7, 9).

«Если не был Он плотию, *Кого держал в объятиях Симеон?* И если не Бог Он, *Кому было говорено: «Ныне отпущаеши раба твоего, Владыко?»* (Лк. 2, 28-29).

«Если не был Он плотию, *Кого взял Иосиф и бежал во Египет?* И если не Бог Он, *на Ком исполнилось пророчество: «Из Египта воззвах Сына Моего»* (Мф. 2, 14-15).

«Если не был Он плотию, *Кого крестил Иоанн?* И если не Бог Он, *о Ком Бог Отец провещал: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих?»* (Мк. 1, 9-11).

«Если не был Он плотию, *Кто взалкал в пустыне*? И если не Бог Он, *Кому служили ангелы?*» (Мф. 4, 2, 11).

«Если не был Он плотию, *Кто зван был на брак в Кане Галилейской?* И если не Бог Он, *Кто претворил воду в вино?*» (Ин. 2, 2-11).

«Если не был Он плотию, *Кто в пустыне брал в руки хлебы?* И если не Бог Он, *Кто пятью хлебами и двумя рыбами напитал 5 тысяч мужей, кроме жен и детей?*» (Мф. 14, 19-21).

«Если не был Он плотию, *Кто спал в корабле?* И если не Бог Он, *Кто запретил волнам и морю?*» (Мф. 8, 24-26).

«Если не был Он плотию, *с Кем вкушал Симон Фарисей?* И если не Бог Он, *Кто отпустил грехи кающейся грешнице?*» (Лк. 7, 36-48).

«Если не был Он плотию, *Кто носил человеческие одежды?* И если не Бог Он, *Кто исцелил кровоточивую прикосновением к Его одежде?*» (Мк. 5, 28-29; Ин. 13, 4).

«Если не был Он плотию, *Кто плюнул на землю и сотворил брение?* И если не Бог Он, *Кто брением даровал прозрение очам?*» (Ин. 9, 6-7).

«Если не был Он плотию, *Кто плакал при гробе Лазаря?* И если не Бог Он, *Кто повелел четырехдневному мертвецу выйти из гроба?*» (Ин. 11, 35, 43-44).

«Если не был Он плотию, *Кого взяли иудеи в саду?* И если не Бог Он, *Кто словом "Аз есмь" поверг их на землю?*» (Ин. 18, 1-6).

«Если не был Он плотию, *Кто предстал на суд Пилату?* И если не Бог Он, *Кто во сне устрашил жену Пилата?*» (Ин. 18, 29; Мк. 15, 1; Мф. 27, 11, 19).

«Если не был Он плотию, *с Кого воины совлекли одежды и делили их?* И если не Бог Он, *почему с распятием Его затмилось солнце?*» (Мф. 27, 28, 45; Мк.15, 33; Лк. 23, 45).

«Если не был Он плотию, *Кто распят был на кресте?* И если не Бог Он, *Кто поколебал землю в основаниях?*» (Лк. 23, 33; Ин. 19, 18; Мф. 27, 51).

«Если не был Он плотию, *у Кого руки и ноги пригвождены были ко кресту?* И если не Бог Он, *отчего раздралась завеса церковная, разселись камни, отверзлись гробы?»* (Мф. 27, 51-52).

«Если не был Он плотию, *Кто висел на кресте среди разбойников?* (Ин. 18, 10-19). И если не Бог Он, *как же сказал разбойнику: "днесь со Мною будешь в раи?"*» (Мк. 15, 27; Лк. 23, 33, 43).

«Если не был Он плотию, *Кто, возопив, испустил дух?* (Ин. 19, 30; Лк. 23, 46; Мк. 15, 37; Мф. 27, 50). И если не Бог Он, *от Чьего гласа многие тела усопших святых восстали?*» (Мф. 27, 52).

«Если не был Он плотию, *Кого жены видели полагаемым во гроб?* И если не Бог Он, *то о Ком сказали им ангелы: "Воста, несть зде?"*» (Мк. 15, 47; 16, 6; Лк. 24, 6; Мф. 28, 6).

«Если не был Он плотию, *у Кого Фома осязал язвы гвоздиные?* И если не Бог Он, *Кто вошел в горницу дверем затворенным?*» (Ин. 20, 19, 27).

«Если не был Он плотию, *Кто вкушал на море Тивериадском?* И если не Бог Он, *по Чьему повелению наполнились мрежи рыбами?*» (Ин. 21, 6-13; Лк. 24, 43).

«Если не был Он плотию, *Кого Апостолы видели вземлемым на небо?* И если не Бог Он, *Кто взыде в воскликновении святых ангелов и к Кому вещал Отец: "Седе одесную Мене?"*» (Лк. 24, 51; Мк. 16, 19; Пс. 109, 1).

Называя Иисуса Христа Богочеловеком, мы должны уяснить себе понятие о Нем. Следуя откровению слова Божия, мы должны разуметь Богочеловека, как соединившего в едином лице нераздельно и неслиянно естества — Божеское и человеческое, — ходатая Бога и человеков (Ин. 2, 1; Рим. 8, 34; 1 Тим. 2, 5). Вся цель Его жизни была — творить волю пославшего Его Отца (Ин. 5, 30). Исполняя волю Отца, Он постоянно молился Ему о помощи: молился при Своем крещении; много раз утром, встав весьма рано, Он выходил из дома в пустынное место и там молился; иногда всходил на гору помолиться; пред избранием Апостолов Он провел всю ночь

в молитве к Богу; после насыщения пяти тысяч народа молился ночью на горе; иногда на молитве Его в уединенном месте были с Ним и Апостолы; Он научил их молитве “Отче наш”; к Нему приносили детей, чтобы Он помолился о них; пред Своим преображением Он взошел на гору помолиться; молился у гроба Лазаря; молился об апостоле Петре, чтобы не оскудела вера его; молился после Тайной Вечери; молился в саду Гефсиманском, преклонив колена, пав на лице Свое, пав на землю, три раза становился на молитву и молился до кровавого пота; молитвою победил Он страх души Своей пред грозящими страданиями и ужасом смерти; наконец, среди жесточайших мук Он молился за распинавших Его. Короче сказать: жизнь для Него состояла в общении с Богом. Молясь Сам, Он учил и людей — всегда молиться и не унывать, молиться за обижающих, молиться, чтобы избежать грядущих бедствий и не впасть в искушение.

В отношении к людям Он был любящим, послушным сыном, трудился некоторое время в мастерской Иосифа, был верным другом, никогда ни на минуту не подумал Он о Себе, никогда не искал ничего для Себя. Единственное желание Его — спасти людей, примирить их с Богом и с самими собою. Спокойно, простым языком Он говорил с народом, с женщинами, с знатными и сильными. Он не чуждался общества: по приглашению участвовал в трапезе и у фарисея, и у мытаря; видел во всяком брата; называл Себя всего чаще Сыном Человеческим, не отталкивал язычников, любил всех и постоянно питал в Себе думу о скорбях и бедствиях человечества, скорбел и плакал. Из уст Его выходили иногда слова суровые, но никогда слова презрительные. Преданность к Богу и любовь к людям — главные черты Его характера. Чудеса творил Он по чувству милосердия; в них не было никакой суетности; ни одного чуда не сделано напоказ людям. Он всегда старался, чтобы чудеса Его не производили шума, запрещал говорить о них, отказывал в чудесах тем, которые хотели их из пустого любопытства. Все чудеса

прикрывались покровом смирения и составляли собою цепь благодеяний страждущему человечеству. Все величие Его чудес заключалось не в сверхъестественной власти Его, а в проникающем их милосердии. Всю жизнь боролся Он с нравственными недугами человечества. И что же? Он возвещал мир — Его встречали злоба и вражда; Он проповедовал любовь — Ему отвечали ненавистью; Он был кроток и смирен сердцем — на Него нападали как звери; Он благодетельствовал людям — они предали Его на смерть. И посмотрите, как умирает Он от злобы и ненависти людской: ни одного слова ропота, укора, осуждения, проклятия,— все та же вечная кротость, любовь и молитва о людях. Вот великий, вечный образ Богочеловека!

В живом благоговении пред Его спасительной деятельностью апостол Павел писал однажды: “Братия святые, участники в небесном звании, уразумейте Посланника и Первосвященника исповедания нашего — Иисуса Христа (Евр. 3, 1).

Братия святые… Кого это зовет апостол Павел так любезно и вместе так почтительно? Поверите ли, что нас? Или мы скажем, что апостол Павел никогда нас не видал, с нами не беседовал и писем к нам не писал? Правда, святой Павел обращался с этими словами первоначально к евреям, уверовавшим во Христа, но Бог поставил его Апостолом не для одних евреев, а для всех народов и для всех времен, следовательно, слова его относятся и к нам: мы для него братия. Мало сего: Апостол уверяет, что и Сам Сын Божий не стыдится братиями называть нас (Евр. 2, 11). И посему Апостол так трогательно умоляет нас: Уразумейте (хорошо поймите) Иисуса Христа!.. Ах, братия! уразуметь Его вполне и совершенно — невозможно, потому что Иисус Христос не только в божественном существе Своем, но и в таинстве Своего воплощения непостижим. Мы должны знать хотя то, чему учат нас Евангелисты и Апостолы, т. е. разуметь Господа Иисуса, как Единородного Сына Божия, Единосущного Богу Отцу и Святому Духу, истинного Бога, всемогу-

щего, всеблагого, всепремудрого. Мы должны разуметь в Господе Иисусе Посланника исповедания нашего, Который без сравнения выше всех посланников Божиих, не только земных, каковы были Моисей и пророки, но и небесных, каковы суть ангелы, посылаемые на служение для тех, которые хотят наследовать спасение. Господь Иисус первый дал нам понятие о Боге, как Отце нашем, так возлюбившем мир, что и Сына Своего Единородного отдал, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.. Чрез Господа Иисуса молитвы наши невозбранно восходят к Отцу Небесному. Наконец, мы должны разуметь в Иисусе Христе Первосвященника исповедания нашего, вечного Архиерея, Который принес Самого Себя в жертву о грехах наших, Который послал Церкви Своей Святого Духа, вся исполняющего благодатною силою, и Который одесную Бога Отца непрестанно ходатайствует о нас.

Таково Евангельское, Апостольское, Соборное исповедание, так мы должны разуметь Господа Иисуса Христа! При таком разумении о Нем, очевидно, что в Нем наша жизнь, в Нем наша сила, в Нем наше всецелебное врачевство для души и тела, в Нем наше благо настоящее и блаженство будущее. Без Него человечеству угрожает вечная смерть!

И посему будем притекать к Господу Иисусу Христу и в святом храме Его, и в своем сердце; будем прилежать к молитве, дабы она могла, наконец, обратиться в непрестанную беседу сердца с Ним; будем хранить живую веру в Него,— и мы, по мере верности в сем подвиге, непременно почувствуем благодатную силу, от Него исходящую и исцеляющую вся, и еще на земле будем радоваться радостию неизреченною и преславною (1 Пет. 1, 8). Аминь.

(Составлено по преподобному Ефрему Сирину, митрополиту Филарету и другим богословам).

Печатается по изданию обители св. Пантелеимона.– 1906.– № 333 (Издание второе)

Великая ночь! Священная ночь! Спасительная ночь! Тогда как все спали, кроме пастырей, и никто не помышлял о великом событии, на землю сошел Единородный Сын Божий, Которым все сотворено. И как сошел! Тихо, незаметно, *как дождь на руно, или капля, каплющая на землю* (Пс. 71, 6). Не окружает Его величие небес, нет: *Он Себе умалил, зрак раба прием, в подобии человечестем быв* (Ср.: Флп. 2, 7), и не сияет Он *неприступным светом* Божества (Ср.: 1 Тим. 6, 16): Он — слабый Младенец, хотя и содержит Сам небо и землю; Он повит пеленами; Он испускает вопль плача, как мы; Он даже в яслях — потому что не нашлось для него места в доме. *Зане не бе им места в обители* (Лк. 2, 7). Сияет, правда, невдалеке небесная слава: Архангел благовестит; да множество Воинств Небесных, окруженных небесным светом, являются не спавшим пастухам и объявляют им, какое великое и всерадостное событие совершилось в эту ночь! Но Сам Царь Ангелов не допускает им сиять небесным светом при Своих яслях, Сам — в уничижении *нашего ради спасения*[1]*:* так могут ли окружать Его в небесной славе — рабы Его? Если они явились в небесной славе пастырям, то для того, чтобы уверить их, что весть о рождении Спасителя миру принесена ими с неба, значит, весть истинная, несомненная.

Сын Божий пришел с неба на землю за нами, чтобы нас, погибавших на земле, возвести на небо, на жизнь бесконечную, на радость святым Ангелам.

[1] *Ср.: Символ веры*

Итак, братия, *Христос родися — славите; Христос низшед с небес — встречайте; Христос на земли — возноситеся и веселием воспойте людие*[1]. Ныне родился наш Спаситель: как нам не петь в веселии, как не торжествовать, как не возноситься от земли на небо? Пастыри поклоняются Богомладенцу; волхвы спешат с дарами к Новорожденному и подносят Ему злато, ливан и смирну. А мы что принесем? Каждая из сотворенных Им тварей приносит Ему дар: *Ангелы — пение; небеса — звезду; земля — вертеп и ясли; пастырие — чудо; волхвы — дары* и человеческий род — *Матерь Деву*[2]. Это тогда, при рождении, а теперь — при торжественном воспоминании дивного рождения Великого Божественного Младенца — что мы принесем Ему? Что же? (Он не нуждается в дарах вещественных: Творец всего не принимает угождения от рук человеческих, потому что Сам дает всем живот, и дыхание, и все.) Нет для Него от нас дара приятнее, как чистое сердце; а как сердце, по свидетельству Слова Божия, есть душа наша — то значит, нет для Него дара приятнее от людей, как их душа чистая, верная, добрая, отвечающая на любовь любовью, на благодеяния признательностию, на призывание — усердным последованием. Потому ныне особенно будем внимательны к себе, к своему сердцу и заставим его почувствовать всею силою, всею крепостию его величие Божией любви к людям, ради которой Он *не пощадил* и *Сына Своего* Единородного, *но за* них *всех предал Его* (Ср.: Рим. 8, 32); углубим в сердце эти великие слова Спасителя о любви Божией к миру: *Тако возлюби Бог мир,*— говорит Он,— *яко и Сына Своего Единороднаго дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16). И ответим на эту любовь Божию своею любовию. И вот Этот Сын Божий, данный нам, Тот Самый, Который, *приняв зрак раба* (человека) (Ср.: Флп. 2, 7) и став подобным нам *по всему* (Ср.: Евр. 2, 17) человеком, лежит ныне в яслях, повитый пеле-

[1] *Ср.: Ирмос 1-й песни канона Рождества Христова, гл. 1-й.*
[2] *Ср.: Стихира на "Господи, воззвах" праздника Рождества Христова, гл. 2-й.*

нами. Приидите же, люди, к этим яслям и припадите к Лежащему в них и во смирении сердца скажите: Тебя, Единородный Сыне и Слове Божий, позвали с неба грехи наши и Твоя безмерная любовь к нам. Нет у нас ничего, что мы достойное Тебя могли бы принести в дар Тебе: мы — Твои твари, и все, что у нас,— Твое, но знаем, что было бы приятно Тебе от нас получить в дар сердце наше, знаем, чего ищешь в нас: *сыне, даждь Ми твое сердце* (Ср. Притч. 23, 26). Дорогой-то для Тебя был бы от нас дар, но в редких из нас он есть, хотя бы и каждый мог, при помощи Твоей, принести его Тебе. Итак, принесем же Ему сердца чистые; да вознесется к Богомладенцу молитва искренняя от *сердца сокрушенного и смиренного* (Пс. 50, 19). Итак, *созижди* в нас *сердце чистое* (Пс. 50, 12) — и мы принесем его Тебе в дар. А кроме его нет для Тебя у нас дара. А мы же, с своей стороны, будем стараться, при помощи Твоей, очищать его от всякой скверны. Аминь. Будем усердно молиться Ему, Богу сердец, чтобы Он дал нам сердце чистое, и всячески будем стараться очищать сердца свои от всякого греха, от всякой страсти, от всякой привязанности страстной к чему-либо житейскому, от помыслов сомнения, маловерия, неверия, лукавства, хулы.

Св. праведный Иоанн Кронштадтский
Творения: Дневник. Том II: 1859-1860

2003 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография» с готовых диапозитивов
Тираж 3000 экз. Заказ № 3453

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 547

Выпуск 5

Утешение в смерти близких сердцу

Камо убо души ныне идут; како убо ныне тамо пребывают; желах видети таинство, но никтоже доволен поведати: еда и они поминают свом, якоже и мы оным; или они прочее забыша плачущим их, и творящим песнь: Аллилуиа.

Никтоже бо тамошних паки оживе, да речет нам, како пребывают, иже иногда братиа и внуцы тамо предварившие ко Господу; темже множицею присно глаголем: еда есть тамо видети друг друга; еда есть тамо видети братию; еда есть тамо вкупе реши псалом: Аллилуиа.

Разжигаемся токмо слышаще, яко есть тамо свет вечный, тамо источник живота нашего, и тамо наслаждение вечное: тамо есть рай, о немже всякая душа праведных радуется; снидемся вси во Христе и мы, да сице возопиим вси Богу: Аллилуиа.

Погребение священников

Утешение в смерти близких сердцу

Поясним, сколько можем, то состояние, в каком находятся усопшие от минуты смерти до минуты Страшного Суда Божия.

Итак, что же бывает с душою после разлуки ее с телом? Об этом мог бы рассказать Лазарь, или сын вдовы Наинской, или дочь Иаира, воскрешенные Спасителем. Могли бы рассказать и другие мертвецы, воззванные опять от смерти к жизни; мог бы, например, сказать преподобный Афанасий Печерский, на третий день восставший из гроба; но из них никто, никто о том ничего не сказал. Сколько ни просили преподобного Афанасия открыть что-нибудь о жизни за гробом, он ничего не сказал, а заметил только: «Если я вам скажу, вы не поверите мне и не послушаете меня. Кайтесь каждый час и молитесь… и больше не спрашивайте меня ни о чем… Простите меня»,— заметил он и затворился в пещере, где провел еще двенадцать лет (Память его 2/15 декабря). Итак, нет нам вести оттуда: небо — высоко; оттуда не слышно; могила и близка, да молчалива. А как бы нам хотелось узнать что-нибудь о состоянии усопших, и как, может быть, и некоторые из них желали бы нам поведать о своей участи за гробом! Но пусть и мы хотим, пусть и они желают, но ни они передать нам, ни мы принять от них всех подробностей той жизни никак не можем, потому что мы живем под такими условиями, которые для них не существуют, каковы, например, время и место; а они живут под своими условиями, которые для нас непостижимы. Как вы объясните младенцу, едва имеющему отличить левую руку от правой, как объясните ему, что такое, например, земля и что такое воздух и т. д.? Сколько ни объ-

ясняйте ему, он ничего не поймет, потому что все это пока выше его понятий, и вы сами, как ни хорошо знали бы то, что хотели бы сообщить ему, не в состоянии были бы высказать ему что-нибудь по его силам, ясно и вразумительно. Мы объясняем большею частью посредством примеров, сравнений и т. п. Но с чем вещественным сравнить духовное, с какими годами сравнить вечность? Вот почему, между прочим, усопшие ничего не могут сообщить нам о себе! Они не могут передать нам вразумительно для наших понятий, да и мы, если бы они стали передавать нам, не могли бы понять того, что бы они нам сообщали.

Вот почему и апостол Павел говорил о себе: «Знаю человека во Христе, который (в теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю, Бог знает) восхищен был в рай и слышал неизреченные слова, которые человеку нельзя пересказать». Вот почему и Сам Христос сказал Никодиму: *Если Я сказал вам о земном, и вы не верите: как поверите, если Я буду говорить вам о небесном!* (2 Кор. 12, 2, 4; Ин, 3, 12).

Впрочем, как ни непостижимы для нас тайны жизни загробной, но то, что нужно нам знать, то открыто для нас. Вместо усопших говорит нам о них святая Церковь, говорят о них святые отцы и учители Церкви; а были даже случаи, когда и сами усопшие отверзали уста свои, чтобы высказать нечто живым о себе и о своей участи за гробом.

Итак, вот что говорит о жизни за гробом святая Православная Церковь: «Души, изшедшие от телес человеков, при смерти покаявшихся, но не сотворивших плодов достойных покаяния, удержаны бывают на мытарствах». Но прежде последнего суда ни праведные, ни грешные не получают совершенного воздаяния, хотя и не все души находятся в одинаковом состоянии и не в одно и то же место отсылаются; души умерших блаженствуют или мучаются по своим делам. Разлучившись с телами, они тотчас переходят или к радости, или к печали и скорби, впрочем, не чувствуют они ни совершенного блаженства, ни совершенного мучения. Ибо совер-

шенное блаженство или совершенное мучение каждый получит по общем воскресении, когда душа соединится с телом, в котором жила добродетельно или порочно.

Вот что сказали о состоянии душ усопших Ангелы преподобному Макарию Александрийскому. В продолжение двух дней по смерти тела душе позволяется вместе с находящимися при ней Ангелами оставаться на земле, где хочет. Почему душа, любящая свое тело, скитается иногда около дома, в котором разлучилась с телом, иногда около гроба, в котором положено тело, и так проводит два дня, как птица, ища гнезда себе. А добродетельная душа посещает те места, в которых имела обыкновение творить правду. В третий день Спаситель повелевает вознести ее на небеса для поклонения Богу. Вот почему в третий день Церковь совершает приношение и молитву за нее.

После поклонения Богу повелевается от Него показать душе различные обители святых и красоту райскую. Душа все это рассматривает шесть дней, удивляясь и прославляя Создателя всего — Бога... Душа грешная при виде наслаждений святых начинает скорбеть и укорять себя за то, что она сама себя лишила такого блаженства. После сего она опять возносится Ангелами на поклонение Богу. Вот почему Церковь воспоминает усопших в девятый день.

После вторичного поклонения Богу душа, по повелению Божию, отводится в ад, чтобы видеть находящиеся там места мучения. По сим различным местам она носится тридцать дней, трепеща, чтобы и самой не подпасть осуждению на заключение в оных. В сороковой день она опять возносится на поклонение Богу, и тогда уже праведный Судия определяет ей соответственное делам ее место. Вот почему в сороковой день Церковь поминает усопших.

Вот что сообщила о жизни загробной ученику преподобного Василия Нового (Память 26 марта/8 апреля), Григорию, преподобная Феодора, явившись ему по смерти своей в сонном видении. Душа, разлучившись с телом, смотрит на него, как человек

смотрит на сброшенную с себя одежду; потом она проходит различные мытарства, на которых истязаются различные грехи ее; таких мытарств число простирается до двадцати, по числу главных родов греха. А св. Кирилл Александрийский подробно описывает мытарства, или такое состояние, в которое душа сразу по смерти тела вступает и здесь задерживается и страдает, не зная, что с нею будет. Тот же святой отец подробно описывает и то живое участие, какое принимают в этом деле Ангелы добрые и демоны злые.

Преподобный Зосима Соловецкий (Память I7/30 апреля, 8/21 августа) в десятый день после кончины своей явился ученику своему Даниилу и сказал, что он уже прошел мытарства и вошел в лик преподобных.

А преподобная Афанасия явилась вскоре после кончины своей в сонном видении настоятельнице монастыря, где она подвизалась, и объявила ей: «Знай, что после сорока дней я получу уготованное место от Бога».

Преподобный Антоний Великий, будучи в духе, чувствовал себя как бы несомым по воздуху и видел, будто Ангелы несли его по воздуху, а демоны противились им, выдумывая на него различные клеветы; но когда их посрамили, путь на небо сделался свободен, и Антоний пришел тогда в естественное состояние.

Преподобный Нифонт видел в духе, как души разлучаются с телами, как Ангелы по воздуху несли душу праведную, как задержали ее на пути темные духи, находившие в ней некоторые грехи; слышал, как Ангелы спрашивали у Ангела-хранителя души, точно ли она сделала те грехи, в которых обвиняли ее духи злобные, и как Ангел отвечал, что она точно сделала эти грехи, но омыла их слезами покаяния, и тогда Ангелы изрекли следующие, отрадные для кающихся грешников, слова: «Все грешники, исповедующие грехи свои со слезами, по милости Божией могут получить прощение, а без покаяния умерших будет судить Бог». Видел он также, с какою адскою радостью нечистые духи влекли в геену огненную

ожесточенного грешника, умершего без покаяния, и какими горькими при этом слезами обливался Ангел-хранитель.

Вот еще слова отцов Церкви:

Святого Иринея: «Души умерших христиан пребывают в невидимом месте до всеобщего воскресения; по всеобщем воскресении же тела приступят к созерцанию лица Божия».

Святого Григория Богослова: «Всякая душа добрая и боголюбивая, как скоро по разрешении от сопряженного с нею тела освободится отсель, приходит в состояние чувствовать и созерцать ожидающее ее благо, а по очищении, или отложении (или еще не знаю, как и выразить) того, что ее омрачало, услаждается чудным каким-то услаждением, веселится и радостно шествует к своему Владыке».

Святого Афанасия Великого: «Самая радость, которую теперь ощущают души святых, есть наслаждение частное, как и печаль грешников есть наказание частное. И как, когда царь призывает друзей своих, чтобы разделить с ними трапезу, равно и осужденных, чтобы наказать их, званные на вечерю даже до часа вечери пребывают в радости перед домом царя, и осужденные, быв в заключении в темнице, доколь не придет царь, предаются печали: так должно думать о душах праведников и грешников, ныне переселившихся туда от нас».

Святого Амвросия Медиоланского: «Пока ожидается исполнение времени, души (усопших) ожидают себе должного воздаяния. Одних ожидает наказание, других — награда, и однако ж ни те не остаются без страдания, ни эти без наслаждения».

Если возьмем во внимание молитвы и песнопения святой Церкви, то также увидим в них подтверждение той мысли, что душа тотчас по разлучении с телом начинает проходить воздушные мытарства при живом участии Ангелов, как добрых, так и злых. Вот, например, как она о сем выражается. «Да покроет срам и студ

студная и мрачная лица вражия, егда смиренная моя душа от тела распрягается: туюжде да покрыют, наставниче мой, светлая твоя и пресвященная крила. Молю тя, хранителя моего, буди ми защитник и поборник непоборим, егда перехожду мытарства лютого миродержца» и проч.

Итак, сколь, по-видимому, ни различны сказания о состоянии усопших, а все в них заключается одна главная мысль, та именно, что каждая душа по разлучении с телом тотчас истязуется, или подвергается частному суду — «Человеком положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9, 27), проходя воздушное пространство, и потом уже, по определению Божию, получает приличное по своим заслугам место, где и остается до всеобщего Страшного суда, не слыша еще доселе решительного, неизменного для себя приговора, который бы навсегда определил участь ее.

Следовательно, усопшие походят на узников, которые, содержась под стражею, ожидают себе решительного приговора. Что же у нас бывает на земле с людьми, содержащимися под стражею? Все ли они терпят одинаково горькую участь? О, нет... Сколько родов преступлений, столько же почти родов состояния преступников. Безотрадна участь уголовных и закоренелых преступников: они, терпя несравненно более других, нередко с отчаянием и ожесточением ждут себе смерти, которою угрожает им приговор. Не так безотрадна, не так горька участь других, менее виновных преступников, и чем меньше их вина, тем чище их совесть и тем лучше их положение: они живут уже не отчаянием, а сладкою надеждою на милость, которую и получают. Подобным образом и все усопшие, там, в загробной жизни, как преступники, как бы содержатся под стражею до всеобщего суда и, смотря по степени преуспеяния их в добре или зле, и участь имеют более отрадную или более горькую. И там, как и здесь, для некоторых уже окончилась мера долготерпения и милосердия Божия; они, зная свою горькую участь и страдая то от угрызения совести, то от страха предстоящих им страшных мучений,

то от общения с ужасными силами адскими, блюдутся для вечного наказания; это нераскаянные, ожесточенные грешники, это люди, о которых Спаситель сказал: *Если кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32); это люди, неспособные даже к получению милости Божией; они еще в земной жизни погасили уже в себе дух Христов, и поэтому им и там не может быть части со святыми; они подобны тому зерну, брошенному в землю, которое еще в житнице потеряло силу растительной жизни: орошайте его сколько угодно водою, открывайте влиянию животворного солнца, оно никогда не возникнет из земли, никогда не разовьется: оно умерло, и умерло навсегда. Но есть там и другие узники, для которых милость Божия светит и за мраком могильным, это верующие в Иисуса Христа и умершие с покаянием; это люди, в душах которых, как на ниве, росли вместе и пшеница, и плевелы. Они, чувствуя угрызения совести за свои грехи и страшась мучений, предлежащих за оные, в то же время услаждаются той отрадною мыслию, что Господь помог им во время земной жизни и добро творить, за которое они с радостию ждут себе полной награды, утешаются тем, что не так далеко от них светлые Ангелы и не так близко к ним мрачные демоны. Правда, для них нет там Таинства покаяния, которым заглаждаются грехи, и, следовательно, нет собственных способов смыть те греховные скверны, которые не могут быть терпимы в царстве чистоты и правды; но чего они не могут сделать для себя, то мы, живые, можем сделать для них; можем сделать, чтобы Господь простил им и остальные грехи и удостоил их вечного блаженства.

Епископ Гермоген

Издание напечатано в ГУП «Псковская областная типография» с готовых диапозитивов.
Тираж 2000 экз. Заказ №

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКІЙ ЛИСТОК № 548

Выпуск 6

Утешение в смерти близких сердцу

Неизреченным славы Твоея получити сподоби к Тебе преставльшихся, идеже, Христе, веселящихся есть жилище и глас чистаго радования.

Последование погребения мирских человек.

По усопшим читается псалтирь не только со дня кончины, но и всегда. В святой обители читается неусыпаемая псалтирь с поминовением за живых о здравии и за усопших о упокоении.

В древние времена жертвовали через Обитель на нужды бедных. И наша святая обитель оказывает ежедневно дела милосердия нуждающимся, пользуясь присылаемыми в Обитель жертвами.

В нуждах святых принимайте участие (Рим. 12. 13).

Утешение в смерти близких сердцу

Чего усопшие не могут сделать для себя, то мы, живые, можем сделать для них. Чтобы Господь простил им грехи и удостоил их вечного блаженства. Какие же для этого есть средства у нас?

Во-первых, молитва о них, соединенная с верою. Сам Спаситель наш сказал: «Всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21, 22). И чего Он не делал одним по вере и молитве других? За что Он исцелил раба сотника, как не за веру его господина (Мф. 8, 9-13) или дочь жены хананейской освободил от мучений дьявола, как не за веру матери? (Матф. 15, 22-28). За что расслабленному отпустил грехи и исцелил, как не за веру тех, которые принесли его к Нему? (Мф. 9, 2-8). Так действовал Он во дни земной Своей жизни; так действует и доселе: ибо Иисус Христос вчера и сегодня и во веки тот же (Евр. 13, 8). Знали эту истину еще в Ветхом Завете, и живые молились об умерших.

На молитву об умерших как на благодетельное для них средство указывали многие отцы и учители Церкви.

«Когда в церкви произносят имена усопших,— говорит св. Епифаний Кипрский,— то что сего полезнее?.. Молит-

вы, совершаемые об умерших, приносят им пользу, хотя и не заглаждают всех преступлений». «Как святая Церковь научает нас о путешествующих братьях молиться с верою и упованием, что совершаемые о них молитвы полезны им: так надобно разуметь и о молитвах, совершаемых об отошедших от мира сего».

«Для умерших благодетельны поминовения,— говорит св. Ефрем Сирин.— Смотрите, вот и пример сему представляют некоторые творения Божии, как то виноград — его зреющие грозди в поле и выдавленное вино в сосудах. Когда созревают ягоды на виноградной лозе, тогда вино, стоящее в доме неподвижно, начинает пениться и волноваться, как бы желая убежать. То же бывает, кажется, и с растением луком: ибо как скоро начнет созревать лук, посаженный в поле, в то же время дает отпрыски и лук, находящийся в доме. Итак, если и растения имеют между собою такое соощущение, то не более ли для умерших ощутительны молитвенные приношения».

Второе средство помогать усопшим состоит в подавании за упокой их милостыни и в различных пожертвованиях для храмов Божиих; первое — как потому, что милостыня, подаваемая бедным, приемлется Самим Спасителем (Матф. 25, 40), так и потому, что бедные, получив милостыню, без сомнения, не оставят в молитве помянуть того, в чью память они получили подаяние и помощь; второе — потому, что отдается в жертву непосредственно Самому Богу.

Вот что говорил Иоанн Златоуст родителю-богачу, потерявшему сына, единственного наследника имения своего: «Если варвары сожигают с умершими их имущество: то тем более ты должен отослать вместе с умершим принадлежащее ему имущество, отдав его бедным, дабы оно

облекло умершего в большую славу, дабы, если он отошел отсюда грешным, разрешило его от грехов, а если праведным, увеличило его награду и воздаяние» (Беседа 31 на Матфея 9, 18—19). «Если мы хотим облегчить мучения грешника,— говорит тот же святой отец,— то будем давать милостыню, и, хотя он и недостоин,. Господь сжалится над ним... Не о гробах, не о погребальных церемониях, не о сооружении дорогих памятников надо заботиться. Поставь вокруг гроба вдовиц, вот лучшее погребальное торжество! Поведай имя его, повели всем творить о нем мольбы и моления, и сие умилостивит Бога».

«Кто творит приношение за умершего,— говорит св. Афанасий Великий,— тот ту же самую имеет цель, которую имеет и отец, у которого дитя юно и совершенно бессильно. Если дитяти случится страдать от болезни, то отец его с верою приносит в Божий храм свечи, ладан и елей для сожжения об исцелении дитяти от болезни. Дитя не сам оные держит и приносит... Так должно думать и об умерших в Бозе и держать, и приносить свечи и елей, и все то, что служит к его искуплению, и благодать Божия не отступит от намерения веры».

Наконец, третье, самое важное и сильное средство облегчить участь усопших — совершение за упокой их бескровной Жертвы. Здесь частицы, взимаемые за упокой усопшего, погружаются в спасительную Кровь Христову, а она, эта святейшая Кровь, очищает нас от всякого греха (1Ин. 1, 7). Здесь пред престолом милосердия Божия, в присутствии и при содействии Архангелов и Ангелов, Херувимов и Серафимов, служитель алтаря, облеченный силою свыше, просит милости Божией тем, за упокой которых приносится страшная Тайна. Здесь Сам Господь Иисус Христос, Который в это время есть «приносящий» и

«приносимый», таинственно нисходит с неба, закалается на св. жертвенник и тем ходатайствует пред Отцом Своим о прощении грехов усопшему. О, что же может быть выше и могущественнее сего Ходатайства! Вот почему с особенною силою указывают на средство сие святые отцы и учители Церкви.

«Если бы какой царь послал досадивших ему в ссылку,— говорит св. Кирилл Иерусалимский,— а их ближние потом, сплетши венец, принесли ему оный за терпящих наказание, то не сделал ли бы он им облегчение наказания? Таким образом и мы за усопших, если они и грешники, принося Богу молитвы, не венец сплетаем, но Христа, закланного за наши согрешения, приносим, умилостивляя за них и за нас Человеколюбца Бога. Величайшая будет польза душам тех, о ком возносится моление в то время, когда предлежит святая и страшная Жертва».

«Не напрасно указано апостолами,— говорит св. Иоанн Златоуст,— творить пред страшными Тайнами поминовение об усопших: они знали, что великая бывает от сего польза для усопших, великое благодеяние. Когда весь народ и священный собор, старцы и братия монастыря и многочисленные паломники стоят с простертыми к небу руками и когда предлежит страшная Жертва, то как не умилостивим мы Бога? Но это о тех только, которые в вере умерли».

«Как бывает,— говорит св. Афанасий,— с заключенным в сосуде вином, которое когда цветет виноград в поле, слышит запах и цветет вместе с ним, так думай и о душах грешников: они получают некоторое благодеяние от приносимой за них бескровной Жертвы и благотворения, как знает и повелевает единый Владыка живых и мертвых, Бог наш».

Епископ Гермоген

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПОКАЯНИЕ.

Вот скоро кончина настанет.
Последний и первый мой пир,
Душа моя радостно взглянет
На здешний покинутый мир.

О, горе мне будет в то время,
Расстанется тело с душой,
Ведь много я в мире грешила,
Увижу дела пред собой.

Дела мои добрые, злые
Представятся мне в этот час,
Сказать ничего не придется,
Хотя и увижу всех вас.

И демонов страшных увижу,
И будет душа трепетать,
И буду я с миром прощаться,
На помощь родных призывать.

Тогда мне родные все скажут:
«Создателя поздно призвать».
Добра кому делала много,
Ко мне тот придет провожать.

Жила ты, как солнце светила,
В бедах помогала всегда;
Теперь ты лежишь без дыханья,
Добро не умрет никогда.

А зла кому делала много,
Ко мне недоволен придет,
Глаза мои будут закрыты,
А дело худое живет.

Обмоют меня и причешут
Заботливой нежной рукой
И в новое платье оденут,
Как гостью на праздник большой.

Положат меня под иконы,
Ко мне будут люди ходить,
И вечную память, вздыхая,
Они будут мне говорить.

Зажгут пред иконой лампады,
И будут канон мне читать,
Все будут усердно молиться,
На вечную жизнь провожать.

При пеньи молитв погребальных,
При свете свечей восковых,
В торжественном важном молчаньи
Я встречу друзей и родных.

О, горе мне горькое будет.
Увижу, услышу всех я,
Но только сказать не придется;
«Простите, родные, меня.»

По улице шумной толпою
Все будут идти и рыдать,
Покрыта парчой небогатой
Я буду во гробе лежать.

Напрасно рыдаете, люди,
Конечно, вам жалко меня,
Создателю вы помолитесь;
Великая грешница я.

Быть может, по вашим молитвам
Всевышний грехи мне простит,
Миную я вечного ада
И вечно в раю буду жить.

Враги мне поклонятся низко,
Со страхом ко мне подойдут,
В чело поцелуют притворно,
Последний мне долг отдадут;

За то, что я много грешила,
Ленива молиться была,
Мирская забота от храма
Всегда отводила меня;

Пускай с торжеством опускают
В могилу безжизненный труп,
Что мира сего я не знала,
Увижу, увижу все ясно я тут.

Итак, православные люди,
Не слушайте злого врага,
Он всех нас ведет на погибель,
За гробом нам будет беда,

Введет он на вечные муки,
Которым не будет конца,
О, горе нам грешникам будет,
Что мы прогневляли Творца.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 549

Выпуск 7

Утешение в смерти близких сердцу

Многое и другое сотворил Иисус, но если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг. Аминь (Ин. 21, 25).

Весьма много и других дел совершил Иисус Христос, как Всемогущий, потому что для Него легче было делать, чем для нас говорить; но евангелисты записали только более полезное и более необходимое для веры и благочестия, в том предположении, что неверующий записанному не поверил бы, если бы и больше было записано, а для принимающего с верой всё записанное не будет никакой необходимости в большем. О, если бы и нам оказаться совершенными слугами Всесовершенной Троицы и окончить свою жизнь доброй кончиной во Христе Иисусе Господе нашем. Аминь.

Толкование на Евангелие.

Утешение в смерти близких сердцу

Не исчисляя всех свидетельств святых отцов и учителей Церкви о том, какую пользу приносят усопшим молитвы, Литургии и милостыни,– потому что их слишком много, не скроем, однако ж, и тех возражений, какие обыкновенно делают касательно молитв за усопших.

Например, говорят: если молитвы за усопших так полезны для них, то отчего же в Священном Писании нет прямого указания на то, что должно молиться за усопших? Но разве можно требовать от Священного Писания, чтобы оно непременно давало нам правило на всякий случай, на всякое доброе дело? Вспомним слова апостольские: *Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг* (Ин. 21, 25). И если нет в Священном Писании прямой, решительной заповеди молиться за умерших, то нет ведь там и запрещения на то, а этого уже и довольно для нас, чтобы молиться за них. А впрочем, вот что говорит апостол Иаков: *Молитеся друг за друга, яко да исцелееете* (Иак. 5. 16).

Тут не обозначает он ни места, ни времени, ни других обстоятельств молитвы и тем самым, очевидно, вменяет нам в непременную обязанность молиться за ближних вообще, не только за тех, которые живут с нами на земле, но и за тех, которые переселились отсюда в другой мир, мир загробный, тем более что не только мы, живущие, но и все умершие для Бога *живи суть* (Лк. 20, 38). Вот что говорит Сам Спаситель: *Если же кто скажет* (хулу) *на Духа Святаго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем* (Мф. 12, 32). Значит, есть грехи такие, которые отпускаются не только в здешней, но и в будущей жизни, а есть и такие грехи, которые не прощаются ни здесь, ни там. Понятны способы, по которым здесь отпускаются нам грехи: это – горячая молитва, соединенная с верою, глубокое раскаяние, добрые дела, некоторые Таинства и преимущественно Таинство покаяния; но какие способы для прощения грехов там, за гробом? Там нет никаких Таинств, которыми здесь очищается и освящается наша душа, там нет места ни покаянию, ни подвигам нашим, потому что здесь сеяние, а там жатва, и если при всем том для умерших возможно отпущение грехов, то как же оно возможно, если не по молитвам Церкви? Другого способа и представить нельзя. И мы уже видели прежде, что Иуда Маккавей приносил жерт-

ву за умерших воинов, и приносил с тою именно целью, *да от греха очистятся* (2 Мак. 12, 45).

Но, продолжают пытливые умы, что же значит евангельская притча о богатом и Лазаре? Тут праведный Авраам прямо и решительно сказал грешному богачу: *Между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят* (Лк. 16, 26). Не следует ли отсюда, что напрасны и молитвы наши за усопших, когда для грешника невозможен переход из ада в рай, когда *ни иже оттуду к нам преходят?*.. Нет, не следует, и вот почему.

Прежде всего мы знаем, что Сам Спаситель, по смерти Своей, нисходил душой Своею во ад, яко Бог, чтобы там возвестить победу над грехом и смертию и вывести оттуда ветхозаветных праведников и других, умерших с верою в Него, и потому, если уже был переход из ада в рай, он, без сомнения, возможен особенно стал после того, когда Господь Своею смертию и воскресением разрушил твердыни ада и извел оттуда многих.

А невозможен он будет только после всеобщего воскресения и всемирного суда Христова. Потом, кто услышал от Авраама решительный отказ в переходе из ада в рай? Великий грешник, может быть, такой грешник, которому никакая молитва не

в состоянии помочь, как не могут помочь и наши молитвы, например самоубийцам, упорным, нераскаянным еретикам и т. п. Если на небе обители *многи суть* (Ин. 14, 2), соответственно нравственному состоянию праведников – то, без сомнения, и в аде также есть свои различные обители, затворы и хранилища душ, тоже в соответствии различному нравственному состоянию грешников. В одних из этих мрачных обителей люди страдают в пламени без всякой надежды на лучшую будущность, как страдал богач евангельский и как страдают в наших темницах такие преступники, для которых по законам уже невозможно стало помилование и которым уже решительно назначена смертная казнь.

Но в других обитают люди, хоть и грешные, но умершие с верою и покаянием, как и ветхозаветные праведники,– и вот для таких-то людей, как для и ветхозаветных праведников, переход из ада в рай без сомнения, возможен, и возможен, конечно, не по их каким-нибудь подвигам в жизни загробной – они там невозможны – а единственно в силу заслуг Христа Спасителя и в силу права, дарованного Им Церкви,– права отпускать людям грехи.

Наконец, кто в евангельской притче просит об улучшении жалкой участи бедного богача? Из нее не видно, чтобы молились за него живые, с которы-

ми он некогда веселился во все дни светло: таким людям, видно, не по сердцу тихая молитва; шумное, буйное веселье – вот чего жаждет их сердце! Нет, не они, а он сам молился за себя, сам за себя ходатайствовал, а мы так и веруем, что там, за гробом, могут улучшить участь нашего близкого не его собственные там заслуги, не его собственные там подвиги, не его молитвы, а наши молитвы и милостыни,– и вот еще причина, почему евангельский богач не получил себе удовлетворения.

Значит, эта притча вовсе не может служить опровержением православного учения о молитве за умерших: что невозможно было для богача, то возможно для других.

Но что же значат,– еще предлагают вопрос,– что значат слова апостола, что Бог воздаст каждому по делам его, ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, *чтобы каждому получить* ***соответственно тому****, что́ он делал, живя в теле, доброе или худое* (2 Кор. 5, 10)? Не значат ли они то, что в загробной жизни каждый должен получить себе награду единственно по собственным, личным заслугам, какие кто успел оказать на земле, а отнюдь не по молитвам Церкви?

На этот вопрос нетруден ответ. Никто не спорит и спорить не станет, что собственные подви-

ги в жизни земной для каждого имеют значение в жизни загробной, но никто не вправе утверждать и того, будто собственные подвиги земные служат единственным средством для получения венцов небесных: иначе что же будут значить заслуги Христа Спасителя, что ходатайства святых и молитвы Церкви как о живых, так и о умерших?..

Нет, если мы молимся об усопшем, то молимся потому, что Церковь не только разрешает, но и повелевает за него молиться как за доброго, верного сына ее, и вот это и составляет уже его заслугу перед Церковью! Молимся потому, что он заслужил нашу любовь, которая собственно и движет наше сердце и уста на молитву за него, и вот это и составляет уже его заслугу пред нами!..

Значит, и молитва Церкви за усопшего, и молитва за него каждого верующего – все это его собственная заслуга, которая и дает ему право ожидать улучшения своей участи от наших молитв.

Вот как нужно понимать приведенные слова апостола. Иначе как объяснить, например, то, что Спаситель во дни земной жизни Своей делал добро одним не только по их собственным заслугам или молитвам, а также и по мере веры и молитвы других? Вот слуга сотника болен, и он не просит себе исцеления у Спасителя, а просит за него об

этом господин его, и просит, без сомнения, потому, что слуга сумел заслужить его любовь своею жизнью. И что же? Милосердый Господь, принимая в уважение как добрую жизнь слуги сотникова, так и горячую веру, и молитву господина его, исполняет желание сотника – и вот слуга выздоравливает. Подобным образом Господь внемлет и нашим молитвам об усопших, хоть они там и не могут за себя молиться, и по мере веры нашей и молитвы исполняет наше прошение: *Он вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8).

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 550

Выпуск 8

Утешение в смерти близких сердцу

Никтоже бо тамошних паки оживе, да речет нам, како пребывают, иже иногда братия и внуцы тамо предварившие ко Господу; темже множицею присно глаголем: еда есть тамо видети друг друга? Еда есть тамо видети братию? Еда есть тамо вкупе рещи псалом: Аллилуиа.

Погребение священников

Утешение в смерти близких сердцу

Еще одно слово пытливой души: вы молитесь об усопших, но кто знает?.. Быть может, один из них уже в раю и потому не нуждается в нашей молитве; другой – в такой обители ада, где уже не поможет ему никакая молитва. Итак, не напрасны ли ваши молитвы, когда вы не знаете о действенности и успехе ваших молитв? Что можно на это сказать? Можно и должно сказать вот что: молись о каждом усопшем, кто бы он ни был, праведный или грешный, молись, если только Церковь не запрещает тебе о нем молиться, молись, хоть бы ты и ничего не знал об успехе и действенности твоей молитвы, молись потому, что это – святая заповедь матери твоей Церкви, это – священная, насущная потребность твоего собственного сердца... Если усопший, о котором ты молишься, уже в раю и потому не нуждается в твоей молитве, что за беда? Твоя молитва, конечно, там не повредит ему; напротив, она порадует его и подвигнет его самого ходатайствовать за тебя пред престолом милосердия Божия. Если же усопший, о котором ты молишься, в такой обители ада, где уже невозможно улучшение его участи, то опять: что за беда? Молитва твоя никак повредить ему не может; а между тем он там ее слышит и чувствует, и, может быть, мысль, что есть еще существа, помнящие его, что не всеми еще оставлен он, эта мысль – то же для него в безотрадном его положении, что для евангельского богача – капля воды, которой просил он себе, мучаясь во пламени. Твою молитву слышит и Сам Бог, и если по этой молитве Он не облегчит тяжкой участи твоего усопшего, то, по крайней мере, наградит тебя самого, наградит непременно. Он видит, Он знает,

что в молитве твоим сердцем и устами движет единственно любовь твоя к ближнему – и какая любовь? Не земная, можно сказать, к которой больше или меньше примешивается какая-нибудь корысть, а чисто христианская, бескорыстная любовь к ближнему, потому что кто ж от усопшего станет ожидать для себя корысти? А такая ли высокая любовь не заслужит тебе награды от Того, Кто Сам – Бог есть любовь (1 Ин. 4, 8)?

Ей, заслужит!..

Вот и все главнейшие вопросы и недоумения, которые или сами собою возникают в душе при мысли о молитве за усопших, или высказываются неправомыслящими.

Здесь уместно представить несколько примеров таких, из которых бы видно было, что и сами умершие свидетельствовали иногда живым, как полезны для них молитвы верующих.

Вот что рассказывает, например, св. Григорий Двоеслов.

Один пресвитер, имевший обыкновение мыться в теплицах, однажды там нашел незнакомого мужа, который и служил ему там. Так как потом это повторялось несколько раз, то пресвитер, чтобы поблагодарить его за усердие в теплицах, принес две просфоры и предложил ему; но вот что услышал от него: «Отче, это святой хлеб. Для чего даешь мне это? Я есть не могу. Я, которого ты видишь, был некогда господином места сего, но за грехи мои здесь осужден. Если желаешь сделать для меня что-нибудь, то принеси вместо меня хлеб Всемогущему Богу и молись о грехах моих и знай, что ты услышан, когда, пришедши мыться, меня более не найдешь здесь». Сказав это, он сделался невидим. Пресвитер в течение целой недели приносил Богу каждый день за упокой его бескровную Жертву и, пришедши после того в теплицы, уже не нашел там более незнакомца.

Инок, именем Иуст, живя в монастыре, где братия имели все общее и ничего собственного, скрыл у себя три золотые монеты и за то после смерти брошен был в помойную яму и

зарыт в ней с найденными у него монетами, но спустя тридцать дней после его смерти братия, сжалившись над ним, начали совершать за упокой его Литургию и совершали тридцать дней. В последний из сих дней умерший Иуст явился родному брату своему Копиозу даже не во сне. Копиоз с любопытством спросил его: «Что, брат? Каково тебе?» – «Доселе худо было мне, но теперь хорошо»,– отвечал умерший.

Преподобная Афанасия, когда в сороковой день по кончине ее сестры, обсчитавшись днями, забыли попросить священника совершить за упокой ее Литургию, вечером того же дня явилась в сонном видении игуменье и обличила ее как за то, что она забыла сороковой день по смерти ее, так и за то, что она раздавала милостыню за упокой ее не сорок дней, как она завещала, а только девять, и в заключение сказала: «Да будет вам известно, что творимая за душу милостыня и иерейские молитвы умилостивляют Бога: если души усопших грешны, то через это они получают от Бога прощение грехов, а если чисты и праведны, то творящие поминовение сами на себя через это низводят милости Божии».

Две благочестивые девственницы имели несчастную привычку осуждать других. Сколько ни убеждал их преподобный Венедикт оставить эту привычку, угрожая даже в случае упорства отлучением их от приобщения Святых Таин, все было напрасно: с этой привычкой они и скончались. Что же после того? По смерти их многие стали видеть их в церкви, где они стояли до тех пор, пока диакон не возглашал: «Елицы оглашенные изыдите». После этого возглашения они тотчас выходили из храма. Преподобный Венедикт, узнав об этом, велел совершить за упокой их Литургию, и после этого никто не видел их ни входившими в храм, ни выходившими из храма – знак, что грех был уже прощен.

На Востоке в одном месте стали рыть землю для основания монастыря и нашли в земле двадцать тел, черных, как уголь, но нимало не тронутых тлением. Святитель, иноки и народ, желая узнать, чьи это тела, стали со слезами молить-

ся Богу, и, по их молитве один из сих несчастных восстал и сказал, что тут был некогда монастырь, что он и девятнадцать его товарищей, несмотря ни на какие убеждения и угрозы настоятеля, жили развратно, и вслед за тем попросил, чтобы двадцать иноков обещались пред Богом в течение двадцати лет, проведенных усопшими в иночестве, молиться за них Богу с приношением бескровной Жертвы. Когда же святитель с иноками изъявил на то свое согласие, усопший оградил себя крестным знамением и опять уснул сном смерти, и сразу же тело его и тела его товарищей превратились в прах, так что святитель тогда же велел ссыпать по обычаю все кости их в общую усыпальницу.

Какие все отрадные примеры, отрадные как для живых, так и для умерших! И это – отнюдь не все; их несравненно больше... Но вот в слезящемся взоре вашем я читаю вопрос: все это было давно, отчего ж теперь не бывает подобных чудесных явлений?.. Знаю, верю, что этот вопрос не плод вашего неверия: как не верить тому, что несомненно было, как не верить, например, явлениям Ангелов людям, о которых так часто упоминает Писание и Ветхого, и Нового Завета? Нет, не плод вашего неверия этот вопрос, он плод вашей горячей любви к вашему близкому усопшему, такой любви, которая хотела бы, может быть, чтобы близкий вам усопший являлся каждый день к вам с вестию о себе, его свидание с вами слишком дорого, неоцененно для вас, и вот вы спрашиваете: отчего ж теперь не бывает подобных чудесных видений? А я вас спрошу: почему же вы знаете, что теперь не бывает подобных явлений? Нет, они и теперь бывают, и вот не угодно ли вам выслушать об одном из них?

В ноябре 1851 года один святогорский инок Н., запятнавший жизнь свою вдали от Афона, утонул на обратном пути на Святую гору. Иноки святогорские, услышав о несчастной кончине его, стали молиться о нем, и вот в конце ноября 1852 г. умерший Н. явился в келлию старца С. и сказал: «Ты не пугайся меня: я не привидение, а действительно Н.» Старец

С., осмотрев его, спросил: «Да не бес ли ты?» – «Нет,– отвечал Н.,– я истинно Н.»– «А прочитай: «Да воскреснет Бог» и перекрестись,– тогда поверю, что ты не бес»,– заметил ему С. «Ты меня перекрести,– сказал на это явившийся,– ты прочитай: «Да воскреснет Бог», тогда и убедишься, что я точно Н.» С. исполнил его желание и начал читать, и когда дошел до слов: «тако да погибнут бесы от лица любящих Бога», Н. перебил С. и прочитал: «тако да погибнут грешницы от лица Бога, а праведницы да возвеселятся» (Пс. 67, 3) и, глубоко вздохнув, задумался. Потом начал просить, чтобы иноки помолились о нем. «Разве ты нуждаешься в наших молитвах»? – спросил его С.– «Ах, и еще как нуждаюсь»,– сказал Н., взявши за руку С., и, крепко сжав ее, продолжал: «Помолись обо мне, прошу тебя».– «Да я и о себе-то не знаю как молиться,– возразил ему старец,– об этом нужно духовника просить». – «И попроси,– сказал ему Н.,– попроси и всю братию, чтобы они помолились обо мне». Старец, зная, что Н., живя на Афоне, часто ссорился с братиею, предложил ему примириться с нею. Н. задумался, вздохнул и сказал: «Не то уж теперь время…» И еще попросив молитв за себя, сделался невидимым.

Так вот какие бывают и в наши дни явления! И, может быть, они бывают и нередко; только малоизвестны, потому что редко обнародываются, а обнародываются только потому, что подобные видения, служащие для верующего поучительным уроком и назиданием, неверию или даже маловерию могут подать только повод к кощунству, могут возбудить только бессмысленный смех, как предметы суеверия и предрассудков. Нет сомнения, рассказываются иногда и вымышленные какие-нибудь явления; но из этого вовсе не следует, что иногда значит всегда, подобно тому как если бы какой-нибудь факт оказался ложным, вымышленным, то отсюда никто не был бы вправе заключить, что, следовательно, вся история – вымысел, ложь. Итак, повторяю, и в наши дни бывают явления необыкновенные, чудесные, хотя бывают и

не часто, потому именно они необыкновенны, чудесны; а Бог без нужды никогда не расточает чудес. Да и многие из нас, конечно, видят иногда если не видения, то, по крайней мере, сны знаменательные, в которых нередко усопшие являются, беседуют, только мы мало обращаем внимания, потому что привыкли в каждом сне видеть не более, чем дело случая или игру так или иначе настроенного воображения, как бы совсем забывая про то, что, кроме снов обыкновенных, есть еще сны и знаменательные, в которых Сам Бог нередко открывал и открывает людям волю Свою. Не так ли?..

Да, отвечаете вы, и мы, действительно, видим иногда сны знаменательные; но во всяком случае сон совсем не то, что видение. Не много он успокаивает сердце, мало услаждает душу... То ли дело видение?.. Сколько бы усопший мог принести нам вестей из мира духовного! О, как загадочна эта страна, как таинственен этот мир!.. Сколько бы мог пролить он светлой отрады в мрачную душу!.. А то все сердце тоскует, все рвется душа... Ах, если бы в самом деле усопшие наши к нам чаще являлись!.. Не правда ли, как это было бы полезно для нас?..

Вопрос ваш труден, а потому и отвечать на него я от себя не берусь; а вот выслушайте прекрасные замечания об этом предмете одного из великих наших архипастырей. Он говорит: «И не много думая, видишь, что пользы от сообщения живых с умершими было бы мало, а вред мог бы выходить великий. Какая польза? Утешение в разлуке, успокоение сетующих, несколько менее слез на могилу, несколько тише вздохов... Скажите сами, стоит ли из-за этого поднимать завесу вечности и нарушать безмолвие гробов? И кто еще знает? Утешило ли бы нас это свидание с умершим? Не облились ли бы мы еще более горчайшими слезами, узнав о его состоянии? Не отравило ли бы это всей жизни нашей? Но положим, что свидания с умершими всегда доставляли бы некоторое утешение: думаете ли вы, однако же, чтобы они были безвредны? Я опасаюсь в сем случае за многое, опасаюсь за

живых и за умерших. Всего вероятнее, во-первых, что сообщение наше с миром духов не остановилось бы на должных пределах; многие простерлись бы до того, что отворилась бы пространная дверь гаданиям, суеверию, волшебствам, а потом и самым ужасным порокам нравственным. Такому злу именно подверглись некоторые из древних народов, у коих найдены были богопротивные средства сообщаться с миром духов, почему Моисей под опасением смерти запретил израильтянам искать сего сообщения. Во-вторых, на что обратилось бы сношение живых с мертвыми? Думаете ли, что предметом его была вера святая, любовь христианская, усовершенствование себя в терпении, в кротости? Увы, и без сообщения с миром духов можно быть заранее уверенным, что все это сообщение обращалось бы большею частию около предметов не душеполезных: и у одних оно истощилось бы в суетном любопытстве о тайнах мира духовного, знание коих нисколько не назидает душу; у других излилось бы в жалобах на свои обстоятельства, на свои недостатки, огорчения, земные неудачи; иные потребовали бы от умерших совета, как вести свои дела, выполнить то или другое свое предприятие. А как исправить свое сердце, как освободиться от страстей, как приготовиться к вечной жизни на небе – об этом, вероятно, спросили бы немногие, да и для чего спросили бы? Тоже, может быть, более из любопытства, с тем чтобы завтра забыть то, о чем спрашивали ныне. Таким образом, нравственной пользы от сообщения с миром духов мы приобрели бы мало, а между тем возможность сообщения с другим миром непрестанно возмущала бы порядок нашего мира, нарушала бы правильное течение наших дел и занятий, наших мыслей и желаний.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 551

Выпуск 9

Утешение в смерти близких сердцу

В месте светле, в лице праведных упокой, Спасе, к Тебе преставльшихся: на Тя бо упование, Человеколюбче, возложиша: приими моление о отцех и чадех, имже совершаем память: и оправди тех, яко Многомилостив.

Октоих, 1 глас, суббота.

Утешение в смерти близких сердцу

Над прахом близкого вашему сердцу соедините в одно три отрадные мысли: Бог бесконечно благ и милосерд; почивший ваш хоть и грешник, но грешник не отчаянный: жил с верою и умер с покаянием. Теперь для него нет наказания; но теперь нет для него еще и решительного приговора, и если он сам не может улучшить своей участи, то могут улучшить ее живые молитвою, милостынею и бескровною Жертвою. Смотрите же на кладбища как на нивы, засеянные почившими, и поступайте так, как поступает земледелец с зерном, брошенным в землю. Что нужно для зерна, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужно, чтобы земля для него была удобрена. Итак, если участь усопшего дорога для вас, не щадите избытков вашего состояния, считайте их, вместе с апостолом, за уметы (сор), уделяйте их в память усопшего нищим – и вот это и будет для вашего усопшего то же, что удобрение для нивы. Что нужно для зерна, брошенного в землю, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужен благорастворенный воздух, для которого потребны иногда и молнии, и громы. Итак, пусть чаще над прахом вашего близкого курится фимиам, как воздух благорастворенный; пусть чаще, как молния, освещает мрак могилы пламенная и просветленная молитва ваша, пусть чаще здесь глубокие вздохи вашего сердца сливаются с песнями святой Церкви – вашему сердцу будет легче, и вашему усопшему будет отраднее. Что нужно для зерна, брошенного в землю, чтобы оно прозябло и принесло плод? Нужно, чтобы чаще орошали его благовременный дождь и животворная роса. Пусть же чаще струится за упокой вашего родного пречистая кровь Божественного Агнца,– и это то же будет для него, что благовременный дождь и роса для нивы.

В конце Литургии священник, опуская в Святую Чашу, в Кровь Христову, частицы, вынутые из просфор и символизирую-

щие души тех, за кого они вынимались, молится: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною, молитвами святых Твоих».

Боже милосердый!.. Кто достойно возблагодарит Тебя за то наше счастие, что Ты сподобил нас родиться и жить в недрах святой Православной Церкви и чрез то даровал нам столько средств к получению того вечного блаженства, которое уготовано Тобою для любящих Тебя? С лишком семь тысяч лет прошло, как мир стоит и как в мире стали являться жертвы смерти, и во все это время Церковь не преставала молиться о прежде почивших отцах и братиях, зде лежащих и повсюду православных; пройдут еще, может быть, целые тысячелетия, и святая Церковь не престанет молиться о них, о нас, о наших близких и о всех чадах своих, и престанет молиться об умерших только тогда, когда не о ком будет молиться, когда упразднится смерть и умерших уже не будет. Скажите, ужели ж эти тысячелетние молитвы святой Церкви об усопших останутся бесплодны? О, нет! Быть сего не может. Не Сам ли Сын Божий сказал: *И если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю* (Ин. 14, 13); *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам* (Мф. 7, 7)? И если человек, которого друг будет беспокоить просьбою о подаянии хлеба, даже неблаговременно, не откажет ему, если не по дружбе, то по неотступности просителя, то не более ли Бог милосердый? Сын Божий оставил небо и пришел на землю, *дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16); а для чего Он оставил опять землю и вознесся на небо?

Послушайте, что Сам Он, прощаясь с апостолами, сказал им, а в лице их всем верующим: *Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять, и возьму вас к Себе, чтоб и вы были, где Я* (Ин. 14, 2-3). Послушайте, как в последние минуты жизни земной беседует Он с Отцом Своим Небесным: *Не о них же* (апостолах) *только молю, но и о верующих в Меня по слову их: да будут все едино; как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино*: *да видят славу Мою, которую Ты дал Мне* (Ин. 17, 20, 21, 24). Что может быть слаще и отраднее для нас этой молитвенной беседы Спасителя?.. Итак, *да не смущается сердце ваше; только веруйте в Бога, и в Сына Божия веруйте.. В*

дому Отца Его обители многи суть (Ин. 14, 1, 2). Обратите слезящий взор ваш на небо: сколько горит там светил небесных! Не менее их уготовано и обителей для верующих во Иисуса Христа. Не все одинакового достоинства светила небесные: *Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд: и звезда от звезды разнится в достоинствах,* так и обители небесные не все одинакового достоинства: одни более, другие менее светлы... (1 Кор. 15, 41-45). О, если бы Господь сподобил бы нас хоть последней из обителей Отца Небесного!.. (Ин. 14, 2). Первые, лучшие обители, конечно, для пророков, апостолов, мучеников, преподобных... Кто ж займет другие, меньшего достоинства, обители? Милосердие Божие отверзло путь к небу и кающимся грешникам, и святой апостол и евангелист Иоанн видел духом, что *тьмы тем и тысячи тысяч* там славословят Господа... (Откр. 5, 11-13).

Впрочем, не место здесь думать о своих заслугах и о своем как бы праве на наследие той или иной обители небесной, праве, основанном только на том, что мы верующие, мы христиане. Нет, не надейся на имущества твои и не говори: “Довольно мне для того, чтобы получить Царство Небесное”; не говори: “Я грешил, и что мне было?”, ибо Господь долготерпелив. И не говори: “Милосердие Его велико, Он простит множество грехов моих” (Сир. 5, 1, 4, 6). Правда, милосердие Божие так велико, что оно готово бы и самую геенну уничтожить. Но что же делать и милосердию Божию, когда еще остается диавол со всеми слугами своими? Они так укоренились во зле, что и раскаяться не могут: для них нужна геенна. Что делать милосердию Божию, когда были, есть и будут люди на земле, которые служат усердно диаволу, а о Боге и не думают, и живут так до самой смерти!.. И для них нужна геенна. А мало ли было и есть лжеименных христиан, которые называются верующими,– и ничему почти не веруют. Им ли обольщаться мыслию, что они христиане и потому имеют полное право, по самому званию своему, на наследие Царствия Божия? Что за христианин без веры, без любви, без покаяния во грехах? Не гроб ли это окрашенный, который снаружи кажется красивым, а внутри полон костей мертвых и всяких нечистот? Годится ли эта храмина гнилая служить украшением для светлого чертога Божия?.. Что за христианин, когда не видно на нем ни золота любви, ни серебра надежды,

ни драгоценного камня веры, а весь обременен только дровами, сеном и тростием грехов и страстей? (1 Кор. 3, 10-15).

Золото, серебро и драгоценные камни горят и сияют в обителях небесных; а дрова, сено и солома – куда годятся?.. Куда как не в жертву пламени геенского?.. И многочисленные опыты показали, что люди, которые живут в крайней беспечности о своем спасении, не думая ни о Боге, ни о тяжести грехов своих, ни об ответственности за грехи, и умирают большею частью с неполным покаянием, или даже вовсе без покаяния. Те же опыты показывают, что за таких людей, по смерти их, и молитвенников слишком мало. Да иначе и быть не может: ибо кто за усопшего молится? Конечно, друзья его и близкие к нему. Кто же мог пользоваться дружбой и любовию того, кто так беспечен был о своем спасении, как не люди, подобные ему во всем, люди также крайне рассеянные и равнодушные к своему спасению? А станут ли они молиться о нем? О, им ли молиться за другого, когда и за себя им недосуг открыть уста свои на молитву?..

Итак, горе людям, проживавшим свой век в крайней беспечности о своем спасении! Но благо тем, которые жили в вере и покаянии, оставив по смерти своей многих молитвенников за себя! И если вы, плачущие о близких вашему сердцу, если вы потеряли таких людей, которые как жили, так и скончались в вере и покаянии, то умерьте ваши слезы, молитесь за них и – уповайте на милосердие Божие.

Но не здесь еще конец нашим слезам. «Пусть усопшим нашим и хорошо там, говорят сетующие, но нам-то здесь без них худо. Мы желали бы с ними вечно жить, желали бы ими вечно утешаться, и, между тем, неумолимая смерть оторвала их от нас, и оторвала навсегда. Было время, когда и один час разлуки с ними был для нас тяжек; а теперь?.. Проходят дни, проходят месяцы, пройдут годы, пройдут десятки лет – а свидания с ними все нет и нет... И, Боже мой! Есть ли даже какая-нибудь надежда увидеться нам с ними когда-нибудь? Не потеряны ли они для нас навсегда, навсегда?..» Часто так думают над прахом родных и друзей, и слезы снова струятся из глаз.

Но эти слезы тогда бы только были справедливы, когда бы мы обречены были вечно жить на земле, но зачем безутешно плакать

о разлуке с родными, когда и все мы здесь не вечны? Пройдет несколько лет, а может быть, даже несколько месяцев или даже несколько дней, и нас Господь позовет туда же, куда и их позвал, и тогда-то ничто уже нас не разлучит с ними, тогда-то вечно с ними будем мы... А велики ли наши годы в сравнении с вечностью? О, перед нею и тысяча наших лет, как день один!.. Но кто же, скажут нам, кто поручится, что за гробом мы будем иметь свидание с близкими и родными? Есть порука – и порука верная: это непреложное слово Божие.

Раскройте, например, книгу пророка Исаии. Там пророк, описав судьбу Вавилонского царя, говорит, что души, находившиеся во аде, увидев среди себя этого гордого владыку, который мечтал на небо взойти и поставить престол свой выше звезд небесных и быть подобным Вышнему, изумились и восклицали: "И ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам! В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом (веселием) твоим; под тобою постилается червь, и черви – покров твой" (Ис. 14, 7, 10-11) и пр.

Итак, там и грешники видятся с грешниками. Раскройте книгу Бытия и там прочитайте слова патриарха Иакова: "С печалью сойду к сыну моему в преисподнюю" (Быт. 37, 35). Так говорил Иаков в скорби при вести, что сын его Иосиф растерзан зверями, говорил в то время, когда все дети старались утешить его. Итак, и праведный Иаков надеялся на свидание с сыном своим за гробом. Раскройте книгу Царств и там найдете, что святой царь и пророк Давид горько плакал, когда сын его от жены Уриной сделался болен; а когда скончался, Давид сказал: «А теперь дитя умерло... Разве я могу возвратить его? Я пойду к нему, а оно не возвратится ко мне» (2 Цар. 12, 23). Итак, и Давид надеялся увидеться с сыном своим за гробом. Раскройте святое Евангелие и прочитайте там притчу о богатом и Лазаре. Здесь говорится, что богач, который всю жизнь свою одевался в порфиру и виссон и каждый день веселился, а на бедного Лазаря, лежавшего у ворот дома его и покрытого струпьями, и взглянуть не хотел, по смерти своей снисшел во ад, и хотя между ним и Авраамом и Лазарем пропасть велика утвердися, так что и перейти ему к ним было нельзя, однако ж и этот грешник мог там, хоть и издали, видеть праведных Ав-

раама и Лазаря, и не только видеть, но и беседовать с ними (Лк. 16, 19-31). Итак, там, за гробом, даже величайшие грешники могут не только видеться, но и беседовать с величайшими праведниками. После сего нет уже нужды говорить, что там праведники видятся с праведниками, благочестивые с благочестивыми. *Отче,*– молился Сын Божий Отцу Своему,– *Отче! которых ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною* (Ин. 17, 24); как же благочестивым не иметь там друг с другом свидания и общения, когда все они там около Спасителя, как дети около отца? Там ли, например, не видеть друг друга тем, которых видел в духе апостол Иоанн около престола Бога вышнего, а число *их тьмы тем и тысячи тысяч* (Откр. 5, 11)? Там ли не видеть друг друга святым мученикам, которых видел тот же апостол там всех вместе под алтарем?.. (Откр. 6, 9).

И что могло бы быть препятствием к взаимному свиданию и общению за гробом? То ли, что там до всеобщего суда и воскресения обитают одни только души без тел? Но здесь, на земле, каким образом мы имеем свидание и общение друг с другом? Глаз ли наш, например, собственно видит человека!? Не глаз, а душа чрез глаз. Ухо ли наше перенимает беседу другого? Не ухо, а душа чрез слуховой орган. Язык ли наш передает мысли другим? Не язык, а душа чрез язык... Ни глаз, ни ухо, ни язык сами по себе без души не имеют никакого значения: мертвые не видят, не слышат, не говорят, хотя и имеют все нужные для сего орудия. Значит – душа собственно и есть действующая причина, а тело только орудие. И здесь для души это орудие необходимо, потому что она и сама обложена телом, без чего и существовать здесь не может, и действовать должна на душу, обложенную также телом. Но коль скоро этого тела не будет, а останется только одна душа, то что ей может препятствовать прямо и непосредственно действовать на душу! Препятствия никакого нет, а напротив, открывается чрез то для души легчайший способ действия, так как «тело тленное отягощает душу и земное жилище обременяет многозаботливый ум» (Прем. 9, 15).

Непонятно, скажут, как душа может видеть душу непосредственно? Но все ли для нас бывает понятно и то, что с нами бывает ежедневно, и в чем мы не имеем ни малейшего сомнения? По-

нятно ли для нас, как душа наша чрез глаза видит другого человека? Еще более, понятно ли для нас, как душа наша может представить образ другого человека так, как будто он стоит пред нами, тогда как он от нас в отсутствии, и даже в то время, когда все орудия наши телесные остаются в бездействии, например, во время сновидений?.. Все это мы обыкновенно приписываем силе воображения и тем как будто удовлетворительно решаем вопрос, который, однако ж, остается неразгаданным. Ангелы – духи бесплотные; а кто станет утверждать, что они не видят друг друга, хотя мы и не понимаем, как это бывает? «Мы едва можем постигать и то, что на земле, и с трудом понимаем то, что под руками, а что на небесах – кто исследовал?» (Прем. 9, 16). «Ныне отчасти разумеваем» (1 Кор. 13, 9), говорит апостол, и к чему не приложим наше знание, везде увидим это отчасти. Тело есть как бы зеркало души, и вот мы ныне видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, как бы в зеркале, а зеркала в то время были из шлифованных металлических пластинок и давали тусклое изображение, видим душу человека не иначе, как она проявляется во внешних действиях: а кто видит, *что́ в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем* (1 Кор. 2, 11)? *Но,* продолжает апостол, *когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Теперь же мы видим, как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда позна́ю, подобно как я познан* (1 Кор. 13, 10. 12). Вот каково, по словам апостола, там будет наше знание! Если же так, то и души могут там видеть друг друга несравненно чище и яснее, чем в настоящей жизни человек может знать человека: *тогда же познаю, якоже и познан бых.*

Епископ Гермоген (†17 августа 1893 г.)

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 552

Выпуск 10

Утешение в смерти близких сердцу

Что мя плачите младенца преставльшагося? Лежай вопиет невидимо, несмь бо плачевный: младенцем бо определися праведных всех радость, достойная слезам, не соделавшим дела́; Христу бо воспевают: священнии пойте, людие превозносите Его во веки.

О мне не рыдайте, плача бо ничтоже начинах достойное, паче же самих себе согрешающих плачите всегда, сродницы и друзи, умерший зовет младенец: яко да искуса не возымете мучения.

Чин погребения младенческого

То обстоятельство, что там души до всеобщего суда и воскресения обитают без тел, отнюдь не препятствует взаимному их свиданию и общению. Что еще могло бы препятствовать взаимному свиданию и общению усопших? То ли, что после всеобщего суда и воскресения души усопших опять соединятся с телом? Но по собственному опыту мы знаем, что это нимало не может служить к тому препятствием: из нас нет никого бесплотного, а все мы видим друг друга, все можем иметь взаимное общение. Правда, тела наши тогда изменятся. Но каково бы ни было это изменение, все, однако ж, то же самое тело восстанет из гроба, которое положено было во гроб, а не другое какое: *Бог дает ему* (зерну) *тело, говорит апостол, как хочет, и каждому семени свое тело* (1 Кор. 15,38); что посеяно, то и вырастет: от пшеницы – пшеница, от плевела – плевел. В чем же будет состоять сия перемена? Апостол говорит, что Господь *уничиженное тело наше преобразит так, что оно будет сообразно славному телу Его* (Флп. 3, 21). Следовательно, каково было тело Иисуса Христа по воскресении, таково, или, по крайней мере, подобно Ему, будет и наше тело после воскресения. Тело Спасителя после воскресения Его было так тонко

и духовно, что могло пройти сквозь затворенные двери: и наши тела будут так тонки и духовны, что способны будут носиться по воздуху. На теле Господа остались язвы гвоздиные на руках и рана в ребре; и на наших телах по воскресении останутся признаки, свидетельствующие о добродетелях или о неисправимых пороках, так что в телах праведников будут отражаться, при свете благодати Божией, как в зеркале, все добрые дела их, коими угодили они Господу во дни земной жизни, оттого они будут светлы и прекрасны, а в телах грешников будут отражаться, как в зеркале, все грехи их, сделанные во время земной жизни и не очищенные покаянием и молитвами Церкви, оттого они будут мрачны и безобразны. Тело Иисуса Христа по воскресении Его так изменилось, что Мария и апостолы сначала даже не узнали Его, хотя и беседовали с Ним, но после, однако ж, все убедились, что это не призрак, не дух, ибо дух плоти и костей не имеет, а Он не только имел и плоть, и кости, но и разделял с ними трапезу (Лк. 24, 36-43); все они нашли в Нем что-то знакомое им и с радостью узнали своего Господа, и даже сам апостол Фома, говоривший апостолам, что он дотоле не поверит им в том, будто они видели воскресшего Господа, пока сам не увидит на руках Его ран от гвоздей и не вложит перста своего в раны от гвоздей, а руки своей в ребро Его,– но когда Господь явился и показал ему и руки, и ноги, и ребра Свои, сам Фома с радостью тогда сказал:

Господь мой, и Бог мой (Ин. 20, 28). Итак, как ни изменилось тело Спасителя по Воскресении, однако ж, все, видевшие Его, находили в Нем многое такое, что прежде видели в Нем, и узнавали Его в то время, когда собственные тела их самих еще не были прославлены и не имели никакой перемены, тогда как для созерцания тела прославленного потребны были, без сомнения, и орудия более тонкие и духовные, нежели какие мы теперь имеем и какие они имели тогда. Что же может препятствовать нам по воскресении иметь взаимное свидание и общение, тогда как наши тела и тела всех усопших получат уже свое изменение? Значит, эти слезы наши – слезы о том, что мы, расставшись с близкими, не увидимся с ними никогда, походят на слезы младенца, от которого мать удаляется на некоторое время, а он горько плачет, думая, что она оставляет его навсегда. Нет, приникните ближе к останкам вашего усопшего и с верою припомните утешительное слово Христово: *Вскоре вы не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня, ибо Я иду к Отцу. И вы теперь имеете печаль; но я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас* (Ин. 16, 16, 22). Дай только Бог, чтобы там, за гробом, свидание наше с родными и близкими было радостное, а не печальное. А это будет тогда, когда мы будем молиться за них и за себя. Если усопший наш скончался с верою и покаянием, то будем молиться Господу, чтобы Он

простил и все остальные грехи его и упокоил его в месте светлом, злачном[1] и покойном, а между тем будем и сами благоугождать Богу своею жизнию, чтобы Он сподобил и нас мирной, христианской кончины с верою и покаянием, будем служить и добро творить и ближним, чтобы они, по смерти нашей, не забывали нас в своих молитвах, и тогда надежда на радостное свидание с усопшими для нас несомненна.

Все это – общие источники утешения. Но есть еще особенные причины, заставляющие лить слезы на могиле, их так много, что почти каждый имеет свои причины плакать. Различие лет людей усопших исторгает из груди нашей различные вздохи и стоны. Не так горько расставаться с человеком, который сходит во гроб, якоже пшеница созрелая, во время пожатая, не так горько, ибо такой человек уже отжил свой век: за семьдесят или восемьдесят лет.

Что такое жизнь, как не труд и болезнь? И земля менее кропилась бы слезами, если бы недра ее для них только разверзались. Но сколько умирает детей, которые едва успели взглянуть на свет с радостною улыбкою,– и он для них сокрылся! Зачем они родились? Затем ли только, чтобы причинить матери болезни во время рождения, потом потерпеть самим немало болезней, потом

[1]Злак – огородные и полевые растения, служащие в пищу человека и животных. Место злачное – обильное, приятное.

порадовать отца и мать, потом поселить в них сладкую надежду и, наконец, сладкую надежду сменить горькою слезою?.. Сколько людей умирает в нежной юности, которые, подобно цветку, только начали распускаться и благоухать и – под влиянием хладной смерти должны вдруг засохнуть и завять! Для того ли они расцветали, чтобы не принести никакого плода?.. В подобных случаях люди нередко дерзают роптать на самое Провидение, которое, по их расчетам, неблаговременно отнимает у них лучшие сокровища: ропщут часто и на самих себя, укоряя за то, что не могли предпринять заранее всех мер для спасения близких; не щадят упреков иногда и для врачей, которые пользовали усопшего и не могли спасти его от смерти... Но этот ропот недостоин человека, эти слезы преступны, эти вздохи ненавидит Бог. Вы ропщете на Провидение за то, что оно так неблаговременно потребовало от вас жертвы. Неблаговременно – что вы?.. Только у нас на земле то или другое бывает не в пору, не вовремя: на небе – не так; там нет слов: рано или поздно; там всему – свое время.

Часто смерть похищает невинных детей. Но вы знаете, что им принадлежит Царствие Божие, и между тем плачете, что они так рано отходят от вас к Отцу Небесному, не испытав горестей земной жизни, и считаете исход их неблаговременным... Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?.. Знаю, что в ваших слезах

не та блестит мысль, что они отходят от вас к Отцу Небесному; нет, ваши слезы о том, что вы теряете в них ваши светлые надежды на ваше счастие, теряете будущих друзей и хранителей вашей старости. О, надежды, надежды! Если бы всегда сбывались вы!.. Но скажите, кто поручится, что дети ваши, если бы жили долее, всегда доставляли бы вам одни только радости и утешение? Кто знает? Может быть, с летами они познакомились бы с обычаями света, противными христианству, и тогда не были бы столь любезными для Отца Небесного детьми, как теперь. Может быть, с летами остыл бы в них и к вам жар детской любви, и они не были бы столь милыми для вас чадами, как теперь. Может быть... но чего не могло быть с ними в течение жизни? А теперь они чистыми, невинными, как Ангелы, отошли от вас к Отцу Небесному, а вы все еще плачете, называя исход их от вас неблаговременным. Подумайте сами: отцовские ли это вздохи, материнские ли слезы?..

И если бы оплакиваемый вами младенец мог сказать вам утешение, он, мне кажется, сказал бы вот что: *Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что иду ко Отцу* (Ин. 14, 28), иду не к чужим, а к своим, иду к Отцу моему и Отцу вашему: Он ли не заменит вас там для меня?..

Епископ Гермоген (+17 августа 1893 г.)

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 553

Как молиться дома

Вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе явно.

(Мф. 6, 6)

Как молиться дома

Вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне; и Отец твой, видяй в тайне, воздаст тебе явно (Мф. 6, 6). Вот установление Самим Господом уединенной келейной молитвы.

Господь, заповедавший уединенную молитву, очень часто Сам, во время Своего земного странствования, как повествует Евангелие, пребывал в ней. Он не имел где главу подклонить, и потому часто заменяли для Него безмолвную, спокойную келию безмолвные вершины гор и тенистые вертограды.

Пред восшествием Своим на страдания, которыми долженствовано быть куплено спасение рода человеческого, Господь молился в загородном, уединенном саду Гефсиманском. Во время молитвы Богочеловек преклонял колена; от усиленного молитвенного подвига обильный пот кровавыми каплями катился с лица Его на землю. Гефсиманский сад состоял из вековых масличных дерев. И днем, при свете лучей солнечных, лежала на нем густая тень, а тогда лежала на нем темная ночь Палестины. Никто не разделял с Господом Его молитвы: вдали Его были спящие ученики, вокруг — спящая природа. Сюда с факелами и вооруженною толпою пришел предатель; предатель знал любимое место и время молитв Иисусовых.

Темнота ночи закрывает предметы от любопытных взоров, тишина безмолвия не развлекает слуха. В безмолвии и ночью можно молиться внимательнее. Господь избирал для молитвы Своей преимущественно уединение и ночь, избирал их с тем, чтоб мы не только повиновались Его заповеданию о молитве, но и последовали Его примеру. Господу, для Него Самого, нужна ли была молитва?

Пребывая, как человек, с нами на земле, Он вместе, как Бог, неразлучно был с Отцом и Духом, имел с Ними едину божественную волю и божественную власть.

Вниди в клеть твою и, затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже в тайне. Пусть о молитве твоей не знает никакая *шуйца* твоя — ни друг твой, ни родственник, ни самое тщеславие, сожительствующее сердцу твоему и подстрекающее высказать кому-нибудь о молитвенном подвиге твоем, намекнуть о нем.

Затвори двери кельи твоей от людей, приходящих для пустословия, для похищения у тебя молитвы; затвори двери ума от посторонних помышлений, которые предстанут, чтоб отвлечь тебя от молитвы; затвори двери сердца от ощущений греховных, которые покусятся смутить и осквернить тебя, и помолись.

Не дерзни приносить Богу многоглагольных и красноречивых молитв, тобою сочиненных, как бы они ни казались тебе сильны и трогательны. Они — произведение падшего разума, и, будучи жертвою оскверненною, не могут быть приняты на духовный жертвенник Божий. А ты, любуясь изящными выражениями сочиненных тобою молитв и признавая утонченное действие тщеславия и сладострастия за утешение совести и даже благодати, увлечешься далеко от молитвы. Ты увлечешься далеко от молитвы в то самое время, когда тебе будет представляться, что ты молишься обильно, и уже достиг некоторой степени Богоугождения.

Душа, начинающая путь Божий, погружена в глубокое неведение всего божественного и духовного, хотя б она была и богата мудростию мира сего. По причине этого неведения она не знает, как и сколько должно ей молиться. Для вспомоществования младенческой душе святая Церковь установила молитвенные *правила*. Молитвенное правило есть собрание нескольких молитв, сочиненных Боговдохновенными святыми Отцами, приспособленное к известному обстоятельству и времени.

Цель правила — доставить душе недостающее ей количество молитвенных мыслей и чувств, притом мыслей и чувств правильных, святых, точно — богоугодных. Такими мыслями и чувствами наполнены благодатные мысли святых Отцов.

Для молитвенного упражнения утром имеется особенное собрание молитв, называемое *утренними молитвами, или утренним правилом;* для ночного моления пред отшествием ко сну — другое собрание молитв, именуемое *молитвами на сон грядущим, или вечерним правилом.* Особенное собрание молитв прочитывается готовящимся ко причащению святых Христовых Таин, и называется *правилом ко святому Причащению.* Посвятившие обильную часть своего времени благочестивым упражнениям прочитывают около 3 часа пополудни особенное собрание молитв, называемое *ежедневным, или иноческим правилом.* Иные прочитывают ежедневно по несколько кафизм, по несколько глав из Нового Завета, полагают несколько поклонов — все это называется *правилом.*

Правило — какое точное название, заимствованное из самого действия, производимого на человека молитвами, называемыми правилом! Молитвенное правило направляет правильно и свято душу, научает ее поклоняться Богу Духом и Истиною (Ин. 6, 23), между тем как душа, будучи предоставлена самой себе, не могла бы идти правильно путем молитвы. По причине своего повреждения и омрачения грехом, она совращалась бы непрестанно в стороны, нередко в пропасти — то в рассеянность, то в мечтательность, то в различные пустые и обманчивые призраки высоких молитвенных состояний, сочиняемых ее тщеславием и самолюбием.

Молитвенные правила удерживают молящегося в спасительном расположении смирения и покаяния, научая его непрестанному самоосуждению, питая его умилением, укрепляя надеждою на всеблагого и всемилосердного Бога, увеселяя миром Христовым, любовию к Богу и ближним.

Как возвышенны и глубоки *молитвы ко святому Причащению*! Какое превосходное приготовление они доставляют приступающему к святым Христовым Таинам! Они убирают и украшают дом души чудными помышлениями и ощущениями, столько благоугодными Господу. Величественно изображено и объяснено в этих молитвах величайшее из Таинств христианских; в противоположность этой высоте живо и верно исчислены недостатки человека, показаны его немощь и недостоинство. Из этих молитв

сияет, как солнце с неба, непостижимая благость Бога, по причине которой Он благоволит тесно соединяться с человеком, несмотря на ничтожность человека.

Утренние молитвы так и дышат бодростию, свежестию утра: увидевший свет чувственного солнца и свет земного дня научается желать зрения высшего, духовного Света и дня бесконечного, производимых Солнцем правды — Христом.

Краткое успокоение сном во время ночи — образ продолжительного сна во мраке могилы. И воспоминают нам *молитвы на сон грядущим* преселение наше в вечность, обозревают всю нашу деятельность в течение дня, научают приносить Богу исповедание соделанных согрешений и покаяние в них.

Молитвенное чтение Акафиста Сладчайшему Иисусу, кроме собственного своего достоинства, служит превосходным приготовлением к упражнению молитвою Иисусовой, которая читается так: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя грешного.* Эта молитва составляет почти единственное упражнение преуспевших подвижников, достигших такой меры простоты и чистоты, для которых всякое многомышление и многословие обременительно. Акафист показывает, какими мыслями может быть сопровождаема молитва Иисусова, представляющаяся для новоначальных крайне сухою. Он, во всем пространстве своем, изображает одно прошение грешника о помиловании Господом Иисусом Христом; но этому прошению даны разнообразные формы, сообразно младенчественности ума новоначальных. Так младенцам дают пищу, предварительно размягченную.

В Акафисте Божией Матери воспето вочеловечение Бога-Слова и величие Божией Матери, Которую за рождение Ею вочеловечившегося Бога ублажают *все роды* (Лк. 1, 48). Как бы на обширной картине бесчисленными дивными чертами, красками, оттенками изображено в Акафисте великое Таинство вочеловечения Бога-Слова. Удачным освещением оживляется всякая картина,— и необыкновенным светом благодати озарен Акафист Божией Матери. Свет этот действует сугубо: им просвещается ум; от него сердце исполняется радости и благодатного извещения. Непостижимое

приемлется, как бы вполне постигнутое, по чудному действию, производимому на ум и сердце.

Многие благоговейные христиане, в особенности иноки, совершают очень продолжительное вечернее правило, пользуясь тишиною и мраком ночи. *К молитвам на сон грядущим* они присовокупляют чтение кафизм, чтение Евангелия, Апостола, чтение акафистов и поклоны с молитвою Иисусовой. В те часы, когда мир предается буйным и шумным увеселениям, рабы Христовы плачут в тишине своих келий, изливая усердные молитвы пред Господом. Проведши ночь в бдении безумном, сыны мира встречают наступающий день в омрачении и унынии духа; в веселии и бодрости духа, в сознании и ощущении необыкновенной способности к Богомыслию и ко всем благим делам встречают рабы Божии тот день, которому предшествующую ночь они провели в молитвенном подвиге.

Господь повергался на колени во время молитвы Своей, и ты не должен пренебрегать коленопреклонениями, если имеешь достаточно сил для совершения их. Поклонением до лица земли, по объяснению Отцов, изображается наше падение, а восстанием с земли — наше искупление (Слово св. Феолипта. Доброт., ч.II).

При совершении правила и поклонов никак не должно спешить, должно совершать и правила и поклоны с возможною неспешностью и вниманием. Лучше менее прочитать молитв и менее положить поклонов, но со вниманием, нежели много без внимания.

Избери себе правило, соответствующее силам. Сказанное Господом о субботе, что она для человека, а не человек для нее (Мк. 2, 27), можно и должно отнести ко всем подвигам благочестивым, а между ними и к молитвенному правилу. Молитвенное правило — для человека, а не человек для правила: оно должно способствовать человеку к достижению духовного преуспеяния, а не служить бременем неудобоносимым, сокрушающим телесные силы и смущающим душу. Тем более оно не должно служить поводом к гордостному и пагубному самомнению, к пагубному осуждению и унижению ближних.

Благоразумно избранное молитвенное правило, соответственно силам и роду жизни, служит большим пособием для подви-

зающегося о спасении своем. Совершать его в положенные часы обращается в навык, в необходимую естественную потребность. Стяжавший этот блаженный навык, едва приближается к обычному месту совершения правил, как душа его уже наполняется молитвенным настроением — он не успел произнести еще ни одного слова из читаемых им молитв, а уже из сердца переливается умиление, и ум углубился весь во внутреннюю клеть.

«Предпочитаю,— сказал преподобный Матой,— непродолжительное правило, но постоянно исполняемое, продолжительному, но в скором времени оставляемому». А такую участь всегда имеют молитвенные правила, несоразмерные силе: при первом порыве горячности подвижник выполняет их некоторое время, конечно, обращая более внимания на количество, нежели на качество; потом изнеможение, производимое подвигом, превосходящим силы, постепенно принуждает его сокращать и сокращать правила.

И часто подвижники, безрассудно установившие для себя обременительное правило, переходят от многотрудного правила прямо к оставлению всякого правила. По оставлении правила, и даже при одном сокращении его, непременно нападает на подвижника смущение. От смущения он начинает чувствовать душевное расстройство. От расстройства рождается уныние. Усилившись, оно производит расслабление и исступление, а от действия их безрассудный подвижник предается праздной, рассеянной жизни, с равнодушием впадает в самые грубые согрешения.

Избрав для себя соразмерное силам и душевной потребности молитвенное правило, старайся тщательно и неопустительно исполнять его. Это нужно для поддержания нравственных чувств души твоей, как нужно для поддержания телесных сил ежедневное в определенные часы достаточное употребление здоровой пищи.

«Не за оставление псалмов осудит нас Бог в день суда Своего,— говорит Святой Исаак Сирский,— не за оставление молитвы, но за последующий оставлению их вход бесов. Бесы, когда найдут место, войдут, и затворят двери очей наших. Тогда исполняют нами, их орудиями, насильственно и нечисто, с лютым отмщением, все воспрещенное Богом. И по причине оставления малого пра-

вила, за которое сподобляются заступления Христова, мы делаемся подвластными бесам, как написано некоторым премудрым: «Не покоряющий воли своей Богу, подчинится сопернику своему». Эти правила, кажущиеся тебе малыми, соделаются для тебя стенами против старающихся пленить нас. Совершение этих правил внутри кельи премудро установлено учредителями церковного устава, по откровению свыше, для хранения жизни нашей».

Великие Отцы, пребывавшие от обильного действия благодати Божией в непрестанной молитве, не оставляли и правил своих, которые привыкли они совершать в определенные часы дня и ночи. Многие доказательства этого видим в житиях их. Антоний Великий, совершая правила девятого часа — церковный девятый час соответствует третьему часу пополудни — сподобился Божественного откровения. Когда преподобный Сергий Радонежский занимался молитвенным чтением Акафиста Божией Матери, явилась ему Пресвятая Дева в сопровождении Апостолов Петра и Иоанна.

Возлюбленнейший брат! Покори свою свободу правилу. Оно, лишив тебя свободы пагубной, свяжет тебя только для того, чтоб доставить тебе свободу духовную, свободу во Христе. Цепи сначала покажутся тягостными, потом сделаются драгоценными для связанного ими. Все святые Божии приняли на себя и несли благое иго молитвенного правила. Подражанием им и ты последуй в этом случае Господу нашему Иисусу Христу, Который, вочеловечившись и указуя нам Собою образ поведения, действовал так, как действовал Отец Его, говорил то, что заповедал Ему Отец, имел целью исполнение во всем воли Отца (Ин. 5,19; 12, 49; 5, 30). Воля Отца и Сына и Святого Духа — одна. По отношению к человеку она заключается во спасении человека. Всесвятая Троице, Боже наш! Слава Тебе. Аминь.

По творению свт. Игнатия Брянчанинова
“Слово о келейном молитвенном правиле “.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 554

Для чего мы ходим молиться в церковь
О молитве в церкви

Для чего мы ходим молиться в церковь
О молитве в церкви

Без всякого сомнения превосходнейшее по достоинству своему из всех зданий земных есть *храм,* или *дом* Божий, *церковь;* слова эти равнозначны. Хотя Бог присутствует повсюду, но в церкви присутствие Его проявляется особенным образом — самым ощутительным и полезнейшим для человека. Тогда только явление Бога еще полезнее и еще ощутительнее для человека, когда человек сам соделается храмом Божиим, соделавшись обителью Святого Духа, подобно Апостолам и другим величайшим святым. Но такого состояния достигают весьма редкие из христиан. И потому оставляя до другого времени беседу о нерукотворенном, богозданном, словесном храме Божием, побеседуем теперь о вещественном Божием храме, созданном руками человеческими, о молитвословиях, отправляемых в нем, об обязанности христианина тщательно посещать храм Божий, о пользе такового посещения.

Божий храм есть земное небо: «В храме славы Твоея Господи стояще, на небеси стояти мним»,— воспевает святая Церковь (Последование Утрени, тропарь по Славословии). Храм есть место общения Бога с человеком — в нем совершаются все христианские Та-

инства. Божественная литургия и хиротония не могут быть совершены нигде, как только в храме. По крайней нужде допускается совершение Таинств, в особенности исповеди и елеосвящения, в домах. Днем и ночью храм Божий оглашается славословием Бога. Для слов мира сего в нем нет места. Все в храме Божием свято. Постоянно хранит его Ангел Божий. Ангелы Божии и святые торжествующей Церкви нисходят в него. Присутствие в таком священном здании составляет величайшее счастие для земного странника. Святой пророк Давид, хотя был царь, хотя имел обширные и великолепные палаты, хотя обладал всеми средствами земного наслаждения и увеселения, но, как бы рассмотрев все и оценив все должным образом, сказал: *Одного просил от Господа, того ищу: еже жити ми в дому Господни вся дни живота моего, зрети ми красоту Господню и посещати храм святый Его* (Пс. 26, 4). Это произнес устами Давида Святой Дух. Кто во время земной жизни будет по возможности часто посещать храм Божий, как бы жить в нем, тот, разлучившись с телом, весьма удобно перейдет для вечного празднования в небесный нерукотворенный храм, которого зиждитель — Бог. В храме мы и молимся, и назидаемся, и очищаемся от грехов, и сообщаемся с Богом.

Пример посещения храма Божия показал нам Спаситель, показали и святые Апостолы. Христиане всех времен признавали тщательное посещение храма Божия своею неотложною обязанностию. Святый Димитрий Ростовский уподобляет посещение храма во время всех отправляемых в нем молитвословий царской дани,

которую каждый ежедневно должен выплатить. Если присутствие при каждом Богослужении, совершаемом в церкви, признается святым пастырем непременной обязанностью каждого благочестивого христианина, тем более такое присутствие есть священная обязанность инока. От дани увольняются нищие по нищете своей, и от постоянного хождения в церковь увольняются больные, удерживаемые недугом в келии своей. От дани свободны сановники царя, и от постоянного хождения в церковь свободны преуспевшие иноки, упражняющиеся в умственных подвигах и пожинающие от них обильный плод. От дани свободны воины и все, находящиеся в царской и государственной службе; от постоянного хождения в церковь свободны занятые во время Богослужения послушаниями. Блюди, чтобы под предлогом занятия или даже мнимой немощи не подействовала тайно и с оправданием козни диавола, который ненавидит молитву, придавая этим средствам всевозможную благовидность, чтобы отвлечь человека от молитвы, обезоружить, и обезоруженного погубить или уязвить.

Церковных молитвословий считается семь, но они совокупляются в три отдела: 1) Вечерня, 2) Повечерие, 3) Полунощница, 4) Утреня с Первым часом, 5) Третий час, 6) Шестой час и 7) Девятый час. *Вечерня, с* которой начинается служба каждых суток, отправляется вместе с *Повечерием* и *Девятым часом;* Девятый час читается пред Вечернею. *Утреня* отправляется с *Первым часом* и *Полунощницею;* Полунощница читается пред Утренею, Первый час после Утрени. *Третий и Шестой часы* читаются вместе с *Изобразительными,* которые читаются

после Часов. Когда Утреня соединяется с Вечернею или Великим повечерием, тогда молитвословие называется Всенощным бдением. Оно отправляется пред великими праздниками, в честь праздников. Действие Всенощного бдения заключается в том, что проведший в молитве значительную часть ночи с должным благоговением и вниманием ощущает на следующий день особенную легкость, свежесть, чистоту ума, способность к богомыслию. Божественная литургия не причисляется к семи молитвословиям — она вне числа их как особенное, священнейшее молитвословие, которым обставлено бескровное Божественное жертвоприношение.

Спасительный образ посещения храма Божия мы видим в представленном нам Евангелием посещении храма мытарем (Лк. 18, 10). Мытарь встал в глубине храма, не считал для себя позволительным возвести глаза к небу, но ударял в грудь, говоря: *Боже, милостив буди мне, грешному.* Мытарь вышел из церкви, привлекши к себе благость Божию. И ты, пришедши в церковь, если не имеешь какого послушания в ней, встань сзади, в скромном углу или за столпом, чтоб тебе самому не развлекаться и чтоб твое благоговение не было выставлено напоказ другим; устреми око ума к сердцу, а телесное око к земле, и помолись Богу в сокрушении духа, не признавая за собой никакого достоинства, никакой добродетели, признавая себя виновным в бесчисленном множестве согрешений, ведомых тобою и неведомых. Мы очень много согрешаем и в неведении, и по причине нашей ограниченности, и по причине повреждения природы нашей грехом. Писание говорит: *сердце сокру-*

шенно и смиренно Бог не уничижит (Пс. 50, 19). И ты, если помолишься с сознанием греховности и нищеты своей, то Бог услышит *от храма святого Своего глас твой, и* молитвенный *вопль твой пред Ним внидет во уши Его* (Пс. 27, 7): Он пролиет на тебя Свою богатую милость. Если ты имеешь какую-либо обязанность при храме, то исполняй ее с величайшим благоговением и осторожностью, как служащий Богу, а не человекам.

Вместе с упомянутым мытарем, повествует Евангелие, взошел в церковь для молитвы фарисей. Как лицо со значением, фарисей встал на видном месте. Вероятно, у него была мысль — она обычна всем фарисеям — привести назидание присутствующему народу своим благоприличным стоянием и молением. Тщеславие он вменял не опасным для себя, как преуспевший в добродетели, а некоторое лицемерство извинительным в силах общей пользы. В чем же заключалась молитва фарисея? Он, во-первых, прославил Бога. Начало хорошее. Но вслед за тем принялся исчислять не благодеяния Божии, а свои заслуги и доблести, так что по такому исчислению следовало и началу быть иному. Фарисей должен был бы начать свою молитву с прославления Бога, а не себя. Бог же им прославлен только проформою, для некоторого прикрытия гордости. Гордость эта проявилась в осуждении и уничижении ближнего, которого совесть неизвестна была фарисею, а сознание в грехах привлекло милость Божию. Фарисей, лицемерно прославив Бога, говорил: *я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи, или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю, даю де-*

сятую часть всего, что приобретаю. Здесь очевидны: несознание своей греховности, сознание своего достоинства, истекающая из них гордость, высказывающаяся осуждением и уничижением ближнего. Молитва фарисея не была принята Господом, который в заключение сей притчи сказал: *Всяк возносяйся смирится; смиряяй же себя вознесется.* Из этого видно, что каждый, желающий, чтоб молитва его была принята Богом, должен произносить ее из сознания своей греховности и крайней недостаточности по отношению к добродетели; должен произносить ее из сердца, смирившегося пред всеми ближними, из сердца, полюбившего всех ближних, из сердца, простившего ближним все оскорбления и обиды. *Аз же,* говорит молитвенно Богу Пророк, *множеством милости Твоея, вниду в дом Твой, поклонюся ко храму святому Твоему, в страсе Твоем* (Пс. 5, 8).

Великая милость Божия к человеку — учреждение общественных молитвословий в святых Божиих храмах. Эти молитвословия установлены Апостолами, их святыми учениками и святыми Отцами первых веков христианства по откровению Свыше. В этих молитвословиях каждый христианин может принимать участие, и неграмотный усваивает себе познания, красноречие, поэзию духовных, святых витий и книжников христианства. Церковные молитвословия содержат в себе пространное христианское догматическое и нравственное Богословие. Посещающий неопустительно церковь и тщательно внимающий ее чтению и песнопению может отчетливо научиться всему нужному для православного христианина на поприще веры.

Не отвергнем спасения, которое милосердием Божиим преподано нам, так сказать, в руки. Милосердый Господь да сподобит нас прежде отшествия из земной жизни переселиться умом и сердцем на небо. Туда может вознести нас молитва, когда осенит ее Божественная благодать, и молитва в человеке соделается уже не молитвою человека, но молитвою святого Духа, ходатайствующего о человеке *воздыхании неизглаголанными* (Рим. 8, 26). Аминь.

По творению свт. Игнатия Брянчанинова
«Слово о церковной молитве»

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 555

Рассуждение о субботнем покое, многообразно раскрывающее, чего знамением служит оно

Из творений
свт. Кирилла Александрийского

Рассуждение о субботнем покое, многообразно раскрывающее, чего знамением служит оно

Когда Бог, изъяв Израиль из рабства египетского, чрез премудрого Моисея призывал его к прежней исконной свободе и, чудесно проведя народ Свой по средине моря, так что тот и ноги не замочил, повелевал неуклонно идти к земле обетования,— то, почитая необходимым приучить израильтян известным образом предосвящаться и предочищаться, созывал их в собрание на горе Синае и, сошедши на нее в виде огня, давал спасительные законы. При этом Он говорил так: «Я — Господь Бог твой, Который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов, кроме Меня; не делай себе идола и никакого подобия ни того, что на небе вверху, ни того, что на земле внизу, ни того, что в водах под землею; не поклоняйся им и не служи им; ибо Я — Господь Бог твой, Бог ревнитель» (Исх. 20, 2—5).

Да, поистине именно с этого надлежало начинать законоположение, тайно руководя в Богопознании тех, которые раз представили себя в рабство и послушание Богу. Ибо Богопознание есть корень всякой добродетели, и вера — основание благочестия. Открыв таким образом Себя и как бы уже поставив Себя пред взором всех посредством слов «Я — Господь Бог твой»,— предвозделав в них веру чрез знание и воспретив устроение идола и поклонение лжеименным богам,— Он указывает на опасность преступления этой заповеди и на последующее наказание за отступление от нее, говоря так: «Не произноси имени Господа Бога твоего попусту», то есть не прилагай к пустому идолу Божественное и страшное имя, «ибо,— говорит,— не очистит Господь произносящего имя Его попусту» (Исх. 20, 7).

И так, раскрыв, что в немалом грехе будет повинен тот, у кого появится желание поклоняться другому божеству и признавать лжеименного бога, и соответственным образом пригрозив им наказанием как только что приведенным к вере и имевшим еще нетвердый ум, начертывает затем и второй закон, говоря: «Помни день субботний, чтобы святить его: шесть дней делай и соверши все дела твои, а в день седьмой — суббота (покой) Господу Богу твоему: да не совершишь в него никакого дела» (Исх. 20, 8—10). Потом, благополезно показывая, кому, делая это, они будут подражать, говорит: «Ибо в шесть дней сотворил Господь и небо, и землю, и море, и все, что в них, и почил в день седьмой: посему благословил Господь день седьмой и освятил его» (Исх. 20, 11).

Но зачем же еще, скажет кто, давал им устав о субботе? По какой причине введен этот второй закон тотчас после угрозы за преступления? Подобало, ответим на это, не только угрожать преступникам, что они подвергнутся тяжким наказаниям, и не одним лишь страхом утверждать Израиля в благочестии (ибо богопочтение по страху более свойственно рабам), но и показать, причастниками чего будут и какого предела достигнут те, кто безраздельно предался любви к Нему. Поэтому Он и дает, как в прообразе, обещание им будущих благ, ибо, как написано, закон имеет тень будущих благ (Евр. 10, 1) и начертанный в законе образ является некиим предначинательным осуществлением истины. Повелевает прекращать всякое дело, то есть не работать в последний день седмицы, в субботу, но отдыхать и соблюдать покой во время нее, указывая этим на имеющее быть для святых в конце веков упокоение и вследствие этого веселие, когда, прекратив жизнь в мире и освободившись от подвигов добродетели, сущие во Христе будут проводить житие без труда и без всякого изнурения, согласно сказанному о них словами пророка: «Ибо забудут скорбь свою прежнюю, и не взойдет она на их сердце» (Ис. 65, 16), но «радость вечная на главу их, ибо на главе их хвала, и радость охватит их, удалилась болезнь и печаль и стон» (Ис. 35, 10). Так и они, в подражание как бы прекратившему Свои труды при творении мира Творцу, должны будут освободиться от трудов этой жизни, восходя к радости, которую дарует им Христос в конце веков. К этой цели, думаю, направлен узаконенный в субботу отдых.

Заметь, как строго говорит Законодатель: «Не поклоняйся богам другим». А излагая рядом с этим устав о субботе, употребляет слово «помни».

По какой причине? Потому что тогда уже настало время не поклоняться богам другим. Вот поэтому-то и повелевал им тотчас же деятельно исполнять это. Будущее же, изображавшееся еще в прообразах, Он допускал предсозерцать в уме, как бы держать в памяти.

Кроме того, надо иметь в виду и вот что. Прекрасно, должным образом учредив относящееся к вере, Он тотчас же делает упоминание об обетовании, относящемся к концу веков, и только потом определяет другие законы, как-то: «Чти отца твоего и мать твою» и «Не убивай» и прочие (Исх. 20, 12). Это для того, чтобы мы не думали, что оправдываемся от дел, и чтобы ожидали в будущем великих и обильных даров Божиих не как плод собственных трудов, но, напротив, как благодать по вере. Поэтому тотчас же рядом с верою, пред законами о благочестивом образе жизни, появляется благодать ожидаемых благ.

Итак, субботний отдых означает жизнь святых в покое и святости, когда, освободившись от всех скорбей и прекратив всякий труд, они будут услаждаться небесными благами. Посему и блаженный Павел, когда вел речь для нас об этом, считал нужным точнее исследовать образ субботствования народа и говорил так:

«Против кого же поклялся, что не войдут в покой Его, как не против непокорных? И видим, что не могли войти за неверие» (Евр. 3, 18—19). Поскольку некоторые думали, что земля покоя, которую Давид назвал и землею живых (Пс. 26, 13), это именно та, в которую они шли, выйдя из земли Египетской (хотя она бралась в прообраз имеющей быть дарованною святым от Христа), то премудрейший Павел старается показать, что земля, распределенная тогда по жребию согласно постановлениям Иисуса Навина между сынами Израилевыми, была прообразом ожидаемой земли.

Что это берется в прообраз истины, Апостол решительно разъясняет далее, приводя для доказательства такое умозаключение: «Итак, если предстоит еще некоторым войти в нее, а прежде получившие благовестие не вошли из-за неверия, то опять определяет некий день, говоря чрез Давида «днесь»: днесь (сегодня), если голос Его услышите, не ожесточайте сердец ваших, как при прогневлении — ибо если бы Иисус Навин упокоил их, то Бог чрез Давида не говорил бы после того о другом дне» (Евр. 4, 6—8).

Видишь, как Апостол решительно устранил кажущееся противоречие. Ведь кто-либо, защищая иудейские взгляды, мог бы на это тотчас возразить: «Что, любезнейший, говоришь ты? Разве не ввел Иисус Навин народ в землю обетованную? Разве израильтяне не нашли себе в ней отдых и покой?» — Да, отвечает, но как бы в прообразе истинного покоя и отдыха и в подобии. Ведь если только в этом одном заключается благодать Бога и вся мера данного Им обетования, и на тогдашних людях исполнились надежды Израиля, и подзаконное писание ничего другого не означает — то каким же образом спустя уже столько времени после тех дней снова определяется чрез блаженного Давида другое время? Значит, Иисус Навин еще не доставил им покоя.

Итак, премудро и весьма глубокомысленно показав прообраз и предзнаменование духовных предметов в исторических событиях, Апостол уже разъясняет таинственный и сокровенный смысл закона о субботе, присоединяя: «Следовательно, остается еще субботство для народа Божия: ибо вошедший в покой Его и сам упокоился от всех дел своих, как и Бог — от Своих» (Евр. 4, 9—10). Разве отсюда уже не следует с совершенной ясностью, что разумение святых считает покоем освобождение и от тех трудов, которые состоят в делах добродетели,— когда светлый сонм святых будет наслаждаться прежде совершенными в этой жизни подвигами, по подобию с Творцом всяческих, почившим и радовавшимся в седьмой день, как об этом в книге Притчей говорит Премудрость: «Я была та, которою Он радовался, совершив вселенную, и радовалась я в сынах человеческих» (Притч. 8, 30—31).

Итак — возвращусь опять к началу и уясню смысл всего изречения,— отдых в субботу означает свободную от трудов жизнь святых. Все блага будут тогда подаваться от Бога святым без труда с их стороны, и мы уже не будем тогда совершать греха, служащего началом зла, так как он с корнем будет уничтожен в нас, так же как и тот, кто обычно сеет его в нас,— согласно сказанному: «Не будет там льва, и ни один из злых зверей не взойдет туда, но будет там путь чистый, и путем святых назовется» (Ис. 35, 9 и 8), но дух святых будет без труда обладать всеми благами, Поэтому-то и собирающий в субботу дрова подвергается смерти через побиение камнями (Чис. 15, 36) как преступивший в прообразе против истины, ибо мы, достигши оного отдыха и покоя, никогда не должны

выходить из досточудного и преславного добродетелями образа жизни, как те — из своего шатра, равно как не должны мы собирать питатель и матерь огня — грех, как те собирали дрова по великому неразумию своему, не поняв прообраза, указывавшего на истину. Вот почему он как уличенный в великом неразумии и подвергался побиению неразумными же камнями от совершавших наказание, получая в самой казни изображение качества своих нравов.

Итак, что тогда (после кончины мира) мы не будем совершать мерзостного греха,— это ясно, как ясно и то, что не станем достигать полезного себе посредством трудов. И на это также, как бы в загадке, указано в Моисеевых книгах. Наподобие росы ниспослал Бог сынам Израилевым манну в пустыне и дал им хлеб ангельский, по написанному (Пс. 77, 25). Потом чрез премудрого Моисея определяет о ней такой закон: «Ешьте ее (манну) сегодня; ибо сегодня суббота (покой) Господу; сегодня не найдете ее на поле: шесть дней собирайте, а в день седьмой — покой, нет ее во время него» (Исх. 16, 25—26). Этим указывается на то, что до конца веков нам следует трудом собирать для нас полезное и питающее нас к жизни вечной, подобно как те, ходя по обширной пустыне, отовсюду собирали себе манну в пищу. А в седьмой день, то есть уже по скончании мира, пройдет время собирать полезное и мы будем наслаждаться уже прежде приобретенными благами, согласно сказанному Псалмопевцем: «Плоды трудов твоих вкуси» (Пс. 127, 2).

Итак, Законодатель и Бог, не о тенях заботясь, но предуказывая на самый образ вещей, заповедал, что не должно трудиться в субботу. Но некоторые, презирая определенный им об этом закон и позволяя себе дерзко оскорблять Владыку всех, рассудили, что и в субботу можно ходить собирать манну. И это дерзкое решение они не только имели в уме своем, но и исполняли на самом деле. За это Законодатель также обвиняет их и говорит: «Доколе не хотите слушаться заповедей Моих и закона Моего? Смотрите, Господь дал вам день сей (субботу) для покоя: поэтому Он дал вам в день шестой хлеба на два дня, сидите каждый в доме своем, никто из вас да не выходит от места своего в день седьмой» (Исх. 16, 28—29). Разве не видишь, что, предуказывая нам под образом покоя жизнь, свободную от всякого труда и изнурения, совсем не позволяет делать что-либо в субботу? Ведь не только не позволяет собирать манну, но при этом заповедует еще, что отнюдь не должно оставлять своего дома и выходить

из своих мест. Чему желает научить нас этим, это мы изложим, представив родственное сему и точно такое же изречение. Так, блаженный пророк Иеремия говорит иудеям следующее: «Так говорит Господь: сохраните души ваши, и не поднимайте нош в день субботний, и не выходите воротами Иерусалимскими, и не выносите нош из домов ваших в день субботний, и никакой работы не совершайте: освятите день субботний, как заповедал Я отцам вашим» (Иер. 17, 21—22). Что же следует отсюда? Побуждая нас к бодрствованию, повелевает оберегать свою душу, ибо таким образом нам легко уже будет достигнуть ожидаемого покоя.

В других же словах этого изречения Он ясно открывал, какие блага ожидают достигших сего. Так, Он не дозволяет никому обременять себя ношами, так как в то время уже никто не будет брать на себя невыносимой тяжести греха. Тогда настанет время святости, исконный грех совершенно уничтожится и душа каждого обновится в состояние непрестанной добродетели.

Не дозволяет также и ходить вне врат Иерусалима. Но ведь и светлый сонм святых, по истинному и правому учению, непрестанно будет населять небесный Иерусалим и не будет выходить из святого города, напротив — всегда будет пребывать в нем, Божественною силою хранимый, так что совершенно невозможно будет ему лишиться однажды данных благ, «ибо непреложны дарования и призвание Божие», по святому Павлу (Рим. 11, 29).

Затем в словах «не выходите каждый от места своего», очевидно, указывает на то, что у Бога и Отца «обителей много» (Ин. 14, 2), по слову Спасителя. Ясным прообразом этого служила также и святая скиния, получившая «десять дворов» («десять покрывал»). Каждому дана будет обитель по его достоинству и, соответственно, его подвигам. Но получив в обладание тамошние обители, они уже всегда будут обитать в них и никогда не дойдут до отпадения от дарованных им от Бога благ. Достоверным свидетелем этого послужит нам Исаия-пророк, который об этом говорит так: «Глаза твои увидят Иерусалим, город богатый, шатры, которые не поколеблются и не подвигнутся в вечное время» (Ис. 33, 20). Словами, что шатры в богатом городе не поколеблются, указывает на непрестанность пребывания и жительства в нем.

Но, кроме того, говорит еще: «Никакой работы не совершайте в день сей и освятите день субботний», чем, как мы уже часто говорили, указывается на отдых и покой и в то и в будущее времена и во все святое время, посвященное для празднества Христу.

Что в субботу нам отнюдь не подобает работать, но напротив — удаляться и освобождаться от всего, ведущего нас к труду и изнурению, это можем узнать и из других узаконений. Так, в книге Исход говорится: «Шесть лет засевай землю и собирай плоды ее, а в седьмой — давай покой ей и оставляй ее» (Исх. 23, 10—11). И в Левит: «Когда войдете в землю, которую Я дам вам, тогда должна покоиться земля, которую Я дам вам, в субботу Господню: шесть лет будешь засевать поле твое и шесть лет срезать виноград твой, и собирать плоды твои, а в год седьмой — покой будет земле, суббота Господу» (Лев. 25, 2—4). Не землю, конечно, оставляет быть свободною от трудов и не для нее, собственно, давал закон об этом, но посредством оставления в покое земли старался предоставить отдых тем, которые приобрели ее. Так многообразно указывал нам на празднество Христово, в которое проведшие жизнь в страхе Божием достигнут совершенной и всецелой свободы в святости и преизобильнейшей благодати Духа. И это также можем узнать из Моисеевых заповедей. «Когда продастся тебе брат твой или сестра твоя, еврей или еврейка, шесть лет будет служить тебе, а в год седьмой — отпущение» (Втор. 15, 12), то есть: рабствовавшие некогда греху и порочными удовольствиями некоторым образом продавшие себя диаволу, оправдавшись во Христе чрез веру, мы взойдем в истинный и святой покой, облечемся посредством благодати в свободу и будем блистать божественными благами.

Святитель Кирилл Александрийский

Древний день субботний, празднованный в память сотворения мира, не вполне стал радостен с того времени, как сотворенное повреждено грехом, и по справедливости уступил свою славу новому дню воскресному, в память нового творения, которым мы *созданы на* дела *благая во Христе, Иисусе, порождены во упование живо воскресением Иисус Христовым от мертвых* (Еф. 2, 10; 1 Пет. 1, 3). Видите, как Господь субботы не разорил ее, но еще возвысил. И если свят был древний день Господень, день субботы, в память первого творения временного, то не паче ли должен быть свят и благоговейно чтим новый день Господень, день воскресный, день радости нового творения, пребывающего во веки?»

Троицкие листки. Толкование на Евангелие

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание 2-е, 2008

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 556

Каким образом надлежит христианам праздновать праздники свои?

Из Слов прп. Симеона Нового Богослова

Кто добре познает и уразумеет, что он создан из ничего и что нагим вошел в мир сей, тот познает и Творца своего, и Его единого будет бояться и любить, и Ему единому служить от всей души своей, ничего из видимых вещей не предпочитая Ему. Убеждаясь из познания себя самого, что странник есть для всего земного или, лучше сказать, и для всего небесного, он всю ревность души своей отдает на служение Творцу своему и Богу.

Ибо если он странник для земного, из которого взят (при сотворении), среди которого живет и проводит век свой, тем паче странник для небесного, от которого так далек и по образу бытия своего здешнего, и по образу жизни своей. Кто же убедится таким образом из познания себя самого, что странник есть на земле, и будет содержать в мысли, что как нагим вошел в мир сей, так нагим и выйдет из него, тому что предлежит, кроме плача и рыдания не о себе только одном, но и о всех сродных с ним и подобострастных ему людях? Равным образом, кто любит и боится Бога, и Его единого, тот, скажи мне, прошу тебя, согласится ли блистать чем-либо плотским и вещественным? Или, если праздник придется ему отпраздновать, станет ли он праздновать и торжествовать по общему всех людей обычаю — несмысленно и без толку? Или как возможно, чтоб он подумал что-либо или сделал какое-либо дело, зная, что то неугодно Богу? Также, кто убежден, что он странник, беден, наг от всего, хотя бы многим обладал, возможно ли, чтоб он стал хвастаться богатством своим? Или возможно ли, чтобы гордиться стал тем, что делает в праздники свои? Выситься по причине множества поставленных им свечей и возженных лампад, или из-за духов и ароматов, или по причине многолюдства собравшегося народа и обильных и дорогих трапез? Или величаться знатностию друзей и посещением славных вельмож? Нет, не станет он много о себе думать из-за того, ибо знает, что все это ныне есть, а завтра прейдет, ныне занимает, а завтра исчезнет. Таковый, зная, в чем состоит богоугодное празднество, совсем не имеет в уме своем и в чувстве своем того, что обыкновенно бывает чувственного на праздниках (ибо этим обыкновенно заняты бывают те лишь, которые не помышляют ни о чем высшем видимого), но умом премудрым рождает помышления духовные и восторгается к созерцанию празднственно-

го веселия, имеющего быть в будущей жизни, и им сердечно сосласждается, как бы там уже был самым делом и духовно праздновал со Ангелами и святыми, у которых на небе всегда праздник. Таковый не смотрит на свечи и лампады, ни на множество народа, ни на собрание друзей, но к тому устремляет ум свой, что вскоре имеет быть по сих, когда то есть погаснут все вещественные светы и самый свет очей, и всякий отойдет в дом оный на вечное пребывание.

Впрочем, скажу наперед, что говорят некоторые в защиту сего.

—Так что же? Не возжигать ни лампад, ни свечей? Не воскурять фимиама и никаких благовоний? Не созывать народа на праздники и не приглашать ни певчих, ни друзей и знаемых, ни людей знатных? Это ли говоришь? Так ли велишь?

— Нет, этого я не говорю. Да не будет. Напротив, советую тебе все это делать, даже в больших размерах. В этом я совершенно с тобою согласен. Но желаю, чтобы ты знал, каким образом при всем том надлежит христианам праздновать праздники свои. И вот я изъясню тебе таинство празднества христианского.

Что же это за таинство?

Возжигаемые тобою лампады представляют мысленный свет, чтобы напоминать тебе, что как церковь вся в свете от множества лампад, так и дом твоей души (который тоже Божий есть), честнейший паче рукотворенного храма, должен быть весь в духовном свете, то есть в нем должны светить все духовные добродетели, быв возжены божественным огнем благодати, и освещать всего тебя так, чтобы в душе твоей не оставалось ни одного местечка неосвещенного. Множество возженных свечей означают светлые помыслы, которые должны светить в тебе, подобно свечам, так, чтобы не было ни одного мрачного помысла в доме души твоей, но чтобы все были огненны и блистали светом Духа Святого, и в тебе не было недостатка ни в одном из светоносных помыслов рассуждения. Благоуханные масти, разливающие благовоние, указывают тебе на духовное миро, то есть на благодать Святого Духа, и тем, что они составлены из разных специй, научают, что сие духовное миро надлежит стяжать и тебе так, чтоб оно было разнообразно, то есть было составлено из различных даров Святого Духа. Сие духовное миро предызображая, пророк называет его в псалмах то росою, сходящею на горы Сионские, то миром, сходящим на браду Аароню и на ометы одежды его (Пс. 132, 2). Таков есть Дух Святой, Который сходит от Отца светов на достойных духовных мужей, а от них передается и другим, и освежает всех, как роса. Фимиам кадильный, который, воскуряясь, издает дым благовонный, указывает тебе на ту же благодать Святого Духа, но в том уже отношении, как она извнутрь восходит горé, или как она из того, кто восприял действо

Святого Духа, исторгается, как источник воды, текущий в живот вечный. Тут она и освещает светозарно, и в то же время облагоухавает чувства духовным благоуханием: освещает, яко свет, видимый теми, кои чисты сердцем; облагоухавает, как древо жизни, которое, умерщвляя пожелания плотские, разливает всюду благоухание духовных стремлений и чувств и радостию чистою возвеселяет сердца всех верных.

И не это только означает бывающее на праздниках, но и ко многим другим духовным помышлениям подает оно повод. Так, если Бог так украсил и прославил благоуханием это бездушное миро, то не украсит ли Он и тебя, которого создал по образу и подобию Своему (конечно, если захочешь), разными видами добродетелей и не прославит ли благоуханием Святого Духа? Эти масти, составляемые руками человеческими и благоуханием своим услаждающие чувства твои, мудрым образом представляют создание тебя самого, ибо как эти масти, сложенные из разных ароматов, приготовляют руки миротворцев, из разных специй делая едино благоуханное вещество, так и тебя создали руки Божии и премудро сгармонировали с духовными видами мира духовного, то есть с дарами Животворящего Духа. И надлежит тебе благоухать вонею разума и премудрости, чтобы слушающие словеса учения твоего были облагоухаваемы в чувствах души своей и радовались радостию духовною.

А толпы народа, собирающиеся на праздник и велегласно воспевающие хвалу Богу, означают небесные чины и несметные воинства Ангелов, которые воспевают и славословят небесного Владыку за великое спасение, устроенное тебя ради. Хвала и песнь, поемые народом, представляют та́инственное оное пение, немолчно совершаемое Ангелами, чтоб и тебя научить соделаться земным ангелом и та́инственно и немолчно петь невещественными устами сердца Бога, создавшего тебя.

Други и знаемые, и знать, собравшиеся на праздник, научают тебя присутствием своим, что и тебе надлежит возревновать о том, чтобы посредством делания всех заповедей и чрез богатство добродетелей сочислиться и сделаться сожителем с апостолами, пророками, мучениками и всеми святыми. Если так празднуешь ты, возлюбленный, праздники свои, и если сам ты таков, как показало мое слово, то воистину духовное совершаешь ты празднество и спразднуешь Ангелам.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 557

СЛОВО
на святое Богоявление
священномученика Ипполита Римского

ВГОЖВЛЄ
НИЄ ГДНЄ
ІС
ХС

СЛОВО
на святое Богоявление

священномученика Ипполита Римского

I. Все, что сотворил Бог и Спаситель наш; все, что только видит глаз и о чем размышляет душа, что постигает ум и к чему прикасается рука; что обнимает мысль и объемлет человеческое естество — все это прекрасно и даже очень прекрасно. В самом деле, что может быть разнообразнее красоты небесного свода? Что может быть столь многоцветным сравнительно с видом земной поверхности? Что может оказаться быстрее солнечного движения? Что может сравниться с приятностию лунного блеска? Что может быть удивительнее многосложной стройности светил? Что окажется плодотворнее благовременных ветров для произрастания плодов? Что может быть прозрачнее дневного света? Какое животное может быть совершеннее человека? Словом, все, что сотворил Бог и Спаситель наш, весьма хорошо. Если обратимся также к веществу воды, то и в данном случае какой дар может оказаться нужнее ея? Ведь водою все омывается, и пита-

ется, и очищается, и орошается. Вода содержит землю, вода производит росу, утучняет виноград. Вода доводит до зрелости колосья, вода истребляет горечь в виноградных плодах, вода умягчает маслину, вода делает сладким финик, вода украшает розу и испещряет цветами фиалку, вода питает лилию с ея блистающими чашечками. Да и к чему мне продолжать дальше речь? Без вещества водного ничто из всего видимого и существовать не может. Водное вещество оказывается столь необходимым, что в то время, как все прочие стихии имеют свое жилище под небесными сводами, оно получило для себя вместилище и над небесами. И об этом свидетельствует сам пророк, когда взывает: *Хвалите Господа небеса небес и вода, яже превыше небес, да восхвалит имя Господне.*

II. Но не этим только ограничивается достоинство воды. Более же всего достохвальным в ней является то, что Творец всех вещей — Христос снисшел, как дождь; познан был, как источник, разлился, как река, и крестился в Иордане. Вот сейчас ты слышал, как Иисус пришел к Иоанну и крестился от него в Иордане. Чудное дело! Необъятная Река, веселящая град Божий, омылась в небольшом количестве воды. Непостижимый Источник, производящий жизнь для всех людей,— Источник, не имеющий пределов, покрылся скудными, скоро иссякающими водами. Тот, Который всюду пребывает и все наполняет; Тот, Который непостижим для ангелов и невидим для людей,— грядет ко крещению по собственному благоизволению. Когда же ты слышишь эти слова, возлюбленный, то не понимай их естественным разумением, а принимай

их в том смысле, что здесь предлагается тайна искупления. Вот почему и от естества водного не сокрылось то, что Господь по своему человеколюбивому снисхождению совершил втайне: ибо *видеша* Его *воды, и убояшася.* Они едва не выступили и не побежали от берегов своих. Ввиду этого пророк, еще задолго созерцая это событие, вопрошал: *Что ти есть, море, яко побегло еси, и тебе, Иордане, яко возвратился еси вспять?* А воды на это говорили в ответ: "Мы увидели Творца всех вещей в *образе раба и,* не понявши таинства домостроения, подвиглись от страха".

III. И вот теперь, когда уже нам стало известно домостроительство, мы прославим милосердие Господа за то, что Он пришел спасти мир, а не осудить. Ведь и Иоанн, предтеча Господень, прежде не знавший этого таинства, но после познавший, что Иисус есть воистину Господь, воззвал к тем, которые шли к нему креститься: *Рождения ехиднова!* Что вы так внимательно смотрите на меня? *Я не Христос!* Я служитель, а не Властелин; я частный человек, а не Царь; я овца, а не Пастырь; я человек, а не Бог. Рождением Своим я разрешил неплодство матери; но не оставил девства неплодным. Я — произведение нижних, а не от вышних нисшел. Я связал язык своего отца и не изъяснил божественной благодати. Я был узнан материю, но не предзнаменован звездою. Я беден и ничтожен; но *грядет по мне, иже предо мною бысть: по мне* — в отношении ко времени; а *предо мною* — в отношении к неприступному и неизглаголанному свету Божества. *Грядый по мне— креплий мене, Ему же несмь достоин сапоги понести: Той вы крестит Духом Святым и огнем.* Я нахожусь под властию, а Тот Сам имеет власть. Я пови-

нен в грехах, а Тот — Истребитель грехов. Я проповедую закон, а Тот предносит свет благодати. Я учу, как раб, а Он судит, как Господь. Мне ложем служит земля, а Он обладает небом. Я крещу крещением покаяния, а Он дарует благодать сыноположения. Он будет крестить вас Духом Святым и огнем. Что же вы устремляете на меня свои взоры? Я — не Христос!

IV. Когда таким образом Иоанн держал речь к толпе и народ с нетерпением ожидал увидеть своими чувственными очами какое-нибудь поразительное зрелище; когда при этом диавол трепетал при столь важном свидетельстве Иоанна: вот является Сам Господь, в простом виде, одинокий, без украшений, без спутников, облеченный в человеческую плоть, скрывающий свое божественное достоинство, чтобы утаить его от козней дракона. И Он не только приступил к Иоанну, как Господь, сложивший с Себя царское величие, но и как простой человек, повинный греху, преклонил пред ним свою голову, чтобы принять от него крещение. Вот почему Иоанн, увидев столь великое смирение, изумился и начал Его удерживать; он сказал при этом то, что вы только что слышали: *Аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мне?* Что ты делаешь, Господи? Ты учишь неправильно. Я возвестил одно, а Ты совершаешь другое. Диавол слышал одно, а видит другое. Крести же Ты меня огнем божественным. Чего Тебе ждать отъ воды? Просвети меня Духом, а от твари чего Тебе ждать? Крести меня — крестителя, чтобы познали Твое достоинство. Я, Господи, крещу крещеним покаяния, и тех, которые приходят ко мне немощному, я

могу крестить только в том случае, если они исповедуют грехи свои. Допустим: я пожелаю Тебя крестить; но в чем Ты будешь исповедываться? Ты — истребитель грехов, а Сам желаешь креститься крещением покаяния? Допустим: несмотря и на это, я дерзну крестить Тебя; но ведь Иордан не дерзнет приблизиться к Тебе. *Аз требую Тобою креститися, и Ты ли грядеши ко мне?*

V. А что же отвечает ему на это Господь? *Остави ныне: тако бо подобает нам исполнити всяку правду.* Оставь же, Иоанн: ты не мудрее Меня. Ты смотришь, как человк; Я же провижу, как Бог. Прежде Мне Самому должно совершить и потом уже научить. Я ничуть не поступаю неблагопристойно: ведь Я облечен благолепием. Ты удивляешься, Иоанн, что я не пришел с блеском моего достоинства? Действительно, как простому человеку не прилична царская порфира, так, напротив, царю приличествует воинственное снаряжение. Но разве Я пришел ко врагу, а не к другу? *Остави ныне: тако бо подобает Нам исполнити всяку правду.* Я — исполнитель закона, и ничего не хочу оставить в нем без исполнения, чтобы после Меня Павел мог воззвать: *Кончина закона — Христос в правду всякому верующему. Остави ныне: тако бо подобает Нам исполнити всяку правду.* Крести Меня, Иоанн, чтобы никто не презирал крещения. От тебя — раба Я крещаюсь, чтобы никто из царей или князей не возгнушался креститься от смиренного священника. Допусти Меня сойти в Иордан, чтобы они могли услышать Отчее свидетельство и узнать могущество Сына. *Остави ныне: тако бо подобает Нам исполнити всяку правду.*—Тогда, наконец, Иоанн допуска-

ет Его. И крестившись, Иисус тотчас же вышел из воды, и отверзлись Ему небеса, и вот Дух Божий сошел в виде голубя и почил на Нем; и вот голос с небес, который говорил: *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих.*

VI. Видишь, возлюбленный, сколь многих и великих благ мы должны были бы лишиться, если бы только Господь уступил убеждению Иоанна и отказался от крещения! В самом деле, до сих пор небеса были заключены; вышняя область оставалась недоступной. Мы нисходили в нижние области и не восходили в вышние. И вот только что Господь крестился, как в то же время Он обновил ветхого человека и снова вверил ему право сыноположения, ведь тотчас же *Ему отверзошася небеса.* Последовало примирение видимого с невидимым; преисполнились радостью небесные воинства, уврачевались земные немощи, открылись неизреченные до сих пор вещи, сделалось близким то, что было прежде враждебным. Вот ты слышал Евангелиста, который говорит: *отверзошася Ему небеса.* А открылись они ради трех чудных вещей. В самом деле, когда крестился Жених —Христос, в это самое время небесные чертоги должны были отверзать свои блистательные врата. Точно также, когда Дух Святой сходил в виде голубя и раздавался всюду Отчий глас, надлежало, чтобы врата небесные возвысили верхи свои. *И се отверзошася Ему небеса, и се глас с небесе, глаголя: Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих.*

VII. Возлюбленный рождает Любовь и Свет невещественный рождает Свет неприступный. *Сей есть Сын Мой*

возлюбленный,— Сын, Который явился на земле и в то же время не оставил недр Отчих. Он явился и не явился; ибо не то Он был, чем казался. В противном случае,— если судить только по тому, как Он явился, то крещающий имел преимущество пред Крещаемым. Вот почему Отец ниспослал с небес Святого Духа на Крещаемого. Причем подобно тому, как в Ноевом ковчеге человеколюбие Божие проявилось при посредстве голубя, подобно этому и теперь Дух, нисшедший в виде голубя и несущий как бы масличный плод, опочил на Том, о Котором было свидетельство. Зачем же это? — А для того, чтобы познали силу Отчего гласа и была утверждена уверенность в пророческое предсказание, раздавшееся еще задолго ранее. Какое же предсказание? *Глас Господень на водах: Бог славы возгреме, Господь на водах многих.* Какой же голос? *Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Немже благоволих.* Сей, названный Сын Иосифа, в то же время есть и Мой единородный Сын по Божественному существу. *Сей есть Сын Мой возлюбленный:* хотя Он алчет, но питает тысячи; хотя трудится, но в то же время восстановляет трудящихся; хотя не имеет, где главы преклонити, но Он все содержит в руке (Своей); хотя страждет, но в то же время и врачует страдания; хотя терпит удары, но дарует миру свободу; хотя прободается копьем в ребро, но исправляет ребро Адама.

VIII. Но прошу вас: уделите мне еще внимания. Я хочу обратиться к Источнику жизни; я хочу созерцать Источник, источающий исцеления. Бессмертный Отец послал в мир бессмертного Сына и Слово,—Того Сына, Который явился к человеку, чтобы омыть его водою и Духом, и чтобы, возро-

див к бессмертию души и тела, вдохнуть в нас Духа жизни и таким образом облечь нас в нетленное всеоружие. Итак, если бессмертным сделался человек, то он будет также и причастником Божественного естества. Если далее, после возрождения от купели, совершенного при помощи воды и Духа, он делается причастником Божественного естества, то он после воскресения из мертвых оказывается также и сонаследником Христовым. Итак, голосом проповедника взываю: приидите все племена языческие к тому бессмертию, которое даруется в крещении. Я жизнь возвещаю вам, пребывающим во мраке неведения. Приидите же от рабства к свободе, от тирании к царству, от тления к бессмертию. А как,— вы скажете,— мы придем? Как? — водою и Духом. Причем эта вода, соединенная с Духом, и есть та самая вода, которою орошается рай, которою утучняется земля, которой возращаются растения, которой рождаются животные; одним словом, которой человек возрожденный оживотворяется*:* в ней и Христос крестился, на нее и Дух сошел в виде голубя.

IX. Это и есть тот самый Дух, Который носился изначала поверх воды,— Тот Дух, Которым движется мир, зиждется творение и все оживотворяется,— Тот Дух, Который **действовал в пророках и сошел н**а Христа. Это — Дух, Который был дарован апостолам в виде огненных языков. Этого именно Духа желал Давид, когда говорил: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и Дух прав обнови во утробе моей.* О Нем же говорил и Гавриил Деве: *Дух Святый найдет на Тя, и сила Вышняго осенит* Тя. Этим Духом Петр возгласил следующее блаженное слово: *Ты еси Христос, Сын Бога жи-*

ваго. Этим же Духом утвержден камень Церкви. Это — Тот Дух Утешитель, Который посылается и к тебе, чтобы показать, что ты — чадо Божие.

X. Итак, приступи и возродись, человек, для (получения) сыноположения Божия. Но каким образом? — ты скажешь. Если не будешь прелюбодействовать, совершать убийств и служить идолам; если не будешь увлекаться удовольствиями; если не будет над тобой господствовать страсть гордости; если истребишь в себе нечистоту и свергнешь с себя бремя греховное; если совлечешь с себя все оружие диавола и облечешься в броню веры, как говорит Исаия: *Измыйтеся, и чисти будите, отымите лукавства от душ ваших, научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу. И приидите, и истяжимся, глаголет Господь: и аще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю; аще же будут яко червленное, яко волну убелю. И аще хощете и послушаете* гласа *Моего благая земли снесте.* Видишь, возлюбленный, как **предсказал пророк очистительную силу крещения**. Тот, кто снисходит с верою в баню возрождения, отрицается сатаны и сочетается со Христом; отвергает врага и исповедует Христа Богом; совлекается рабства и облекается в сыноположение*;* восходит от (купели) крещения светел, как солнце, и испускает лучи праведности. А что всего важнее в данном случае, так это — то, что он возвращается сыном Божиим и сонаследником Христу. Ему слава и держава со всесвятым и благим и животворящим Его Духом ныне и присно и во все веки веков. Аминь.

Печатается по изданию:
Святитель Ипполит Римский. Творения. Выпуск 2.– М., 1997.

2004 год
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 12

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ № 558

Изъяснение Символа веры

Символ Веры

[1]Верую во единаго Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым. [2]И во единаго Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единороднаго, Иже от Отца рожденнаго прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, несотворенна, единосущна Отцу, Имже вся быша. [3]Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. [4]Распятаго же за ны при Понтийстем Пилате, и страдавша, и погребенна. [5]И воскресшаго в третий день по Писанием. [6]И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки. Во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. [10]Исповедую едино крещение во оставление грехов. [11]Чаю воскресения мертвых, [12]и жизни будущаго века.

Аминь.

Изъяснение Символа веры

Веровать в Бога — значит иметь живую уверенность в Его бытии, свойствах и действиях и всем сердцем принимать откровенное слово Его о спасении рода человеческого. Бог есть един по существу, но троичен в Лицах: ***Отец, Сын и Святой Дух,*** Троица единосущная и нераздельная. В Символе веры Бог называется Вседержителем, потому что все, что ни есть, Он содержит в Своей силе и Своей воле. Слова ***Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым*** означают, что все сотворено Богом и ничто не может быть без Бога. Слово ***невидимым*** указывает, что Бог сотворил невидимый, или духовный, мир, к которому принадлежат Ангелы.

Сыном Божиим называется второе Лицо Святой Троицы по Своему Божеству. Он назван ***Господом,*** потому что Он есть истинный Бог, ибо имя Господь есть одно из имен Божиих. Сын Божий назван ***Иисусом,*** то есть Спасителем, это имя наречено самим Архангелом Гавриилом. ***Христом,*** то есть Помазанником, назвали Его пророки — так издавна называли царей, первосвященников и пророков. Иисус, ***Сын Божий,*** назван так потому, что Его человечеству безмерно сообщены все дары Духа Святого и, таким образом, Ему в высочайшей степени принадлежат ведение пророка, святость первосвященника и могущество царя. Иисус Христос называется ***Сыном Божиим Единородным,*** потому что Он

только один есть Сын Божий, рожденный из существа Бога Отца, и потому Он — единого существа с Богом Отцом. В Символе веры сказано, что Он ***рожден от Отца,*** и этим изображается то личное свойство, которым Он отличается от других Лиц Святой Троицы. Сказано ***прежде всех век,*** чтобы никто не думал, что было время, когда Его не было. Слова ***Света от Света*** некоторым образом изъясняют непостижимое рождение Сына Божия от Отца. Бог Отец есть вечный Свет, от Него рождается Сын Божий, Который также есть вечный Свет; но Бог Отец и Сын Божий есть единый вечный Свет, нераздельный, единого Божеского естества. Слова ***Бога истинна от Бога истинна*** взяты из Священного Писания. Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. *Сей есть истинный Бог и жизнь вечная* (1 Ин. 5, 20). Слова ***рожденна, несотворенна*** прибавлены святыми отцами Вселенского собора для обличения Ария, который нечестиво учил, что Сын Божий сотворен. Слова ***единосущна Отцу*** означают, что Сын Божий есть одного и того же Божественного существа с Богом Отцом. Слова ***Имже вся быша*** показывают, что Бог Отец все сотворил Сыном Своим как вечною премудростию Своею и вечным Словом Своим. ***Нас ради человек и нашего ради спасения*** — Сын Божий, по обещанию Своему, пришел на землю не для одного какого-либо народа, а вообще для всего рода людского. ***Сшедшаго с небес*** — как Сам о Себе говорит: *Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах* (Ин. 3, 13). Сын Божий вездесущ и потому всегда был на небе и на земле, но на земле Он прежде был невидим и стал видим лишь когда явился во плоти, воплотился, то есть принял на Себя плоть человеческую, кроме греха, и сделался человеком, не

переставая быть Богом. Воплощение Христово совершилось содействием Святого Духа, так что Святая Дева как была Девою прежде зачатия, так и в зачатии, и после зачатия, и в самом рождении пребыла Девой. Слово ***вочеловечшася*** прибавлено, чтобы никто не подумал, что Сын Божий принял одну плоть или тело, но чтобы в Нем признавали совершенного человека, состоящего из тела и души. Иисус Христос был распят за нас — Он крестною смертию Своею избавил нас от греха, проклятий и смерти. Слова ***при Понтийстем Пилате*** указывают на время, когда Он был распят. Понтий Пилат — римский правитель Иудеи, которая была покорена римлянами. Слово ***страдавша*** прибавлено, чтобы показать, что распятие Его было не одним видом страдания и смерти, как говорили некоторые лжеучителя, но подлинное страдание и смерть. Он страдал и умер не Божеством, а человечеством, и не потому, что не мог избежать страдания, а потому, что восхотел пострадать. Слово ***погребенна*** удостоверяет, что Он, действительно, умер и воскрес, ибо враги Его приставили даже стражу ко гробу и запечатали гроб. И ***воскресшаго в третий день по Писанием*** — пятый член Символа веры учит, что Господь наш Иисус Христос силою Божества Своего воскрес из мертвых, как написано о Нем у пророков и в псалмах, и что Он воскрес в том же теле, в котором родился и умер. Слова по Писанию означают, что Иисус Христос умер и воскрес точно так, как о том пророчески написано в книгах Ветхого Завета.

И возшедшаго на небеса, и седяща одесную Отца — эти слова заимствованы из Священного Писания: *Нисшедший, Он же есть и восшедший превыше всех небес, дабы наполнить все* (Еф. 4, 10).

Мы имеем такого Первосвященника, Который воссел одесную престола величия на небесах (Евр. 8, 1). Слова ***седяща одесную,*** то есть сидящего с правой стороны, надо

понимать духовно. Они значат, что Иисус Христос имеет одинаковое могущество и славу с Богом Отцом. ***И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Егоже Царствию не будет конца*** — Священное Писание так говорит о будущем пришествии Христовом: *Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо* (Деян. 1, 11).

Дух Святой называется ***Господом,*** потому что он, как и Сын Божий,— истинный Бог. Дух Святой называется *Животворящим,* потому что Он вместе с Богом Отцом и Сыном дает тварям жизнь, особенно духовную людям: *если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие* (Ин. 3, 5). Дух Святой *исходит от Отца,* как говорит об этом Сам Иисус Христос: *Когда же приидет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне* (Ин. 15, 26). Духу Святому приличествует поклонение и прославление, равное со Отцом и Сыном — ибо Сам Иисус Христос повелел крестить *во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19). В Символе веры сказано, что Дух Святой глаголал через пророков — это основано на словах апостола Петра: *никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым* (2 Пет. 1, 21). Причастным Духа Святого можно сделаться через Таинства и усердную молитву: *если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец Небесный даст Духа Святаго просящим у Него* (Лк. 11, 13).

Церковь едина, потому что она есть одно духовное тело, имеет одну Главу Христа, и одушевляется одним Духом Божиим. Церковь ***Святая,*** потому что *Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив*

банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна (Еф. 5, 25-27). Церковь ***Соборная,*** или, что то же, кафолическая, или Вселенская, потому что она не ограничивается никаким местом, ни временем, ни народом, но включает в себя истинно верующих всех мест, времен и народов. Церковь ***Апостольская,*** потому что она непрерывно и неизменно от апостолов сохраняет и учение, и преемство даров Святого Духа через священное рукоположение. Истинная Церковь называется также ***Православной,*** или Правоверующей.

Крещение — это Таинство, в котором верующий, при троекратном погружении тела в воду, с призыванием Бога Отца, и Сына, и Святого Духа умирает для жизни плотской, греховной и возрождается от Духа Святого в жизнь духовную, святую. ***Крещение едино,*** потому что оно есть духовное рождение, а родится человек однажды, потому и крестится однажды.

Воскресение мертвых — это действие всемогущества Божия, по которому все тела умерших людей, соединясь снова с их душами, оживут и будут духовны и бессмертны.

Жизнь будущаго века — это жизнь, которая будет после Воскресения мертвых и Всеобщего суда Христова.

Слово ***Аминь,*** завершающее Символ веры, означает “Истинно так”. Церковь хранит Символ веры с апостольских времен и будет хранить его вечно. Никому и никогда нельзя ни убавить, ни добавить что-либо к этому Символу.

Профессор МДА Алексей Осипов

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 559

Почему именно Православие – истинная вера

ПОЧЕМУ ИМЕННО ПРАВОСЛАВИЕ – ИСТИННАЯ ВЕРА

В настоящее время все мы находимся в такой жизненной ситуации, когда уже никоим образом и никакими стенами не можем отделить себя от окружающего мира. Какова она? Мы живем в мире религиозного плюрализма. Мы оказались перед лицом такого множества проповедников, каждый из которых предлагает нам свои идеалы, свои нормы жизни, свои религиозные воззрения, что предыдущее поколение, пожалуй, не позавидует нам. У них было проще. Основная проблема, перед которой они стояли, была проблема религии и атеизма.

Есть Бог или нет Бога — это только первая ступень. Ну хорошо, человек убедился, что есть Бог. А дальше? Вер много, кем ему стать? Христианином, а почему не мусульманином? А почему не буддистом? А почему не кришнаитом? Ну ладно, пройдя сквозь дебри и джунгли этого многорелигиозного древа, человек стал христианином. Все понял, христианство — это лучшая религия, правильная.

Но какое христианство? Оно столь многолико. Кем быть? Православным, католиком, пятидесятником, лютеранином? Опять несть числа. Вот перед какой ситуацией оказалась сейчас современная молодежь. При этом представители новых и старых религий, представители неправославных конфессий, как правило, гораздо больше заявляют о себе и имеют значительно большие возможности пропаганды в средствах массовой информации, чем мы, православные.

Итак, первое, перед чем останавливается современный человек — это множество вер, религий, мировоззрений. Поэтому сегодня мне бы хотелось поскору, очень конспективно пройтись по этой анфиладе комнат, которая открывается перед множеством современных людей, ищущих истину, и посмотреть хотя бы в самых общих, но принципиальных чертах, почему все-таки человек должен, не только может, а действительно должен на разумных основаниях стать не просто христианином, но христианином православным.

Итак, первая проблема: “Религия и атеизм”. Приходится встречаться на конференциях, очень значительных, с людьми, которые, действительно, образованны, действительно ученые, не верхогляды, и приходится сталкиваться постоянно с одними и теми же вопросами. Кто такой Бог? Есть ли Он? Даже: зачем Он нужен? Или, если Бог есть, то почему Он не выступит с трибуны Объединенных Наций и не объявит о Себе? И такие вещи можно услышать. Что можно сказать на это?

Этот вопрос, как мне кажется, решается с позиции центральной современной философской мысли, которую легче всего выразить понятием экзистенциальности*. Существование человека, смысл человеческой жизни — в чем основное ее содержание? Ну, конечно, прежде всего в жизни. А как же иначе? Какой смысл я переживаю, когда сплю? Смысл жизни может быть только в осознании, “вкушении” плодов своей жизни и деятельности. И еще никто никогда не мог и во веки веков не будет считать и утверждать, что конечный смысл жизни человека может быть в смерти. Здесь и лежит непроходимый водораздел между религией и атеизмом. Христианство утверждает: человек, эта земная жизнь является только началом, условием и средством подготовки к вечности, готовься, тебя ожидает вечная жизнь. Оно говорит: вот что необходимо для этого сделать, вот каким необходимо быть, чтобы вступить туда. А что утверждает атеизм? Нет Бога, нет души, нет вечности, И потому верь, человек, тебя ожидает вечная смерть! Какой ужас, какой пессимизм, какое отчаяние — мороз по коже от этих страшных слов: человек, тебя ожидает вечная смерть. Я уже не говорю о тех, скажу мягко, странных обоснованиях, которые приводятся при этом. Одно это утверждение заставляет содрогнуться человеческую душу.— Нет, избавьте меня от такой веры.

---

*Экзистенциализм (от позднелат. exsistentia – существование) (философия существования). Центральное понятие – экзистенция (человеческое существование) как нерасчлененная целостность объекта и субъекта; основные проявления человеческого существования – забота, страх, решимость, совесть; все они определяются через смерть; человек прозревает экзистенцию как корень своего существа в пограничных ситуациях (борьба, страдание, смерть). Постигая себя как экзистенцию, человек обретает свободу, которая есть выбор самого себя, своей сущности, накладывающей на него ответственность за все, происходящее в мире. Характерные черты экзистенционализма – пессимизм, субъективное толкование свободы, отрицание рационального познания и утверждение интуитивного (непосредственного) постижения реальности.

Когда человек заблудится в лесу, ищет дорогу, ищет путь домой и вдруг, находя кого-то, спрашивает: “Есть ли отсюда выход?” А тот ему отвечает: “Нет, и не ищи, устраивайся здесь, как можешь”,— то поверит ли он ему? Сомнительно. Не начнет ли искать далее? И найдя другого человека, который скажет ему: “Да, выход есть, и я тебе укажу признаки, приметы, по которым ты сможешь отсюда выйти”, — то не ему ли он поверит? То же самое происходит и в области мировоззренческого выбора, когда человек оказывается перед лицом религии и атеизма. Пока у человека еще сохраняется искра искания истины, искра искания смысла жизни, до тех пор он не может, психологически не может принять концепции, утверждающей, что его как личность, и, следовательно, всех людей ожидает вечная смерть, для “достижения” которой, оказывается, необходимо создавать лучшие экономические, социальные, политические, культурные условия жизни. А далее все будет о’кэй — завтра вы помрете и вас отнесем на кладбище. Просто “замечательно”!

Я сейчас указал вам только на одну сторону, психологически очень существенную, которой, как мне кажется, уже достаточно для каждого человека с живой душой, чтобы понять, что только религиозное мировоззрение, только мировоззрение, которое принимает за свою основу Того, Кого мы называем Богом, позволяет говорить о смысле жизни.

Итак, я верю в Бога. Будем считать, что мы первую комнату прошли. И, поверив в Бога, я вхожу во вторую… Боже мой, что здесь я вижу и слышу? Народу полно, и каждый кричит: “Только у меня истина”. Вот задача-то… И мусульмане, и конфуциане, и буддисты, и иудеи, и кого только нет. Много тех, среди которых находится теперь христианство. Вот стоит и он, христианский проповедник, посреди других, а я ищу, кто же прав-то здесь, кому же верить?

Тут имеются два подхода, может быть их и больше, но я назову два. Один из них, который может дать человеку возможность убедиться, какая религия есть истинная (то есть объективно соответствует человеческой природе, человеческим исканиям, человеческому пониманию смысла жизни) заключается в методе сравнительно-богословского анализа. Довольно долгий путь, тут нужно хорошо изучить каждую религию. Но далеко не каждый может пройти этим путем, нужно большое время, большие силы, если хотите, соответствующие способности для того, чтобы изучить все это — тем более, что это отнимет столько сил души…

Но есть и другой метод. В конце концов каждая религия обращена к человеку, ему она говорит: истина вот какова, а не что-то другое. При этом все мировоззрения и все религии утверждают одну простую вещь: то, что сейчас есть, в каких политических, социальных, экономических — с одной стороны, и духовных, моральных, культурных и т. д. условиях — с другой, живет человек — это ненормально, это не может его устроить, и даже если кого-то лично это и удовлетворяет, то подавляющее число людей в той или иной степени от этого страдает. Это не устраивает человечество в целом, оно ищет чего-то другого, большего. Стремится куда-то, в неизведанное будущее, ждет "золотого века" — настоящее положение вещей никого не устраивает.

Отсюда становится понятным, почему существо каждой религии, всех мировоззрений сводится к учению о спасении. И вот здесь-то мы и сталкиваемся с тем, что уже дает возможность, как мне кажется, сделать обоснованный выбор, когда мы оказываемся перед лицом религиозного многообразия. Христианство, в отличие от всех других религий, утверждает нечто, чего другие религии (и тем более мировоззрения нерелигиозные) просто не знают. И не только не знают, но когда сталкиваются с этим, то с негодованием отвергают. Это утверждение заключается в понятии т. н. первородного греха. Все религии, если хотите даже все мировоззрения, все идеологии говорят о грехе. Называя, правда, это по-разному, но это неважно. Но ни одно из них не считает, что природа человека в настоящем его состоянии больна. Христианство же утверждает, что то состояние, в котором все мы, люди, родились, находимся, растем, воспитываемся, мужаем, созреваем,— состояние, в котором мы наслаждаемся, развлекаемся, учимся, делаем открытия и так далее — это есть состояние глубокой болезни, глубокого повреждения. Мы больны. Речь идет не о гриппе и не о бронхите и не о психическом заболевании. Нет, нет, мы психически здоровы и физически здоровы — можем задачи решать и в космос летать — мы глубоко больны с другой стороны. В начале бытия человеческого произошло какое-то странное трагическое расщепление единого человеческого существа на как бы автономно существующие и часто противоборствующие между собой ум, сердце и тело — "щука, рак да лебедь"... Какой абсурд утверждает христианство, не правда ли? Все возмущаются: "Я ненормальный? Извините, другие может быть, но не я". И вот здесь-то, если христианство право, и заключен самый корень, источник того, что человеческая жизнь как в индивидуальном, так

и во всечеловеческом масштабе ведет к одной трагедии за другой. Ибо если человек серьезно болен, а болезни своей не видит и потому не лечит, то она погубит его.

Другие религии не признают этой болезни в человеке. Отвергают ее. Они считают, что человек — это здоровое семечко, но которое может развиваться и нормально, и ненормально. Его развитие обусловлено социальной средой, экономическими условиями, психологическими факторами, обусловлено многими вещами. Поэтому человек может быть и хорошим, и плохим, но сам он по своей природе хорош. Вот главный антитезис нехристианского сознания. Я не говорю нерелигиозного, там и говорить нечего, там вообще: "человек — это звучит гордо". Только христианство утверждает, что настоящее наше состояние — это состояние глубокой поврежденности, причем такой поврежденности, что в личном плане человек сам не может исцелить его. На этом утверждении строится величайший христианский догмат о Христе как Спасителе.

Эта идея является принципиальным водоразделом между христианством и всеми прочими религиями.

Теперь я попытаюсь показать, что христианство в отличие от других религий имеет объективное подтверждение данного своего утверждения. Давайте обратимся к истории человечества. Посмотрим, чем оно живет всю доступную нашему человеческому взору историю? Какими целями? Конечно же, оно хочет построить Царство Божие на земле, создать рай. Одни с помощью Бога. И в этом случае Он рассматривается не более как средство к благу на земле, но не как высшая цель жизни. Другие — вообще без Бога. Но важно другое. Все понимают, что невозможно это Царство на земле без таких элементарных вещей, как: мир, справедливость, любовь (само собой понятно, какой может быть рай, где идет война, царит несправедливость, злоба и т. д.?), если хотите, уважение к друг другу, снизойдем и до этого. То есть все прекрасно понимают, что без таких основополагающих нравственных ценностей, без их осуществления невозможно достичь никакого благоденствия на земле. Всем понятно? Всем. А что делает человечество всю историю?

Историки, особенно военные, могли бы, думаю, прекрасно проиллюстрировать нам, чем наполнена вся история человечества: войны, кровопролития, насилия, жестокости. Двадцатый век — по идее, век высшего гуманизма. И он показал этот верх "совершенства", превзойдя пролитой кровью все предыдущие века человечества, вместе

взятые. Если бы наши предки смогли посмотреть на то, что произошло в двадцатом веке, они содрогнулись бы от масштабов жестокости, несправедливости, обмана. Какой-то непостижимый парадокс заключается в том, что человечество по мере развития своей истории делает все точно наоборот основной своей идее, цели и мысли, к которой изначала были направлены все его усилия.

Я задаю риторический вопрос: "Может ли вести себя так умное существо?" История просто издевается над нами, иронизирует: "Человечество, поистине, умно и здраво. Оно не душевнобольное, нет, нет. Оно просто творит немножко больше и чуть-чуть хуже, чем это делают в сумасшедших домах".

Увы, это факт, от которого никуда не уйти. И он показывает, что не отдельные единицы в человечестве заблуждаются, нет и нет (к сожалению, только единицы не заблуждаются), а это какое-то парадоксальное всечеловеческое свойство.

Если посмотрим теперь на отдельного человека, точнее, если у человека хватит нравственных сил "к себе оборотиться", на себя посмотреть, то он увидит картину не менее впечатляющую. Апостол Павел точно ее охарактеризовал: "Бедный я человек, делаю не то доброе, что хочу, а то злое, что ненавижу". И действительно, каждый, кто хотя немного обратит внимание на то, что происходит в его душе, соприкоснется с самим собой, то не может не увидеть, насколько он духовно болен, насколько подвержен действию различных страстей, порабощен ими. Бессмысленно спрашивать: "Зачем ты, бедный человек, объедаешься, опиваешься, лжешь, завидуешь, блудишь и т. д.? Ты же этим убиваешь самого себя, разрушаешь семью, калечишь своих детей, отравляешь всю атмосферу вокруг себя. Зачем бьешь себя, режешь, колешь, зачем губишь свои нервы, психику, само тело? Ты понимаешь, что это губительно для тебя?" Да, понимаю, но не могу этого не делать. Василий Великий как-то воскликнул: "И не зарождалось в душах человеческих более пагубной страсти, нежели зависть". И, как правило, человек, страдая, не может справиться с собой. Здесь, в глубине своей души, каждый разумный человек постигает то, о чем говорит христианство: "Делаю не то доброе, что хочу, а то злое, что ненавижу". Это здоровье или болезнь?!

В то же время для сравнения посмотрите, как может меняться человек при правильной христианской жизни. Те, которые очистились от страстей, приобрели смирение, "стяжали,— по слову преподобного Серафима Саровского,— Духа Святого", приходили к любо-

пытнейшему с психологической точки зрения состоянию: они начинали видеть себя худшими всех. Пимен Великий говорил: “Поверьте, братие, куда будет ввержен сатана, туда буду ввержен я”; Сисой Великий умирал, и лицо его просветилось, как солнце, так что на него невозможно было смотреть, а он умолял Бога дать ему еще немного времени на покаяние. Что это? Лицемерие какое-то, “смиренничание”? Да избавит Бог. Они даже в мыслях боялись согрешить, потому говорили от всей своей души, говорили то, что, действительно, переживали. Мы же этого совсем не чувствуем. Я переполнен всякой грязью, а вижу и чувствую себя очень хорошим человеком. Я хороший человек! Но если что-то и сделаю плохо, то кто без греха, другие не лучше меня, да и виноват не столько я, сколько другой, другая, другие. Мы не видим души своей и потому столь хороши в своих глазах. Как разительно отличается духовное зрение человека святого от нашего!

Так вот, повторяю. Христианство утверждает, что человек по своей природе, в его настоящем, так называемом нормальном, состоянии глубоко поврежден. Этого повреждения, к сожалению, мы почти не видим. Странная слепота, самая страшная, самая главная, которая присутствует в нас,— это есть невидение своей болезни. Это, действительно, самое опасное, потому что, когда человек увидит свою болезнь, он лечится, идет к врачам, ищет помощи. А когда видит себя здоровым, то отправит к ним того, кто говорит ему, что он болен. Вот тяжелейший симптом той самой поврежденности, которая присутствует в нас. А что она есть, об этом однозначно со всей силой и яркостью свидетельствует как история человечества, так и история жизни каждого человека в отдельности, и в первую очередь каждому человеку его личная жизнь. Вот на что указывает христианство.

Скажу, что объективное подтверждение только одного этого факта, одной этой истины христианской веры — о поврежденности человеческой природы — уже показывает мне, к какой религии я должен обратиться. К той, которая вскрывает мои болезни и указывает средства их излечения, или к религии, которая замазывает их, питает человеческое самолюбие, говорит: все хорошо, все прекрасно, нужно не лечиться, а лечить окружающий мир, нужно развиваться и совершенствоваться? Исторический опыт показал, что значит не лечиться.

Ну, хорошо, дошли до христианства. Слава Тебе, Господи, нашел истинную веру, наконец-то. Вхожу в следующую комнату, а там опять

народу полно и вновь крики: моя христианская вера самая лучшая. Католик призывает: посмотри, сколько за мной стоит — 1 миллиард 45 миллионов. Протестанты самых различных деноминаций указывают, что их 350 миллионов. Православных меньше всех, всего 170 миллионов. Правда, кто-то подсказывает: истина не в количестве, а в качестве. Но вопрос в высшей степени серьезный: "Где же оно, истинное христианство?"

К решению этого вопроса также возможны разные подходы. Нам в семинарии всегда предлагали метод сравнительного изучения догматических систем католицизма и протестантизма с православием. Это — метод, заслуживающий внимания и доверия, но мне он все же представляется недостаточно хорошим и недостаточно полным, потому что человеку, не имеющему хорошего образования, достаточных познаний, совсем не легко разобраться в дебрях догматических дискуссий и решить, кто прав, а кто виноват. К тому же там используются подчас такие сильные психологические приемы, которые легко могут сбить человека с толку. Вот, к примеру, обсуждаем с католиками проблему примата папы, а они говорят: "Папа? Ой, такая чепуха эти примат и непогрешимость папы, ну что вы!? Это то же самое, что у вас авторитет патриарха. Непогрешимость и власть папы, практически, ничем не отличаются от авторитетности заявлений и власти любого предстоятеля Православной Поместной Церкви". Хотя в действительности здесь принципиально различные догматические и канонические уровни. Так что сравнительно-догматический метод очень не прост. Особенно когда вы будете поставлены перед лицом людей, не только знающих, но и стремящихся во что бы то ни стало убедить вас.

Но есть другой путь, который со всей очевидностью покажет, что есть католицизм и куда он ведет человека. Это метод тоже сравнительного исследования, но исследования уже духовной области жизни, наглядно проявляющей себя в жизни святых. Именно здесь во всей силе и яркости обнаруживается вся, выражаясь аскетическим языком, "прелестность" католической духовности,— та прелестность, которая чревата тяжелейшими последствиями для аскета, ставшего на этот путь жизни. Вы знаете, что иногда я выступаю с общественными лекциями, и на них собираются разные люди. И вот нередко задают вопрос: "Ну, а чем католичество отличается от православия, в чем его ошибка? Не является ли оно просто другим путем ко Хри-

сту?" И много раз я убеждался, что достаточно привести несколько примеров из жизни католических мистиков, чтобы спрашивающие просто сказали: "Спасибо, теперь все ясно. Больше ничего не нужно".

Действительно, по своим святым оценивается любая Поместная Православная Церковь или инославная. Скажите мне, кто ваши святые, и я скажу вам, какова ваша Церковь. Ибо любая Церковь объявляет святыми лишь тех, которые воплотили в своей жизни христианский идеал, как он видится данной Церковью. Поэтому прославление кого-то является не только свидетельством Церкви о христианине, который по ее суждению достоин славы и предлагается ею в качестве примера для подражания, но и прежде всего свидетельством Церкви о самой себе. По святым мы лучше всего можем судить о действительной или мнимой святости самой Церкви.

Приведу несколько иллюстраций, свидетельствующих о понимании святости в католической церкви.

Одним из великих католических святых является *Франциск Ассизский* (XIII в.). Его духовное самосознание хорошо открывается из следующих фактов. Однажды Франциск долго молился (чрезвычайно показателен при этом предмет молитвы) "о двух милостях": "Первая — это чтобы я… мог… пережить все те страдания, которые, Ты, Сладчайший Иисусе, испытал в Твоих мучительных страстях. И вторая милость… — это, чтобы… я мог почувствовать… ту неограниченную любовь, которою горел Ты, Сын Божий". Как видим, не чувства своей греховности беспокоили Франциска, а откровенные претензии на равенство с Христом! Во время этой молитвы Франциск "почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса", Которого он тут же и увидел в образе шестикрылого серафима, поразившего его огненными стрелами в места крестных язв Иисуса Христа (руки, ноги и правый бок). После этого видения у Франциска появились болезненные кровоточащие раны (стигмы) — следы "страданий Иисусовых" *(Ладыженский М.В. Свет Незримый. Пбг., 1915. С. 109)*.

Природа этих стигм хорошо известна в психиатрии: непрерывная концентрация внимания на крестных страданиях Христа чрезвычайно возбуждает нервы и психику человека и при длительных упражнениях может вызывать это явление. Ничего благодатного здесь нет, ибо в таком сострадании (compassio) Христу нет той истинной любви, о существе которой Господь прямо сказал: кто соблюдает заповеди Мои, тот любит Меня (Ин. 14, 21). Потому подмена борьбы со своим ветхим человеком мечтательными переживани-

ями “сострадания” является одной из тяжелейших ошибок в духовной жизни, которая приводила и приводит многих подвижников к самомнению, гордыне — очевидной прелести, нередко связанной с прямыми психическими расстройствами (ср. “проповеди” Франциска птицам, волку, горлицам, змеям… цветам, его благоговение перед огнем, камнями, червями).

Очень показательна и цель жизни, которую поставил перед собой Франциск: “Я трудился и хочу трудиться… потому что это приносит честь” *(Святой Франциск Ассизский. Сочинения. М., Изд. Францисканцев, 1995. С. 145)*. Франциск желает пострадать за других и искупить чужие грехи *(С. 20)*. Не потому ли в конце жизни он откровенно сказал: “Я не сознаю за собой никакого прегрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием” *(Лодыженский. С. 129)*. Все это свидетельствует о невидении им своих грехов, своего падения, то есть о полной духовной слепоте.

Для сравнения приведем предсмертный момент из жизни *преподобного Сисоя Великого* (Vв.). “Окруженный в момент своей смерти братией, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: “Отче, скажи нам, с кем ты ведешь беседу?” — отвечал: “Это Ангелы пришли взять меня, но я молюсь им, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы покаяться”. Когда же на это братия, зная, что Сисой совершен в добродетелях, возразила ему: “Тебе нет нужды в покаянии, отче”,— то Сисой ответил так: “Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего” *(Лодыженский. С. 133)*. Это глубокое понимание, видение своего несовершенства является главной отличительной чертой всех истинных святых.

А вот выдержки из “Откровений блаженной Анжелы” (‡1309 г.) *(Откровения блаженной Анжелы. М., 1918)*.

Дух Святой, — пишет она, — говорит ей: “Дочь Моя, сладостная Моя… очень Я люблю тебя” *(с. 95)*; “Был Я с апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты” *(с. 96)*. И такое открывает о себе Анжела: “Вижу я во мраке Святую Троицу, и в самой Троице, Которую вижу я во мраке, кажется мне, что стою я и пребываю в середине Ее” *(с. 117)*. Свое отношение к Иисусу Христу она выражает, например, в таких словах: “Могла я всю себя ввести внутрь Иисуса Христа” *(с. 176)*. Или: “Я же от сладости Его и от скорби об отшествии Его кричала и хотела умереть” *(с. 101)*, — при этом она в ярости так

начинала бить себя, что монахини вынуждены были уносить ее из костела *(с. 83)*.

Резкую, но верную оценку "откровений" Анжелы дает один из крупнейших русских религиозных мыслителей XX-го века А.Ф. Лосев. Он пишет, в частности: "Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Святой Дух является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: "Дочь Моя, сладостная Моя, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, услаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня". Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А возлюбленный все является и является и все больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: "Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена",— эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его Тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и т. д. и т. п.? В довершение всего Христос обнимает Анжелу рукою, которая пригвождена ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: "Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда я не могла стоять на ногах, но лежала и отнимался у меня язык... И лежала я, и отнялись у меня язык и члены тела" *(Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1930. Т. 1. С. 867-868)*.

Ярким свидетельством католической святости является *Катарина Сиенская* (I1380), возведенная папой Павлом VI в высший разряд святых — в "Учители Церкви". Зачитаю несколько выписок из католической книги Антонио Сикари "Портреты святых". Цитаты, по-моему, не потребуют комментария.

Екатерине было около 20 лет. "Она чувствовала, что в ее жизни должен произойти решающий перелом, и продолжала истово молиться своему Господу Иисусу, повторяя ту прекрасную, нежнейшую формулу, которая стала для нее привычной: "Сочетайся со мной браком в вере!" *(Антонио Сикари. Портреты святых. Т. II. Милан, 1991. С. 11)*.

“Однажды Екатерина увидела видение: ее божественный Жених, обнимая, привлекал ее к Себе, но потом взял из ее груди сердце, чтобы дать ей другое сердце, более похожее на Его собственное” *(с. 12)*.

Однажды сказали, что она умерла. “Она сама говорила впоследствии, что ее сердце было растерзано силой божественной любви и что она прошла через смерть, “узрев райские врата”. Но “вернись, дитя Мое,— сказал мне Господь,— тебе нужно вернуться… Я приведу тебя к князьям и властителям Церкви”. “И смиренная девушка начала рассылать по всему свету свои послания, длинные письма, которые она диктовала с поразительной быстротой, часто по три или по четыре одновременно и по разным поводам, не сбиваясь и опережая секретарей. Все эти письма завершаются страстной формулой: “Иисус сладчайший, Иисус Любовь” и часто начинаются словами…: “Я, Екатерина, служанка и раба рабов Иисуса, пишу вам в драгоценнейшей Крови Его…” *(12)*.

“В письмах Екатерины бросается в глаза прежде всего частое и настойчивое повторение слов: “Я хочу” *(12)*.

“Некоторые говорят, что решительные слова “я хочу” она в состоянии экстаза обращала даже ко Христу” *(13)*. Из переписки с Григорием XI, которого она убеждала вернуться из Авиньона в Рим: “Говорю вам от имени Христа… Я говорю вам, отче, в Иисусе Христе… Ответьте на зов Святого Духа, к вам обращенный” *(13)*. “А к королю Франции обращается со словами: “Творите волю Божию и мою” *(14)*.

Не менее показательны “откровения” и возведенной также папой Павлом VI в “Учители Церкви” *Терезы Авильской* (XVI в.). Перед смертью она восклицает: “О, Бог мой, Супруг мой, наконец-то я Тебя увижу!” Этот в высшей степени странный возглас не случаен. Он — закономерное следствие всего “духовного” подвига Терезы, существо которого открывается хотя бы в следующем факте.

После многочисленных своих явлений “Христос” говорит Терезе: “С этого дня ты будешь супругой Моей… Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг” *(Мережковский Д.С. Испанские мистики. Брюссель, 1988. С. 88)*. “Господи, или страдать с Тобой, или умереть за Тебя!” — молится Тереза и падает в изнеможении под этими ласками…” — пишет Д. Мережковский. Не приходится поэтому удивляться, когда Тереза признается: “Душу зовет Возлюбленный таким пронзительным свистом, что нельзя этого не услышать. Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания”. Не случайно поэтому известный американский психолог Вильям Джеймс, оценивая

ее мистический опыт, писал, что "ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством" *(Джеймс В. Многообразие религиозного опыта. /Пер. с англ. М., 1910. С. 337).*

Еще одной иллюстрацией представления о святости в католицизме является *Тереза из Лизье* (Тереза Маленькая, или Тереза Младенца Иисуса), которая, прожив 23 года от роду, в 1997 году, в связи с столетием со дня кончины, "непогрешимым" решением папы Иоанна Павла II была объявлена еще одним "Учителем Вселенской Церкви". Вот несколько цитат из духовной автобиографии Терезы "Повесть об одной душе", красноречиво свидетельствующие о ее духовном состоянии *(Повесть об одной душе. //Символ. 1996. 36. Париж. С. 151).*

"Во время собеседования, предварившего мой постриг, я поведала о делании, которое намеревалась совершить в Кармеле: "Я пришла спасать души и прежде всего — молиться за священников" (Не себя спасать, но других!).

Говоря о своем недостоинстве, она тут же пишет: "Я неизменно храню дерзновенное упование на то, что стану великой святой… Я думала, что рождена для славы и искала путей к ее достижению. И вот Господь Бог… открыл мне, что моя слава не будет явлена смертному взору, и суть ее в том, что я стану великой святой!!!" (ср.: Макарий Великий, которого сподвижники за редкую высоту жизни называли "земным богом", лишь молился: "Боже, очисти мя грешного, яко николиже сотворих благое пред Тобою"). Позднее Тереза напишет еще более откровенно: "В сердце моей Матери-Церкви я буду Любовью… тогда я буду всем… и через это моя мечта осуществится!!!"

В высшей степени "замечательно" учение Терезы о духовной любви: "Это было лобзание любви. Я чувствовала себя любимой и говорила: "Я люблю Тебя и вверяю Тебе себя навеки". Не было ни прошений, ни борьбы, ни жертв; уже давно Иисус и маленькая бедная Тереза, взглянув друг на друга, поняли все… Этот день принес не обмен взглядами, а слияние, когда больше не было двух, и Тереза исчезла, словно капля воды, потерявшаяся в океанских глубинах". Едва ли требуются здесь какие комментарии к этому мечтательному роману бедной девушки — "Учителя католической церкви".

На методическом развитии воображения основывается мистический опыт одного из столпов католической мистики, родоначальника ордена иезуитов *Игнатия Лойолы* (XVI в.).

Его книга “Духовные упражнения”, пользующаяся огромным авторитетом в католичестве, непрерывно призывает христианина к тому, чтобы представить себе, вообразить, созерцать и Святую Троицу, и Христа, и Богоматерь, и Ангелов и т. д. Все это принципиально противоречит основам духовного подвига святых Вселенской Церкви, поскольку приводит верующего к полному духовному и душевному расстройству.

Авторитетный сборник аскетических писаний древней Церкви “Добротолюбие” решительно запрещает такого рода “духовные упражнения”. Вот несколько высказываний оттуда.

Преподобный Нил Синайский (V в.) предупреждает: “Не желай видеть чувственно Ангелов или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря, и поклонившись врагам-демонам” *(Преп. Нил Синайский. 153 главы о молитве. Гл. 115//Добротолюбие: В 5т. Т. 2. 2-е изд.* М, *1884. С. 237).*

Преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), рассуждая о тех, кто на молитве “воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых”, прямо говорит, что “это есть знак прелести”. “На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное” *(Преп. Симеон Новый Богослов. О трех образах молитвы// Добротолюбие. Т. 5. М., 1900. С. 463-464).*

Преподобный Григорий Синаит (XIVв.) напоминает: “Никогда не принимай, если что увидишь чувственное или духовное, вне или внутри, хотя бы то был образ Христа, или Ангела, или святого какого… Приемлющий то… легко прельщается… Бог не негодует на того, кто тщательно внимает себе, если он из опасения прельщения не примет того, что от Него есть.., но паче похваляет его, как мудрого” *(Преп. Григорий Синаит. Наставление безмолвствующим// Там же. С. 224).*

Как прав был тот помещик (об этом пишет свт. Игнатий Брянчанинов), который, увидев в руках своей дочери католическую книжку “Подражание Иисусу Христу” *Фомы Кемпийского* (XV в.), вырвал у нее из рук и сказал: “Прекрати играть с Богом в роман”. Вышеприведенные примеры не оставляют сомнений в справедливости этих слов. К великому сожалению, в католической церкви уже перестали, видимо, отличать духовное от душевного и святость от мечтательности, а следовательно, и христианство от язычества.

Это что касается католицизма.

С протестантизмом, мне кажется, достаточно и догматики. Чтобы увидеть его существо, я ограничусь сейчас только одним и глав-

ным утверждением протестантизма: “Человек спасается только верою, а не делами, потому верующему грех не вменяется в грех”. Вот основной вопрос, в котором протестанты запутались. Они начинают строить дом спасения с десятого этажа, забыв (если помнили?) учение древней Церкви о том, какая вера спасает человека. Не вера же в то, что Христос 2000 лет тому назад пришел и все сделал за нас?!

В чем же отличие в понимании веры в православии от протестантизма? Православие тоже говорит, что спасает человека вера, но верующему грех вменяется в грех. Какая это вера? — Не “умовая”, по свт. Феофану, то есть рассудочная, но то состояние, которое приобретается при правильной, я подчеркиваю, правильной христианской жизни человека, благодаря лишь которой он убеждается, что только Христос может его спасти от рабства и мучительства страстей. Как достигается эта вера-состояние? Понуждением к исполнению заповедей Евангелия и искренним покаянием. Преп. Симеон Новый Богослов говорит: “Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи”, то есть открывает ему его бессилие самому без помощи Божией искоренить в себе страсти. Сам, один человек не может — с Богом же, “вдвоем”, оказывается, все может. Правильная христианская жизнь как раз и открывает человеку, во-первых, его страсти-болезни, во-вторых — что Господь близ каждого из нас есть, наконец, что Он готов в любое мгновение прийти на помощь и спасти от греха. Но спасает Он нас не без нас, не без наших усилий и борьбы. Необходим подвиг, который делает нас способными к принятию Христа, ибо показывает нам, что сами, без Бога, не можем себя исцелить. Только когда я тону, убеждаюсь, что мне нужен Спаситель, а когда на берегу — мне никого не надо; только видя себя тонущим в мучительстве страстей, я обращаюсь ко Христу. И Он приходит, помогает. Отсюда и начинается живая спасительная вера. Православие учит о человеке — о его свободе, достоинстве как соработника Бога в своем спасении. Отсюда становится понятным значение всех заповедей Евангелия, а не одной только веры, в деле спасения христианина, становится очевидной истинность православия.

Так для человека начинается Православие, а не просто христианство, не просто религия, не просто вера в Бога.

Профессор МДА Алексей Осипов

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2006 год
Издание 3-е

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 560

Иконы в нашем доме

Иконы в нашем доме

Материальный мир, окружающий нас, мир предметов — ежедневных свидетелей нашей жизни — не безгласен. Жилище человека расскажет о хозяине, пожалуй, больше самого хозяина. И если православный человек на улице, в автобусе, в магазине ничем внешне не выделяется, то дом его все же имеет свои особенности. А потому не лишним будет поговорить об эстетике православного дома.

Приходской священник часто бывает в жилищах своих прихожан. Его призывают освятить квартиру, отслужить домашний молебен, зовут к больному совершить Таинство елеосвящения (соборование). Во время таких посещений я всегда обращаю внимание, какое место отведено домашним иконам, как они содержатся, есть ли перед ними лампадки или подсвечник. Есть ли в доме Евангелие, духовные книги. Радостно бывает встретить красиво оформленный, поддерживаемый в чистоте, живой святой угол с иконами, зажженную перед ними лампадку, чистую пелену под образами. Сколько любви в такой заботе! Да это и естественно.

Самое дорогое для нас — Бог. Потому и дороги нам изображения Спасителя, Пречистой Его Матери, угодников Божиих — святые иконы. Но жаль бывает хозяина или хозяйку дома, где сиротливо выглядывает с комода или серванта прислоненный к случайной вазочке покоробленный бумажный образок в пол-ладони, да еще покрытый пылью.

Иногда, особенно в тех семьях, где православная церковная традиция как-то прерывалась, верующие и вполне благочестивые хозяева не знают, как им лучше устроить новые для их дома святые иконы, лампады, подсвечники. Ведь икона — это святыня, но она и изделие, имеющее свою форму, вид, цену. Как "вписать" ее в сложившуюся привычную обстановку?

Прежде все убранство крестьянской горницы шло от красного, или святого, угла с иконами. Даже само название "горница", вероятно, происходит от горнего места (по-русски — небесного, верхнего), то есть места, где находится часть неба — святые иконы. И сегодня лучше определить для икон удобное, красивое место в свободном углу или на стене, даже если это потребует некоторой перестановки.

Во время молитвы или в праздники перед иконами зажигают лампаду или свечу. Пламя горящей лампады, стремящееся вверх, — символ нашей молитвы, нашего горения к Богу. Можно заметить, что лампадка безопаснее в быту. Но все же для торжественных или особенных случаев хорошо иметь в доме подсвечник и свечи. Лампады бывают нескольких видов: подвесные и стоячие. Хозяин дома, исходя из красоты и удобства, может выбрать себе ту или иную.

Икону принято ставить не прямо на полку, а на небольшую красивую салфетку, или, как ее называют, пелену. Она может быть украшена вышивкой, кружевом, оборкой. Здесь вполне могут выразить себя фантазия, вкус и умение хозяйки.

Если нет свободного угла или удобной части стены и при этом жаль нарушить сложившийся интерьер, то иконы можно поместить на книжной полке, комоде, невысоком серванте, пианино. Временно, конечно. В таком случае следует обратить внимание на то, какие книги стоят на полке, вполне ли они сочетаются со стоящей над ними святыней. Может, лучше убрать их или по крайней мере закрыть чем-нибудь. Посмотрите, не стоят ли рядом с иконами фарфоровые собачки, подарочные чашечки

или другие не очень нужные здесь бытовые украшения. Нелепо выглядит под иконами и телевизор. И еще одно условие: над иконами ничего не располагают. Часы, картины, фотографии и прочее должны занять место несколько в стороне. Так когда-то не позволялось строить здание выше храма в непосредственной близости к нему.

Присутствие святыни в доме обязывает хозяев заботиться не только о внешнем благолепии интерьера, но и о внутреннем содержании, то есть подвигает их к благочестию. Обязательно посмотрите, все ли в вашем доме находится в соответствии со святыней, нет ли противоречий.

В "Древнем патерике" можно прочесть случай, происшедший с одним отшельником. Как-то во время молитвы инок увидел Пресвятую Деву, стоящую на пороге его келлии. Она, казалось, собиралась войти, но потом отошла и исчезла. Видение повторилось, и опечаленный отшельник обратился к Богоматери: "Владычица, почему ты никак не хочешь войти в мое жилище?". На что Божия Матерь отвечала: "Как я могу войти туда, где находится враг мой". Отшельник долго размышлял над словами Пречистой Девы и вспомнил, что в его келлии среди книг стоит книга с трудами некоего еретика, которую инок забыл отдать хозяину. Тотчас отшельник вынес книгу из келлии.

Если семья дружная, то такие "враги" после обсуждения на семейном совете также могут быть вынесены из дома. А они есть почти у всех. По этому поводу мне вспоминаются два случая. Однажды пригласили меня отслужить молебен в доме, где, по словам хозяев, было "нехорошо". Несмотря на то, что дом был освящен, в нем ощущался какой-то гнет. Обходя комнаты со святой водой, я обратил внимание на комнату юноши, сына хозяина, где на стене висел плакат, посвященный известной рок-группе. Причем известной своей сатанинской направленностью.

После молебна, за чаем, я осторожно, зная о фанатичной преданности некоторых молодых людей своим кумирам, попытался объяснить, что "нехорошо" в доме вполне может происходить даже от таких плакатов, что подобные изображения как бы пытаются противостоять святыне. Юноша молча встал и снял обсуждаемый плакат со стены. Выбор был сделан тут же.

А вот в другом доме нерешительность хозяев лишила их замечательной святыни. Одному человеку благочестивая старая женщина подарила

прекрасную икону — “Явление Божией Матери преподобному Сергию Радонежскому”. Икона была прекрасна сама по себе, да к тому же была написана и подарена своей владелице известным иерархом Русской Православной Церкви. Новый владелец нашел для драгоценной святыни место на стене в гостиной, но, к сожалению, напротив висели три гравюры в прекрасных рамах, три женских портрета: Венеры, Леды и Клеопатры. Близкие склоняли хозяев снять эти изображения мировых блудниц, дабы они не висели напротив Богородицы, но нежелание разрушить интерьер и не совсем правильно воспринятое понятие культуры не позволило им сделать верный выбор.

На следующее утро, рано, так рано, как только позволяет приличие, раздался телефонный звонок: благочестивая старушка умоляла вернуть ей икону и вернуть скорее. “Я не спала всю ночь, мне казалось, что что-то случилось с моей иконой. Я дам вам другую, а эту привезите ко мне, я отдам ее вам впоследствии”,— просила она. Конечно же, святыня вернулась к своей прежней владелице, а любители старинных гравюр получили в подарок другую икону. Ее поставили в другой комнате на полочку среди других икон, так как она по своим размерам и исполнению более подходила туда. Не знаю, случайно или нарочно Любовь Тимофеевна выбрала замену. Это тоже был образ Божией Матери, назывался он “Млекопитательница”. Быть может, здесь был намек на духовный возраст ее приятелей? Правда, урок не прошел даром: через некоторое время место сомнительных портретов заняли три пейзажа.

Иногда возникает вопрос: в доме несколько комнат, где уместнее расположить иконы? Особого правила нет. Но молитесь вы чаще в той комнате, в которой спите. К тому же молитва требует некоторого уединения. *Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне...* (Мф. 6, 6) — читаем в Евангелии. Значит, в спальне разумно иметь иконы, перед которыми вы будете читать утренние и вечерние молитвы.

Если у вас есть детская комната, то в ней обязательно должна находиться икона. Ребенок часто по-своему, по-детски обращается к “Боженьке”, хорошо, если при этом он может видеть образ. Кроме того, любая святая икона — чудотворная, и она чудесным образом охранит ваше дитя.

Вспомните, что в общей комнате собирается вся семья, здесь часто происходит общая трапеза, и здесь также должен находиться святой образ. Не забудьте и про кухню. Там хозяйка проводит большую часть времени. Кухня — место будничных завтраков и ужинов. Молитвы перед и после вкушения пищи лучше произносить, обратив взгляд на икону. Итак, пусть иконы будут в каждой комнате и на кухне. *...Желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения* (1 Тим. 2, 8), — говорит Апостол. "На всяком месте..."

Есть еще один вопрос. Какие иконы лучше иметь дома? Здесь также нет правила, а есть лишь благочестивая традиция. Большинство наших молитв обращено к Спасителю и Божией Матери. Разумно иметь дома образ Господа Иисуса Христа и Его Пречистой Матери.

В русском православном доме чаще всего вы встретите триптих: Спаситель, Богородица и святитель Николай. Почитание в России Святителя Николая настолько широко, что вряд ли какой святой может сравниться в этом смысле с Мирликийским чудотворцем. Святитель Николай любим и почитаем у нас как скорый помощник, заступник и великий чудотворец. Почти в каждой семье имеется опыт его чудесной помощи.

Благочестивые люди обычно имеют образ своего небесного покровителя, чье имя они носят. Иногда тот или иной угодник Божий оказывается чем-то близок нам. Мы находим в его жизни какую-нибудь близкую или любимую нами черту характера, нас восхищает какое-то деяние или чудо, сотворенное по его молитве. Появляется желание иметь дома образ этого святого.

Конечно, молитва перед ним будет особенно сердечна. Наше патриотическое устроение, любовь к Отечеству может выразить себя в особом почитании и теплой молитве перед образами преподобного Сергия Радонежского, преподобного Серафима Саровского, праведного Иоанна Кронштадтского, благоверных князей Александра Невского, Даниила Московского и Димитрия Донского. Любовь к России неразделима с любовью к чудотворным иконам Заступницы Усердной, Божией Матери, через которые столько чудес проистекло на нашу землю. Это иконы Владимирская, Казанская, Тихвинская, "Державная" и многие другие.

Праздники Господские и Божией Матери также изображаются на

иконах. Можно иметь дома икону Сретения, Благовещения, Крещения, Покрова Божией Матери.

Всмотритесь в икону "Рождество Христово". Какой тихий, мирный, семейный, именно семейный образ. Бог-Младенец и взирающие на Малютку в тихом умилении Мать и Обручник; пастухи, поклоняющиеся Спасителю, со страхом и радостью простого и верного сердца; мудрецы-волхвы, принесшие дары-символы, знак того, что земная мудрость всего лишь часть мудрости небесной. Мирная ночь, а над всем Вифлеемская звезда. Сколько мыслей и молитв родится рядом с этой иконой...

А взгляните на образ "Введение во храм Пресвятой Богородицы". Родители привели единственное, долгожданное, любимое дитя в храм для того, чтобы оставить его там. Девочке всего три года. Как милы малютки в это время, как чисты и невинны! Как ласкает родительское сердце один вид их! Но где лучше сохранить и укрепить эту чистоту? В храме. Иоаким и Анна отдали Марию на воспитание в храм.

Смотрите, родители, и ваше дитя должно чтить Закон Божий, и вашему ребенку необходимо быть в храме. Взирая на этот образ родительского подвига и надежды на Бога, молитесь о своих чадах, размышляйте о своих обязанностях.

Сколько необходимого для нашей души найдем мы, глядя на икону "Сретение Господне". *Сретение* — встреча по-славянски, то есть встреча с Господом. Какие замечательные слова произнес Богоприимец Симеон, приняв на руки Младенца Иисуса: *"Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром"* (Лк. 2, 29). Потому что было праведному старцу откровение, что не умрет он до той поры, пока не увидит Христа Спасителя. И мы при встрече с Господом, будь то в молитве, в Его храме, в чтении Священного Писания, у мощей Его святых угодников, также расстаемся с земным, временно умираем для забот и скорбей этой жизни. *"Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко..."*

Почему бы вам не иметь образа Животворящей Троицы: три Ангела, сидящие за трапезой, — символ бесконечной любви и единения.

А какое утешение для православного человека видеть распростертый над миром омофор Богородицы на иконе праздника Покрова Божией Матери. Не отчаивайся, человек,— и над тобою покров Заступницы Усердной.

Иконы сейчас можно приобрести разные. Любой освященный образ — святыня. И бумажная литография, и воспроизведенный художником-иконописцем, и старинный фамильный образ, и приобретенный в антикварном магазине раритет — все это икона. Конечно, приятно иметь высокохудожественный образ, написанный грамотным специалистом-изографом, такие сегодня можно купить в Троице-Сергиевой Лавре, Московском Даниловом монастыре, где есть свои художественные мастерские. Замечательно, если дома есть старые семейные иконы. Но не следует пренебрегать и современной репродукцией.

В Крыму, в Ливадии, в императорском дворце, в кабинете святого царственного страстотерпца Императора Николая II, стены буквально заполнены иконами. Старинные, драгоценные по письму иконы, а рядом простенькие «деревенского» письма, а кое-где литографии и фотографии. И все эти святыни — и дорогие, и скромненькие — встречали молитвенный взор святого человека, стоявшего с умиленным сердцем перед ними. Думается, что дело здесь не столько в том, какая икона перед нами, но и в нас самих. Мне приходилось видеть равнодушные пустые лица и перед Владимирской иконой Божией Матери, и перед Троицей письма Андрея Рублева. *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21), — сказал Спаситель.

Хочется пожелать вам, чтобы святые иконы чаще пребывали перед вашим взором, подвигая к молитве и богомыслию, вознося над мирской суетой, утишая страсти и исцеляя болезни. Аминь.

Печатается по изданию: За советом к батюшке.
Сборник. Издание 2-е.– М., 2002.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 561

Старость у телевизора

Старость у телевизора

Сказано: “Наблюдай день субботний, чтобы свято хранить его, как заповедал тебе Господь, Бог твой; шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой — суббота Господу, Богу твоему. Не делай [в оный] никакого дела...” (Втор. 5, 12—14). Такая заповедь и труда, и праздника дана Господом человечеству на все дни его. Для православного сознания праздник всегда связан с Господом. “День седьмой — суббота Господу, Богу твоему”. Праздник — это святыня. “...Ибо в шесть дней создал Господь море, небо и землю и все, что в них, а в день седьмой почил; посему благословил Господь день субботний *(то есть день покоя) и* освятил его” (Исх. 20, 11). Этот день (в христианской традиции — это воскресенье) выделен особым молитвенным общением с Господом, Божией Матерью, святыми угодниками, посещением храма, делами милосердия, дружеской беседой с единомышленниками, собравшимися во имя Господа, праздничной трапезой.

Не только воскресенье почитают православные люди. Не работают в двунадесятые праздники; если есть возможность, то стараются отметить дни чудотворных икон Божией Матери или почтить какого-либо угодника Божия. В праздничный день мы прилагаемся памятью к событиям, освятившим его, опять переживаем их, торжествуем вместе с Церковью Небесной. Многие верующие держатся традиции причащаться в дни праздников, что делает их радость еще совершеннее. Прежде существовала, да и теперь не угасла еще традиция: те, кто по каким-либо обстоятельствам не смог оставить работы в день праздника, свой дневной заработок жертвует в церковь, как бы считая этот день нерабочим.

Таков праздник для православного человека. Его духовный смысл освящает и отдых от трудов, и плотскую радость праздничной трапезы, и душевную радость дружеской встречи, где

Господь посреди нас. “Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Мф. 18, 20),— обещал Спаситель.

Но есть праздник — святой и спасительный. И есть праздность — греховная и гибельная. Раньше, если человек бездельничал, о нем говорили: он празднует лодыря. Кто-то празднует память святителя Николая, кто-то Георгия Победоносца, а ленивец празднует лодыря. Конечно, бездельник ни в ком не вызывает симпатии. Но мы не будем вспоминать всяческую леность, а поговорим лишь о некой, почитающейся законной, праздности, чья безнравственная сущность не всегда бывает видна. Но для нас она как раз сугубо опасна.

Двадцать, тридцать, а то и сорок и более лет отдает человек активному труду, питаясь от своей профессии, от своей работы. Но приходит день, и привычная трудовая деятельность заканчивается, наступает заслуженный, как о нем говорят, отдых. Иногда выход на пенсию совпадает с возрастной усталостью, не позволяющей работать далее, с семейной необходимостью ухода за больными или помощи родным. Но чаще начало пенсионной жизни всего лишь календарный срок. Конечно, в 60 лет не поработаешь, как в 30, но силы еще есть. И здесь жизнь пожилых людей складывается по-разному.

Ко мне однажды обратилась женщина: “Я слышала, что у вас некому готовить для причта, можно я помогу вам?”. Она профессиональный повар, недавно ушла на пенсию. “Моя мама перед смертью мне наказала, чтобы я, выйдя на пенсию, шла работать в храм, Христа ради”,— пояснила она. С того дня уже несколько лет Евдокия кормит нас, печет для храма просфоры, выполняя материнское благословение.

Этот случай типичный. Немалая часть работ в храмах лежит на пенсионерах или на людях, имеющих свободное, праздное, как раньше говорили, время.

К концу жизни человек слабеет силами. Он не может уже выполнять привычную работу. Как правило, к этой поре дети подросли и не требуют заботы, напротив, они сами оказывают помощь родителям. Что же делать пожилому человеку?

Наши предки не представляли себе жизни бездеятельной. “В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю” (Быт. 3, 19),— заповедал Господь труд. “Доколе не возвратишься в землю”, то есть до самой смерти. Только деятельность эта в старости другая. Отошла многозаботная, шумная жизнь большой семьи. Не так, как в молодости, тревожит суета мирских перемен. “Пусть себе бежит и меняется время, пусть спе-

шат за ним молодые, а мне пора думать о вечности. Вспомнить и восполнить то, чего не успел за суетой",— думает пожилой человек. И, свободный от домашних занятий и обязательного труда, чаще бывает на службе в церкви. Он может потратить свои душевные силы и время на дела милосердия.

В прежнее время в благочестивых семьях пожилые люди, исполнив свой родительский и семейный долг, передав хозяйство молодому поколению, нередко уходили в монастырь. В достаточных семьях освободившиеся от обязательных забот старики брали на воспитание сиротку или ребенка у малообеспеченных родственников. Помогали бедной родственнице-невесте выйти замуж или племяннику-студенту окончить курс. Принимали у себя нищих и странников. Брали на себя заботу о престарелых. "Дохаживали" убогих и калек.

Расскажу, как оригинально и мудро распорядилась своими предзакатными годами одна моя знакомая старушка. Оставила она работу, когда ей было уже около семидесяти. И стала проситься у детей в богадельню, в дом престарелых. Дети у нее все хорошие, жили ладно, не ссорились.

Растерялись они. Что же это мать, места что ли они для нее пожалеют или куска? Зачем такой позор: мать в богадельню? Но старушка крепко на своем стояла. С большим трудом устроили ее в интернат. И ведь совсем не потому, что боялась стать обузой для любимых детей, ушла она туда. Искренняя христианка, она боялась бездействия, праздности. Уж и послужила она ближнему напоследок! И уборщицей, и санитаркой, и сиделкой была у себя в богадельне. "Присядет на полчасика на диванчик в коридоре и опять спешит куда-то. Скребет — моет, моет — скребет, как век не работала!" — рассказывали после ее смерти соседи по интернату. Помню, и молитвенница она была изрядная. Царство ей Небесное, рабе Божией Марии.

Удел пожилого человека — это молитва и милостыня. Для него после многих дней труда наступила суббота покоя. Покоя от многих житейских забот, покоя от страстей, которые зачастую смиряются к старости. Теперь можно исполнить давнюю мечту: съездить к киевским угодникам или в Оптину. Можно побывать на престольных праздниках, у чудотворных икон. Насладиться беседой с людьми духовными. Можно почитать духовные книги, просветить свой осуетившийся ум. Можно помолиться не отвлекаясь, не торопясь. Можно побеседовать со своей совестью, испытывая ее на забытые, не видимые прежде грехи. Господь милосерд. Он дал нам время очиститься покаянием и загладить мило-

стыней свои ошибки. Он дал нам перед концом это время покоя и, может быть, даже телесной немощи для нашего спасения. Часто старость становится праздником души. Светлая, мудрая, спокойная старость верующего человека.

Никто не знает сроков своей жизни. Умирают младенцы и отроки, юноши и зрелые мужи. Мы во всякое время должны быть готовы дать отчет в своих делах. В молодые и средние годы жизненная суета и заботы отягощают наш ум, приземляют его. Но если человеку посчастливится дожить до старости, пусть воспримет он последние годы как особую милость, дар Божий. И отнесется к этому дару с благоговением.

В недавние годы, зайдя в церковь, мы видели там в основном людей пожилых. Это не был только остаток дореволюционных прихожан. В семидесятые годы это были уже совершенно советские пенсионеры. Верующие молодые и трудящиеся люди не всегда могли победить в себе страх общественного осуждения и служебных неприятностей, связанных с посещением церкви. Они надеялись на будущее. Либо "Бог орду переменит", либо настанет хоть с возрастом свобода от всех профкомов, завкомов, парткомов и домкомов. А старикам надеяться — нет времени. У них будущее — вечность. И перед страхом вечной гибели преодолевали страхи перед семейными неурядицами и общественным поношением. Это ведь было время, когда за верующую маму вызывали "на ковер", а внука-пионера заставляли отречься от бабушки-христианки.

Сегодня в храмах пожилых людей стало в процентном отношении много меньше. Есть храмы, особенно городские, где их совсем мало. Хорошо, что в церковь пришли молодые. Но очень жаль, что не все пожилые люди, считающие себя верующими (а таковых подавляющее большинство), бывают на праздничных богослужениях. Где же они? Чем заняты их мысли и сердце?

Как часто, прожив честную трудовую жизнь, но не стяжав навыка молитвы, поста, исповеди, церковной жизни, люди лишают себя последнего праздника и будущей награды. Иногда мы укоряем молодых празднолюбцев в том, что они прожигают жизнь. Но у тех есть хоть какая-то надежда на перемену. А у праздного старика — нет. Он в праздности и вовсе сжигает свою жизнь. Я имею в виду даже не праздность дел — дела, может быть, какие-то и можно найти,— а праздность стремлений и упований. Праздность духа.

Кому-то кажется, что нет ничего зазорного в длительных бесполезных беседах, сидении у телевизора, в мечтании за книгой.

“Я всю жизнь работала,— скажет иная,— могу я хоть теперь отдохнуть?”. Нет, не для отдыха даны нам эти годы. Трудись, “доколе не возвратишься в землю”,— заповедал Господь. “Покой и праздность — гибель душе, и больше демонов могут вредить ей”,— читаем у преподобного Исаака Сирина. Праздность порождает пересуды и сплетни, любовь к ненужным новостям, злоязычие, желание роскоши, зависть. Праздность может стать отправной точкой любого греха. “Кто в праздности живет, тот непрестанно грешит”,— писал святитель Тихон Задонский. “Да уж какие тут грехи, на склоне лет?” — отмахнется кто-то. А грехи все те же, что и в прежние годы. Гордость, гнев, блуд, сребролюбие...

Притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и бывают не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно (1 Тим. 5, 13),— писал в I веке Апостол о праздных женщинах. Теперь же не нужно ходить по домам. Болтливость нашла посредника в телефоне, а праздное любопытство легко удовлетворить, включив телевизор. Как сладко в покое часами следить за чужим домом, чужой жизнью. Да и какой жизнью! Роскошной, праздной и такой элегантной! Чем наполнены все эти многочисленные сериалы, как путы, связавшие волю, разум и тела наших современников? Что делает эти фильмы так похожими друг на друга? Вожделение. Постоянное и всепроникающее вожделение. Желание чувственной любви, богатства, мести. Что хорошее возбудят эти чужие, как нам кажется, страсти в нашей душе? Все, что они сами есть: блуд, сребролюбие, гордость! Хорошее приобретение! Особенно на исходе лет.

Неразумно и самонадеянно считать себя защищенным от влияния нескромных зрелищ многолетним навыком нравственной жизни. Вот что писал об этом святитель Иоанн Златоуст: “Ибо когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом воспламенишь в себе сильный пламень. Когда видишь женщин, являющихся полуобнаженными, когда зрелище и песни не что иное выражают, как только одну преступную любовь, то как, скажи мне, можешь ты после сего быть целомудренным, когда такие рассказы, зрелища и песни уступают место таким же сновидениям,— потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает”.

Старая пословица: “Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты”– вполне может звучать в наше время так: “Скажи мне, что ты смотришь (или читаешь), и я скажу тебе, кто ты”. Подоб-

ный ищет подобного. В том, что мы читаем и смотрим, мы ищем олицетворение желаемого. Незаметно мы отождествляем себя с героем или героиней, примеряем к себе разыгрываемую ситуацию. Стоит ли в пожилом возрасте, когда:

Сердце — времени послушно —
Бьется ровной чередой...

– возвращаться в мир любовных и страстных переживаний, да еще обязательно греховных?

Русский писатель Борис Шергин, уже приближаясь к пределу жизни, записал в своем дневнике удивительное рассуждение о страстных мечтах в старости. Вот небольшая выдержка: "Жар молодого цветущего тела, сила юной крови — от всего этого как бы хмелеет мысль-воображенье юноши, невольно уступает и подчиняется этому хмелю. Но эти «страстные мечты» отнюдь не суть естественное свойство человеческого мозга. Этому положено свое время. Страстный хмель с годами должен пройти. Ум, мысль, воображенье должны снова стать чистыми, ясными, способными к восприятию иного сознания, должны взойти на ступень высшего мироощущения».

Но как часто с человеком бывает такая беда: «страстные мечты» засядут в мозгу, и полюбит человек ими услаждаться. Страстной хмель должен налететь и вылететь, налетать и вылетать. И чем старше становится человек, тем реже и реже чадто этот туманит воображенье. А бывает, страстные-то помыслы прочное гнездо совьют себе в нашем сознании. Полынным медом обволокут, залепят наши сердце и ум. Здесь уже не молодая кровь и плоть будут смущать ум и воображенье, а воображенье, ставшее распутным, и ум, сделавший себя развратным, начнут впрягать наш телесный состав в несвойственную ненужную работу. Человеку-то по годам пора хвалиться и радоваться о «почестях высшего звания», а человек-от в низинах похоти, как свинья в грязи роется". Весь этот красочный мир, истлевающий в обольстительных похотях и приковывающий наше ненасытное око к экрану, призван именно разжигать нашу чувственность, будить "страстные мечты". И осквернившееся воображение, действительно, впрягает наше тело в несвойственную ему в пожилом возрасте работу. Наши глаза и уши, наполненные страстными, чувственными образами, дают толчок увядающей уже гормональной системе, насилуют естественный ход жизни. Возникают нежелательные явления в органах малого таза, у пожилых женщин обостряется забытая уже мастопатия. Как блудные гре-

хи истощают и калечат тело, так блудные помыслы расслабляют разум. Пора покинуть "цветущий сад молодости", вспомнить о своих летах. Кстати, знайте: раковая клетка — это просто обычная клетка, но только отказавшаяся стареть. Все клетки нашего организма проходят неизбежный цикл: молодость, функциональный период, увядание, старение, смерть. А те клетки, которые не желают стареть, образуют опухоль. В человеке все связано: тело, душа, дух. Будьте бдительны, чтобы ваши тело и разум не стали раковой опухолью для духа.

Блудная страсть, если она укореняется в человеке, ведет его к безумию. Частое наказание для блудников — это так называемое размягчение мозга, психическое заболевание. В недавнем прошлом, к слову, всякое психическое нездоровье считали следствием именно этого греха. В этой суровой каре, в недуге безумия сказалась особая милость Божия. Ведь страсть блуда, допущенная в сердце, очень трудно преодолима, а ответственность за нее сурова. С безумного же много ли спросишь?

В Библии, в Книге наставлений Иисуса, сына Сирахова, читаем: "...три рода *людей* возненавидела душа моя, и очень отвратительна для меня жизнь их: надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея, ослабевающего в рассудке" (Сир. 25, 3—4).

Все приятные любования похождениями красавца Родригеса или обворожительной Марии не что иное, как грех против седьмой заповеди: "Не прелюбодействуй". Нужно дать себе в этом отчет и не ссылаться на то, что все, мол, смотрят. Не беспокойся, места в аду хватит. Господь целые города-государства предал огню за блудные грехи. Так что массовость — не оправдание. И не объяснение. Не только красочными фильмами и сериалами привлекает телевизор праздного человека. Иному кажется, что он познает через телеокно мир, упражняет интеллект. Возможно. Но скорее, это просто способ забыться в мечтах, провести время.

В прежние годы праздный человек занимал себя игрой в карты, в недавнем прошлом стучали во дворах в домино, проводили время за сплетнями и слухами. Но где-то в сознании жило ощущение пустоты и греховности этих занятий. Наше время лукаво. Теперь благодаря техническому прогрессу "домино" и "слухи" прочно укоренились в наших домах на правах предметов первой необходимости. Много вы видели домов, где нет телевизора?

Сто лет назад кого мог осудить любитель справедливости? Дюжину соседей, пяток родственников да двоих-троих чиновников местной администрации. А какие возможности сегодня? Сегодня нам доступна для обсуждения-осуждения жизнь сотен, даже ты-

сяч людей. Политики и киноактеры, журналисты и художники, военные и торговцы — все в нашей власти, все ждут нашего справедливого суда. А если мы затрудняемся, то за нас этот суд произнесут наши помощники: режиссеры и ведущие телепрограмм. Нам останется только послушно принять их мнение.

Какие слухи заставляли трепетать сердца наших соотечественников полтора эдак века назад? Ну разве что приезд какого-нибудь "Белого арапа из Белой Арапии". А теперь? Сколько катастроф, убийств, ограблений, землетрясений доступны нашему взору и слуху! И жутко, и жалко, и давление поднялось... и оторваться невозможно.

Тщеславный интеллект день за днем распутывает политические хитросплетения, услаждается угадыванием закулисных тайн. Сопоставляет, угадывает и видит на шаг вперед. Год за годом кто-то добровольно несет бремя домашнего политика.

Можно поучаствовать в викторине-шоу или в каком-нибудь интервью со знаменитостью. Еще раз почувствовать свою значительность. Круг телевизионных интересов может быть обширен и ум постоянно занят, но не принесет эта занятость никакого плода, кроме пустой гордости, тщеславия и безвозвратно потерянного времени.

Таковых удаляйся,— писал Апостол, определяя их *как всегда учащихся и никогда не могущих дойти до познания истины* (2 Тим. 3, 7). Не лучше ли нам самим удалиться от телевизора, хотя бы частично? Не сам телевизор, а наше несовершенство делает для нас гибельным время, проведенное у экрана.

Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает (1 Кор. 10, 23),— говорит апостол Павел. Нам кажется, что телевизор — забава для нас. Но со временем роли меняются. Сегодня уже черный ящик забавляется нами. О его здоровье мы заботимся не меньше, чем о своем. Его несовершенство печалит нас, как несовершенство близких родных. В одной семье, чувствуя свою зависимость от телевизора, решили избавиться от него. Позже хозяйка призналась, что некоторое время она переживала состояние человека, потерявшего самого дорогого друга. Иному зрителю или зрительнице кажется, что они смотрят свои любимые передачи лишь оттого, что у них нет другого занятия. Но какую досаду, раздражение и даже гнев встретит любимая внучка-малышка, если попросит починить карандаш во время сеанса, или милая приятельница, позвонившая по телефону. Как вино, как наркотик, как любая страсть, телевизор порабощает нас. Участие во всех мировых скорбях и приня-

тые к сердцу переживания героев фильмов выхолаживают душу. Телевизор активизирует на время эмоциональную жизнь, но не дает работы душе. А праздность для души гибельна. “Душа, не упражняющаяся в добрых делах, а по природе своей непрестанно стремящаяся к деятельности, по необходимости предается злым делам” (святитель Иоанн Златоуст).

Такие злые дела, как сплетни, пересуды, пустословие, неразделимы с праздностью.

Привычка переживать множество придуманных или искаженных авторским мнением судеб, встреченных на экране, дает ложное ощущение опытности, питает самомнение. Приверженность телевизору не расширяет кругозор, а, наоборот, ограничивает его. Имея долгое время общение не с реальной жизнью, а с ее отражением, человек постепенно начинает чувствовать себя автором, относясь и к реальной жизни, как к отраженной, навязывая ей усвоенные стереотипы, искаженно переживая реальность. Это чувство авторитета толкает его на осуждение, позволяет вмешиваться в жизнь близких и не очень близких людей, заставляет болезненно воспринимать невозможность поправить или объяснить чужую ошибку, словно чужая жизнь всего лишь продолжение фильма или книги. Это проявление ограниченного мироощущения болезненно как для самого “автора”, так и для его близких. Неразборчивое чтение и увлечение экраном развивают мечтательность. То, что мы увидели или прочли, будет жить в нас до самой смерти. Стереть из памяти зрительный образ невозможно. Согласитесь, что воспоминания-переживания увиденного не раз и не два возвращаются к нам после того, как погас экран. Иногда пройдет много лет, вдруг выплывет из памяти какой-нибудь отрывок фильма, вовсе и ненужный нам. Построенные в форме длительных сериалов фильмы как раз и опасны тем, что человек месяцами живет в состоянии некого опьянения, перебирая постоянно в памяти знакомое и выстраивая возможные варианты. Увлеченный сериалами зритель обязательно в мыслях становится автором, занимая бесполезной работой свой ум. Наивно недооценивать разрушительное действие такого сна-опьянения. *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мф. 26, 41),— говорит Спаситель и повторяет: *А что% вам говорю, говорю всем: бодрствуйте* (Мк. 13, 37). *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8),— предупреждает апостол Петр. *Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться* (1 Фес. 5, 6),— призывает апостол Павел. Не

случайно так настойчиво и многократно остерегает нас от духовного сна Священное Писание. Сон души — это вечная смерть.

Сожаление вызывает в нас молодой человек, пребывающий в радостном опьянении жизнью, не заботящийся о своей душе. Мы сожалеем, но где-то сочувствуем ему. Но неизвинителен пожилой человек, проводящий последние годы в опьянении чуждыми и нереальными, неблизкими ему судьбами, забывший о своей судьбе.

Зачем на закате дней эта пустая забава: яркий калейдоскоп, меняющий не только картинки, но и мнения, мораль, смешивающий в своей темной утробе чистое и нечистое, свет и тьму, Христа и Велиара, храм Божий и идолов? Слишком самонадеянно для нас думать, что мы можем разделить и разгадать эту мозаику. *Ибо, произнося надутое пустословие, они уловляют в плотские похоти и разврат тех, которые едва отстали от находящихся в заблуждении* (2 Пет. 2, 18). *Они прельщают неутвержденные души* (2 Пет. 2, 14). Как будто о наших средствах массовой информации сказал эти слова Апостол. У пожилого человека часто ухудшается слух, слабеет зрение. Да у него и нет в них такой надобности, как в прежние годы. Его слух и зрение чаще обращены внутрь, в свое сердце. Наступила пора духовной работы. Понять себя, помолиться, очиститься, побелеть совестью, как белеют с годами волосы. До слухов ли тут, до чужих ли грехов? Со своими бы расквитаться.

Я знаю немало людей, которые свой отдых сочетают с благотворительным трудом в Церкви. Вероника несколько лет каждый отпуск ездила в Псково-Печерский монастырь, выращивала там цветы. Кто был в этой обители, те помнят, какое обширное там цветочное хозяйство, оно требует не только труда, но и умения. Уйдя на пенсию, В. пошла работать в один из монастырей. Клавдия всякое лето работала на строительстве храмов каменщицей. Антонина, московская пенсионерка, хозяйка многочисленной семьи, в свободное время помогает в храме, то на кухне, то за свечным ящиком, куда благословят. А если свободного времени немного, то обязательно навестит одну из опекаемых ею одиноких старушек. Многие верующие в отпуск ездят в паломническую поездку помолиться в какой-нибудь полюбившейся обители. Ведь молитва — это тоже труд. Вспомним пророчицу Анну, вдову, *которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь* (Лк. 2, 37).

Ваши родные и близкие, живые и умершие, ждут вашей помощи. Ждут вашей молитвы. Вы свободны от ежеминутной суеты

трудовой и семейной жизни, у вас есть время помолиться о них. Посмотрите, какие длинные списочки-записочки о здравии и о упокоении подают старые люди в храме. Может быть, этот старик остался один из всей родни и один молится за всех усопших. Как нужна им его молитва! Он знает свой долг, поминает их, заказывает панихидки, подает записочки. Скольких людей вспомнит иная старушка в своей молитве, многие из них уж забыли ее давно, живут где-то вдали, а она о них молится. Делился как-то своим опытом один человек, сам искренний молитвенник: "Бывает день — тяжело на душе, все кажется плохо. А потом вдруг раз — и прошло уныние. Значит, помолился кто-то о тебе. Или бывает, совсем у греха стоишь, да вдруг опомнишься. Опять кто-то помолился". Если вы испытывали такое светлое легкое чувство, вдруг неожиданно пришедшее на помощь вам,— знайте, и о вас кто-то помолился. Живой или уже умерший. Молитесь и вы за своих.

Почему в тяжелых обстоятельствах, в беде, сами будучи уже немолодыми, мы вспоминаем мать? Мы вспоминаем ее как самую любящую, самую действенную защитницу. Иногда в этом воспоминании о матери — последняя наша надежда. Не только детская память заботливых материнских рук, оберегающих нас, но более вера в материнскую молитву дает нам эту надежду. Потому что молитва матери — самая святая молитва. Плачет над могилой старика отца седой человек. Почему? Не вечно же мучиться старому и больному телу? Не известна нам участь ушедших из жизни, а на земле он потерял молитвенника о себе.

Если не пришлось вам в вашей жизни заботиться о душе своей, молиться, каяться, милоствовать, то начните сегодня, дожив до возраста разумного и ответственного, сказав себе: "До сих пор мы не сделали ничего, начнем труд (душевного спасения) хотя теперь". И тогда скучная праздность сменится праздником, радостью о Господе. Старость ваша не будет уныла и жалка, она станет колыбелью нового человека. И к вам будут слова Апостола: *Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). Аминь.

Печатается по изданию: За советом к батюшке. Сборник. Издание 2-е.– М., 2002.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 562

Единство идеала Христова

Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий)

ЕДИНСТВО ИДЕАЛА ХРИСТОВА

(Письмо к другу, 1915 г.)

Год тому назад, мой дорогой друг, в одном из писем к тебе я коротко,— помнится, страничках на двух,— коснулся вопроса о монашестве и христианстве, об их единстве по существу. От тебя последовал ответ еще более краткий, где ты не берешься спорить со мной, но все-таки не соглашаешься. А мне хотелось бы и по этому вопросу установить с тобой дружеское единомыслие. Мне досадно чувствовать, что в данном случае нашему единомыслию мешает лишь распространенный предрассудок, который, к моему сожалению и огорчению, разделяешь отчасти и ты.

Предрассудок против монахов, монашества лукав еще с одной стороны, а именно: думают, что христианский идеал во всей его высоте обязателен и нужен только монахам, а мирянам... ну а мирянам нужно что-нибудь более сходное, более легкое. “Мы не мо-

нахи!" Этим объясняется и извиняется для мирян все. У нас стало два христианства, два христианских идеала: один для монахов, другой для мирян. Такое разделение Христова идеала я считаю нелепым принципиально и крайне вредным практически.

Итак, одно христианство или два? Един ли Христов идеал или различен? Думаю, согласишься со мной без спора, что христианство одно и Христов идеал един. Идеал бесконечность, а бесконечность всегда себе равна. Ты знаешь, где кратко выражен идеал христианства? В 48-м стихе V главы Евангелия от Матфея: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный.* Допустимы ли какие-нибудь степени в этом идеале? Конечно, в достижении этого "будьте совершенны" может быть бесчисленное множество ступеней, но идеал-то остается все же единым и он един для всех. Христос ведь учил не монахов, а всех людей,— и учил одному. Право же, друг, мне как-то неловко раскрывать Евангелие и доказывать то, что само собой ясно. Увы, в наше время вражда к монашеству ослепила многих настолько, что они готовы отвергать даже истины самоочевидные.

Чтобы заградить уста разделяющих идеал Христов, я приведу замечательные слова святителя Иоанна Златоуста, в которые советую вдуматься и тебе, чтобы согласиться со мной. Святой Златоуст пишет: "Ты очень заблуждаешься и обманываешься, если думаешь, что другое требуется от мирянина, а другое от монаха; разность между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности. Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога, и всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, будет ли он тем или другим, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (Мф. 5, 22, 28). Если же можно прибавить что-либо по соображению, то — мирянин менее извинителен в этой страсти; потому что не все равно, тот ли прельстился красотой женщины, кто имеет жену и пользуется этой утехой, или будет уловлен этим грехом тот, кто вовсе не имеет такой помощи (против страсти). Также клянущийся, будет ли он тем или другим, одинаково будет осужден, потому что Христос, когда давал касательно этого повеление и закон, не сделал такого различения и не сказал: если клянущийся будет монах, то клятва его от лукавого, а если не монах, то нет; а просто и вообще всем сказал: *Я говорю вам: не клянись вовсе* (Мф. 5, 34). И еще сказал: *горе вам, смеющие-*

ся ныне (Лк. 6, 25), не прибавил: монахам, но вообще всем положил это правило; так Он поступил и во всех прочих, великих и дивных, повелениях. Когда, например, Он говорит: блажени нищии духом, плачущии, кротции, алчущии и жаждущии правды, милостивии, чистии сердцем, миротворцы, изгнани правды ради, несущие за Него от внешних (неверующих) упомянутые и не упомянутые поношения (Мф. 5, 3—11), то не приводит названия ни мирянина, ни монаха; такое различие привнесено умом человеческим. Писания же не знают этого, но желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы и имели жен. Послушай, что говорит и Павел (а когда говорю о Павле, говорю опять о Христе). Павел же в Послании, обращаясь к людям, имеющим жен и воспитывающим детей, требует от них всей строгости жизни, свойственной монахам. Так, устраняя всякую роскошь и в одежде, и в пище, он пишет такие слова: *...жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою* (1 Тим. 2, 9); и еще: *...сластолюбивая заживо умерла* (1 Тим. 5, 6); и еще: *имея пропитание и одежду, будем довольны тем* (1 Тим. 6, 8). Чего еще больше этого можно было бы требовать от монашествующих? А научая удерживать язык, он опять поставляет строгие правила, такие, которые исполнить трудно и монахам, потому что устраняет не только срамные и грубые речи, но и шутовские, изгоняет из уст верных не только ярость, и гнев, и обиду, но и крик: *Всяка*, говорит, *ярость и гнев, и крик и хула да возмется от вас, со всякою злобою* (Еф. 4, 31). Или мало тебе кажется этого? Подожди и услышишь гораздо больше о том, что Он заповедует всем о незлобии. *Солнце*, говорит, *да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26), *смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за* зло, *но всегда ищите добра и друг другу и всем* (1 Фес. 5, 15); и еще: *Не будь побежден злом, но побеждай зло добром* (Рим. 12, 21). Видишь ли до самой вершины степень любомудрия и долготерпения?

Послушай также, что заповедует он о любви — главе добродетелей, поставив ее выше всего и сказав о ее действиях, он объяснил, что от мирян он требует той же любви, какой (требовал) Христос от учеников. Как Спаситель сказал, что самая высшая степень любви состоит в том, чтобы душу свою полагать за друзей своих (Ин. 15, 13), так и Павел выразил то же самое, сказав: *Любовь не ищет своего* (1 Кор. 13, 5), и к такой-то любви заповедал стремиться: так что если бы только это одно было сказано, было бы доста-

точно для доказательства, что и от мирян требуется то же самое, что и от монахов, потому что любовь есть связь и корень многих добродетелей, а Павел излагает ее и по частностям.

Чего же можно требовать больше этого любомудрия? Когда он повелевает быть выше и гнева, и ярости, и крика, и любостяжания, и чревоугодия, и роскоши, и тщеславия, и прочего житейского и не иметь ничего общего с землей; когда заповедует умертвить уды[1] (Кол. 3, 5), то, очевидно, требует от нас такой же строгой жизни, какой требовал от учеников Христос, и желает, чтобы мы были так же мертвы для грехов, как умершие и погребенные. Посему и говорит: *Умерший освободился от греха* (Рим. 6, 7). А в иных местах он увещевает нас подражать Христу, а не только ученикам Его; так, когда убеждает нас к любви, к незлопамятству и кротости, то приводит в пример Христа.

Итак, если (Павел) повелевает подражать не монахам только и даже не ученикам, но Самому Христу, и неподражающим назначает величайшее наказание, то почему ты называешь их высоту большей? Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, нет; от всех нас требуется, говорит он, одинаковое любомудрие, это весьма хотел бы я внушить; или — лучше — не я, но Сам Тот, Кто будет судить нас. Если же ты еще удивляешься и недоумеваешь, то вот мы опять почерпнем для слуха твоего из тех же источников, чтобы тебе совершенно омыться от всякой нечистоты неверия. Я представляю доказательства от наказаний, имеющих быть в тот день (суда). Богач не за то много наказан, что был жестоким монахом, но — если можно, сказать нечто в пояснение — за то, что, будучи мирянином и живя в богатстве и пурпуре, презирал Лазаря в крайней бедности. Впрочем, не скажу ни того, ни другого, а только то, что он был жесток и за это терпел тягчайшие муки в огне... Я стараюсь теперь доказать, что жизнь монахов не делает наказаний более тяжкими, но что и миряне подвергаются тем же самым наказаниям, если грешат одинаково с ними, и одетый в нечистую одежду (Мф. 22, 1—13), и требовавший (с должника) сто динариев (Мф. 18, 23-34) потерпели постигшие их беды не за то, что были монахи, но первый погиб за блудо-

[1]Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение (Кол. 3, 5).

деяние, а последний — за злопамятство. Если кто посмотрит и на других, которые будут тогда наказаны, то увидит, что они подвергаются наказанию только за грехи. Это можно заметить не только в наказаниях, но и в увещаниях. Так (Господь), говоря: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы; возьмите иго Мое на себе, и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 28—29), говорит это не одним только монашествующим, но всему человеческому роду. И когда он повелевает идти тесным путем (Лк. 13, 24), то обращает речь не к ним только одним, но и ко всем людям, одинаково всем заповедал Он ненавидеть душу свою в мире сем (Ин. 12, 25) и все прочее тому подобное...

Итак, впредь, думаю, и самый склонный к спорам и бесстыдный не будет отвергать, что и мирянину, и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, в случае падения, получат одинаковые кары".

...Вопрос о единстве идеала Христова словами святого Златоуста раскрыт и решен совершенно достаточно. Следует признать, как аксиому, в качестве исходного пункта, положение: монашество не выступает с каким-то особым идеалом, отличным от идеала общехристианского. Никакого особого идеала быть вообще не может, потому что идеал Христов вечен, неизменен и бесконечен,

Но из этого положения нам, друг, следует сделать с тобой несколько выводов по частным вопросам. С точки зрения этого положения я хотел бы ответить тебе на возможные недоумения, хотел бы сказать тебе, что, по-моему, с логической необходимостью следует из признанного положения.

"А позвольте,— скажешь ты мне,— а как же ваши монашеские обеты, пострижение, отречение от мира? Зачем же тогда и монашество ваше?" Разберемся в этих вопросах по порядку...

Для христианина вообще не существует какой-либо определенной мерки, выше которой ему нет нужды расти духовно. Его мерка — бесконечное совершенство и вместе с ним бесконечное возрастающее блаженство, потому что мы утверждаем тождество добродетели и блаженства. *Мера полного возраста Христова* (Еф. 4, 13) — вот мера христианина. А вот его настроение: *Когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие, потому что сделали, что́ должны были сделать* (Лк. 17, 10). Что же могут прибавить здесь *какие* бы то ни было человеческие обеты, приба-

вить, разумею, в нравственно-идеальном смысле? Какой обет может возвысить *меру полного возраста Христова*? Да почитай, друг, чин монашеского пострижения. Ты увидишь там как бы набор Евангельских изречений, то есть истин общеобязательных.

"А как же отречение от мира? — шевелится, должно быть, в твоей голове вопрос.— Вы отрекаетесь от мира, а мы не отрекаемся"...

В самом деле, что это значит — отречься от мира? Мир через "и", значит отречься от вселенной. Трудная задача! Ну как от вселенной отречься? Как из нее уйдешь? Куда? В монастырь? А монастырь-то где? Не на той же земле? Да и как легко было бы отречься от мира, если бы для этого достаточно было скрыться за монастырские стены! Но говорят: "Он принес мир и в монастырь". Оказывается, мир можно носить. Говорят: "Мир гонится за ним". Оказывается, мир может двигаться. Что же это такое — "мир"?

А с другой стороны, постригающий спрашивает постригаемого: "Отрицаешься ли мира и сущих в мире по заповеди Господней?" Слышишь, друг мой,— по заповеди Господней! Отречение от мира называется заповедью Господней, то есть, без всяких сомнений, чем-то общехристианским. Да, конечно же, это заповедь Божия для всех христиан. Припомни из Евангелия: *Царство Мое не от мира сего* (Ин. 18, 36). *Они не от мира, как и Я не от мира* (Ин. 17, 14, 16). *Мир вас ненавидит* (Ин. 15, 18). *Мир возненавидел их* (Ин. 17, 14). О ком здесь речь? О монахах? Нет, конечно,— о христианах вообще. А припомни речи апостольские. *Не любите мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2, 15). *Дружба с миром есть вражда против Бога* (Иак. 4, 4). *Рожденный от Бога побеждает мир* (1 Ин. 5, 4). *Тот, Кто в вас, больше того, кто в мире* (1 Ин. 4, 4). Отрекаться от мира должен всякий, кто не хочет быть во вражде с Богом,— не одни, следовательно, монахи, но все христиане. Что же такое мир и что это значит — от него отрекаться?

Вот что отвечают на этот вопрос величайшие наставники монахов и лучшие авторитеты по вопросам христианского нравоучения — святые отцы — подвижники.

Слушай, что говорит святой Василий Великий, так много заботившийся об устроении жизни монашеской: «Удаление от мира» состоит не в том, чтобы телом быть вне мира, но чтобы душой оторваться от пристрастия телу".

Миром Священное Писание, по словам Златоуста, называет злые дела (на Еф. беседа 22, 3).

“Нам,— пишет Марк Подвижник,— не повелено любить мира, и всего, что в мире. Не в том смысле получили мы такую заповедь, чтобы безрассудно ненавидели мы творения Божии, но чтобы отсекли поводы к страстям”. “Мир,— говорит преподобный авва Исайя,— это когда мы исполняем желания плоти, когда больше о теле заботимся, нежели о душе” (Слово 21).

Но самое точное определение “мира” дает преп. Исаак Сириянин: “Мир есть имя собирательное, обнимающее собой то, что называется страстями. Когда хотим назвать страсти в совокупности, называем их миром. Сказать короче — мир есть плотское житие и мудрование плоти, поскольку христианин не исполняет требования — жить во плоти, но не по плоти” (Слово 30).

Вот, друг мой, что значит слово “мир” на языке аскетическом. “Мир” — это совокупность страстей. Скажи же, неужели только монахи должны отрекаться от страстей? Конечно, не одни монахи. Отречение от мира есть заповедь Господня для всех христиан. Обет отречения от мира дали и вы, миряне. Где и когда? При крещении нас всех спрашивали тогда, отрицаемся ли мы сатаны и всех дел его. Восприемники за нас отвечали: “Отрицаюся!” И еще спросили нас, отреклись ли мы от сатаны; и был наш ответ: “Отрекохся!” Потом мы плюнули на сатану. Ведь мы отреклись именно от того, кто в мире, по слову Христову. Мы сочетались Христу. Жаль, что миряне, когда вырастут, даже и не смотрят чина крещения...

Разные поношения монашества теперь так часто начинаются словами: “Монахи, отрекшиеся от мира... и т. д.”. “Почему же это признак именно монаха — отречение от мира?” Ты, друг, тоже склонен главным в монашестве считать «отречение от мира». После моих разъяснений согласишься ли ты со мной, что все христиане отреклись от мира? Церковные проповедники говорят об отречении от мира еще во втором веке, когда монахов-то вовсе не было. Осуждая всячески монахов и стараясь обелить себя, миряне теперь так часто говорят: “Но мы от мира не отрекались!” Совершенная бессмыслица с православной точки зрения. Не отрекались от мира — значит, нет различия между добром и злом, пороком и добродетелью, не нужна никакая борьба со страстями. Ведь страсти-то и составляют мир, от которого вы будто бы не отрекались,

Я, друг мой, хотел бы утвердить в твоем сознании мысль, что, отрекаясь от мира, монах никакого нового христианства не создает, не ставит для себя какого-то особенного идеала. Без отречения

от мира, без борьбы со страстями, без аскетизма никакое духовное совершенствование невозможно.

Нередко чем-то специально монашеским считают послушание и нестяжательность. Неужели для мирян в непослушании и в корыстолюбии уже ничего предосудительного и нет? Но в чине монашеского пострижения вопрос о послушании дается такой: "Сохраниши ли даже до смерти послушание к игумену и ко всей о Христе братии?" О нестяжательности вопрос такой: "Пребудеши ли до смерти в нестяжании и вольней Христа ради во общем житии сущей нищете, ничтоже себе самому стяжевая или храня, разве яже на общую потребу, и се от послушания, а не от своего произволения?" Разве ты не замечаешь, друг, что и послушание, и нестяжательность берутся здесь применительно к общему житию, к монастырю. Ты вступаешь в монастырь, так дай обещание слушаться игумена, дай обещание не роптать на в общем житии сущую нищету. Общая потреба будет удовлетворяться, и каждый должен заботиться именно об этой общей потребности. Смысл общежития в истреблении стяжательности как личной страсти, страсти сребролюбия. А исторически общежительная форма монашества всегда была более обеспеченной формой жизни сравнительно с монашеством отшельническим.

Но если взять и послушание, и нестяжательность вне монашеской общежительной формы, то разве не следует их признать общехристианскими добродетелями? Христианская истинная мудрость послушлива, по слову апостола Иакова (3, 17). Мудрость же с завистью и сварливостью апостол называет земной, душевной, бесовской (3, 14—15). Богатому юноше Господь сказал: *Если хочешь быть совершенным, пойди продай имение твое и раздай нищим* (Мф. 19, 21). Неужели совершенным быть — это вне желаний мирянина? А другие слова Христовы разве к монахам только относятся: *Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут: но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут. Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше* (Мф. 6, 19—21). В притче о "домоправителе неправды" Господь богатство называет неправедным, неистинным, ненастоящим: Он противопоставляет его богатству истинному (Лк. 16, 9—11).

Мне думается, друг мой, и помимо монашества послушание только на общую потребу необходимо бывает и весьма полезно в

жизни человеческой. Возьми семью. Разве там послушание излишне, послушание к игумену, к отцу, к главе семьи? Да думается еще мне, что в хорошей семье ее члены себе ничего не стяжают, но "разве яже на общую потребу". Там тоже возможна в общем житии сущая нищета. В хорошем монастыре не должно быть слов "мой" и "твой". Эти же слова должны быть удалены и из семейного обихода. Семья — это монастырь. Не напрасно в монастыре терминология семейная. Там отец — игумен, братия — дети духовные.

Да укажи мне форму общественной жизни, где не было бы нужно послушание. Присягают подданные Государю. Что это, как не обет послушания? Где только общество, там и послушание. Например, министр финансов устанавливает налоги, делает заем. Разве он себе самому стяжает? Не на общую ли потребу? И от своего ли произволения? Не от послушания ли монарху или парламенту? А потом, не общая ли христианская обязанность бороться против страсти сребролюбия? "Не думай, что одно приобретение золота и серебра есть любостяжательность: она есть приобретение чего бы то ни было такого, к чему привязана воля" (Святой Исаак Сириянин. Слово 23). А преподобный Иоанн Кассиан рассуждает так. Возможно и не имущему денег не быть свободным от сребролюбия. Нисколько не обремененным тягостию денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами, по уму и по сердцу. Иногда недоставало только случая к приобретению, а не воли, а воля в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость. Поэтому страсть стяжательности может быть и при крайней видимой нищете. Иной легко оставил большие богатства и пришел в монастырь, но страсть в сердце остается, только привязывается к другим предметам. Нельзя питать страсти вещами драгоценными, она привязывается к вещам более дешевым, приобретает только иной вид. Но дело все не в различии металлов, а в самой страсти. Кто, презрев большее, привязывается к меньшему, тот достоин тем большего осуждения" (Собесед. 4, 21). Аскетическая литература знает много случаев пристрастия именно к ничтожным вещам, что, пожалуй, более безобразно, более позорно. Здесь страсть обнаруживается как бы в более чистом виде. Порабощенность души, ее служение страсти проявляется ярче. Страсти, друг мой, не следует понимать внешне, страсти гнездятся в душе, и из души их нужно исторгать равно и монаху, и мирянину. Количество значения не имеет. К грошам можно быть привязанным более, нежели к тысячам, и страсть стя-

жательности сильнее будет в первом случае, чем во втором. Душа, преданная страсти стяжания, скорбит при потере немногого, тогда как душа, свободная от этой страсти, спокойна и при потерях больших... Непослушание и стяжательность — пороки и для мирян, так как от мира страстей отреклись и миряне. Идеал Христов, идеал совершенства един для всех. Этот идеал — цельность душевная, свобода от страстей. Цельность души — вот ее нормальное и блаженное состояние. Этой цельности души противопоставляется ее "развороченность" страстями и, следовательно, ее мучение, беспокойство, смятенность. Цельность души разрушается страстью стяжательности — равно и у монаха, и у мирянина.

Остается нам, друг мой, побеседовать еще о третьем обете монашества — о девстве и целомудрии. Не создают ли монахи этим обетом какого-нибудь нового идеала жизни, отличного от идеала общехристианского?

Но, думаю, ты не станешь отрицать, что целомудрие — добродетель общехристианская, а нецеломудрие — грех и для монаха, и для мирянина. В ходячих представлениях у нас как-то считают целомудрие с браком не совместимым. Но, по церковному учению, брак есть пособник целомудрия. Плотская похоть, противовоюющая духу целомудрия, тоже есть страсть, нарушающая душевное равновесие. С этой страстью христианину должно бороться. Не напрасно же в Великом посту просит христианин у Господа себе духа целомудрия. Одним словом, я считаю даже излишним доказывать и обосновывать то, что целомудрие — добродетель, необходимая и для безбрачных, и для состоящих в браке. Эту истину следует исповедать всем без всякой оговорки, без всякого послабления. Многих споров о монашестве, многих нареканий на монашество не стало бы, если бы была решительно и чистосердечно признана эта истина.

Вот другая часть этого же самого монашеского обещания, уже специально монашеская. Это девство, или безбрачие. Во всех монашеских обетах и осталось у нас специально монашеское только одно безбрачие. Все добродетели одинаково обязательны и монахам, и мирянам, но в этом пункте монашеская жизнь от мирской уже отличается. Выше, в начале письма, я приводил слова святого Иоанна Златоуста. Повторю из них и сейчас три строчки. "Разность между ними (монахами и мирянами) в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой

ответственности"... А вот и еще весьма авторитетные слова святителя Василия Великого. Называю их весьма авторитетными потому, что читаю их во втором его послании к Амфилохию, епископу Иконийскому, а это послание на VI и VII Вселенских Соборах признано каноническим и печатается доныне в "Книге правил". В правиле XIX святителя Василия читаем: "Обетов мужей не знаем иных, как разве которые причислили себя к чину монашествующих, которые молчанием показуют, яко приемлют безбрачие".

Но я, друг мой, предложу и еще вопрос. Что же, создается ли безбрачием какое-нибудь новое христианство? И опять я должен ответить отрицательно. Ведь безбрачие не цель, а средство. Это один из путей, а к цели своей христианин может прийти и другим путем. Всякий человек избирает тот путь, по которому ему идти удобнее. А само в себе безбрачие особого морального содержания не имеет. Читай VII главу Первого Послания к Коринфянам. Там апостол Павел сравнивает брак и безбрачие с практической точки зрения. "Безбрачным же и вдовцам говорю: хорошо им оставаться, как я" (ст. 8). "Выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше" (ст. 38}.

Апостол сам же и поясняет, что значит "лучше". "Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу. А женатый заботится о мирском, как угодить жене. Есть разность между замужней и девицей, незамужняя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святой и телом, и духом; а замужняя заботится о мирском, как угодить мужу" (ст. 33—34). Думаю, не хочет апостол сказать, что семейные Господу совсем не угождают и не могут угождать. Он рассуждает практически: чаще всего так бывает, наиболее обычное явление. Можно и безбрачному вовсе Господу не угождать, но при равном желании угождать Богу у безбрачного больше благоприятных условий для осуществления своего доброго желания, нежели у женатого. Но искать в словах апостола учение о моральном превосходстве безбрачия сравнительно с браком, по моему мнению (не моему, впрочем, только), было бы ошибкой.

И опять я боюсь услышать от тебя, дорогой друг, столь обычное запальчивое возражение: "Что ты говоришь? Да не вы ли, монахи, превозноситесь своим безбрачием? Не вы ли поносите всячески брак, считая его "скверной" и женщину "сосудом диавольским"? Если ты, друг, думаешь говорить о высоте брака, то я могу быть только твоим союзником. Греха нечего таить, бывают среди

монахов и ненавистники брака, брезгливо гнушающиеся им. Я к таким не принадлежу и не могу принадлежать. Я знаю, что, по слову апостола, брак может быть честен и ложе непорочно (Евр. 13, 4). Я знаю, что запрещающих вступать в брак апостол называет лжесловесниками, сожженными в совести своей (1 Тим. 4. 2—3). Я знаю, что великий ревнитель монашества, святитель Афанасий Александрийский, пишет Аммуну-монаху: "Блажен, кто в юности, составя свободную чету, употребляет естество к деторождению"... "Аще кто избрал мирской путь, то есть брак (замечаешь, как брак и здесь указывается единственной особенностью мирян сравнительно с монахами!), то не подлежит порицанию». Я знаю канонические правила Гангрского Собора — следующие: 1-е: "Аще кто порицает брак, и женою верною и благочестивою, с мужем своим совокупляющеюся, гнушается или порицает оную, яко немогущую внити в царствие,— да будет под клятвою". 9-е: "Аще кто девствует или воздерживается, удаляяся от брака, яко гнушающийся им, а не ради самой доброты и святыни девства,— да будет под клятвою". 10-е: "Аще кто из девствующих ради Господа будет превозноситься над бракосочетавшимися,— да будет под клятвою". А ведь как слова святителя Афанасия Великого, так и эти правила отцы VI Вселенского Собора "согласием своим запечатлели" (правило 2). Отцы же VII Вселенского Собора писали: "Божественные правила со услаждением приемлем и всецело непоколеблемое содержим постановление сих правил... Кого они предают анафеме, тех и мы анафематствуем, а кого — извержению, тех и мы извергаем, и кого — отлучению, тех и мы отлучаем" (правило 1). А кому и этого мало, открывай «месяца Иануария в 19-й день житие преподобного Макария Египетского» и читай:

«Однажды преподобный Макарий услышал голос: «Ты не сравнялся добродетельною жизнью с двумя женщинами, которые живут вместе в ближнем городе».

Макарий пошел и отыскал женщин.

«Расскажите, как вы живете?» – спросил их преподобный Макарий.

Женщины сказали, что они жены двух родных братьев, живут вместе пятнадцать лет и живут так, что никогда не ссорились между собою и не сказали обидного слова одна другой; что они просили мужей отпустить их в монастырь, но те не согласились; что они избегают пустословия и рассеянности.

Выслушав рассказ, святой старец сказал: «Поистине везде и всякому можно спастись, и Бог поможет, было бы только желание спасения»[1].

И не потому только, друг мой, почитаю я брак, что это заповедано мне правилами святых Соборов и святых отцов, а потому, что я чувствую в сердце своем к нему почитание. Правила же разные я привел к тому, чтобы ясно было тебе, что Церковь неповинна в тех похулениях брака, которые допускают отдельные монахи — да и одни ли монахи?.. Принятие монашества не ставит человека сразу в нравственном отношении выше всех мирян. «Последний монах лучше самого хорошего мирянина!» — приходилось мне это от монахов слышать, но я такое изречение считаю неправильным. Принимая монашество, мы лишь становимся на путь. По пути идти вперед, идти с трудом и тяжелой борьбой, идти к высокой цели, а цель эта у нас с мирянами одна... Христос пришел обновить растлевшее грехом естество наше. Задача всякого христианина — отложить прежний образ жизни ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, обновиться духом ума и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины (Еф. 4, 22—24). Следует до крови подвизаться, сражаясь против греха (Евр. 12, 4). Греховное естество заявляет себя всюду, во всех областях жизни. Брак исключения не составляет. Вступить в брак — вовсе не значит отдаться в полную волю страсти...

Нет, обновление естества совершается постепенно. Что такое аскетизм? Ведь он — борьба против наличного состояния природы человеческой. В этом пункте, друг мой, у мирян очень мало продумано. Вся христианская жизнь противоестественна, потому что цель ее — создание *новой твари*. Мы ожидаем нового неба и новой земли (2 Пет. 3, 13). А когда дождемся, то увидим, что там *ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы Божии на небесах* (Мф. 22, 30). Только поставьте в браке во всей чистоте Христов идеал, тотчас увидите, что уж не так-то велики ваши практические преимущества пред монахами. Читай, друг, в Евангелии: “Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене (если так высок идеал брака), то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано” (Мф. 19, 10—11).

[1]См.: Жития святых Православной ЦЕркви (январь-декабрь). Священник И. Бухарев.– М., 1999.

Слова Христовы можно относить и к браку. Христос как бы так говорит: “Да, идеал брака высок, обязанности мужа к жене тяжелы; не всем этот идеал под силу; не все вмещают слово (учение) Мое о браке, но кому дано; с помощью Божией все же этот идеал достигается”. “Лучше не жениться!” Это — как бы невольное восклицание учеников, пред которыми начертаны были обязанности мужа к жене. Пред великостью задачи — преобразить греховное естество — равно трепещет слабый человек, вступает ли он в брак, постригается ли он в монахи...

Монашеские обеты, будучи по своему моральному содержанию обетами общехристианскими, имеют значение, так сказать, субъективное. Они представляют сознательное повторение данных при крещении обетов. Монашеский обет при пострижении есть торжественно заявленная решимость серьезно отнестись к своему званию христианина. Звание это в существе своем остается то же, которое было раньше, но отношение к нему меняется. В жизни своей, друг мой, всякий человек нередко дает себе зарок, обещает перед Господом Богом отстать от какого-нибудь порока. Дает частный обет. Что же? Неужели такие обеты остаются бесследны для нашей нравственной жизни? Но ведь на этой психологии человека, дающего обеты, возникли разные общества трезвости. Ведь пьянство — порок не для одних членов общества трезвости, и всякий человек равно имеет нужду бороться с этой страстью. Но силы слабы у человека. Личной решимости не хватает. А дал зарок, дал обет — явились и силы, достало решимости победить себя. Перенеси, друг, то же самое и на обеты монашеские. Живя в миру, человек про обязанности свои христианские часто забывает. Лукавый подскажет ему еще оправдание: “Ты-де не монах!” Слабая воля с радостью соглашается с этим лживым в корне самооправданием. В нравственной жизни, откровенно говоря, мы *горькие* пьяницы. Грех тянет нас к себе, делает нас своими рабами. Беда в том, что это рабство многие сочли законным; освобождения не желают. Грех связывает людей многими узами железными. Сначала слабость воли говорит: “Цепь порвать я не могу”. А потом привычка ко греху добавляет: “Не могу и не хочу!”. А там узник уже целует свои кандалы. Поработитель стал другом. Один преподобный авва говорит, что люди подают руку греху, то есть встречаются с ним, как с приятным знакомым.

Но если человек чувствует тяжесть греха, он делает усилие воли, связывает эту волю обетом. Вот истинная психология мо-

нашеского обета: смиренное сознание высоты общехристианского обета и недостатка своих сил для его осуществления...

Иной раз от греха удержишься, а другой раз, согрешив, больше поскорбишь, больше укоряешь себя. Так, друг мой, обетами, данными при пострижении, мы целим свои греховные язвы; обеты нам помогают. Иной и без повторения обетов, без пострижения лучше нас. Ведь здоровый и без лекарств бывает крепче больного. А больному лекарство нужно. Обеты — лекарство.

Слыхал я от многих мирян такие рассуждения: "Какой из N. N. выйдет монах. Он такой-то и такой-то был! Монах должен и до монашества быть человеком особенным". Рассуждения эти я считаю недоразумением. В основе их лежит опять это противное принижение идеала Христова для мирян и возвышение его (невозможное) для монахов. Не здоровым нужен врач, но больным. Можно ли рассуждать так: "Какой из N. N. выйдет член общества трезвости! Ведь он был форменный пьяница!". Жития святых могут представить множество примеров того, как великие грешники, принимая монашество, становились великими подвижниками и украшают сиянием своих добродетелей небо церковное...

Но обеты монашеские, друг мой, повторяют обеты общехристианские только по их моральной сущности, но со стороны формальной в обетах монашеских есть и нечто новое. Монах не только обещает просто серьезно относиться к своему христианскому званию, но и связывает себя уже особенной, сравнительно с общецерковной, дисциплиной. При пострижении монах приемлет и с любовью лобызает все иноческого жития уставы и правила, от святых отцов составленные. "Иноческого жития уставы" и исторически, и практически — весьма разнообразны. Монашество имело множество видов. В каждом древнем монастыре был свой устав. Теперь уставы монастырские тоже весьма разнообразны. Спасались монахи в отшельничестве, без монастырей, руководясь каждый тем или другим уставом.

При общем безбрачии "иноческого жития уставы" создают особый монастырский быт. Сравнительно с бытом мирским быт монастырский есть несравненно удобнейшая форма жизни для духовного совершенствования, для спасения души.

Как, например, проходит жизнь в монастыре более или менее строгом? Встают от сна в половине третьего, а в три часа уже во храме. Читают утренние молитвы, полунощницу и слушают утре-

ню. Утреннее богослужение продолжается часа три. В восьмом часу снова в храм на литургию, которая окончится часов в десять. После литургии займутся трудом "послушанием". До окончания литургии пищи не принимают. В полдень трапеза, за которой читается житие дневного святого. Трапеза проходит чинно в молчании. Перед трапезой и после поются молитвы. Каждое блюдо подается с молитвой же. По окончании трапезы отдых часа на полтора. Ведь встали-то уже давно! А после отдыха кто трудится, кто читает что-нибудь духовное, назидательное. В 5 часов вечерняя служба, которая заканчивается часам к 8 уже в трапезной, где читаются и вечерние молитвы со многими земными поклонами. А в девять уж спать пора, потому что завтра опять в половине третьего разбудят. Да перед сном еще правило свое исполнят, со многими опять земными поклонами. Так изо дня в день. В посты трапеза совсем скудная, а служба церковная в сутки иногда занимает 11—12 часов. Порядок дня не выдуман мной, а списан с натуры. В большинстве монастырей так именно проходит день. Сравни, друг мой, эту монастырскую "программу дня" с "программой дня" людей, тебя окружающих, и скажи, какой быт более приноровлен ко спасению души. Не следует ли согласиться пока со святым Златоустом, который говорит: "Здесь скорее могут быть кораблекрушения, оттого, что и волнений больше, и те, кому предстоит бороться, беспечнее; а там и волн таких нет, и великая тишина, и усердия больше в тех, которые должны бороться" (т. 1, с. 111).

Монастырский быт и достигает цели своего существования. Спасение-то для всех людей одно, и идеал Христов один, но кто живет в монастыре, тот по прекрасной дороге идет к вечным обителям, а не по топкому болоту, как миряне. Как тут, в самом деле, не сломить греховной природы? 7—8 часов в сутки провести в храме, столько же потрудиться или почитать что-либо назидательное. Когда же грешить-то? Так монастырский быт устроен, чтобы у монаха праздности не было. Все храм, все душеспасительное, все с молитвой — так и создается церковная настроенность мысли и чувства. Общая жизнь и общие стремления сближают людей, создается благодатная атмосфера общего трудолюбия, создается она весьма легко, потому что в монастыри идут преимущественно наиболее религиозно настроенные души, может быть и грешные, но во грехе не закосневшие. Часто монастырь где-нибудь среди леса, вдали от людей. Живут как на острове. Прочитай у святого Иоан-

на Златоуста: “Сравнение власти, богатств и преимуществ царских с истинным и христианским любомудрием монашеской жизни” (Творения, т. 1, с. 124—130). Сказанное там о монашеской жизни приложимо к ней и в настоящее время. Поверь, друг, моей искренности; говорю то, что сам многократно испытал, о чем много думал. Я всегда поражался, когда видел, какое благотворное влияние на человека имеет монастырский быт. Я сравнивал знакомые мне монастыри со знакомыми же мне деревнями. Из тех же деревень, те же мужики собираются в монастырь, и что там с ними происходит! Какая перемена! Какое перерождение! Невольно вспоминаешь апостольское слово о “новой твари”. Ни слова гнилого, ласковость, приветливость, разговоры о духовном, братолюбие, смиренномудрие,— а главное, церковность, знание церковности, даже просвещенность. Мне, профессору Академии, магистру богословия, много раз приходилось краснеть за свое невежество пред не получившими никакого школьного образования иноками-простецами. Говорю это со скорбью о себе. Все собираюсь сколько-нибудь просветиться в церковном смысле, да за множеством дел и обязанностей так все это нужное дело и отлагаю. Многое знаешь, нужное и ненужное, а монахи-простецы больше знают нужного и полезного. А какое бодрствование над собой, над делами и помышлениями, частая исповедь и причащение и т. д. и т. д. Подумаю иногда, что было бы, если бы эти благочестивые ребята деревенские остались у себя в деревне? Что из них вышло бы? Затянула бы их жизнь, и были бы они и невежественны, и духовно беспечны. А уж об интеллигентах мне, право, и говорить не хочется. Бранить монахов интеллигенты — большие охотники, но пред монахами “невежественными” они, во-первых, действительно, непроходимо в церковном отношении невежественны, а во-вторых, непробудно беспечны в отношении нравственном. Мне приходилось сталкиваться с теми и другими, так я говорю по опыту. Эту истину познают многие и из мирян. Монастыри бранят те, кто в них никогда не бывает. Если бы монастыри были какими-то вертепами, какими их нередко изображают, то зачем же туда стремятся миряне? Я сам до монашества, когда был студентом, на себе испытал благотворное действие монастырей. Бывало вернешься из монастыря в Академию — будто с неба на землю свалился. Видал я многих мирян, которые без восторга о монастырях говорить не могут и хоть недельку в году стараются подышать чистым монастырским воздухом. Еще один штрих.

“Радость жизни монахи погубили”,— говорят. Крайняя неправда! У монахов радость-то и есть, тихая, чистая, именно веселие души добродетельной. Ведь тот угар, то опьянение жизнью, которое принято называть “радостями жизни”,— все это нечто мрачное, влекущее за собой пресыщение и болезнь похмелья. Вот отбившиеся от Церкви интеллигенты, действительно, радость жизни потеряли. Скажи, друг, много ли ты видел мирян, плачущих от радости?

Ну, а мы, монахи, от радости, от умиления плачем и благодарим Господа за Его милость. Слезы умиления знает каждый монах, и перед этими слезами бледными и жалкими кажутся ему мирские радости.

Наконец, посмотри, друг, в святцы, и там найдешь достаточное свидетельство того, что монастырский быт легче приводит к Царству Небесному. Какой сонм преподобных, во иночестве подвизавшихся, прославляется Церковью? Если верить в Церковь, то к этому свидетельству следует отнестись со всей серьезностью.

Так вот еще, друг, смысл обетов монашеских уже с практической их стороны. Они создают удобный для спасения уклад жизни, а всякий уклад жизни для человека всегда значит многое. Ведь и нелепый уклад так называемой «светской» жизни немало обязанностей и приличий налагает, и тем самым естественно создает настроения лицемерия и пустоты. «Светский разговор» — разве это уже не стало синонимом «пустого разговора» или разговора лицемерного? «Светская любезность» — не синоним ли это лжи?

Но на чин монашеских обетов я хочу, друг, посмотреть, и еще с одной стороны. Ведь чин пострижения — церковная служба и церковная молитва, которая совершается, конечно, не напрасно. Постригаемому испрашивается благодатная Божия помощь. Какие здесь замечательные молитвы! “Всещедрый убо Бог и многомилостивый, пречистыя утробы Своея неисследимыя благости отверзаяй всякому приходящему к Нему с желанием и любовию теплою, рекий: аще бы и жена забыла изчадие свое, Аз же не забуду тебе; и твое ведый желание, ко предложению твоему прилагая сущую от Него силу ко исполнению своих заповедей, да воспримет, и обымет, и защитит, и да будет ти стена тверда от лица вражия, камень терпения, утешения вина, крепости податель, благодушия снискание, мужеству сподвижник, возлегая и возстая с тобою, услаждая и веселя сердце твое утешением Святаго Своего Духа”... “Огради его силою Святаго Твоего Духа, во еже не мощи действовати над

ним всякой сопротивней козни, терпение ему даруя ко благоугождению Твоему". "Отыми от него всякую плотскую похоть и безсловесная приимания, яко да отложением нечувственных власов соотложит и безсловесная мысли же и деяния, и сподобится прияти иго Твое благое и легкое Твое бремя, и взяти крест, и последовати Тебе Владыце". О постригаемом вставляются особые прошения в ектении. "О брате нашем *(имярек)* и яже от Бога покрове и помощи ему, Господу помолимся". "О еже без порока, неосужденно и непреткновенно исправити ему намерение монашеского образа, Господу помолимся". "О еже пребыти ему во всяком благочестии и благоговении и чистоте, Господу помолимся". "О еже отложити ему ветхаго человека, и облещися в новаго, по Бозе созданного, Господу помолимся". (N. B.: просят того, что нужно по апостолу всякому христианину.) "О оставлении и прощении грехов его, Господу помолимся". Не напрасны эти молитвы Церкви! Господь подает благодать Свою, которая монаху делает путь спасения более успешным, нежели это было бы без пострижения.

Скажу тебе, друг мой, и еще об одном преимуществе жизни монашеской. Все время я доказываю тебе, что идеал Христов един и для монахов, и для мирян, и что обеты монашеские морально нового в себе ничего не заключают. Не знаю, убедил ли я тебя. Знаю, что мирян в этой несомненной истине убедить очень и очень трудно; им выгоднее держаться противоположного истине заблуждения,— тогда себя можно извинить и свалить вину всю на монахов; кстати, и душу отвести, ругая монахов. Но Господь и это заблуждение мирян обращает в пользу монахов. Каким образом? А вот каким. Будучи снисходительны к себе, к монахам миряне крайне строги. Принципиально, это, конечно, нелепо, но на деле монахам полезно. Со всех сторон вокруг монаха строгие судьи и беспощадные прокуроры. Вечно миряне "соблазняются" поведением монахов, хотя миряне в тысячу раз более соблазнительно ведут себя. Но это несправедливое и пристрастное отношение мирян к монахам на нас-то, монахов, налагает своего рода узду. Надел монашеские ризы и сразу стал всех соблазнять. Хоть соблазняются по недомыслию своему, а все же такое отношение мирян монаха связывает. Давать повод для соблазна ведь всегда неприятно. В присутствии мирян монах связан по рукам и по ногам. Монах засмеялся — уже соблазнились. Монах пошел по улице, поехал по железной дороге, сел в трамвай — и на него смотрят, как на чудовище какое. Случалось

мне ездить в трамвае в Париже с католическими монахами, те демонстративно достают молитвенник и читают, не обращая никакого внимания на окружающих. Мы демонстрациями не занимаемся, а только чувствуем себя связанными и смущаемся. Здесь тебя обругали, тут тебя осудили, там тобой "соблазнились" — ну и замыкаешься в свою келью, а это, конечно, полезно монаху. Мир и во внешнем смысле выталкивает из себя монаха, а такое внешнее удаление от мира тоже иногда может помочь монаху в спасительной борьбе с миром внутренним, то есть со страстями. Так, друг мой, самое заблуждение мирян касательно идеала Христова, будто бы этот идеал для мирян один, а для монахов другой, это заблуждение вредно для мирян и полезно для монахов. Миряне, сбиваясь сами с пути спасения, загоняют монахов на этот путь как бы насильно.

Письмо мое, дорогой друг, затянулось. Может быть, я уже утомил тебя. Еще немного, и я кончу. Мне хочется сказать, с каким чувством следует всем смотреть на факт пострижения, если понастоящему понимать смысл и сущность монашества. Один из членов общей нам Церкви, один из членов единого тела Христова дает обет серьезнее относиться к делу своего спасения, нежели он относился раньше, он выбирает и наиболее удобный для спасения образ жизни. Ведь это же торжество всей Церкви! Если постригаемый был плох, то он будет лучше; если хорош,— еще лучше будет! Во всяком случае здесь победа добра, ибо торжественно свидетельствуется и обетом подкрепляется благое намерение. Любовь христианская должна сорадоваться истине (1 Кор. 13, 6). Славится ли один член, с ним радуются все члены (1 Кор. 12, 26). Особенно, конечно, должны радоваться близкие люди — друзья, родные...

Знаешь ли ты, мой любезный друг, как мирское отношение к монашескому пострижению противоречит действительному положению вещей? "Ах, это такой тяжелый обряд, что лучше его не смотреть: можно нервы испортить!" Неправда, неправда и еще раз неправда! Я сам принял пострижение и думаю, что не придется еще в жизни пережить такой радости, какую я пережил 28 марта 1913 года. Эта радость у меня не прошла с окончанием обряда. Я был полон радости целых два месяца. Так все ликовало в душе, так радостно было, что порой я даже смущался от мысли, уж не прелесть ли это какая от лукавого. Только то, что произошло в моей судьбе 30 мая и о чем я узнал 31-го, отогнало от меня мою радость надол-

го, но и это печальное обстоятельство – не изгнало радости из сердца моего совсем. По опыту могу сказать, что не напрасно при постриге монашеском постригающий, взяв рясу, глаголет: "Брат наш *(имярек)* облачится во одежду веселия и радости духовныя, во отложение и попрание всех печалей и смущений от бесов; от плоти и от мира находящих, во всегдашнее же его о Христе веселие и радование во имя Отца и Сына и Святаго Духа". Я знаю примеры, когда люди сумрачные после пострижения становились веселыми. Даже об египетских древних монахах есть рассказ, что в некоторых монастырях все ходили радостные и не было никогда никого печального. Так это и быть должно. Чем дальше от страстей, тем больше радости в сердце. Чистота сердца неразрывно связана с веселием. Блаженство в истине христианской не есть внешняя награда, но внутреннее следствие самой добродетели. Скорби у монаха бывают, но самое его решение усугубить бодрствование над собой всегда сопровождается радостью духовной. И как жалки кажутся миряне, когда говорят они о "тяжелом впечатлении" от пострига монашеского, когда самый постриг называют "живым погребением"!

Нас обвиняют иногда за то, что мы стремимся к пропаганде монашества. А хотя бы и так; что же в том дурного-то? Ведь не на грех соблазняем, а к "воистину доброму и блаженному делу" приглашаем. Мы знаем по опыту, что монашество приносит душевный мир и радость. *Любовь не завидует* (1 Кор. 13, 4). Вот почему для нас, для монахов, всякое пострижение нового инока есть радость и торжество. *Царство Небесное силой берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12; Лк. 16, 16). В каждом постриге мы видим именно это усилие того, кто хочет восхитить Царство Небесное.

Вот, друг мой, о чем я хотел давно тебе написать. Я не надеюсь победить и уничтожить этим письмом твое предубеждение против монахов и монашества, но хотел бы, чтобы ты хоть несколько задумался над поставленным мной во главу рассуждений вопросом о единстве идеала Христова.

Священномученик архиепископ Иларион (Троицкий)

Печатается в сокращении по изданию:
Христианства нет без Церкви.– М., 1991.

О священномученике Иларионе (Троицком), архиепископе Верейском

Одним из видных деятелей Русской Церкви 20-х годов был архиепископ Верейский Иларион, выдающийся богослов и талантливый человек. Вся его жизнь была горением величайшей любви к Церкви Христовой, вплоть до мученической кончины за нее.

Его труды отличаются строго церковным направлением. Его идеал – это церковность духовной школы и богословской науки. Его постоянное напоминание: вне Церкви нет спасения, вне Церкви нет Таинств.

Родился 13 сентября 1886 года в семье священника села Липицы Каширского уезда Тульской губернии. По окончании полного курса семинарии поступает в Московскую Духовную академию и блестяще заканчивает ее в 1910 году со степенью кандидата богословия за свой фундаментальный труд «Очерки из истории догмата о Церкви». 28 марта в скиту Параклит Троице-Сергиевой Лавры принимает монашество с именем Илариона (в честь преподобномученика Илариона Нового), а примерно через 2 месяца его рукополагают во иеромонаха. 5 июля того же года отец Иларион возведен в сан архимандрита.

Архимандрит Иларион приобретает большой авторитет и как воспитатель учащихся Московской Духовной Академии, и как профессор-богослов, и как знаменитый церковный проповедник.

Когда остро назрел вопрос о восстановлении патриаршества, он, как член Поместного Собора 1917-1918 годов, вдохновенно выступил на Соборе в защиту Патриаршества. 11 марта 1920 года был наречен, а на следующий день хиротонисан во епископа Верейского, викария Московской епархии. Но епископское служение его было крестным путем. Не прошло и двух лет после хиротонии, как оказался в ссылке в Архангельске. Когда вернулся из ссылки, Святейший Патриарх Тихон приблизил его к себе и сделал своим ближайшим советником и единомышленником. Он возводит епископа Илариона в сан архиепископа. Церковная его деятельность расширяется. Он ведет серьезные переговоры с Тучковым (уполномоченным ОГПУ по церковным делам) о необходимости устроить жизнь Русской Православной Церкви на основе канонического права, занимается восстановлением церковной организации, составляет ряд патриарших посланий. Для обновленцев он становится грозой, в их глазах он неотделим от Святейшего Патриарха Тихона, и поэтому они употребили все усилия, чтобы лишить его свободы.

В декабре 1923 года был приговорен к трем годам заключения. На каторге (на Соловках) ведет себя мужественно. Любовь его ко всякому человеку, внимание и интерес к каждому, общительность были просто пораз-

ительными. Он был самой популярной личностью в лагере, среди всех его слоев. Он был заклятый враг всякого лицемерия и всякого «вида благочестия», совершенно сознательный и прямой. В «артели Троицкого» (так называлась рабочая группа архиепископа Илариона) духовенство прошло в Соловках хорошее воспитание. Все поняли, что называть себя грешным или только вести долгие благочестивые разговоры, показывать строгость своего быта не стоит. А тем более думать о себе больше, чем ты есть на самом деле.

В этот период были попытки склонить его к участию в обновленческом движении – настолько велик был авторитет владыки в церковном мире. Но, несмотря на обещание свободы и митрополичьего клобука, он решительно отказался. «Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю». Когда церковные нестроения проникли и в среду соловецких узников, архиепископ Иларион проявил себя истинным миротворцем, сумев объединить и сплотить их на основе строгого Православия. он был в числе тех, кто написал текст «Послания соловецких старцев» – документа огромной важности и силы:

...В задачу настоящего правительства входит искоренение религии, но успехи его в этом направлении Церковь не может признать своими успехами. За последнее время не было ни одного судебного процесса, на котором были бы доказаны политические преступления клира. Несмотря на это, многочисленные епископы и священники томятся в тюрьмах и ссылках и на принудительных работах. Они попали сюда не в судебном, а в административном порядке, и не за политические преступления, а за свою чисто церковную деятельность, борьбу с обновленчеством или по причинам, часто неизвестным самим пострадавшим. Настоящей же причиной борьбы служит задача искоренения религии, которую ставит себе правительство...

В ноябре 1927 года архиепископ Иларион заявил: «Никакого раскола! Что бы нам не говорили, будем смотреть на это как на провокацию».

В 1929 году архиепископ Иларион должен был выехать к новому месту ссылки – в Среднюю Азию, но заболел сыпным тифом, был положен в больницу на Обводном канале в Ленинграде, где и скончался 28 декабря. Отпели почившего архипастыря в Новодевичьем монастыре, там же, на монастырском кладбище, и похоронили. Так закончил свою жизнь выдающийся богослов и исповедник Православия, жизнь свою положивший за Церковь Христову.

Священномученик Иларион канонизирован 10 мая 1999 года. Святые мощи его почивают в Московском Сретенском монастыре, где он был последним настоятелем перед закрытием обители.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 494

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 563

О том, что не от прежде рождения содеянных грехов души с кем-либо приключаются телесные страдания.

А также и грехи отцов не наводит Бог на кого-либо, наказывая ничем не согрешивших, но справедливый над всеми производит суд.

Из Слов свт. Кирилла Александрийского

И вопросиша Его ученицы Его, глаголюще: равви, кто согреши, сей ли, или родителя его, да слеп родися? Отвеща Иисус: ни сей согреши, ни родителя его, но да явятся дела Божия на нем (Ин. IX, 2-3)

Любознательные в добрых предметах и весьма премудрые ученики, впрочем, не без Божественного внушения, возымели побуждение к пожеланию узнать это и благополезно любопытствуют, уготовляя пользу отсюда не столько для себя самих, сколько для нас. В самом деле, немалую пользу получаем мы, когда слышим здесь от Всеведущего истинное мнение и, кроме того, отталкиваемся от мерзости пустых учений, которые были не у одних только иудеев, но уже и некоторые из чрезмерно возгордившихся знанием Богодухновенного Писания и, по-видимому, принадлежащих к христианам осмелились выдавать за истину то, что было скорее делом увлечения их собственною изобретательностию и своими собственными пожеланиями,— и не побоялись эллинское заблуждение примешать к догматам Церкви. Иудеи несчастные немало роптали на то, что они будто бы несут наказание за нечестие предков и Бог будто бы без причины налагает на них грехи отцов,— осмеивали это как несправедливейший суд и даже говорили в виде как бы пословицы: “Отцы ели незрелый виноград, а зубы детей подверглись оскомине” (Иез. 18, 2). Эти же (христиане), страдая близким и родственным с только что названными нами (иудеями) невежеством, утверждают, что души людей сотворены и существуют прежде создания тел, но, добровольно впав в грех и притом до своих тел, соединяются тогда с ними (телами) и как бы в качестве наказания получают бытие во плоти. Но одним

и кратким словом Христос разрушил неразумие тех и других, утверждая, что ни слепец, ни родители его не согрешили. Учение иудеев Он низвергает словами, что человек родился слепым не вследствие какого-либо греха, ни собственного его, ни прародительского, ни даже отцовского или материнского. Сокрушает также и пустую болтовню других, которые говорят, что души согрешают до тела.

Таковых со всею справедливостию можно спросить: как это Христос говорит, что ни слепец не согрешил, ни родители его, хотя мы не можем считать их совсем чистыми от греха? Ведь как людям им, без сомнения, естественно, даже более — необходимо впадать и в прегрешения. Спрашивается поэтому: какое время определяет Христос, в которое должно оказываться истинным для нас Его слово, что *не согрешил ни он и ни родители его?* Очевидно, говорит о времени до рождения (человека), в которое, как совсем не существовавшие, они и не согрешали.

О таковых пустословах, ошибочно почитающих за истину мнение, что души согрешили до тел и поэтому воплотились и перешли в эту земную область, было у нас длинное рассуждение в начале Евангелия при раскрытии и объяснении слов: *Был Свет истинный, что просвещает всякого человека, приходящего в мир* (Ин. 1, 9). Излишне было бы теперь снова входить нам в рассуждение об этом. Но откуда иудеям случилось прийти к такому мнению и предположению, об этом необходимо сказать и ясно показать, что, быв не в состоянии уразуметь Божественное слово, они уклонились от здравого смысла.

Некогда Израиль устроял скинию в пустыне, и Бог призывал к Себе священноучителя Моисея на горе Синай. Но так как он был там с Богом очень долго — именно до сорока дней, то стал казаться народу медлителем. Восстав тогда на одного Аарона и по малодушию увлекаясь египетским лжеслужением, взывали так: “Сделай нам богов, которые пойдут пред нами, ибо Моисей, этот человек, что вывел нас из земли Египетской, не знаем, что стало с ним” (Исх. 32, 1). Потом что последовало, думаю, надо

бегло сказать об этом. “Сделали тельца”, по написанному (Деян. 7, 41), и справедливо прогневался за это Бог — даже угрожал истребить весь вообще сонм (народа). Тогда приступил к Нему с ходатайством Моисей и продолжительною молитвою испрашивал помилования. Творец всего склонился к прощению и решил, что, хотя Он и не накажет народа, однако ж и не пойдет вместе с ним в землю обетования, но пошлет с ними как бы в качестве вождя — Своего Ангела. Опечалился на это Моисей и из нежелания Бога идти вместе с народом совершенно правильно умозаключил, что Божественный гнев еще не достиг полного прекращения. И вот он снова стал прилежно просить Господа идти с ними, зная, что одно только руководительство Ангела будет недостаточно для израильтян, или же, быть может, опасаясь за немощь народа, почему и отказывается от ненавидящих зло святых Ангелов и умоляет благого и человеколюбивого Царя и Господа всяческих Самому присутствовать среди столь удобопреклонных к преступлениям (израильтян). Знал он, что не раз, но весьма часто Господь будет оказывать им снисхождение и подавать милость к их прегрешениям.

Соблаговолил и на это Бог. Потом (Моисей) для ясного удостоверения и доказательства того, что дано полное прощение, стал просить знамения от Него, именно — видеть Его.

Если, говорит, я обрел благодать у Тебя, яви мне Себя Самого, чтобы мне ясно видеть Тебя, как скоро я обрел благодать у Тебя и дабы “мне знать, что народ сей великий есть Твой народ” (Исх. 33, 13). Совершил и это Бог, насколько было доступно, во всем удостоверяя служителя Своего, именно и что оставил Он грех народу, и что пойдет с ним в землю обетования. Потом, в заключение как бы налагая венец какой на свои обетования, повелевает ему вытесать другие две доски, очевидно, вместо сокрушенных прежних, чтобы снова начертать ему закон, представляя и в этом немалое доказательство Своего к ним милосердия.

Когда же Моисей приготовился к этому, “сошел Господь в облаке,– как написано (Исх. 34, 5-7),— и предстал пред ним там и призвал именем Господа. И прошел Господь пред лицом его и воззвал: Господь Бог благосердый и милостивый, долготерпеливый, многомилостивый и истинный, соблюдающий правду, творящий милость к тысячам, отъемляющий грехи, беззакония и неправды,— Он не очистит виновного, наводя грехи отцов на детей и на детей детей на третий и четвертый род”.

Речь здесь совершенно ясная. Возвращусь к поставленному вначале вопросу. Бог утверждает, что Он имеет Богу подобающую кротость и некое несравненное человеколюбие, ибо, полагаем, это — Его речь, а не другого кого-либо, и именно премудрого Моисея, как думают некоторые, возносящего за народ благодарственные молитвы. Что это говорит о Себе Сам Владыка всяческих, в этом удостоверит нас не другой кто, а сам же блаженный Моисей в книге Чисел, когда Израиль неуместною трусостью снова оскорбил Бога тем, что некоторые стали порицать землю обетования, именно те, которые по повелению Господа были посланы Моисеем для осмотра ее. Как только возвратились они из земли иноплеменников, пришли опять к народу и стали изрекать о ней горькие слова, утверждая, что это страна столь дикая и зверская, что может истребить поселившихся на ней. Этим они приводили слушателей в такое отчаяние, что они обливались слезами и желали возвратиться к работам египетским. “Поставим,— говорили они,— вождей и пойдем в Египет” (Чис. 14, 4). И когда Бог грозил истребить их, Моисей опять стал умолять Его и выступает пред Богом как бы с напоминанием о данном Им ему обещании, говоря так: “И теперь да вознесется сила Твоя, Господи, соответственно тому, что изрек Ты в словах: Господь, долготерпеливый, многомилостивый, истинный, отнимающий беззакония, неправды и грехи,— и очищением не очистит виновного, воздавая за грехи отцов на детях до третьего и четвертого рода: оставь грех народу Твоему по великой милости Твоей, как милостив к ним был от Египта

доныне" (Чис. 14, 17-19). Оказывается таким образом, что сущий над всеми Бог Сам свидетельствует о Своем человеколюбии и крайнем долготерпении.

Но следует, наконец, уяснить причину того ложного мнения иудеев, что благой наш Бог как бы злопамятен и тяжелогневен.

Отнюдь, конечно, не думаю, чтобы они имели какой-либо повод обвинять Божественные Писания в отсутствии в них полного совершенства, но единственно только невежеству своему они обязаны тою мыслию, что будто бы, действительно, Бог наводит грехи родителей на детей и что Божественный гнев по своей продолжительности простирается даже до третьего и четвертого рода и несправедливо наказывает ничем не согрешивших за то, в чем обвиняются другие. Напротив того, если бы кто был мудр у них, не следовало ли надлежащим образом рассуждать так, что Источник правды и нашей нравственности не может совершить неправды? Ведь люди налагают определяемые законом наказания на законопреступников, отнюдь не касаясь потомков их, если, конечно, эти последние не окажутся совиновниками и соучастниками преступлений. А Тот, Кто и нам определил законы всякой правды, каким образом мог бы оказаться почитателем даже и у нас самих решительно осуждаемых предметов?

Далее надо, кроме того, иметь в виду и вот что. Многочисленные установил Он чрез Моисея законы и разнообразные назначил наказания живущим нечестивою жизнью. Но нигде не является Он учреждающим подвергаться наказаниям вместе с согрешающими и их потомкам. На преступников только и виновных против закона определил Он наказания. Поэтому нечестиво думать по-иудейски, но мудрый должен всегда иметь в виду свойства Божественной Природы и повсюду соблюдать подобающее царственному над всем Естеству (Божескому).

Таким образом, со всею справедливостию мы должны думать, что Бог всяческих, выставляя как бы на вид присущее Ему милосердие и желая вызвать уважение к крайнему Своему

человеколюбию, и для этого восклицая: “Господь долготерпелив и многомилостив, истинен, отнимает беззакония и грехи” (Чис. 14, 18),— не пожелал бы почитаться столь злопамятным, что простирает гнев Свой даже на четвертый род. Как же при этом Он будет долготерпелив и многомилостив или каким образом отъемлет грехи и беззакония, если не ограничивается соразмерным наказанием на голову преступника, но простирает далее третьего рода и подобно какому вихрю нападает на невинных? Итак, совсем невероятно и граничит с крайнею глупостию думать, что Бог свидетельствует об одновременном присутствии у Него не только человеколюбия и милосердия, но и столь продолжительного и неразумного гнева.

Потом, кроме того, мыслящие по-иудейски должны предполагать и еще нечто другое, именно, что Бог не знает подобающего для каждой вещи времени. Если обещает быть долготерпеливым и оказывается так легко отлагающим Свой гнев, то чего же ради еще и прибавляет: “Наводя грехи отцов на детей до третьего и четвертого рода”? Делать это – значило бы не иное что, как желать устрашать принимающих от Него оставление преступлений, что у них не должно оставаться никакой надежды, если так злопамятен и так долго держит Он справедливый гнев свой за оскорбление Себя ими. Чем же, скажи мне, окажется тогда пред нами и сам священноучитель Моисей? Не явится ли он совершителем неразумнейшего дела, если, когда Израиль оскорбил Бога и должен был подвергнуться наказанию, приступает с молитвою и, прося прощения и человеколюбия у Бога, неблаговременно говорит к Богу: потому что Ты обыкновенно таков, что воздаешь за грехи отцов на детях детей. Это скорее значило бы поощрять к гневу, чем призывать к милости,— и просить о злопамятстве, а не о долготерпении. Но чрез эти слова, по моему мнению, он думал упросить Бога и как бы привести Ему на память то, что Сам Он провозгласил, когда объявлял о присущей Ему благости. Что Он долготерпелив и многомилостив и что Ему свойственно отнимать грехи и

беззакония, вот что открывается из этих слов, в которых, по-видимому, указывается на Его жестокость.

Итак, как надо разуметь эти слова Бога, об этом, полагаю, надо, наконец, сказать. “Господь,— говорит,— долготерпелив и многомилостив, отнимает беззакония и грехи” (Исх. 34, 6-7). Следующее же за тем рядом изречение надо понимать как вопрос и читать с вопросительным знаком: “и очищением не очистит ли виновного?” (ст. 7),— чтобы ты разумел изречение в таком смысле: долготерпеливый, говорит, и многомилостивый Бог, отъемлющий беззакония и грехи, разве не сможет очистить виновного очищением? Но это несомненно — очистит, конечно,— в противном случае каким образом Он долготерпелив и многомилостив и совершенно отъемлет грехи, если не очищает виновного? При этом для доказательства присущего Ему долготерпения и милосердия приводит и то, что грехи отцов Он возложит на детей до третьего и четвертого рода,— не наказывая сына за отца — не подумай этого! — и не налагая на отдаленного потомка, как бы бремя какое, грехи предков. Нет, Он указывает на нечто, подобное следующему.

Есть, например, какой-нибудь человек беззаконный, с душою, исполненною всякой порочности. Избравшему такой образ жизни надлежит без всякого промедления подвергаться наказанию, однако же Бог долготерпит милосердо и не подвергает его подобающему ему гневу. Потом у него является сын, не уступающий отцу в нечестии и превосходящий порочностию своего родителя. И к нему долготерпит Бог. И от него явился и третий или от третьего четвертый, нисколько не уступающий своим отцам во всякого рода пороках и упражняющийся в равном с ними нечестии. Тогда, наконец, Бог наводит Свой превышний и с самого начала всему роду долженствуемый гнев, долготерпев достаточно — даже более, чем подобало. В самом деле, отсрочка наказания до четвертого рода, разве это не служит к похвале истинно Божественного милосердия? Что ни сына за отца, как и ни отца за сына не свойственно Богу наказывать, без труда

можно узнать это и из ясных слов Иезекииля-пророка к самим иудеям, из-за этого самого именно и роптавших, и говоривших: “Отцы ели кислый виноград, а зубы детей получили оскомину”. “И было,— говорит,— слово Господа ко мне, говоря: сын человеческий, что у вас за притча эта в Израиле: отцы ели кислый виноград, а зубы детей получили оскомину? Живу я, говорит Господь, если будет притча эта еще говориться в Израиле, потому что все души Мои суть, каким образом душа отца, так и душа сына, Мои суть: душа согрешающая — она умрет, а сын не получит за беззаконие отца, ни отец не получит за беззаконие сына своего,— каждый в беззаконии своем, которым согрешил, умрет в нем” (Иез. 18, 1-4, 20-24).

Но, полагаю, никто не подумает такого вздора, что Бог не с самого начала определил совершеннейший закон, а как бы менял Свои намерения, и передумывал к лучшему, и подобно одному из нас только в позднейшем решении едва смог определить надлежащий закон. Ведь если одобрим первые узаконения, то, очевидно, тем самым осудим позднейшие, а если отдадим преимущество позднейшим, то первые, конечно, признаем ниже тех. Таким образом, Бог будет определять противоположные законы и, подобно нам, оказывается погрешающим против должного, законополагая то то, то это. Но, полагаю, всякий скажет, что приведенным нелепостям никоим образом не может подлежать Божественная Природа или погрешать когда-либо против должного.

Итак, в доказательство несравненного человеколюбия Своего приводит это изречение: “Воздающий грехи отцов на детях до третьего и четвертого рода”. Что человеколюбивому Богу обычно не тотчас наказывать прегрешивших, а напротив — отсрочивать и отлагать наказания до времен отдаленных, уразумеешь из слов Его: “И ярость Мою преисполнил, и претерпел, и не покончил их” (Иер. 6, 17). И еще в другом месте: “Еще не наполнились грехи аморреев доныне” (Быт. 15, 16). Видишь, как преисполнил

гнев свой, ибо некоторые уже совершали, наконец, достойное полнейшей ярости, но долготерпит как Бог и отсрочивает приводить в исполнение свой гнев над оскорбляющими Его. Но чтобы, как на доске, начертать тебе доказательство сказанному и посредством уже самых дел удостоверить в том, что толкуемое изречение служит похвалою человеколюбию Бога, приведу нечто из содержащегося в священных книгах и из самого Божественного Писания постараюсь доказать, что грехи отцов переносятся на детей до третьего и четвертого рода не несправедливо, но справедливо и заслуженно для подвергшихся этому. По причине длинноты истории изложу ее сокращенно.

Итак, читаем в Третьей книге Царств, воцарился над Израилем после других Ахав, который, впав в беззаконнейшее пожелание отнюдь не принадлежавшего ему виноградника, умерщвляет владельца, разумею Навуфея,— хотя и не сам это повелел сделать, а только не воспротивился упрямству своей жены (3 Цар. 21, 7 и сл.). Необходимо должен был негодовать на это Бог, потом говорит к нему чрез пророка Илию: “Вот что говорит Господь: так как ты убил и унаследовал, то посему вот что говорит Господь: на месте, где лизали свиньи и псы кровь Навуфея, там будут лизать псы кровь твою и блудницы будут мыться в крови твоей” (3 Цар. 24, 19). И еще вслед за тем: “Вот что говорит Господь: вот, наведу на тебя зло и сожгу за тобою, и истреблю Ахавова мочащегося к стене, и заключенного, и оставшегося в Израиле,— и отдам дом твой, как дом Иеровоама, сына Наватова, и как дом Ваасы, сына Ахиина, за оскорбления, которыми ты прогневал Меня и ввел Израиль в грех. И Иезавели изрек, говоря: псы съедают ее в предградии Израиля, и мертвеца Ахавова в городе съедают псы, и мертвеца в поле съедают птицы небесные” (3 Цар. 21, 21-24). Когда Владыка всяческих угрожал совершить все это и непременно навести, Ахав разорвал одежду и, войдя в дом свой, как написано (3 Цар. 21, 27), сокрушался, проливал горькие слезы и опоясал чресла свои вретищем. И

так как Бог стал питать жалость к нему, пришедшему в такое настроение, то начинает смягчать гнев Свой и, как бы узду какую полагая на немедленное проявление его, говорит пророку: “Ты видел, как сокрушается Ахав от лица Моего? Не наведу этого во дни его, но во дни сына его наведу бедствие” (3 Цар. 21, 29). При ком же исполнено это, вот что следует узнать. От Ахава родился Охозия, который “творил,— говорится,— зло пред Господом и ходил путем отца своего Ахава и путем Иезавели матери своей” (3 Цар. 22, 52). Но и от Охозии, сказано, родился Иорам, о котором также написано, что ходил “в грехах дома Иеровоамова” (4 Цар. 3, 3). Но и от Иорама царствовал третий Охозия, о котором также сообщает историческая книга, что “творил зло пред Богом, как дом Ахава” (4 Цар. 8, 27). Так как уже настало время для должного наказания дома Ахавова, не прекратившего нечестия против Бога до четвертого потомка, то помазуется, наконец, царем над Израилем Иосафат, сын Намеси[1], который истребляет Охозию и с ним Иезавель, истребляет и других семьдесят сынов Ахава, исполняя до конца гнев Божий, за что и получает честь и благодать. В самом деле, что говорит к нему Бог? “За то, что ты заблагорассудил совершить правое в очах Моих и все, что на сердце Моем, совершил дому Ахава,— сыны четвертые (до четвертого роду) будут сидеть у тебя на престоле Моем” (4 Цар. 10, 30).

Видишь, что дурных (детей) от дурных (отцов) едва наказал в четвертом роде, а чтителю своему и милость простирает до четвертого рода. Перестань же обвинять Божественную правду, ибо в качестве похвалы мы должны принимать слова: “Воздающий грехи отцов на детях до третьего и четвертого рода”.

Печатается по изданию: Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга третья (Библиотека отцов и учителей Церкви. Том X).

[1] 4 Цар. 9, 14 назван Ииуй сыном Иосафата сына Намеси, — а в 20 стихе Ииуй назван сыном Намеси,— сравн. 2 Пар. 22, 7.

2008 год
Издание 4-е

Православным о моде

Православным о моде

Помните детскую игру? “Барыня собралася на бал. Белый с черным не берите, *да* и *нет* не говорите. Что изволите надеть?” Трудно было нарядить и выпроводить эту самую барыню. Только когда это было? Теперь проще. Теперь и на бал, и к соседу, и в магазин, и на пикник одеваются одинаково. И в церковь так же...

Летним воскресным днем выйдешь на церковный двор — и Николай Васильевич Гоголь так и отзовется в памяти: “Нет, это не губерния, это столица, это сам Париж”. Или с поправкой на современность: “Это сам Пекин, Стамбул, Дели...” Спешат под звон колоколов братья и сестры в сияющих пижамно-спортивных костюмах, в изысканных шортах и майках, представляющих собой наглядное пособие по английской грамматике. Роскошные сарафаны, едва касающиеся плеч и исчезающие, не достигнув коленей. Яркие набедренные повязки “от Миклухо-Маклая”. Трикотажное нечто, знакомое прежде лишь гуттаперчивому мальчику и канатоходцам. Все это, переливаясь самыми заграничными красками, спешит к молитве. Лишь несколько благочестивых женщин медлят у входа, повязывая на голове пущен-

ную меж локонов ленту, чье назначение — символизировать собой целомудренный покров, завещанный Апостолом.

Что ж, о вкусах не спорят — считают некоторые. Почему же? Вкус бывает хорошим и дурным, вкус воспитывается. И тем более стоит поговорить о культуре одежды, что наш костюм — дело не только личное и не только внешнее. Всякая материальная культура есть отражение во внешней жизни отношения к культу — объекту поклонения, будь то истинный Бог, ложные кумиры или идеология.

Таким образом, наше внутреннее христианское устроение может отражаться в культуре одежды и культуре поведения. Не имея в виду назидать все общество, адресуюсь лишь к тем, кто посещает храм.

Обратимся к истории вопроса. К истокам. К народному костюму. Россия — страна православная. Именно христианским религиозным воззрениям подчинена эстетика нашей народной одежды. Причем подчинена в большей мере, чем удобству носки.

Народный костюм — это костюм по преимуществу крестьянский. Когда-то наши соотечественницы пололи, сажали, запрягали лошадь, доили коров, убирали за животными, косили и жали, одетые в длинные широкие юбки.

И так много веков. При отсутствии водопровода, стиральных порошков и стиральных машин. Сегодня редкая, даже верующая, женщина не имеет брюк, хотя бы для сельскохозяйственных работ, походов за грибами и ягодами. Видно, ослабели наши соотечественницы в благочестии. В Священном Писании читаем: “На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом

Богом твоим всякий делающий сие" (Втор. 22, 5). А 62-е правило Шестого Вселенского Собора гласит, что таковых надлежит "отлучать от общения церковного". Правила этого, кстати, никто не отменял.

Вы не найдете в народном костюме ни короткого рукава, ни вольного выреза. А ведь климат в прежнее время не был прохладнее. Мужской костюм состоял из длинной, до колен, рубахи навыпуск и широких шаровар, или, как их раньше называли, портов. Если мужчина выходил со двора, то поверх рубашки всегда надевал кафтан — длинную верхнюю одежду ниже колен. Кафтан, в зависимости от времени года, мог быть теплым или легким. Женщины носили сарафан поверх длинной рубашки обязательно с длинными рукавами.

Сарафан расширялся практически от плеча и не имел ничего общего с той одеждой, которую мы привыкли видеть на артистках различных ансамблей народного танца или песни.

Выходя из дома, женщина или девушка еще поверх сарафана надевала душегрею — пышную, нарядную оборку на коротких бретелях, достигающую талии. В особо торжественных случаях, например, идя в церковь, надевался шугай — одежда, похожая на душегрею, но с рукавами. Платье никогда не прилегало к телу, не подчеркивало, не выказывало его формы. Но при этом всегда имело свою собственную эстетическую форму, позволяющую любоваться человеком, не оскверняя себя и его нечистыми мыслями.

Почти до конца прошлого столетия юбка практически закрывала ноги женщины, причем так одевались не только в России, но во всех христианских странах. До восемнад-

цатого века одежда до колен закрывала и ноги мужчины, а праздничное мужское платье носилось по щиколотку. Мужская сорочка еще в начале двадцатого века носилась навыпуск, прихваченная пояском. Даже в самую жаркую пору, на самых грязных работах — на покосе, при ловле рыбы, на огороде, при чистке хлева — крестьянин никогда не снимал рубахи, предпочитая намочить или измазать ее, но не обнажать тела.

Что это — дремучее невежество? Самоистязание? Нет. Целомудренная одежда наших предков была призвана охранять стыдливость женщины, не раздражать и не уязвлять взгляда мужчин, не разжигать похоти.

Понятие о святости брака, чистоте и непорочности брачного ложа, обязанность воспитания в целомудрии и телесной чистоте своих детей, отношение к греху блуда — вот что легло в основу народного костюма.

Развитие промышленности привело к изменению уклада жизни и повлияло на костюм. Все это совпало с гонением на Православие и оскудением благочестия. С восемнадцатого века, сначала поневоле, благодаря внутренней государственной политике, а затем просто благодаря постоянному дурному примеру полностью изменился русский костюм. *Все, чем для прихоти обильной торгует Лондон щепетильный и по Балтическим волнам за лес и сало возит нам, все, что в Париже вкус голодный, полезный промысел избрав, изобретает для забав, для роскоши, для неги модной...* — все это наполнило гардеробы и помыслы наших вельможных предков. Потом, как водится, спустилось к служилому дворянству, купцам, чиновникам, мещанам, мастеровым и даже достигло крестьянства.

Теперь одежда не укрывала от греха, а прямо звала к нему. Появилась мода. А с нею зависть. Появилось желание приобретения нового костюма: нового фасона, цвета материи. С новыми приобретениями расцвело тщеславие, жажда восхищения. Началось увлечение драгоценными украшениями, тяга к роскоши. Началось обнажение. Женщины обнажили головы, мужчины отвергли бороды и обнажили свое лицо. Декольте у женщин и рейтузы у мужчин сделались обязательными при дворе. Соблазнителя стали именовать поклонником. Недостойное поведение располагающей к блуду женщины получило название привлекательности, очарования, по-французски — шарма.

И все же всегда существовало место, куда почти до самого последнего времени никто не решался войти в неподобающей, "не в брачной одежде" (Мф. 22, 11). В достаточных домах каждый член семьи имел особую праздничную одежду для посещения церкви. Иногда так и говорили: "пасхальная юбка", "обеднишняя пара", или "обеднишнее платье", то есть платье, в котором ходили к обедне. Как бы беден ни был человек, но в церковь он старался прийти чистым и опрятным. Как бы богат он ни был, в храм шел в скромной одежде, без излишеств. Здесь был предел любому щегольству, любому кокетству. Не только в храм, но даже мимо церковных ворот старались не ходить в неблагочестивом виде. Так одно лишь воспоминание о Боге может изгнать грех.

Традиционно мужчины надевали темную пару, то есть брюки и сюртук, позже пиджак, но обязательно, при любой погоде на рубашку надевалась верхняя одежда. Женское платье, не обязательно темное, а скорее светлых праздничных цветов, было скромного (то есть скрытного,

скрывающего) фасона, всегда имело длинный рукав и уместную длину. Украшения в церковь носить было не принято. Голова женщины в храме всегда должна быть покрыта, преимущественно платком, хотя высшее сословие носило и шляпки, но небольшие, простые, не мешающие прикладываться к иконам или к кресту.

Вернемся все же к сегодняшнему дню. Нельзя сказать, что прежнее благочестие полностью утрачено. Как раз большая часть верующих приходит в храм в подобающем костюме, независимо от возраста.

Ведь одеться благочестиво не значит одеться некрасиво или смешно. Вполне можно совместить и моду, и возраст, и благочестие, и вкус.

Дело в нашем отношении к предмету. Ведь, если вы пойдете на прием к главе администрации по вопросу необходимого вам жилья или выделения земельного участка, вряд ли вы решитесь заглянуть в кабинет в футболке, спортивных брюках и тапочках.

А если представить, что вас пригласили на аудиенцию к шведскому королю, то не в сарафане же или бермудах пойдете вы во дворец.

Нет, вы отнесетесь к выбору гардероба очень ответственно. Почему же так безответственно некоторые из нас одеваются, идя в храм, который мы называем домом Божиим? Отчего кто-то гладит брюки и рубашку перед тем как предстать перед земным начальством, а на молитву — беседу с Богом — одевается кое-как? Хватит, мол, с Него и спортивных штанов. Отчего? От отношения к Богу. Именно от этого и зависит наша культура.

Действительно ли мы считаем Его Отцом, Начальником, Судьей или низводим Творца до уровня служебного духа,

призванного давать нам утешение, радости, избавление от печали и прочие блага по нашему высочайшему повелению.

Да, “по одежке встречают”,— говорит пословица. Но иногда эта одежка такова, что, встретив гостя, хочется тут же и проводить его. Куда спешишь ты, матушка, раскрасив лицо, взбив пышным облаком замученные волосы и неся на себе замысловатый наряд? В дом молитвы? Здесь, в храме, все, что служило предметом твоих забот — прическа и платье и измененное лицо, — все это лишь обличит тебя. Твою суетность и тщеславие, себялюбие и зависть. Где-то в другом месте не так будут заметны эти грехи.

Но в храме... Впрочем, если ты так невнимательна к своей душе, то позаботься хотя бы о других. Твой вид будет искушением для многих. Он развлечет, склонит к осуждению, уязвит обидой. Потому что весь наряд твой рассчитан на зрителя. И назначение его — поражать, возбуждать любопытство, разрушать покой окружающих. “Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит” (Мф. 18, 7).

Неразумно относиться к одежде легкомысленно, считая, что прикрывающее тело платье никак не связано с нашей личностью, с душой, с будущей жизнью. Наше платье отражает наше внутреннее устроение, тщеславие и смирение, развращенность и целомудрие. Не случайно Спаситель ду́ши уподобляет одежде и о чистой от грехов душе говорит как о брачной одежде.

Мы знаем, что не только мощи святых оказывают чудотворения, но даже их платье. Одежда апостола Павла имела чудесную силу, “так что на больных возлагали платки и опоясания с тела его, и у них прекращались

болезни, и злые духи выходили из них" (Деян. 19, 12). Не случайно кусочки ткани и даже ниточки от одежды святых вкладывают в мощевики и бережно хранят, вставляя в иконы и кресты.

Как самая близкая нам материя, одежда может и сама оказывать влияние на нашу душу. Святитель Феофан Затворник советовал не брать одежды от людей страстных, подверженных какому-либо греху, и даже не касаться их вещей, во избежание, так сказать, "духовной заразы".

Неблагочестивый наряд оскорбляет и подавляет стыдливость, дает свободу блудным помыслам, способствует развращению своего обладателя. Иная думает, что она дразнит только других своим вызывающим платьем, а на самом деле это одеяние разжигает ее чувственность. Даже простое щегольство не остается безнаказанным. Прежде знали, что девушка-щеголиха — ненадежная жена. И умные родители избегали посылать сватов за такой невесткой.

Всякий грех начинается с помыслов, с мысли. Иногда помысел так и не завершается действием. Но тем не менее греховная мысль все же оказывает свое разрушающее действие на нашу душу, особенно если мы даем ей развитие в своем уме, так сказать, сознательно "репетируем" грех. Отвечать за такие "репетиции" нам также придется. "Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем" (Мф. 5, 28),— говорит Спаситель.

Если туалет или внешний вид женщины может уязвить вожделением кого-либо, то и ей придется разделить вину сердечного прелюбодеяния с тем, чей взгляд она уязвила. А разве не на раздражение чувственности рассчитано

большинство сегодняшних туалетов? Так любая вызывающе одетая женщина может понести наказание вместе с блудницами. И стоит ли, прилагая грех ко греху, увлекаться нарядами, идя в церковь?

Отношение к косметике в христианской традиции всегда было однозначным. "Ибо отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели тебе мало того, что сотворил Бог? Следовательно ты, считая себя искуснейшею художницею, принимаешься исправлять то, что создано Богом",— обличает Иоанн Златоуст.

Раскраска лица порицается вообще, но тем более она не уместна в храме. После службы мне приходится стирать следы помады с напрестольного креста и Евангелия. Следы помады пестреют на иконах. Были случаи, когда с краской на устах дерзали подходить к Причастию. Что тут можно сказать? "Отче! прости им, ибо не знают, что делают" (Лк. 23, 34). Только глубоким невежеством можно несколько оправдать подобное кощунство.

Конечно, волосы — это украшение женщины. И относиться к этому украшению нужно бережно. Господь дает всякому именно те волосы, которые более всего сочетаются с лицом. Поэтому искажать природу своих волос — только уродовать себя.

Лучшее — враг хорошего. "Не сама ли природа учит вас, что если муж растит волосы, то это бесчестье для него, но если жена растит волосы, для нее это честь, так как волосы даны ей вместо покрывала?" — писал апостол Павел (1 Кор. 11, 14—15), возводя прическу до символа. Существуют даже исследования, позволяющие определить зависимость поведения человека от длины его волос. Так, например,

замечено, что девочки, у которых не стригут волосы, растут более послушными. Слишком короткие волосы у мальчиков или у мужчин увеличивают безразличие к опасности. Это было использовано римскими военачальниками.

Некогда остригали волосы лишь у блудниц. Остриженная коса была как бы позорным клеймом. В XVIII столетии в России появились женщины-актрисы, они также стригли волосы. Правда, их положение мало чем отличалось от положения наложниц. В конце XIX века барышни-курсистки уже щеголяли своей стрижкой как символом свободы от родительской власти. Впрочем, не все. Большинство кос исчезло во время революции. Революционерка и коса или комсомолка и коса как-то не совмещались.

Впрочем, любую женскую прическу, идя в храм, следует покрыть головным убором. Лучше платком. По словам апостола Павла: "всякая жена, молящаяся или пророчествующая с открытою головою, постыжает свою голову, ибо *это* то же, как если бы она была обритая. Ибо если жена не хочет покрываться, то пусть и стрижется; а если жене стыдно быть остриженной или обритой, пусть покрывается" (1 Кор. 11, 5—6).

Кстати, многие благочестивые женщины именно платок, как наиболее легко заменяемую часть одежды, стараются подобрать под цвет праздника.

Ведь каждый праздник в Православной Церкви имеет свой цвет. Так, Господские праздники — Рождество, Крещение, Сретение, Преображение — служатся в белом облачении. Праздники, посвященные Богородице или Ее чудотворным иконам,— в голубом облачении. "Троица" — в зеленом. Зеленое облачение бывает также на службе преподобному. Мученикам положена служба в вишневом.

Святителю — в золотом или желтом. В Пост облачение черное или фиолетовое. На Пасху — красное.

Как уже говорилось выше, носить украшения в церковь не принято. В последние годы появилась неправильная манера носить православный нательный крест поверх одежды или на короткой цепочке, так, что его видно при открытом вороте рубашки.

Таким образом, крест используют как декоративную деталь туалета, он низводится на степень кулона, значка, украшения. Это оскорбление святыни. В православной традиции — носить крест на груди обязательно под одеждой. Вера — дело сердечное, внутреннее, она не афиширует себя. Против внешних атрибутов благочестия не раз предостерегал Спаситель.

И еще раз хочу напомнить слова Божественного Апостола: “Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением *волос,* не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию” (1 Тим. 2, 8—10). Аминь.

Печатается по изданию: За советом к батюшке. Сборник.– М., 2002.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 565

О грехах языка

Злословие
Сквернословие
Осуждение

О грехах языка

Злословие

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими (Мф. 5, 9). Давайте подумаем над этим обещанием Спасителя — может быть, блаженство усыновления Богу доступно и нам?

Кто же такие миротворцы, и как нам, простым людям, послужить так называемому делу мира? Для всех ли это возможно? Или это дело политиков и всяких выдающихся людей?

Мир... Мир между племенами и странами. Мир между соседями. Мир и единение в общем труде. Мир семейный. И как основа всяческого мира — мир в душе каждого из нас. Вот с этого личного мира, нашего мирного духа и начинается любой мир.

Не дать страстям возмутить или помутить наш разум, стараться даже в самых крайних ситуациях положить границу своему раздражению и гневу. Не потворствовать духам злобы, влекущим нас к несогласию и ссорам,— такова обязанность каждого из нас. И от того, насколько мы ее выполним, зависит и общий мир.

С тем, что мир — это величайшее благо, вряд ли кто не согласится. “Из всего, чем люди домогаются наслаждаться в

жизни, есть ли что сладостнее мирной жизни? Все, что бы ты ни назвал приятным в жизни, приятно бывает только тогда, когда соединено с миром. Пусть будет все, что ценится в жизни,— богатство, жена, дети, дом, родные, друзья,— пусть будут прекрасные сады, места для веселых пиршеств и все изобретения удовольствий... — пусть все сие будет, но не будет мира, что пользы в том?.. Итак, мир не только сам по себе приятен для наслаждающихся миром, но и услаждает все блага жизни",— пишет святитель Григорий Нисский.

"Совет да любовь", — желаем мы новобрачным, подразумевая под этим семейный мир. "Не купи имение, а купи соседа",— советует народная поговорка, потому что мирные добрососедские отношения больше всяческих удобств и выгод. Народный опыт говорит нам, что даже крупицы мира необыкновенно ценны, и этот опыт отразился в пословице: "Худой мир лучше доброй ссоры".

"Миром Господу помолимся..." — так начинается великая или, как ее еще называют, мирная ектения в церковной службе. В мирном духе помолимся Господу. Любая молитва, любое обращение к Господу должны произноситься в мирном состоянии. "О свышнем мире... Господу помолимся..." — призывает верующих диакон или священник помолиться о мире, преходящем на нас свыше, о даровании умиротворяющего духа. "О мире всего мира..." — слышим и молимся мы.

Итак, мир — это благо, мы ценим его, любим, желаем и молимся о нем. Так что же конкретно мы можем сделать для мира всего мира? На что нам направить свою волю, чтобы стяжать мир духовный?

Все мы разные. Различны наши природные свойства и приобретенные навыки. Один гневлив, а другой безгневен. Кто-то злопамятен, а иной не помнит обиды. Кого-то смущает зависть, а иному безразлична не только чужая, но и собственная жизнь. Все мы разные. Но если мы внимательны к себе, сознаем, видим свои недостатки, свои грехи, пытаемся избавиться от них

с помощью Господа, которую Он дает нам в Таинствах исповеди и причащения, то страсти станут менее смущать, возмущать наш дух, и мы сможем обрести дух мирен. “Стяжи дух мирен и возле тебя спасутся тысячи”,— говорит преподобный Серафим Саровский. Не только свой дух умирим мы, борясь с грехами, но и окажем спасительное умиротворяющее влияние на окружающий нас мир.

“Но я не гневлива, не драчлива, не мстительна, — скажет иная раба Божия,— в чем же может проявиться мое миротворчество?” Да, слабые, мирные женщины. Безоружные. Есть даже старинная поговорка: “На что Марфе меч, кого ей сечь?”. Безоружные. Правда, не совсем. Простые, привычные, бытовые ситуации. Свекровь и невестка, две соседки, сотрудницы. Как часто мы слышим, бываем свидетелями домашних, соседских или служебных склок, даже не ссор, а привычных сплетен, пересудов, взаимных злословий, уязвлений? *Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие,*— учит Апостол (Иак. 1, 26). И он же милостиво назидает: *Не злословьте друг друга, братия* (Иак. 4, 11).

Злословие… Многие подчас и не замечают за собой этого греха. Сказали и забыли, не заметив и не придав значения тому, что кого-то обидели, огорчили, унизили, нанесли душевную рану. “Ах, злые языки страшнее пистолета” — эти слова Александра Сергеевича Грибоедова стали пословицей. Вот и “безоружные”.

Я не хочу сказать, что сплетни, злословие, пересуды свойственны только слабому полу. Нет, подчас и мужественные и сильные не прочь приклонить ухо на худые вести, а то и поучаствовать в злословии. *Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим, а язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им*

проклинаем человеков, сотворенных по подобию Божию,— говорит Апостол (Иак. 3, 7—9). Смертоносным ядом называет он злословие. И оно поистине смертоносно. Сколько судеб, сколько авторитетов и даже жизней погубила сплетня, злоречие.

Сплетни и злословие способствовали падению авторитета Царской власти в России. Направленные сплетни отравляли постоянно жизнь последней императорской четы и особенно императрицы Александры Федоровны, благочестивейшей христианки, жены и матери пятерых детей, искренней патриотки. Можно сказать, что именно создавшие общественное мнение сплетни явились начальным орудием революции, горькие плоды которой мы пожинаем и по сей день. В годы массовых репрессий сплетня получила статус доноса. Сплетня убивала, сажала в тюрьму, отправляла в лагеря. Она реально стала "страшнее пистолета".

Но все эти великие люди и трагические события истории не имеют, кажется, отношения к нам. Мы ведь не собираемся никого убивать. Так ли это? Иногда несколько слов могут расстроить свадьбу, разрушить семейный покой, лишить кого-то доверия начальника, сорвать торговую сделку или какое-то дело. А сколько огорчений приносим мы своим злоречием! Этот "смертоносный яд" может привести к болезни, а потом и к смерти человека. *Всякий, ненавидящий брата своего, есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15). Только ненависть, зависть, желание возвыситься над кем-то заставляют нас передавать чужие вести, клеветать, обесславливать ближнего. Но разве, сказав нечто порочащее о другом человеке, сможем мы сами стать или хотя бы выглядеть от этого лучше? *Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его* (Лк. 6, 45),— эти слова Спасителя обличают злословящего. Злые слова оскверняют нас, лишают славы, чести: *...а исходящее из уст — из сердца исходит — сие оскверняет человека, ибо из сердца исходят*

злые помыслы, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, кражи, лжесвидетельства, хуления — это оскверняет человека (Мф. 15, 18—20),— читаем в Евангелии.

Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Мф. 12, 36—37),— предупреждает нас Спаситель. А преподобный Ефрем Сирин объясняет: "Плохой отзыв о другом — праздное слово".

Эти словесные, почти бесплотные грехи считаются у нас легкими, неважными, на самом деле не так безобидны и не хуже "больших злодейств" смогут привести нас к гибели. "Злословие есть смерть души",— учат отцы Церкви. Под бесчисленными песчинками этих мелких ежедневных сплетен, укоров, злоречия душа мертвеет. Совесть, оглушенная нашими клеветой и сплетнями, становится неспособной слышать глас Божий. Кроме того, "за какие грехи телесные или душевные осудим ближнего, в те впадем сами, и иначе не бывает" (преподобный Иоанн Лествичник). Поэтому так важно хранить свой слух и уста от худых речей. "Господь дотоле хранит душу твою, доколе ты хранишь язык твой,— учит преподобный Антоний Великий и продолжает.– Не приклони слуха, чтобы услышать зло о ближнем, будь другом человеков и стяжаешь жизнь".

Конечно, нелегко обуздать язык свой. Здесь и привычность греха, так сказать, навык и общепринятость обсуждения чужих дел, и невозможность избежать общества злословящих. Не случайно Апостол сказал: *Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело* (Иак. 3, 2). Но если грех злоречия будет ненавистен нам, если мы будем вслед за пророком Давидом молить Господа: *Положи, Господи, охрану устам моим* (Пс. 140. 3), то Всемилостивейший Господь обязательно подаст нам Свою помощь.

Да, мир в немалой степени зависит от нашего языка. В жизни Макария Великого был такой случай. Однажды преподобный Макарий шел со своим учеником. Ученик, несколько опередив

учителя, увидел идущего навстречу языческого жреца, который нес большой обрубок дерева. Ученик воскликнул: “Куда несешь полено, демон?”. Жрец, рассердившись, сильно побил монаха и продолжал свой путь. Прошедши немного, он встретил Макария. Угодник Божий приветствовал жреца: “Здравствуй, трудолюбец, здравствуй!”. Жрец удивился: “Что нашел ты во мне доброго, что приветствуешь меня?”. На что Макарий ответил: “Я приветствую тебя потому, что вижу тебя трудящимся и заботливо спешащим куда-то”. Жрец от этих слов пришел в умиление и попросил Макария взять его к себе в монастырь и крестить. Позже бывший жрец постригся в монахи. По этому случаю блаженный Макарий сказал: “Слово гордое и злое направляет к злу и добрых людей, а слово смиренное и благое обращает к добру и злых людей”.

И как иллюстрацию к этим словам великого египетского подвижника позвольте напомнить вам случай из истории нашего Отечества. В 1385 году преподобный Сергий Радонежский ходил в Рязань, дабы примирить “свирепого” рязанца князя Олега с великим князем Дмитрием Ивановичем Московским. Вот что пишет об этом летописец: “Преподобный игумен Сергий, старец чудный, тихими и кроткими словесы и речьми и благоуветливыми глаголы, благодатью, данной ему от Святаго Духа беседовал с ним *(с Рязанским князем Олегом)* о пользе душевной, и о мире, и о любви, князь же великий Олег переложи свирепство свое на кротость и утешись и укротись, и умились вельми *(очень)* душею, устыдебось столь свята мужа и взял с великим князем Дмитрием Ивановичем вечный мир и любовь в род и род”.

Вот так и нам надлежит “тихими и кроткими словесы и речьми и благоуветливыми глаголы” говорить с ближним и дальним. К этому зовет и Священное Писание: *Всякое раздражение и ярость, и гнев, и крик, и злоречие со всякою злобою да будут удалены от вас* (Еф. 4, 31).

Надлежит нам не плести словесной засады ближнему сплетней, дабы не стала она засадой от нашего спасения. Не надлежит нам и осуждать других, чтобы не принять на себя

бремя чужих грехов. Не к лицу нам и гневные обличения и укоры. Не станем мы обижать, унижать и всячески огорчать ближних. И тогда легко нам исполнить апостольскую заповедь: ...*будьте в мире со всеми людьми* (Рим. 12, 18). Аминь.

Сквернословие

Сегодняшней нашей беседе мы коснемся такого печального явления, как сквернословие. Печально и неприятно оно и само по себе, как всякий грех, но особенно печально то, что по своей обыденности и распространенности многими за грех как бы и не считается.

Слово... Звук, живущий доли секунды и пропадающий в пространстве. Где он? Пойди, ищи эти звуковые волны. Слово... Почти нематериальное понятие. Может быть, и говорить-то не о чем? Но апостол Павел предупреждает: ...*злоречивые... Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 10). Слово — это дар Божий, то, что уподобляет человека Создателю. Самого Спасителя мы называем Божественным Словом. Одним творческим словом Господь создал наш прекрасный мир, вселенную, космос. *Космос* — по-гречески *красота*. Слово Творца вызвало к жизни Красоту. И словом же мы, любимое создание Божие, пытаемся оскорбить эту красоту, осквернить ее. Церковь всегда остерегала своих чад от этого греха. *Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе...* (Еф. 4, 29) — учит Апостол.

А блуд и всякая нечистота... не должны даже именоваться у вас... (Еф. 5, 3) — настаивает он. Но именуются. И не только блудник и развратник или раздраженный вином и ссорой человек произносит нечистые слова, но и вполне благополучный, благопристойный. Зачастую женские и детские уста оскверняются гнилыми словами.

Есть тропическое растение, стапелия, цветы его — само совершенство формы и цвета. Но невероятно! От палево-оранжевых

светящихся лепестков исходит запах гниющего, разлагающегося мяса. Когда я сталкиваюсь с матерной бранью, я всегда вспоминаю оранжерею, нежные восковые лепестки и страшное зловоние над ними. Не случайно Апостол назвал эти слова "гнилыми". Святые отцы говорят, что блудные грехи смердят. Сквернословие же по своей тематике относится к блуду. И смердит.

Видимо, не все понимают, какая беда для общества да и для каждого из нас кроется в скверной брани. Мистические корни этого явления уходят в далекую языческую древность. Люди дохристианской эпохи, чтобы оградить свою жизнь от злобных нападок демонического мира, вступали с ним в контакт. Этот контакт мог быть двояким. Демона либо ублажали, превознося его и принося ему жертвы, либо пугали его. Так вот, пугали демона именно скверной бранью, демонстрацией своего непотребства. Подобное можно наблюдать в начале драки. Когда противники, делая свирепые гримасы, кричат друг другу о своей жестокости, о своей гневливой невменяемости, о готовности совершить тот или иной гнусный поступок. То есть придают себе более скверности, чем есть на самом деле. Для страха или от страха. Но и призывали демона теми же словами, демонстрируя свою одержимость, свою готовность к единению с ним.

Таким образом, так называемый мат являлся языком общения с демоническими силами. Таковым он и остался. Не случайно в филологии это явление именуется инфернальной лексикой. *Инфернальный* — значит *адский, из преисподней.*

Но силы зла — силы исключительно зла. Добра от них ждать не приходится. Единственная цель демонов — погубить человека, завладеть его душой. Завладеть же демон может только человеком-грешником. И если человек сам свидетельствует о своей скверности, он сам вершит себе приговор и отдает себя в руки диавола. *...От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 37),— предупреждает Спаситель.

В медицинской практике известно такое явление: при параличе, при полной потере речи, когда человек не может

выговорить ни “да”, ни “нет”, он может, тем не менее, совершенно свободно произносить целые выражения, состоящие из непечатной брани. Явление странное, но не одиночное и говорит оно о многом. Получается, что так называемый мат проходит по совершенно иным нервным цепочкам, чем остальная речь. Не бес ли, используя греховный навык человека, оказывает ему такое “благодеяние”, демонстрируя свою власть над частично омертвелым телом? А что же будет после смерти? Власть демона станет полной и окончательной.

Сквернослов не только отдает свою душу во власть бесов, он еще влияет на состояние души окружающих его людей. Злоречие ожесточает его, он не щадит ни стыдливости женщин, ни детской чистоты.

А ведь любая информация преобразует, изменяет сознание. Как же может преобразовать сознание скверная брань? Раз услышанное слово живет в нас до конца жизни. Всю жизнь! Анестезиологи рассказывают, что под наркозом, когда ослабевает воля человека, случается, что люди, никогда в жизни не произносившие скверных слов, скажут что-то из ранее услышанной брани.

Разрушая юношескую стыдливость и возбуждая нечистые пожелания, сквернословие мостит дорогу к разврату. Целомудрие и чистота не смогут ужиться со скверными словами. Дети, не довольствуясь отвлеченными звуками, обязательно будут стремиться узнать значение услышанного. Растление “малых сих” лежит на совести сквернослова. ...*Горе тому человеку, через которого соблазн приходит* (Мф. 18, 7),— говорит Спаситель.

Нет мира в семье сквернослова. Брань возбуждает и раздражает человека. Но самое большое несчастье в такой семье — это судьба детей. Дети, слыша грязную речь, сами приучаются сквернословить. Умственное развитие таких детей заметно заторможено. Чем ранее внимание ребенка обратится к половой сфере, тем более в таком низменном и примитивном

отображении, тем медленнее будет его духовное и умственное развитие. В доме, где родители хранят целомудрие речи, у детей вырабатывается стойкое отвращение к сквернословию. Эта брезгливость является надежной защитой от общения с дурными компаниями.

Те родители, которые не стесняются в выражениях, должны помнить, что сквернословие, уничтожая у ребенка чувство стыда, является мостиком к дальнейшим преступлениям.

Пусть не ищут они виновных в случае несчастия с сыном или дочерью — они сами запланировали его.

О тех, кто служит соблазном для детей, Спаситель сказал: *А кто соблазнит одного из малых сих... тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф. 18, 6).

В советское время появился тип начальника-демократа, демонстрирующего свою близость к народу именно употреблением крепких слов. Даже выражение появилось: “сказать крепко, по-русски”. Хорошо бы знать, что слова эти в большинстве своем отнюдь не русского происхождения. Русский же человек всегда отличался своим целомудрием. Это целомудрие и стыдливость отразились в национальной одежде и в национальном быту, удивлявшем своей строгостью и чистотой нравов иностранцев. При благочестивых царях Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче за сквернословие было положено телесное наказание: по рынкам и площадям ходили переодетые чиновники, схватывали ругателей и тут же, на месте, для примера другим, наказывали их розгами. Сегодня удивляет то, что многие образованные люди стали позволять себе эдак “тонко, интеллигентно” выругаться, возможно, желая показать этим свою широту взглядов. Хорошо бы сузить, как писал Достоевский. В России к образованному человеку всегда относились с уважением. Образованный человек именовался личным почетным гражданином. Университетское образование приравнивалось к офицерскому чину и давало права личного

дворянства. Знания почитались. Глядя на образованного человека, простые люди как бы говорили себе: “Мы по темноте своей можем впасть во многие грехи и ошибки, но он-то знает, где свет, он человек грамотный”.

Знание помогает человеку воссоздать в себе Образ Божий. Именно это понятие — воссоздание Образа Божия — и отражает слово “образование”. Поэтому грязная ругань в устах интеллигента особенно недопустима. ...*От всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут* (Лк. 12, 48).

Кто-то может сказать, что сквернословие не брань, что слова произносятся механически, отрешенно от смысла. Появилась даже некоторая как бы форма сквернословия, когда грубые слова заменяются другими, более пристойными, но ставятся они во фразе на привычные для брани места. Иногда даже спрашивают, возможна ли такая замена. Хорошо еще, если спрашивают, а не утверждают. В таких случаях мне вспоминается вопрос Любочки: “Маменька, под какое декольте шею мыть? Под большое или под малое?” (М.Е. Салтыков-Щедрин “Пошехонская старина”). Шею нужно мыть всю, чтобы она была чистая, а от сквернословия нужно отказываться совсем и окончательно. Мы не можем отнести слова-заменители к обычным словам-паразитам, засоряющим речь. Разве что, приравняв их к энцефалитным клещам. Ведь сущность сказанного проглядывает и сквозь завесу. Так никого не оставляет в сомнении звуковая пищалка, прикрывающая теле- и радиоматерщину.

Народ по-славянски — *язык*. Язык — это то, что объединяет народ. И характеризует его. Немецкий философ и лингвист В. фон Гумбольдт формирование и развитие национального характера, культуры и быта народа ставил в прямую зависимость от его языка. Язык, несомненно, оказывает влияние и на исторический путь народа. Можем ли мы быть легкомысленны в вопросе языка?

Древние демонические культы Востока, от которых к нам пришли эти слова, использовали их в ритуальных действиях,

сопровождавших человеческие жертвоприношения. И как раньше таким образом призывали демонов, так и сегодня человек, произносящий их, призывает на свою голову беса.

Закончить беседу мне хочется словами апостола Павла: *...я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской. Неужели мы решимся раздражать Господа? Разве мы сильнее Его?* (1 Кор. 10, 20—22). Аминь.

Осуждение

Сердце наше является источником добрых, приветливых и разумных речей, но из него же исходят злоречие, клевета и осуждение. *Добрый человек из доброго сокровища выносит доброе, а злой человек из злого сокровища выносит злое* (Мф. 12, 35),— говорит Спаситель. Так речь человека указывает на его духовно-нравственное состояние. Все мы помним слова: "Не судите, да не судимы будете", но грех осуждения так "легок", привычен и повсеместен, что совершенно не замечается нами.

Сплетней мы называем только то, что говорят о нас и наших близких. А то, что мы сами рассказываем о соседке, сослуживце или приятеле — это не сплетня, это "правда". Исключите из беседы разговоры о чужой жизни, быте, поступках — кажется, и говорить-то станет не о чем. А ведь за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда. Советуя удаляться непотребного пустословия, апостол Павел пишет: *...неизвинителен ты, всякий человек, судящий* ***другого****, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя* ***другого****, делаешь то же* (Рим. 2, 1).

Кто-то может возразить, что, мол, осуждаем мы лишь то, чего сами не делаем, что нам не свойственно, а, наоборот, противно. Нет, осуждением мы как раз выдаем, показыва-

ем свои свойства. Существует нравственный закон, знакомый и используемый криминалистами, педагогами и профессиональными психологами. Древние формулировали его так: подобный видит подобное.

В одном из “Патериков” есть притча: три человека, которых ночь застала на дороге, увидели прохожего. Каждый по-своему определил причину, заставившую его покинуть свой дом в столь позднюю пору. “Этот человек вышел на ночное воровство”,— подумал один. “Он идет на тайное свидание с блудницей”,— решил другой. “Этот благочестивый человек поднялся столь рано, чтобы успеть к заутрене в соседний город, там нынче большой праздник”,— подумал третий. Как видны здесь и сребролюбие первого, и блудные помыслы второго, и благочестие третьего.

Точно так же и мы обнаруживаем себя, высказывая суждение о ближнем. Приему на работу в некоторые фирмы предшествует беседа с психологом. Психолог выясняет мнение претендента о бывшем начальнике, о соседях, о лечащем враче, теще и, по его словам о других, делает заключение о нем самом. Таким образом, осуждая, мы действительно осуждаем сами себя.

От слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Мф. 12, 37),— говорит Спаситель. Впрочем, если Божий Суд для кого-то отдаленное и туманное будущее, то пусть хоть стыд обнаружить перед другими свои неблаговидные свойства заградит осудительные уста. Нам не всегда удается правильно увидеть событие, а уж тем более правильно истолковать его.

Преподобный Виталий, живя в Александрии, днем нанимался на работы, а ночь проводил в домах падших женщин. Весь город осуждал его, называя развратником. А между тем, в эти дома он приходил с тем, чтобы отдать женщинам на пропитание заработанные деньги, удерживая их от греха (“Пролог”, 22 апреля).

Иногда поводом к подозрению и осуждению может послужить один внешний вид человека. Святитель Тихон Задонский был

болен водянкой, отечность придавала ему излишнюю полноту. Многие считали, что Владыка невоздержан в еде и упрекали его за объедение. Эти упреки и насмешки Святитель переносил кротко и с терпением.

Один врач подвергся пересудам и насмешкам за свой красный нос. Нос покраснел и опух по непонятной причине. Сотрудники же были уверены, что коллега попросту стал часто заглядывать в бутылку. На все оправдания и сетования несчастного они лишь понимающе улыбались. Через какое-то время выяснилось, что виновник всему — маленький подкожный клещ. Заболевание это настолько редкое, что даже сами медики почти не верили в него. После излечения окружающие решили, что товарищ их попросту "завязал".

Составляя свое мнение о человеке или его поступке, мы не в состоянии учитывать всех факторов, оказавших влияние на формирование этого человека, всех причин, побудивших совершить тот или иной поступок. Один Господь всеведущ. Люди рождаются с различными наклонностями, различными темпераментами, воспитываются в разных семьях, живут в разной среде. Все это оказывает влияние на формирование личности и на проявление ее в делах. Если ребенок в своей семье слышал постоянную ругань, был свидетелем безудержного винопития, семейных ссор, если никто не сказал ему: не кради, не ругайся, не обижай слабого,— то с возрастом множество сил потребуется ему для преодоления дурных привычек, рожденных дурным примером взрослых. Ощупью будет он искать нравственных правил в личной жизни. Но и велика будет ему награда, потому что видит Господь его усилия, в отличие от нас, грешных, судящих только по внешним поступкам человека.

А если ребенок родился в благополучной, благочестивой семье, ухожен, научен различать доброе от худого, но при этом любит мучить соседского кота или лазить в чужой сад за яблоками? То и здесь проявляются личные усилия, но направлены они уже в

другую сторону — от хорошего к плохому. Мы же видим лишь “милые шалости”.

Замечательный пример приводит святитель Иоанн Златоуст. Две девочки-близняшки попали на невольничий рынок. Одну из них купила монахиня и воспитала в трудолюбии и благочестии. Другую купила блудница и сделала ее сначала свидетельницей, а потом и соучастницей своей распутной жизни. Неужели по смерти этих сестер Господь не учтет всех обстоятельств их судьбы?

А мы? Могли бы мы учесть все? Для нас это невозможно. А потому не будем и пытаться произносить своего суда над другими. Все мы видим, как человек совершает грех, но не видим тех усилий, той внутренней работы, которую затрачивает он, чтобы не совершать греха. А в конечном итоге, для Господа важно именно это усилие, эта работа по преодолению греха. Для человека, который не курит, нет труда не курить, ему и не хочется. А для курильщика, бросающего курить,— это тяжелый труд. Результат один, а награда будет разная.

К одному настоятелю обратились с вопросом: “Кто у вас в монастыре самый благочестивый?”. Настоятель ответил: “Повар. Имея от природы нрав вспыльчивый, огненный, этот повар постоянно сдерживает себя. И потому внешне не отличается от других иноков”.

Живя в обществе, мы не можем не видеть и не слышать о чьих-то проступках и даже преступлениях. Но сталкиваемся мы с чужими грехами не для того, чтобы осудить согрешившего.

В “Древнем Патерике” читаем: Авва Агафон, когда видел какое-нибудь дело и помысл побуждал его к осуждению, говорил самому себе: “Агафон! Не сделай сам того же!”. И помысл его успокаивался.

Другой преподобный, видя согрешающего брата, всегда плакал. “О чем ты плачешь?” — спросили его. “О себе. Сегодня он согрешил, а завтра — я”,— был ответ.

Для человека невозможно совсем уберечься от греха, и каждому из нас вполне хватает дел на своем духовном огороде. Если мы будем часто заглядывать в огород соседа, то наши собственные грехи-сорняки совсем заглушат нежные ростки добродетелей на нашем участке.

Кто имеет привычку осуждать, тот добровольно берет на себя работу беса. На Страшном Суде, когда Ангел расскажет о добрых делах человека, демон прочтет список злых дел. Будет в этом списке и неправда, но будут и действительные, совершенные грехи. Не хотелось бы тогда выступать свидетелем обвинения как единомышленник диавола.

Однажды некто из братии одного монастыря худо говорил пастырю о ближнем своем. Настоятель тотчас велел изгнать его, говоря: "Не позволю, чтобы в обители был видимый и невидимый диавол".

Почему же такое внимание мы уделяем греху осуждения? Потому что грех этот свойствен всем нам, привычен, незаметен. Потому что, как мелкий речной песок, засыпает он нашу душу, и она, как сказочная Аленушка, не в силах уже подняться со дна омута, не в силах шевельнуться, встать на доброе дело. А между тем каждая песчинка обернется искрой Божиего гнева в день Суда.

Особый и тяжкий грех — грех осуждения властей и духовенства. *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога,*— говорит апостол Павел (Рим. 13, 1). Отношение к Церкви определяется отношением к духовенству, к жизни Церкви. Осуждение священника или епископа — есть осуждение иерея Божия, чьими руками Господь в Таинствах подает нам спасительную благодать. Такое осуждение есть посягательство на церковную иерархию. Церковь наша строится не по принципу демократии, а по примеру Царства Небесного. Царства, в котором Архангелы не осуждают действий Херувимов, а Серафимы не обсуждают воли Божией, а выполняют ее.

При рукоположении священник дает клятву быть в послушании у епископа, и если он нарушает ее, то является клятвопреступником и в результате лишается сана, извергается из него так же, как непослушные ангелы были извергнуты некогда с неба. Осуждая священника, мы посягаем на саму Церковь, а значит и на Господа. Потому что “кому Церковь не мать, тому Бог не отец”.

Осуждение духовенства, недоверие к Церкви, привитое врагами Ее нашему обществу в конце XIX столетия, привело к печальным событиям двадцатых — тридцатых годов XX века, когда Господь лишил непокорных чад и духовенства, и храмов. Закрыли церкви, увезли священников, и дети тех, кто, считая себя вполне православными, поносили и ругали своих духовных отцов, выросли без креста, без Бога, без веры. А замученное, расстрелянное русское духовенство пополнило собой сонм мучеников, и, быть может, их молитвами имеем мы теперь и храмы, и возможность открыто исповедовать свое христианство, и духовные школы.

И если печальный опыт прошлого не заградит наши осудительные уста, то история повторится. Да она и повторяется. К скольким расколам и разбродам привела привычка осуждения и непослушания! Пора бы опомниться. Человеку нецерковному, безусловно, труднее уберечься от осуждения духовенства, так как закон этот как бы выше нравственного закона, он уже на уровне духовного закона. Но человек церковный, пытающийся выполнять церковные установления, должен беречь себя от этой беды, от осуждения и непослушания священнику. Как священник извергается из сана за непослушание епископу, так и мирянин по правилам святых отцов отлучается от Церкви за непослушание священнику до покаяния или на некоторый срок. Впрочем, осуждающий духовенство, сам себя отлучает от церковной благодати.

Но есть среди верующих особенно беспокойные люди. Они пребывают в постоянном поиске благодатных батюшек. Так

и делят они священство на благодатных и неблагодатных, на сильно благодатных и слабо благодатных. А так как степень благодатности прибором не померишь, то ходят такие беспокойные с прихода на приход, из монастыря в монастырь и не находят себе места, где бы им лучше спасаться. Прилепятся в каком-то очередном благодатном храме или у благодатного батюшки, походят какое-то время и, глядишь, опять ищут нового. И невдомек им, что не желание спасения, а грех осуждения гонит их с места на место.

Осуждая кого-то, мы редко храним свой суд в сердце. Чаще мы поверяем его кому-то, оправдывая себя справедливостью суждений. Из Священного Писания мы знаем, что человек высокой нравственности и авторитета не посмел злословить священника.

Апостол Павел, обличивший перед синедрионом Ананию, узнав, кто пред ним, сказал: *...я не знал, братия, что он первосвященник, ибо написано: начальствующего в народе твоем не злословь* (Деян. 23, 5).

Когда Господь наш Иисус Христос шел к месту Своей крестной казни, то, изнемогши под тяжестью Креста остановился и не мог продолжать свой путь. Тогда Крест Господень взял Симон из Киринеи, он-то и помог Господу донести Его Крест.

Сегодня православное духовенство взяло на себя тяжелый крест возрождения Православия. Хотелось бы, чтобы чада Церкви были, как Симон Киринейский, помощниками на этом нелегком пути. Именно сейчас так важны канонические отношения между священником и паствой, объединяющие и укрепляющие приход, епархию, всю Церковь.

Последнее воскресенье перед Великим постом называется Прощеным воскресеньем. Кто был в этот день в церкви, те слышали евангельские слова о прощении: *...если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 14-15).

Все мы имеем грехи, и грехи эти у всех одинаковые — нарушения десяти заповедей. Может, только в разной форме, либо делом, либо словом, либо помыслом. Каждого из нас есть за что наказывать. Поэтому так важно прощать, а не судить. Тем более, что суд наш вызван не проступком ближнего, а просто нелюбовью к нему. “Не по хорошу мил, а по милу хорош”,— говорит пословица. *А любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла... все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит* (1 Кор. 13, 4-5, 7).

Любимый ученик Христа, апостол Иоанн Богослов, названный Апостолом любви, единственный из учеников доживший до глубокой старости и умерший своей смертью, в последние годы на все вопросы о жизни и спасении повторял: *Детки, любите друг друга.* Этими словами и мне хочется закончить нашу беседу: “Любите друг друга”. Аминь.

Печатается по изданию: «За советом к батюшке». Сборник.– М., 2002.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2007 год

Издание 2-е

Отпечатано в ГУП «Псковская областная типография». Тираж 2000 экз. Заказ №

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКІЙ ЛИСТОК № 566

Беседа пред наступлением святого поста

Беседа пред наступлением святого поста

Светлый сегодня у нас праздник и торжественное собрание. Какая же тому причина? Это, я знаю, дело поста еще не наступившего, но ожидаемого. Он нас собрал в отеческий дом, он сегодня привел в материнские объятия и тех, которые доселе были ленивы. Если же пост, только еще ожидаемый, внушил нам столько ревности, то сколько благочестия он произведет в нас, когда явится и наступит?

Так и город, ожидая прибытия страшного начальника, отлагает беспечность и выказывает великую рачительность. Но услышав о посте, не испугайтесь его как страшного начальника – он страшен не нам, но демонам. Если кто одержим злым духом, покажи ему лицо поста, и он, оковываемый страхом и удерживаемый как бы какими цепями, станет неподвижнее камней, особенно когда увидит в союзе с постом сестру и подругу поста – молитву. Поэтому и Христос говорит: *сей же род изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Если же он так прогоняет неприятеля нашего спасения и так страшен врагам нашей жизни, то надобно его любить и принимать с радостью, а не бояться.

Если же чего и должно бояться, то бояться надобно пьянства и объедения, а не поста. Те, связав у нас сзади руки, предают нас рабами и пленниками жестокому владычеству страстей, как некоему свирепому господину. Пост же, найдя нас в рабстве и узах, разрешает от уз, избавляет от жестокого владычества и возвращает на прежнюю свободу. Когда пост воюет против наших врагов и освобождает нас от рабства, и возвращает нас на свободу, то какого надобно тебе еще большего доказательства его дружбы к нашему роду? Ведь величайшим доказательством дружбы считается то, когда ненавидят и любят тех же, кого и мы.

Хочешь узнать, какое украшение для людей пост, какая он оборона и защита? Подумай о блаженном и чудном роде монашествующих. Они, убежав от мирского шума и востекши на вершины гор, и построив кельи в тишине пустыни, как в некой спокойной пристани, взяли себе пост в товарищи и сообщники на всю жизнь. За то он и сделал их из людей ангелами, да не их одних, но кто и в городах соблюдает его,– всех возводит он на самую высоту любомудрия.

И Моисей, и Илия – столпы ветхозаветные пророков, хотя и знамениты и велики были по добродетелям, и имели великое дерзновение, однако ж, когда хотели приступить к Богу и беседовать с Ним – сколько это возможно человеку,– прибегали к посту и на его руках возносились к Богу. Поэтому и Бог, лишь только создал человека, тотчас отдал его на руки посту, ему поручил его спасение, как нежной матери и наилучшему наставнику. *От всякого дерева в раю ты будешь есть; от*

дерева же познания добра и зла не ешьте (Быт. 2, 16, 17) – это ведь род поста. Если же пост необходим в раю, то гораздо более вне рая. Если оружие было нужно нам еще до начала войны с похотями, то гораздо более необходимо споборничество поста по открытии такой брани со стороны похотей и демонов.

Если бы Адам послушал этого голоса, т.е. повеления Божия – не вкушать от древа познания добра и зла, то не услышал бы другого: *ты – земля, и в землю возвратишься* (Быт. 3, 19). Но как не послушал он того голоса, то за это постигли его смерть и заботы, и горести, и печали, и жизнь, тягостнейшая всякой смерти, за это терния и волчцы, за это труды и болезни, и полная всяких скорбей жизнь.

Видел ты, как Бог гневается, когда презирают пост? Узнай же, как Он радуется, когда чтут пост. За пренебрежение поста Он наказал преступника смертью, напротив – за уважение к посту избавлял постящихся от смерти. И чтобы показать тебе силу поста, Бог дал ему [*посту*] власть – после уже приговора над преступниками, при отправлении их на казнь, брать ведомых на казнь с самой середины пути и возвращать к жизни. И это сделал пост не с двумя, или тремя, или двадцатью человеками, но с целым народом. Когда великий и дивный город ниневитян лежал уже на коленах, склонил голову к самой пропасти и готов был принять направленный сверху удар,– пост, как некая свыше слетевшая сила, исторг город из самых врат смерти и возвратил к жизни. Но послушаем и самой истории. *Еще три дня, и Ниневия будет разрушена* (Ион. 3, 4). Услы-

шали это ниневитяне из уст пророка Ионы, и не показали неверия и пренебрежения, но тотчас поспешили к посту все – мужи, жены, рабы, господа, начальники, подчиненные, дети, старцы, даже и бессловесные не были изъяты из этого общественного подвига. Всюду вретища, всюду пепел, всюду плач и вопль. И сам царь, облеченный диадемою, сойдя с царского престола, разостлал под собою вретище, посыпал пепел, и таким образом исхитил город из опасности. Открылось необычайное явление – порфира уступила вретищу! В самом деле, для чего бессильна была порфира, то могло сделать вретище, чего не сделала диадема, то совершил пепел. Видишь, не напрасно сказал я, что бояться надобно не поста, но пьянства и объедения. Пьянство и объедение поколебали и грозили ниспровергнуть город, когда он стоял, а пост поддержал его и тогда, когда он колебался и готов был упасть.

С постом и Даниил, войдя в ров львиный, вышел оттуда так, как будто был там с кроткими овцами. Львы, хотя и кипели яростью, и бросали убийственные взгляды, однако ж не коснулись лежавшего пред ними пророка, тогда как и сама природа возбуждала их (потому что нет ничего лютее этих зверей), и голод (потому что они не ели семь дней) как некий внутренний палач понуждал их растерзать пророческую утробу. С постом и три отрока, войдя в вавилонскую печь и три дня пробыв в огне, вышли из печи с телами светлее самого огня. Но если тот огонь был, действительно, огонь, как же он не сделал того, что свойственно огню? Если тела отроков были точно тела, как же они не потерпели от огня

того, что свойственно телам? Как? Спроси у поста, и он ответит тебе, и сам разрешит эту загадку. Это, действительно, была загадка. Природа тел боролась с природою огня, и победа осталась за телами! Видел ты чудную борьбу? Видел ты чудную победу? Подивись посту и прими его с распростертыми руками. Если он и помогает в печи, и сохраняет во рве львином, и изгоняет демонов, и изменяет определение Божие, и укрощает неистовство страстей, и возводит нас к свободе, и производит великую тишину в помыслах наших, то не крайне ли было бы безумно убегать и бояться его, когда столько благ в руках у него?

Он, говорят, изможда́ет наше тело до немощи. Но чем более *внешний наш человек тлеет*, тем более *внутренний обновляется с каждым днем* (2 Кор. 4, 16). А если захочешь тщательно исследовать дело, то найдешь, что пост есть мать и здоровья телесного. И если не веришь моим словам, спроси об этом у врачей. Воздержание они называют матерью здоровья, а о болезнях в ногах и о болезнях головных, об апоплексии, о воспалениях и об опухолях и о бесчисленном множестве других болезней говорят, что они происходят от лакомства и пресыщения.

Итак, не будем бояться поста, который избавляет нас от столь великих зол. Внушаю вам это потому, что вижу много таких людей, которые уклоняются от поста и бегут прочь, как будто их хотят отдать в руки какой-то суровой жены, и губят сами себя пьянством и пресыщением. Поэтому советую: не губите наперед объедением и пьянством ожидаемой от поста пользы. Если ты сегодня

предаешься великому пьянству, а завтра примешь врачество поста, этим сделаешь, что оно будет для тебя бесполезно и бесплодно, и ты хоть понесешь труд, но не соберешь плодов поста, потому что он всю свою силу употребит против вреда, только что причиненного пьянством. Если же ты приготовишь для него легкое тело и примешь лекарство с трезвой мыслью, то можешь очистить множество прежних грехов.

Но можно и понести труд поста, и не получить награды за пост. Как? Когда от пищи мы воздерживаемся, а от грехов не удерживаемся. Когда мяса не едим, а поедаем дома бедных. Когда вином не упиваемся, а упиваемся злой похотью. Когда весь день проводим без пищи и весь же день бываем на бесстыдных зрелищах. Какая польза в посте, когда тело ты лишаешь пищи, а душе даешь пищу противозаконную? Какими глазами посмотришь ты на жену после таких зрелищ? Как взглянешь на сына, на друга? Какая же польза в посте, когда телом ты постишься, а глазами любодействуешь?

Это имея в уме и помня сказанное нами о невоздержании, будем очищать себя во всем, имея непрестанную надежду на спасение во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

По творению свт. Иоанна Златоуста
“Беседы о покаянии”

2004 год
Отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 370

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 567

К эффективной и справедливой экономике

Извлечения из выступления председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского КИРИЛЛА на VII Всемирном Русском Народном Соборе (16-17 декабря 2002 г., Москва)

К эффективной и справедливой экономике

Совершенно не случайно, что главной темой VII Всемирного Русского Народного Собора стала экономика.

Не следует считать экономику областью исключительно материальных интересов. Выдающийся русский философ Николай Александрович Бердяев таким образом обозначил две составляющих экономических отношений: «Хлеб для меня — это материальная забота, а хлеб для моего ближнего — забота духовная».

Русская Православная Церковь придает большое значение данной проблеме. В «Основах социальной концепции», представляющих собой социальное учение Церкви, теме труда и собственности посвящены две главы.

Современная система ценностей, побуждающая человека к приложению все больших усилий для постоянного повышения уровня личного потребления материальных благ, является греховной и порочной. Церковь напоминает людям, что экономическая деятельность может быть нравственно и религиозно оправданной лишь в том случае, если человек трудится не только ради себя и своих близких, но и для того, чтобы помогать нуждающимся. Эту мотивацию можно назвать духовным измерением экономики. Православная этика постулирует очень важный принцип: экономика должна быть эффективной и справедливой.

Возникает вопрос: может ли быть жизнеспособной экономика, построенная на этических принципах? Не являет-

ся ли такая экономическая модель эфемерной? Убежден, что это не так. Согласно традициям русской православной культуры богатство подлежало оправданию только в том случае, если употреблялось для блага всех.

Подобное отношение к богатству, будучи этически обоснованным, представляет собой убедительную альтернативу принципам буржуазного взгляда на труд и экономику. Некоторые публицисты называют сегодня Православие причиной экономических проблем нашей страны и обвиняют Церковь в том, что она якобы воспитывает человека, неспособного эффективно действовать в условиях свободной рыночной системы. Совершенно очевидно, что это не так. Православие поддерживает человека в стремлении к производительному труду, ибо плоды предназначены не только для его личного потребления, но и для поддержки других.

К сожалению, в течение многих десятилетий производственные отношения в нашей стране не предусматривали реализации первого религиозно оправданного побуждения к труду — личной заинтересованности работника в получении возможно большей прибыли. Трудиться было невыгодно. Думаю, что коллапс экономической системы страны в 1990-х гг. во многом был предопределен отчуждением человека от результатов собственного труда.

Каким образом возможен сегодня переход к нравственно оправданным и эффективным экономическим отношениям? Огромную роль в этом процессе должно играть воспитание. Участие Церкви в учебном процессе поможет привить детям высокие идеалы православной трудовой этики. Одной из целей преподавания «Основ православной культуры и этики» является знакомство школьников с этическими нормами Православия, которые обнимают собой не

только правила личной и семейной жизни, но и способны выработать нравственное отношение к участию в общественной жизни, включая политику и экономику.

Большую роль в деле перераспределения избыточных материальных ценностей играет благотворительность. Из истории дореволюционной России мы видим, сколь важное место занимали благотворительные организации в общественной жизни страны. Однако следует признать, что добиться справедливого перераспределения материальных благ для поддержки неимущих, обеспечения общественно значимых программ, оплаты труда тех, кто по роду своей деятельности не производит экономических ценностей, только путем благотворительности невозможно. Здесь особая роль принадлежит государству. Именно государство должно взять на себя ответственность за справедливое распределение результатов труда, то есть за реализацию духовного измерения экономики.

Особое место в этом процессе занимает налоговая и бюджетная политика, которая и призвана перераспределять общественные блага в пользу немощных и поддерживать те институты, которые необходимы обществу для нормального существования. Поэтому создание таковой политики является задачей не только экономической, но нравственной и даже религиозной. Разрабатывая справедливое и эффективное законодательство, государственные мужи совершают дело богоугодное. В таком случае их деятельность становится служением Богу, она приобретает ярко выраженное духовное измерение.

Церковь призывает своих чад к законопослушанию, однако нельзя не признать, что сегодня добросовестное соблюдение всех законов, подзаконных актов и администра-

тивных решений ставит предпринимателя на грань разорения. Церковь напоминает законодателям, что их долгом является создание такой системы законов, которые не налагали бы на людей «бремена неудобоносимые».

Однако если нынешнее законодательство подталкивает даже самых честных людей к обману государства, можно ли называть сложившуюся в России экономическую систему нравственной? Возможно ли применение этических категорий к современным экономическим отношениям? Сложившаяся ситуация не способствует формированию у российских предпринимателей представлений о деловой и хозяйственной этике.

Необходимы механизмы, позволяющие совершенствовать государственную систему сбора и распределения средств. К числу таких механизмов относятся общественный контроль, прозрачность бюджета и многое другое. Вызовами нравственному чувству являются также такие негативные явления нашей жизни, как уклонение от уплаты налогов, вывоз капиталов за пределы России, особенно тех, что были получены от продажи природных ресурсов.

Обострение социальной напряженности в стране объясняется и некоторыми особенностями общественной психологии: избыточные материальные ценности, находящиеся в руках другого человека, у большинства наших сограждан вызывают недобрые чувства.

Революционеры во все времена считали, что для достижения всеобщего счастья достаточно отнять ценности у богатых и раздать их бедным. Однако история свидетельствует, что перераспределение ценностей насильственным способом никогда не приводит к созданию справедливого общества.

Что же делать сегодня? Снова, как это было уже не раз в российской истории, насильственно перераспределять собственность в надежде на достижение справедливости? Или путем разумной и справедливой бюджетной и налоговой политики, путем ответственного участия государства, работодателей и трудящихся изменить характер экономических отношений, обеспечивая рост производства и справедливое распределение результатов труда? Если вернуться к теме вывоза капитала,– десятки миллиардов долларов исчезают ежегодно за рубежом, а экономика продолжает функционировать. Что же будет, если эти миллиарды останутся в нашей стране? Приходится говорить не столько о принципиальных недостатках экономической системы, сколько о необходимости срочного создания механизмов возврата капитала, о воспитании честного отношения к налоговым обязательствам, о совершенствовании налогового законодательства. Возможно, этого будет достаточно для того, чтобы в рамках нынешней системы, без ее радикальных перемен, добиться становления эффективной и справедливой экономики.

Надо помнить, что с религиозной точки зрения единственным законным собственником всех земных благ является Бог — Творец мира, а мы лишь временно пользуемся ими. Не следует забывать, что, поскольку Бог дал нам эти блага, Он может их и забрать. Хорошо известна евангельская притча: «У одного богатого человека был хороший урожай, и он рассуждал про себя: что мне делать?.. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и все добро мое, и скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в

сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет» (Мк. 12:16-21).

Экономика — зона повышенного этического и религиозного риска, ибо «не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Если человек главной целью своей жизни поставил получение материальных благ, он потерян для Царствия Божия. Богато обставленный дом, дорогие украшения и машины — все это лишь временно может приносить радость, и, если человеку чужды иные, высшие ценности, он замыкается в тесном мирке материальных интересов и лишает себя полноты жизни.

Но «Невозможное человеку возможно Богу» (Мф. 19:25). Да, действительно, только Бог может спасти и богатого, и бедного. Но богатый должен знать, что его путь ко спасению непременно предполагает разделение с неимущим избытков своего состояния.

Церковь не предлагает конкретных методик или пропорций перераспределения избыточных материальных ресурсов. Какую долю плодов своего труда оставлять себе, а сколько отдавать нуждающимся согражданам и направлять на общественно значимые программы,– дело совести каждого человека и вопрос общественного регулирования. Если общество сможет установить стандарты потребления, исходя из нравственных норм, станет неприличным выставлять напоказ свое богатство.

В создании основ справедливой экономики должны принять участие все институты гражданского общества, в том числе профсоюзы, различные объединения граждан, а также деятели науки и культуры и, конечно, религиозные организации.

Уверен, что силой Божией и в ответ на наши общие усилия нестроения закончатся. Созидание всегда требует несравненно больших усилий, нежели разрушение, поэтому будущее России в огромной степени зависит от того, насколько мы готовы самоотверженно трудиться ради блага своей страны.

Ж. «Приход».– 2003 (№ 5)

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 568

Пост

Каяться — значит, в сердце чувствовать ложь, безумие, виновность грехов своих,— значит, сознавать, что оскорбили ими своего Творца, Господа, Отца и Благодетеля, бесконечно святого и бесконечно гнушающегося грехом. Значит, всею душою желать исправления и заглаждения их. К пище и питию не спеши, а к делу Божию поспешай скорее, и, совершая дело Божие, о пище и питии не помышляй. Помни твердо, пред Кем стоишь, с Кем беседуешь, Кого воспеваешь; весь будь в Боге, принадлежи всецело Ему одному, молись всем сердцем, пой всем сердцем, для ближних служи, как для себя, радушно, всесердечно, не двоясь сердцем и мыслями. Господи! Помози: без Тебе не могу творити ничесоже (Ин. 15, 5).

Св. Иоанн Кронштадтский

Пост

И ныне глаголет Господь Бог ваш: обратитеся ко Мне всем сердцем вашим, в посте, в плаче и рыдании.

Иоил. 2, 12.

***И**же бо аще хощет душу свою спасти, погубит ю* (Мф. 16, 25),* т. е. кто восхощет спасти своего ветхого, плотского, греховного человека, тот погубит жизнь свою, ибо истинная жизнь состоит в том, чтобы распять и умертвить ветхого человека с делами его и облечься в нового, обновляемого по образу Создавшего его. Без умерщвления плотского ветхого человека нет истинной жизни, нет блаженства вечного. Чем сильнее и мучительнее умерщвление ветхого человека, тем совершеннее обновление и перерождение его, тем выше очищение его, тем совершеннее жизнь его, и выше блаженство его в будущем веке. Умерщвляй себя и оживешь. Ах! Я сам чувствую, что, когда я здоров совершенно и не утруждаю, и не изнуряю себя трудами, я умираю тогда духом, тогда нет во мне Царствия Божия, тогда обладает мною плоть моя и с плотью диавол.

Поститься христианину необходимо для того, чтобы прояснить ум, возбудить и развить чувство и подвигнуть к благой деятельности волю. Эти три способности человека мы затмеваем и подавляем более всего *объядением и пьян-*

*Ю – ее (Вин. падеж мест.)

ством и печальми житейскими (Лк. 21,34), а чрез то отпадаем от источника жизни — Бога и ниспадаем в тление и суету, извращая и оскверняя в себе образ Божий. Объядение и сластолюбие пригвождают нас к земле и обсекают, так сказать, у души ее крылья. А посмотрите, какой высокий полет был у всех постников и воздержников! Они, как орлы, парили в небесах; они, земнородные, жили умом и сердцем на небесах и слышали там неизреченные глаголы, и там научились Божественной премудрости. И как человек унижает себя чревоугодием, объядением и пьянством! Он извращает свою природу, созданную по образу Божию, и уподобляется скоту бессловесному и даже делается хуже его. О, горе нам от пристрастий наших, от беззаконных навыков наших! Они препятствуют нам любить Бога и ближних и исполнять заповеди Божии; они укореняют в нас преступное плотское себялюбие, коего конец — погибель вечная. Так пьяница для удовольствия плоти и одурения себя — не жалеет множества денег, а нищим жалеет копейки; куритель табаку бросает на ветер десятки и сотни рублей, а нищим жалеет копеек, которые могли бы спасти его душу; любящие одеваться роскошно или охотники до модной мебели и посуды тратят на одежду и мебель с посудою огромные деньги, а мимо нищих проходят с холодностью и презрением; любящие хорошо поесть не жалеют на обеды сотни и тысячи рублей, а бедным жалеют грошей. Поститься и потому христианину необходимо, что с вочеловечением Сына Божия природа человеческая одуховлена, обожена, и мы поспешаем к горнему царствию, которое *несть брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе* (Рим. 14,17). *Брашна чреву, и чрево брашном: Бог же и сие и сия упразднит* (1 Кор. 6, 13). Есть и пить, т. е. иметь пристрастие к чувственным удовольствиям, свойственно только язычеству, которое, не зная духовных, небесных наслажде-

ний, поставляет всю жизнь в удовольствии чрева, в многоядении и многопитии. Оттого Господь часто обличает в Евангелии эту пагубную страсть. Да и разумно ли человеку жить непрестанно в желудочном чаду, в желудочных испарениях, поднимающихся изнутри от непрестанного варения пищи и ее брожения? Разве человек только ходячая кухня или самодвижущаяся дымовая труба, каковой по справедливости можно уподобить всех занимающихся непрестанным курением? Какое удовольствие жить в непрестанном чаду, испарении и дыму? На что будут похожи жилища наши? Зачем мы будем заражать воздух смрадом и дышать им, а паче всего омрачать и подавлять душу, убивать ее последние духовные силы?

По мере того, как человек удовлетворяет своей чувственности, он становится плотяным и удаляет от себя Пресвятого Духа Божия, Который не может пребывать в людях, плотскую жизнь провождающих: *кое бо общение свету ко тьме* (2 Кор. 6, 14)? Это достойное слез состояние испытывают весьма многие и — увы! — не познают, что они не имеют в себе Духа Божия, подобно, как слепые от рождения не сознают великой потери в том, что не видят света. Такие люди не имеют веры и любви в сердце и духа молитвы, избегают общения с Церковью. Боже мой! Сколько для меня опасностей в жизни. Я делаюсь величайшим врагом самому себе, когда я удовлетворяю своей плоти излишне. Если будешь с жадностью много есть и пить, то будешь — плоть, а если будешь поститься и молиться, то будешь — дух. Не упивайтесь вином, но исполняйтесь Духом.

Постись и молись — и совершишь великие дела. Сытый не способен к великому делу. Имей простоту веры и совершишь великие дела: ибо *вся возможна верующему* (Мк. 9, 23). Имей тщание и усердие — и совершишь великие дела.

Пост — хороший учитель: 1) он скоро дает понять постящемуся, что всякому человеку нужно очень немного пищи и пи-

тья, и что вообще мы жадны и едим, пьем гораздо более надлежащего, т. е. того, чем требует наша природа; 2) пост хорошо обнаруживает все немощи нашей души, все ее слабости, недостатки, грехи и страсти, как начинающая очищаться мутная, стоячая вода показывает, какие водятся в ней гады и какой в ней сор; 3) он показывает нам необходимость всем сердцем прибегать к Богу и у Него искать милости, помощи, спасения; 4) пост показывает все хитрости, коварство, всю злобу бесплотных духов, которым мы прежде, не ведая, работали, которых коварства, при озарении теперь нас светом благодати Божией, ясно оказываются, и которые теперь злобно преследуют нас за оставление их путей.

Кто отвергает посты, тот забывает, от чего произошло грехопадение первых людей (от невоздержания) и какое оружие против греха и искусителя указал нам Спаситель, когда искушался в пустыне (постясь сорок дней и ночей). Тот не знает или не хочет знать, что человек отпадает от Бога именно наичаще чрез невоздержание, как это и было с жителями Содома и Гоморры и с современниками Ноя,– ибо от невоздержания происходит всякий грех в людях. Кто отвергает посты, тот отнимает у себя и у других оружие против многострастной плоти своей и против диавола, действующих против нас особенно чрез наше невоздержание, тот и не воин Христов, ибо бросает оружие и отдается добровольно в плен своей сластолюбивой и грехолюбивой плоти. Тот, наконец, слеп и не видит отношения между причинами и последствиями дел.

Говорят: не страшное дело есть скоромное в пост, не в пище пост; не страшное дело носить дорогие, красивые наряды, ездить в театр, на вечера, в маскарады, заводить великолепную дорогую посуду, мебель, дорогой экипаж, лихих коней, собирать и копить деньги... Но из-за чего сердце наше отвращается от Бога, Источника жизни, из-за чего теряем вечную жизнь?

Не из-за чревоугодия ли, не из-за драгоценных ли одежд, как евангельский богач, не из-за театров ли и маскарадов? Из-за чего мы делаемся жестокосердыми к бедным и даже к своим родственникам? Не из-за пристрастия ли к сластям, вообще к чреву, к одежде, к дорогой посуде, мебели, экипажу, к деньгам?.. *Не можете Богу работати и мамоне* (Мф. 6, 24), быть другом мира и другом Божиим, работать Христу и велиару. Невозможно. Из-за чего Адам и Ева потеряли рай, впали в грех и смерть? Не из-за яди ли единой? Присмотритесь хорошенько, из-за чего мы не радим о спасении души своей, столько дорого стоившей Сыну Божию? Из-за чего прилагаем грехи ко грехам, впадаем непрестанно в противление Богу, в жизнь суетную, не из-за пристрастия ли к земным вещам, и в особенности к сластям земным? Из-за чего грубеет наше сердце? Из-за чего мы делаемся плотью, а не духом, извращая свою нравственную природу, не из-за пристрастия ли к пище, питию и прочим земным благам? Как же после этого говорить, что есть скоромное в пост не страшно? Говорить так есть гордость, суемудрие, непослушание, непокорность Богу и удаление от Него.

Человек дорог у Господина, весь мир ему покорен; Сам Сын Божий сошел с небес на землю для спасения его от вечных мучений, для примирения его с Богом. Всякие плоды, разные плоти животных отданы ему в снедь, разные пития даны ему для услаждения его вкуса,- но не для пристрастия, не в единственное наслаждение.

У христианина есть наслаждения великие, духовные, Божественные; этим-то наслаждениям надо подчинять всегда плотские, умерять или совсем прекращать их, когда они препятствуют наслаждениям духовным. Значит, не для опечаливания человека запрещаются пища и питие, не для стеснения его свободы, как говорят в свете, а для того, чтобы доставить ему истинное услаждение, прочное, вечное. И потому

во время поста запрещаются скоромные снеди и винные напитки, что человек очень дорог Богу и надобно, чтобы сердце его не прилепилось к тленному, которое его недостойно. А поврежденный грехами человек удобно прилепляется к земным удовольствиям, забывая, что истинное наслаждение его, истинная его жизнь есть Бог вечный, а не приятное раздражение плоти.

Не имей пристрастия не только к пище и питию, к одежде, к просторному и благоукрашенному жилищу, к богатой утвари домашней, но и к своему здоровью, даже к своей жизни не имей ни малейшего пристрастия, предав всю жизнь свою в волю Господню, говоря: *мне бо еже жити, Христос, и еже умрети, приобретение есть* (Флп. 1, 21). *Ненавидяй души своея в мире сем, в живот вечный сохранит ю* (Ин. 12, 25).

Пристрастие к временной жизни, к здоровью ведет к многим уклонениям от заповедей Божиих, к потворству плоти, к нарушению постов, к уклонению от добросовестного исполнения обязанностей службы, к унынию, нетерпению, раздражительности. Никогда не спи вечером пред вечерним правилом, да не одебелеет сердце твое от неблаговременного сна, и да не запнет его враг окамененным нечувствием. *Трезвитеся, бодрствуйте* (1 Пет. 5, 8). *Бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41). *Бдите убо, яко не весте дне ни часа, в оньже Сын человеческий приидет* (Мф. 25, 13).

Корень всякого зла есть самолюбивое сердце, или саможаление, самощадение. От самолюбия или чрезмерной и незаконной любви к самому себе проистекают все страсти: холодность, бесчувственность и жестокосердие по отношению к Богу и ближнему, злое нетерпение или раздражительность, ненависть, зависть, скупость, уныние, гордость, сомнение, маловерие и неверие, жадность к пище и питию, или чревоугодие, любостяжание, тщеславие, леность, лицемерие.

Не жалей себя никогда и ни в чём, распни себя — своего ветхого человека, гнездящегося преимущественно в плоти, — и ты отсечешь все свои страсти. Терпи благодушно все, что случается неприятного для плоти, не щади ее, иди напротив ей, и ты будешь истинный последователь Христов. Вся мудрость христианина состоит в том, чтобы ему в жизни своей благоразумно идти напротив своей плоти во всем, *ибо не живет во мне, сиречь во плоти моей, доброе,*— говорит апостол (Рим. 7,18).

С пресыщением и пьянством враг бесплотный входит в сердце человека – это каждый внимательный может ощущать. Вот причина, почему с возрастающим пьянством усиливается так страшно наклонность к пьянству (оттого что возрастает сила врага над человеком), отчего заметна у пьяниц такая сила, влекущая их невольно к удовлетворению страсти или внутреннего стремления к вину — у этих несчастных враг в сердце. Чем же изгнать беса пьянства? Молитвою и постом. Входит враг оттого, что люди предаются плотскому образу жизни, чревоугодливости и не молятся. Естественно, что и выйти он из них может от противоположных причин: поста и молитвы.

О, как страшно пресыщаться и упиваться! Сытая утроба теряет веру, страх Божий, и делается бесчувственною для молитвы, для благодарения и славословия Божия. Сытое сердце отвращается от Господа и делается, как камень, твердо и бесчувственно. Вот почему Спаситель заботливо предостерегает нас от объедения и пьянства: *да не внезапу найдет на нас день смерти* (Лк. 21, 36), по причине гнева Господня на нас за легкомысленное и праздное препровождение времени в пище и питии.

Совершенное угождение Богу состоит в том, чтобы для Него иметь совершенное беспристрастие и к телу своему: на-

пример, когда во время молитвы мы, несмотря на леность и сильное расположение ко сну, нудим себя и не поддаемся ему, то мы имеем беспристрастие к телу. Совершенное беспристрастие имели мученики и подвижники. Когда ощутишь, что в сердце твоем не стало мира из-за пристрастия к чему-нибудь житейскому, а вместо того в нем дышит раздражительность и злоба, стань тотчас на страже сердца и не давай наполнить его диавольскому огню. Молись сердечною молитвою и укрепляй Божиею силою страстное, нетерпеливое сердце свое. Будь твердо уверен, что злодышащее разжение сердца есть дело врага, а враг сильно воюет на сердце чрез сытый желудок. Опыт.

Не верь плоти своей, угрожающей тебе несостоятельно_стью во время молитвы: лжет. Станешь молиться – увидишь, что плоть сделается покорною твоею рабою. Молитва и ее оживит. Помни всегда, что плоть лжива.

Начинай исполнять заповеди, касающиеся малого, и ты исполнишь заповеди, касающиеся великого: малое везде ведет к великому. Начни исполнять хотя заповедь о посте в среды и пятницы или десятую заповедь, касающуюся худых помыслов и желаний, и ты исполнишь все заповеди; а *неправедный в мале, и во мнозе неправеден есть* (Лк. 16, 10). Питаясь пространно, делаешься плотским человеком, духа не имущим, или плотию бездушною, а постясь, привлекаешь к себе Духа Святого и делаешься духовным. Возьми хлопчатую бумагу, не смоченную водою, она легка и в малом количестве носится в воздухе, но смочи ее водою, она сделается тяжелою и тотчас падает на пол. Так и с душою. О, как надо беречь душу постом!

Вещество мира *яко ничтоже* (Пс. 38, 6), везде и во всем Дух Божий, животворящий, превысший всего. Когда молишься Богу, представь, что вещество как бы не существует, и все твари яко не сущие, и что один только Бог всюду сущий

и единый, все Собою наполняет, объемлет, зиждет и хранит. Если ты будешь беспристрастен к вещественному и будешь упражняться в посте и молитве, то и в тебе дух как бы поглотит плоть, и ты будешь духовен, будешь везде созерцать в природе Духа Бога. Тогда как, напротив, пристрастные к земному, особенно к пище, к питию, к деньгам, *суть телесни, духа не имуще* (Иуд. 1, 19), и во всем видят только плоть, не созерцая духа, и даже отвергая духовную сторону предметов. Каяться – значит в сердце чувствовать ложь, безумие, виновность грехов своих,— значит сознавать, что оскорбили ими своего Творца, Господа, Отца и Благодетеля, бесконечно святого и бесконечно гнушающегося грехом. Значит, всею душою желать исправления и заглаждения их. К пище и питию не спеши, а к делу Божию поспешай скорее, и, совершая дело Божие, о пище и питии не помышляй. Помни твердо, пред Кем стоишь, с Кем беседуешь, Кого воспеваешь; весь будь в Боге, принадлежи всецело Ему одному, молись всем сердцем, пой всем сердцем, для ближних служи, как для себя, радушно, всесердечно, не двоясь сердцем и мыслями. Господи! Помози: *без Тебе не могу творити ничесоже* (Ин.15, 5).

Для чего Господь прилагает нам день ко дню, год к году бытия нашего? Чтобы мы постепенно отъяли, отбросили лукавство от душ своих, каждый свое, и усвоили себе блаженную простоту, чтобы мы сделались как агнцы незлобивые, как младенцы простые, чтобы научились не иметь ни малейшего пристрастия к вещам земным, а как дети любящие и простые прилепились бы всем сердцем к одному Богу и возлюбили Его всем сердцем своим, всею душою своею, всею крепостью своею и всем помышлением, а ближнего — как самого себя.

Поспешим же сердечною и слезною молитвою испросить себе у Господа простоту сердечную и поревнуем, попечнемся всеми мерами отбросить лукавство душ своих, злую подо-

зрительность, зложелательство, злорадство, злобу, гордость, надменность, самохвальство, презорство, нетерпение, уныние, отчаяние, обидчивость и раздражительность, боязливость и малодушие, зависть, скупость, чревоугодие и пресыщение, блуд мысленный и сердечный и блуд действительный, сребролюбие и вообще страсть к приобретению, леность, непослушание и все темное полчище грехов. Господи! Без Тебя не можем творити ничесоже. Сам благослови нас на дело сие и Сам даруй победу на враги наши и на страсти наши.

С голоду не налегай сильно на пищу — обременишь и сердце, и тело. Без жадности, тихо кушай, с размышлением, во славу Божию, памятуя о Боге — Питателе, паче же о Его нетленной пище, Теле и Крови Его, о том, как он Самого Себя, любви ради, даровал нам в пищу и питие, и о Святом Слове евангельском. Вот на это ваше ежедневное действие, на принятие пищи и пития, обратите самое строгое и деятельное внимание, ибо от пищи и питья, от качества и количества их зависит весьма много ваша духовная, общественная и семейная деятельность. *Внемлите себе, да не когда отягчают сердца ваша объядением и пьянством* (Лк. 21, 34). О горе нам, насыщенным ныне и нередко с пренебрежением на дары Божии взирающим!

Господи! Как свойственно Первообразу привлекать, усвоять себе образы, вселяться и жить в них, так тем, кои по образу Твоему сотворены, должно быть свойственно стремиться со всею любовью, со всем усердием к Первообразу, прилепляться к Нему. Но плоть наша жадная и сластолюбивая, дебелая, косная отторгает нас от Тебя. Нам нужны пост, воздержание, а мы страстны до сластей. Укрепи нас к воздержанию!

Печатается по изданию: Св. Иоанн Кронштадтский. Мысли христианина о покаянии и причащении

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 577

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 569

Детское счастье

Детское счастье

Редко бывает спокойно родительское сердце. С рождения ребенка и до конца жизни не покидают его заботы и тревоги за любимое дитя. У православных родителей это беспокойство реализует себя в молитве за детей, в стремлении к личному благочестию. У людей неверующих или нецерковных оно проявляется в страхах и предчувствиях. И конечно, каждый родитель желает счастья своему ребенку и старается сделать все для этого. Только в чем оно, счастье?

Корень этого слова — "часть". С-часть-е. Счастливый человек — это человек, живущий с частью чего-то, имеющий какую-то часть. Часть какого-то Блага. Блага общего для всех. Всеобщего. Всемирного. Безмерного. Неиссякаемого Блага. И это Благо есть Бог! Счастливый — имеющий общую часть с Богом. Живущий в Боге. И чем ближе человек к Богу, тем он счастливее.

Верующий, церковный человек никогда не скажет про себя, что он несчастен. Но заметьте, что и неверующий человек счастлив лишь тогда, когда он, сам того не зная, живет по Божиим заповедям, вложенным Господом в сердце каждого человека. Он счастлив чистой совестью, действенной любовью, исполнением долга, личной жертвой. Правда подчас слово счастье прилагают к различным временным удовольствиям, жизненным победам, небывалой удаче. Да, человек радуется окончанию института, выздоровлению, защите диссертации, крупной премии, рождению ребенка.

Но это счастье временное, оно хрупко и недолговечно. Оно не полно. А главное, счастливым можно быть и без всего этого.

Так какое же мы можем дать нашим детям полное, настоящее счастье? Мы не можем. Счастье это может дать только Господь. А мы можем поставить их на путь к этому счастью. Воспитать верующими и церковными. Для жизни с Богом.

Чтобы Ангел не улетал

Первые два-три года пребывания младенца в семье настолько радостны для родителей, что остаются на всю жизнь одним из самых сладких воспоминаний. Нет темы, на которую женщина даже в преклонные лета говорила бы с таким воодушевлением и интересом, как о рождении и первых годах жизни своего ребенка. И никогда лицо мужчины не покажется нам столь мягким и нежным, как при воспоминании о младенческом возрасте сына или дочери.

Младенца часто сравнивают с Ангелом... Да, счастливое время, прекрасное время. Кажется еще долго-долго будешь наслаждаться этим свалившимся с Неба счастьем. Но вдруг замечаешь, что ангельское постепенно отходит от младенца. И вот в нем проявляется какая-то необоримая капризность, деспотизм, своеволие. “Может быть, пора заняться воспитанием? — думают родители.— Правда, он еще такой кроха”.

Рассказывают, что к одному старцу пришла за советом женщина. “Отче, два месяца назад у меня родился сын, с какого времени я должна его воспитывать?” — спросила она. Старец ответил: “Ты, мать, опоздала на 11 месяцев”. Другими словами, воспитание ребенка следует начинать с зачатия.

Собственно о судьбе своего будущего ребенка, о его воспитании мы должны задумываться еще раньше. До свадьбы. При выборе супруга или супруги. Но коль скоро семья уже сложилась, то обсуждать проблему выбора мы не станем. Однако обратим внимание на то, в каком браке живут родители. Венчаный это брак или невенчаный.

Конечно, оформленный по гражданским законам брак — тоже брак. Но союз, не благословленный Церковью, не покрытый Божественной Благодатью в Таинстве браковенчания похож на дом с раскрытой кровлей. Жить в нем, бесспорно, можно, но дожди и снег будут омрачать эту жизнь, ветер станет приносить всякий мусор, выдувать тепло. Особенно тяжело жить в таком доме ребенку. Взрослые как-то притерпятся, живут не замечая, а младенец – существо нежное — любой сквозняк чувствует.

Для православного человека жить в невенчаном браке — грех. Разве не грех сознательно отвергать благословение Божие, участие Божие в вашей семейной жизни? Откуда же появились в нашей

Церкви невенчаные супруги и родители? Обыкновенно это люди, которые пришли к вере недавно и затянули, по легкомыслию, свое дальнейшее воцерковление. Возможно, они считают, что венчание уже ничего не изменит в их жизни и в жизни их детей. Или это так называемые "смешанные" пары, где один супруг верующий, а другой не очень.

Первым следует все же, несмотря на сомнение и лень, узаконить свой брак, даже если он приближается к юбилейной дате, а жизнь к закату. С грехом нужно расставаться здесь, до могилы. Вспомните, что родительский грех обязательно отражается на детях. И на взрослых детях тоже. Кстати, и на внуках.

Что касается "смешанных" семей, то верующий супруг должен постараться ласковыми уговорами и просьбами, подкрепленными безупречным поведением, склонить неверующего или нецерковного супруга к венчанию. А если пока невозможно достичь согласия по этому вопросу, то православный супруг обязан на исповеди обязательно каяться в невольном грехе невенчаного брака. И молиться, обязательно молиться, просить Господа, Его Пречистую Матерь о помощи, чтобы венчание все же состоялось.

Воспитание, которое мать может дать своему ребенку до его рождения, так сказать, внутриутробное воспитание, незаметно усваивается им из ее благочестивой, церковной жизни. Именно ради будущего ребенка так часто приходит она в храм, быть может, выбирая для посещения спокойные малолюдные будние дни. В заботе о нем она часто исповедуется и причащается. И младенец радуется, приобщаясь вместе с матерью, освящаясь от православных святынь: икон, святой воды, просфоры.

В Евангелии говорится, что, когда Дева Мария вошла в дом родственницы своей праведной Елисаветы, бывшей тогда на шестом месяце беременности, то у Елисаветы взыграл младенец во чреве и она сказала: "И откуда это мне, что пришла Матерь Господа моего ко мне? Ибо когда голос приветствия Твоего дошел до слуха моего, взыграл младенец радостно во чреве моем" (Лк. 1, 43—44). Радостно! Радостно он взыграл! Так же радуются и другие младенцы, еще не увидевшие свет, когда мамы их бывают в храме.

Когда в церковь приносят младенца, особенно когда его подносят к Чаше для Причастия, легко отличить дитя церковных роди-

телей от нецерковных детишек. Спокойно лежит малыш на руках у одной мамы, вертится, пытаясь спрятать личико, у другой. Еще за несколько шагов видит священник дитя из нецерковной семьи и уже готовится к тому, что может произойти у Чаши. Как жалко бывает смотреть на кричащих, отворачивающихся от Причастия, сжимающих ротик малюток. Что их так пугает? В храме благолепие, рядом мама или бабушка, что же кричит он, выгибается дугой, сучит ножками? Это кричат родительские грехи, это они отворачивают от Благодати малютку. У этого крохи еще нет ничего своего, только рот и нос, ножки и ручки, а грехов своих нет. Есть лишь маленькие семена грехов родителей. И если родители сами не оставляют своих грехов, не каются в них на исповеди, не укрепляют свое стремление к праведности Причастием, если они не желают жить с Богом, то и дитя их будет бояться Господа, станет бояться Чаши.

Детишек, которых часто причащают, сразу видно. Они более управляемы, послушны, и ангельское в них сохраняется дольше.

Как и сколько бывать ребенку на службе

Семилетнему малышу вряд ли кто предложит ведерную лейку для поливки огорода. Дадут поменьше. Учитель физкультуры не установит для первоклассника планку на метровой высоте. Еще не время. Нагрузку для ребенка увеличивают постепенно. Ее определяют годы и физические силы. Возрастает дитя, возрастают и требования к нему. А как нам определить религиозную “нагрузку” ребенка? Когда и сколько он должен пребывать в храме, какие молитвы учить?..

К храму, к церковной службе ребенка нужно приучать с пеленок, с первых месяцев и даже недель. Пространство храма особенное, сам воздух в нем иной. И наша церковность напрямую зависит от того, сколько времени мы провели в этом пространстве, как долго мы дышали этим воздухом. Не думайте, что младенец не слышит и не понимает происходящего вокруг него. Его сознание впитывает в себя звуки и образы, и, быть может, он переживает службу гораздо полнее, чем взрослые...

Ранний возраст, когда от ребенка не требуется напряжения собственных сил для присутствия на богослужении; возраст, когда он

“ходит” и “стоит” еще на маминых ножках,— самое благоприятное время для воспитания у него привычки к церковной службе. Если это время упустить, пожалеть усталую маму или младое дитя, то позже на воцерковление ребенка родителям придется потратить гораздо более сил.

Где удобнее на службе стоять с ребенком? Заметьте, люди в храме находят себе место в зависимости от своего внутреннего состояния, настроения. Кто-то стоит ближе к алтарю, кто-то в середке, кто-то в самом конце. Молиться можно везде, но все же обстановка и окружение оказывают влияние на наше чувство.

Чем ближе мы к священнодействию, тем менее рассеивается наше внимание, тем полнее наше участие в общей молитве, тем проще нам на время оставить попечения житейские, забыть о домашних заботах. Удаляясь от алтаря, мы невольно косвенно включаемся в тихую, но неизбежную суету перемещений, приветствий. Краем глаза мы замечаем передвижения вновь пришедших, опоздавших на службу или заглянувших в храм на малое время по какой-то надобности. Здесь труднее сосредоточиться. Здесь волны мирских забот еще не улеглись, не успокоились, шепот вопросов и замечаний мешает молитве. “Впереди-то я стою — ног под собой не чую, а если сзади встану — только о ногах и думаю”, — говорила одна пожилая прихожанка.

Дети чувствуют обстановку так же, как и взрослые, но на них она оказывает большее действие. Ребенок пытается подражать тем, кто рядом. “Почему кому-то можно говорить или принять вольную позу, а мне нельзя?” — думает он, вернее, даже не думает, а просто делает то же самое.

Опыт многих родителей показывает, что стоять с ребенком впереди легче. Благодать священнических молитв, близость святого Престола, Святых Таин, молитвенное пение хора, явственнее слышимые слова службы, лики святых, словно глядящие из горнего мира через окна-иконы яркого иконостаса — все это оказывает свое благотворное воздействие на ребенка. Впереди он свободно может наблюдать красоту внешнего действия церковной службы. Это удовлетворит детскую потребность впечатлений и смены событий.

Близость алтаря помогает детям участвовать в общей молитве, настраивает быть внимательными. Святыня прогоняет всякие дур-

ные мысли и... темные силы, нашептывающие их. Если служба переживается ребенком, то она не утомляет его, а укрепляет.

Кстати здесь вспомнить и о торжественных, праздничных, особенно многолюдных богослужениях. Нужно ли приводить детей на престольные праздники, на особенные архиерейские службы? Или "пожалеть" их, не мучить теснотой и духотой? У торжественной многолюдной службы, кроме духоты, есть и другие качества. В архиерейской службе мы можем видеть особую полноту церковного богослужения. И воспринимается она иначе, чем обычная. На этой службе даже усталые и немощные люди стоят легко. Общее народное воодушевление, общая любовь к празднику или святому, объединяющие всех переживания евангельского события или события из истории Церкви способны "зажечь", вдохновить и равнодушного...

Тем родителям, дети которых плохо ведут себя в церкви, следует навести порядок в своей духовной жизни и, конечно, молиться, просить о помощи Пресвятую Богородицу. Православные матери особенно почитают Тихвинскую икону Божией Матери. У Ее образа они молятся о здоровье, о послушании своего малыша, о прибавлении разума, о благочестивом его устроении. И в ответ на сердечную материнскую молитву Царица Небесная никогда не отказывает в милости.

"При деле Бог ума прибавит",— говорит народная мудрость. Материнское желание видеть своего ребенка достойным прихожанином, благочестивым молитвенником в церкви обязательно найдет, как себя реализовать. Во время службы, приноравливаясь к возрасту, ребенку можно объяснить то, что происходит перед ним, обратить внимание на какие-то действия священнослужителей, их одежду, роспись и убранство интерьера. Настроить на участие в общем деле.

"Скоро выйдет диакон и скажет... Сейчас будет каждение, надо поклониться... Смотри, сейчас откроют Царские врата...

Это Херувимская песнь, постой спокойно... Скоро будут все петь «Верую»... Когда диакон скажет: «Господу помолимся», ты тоже тихонько помолись, чтобы была хорошая погода, чтобы вырос отличный урожай, поскорее поспела клубника... Помолись о мирном времени, чтобы не было войны, чтобы никого не убивали... что-

бы не случилось землетрясения и наводнения"... Такие или примерно такие слова вы можете сказать тихонько на ухо вашему юному прихожанину, чтобы он не просто отбывал необходимый "срок службы", а поучаствовал в ней по мере сил, чтобы возбудить внимание утомившегося ребенка...

И все же бывает, что ребенок совсем не готов к тому, чтобы стоять впереди. Какое-то время он будет проводить свой церковный день неподалеку от паперти, в притворе. Но и здесь его никак нельзя пускать в "одиночное плавание" и вольное хождение во время службы. Все время он должен быть под наблюдением взрослого, который вовремя пресечет шалости или несоответствующее месту поведение.

"Научи нас молиться"

Удивительно, как похожи на нас наши дети, как умело подражают они нам! Наблюдая за нами, учатся говорить, брать ложку, качать головой, открывать дверь... жить. Наблюдая за нами, учатся они молиться. Кроха стучит себя сложенными пальчиками в лоб, показывая маме первое движение крестного знамения, полностью воспроизвести которое он еще не в силах. Ребенок наклоняет головку перед иконой — кланяется, приближает личико к образу — целует. Все эти действия усвоены им из быта семьи. Это начало молитвы, маленькие зернышки, из которых с помощью папы и мамы вырастет духовная пшеничка — хлеб жизни.

К молитве, как и к храму, дитя необходимо приучать с самого малого возраста. Ребенок должен знать, что его родители молятся. Ему нужно это видеть. Молитва матери и отца должна быть для него привычна. И тут есть некая тонкость.

Рассказывала как-то одна знакомая. Она никак не могла приучить старшего сына к чтению. Уговаривала, рассказывала интересные повести и все удивлялась: "Да как же тебе не скучно без книг, без чтения?". На это мальчик ей ответил: "Да ведь ты сама никогда не читаешь". И тогда мама вспомнила, что она, действительно, никогда не читает... при детях. Днем у нее совсем нет времени. Только после того, как она уложит всех спать, закончит свои домашние дела, она берет книгу. Это бывает уже ночью. Значит, ее мальчик никогда не имел и не имеет перед собой доброго примера. И все ее

слова о чтении книг воспринимаются им как сухая теория, а не как личный опыт.

То же самое может случиться при воспитании у ребенка привычки молиться. Если ребенок не имеет примера родительской молитвы, причем непосредственного, видимого примера, то объяснить ему необходимость молитвы будет очень трудно. Как правило, родители, особенно мать, просыпаются раньше, чем дети. После пробуждения взрослые молятся, выполняют какие-нибудь необходимые по дому дела и лишь потом будят малютку. То же происходит и вечером — родители читают молитвенное правило, когда ребенок уже спит. И вот оказывается, что такой, казалось бы, естественный режим, имеет очень существенный изъян: ребенок не видит родительской молитвы. Наверное, стоит подумать о изменении режима.

Совсем маленького ребенка можно, взяв на руки, поднести к иконам, прочесть с ним, то есть за него "Отче наш", "Богородицу", "Верую", молитвенное обращение к Ангелу-хранителю, к святому угоднику, имя которого носит малыш. Перед кормлением младенца не забывайте читать "Отче наш" или "Очи всех на Тя, Господи, уповают", крестить пищу и самого едока. После того как младенец поел, обязательно прочтите благодарственную молитву и опять перекрестите малыша.

Так, понемногу, ребенок выучит свои первые молитвы. Согласуясь с возможностями младенца, вы со временем "подключите" его к общей семейной молитве. Обычно первая молитва, которую может повторить дитя, это "Господи, помилуй". Если вы считаете, что вашему сыну или дочери пока еще трудно стоять рядом с вами те несколько минут, пока вы вслух читаете утреннее или вечернее молитвенное правило, то пускай дитя послушает какую-то его часть. И поучаствует, трижды произнеся: "Господи, помилуй". Потом ребенок освоит молитвословие: "Во имя Отца и Сына и Святаго Духа", и своим звонким голоском произнесет начальные слова молитвенного правила всей семьи. Затем — "Слава Отцу и Сыну и Святому Духу"... Все чаще и чаще будет слышен его голос у икон. Выучит малыш и "Отче наш", и "Царю Небесный". А когда он научится читать и укрепится телесно, можно будет отметить ему в молитвослове несколько посильных молитв, и он сможет читать правило вме-

сте с мамой. По очереди. Одну или две молитвы прочтет мама, одну — сынок, еще несколько — мама, и опять — сынок.

Кроме молитв с определенным известным текстом, малыша обязательно нужно научить молиться своими словами. О заболевшей бабушке или маме, о благополучном учении старшего брата, о личных нуждах. Пусть он сам, по-своему, разговаривает с Господом, Пресвятой Богородицей, Ангелом хранителем, святыми угодниками. Но при этом, какими бы искренними и сердечными ни были "собственные" детские молитвы, не следует, довольствуясь ими, оставить или отложить заучивание молитв из молитвослова...

Вопрос возраста

Знаю, что иногда родители боятся перегрузить своих питомцев обязательной церковностью. Хождением в храм, молитвами, постом, считая, что настойчивость в этом смысле может вызвать в ребенке неприязнь к Церкви, к религии. "Вот подрастет, тогда сам будет ходить в храм, будет молиться, а пока пусть погуляет",— думают "добренькие" мамы и папы. "Если его принуждать, то он станет лицемерно выполнять все необходимые внешние действия, а душа его при этом будет холодна", — строят они свои прогнозы. Но это неверно.

Все полезные навыки лучше прививать в раннем детстве. В еще бессознательном, что ли, состоянии. Как говорят, усваивать с молоком матери. Одно из основных свойств младенца — это доверчивость. Дитя, особенно до семи лет, открыто миру, оно без устали впитывает в себя впечатления, не рассуждая, добро это или зло, хорошо или плохо. В эту пору самое время дать ребенку как можно больше хороших добрых впечатлений.

Храм. Есть ли на Земле более прекрасное место для воспитания?! Воспитания в любом понимании. Замечательные архитектурные формы, ни с чем не сравнимый интерьер, полный возвышенных символов. А разве не воздействуют на душу ребенка церковная живопись, церковное пение, призванные отразить небесную гармонию? Ребенок привыкает к красоте, проникается прекрасным.

В памяти младенца запечатлеются торжественные, даже символично-величественные движения священнослужителей, их особенные праздничные яркие облачения. Запечатлеется строй-

ный чин православного богослужения. Никакие специальные гимназии, гувернеры, системы воспитания не смогут сделать для развития наших детей столько, сколько может дать им регулярное посещение храма, присутствие на церковной службе. Сейчас я говорю о восприятии ребенком только внешней культуры. Но существует еще и особенное духовное воздействие. В пространстве храма меняется даже взрослый, сложившийся человек...

Конечно, ребенку, и именно малому ребенку, нужно больше бывать в храме. А для родителей это наиболее простой и естественный способ развития эстетических понятий и взглядов в своем чаде, а также простой и естественный способ внушить ему в этом святом месте и многие этические понятия и нормы.

Известно, что если в пору младенчества ребенка не приучить к труду, то есть выполнять какие-то полезные действия не зависимо от своего желания, то в дальнейшей жизни ему придется на нелюбимое или на несвоевременное, по его понятиям, дело тратить гораздо более сил, так как немалая часть их уйдет на преодоление себя. А еще чаще такой человек будет стараться уйти от всякой ситуации, которая ему придется не по нраву. И не всегда достойным образом.

Молитва это тоже труд, и к ней нужно приучать с младенчества. Не страшно, что ребенок не все понимает в словах молитвы, пусть он сначала выучит ее, понятие придет позже с объяснениями, с возрастом. Ведь даже нам, взрослым, не всё и не все молитвы достаточно понятны. О самом привычном молитвословии можно говорить так много, что не уместить и в целую книгу. Однако мы молимся, произносим известные слова, не всегда постигая их глубинный смысл и силу.

“Ты не понимаешь, зато бесы понимают и трепещут”, — ответил один старец на жалобу о непонятных словах молитвы...

Молитва всегда должна быть рядом. В особо опасных обстоятельствах мы вспоминаем Бога, вспоминаем как Всемогущего Защитника и Помощника. Но не все могут просто, как дитя, обратиться к Нему своими словами. Бывает, страх так сковывает сознание, что оно просто не в силах подсказать эти слова. Бывает, отчаяние и уныние парализуют волю и опять мы не знаем, что делать. И тогда в каком-то кармашке памяти находим знакомое: “Да вос-

креснет Бог, и расточатся врази Его...", "Живый в помощи Вышнего..." — или иную молитву. Не задумываясь над смыслом, мы повторяем то, что вложили в наше сознание мамы и папы, когда мы были еще маленькими. Слова молитвы, как зажженная свеча, прогонят мрак уныния и страха, словно боевой меч, обратят в бегство врагов...

Мы не знаем, какой будет судьба наших детей. Мы можем лишь надеяться, но не гарантировать их жизненный путь. Не случайно сложилась поговорка: от сумы да от тюрьмы не зарекайся, то есть в жизни у всякого человека могут случиться любые горести и испытания. Воспитывая свое дитя, мы должны помнить, что в дальнейшем мир будет стараться разрушить то доброе, что построили мы в его сознании, в его душе. Скоро, очень скоро у него появятся новые авторитеты, и они могут быть нецерковными людьми. У него будет учитель или учительница, а для ребенка это безусловный авторитет, и мы знаем, что не все, далеко не все педагоги верующие, среди них бывают и богоборцы, и сектанты. Друзья-одноклассники тоже не все православные, а среди них может случиться яркая, привлекательная личность совершенно чуждых взглядов. Через нецерковную среду, через книги, телевидение, разрушительное современное искусство мир обязательно попытается втянуть наших детей в водоворот яркой, шумной, но пошлой и бессмысленной жизни без Бога и без Церкви. И нужно успеть напитать их церковностью — любовью к Богу, к Его Святой Церкви, осознанным отношением к ее Таинствам, ее святым, любовью к чистоте, сознанием скверны греха.

Опыт говорит, что дети в 14—17 лет нередко охладевают, теряют интерес к церковной жизни, пробуют отойти от уклада семьи, от ее традиций. Еще раньше, лет в 12—13, они уже пытаются расширить свою самостоятельность, подвергают критике, не всегда явной, мнение родителей. Этому возрасту уже не так легко объяснить или внушить что-либо, противопоставить что-то соблазну. Вот он, сын, и взрослее, и умнее кажется, а в то же время и закрытее, и недоверчивее. Привлекает подростков и разнообразие, новизна. В это время обычно ребенок поддается соблазну уйти "в дальнюю сторону" (Лк. 15, 13) от привычного, семейного. И не во всем родители в силах остановить его. Но если у ребенка есть опыт церковной жизни, участия в Таинствах, опыт молитвы и поста, то этот

опыт, как якорь, удержит его от страшного, не даст пропасть, поможет вернуться.

В нашей памяти воспоминания детства занимают особое место. Книгу детства мы готовы читать и перечитывать много раз. Но как счастлив человек, вспоминающий церковное детство! Вспоминающий годы, когда среди любящих, добрых, милых лиц родных совсем рядом были Боженька, Богородица, Никола Угодник, Ангел-хранитель. Когда сердце было чистым, Господь был ближе, а любовь и вера были такими, какими они бывают только в детстве.

Душа помнит счастье детской молитвы, праздничного причастия, ярких огоньков всенощной службы, запах кадильного дыма! Она помнит их ярче, чем усталость, раннюю дорогу, подавленное желание движения и свободы. Этой душе есть куда вернуться из самых дальних стран, из самых глубоких бездн!

Пост ребенка

...Пост воспитывает, пост охраняет нас от наших слабостей, укрепляет волю к добру, помогает бороться с грехом. Каждый верующий знает, насколько необходим пост. Он необходим всякому человеку. Но более всех пост необходим ребенку.

Жаль только, что не все православные родители понимают необходимость поста для ребенка. Много разных объяснений находят они для своей неразумной жалости. “Потребности растущего организма, закладка здоровья на всю жизнь...” — говорят мамы и бабушки, подкладывая в пятницу Вовочке или Машеньке мясную тефтельку. Здоровье это хорошо, оно необходимо, но заметьте, что постящиеся дети болеют ничуть не чаще непостящихся, они не слабее своих сверстников, есть некоторые болезни, которые у постящихся ребят встречаются реже. Конечно, если скоромную пищу просто изъять из рациона, то ребенок ослабнет. Необходимо ее чем-то заменить. И замену не обязательно искать среди экзотических фруктов или орехов. Наши отечественные зерновые, бобовые, корнеплоды, тыква, кабачки, растительные масла вполне могут заменить на время мясо и молоко. Нужно только подумать, что и как приготовить. Можно самим подумать, а можно прочесть, спросить.

Легкомысленно со стороны родных пренебрегать детским постом. Мол, не велик грех. Знаете поговорку: “Смолоду прорешка,

под старость дыра". Сначала пост отменяется в угоду растущему организму, потом в угоду учащемуся организму, далее по просьбе или уже по требованию, изнемогающего в тяжелых трудах организма и, наконец, по дряхлости или болезни организма увядающего. После смерти поститься уже нет надобности.

Прежде в русских семьях младенец постился сразу же, как заканчивалось грудное вскармливание. По прежним обычаям — с полутора лет. Может быть, это был не всегда полный "взрослый" пост, но это уже был пост. И не слабые, вялые тугодумы вырастали из таких деток: Илья Муромец, Александр Невский, Кузьма Минин, Михайло Ломоносов, Александр Суворов, Гаврила Державин, Дмитрий Менделеев... Да что там говорить, хорошие вырастали люди. Сильные, умные, благочестивые.

Приходится иногда слышать, что младенцу, то есть ребенку до семи лет, как существу чистому, почти равноангельскому, поститься не нужно. Пост помогает нам почувствовать и осознать свою греховность, зачем же, мол, он безвинному ребенку. Вспомните, что пост был установлен Самим Господом. Заповедь поста Господь дал Адаму еще в Раю. Адаму, первому человеку, который еще помнил и ощущал на своем лице дыхание Бога, своего Творца. Господь дал заповедь поста еще до грехопадения. Чистый, безгрешный Адам нуждался в посте. Так же нужен пост и самому чистому ребенку.

Давайте повнимательнее приглядимся к нашим "ангелам". Упрямство, непослушание, капризы, жестокость к животным, обманы — все это начинается обычно еще до семи лет. Отчего происходит большинство детских грехов? Оттого, что дитя неправильно понимает свое место в мире. Ребенку кажется, что он уже сам может решить, можно или нельзя, хорошо или плохо. Дитя забывает о своей спасительной зависимости и готово поверить, что все может, имеет право. И точно так же, как пост "возвращает в себя", отрезвляет взрослого человека, так же он приводит в разум ребенка. Это замечательный помощник в воспитании.

Заметьте, как неполезно человеку иметь все, что ему хотелось бы. Ведь только совершенный человек имеет совершенные желания. И Господь по милосердию "тормозит" наши неразумные хотения. Пост более всего помогает умерить неполезные аппетиты и в прямом, и в переносном смысле. И у ребенка особенно.

У малышей пост — это просто перемена питания, да, может быть, лишение какой-нибудь любимой вкусноты: мороженого или яичка, кто что любит. А для более старших деток пост — не только в постной еде, но и особенное время, когда не смотрят телевизор, чаще бывают в церкви, с особенным вниманием относятся к своим поступкам и мыслям, больше читают духовную литературу. Постом деткам к молитвенному правилу можно добавить несколько земных поклончиков перед сном. Быть может, с особенной покаянной молитвенной просьбой, своими словами. Святые отцы говорят, что пост без молитвы не полон. Вот и подумайте, обсудите вместе с сыном или дочерью, какую личную, собственную покаянную молитву-просьбу можно добавить им в пост. Понятно, что хочется попросить новую игрушку или сапоги, или ранец. Но пусть это будет просьба о духовной помощи. “Господи, помоги мне не драться в школе” или не сплетничать, не болтать на уроках. “Помоги, Господи, мне не огорчать маму, не обижать младшую сестру”.

Нужно ли заставлять?

Иногда дети, которые в раннем детстве любили ходить в храм, искренне молились и с удовольствием читали книжки о вере и о святых, в старшем возрасте охладевают к Церкви, к молитве, к духовной литературе. Как в таком случае поступить родителям? Настаивать на выполнении хотя бы внешних действий и проявлений церковной жизни или отпустить дитя “на волю”, боясь развития в нем ханжества и лицемерия?

Преподобный Амвросий Оптинский в одном из писем предлагает такое рассуждение: “Если не можем мы душевно, то по крайней мере телесно и видимо да держим себя благоприлично. Телесное и видимое благоприличие может приводить нас к благому устроению внутренних помыслов. Как Господь прежде создал из земли человека, а потом уже вдохнул в оное бессмертную душу, так и внешнее обучение и видимое благоприличие предшествует душевному благоустроению”.

Пока возможно, следует уговорами и просьбами поддерживать в детях хотя бы внешнюю церковность. И обязательно в своих родительских молитвах просить Господа, Его Пресвятую Матерь, угодников Божиих помочь сохранению в ребенке веры, не дать ему отой-

ти от Церкви. У некоторых детей такой период охлаждения к церковной жизни длится не очень долго. Через какое-то время юноша или девушка, словно пробудившись от какого-то сна, вновь возвращаются на прежнюю стезю, и теперь церковность их более осознанна, более самостоятельна. Хотя, конечно, для кого-то такой период может затянуться, кто-то отпадет и совсем. Но родительское сердце никогда не отчаивается, в этом его особенность. Родитель, любой родитель любого ребенка верит в возможность возвращения "блудного сына", и это Божие свойство: ждать с раскрытыми объятиями, с готовым на радость сердцем: "Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся" (Лк. 15, 24)...

Юности свойственно особенное желание свободы. Это желание свободы и самостоятельности нормально в молодых людях, и к нему нужно подходить с пониманием. Ведь любой человек должен раскрыть и проявить в жизни свои таланты, выразить свою уникальную личность, то, что вложил в него Господь. И юность ищет, торопится. Она вообще тороплива. Ну и пусть ищет, пусть торопится найти "свое". Ведь дело, которое нам по сердцу, "свое" дело мы изучаем и совершаем быстрее и лучше. Наиболее удачно и наиболее полно раскрывается в нас тот талант, который нам по нраву. Так что поиски своего пути — дело благое. Но все же проходить они должны под родительским надзором. Задача родителя не сковать по рукам и ногам, а уберечь, направить. В каждой семье эта задача решается по-своему.

Что касается церковной жизни, то я не сторонник того мнения, что родительская настойчивость в этом вопросе может вызвать в ребенке устойчивое негативное отношение к Церкви. Сейчас в Церковь возвращаются люди, церковный опыт которых прервался в детстве или юности, много лет назад. Вспоминают: "Ходил с бабушкой в церковь, причащался...", "Мать в детстве водила в храм...", "Знаю "Отче наш" и "Богородицу" — бабушка научила, когда я маленький был". Вспоминают с благодарностью к родным. И ни разу ни один верующий, ни один атеист, противник Церкви не сказал мне, что охота молиться и ходить на церковную службу у него пропала из-за того, что его водили в храм в детстве против его воли. Напротив, многие пожилые люди сожалеют, что их родители не были настойчивы в религиозном воспитании...

“Скажи мне, кто твой друг”

Родители отвечают за свое дитя перед Богом. И родительская обязанность — охранять ребенка от злых соблазнов. Поэтому все родители хотят, чтобы их дети дружили только с хорошими девочками и мальчиками. “С кем поведешься, от того и наберешься”,— учат они своих деток, побуждая их внимательно относиться к выбору приятелей. Раннее детство послушливо, оно легко следует родительским словам. Да и то сказать, куда ему и деться-то! Но подрастет дитя и все больше у него свободы не только в движениях, но и в симпатиях, и во мнении. И тогда родителям приходится объяснять своему сыну или дочери, почему им не следует проводить время в той или иной компании. И здесь для восприятия родительского слова очень важным является навык исповеди. Церковный ребенок отличается самоконтролем. Он привык испытывать свою совесть: “Хорошо это или плохо? Грех или нет?”. Верующий человек относится ко всему сознательно. Для него невозможно бездумное отношение к жизни. Православный ребенок умеет и готов обсуждать и осуждать свои поступки, и задача родителя лишь чуть показать, обнаружить ошибки, не всегда видимые ребенком, предупредить об опасности духовной болезни.

Родителю нужно чаще говорить с ребенком, интересоваться всем, что происходит в его жизни. И, конечно, его знакомствами и занятиями вне дома. Не осуждать его приятелей, но обсуждать поступки.

“Пошли с ребятами на пустырь, разожгли костер, напекли ворованной картошки, рассказывали грубые анекдоты — что доброго ты приобрел на этом «пикнике»? А сколько потерял? Любое свое занятие человек освящает молитвой. А ты молился перед тем, как полакомиться ворованной картошкой? Где, ты думаешь, был твой Ангел-хранитель, когда ты слушал грязные истории? Он отошел от тебя и плакал. Его отогнали грубые слова и смех”, — объясняет мама сыну неприглядную сторону его прогулки.

Или пытается открыть дочери глаза на ее поступок: “Мальчишки закидали снегом? Столкнули с горки? Да ведь вы сами хотели внимания. Громко смеялись, кривлялись перед ними, чтобы вызвать их интерес. Вот и “заинтересовали”. Ну и что ж, что нога теперь болит, это она твою совесть будит. Не прав медведь, что корову съел,

не права и корова, что в лес ходила. Так-то. Не кокетничай. А синяки тебе для памяти, чтобы подумала, о чем сказать на исповеди"...

Случается, что подросток и сам видит негативные стороны жизни какой-нибудь компании, но тем не менее не покидает ее. Ведь не всегда нам хочется совершать только правильные поступки... Святитель Григорий Богослов говорит: "Легче заимствовать порок, нежели передать добродетель, так как скорее заразишься болезнью, нежели сообщишь другому свое здоровье". Трудно остаться неповрежденным в безнравственном обществе. "Такова уж немощь человеческая, что добрый человек, вступив в общество злых, становится сам злым, между тем, как эти редко делаются добрыми" (святитель Иоанн Златоуст). Апостол Павел писал: "Не обманывайтесь: худые сообщества развращают добрые нравы" (1 Кор. 15, 33).

Бесцельные хождения по улицам — не лучшее провождение времени. Именно в это время, вдалеке от родительских глаз и завязываются неблагополучные знакомства, совершаются необдуманные поступки. Прежде были такие понятия: уличные мальчишки, дети улиц, беспризорники. Так называли детей, которые проводили все свое свободное время на улице без присмотра. Обычно родители предостерегали своих детей от сближения с вольным племенем Гаврошей и Геккельбери Финнов. Конечно, и из уличных мальчишек и девчонок со временем вырастали обычные и приличные взрослые люди, но именно эта среда давала и дает большинство изломанных судеб и человеческих трагедий.

Когда ребенок с раннего детства приучен трудиться, имеет свои обязанности, личную нагрузку, возрастающую год от года, то у него не так много бывает свободного времени для пустых гулянок. И труд делается его воспитателем.

"А как же детские игры, пребывание на свежем воздухе? — спросит кто-то.— Неужели запереть дитя в четырех стенах, лишить радости дружеского общения?". Ни в коем случае. Дитя должно и дышать, и играть, и дружить. Но...

Игры и гуляния должны быть строго регламентированы во времени и в пространстве. Чем дольше ребенок находится вне дома, тем менее он ощущает на себе его влияние. Чем дальше он от дома, от своего двора, от родных окон, тем более свободным (не в лучшем смысле этого слова) он себя чувствует. Это необходимо учитывать.

Родители всегда должны быть готовы ответить на вопросы: “Где ваш ребенок? Когда он придет?”. А ребенок всегда должен чувствовать и помнить границы. Временные и территориальные. Разумеется, с возрастом и время, проведенное вне дома, и дистанция до родного подъезда увеличиваются. Но границы эти расстояния все же имеют.

Что же касается общества, то родителям обязательно следует знать, с кем проводит время их сын или дочь. “Как зовут твоего приятеля? Сколько ему лет? Как он учится? Кто у него родители? Есть ли у него брат или сестра? С кем он дружит? Что читает? Кем он хочет стать?” — не стесняйтесь и не забывайте задавать эти вопросы своим детям. И делайте выводы. Надобно и познакомиться с друзьями своих детей. Такое знакомство может оказаться полезным и вам, и вашему ребенку, и его другу.

И еще. Бывает, что рядом с нашим ребенком оказывается явно порочный человек, а мы из какой-то ложной деликатности боимся проявить решительность, оградить свое дитя от контактов с ним. Вроде не хотим осуждать человека, ведь и наше чадо не безупречно, что уж других судить. Нам неудобно показать кому-то, что мы гнушаемся его обществом, сторонимся. Мы боимся обидеть. Но ведь гнушаемся мы не Мишей-сквернословом, не Валей-распутницей, а грехом. Оберегаем дитя от греха. Это ведь наша обязанность.

В жизни случаются такие ситуации, которые невозможно разрешить абсолютно “безгрешно”. Так, например, защищая слабого, можно ударить обидчика. Можно сильно ударить, и не один раз, если это необходимо. Иногда мы совершаем малый грех, дабы не совершить больший. Так что, если мы невольно и обидим кого-то тем, что удалим своего сына от его общества, сделать это тем не менее нужно. Пока дитя еще в вашей власти, всеми силами удерживайте его от опасных контактов. Объясняйте, предлагайте альтернативу, требуйте послушания, изобретайте всякие способы... “Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного”,— говорит Апостол (1 Тим. 5, 8).

Отношение к святыне

В воспитании очень большое значение имеет ежедневное соприкосновение со святыней. Нательный крестик, иконы, святая вода,

просфора, домашнее Евангелие — все это оказывает заметное влияние на любого человека, а тем более на детей.

Младенец, даже самый маленький, ни на минуту не может оставаться без крестика. Врачебный осмотр, купание, детский сад, урок физкультуры — не причина для того, чтобы снять с ребенка крест...

В доме у православного человека обязательно находятся святые иконы. В церковной семье даже младенцы чувствуют, что икона — это не просто картинка или деталь обстановки, как часы или ваза на серванте. Благоговейное отношение родителей к святому образу передается и ребенку. Входя в разум, дитя уже "понимает" икону. Она соединяет для него два мира: он смотрит на Боженьку, и Боженька смотрит на него, он видит Николая Угодника, и Святитель Николай видит малютку. Да и все святые и Богородица видят его из иконы. Всё видят. И хорошее, и плохое. И поэтому стыдно и страшно делать плохое. Особенно рядом с иконой.

Ребенку нужно обязательно рассказывать, кто изображен на иконе, что там нарисовано, что происходит. Рассказывать о жизни святых. Пусть дитя видит, как папа и мама молятся, "разговаривают" со святыми угодниками, пусть учится обращаться к святым со своими просьбами...

Особенное отношение должно воспитываться у ребенка к святому Евангелию, к книгам о Спасителе, о Его Пречистой Матери, о святых угодниках и прочим духовным книгам. Семейное Евангелие должно иметь в доме свое особенное место. Духовной литературе определяется своя полка или шкаф. Детские книги религиозного содержания тоже не могут стоять вперемежку со сказками и стишками.

После утренних молитв мы достаем заранее разрезанную просфору, и все домашние съедают по частичке, запивая ее крещенской водой. Не забывайте дать ложечку святой воды и крошку просфорки и вашему младенцу. С какого возраста? Для воды вообще не существует возраста, ее можно пить сразу же после крещения, а с размоченной крошкой просфоры младенец справится даже в два месяца.

Просфору и святую воду мы потребляем натощак, но для младенчика это правило соблюдается не так строго. Хотя лучше давать просфору и воду до кормления.

Святая просфора и крещенская вода — наше ежедневное малое причастие. Эта святыня укрепляет наши телесные силы, просветляет разум, укрепляет волю к добрым делам, защищает от дурных помыслов. Как отец, могу заметить, что для детей святая вода и просфора необходимы. Если родители, а это забота скорее матери, приучат своих деток после утренней молитвы непременно съедать частичку святого хлеба и запивать ее крещенской водой, то детки станут расти более крепкими, умными, послушными. В них будет меньше капризов и недовольства.

Перед соприкосновением со святыней мы совершаем крестное знамение. В просфоре и святой воде перед нами Сам Господь. Не забудьте напомнить это своим детям. Просфору не съедают между прочим, как и крещенскую воду не пьют на ходу, словно чашку чая, торопясь в школу. Святыню должно принимать достойно. Благоговейно...

Не только на себе, но теперь уже и на детях могу я видеть благотворное воздействие святыни. Случается, что по недосмотру матери или из торопливости кто-то из детишек позабудет на какое-то время о просфоре и святой воде и начинают происходить с ним какие-то странности. То отметку плохую получит, то на сестру или брата накричит, проявится в нем какое-то тупое упрямство. Но стоит вернуться к благодетельной привычке — и все налаживается, утихают капризы, переламывается болезнь, появляется усидчивость.

Наверное, большинство наших грехов происходит от безволия. “Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю” (Рим. 7, 19),— говорит о себе апостол Павел. Надо заметить, что безволие — характер нашего времени. Особенно оно привычно для современного подростка. Причин тому много и не все их мы в силах устранить. И потому, дорогие родители, если вы хотите укрепить волю ваших деток, чтобы они могли противостоять внешнему злу, не поддаваться греховным соблазнам, победить свои внутренние нравственные недуги (а они есть у всех), то не забывайте, никогда не забывайте о ежедневной частице просфоры и крещенской воде. И этой частичкой святого хлеба и глотком воды Господь также просветит и укрепит ваших детей.

Любящее сердце

...Родительская любовь всегда жертвенна. Должна быть такой. Это любовь, о которой Спаситель сказал: “Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих” (Ин. 15, 13). Но родительская любовь не должна быть любовью без памяти. Без памяти о Боге. Здоровье, образование, нравственное воспитание, достаток — все это добрые спутники на жизненном пути, и родители не зря отдают так много сил и средств для того, чтобы дитя имело их. Но здоровье может утратиться от случайности или недуга; образование — остаться невостребованным для жизни; да и нравственность часто претерпевает изменения в нашем обществе с условной моралью. О имуществе, что и говорить, дело известное — сегодня есть, а завтра нет.

Потери и страдания ждут на жизненном пути каждого человека. Но живущий в Боге не страдает бесплодно, его страдания не бессмысленны. Он знает, что от “скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает” (Рим. 5, 3—5), не обманывает. Верующий человек может сказать про себя словами апостола Павла: “Я благодушествую в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа...” (2 Кор. 12, 10). Верующий в Бога, действительно, не боится жизни, он всегда благодушествует. Теряя, он не впадает в уныние, приобретая — не привязывается сердцем. “Ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения” (Лк. 12, 15). Православного человека отличает удивительная внутренняя свобода, позволяющая ему жить **полной** жизнью, а не выживать. Господь каждому человеку вложил в душу дар любви, веры, милосердия, стремления к познанию, сострадания, благодарности... Верующий в Бога не прячет свои таланты, боясь оскудения, но напротив, он ищет, как развить и приумножить их. Апостол говорит: “Они среди великого испытания скорбями преизобилуют радостью” (2 Кор. 8, 2). Церковная жизнь, жизнь с Богом для нас — постоянный источник радости.

Воспитать ребенка в православной вере и трудно, и очень просто. Как истинное сокровище — вера бесценна, но это не сокровище внешнего мира, которое можно добыть, купить, заработать, надеть на себя или положить на полку. “Царство Божие внутрь вас есть” (Лк. 17, 21),— сказал Спаситель. И если есть это сокровище веры и

любви к Богу в родительском сердце, то дитя непременно увидит и пожелает его. А если нет...

Для того чтобы воцерковить ребенка, подарить ему счастье жизни в Церкви, родителям нужно самим жить жизнью Церкви, самим знать и исполнять то, к чему призывают своих детей. Невозможно научить ребенка любить Бога, если сам не любишь Его "всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всем разумением твоим" (Мф. 22, 37). Не научишь сына молиться, если сам молишься с ленью, бесчувственно.

Не полюбит дитя Божественную литургию, если ты стоишь на службе с холодным сердцем. Не поверит наше чадо Евангелию, если мы не исполняем заповедей Господних. Верующий родитель — апостол для ребенка. А апостолы привлекали людей не доказательствами, а своей искренней верой.

Верой, которая живет не страхом или надеждой, но живет любовью...

Священник Александр Ельчанинов писал: "Для воспитания детей — самое важное, чтобы они видели своих родителей, живущими большой внутренней жизнью". Ребенок не обязательно осознает и обдумывает происходящее перед ним. Но он ежедневно назидается, соприкасаясь с искренней верой. Для воцерковления детей нужны не рассуждения и правила, а практика церковной жизни, совершающаяся у них на глазах.

И это, пожалуй, самое большее, что могут сделать родители для воспитания православного сознания в своих детях.

Печатается по изданию: За советом к батюшке. Сборник (в сокращении).– М., 2004.

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 1500 экз. Заказ № 762

О Воскресении

св. Мефодия Патарского

О Воскресении
(Против Оригена)

ГЛАВА I[1)]

После того, как Создатель всего Бог прекрасно устроил вселенную, подобно великому городу, и украсил ее велением Своего слова; после того как соразмерно расположил в ней каждую стихию и наполнил все различными животными, дабы мир достиг совершенной красоты,— Он, сотворивши многоразличные виды природы: звезды на небе, пернатых в воздухе, четвероногих на земле и плавающих в воде, после всего ввел в мир человека, точное подобие собственного Его образа, предуготовив для него этот мир, как прекраснейшее жилище, и Своими руками образовав его, как бы прекрасное изваяние в великолепном храме. Он знал, что соделанное Его рукою по необходимости будет бессмертно, как произведение бессмертия; ибо от бессмертия бессмертное бывает бессмертным, так же как и от злобы злое бывает злым, от неправды неправедное — неправедным. Неправедное не есть произведение правды, но неправды: равно как соделать тленным свойственно не нетлению, а тлению, и обессмертить не есть дело тления, а нетления,— и кратко сказать: каково производящее, таковым (обыкновенно) по необходимости бывает и происходящее от него. Бог есть и бессмертие, и жизнь, и нетление, а человек — произведение Божие; и так как произведенное бессмертием — бессмертно,

[1)]Текст сочинения св. Мефодия Патарского «О Воскресении» печатается в сокращении, поэтому номера глав не соответствуют полному изданию.– *Ред.*

то человек бессмертен. Поэтому-то Бог Сам произвел человека, а прочие роды животных повелел произвести воздуху, земле и воде. Человеком в самом истинном смысле относительно природы называется не душа без тела и не тело без души, но то, что составилось в один прекрасный образ из соединения души и тела. Отсюда открывается, что человек создан бессмертным и непричастным никакому тлению и болезням. В этом достаточно можно убедиться и из Писания; ибо о других тварях, которые в продолжение времени изменяются, возрастая и состареваясь, говорится: *да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной*. И еще: *да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их* (Быт. 1, 20—24). О человеке же не так говорится, как о тех: д*а произведет земля, или да произведет вода, или: да будут светила;* но говорится: *сотворим человека по образу Нашему* (и) *по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными (и над зверями), и над скотом* (ст. 26). *И создал Господь Бог человека из праха земного* (Быт. 2, 7).

ГЛАВА II

А чтобы вы лучше уразумели отличие человека, как он во всем различается от других тварей, и, будучи бессмертным, оказывается поставленным на втором месте после Ангелов,—и это мы изложим также в истинном и православном смысле. Прочим животным дано жить посредством воздушного одушевления, а человеку — от самой бессмертной и отличной сущности, *и вдунул Бог в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою* (Быт. 2, 7). Тем повелено служить и быть в подчинении: этому начальствовать и владычествовать; тем даны различные виды и формы естества, какие по повелению Божию породила грубая и видимая природа: этому нечто боговидное

и богоподобное, во всем соответствующее первообразному и единородному образу Отца: *и сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его* (Быт. 1, 27); посему и позаботился об утверждении в нем Своего образа, дабы он не был удободоступен для тления…

Но, может быть, не остановившись внимательно на сказанном теперь, вы скажете: если, по вашему мнению, это живое существо было бессмертно от рождения, то каким образом оно соделалось смертным, когда бессмертное непременно должно быть тем, что оно есть, не ниспадая и не переходя в худшее и смертное естество? Это невозможно, иначе оно не бессмертно. На это скажу: на свободу в избрании добра, данную человеку и получившую такой закон, восстала с злорадством ненавистница добра — зависть. Бог сотворил человека для нетления и сделал его образом собственной вечности: *Бог не сотворил смерти, и не радуется погибели живущих: но завистию диавола вошла в мир смерть, как свидетельствует и премудрость Соломона* (Прем. 1, 13. 2, 24). „Но опять необходимо спросить: откуда же смерть, если Бог смерти не сотворил? Если от зависти; то каким образом зависть могла быть сильнее изволения Божия? Это мы назовем оскорбительным для Бога». Противник спрашивает: откуда зависть? Если от диавола; то для чего получил бытие диавол? А если получил бытие, значит сотворивший его есть виновник существования зла? Но Бог решительно не есть виновник зла ни в каком отношении; следовательно, диавол не получил бытия, а если не получил, то и не подлежит страданиям и погибели и не имеет ни в чем нужды: это по необходимости должно быть с неполучившим бытия, а между тем он подвергается уничижению и мучениям. Но то, что подвергается мучениям, изменяется и страждет,— ибо нерожденное не подвергается страданию,— следовательно, и диавол не есть не получивший бытия, а получивший. Если же он получил бытие и если то, что получило бытие, произошло от какого-либо начала

и существует творец его, то, значит, есть какой-либо творец и диавола. И так получил ли он бытие, или не получил? Должно думать, что имеющее незаимствованное бытие есть только одно, именно Бог, ибо вообще, кроме Его, решительно не может быть другого творца. *Я первый, и Я последний,* говорит Господь, *и кроме Меня нет Бога* (Ис. 44, 6). Без Его воли ничто не может быть переделано или сотворено, ибо и Сын исповедует, что Он *не может творить Сам от Себя, если не увидит Отца творящего. Ибо что творит Он, то и Сын творит также* (Ин. 5, 19). Нет ничего враждебного, или неприязненного, или сопротивляющегося Богу; потому что если бы что-нибудь воспротивилось Богу, то перестало бы существовать, так как бытие его было бы уничтожено могуществом и силою Божиею; только одному создавшему возможно уничтожить и бессмертное.

ГЛАВА III

И так, вы скажете, что такое диавол? Дух обращающийся около вещества, как сказано и у Афинагора[1)], получивший бытие от Бога, так же, как и прочие Ангелы получили от Него бытие, и им вверено было управление веществом и видами вещества. Таково было назначение Ангелов,— быть с Богом при Его промышлении о тварях, Им благоустроенных, так чтобы всеобщее и главное попечение о всем имел Бог, сам обладая господством и властию над всем и все, как корабль, неуклонно направляя правилом мудрости, а отчасти смотрели бы за тем приставленные к сему Ангелы. Прочие Ангелы пребыли в том состоянии, в каком Бог сотворил их и распределил; а этот возгордился и в управлении вверенным ему сделался лукавым, очреватев завистию против нас. Ибо и им, так же, как и людям, Бог определил иметь свободное желание того или

[1)] Афинагор—христианский писатель II века, оставивший дошедшие до нас *Апологию* и *Слово о воскресении мертвых.*

другого, чтобы — или, повинуясь Его слову, пребывали вместе с Ним и наслаждались блаженством,— или же, если не будут повиноваться, подверглись осуждению. Был и диавол звездою утреннею: *как упал ты с неба, денница, сын зари?* (Ис. 14, 12). Он вместе с Ангелами сиял светом, был звездою утреннею, но ниспал и низвержен на землю, и направил человека в противную сторону. Ибо Бог гневается на гордых и надменным умышлениям поставляет преграду. Приходит мне на мысль сказать об этом и стихами:

Змей! Ты начало всех зол для людей и конец,
Ты — обольщенье слепаго, которое ношу тяжелую зла
порождает,
Вождь к безрассудству,— ты радость находишь
В слезах житейских, в стенаниях смертных;
Единокровных к обиде преступной
Братоубийственно руки ты поднял;
Каина ты убедил обагрить кровяными струями
Землю впервые; и праотца ты обольстил,
Так что он с жизни нетленной на землю ниспал.

ГЛАВА IV

Таков диавол. Смерть же введена для наказания, подобно тому, как детям, начинающим учиться грамоте, дают удары для исправления. Смерть же есть не что иное, как разлучение и отделение души от тела.— Вы скажете: что ж? значит, виновник смерти Бог? — Опять встречаем мы ту же речь. Да не будет этого, потому что и учители не главные виновники того, что дети испытывают боль от ударов. И так хорошее дело — смерть, если введена, подобно ударам, для наказания детей, не греховная смерть, мужи премудрые, но смерть, состоящая в разъединении и отлучении души от тела. Ибо человек, будучи свободным и самовластным, и получив самовладычествующую

волю и свободное произволение для избрания добра, как сказал я, когда услышал: *от всякаго дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла, не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь* (Быт. 2, 16, 17), сам склонившись ко вкушению, при помощи диавола, убеждавшего к преслушанию разного рода обольстительною хитростию, нарушил заповедь Божию; и это сделалось для него соблазном, сетию и преткновением. Ибо Бог не сотворил зла, и вообще никаким образом не есть виновник зла. Но все, что Им сотворено свободным для сохранения и соблюдения закона, Им праведно поставленного, если не соблюло его, называется злом. А самый тяжкий вред — преслушать Бога, преступив самопроизвольно пределы правды. Посему, когда человек, отступив от указания Божия, запятнал себя и осквернил, и отпечатлел на себе скверны многоразличного зла, которые породил князь и отец прелести, *зачав неправду,* по Писанию (Пс. 7, 15), дабы иметь возможность постоянно увлекать и побуждать человека к неправде: тогда Вседержитель Бог, увидев, что человек, сотворенный бессмертным, до унижения потерпел озлобление от коварства диавола, не позволил ему вкусить от древа жизни, но облек его и жену его Еву в кожаные одежды, и изгнал их из рая, определив им смерть и сказав: *ибо прах ты, и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19), дабы воскресением избавить от унижения, как свойственно наилучшему художнику, и опять восстановить их в собственном их теле без унижения.

ГЛАВА V

Уже прежде рассмотрено было сомнение и доказано, что кожаные одежды не суть тела. Тем не менее и опять будем говорить (так как не раз надлежит сказать об этом). Ибо еще прежде устроения этих одежд первозданный признает, что имеет кости и плоть, когда, увидев приведенную к нему жену,

восклицает: *вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою: ибо взята от мужа своего. Поэтому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть* (Быт. 2, 23. 24). Я не могу потерпеть некоторых празднословящих и бесстыдно насилующих Писание, которые, чтобы провести мнение, будто нет воскресения плоти, предполагают и кости духовные и плоть духовную, и с иносказаниями бросаются туда и сюда, вверх и вниз. А что это надобно принимать так, как написано, подтверждает Писание. Христос фарисеям, спрашивавшим об отпущении жены, отвечает: разве не знаете, что *Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и т. д.* (Мф. 19, 4-5). Далее, как можно принимать только в рассуждении душ слова: *плодитесь и размножайтесь и наполняйте землю?* (Быт. 1, 28). И еще: *и создал Господь Бог человека из праха земного* (2, 7), что, очевидно, сказано собственно о теле; ибо не от персти и не из тяжелого вещества душа получила существо. Таким образом, из всего этого по всей справедливости следует, что человек сотворен с телом прежде кожаных одежд, потому что обо всем этом сказано прежде его падения, а о том, что касается одежд, после падения. Поэтому приступим опять к рассмотрению того, что пред нами, достаточно доказав, что кожаные одежды не суть тела, но смертная принадлежность, приготовленная для разумного. Теперь остается рассмотреть, от чего человек выселяется из пределов рая. Бог не потому изгнал его, будто не хотел, чтобы он срывал от древа жизни и вкушал (ибо опять вкусивши от древа жизни он мог бы жить вовеки), но чтобы, как мы предположили, зло не сделалось бессмертным. В противном случае для чего и Христа Он послал с неба на землю, если решительно хотел, чтобы человек умер окончательно, не вкушая жизни? Если пререкающий скажет, будто Бог сделал это вследствие раскаяния, то рассуждение это

слабо, так как допускает в Боге изменения мысли. Нет, Бог не есть не ведающий будущего и не есть творец зла, но в высшей степени благ и знает наперед будущее. Таким образом, Он изгнал человека из рая не для того, чтобы он не жил вовеки, вкушая от древа жизни, но чтобы смертию прежде всего умерщвлен был грех, дабы таким образом по истреблении греха, востав чистым после смерти, человек вкушал жизнь.

...Итак, чтобы человек не был бессмертным, как я сказал, злом, или вечно живущим, заключая в себе преобладающий как бы прозябший в бессмертном теле и имеющий бессмертное питание, грех,— для сего Бог сделал его смертным, облекши мертвенностию. Такую цель и имели кожаные одежды, дабы чрез разрушение и распадение тела грех весь до основания погиб, как бы вырванный с корнем, дабы не осталось ни малейшей части корня, от которой опять пошли бы новые отрасли грехов.

ГЛАВА VI

Подобно тому, как дикая смоковница, выросши на здании прекрасного храма, разросшаяся в ширину и в высоту и распространившаяся своими многоветвистыми корнями по всем связям камней, не прежде перестает произрастать, пока совсем не оторвется вследствие распадения камней на местах, на которых она росла (ибо по отторжении смоковницы камни могут опять быть сложены на своих местах, дабы храм сохранился, не имея уже при себе ничего из разрушающих его неблагоприятных условий, а между тем смоковница, отвалившаяся вся с корнем, засыхает); таким же образом и художник Бог разрушил храм свой — человека, произрастившего грех, наподобие дикой смоковницы, умерщвляя временными приражениями смерти, как написано, и оживотворяя, дабы по иссушении и умерщвлении греха плоть с теми же членами, подобно возобновленному храму,

востала бессмертною и неповрежденною, после совершенного и окончательного уничтожения греха. Ибо пока еще живет тело до смерти, необходимо живет с ним вместе и грех, который скрывает внутри нас свои корни, хотя бы отвне и подвергался ударам со стороны здравых мыслей и внушений; иначе после крещения, по совершенном отъятии от нас греха, не случалось бы никакой неправды. А теперь и после того, как мы уверовали и пришли к воде крещения, часто обретаемся во грехах. Ибо никто не может похвалиться, чтобы до такой степени был вне греха, чтобы даже и не помышлять вовсе о неправде. Из сего следует, что теперь грех сдерживается и усыпляется верою, чтобы не принести пагубных плодов, а не истреблен до корня. Теперь в этой жизни мы сдерживаем его прозябения, каковы лукавые вожделения, дабы не беспокоил нас *какой горький корень и, возникнув, не причинил вреда* (Евр. 12, 15), и не позволяем себе открывать глаза и раскрывать сжатые уста к этим прозябениям, между тем как разум, подобно секире, посекает родившиеся внизу горькие корни. В будущем же уничтожится и самое помышление о зле.

ГЛАВА VII

Желающие искренно говорить истину не имеют недостатка и в свидетельствующем слове Писаний; так Апостол знал, что корень греха еще не всецело уничтожен в людях, когда говорит в одном месте: *ибо знаю, что не живет во мне, то есть, во плоти моей, доброе: потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Добра, которого хочу, не делаю, а зло, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. И еще: ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием: но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня*

(совершенным) пленником закона греховного, находящимся в членах моих (Рим. 7, 18—20, 22—23).

Ибо совершенно не в нашей воле находится иметь или не иметь помысл о чем-нибудь непригодном, но следовать или не следовать помыслам зависит от нас. Мы не можем воспретить, чтобы отвне наносимые для нашего искушения помыслы не входили в нас; но не повиноваться, или не следовать им можем. Иначе, каким образом Апостол зло, которое ему не нравилось, делал гораздо более, а добро менее, если бы он не говорил здесь о посторонних помыслах, которые к нам приходят иногда против нашей воли и неизвестно по какой причине? Впрочем, эти помыслы надобно уничтожать и обуздывать, дабы, расширяясь за пределы, они не овладели душею, а при занятии ими добро возникнуть в нас не может. Посему справедливо сказал Апостол: *ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю.* Мы хотим, чтобы и не мыслить о неподобающем и беззаконном, потому что совершенное добро состоит в том, чтобы удерживаться не только от совершения зла, но даже и от помышления о нем: но вот добро, которого хотим, не делается, а делается зло, которого не желаем. Ибо часто против нашей воли приходят нам на сердце бесчисленные помыслы о бесчисленных предметах, наполняющих нас заботою и неразумными хлопотами. Посему желать не помышлять о таких предметах состоит в нашей воле, а сделать так, чтобы уничтожить эти помыслы, так чтобы они опять не пришли нам на ум, нельзя; потому что, как я сказал, это не в нашей власти, а в нашей власти только следовать им или не следовать. Посему смысл этого изречения: *что хочу доброе, то не творю,* следующий: хочу даже и не помышлять о том, что вредит мне, — ибо то добро безукоризненно, которое, как говорится, „сделано безукоризненно и совершенно и по рукам, и по уму[1)],—*но не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю; не хочу мыслить,—и мыслю, о чем не хочу. И посмотрите, не*

поэтому ли самому и Давид, болезнуя о том, что помышляет о том, о чем сам не хотел бы, просил Бога: от тайных моих очисти меня, и от помышлений удержи раба Твоего, чтобы не возобладали мною; тогда я буду непорочен и чист от великаго развращения (Пс. 18, 13, 14); и сам Апостол в другом месте говорит: *ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2Кор.10, 5).

Таким образом, человек воскреснет, уже не имея вновь проникающего в него горького корня. Посему-то для искоренения и уничтожения греха истинный Заступник и Врач наш Бог подобно противоядию попустил смерть, дабы зло, возникнув в нас, как бессмертных, не было вечно бессмертным, а сами мы изувеченные и, подобно больным, лишенные собственной силы, не остались надолго в таком состоянии, питая в постоянно пребывающих и бессмертных телах великую болезнь греха. Посему прекрасно то, что для спасения того и другого, и души и тела, Бог изобрел смерть, как бы врачебное очищение, дабы мы сделались поистине непорочными и невредимыми.

ГЛАВА VIII

Бог устроил, чтобы тварь существовала и продолжала бытие, как утверждает это и Премудрость: ибо *Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда* (Прем. 1, 14). И Павел ясно свидетельствует, говоря: *ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих: потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих* (Рим. 8, 19-21). Тварь покорилась (говорит он) суете, но он ожидает, что тварь освободится от такого рабства, желая так называть настоящий мир.—Ибо работает тлению не невидимое, но это видимое.

Посему тварь продолжает бытие, когда обновляется в лучший и благолепнейший вид, веселясь и радуясь о воскресении с чадами Божиими, за которых *тварь совокупно стенает и мучится доныне* (ст. 22), ожидая и сама избавления нашего от тления тела, дабы, когда мы востанем и стряхнем с себя мертвенность плоти, как написано: *отряси с себя прах; встань, пленный Иерусалим* (Ис. 52, 2), и когда избавимся от греха, избавиться и ей от тления и работать уже не суете, а правде. Ибо *знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего* (Рим. 8, 22 — 23). И Исаия говорит: *ибо как новое небо и новая земля, которые Я сотворю, всегда будут пред лицем Моим, говорит Господь, так будет и семя ваше и имя ваше* (Ис. 66, 22). И еще: *ибо так говорит Господь, сотворивший небеса, Он Бог, образовавший землю и создавший ее; он утвердил ее; не напрасно сотворил ее; Он образовал ее для жительства* (45, 18). Поистине не тщетно и напрасно, не для погибели, создал Бог вселенную, как думают суемудрые, но для того, чтобы она существовала, была обитаема и продолжала бытие. Посему и земля, и небо необходимо опять будут существовать после сожжения и воспламенения всего. Почему же это необходимо, слово о том было бы длиннее сказаннаго. Ибо вселенная, разрушившись, преобразится не в бесформенное вещество и не в такое состояние, в каком была прежде устроения, и не подвергнется совершенному уничтожению и тлению.

ГЛАВА IX

Но если вселенная не уничтожится, скажут противники, то почему же Господь сказал, что *небо и земля прейдут* (Мф. 24, 35); и пророк: *ибо небеса исчезнут, как дым, и земля обветшает, как одежда?* (Ис. 51, 6). Это потому, скажем мы,

что в Писаниях обыкновенно перемена мира из настоящего состояния в лучшее и славнейшее называется уничтожением, так как прежняя форма с изменением всего в лучший вид пропадает; в Божественных словах нет никакого противоречия и несообразности. *Ибо проходит образ мира сего* (1Кор. 7, 31), а не мир, сказано в Писании. Таким образом, в Писаниях обыкновенно называется уничтожением обращение прежней формы в лучший и благообразнейший вид, подобно тому, как если бы кто назвал уничтожением изменение младенческого вида в вид мужа совершенного, когда возраст младенца изменяется в величине и красоте. *Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое* (1 Кор. 13, 11). Посему надобно ожидать, что тварь будет страдать, как бы обреченная на смерть во время горения, но для того, чтобы быть воссозданной, а не погибнуть, дабы мы обновленные жили в обновленном мире, не испытывая печали, по словам сто третьего псалма: *пошлешь дух Твой — созидаются, и Ты обновляешь лице земли* (ст. 30), так как Бог даст благосостояние окружающему (нас). А если земля будет существовать и после настоящего века, то по всей необходимости будут и обитатели, которые не будут умирать, ни жениться, ни родиться, но, подобно Ангелам, неизменно в нетлении будут наслаждаться блаженством. Посему безрассудно говорить, какую жизнь в то время будут проводить тела, когда не будет ни воздуха, ни земли и ничего другого.

ГЛАВА X.

Кроме сказанного, достойно рассмотрения и то, в какое великое заблуждение можно впасть, давая себе свободу рассуждать о таких предметах. Ибо сказав, что Господь, когда искушали Его Саддукеи, объяснил, что имеющие достигнуть того

воскресения будут в то время, *как Ангелы* (Лк. 20, 35; Мк. 12, 25), ты присовокупил: „но Ангелы, как бесплотные, поэтому и пребывают на высоте блаженства и славы; следовательно, и нам, имеющим сравняться с Ангелами, необходимо нужно, подобно им, быть обнаженными от тел». Не приметил ты, любезнейший, что создавший и устроивший вселенную из ничего, естество бессмертных уделил не одним Ангелам и служебным духам, но и Началам, Престолам и Властям. Ибо иной род Ангелов, иной Властей, потому что не один чин, не один сонм, поколение и племя бессмертных, но существуют (несколько) родов, чинов и разрядов. Ни Херувимы, выступая из своего естества, не пременяются в образ Ангелов, равно как и Ангелы в образ других. Ибо они должны быть что есть, и какими произошли. И человек, поставленный жить в мире и владычествовать над всем, что есть в нем, по первоначальному распоряжению будучи бессмертен, никогда из человеческого состояния не изменится в образ Ангелов, или других существ, потому что и Ангелы не выходят из первоначального вида и не изменяются в образ других существ. И Христос пришел проповедать не превращение или пременение человеческого естества в иной образ, но возвращение его в то состояние, в каком человек был сначала до падения, когда был бессмертен. Посему каждому из сотворенных существ должно оставаться в усвоенном ему образе состояния, дабы все было наполнено всем, небеса — Ангелами, Престолами, Властями, светы—служебными духами, Божественные места и ясные светы — Серафимами, предстоящими великому Совету, правящему вселенною, а мир — людьми. Если же допустим, что люди изменяются в Ангелов, то вместе должны допустить, что и Ангелы переменяются во Власти, а Власти, еще, в иной и иной вид, доколе слово, восходя выше и выше, не подвергнется опасности.

ГЛАВА XI

И этого нельзя допустить, будто Бог, создав человека худым или сделав ошибку при его устроеннии, вздумал сделать его впоследствии Ангелом, раскаявшись, подобно самым плохим художникам; или будто сначала Он хотел сотворить Ангела, но, не имея сил для этого, создал человека. Это слабо. Почему же Он сотворил человека, а не Ангела, если хотел, чтобы человек был Ангелом, а не человеком? Потому ли, что не мог? Это богохульно. Или отложил лучшее до будущего и сделал худшее? Это нелепо. Он не ошибается в творении прекрасного, не откладывает, не чувствует бессилия, но, как хочет и когда хочет, имеет возможность сделать, так как Он есть сила. Посему желая, чтобы был человек, Он вначале и сотворил человека. Если же Он, когда чего желает, то желает прекрасного, прекрасное же есть человек, а человеком называется существо, составленное из души и тела, то, следовательно, человек не будет существовать без тела, а с телом, дабы кроме человека не появился другой человек. Ибо Богу должно сохранять все бессмертные роды; а человек бессмертен. Ибо *Бог создал человека,* говорит Премудрость, *для нетления, и соделал его образом вечного бытия Своего* (Прем. 2, 23). Следовательно, тело не уничтожится, потому что человек состоит из души и тела.

ГЛАВА XII

Посему, заметь, как Господь этому самому хочет научить, когда Саддукеи не веровали в воскресение плоти. Ибо таково учение Саддукеев. Они, приготовивши притчу о жене и семи братьях, дабы отвергнуть учение о воскресении тела, приступили к Нему, как говорит Евангелист: *приступили к Нему Саддукеи, которые говорят, что нет воскресения* (Мф. 22, 23). Если бы не было воскресения тела, но сохранилась бы

одна душа, то Христос согласился бы с ними, как с мыслящими хорошо и правильно. Между тем Он отвечает: *в воскресении ни женятся, ни выходят замуж; но пребывают как Ангелы Божии на небесах* (ст. 30); не то, что люди не будут тогда иметь тела, но не женятся и не вступают в замужество, а пребывают в нетлении, приближаясь, говорит Он, к Ангелам в том, что, как Ангелы на небе, так и мы в раю будем заниматься уже не браками и пиршествами, но созерцанием Бога и устроением своей жизни под управлением Христа.

Итак, не это тело он называет смертию, но в теле посредством похоти поселившийся грех, от которого Бог избавил человека пришествием Христовым. *Потому что закон духа жизни во Христе Иисусе освободил нас от закона греха и смерти* (Рим. 8, 2), чтобы *Воскресивший Христа из мертвых оживил и наши смертные тела Духом Своим, живущим в нас* (ст. 11), по осуждении греха, находящегося в теле, на истребление, дабы явилось в прежней силе требование закона естественного, согласно с заповедью влекущего нас к добру,— требование, которое, по причине возобладания греха над плотию прежде пришествия Христова сделавшись бессильным, было подавляемо земными заботами. Ибо *немощь* добра, в нас естественного, ослабленного преобладанием находящейся в теле похоти, Бог укрепил, *послав Сына Своего,* восприявшего плоть *подобную плоти греховной* (ибо что явилось, то было истиною, а не призраком), дабы по осуждении греха на истребление, так чтобы он не приносил уже более плодов во плоти, *оправдание закона* естественного исполнилось и приумножилось послушанием в тех, которые ходят *не по плотской похоти*, но по желанию и наставлению духа (Рим. 8, 3, 4). *Ибо закон духа жизни*, т. е. Евангелие, будучи отличным от вышесказанных законов, посредством проповеди предложенный к повиновению и для прощения грехов, *освободил* нас *от закона греха и смерти* (ст. 2), совершенно победив грех, царствующий во плоти.

МОЛИТВА СВ. МЕФОДИЯ

(из сочинения «О воскресении»)

Поэтому благословляют Тебя (смиренные) люди, ибо Ты послал с неба Помощника [Евр. 13, 6] для каждой смиренной души — научающее нас истине Слово Твое, Которое, будучи непричастным страданиям, восприняло по Твоей воле это подверженное многим страданиям тело, чтобы страданием без страданий избавить (его) от страданий, ради страданий сделавшись страданием для страданий, и чтобы угасить смерть умерщвлением Бессмертного [1 Кор. 15, 53], сделавшись смертию для смерти. Таким образом, ради Твоего милосердия, смертное изменилось в бессмертное и подверженное страданиям в то, что не подвержено страданиям. Ибо решительно никто не воспротивился Твоему повелению [Рим. 9, 19]. Ты сотворил существующее из несуществующего и ничто из него не лишено Твоего искусства и украшения. Ибо нет Бога, кроме Тебя [Ис. 44, 6], Владыки жизни и смерти, но Ты Господь и Владыка всего.

Твои творения ангелы и архангелы и все силы и все духи; Твое мироздание и все звезды и все, над чем сияет свет, и каждый день, и каждая ночь, и время, и всякие высоты, и (всякие) глубины.

Ты содержишь все Пресвятою Твоею Премудростию, Которая прежде всех веков воссияла из Тебя.

Тебе, Господи, чрез Твоего Архиерея и Единородного Сына Иисуса Христа, Господа и Спасителя нашего, Которым Ты ввел человека в нетление, я приношу дар благохваления — сердечный

плод уст (Евр. 13, 15), ибо Ты радуешься, оправдывая тех, которые возжелали почитать Его, прославляемого мысленными приношениями, словесными жертвами [Рим. 12, 1] и духовными дарами.

И я молюсь и преклоняюсь, чтобы Ты очистил мои грехи и не вменил мне грехов [Пс. 50, 4], ибо хорошо открывать Тебе грехи, так как Ты многомилостив, и долготерпелив, и благ, и щедр, и наше зло печалит Тебя. Поэтому я молюсь,— ибо все мои грехи открыты для Тебя [Пс. 31, 5],— помилуй и избавь меня, Господи, от грядущего гнева [1 Сол. 1,10] и от неугасающего огня [Мк. 9, 44], которому Ты предашь тех, которые не познали Тебя и не сохранили Твоих заповедей, когда будешь праведно судить мир. Тебе, Господи, я приношу исповедание, пою и прославляю Твое пресвятое и многославное имя, умоляя Тебя чрез Твоего Утешителя Духа, Совершителя душ наших, и чрез Иисуса Христа, возлюбленного Сына Твоего, чтобы мне не вменены были грехи. А если Ты соизволишь оправдать, то кто будет судить (Рим. 8, 34), или кто скажет Тебе: что это Ты сделал?

Итак, Господи, не погуби меня с нечестивыми, но облагодетельствуй, отпусти мне весь долг. Будь благ, Господи, утверди, облагодетельствуй, восприими и избавь нас от нынешней суеты. Сам направь наши мысли, чтобы нам не соблазняться ради Тебя (Мф. 11, 6). Ведь человек гораздо более склонен увлекаться дурным, ибо многие воюют [Еф. 6, 12] против него и постоянно склоняют к злу.

Поэтому, о Господи, будь для нас твердою стеною (Пс. 30, 3) и отгонителем безумных помыслов, чтобы погубить изобретателя зла, чтобы иссушить плотскую брань. А если Ты не сохранишь нас, то мы напрасно бодрствуем и напрасно трудимся (Пс. 126, 1). Отсеки скверны наши, молимся (Тебе), и будь нам Помощник и Заступник и Врач, о Великий Податель и Великий Благодетель, чтобы мы были в силах, здравствуя верою, творить

Твои заповеди. Ибо болящего не делает (лучшим) болезнь и он не имеет силы для дел, (но) нетерпелив и склонен к дурным мыслям.

Исцели же нас, Господи, исцели, уврачевав недуги наших сердец, чтобы нам, имеющим просвещенные очи (Еф. 1, 18), уже нельзя было уснуть в смерть. Ибо Твоя слава и держава во Христе Иисусе Духом Святым от вечности и теперь и в будущие века. Аминь[1].

Печатается по изданию: Библиотека отцов и учителей Церкви. Св. Мефодий Патарский

---

[1]В переводе епископа Михаила (Чуба).

Священномученик Мефодий, епископ Патарский (Ликийская область в Малой Азии), отличался подлинным иноческим смирением. Тихо и кротко он поучал свою паству, но вместе с тем твердо отстаивал чистоту Православия и энергично боролся с ересями, особенно с получившей широкое распространение ересью оригенистов. После него осталось богатое литературное наследие: сочинения в защиту христианства против язычества, изложение православных догматов против ереси Оригена, нравственные поучения, толкования Священного Писания.

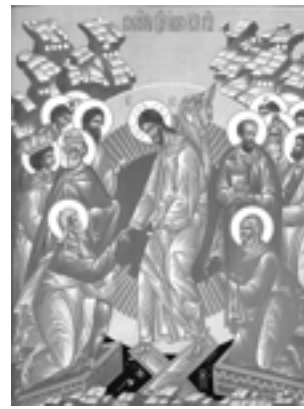
Святитель Мефодий был схвачен язычниками, с твердостью исповедал перед ними веру во Христа Спасителя и в 312 году был приговорен к смерти через усекновение главы. Память его совершается 20 июня.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2008 год
Издание 2-е

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 571

Что есть таинство Воскресения Христова?



«Воскреснув со Христом, и ты сделался новой тварью, созданной на дела благие. Да обновится у тебя вся жизнь, да обновятся все пути твоей деятельности: так обновляется духом человек, так чествуется день духовного обновления».

Святитель Григорий Богослов

Дорогие отцы, братие, благотворители и почитатели, паломники Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря! Сердечно поздравляем вас с радостию Воскресения Христова — радостию, превосходящей всякую другую радость, главной и основной в жизни христианина. Нынешний день есть день особенного веселия, особой радости: Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный! (Пс. 117,2). Нет у нас праздника веселее и радостнее Пасхи. Пусть воскресший Христос поддержит и обновит силы ваши, чтобы вы могли всегда стоять твердо и непоколебимо на том Камне, Который есть Христос! Да хранит вас милосердный Господь и Своею благодатною помощию да содействует в Ваших дальнейших попечениях и добрых делах о святой Церкви.

Духовный собор Свято-Успенского
Псково-Печерского монастыря

Что есть таинство Воскресения Христова?

Братие мои возлюбленные! Пришла Пасха, радостный день Воскресения Христова, вина всякого радования, посещающая нас однажды в год, а для тех, которые понимают таинство Воскресения, бывающая каждодневно и даже непрерывно,— пришла и исполнила сердца наши всяким веселием и неизъяснимым утешением не тем только, что прекратила труд всечестного поста, но паче тем, что явила души наши усовершившимися тем трудом, и призвала всех верных к упокоению и благодарению, как видите. Итак, возблагодарим, братие, Христа Господа, сподобившего нас преплыть море поста и введшего нас с радостию в пристань Воскресения,— возблагодарим все, и те, которые совершили течение поста добре, в подвигах добродетелей, с усердием и теплым расположением, и те, которые обличились не так мужественными и малодушествовали в подвигах, по причине слабосердия и растления душевного. Ибо Он дает и усердным подвижникам венцы и награды, даже гораздо большие, нежели как им следует; Он же опять и к немощнейшим являет снисхождение, яко милостивый и человеколюбивый, потому что смотрит паче на расположение и произволение наших душ, нежели на телесные труды, с какими упражняемся и подвизаемся мы в добродетели, или больше по большей ревности, или меньше сравнительно с усердными по причине немощи тела,— и таким образом по усердию каждого

раздает награды и дары Святого Духа, и или делает кого за усердные подвиги знаменитым и славным, или оставляет еще в уничижении, как такого, которому для совершенного очищения потребны еще большие подвиги.

Но, если считаете то благословным, пообдумаем и поисследуем точнее, в чем таинство Воскресения Христа, Бога нашего, каковое таинственно бывает и в нас, если восхощем, и как погребается Христос внутрь нас, как во гробе, как соединяется с душами нашими, воскресает в нас и вместе с Собою воскрешает и нас. Христос, Бог наш, после того, как повешен был на Кресте и пригвоздил на нем грех всего мира, умер, сошел в преисподняя ада; потом, поднявшись из ада, опять вошел в пренепорочное тело Свое, и тотчас воскрес из мертвых; и затем, наконец, вознесся на небеса с силою и славою многою. Таким же образом и теперь, когда мы, оставляя мир сей и мирские суетности, при исповедании страстей Христа Господа, входим во гроб покаяния и смирения, Он Сам сходит с небес, входит в тело наше, как во гроб, соединяется с душами нашими и воскрешает их, мертвых сущих по грехам, и, воскресив, дает благодать видеть славу сего таинственного Воскресения.

Так Воскресение Христово бывает воскрешением и нас, падших в грех и мертвых. Воскресение и слава Христова есть, как сказали мы, собственное наше воскресение, которое бывает, проявляется и видится в нас посредством Воскресения Его, в нас Им совершаемого. Воскресение же души есть единение ее с жизнию (вкушение жизни). Ибо как тело мертвое, если не примет внутрь себя живой души и не сольется с нею неслиянно, не мо-

жет жить одно, само собою, так и душа не может жить истинною и вечною жизнию одна, сама собою, если неизреченным образом не соединится неслиянно с Богом.

Воскресению Христову верят премногие-многие, но мало таких, которые бы чисто зрели его. Те же, которые не зрят так Воскресения Христова, не могут поклонятьс ся Иисусу Христу, яко Господу. Почему священная песнь, которую часто имеем мы в устах своих, гласит: *Воскресение Христово,* не веровавше, а что? *Воскресение Христово видевше, поклонимся Святому Господу Иисусу, единому безгрешному.* Как же это Святой Дух подвигает нас петь: *Воскресение Христово видевше,* то есть что мы видели Воскресение Христово,— когда мы не видали его, так как Христос воскрес больше тысячи лет прежде, да и тогда никто не видал, как Он воскрес? Уж не хочет ли песнь церковная научить нас говорить ложь?! Да не будет! Перестань злословить! Напротив, она завещала нам возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о том Воскресении Христовом, которое бывает в каждом из нас, верных, и бывает не просто, но светоносно, блистая сияниями Божества Его и нетления. Светоносное присутствие Духа показывает на совершившееся в нас Воскресение Господне, и еще паче — дает нам благодать видеть Самого воскресшего Христа Господа. Почему и поем: *Бог Господь и явися нам;* и, желая показать второе его пришествие, прибавляем вслед за тем: *благословен грядый во имя Господне.* Итак, в тех, в которых явился Христос воскресший, всеконечно Он и виден бывает духовно, и видится духовными очами. Ибо когда приходит в нас Христос благодатию Святого Духа, то воскрешает нас из

мертвых, какими бываем дотоле, и животворит, и делает, что мы видим в себе живым Его Самого, бессмертного и нетленного. И не только это, но Он дает нам благодать и такую, что мы ясно познаем, как Он воскрешает нас и прославляет вместе с Собою, как удостоверяет все Божественное Писание.

Таковы-то божественные таинства христиан! Такова сокровенная сила веры нашей, которой не видят, и не могут видеть неверы, маловеры или, лучше сказать, полуверы, которые имеют половинную веру. Неверы, маловеры и полуверы суть которые не показывают веры своей делами. Без дел и бесы веруют и исповедают Христа, яко Бог есть. Знаем, нередко вопили бесы, что *Ты Сын Божий* (Мк. 3, 11). В иной раз и об Апостолах кричали: *сии человецы раби Бога Вышняго суть* (Деян. 16, 17). А они были рабы Христовы. Но такая вера непомощна ни бесам, ни людям. И никакой нет пользы от такой веры, потому что она, как говорит Апостол, мертва. *Вера бо без дел мертва есть* (Иак. 2, 20), как, наоборот, делам споспешествует вера (22). Почему же мертва такая вера? Потому что не имеет в себе Бога животворящего,— что не стяжевает в себя Христа, рекшего: *любяй Мя заповеди Моя соблюдет... и Аз и Отец приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23), чтобы присутствием своим воскресить из мертвых того, кто стяжевает такую деятельную веру, оживотворить его и дать ему видеть Самого Христа, воскресшего в нем и его воскресившего. Вот почему вера без дел мертва или, лучше сказать, мертвы те, которые имеют веру без дел. Истинная же вера в Бога всегда жива и живуща, и животворит тех, которые приступают

к ней и приемлют ее с благим произволением. Она и прежде действительного исполнения заповедей Христовых, то есть во Святом крещении многих привела от смерти в живот и показала им Христа и Бога. И если б они после того пребыли в заповедях Его и соблюдали их даже до смерти, то были бы сохранены сими заповедями такими же, какими в начале стали одною верою. Но как они изменились в своих расположениях и впали опять в прежние грехи, то и веру потеряли, и праведно лишились истинного духовного богатства, которое есть Христос. Чего да не постраждем и мы, будем, прошу вас, соблюдать, сколько сил есть, заповеди Христовы, чтобы сподобиться и настоящих, и будущих благ, то есть зрения Самого Христа Господа. Каковое буди улучить нам всем благодатию Господа нашего Иисуса Христа, Коему слава во веки. Аминь.

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 3000 экз. Заказ № 842

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 572

СВОД НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ И ПРАВИЛ В ХОЗЯЙСТВОВАНИИ

Принято на итоговом пленарном заседании VIII Всемирного Русского Народного Собора

Гостиничный комплекс «Даниловский», 4 февраля 2004 года

СВОД НРАВСТВЕННЫХ ПРИНЦИПОВ И ПРАВИЛ В ХОЗЯЙСТВОВАНИИ

Настоящий свод нравственных принципов и правил предлагается для добровольного принятия руководителям предприятий и коммерческих структур, предпринимателям и их сообществам, работникам, профсоюзам и всем другим участникам экономических процессов, в том числе государственным органам и общественным объединениям, вовлеченным в хозяйствование.

Этот документ не повторяет положений законодательства. Не затрагивает он и технической конкретики экономических отношений, которая регулируется специальными установлениями государства и профессиональных сообществ.

Сформулированные ниже нравственные принципы и правила основываются на десяти заповедях, данных Богом, а также на опыте их усвоения христианством и другими религиями, традиционно исповедуемыми в России. Впрочем, эти принципы и правила не следует воспринимать как буквальное толкование библейского текста. Скорее речь идет о положениях, вытекающих из Божиих заповедей в их широком понимании, а также из многовекового религиозно-нравственного наследия, в том числе российского.

Свод нравственных принципов и правил описывает идеальную модель хозяйствования, которая не существует сейчас, но к воплощению которой можно и должно стремиться в повседневности. Возможно, реальность еще долго не будет соответствовать данному документу. Но нельзя заранее говорить, что цель следования ему недостижима, ибо в стремлении к чистой совести и достойной жизни человек с помощью Божией может пройти сколь угодно трудными путями, даже если дело касается такой непростой сферы человеческого бытия, как экономика.

I. Не забывая о хлебе насущном, нужно помнить о духовном смысле жизни. Не забывая о личном благе, нужно заботиться о благе ближнего, благе общества и Отчизны.

В истории России были разные подходы к вопросу о приоритете материального или духовного, частных или общественных интересов. Духовный идеал много раз приносился в жертву утилитарным интересам и наоборот. В одни периоды общественное предпочиталось личному, в другие — личное общественному.

Эта проблема становилась предметом дискуссий «иосифлян» и «нестяжателей», западников и славянофилов, общественных деятелей постсоветского периода. Однако сам факт таких дискуссий показывает, что частная и общая польза, духовное и материальное суть равно неотъемлемые части человеческого бытия.

Вот почему нельзя пренебрегать ни духовным идеалом, ни стремлением к материальному благу, ни своими жизненными интересами, ни пользой ближнего и общества.

Исторически российская духовно-нравственная традиция по преимуществу склонялась к приоритету духовного над материальным, к идеалу самоотвержения личности ради блага народа. Впрочем, крайности такого выбора приводили к страшным трагедиям.

Помня это, мы должны создавать такой экономический уклад, который поможет гармонично реализовывать как духовные устремления, так и материальные интересы личности и общества. Этой гармонизации, как показывает исторический опыт, содействуют правила, основанные на библейских принципах.

II. Богатство — не самоцель. Оно должно служить созиданию достойной жизни человека и народа.

Культ богатства и нравственность в человеке несовместимы. Отношение к богатству как к кумиру неизбежно разрушает экономическую и правовую культуру, порождает несправедливость в распределении плодов труда, социальную «войну всех против всех».

Стяжание богатства ради богатства заведет в тупик и личность, и дело, и национальную экономику.

Богатство — само по себе не благословение и не наказание. Это прежде всего испытание и ответственность.

Для нравственного человека собственность есть не только средство извлечения выгоды, но и средство служения идеалам добра и справедливости.

Собственность дает максимальную отдачу именно тогда, когда она употребляется эффективно, а плоды ее использования распределяются справедливо и ответственно, «вкладываются» в социальную стабильность. Если человек созидает материальные блага исключительно для себя, своей семьи, своей социальной группы, при этом пренебрегая интересами других,— он преступает нравственный закон и многое теряет в экономическом смысле.

Чем больше собственность, тем значительней власть человека над другими людьми, поэтому использование собственности в хозяйствовании не должно носить узко эгоистический характер, противоречить общему интересу.

Честное хозяйствование исключает обогащение во вред обществу. Благосостояние добросовестных предпринимателей и тружеников должно соответствовать их трудовому вкладу, быть следствием создания, рачительного использования и приумножения ими общественно полезных благ.

Долг состоятельного человека — творить людям добро, не обязательно рассчитывая при этом на общественное признание. И предприниматель, и государство должны исходить из принципа справедливости при принятии экономических решений.

Уровень потребления и стандарты качества жизни должны быть разумными и умеренными, учитывать состояние окружающей среды.

Деньги — лишь средство для достижения поставленной цели. Они должны находиться в постоянном движении, в обороте. Дело — настоящее, захватывающее целиком, — вот богатство предпринимателя. Отсутствие культа денег раскрепощает человека, делает его внутренне свободным.

Бедность или богатство человека сами по себе не говорят о его нравственности или аморальности. Бедный, растрачивающий свои способности без пользы или употребляющий их только в корыстных целях, не менее безнравственен, чем богатый, который отказывается жертвовать часть дохода на общественные нужды.

Бедность — это испытание, как и богатство. Бедный человек обязан достойно вести себя, стремиться к эффективному труду, повышать свой профессиональный уровень, чтобы выйти из бедственного состояния. Государство, общество и бизнес должны помогать ему в этом.

III. Культура деловых отношений, верность данному слову помогает стать лучше и человеку, и экономике.

Деловые отношения должны строиться на уважении прав и законных интересов их участников. В экономике нужно сочетать принципы справедливости и эффективности.

Обладая властью над материальными средствами и людьми, работодатель, в том числе государство, должен чувствовать ответственность за свои экономические решения, за действия своих работников и за последствия таких действий.

Честность и профессионализм в отношениях с клиентом и деловым партнером завоевывают доверие и укрепляют экономическое положение предприятия, в то время как «нечестная игра» обрекает его на неизбежный крах.

Соблюдение устных и письменных договоренностей служит основой гармоничных отношений в экономике. Напротив, невыполнение обязательств приводит к снижению авторитета делового сословия, да и авторитета всей страны.

Общество должно порицать подобное поведение. Формы порицания могут быть разнообразными (отказ в личном общении, публичный бойкот, исключение из профессиональных сообществ).

Те же правила применимы к недобросовестным работникам, не исполняющим определенное трудовым договором. Предприятие способно быть успешным только при взаимном исполнении обязательств внутри коллектива.

Государство призвано принимать законы, поддерживающие и развивающие культуру исполнения обязательств. При этом оно само должно быть примером такой культуры, особенно в сфере экономики и управления, в области выполнения политических обещаний. Важнейшая функция государства заключается в эффективном контроле над соблюдением договоренностей.

Недопустимы на рабочем месте и в деловых отношениях такие пороки, как сквернословие, непристойное поведение в отношении лиц другого пола, рукоприкладство, пьянство, фамильярность.

Нельзя пользоваться добрым именем своей фирмы для достижения частных целей, извлекая личную выгоду в ущерб общему делу.

Обман покупателя в сфере услуг и торговле ведет к потере доверия и нередко к банкротству предприятия. Хамство, лень, небрежность, неопрятность работника, соприкасающегося с клиентом, отталкивают последнего и тем наносят ущерб делу.

Нравственное участие в хозяйствовании выражается, в том числе в вежливости и корректности, сохранении самообладания в любой ситуации, уважении к чужому мнению, даже если оно ошибочно.

Не случайно в России главный лозунг делового сословия звучал так: «Прибыль превыше всего, но честь превыше прибыли». Деловая репутация — это долгосрочный актив. Она долго зарабатывается, но легко теряется.

IV. Человек — не «постоянно работающий механизм». Ему нужно время для отдыха, духовной жизни, творческого развития.

Постоянная однообразная работа, даже интеллектуальная, духовно обедняет личность и приводит к ее деградации. Ничто не может оправдать отказа человека от законного времени отдыха, выходных дней и полноценного отпуска. Помимо этого, человек должен иметь возможность для перемены сфер и видов деятельности.

Предпринимателям, власти и обществу необходимо заботиться об интеллектуальном, духовном и физическом развитии каждой личности. Капитал материальный и финансовый сегодня невозможно ни создать, ни удержать без капитала интеллектуального – добровольного приложения человеком своих способностей, умений и знаний. Ему должны быть доступны знания и сокровища культуры, возможность реализовать себя через образование, научную и творческую деятельность. Употребленная на это часть рабочего

времени окупится сторицей. Дальновидный работодатель будет заботиться и о развивающем досуге работников.

Ведь личность, потенциал и таланты которой всесторонне раскрылись, принесет максимальную пользу и обществу в целом, и конкретному делу в экономике.

V. Государство, общество, бизнес должны вместе заботиться о достойной жизни тружеников, а тем более о тех, кто не может заработать себе на хлеб. Хозяйствование — это социально ответственный вид деятельности.

Национальное хозяйство саморазрушается без эффективных мер социальной защиты. Работник, который не имеет перспективы заработать на достойную пенсию, лишен доступа к образованию, медицинскому обслуживанию, социальному страхованию,— никогда не будет трудиться с радостью и удовлетворением. Отсутствие социального обеспечения заставляет его искать дополнительные возможности заработка на стороне, что отрицательно сказывается на его профессиональном уровне. Цель труда такого работника — в социальном выживании, а не в сознательном и целенаправленном созидании. Потеря трудоспособности равнозначна для него потере всего.

Напротив, уверенность человека в завтрашнем дне создает предпосылки для профессионального роста, позволяет выстраивать долгосрочную стратегию развития предприятия.

Работникам предприятия должны быть открыты возможности для ответственного участия в управлении им, в соответствии с их профессиональным уровнем и образованием, дабы люди могли почувствовать себя партнерами, сопричастными судьбе общего дела.

Работодатель, в том числе государство, должен нести публичную ответственность за свое участие в программах социального и пенсионного страхования.

На государстве лежит ответственность за сохранение жизни, здоровья и человеческого достоинства пожилых людей, инвалидов, обездоленных детей. Оно должно не только помогать нетрудоспособным, но и создавать условия для развития дел милосердия, совершаемых предприятиями, религиозными и общественными объединения, отдельными гражданами.

Степень благосостояния общества напрямую зависит от его отношения к нетрудоспособным и старикам. Выделение части доходов на помощь пожилым и больным людям, инвалидам и обездоленным детям должно быть нормой для любого рентабельного предприятия, а также для любого состоятельного работающего человека, в том числе наемного работника.

Предприятия призваны уделять повышенное внимание пенсионерам и инвалидам, вложившим свой труд в их благосостояние. Признание работодателем нынешних и прошлых трудовых заслуг своих работников примиряет прошлое с будущим, укрепляет успех его дела.

VI. Работа не должна убивать и калечить человека.

Создание достойных условий труда, строгое соблюдение техники безопасности на производстве — сфера повышенной ответственности работодателя, в том числе государства.

Впрочем, и работник должен ответственно относиться к требованиям безопасности, не допускать халатности, пьянства, особенно при обращении с опасной техникой. Он должен помнить, что своей безответственностью подчас ставит под угрозу жизнь и здоровье других людей.

Труд для наемного работника — основной источник средств к существованию. Поэтому необоснованное увольнение, низкая оплата труда, несвоевременная или неполная выплата заработной платы ставят его на грань выживания. Напротив, бережное отношение работодателя к труду, здоровью и жизни ближнего несет благо и для него самого, и для работников.

Предприниматели должны отказаться от противозаконных методов ведения дел с употреблением насилия и угрозы силой.

Стремление к успеху любой ценой, презрение к жизни и здоровью другого — преступно и порочно.

VII. Политическая власть и власть экономическая должны быть разделены. Участие бизнеса в политике, его воздействие на общественное мнение может быть только прозрачным и открытым.

Всю материальную помощь, оказываемую бизнесом политическим партиям, общественным организациям, средствам массовой

информации, необходимо делать общеизвестной и проверяемой. Тайная помощь такого рода подлежит публичному осуждению как безнравственная. Частные СМИ должны откровенно говорить об источниках, размерах и расходовании своих средств.

Производственные и предпринимательские структуры, полностью или частично принадлежащие государству, не должны делать политических предпочтений.

В экономике нет места коррупционерам и другим преступникам.

Недопустимо нелегитимное вовлечение органов государственной власти в конкурентную борьбу и в разрешение хозяйственных споров. Отстаивание бизнесом своих интересов перед властью должно быть законным и открытым для общественного контроля.

Лица и структуры, виновные в совершении тяжких преступлений, особенно связанных с коррупцией, должны быть неприемлемы как деловые партнеры и участники предпринимательского сообщества.

Нравственно ответственный бизнес не может иметь ничего общего с такими явлениями, как торговля людьми, проституция, порнография, медицинское и духовное шарлатанство, незаконный оборот оружия и наркотиков, политический и религиозный экстремизм.

VIII. Присваивая чужое имущество, пренебрегая имуществом общим, не воздавая работнику за труд, обманывая партнера, человек преступает нравственный закон, вредит обществу и себе.

Государство, предприниматель, работник, любой гражданин должны бережно относиться к общему и любому другому имуществу. Привычка с легкостью воровать у государства, соседа или коллектива, портить их собственность — должна быть осуждена и изгнана из нашей жизни. Тот, кто берет из общего или чужого кармана неположенное, подлежит публичному позору.

Хищение у партнера по бизнесу, лишение его оговоренной части общей прибыли – должно становиться общеизвестным и непременно вести к санкциям со стороны предпринимательского сообщества.

Одной из форм хищения является несправедливое распределение плодов труда среди партнеров и работников. Общество не должно делиться на сверхбогатых и сверхбедных.

Производство и все другие виды хозяйствования не должны наносить невосполнимого ущерба природе, которая есть достояние не только всех ныне живущих на Земле людей, но и будущих поколений. Те природные ресурсы, которые сегодня необходимы человеку, но в будущем не могут быть восстановлены, следует расходовать с расчетом на много веков вперед и по возможности заменять восполнимыми ресурсами. Экологическая сторона деятельности всех хозяйствующих субъектов должны быть прозрачна для общества, открыта для контроля с его стороны. Участие в проектах, направленных на защиту окружающей среды, внедрение ресурсосберегающих и безотходных технологий — важнейшая задача делового сословия.

Предприниматель должен помнить, что неуплата налогов, положенных по закону,— это хищение у сирот, стариков, инвалидов, других самых незащищенных людей. Передача в виде налогов части своего дохода на нужды общества должна превратиться из тягостной обязанности, исполняемой подневольно, а иногда и вовсе не исполняемой, в почетное дело, достойное благодарности общества.

Сокрытие доходов, незаконный увод капиталов за рубеж равнозначны обкрадыванию своих соотечественников.

Обкрадывают своих работников и те, кто не платит им достойного жалования, обрекая людей на нищету и озлобление, лишая их радости труда. Определяя размеры вознаграждения за труд и той доли прибыли, которая расходуется на зарплату, должно руководствоваться принципом справедливости, не оглядываясь на стандарты тяжелого прошлого или примеры беднейших стран. Нельзя злоупотреблять отчаянием людей, соглашающихся на низкую зарплату ради хлеба насущного.

Оплата труда не может быть ниже прожиточного минимума. Она должна позволять человеку не только полноценно питаться, но и приобретать необходимые для быта товары, растить детей, обеспечивать себя жильем.

Те, кто не выплачивают людям зарплату, систематически задерживают ее, допускают ее уровень ниже прожиточного минимума, — достойны общественного порицания.

Государство, существующее на средства народа, должно соразмерно определять свою долю в общественном богатстве. Необременительные налоги — одна из основ эффективного и нравственного хозяйствования, при котором граждане могут без излишних тягот оплачивать государственные расходы.

IX. В конкурентной борьбе нельзя употреблять ложь и оскорбления, эксплуатировать порок и инстинкты.

Конкуренция — один из двигателей экономики. Монополизм равнозначен консервации и отсталости. Результаты добросовестной конкуренции служат интересам общества, она ставит его членов в равные условия, предоставляет им право выбора.

Конкуренция является достойной и нравственно оправданной, если не разрушает деловые отношения.

Самый надежный партнер по сделке — тот, кто уверен в порядочности своего коллеги. Чем больше доверия к твоему делу, тем быстрее растет его доходность. Честность — это инвестиции в будущее.

При ведении конкурентной борьбы нельзя пользоваться нравственно ущербными приемами. Так, предприниматель не должен допускать публичного оскорбления конкурентов, распространять заведомо ложную или непроверенную информацию о своих деловых партнерах.

Реклама, содержащая откровенный обман, эксплуатирующая половой инстинкт, побуждающая человека к пьянству, курению, использующая душевную незрелость детей и подростков,— должна считаться делом безнравственным и не поддерживаться предпринимательским сообществом. Нельзя оскорблять в рекламе религиозные и национальные чувства людей.

X. Нужно уважать институт собственности, право владеть и распоряжаться имуществом. Безнравственно завидовать благополучию ближнего, посягать на его собственность.

Необоснованное изъятие собственности подрывает экономическую стабильность, разрушает веру людей в справедливость.

Национализация частной собственности нравственно оправдана только тогда, когда ее использование заведомо противоречит интересам общества, угрожает безопасности и жизни людей. В любом случае изъятие собственности должно проводиться строго по закону и при условии справедливой компенсации.

Это в равной степени относится к процессам отчуждения государственной и общественной собственности. Ее незаконный захват почти всегда сопровождается разрушением национальной экономики и страданием миллионов людей.

Приватизация — не самоцель. Нравственно оправдана законная передача общественной собственности в частные руки, следствием чего должно быть реальное улучшение качества товаров и услуг, снижение цен, укрепление экономики, построение динамичного, справедливого и гармонично развивающегося общества.

Незаконное перераспределение собственности — всегда преступление перед обществом, нарушение нравственного закона. Частное лицо, завладевшее имуществом путем обмана, не имеет морального и юридического права называться собственником. В подобном случае государство призвано восстановить справедливость, следуя закону и нравственному долгу.

Состояние экономики напрямую зависит от духовного, нравственного состояния личности. Лишь человек с добрым сердцем и светлым умом, духовно зрелый, трудолюбивый и ответственный,— сможет обеспечить себя, принося пользу своим ближним и своему народу. Пусть так будет в России, вступившей в XXI век.

Официальный сайт Русской Православной Церкви

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 573

О посте и пользе его

Истинный и прямой пост есть воздержание от всякого зла. Если ты хочешь, чтобы пост был тебе полезен, то постясь телесно, постись и душевно, и постись всегда. Если ты налагаешь пост чреву, наложи его злым мыслям и прихотям твоим.

О посте и пользе его

Пост окрыляет наше покаяние и возносит его к престолу Божию. Подвиг поста — дело святое и весьма древнее. «Думаешь ли, что древность его считают со времени происхождения Закона? Пост старше закона», — говорит святитель Василий Великий. Пост узаконен в раю. Первую заповедь принял Адам: *От древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте* (Быт. 2, 17). А *не снесте* есть узаконение поста и воздержания. Если бы постилась Ева и не вкусила с древа, то мы не имели бы теперь нужды в этом посте. Мы, поврежденные грехом, уврачуемся покаянием, а покаяние без поста не действенно. *Проклята земля: тернии и волчцы возрастит тебе* (Быт. 3, 17-18) — велено нам сокрушаться духом, а не предаваться роскоши. Постом оправдайся пред Богом.

Но и самое пребывание в раю есть образ поста, потому что довольствуясь малым, жившие в раю не употребляли ни вина, ни мяса, что делает мутным человеческий ум. Уже после потопа люди узнали вино и мясо, а до потопа сего не было.

Все святые соблюдали пост как отеческое некое наследие, передаваемое от отца сыну и преемственно получаемое, так что стяжание сие по порядку преемства сохранилось и до нас. Сорок дней постился Моисей на Синае, и пост соделал святого Пророка законодателем, и он удостоился пребывания с Богом и получил от Него Закон для израильского народа.

Но из-за невоздержания, ненасытности чрева израильтян этот же Закон, написанный на скрижалях Самим Богом, был святым Пророком Моисеем сокрушен. Из-за ненасытности своего чрева народ израильский предался идолослужению и через то лишился благоволения Божия.

Невоздержание Исава сделало его рабом брату, потому что он за одну снедь продал свое первенство. Молитва преподобной Анны, со-

единенная с постом, даровала ей благодатное дитя — святого пророка Самуила. Пост сделал неодолимым Самсона, и, пока он не был разлучен с ним, враги падали тысячами, городские врата исторгались и львы не выдерживали крепости рук его. Но когда овладели им пьянство и блуд, он был уловлен неприятелями и, лишенный очей, выставлен на посмешище детям иноплеменников.

Постившийся Илия заключил небо на три года и шесть месяцев. Поскольку он видел, что от пресыщения рождается в народе много наглости и зла, то по необходимости, чтобы исцелить его от порока роскоши и распутной жизни, наложил на него невольный пост — голод, который остановил уже без меры разлившийся грех. Постом, как бы прижиганием каким или иссечением, прервал он дальнейшее распространение зла.

Пост соделал святого пророка Илию зрителем великого видения, ибо, сорокадневным постом очистив душу, он удостоился на Хориве видеть Господа. Через пост святой пророк Илия возвратил вдовице умершего ее сына.

«Пост, — говорит святитель Василий Великий, — рождает пророков, укрепляет сильных, пост умудряет законодателей». Пост предпосылает молитву на Небо, делаясь для нее как бы крыльями при восхождении горе.

Пост — надежный сожитель супругам. Муж не подозревает измены в супружеской верности, видя, что жена свыклась с постом. Жена не снедается ревностью, примечая, что муж возлюбил пост.

Святой пророк Даниил, который три седмицы не ел хлеба и воды не пил, своим постом заградил уста львов. Они не могли ему причинить никакого зла, когда он был брошен к ним в ров.

Если бы пост владычествовал во вселенной, то был бы во всей вселенной глубокий мир, и не было бы восстания одного народа на другой, и жизнь не была бы столь плачевна и исполнена скорби, потому что пост, научая людей воздержанию от излишества в яствах, научал бы и совершенному удалению от пороков — сребролюбия, любостяжательности, тщеславия и других злых страстей, и жизнь протекала бы в глубоком мире и душевном безмятежии. Теперь же люди, гоняющиеся за роскошью как за блаженством жизни, ввели в нее этот великий рой зол. Роскошная жизнь

богача ввергла его в геенну огненную, а Лазарь через пост взошел на Небо, упокоился на лоне Авраамовом.

Все святые, от века прославленные, любили пост и соблюдали его. Жизнь святого Иоанна Предтечи была сплошным постом. Святой апостол Павел постился, и пост возвел его на третье Небо. Но для нас важнее всего, что пост освящен Самим Господом, постившимся сорок дней.

Наш дух постоянно противоборствует плоти, они друг другу противятся, поэтому, если хочешь, чтобы дух твой был крепким, обуздай плоть постом. Апостол Павел говорит: *Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4. 16). Никто при обильной пище и непрестанной роскоши не принимал духовного дарования. Если бы ниневитяне не постились, то не избежали бы угрожавшего им наказания. Евреи, когда питались манною и водою из камня, то побеждали врагов и все были здравы, а когда их сердце захотело мяса и вспомнили они о котлах египетских, то не увидели они Земли Обетованной.

Но пост не нужно ограничивать одним только воздержанием от пищи, потому что истинный пост есть устранение от злых дел. Прости ближнему оскорбления, воздержись от нанесения ближнему обид, воздержись от раздражения, от несмысленной скорби, от страха, гнева и т.д.

Будешь прощать другим обиды, погрешности, досаждения, излишние беспокойства, и тебе будут прощены твои грехи. Господь будет прощать твои погрешности, и будешь сподобляться от Него великих милостей.

Из проповедей архимандрита Кирилла (Павлова)

Истинный и прямой пост есть воздержание от всякого зла. Если ты хочешь, чтобы пост был тебе полезен, то постясь телесно, постись и душевно, и постись всегда. Если ты налагаешь пост чреву, наложи его злым мыслям и прихотям твоим. Да постится УМ твой от суетных помышлений, а ПАМЯТЬ твоя — от злопомнения, да постится ВОЛЯ твоя от злого хотения. Да постятся ОЧИ твои от худого видения – *отврати*

очи твои, еже не видети суеты, да постятся УШИ твои от скверных песен и шептаний клеветнических, а ЯЗЫК твой — от клеветы, осуждения, кощунства, лжи, лести, сквернословия и всякого праздного и гнилого слова. Да постятся руки твои от убиения и хищения чужого добра, да постятся ноги твои от хождения на всякое злое дело. *Уклонися от зла и сотвори благо* (Пс. 33, 15; 1 Петр 3, 11). Вот христианский пост, который Бог наш от нас требует! *Покайся, и, воздерживая себя от всякого злого слова, дела и помышления, поучайся всякой добродетели, и будешь всегда перед Богом постится.*

Пост без христианской любви — ничто.

Из сочинений схиархимандрита Иоанна (Маслова)

Сколько грозных событий пронеслось над землей за тысячелетия, и ни одно из них не вспоминается Церковью так, как изгнание Адама из рая. Почему? Надо ли знать, помнить, переживать о том, что скрылось в беспросветной дали веков?

Обычно мы не видим, как иногда мы совершаем незначительные и, казалось бы, ничего плохого не несущие в себе поступки, но результаты их приводят к беде. Беда же началась раньше, еще в намерении совершить поступок. Так было и с прародителями. Они поверили лжи врага Божия. Почему? Потому что им самим захотелось быть, «как бог». Могли ли они достичь этого сами по себе? Конечно, нет. Но думать о себе со смирением не хотелось. Легче было слушать клевету на Бога, якобы Он боится того, что творение сравняется с Творцом. И легко оказалось поверить, что поэтому-то Бог и запретил им касаться одного из всех деревьев в Раю.

Обман был связан с таким простым и явным наговором: поешь, вкуси и будешь равен Богу. Значит, источник величия — пища. Не Бог, а плод, Им взращенный. Не Творец — Владыка всего, а всегонавсего еда. И этот соблазн не умер с веками. До сего дня едва ли не для всех первая забота — поесть. Бог при этом забыт. В душе человека находится место для раба, который в Боге видит для себя ярмо и противится Ему. И вот, чтобы себя воспитать в подчинении

Богу, Церковь установила пост как победу над собой. Не одно воздержание в пище, но и переоценка всех своих стремлений, всех своих качеств, явных и тайных, которыми мы удаляемся от Бога. И до того удалились, стремясь жить только в свое удовольствие, что не слышим Его совестью, не боимся Ему противоречить, не доверяем Ему, не верим ни в Его силу, ни в Его власть. Если же говорим, что признаем и слушаемся, то это только на словах. Дела же наши свидетельствуют об обратном.

Вот о чем напоминает нам изгнание прародителей из рая. В древней истории о грехопадении — правда о нас самих.

По материалам сборника «Весна постная...»

Согрешил Адам, вкусив плод запретного древа, и страшная духовная порча проникла во весь человеческий род. С той самой поры диавол получил доступ к сердцу падшего человека. С той самой поры совершенное творение Божие — Адам, не ведавший прежде ни злобы, ни печали, — стал подвержен страстям, в которых доныне, как в смоле адовой, кипят наши сердца, лишившиеся блаженного Богообщения. Не потому ли Сам Господь Иисус Христос, придя в мир для спасения гибнущих грешников, начиная Свое служение на земле, сорок дней и ночей постился в пустыне, собственным примером напоминая нам о благотворности и обязательности поста? Не потому ли троекратным отвержением наветов вражиих явил Он нам образ духовной брани, неизбежной для каждого, стремящегося сочетать благой плод постнического воздержания с внутренним возрастанием духовным?

Однако для того, чтобы непреткновенно шествовать по узкому пути спасения, избегая широкой дороги, ведущей, по слову Спасителя, в погибель, должно ясно понимать, что не одним лишь воздержанием в пище и плотской жизни побеждается грех, но очищением сердца и ревностным стремлением к непорочной чистоте души. Во вспомоществовании этому святому стремлению, в этой благодатной и благотворной ревности — главный смысл пощения.

«Уклонись от зла и сотвори благо» (1 Пет. 3, 11),— эти слова Священного Писания должно помнить всем нам во время поста. К сожалению, даже среди людей церковных встречаются ныне заблудшие и неразумные, не понимающие высокого духовного смысла поста, почитающим для себя достаточным и исчерпывающим простое воздержание от вкушения запретной пищи. Увы нам, неразумным, и горе нам — лицемерным! Внемли себе, не ядущий мяса: не огорчил ли ты ближнего своего? Не роптал ли на Бога в скорбях и тяготах души? Не таишь ли на кого обиды, злобы, ненависти? Не гордишься ли мнимыми достоинствами своими? Благодаришь ли Господа за все, ниспосланное тебе? Не владеют ли твоим сердцем земные попечения? Или извергая мясо из трапезы своей, смиряя тело — ты не радишь о собственной душе, медля извергнуть из сердца твоего гнев и лицемерие, сребролюбие и своенравие, высокоумие и самолюбие? Грозно предупреждает нас Святая Церковь Православная, что не будет нам пользы от воздержания телесного, если не соединим мы его с воздержанием духовным — от зла, от страстей, от терзающего нас греха.

От брашен постящеся, душе моя,— слышим мы в великопостных молитвословиях,— *и страстей не очистившися, всуе радуешься неядением: аще бо не вина ти будет ко исправлению, яко ложная возненавидена будеши от Бога* («Тщетно ты радуешься, душа моя, воздержанию от пищи, тогда как от страстей не очищена, если не станет воздержание причиной исправления твоего, возненавидена будешь от Бога»).

Митрополит Иоанн (Санкт-Петербургский и Ладожский)

Телесный пост, по учению Церкви,— это отказ не только от пищи животного происхождения, но и от всевозможных услаждений. Даже растительную пищу надо употреблять умеренно, чтобы от нее не зависело настроение, чтобы не была душа во власти страстей и не рабствовала чревоугодию. Господь заповедал воздержание именно потому, что распущенность в желании обильно и вкусно поесть, сколько хочешь и когда хочешь, неразрывно связана со склонностью к мысленной

и чувственной нечистоте, от которой хотелось бы быть свободным всякому верующему. Воздержание сберегает умственные способности, усиливает собранность всех внутренних сил, помогает сохранить их при нападках духовных врагов.

Необходимая особенность поста — сочетание телесного воздержания с душевным постом. Телесный пост обессиливает чревоугодие и блуд. Глубже коренятся корысть и гордость со всеми разновидностями зла. Поэтому, постясь телесно, позаботимся о борьбе с гневом, яростью, лукавством, высокоумием, лестью, ложью, бранью, склонностью к оговорам и пересудам, позаботимся о борьбе со скупостью и всякой злобой, сварливостью, завистью.

Ограничивать свой пост только некоторым воздержанием в пище нельзя, тем более — оправдываться этим и хвалиться, когда душа полна греховных чувств и пожеланий. В таком состоянии недолго уподобиться демонам, которые вовсе не едят, но тем не менее злы.

Телесный пост обязателен для христианина в определенные церковным уставом времена и дни. Душевный же пост от страстей должен быть непрерывным подвигом. Душевный пост начинается с хранения чистоты ума и отражения страстных мысленных налетов. При чистоте ума у человека не волнуются чувства и не мятутся желания. В нем царят глубокий внутренний покой и тишина.

Литургические творения святых отцов рассматривают пост не в обыденном узком смысле воздержания только от пищи и страстей, но и как полный, всеобъемлющий переворот личного настроения, поворот к Богу. Постящимся даруется свыше тонкость чувства благодати и дерзновение к Богу. Тогда недоступное человеку в преодолении греха незримо довершает непобедимая мощь благодати.

По сочинениям епископа Вениамина (Милова)

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2006 год, издание 3-е

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 574

УТЕШЕНИЕ РОПЩУЩИХ НА ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

УТЕШЕНИЕ РОПЩУЩИХ НА ПРОМЫСЛ БОЖИЙ

БИБЛЕЙСКИЕ УТЕШЕНИЯ

Библейские изречения, утешающие скорбящего человека, готового роптать на Промысл Божий

Ничто не случается с человеком без воли Божией:

Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога (Лк. 12,6).

Не упадет на землю без воли Отца вашего (Небесного) (Мф. 10, 29).

А у вас и волосы на голове все сочтены. Итак не бойтесь: вы дороже многих малых птиц (Лк. 12, 7).

Скорби полезны для человека:

Плавильня — для серебра и горнило — для золота, а сердце испытывает Господь (Притч. 17, 3).

Если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется (2 Кор. 4,16).

Блажен человек, которого вразумляет Бог, и потому наказания Вседержителева не отвергай (Иов. 5,17).

Господь кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает. Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? (Евр. 12, 6 и 7).

В скорби нужно обращаться к Господу:

Близок Господь к сокрушенным сердцем (Пс. 33, 19).

Утешайся Господом... предай Господу путь твой (Пс. 36, 4 и 5).

Возложи на Господа заботы твои, и Он поддержит тебя (Пс. 54, 23).

Он причиняет раны и Сам обвязывает их; Он поражает, и Его же руки врачуют (Иов. 5,18).

Подражай в перенесении скорбей Иисусу Христу:

Взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия. Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами (Евр. 12, 2 и 3).

Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его (1 Пет. 2, 21).

Крепко уповай на Бога в минуты опасности:

Не бойся... ты Мой. Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, — через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя (Ис. 43, 1 и 2).

СВЯТООТЕЧЕСКОЕ УТЕШЕНИЕ

За все Бога благодари

Куда ни посмотрим, куда ни обратим очи и ум наш, везде имеем довольные случаи благость Божию прославлять. В нощи смотришь на небо чистое, звездами, как бисером, украшенное, и между звезд луна сияет — тебе сия служат: благодари *Сотворшему... луну и звезды во область нощи*

(Пс. 135, 9). Воссиял день; солнце лучи свои по всей вселенной распустило — тебе свет его сияет: благодари *Сотворшему... солнце во область дне* (Пс. 135, 8). Облака дождь кропят: благодари *Одевающему небо облаки, Уготовляющему земли дождь* (Пс. 146, 8). Восстал ветер и начал облака прогонять и очищать небо — тебе он служит: благодари Изводящему *ветры от сокровищ Своих* (Пс. 134, 7). Видишь поля, различными плодами исполненные; луга и леса зеленеющиеся, садовная древеса, изобилующие плодами,— то благости Божией дело, тебе то от Бога посылается: благодари Даровавшему, глаголя: *Благослови, душе моя, Господа* (Пс. 102, 1). Пришла зима, оделась земля снегом, мраз связал озера, реки и болота, и так везде свободный учинился путь, нет нужды в мостах и прочих к переправам надобностях — Божие то благодеяние есть, твоей потребе служит сие: благослови *Дающаго снег Свой яко волну* (Пс. 147, 5). Проходит зима, и весна наступает — там тебе возвещается приближающееся как бы некое воскресение всея твари, мразом умершия: благослови Благоволившего тако. Наступила весна; тут новое открывается Божиих дарований сокровище: солнце благоприятно сияет и греет, чувствуется благорастворенный воздух, земля из недр своих издает сокровища свои, семян и корней плоды являются и всем себя подают в употребление; луга, нивы, поля, леса одеваются и зеленеют, украшаются цветами и издают всякое благоухание; протекают источники и речные устремления не только в видении, но и слух веселят; всюду слышится различных птиц глас, как сладкая некая музыка; расходятся по полям и степям скоты, не требуют от нас корма, питаются и насыщаются с довольствием, что рука Божия отверзла им, довольствуются, едят и играют, и так как бы благости Божией благодарят; вся поднебесная в новый прекрасный и веселый переменяется вид; бесчувственная и чувством одаренная тварь как бы вновь рождается. Тебе, разумной твари, сие все богатство благости Божией открылося, глаголи благодарно: *Благослови, душе моя, Господа!* (Пс. 103, 1). Принесла земля различные плоды к насыщению и утешению твоему: благодари Устроившему тако, глаголя радостным духом с пророком: *Возвеселил мя еси, Господи, в творении Твоем!* (Пс.

91, 5). Вкушаешь пищу: благодари Благодателю. Греется покой твой или варится пища огнем — Божий дар огнь есть, который тебе работает и служит: благослови Сотворшего его. День прешед, пой благодарно, яко сподобил тебя Господь без вреда и погибели проводити его; пой сердцем и устами: песнословлю Тя, Господи! Уснул в нощи и, спав, восстал, глаголи: благословлю Тя, Господи! глаголи с пророком: *Аз уснух и спах востах, яко Господь заступит мя* (Пс. 3, 6). Чувствуешь ударение совести за грехи: благодарение Богу приноси, потерпевшему согрешения твои и не предавшему тебя в руки врага твоего; исповедайся благодарно с пророком: *Исповемся Тебе, Господи Боже мой, всем сердцем моим и прославлю имя Твое в век: яко милость Твоя велия на мне, и избавил еси душу мою от ада преисподнейшаго* (Пс. 85, 12 и 13). Ощущаешь страх Суда Божия или желание вечного живота Божия — то благодать зовет тебя на покаяние, глаголи: Благословен Господь, *Иже всем хощет спастися и в разум истины прийти!* (1 Тим. 2, 4); повинися званию Божия благодати, дондеже время благоприятно и день спасения, дондеже слушает и помогает Господь. *Глаголет бо: во время приятно послушах тебе и в день спасения помогох ти. Се, ныне время благоприятно, се, ныне день спасения* (2 Кор. 6, 2). Пришла скорбь, печаль, болезнь или и иная какая противность — спасения твоего тако ищет Господь твой: благодари Хотящему и Ищущему спасения твоего; глаголи с псаломником: *Благо мне, яко смирил мя еси, яко да научуся оправданием Твоим (Пс.* 118, 71)! Помышляешь о спасительном Сына Божия к роду человеческому смотрении (всегда же должен помышлять о столь великом и важном деле) — с радостью и глубоким смирением воспой: *Благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя, имя святое Его: благослови, душе моя, Господа, и не забывай всех воздаяний Его* (Пс. 102, 1, 2) и проч.; или тако, с пророком Захариею, благослови Господа: *Благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим: и воздвиже рог спасения нам, в дому Давида отрока Своего* (Лк. 1, 68 и 69). Слышишь гласы пророческие и апостольские, слышишь проповедующих Божие слово — разумей, яко тебе сии посланники Божии служат, иже благовествуют мир, благовествуют благая

(см. Рим. 10, 5), проповедуют отпущение грехов, приближившееся Царствие Небесное, научают правде, наставляют на путь правый, ведут к вечному блаженству, — глаголи благодарным духом: слава Богу, Благодетелю нашему, во веки! Таким образом, как в благоденствии, так и в злоденствии должны мы Бога благодарить. В благоденствии —яко благая Его, недостойные, туне получаем от Него и теми утешаемся. В злоденствии — яко исправляемся от Него, в чувство приходим, познаем себя, свое недостоинство и окаянство, научаемся благая Божия за велико иметь и благих Дателя почитать. Слава Богу, Благодетелю нашему, во веки, аминь.

Из творений святителя Тихона Задонского

РАЗМЫШЛЕНИЯ

О причинах малодушия и ропота христианина в дни скорбей и страданий

Господь Иисус Христос, предвозвестив различные бедствия, которые постигнут людей при кончине мира, предсказав всю тяжесть их, сказал, что пре*терпевший до конца спасется* (Мф. 24, 13).

Итак, для получения спасения необходимо терпение в скорбях. Но имеем ли мы его? Не часто ли приходится слышать нам жалобы на тяжесть своих страданий, сетование на свою участь, ропот на Бога? Где же искать причины такого нетерпения, такого малодушия?

Первой причиной малодушия и ропота во дни своих страданий многие поставляют великость скорбей, их постигающих, и слабость сил к перенесению их. “Нет меня несчастнее на свете! Никто не терпит таких несчастий!” — так обыкновенно вопиют многие под тяжестью скорбей и напастей. Попробуйте таким людям предложить совет умерить свою скорбь и сетование, взять терпение, покориться воле Божией — что скажут вам тогда? “И рад бы терпеть и переносить скорбь, да нет силы! Скорбь выше сил моих!” — так обыкновенно отвечают утешающим их. И это говорят христиане, последователи Ии-

суса Христа, Который уверяет нас через апостола, что Он не посылает человеку скорбей выше сил его, но всегда *сотворит с искушением и избытие* (1 Кор. 10,13)! Христос Спаситель и не обещал Своим последователям особенного счастья на земле: напротив, Он предсказал, что скорби и страдания на земле для них неизбежны: *в мире скорбни будете* (Ин. 16, 33), говорит Он в Евангелии Своим последователям. Если же обещал им блаженство за их страдания, то блаженство на небе: *Мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5, 12). Потому Он не только заповедал нам переносить и терпеть скорби на земле, но и радоваться еще тогда: *Радуйтеся и веселитеся* (Мф. 5, 12), говорит Он. Так поступали и учили других поступать и апостолы Христовы (см. 1 Пет. 4, 13). Теперь судите, насколько не согласны с званием христианина, противны учению и заповедям Спасителя малодушие и ропот во дни скорбей и страданий земных. Нет! Не тяжесть скорбей и не слабость наших сил приводят нас к малодушию и ропоту, но излишняя наша привязанность к благополучию настоящей жизни.

И возможно ли, чтобы человек, всем сердцем привязанный к мирским благам и удовольствиям, великодушно переносил скорби и страдания? Это неестественно. В чем обыкновенно поставляют миролюбцы свое счастье? В том, чтобы обладать богатством, быть у людей в уважении, иметь хорошее здоровье, удовлетворять своим чувственным наслаждениям. К этим видимым благам и удовольствиям привязаны их сердца, устремлены их мысли и желания. Но так как видимые блага и удовольствия многочисленны и разнообразны, а желания человеческие ненасытны, то ищущий земного благополучия, чем бы ни обладал, всегда желает и ищет новых благ. А эта ненасытная жажда новых удовольствий и благ делается для человека источником многих скорбей, болезней и страданий. Каждое препятствие к достижению временного благополучия сильно потрясает мятущийся дух миролюбца, и вот он малодушествует и ропщет на судьбу свою.

Не то бывает с человеком, который смотрит на блага и удовольствия мира, как истинный христианин. Он не малодушествует и не ропщет на Бога, когда Ему угодно бывает от-

нять их у человека. Он никогда не забывает, что верующие во Христа суть *странники и пришельцы на земле* (Евр. 11, 13). Потому он, и пользуясь благами мира сего, как бы не пользуется ими, и приобретая оные, как бы не приобретает (см. 1 Кор. 7, 30—31). Оттого истинного христианина никакие скорби и страдания не доводят до малодушия и ропота на Бога. Если он наслаждается земными благами, то, радуясь, благодарит Бога; если же теряет их, он не сетует на то, ибо знает непостоянство земного счастья. Терпит ли гонения от врагов, обиды и притеснения? Он не упадает духом, помня, что он здесь странник и пришелец; там, в отечестве небесном, ожидает себе успокоения. После этого не удивительно, если он всегда покоен и даже весел и рад скорбям. Для примера взглянем на жизнь святого апостола Павла. Не было скорби, которой бы он не испытал, не было напасти, которой бы он не подвергся, но ничто не могло довести его до уныния, до ропота на Бога. *Хвалимся... в скорбях* (2 Фес. 1, 4), говорит он о себе и своих сотрудниках. Но кто пользуется земными благами, никогда не думая расстаться с ними, кто всем сердцем привязан к ним, тому естественно малодушествовать и роптать, когда лишается их. Он виновник своего малодушия, ибо не умел, как должно, пользоваться тем, что имел. Главной, наконец, причиной малодушия и ропота на Бога во дни скорбей и страданий у многих из нас бывает недостаток веры в Бога и упования на Его Божественный Промысл. Истинный христианин верует, что все, случающееся с нами в жизни, делается по воле Божией, что без воли Божией и волос с головы нашей не падает на землю. Если Бог посылает ему скорби и страдания, то он видит в этом или посылаемое ему от Бога наказание за грехи его, или испытание веры и любви к Нему, и потому он не только не малодушествует и не ропщет за то на Бога, но, смиряясь под крепкую руку Божию, еще благодарит Бога за то, что Бог не забывает его, что по милосердию Своему Бог хочет временными скорбями заменить для него наказания вечные; поражаемый скорбью, он говорит с праведным Давидом: *Благо мне, Господи, яко смирил мя еси, да научуся оправданием Твоим* (Пс. 118, 71). Но человек, не имеющий такой веры в Божий Промысл и почитающий свои скорби и страдания дей-

ствием простого случая, естественно должен тогда впасть в малодушие и роптать на судьбу свою, ибо он не знает ни причины, ни цели своих страданий и не видит конца оным.

Итак, не великость скорбей и не слабость наших сил, но излишняя привязанность к благам и удовольствиям временной жизни, неуменье пользоваться благами мира, недостаток веры в Бога и Его святой Промысл — вот причины нашего малодушия и ропота на Бога, когда постигают нас скорби и страдания.

Будем же благодушно переносить скорби в терпении и уповании на Бога, когда Ему угодно будет послать их на нас, и спасем души наши.

Прот. Романовский

Временные несчастья суть благодеяния Божии

Все несчастья настоящей жизни, какого бы рода они ни были, действительно суть весьма спасительное для нас Божие благодеяние, ибо все несчастья, ***во-первых,*** суть весьма сильное средство к освобождению нашего сердца от грехов, его обременяющих.

В настоящей жизни многие люди, по действию разных господствующих в них страстей, забываются до того, что почти никогда не вспомнят ни о Боге, ни о своей душе, ни о своих обязанностях, живут только жизнью плоти и умножают грехи на грехи. Что, наконец, должно принести этим людям такое худое состояние их сердца? Очевидно, вечную погибель! Посему Бог, пламенно желающий всем человекам спастися (см. Иез. 33, 11), предвидя несчастный конец таковых людей и желая избавить их от такого конца, посылает на них какую-нибудь чувствительную болезнь, нужду, разные огорчения, страхи, какие-либо другие несчастья, — посылает с тем, чтобы напомнить им о Себе, привести их в сознание худого состояния их сердца и расположить их к исправлению. Не благодеяние ли это?

Когда у кого-либо из нас оказывается на теле заразительная, крайне опасная рана, то все признаем за благодеяние, когда кто-нибудь вырезает у нас ту рану с ее корнями. Операция бывает,

конечно, весьма болезненна, однако ж мы добровольно принимаем и переносим ее, потому что без операции мы непременно потеряли бы жизнь. Равным образом все признаем за благодеяние наказание, какое употребляет над беспутным сыном благоразумный отец, желая исправить его дурное поведение, потому что он наказывает своего сына из любви к нему. Точно так же наказывает или, прямее, вразумляет нас Господь Бог, когда мы перестаем жить по Его святым заповедям, — наказывает потому, что любит нас и желает сделать нас чистыми и блаженными. *Егоже любит Господь,* говорит святой апостол, *наказует* — наказует, *да причастимся святыни Его* (Евр. 12, 6 и 10). Так Бог поступал и поступает не только с частными людьми, но и с целыми народами. Священная История говорит, что во время израильского царя Ахава Господь Бог не давал дождя на землю три года с половиной (см. Иак. 5, 17), сделался величайший *голод по всей земле* (Лк. 4,25). Для чего Господь попустил так? Господь желал этим несчастием вразумить нечестивого царя с его народом, побудить их оставить служение идолу Ваалу и обратить к Себе — Богу истинному и к соблюдению святых Своих заповедей (см. 3 Цар. 18, 18—42). Но как действовал Бог во время Ахава, без сомнения, так же действует Он и в наше время, ибо Он не изменяется (см. Мал. 3, 6). Посему при всяком постигающем нас несчастии, какого бы рода оно ни было, нам тотчас должно всевозможно внимательно осматривать, что в нашем сердце требует исправления, и немедленно исправиться.

Несчастья настоящей жизни для нас суть благодеяния Божии, ***во-вторых,*** потому, что они предохраняют нас от греха. Многие жалуются на свою бедность, на трудное пропитание себя или своего семейства; но знают ли они, какова была бы их жизнь, если бы они были богаты? Как часто богатые бывают весьма прихотливыми, притеснителями, жестокосердыми и т. п.! Не были ли бы и они таковы же? Теперь они непрестанно чувствуют нужду в Божией помощи и молятся усердно. Но многие богатые совершенно забывают Бога и не молятся, а когда и молятся, молятся без должного внимания и благоговения. Могут ли они достоверно сказать о себе, что не сделались бы так же бесчувственными? Многие жалуются, что они родились весьма сла-

быми и часто или почти непрерывно бывают подвержены разным болезням. Их состояние в самом деле довольно тягостно. Но уверены ли они, что, имея крепкое телосложение и прочное здоровье, не стали бы употреблять своего тела и здоровья во зло? Как часто люди крепкого телосложения живут беспутно, предаются всякого рода неумеренности, веселятся без ума, ссорятся, дерутся, крадут, расстраивают благосостояние своих ближних и собственное, попадают в руки земного правосудия и всенародно теряют доброе имя! Известно ли им, что и они не подверглись бы тому же? Братия! Здоровье есть великое благо, но только для того, кто пользуется им не во вред своей душе; для многих людей оно весьма опасное благо — благо опаснейшее денег.

Несчастья настоящей жизни суть благодеяние Божие для людей даже благочестивых, ибо несчастья доставляют им случай к упражнению и укреплению себя в добродетели. Доколе у человека нет случая для пробуждения его сил, до тех пор его силы спят, часто так глубоко, что он сам о них не знает и оставляет их без всякого упражнения. Но когда открывается случай и пробуждает его силы, он действует ими и нередко становится совершенно другим человеком. Всякий благочестивый человек чувствует эту истину, и в минуты живейшего сознания ее говорит самому себе: “Что был бы я без моей болезни, без моей бедности или иного несчастья? Так ли часто и усердно я прилеплялся бы к Богу в молитве? Так ли ревностно я заботился бы об удалении себя от того или другого порока? Так ли твердо я решился бы укрепить себя в том или другом добром расположении или действии? Так ли был бы я снисходителен к моим ближним, как теперь, будучи научен долговременным страданием, долговременными нуждами и т. п.? Если бы я не имел таких нужд, такой болезни, такой тесноты, такой беспомощности, то так ли ясно видел бы суету всего земного и непрестанную нужду в Божией помощи, как вижу теперь? Так ли жива и крепка была бы моя любовь к Богу? Так ли было бы постоянно и крепко мое упование на Бога? Так ли ясно усматривал бы я над собой премудрую и благодетельную руку Божия провидения и всем сердцем предавался бы воле Божией?” Так говорит и должен говорить себе всякий истинно благочестивый.

Впрочем, Бог, подвергающий людей различным несчастьям, никогда не подвергает их несчастьям так, что они бывают не в силах переносить их. Это ясно утверждает святой апостол, вразумляя коринфян: *Верен же Бог, Иже не оставит вас искуситися паче, еже можете, но сотворит со искушением и избытие, яко возмощи вам понести* (1 Кор. 10, 13). То же утверждает и история. Целомудренный Иосиф был весьма несчастлив, когда братья продали его в рабство. Но Господь Бог очень скоро смягчил его жестокое положение: сначала расположением к нему его господина, за сим особенной доверенностью к нему его господина, потом доверенностью и чрезвычайным уважением египетского царя, далее свиданием со своими братьями, и особенно с меньшим, невинным братом, и наконец свиданием со своим отцом и со всеми домашними.

Итак, братия, спокойно полагайтесь на отеческую Божию благость и не ропщите, а прославляйте Бога при всех тяготящих вас несчастьях.

Все посылаемые на нас от Бога несчастья, какого бы рода они ни были, суть благодеяния Божии. Ибо всяким из несчастий Бог будит забывшегося грешника, обращает его внимание на несчастное состояние его души и говорит ему: “Покайся! перестань грешить! спасай свою душу!” Всяким из несчастий Бог предохраняет нас от разных грехов и увлечений, в которые мы, по нашей легкомысленности и преклонности к злу, удобно погрязли бы и потеряли бы свою душу. Всяким из несчастий Бог подает нам случай упражнять и укреплять себя в благочестии, а посему всяким из постигающих нас несчастий Бог показывает нам Свою отеческую любовь и сильное отеческое желание спасти нас. Слава Ему, премудрому, преисполненному любви к нам и крайне желающему спасти нас Богу во веки веков! Аминь.

Григорий, митрополит Новгородский

Печатается по изданию: Помощник и Покровитель: Духовная помощь христианину. Гл. 3. Утешение ропчущих на промысл Божий.– М., 2003.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1156

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 575

САМОИСПЫТАНИЕ
САМОИСПРАВЛЕНИЕ

Из творений
святителя Феофана Затворника

САМОИСПЫТАНИЕ

(Послание ко всем православным христианам)

Не раз уже предлагал я вниманию православных ту простую истину, что в христианстве существо дела состоит в настроении сердца — во внутренних расположениях, или внутренней нашей деятельности, но доселе еще не покушался вместе с ними войти внутрь, подвергнуть рассмотрению все бывающее там, чтобы каждый чрез то навык различать потом в себе доброе и худое и соответственно тому обходиться с собою. Сделаем это теперь.

Смежите же внешние чувства ваши, обратите око внимания внутрь и смотрите — что там.

На первый раз вы ничего не видите, не потому, что там не было ничего, а потому что там слишком много всего, но все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают, когда бывает густой туман. Туман, как стеною, отграждает от нас все предметы и сокрывает их в себе; так точно и тот, кто в первый раз обращается внутрь себя, видит, что все внутреннее закрыто будто мрачным покровом. В этом можете удостовериться тотчас же. Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного, и вы скоро начнете мало-помалу различать происходящее внутри вас, подобно тому, как вошедший со двора в слабоосвещенную комнату, постояв немного, начинает постепенно различать находящиеся в ней предметы.

Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел; его место заступил другой, этот тотчас замещен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый в свою очередь пятым и так далее. Одно помышление спешно сменяется другим — и это так быстро, что почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например, при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: и во время молитвы в храме и дома, во время чтения и даже углубленного размышления. Обычно называют это думанием; в существе же дела это есть расхищение ума, или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столь нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте первою чертою нашего внутреннего человека. Это похоже на смятение снежинок, падающих при ветре, или толчение насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное тому состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее, а все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо, созерцающее Его. Между этими противоположностями стоят разные степени душ, трудящихся в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их.

Присмотритесь еще внимательнее, и вы различите в себе, под этим смятением помышлений в уме, в воле — постоянную заботу об устроении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его все вперед и вперед по недовольству ничем обладаемым и при производстве одного всегда представляя сотни других дел, будто бы неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам ни посидеть на месте, ни поговорить с кем-либо как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит нас, утомленных, глубокая ночь на отдых, в свою очередь возмущаемый за-

ботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется **многозаботливостью,** которая снедает душу, словно ржа железо. Ее и поставьте второю чертою того, что происходит внутри нас. Противоположное сему свойство святых есть беспечалие, которое, впрочем, не есть беззаботность, а смиренный труд, правильный, состоящий в предании себя и своей участи всепромыслительному попечению Божию. Средину между ними составляет борьба самопромышления с смиренным преданием себя промышлению Божию, при посильном и своем труде.

Смотрите еще глубже, и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и по ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении однако ж мечтающего о себе, что он наслаждается полною свободою. Узы этого пленника составляют пристрастия к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как рыба, попавшаяся на удочку, хоть и плавает, но никак не дальше, сколько позволяет то нить, к которой прикреплена удочка, или как птица в клетке, хоть летает и ходит, но никак не дальше пределов клетки, так и пристрастия оставляют еще душе свободу действовать как хочет, пока она не касается предметов их, а коснись дело до этих предметов, душа никак не совладает с собою, и чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан и не в силах сделать движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому, как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным: таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьей чертой нашего внутреннего состояния — **пристрастность.** Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий.

Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность — это еще не вся доля наша. Хоть они качествуют внутри, но все еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем же глубже вниманием к этому сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упреждаю ваше соображение сравнением: путник в горах, он видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшеюся травою, внутри мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей: это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это, хотя в продолжение небольшого времени, и смотрите, что там делается: получили неприятность — рассердились; встретили неудачу — опечалились; враг попался — загорелись местью; увидели равного себе, который занял высшее место,— начинаете завидовать; подумали о своих совершенствах — заболели гордостью и презорством. А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и прочее — одно за другим поражают сердце, и это только в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается. Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змий ядовитых, то есть страстей. Когда загорается какая-либо страсть — это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его своим жалом. И когда выникает (высовывается.— *Ред.)* змий — больно, и когда жалит — больно... Ужаливая, питается он кровию сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым и еще более тиранит сердце, в котором живет. Так бывает не с одною только страстию, но со всеми, а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, заслоняя, но не истребляя одна другую. Таково сердце человека, работающего греху, кто бы он ни был. В противоположность этому, сердце святых свободно от страстей, или украшается бесстрастием. В средине стоят борющиеся со страстьми и похотьми под знамением подвигоположника Господа, в Его всеоружии.

Ну, что же? Поредел ли теперь для вас мрак, сокрывающий наше внутреннее? И если поредел, то на радость ли, или на горе? Горе рассеянным, многозаботливым, привязанным к чувственному и терзаемым страстями!.. Блаженны, напротив того, души, внимательные к себе, успокоивающиеся в Боге, отрешившиеся от всего и очистившие сердце свое от страстей! Благословенны и труды тех, которые, оставя пагубы первых, стремятся востечь (восходить.– *Ред.*) к блаженству вторых!

САМОИСПРАВЛЕНИЕ

Все мы знаем, что надо принадлежать сердцем исключительно Господу и все, малое и великое, обращать на угождение Ему единому, но когда приходится приступить к делу, отрешиться от всего, мы прибегаем к разным оговоркам, чтоб остаться при своих привязанностях: "Где нам! — говорят.— Эта высокая жизнь принадлежит только избранникам, а мы хоть кое-как. Кто избран, тот особенно и призывается, как, например, апостол Павел и прочие". А эти избранники разве не сами пошли по зову Господа? Разве связанными влекла их благодать? Нет, услышали слово, покорились и устремились к Господу. Положим, что есть особые избранники и что у них все особо, но есть ведь и общий для всех путь — вот этим общим путем и пойдем. Обще же мы все избраны; коль скоро слово истины коснулось нашего слуха — значит, мы избраны. Нас зовет Господь, и мы безответны, если не пойдем вслед Его. Посмотрите, как обращались другие. Один услышал: *не скрывайте себе сокровищ на земле*[1]— и все оставил; другой прочитал: *всуе мятется человек, сокровиществует, и не весть кому соберет я*,— оставил суету, и вступил на твердый, прочный путь благоугождения; третий взглянул на Распятие с надписью: "Вот что Я для тебя сделал; что де-

1 Мф. 6, 19

лаешь ты для Меня?" — и всем сердцем предался Господу. Что ж, это разве все чрезвычайные требования? Да мы всякий день слышим и читаем тысячи подобных истин. Можно ли после этого считать себя непризванным? Нет, не за призванием дело, а за нами. Как обратились эти обратившиеся? Сознали, что нет жизни, кроме жизни в Господе, и переменили свою неподобную жизнь. Так бывает и у всех. Внутреннее изменение, или перелом зависит от добросовестности в отношении к познанной истине, а такая добросовестность всегда зависит от нас. Во внутреннее святилище сердца из посторонних никто не войдет: там все решает сам человек с своею совестью и сознанием. Станем же сами в себе пред лицом Бога, воспроизведем живее все, чего хочет Бог, и, сознав неотложность того для нашего спасения, положим в сердце своем так: отселе начну принадлежать Господу всем сердцем и работать Ему одному всеми своими силами — и совершится наше избрание, которое и есть сочетание нашей решимости с призванием Божиим. Господь близ; Он ко всем приходит и толцет (стучит.— *Ред.)* в сердце — не отворит ли кто. Если сердце — замкнутый сосуд, то кто виноват? Всему виною наша недобросовестность в отношении к познанной истине. Если бы этого не было, все и всегда были бы устремлены ко Господу.

И много ли требуется? Ведь мы не совсем же чуждаемся Господа. Только угождение Ему стоит у нас не на первом месте, не есть главное наше дело, а как бы приделок. Дело же у нас — угождение себе, угождение людям и обычаям мирским. Поставьте теперь угождение Господу на первом месте и перестройте все прочее по призванию одной этой цели, и ваше внутреннее настроение изменится. Во внешнем останется все то же, только сердце станет новое. Вот и все. Много ли это?

Печатается по изданию: Святитель Феофан Затворник. Созерцание и размышление: Краткие поучения.– М., 2003.

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1267

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 576

О страшном суде

Из проповедей
святителя НИКОЛАЯ митрополита
Алма-Атинского и Казахстанского

Свчтитель Николай Алмаатинский

О страшном суде

Не в приточной форме Господь наш Иисус Христос на сей раз говорит о Страшном Суде, а изображает его действительность.

Страшный Суд предварят чрезвычайные события, которые совершатся по Вселенной по Слову Божьему: “Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят” (2 Пет. 3, 10).

“...Солнце померкнет и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются” (Мк. 13, 24—25), наступит тьма, правда, на самый малый миг.

Солнце уступит свой свет грядущему во Вселенную Пресветлому Солнцу — Христу, от Которого возгорится Божий Свет и осветит весь мир блистанием Божества и Его славы.

И все это совершится в мгновение ока. Затем вострубят трубы. Звук сильный, будет слышен во всей Вселенной.

Земля отдаст своих мертвецов, воды и моря — своих, прах сожженных обратится в тела. Но тела будут не те тленные, а нетленные, ибо тленное, по слову ап. Павла (1Кор. 15, 53), обратится в нетленное, и смертное в бессмертное. Каждая душа соединится со своим телом. Смерть уже не будет иметь над ними власти, ибо сама она будет уничтожена победой. “Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?” (1Кор. 15, 56).

“Воскресе Христос, и ты низвержен еси. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь воцарися” (из слова св. Иоанна Златоуста на Пасхальной заутрени).

Воскресе Христос, и все возрадовались! Мертвые восстанут с нетленными телами, а оставшиеся в живых тогда изменятся, сбросят с себя тленную телесную оболочку и оденут души в нетление!

Все примет новый вид — соответственно новым условиям нового бытия.

Как зерно пшеницы, брошенное в землю, сперва истлевает, умирает, а потом оживает, растет и является снова зерно пшеницы, и мы видим мудрейшее обновление жизни, вышедшей из тления, но не другую <жизнь>.

Други мои, и мы все по воскресении будем иметь новый вид. Тела будут сиять светом солнца, лица покроются славою Божества. Говорю сие о славе праведных святых.

Тела же нераскаянных грешников, богоотступников, распинателей Христа, поносителей Его Святого Имени — будут лишены этого сияния. Наоборот, они подобно <движущейся> головешке покроются нечистотой греха.

И все, которые в своем виде явятся на Суд Божий, понесут на этот суд все свои дела: праведные — добрые дела, как приятные зрелые плоды; грешники поневоле понесут, ибо не смогут утаить своих скабрезных дел: прелюбодеяний, убийств, краж, матери-убийцы явят <несовершенный плод своего нрава>, все они вместо славы покроют тогда весь грешный мир своими смрадными телами. Люди будут находиться в этом смраде. Будут искать себе смерти, но ее уже не будет, будут просить облегчения в страданиях, но не получат.

Никто тогда не придет грешнику на помощь — ни отец, ни мать, ни друг, которые также предстанут пред судилище Божие, ни наши просьбы к Святым не услышатся, ни горькие слезные вопли нам тогда уже не помогут. Поздно. Время милости прекратилось. Пришло время суда. “Страшен суд Твой, Господи!”

Тяжки грешнику его окаянства! Пока еще есть время земного бытия — надежды и покаяния,— надо покаяться!

Но суда Божьего пока не было. Не разбирались дела ни праведников, ни грешников — это предварит суд совести каждого.

Совесть раскроет пред всем миром дела каждого из нас. Все мельчайшие моменты нашей земной жизни совесть откроет нашему сознанию.

То, что мы утаивали здесь от людей, станет ясным для всего мира: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Отцы увидят сокрытое в сердцах детей, женам будут ясны все прелюбодеяния мужей. Умерщвленные во утробе дети на весь мир будут вопиять, жалуясь на безумных своих матерей, отнявших у них Божественный дар — жизнь.

Какие поражающие страшные зрелища! Божий суд совести для каждого — прежде суда и приговора!

Что же ты, грешник, скажешь теперь? О,— скажешь,— аз трепещу страшного судного дня! Боюсь приговора Праведного Судии, ибо Суд Его будет без милости, приговор Его не изменится на всю вечность.

Горе нам, увы нам, грешным, боимся мы громового голоса Судии, Христа Спасителя: "...Идите от Меня проклятые..."

Тогда обратит наш Господь Лице Свое к праведникам, по правую сторону Его престола, и радуясь скажет им: "Приидите, благословенные..." Приидите, наследники Моей славы, войдите в Мою радость, ибо все то, чему я Вас учил при жизни Своей на земле, вы исполнили.

Одни из вас были, как и Я, гонимы за Имя Мое, другие мучимы, иные ради Меня напасти терпели. Приидите милостивые, приидите все, возлюбившие Меня, и за любовь ко Мне приидите в Мою славу, Мое Небесное богатство, в Мое Царство.

Приидите ко Мне, Я соделаю вас участниками брачного пира в дому Отца Моего, ибо Я Ему Сын, а вы Мои сыны..."

И пойдут все праведные в живот вечный, где вечно они пребудут, радуясь, со Христом и во Христе. И радости сей никто от них не отнимет, ибо там нет и не будет ни печали, ни скорби. Все там блаженно, все там свято, все там — слава Божия. Все там пребудут в Боге, и Бог будет почивать в душах праведных.

С трепетом выслушают себе приговор грешники: "Идите от Меня..."

Там — оправдание, здесь — осуждение; там дается сладость Царства Отца; здесь — ад и вечные муки с диаволом; там — свет, здесь — тьма; там — вечная радость; здесь — вечный скрежет зубов и вечное проклятие над головою — “Идите от меня...” все, оставившие Меня; все, не любящие Меня, все хулители Моего Имени, все жестоковыйные, вы – не Мои рабы, а рабы диавола, ибо всей своей жизнью вы ему служили, идите же от Меня в его царство на страдания и вечные муки”.

Опозоренные пред всем миром идут грешники в безбрежный океан страстей, в царство диавола.

Грозен приговор, и кто его отменит?! Мрак ада, смрад его темниц покроет своих несметных жителей. Пройдут века, а скорби не уменьшатся, а все более будут возрастать.

Пройдёт много веков, и ни один луч света и радости не пробьется сквозь толщу адского мрака и ни на одну секунду не облегчит страдающего там мира: “Горе, горе нам, увы, увы нам, бедным!” — со скрежетом зубовным будут вещать грешники. И вопли их будут вечны и неизменны.

Други мои! Кто из вас не устрашится сего приговора неизбежного Судии Христа? Кто из нас не пожелает избегнуть участи грешников и наследовать славу Святых?

Все желаем сего, все живем мыслью наследовать Царство Христа, помня Его слова, что только “чистые сердцем Бога узрят”. Очистим в себе покаянием греховные наши сердца, омоем их нечистоту слезами.. Дадим пищу голодному, оденем раздетого, посетим больного, не осудим брата, претерпим, ради Господа, всякую нужду, обиду, унижение.

Принесем Богу молитву мытаря, покаяние разбойника, слезы блудницы, и будем иметь веру с надеждой, что любовь и благодать Отца нашего Небесного не отвергнет нашего смирения в день судный.

“Помните же Страшный суд!” Но еще страшнее он для тех, кто о нем забывает и не имеет памяти о нем в сердце своем.

Аминь.

О святителе Николае митрополите Алма-Атинском (1877-1955)

Более четырех десятилетий прошло с того времени, как был призван в небесные обители митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай. И многие из тех, кто в жизни временной воспевал вместе с Владыкой молитвенную песнь Богу, также переселились в вечность. Но память о дивном молитвеннике, о старце-архиерее не умирает среди казахстанской паствы. Новое поколение, не знавшее митрополита Николая, но впитавшее от поколения предыдущего благоговейное отношение к Владыке, вписывая имя его в свои синодики для молитвенного поминовения и посещая место его блаженного упокоения, продолжает чтить его память.

Могила митрополита Николая в Алма-Ате стала святым местом для православных алмаатинцев и предметом паломничества для тех, кто посещает город. И если прийти туда даже в будний день, то непременно можно застать там молящихся. И в какое бы время года мы не оказались на его могиле, там всегда можно увидеть свежие букеты цветов, оставленными любящими почитателями Владыки. И теперь уже не важно — знал человек митрополита Николая или не знал, все православные алмаатинцы считают себя его духовными детьми, а самого Владыку своим отцом, ходатаем и покровителем. И если у кого-то случается несчастье или возникают затруднительные обстоятельства, самый первый совет, который дадут страждущему человеку алмаатинцы, это: «Поезжайте к Митрополиту». И можно не сомневаясь сказать, что обращавшиеся к владыке Николаю в молитве за помощью, не уходили от его могилы неуслышанными и неутешенными. Здесь успокаивается душа, утихает боль сердечных ран и предстательством Алма-Атинского святителя человек получает облегчение и явную помощь в своих нуждах.

Каждый год 25 октября накануне празднования Иверской иконы Божией Матери во всех церквах г. Алма-Аты стало уже не-

отъемлемой традицией совершать заупокойную Литургию и панихиду о упокоении в селении праведных приснопамятного митрополита Николая. После панихиды о почившем Святителе от Свято-Никольского собора, который стараниями Владыки был восстановлен из «мерзости запустения» и в дальнейшем стал местом его служения, отъезжают специально заказанные автобусы, которые доставляют верующих на Центральное кладбище к могиле митрополита Николая, где собором священников служится лития и говорятся теплые слова воспоминаний. И, как часто это бывает, не торопится православный люд покидать дорогую могилу, а еще долгое время под благодатным покровом молитв дорогого Старца-митрополита, «едиными усты и единым сердцем поет», славословя и благодаря Бога и Благую Вратарницу за этот дар — иметь на далекой от Российских пределов земле Казахстана своего молитвенника, предстателя и теплого ходатая за народ Божий, за веру Православную, каким является для нас Святитель Алма-Атинский и Казахстанский Николай.

Печатается по изданию: Святитель Николай
митрополит Алма-Атинский и Казахстанский.– М., 2000.

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1351

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 577

В 2003 году постановлениями Священного Синода от 30 июля и 6 октября определено включить в Собор Святых новомучеников и исповедников Российских 7 священномучеников, пострадавших за Христа на Псковской земле

Святые новомученики Псковские

ТРОПАРЬ, ГЛ. 2

Священному́ченицы земли́ Пско́встей, Васи́лие, Афана́сие, Алекса́ндре, Пантелеи́моне, Гаврии́ле, Нико́лае и Василие, и́стиннии па́стырие церкве Христо́вы, веры побо́рницы и испове́дницы. Христа даже до смерти возлюбисте, души за Него положи́сте. Ныне у престола Божия предстоя́ще Христа Бога моли́те о спасении душ наших.

КОНДАК, ГЛ. 7

Добре пожи́вшии и за Христа́ постра́давшии, седмочи́сленнии Псковстии священному́ченицы, вы есте́ жертва жива, свята, благоугодна, моли́те всеблага́го Бога грехо́в разреше́ние нам дарова́ти и ве́лию ми́лость.

СВЯТЫЕ
ПСКОВСКОЙ ЗЕМЛИ

Выпуск 16

Святой священномученик
АЛЕКСАНДР ГРИВСКИЙ, ПОДОКЛИНСКИЙ
(Порховский р-н)
1874 — 1918
Память 11/24 октября

Святой священномученик Александр Гривский родился 25 мая 1874 г. в погосте Болчино Порховского уезда Псковской губернии в семье протоиерея Симеона Афанасьевича Гривского, получил образование в Псковской Духовной семинарии. Семинарию он закончил по второму разряду и был определен псаломщиком в церковь погоста Дубки, где служил около года. В 1900 году правящий архиерей перевел его в Христорождественскую церковь села Чирская. В этой церкви находилась чудотворная, особо чтимая псковичами икона Божией Матери Одигитрия Чирская*, явленная Русской Церкви в княжение Василия I Дмитриевича.

Чуть ли не ежедневно, если судить по сводке клировых ведомостей, отец Александр совершал крещения, венчания, отпевания в своем приходе, насчитывающем около трех тысяч человек. Жизнь большого прихода заставляла отца Александра пребывать в непрестанной духовной бодрости и молитве.

Как и всякий священнослужитель своего времени, отец Александр преподавал Закон Божий в близлежащих учебных заведениях. Он законоучительствовал одновременно в Подоклинской и Бляницкой земских школах. Кроме того, нес епархиальные послушания — был членом Правления Порховского Духовного училища. Во внимание к пастырским трудам отца Александра Духовная Консистория 6 мая 1911 года наградила его набедренником.

* В настоящее время икона Божией Матери Одигитрия Чирская находится в кафедральном Свято-Троицком Соборе г. Пскова. Список ее имеется в п. Палкино Псковской обл.

Наступил роковой 1917 год. Начались расправы богоборцев с "классовым врагом" — православным духовенством и церковнослужителями. Отец Александр не мог молчать, видя беззакония, творившиеся повсеместно. С амвона стало звучать его смелое слово в защиту веры и народных святынь, осквернявшихся представителями богоборческой власти. Многим было ясно, что большевики не простят священнику его проповедей, раскрывающих суть происходящего в стране.

Так оно и случилось. Осенью 1918 года настоятель Подоклинской Богоявленской церкви был арестован и препровожден в тюрьму г. Порхова. 11 октября 1918 года отца Александра расстреляли за городом, в так называемых "Песках". Подробности расстрела неизвестны. Могила священномученика Александра не обнаружена.

Священник Александр Гривский был расстрелян одним из первых в Псковской епархии, как дерзновенный и бесстрашный пастырь, не убоявшийся обратить обличительное пастырское слово против богоборческого режима и его адептов. Он служил Святой Церкви в священном сане 11 лет. Светлая память о нем в народе Божием, несмотря на годы, жива и поныне.

Святый священномучениче Александре, моли Бога о нас!

Святой священномученик ПАНТЕЛЕИМОН БОГОЯВЛЕНСКИЙ, пресвитер Порховский

(Около 1881 — весна 1918)

Новомученик, священник Пантелеимон Богоявленский родился около 1881 года в Псковской губернии в семье псаломщика Великолукского Богоявленского собора Иоанна Богоявленского. Псковскую Духовную семинарию Пантелеимон закончил в 1903 году по второму разряду и был определен на место псаломщика в Никольский храм Александровского Посада на Талабских островах.

После 4 лет служения Пантелеимона псаломщиком на Талабских островах Арсений (Стадницкий), Архиепископ Псковский и Порховский, рукоположил его в сан диакона к церкви погоста Сенно Псковского уезда. Хиротония была совершена 3 июня 1907 г. за Литургией в Псковском Свято-Троицком кафедральном соборе.

Через год служения в диаконском сане, 30 сентября 1908 года, в день памяти священномученика Григория, просветителя Армении, диакон Пантелеимон был рукоположен во священника и определен

к храму Казанской иконы Божией Матери Благовещенского Воронцовского женского монастыря. Будучи молод и полон сил, отец Пантелеимон принимал участие не только в благоустроении обители, в хозяйственном ее возрастании, но, прежде всего, в духовной жизни насельниц. Здесь было открыто для него широкое поле пастырской деятельности. Отец Пантелеимон получал бесценный опыт в попечении о "малых сих", духовно возрастая от силы в силу.

Спустя 3 года служения в монастыре, к лету 1911 года отец Пантелеимон был перемещен на место священника в селение Верхний Остров, а осенью того же года — к Лопухинской инвалидной церкви свт. Николая в погост Карачуницы Порховского уезда. В Карачуницах с 1863 года действовало благотворительное заведение — Дом Призрения воинов-инвалидов, где проживали неимущие инвалиды войны в возрасте от 70 лет и более. Инвалидный дом был устроен местным помещиком, попечителем В.М. Лопухиным. О. Пантелеимон был назначен настоятелем церкви свт. Николая, которая была для бывших защитников Отечества местом приуготовления для перехода в вечность.

Но уже через полтора месяца отец Пантелеимон был переведен в уездный город Порхов в Свято-Троицкий собор вторым священником. Свято-Троицкий и Благовещенский соборы были одними из главных достопримечательностей Порховского края. Величественные, с благолепными внутренними интерьерами, они привлекали по тем временам большое количество порховчан. Отец Пантелеимон, став одним из пастырей главного городского прихода, стремился произносить проповеди как можно чаще. Батюшка видел острую необходимость в разоблачении политических, религиозных и прочих шарлатанов, заполонивших все слои общественной жизни. Он старался сеять в сознании своих прихожан идеи Истины и добра. Большинство прихожан были из простого народа, хранившего веру и отеческие традиции. Но в этой же среде находила отклик и душевредная пропаганда. И пастырь смело и решительно проповедовал в защиту веры и христианских добродетелей. Отца Пантелеимона привлекают и к преподавательской деятельности. Он входит в корпорацию преподавателей Порховского Духовного училища.

В октябре 1917 г. совершился большевистский переворот. Весной 1918 года священник Пантелеимон Богоявленский был расстрелян без суда и следствия врагами Христовой Церкви. Слово пастыря в уездном городе имело авторитет. Из храма оно неслось по домам, наполняло город, достигая всех и каждого. Слово звало народ остановиться в слепом следовании богоборцам, прийти в себя, вспомнить о Боге... У большевиков оставался один способ борьбы с такими проповедниками —

их физическое уничтожение. Отец Пантелеимон был убит за безбоязненную проповедь против врагов Святой Христовой Церкви. Ему было к этому времени 37 лет. В священном сане он служил Святой Церкви 11 лет.

Священномученик Пантелеимон Богоявленский воспринял честь мучеников, которые, по слову Святителя Григория Богослова, есть ***...духовные всесожжения, совершенные жертвы, приятные приношения, проповедание Истины, обличение, исполнение духовно постигаемого закона, разрушение заблуждения, гонение порока, потопление греха, очищение мира.***

Порховский край отныне приобрел своего святого покровителя, молитвенника и предстателя перед Престолом Божиим.

Святый священномучениче Пантелеимоне, моли Бога о нас!

Святые священномученики ВАСИЛИЙ ТРИУМФОВ,
протопресвитер Бежаницкий
1848 — 1919
ГАВРИИЛ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
пресвитер Апросьевский
(Новоржевский, ныне Бежаницкий р-н)
1878 — 1919
Память 13/26 февраля

Василий Александрович Триумфов родился в 1848 году. Данных о его рождении и его родителях обнаружить не удалось. По окончании в 1870 г. Псковской Духовной семинарии Василий был рукоположен во священника и определен к церкви Покрова Божией Матери большого села Бежаницы Новоржевского уезда (в настоящее время Бежаницы — административный районный центр Псковской обл.). Бежаницкий приход насчитывал до 30 деревень, в которых проживало 7100 православных прихожан. В округе проживали лютеране-латыши (131 чел.) и раскольники феодосиевского толка (18 чел.).

Отец Василий служил в Бежаницах с 1870 по 1919 гг., всего 49 лет. Почти полвека на одном и том же приходе он совершал священнослужение, полагал свои силы, усердие и опыт, окормляя бежаницкую паству. Несколько поколений Бежаниц, благодаря его трудам, были освящены церковными Таинствами.

Мученичество — особый венец, особый дар Божий. Его сподобился протоиерей Василий Триумфов. По слову аввы Исаака Сирина: “Страшен бесам, возлюблен Богу и ангелам тот, кто с горячею ревностию днем и ночью взыскует Бога в сердце своем». Таким страшным бесам и возлюбленным Богу стал священномученик Василий, служивший Престолу Божию до последнего дня своей жизни.

Святой священномученик Гавриил Преображенский родился 21 марта 1878 г. в погосте Котельня Островского уезда Псковской губернии. Его отец заслуженный протоиерей Стефан Васильевич Преображенский до глубокой старости служил святой Церкви.

Гавриил, будущий священномученик, был весьма способен к учению и имел хорошие певческие данные. Образование Гавриил получил в Порховском Духовном училище, которое в начале XX века отмечало свой 100-летний юбилей. Училище было известно добрыми традициями, заслуженными учителями и именитыми выпускниками. На старших курсах Гавриил Преображенский сдал экстерном экзамены на звание учителя церковно-приходских школ и 2 года после училища служил псаломщиком в церкви погоста Купуй Великолукского уезда. Затем он был перемещен в погост Врев Островского уезда, где состоял псаломщиком до 1903 г. В семье отца он с малолетства хорошо усвоил богослужебный Устав и церковное пение. Это дало ему возможность стать учителем пения во Вревской Министерской второстепенной школе. Преподаванию певческой науки детям он отдал 5 лет, и в дальнейшем послужил Церкви своим певческим дарованием в качестве регента.

31 августа 1903 г. отец Гавриил был рукоположен во диакона к Рождества-Богородицкой церкви погоста Дубровны Порховского уезда. Приход Дубровны в те времена был многонаселен и отличался особой любовью прихожан к дому Божию — храму. В Дубровновском приходе отец Гавриил служил диаконом 5 лет, до 1907 г. В местной церковно-приходской школе он состоял безмездным законоучителем.

Указом Епархиального Управления в 1907 г. отец Гавриил был перемещен на псаломщицкое место в г. Псков к Николаевской-со-Усохи церкви, надо полагать, из-за своих певческих дарований. Древняя Никольская церковь была расположена в самом центре города (нынешняя ул. Советская) и собирала много прихожан, среди которых были представители местной интеллигенции. Церковный клир подбирался к ней с особой тщательностью. Через 2 года архиепископ Арсений наградил диакона Гавриила Архипастырским благословением с выда-

чей свидетельства. В 1911 г. отец Гавриил принимал участие в работе съезда епархиального духовенства и в этом же году был рукоположен во священника к церкви п. Апросьево Новоржевского уезда. Хиротония была совершена в Свято-Троицком кафедральном соборе Высокопреосвященным Арсением. Отец Гавриил был назначен настоятелем и получил Апросьевский приход в возрасте 33-х лет. Большой Апросьевский храм, где полагал начало пастырским трудам будущий священномученик, имел 3 престола. Главный — во имя Рождества Иоанна Крестителя и 2 придельных: во имя свт. Николая и св. вмч. Параскевы-Пятницы. Приход насчитывал 79 деревень, в которых проживало 4,5 тыс. человек. В Апросьевском приходе было также 14 дворов сектантов, всего около 300 человек; они требовали сугубого пастырского попечения. Радиус деревень прихода составлял около 70 верст. Зимой и летом, иногда по крайней распутице, отец Гавриил перемещался по своему огромному приходу, окормляя многочисленную паству.

В 1919 году, в первые годы установления богоборческой власти на Псковщине, вместе со своим старшим собратом, протоиереем Василием Триумфовым, отец Гавриил был расстрелян большевиками в расцвете сил, пройдя 16-летний путь служения в священном сане. Оба пастыря были арестованы ЧК, обвинены в контрреволюционной деятельности и расстреляны Новоржевским Реввоенкомом.

Священники Василий Триумфов и Гавриил Преображенский, благочестно пожившие и пролившие кровь за Христа, ныне прославлены в лике святых новомучеников и исповедников Российских. Да помогут они нам, их потомкам и землякам, идти по пути очищения, покаяния и богоугодной жизни.

Святии священномученицы Василие и Гаврииле, молите Бога о нас!

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ГОНЕНИЙ

1937-1938

Святой священномученик НИКОЛАЙ ДВОРИЦКИЙ

ПРЕСВИТЕР ЛУКОМСКИЙ (ДНОВСКИЙ Р-Н)

Память 6/19 ноября

Николай Васильевич Дворицкий родился 7 мая 1878 г. в погосте Дегжо Дедовичского уезда Псковской губернии в семье священника. О детских годах сведений нет. Поступил в Псковскую Духовную семинарию. На пятом курсе по прошению был уволен из числа учащихся и посвящен в сан диакона к Михайловской

церкви села Дно Порховского уезда (ныне город и крупный железнодорожный узел). Это произошло в 1898 году, когда отцу Николаю исполнилось 20 лет. Такое раннее посвящение в священный сан по тем временам случай был довольно редкий, что свидетельствует об особых душевных качествах ставленника. Приход села Дно, куда был назначен отец Николай, был многочисленным и весьма оживленным. Соседство железной дороги в жизнь Дновского прихода привносило как свои достоинства, так и недостатки. Местные жители ездили на заработки в крупные города, и, возвращаясь домой, привозили с собою дух неверия и откровенного материализма, которым все более заражался мир. Привозили они также и дурные привычки, отнюдь не свойственные простому деревенскому люду.

Причт Михайловского храма состоял из священника, штатного диакона и псаломщика. В Дновском приходе имелось 3 школы: церковно-приходская и 2 земских, а также церковно-приходское попечительство. Была здесь также народная библиотека и хор певчих-любителей. Православных прихожан при Михайловской церкви в те времена насчитывалось около 2,5 тыс. человек. Большой приход требовал и больших трудов церковного причта. Богослужения и требы, заботы об устроении и поддержании церковно-приходской жизни, народного и школьного образования отец Николай разделял со священником Александром Белявским, а затем, когда по преклонным летам отец Александр ушел на покой, с его восприемником, священником отцом Александром Архангельским.

По представлению инспектора народных училищ Порховского уезда в 1905 году отец Николай был утвержден законоучителем 1-го Дновского земского училища. Он преподавал юношеству Закон Божий. Спустя 3 года за усердное и ревностное преподавание Закона Божия в Дновском земском училище ему была объявлена архипастырская признательность с выдачей свидетельства о сем 2 июня 1908 года.

В 1916 году отец Николай был награжден высокой церковной наградой — орденом Святой Анны III-й степени. К 300-летию царствования дома Романовых, которое широко отмечалось во всех регионах Российской Империи, отец Николай был удостоен памятных креста и медали. В звании диакона отец Николай прослужил 13 лет. 15 октября 1918 года, в 33-летнем возрасте, в Великом Новгороде, в Софийском соборе он был рукоположен в сан священника и назначен настоятелем церкви п. Лукомо Порховского уезда Псковской епархии (ныне Дновский район).

Первый арест отца Николая произошел в 1930 году.

Следствием отец Николай был отнесен к так называемым “тихоновцам”. Этим термином пользовались, когда необходимо было характери-

зовать “политическую” ориентацию священника. Ответы отца Николая на допросах свидетельствуют о нем как о зрелом пастыре, сумевшем отринуть неканонические церковные образования смутных времен: живоцерковников, иосифлянство, григорианство и пр. В сложный период церковного безвластия, обновленчества, расколов и нестроений отец Николай устоял на единственно правильном пути — на позиции патриаршей Церкви. Однако органы НКВД квалифицировали “преступление” священника Николая Дворицкого как действия “врага народа” и приговорили его к 5-ти годам лишения свободы по стандартной для духовенства статье: 58, п. 10 УК РСФСР.

Отбывал свой срок отец Николай в концентрационном лагере. Вернулся он в родные края в 1934 году.

21 октября 1937 года его снова арестовали органы НКВД. Содержался он в тюрьме г. Старая Русса, тогда Ленинградской, ныне Новгородской области. Поведение священника Николая Дворицкого на допросах явилось примером редкого мужества. Он превзошел все уловки и ухищрения следственного аппарата НКВД. Его не сломили пытки, не устрашила смерть. Цельно и с достоинством, не унизившим, но украсившим носителя священного сана, пронес свой крест мученичества и исповедничества священник Николай Дворицкий. С помощью Божией он выдержал там, где не выдерживал почти никто.

1 ноября 1937 года дело священника Николая Дворицкого было закрыто и передано Особой Тройке УНКВД Ленинградской области. Тройка обвинила священника Николая Дворицкого в контрреволюционной агитации и антисоветской деятельности и вынесла приговор: расстрелять. 6/19 ноября, в день памяти преподобного Варлаама Хутынского, отец Николай был расстрелян в застенках Старорусской тюрьмы. Захоронен в безвестной могиле.

Святый священномучениче Николае, моли Бога о нас!

Святой священномученик ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ,

Черницкий (Опочецкий р-н)

1872 — 1937

Память 14/27 ноября

Святой священномученик Василий Розанов родился 22 июня 1872 года в погосте Черницкое Опочецкого уезда Псковской губернии в семье священника Георгия Розанова, настоятеля местной церкви Покрова Богородицы. Окончил Псковскую

семинарию по второму разряду и был определен на место учителя и законоучителя в церковно-приходскую школу (русских и эстов) родного погоста Черницкое (Черница), находившегося близ д. Алексино. В настоящее время д. Черницы в Опочецком р-не не существует.

Преосвященный Сергий (Ланин), епископ Псковский и Порховский, рукоположил Василия Розанова 11 апреля 1902 г. во диакона, а 13 апреля — во священника. Он был рукоположен к Черницкой Покровской церкви, став преемником своего отца и пастырем своих односельчан. К этому времени ему исполнилось 30 лет. Для него началась жизнь сельского священника. Нелегок по тем временам был труд сельских батюшек. На их плечах, кроме церковных и приходских, лежали обязанности преподавания Закона Божия в учебных заведениях. Отец Василий преподавал в Коношинской земской школе.

Участь гонимых не миновала священника Василия Розанова и его семью. Батюшка и члены его семьи были лишены избирательных прав. Церковь и приход, где служил отец Василий, были ликвидированы. Зарегистрироваться, как требовал того закон, в какую-либо другую церковь ему не удалось: власть беспощадно проводила линию полной ликвидации Церкви. Но, следуя просьбам своих пасомых, отец Василий крестил, венчал, отпевал, служил на дому молебны. Он учил, что даже при отсутствии церкви можно приближаться к Богу. Учил опытно познавать, что с Горним миром можно связаться очень просто, имея чистое сердце и крепкую веру. Многое отец Василий делал тайно, осторожно, но карательным органам его деятельность была известна. За ним велась слежка со стороны агентурных служб НКВД. Работа пастыря с людьми, которая пробуждала в человеке все лучшее к жизни, звала к добру, любви, у некоторых понуждала проснуться, быть может, давно уже уснувшую совесть — эта деятельность его была неугодна властям и расценивалась как антисоветская... И когда наступил последний, самый жестокий период гонений на духовенство, 9 октября 1937 года отца Василия Розанова арестовали. 65-летний пастырь был заключен под стражу в тюрьму в г. Новоржеве.

В тюрьме г. Новоржева отец Василий пробыл полтора месяца, с 9 октября по конец ноября месяца 1937 г. Он знал несомненно, что его ожидает: в течение многих лет, а в конце 1930-х особенно, органы НКВД забирали всех священнослужителей. Назад никто из них не возвращался...

25 ноября по следственному делу на обвиняемого Розанова В. Г. было подписано обвинительное заключение: “Обвиняется в том, что проводил контрреволюционную агитацию, направленную против советской власти и колхозного жительства, высказывал террористиче-

ские настроения, распространял провокационные слухи о войне и восхвалял троцкистскую банду фашизма. Виновным себя не признал". Следственное дело на Розанова В. Г. было направлено в Тройку НКВД Калининской обл., которая постановила: "Розанова Василия Георгиевича — расстрелять". Приговор был приведен в исполнение 14/27 ноября 1937 г.

65-летний священник Василий Розанов благочестно служил в священном сане 35 лет. Он был расстрелян как враг богоборцев и друг Христов. Пройдя через тяжелые испытания, подтвердив свою твердую веру и праведную жизнь мученическою кончиною, священник Василий Розанов добропобедно вошел в торжество Церкви Небесной.

Святый священномучениче Василие, моли Бога о нас!

Святой священномученик **АФАНАСИЙ КИСЛОВ,** протопресвитер Прихабский (Себежский р-н)

1880 — 1937

Память 10/23 августа

Протоиерей Афанасий Григорьевич Кислов родился в марте 1880 года в деревне Тараскино Себежского уезда Псковской губернии в русской крестьянской семье. 2 года, с 1908 по 1910 годы, он учится на псаломщика. После окончания учебы Афанасий был назначен псаломщиком к Успенской церкви с. Яслуйжи (Айзкалне) Прейлисского уезда Витебской губернии (ныне этот приход находится на территории Прибалтики, в Латвии).

В 1910 г. Преосвященный Серафим (Мещеряков), епископ Полоцкий и Витебский, рукоположил Афанасия в сан диакона.

6 лет отец Афанасий служил диаконом в церкви большого прихода с. Сиротино Витебской губернии. Революция 1917 года и последующие за ней трагические события не переменили желание отца Афанасия служить Богу, и с 1918 года он диаконствует в церкви во имя Вознесения Господня с. Хвощно Витебской обл.

Во священники отец Афанасий был рукоположен в 1924 году в г. Витебске епископом Иннокентием (Летяевым) и назначен настоятелем церкви с. Рудня Межанского р-на Витебской епархии. Отец Афанасий принял сан священника, когда гонения от богоборцев принимали все более широкий размах. Этим шагом он сознательно вступил на путь страданий за имя Христово.

По причине гонений, ввиду массовых арестов церковных иерархов, и как результат нараставшего хаоса в высшем управлении Русской Православной Церковью, духовенству на местах, на приходах, чрезвычайно трудно было ориентироваться в происходящем. Что же касается отца Афанасия, то он придерживался единственно верной позиции — оставался в лоне патриаршей Церкви. Этот факт весьма показателен в характеристике личности отца Афанасия, удостоившегося впоследствии от Господа мученического венца за веру.

В 1930 г. Кисловы переехали в Себежский р-н Псковского округа. Батюшке удалось зарегистрироваться священником Никольской церкви с. Прихабы Себежского района. Насколько было возможно по обстоятельствам того времени, отец Афанасий продолжал приходскую деятельность. Крестил он на дому, где для этого была припасена старинная купель.

В 1935 году на Пасху отца Афанасия арестовали прямо в храме, во время богослужения. В течение 2-х недель он находился под арестом "для выяснения каких-то обстоятельств"[7]. Его отпустили без оформления "дела". Отец Афанасий после этого ареста снова вернулся домой полуживым. Но духом батюшка оставался крепок и, поправившись, снова вернулся к Престолу Божию. Жить легально священнику к концу 30-х годов было опасно. Родные и близкие не раз предлагали и просили отца Афанасия скрыться, но он всегда отвечал им так: ***Иисус Христос страдал, и я пойду страдать за Него....***

Единственный допрос отца Афанасия состоялся 13 августа 1937 г. после ночного ареста. На все возводимые на него следствием обвинения в антисоветской деятельности отец Афанасий отвечал отрицательно. Он говорил, что служил Богу и людям против властей, Богом поставленных, не шел, людей учил евангельским истинам, отнюдь не касаясь политики: "Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены" (Рим., 13:1).

23 августа 1937 года отца Афанасия Кислова расстреляли в застенках внутренней тюрьмы НКВД г. Твери. Сведений о месте его захоронения не имеется.

Отец Афанасий принял мученическую кончину за Христа, которая увенчалась ныне его славою. Протопресвитер Афанасий Кислов причислен Русской Православной Церковью к лику святых новомучеников и исповедников Российских.

Святый священномучениче Афанасие, моли Бога о нас!

Печатается по изданию: Святые новомученики Псковские.– Псков: Снетогорский Рождества Богородицы монастырь, 2004.

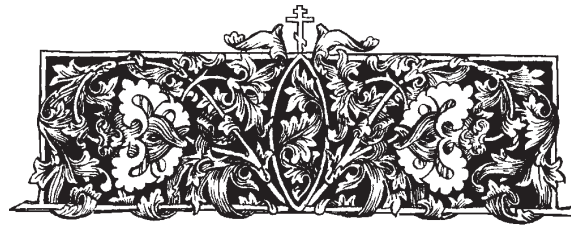
2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1394

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 578

РАДОВАТЬСЯ ЛИ БОГАТСТВУ? УНЫВАТЬ ЛИ В СКУДОСТИ?

Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствия и пагубу.

(1 Тим. 6, 8-9).



РАДОВАТЬСЯ ЛИ БОГАТСТВУ? УНЫВАТЬ ЛИ В СКУДОСТИ?

Несмотря на оптимистичные новости о наметившемся выходе России из тяжелого экономического кризиса, на душе не становится спокойнее. Мы продолжаем постигать нищету и жестокость мира, в котором материальные ценности преобладают над духовными, не уповаем на стабильность экономики. Нынешнее время отличается обострившимся разграничением россиян на богатых и бедных. Особенно заметно богатеют крупные города на фоне катастрофического обнищания провинций.

Однако переход от материального благополучия к нужде в среде так называемого «среднего класса» часто происходит с неожиданной быстротой. Сегодня ты здоров, отец семейства, трудишься на частном предприятии, твоя профессия востребована и взгляд в будущее относительно спокоен. Но стоит серьезно пошатнуться здоровью (собственному или сродников), попасть под сокращение в разоряющейся фирме, разбить в аварии чужую иномарку... От тихого мирного жития останутся одни воспоминания.

О том, что человек немощный социально не защищен (ребенок-сирота, пожилой, инвалид, болящий и т.д.) известно всем, но большинство сильных и здоровых старается отодвинуть подальше думы о проблемах страждущих и о своих перспективах в старости. Так вот и живут богач с бедняком рядом: каждый сам по себе, да всяк за себя. Одни пытаются взять от жизни все по максимуму сиюминутной роскошью, втайне страшась, что богатство растает как дым, а другие скрипят и проявляют удивительные

способности выживать в самых тяжелых условиях, но при этом изрядно ропщут на жизнь и остатками сил клянут богатых. Разумеется, из сложившейся ситуации есть положительный выход как в рамках общественного устройства в целом, так и для каждого из нас в частном плане бытия. И если повлиять на положение дел в стране не всегда получается, то противостоять жестокому наезду денег на душу может каждый независимо от достатка и общественного положения. Каким образом? Ответы нам даны уже более двух тысяч лет назад, и тот, кто стремится жить по заповедям Христа Спасителя, не разжиреет в богатстве и не отчается в нищете.

КАК ПРЕТЕРПЕВАЛИ НА РУСИ ГОЛОДНЫЕ ГОДЫ

В Древней Руси не записывали рецепты, не было кулинарных книг, а секреты домашнего кухонного творчества передавались от матери к дочери, из дома в дом, из поколения в поколение. Сейчас с трудом можно себе представить, как управлялись люди без холодильников, миксеров, электромясорубок, посуды с тефлоновым покрытием и других современных приспособлений, которыми ныне стараются оснастить кухни. Хозяйки в простой печи с помощью незамысловатых средств творили свое искусство, а купцы ухитрялись доставлять свежайшую икру и волжскую стерлядь без всяких самолетов за тридевять земель. В старину у хозяек бытовала поговорка: «Что ни родится, все в дело сгодится». Действительно, у разумных хозяев ничего зря не пропадало. Но достаток и урожаи бывали далеко не всегда. Худо, если и хлеба не было: хлеб на стол, так стол — престол, а хлеба ни куска, так и стол — доска. Однако хозяева не терялись, подавали совсем скромную пищу: кашицу на воде, гороховый кисель или лук, крошенный в квасе. Ну, а когда наступали совсем уж голодные годы, то вспоминали, что лебеда и другие сорняки вырастают, несмотря ни на какие невзгоды. Предки наши не унывали и подходили к вопросу о пропитании вполне оптимистично, творчески используя в пищу все, что Бог послал. А если быть терпеливыми и не капризничать

относительно вкусовых качеств, то съедобного сырья вокруг можно найти очень много. Трудные времена: голод, моровые поветрия, войны и другие всенародные бедствия воспринимали на Руси как вразумление Божие за грехи. И когда приходило всеобщее осознание необходимости покаяния, беда непременно отступала. Учитывая опыт предков, обратимся к старинным рецептам приготовления пищи из дикорастущих растений, из самых простых круп. Не исключено, что этими советами придется воспользоваться на практике, если для христианина настанет время гонений. Уже сегодня, в связи с активной рекламной агрессией, приходится всерьез задумываться о таком странном на первый взгляд понятии, как экономическая самооборона семьи. Массовым стало явление случайных необдуманных покупок, которые совершаются под гипнотическим влиянием рекламного навязывания. Человек тратит чуть ли не последние средства на второстепенную вещь, зачастую далеко не лучшего качества, и впоследствии не может объяснить ни себе, ни ближним, зачем же он ее приобрел. Если семья, живущая в достатке, спокойно переживет подобное заглатывание рекламных крючков, то для людей небогатых пустяковых растрат не бывает. Надо постараться максимально оградить себя от подобных уловок и не надеяться на собственный здравый смысл в покупках, а принять за правило (особенно женщинам) чаще советоваться с родственниками и вырабатывать совместную практику ведения домашнего бюджета. Кстати, это поможет избежать многих конфликтных ситуаций в семье, поскольку финансовая безответственность хозяйки и лень вести учет расходов умножает социальную неустойчивость. Если вы не можете с собой справиться, откажитесь от карманных денег, берите с собой строго ограниченную сумму. Многие на это возразят, что вести мелочные подсчеты — означает ломать себя и впадать в грех скупости. В данном случае речь идет о необходимости рациональной экономии в критических обстоятельствах острой нужды и ограничении именно безрассудных растрат. Разумеется, о милосердии и щедрости не стоит забывать никогда. Лепта евангельской бедной вдовы, пожертвовавшей последнее,— пример для христианина во все века.

Традиционный путь уменьшения расходов — самообеспечение и самообслуживание. Всегда можно обратить внимание на то, что

мы можем смастерить, сшить, связать, сварить без денежных вложений. Известен опыт многих православных общин, где прихожане не только молятся вместе, но и коллективно решают хозяйственные проблемы. Например, несколько семей совместно закупают оптом дешевые продукты. Помогают друг другу с их транспортировкой и хранением. Отдают «по наследству» от старших младшим детскую одежду и игрушки. А пожилые прихожанки вяжут чуть ли не на на всю общину теплые вещи. Особенно важно не замыкаться в своих проблемах многодетным семьям и одиноким старикам, которым во все времена сложнее живется.

НЕ ВСЁ ВКУСНОЕ — СЪЕДОБНО

Увы, женщина, занятая целый день на работе, не успевает уделить достаточного времени для приготовления свежей полноценной пищи. В этом беда нынешней жизни, когда мать вынуждена надрываться, зарабатывая деньги ради семьи, она одновременно теряет семью. Ведь забота о духовном и физическом здоровье домочадцев, рождение и воспитание детей — главное назначение женщины. «Подспорье» для усталой хозяйки в виде многочисленного ассортимента полуфабрикатов, замороженных продуктов длительного хранения и пищи быстрого приготовления в итоге оборачивается для родственников тяжелыми хроническими заболеваниями органов пищеварения, аллергическими реакциями, снижением иммунитета. В стремлении заполнить нашу жизнь «удобными» полуфабрикатами есть своя страшная разрушительная подоплека. Современную хозяйку активно отучают самостоятельно, с любовью и старанием готовить пищу. А ведь только кушанье, приготовленное руками, без раздражения, с молитвой на устах, в полной мере может считаться полноценным и пойдет во благо ближним. От творчества хозяйки зависит и вкус еды. Наскоро сунутые в духовку пышки из замороженного теста с искусственным наполнителем никогда не заменят настоящие мамины пироги. Однажды довелось видеть, как муж удивленно любовался своей супругой, решившей впервые за десять лет семейной жизни приготовить своими руками пельмени. Такая заботливая «неожиданность» с ее стороны порадовала его больше,

чем жена могла предугадать. Эта мелочь,— приготовленные для мужа пельмени,— оказалась важным дополнением домашнего уюта. «Некоторые жены думают только о романтических идеалах, а повседневными своими обязанностями пренебрегают и не укрепляют этим свое семейное счастье. Часто бывает, когда самая нежная любовь погибает, а причина этого — в беспорядке, небрежности, плохом ведении домашнего хозяйства» (Святая царица-мученица Александра «О браке и семейной жизни»).

А ведь молодым хозяйкам реклама заведомо навязывает феминистскую позицию уделять больше внимания себе, как можно интенсивнее внедрять бытовую технику, пользоваться полуфабрикатами, освобождаясь от забот. Если стиральную машину и пылесос, действительно, хочется поблагодарить за сэкономленное время, то микроволновую печь можно назвать смертоносной «помощницей», убивающей в продуктах все живое.

Между тем, семью в питании нельзя пускать на самотек с самого начала. В этом вопросе женщина вправе даже бороться с гурманством родственников. Необходимо смиренно, но настойчиво приучать мужа и детей к тому, что мы едим для того, чтобы жить, а не живем для того, чтобы есть. Это общеизвестное утверждение ныне не популярно. Вкусовые синтетические добавки (усилители вкуса и запаха) подсаживают членов семьи на определенный вид суррогатных продуктов так крепко, что они и слышать не хотят о «невкусной» овсяной каше, и вспомнят о ней, увы, только измаявшись печеночными коликами, заработанными из-за пристрастий к вкусному. Из этого, конечно же, не следует делать вывод, что надо заставлять людей есть пищу, которая вызывает отвращение. Существует понятие вкусовой нетолерантности (непереносимости) тех или иных продуктов, той же овсяной каши. Но зачастую утверждение: «Я это есть не могу» — возникает именно по причине избалованного вкуса: «Я это есть не желаю». Известны примеры, когда дети, мучающие дома родителей отказами от простой пищи, попав в экстремальные условия (например, в турпоходе), где их не балуют пирожными и копченой колбасой, уплетают с радостью то, от чего дома воротили нос.

КРАСИТЕЛИ, ЭМУЛЬГАТОРЫ, КОНСЕРВАНТЫ И ДРУГИЕ *Е* № ...

Красители и ароматизаторы, как несложно понять из названия, изменяют цвет и запах продуктов, делая их более привлекательными для покупателя.

Консерванты — предотвращают рост развития болезнетворных бактерий и микроорганизмов.

Антиокислители (антиоксиданты) — замедляют процессы в жировых и масляных эмульсиях.

Стабилизаторы — сохраняют консистенцию.

Разрыхлители — делают выпечку более пышной.

Эмульгаторы — создают стабильную эмульсию и способствуют поддержанию однородности, например, крема или мороженого.

Специфические названия пищевых добавок, как правило, слишком длинные. Поэтому в странах ЕЭС была создана система цифровой кодификации, где буква Е означает разрешенные в Европе пищевые добавки. Разрешение на применение добавок выдает специальный комитет Всемирной организации здравоохранения.

Перечень разрешенных добавок периодически пересматривается в соответствии с последними научными исследованиями. Дополнительное разрешение на использование тех или иных добавок у себя в стране выдают соответствующие органы здравоохранения. В России разрешено к использованию и допускается присутствие в импортных товарах приблизительно 250 пищевых добавок.

По данным ВОЗ предполагается, что разрешенные к применению добавки не несут в себе опасности для здоровья абсолютно здорового человека. Вряд ли кто-либо из современников с уверенностью дерзнет назвать себя таковым.

Из неоправданных нарушений в этой области можно перечислить применение следующих добавок.

— Е 250 нитрит натрия и Е 251 нитрат натрия вредны даже для здорового организма. Они вызывают воспалительные процессы, аллергические реакции, головную боль, печеночные колики и др. Эти добавки очень популярны для использования в производстве колбасы, мясных изделий длительного хранения и консервов.

— Е 221 сульфат натрия и Е 621 глутамат натрия также не запрещены и применяются в России. А глутамат натрия очень популярен в составе многих блюд «китайской кухни» — лапши быстрого приготовления и консервов. Эта добавка усиливает вкус мяса или курицы, которых на самом деле в быстросупах минимальное количество. Глутамат натрия активно используется в производстве бульонных кубиков, колбас и полуфабрикатов, в которых натурального мяса в десять раз меньше, чем соевого белка, притом еще из ГМ-сои. Дешево для производителей, но сердито для потребителей.

— Е 313 этилгаллат, Е 311 октилгаллат, Е 213 бензоат кальция — вредны для аллергиков и астматиков. В России эти добавки запрещены, но применяются в других странах, поэтому необходимо обращать внимание на информацию упаковки.

— Е 102 тартразин — это желтый пищевой краситель, способный вызвать аллергию. Разрешен в России и применяется для изготовления мороженого, конфет, кондитерских изделий.

— Е 211 бензоат натрия — консервант, разрешен в России, используется в напитках, рыбных и плодово-овощных консервах, также вреден для аллергиков.

— Е 321 бутилгидроксилтолуол, Е 320 бутилгидроксианизол — антиокислители, применяются в России при производстве жевательной резинки, жировых продуктов, задерживают воду в организме и повышают содержание холестерина.

Перечисленные выше примеры лишь вершина айсберга проблем, порождаемых применением биодобавок. В целом самые вредные вещества — искусственные красители и большинство консервантов. Многие ученые считают, что консерванты влияют на возникновение онкологических заболеваний. Меньшее беспокойство вызывают эмульгаторы и антиоксиданты, но даже их употребление лучше свести к минимуму.

Приведем перечень основных пищевых добавок, которые не имеют разрешения к применению в пищевой промышленности Российской Федерации. Употребление продуктов, на этикетках которых вы найдете коды этих добавок, вредно для здоровья.

Красители: Е103, Е107, Е125, Е127, Е128, Е153, Е154, Е155, Е160d, Е160f, Е166, Е173, Е174, Е175, Е180, Е182.

Консерванты и антиокислители: Е209, Е213, Е214, Е215, Е216, Е217, Е218, Е219, Е225, Е226, Е227, Е228, Е230, Е231, Е232, Е233, Е237, Е238, Е241, Е252, Е263, Е264, Е283, Е302, Е303, Е305, Е308, Е309, Е310, Е311 Е312, Е313, Е314, Е317, Е318, Е323, Е324, Е325.

Регуляторы кислотности, улучшители муки и хлеба; добавки, препятствующие слеживанию и комкованию; загустители, влагоудерживающие агенты, желирующие агенты, эмульгаторы, отвердители, усилители вкуса и аромата, газирователи и др. добавки: Е328, Е329, Е343, Е344, Е345, Е349, Е350, Е351, Е352, Е355, Е356, Е357, Е359, Е365, Е366, Е367, Е368, Е370, Е375, Е381, Е384, Е387, Е388, Е389, Е390, Е399, Е403, Е408, Е409, Е418, Е419, Е429, Е430, Е431, Е432, Е433, Е434, Е435, Е436, Е441, Е443, Е444, Е446, Е462, Е463, Е465, Е467, Е474, Е476, Е477, Е478, Е479, Е480, Е482, Е483, Е484, Е485, Е487, Е486, Е489, Е492, Е493, Е494, Е495, Е496, Е505, Е512, Е519, Е520, Е521, Е522, Е523, Е535, Е537, Е538, Е541, Е542, Е550, Е552, Е554, Е555, Е556, Е557, Е559, Е560, Е574, Е576, Е577, Е579, Е580, Е622, Е623, Е624, Е625, Е628, Е629, Е632, Е633, Е634, Е635, Е640, Е641, Е906, Е908, Е909, Е910, Е911, Е913, Е916, Е917, Е918, Е919, Е922, Е923, Е924b, Е925, Е926, Е929, Е942, Е943a, Е943b, Е944, Е945, Е946, Е957, Е959, Е1000, Е1001, Е1105, Е1503, Е1521.

ГЕНЕТИЧЕСКИ МОДИФИЦИРОВАННЫЕ ПРОДУКТЫ

Генетически модифицированные (ГМ) продукты — крупное нововведение современной науки, уже внедренное в практику. Однако люди в большинстве стран относятся к этому достижению с большим подозрением. Что же такое ГМ-продукты и какое влияние они могут оказать на здоровье? Это продукты так называемых трансгенных растений и животных, в геном которых с помощью сложных методов генной инженерии встроены гены своего или другого вида, благодаря чему они приобретают заданные полезные свойства. Генетически модифицированные продукты начали появляться еще в начале 1980-х годов. Например,

получен ГМ-картофель, который не ест колорадский жук, ГМ-помидоры, не портящиеся при хранении. В геном кукурузы встроили ген холодоустойчивости арктической камбалы и получили морозоустойчивую кукурузу. Разработаны трансгенные сельскохозяйственные растения с повышенной плодородностью, устойчивостью к вредителям; трансгенные молочные животные, молоко которых без сложных и дорогих технологий превращается в сыр. Только ГМ-растений с улучшенными свойствами сегодня существует более 130: соя, кукуруза, картофель, рис, томаты, перец, огурец, тыква, дыня, рапс и др. Всего в мировом пищевом производстве доля ГМ-продуктов составляет уже более 2%. Основная масса трансгенных растений и животных для пищевых нужд производится в США, а также в Канаде, Аргентине, Китае. В Российском сельском хозяйстве ГМ-продукты практически не производятся. По валу больше всего выпускается генетически модифицированной сои и кукурузы. Причем более 90% от всех потребляемых ГМ-продуктов составляет соя. Она же, ГМ-соя составляет 60% мирового производства сои.

Несмотря на то, что в нашей стране нет своих ГМ-продуктов, мы все их уже попробовали. Импортные соевый белок, кукурузный крахмал добавляются в колбасы, хлебобулочные и кондитерские изделия, многие полуфабрикаты. Из плодов ГМ-растений производятся чипсы, быстрорастворимое какао. Генетически модифицированные продукты значительно дешевле, надо полагать, что именно поэтому их в больших количествах закупают за рубежом. Уже используются (пока в качестве эксперимента) семена ГМ-растений, предлагаемых России за бесценок. Дешевые во всем мире закусочные «Макдональдс», завоевавшие и российский рынок, открыто заявляют, что они используют ГМ-продукты. Казалось бы, следует ожидать триумфального шествия ГМ-продуктов по всему миру. Однако во многих странах общественное мнение настроено резко против ГМ-продуктов. В Европе производителей обязали ставить на продукты лейбл «GM», если доля их компонентов в продукте более 3-5%. Дорогие рестораны встречают посетителей вывесками: «Мы не используем ГМ-продуктов». Дело доходит даже до демонстраций протестов против внедрения ГМ-продуктов и уничтожения борцами за «натуру» посевов с ГМ-растениями. Почему такая реакция? Люди

боятся, что ГМ-продукты нанесут урон их здоровью, так как до конца не изучено, насколько они токсичны. Высказывают даже подозрение, что поскольку ГМ-продукты несут никогда ранее не встречавшиеся в природе искусственные гены, то они повредят генетический аппарат человека, женщины будут рожать детей с отклонениями в развитии. Генетически модифицированные продукты могут также оказаться причиной аллергии, так как при употреблении кукурузы со встроенным рыбьим геном человек, страдающий аллергией на рыбу, возможно, получит обострение аллергической реакции.

Оставим ученым разбираться в тонкостях вопроса о вреде или пользе ГМ-продуктов с точки зрения медицины и посмотрим на дело со стороны духовно-нравственного аспекта этого новшества. Человек внедрился в созданное Богом гармоничное творение. Эту дерзость можно отнести к проявлению первородного греха только в «модифицированном» варианте. Забывают современники, что когда прародители захотели стать богами, то закончилось дело бедой богоотступничества и изгнанием из Рая. Даже, если везде будут трубить о безвредности ГМ-продуктов, трудно будет доказать их пользу и подтвердить чистоту исследований, поскольку «безвредность» в данном случае слишком выгодна производителям. Кроме того, нельзя исключить, что истинные результаты употребления ГМ-продуктов выяснятся только по прошествии длительного времени. Если предположить, что некие злоумышленники смогут использовать достижения генной инженерии и создадут, например, медленно убивающий человека ГМ-хлеб или другие продукты, то станет совсем уж не до восторгов наукой. К сожалению, исключить таких злоупотреблений со стороны падшего рода человеческого нельзя.

Безусловно, городские жители, не имеющие своего подсобного хозяйства, скорее всего до конца не смогут отфильтровать ГМ-продукты из своего рациона. Но, по возможности, лучше исключить подозрительные полуфабрикаты, сою импортного производства, импортные овощи, фрукты, импортное мясо и др.

Ну, а если все же не будет выбора и придется съесть какую-либо новомодную отраву в красивой упаковке, не пугайтесь. С нами благодатная сила креста и молитвы. Имейте веру крепкую и утешайтесь мужеством православных святых мучеников,

которых не так-то просто было отравить или иным способом лишить жизни до тех пор, пока Сам Господь не благоволил призвать их к Себе.

«Беден ли ты? Не унывай; ибо чрезмерное уныние бывает причиною греха, когда скорбь потопляет собою ум и от недостатка рассудительности рождается неблагодарность. Напротив того, имей надежду на Бога. Не может быть, чтоб Он не обращал взора на твое стеснительное положение… Не буду подробно перечислять действий Божия Промысла, многократно отечески явленных людям. Но ты покажи несколько терпения в несчастии, как мужественный Иов. Соблюди в душе благодарность, как драгоценную клажу, и за благодарность получишь наслаждение. Помни апостольское изречение: *о всем благодарите (*1 Сол. 5, 18).

Беден ты! Но без сомнения есть другой, беднее тебя.

Святитель Василий Великий

ЧТО НИ РОДИТСЯ, ВСЕ В ДЕЛО СГОДИТСЯ

СОСНА

Давно уже замечены целебные свойства хвои сосны, обусловленные наличием в ней летучих фитонцидов. В сухом сосновом бору больные туберкулезом, вдыхая насыщенный ароматом хвои воздух, как бы дезинфицируют свои легкие. Ранней весной, когда еще не тронулись в рост и не успели распуститься смолистые сосновые почки, можно собирать сырье сосны: это розово-бурые побеги длиной до 4 см (почки) и однолетняя хвоя молодых веточек. Техника сбора почек очень проста и сводится к срезанию их острым ножом целыми “коронками”, иногда вместе с небольшой частью верхушек побегов молодых деревьев. Сушат сырье на чердаках (но не в печи, так как смола растапливается и испаряется) и хранят в сухих, хорошо проветриваемых помещениях в фанерных ящиках. Хвою можно заготавливать в течение всего года, но наибольшее количество аскорбиновой кислоты в ней находят в зимнее время. В почках обнаружены жирное масло, смолы, микроэлементы и др.

Хвойный квас

Молодые побеги сосны (7-10 см) измельчить, отварить и процедить. Добавить сахарный песок (1 кг на 10 л отвара) и варить до консистенции жидкой патоки. Для приготовления кваса смешать хвойную патоку с водой в соотношении 1:15, кипятить 2 ч., дать остыть, предоставить время брожению, а затем разлить по бутылкам, закупорить и держать в холодном месте.

СНЫТЬ

Сныть издавна известна как съедобное и лекарственное растение. Ее второе название "подагрария" указывает на применение для лечения подагры. В старинных русских травниках она встречается под именем "снеть-травы". Слово "снеть", близкое к слову "снедь",— то, что "снедают", то есть съедают.

Именно этой съедобной травой питались многие святые подвижники. Большим преимуществом сныти является то, что в России она встречается практически повсеместно, появляется очень рано и живет до самых заморозков.

Сныть можно употреблять в отварном, соленом, сушеном, квашеном виде — все будет пригодно и полезно. При наличии муки или сухарей из нее можно печь пироги и лепешки.

Сныть квашеная

Промытые листья сныти укладывают на дно бочки, посыпают солью, утрамбовывают до выделения сока, затем опять слой сныти 5 см, снова солят и так до заполнения бочки. Затем выдерживают 2-3 дня в теплом месте и выносят на холод для хранения. На 1 кг сныти берут 40 г соли.

КРАПИВА ДВУДОМНАЯ

Пельмени с крапивной начинкой

Готовят обычное пельменное тесто (пшеничная мука, яйца, теплая вода, соль) и дают ему набухнуть в течение 30 мин. и раскатывают толщиной 3 мм. Листья крапивы промывают, измельчают, обжаривают на масле вместе с луком. Пельмени варят в подсоленной воде. Особенно хороши они будут на столе со сметаной. На 300 г крапивы: 200 г муки, 2 яйца, 1-2 головки лука, масло растительное или топленое сливочное.

МОЛИТВА
ко Пресвятой Богородице перед Ея иконой, именуемой «Спорительница хлебов»

О, Пресвятая Дево Богородице, Премилостивая Владычице, Царице Небесе́ и земли́, всякаго дома и семейства христианскаго Благоустроительнице, труждающихся благословение, нуждающихся неистощимое богатство, си́рых и вдовиц и всех людей Кормительнице! Питательнице наша, рождшая Питателя Вселенныя и Спори́тельнице хлебо́в наших, Ты, Владычице, ниспосылаеши Твое Матернее благословение градом нашим, селам и нивам и коему́ждо до́му, на Тя упование иму́щему. Те́мже с благоговейным трепетом и сокрушенным сердцем смиренно молим Тя: буди и нам, грешным и недостойным рабом Твоим, мудрая Домостроительнице, житие́ наше до́бре устрояющая. Всякое же сообщество, всякий дом и семейство

во благочестии и православии, единомыслии, послушании и довольстве соблюди. Нищия и неимущия пропитай, старость поддержи, младенцы воспитай, всех вразуми преискренне взывати ко Господу: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Сохрани, Пречистая Мати, люди Твоя от всякия нужды, болезни, глада, губительства, града, огня, от всякаго злаго обстояния и всякаго нестроения. Обители нашей (веси), домам и семействам и всякой души христианстей и всей стране нашей исходатайствуй мир и велию милость, да славим Тя, Премилостивую Питательницу и Кормительницу нашу, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА
о помощи в бедности
святителю Спиридону Тримифунтскому

(Во время голода святитель Спиридон спас одного бедняка, обратив для него жабу в слиток золота).

О великий и пречудный святителю Христов и чудотворче Спиридоне, Керкирская похвало, всея вселенныя светильниче пресветлый, теплый к Богу молитвенниче и всем к тебе прибегающим и с верою молящимся скоропредстательный заступниче! Ты веру православную на Никейстем Соборе посреде отцев преславно изъяснил еси, ты единство Святыя Троицы чудесною силою показал еси и еретиков до конца посрамил еси. Услыши убо, святителю Христов, нас, грешных, молящихся тебе, и сильным твоим предстательством у Господа избави нас от всякаго злаго обстояния: от глада, потопа, огня и смертоносныя язвы. Ты бо во временней жизни своей от всех сих бедствий избавлял еси люди твоя: от нашествия агарян и от глада страну твою сохранил еси, царя от неисцельнаго недуга избавил и многия грешники к покаянию привел еси, за святость же жития твоего Ангелы невидимо в церкви поющия и сослужащия тебе имел еси. Сице убо прослави тебе, вернаго

раба Своего, Владыка Христос, яко и вся тайная человеческая деяния дарова́ тебе разумети, живущия же неправедно обличати. Многим в скудости и недоста́точестве живущим ты усердно помогал еси́, люди убогия изобильно во время глада напитал еси́ и иная многая зна́мения силою в тебе живущаго Духа Божия сотворил еси́. Сице и нас не остави, святителю Христов, поминай нас, чад твоих, у Престола Вседержи́теля и умоли Господа, да подаст многих наших грехов прощение, безбедное и мирное житие да дарует нам, кончины же живота непостыдныя и мирныя и блаженства вечнаго в будущем веце сподобит нас, да непрестанно возсылаем славу и благодарение Отцу, и Сыну, и Духу Святому, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.

МОЛИТВА
об избавлении от страсти чревоугодия

Господи, сладча́йшее бра́шно наше, никогдаже ги́блющее, но пребывающее в живот вечный! Очисти раба Твоего *(имя рек)* от скверны чревообъяде́ния, чуждой Духа Твоего, и да́руй ему познати сладость Твоего Животворящего духовного брашна, е́же есть Плоть и Кровь Твоя и Святое живое и действенное Слово Твое.

Печатается по изданию: Пропитание во все времена: советы и рецепты православным.– М.: Покровский дар, Лепта-пресс, 2004.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2007 год, 3-е издание

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 579

О колокольном звоне

О колокольном звоне

Колокола являются одной из необходимых принадлежностей православного храма. В чине благословения колокола сказано: *яко да вси слышащие звенение его или во дни или в нощи возбудятся к славословию имени Святаго Твоего.*

Колокольный церковный звон употребляется для того, чтобы: созывать верующих к богослужению; выражать торжество Церкви и ее богослужений; возвещать тем, кто не присутствует в храме, о времени совершения особенно важных частей Богослужения.

Кроме того, звоном созывался народ на вече (народное собрание в Пскове и Новгороде). Звоном оповещалась какая-либо опасность; звоном указывали дорогу заблудившимся в ненастье путникам. В трагические дни для родины звоном призывали народ на защиту Отечества. Звоном оповещался народ о победе над врагом. Так, колокольный звон всегда сопутствовал жизни русского народа.

В России колокола появились почти одновременно с принятием христианства св. Владимиром (988), то есть в конце X века.

Русский народ полюбил церковный колокольный звон.

Ударная часть колокола называется языком, который подвешивается внутри колокола свободно качающимся, ударом его и производится звук. Характерно, что русский народ, назвав ударную часть колокола языком, уподобил этим звон колокола живому голосу. Для верующего человека колокола соделались языком, голосом и трубой.

Благовествуя славу имени Христова, колокольный звон напоминает нам слова Господа Вседержителя, сказанные через ветхозаветного пророка Исаию: «На стенах твоих, Иерусалим, Я поставил сторожей, которые не будут умолкать ни днем, ни ночью..., напоминая о Господе» (Ис. 62, 6). Не случайно язычники говорили о колокольном звоне: «Это голос христианского Бога слышен!».

Русский православный человек соединил с колокольным звоном все свои торжественные и печальные события. Поэтому православный колокольный звон служит не только указанием времени богослужения, но служит и выражением радости, грусти,

торжества. Отсюда и появились различные виды звона и каждый вид звона имеет свое название и значение.

Благовест – это звон в один большой колокол. Этим звоном верующие созываются в храм Божий к Богослужению. Он и назван так потому, что несет благую весть о начале службы. Церковный устав знает следующие виды благовеста: праздничный, воскресный, будничный трех степеней торжественности и постный. Будничный наименее торжественный благовест – в малый колокол – назначается к малой Вечерне, Повечерию, Полунощнице и Часам. Благовест ко Всенощной полагается сначала в большой колокол медленно и долго, а затем во все колокола. В великие праздники благовест ко всенощной полагается более торжественным – в большие колокола и продолжительнее. Благовест по воскресным дням, в великие праздники и на Пасху – один и тот же. Церковный устав считает благовест священнодействием, поэтому он сопровождается молитвенным чтением или пением. Благовест к началу службы положено сопровождать пением псалма 118 или чтением 12 раз псалма 50. Это пение требует не менее получаса, чем и определяется продолжительность благовеста. Благовест к Утрени сопровождается однократным чтением псалма 50. Сопровождение благовеста молитвой сообщает ему благодатное освящение, и поэтому его действие на христианскую душу сходно с действием молитвы и богослужения[1].

Благовест может звучать не только самостоятельно, но и в составе других звонов.

Собственно звоном называется звон, когда звонят сразу во все колокола или же в несколько колоколов. звон во все колокола различается на: *трезвон* – это звон во все колокола, затем маленький перерыв и второй звон во все колокола, снова маленький перерыв и третий раз звон во все колокола, то есть звон во все колокола трижды или звон в три приема. *Трезвон* по своей форме не ограничен церковным уставом и поэтому может быть различным по составу колоколов, по форме исполнения, ритму, инструментовке. Трезвон – наиболее сложный и яркий колокольный звон (в наше время трезвоном стали называть не только звон во все колокола трижды, но вообще звон во все колокола). *Двузвон* – это звон во все колокола дважды, в два приема. *Перебор*, или погребальный звон, выражает скорбь об усопшем. *Перезвон* – звон поочередно в

[1] Сопровождение благовеста молитвой – древнейший обычай. По уставу пр. Пахомия (IV в.) “кто ударяет в било перед обедом или перед молитвою должен размышлять о чем-нибудь назидательном“.

каждый колокол, по одному или несколько раз в каждый, начиная с большего и до самого малого; так повторяется много раз.

Большая звонница Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, возведенная в XVII веке, сохранила неповторимый набор колоколов. Она насчитывает 6 основных пролетов (звонов) и 7-й, пристроенный позднее, благодаря чему образуется как бы 2-й ярус. С восточной стороны звонницы в специальной башне находятся часы, существующие здесь еще с XVI века. Звонница состоит из 17 колоколов различных размеров и веса.

Три больших колокола: *праздничный, полиелейный и часовой* – подвешены на вращающихся осях. Звон в них производится древним "очепным" способом, когда раскачивается сам колокол, а не его язык, как это происходит с малыми и средними колоколами. Полиелейный (120 пудов) отлит повелением печерского игумена Корнилия в 1558 году в Пскове. Праздничный, самый тяжелый на звоннице, 161 пуд, в самом монастыре в 1690 году. Часовой (вседневный) колокол (111 пудов) отлит в 1765 году в Москве.

Над большими колоколами расположены по два малых – "тиньки", в третьем и четвертом пролетах – по паре колоколов, именуемых "переборами". Два колокола в двух крайних пролетах называются "бурлаками". Два раза в году, на престольные праздники, звучат четыре колокола Никольской церкви. Уникальный набор колоколов монастырских звонниц позволяет производить все виды звонов, предусмотренных православным уставом. Звоны Псково-Печерского монастыря различаются по типам служб и обрядов: Будничный, Праздничный, Погребальный, Водосвятный, Великопостный.

Звоны, исполняемые на колоколах Большой звонницы, являются уникальными образцами традиционного русского колокольного искусства с более чем пятисотлетней историей. Свидетельства о них содержатся в воспоминаниях путешественников и паломников конца XIX-начала XX века. Граф Сергей Шереметьев, побывав в 1890 году в монастыре, писал: «Трезвон всех колоколов необыкновенно стройный и гармоничный; необычайно, но очень хорошо». Восхищался звучанием колоколов и художник С. А. Виноградов, работавший в монастыре примерно в это время: «А какой здесь звон, какие мелодии перезвонов на древней красавице-звоннице. Как сладостно слушать...»

Составлено по изд.: Новая скрижаль,1999; Закон Божий под Ред. Слободского; Колокола и колокольные звоны Псково-Печерского монастыря,2000.

2007 год, издание 2-е
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 580

АФОРИЗМЫ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

АФОРИЗМЫ СВЯТИТЕЛЯ ФЕОФАНА

1. Сижу и думаю.

Как много значит радетельный, бодренный и внимательный помысл! Он и внутри и вне поставляет в строй человека, и научает все обращать во славу Божию. Рождается он вместе со страхом Божиим и вместе с ним растет. Чем выше жизнь, тем и он сильнее; но зато тем опаснее потерять его. И минутное ослабление его опасно, тем паче продолжительное. Потому-то и Господь сказал: «всем глаголю: бдите». Помысл этот размножает труды и подвиги, с которыми соединено всегда большее или меньшее утомление. К чувству утомления всегда и прививается враг, чтобы подсечь ревность. «Видишь, говорит, сколько ты уж трудился; силы ослабели; дай себе льготу».

Желание льгот — первый враг трудов во спасение; оно обнимает душу и тело. Только склонись на этот помысел,— тысячи голосов подымутся из души и тела с предъявлениями прав на льготы и послабление. Это есть уже состояние *искушения,* из которого не выйдешь без борьбы. Борись же и побори, ибо, склонившись на него, расстроишь порядки свои, внесешь смятение в мысли и чувства, охладеешь, остановишься. А после этого пойдут позывы страстные, и, если не опомнишься, пожалуй, впадешь в обычные грехи свои.

Основа тружническому во спасение житию есть терпение. Терпение, в истинном своем виде, не колеблется «ни о чесомже из сопротивных». Подобие ему — железо закаленное, адамант, утес среди волн. Но чтоб оно стало таким, ему должна предшествовать смерть внутренняя или умертвие всему, кроме Бога и Божественного. Как мертвый ничего не чувствует, так и этот ничего не чувствует из того, что бьет его совне. Начало этому умертвию полагается в самом обращении грешника. Как новорожденное дитя, оно слабо вначале, и растет вместе с возрастанием исправного нрава. Вместе с его ростом растут труды, растет и терпение. Отсюда выходит, что терпение не вдруг становится адамантовым. Ему предшествует иногда продолжительный период возрастания, в котором терпение сопряжено с

чувством боли, тяготы и скорби, более или менее живым. Тут они бывают болезненны. В этом состоянии оно есть болезненное умирание себе и всему тварному для Бога.

И терпение искушается позывом льготы. Чтобы меньше было таких позывов, не надо браться вдруг за тяжелые подвиги, а начинать с малых мер и восходить к большим, по примеру того, как сделал святой Дорофей с Досифеем в отношении пищи. Но есть же и предел, выше которого заходить нельзя: не выдержит тело. Так в отношении ко всем потребностям тела. В удовлетворении всех их есть своя наименьшая мера. Закон подвига здесь таков: дойдя до сей последней меры, установись в ней, так чтоб с этой стороны не быть уже более беспокоимым; а затем все внимание и весь труд обрати на внутреннее. Один старец говорил: «Бог дал, я сплю теперь, когда хочу и сколько хочу». То же бывает и в отношении к пище и питию. Тело — не враг. Поставь его в свой чин, и оно будет самым надежным тебе подружием.

Кто же враг? Плотоугодливый нрав,— навык плоти угодие творить в похоти. Когда чего ни захочет плоть, то ей и дают без отказа, с придумыванием еще, как бы поусладительнее сделать удовольствие. В этом настроении плоть становится госпожею, а душа — рабою, «очи» которой «в руку госпожи своей». От того-то и зло, что переставляются чины; плоть неразумная сама не умеет держать себя в порядке, а душа слова не смеет сказать в противность. Отчего разлив плотских утех и страстей? От услужливости души плотоугодливой. Телу самому этот разлив неестественен; и в животных мы его не видим. Это буйствует душа, стремления которой безмерны. Отвратившись от предметов, кои могут истинно ее удовлетворять, потому что совпадают своею безмерностью с ее стремлениями и, сочетавшись с плотскими утехами и в них чая обрести искомое благо, она раздвигает их естественные пределы все более и более, чтобы довести их до совпадения с безмерностью своих стремлений. Раздвигая сии пределы и в количестве, и в качестве, душа, в надежде почерпнуть здесь полноту блага, доходит до бешенства (мании) в своих плотоугодливых стремлениях и все же не находит искомого, а только расстраивает себя и тело — себя потому, что не то делает себе что должно; тело — потому, что для него положена во всем естественная мера, нарушение которой разрушительно для него.

Напрасно говорят, что подвижники враждебно относятся к своему телу. Они только поставляют его в свой чин, и удовлетворение потребностей его — в свою меру, с подчинением, конечно, сей меры своим особым целям. Тело есть орудие души, в выполнении его целей своего пребывания на земле. В орудие для сих же целей обращают они и удовлетворение телесных потребностей. Таким образом, поелику бдение развивает в душе спасительное умиление, то они сокращают сон, а нередко и совсем не дают себе спать; поелику чувства развлекают, то они пресекают прилив впечатлений на них уединением и прочими.

2. Альфа и омега.

О Господе Спасителе нашем, крестною смертию Своею спасшем нас, сказано, что Он есть Агнец, закланный от сложения мира. Следовательно, при сложении мира имелась в виду крестная смерть, или, иначе, сложение мира совершено по идее креста. Если последующая история мира и особенно человека есть приведение в исполнение плана, лежавшего в основе сложения мира; то надобно сказать, что крест Господень был целью для предшествовавшей ему истории и есть исходная точка для истории, последующей ему. Он есть движущая сила всех мировых событий; он же положит и конец течению временных событий. Когда явится знамение Сына человеческого на небе, тогда тотчас суд, решение участи земнородных и начало новой жизни.

3. Обновление мира.

Господь, по воскресении Своем, явившись апостолам, сказал, что Ему дана вся власть на небе и на земле (Мф.28;18). Значит, христианские начала вступили в управление миром, или восстановительные Божественные силы, от лица Богочеловека, начали свое действие во всей совокупности тварей, требовавших восстановления. Ощутила это тварь, предощутила имеющую развиться из сего свою свободу от суеты и стала воздыхать о том, как слышал боговдохновенный апостол (Рим. 8;22)[1]. Восстановление это идет незримо для нашего слабого зрения; нам даже может казаться иное; но дело Божие идет не по нашим догадкам, а по своему плану. Придет срок, и явится обновлен-

[1] Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится доныне (Рим. 8, 22).

ная тварь, когда никто того не чает. Не приходит Царствие Божие с усмотрением.

4. Судьбы мира.

В Апокалипсисе представлена книга *судеб,* запечатленная семью печатями, и слышен был голос: «Кто есть достоин разгнути книгу и разрешите печати ея?» Ответ был — Агнец Божий, то есть Господь Иисус Христос, распятый на кресте, Агнец открывает печать за печатью, и каждое открытие печати сопровождается новым рядом явлений (Апок. гл. 5 и 6). Это — образное изображение слова Господня: «дадеся Ми всякая власть». События текут по мановению Господню, и, следовательно, все в видах царства, Им основанного и хранимого. Как относятся такие или другие события к этой цели, мы разуметь не можем, разве малое нечто, да и то гадательно; но то несомненно, что все туда направлено. Нам не дано это разуметь потому, что мироправление не наше дело. Наше дело — спасение тем способом, который открыт для нас Господом Богом: сюда и должна быть обращена вся наша забота. Как видимый мир — тайна, так и история событий — тайна; то и другое запечатано от нас. Смотри, изумляйся и величай непостижимый ум Божий, а свои решения составлять и теории строить — не лучше ли остановиться? В этом будет больше разума, чем в построении произвольных теорий.

5. Непостижимое в обновлении мира.

Есть мысль у апостола, что Господь царствует, да покорятся под ноги Его все враги Его. Когда же все они покорятся, «тогда и Сам Сын покорится покоршему Ему всяческая, и будет Бог всяческая во всех».

Здесь говорится о Господе как Богочеловеке, Восстановителе падшего и Спасителе погибшего; указывается некая черта из имеющего быть обновления мира: но в чем существо ее — непостижимо. Непостижимо — в чем будет состоять это покорение Сына, Который и теперь творит все по воле Отца, и по единосущию с Ним иначе творить не может. Непостижимо и то, что такое: «будет Бог всяческая во всех». Это, без сомнения, предполагает всеобъемлющую светлость благобытия всех тварей. Восхитительно отрадная мысль!

Но как же ад? Что ж силы-то нечистые и бедные, осужденные грешники? Святой Златоуст говорит, что они будут на окраинах мира, за чертою того мира, в котором «Бог будет всяческая во всех». И так будет Бог, но только могуществом и правдою, а здесь и облаженствованием.

Немцы, следовать которым так усердно склоняют нас, хотят умствовать иначе. Им сдается, что покорение всех врагов означает то, что, наконец, и бесы перестанут богоборствовать, признают себя побежденными и покаются. Если, говорят они, бесы покаются, то тем скорее покаются грешники; грех и всякое зло исчезнут; воцарится одно добро,— вот это и будет — «Бог всяческая во всех». Муки будут, но не вечны. Пройдут тысячи тысяч, миллионы миллионов лет, но все же придет термин*, когда кончатся муки. Все перечистятся, и настанет райское всеобщее веселие.

Тут выпущено из виду то, что покорение врагов под ноги не означает добровольного признания над собою власти покорившего, как этого требуется чувством покаяния и обращения, а только прекращение им возможности противодействовать, связание их. Они бы и еще только готовы бороться, и зубами будут скрежетать, да уж сил не будет что-нибудь делать. Бесы прямо идти против Бога не могут: они противятся Ему через вовлечение в грехи людей, которые должны бы быть Божиими. Таким образом, пока будут лица, чрез которых они могут оказывать противление свое Богу, до тех пор они будут еще воюющею и борющеюся стороною; но когда не станет такого рода лиц, тогда и противление их прекратится; тогда окажутся две области: лица, во всем предавшиеся Богу в Господе Иисусе Христе, и бесы-богоборцы с людьми, осатаневшими по действию бесов; тогда и конец мира. Пойдут праведники в живот вечный, а осатаневшие грешники в муку вечную, в сообществе с *бесами*.

Кончатся ли эти муки? Если кончится сатанинство и осатанение, то и муки могут кончиться. А кончится ли сатанинство и осатанение? Посмотрим и увидим тогда... А до того будем верить, что как живот вечный, куда пойдут праведники, конца не имеет; так и мука вечная, угрожающая грешникам, конца иметь не будет. Никакое гадание не доказывает возможности прекращения сатанинства. Чего не видел сатана по падении своем? Сколько явлено сил Божиих! Как сам поражен он силою креста Господня! Как доселе поражается этою си-

лою всякая его хитрость и злоба! И все ему неймется, все идет против; чем дальше идет, тем больше упорствует. Нет, никакой нет надежды исправиться ему! А если ему нет надежды, то нет надежды и людям, осатаневшим по действию его. Значит, и аду нельзя не быть с вечными муками.

6. Радость жизни.

Радость жизни!.. Как отрадно встретить тебя в ком-нибудь! Это — небесная гостья на земле скорбной. И однако ж Апостол предписал вроде заповеди: «присно радуйтеся». Правда, заповедь эта обязательна только для тех, кои приняли залог радости в Духе Святом; но кто же из сынов и дщерей Церкви чужд благодати Духа Святого? Следовательно, у всех есть источник радости.

Отчего же не все радуются? Верно, от того, что не слушают другой заповеди Апостола: «Духа не угашайте». Погашен дух — заключился и источник радости, и пошла туга% тяготящая. Три бремени ложатся на такого человека и давят его: дума о том, что будет, скорбная память совести о том, что было, и забота о том, что есть; и ходит человек, повесив голову. Что ж тут делать?

Покайся, восприими труд доброделания, возверзи печаль на Господа и опять приподнимешь голову, и повеселее взглянешь на жизнь. Тогда возвратится к тебе и источник радости — благодать Божия.

Отчего у всех нас тяжелые думы? Оттого, что мы всю опеку о себе берем на себя. А тут все рвется, нет ни в чем прочности благонадежной. Вот и гадает человек, как бы все укрепить да упрочить. Сколько тысяч лет гадает, и все-таки ничего не выгадал! Сказать бы ему: «Материал твой непрочен, перемени»; но что может одно слово, когда тысячелетние опыты не вразумляют? Что ж, так все и будет? Да, так и будет, пока человек останется таким. Еще в раю показалось ему, что Бог не как следует устрояет быт человека, и что он поумнее и получше все устроит. Первый неудачный опыт был очень вразумителен: но и первая лесть увлекательна. Она и влечет, несмотря на вразумление. Бог прописал в раю, как чему следует быть; человек на это сказал: «Нет, не так, а вот как!» Это «не так, а вот как» стало девизом мнительных дум человека. Дал Бог Откровение, чтоб указать, как на все смотреть; человек говорит: «Нет, не так, а вот как»,— и стро-

ит свои мировоззрения. Спаситель пришел и устроил спасение; слушает благовестие об этом человек и говорит: «Не так, а вот как»,— и строит свои планы. Господь основал на земле Церковь, как столп облачный, в указание пути к непрестающему благобытию; и на это говорит человек: «Не так, а вот как»,— и пролагает свои дорожки и тропинки. Таким образом, пока будет качествовать в человеке эта жажда поправить Божии распоряжения, до тех пор все он будет думать тяжкие думы и все-таки ничего не придумает. Это кончится лишь тогда, когда, утомившись, человек сложит все свои думы у подножия промыслительного престола Божия и воззовет: «Имиже веси судьбами, спаси!» Но это только для человека в частности; общность же человечества все будет толочься по-старому,— и вот где разгадка всем известного выражения: «Суета суетствий, всяческая суета!»

7. Тож на тож и выходит.

Современные умники, забыв о Боге-Творце и Промыслителе всяческих, или уж по нравственному своему строю, или по системе своеродных умствований, производят все от природы. Спросишь: что ж такое природа? — Да вот, ответят вам, все что видишь.— Что же именно? Я вижу солнце, луну, звезды,— это природа что ли? — Нет.— Я вижу воздух, воду, землю,— это ли природа? — Нет.— Опять нет? Ну, я вижу растения, животных, человека,— это что ль природа? — Нет.— Так что же будет природа? Должно быть, что-нибудь невидимое, неосязаемое, сущее среди всей совокупности вещей. Если сказать, что вся совокупность вещей есть природа, то, поелику ни одна часть сама по себе не представляет природы, самую природу нужно будет признать чем-то всепроникающим, всеобъемлющим, невидимым среди видимого. Таким образом, позитивисты волей-неволей должны допустить созерцание очень отвлеченное и идеальное.

Спросишь еще нынешних умников: этот цветок отчего таков? — Природа, говорит, так устроила. А этот зверек отчего таков? — Так уж природа дала. Отчего бывает весною так, а зимою этак? — Природа так постановила. И о чем ни спроси,— все природа да природа. Стало быть, природа есть нечто вседействующее, всеустрояющее. А так как она устраивает все, что мы видим по частям, то сама не может быть чем-либо из сущего видимого, а быть раньше всего, всему предшествовать, чтобы все произвесть. Собрав все это воедино, мы

должны будем признать, что природа есть нечто невидимое, неосязаемое, всепроникающее, довременное, вечное. Если же представим, как велико произведение природы, как все устроено ею премудро и целесообразно, то к указанным свойствам ее нужно будет добавить, что она всемощна, премудра, блага и праведна.

Другими словами, это будет Бог, то есть то, что позитивисты познавать не хотят и даже выговорить боятся. В средние века природу, как совокупность вещей, отличали от природы всеустрояющей и означали последнюю словами: natura naturans, а первую — natura naturata. По их логике выходило, что в системе всеобъемлющего умствования с одною последнюю оставаться нельзя. Но та же логика должна требовать, чтобы natura naturans не была сливаема с natura naturata в каком бы то ни было виде. Покушение сливать их началось с Канта, а завершено Гегелем. Ныне в моде умствовать погегелевски, хоть и не всегда гегелевскими словами. Таково уж время. Лишь бы склеить как-нибудь свои умствования, а об основательности их мало думают.

8. Жажда и источники.

Слышим слово в Церкви от лица Господа: «жаждой [жаждущий] да грядет ко Мне и да пиет». Сколько из слышащих эти слова томятся жаждою, а все-таки не идут ко всеутоляющему Источнику, несмотря на то, что у них перед глазами и Источник, и многое множество утоляющих жажду свою из того Источника. Жаждание ли это им нравится, или всеутоляющий Источник не нравится — кто их знает! Да они и сами не знают, от чего не идут к нему. Это — Источник бесплатный; а все другие, к которым они обращаются,— оплачиваются и достоянием, и здоровьем, и иногда честью и достоинством человека. Непонятно, почему, отчего к этим тянутся толпами, а к тому кто-то? Кажется, будто эти ближе и скорее утоляют жажду; а тот и дальше, хоть и утоляет жажду, да не так. Следовало бы им поточнее рассмотреть свои жажды, повернее определить достоинство их и потом положить, какие следует удовлетворять и какие погашать нужно; тогда сами жажды повлекли бы к сродному себе источнику; тогда и оказалось бы, что те жажды, которые утоляет Всеутоляющий Источник, у них заглушены, не предъявляют требований и не предуказывают источника.

Как же возбудить их? Надо те погасить, чтобы эти возгорелись. Что надобно — это всякий понимает, да не хочет,— в этом и секрет весь: не хочется; тварь — дескать, свободная, что хочет, то и делает, а чего не хочет, не делает,— кто принудит? Ну, и наслаждайтесь преимуществом своей свободы, и томите себя неутомимыми жаждами! Но только помните, что пока вы здесь,— все хоть на минуту какая-нибудь из жажд ваших утоляется, или кажется утоленную; а на том свете что будет? Что станете вы делать там с своими жаждами? Жажда будет жить, а утолить нечем,— вот и огонь, вечный огонь, ибо душа не умирает. А перейти к тем, которые не имеют томящих жажд, не будет возможности, ибо между теми и другими пропасть велика утвердится, и от одних к другим нет перехода.

9. Язык страстей.

Всякая страсть, как и грех вообще, имеют свой язык. Язык этот — не пустые слова, а выражение понятий и начал, которыми страсть отстаивает свои права на существование, среди других явлений в жизни, свою законность. Грехолюбивое сердце всегда с убеждением принимает эти резоны страстей, несмотря на то, что они до очевидности несостоятельны. В этом и корень ослепления грешника. Тут предубеждение в пользу грешника, тут и предрассудки сердца, от которых не освобождает никакое внешнее образование, как бы оно блестяще ни было. Когда манит страсть, искушая свободного от нее, и когда восстает в плененном ею,— она всегда является в сопровождении свиты лживых понятий, прикрывающих ее недобротность. Кто не поостережется, того эти призрачности охватывают, и облегают как бы некоей мглой и туманом. И он идет вслед страсти на свою пагубу не только спокойно, но даже с некоторым воодушевлением, как на дело правое, уготовляющее ему славу. Туман этот рассеивается, но уже после дела. Кто на первой не поддается страсти,— перед лицом того устанавливается свита страсти и начинает ее апологию. Она выставляет свои права на внимание, а тот оспаривает их, — и если он хорошо знает адвокатское по этой части искусство, то оспаривает удобно, и посрамленная страсть удаляется. Весы правы, впрочем, здесь склоняются не всегда по законам правды: привходит лукавство сердца, и возмущает правый ход дела. При этом, даже не

дождавшись конца спора, председательствующий нередко склоняется в пользу этой прелестницы. Как же тут быть? Надобно предварительно разобрать все резоны страстей и разведать их слабые стороны; затем образовать, наперекор убеждениям страсти, противоубеждения, и сложить их в сердце как запас победительных орудий. Когда начнется спор со страстью, стоит только вызвать эти противоубеждения, и страсть убежит, как нечистая сила от креста.

10. Ошибка в счете.

Были (а может, и теперь есть) умники, которым представлялось, что муки не будут вечны, но не было еще, кажется, ни одного, кто отвергал бы совсем загробные мучения. Чувство правды существует у самых отчаянных грешников, и мешает им думать так; даже те невидимые существа, которые дают свои откровения спиритам, не отвергают наказаний в будущем, а только ухищряются всячески сгладить их пристрашность, хоть сомненнее их совести ничего и быть не может.

Ну, хорошо: пусть муки, по-вашему, не вечны — сколько же времени они будут продолжаться? «Да хоть тысяча тысяч, а все же должны кончиться»,— говорите вы. Да какая же нам-то грешным от этого выгода? Ведь тамошняя мука будет нестерпимая, такая, которой здесь, на земле, мы и представить себе не можем. Если же и тут бывают иногда такие страдания, что день кажется годом,— что же там? Каждая минута обратится в сотни лет. Пророк Давид говорит, что у Бога тысяча лет как день един, следовательно, и обратно: один день — что тысяча лет. Если принять этот счет, то и тогда из одного нашего года выйдет 365 тысяч лет, а из десяти — более трех с половиною миллионов, а из сотни... и счет потеряешь. Значит, плохо это придумано. Придумайте-ка лучше, что совсем не будет мучений, да не на бумаге только, не по своим лишь соображениям, а принесите нам удостоверение об этом от имущего ключи ада; тогда нам, грешникам, это будет на руку: греши себе, сколько хочешь и как хочешь! А так, как вы рассуждаете... благодарим за сердоболие о нас! К тому же у вас все как-то неопределенно. Вы забываете, что там будет вечность, а не время; стало быть, и все там будет вечно, а не временно. Вы считаете мучения сотнями, тысячами и миллионами лет, а там ведь начнется первая минута, да и конца ей не будет, ибо это будет

вечная минута. Счет-то дальше и не пойдет, а станет на первой минуте, да и будет стоять так. Оно, конечно, когда услышишь или вычитаешь где-нибудь мудрование умников-гуманистов, грехолюбивому сердцу будто и повеселее станет, а потом, как станешь раздумывать, все страхи опять возвращаются, и приходишь все к тому же: лучше отстать от греха и покаяться, а то обсчитаться можно, да так, что уж ничем и не поправишь дела. А дело решительное, об нем рассуждать кое-как нельзя, а надо рассуждать с опасливостью, и если полагать, то полагать с такою уверенностью, какую имеем о том, что действительно существует или не существует. Спириты, вон, мало ли что толкуют! У их наставников хоть и когти видны, а они все их слушают, и не видят того, что бесам одним в аде быть не хочется, потому они и хлопочут, как бы побольше набрать людей. «Нет, говорят, мучений больших, а так немножко скучно и стыдно, потом вновь родишься, все позабудешь, и живи-поживай». Этим они отнимают всю опору у немощного человека. Поборется немного он со страстью, а там и говорит: «Ну, верно, делать нечего, уступить надо. Вот рожусь в другой раз, тогда и одолею». Таким образом, и вышел пожизненный раб страсти, грешник нераскаянный; а наставникам спиритов этого только и нужно. Второго рождения не дождешься, а первое потрачено на работу страстям,— из христианского полка убыло, а бесовского прибыло.

11. Смятение и мир души.

Отчего душа, в грехе сущая, не постоит, а все мятется?

Оттого, что теряет точку опоры.

Точка опоры дается ей страхом Божиим и спокойною совестью.

Когда совесть покойна, и отношение к Богу мирно, тогда душа пребывает в себе и держит себя степенно. Когда же совесть встревожена, и Бог оскорблен, тогда душе тяжело быть в себе, как в угарной, чадной комнате, и она бежит вон, и вне себя ищет — чем бы утолить внутреннее томление, перебегая от предмета к предмету без промежутков, чтоб и на минутку не оставаться с самой собою. Только тогда, когда, как ангел, нисходит в нее помышление о примирении с Богом и совестью, возвращается она к себе, как беглый раб с повинной головою, и с того времени опять остепеняется.

12. Таинство религии.

В чем все дело заботливых о спасении души?

В том, чтоб иметь Бога своим Богом и себя сознавать Божиими.

Иметь Бога своим Богом есть одна сторона дела, которая не может получить прочного образования, если при этом не будет второй, то есть, сознания себя Божиими, или удостоверения в том, что, как ты имеешь Бога Своим, так и тебя имеет Бог своим. В этом существо союза с Богом и все таинство религии.

13. Кто имеет Бога своим Богом?

Тот, кто, узнав определенно и ясно волю Божию, исполняет ее добросовестно, так что ни в тайных помышлениях сердца своего, ни в сокровенных движениях совести не слышит себе обличения не только в нарушении, но и в каком-либо нерадении об исполнении ее. В этом истинный характер ревности о богоугождении, которая не может оставить человека в покое, пока сознание говорит, что в словах, делах и помышлениях допущено нечто такое, что можно считать неугодным Богу в каком-либо отношении. В последнем случае она спешит уничтожить это разделение между собою и Богом богоучрежденным способом, и снова питает успокоительное убеждение, что Бог есть ее Бог. Чем больше дел, согласных с волею Божиею, и чем больше твердости и постоянства в них, тем сильнее и глубже становится это убеждение. Это — со стороны человека, и, как его собственное дело, оно понятно и удободостижимо.

Но как быть уверенным, что и Бог имеет тебя Своим? В то самое время, когда человек деятельно начинает иметь Бога своим, в совести приходит ему удостоверение, что и Бог имеет его Своим. Бог вездесущ и на ревностно угождающие Ему души взирает благоволительно. Это благоволительное Божие воззрение, отражаясь в душе, дает ей знать, что она принята и усвоена Богом, стала Ему Своя. От этого, по мере работы Богу и возрастания первой стороны, растет и сия вторая, не как однако же следствие ее, а как равная, взаимодействующая сила, хоть и несомненно то, что она не входит в душу без первой. Они совместны и рождаются в один момент; и когда рождаются, свидетельствуют о зарождении внутреннего потаенного человека. Отчего так? Оттого, что и ревность по Богу не может получить деятельного начала без воздействия и помощи Божией. Душа это зна-

ет, и, зная, верит, что за ревность по Богу приемлется и покровительствуется Богом, как Своя Ему. Вот семя духовной жизни! Но поелику в основе ее лежат такие возвышенные убеждения, то она, зрея, не надмевается, а углубляется более и более в смирении, до решительного самоуничижения или полного сознания, что сам по себе человек есть ничто. В этом-то и тайна истинной жизни в Боге.

14. Как спастись?

Что сказать тому, кто спросит: как душу спасти?

Вот что: покайся и укрепись силою благодатною в таинствах, ходи путем заповедей Господних, по тому руководству, какое дает тебе святая Церковь чрез богодарованное пастырство. И все это должно совершать в духе веры искренней, не размышляющей.

В чем же вера?

В сердечном исповедании, что Бог, в Троице покланяемый, все создавший и о всем промышляющий, спасает нас, падших, в силу крестной смерти воплотившегося Сына Божия, благодатию Пресвятого Духа, во святой Своей Церкви. В этой жизни полагаются начатки обновления, которое в будущем веке явится во всей славе, так что и ум постигнуть, и язык изрещи того не может... Боже наш, как велики обетования Твои!..

Как же ходить неуклонно путем заповедей?

На это одним словом не ответишь. Жизнь — сложное дело.

Вот, однако ж, несколько пунктов:

а) Покайся и обратись ко Господу. Познай свои грехи, оплачь их с сокрушением сердечным и исповедай пред духовным отцом, дав обет словом и в сердце своем положив пред лицом Господа не оскорблять Его более грехами своими.

б) Затем, пребывая в Боге умом и сердцем, трудись телом в исполнении лежащих на тебе обязанностей.

в) В этом труде паче всего блюди сердце свое от худых помыслов и чувств — гордости, тщеславия, гнева, осуждения, ненависти, зависти, презрения, уныния, пристрастия к вещам и лицам, рассеянности, многозаботливости, всех чувственных удовольствий и всего того, что отделяет от Бога ум и сердце.

г) Чтоб устоять в этом труде, положи наперед не отступать от того, что сознаешь должным, хоть бы умереть пришлось. Для сего,

с самого начала, произволением приноси живот свой в жертву Богу, чтобы жить так, как бы ты не был жив себе, а только единому Богу.

д) Подпорою жизни в этом порядке служит смиренное предание себя в волю Божию и ненадеяние на себя; а духовное поприще, на котором совершается эта жизнь, есть терпение, или непоколебимое стояние в порядке спасительной жизни, с благодушным перенесением всех, сопряженных с тем, трудов и неприятностей.

е) Подпорою терпению служат: вера, или уверенность, что, работая так Богу, ты — раб Его, а Он твой Владыка, Который видит твои труды, благоугождается ими и ценит их; надежда, что помощь Господа Бога, присно покрывающего тебя, всегда готова тебе и низойдет на тебя во время благопотребное, что Бог не покинет тебя до конца твоей жизни, и, сохранив тебя верным заповедям Его здесь, среди всех искушений, введет чрез смерть в царство Свое вечное там; любовь, которая, денно и нощно помышляя о возлюбленном Господе, всячески заботится творить одно угодное Ему и избегать всего, что может оскорблять Его в слове, деле и помышлении.

ж) Орудия такой жизни суть: молитва, церковная и домашняя, паче же умная, посильный пост по уставу Церкви, бдение, уединение, телесный труд, частое исповедание грехов и святое причащение, чтение слова Божия и писаний отеческих, беседы с людьми богобоязненными, частые совещания со своим духовным отцом о всех случаях внутренней и внешней жизни. Учредитель всех сих подвигов в мере, времени и месте есть благоразумие, с советом опытных.

з) Огради себя страхом. Для сего помни последняя — смерть, суд, ад, Царствие Небесное.

и) Более всего внимай себе: храни ум трезвым и сердце несмущенным.

и) Последнею же метою поставь возгорение духа, чтобы духовный огнь возгорался в сердце твоем. И, собрав все силы воедино, начал созидать твоего внутреннего человека и окончательно попалять терние твоих грехов и страстей.

Так устройся, и благодатию Божиею спасешься.

15. Люди, имже Бог — чрево.

Оглянись кругом и рассмотри: чем заняты все люди, из-за чего так хлопочут, на кого работают?

Все до одного работают на желудок, и все хлопоты об удовлетворении его требований: дай есть, дай пить. Сколь же великое благо обещается в будущем одним обетованием упразднения этого нашего тирана!

Станьте теперь на эту точку и решите: куда же обращена будет неутомимая жажда деятельности, принадлежащая веку сему, в другом веке, когда не будет нужды хлопотать о желудке или вообще — о житейском? Решать это надо теперь, чтобы приготовиться к тому, что нас ожидает в бесконечном будущем?

16. Что может оживить человека?

Сколько лет слышим Евангелие, и утешительные глаголы его проносятся у нас поверх головы. Даст же, наконец, Бог иному минутку, когда оно услышится его сердцем. Тогда, вошедши внутрь, оно производит там свое дивное, разрушительно-созидательное дело, сущность которого — истинная жизнь. А дотоле что? Дотоле имеем только вид, что живы, а между тем мертвы, мертвы. Не строго ли? Войди и виждь.

17. В чем сущность христианства?

Говорят, в любви. Нет, подождите. Любовь — сад цветочный и плодоносный. Надо прежде всего очистить землю, взорать, посеять и потом уже возрастить. Что сказал Господь о Своем пришествии? Зачем пришел Он? Взыскать и спасти погибшее. А взысканные как спасаются? Отлагают ветхое и облекаются в новое. Прежде надо совлечься, сбросить и отбросить всю ветошь страстей и грехов; потом из этого выродится и новенькое. Приходит страх Божий и рождает покаяние; покаяние приводит к трудам доброделания; из них уже возрождается любовь. Св. Исаак Сирианин говорит так: «Как невозможно переплыть большое море без корабля и ладьи, так никто не может без страха достигнуть любви. Смрадное море между нами и мысленным раем можем прейти только на ладье покаяния, на которой есть гребцы страха. Но если сии гребцы страха не правят кораблем покаяния, на котором по морю мира сего приходим к Богу, то утопаем в сем смрадном море. Покаяние есть корабль, а страх — его кормчий, любовь же — Божественная пристань. Поэтому страх вво-

дит нас в корабль покаяния, перевозит по смрадному морю жизни и путеводствует к Божественной пристани, которая есть любовь. К сей пристани приходят все труждающиеся и обремененные покаянием».

18. «Никто же приидет ко Отцу, токмо Мною».

Удивительно после этого, как может прийти человеку мысль приблизиться к Богу иным путем! Если б для того, чтоб Бог принял пред Себя человека, требовалось только исправить образ мыслей, то естественники, украв в христианстве здравые понятия о всем сущем и предлагая их за свои, могли бы еще казаться имеющими некоторую правость; но ведь для этого нужно совершенное изменение всего внутреннего духовного строя; а его одними понятиями не произведешь. Нужна благодать; благодать же предполагает благоволение, а благоволение ничем иным нельзя заслужить, кроме веры в Господа Иисуса Христа. Опять же и приятие благодати, перетворяющей внутри человека все порядки, возможно лишь способом, учрежденным от Самого Бога. Сам человек не домыслится до того. Ключи от сокровищницы Божией хранятся у Самого Бога, и подделать их не сумеет никакой умник. Посмотревши, может быть, иной и подделал бы, но чтобы посмотреть, надо пройти делом весь путь, ведущий к Богу, по указанию истинного христианства. А кто пройдет, тот уже не воротится к натурализму. Если же воротится, то забывает все, что там видел и испытал. Такова уж воля Божия, чтобы содержать в сокровенности от разумных века сего путь, ведущий к Нему, дабы в этом случае руководились не умом кичащим, а верою смиренствующею.

19. Чинопоследование.

Святые апостолы на соборе своем отменили все ветхозаветное чинопоследование и освободили христиан от того ига, которое тяготело на их отцах и праотцах.

По этому поводу некоторые умники задаются вопросом: зачем же у нас столь разнообразные и многосложные чинопоследования? И не умея решить этого, приходят к смелому выводу, что это есть возвращение к иудейству.

Но ведь когда апостолы поставляли тот закон, то имели в виду только ветхозаветное служение, а не всякое вообще; и когда напи-

сали послание к Антиохийской Церкви, то помянули только, что не налагают на членов оной ига закона, лежавшего на иудеях, а не то, чтобы запрещали учреждать чинопоследования по духу новой веры. Как мысль требует сло%ва, а намерение де%ла, так и дух веры требует внешнего чина. Чин этот и начал заводиться с первых же дней по сошествии Святого Духа, положившего основание Церкви Божией. В главных и существенных чертах он установлен самими апостолами: от них образ совершения таинств, от них молитвенные собрания и их порядки, от них церковное чиноначалие, от них указание обособлять места и времена для служения Богу, от них посты и домашние молитвы, от них подвиги всестороннего воздержания и разные виды благочестивых христианских обычаев. Желающий может найти указание на все это в Деяниях и Посланиях апостольских. Вывод отсюда такой: святые апостолы одно чинопоследование отменили, а другое завели. Как же видеть в этом иудейство? Веру нельзя оставить голою. Это противно природе нашей и природе самой веры. Разве пожалуется кто — не слишком ли обременена наша духовная вера внешними чинами? Присмотрись, и увидишь, что не слишком. Ведь надо же на всякий случай хоть по одному чину? Так оно и есть у нас. Всякий чин, с одной стороны, удовлетворяет потребности верующего сердца, а с другой стороны, состоит в полной гармонии с духом веры. Если смотреть на церковные наши чины в их совокупности, то покажется их много; а разложите их по многообразным потребностям верующих,— и увидите, что их очень мало, и все они очень просты.

Пожалуй, еще скажут: «Зачем они заключены в неподвижную форму? В век апостольский многое делалось экспромтом: находил дух, и рождалась молитва, или песнь, или слово назидания, а ныне все готовое да готовое». Да не все ли это одно? Тогда находил дух и давал молитву; а теперь внимай, как должно, составленной уже молитве, и взойдешь в тот же дух. Дело в духе. Если кто остановится на одних словах молитвы и внешних действиях, тот отступит от апостольского чина, а кто всякий раз, при внешнем чине будет входить в дух, тот станет делать то же, что делалось при апостолах. Оставить весь внешний чин на произвол движений духа известных лиц или каждого верующего едва ли кто сочтет разумным. Не лучше ли покориться существующему порядку, молясь Господу, да устроя все

в Церкви Своей, как Его святой воле угодно? Цель чина церковного — созидание духа,— сколько созидалось святых среди нашего благолепного чина! Стало быть, чин не отводит от цели, а способствует достижению ее. Имей разум, и все хорошо будет.

20. Царство Христово.

В одной из поучительных притчей Своих Господь сказал: «подобно есть Царствие Небесное зерну горчишну, еже, взем человек, всея на селе своем, еже малейше убо есть от всех семен, егда же возрастет, более всех зелий есть, и бывает древо» (Мф. 13; 31,32).

Очевидно, что здесь разумеется Царство Христово, Царство благодати. «Покайтеся,— сказал Господь,— приближися бо Царство Небесное» (Мф. 4; 17). Царство благодати названо здесь Царством Небесным, потому что и начало его с неба, и конец на небе, что принадлежащие Ему подобны небожителям. Царство это есть Церковь Христова. И как точно и выразительно уподоблена она зерну горчичному! Христова Церковь была вначале, как горчичное зерно, мала, незаметна, утаена, а потом возросла, подобно великому древу, распространилась во всем мире и сделалась царством, далеко большим всех царств земных.

«Восставит Бог небесный царство», пророчествовал Даниил, «еже во веки не рассыплется; истнит и развеет все царства, тое же станет во веки» (Дан. 2; 44). Так и осталось. Много уже рассыпалось великих и сильных царств земных, а Церковь Христова осьмнадцать с половиной веков стоит непоколебимо, и врата не одолеют ей до конца мира.

21. Естественная вера.

Господь Иисус Христос говорил Иудеям: «Если бы Бог был Отцом вашим, то вы любили бы Меня». Бога отцом своим имеет тот, кто сердцем верует в его промыслительное о себе попечение, веруя, что от Него все и в начале, и в продолжении, и в конце.

Это именно то, что иные называют естественною верою. Таким образом, естественная вера, по слову Самого Господа, приводит прямо к вере в Него, да не к вере только, но и к любви, к такому сердечному сочетанию с Ним, что и не разлучишь. Как же это бывает?

Тревоги совести, страх Божий и страх за вечную свою участь заставят искать Спасителя и Искупителя; а кто ищет, тот и обретает. Вот и вера христианская! Стихии начала веры насаждены в духе человека. При неизвращенном и невозмущенном развитии естества человеческого развиваются и они, являются в преобладающей силе между другими, раскрывающимися стихиями нашей природы. Естественная вера исповедует не одно бытие Бога, но и ту истину, что все от Него происходит и Им содержится, исповедует всестороннюю свою зависимость от него и налагает обязательство угождать Богу исполнением требований совести, в надежде на Его благоволение и вечное воздаяние. Кто получит искреннюю веру во все это, тот не может быть свободен от тревог самых глубоких и потрясающих. Чувство зависимости от Бога возбуждает на угождение Богу; совесть указывает способ удовлетворения своих требований и за то предобещает благоволение Божие и вечный покой. Когда совесть удовлетворена, тогда в ней пребывает глубокий и сладкий мир; но когда совесть встревожена, тогда чувство зависимости поражает страхом неблаговоления и отвержения свыше, и отнимает надежду на вечный покой. А так как никто не в состоянии сохранить совесть свою столь чистою, чтоб она не тревожила, то никто из тех, у кого жива естественная вера, не бывает успокоительно почивающим на своем исповедании. В таком случае всякий естественно ищет средств умилостивить Бога; отсюда повсюдные умилостивительные жертвы. Но совесть не обманешь. Как вкус различает пищу, так и она истину. От того-то, что не придумывал человек для своего успокоения,— ничто не давало ему истинного покоя; а между тем требование истинно-успокоительного умилостивления Бога повсюдно. Посему-то встретит ли кто проповедь об этом,— он с радостью принимает ее и прилепляется всею душею к умилостивителю, Спасителю и Искупителю. Так-то справедливо слово Господне иудеям: «Поелику вы не прилепляетесь ко Мне, то, значит, у вас нет Бога, нет Его для сердца вашего, нет для совести вашей. Совесть спит, и в сердце живут другие интересы». Это применяется и ко всем тем, которые думают основаться на естественной вере. На бумаге написать это можно, но в жизнь этого не проведешь; и потому те, которые толкуют так, толкуют до тех пор, пока не слишком в них живы стихии естественной веры; а лишь только они придут в движение, в силу,— человек уже не может удержаться, чтоб не взыскать единого Ходатая Бога и человеков, Господа Иисуса Христа.

22. Логика событий.

Очень часто приходится читать и слышать: «логика событий, совершившийся факт». Этим, кажется, желают выразить необходимость течения дел человеческих, своего рода фатум, который можно было бы назвать политической судьбою. На эту логику указал Гегель, а Бокль на основании ее построил уродливую свою теорию истории, в которой нет места ни прови%дению, ни свободе. Намотствовал кое-что на этот лад и у нас граф Толстой, в своем больном романе «Война и мир».

Но если есть в событиях логика, то есть и ум, из которого истекает эта логика. А так как эта логика управляет событиями, то ум, от которого она исходит, должно признать правителем событий или, яснее, умом вседержавным. Вседержавный же ум есть в то же время и всесвободный ум. Если мы для своего бедного ума требуем свободы, то не имеем права не признать всесвободным ума вседержавного. Если этот ум есть всесвободный, и если от него зависит течение событий, то основания причин или, как говорят теперь, принципов, по коим движутся события, должно искать не в самых событиях, а выше их — во вседержавном, всесвободном уме. Этим объясняется то, почему логика событий, если бы судить о ней по самым событиям, нередко прерывается на полдороге и не доходит до своего заключения. Например, израильтяне перед Чермным морем, по логике событий, непременно должны были бы погибнуть, а между тем вышло так, что они очутились целыми на другом берегу, гонители же их остались в море. Сто восемьдесят тысяч иноплеменников облегают Иерусалим; надлежало бы погибать ему, но встают утром и видят врагов побитыми, а Иерусалим вне всякой опасности. Ирод распоряжается, избив младенцев вифлеемских, убить вместе с ними и родившегося Спасителя, но Божественный Младенец несколькими часами раньше стал вне угрожавшей Ему опасности, и расчет Ирода не оправдался. Вот вам и логика событий!

23. Борьба за души.

Говорят, на каждую секунду приходится в мире один умерший. Каждую секунду где-нибудь душа, отрешаясь от тела, восходит туда, где определено ей принять Божие о себе определение. Секунда

— это очень малый момент времени. Если б не мешало тело, мы могли бы видеть почти непрерывные появления светлых или темных полос, означающих путь восхождения отходящих душ, подобно тому, как видел Антоний Великий восходящего с ангелами авву Аммона.

И души не одни восходят: их всегда ведут к Богу ангелы, и всегда преградить им путь покушаются демоны. Какое, поэтому непрерывное движение происходит в невидимом мире, по всему пространству, отделяющему землю от неба!.. Физика ничего не видит в атмосфере, кроме воздуха с случайною примесью некоторых других атмосферических тел; а Откровение уверяет, что это есть область власти воздушной, духов злобы поднебесных, которые не спят ни днем, ни ночью в хлопотах на зло нам. И в продолжении всей нашей жизни приседят в тайных, чтобы уловлять нас, как зверь уловляет добычу, нападая на нее нечаянно; и по отходе нашем отсюда не отступают от нас, а гонятся вслед — не удастся ли как-нибудь вырвать душу из рук охраняющих ее ангелов. Вырвать-то не могут, если только не будет в нас ничего ихнего, то есть, чего-нибудь такого, от чего в этом роде есть то же, что запрещенный товар. На таможнях его отбирают, и штраф еще берут. А там, в воздушных пространствах, товара не отбирают, но душу берут всю, как есть. И рад был бы человек дать какой-нибудь откуп: да что дать-то в замену души своей?

Однако ж, как же быть? А вот как: надобно все это запрещенное повыбросить прежде, чем придется проходить мытарства. Выбрасывается же оно покаянием, отвращением от греха и оплакиванием его.

Сильна и молитва Церкви, сопутствующая отходящим; сильней ее нет ничего на земле для душ христианских. Но чтоб она оказала спасительное действие над тем или другим, надобно, чтобы в том и другом было нечто, к чему бы она могла привиться, чтобы, сочетавшись чрез то с душею, могла она потом пускать из души отражающие и поражающие стрелы на нападающих врагов. Что ж это за нечто? Полнее бы — вера, любовию споспешествуема, но если этого нет, то покаянные чувства по вере в Господа.

24. Скорби.

Многими скорбми, сказал Господь, подобает внити в царствие. То же самое было одним из пунктов и апостольской проповеди.

Что удивительного! Если мир построен по идее креста; если печати мировых событий отверзает Агнец закланный, то иначе тому и быть нельзя. Прискорбность должна составлять и составляет отличительную черту истинного пути жизни. Дивиться, после сего, надобно не тому, что есть скорби, а тому, что бывают еще светлые дни. Можно даже сказать, что последние есть случайность, что они посылаются Богом только для поддержания надежды на светлое будущее, чтобы мы не впали в отчаяние.

Что ж делают утешники? Строят столп вавилонский на трясине, выходят на войну, думая плясать и утешаться под стрелами врагов.

25. ВЕРА И ЗНАНИЕ

Говорят, знание яснее, а вера примрачна. А на деле выходит не так: для веры все светло, для знания все тьма. О духовной жизни и говорить уж нечего: тут для знания все темно, от начала до конца. И в общем-то течении жизни только вера ясно все видит, а знание расплажает лишь вопросы, не решая их.

«Ве́дение,— говорит св. Исаак Сирианин,— противно вере. Вера во всем, что к ней относится, разрывает узы законов ведения. Ведение не имеет сил делать что-либо без разъяснения и исследования — возможно ли быть тому, о чем помышляешь и чего хочешь. А вера требует одного чистого и простого образа мыслей, далекого от всякого ухищрения и изыскания способов. Дом веры есть младенческое понимание и простое сердце. Ведение же ставит сети простоте сердца и понятий, и противится ей. Ве́дение есть устав естества, сохраняющий его во всех стадиях; а вера совершает шествие свое выше естества. Ведение сопровождается страхом, вера — надеждою. В какой мере человек водится способами ведения, в той же мере связуется грехом, от которого не может освободиться. А кто последует вере, тот вскоре делается свободен и самовластен, и, как сын Божий, всем пользуется свободно и самовластно. Эти способы ведения пять тысяч лет, или несколько меньше, или свыше того, управляли миром; а человек не мог поднять главы своей от земли и сознать силу Творца своего, пока не воссияла вера наша и не освободила нас от тьмы земного делания и суетного подчинения, при бесплодном парении ума. А между тем и теперь, когда мы нашли невозмутимое море и неоскудевающее сокровище, снова вожделеваем уклониться к скудным ис-

точникам. Нет ведения, которое не было бы скудным, как бы много оно ни обогатилось; а сокровищ веры не вмещают ни земля, ни небо».

26. НЕВИДИМАЯ БОРЬБА

Если бы открылись умные очи наши, что увидели бы мы вокруг и около себя? С одной стороны — светлый мир Божий ангелов и святых; с другой — полчища темных сил и увлеченных ими умерших грешников. Посреди их люди живущие, одна часть которых склонилась на светлую, другая на сторону темную; средняя полоса как будто оставлена для борьбы, в которой иные побеждают, иные побеждаемы бывают. Одних бесы тащат, уже побитых, в свою темную область; другие стоят и бьются, принимают и дают поражения: кровь из ран и раны за ранами, а все стоят. До самой земли преклоняются от силы ударов и истощения сил, а снова выпрямляются и снова пускают стрелы во врагов. Кто видит их труды? Бог один. При них ангелы-хранители неотступно; над ними свыше нисходящий луч света благодатного.

Всякая помощь борющемуся готова, но она должна быть принята самоохотно. Склонение воли — условие ее силы. Коль скоро человек сознанием и свободою стоит на стороне добра, то и свет благодати и ангелы при нем. Но коль скоро самовластие его склоняется на сторону греха, луч благодати отходит от него, и ангел отступает.

Тогда человека обступают темные силы, и — падение готово. Связывают его пленицами мрака и уносят в темную область. Спасется ли он, и кто спасет? Спасется и спасет его тот же ангел Божий и та же благодать. Воздохнет грешник,— и они приступают и научают персты его на брань со тьмою. Если вонмет,— встанет, и опять начнет поражать врагов отогнанных, и уже издали мечущих стрелы. Вознерадит — опять падет; возбодрствует,— опять восставлен будет. Доколе же? Дотоле, пока придет смерть и застанет его или в падении, или в восстании.

27. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НАУКИ

Было время, когда научники опирались более на разум и все твердили: «Разум требует того-то, разум не согласен на это». Ныне оставили разум в покое и стали ссылаться все на науку. Наука стала го-

спожею и повелительницей, пред которою все обязано преклонять-ся. А что такое наука? Нет ни одной науки, сколько-нибудь сформировавшейся. Всякая наука еще саму себя ищет; относящиеся к кругу каждой из них не собраны и не разобраны, как следует; а об открытии причинных отношений, и тем более об определении начал каждой науки еще нет и помину. Ни одна наука самой себе еще не госпожа,— как же ей повелевать другим? Есть книги, в которых научники излагают свои воззрения на науку; но это далеко не то, что сама наука. Воззрения паучников — их собственное дело; потому-то и неуместна фраза: «наука требует», а вернее «тот и тот так на это смотрят». Если бы науки, действительно, взошли до своих начал, то приговор их был бы ценен; тогда это было бы то же, что голос Божий, ибо так как всякая наука обнимает какую-либо часть сущего, а часть сущего есть творение Божие, и в законах своих являет определение воли Божией, то наука, взошедши до своих начал и до определения законов, действующих в известном круге бытия, указывала бы нам точные определения воли Божией, повиноваться которым есть неотложный закон для всякой разумной твари. Тогда каждая наука была бы как бы одною из книг Священного Писания, содержащею Божественное Откровение, а все науки, в своей совокупности — Библией, Откровением Божиим в естестве вещей; тогда было бы у нас две Библии, одна писанная, а другая неписанная, но содержащаяся в бытии вещей. По идее-то оно, действительно, так, что наука могла бы требовать послушания и покорности, но на деле, как оно есть теперь, она того не стоит.

Будет ли когда-нибудь стоить — неизвестно; но теперь ссылаться на нее — дело неправое.

28. ЧУВСТВО ВЕРЫ

Господь, все содержащий в деснице Своей, держит и всякую душу. Чем же душа отвечает на это? Неотразимым исповеданием того, что есть Бог, от Которого как все, так и она зависит, и в бытии, и в действовании, и в конечной участи. Это исповедание глубоко лежит в сердце как чувство или чутье. Оно не принадлежит разуму; напротив, когда разум, принимая то исповедание от сердца, начнет сам собою доходить до последних основ его, то теряет и нередко заглушает

его и в сердце на время. Тут происходит то же, что случилось с психологами, пристрастными к осязательности. Стали они доискиваться души, чтобы осязать ее,— и потеряли душу. Так и в деле веры. Нужно искать не осязательной доказательности, а только развивать то чувство. В этом и разум может быть помощником, может способствовать развитию религиозного чувства размышлением. Для этого ему исстари указаны известные четыре доказательства бытия Божия. Они показывают след Божий, и даже не след только, но как бы некое очертание лика Божия. Когда разум уяснит себе все эти показания как следует, то словно зеркало какое наводит на сокрытое в сердце чутье. Усмотрев себя в этом зеркале, оно сочетавается с тем ликом воедино и становится определенным исповеданием или разумною верою. Так в порядке естественном. Но тут остается еще много пробелов. Их дополняет Божественное Откровение, и сверх того прибавляет нечто такое, что не есть придаток для прикрасы, а дело существеннейшее, без которого все предыдущее — ничто. Сюда принадлежит таинство Пресвятой Троицы, воплощение Бога-Слова и все домостроительство нашего спасения. Последнее — что голова на теле, что глаза в портрете. Таково все здание веры. Основа — чувство Божества; далее идет естественное боговедение, затем — Божественное Откровение, которое одною стороною довершает только естественное ве́дение, а другою, существеннейшею, придает нечто новое, отчего все принимает настоящий вид. Ограничивающийся только тем, что верует в бытие Божие, в промышление, будущую жизнь и воздаяние, походит на здание без купола, на тело без головы.

29. СОЗЕРЦАНИЕ И ДЕЯНИЕ

Всякое дело имеет видимую и невидимую сторону, деятельную и созерцательную. Истинное богоугодное дело, по учению св. Исаака Сириянина, есть сочетание созерцания и деяния. Созерцание составляет мышление, возбуждающее и руководящее в деятельности; деяние же есть совершаемое, вследствие того, дело. Например, подаяние милости есть деяние, а видение в нищем Господа есть созерцание; терпение обид и напраслин видимое деяние, а мысль, воодушевляющая к терпению, есть созерцание; стояние в храме или дома пе-

ред иконами, положение поклонов с крестным знамением, чтение и слушание молитв есть видимая сторона молитвы, а умное при сем предстояние Богу в сердце со страхом и трепетом есть сторона созерцательная. В каноне покаянном св. Андрея Критского это названо деянием и разумом, и значение их указано в примере Лии и Рахили. А иным кажется, будто созерцание есть дело только глубоких отшельников; между тем, как оно есть дело обязательное для каждого и при каждом поступке. Действие, без соответствующего созерцания, есть тело без души, или истукан бездыханный, имеющий подобие живой твари, но не имеющий жизни. Созерцание же и одно ценно; например, не имеющий что подать нуждающемуся, но непременно болезнующий о его нужде, равно как безрукий и безногий, не могущий стоять на молитве, но умом непрестанно припадающий к Богу, совершают вполне дело Божие, обязательное для них в их обязательствах. Отсюда сам собою решается вопрос: как без добрых дел спаслись уходившие в леса и скрывавшиеся в пещерах. Все добродетели они имели в сердце, обладали, следовательно, существенною стороною доброделания — созерцанием.

30. НЕ ТРУБИ ПРЕД СОБОЮ

Не труби пред собою, заповедал Господь; и однако ж почти все трубят или, вернее, почти у всех трубится. Как-то подходит к сердцу, влагает в него уста свои и трубит, а человек внимает тому и восхищается. Хоть бы остепеняла нас мысль о том, что звук этой трубы, положим, хоть и нашей, но производится чуждою нам силою! А это и на ум не приходит; напротив, похвала нам кажется столь справедливою, что и поперечить ей как будто незаконно. Если рассудить как следует, то окажется, что тут-то мы и недостойны похвалы, когда трубим пред собою. Уже самое это трубление обличает скудость и недостоинство наше. Когда ты услышишь звук этой пагубной вражьей трубы, отстранись несколько от себя и, противопоставив себя себе, начни судить себя нелицемерно. Кто-то трубит в тебе пред тобою, что то и то хорошо в тебе или то-то хорошего тобою сделано. Вникни порядком, отчего тебе лезет это в голову и занимает твое внимание? Оттого, подскажу тебе, что видно только и есть в тебе добреца. Если б у тебя было много добрых-то дел или были только все добрые дела, то каждое дело, в отдельности, исчезало бы в массе их, не давая себя

заметить. Как тот, у кого много денег, и внимания не обращает, когда приносят ему какие-нибудь десятки и даже сотни рублей, или как тот, у кого много одежд, и минуту не займется вновь сшитою одеждою, потому что их у него так много, что новая не представляет никакой особенности; так и богатый добрыми делами не станет останавливаться вниманием своим ни на каком частном своем деле. Каждое доброе дело исчезает у него, как капля в море,— в богатстве его доброделания. Отсюда выходит, что если кто любуется своими добрыми делами, то это потому, что оно, видно, одно только и есть. Доброе дело, хоть и несовершенное, всегда привлекает взор; а если б этих дел было много, то глаза разбежались бы, не зная, на каком остановиться. Вот ты и возьми себя с этой стороны, когда услышишь трубу в себе, да и потолкуй себе, что из того, что ты прицепился вниманием своим к этому делу, следует не самохваление, а укорение себя в скудости добродетелей. Верно, во всей сумме дел твоих не на что взглянуть, только и есть, что это. А если это так, то состояние твое жалости достойно. Нет, не одно должно быть у тебя доброе дело, а вся жизнь твоя должна быть непрерывною цепью добрых дел.

Не смотри на льстивость помысла самохваления, а, уразумевая силу его, переходи поскорее к тому убеждению, что, верно, ты беден добром, угодным Богу, когда услаждаешься тем или другим похвальным поступком. Не к высокому о себе мнению восходи, а нисходи к самоуничижению и к чувствам покаяния. Как только это сделаешь,— труба тотчас замолкнет.

31. ИСТИННАЯ СВОБОДА

Мы все ищем свободы, не по тому ли чувству, что мы — рабы? Да, рабы; но не по определению Создателя, а по нашей собственной воле. Господь назначил нас для господства над всем; а мы забылись и впали в узы рабства и стеснения со всех сторон. Внешняя несвободность еще не великая потеря: существенная потеря в том, что мы внутренно связаны, что потеряли господство над самими собою, сами в себе стали не властны. Кто-то другой властвует в человеке и над человеком; а человек и слова не смеет сказать наперекор, и все покорно исполняет, что так настойчиво внушает ему. И главное в том горе, что не чует рабства своего; так забит! Сознай же благородство свое и взыщи своих прав. Начало этому положи чувством рабства, чув-

ством покаяния и сокрушения. Если покажутся слезы, то это лучше всего: они огонь, попаляющий узы страстей, а исповедь — удары «Меча, коими отсекается то то, то другое звено цепи греховной. Как птица, вырвавшись из тенет, радостно взлетает и реет в нескончающем пространстве воздуха, так и душа, исторгшись из уз греха и страстей, начинает отрадно действовать в безгреховной воле Божией. Пророк испытал это на себе, когда сказал: «хождах в широте, яко заповеди Твоя взысках».

32. САМОИСПЫТАНИЕ

Не раз уже предлагал я вниманию православных ту простую истину, что в христианстве существо дела состоит в настроении сердца — во внутренних расположениях или внутренней нашей деятельности, но доселе еще не покушался вместе с ними войти внутрь, подвергнуть рассмотрению все, бывающее там, чтобы каждый чрез то навык различать потом в себе доброе и худое, и, соответственно тому, обходиться с собою. Сделаем это теперь.

Смежите же внешние чувства ваши, обратите око внимания внутрь и смотрите — что там.

На первый раз вы ничего не видите, не потому, что там не было ничего, а потому что там слишком много всего, но все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают, когда бывает густой туман. Туман, как стеною, отграждает от нас все предметы и сокрывает их в себе; так точно и тот, кто в первый раз обращается внутрь себя, видит, что все внутреннее закрыто будто мрачным покровом. В этом можете удостовериться тотчас же.

Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного, и вы скоро начнете мало-помалу различать происходящее внутрь вас, подобно тому, как вошедший со двора в слабоосвещенную комнату, постояв немного, начинает постепенно различать находящиеся в ней предметы.

Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел; его место заступил другой, этот тотчас заменен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый в свою очередь пятым и так далее. Одно помышление спешно сменяется другим,— и это так быстро, что почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность

помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например, при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были; и во время молитвы в храме и дома, во время чтения и даже углубленного размышления. Обычно называют это думанием; в существе же дела это есть расхищение ума или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столь нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте первою чертою нашего внутреннего человека. Это похоже на смятение снежинок, падающих при ветре, или, точнее, насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное тому состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее, а все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо, созерцающее Его. Между этими противоположностями стоят разные степени душ, трудящихся в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их.

Присмотритесь еще внимательнее, и вы различите в себе, под этим смятением помышлений в уме, в воле, постоянную заботу об устроении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его все вперед и вперед, по недовольству ничем обладаемым, и, при производстве одного, всегда представляя сотни других дел, будто бы неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам ни посидеть на месте, ни поговорить с кем-либо как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит нас, утомленных, глубокая ночь на отдых, в свою очередь возмущаемый заботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется многозаботливостью, которая снедает душу, словно ржа железо. Ее и поставьте второю чертою того, что происходит внутрь нас. Противоположное сему свойство святых есть беспечалие, которое, впрочем, не есть беззаботность, а смиренный труд, правильный, состоящий в предании себя, своей участи всепромыслительному попечению Божию. Середину между ними составляет борьба самопромышления с смиренным преданием себя промышлению Божию, при посильном и своем труде.

Смотрите еще глубже, и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж, мечтающего о себе, что он наслаждается полною свободою. Узы этого пленника составляют пристрастия к

разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как рыба, попавшаяся на удочку, хоть и плавает, но никак не дальше, сколько позволяет то нить, к которой прикреплена удочка, или, как птица в клетке, хоть летает и ходит, но никак не дальше пределов клетки; так и пристрастия оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их; а коснись дело до этих предметов, душа никак не совладеет с собою; и чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан, и не в силах сделать движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому, как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным: таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьей чертой нашего внутреннего состояния — пристрастность. Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Середину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий.

Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность — это еще не вся доля наша. Хоть они качествуют внутри, но все еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем же глубже вниманием к этому сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упреждаю ваше соображение сравнением: путник в горах; он видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшеюся травою,— внутри мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей: это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями сердца? Попробуйте сделать это хотя в продолжение небольшого времени и смотрите, что там делается: получили неприятность — рассердились; встретили неудачу — опечалились; враг попался — загорелись местью; увидели равного себе, который занял высшее место,— начинаете завидовать; подумали о своих совершенствах — заболели гордостью и презорством. А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и проч. — одно за другим поражают сердце, — и это только в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается. Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал

сердце человеческое полным змий ядовитых, то есть страстей. Когда загорается какая-либо страсть — это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его своим жалом. И когда вникает змий — больно, и когда жалит — больно... Ужаливая, питается он кровию сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым, и еще более тиранит сердце, в котором живет. Так бывает не с одною только страстью, но со всеми; а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, заслоняя, но не истребляя одна другую. Таково сердце человека, работающего греху, кто бы он ни был. В противоположность этому сердце святых свободно от страстей или украшается бесстрастием. В середине стоят борющиеся со страстьми и похотьми под знаменем подвигоположника Господа, в Его всеоружии.

Ну, что же? Поредел ли теперь для вас мрак, сокрывающий наше внутреннее? И если поредел, то на радость ли или на горе? Горе рассеянным, многозаботливым, привязанным к чувственному и терзаемым страстями!.. Блаженны, напротив того, души, внимательные к себе, упокоевающиеся в Боге, отрешившиеся от всего и очистившие сердце свое от страстей! Благословенны и труды тех, которые, оставя пагубы первых, стремятся востечь к блаженству вторых!

Вышенский паломник: №№ 3-4, 1997 г.; № 1, 1998 г.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год
Отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 1000 экз. Заказ № 1512

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 581

ИЗ ПИСЕМ **священномученика** епископа Германа (Ряшенцева)

Имя священномученика епископа Германа (Ряшенцева) нечасто упоминают историки Русской Православной Церкви. После рукоположения во епископа он пробыл на волоколамской кафедре недолго, немногим больше года, как последовал арест. Еще меньше, всего четыре месяца, был он епископом Вязниковским. Не сохранились его проповеди,— а проповеднический дар он имел выдающийся,— не оставил он и богословских трудов. Но его богатая дарованиями, глубокая личность замечательно выразилась в письмах. Этому уникальному документу, переписке Владыки, суждено было, преодолев все превратности, дойти до наших дней, и мы с вами имеем счастье услышать его живое слово.

Священномученик
епископ Герман (Ряшенцев)
(1884-1937)

Письма владыки Германа, дошедшие до нас, написаны за два года до мученической смерти. Они из изгнания, писались в тюрьме или ссылке, но они не только документ эпохи, важный для историка нашей Церкви, это и духовное сокровище, которое, несомненно, послужит многим для пользы душевной.

Сохранилось несколько писем владыки Германа одному из духовных чад — игумении Акатовского монастыря Олимпиаде. Это письма-наставления, содержащие множество выписок из творений святых отцов Православной Церкви — Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Исаака Сирина, Игнатия Брянчанинова и др. Наставления Владыки касаются прежде всего отношений его духовной дочери с людьми, совершенствование ее внутреннего человека в будничной жизни, повседневных делах.

Из писем к игумении Акатовского женского монастыря Олимпиаде

13/26.XII-35 г.

Спаси Вас Господи и помилуй, дорогая матушка, за память о моих именинах и за теплые воспоминания со благодарением Господа о нашей встрече около благоверного и любимого нами Александра Невского. Я тоже в нынешнем году почему-то все это вспоминал с самыми мельчайшими подробностями. Полезно вспоминать и дни древние, но не для того, конечно, чтобы потужить о том, что их уже нет, а чтобы научиться от них и утешиться милостию Бога нашего, Который и вчера и сегодня Тот же и во веки. Он милостив всегда и, быть может, особенно в те дни, когда мы болезнуем и считаем себя несчастными, подобно тем малым детям, которые капризничают и плачут, когда их моют, не зная того, как им будет легко и радостно, когда они станут после этого чистенькими и на них оденут праздничные одежды. В жизни истинного последователя нашего Небесного Учителя обязательно должны отобразиться в той или иной форме особо важные ее моменты, и никто не может прожить без своей Гефсимании или Голгофы. Может быть, для Вас наступила теперь Ваша Гефсимания, когда что-нибудь, разумею не столько внутреннее искушение (в чем чаще всего бываем повинны мы сами и наши демоны-страсти), сколько внешние обстоятельства как бы насильно, помимо нашей воли и часто вне зависимости от каких-нибудь наших раннейших поступков, слов и начинаний, врываются в нашу жизнь, то это явный знак, что это от Бога: “Путь Божий, говорит Исаак Сирин, есть ежедневный крест. Никто не восходит на небо, живя прохладно. А из сего узнается, что он под Промыслом Божиим, когда Бог непрестанно посылает ему печали».

Тем и отличаются сыны Божии от прочих людей, что они живут в скорбях, а мир гордится роскошью и покоем... Во всяком деле предоставляет им Бог по мере сил показать подвиг свой и потрудиться в молитвах. Потому попускает Бог, чтобы святые Его искушаемы были всякой печалью, чтобы опытно изведали помощь Его и то,

сколько промышляет о них Бог, потому что, вследствие искушений, приобретается мудрость (Исаак Сирин). Вот для этого Вам и дана настоящая обстановка, и теснота, и постоянные посетители, и неотвязчивый контролер Ваш "пакостник плоти", и вынужденное общение с мирским. Вы иногда в нетерпении говорите или спрашиваете Его: "За что же Ты послал на меня такой крест?" И сам крест Вашими же устами отвечает: "Не за что, а на что он Вам послан, чтобы показать мне мои недостатки, чтобы я поняла, что во мне кроется... Думала, что люблю Бога и ближних, а теперь вижу, что нет во мне этой любви, нет самоотречения, раздражаюсь (значит, есть и самолюбие, и гнев и, быть может, даже и гордость), злюсь (это дар, только не Святого Духа), не могу потерпеть даже больной, (а Он праведникам скажет: "Болен был, и вы ходили за мной"), раздражаюсь даже, когда никто не раздражает, люблю только свой покой, а забываю, что и мой ближний тоже хочет, чтобы ему никто не мешал, не огорчал, ропщу, обвиняю других в немилосердии, а сама всячески хочу сбросить венец милосердного Самарянина... Может быть, и смирюсь; значит, пока смирения не хватает – «научитеся от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф. 11, 29).

Дорогая матушка! Да послушайте все это! Это ведь не я, а Вы сами говорите! Это Вы сами разъясняете, сколько великих духовных благ Вы уже получили от этого своего настоящего, разумеется, не особенно и не для всех легкого креста. Поймите, родная, какая дана Вам большая радость от этого креста. Апостол Павел учит своего любимого ученика Тимофея: "Вникай в себя и в учение, занимайся этим постоянно, ибо, так поступая, и себя спасешь, и слушающих тебя", а Вы не только вникаете в себя, но и увидели коечто и больное, быть может, случайно, но все же как нарост и болячка, но приставшее к Вашей душе. Когда идем куда-нибудь, где должны быть в полном порядке, то внимательно осматриваем себя с ног до головы и как бываем благодарны зеркалу, что оно облегчает нам эту работу. А мы ведь собираемся на вечер к Небесному Жениху и как нам надо благодарить Его за то, что Он нас поставил в такие условия, что мы увидели мельчайшие пятнышки в своем сердце. Какая это великая радость! Какая это великая милость Божия увидеть самого себя! Кто сподобился увидеть самого себя, тот выше сподобившегося увидеть ангелов, говорит святой Исаак Сирин. Конечно, без смирения, а Бог дает его всем независимо, трудно мириться с этим крестом, но если смиренно будешь думать о себе, говорит Авва Пимен, то найдешь покой везде, где бы ты ни был. Тем и

благодетельны испытания, что скорби их рождают смирение. Если стремишься к добродетели, то предай себя на всякую скорбь. Кто без скорби пребывает в добродетели своей, тому открыта дверь гордости – вот как учат нас те, у кого слово было делом. Тот же Исаак, которого я очень полюбил за сокровищницу его богатых духовных мыслей и подвижнического опыта, говорит, что ничто так скоро не избавляет монаха от беса гордости и нечистой страсти, как посещать больных, одержимых скорбью плоти. Конечно, нелегко быть все время на людях, но теперь для того нас Господь и лишил уединения, чтобы мы через общение с мирскими увидели свое мирское настроение, но отнюдь не для того, чтобы мы всячески сторонились тех, кого Он дал нам как наших ближних.

Для многих служит достаточным побуждением, говорит Златоуст, к дружбе не только то, что имеют общий стол, но и то, что они из одного города, а мы, у которых град, и дом, и стол, и путь, и дверь, и корень, и жизнь, и Глава, и Пастырь, и Царь, и Учитель, и Судия, и Творец, и Отец – все общее, какое будем иметь извинение, удаляясь общения друг с другом. Конечно, здесь нужно большое терпение. Но Вы прошли уже хорошую школу терпения, и Вам ли надо напоминать, что всякое тесное обстоятельство и всякая скорбь, если нет при них терпения, служат к сугубому мучению, потому что терпение отражает бедствие, а малодушие есть матерь мучения.

Терпение и есть матерь утешения и некая сила, порождаемая широтою сердца. Человеку трудно найти такую силу в скорбях своих без Божией помощи, обретаемой неотступностью молитвы и излиянием слез (Исаак Сирин). Просите, и дастся вам. Вот “колицыми книгами” написал Вам. Да будет это все Вам к ободрению и спасению. Взаимно молитвенно приветствую Вас и сущих с Вами с Великими праздниками. Да будет мир Божий и радование Его благоволения с Вами. Пока у меня все по-прежнему. Стали только вместо двух ходить к «благодетелю» три раза. Это хорошо. Лишний разок пройдешься по свежему воздуху, лишний раз из глубины пути вздохнешь и легче будет встретиться с воздушными контролерами. А.Н. на днях кончил и уезжает. На всех нас он произвел хорошее впечатление, и один случай показал его глубокую преданность своему делу и благородство души его. Всегда можно ошибаться в человеке. Будем молиться, чтобы Господь исправил путь каждого из нас и примирил нас друг с другом ради торжества Его истины и любви. Мой привет и благословение всем сестрам и Вашим домашним. Христос с Вами.

22.X-35

Сегодня после обеда наша письмоносица принесла Ваше письмо. Спаси Господи за весточку о себе и добрые чувства и пожелания. Я благодарил бы Господа, если бы хоть немного был таким, каким кажусь Вам. “Венец старцев многосторонняя опытность и хвала их – страх Божий” (Сирах). По летам и годам иночества, казалось бы, пора быть уже старцем, а до сих пор нет ни опытности, так как не было духовных подвигов, нет ни страха Божия, потому что тогда не было бы постоянной рассеянности и неисправимого нерадения. А если что и есть, то что% все наши добродетели без смирения? Не более как пыль, уносимая первым дуновением гордости (митрополит Филарет). Вот наша беда, что учим других и знаем, что все должно начинаться со смирения, все должно им оберегаться, что оно является тою “солью”, какая должна осолять все, приносимое нами Богу, а сами почти не чувствуем его благодатного веяния в себе, потому что далеки от всего, что его воспитывает.

Правда, есть надежда, что самый путь, которым Господь ведет меня, в конце концов приведет к Нему, потому что все, на нем бывающее, смиряет. Но у меня еще далеко нет того, что является его преддверием. Чем ближе подходит человек в своем внутреннем делании и настроениях к Истинному Свету, тем больше и больше открывает в себе темных сторон и притаившихся во мраке духовной лености и греховности страстных навыков или наклонностей. Именно, как пишете Вы, “с каждым днем все больше и больше чувствуешь свою никуда негодность”. Это значит, что стал понемногу светить в нашей совести Свет, Которого не сможет уже объять никакая греховная тьма, мы сами искренно желаем от нее освободиться. Не надо нам забывать, что и с духовными нашими немощами бывает то же, что и с физическими болезнями. У каждой болезни есть свой период, раньше которого никогда не наступает кризис и не может быть выздоровления, как бы ни искусен был врач и ни хотел этого сам больной. То же и с нашими духовными немощами. “Бог производит в Вас и хотение, и действие по Своему благоволению” (Флп. 2, 13). Потому и великий апостол языков все приписывает Богу. “Я тружусь и подвизаюсь, говорит он, силою Его, действующею во мне могущественно” (Кол. 1, 29), поэтому не надо падать духом, потому что не изжиты у Вас тяготящие Вашу совесть и душу немощи, хотя всячески Вы хотите переломить себя. Значит, не пришел еще для этого час воли и милости Божией. Надо, следовательно, еще и потужить, и помолиться, и поплакать, и потомиться, сугубо ощущая свой грех и необходимость все побеждающей благодати Божией.

Сравнительное уединение и безмолвие, в каком Вы теперь живете, тоже будет помогать в этом стремлении к духовному здоровью. “Безмолвие, как говорит Исаак Сирин, умерщвляет внешние чувства и возбуждает внутренние движения”. Конечно, Ваши повседневные занятия нельзя назвать “занятием внешним”. Не на этих занятиях сосредоточены интересы и цели Вашей жизни, не в них Вы полагаете смысл Вашей жизненной миссии, и потому надо стараться, чтобы они не выходили из своего чина, как необходимого дела для поддержания тела, не вытесняли самого главного и были тем физическим занятием, каким занимались и отцы, чтобы дать некоторый отдых себе от напряжения молитвенных подвигов и других дел, ведущих к благочестию. Больше надо помышлять о Небесном Отечестве и о том Чертоге, для которого необходимо еще здесь приготовить подобающее одеяние, чтобы не оказаться недостойной Вечери. Не к нам ли должен быть отнесен призыв древнего пророка Сафона [Софония]: “Взыщите Господа, взывает он, все смиренные земли, исполняющие закон Его. Взыщите правду, взыщите смиренномудрие, может быть, вы укроетесь в день гнева Господня» (Соф. 2, 3). Если мы еще далеко не смиренные, то смиряемые; таких он и разумеет и им-то и указывает ту защиту от бед и обдержащих их скорбей и искушений, которую никогда не сможет осилить вся злоба и соблазны мира. В этом стяжании кроткой Христовой праведности и живой воды чистого смирения, да и поможет нам Господь... Варлаам, видимо, совсем стал инвалидом: не может ходить более нескольких минут от крайней утомляемости сердца. Я пока здоров и благополучен. Да укрепит вас всех Господь Своею благодатию. Мир Вам.

3.I-35.

Взаимно молитвенно приветствую Вас, дорогая матушка, и живущих с Вами сестер с великими праздниками Христовыми. Его ясли да научат нас смирению, вертеп – не бояться бедности и убожества, пастухи – простоте и незлобию, волхвы – подчинять свое мудрование и все земные познания мудрости Евангельской, ангелы – взаимному миру и славословию, Иосиф – праведности, а Дева Матерь – непорочной чистоте и целомудрию, которые не только видят Бога, но и воспринимают Его в себя. Все ближе и ближе праздник. Церковные песни уже видят грядущую к Вифлеему Деву, подготавливают к торжеству пастырей, собирают хоры ангелов, торопят от Персиды мудрецов востока и ужасаются безумию Ирода, замышляющего убить Христа. Они уже полны предпраздничного

ликования и зовут к нему небо и землю. Как и чем откликнется на этот зов наша душа? Найдется ли место около Его колыбели нам, бедным любовью и смирением, бессильным в своей слабой вере и решимости идти к Нему, как бы долог и тяжел не был путь?! Когда-то были Им сказаны полные глубокой нежности и светлых обетований слова: "Вселюсь в них и буду жить". Возможно ли это для нас и нам ли это сказано?! Нам... и возможно. Какая радость! Какая радость стать Его учеником, чадом Божиим. Какая радость осветиться Его кротостью и беззлобием, просиять его чистотою, стать носителем благоухания от Его святыни и любви, живя в миру, стать "не от мира", отречь себя от его скверны и победить его похоти и холод суеты теплотою веры и добродетелей! Узки врата к этому, тесен и тяжел путь; "много скорби праведнику", но только через них, сострадая Ему и сраспинаясь с Ним, можно войти в нездешнюю радость Его мира. По Его неизреченной милости я пока благополучен; здоров больше, чем полезно, и бодр духом. Да утешит и Вас Христос Своею благодатной силой, немощная врачующей и оскудевающее восполняющей. Да устроит Господь М.Е. и Сашу. Благоволение Его, милость и мир да будут со всеми Вами.

Из письма Н. А. Верховцевой

(Последнее, дошедшее до нас письмо Владыки Германа из Сыктывкара, Коми области. 1-ое марта 1937 г. принесло ему полную разлуку со всем родным и близким)

2-15.XII-36 г.

Письмо Ваше, родная моя Наташа, я получил. Это даже не письмо, а скорее стон от тяжкого внутреннего страдания и крик о помощи. Это я понимаю и чувствую. Что с Вами происходит нечто очень сложное и изнурительное и для физиологических и душевных Ваших сил, я давно уже чувствую, вскоре после разлуки с Вами, но, как мне кажется, это одна из тех болезней духа, какие тянутся годами и исцеляются Самим Врачом душ и телес тогда, когда сделают с нашей душой все, предусмотренное Его благим Промыслом. Я не пытаюсь гадать о возбудителях этой болезни; они часто и в нас самих, и в условиях нашей внешней жизни и работы. Об одном могу только с уверенностью сказать, что здесь необходимо терпеливо понести свою душу так же, как терпеливо Вы выхаживаете оного трудного больного, не теряя никогда надежды на его выздоровление. Это своего рода духовное истощание, та нравственная Гефси-

мания, в какой более, чем когда-либо познается свое духовное ничтожество, тяжесть своего жизненного креста, страх пред неодолимостью всевозможных препятствий и скорбей жизни, тоска от внутреннего разъединения с людьми, даже любимыми, тяжкая агония, оставленность Богом и почти физическое ощущение всей несветимой тьмы зла и греха. В состоянии уныния присутствуют почти все эти моменты, но оно не бывает (уныние) так длительно. Мне кажется, многое в Ваших переживаниях от физической и душевной усталости. Вы очень много расходуете своих сил, и Вам и дома вместо отдыха приходится перенапрягаться не менее, если не более, чем на работе. Такого постоянного напряжения, страха за маму, боязни не выполнить своего долга перед В., обычные тревоги и заботы житейские – трудно вынести не переутомляясь. Вам, вероятно, очень мало остается времени (от дел и усталости) на пополнение запасов своего душевного тепла и бодрости, а окружающая среда так холодна, плотяна и земна, что не может пополнить Вам расходуемые Вами силы и только еще сильнее дает Вам чувствовать свою усталость и даже невозможность делать свое любимое дело. В этом тяжелом душевном кризисе более, чем когда и в чем другом потребно смирение и «вера и терпение святых». У нас не было бы той страшной муки и боли, какие, как буря, захватывают нас во время душевных крушений, если бы мы не переоценивали себя, были крепки верой и всегда бы не только помнили, но и чувствовали сердцем и предощущениями надежды Его последние слова: «Я с вами во все дни до конца века» (Мф. 28, 20). Он, как и прежде, с Вами. Быть может, теперь даже ближе, чем тогда, когда душа Ваша оберегалась собственной свежестью и благодатной стихией тех мест и людей, среди которых Вы еще так недавно жили. Я думаю, переживаемое Вами в той или иной степени испытывают сейчас весьма многие, и только шум текущей действительности и грандиозной перестройки, требующей крайнего напряжения всех душевных сил человека, приглушает эти тихие стоны души и мешает понять их вещий смысл. Ваше состояние - отражение общей болезни и отнюдь не есть что-то безнадежное, от чего не надо допускать себя до психостении. Не без воли Божией мы поставлены в этот круговорот страстей, борьбы и всяческих дерзаний и падений. Он никого не искушает злом, и если отнять от окружающей нас действительности дух непомерной гордыни и чувственности, то на всем мы увидим отсвет Его Истины и Его заповедей. Его законы вложены в мысли и сердца людей. Это неискоренимо, как природа. И хотя зиждущие всячески игнорируют Его

и хотят устранить Его и даже память о Нем из жизни, но Он остается краеугольным камнем и силой основных идей нового общества. В этом залог и просветления, и обращения, и духовного обновления, а для страдающих и болеющих над этим «отступлением» – ободрение, спокойствие и терпение... Судя по концу Вашего письма, Вы, видимо, немного отдохнули и уже многое воспринимается спокойнее. Не унывайте! Мы всегда без Него наги и бессильны. Он и вчера, и сегодня, и во век Тот же. Разве Он может быть не с нами, когда кругом и в нас самих такая буря. А с Ним все можно выдержать и мужественно встретить все испытания. Он и с Вами, и с мамой. Он силен мгновенно отнять всю боль от Вашего сердца, но этого не делает, потому что лучше этим переболеть, а для этого надо просить у Него только терпения...

...Да поможет Вам Господь преодолеть свой кризис. Не теряю надежды увидеться, если буду в Москве.

Краткое жизнеописание священномученика епископа Германа (Ряшенцева)

Епископ Герман (в мире Николай Степанович Ряшенцев) уже в раннем детстве ощутил призвание Божие, которое определило выбор его жизненного пути. В 1902 году он поступает в Казанскую Духовную академию. На третьем курсе Академии, в Великую субботу 1905 года, двадцатилетний студент принимает монашеский постриг с именем Герман, в честь святителя Германа Казанского.

В 1906 году отец Герман принимает священный сан и оканчивает академию со званием кандидата, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Нравственные воззрения преподобного Симеона Нового Богослова». 17 августа того же года последовало назначение его в Псковскую семинарию преподавателем Священного Писания, позже инспектора. 30 января 1910 года иеромонах Герман определением Святейшего Синода перемещен на должность инспектора в Вифанскую семинарию, через два с половиной года он становится с возведением в сан архимандрита ее ректором.

Весной и летом 1917 года отец Герман был, как священник, командирован в действующую армию.

Вернувшись с фронта, отец Герман некоторое время живет в Сергиевом Посаде и в Москве. К этому времени относится составление им одного из лучших акафистов, появившихся в XX веке,—

акафиста преподобному и благоверному князю Даниилу Московскому. 14/27 сентября 1919 года, в праздник Воздвижения Честного Креста Господня, совершается его хиротония во епископа Волоколамского, викария Московской епархии. Управлять викариатством епископу Герману пришлось очень недолго: уже в начале 1921 года (очевидно, в конце января) он был арестован и заключен в Бутырскую тюрьму. Правда, арест был кратковременным и в том же году Владыка был освобожден, но выезд из Москвы ему был запрещен. 1/14 сентября, в праздник Донской иконы Божией Матери, сослужил Святейшему Патриарху Тихону за Литургией в Донском монастыре. В июле 1922 года епископ Герман был вновь арестован и несколько месяцев провел в Бутырской тюрьме, а затем был административно выслан в Тобольский округ сроком на три года. В начале августа 1925 года Владыка возвращается в Москву. На свободе ему удалось пробыть только четыре месяца. В ночь с 30 ноября на 1 декабря епископ Герман был арестован. 21 мая 1926 года вынесен приговор: три года ссылки. В сентябре он прибывает к месту своей ссылки — город Турткуль в Каракалпакии, потом Ходжейли.

14 января 1928 года епископ Герман получает разрешение на выезд и возвращается в Москву.

26 июня 1928 года епископ Герман получает назначение в Вязники. На Вязниковской кафедре он пробыл всего полгода.

14 декабря 1928 года Владыка был арестован в Вязниках, а 15 декабря его уже допрашивали во Владимире. 17 мая 1929 Владыка был приговорен к трем годам лагерей. В начале 1930 года он попадает в Соловецкий лагерь. Там через месяц заболевает тифом. Болезнь, продолжавшаяся два с половиной месяца, превратила Владыку в инвалида. В конце 1930 года «вместе со стариками, больными и калеками» он был переведен на материк и затем на положении ссыльного, иногда в крайне тяжелых условиях, не имея даже крова над головой («на открытом воздухе»), жил на севере до февраля 1933 года. За это время ему пришлось сменить более двенадцати мест назначения. Об одном из таких перемещений, совершившемся Промыслом Божиим,— из Деревянска в Вочь,. Владыка писал Н.А. Верховцевой: «В день памяти князя Даниила ...проделали до района сто километров по глубокому, часто по колено снегу и в сильную метель, переходящую в буран, и 21 марта по старому стилю дошли в село Вочь...».

Получив 2/15 января 1933 года, в день памяти преподобного Серафима, разрешение уехать, Владыка отправляется в избранный им из предложенных для проживания город Арзамас. Новый арест

в начале марта 1934 года он встретил спокойно. «Вы слышали о том, что Мася[1] со второй недели поста до Вознесения была в доме отдыха (то есть в тюрьме.– *Ред.)*— пишет Владыка Н. А. Верховцевой по дороге в новую ссылку.— Там было очень хорошо. Она жила среди своих... Так как еще задолго до болезни ей одной дивной старицей... было предсказано все, что случилось тогда и совершается теперь, то она была очень спокойной и даже очень подбадривала своих сотоварищей». Постановление о предъявлении обвинения епископу Герману от 4 марта 1934 года гласило: «Ряшенцев Герман Степанович достаточно изобличается в том, что совместно с епископом Серапионом активно боролся за поднятие авторитета религии и сплачивание духовенства в Арзамасской епископии. Так «из уст» безбожных, владевших только казенным советским «новоязом», Бог «совершил хвалу» Своим святым.

В мае 1934 года Владыка прибывает на станцию Опарино Северо-Котласской железной дороги, где ему надлежало отбывать ссылку, но вскоре, 10 августа того же года, он получает распоряжение поселиться в Сыктывкаре, в пригородном селе Кочпон.

Приближался день окончания ссылки (2 марта 1937 года). В 1936 году многие ссыльные, отбывшие свои сроки, уехали. Владыка ждал освобождения, обсуждал с друзьями, где лучше поселиться для новой «передышки». Но наступил 1937 год. 24 февраля 1937 года он был арестован в пятый и последний раз. Приговор тройки при УНКВД Коми АССР вынесен 13 сентября и для всех одинаков: расстрелять. 15 сентября священномученик Герман, епископ Вязниковский, и его соузники были расстреляны вблизи города Сыктывкара. На месте расстрелов ныне находится аэродром.

2 сентября 2001 года Комиссия по канонизации Русской Православной Церкви, рассмотрев представленные Православным Свято-Тихоновским богословским институтом материалы, не нашла препятствий для причисления епископа Германа к лику святых мучеников, и на заседании Священного Синода 6 октября того же года его имя было включено в состав Собора новомучеников и исповедников Российских.

Священномучениче Германе, моли Бога о нас, грешных!

---

[1] «Мася» – епископ Герман.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ №

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 582

О ЦЕРКОВНОМ БРАКЕ И РАЗВОДЕ

7 (20) апреля 1918 г. Собор Русской Православной Церкви принял после долгого обсуждения и споров определения «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью» и от 20 августа (2 сентября) 1918 г. “О дополнении соборного определения «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью»”.

Большинство членов Отдела о церковном суде, а также юристы – члены Поместного Собора считали, что невозможно говорить о святости и нерушимости брачных уз там, где брак уже фактически распался и имеют место разврат и лицемерие. Кроме того, они считали, что расширение поводов к разводу могло бы укрепить семью, так как супруги будут знать, какие нарушения семейной жизни могут повлечь за собой развод по суду.

Наиболее аргументированно доклад «О поводах к расторжению церковных браков» защищал на заседаниях Собора митрополит Сергий (Страгородский). В выступлениях он неоднократно давал развернутую мотивировку своей позиции и отмечал, что ему часто приходилось сталкиваться со страданиями людей, которые не имели возможности развестись: «Это и дает мне смелость и сознание правоты, мне приходилось слышать крик страданий живых людей, и я не могу этого крика замолчать: крик слышится не только в высшем классе общества, но и в деревне, и там много трагедий».

Митрополит Сергий говорил о том, что в народе представления о браке весьма далеки от церковных норм, а существующая жесткость законов о разводе привела к тому, что в России самое большое количество мужеубийц: «Недаром статистика показывает, что Россия по количеству мужеубийц занимает если не первое, то одно из первых мест во всем мире. Среди язычников, магометан наша христианская Русь стоит на первом месте по числу ужасных преступлений. О чем это говорит? О том, что русские люди знают внешнюю сторону Христианства, но мало проникнуты его духом. Один батюшка говорил о... снохачестве. Что это такое? Смотреть на

женщину как на рабу, которую можно не только бить, но и отдавать Бог знает на что. И это называется святость брака; завертывается вуалью и уже святым крестом прикрывается».

Митрополит Сергий утверждал, что «не строгостью законов утверждаются нравы. Высота нравов зависит ...не от строгих законов. Когда в Церкви заходил спор о применении строгости или о снисхождении, она всегда становилась на сторону снисхождения. Проявлять к людям неуклонную строгость, требовать от них исполнения закона, а немогущим исполнить предлагать уходить прочь – это не значит исполнять заповедь Христа... Строгость – позиция эффектная и привлекательная, но Церковь никогда не гонялась за нею, а заботилась о спасении верующих. <...> Запрещать развод в наши дни для наших слабых силами христиан значит губить их».

Митрополит Сергий считал, что Церкви всегда было свойственно со снисхождением относиться к слабости своих членов, поэтому она не нарушит собственных норм, если разрешит новые поводы к разводу, которые к тому же существовали и ранее: “В своих дисциплинарных требованиях Церковь исходила из того, что усвоение жизни Христовой разными людьми может быть различно, но что и зачаточное усвоение христианства спасительно. Стоя на этой точке зрения, Церковь и утверждала это в своих законах, которые всегда сообразовывались с силами и духовным развитием церковного общества, а не только были логическими выводами из известных Евангельских положений. Это относится и к другим вопросам, например о войне, о собственности. Как можно говорить о допустимости войны с точки зрения христианского идеала? Какая собственность,– когда сказано: «отдай и рубашку»? Но это идеал, это цель христианского совершенства. <...> Говорят, укажите Номоканон[1]. Номоканон-то и доказывает именно мою основную мысль, что Церковь не боялась применяться в своей дисциплине к степени духовного развития и силам церковного общества данной эпохи <...> Ревнители тоже называли его (Иоанна Постника) правила пагубными, составленными для погибели многих. Но Иоанн Постник говорил: «Я желал бы лучше быть наказанным за милосердие, чем получить похвалу за неразумную строгость». Глав-

[1] Номоканон – собрание законов, или правил церковных

ное же, Церковь стала не на сторону ревнителей, а Номоканон Иоанна Постника теперь для нас общее руководство. Точно так же и теперь требовать, чтобы Номоканон соблюдался со всей строгостью, могут только те, которые вправе сказать, что мы вообще живем по Номоканону. Но это лицемерие: мы его [Номоканон] нарушаем. <...> Святая Церковь может ввести даже новое, если это нужно для спасения ее чад, особенно если новое не так ново, как это думают, например обоюдное прелюбодеяние супругов как повод к разводу было в Церкви и перестало существовать с XIX века".

Определение Священного Собора Православной Российской Церкви

«О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью»

7 (20) апреля 1918 г.

1. Супружеский союз мужа и жены, освященный и украшенный в Таинстве брака благодатною силою, должен быть у всех православных христиан-супругов нерушимым: все они, приемля с покорностью воле Божией свой жребий жизни, должны до конца дней совместно нести и радости, и тяготы супружества, стремясь осуществить слова Спасителя и Господа: «еже Бог сочета, человек да не разлучает» (Матф. 19, 6).

2. Расторжение брачного союза Святая Церковь допускает лишь по снисхождению к человеческим немощам, в заботах о спасении людей,— в предупреждение неизбежных преступлений и в облегчение невыносимых страданий,— при условии предварительного действительного распадения расторгаемого брачного союза или невозможности его осуществления.

3. Брачный союз, освященный Церковью, может быть расторгнут не иначе, как по решению церковного суда, вследствие ходатайства самих супругов, по определенным поводам, надлежаще доказанным, и при соблюдении условий, указанных в следующих ниже статьях. Поводами к расторжению брака могут быть:

а) отпадение от Православия;

б) прелюбодеяние и противоестественные пороки;

в) неспособность к брачному сожитию;

г) заболевание проказою или сифилисом;

д) безвестное отсутствие;

е) присуждение одного из супругов к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния;

ж) посягательство на жизнь и здоровье супруга или детей;

з) снохачество, сводничество и извлечение выгод из непотребства супруга и

и) вступление одного из супругов в новый брак.

4. В случае отпадения одного из супругов от Православия право просить церковный суд об освобождении от брачных обетов и расторжении брака принадлежит супругу, остающемуся в Православии.

5. Супруг вправе просить о расторжении брака в случае нарушения другим супругом святости брака прелюбодеянием или противоестественными пороками.

6. Обоюдное прелюбодеяние супругов не служит препятствием к возбуждению каждым из них ходатайства о расторжении брака.

7. Дело о расторжении брака вследствие прелюбодеяния может быть возбуждено до истечения трех лет с того времени, когда нарушение святости брака прелюбодеянием стало известным супругу, просящему о разводе. Если же нарушение святости брака состоит в постоянной прелюбодейной связи, то возбуждение дела о разводе допускается во все время, пока связь продолжается, а также в течение трех лет по ея прекращении. Во всяком случае возбуждение дела о расторжении брака не допускается, если со времени совершения прелюбодеяния или прекращения прелюбодейной связи прошло 10 лет.

8. Прелюбодеяние одного из супругов не может служить основанием к расторжению брака, если совершено с согласия или по побуждении другого супруга, имевшего намерение таким путем добиться расторжения брака.

9. Неспособность одного из супругов к брачному сожитию может служить для другого супруга поводом к расторжению брака, если

она началась до совершения брака и не обусловливается преклонным возрастом.

10. Дело о расторжении брака по добрачной неспособности одного из супругов может быть возбуждено не ранее, как через два года со времени совершения брака.

Примечание. Указанный срок не обязателен в тех случаях, если неспособность супруга бесспорна и несомненна и обусловлена отсутствием или ненормальным анатомическим строением органов.

11. Поводом к расторжению брака может служить и неспособность одного из супругов к брачному сожитию, наступившая после бракосочетания, если она произошла от телесного повреждения, намеренно причиненного с этой целью себе самим супругом или причиненного ему кем-либо другим с его согласия.

12. Заболевание проказою дает право просить о расторжении брака как здоровому супругу, так и супругу, одержимому проказою.

13. Заболевание сифилисом служит поводом к расторжению брака по ходатайству здорового супруга, если брачное сожитие представляет опасность для здорового супруга и его потомства.

14. Безвестное отсутствие одного из супругов служит поводом к расторжению брака, если оно продолжается не менее трех лет.

15. Установленный в предшествующей (14) статье трехлетний срок сокращается до 2-х лет:

а) для супругов лиц, пропавших без вести в связи с военными действиями или под влиянием других стихийных народных бедствий, и

б) для супругов лиц, находившихся на погибшем во время плавания морском судне и безвестно отсутствующих со времени его гибели.

16. Означенный в ст. 14 и 15 срок исчисляется со времени конца того года, в течение которого было получено о безвестно отсутствующем лице последнее известие, причем во всяком случае решение суда о расторжении по безвестному отсутствию брака лиц, принимавших участие в войне или пропавших без вести в связи с военными действиями, может последовать не ранее как через год по окончании войны.

17. Дело о расторжении брака вследствие присуждения одного из супругов к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, может быть возбуждено супругом осужденного по вступлении приговора уголовного суда в законную силу, а самим осужденным — по правилам, изложенным в ст. 181 и п. 1 ст. 182 Устава о ссыльных.

18. Помилование осужденного, а также отмена состоявшегося уголовного приговора вследствие разрешения возобновить дело устраняют право просить о расторжении брака, но не лишает силы состоявшееся уже решение о расторжении брака.

19. Брак, в случае присуждения одного из супругов к наказанию, соединенному с лишением всех прав состояния, не расторгается, если совместная жизнь супругов продолжалась после освобождения осужденного супруга из заключения.

20. Супруг вправе просить о расторжении брака в случае:

а) покушения другого супруга на убийство его или детей и

б) умышленного нанесения супругу или детям другим супругом тяжких увечий или ран, неизгладимого обезображения лица или тяжких, угрожающих опасностью для жизни побоев, либо причинения истязаний или мучений, или важного для здоровья вреда.

Примечание 1. Брак на указанных в ст. 20 основаниях расторгается в том случае, если, по убеждению церковного суда, продолжение брачной жизни представляется для супруга, просящего о разводе, невыносимым.

Примечание 2. Указанное в ст. 18 ограничение не распространяется на случаи расторжения брака по указанным в ст. 20 основаниям.

21. Супруг вправе просить о расторжении брака при наличии снохачества или в случае сводничества одним супругом другого, склонения промышлять непотребством или извлечения себе в виде промысла имущественной выгоды из непотребства.

22. Супруг вправе просить о расторжении брака в случае вступления другого супруга в новый брачный союз при существовании брака его с супругом, просящим о разводе*.

---

*Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 3. С. 61-64.

Определение
Священного Собора Православной Российской Церкви

“О дополнении соборного определения «О поводах к расторжению брачного союза, освященного Церковью»”

20 августа (2 сентября) 1918 г.

1. Поводом к расторжению брака, освященного Церковью, сверх указанных в соборном определении 7 (20) апреля 1918г. могут быть:

а) неизлечимая тяжкая душевная болезнь одного из супругов, устраняющая возможность продолжения брачной жизни, надлежащим образом доказанная, и

б) злонамеренное оставление супруга другим супругом, если по убеждению церковного суда оно делает невозможным продолжение брачной жизни.

2. Выздоровление от душевной болезни, происшедшее до решения церковного суда о расторжении брака, устраняет повод к расторжению брака, но не лишает силы состоявшееся решение.

3. Право просить о расторжении брака по злонамеренному оставлению супруга другим супругом принадлежит супругу оставленному*.

По материалам журнала “Приход. Православный экономический вестник”. 2004. № 6.

---

*Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Т. 4. С. 48.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

2004 год

Отпечатано в ГП «Псковская областная типография»

Тираж 2000 экз. Заказ № 1663

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 583

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

“Как без корабля нельзя переплыть море и достигнуть пристанища благотишного, так нельзя без повиновения учению Православной Церкви достигнуть спасения душевного. Ее возлюби, как матерь, ей повинуйся и само Слово Божие бойся толковать по-своему. Ей даны разумения, и она одна непогрешимая истолковательница его. Помни: “Кому Церковь не мать, тому Бог не отец”.

Св. Киприан Карфагенский

Господь сказал: На *камени созижду Церковь Мою, и врата адова* не одолеют ей (Мф. 16, 18) и Святая Православная Церковь непоколебимо стоит, всегда стояла и будет стоять по непреложному слову Господа до скончания века. Сколько было нападений на Св. Церковь! То ее думали сдвинуть с истинного пути навязыванием новых догматов (на Западе); то ее старались лишить богоучрежденной иерархии, Таинств, чрез которые подается верующим благодать Божия (протестанты, наши раскольники); то кознями врага рода человеческого жизнь верующих доходила до крайнего развращения, так что готово было уже со стороны неверующих обвинение, будто бы Церковь не улучшает жизни людей, а потому и не истинна. Но никакие силы ада доселе не подвинули Святой Православной Церкви Христовой. Она продолжает строго содержать апостольское, подтвержденное и закрепленное Вселенскими соборами вероучение; она имеет Таинства, в которых преподается богоучрежденной иерархией верующим благодать Божия, без которой невозможно нам спастись; она не перестает выдвигать со стороны своих членов необычайные образцы добродетельной жизни — признак, что Церковь не утратила своей правоспособности — воспитывать верующих и доводить их до совершенства.

Свята, соборна и истинна Православная Церковь! Слава же Милосердному Господу, что Он сподобил и нас быть в ее ограде. Кажется, нам остается только внимать учению Церкви, пользоваться подаваемою ею благодатию и спасаться. Но нет, как много среди нас совершенно холодных, равнодушных к Святой Церкви. Это прежде всего те, кто и не отпадает от нее

и не осуждает, но Церковь для них остается совершенно неведомой областию. Ни чина богослужения, ни устава церковного, ни святоотеческих писаний,— ничего этого они не знают, а живут лишь земными привычками, земными выгодами. Как особенность таких неверных — это то, что они склонны к ложному стыду в деле веры. Они стыдятся при свидетелях выказывать свою веру, например, перекреститься, когда следует, сделать замечание кощуннику и т. п.

Много среди нас также людей маловерующих, осуждающих Святую Церковь, а то и совсем ее оставляющих. Где же причины этому печальному явлению? Причины эти надо искать в нас самих, часто слабых умом и сердцем.

Неверие — это, несомненно, душевная болезнь. В жизни мы можем наблюдать, что каждый христианин в особенности чем-нибудь дурным обуревается: одного, например, берет грех блуда, другого — пьянства, третьего — гордости, четвертого — сребролюбия, властолюбия, честолюбия и т. д. и т. д. И вот, есть разряд людей, которых поражает именно дух неверия. А что неверие есть болезнь, пусть засвидетельствуют сами же неверующие. Последние часто испытывают сильные внутренние страдания от неверия, иной раз они уже желают верить, но не могут, и вот тут-то они начинают чувствовать всю свою беспомощность, готовы плакать и действительно плачут, готовы все отдать, только бы им избавиться от своего душевного недуга — неверия. Если бы неверие было нормальное, здоровое явление, то, скажите, переживали ли бы подобное состояние духа неверующие? Да, поистине, неверие есть тяжелая душевная болезнь, с которой надо всячески бороться!

К несчастию, тебя начинают посещать помыслы неверия. Тогда, возлюбленный брат, немедленно же вооружись на борьбу с неверием. Ты хорошо знаешь, что скука, тоска, уны-

ние — болезни души, и стремишься избавиться от них. Знай прежде всякого неверия, что и сие последнее ненормально, и гони его от себя, если оно появляется у тебя. Обрати внимание при этом на следующее. Вера нелегко дается; надо себя понуждать к вере, надо много внутренне трудиться, чтобы побороть в себе сомнения, колебания в вере. Что же это значит? Если, по мнению неверов, все от человека, то пусть неверующий, хотя бы для примера, так поступил: сегодня стал бы верить, а завтра — нет. Но попробуй-ка так сделать, и ты убедишься, что вера приобретается только с большим трудом и как бы с постороннею помощию, разумею помощию Божиею.

Вера — это дар Божий, а тормоз в вере — это наше несовершенство, наша греховность. Если это так, то смотри на веру, как на нечто такое, над чем следовало бы подумать, на что следует обратить внимание, смотри на веру как на серьезное, важное явление в духовной жизни человека. А один известный Святитель, доказывая несостоятельность неверия, так убеждал никогда не терять веры. Вы, неверующие, говорил он, ничего не потеряете, если будете верить, вас может ожидать даже вечное блаженство; и, наоборот, представьте себе: вы не верите, а в действительности все то есть и будет, что вы отвергаете,— что тогда вас ожидает? Вы отвергаете Бога, вы отвергаете мздовоздаяние, геенну,— хорошо, если, по вашему, ничего этого нет, а если есть? — Ведь, тогда ваше место в геенне, в тартаре, в вечном отлучении от Бога? Не относитесь поэтому так легко к вере! (Филарет, *митрополит Московский).*

Берегите веру, не пренебрегайте религиозными обязанностями.

Я сказал: наше несовершенство, наша греховность и главным образом гордость ума порождает болезнь неверия. Большое значение при этом имеет еще воспитание. Представьте

себе: если наше воспитание проходит без руководства Церкви, вдали от нее, если в детстве не учат нас Закону Божию, то что можно ожидать от такого поколения? И, наоборот, впечатления детства много могут нас предохранять от неверия и в трудную минуту даже спасать. Один человек нам рассказывал: “В детстве я был религиозным мальчиком. Меня мать часто водила в храм, где я пел даже на клиросе. По окончании курса в Университете меня здесь же оставили на должности. Жизнь среди неверующих товарищей и вообще вся моя служебная обстановка отвлекли меня от храма и веры. Один год я не поговел, другой раз я осмелился осудить веру, другой раз,— а там и пошла моя безрелигиозная жизнь. Так прошло пятнадцать лет — без исповеди и св. Причащения, при полном отрицании всего святого. Вместе с этим я стал испытывать внутреннее томление, какой-то душевный гнет, разочарование, пустоту. Временами я сильно душевно страдал. И вот, однажды, вечером, оставаясь дома один, я ходил по комнате в каком-то душевном забытии, мрак наполнял мое сердце,— вдруг, не помня себя, я запел: “Воскресение Христово видевше”. Пятнадцать лет я уже не слыхал этой святой песни. Сердце мое от пения екнуло, усладу какую-то я почувствовал, мне понравилось петь, и вот я весь вечер провел в пении. Вспоминались мне при этом впечатления детства, праздник Воскресения Христова, пасхальная заутреня,— светом и утешением все это наполнило мою душу, и много в тот вечер я поплакал... С этого момента началось мое возрождение. Скоро я, с Божьей помощью, укрепился в вере, стал ходить в храм, и когда вспомню пережитое за пятнадцать лет неверие, дрожь меня берет, и слезы льются: так я боюсь снова потерять веру”. Этого человека спасли впечатления детства. Но что будет с нашим новым поколением, которое и в детстве не приучается к храму, не воспитывается

под покровом Церкви Святой? Таких ожидает страшное несчастие: безотрадная, тяжелая душевная болезнь — неверие с его вечной гибелью.

Кто такие "вернии"? Это — преданнейшие сыны Св. Церкви, которые ею живут, ею утешаются. Для таковых одно название: Церковь, храм, святыня, мощи, обитель, пастырь — уже вызывают благорасположение, благоговение и уважение. Они далеки, далеки от того, чтобы осуждать, критиковать что-либо относящееся к Церкви и ее установлениям, а, напротив, являются всегда и везде ее ревностными защитниками. Своим христианским благоразумием они умеют давать ответ всем порочащим, хулящим Св. Церковь.

Воодушевимся же, братие, уже самым названием "вернии" и приложим все старание к тому, чтобы нам на деле оправдывать сие название. И как это должно быть утешительно! Вот Св. Церковь на Воздвижение Креста Господня поет: *"Приидите, вернии, честному древу поклонимся!"* Присутствуя в храме Божием и слушая сие божественное песнопение, как, я думаю, должно быть отрадно нашему сердцу, когда совесть у нас спокойна насчет преданности нашей Св. Церкви, когда сознаем, что мы, слава Богу, "вернии", искренно преданные чада нашей Святой Православной Церкви! Да поможет же Господь нам быть всем "верными".

Представляется нам, что современное неверие, с одной стороны, возникло от нашей греховности, от упадка христианской жизни, от нашего развращения, которое и препятствует часто зреть господа, его созерцать и познавать, ибо только чистые сердцем узрят Бога, а с другой стороны — охватившее общество неверие есть, вместе с этим, Божие наказание за ту же нашу греховную жизнь неверием уже здесь, на земле, мы наказываемся.

И прежде всего причиной неверия являются наше вольномыслие, невдумчивость, несерьезность. Кто не знает, как многие из нас, не имея основательных познаний в истинах веры, только следуя моде, по своему легкомыслию, отрицают религию. Встретится невер, станет судить, глумиться над всем святым, и мы за ним. До этого времени мы довольствовались своею верою, но вот случай и мы готовы продать ее.

В житии преподобного Паисия Великого рассказывается следующее. Один из учеников Преподобного отправился однажды из пустыни в город для продажи своих рукоделий. Дорогой, случайно, с ним встретился еврей и стал ему спутником. Видя простоту инока и вступив с ним в разговор, еврей начал отвергать божественное достоинство Спасителя. Слыша нечестивые слова, инок не только не отвратил слуха своего от них, но даже с любопытством и как бы с доверием внимал злохулению неверного. Вынужденный, наконец, к ответу, инок от неразумения сказал: “Может быть это и справедливо, что ты говоришь”,— так, по легкомыслию, он отрекся от Христа. Не то же ли самое часто бывает с нами? Сколько у нас легкомыслия относительно веры! Стоит хорошему нашему знакомому, другу, важному какому человеку дурно отозваться о вере, и мы, в угоду ему, готовы его поддержать, боясь его обидеть, боясь показать себя отсталыми людьми, тогда как прогневать Господа своею изменою мы не боимся. О, легкомыслие и неразумие наше! Как оно пагубно и неизвинительно в деле веры. Здесь нужна стойкость, непоколебимость, ибо вопрос веры — вопрос жизни или смерти, спасения или погибели нашей души.

Пришли однажды к преподобному Агафону искусители и стали ему говорить: “Ты, авва, блудник, гордец, пустослов, клеветник”.— “Да, правда, братия, я таков”.— “Ты, авва,— продолжали те же искусители,— еретик”.— “Нет, подожди-

те, с этим я не соглашусь, я не еретик". Удивились искусители этому ответу Преподобного и спросили: "Почему ты на все прежние вопросы соглашался, а с последним нет и даже, видимо, оскорбился".— "Потому,— отвечал Преподобный,— что первые пороки я признаю за собою и это признание полезно душе моей, а еретиком я не согласен быть, ибо это значило бы находиться в отлучении от Бога, а отлученным от Него я быть не хочу, напротив, всегда желаю быть с моим Господом и от Него не отступлю". Вот нам пример для подражания. Нас постоянно искушают, кругом нас поводы, мотивы к отречению от Христа, от веры, но мы должны быть стойкими, должны быть всегда готовыми дать такой ответ соблазнителям: "Мы дорожим своею верою, мы не позволим глумиться над нею, наша вера свята и истинна!"

Далее, второю причиною неверия является порочная развращенная жизнь. Вера, религия — дело высокое, святое, небесное. Чтобы их понимать, нужно иметь для этого соответствующие средства. Слепой не поймет света, глухой звука, развращенный высоких нравственных истин. "Кое общение свету ко тьме", — говорит слово Божие. Как может понять, оценить добро тот, у кого совесть заглушена, кто погружен в бездну страстей — ведь последние застилают духовные очи его. "В злохудожную душу не внидет премудрость". Нужен душевный переворот, нужно просветление, каким может явиться только покаяние, сокрушение, слезы умиления, чтобы духовно прозреть и восчувствовать добро.

Опыт говорит, что порочная жизнь и неверие находятся в связи. Развилось неверие в обществе — значит, низко оно стоит в нравственном отношении: сильна вера — процветает и христианская жизнь. Вот и теперь, мы все жалуемся на упадок нравов, на развращение,— значит слаба у нас вера. И, действительно, кто не знает, как у нас теперь осмеивается, попи-

рается, отрицается все святое, все церковное. Люди, обратившиеся на путь покаяния, сознаются, что прежде в греховном своем состоянии они считали очень многое непредосудительным, негреховным, это же самое, в просвещенном верою сознании их, при свете Евангелия, кажется дурным. Чего раньше они не понимали в области нравственных истин, то, после исправления и покаяния, делается для них ясным. На очищении сердца основано и постепенное восхождение по пути высшего духовного ведения, духовного созерцания подвижников.

Наконец, причиною неверия является большое доверие силам разума, гордость ума. Ап. Павел говорит: “разум кичит”. Мы возгордились своими познаниями, своим умом и готовы все истолковать разумом. Особенно часто впадают в гордость ума люди от природы одаренные обширными способностями. При исследовании истин христианских они принимают за правило советоваться только со своим собственным разумом, признавать истинным только то, что не превышает их понятий. Признавай, говорят они, только то, что внушает тебе здравый рассудок и собственное внутреннее чувство совести. Авторитета Церкви, мнения других людей, даже просиявших в вере и благочестии, они не признают, ибо они слишком горды своею ученостию, своими познаниями, чтобы воспринимать что-либо со вне. А между тем забывают они ту истину, что как много значат в деле нашего миросозерцания склад ума, настроение, воспитание, личные особенности характера. Иной раз не потому, я так думаю, что это истинно и иначе думать нельзя, а потому что моя натура, духовные особенности склоняют меня к тому или другому мышлению, — отсюда возможны собственные измышления. Часто нам нужен высший авторитет, а в деле веры, если мы желаем быть непогрешимыми, безусловно необходимо братское общение в союзе со Св. Церковию.

Как важно для выяснения и правильного уразумения истин веры это общение, можно видеть из следующего примера, записанного в отечнике. Один старец провел семьдесят недель в посту, употребляя пищу только однажды в неделю. Он постился, ибо просил у Бога, чтобы открыто было ему лично значение некоторого изречения в Свящ. Писании, но Бог не открывал ему. Видя это, старец сказал сам в себе: "Вот я подъял немалый труд и ничего не успел; пойду лучше к брату моему и спрошу его". Когда он вышел из келлии и запер за собою дверь, послан был к нему от Господа ангел, который сказал ему: "Семьдесят недель, проведенные тобою в посте, не приблизили тебя к Богу, потому что ты горд был своим умом, своею праведностию, теперь же, когда ты смирился и вознамерился идти для вопроса и совета к брату своему, я послан к тебе истолковать значение изречения".

Не то же ли самое можно применить к нашим неверующим мыслителям? Они, гордые своим умом, не хотят прислушиваться ни к голосу Св. Церкви, ни к святоотеческим писаниям, толкуют веру самолично, не сознавая того, что истина часто бывает далеко сокрыта от них Господом. И в этом-то самоличном толковании они доходят до отрицания истины нашей Св. веры, доходят до неверия — как граф Толстой и подобные ему гордые мыслители. От них-то и распространилось у нас повсюду неверие. Но спросите самих неверующих, находят ли они успокоение, удовлетворение в своем неверии, пусть они скажут нам по совести. Гордость, конечно, многим воспрепятствует сознаться, открыть состояние своего духа, однако, немало есть примеров, когда неверующие, большею частию под влиянием особенных, чрезвычайных обстоятельств жизни, прорывались и обнаруживали все свое душевное состояние.

А душевное состояние неверующих бывает самое ужасное, самое тяжелое.

Несомненно только то, что всякий неверующий в глубине своей души носит много нерешенных вопросов, много сомнений. Были случаи, когда у неверующих вдруг являлась мысль, а что если справедливо то, что говорит Библия, а что если есть ад, вечные мучения, при чем я тогда останусь, — и эти вопросы у иных вызывали тяжелое, угнетенное состояние духа. И в самом деле, отвергая Бога, вечную жизнь, они должны наследовать ад со всеми его ужасами! Покойный Митрополит Филарет Московский так увещевал неверующих: "Веря вечному мучению и сообразно с сею верою располагая дела свои, мы ничего не теряем, если бы даже наша вера оказалась тщетною, но, смеясь над верою и отвергая ее, мы подвергаем себя опасности наследовать вечное мучение, а каково нам тогда будет?"

Да, не позавидуешь положению неверующих! Им готовится в загробной жизни осуждение, да и в сей жизни они уже получают некоторую долю мздовоздаяния, ибо часто их поражает ужасная душевная мука, тревога, убийственное изнеможение духа, недовольство всем окружающим, оцепенение всех душевных сил, страшная предсмертная туга.

Тяжело неверие и, наоборот, как спасительна вера! Последняя и в сей жизни нас утешает, успокаивает и в будущей готовит нам небесный чертог. Пребудем же, братие, послушными, верующими чадами нашей Святой Соборной Апостольской Православной Церкви. А кто не хочет быть покорным сыном ее, тот выслушай грозное слово Самого Господа — Главы Церкви: *"Аще Церковь преслушает брат твой, буди тебе якоже язычник и* мытарь!" Господь поручил Церкви дело нашего спасения и потому всякое самочиние в сем деле ведет прямо к погибели. "Кто Церкви не слушает, тот не есть сын Церкви; кто не сын Церкви, тому Христос не пастырь; кому Христос не пастырь, тот не Христова овца; кто не Христова овца, тот на-

прасно ожидает вечной жизни". "Хочешь спастись,— поучает св. Иоанн Златоуст,— пребывай в Церкви, и она не выдаст тебя; Церковь есть ограда, если ты внутри сей ограды, то тебя не тронет волк; а если выйдешь вон, то будешь похищен зверем. Не уклоняйся же Церкви: нет ничего в мире сильнее ее. Она твоя надежда, в ней твое спасение". "Как без корабля,— говорит другой св. отец Киприан,— нельзя переплыть море и достигнуть пристанища благотишного, так нельзя без повиновения учению Православной Церкви достигнуть спасения душевного. Ее возлюби, как матерь, ей повинуйся и само Слово Божие бойся толковать по-своему. Ей даны разумения, и она одна непогрешимая истолковательница его. Помни: "Кому Церковь не мать, тому Бог не отец". Аминь.

Составлено по изданию: *«Свете тихий». Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского)*

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1703

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 584

О СОКРОВЕННОМ ДЕЛАНИИ ХРИСТИАНИНА

О СОКРОВЕННОМ ДЕЛАНИИ ХРИСТИАНИНА

Из творений преподобного Макария Египетского

Желающему стать совершенным христианином следует умертвить себя для лукавых дел мира, которые он совершал прежде, и, как шкуру с шерстью, совлечь с себя век сей и оставить его вовне через полное удаление и отречение от него, а затем, через рассечение (то есть через посещение Божественной благодати), промыть нечистоты лукавых помыслов двояким способом: сначала страсти явные, а потом страсти более тонкие и с трудом постигаемые. Тогда, преданный огню Святого Духа, он отлагает всякую сырость произволения и, полностью изменившись, становится вкусным и годным к употреблению на небесной трапезе для вкушения Царя Небесного, и предстает наследником Царства, как сказано Господом в Евангелии: *Моя пища есть творить волю Пославшего Меня и совершать дело Его* (Ин. IV, 34).

Каждому должно всегда и во всем исследовать и испытывать себя: живет ли он в соответствии слову истины и следует ли стопам Господа (см.: 1 Пет. II, 21), или же избрать, чтобы его испытывали духовные мужи; и всегда искать проповедников слова истины, стяжающих христианство делом и истиной.

В мире из многих, поящих людей разнообразными словесами и премудростями, лишь те радуют души небесной радостью и ведут к благому изменению, кто говорит Духом Святым (см.: 2 Пет. I, 21) и приправлен благодатью (см.: Кол. IV,

6), кто говорит живым голосом сердца, а не болтает и шлепает губами лишь для того, чтобы одурманить толпу, кто сообщает внимающей душе силу и небесную радость через глаголющую в нем благодать и преображает людей в подобную же святость благодати. Именно таких людей должно разыскивать и искать — говорящих живым сердцем в Духе, им оставаться преданным, ибо от них можно получить действительную пользу по Богу. Внемлющие им со временем могут и уподобиться им, постоянно пребывая с ними.

Среди христиан есть те, которые внутри себя стяжали в силе небесное сокровище Духа; они не всем явны, но скрывают себя, живут скромно и не желают, чтобы стало известно, кто они. Однако есть и другие, которые посредством немногих видимых добродетелей — постов, бдений, безмолвия, слова мудрости (см.: 1 Кор. XII, 8) или чего-нибудь подобного — желают считаться за духовных, не обладая действием и силой Духа. Если обладающий большим скрытым богатством захочет вынуть часть своего золота, то он за небольшие деньги купит все имущество изображающего себя богачом и желающего считаться за такового. Но если он обнаружит свое богатство и сделает его явным для всех, то многие воспылают завистью к нему, изумленные тем, что признаваемый всеми за нищего неожиданно оказался таким богачом; его начнут обременять многими общественными служениями и расходами. Воры и разбойники ночью и днем будут следить за ним, чтобы убить и отнять у него богатство. Со всех сторон его окружат опасности, он впадет в убытки и неожиданные скорби, поскольку никогда не был пожалован никаким саном или властью от царя. Поэтому разумный муж, обладающий множеством сокрытого золота, но не пожалованный еще саном, со всякой предосторожностью скрывает свое богатство, чтобы не стать известным многим.

Так и христианин, нашедший в себе духовную харизму и радующийся утешению Божественной благодати, пусть надежно сокроет в себе утешение Духа или ве́дение небесных тайн, не хвастаясь и не показывая себя ближним, дабы, подпав под власть завистливой злобы, не быть незаметно обкрадываемым незримыми разбойниками под благовидными предлогами и не оказаться совершенно обворованным еще до тех пор, когда Небесный Царь назначит его на какое-либо служение и пожалует ему духовный сан. Ибо *домостроители таин Божиих* (1 Кор. IV, 1), могущие действительно принести пользу душам и назначаемые на это Духом,— именно они непрестанно стяжают небесное сокровище и произносят свои слова со властию (см.: Лк. IV, 32), нехвастливо и нетщеславно. Ведь у апостола сказано: *Так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши* (1 Фес. II, 4).

Христиане должны с великим влечением устремляться к лучшим и большим дарам (см.: 1 Кор. XII, 31) Духа, быть ненасытными в стяжании небесного богатства и всегда алкать и жаждать правды (см.: Мф. V, 6). И блаженный Павел убеждает и увещает обладающих великими харизмами стремиться к ней, не удовлетворяться уже приобретенными дарами Духа, но со всяким молением стараться стяжать то, что делает невозможным падение, — совершенную и непреложную любовь Духа, которая содержит в себе все харизмы.

Все считают себя христианами вследствие исповедания веры во Христа или из-за каких-либо немногих добродетелей. Но очень мало истинных христиан, богатых Духом Святым, вкушающих изысканные блюда благодати.

Другие, будучи в ужасной бедности мирского духа, лишенные силы небесного богатства и смешавшие свой ум со страстями, когда обретают в себе один добрый помысел из многих

злых, то успокаиваются; хотя они и преследуются бедностью, но, не имея различных действий Духа, проявляющихся в Божественных добродетелях, преисполняются уверенностью, облачаясь в скудные одежды малых добродетелей. И Господь показал, сколь большое различие между теми, кто в будущем явятся истинными поклонниками, и теми многими, которые лишь кажутся таковыми, поклоняясь не в духе и истине, а только поверхностным и внешним образом.

Многие считаются здоровыми, то есть духовными, в силу каких-либо поверхностных и телесных добродетелей, а внутри одержимы ужасными тайными страстями. Другие, находясь во власти явных грехов и будучи для большинства презренными и отверженными, как мытарь для фарисея (см.: Лк. XVIII, 11), — если они обратятся к истинному Врачу — Христу, то, приблизившись к Нему, получают более быстрое исцеление, чем вышеназванные христиане, как быстрее получил прощение мытарь, чем фарисей, ибо сказано, что он *пошел оправданным* (Лк. XVIII, 14). Ведь они, в своем внутреннем человеке (см.: Рим. VII, 22) не столь больны, как пораженные тайными страстями — самомнением, превозношением, спесью, неверием, гордыней, бахвальством, лицемерием, тщеславием, трусостью, постыдными помыслами и тому подобным. Ибо Писание гласит: *Яко человек зрит на лице, Бог же зрит на сердце* (1 Цар. XVI, 7). Однако требуется одно: чтобы человек обрелся бы здоровым и снаружи и изнутри чрез Божию благодать и чрез подвиг собственной свободной воли — и тогда он удостаивается стать наследником Царства во Христе Иисусе, Ему же слава и держава во веки веков. Аминь.

Библиотека отцов и учителей Церкви: Преподобный Макарий Египетский.– М., 2002. С. 520-524, 526-527.

О БЛАГОДАРНОСТИ БОГУ
с присовокуплением краткого изложения первоначальных учений

Из творений преподобного Исаака Сирина

Кто болен и знает свою болезнь, тот должен искать врачевства. Кто сознает болезнь свою, тот близок к уврачеванию своему и легко найдет оное. Жестокостью сердца умножаются болезни его, и, если больной противится врачу, мучение его увеличивается. Нет греха непростительного, кроме греха нераскаянного. И дар не остается без усугубления, разве только когда нет за него благодарности.

Содержи всегда в памяти превосходящих тебя добродетелью, чтобы непрестанно видеть в себе недостаток против их меры; содержи всегда в уме тягчайшие скорби скорбящих и озлобленных, чтобы самому тебе воздавать должное благодарение за малые и ничтожные скорби, бывающие у тебя, и быть в состоянии переносить их с радостью.

Во время своего поражения, расслабления и лености, связуемый и содержимый врагом в мучительном томлении и в тяжком деле греха, представляй в сердце своем прежнее время рачительности своей, как был ты заботлив о всем даже до малости, какой показал подвиг, как с ревностью противился желавшим воспрепятствовать твоему шествию.

Вспомни о падении сильных, и смиришься в добродетелях своих. Припомни тяжкие падения падших в древности и покаявшихся, а также высоту и честь, каких сподобились они после сего, и приимешь смелость в покаянии своем.

Преследуй сам себя, и враг твой прогнан будет приближением твоим. Умирись сам с собою, и умирятся с тобою небо и земля. Потщись войти во внутреннюю свою клеть, и узришь клеть небесную, потому что та и другая — одно и то же, и вхо-

дя в одну, видишь обе. Лестница оного царствия внутри тебя, сокровенна в душе твоей. В себе самом погрузись от греха, и найдешь там восхождения, по которым в состоянии будешь восходить.

Не тот любитель добродетели, кто с борением делает добро, но тот, кто с радостью приемлет последующие за тем бедствия. Не великое дело — терпеть человеку скорби за добродетель, как и не колебаться умом в избрании доброго своего изволения при обольстительном щекотании чувств.

Покрой согрешающего, если нет тебе от сего вреда: и ему придашь бодрости, и тебя поддержит милость Владыки твоего. Немощных и огорченных сердцем подкрепляй словом и всем, насколько возможет рука твоя, — и подкрепит тебя Вседержительная десница. С огорченными сердцем будь в общении, и трудом молитвенным, и соболезнованием сердечным — и прошениям твоим отверзется источник милости.

Постоянно утруждай себя молитвами пред Богом в сердце, носящем чистый помысл, исполненный умиления, и Бог сохранит ум твой от помыслов нечистых и скверных, да не укорится о тебе путь Божий.

Юности трудно без обучения отдаться под иго святыни. Начало помрачения ума (когда признак его начинает открываться в душе) прежде всего усматривается в лености к Божией службе и к молитве. Ибо, если душа не отпадет сперва от этого, нет иного пути к душевному обольщению; когда же лишается она Божией помощи, удобно впадает в руки противников своих. А также, как скоро душа делается беспечной к делам добродетели, непременно увлекается в противное тому.

Непрестанно открывай немощь свою пред Богом, и не будешь искушаем чуждыми, как скоро останешься один, без Заступника своего.

Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические.– М., 1993. С. 9—12.)

ИЗ ТВОРЕНИЙ СВЯТИТЕЛЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА, архиепископа Константинопольского

Бога имей началом и концом всякого дела.
Самая лучшая польза от жизни — умирать ежедневно.
Старайся узнавать все поступки добродетельных.
Тяжело жить в бедности, но еще хуже разбогатеть неправедно.
Делая благотворения, думай, что подражаешь Богу.
Милости Божией ищи себе милостями к ближним.
Владей плотию и смиряй ее как можно лучше.
Обуздывай гнев, чтобы не выступать из ума.
Удерживай око, и язык пусть знает меру.
Уши пусть будут замкнуты ключом и да не любодействует смех.
Светильником всей своей жизни признавай разум.
Смотри, чтобы из-за видимости не ускользнула
у тебя действительность.
Все разумей, но делай, что позволительно делать.
Знай, что сам ты странник, и уважай странников.
Во время благополучного плавания наипаче помни о буре.
Что дается от Бога, все то должно принимать с благодарением.
Лучше наказание от праведника, нежели честь от порочного.
При дверях у мудрых стой неотступно,
а у богатых не стой никогда...
Маловажное не маловажно, когда производит великое.
Обуздывай наглость — и будешь великий мудрец.
Береги сам себя, а над падением другого не смейся.
В жертву Богу преимущественно пред всем прочим
приноси душу.
О, если бы кто соблюл сие! Он спасется!

Григорий Богослов, святитель. Песнопения таинственные.– М., 2000.– С. 434—436.

2004 год
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1742

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 585

Господи! к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни

Из творений свт. Кирилла Александрийского

О том, что прообразом Христа были предводившая народом в пустыне святая скиния, а также ковчег, бывший в ней, и светильник и жертвенники, как каждения, так и всесожжений, знаменовали Самого Христа

Отвеща Ему Симон Петр: Господи, к кому идем? Глаголы живота вечного имаши.

В лице одного представителя говорят все, сохраняя поистине приличествующую святым благопристойность, дабы и в этом они оказывались для потомков образцом благоразумия и досточудного благоприличия. Ведь говорить вслух пред Учителем подобало не всем сразу и без разбора, спеша наперерыв друг пред другом и неблагопристойно перебивая друг друга, но напротив — стараться благоразумно уступать тем, которые окажутся занимающими высшее место и по рассудительности, и по чину. Поэтому и Павел говорит: *Пророки двое или трое пусть говорят, и отдельно* (1 Кор. 14, 29 и 27). Не позволял им держать речь без порядка потому, что они были удостоены благодати пророчества, но поскольку они были святы, то посему с тем большею благопристойностию повелевал говорить слушателям. Поэтому делом подобающей святым благопристойности было дозволение отвечать за всех одному, которому принадлежало высшее место в ряду (апостолов).

Итак, *к кому,* говорит, *уйдем* вместо: кто может тайноводствовать нас подобному? Или: к кому прийдя, мы обретем лучшее? *Глаголы жизни вечной имеешь* — не жестокие, как говорят те, но возносящие к изряднейшему всего, то есть к непрестанному и вечному житию и свободной от всякого тления жизни.

Без сомнения, и из этих слов для нас должно быть очевидным, что подобает следовать единому только учителю Христу, непрестанно и безотлучно пребывать при Нем и иметь Его своим наставником, в совершенстве умеющим руководить к жизни бесконечной. Вот таким-то образом мы и станем восходить в небесный и Божественный двор и, вступая в Церковь первородных, будем наслаждаться превышающими человеческий ум благами. Что желание следовать за одним только Христом и всегда быть с Ним есть дело доброе и спасительное, в этом может нас, бесспорно, удостоверять и сама природа предмета. Тем не менее мы можем убедиться в этом и из древнейших Писаний.

Так, когда израильтяне, освободившись от жестокостей египтян, устремлялись к земле обетованной, то Бог повелевал им совершать шествие не беспорядочно и не допускал Законодатель идти каждому, куда и как он захотел бы. В таком случае, не имея вождя, они, без всякого сомнения, должны бы были заблудиться. Посему, опять в пример нам, написано в книге, называемой Числа: “И в день, в который поставлена была скиния, покрыло облако скинию и дом свидетельства, и вечером был над скиниею как бы вид огня до утра: так бывало всегда — облако покрывало ее днем и вид огня ночью: и когда поднималось облако от скинии, (то) и сыны Израиля после сего поднимались (в путь), и в (том) месте, где останавливалось облако, там останавливались станом сыны Израиля: по повелению Господа будут подниматься сыны Израиля и стеречь стражу Божию и да не поднимаются: по гласу Господа будут останавливаться станом и по повелению Господа подниматься” (Чис. 9, 15-20). Видишь, как им повелевается следовать и отправляться в путь с отхождением облака и наоборот — вместе с ним останавливаться и быть в покое. Таким образом, быть вместе с вождем и тогда было так же спасительно для израильтян, как и нам теперь не отделяться от Христа, ибо Он был прообразуем древним и как скиния и облако, и как огонь.

Но исторический смысл должен быть опять, насколько возможно, применен к духовному. Когда “Премудрость”, по на-

писанному, “создала Себе дом” (Притч. 9, 1) и воздвигла истиннейшую скинию, то есть храм от Девы, в нее недоступным нашему разуму и богоприличным образом сошло сущее в лоне Бога и Отца Бог-Слово и стало человеком (Ин. 1, 14 и 18), дабы уже просвещенным и *как днем* ходящим, по слову Павла (Рим. 13, 13), Оно служило облаком, осеняющим и уничтожающим зной страстей нашей немощи,– а еще не знающим и заблуждающимся, проводящим жизнь как бы во тьме и ночи, — огнем, освещающим и преобразующим в горение (кипение) Духа, ибо пламенны, как веруем, духом суть те, которые добродетельны. Так, полагаю, не почему-либо другому, как по указанному в предшествующем рассуждении основанию облако являлось над скиниею днем, а огонь ночью. Присоединенное же к сему повеление не самовольно отправляться в путешествие, но подниматься вместе с скиниею и останавливаться с нею, прообразовательно опять было дано для того, чтобы ты разумел сказанное Христом: *Мне служащий да следует Мне, и где Я, там и служитель Мой будет* (Ин. 12, 26), ибо твердость в следовании и постоянство пребывания указывается посредством неотлучного хождения с Ним. Хождение же со Спасителем Христом и следование Ему разумеется, конечно, не телесное, напротив — совершается посредством дел добродетели, на которой утвердив ум свой и отвергая отшествие назад вместе с неверующими как дело погибельное, премудрые ученики справедливо восклицают это “куда можем уйти” вместо: с Тобою мы всегда будем и станем держаться Твоих заповедей и принимать Твои слова, ни в чем не обвиняя Тебя и вместе с невеждами не считая жестоким то, что Ты тайноводственно будешь говорить, но напротив (восклицая): “Как сладки гортани моей словеса Твои, лучше меда устам моим” (Пс. 118, 103).

Таков смысл толкуемого места. А что скиния была для древних в прообраз Христа, это мы узнаем опять, если направим остроту ума своего к сказанному о ней святому Моисею. И хотя кому-либо может показаться уклонением (от предмета) речь об

этом, но она принесет немалую пользу, ибо я думаю, что надо тщательно и подробно исследовать это, несмотря на неосновательные придирки наших обвинителей.

Итак, Божественное откровение (относительно скинии) таково,— мы будем излагать таким образом отдельно и изъяснять насколько возможно сеновную букву. "И сказал,— говорится,— Господь к Моисею, говоря: в день один (первый) месяца первого в новомесячие поставишь скинию" (Исх. 40, 1-2). Что побудило Господа всяческих, основательно спросит кто-либо из любознательных, дать повеление ставить скинию в один день, а не в два или три, и в новомесячие, и не всякого вообще месяца, но первого? Все это действительно требует от нас надлежащего и тщательного исследования, так как в Божественных Писаниях ничего не говорится всуе. Итак,— будем держаться наших прежних рассуждений об этом,— поставляемая скиния означает святое тело Христа и, так сказать, сооружение честного шатра Его, в котором благоволила поселиться вся полнота Божества телесно (Кол. 1, 19; 2, 9). Ставить ее повелевает "в день один", что весьма премудро и промыслительно, дабы под одним днем ты разумел настоящий век, в который, и один только, Он соделался человеком. А под новолунием нам следует разуметь не другое что, как обновляющее нас пришествие Спасителя, в которое *древнее прошло и настало все новое* (2 Кор. 5, 17). Новое открылось нам время во Христе, изгоняющее ветхость подзаконного служения, посредством евангельских наставлений преобразующее в новую и обновленную жизнь, а также обветшавших вследствие греха и близких к уничтожению (Евр. 8, 13) обновляющее в изначальную праведность и разрушающее ветхость вкравшегося тления, обновлением нетления услаждающее восходящих чрез веру к жизни вечной, *ибо если кто во Христе,* (тот) *новая тварь*, по написанному (2 Кор. 5, 17).

Повелевает воздвигать Божественную скинию "в месяце первом", когда, как бы смыв унылость зимы, воссиявает прелесть весеннего поворота (солнцестояния), а земля нежно согревается

уже более светлыми и чистыми лучами солнца, цветут виноградники, услаждается благовонием цветов земледелец, покрываются зеленью долины, "колосьев вершинами все щетинятся нивы", по словам одного из эллинских поэтов, когда "прошла зима", по написанному, "ушел и дождь с нею", когда "обрезки (винограда) настало время" (Песн. 2, 11-13). Но все это ты должен разуметь духовно, под исчезновением зимы и прекращением дождя — удручающие нас искушения диавольской тирании и жестоковластия над всеми. Это потому, что во дни Христа прекратилась власть демонов и нам воссияло светлое солнце, то есть Сам Тот, о Ком говорит Бог и Отец: "И воссияет вам Солнце Правды" (Мал. 4, 2), охлажденных грехом согревая теплотою Духа к праведности. Также и виноград разумей умственный, и цветы духовные, и под колосьями также — (разумей) святых, отличающихся многообразным благочестием к Богу и порождающих плод многовидной добродетели. Наконец, надо сказать вкратце: весна все украшает цветами и заставляет землю произращать траву, венчает молодою растительностью луга, снова делает молодыми стволы, прежде сухие благодаря несносной суровости зимы, приводит их в лучший вид, покрывает их обычною зеленеющею листвою и щедро наделяет дарами природы трудящегося земледельца. Подобное нечто, как увидим, было и с нами. Некогда сухие, благодаря царствовавшему над нами греху, и лишенные плодов добродетели, мы расцвели праведностию чрез Христа и только что явившийся и новый плод веры уже приносим Земледельцу духов. Так именно мы справедливым находим понимать сказанное одним из святых пророков, как бы от лица Христа: "Сам я (тот же) говоривший: вот я, как время (года цветущее — весна) на горах" (Ис. 52, 6-7), ибо что совершает на горах "время", то есть весенняя пора, об этом мы уже ясно сказали прежде.

Итак, благополезно повелевает "в один день" ставить скинию, представляющую собою прообраз Христа, дабы ты разумел о Нем, что Он однажды только умер в это единое настоящее вре-

мя, ибо снова отнюдь уже не родится, но и не умрет, родившись раз и умерши и восстав из мертвых. Ведь за смертию необходимо было следовать воскресению, бывшему как бы сооружением святого шатра.

В новолуние же — потому, что новый у нас век во Христе и вся тварь в Нем нова.

И месяц берется первый, чем указывается на обновление человеческой природы от смерти и тления в жизнь и нетление, и от бесплодия переход уже к благоплодию, и освобождение от диавольской тирании, на подобие прекращения и исчезновения зимы.

Потом опять иначе, как в прообразе и иносказательно, указывает нам на Еммануила в словах: "И положишь ковчег свидетельства и покроешь ковчег завесою" (Исх. 40, 3). В предшествующем постановлении Слово изображалось нам как бы в целой скинии, ибо святое тело Христа было домом Бога, вселившегося в Нем. Но не менее указывается Оно нам в частности и посредством ковчега. Он был устроен из дерев негниющих, дабы ты разумел нетленное тело Его. Весь обложен был золотом чистым, как написано, внутри и снаружи (Исх. 25, 9-10; 37, 2), ибо все в Нем пречестно и царственно, как Божественное, так и человеческое, и во всем Он первенствует, по слову Павла (Кол. 1, 18),— золото же берется в образ чести и преимущества над всеми.

Устроенный из негниющих дерев и обложенный золотом, ковчег имел вложенный в него Божественный закон во образ вселившегося и соединившегося со святою плотью Бога-Слова, ибо и закон был глаголом Божиим, хотя и не ипостасным, как Сын. Ковчег покрывается завесою, ибо и вочеловечившийся Бог-Слово был как бы невиден для многих, имея покровом Свое тело, и как в завесе, скрываясь в Своей плоти, так что отсюда некоторые, не узнав Его Божественного достоинства, то пытались побивать Его камнями, обвиняя в том, что Он, будучи человеком, называет Себя Богом (Ин. 10, 33), то опять, нисколько не стыдясь, говорили: *Не Сей ли есть Иисус сын Иосифа, Которого мы зна-*

ем отца и мать? Как же теперь говорит, что с неба сошел Я? (Ин. 6, 42). Итак, покрытие ковчега завесою указывало на то, что Иисус не узнан будет многими.

Таким образом, ковчег был прообразом Его. Поэтому-то и предшествовал израильтянам в пустыне, занимая тогда место Бога, ибо он был вождем народа. Свидетельствует это Псалмопевец в словах: "Боже, когда предшествовал Ты пред народом Твоим, когда проходил Ты пустыню, земля потряслась, ибо и небеса таяли" (Пс. 67, 8). Хотя предводительствовал и шел впереди всегда ковчег, однако же здесь ясно говорится, что предшествовал Бог.

Яснейшее доказательство этого можешь также иметь, если обратишь внимание еще и вот на что. Некогда Бог повелевал чрез Моисея израильтянам, чтобы они смело восходили на гору Сеир и осаждали Аморрея (Втор. 1, 7 и 19). Но получившие это повеление впали в малодушную трусость и, предположив, что это они должны совершать своими силами вместо того, чтобы надеяться на вышнюю помощь, "сев плакали" у горы, как написано (Втор. 1, 45). На это справедливо негодовал Законодатель и наконец стал грозить, что не отведет их в землю обетованную. Едва вняв этой угрозе и предавшись несвоевременному раскаянию, они пытались взойти, вторично не послушав Господа и схватив оружие против аморреев. Но Бог чрез Моисея предрекал им будущее, ибо говорил им: "Не восходите, и не падите пред лицом врагов ваших, ибо Меня нет с вами" (Втор. 1, 42). Несмотря на то, постоянно страдая недугом непослушания, они насильно стали восходить на гору, как написано. Однако ж ковчег Божий, говорится, не взошел с ними и остался в лагере (Втор. 1, 43; Чис. 14, 44). Видишь, что хотя говорит Бог: "Меня нет с вами", однако ж с непокорными не идет ковчег, чем для благоразумнейших ясно указывается на то, что он занимал место предводившего Бога.

Также и вокруг Иерихона ковчег носили священники, и вот пала высокая стена его, без употребления осадных орудий и таранов, а от одних только труб и звука, что, как увидим опять,

истинно осуществилось во Христе. Он есть Тот, Кого носят священники и святые мужи, Кто низвергает всякую крепость диавола, не оружием, но воплем и трубою, то есть апостольскою и евангельскою проповедью и согласием всего народа, в правоте веры исповедующего своего Владыку,— что, как видим, совершается и в таинственных славословиях, когда пред народом звучит священническая труба, под которою разумеется и глас священнодействующего,— и таким образом падает и сокрушается сила противников наших, *ибо оружия наши не плотские,* по слову Павла, *но сильные Богом* (2 Кор. 10, 4). А что Христос некоторым образом восседает и почивает на святых, это объявит нам и пророк Аввакум в словах: "Что Ты взойдешь на коней Твоих, и езда Твоя спасительна" (Авв. 3, 8). Впрочем, научит сему также и Сам Спаситель в словах, сказанных Анании о Павле: *Иди, ибо сосуд избрания Моего есть сей — нести имя Мое пред всеми народами* (Деян. 9, 15).

Но "и внесешь стол", говорится потом, "и предложишь предложение его, и внесешь светильник и положишь лампады его" (Исх. 40, 4). В обоих надо разуметь Христа. Под видом стола, имевшего хлебы предложения, прообразуется Христос, потому что в Нем все питаются к жизни вечной очевидно приобщаясь Его святой плоти, по сказанному Им: *Я есмь хлеб, с неба сошедший и жизнь дающий миру: если кто ест от хлеба сего, жить будет вовек, и хлеб (же), который Я дам, Плоть Моя есть за жизнь мира* (Ин. 6, 51). Итак, предложение стола, то есть хлебы, означает святое Тело Христа, питающее всех к вечной жизни.

А как и блаженный Давид и с ним алкавшие, как написано (1 Цар. 21, 4-6, Мф. 12, 3-4), ели хлебы предложения, то посмотрим, не изображается ли и этим что-либо таинственное. Ведь по установлению закона вкушать хлебы предложения было невозможно, за исключением одних только священников. А между тем касались этой священнейшей пищи не происходившие из священнического колена — Давид и бывшие с ним. Это было для того, чтобы посредством этого опять указать на веру язычников и от-

части израильтян. Христос принадлежал израильтянам, как священнейшим *ради отцов* (Рим. 11, 28) и закона, но к ним привзошло некоторым образом хотя и бывшее по причине заблуждения не священным множество иноплеменников и стало вкушать хлеб жизни, которым соприсутствует и Давид и как бы служит представителем спасенных из Израиля, что и блаженный Исаия называет "останком" (Ис. 10, 22), ибо многие из них уверовали во Христа.

Так посредством святого стола должен познаваться Христос. Точно так же — и светильник, как светящий всему дому, то есть миру, ибо *Я есмь свет мира*, говорит (Ин. 8, 12). Он имеет не одну, а семь лампад (Чис. 8, 2), ибо светит (Христос) многообразно и осиявает души верующих различными дарами. Делается он также из чистого золота (Чис. 8, 4), ибо Христос превыше всех и пречестнее. Твердый (литой) имеет он ствол, как написано (там же), ибо во Христе нет ничего пустого или легкого. Имел он и цветы по причине благоухания святыни (во Христе), согласно сказанному: "Я цвет полевой, лилия долин" (Песн. 2, 1). И самые даже сосуды его (для наливания масла) означают подаяние Божественных даров благодати. Кроме того, пророк Захария утверждает, что видел при нем две масличные ветви (Зах. 4, 3), дабы разумел ты два помилованных народа, коих и назвал "сынами тучности" (помазанными), и говорит, что они предстоят Господу всей земли (Зах. 4, 14), хотя ветви созерцались им при светильнике, давая тем самым очевиднейшее доказательство того, что светильник есть Христос, поставивший при Себе народ из язычников и из иудеев.

Потом, многообразно указывая нам Его, прибавляет к сему: "и поставишь жертвенник золотой для каждения пред ковчегом, и повесишь покров завесы на дверь скинии свидетельства, и жертвенник приношений (плодов или всесожжении) поставишь у двери скинии свидетельства, и обставишь (кругом) скинию (двором) и все, что в ней, освятишь вокруг" (Исх. 40, 5-6 и 8). Обрати внимание на то, как посредством двух жертвенников

описывается нам Христос. Повелевает поставить золотой жертвенник с фимиамом пред ковчегом и приказывает протянуть завесы посреди скинии во входах, чтобы не была видна внутренность ее, и жертвенник всесожжении заповедует поместить у входа скинии свидетельства, так что он был виден и не скрывался, ибо находился вне завесы. Созерцай здесь Его, под образом жертвенника каждения восходящего в воню благоухания к Богу и Отцу, ибо это означает каждение,— а под образом жертвенника всесожжении приводимого за нас как жертва заклания. Золотой жертвенник закрывался завесою, ибо сокрыта была слава Христа. А другой жертвенник — всесожжении, на котором сожигались жертвы закланные, был виден, потому что смерть Христа явна и известна всем. Размещаются жертвенники не безразлично, но один — пред ковчегом, а другой — у входа скинии. То, что золотой жертвенник находился пред ковчегом, как бы пред взором Бога и Отца, прикровенно указывает на дивную славу Сына, по сказанному: *Никто не знает, кто есть Сын, кроме Отца* (Лк. 10, 22). А помещение жертвенника всесожжений при самом входе скинии, служа образом смерти Его и заклания за нас, указывает опять на то, что мы не могли прийти к Богу и Отцу иначе, как чрез жертву Христову, по сказанному Им: *Я есмь дверь* (Ин. 10, 9) и *никто не приходит к Отцу* (иначе), *как только чрез Меня* (Ин. 14, 6). Повелевает наконец обтянуть кругом скинию всю со всеми ее принадлежностями, так чтобы она оказывалась одною, а не многими скиниями, ибо один у нас Христос, хотя и представляется многообразно, а именно: скиниею — посредством покрова плоти, ковчегом, имеющим Божественный закон,— как Слово Бога и Отца, столом опять — как пища и жизнь, светильником — как свет умственный и духовный, жертвенником каждения — как воня благоухания святыни, жертвенником всесожжении — как закланная жертва за жизнь мира; наконец, все в ней (находящееся) освящается для того и потому, что и Христос мыслится всецело святым.

Так под водительством святой скинии израильтянам повелевалось вместе с нею как отправляться в путь, так и останавливаться, посредством чего опять наставляет нас благополезно и научает тому, чтобы мы делали вождем и наставником пути ко спасению воплотившегося ради нас Бога-Слово и, неукоснительно следуя заповедям Его, восходили к жизни вечной. Но не пожелавшие делать это, хотя и тайноводствовавшиеся многими наставлениями, *отошли назад, и уже с Ним не ходили* (Ин. 6, 66). Напротив, блаженный Петр премудро говорит к Спасителю: "Куда можем уйти?" — ибо никоим образом не удаляться от Бога, но стараться всегда духовно быть с Ним — это поистине всего приличнее святым.

Библиотека отцов и учителей Церкви: Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 3-я.– М., 2002.– с. 62-71.

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1791

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 586

СЛОВО
в день празднования Успения Божией Матери

Дорогие отцы и братия, паломники, почитатели и благоукрасители Святой Псково-Печерской обители! Мы рады снова приветствовать Вас с праздником Успения Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. Мир Вам и благоволение Божие. Прославим, вернии, Обрадованную Богородицу, паче же во устех наших имамы всегда святое и благословенное имя Ея!

Духовный собор Псково-Печерского монастыря

Богослужения праздника Успения Пресвятыя Богородицы

27-го августа

В 4 часа дня – Малая вечерня и молебен Божией Матери с акафистом на Успенской площади.

В 6 часов вечера – Всенощное бдение праздника на Успенской площади с переходом в 7 часов 30 минут на Михайловскую площадь.

28-го августа

В 5 часов утра – ранняя Божественная литургия в Сретенском храме.

В 5 часов 30 минут утра – водосвятный молебен в Успенском соборе.

В 7 часов утра – средняя Божественная литургия в Успенском соборе.

С 7-ми часов утра до начала Крестного хода – молебны пред чудотворным образом Успения Пресвятыя Богородицы на Михайловской площади.

В 10 часов утра – поздняя Божественная литургия в Михайловском соборе, после которой (в начале первого часа дня) – Крестный ход вокруг монастыря с чудотворной иконой Успения Пресвятыя Богородицы.

В 6 часов вечера – вечернее Богослужение праздника Нерукотворенного образа Господа нашего Иисуса Христа на Михайловской площади.

29-го августа

В 7 часов утра – ранняя Божественная литургия в Успенском соборе. В 10 часов утра – поздняя Божественная литургия в Михайловском соборе.

В 6 часов вечера – Чин Погребения Божией Матери на Михайловской площади, после пения Великого Славословия – шествие со святой Плащаницей на Успенскую площадь.

30-го августа

В 8 часов утра – Божественная литургия в Успенском соборе.

Слово
в день празднования Успения Божией Матери

Духовная сила и всемирная слава Богоматери открылась людям только по Ее успении. Вся Ее жизнь была преисполнена величайшими испытаниями, скорбями, уничижениями, подозрениями от ближних даже и тайными, сокровенными подвигами с детства. Безмолвствуя среди шумного мира, Она кротко и смиренно наблюдала за евангельскими событиями из народной толпы, которая сопутствовала Христу, и слагала все в своем сердце. Точно таинственная луна, светила Она тихо и издалека, заимствуя Свой Божественный свет от Сына Божия, как Вечного Солнца, располагая всех к молитве и созерцанию величия Спасителя мира и беспредельной любви Благодетеля человечества, и только по временам, изредка, скрывалась в лучах Его Небесной Славы.

День Ее голгофского страдания нельзя возобновить в нашей памяти без содрогания сердца. Объятая ужасом, в полном изнеможении от собственных душевных мук, стояла Она пред распятым, истерзанным, замученным и умирающим Сыном Своим. Могло ли быть в Ее исстрадавшемся сердце, слагавшем молча все тайны Божии, малейшее представление о такой судьбе, предопределенной Божественному Сыну, или чувства величайшего ужаса возбуждали и в Ней невольные сомнения в человеческом разуме, пользовавшемся этими страшными часами непо-

сильного испытания для Благодатной Праведницы и Смиренной Рабы Господней? Наконец, Божественный Страдалец, избегавший встретиться Своим взором с несчастной, горячо любимой и глубоко потрясенной голгофским зрелищем Материю, обратил к Ней Свой окровавленный Лик и, видя около Нее возлюбленнейшего ученика, не отходившего от Богоматери, произнес ласковым, сыновним, но тихим от страданий голосом: «Жено, се сын Твой!... Се Мати твоя!»...

Какие это для нас всех драгоценные слова: «Се Мати твоя!» Столь близки они сердцу, понятны, утешительны всем верующим, скорбящим, страждущим, одиноким, нежно любящим Богоматерь, нуждающимся в Ее святой и чистой любви, в предстательстве пред Сыном Христом, в заступничестве, в помощи и поддержке. Се Мати наша! Может ли чья-либо любовь заменить чистую и святую любовь матери; и нет возраста, в котором бы человек не нуждался в материнских ласках, сочувствии, поддержке, помощи и научении. Поэтому Господь наш Иисус Христос, ведая человеческую беспомощность, потребности нашего сердца и бесчисленные скорби, усыновил Своих последователей в лице возлюбленнейшего ученика Своего Иоанна Преблагословенной Матери, Царице Неба и земли, превознесенной превыше Херувимов и Серафимов, всесильной Заступнице и Молитвеннице, Споручнице грешных, дивной Скоропослушнице, Радости всех скорбящих, любвеобильнейшей из всех земных матерей. В этом еще раз сказалась беспредельная любовь Божия к человечеству. Буди имя Господне благословенно вовеки!

Кто не знает, как безотрадна и тяжела жизнь сирот! Всевозможные приюты, школы и учебные заведения наполнены ими, но есть еще множество сирот более несчастных, бродящих по улицам городов, сел и деревень, кормящихся подаянием, дрожащих от голода и холода, стыдящихся своей нищеты и наготы, с равнодушными, потухшими взорами, с обидным чувством в сердце, потерявших надежду на сочувствие сытых и счастливых, на возможность разжалобить встречающихся во множестве людей, занятых своими делами и заботами, боящихся каждого встречного. И все они такие же дети Божии, как и мы! Но ни подаяния, ни сочувствия, ни попечения благотворителей не могут зажечь материнской лаской их скорбные сердца и согреть их души. Много сирот бывает не только на папертях храмов, но и среди молящихся за Богослужениями. Всмотритесь в них, когда они молятся в своих излюбленных уголках храмов пред иконою Богоматери. Привлекаясь к ласковому и дорогому Лику Богоматери, они любовно лепечут свои просьбы, думы и совершенно просто излагают свои скорби и нужды Владычице. Она, Преблагословенная, все исполняет; когда сирота просит прощения — прощает, когда молит о помощи — тотчас чудесно помогает, если даже выпрашивает себе детские удовольствия и баловства,— никогда не отказывает.

Вот где единственно согревается сердце сироты тайною лаской и радостью: «Се Мати его!»

Семейная жизнь в наше время расстраивается, развращается и так часто распадается. У современной молодежи мало семейных радостей, а

потому нет у них и искренней любви и привязанности к родителям. Исчезла та любовь, которая препятствовала людям в продолжение всей жизни совершать что-либо, о чем нельзя было рассказать матери, та привязанность, которая не дозволяла ни жить, ни работать, ни решать дела и вопросы свои без благословения матери. Теперь столько родителей, избегающих и не желающих приближаться к внутренней жизни своих детей, увлеченных светскими интересами или искусствами, делами, службою и общественными и государственными вопросами! Нет никаких знаний в вопросах воспитания, потому что они далеки от понимания христианства и цели человеческой жизни. Иные выражают свою любовь к детям полным подчинением своим их воле. Несомненно, современная молодежь часто бывает одинока в своих семьях и поэтому ищет сочувствие, ласку, любовь, руководство и удовлетворение своих духовных и сердечных потребностей вне дома. Ужасен этот мир, лежащий весь во зле и в борьбе с правдою и благочестием! Спасение погибающих возможно лишь в усыновлении их Преблагословенной и Препрославленной Матери Божией. Верующему сердцу приметно, как часто Богоматерь оказывает поддержку и помощь этим юношам и детям Своим заступлением, охранением и научением. Се Мати их!

Не менее беспомощны бывают в жизни по разным причинам многие добрые, заботливые и любящие матери. Нет предела их волнениям, слезам и тревогам за детей. Со дня поступления их в школы начинаются настоящие терзания матерей: они

страшатся влияния товариществ, новых знакомых, современного направления наук, преподавателей и воспитателей, духа времени, безверия и безбожия. Чем дети становятся старше, тем волнения, страхи и заботы умножаются и увеличиваются, так как наступает боязнь за их собственные увлечения и недостатки характеров. В юношеском возрасте детей эти страхи переходят в скорби и отчаяние, требующие настойчиво разрешения страшных вопросов: как сберечь, как сохранить, как уберечь, как спасти?! Многие ли из матерей сознают и помнят, что их дети — прежде всего дети Божии, что они не только обязаны, но и в силах дать им знание веры, привить им собственным примером искреннюю веру, внушить им страх Божий и привести их ко Христу, а затем, когда молодые люди получают самостоятельность и свободу, нет иного спасения, как всецело отдать их попечению Матери Божией. Родителям остается оберегать своих детей усердной молитвой, при помощи которой и самим приобретать уверенность и спокойствие. Известны слова в молитве Богоматери: **Не имамы ипыя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице!** Это не слова, а вечная истина!

При разбитой семейной жизни и нравственные люди доходят до озлобления и отчаяния. Будущее всей жизни кажется им невозвратно потерянным, безнадежным, со всеми радостями и чувствами, к которым стремилась душа с первого года сознательного существования, как к святыням. Они сознают себя бесконечно несчастливыми, и вот тогда в такие часы жизни каждо-

му особенно недостает любящего, материнского сердца, сочувствия, участия, заботы,— всего, что они имели в своем родительском доме. Это чувствуется не только в молодости, но еще яснее и искреннее в зрелых годах. Но где, у кого теперь искать ласки и сочувствия? Только одна Матерь Божия, Радость всех скорбящих, прошедшая столько человеческих испытаний и скорбей, может утешить Своею святою, чистою любовию и укрепить в предстоящих подвигах. Людское сочувствие — это большею частию только слова.

Жизнь в иноческих обителях кажется тихою, уединенною, мирною, отрадною. Скрытые от людских взоров, эти смиренные обители, огражденные часто высокими стенами, населены особыми людьми, отрешившимися от мира и пагубного самоволия. В них все, начиная от юных до старцев и стариц,— призванные к подвижничеству скорбями, непосильными испытаниями, душевными болезнями, людского злобою и враждою родных, и только в редких случаях особенными знамениями и внушениями Самого Господа Христа. Тут все одинокие, сирые, лишенные участия и ласк родных, сочувствия ближних; все в скорбях, молитвах и слезах, в гонении от мира, который злословит, осуждает, клянет, и от врага спасения, терзающего озлобленными клеветами и неповинными страданиями; тут есть и волнующаяся еще молодежь, мечтающая в дни искушений о прошлом, о сладости свободы и радостях семейных, и ропщущая старость, переносящая всякие телесные недуги и болезни и лечащаяся непрестанной молитвой.

Среди этой видимой тишины и мирной жизни столько страждущих душою, терзающихся сердцем, теряющих самообладание, побежденных в борьбе с духами зла и мучимых страстями!

В обителях, как и везде, есть люди, озабоченные своими делами, обязанностями и интересами, страждущие, скорбящие и искушаемые, которые идут к своим духовникам или восприемникам от Святого Евангелия, или к более опытным старцам и вопрошают их. И они получают всегда в конце беседы один и тот же весьма мудрый ответ: «Терпите, без скорбей нельзя спастись, на то и пришли в монастырь, чтобы терпеть!» И только в своей келье находит скорбный инок ласку, сочувствие и истинно душеполезный ответ, когда останавливает свой молитвенный взор на Божественном Лике Богоматери, освященном теплящеюся лампадою.

Он видит добрый, ласковый взгляд Пресвятой Девы, Ее улыбку на устах и Материнскую любовь ко Христу Спасителю... Он как бы слышит говорящего Младенца Христа: «Се Мати твоя!... Се Раба Господня!» В одно мгновение ему припоминается сиротство Богоматери, подвиги Ее в храме, вечные скорби и гонения, бесконечные испытания, и является сознание, что только Она, Пречистая и Преблагословенная, может понять каждую людскую скорбь, выслушать без осуждения, искренно сочувствовать и, действительно, помочь! В этот святой, блаженный миг Она делается драгоценнее всего мира, как единственная надежда и отрада. Скорбное сердце неожиданно и тайно согревается Ее святою любовью, и в нем опять вспыхивает огонек правды Божией, наполняющий

сокровенною радостию все существо бессильного еще в борьбе подвижника.

История России полна народными скорбями и болезнями. Кто только из соседних народов не пытался завоевать ее области и принудить переменить православную веру, которую русский народ воспринял непоколебимо вместе с Божией Материю и рожденным Ею Сыном, как дыхание жизни, в твердом сознании, что Православие есть единая, истинная, вселенская вера и Церковь ее — единая Христова. Все эти попытки встречали не только дружный, но прямо чудесный отпор со стороны русского пароода, сберегаемого и прославляемого Богоматерию и Ее бесчисленными чудотворными иконами, являвшимися по всем городам, весям и обителям обширной России, за сохранение ею истинной веры.

В разрешении каждому развращенному, безвольному и неразвитому духовно переходить из своей веры в другую, даже нехристианскую, народ русский, крепкий духом и разумом, будет всегда видеть опорочение православной веры, оскорбление истины Христовой, ниспадение просвещенных руководителей в бездну нечестия, ко времени торжества язычества, когда еще не было решено, кому и как должен поклоняться человек, где истина, какая цель человеческой жизни, где его совесть. Это может быть принято только за хулу на Духа Святого и самое нетерпимое предательство Родины на развращение и разгромление.

Вслушайтесь, возлюбленные, в этот страшный народный гул, доносящийся и до вас со всех концов великой России, которая в ужасе смотрит на

общее развращение молодого поколения каким-то духом времени, созданным заклятыми врагами России, и на проводимую по новым учениям и увлечениям современных неправославных мыслителей из подражания некоторым западным государствам, доведшим свой народ до «вырождения», свободу вероисповеданий, такую свободу, которая, по выражению святого апостола Петра, есть *прикрытие зла* (1 Пет. 2,16).

Но русский народ еще силен заступничеством за него Преблагословенной Матери Божией. Воистину Она была и всегда есть Матерь наша, всех верных Господу, всех скорбящих, обиженных и гонимых.

Так возлюбил Бог Церковь Свою, что даровал нам Матерь Свою, Богородицу, в Матерь всем. Будем же неумолчно призывать Ее на помощь Православной Русской Церкви и просить освятить нашу землю Своими святыми стопами и рассеять наших врагов святым дыханием уст Своих!

Буди имя Преблагословенной Богоматери благословенно во веки! Аминь!

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 5000 экз. Заказ № 1831

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 587

Святоотеческое учение

О Адаме

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, *в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна,* по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: *Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши* (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: *Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим* (Пс. 118, 105).

О Адаме

1. Истинно сведующий в законе и священнейший Павел, проразумевавший таинство спасения чрез Христа, говорит, что *в Нем* возглавлено будет *яже на* небе *и яже на земли, по благоволению* и хотению Бога и Отца (Еф. 1, 10 и 9). Словом: *возглавлено* он обозначает восстановление всего и приведение поврежденного в первоначальное состояние, ибо напоминает, как и естественно, слова Бога, говорящего устами пророков: *Не поминайте первых, и ветхих не помышляйте: се Аз творю новая, яже ныне возсияют, и увесте я* (Ис. 43, 18-19). Посему и он как воспитанный на слове Божием заключающееся в этих словах предсказание предоставляет нам как уже исполнившееся во Христе, говоря: *Темже аще кто во Христе, нова тварь: древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. 5, 17): ибо мы преобразуемся во Христе и становимся новою тварью. В Нем, и только в Нем одном мы получили и новое имя: мы названы Христовыми. Потому-то сам божественный Павел опять о нас и говорит в одном месте: *А иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24); ибо у тех, которые во Христе, жизнь святолепна и стоит превыше плотских страстей и земной нечистоты. А что нам дано будет новое имя, дарованное нам во Христе, это может быть ясно из слов Бога, взывающего устами святых: служащим Мне дано будет *имя ново,* которое благословено будет на земле (Апок. 2, 17; 3, 12): ибо благословят Бога истинного. Итак, поелику никто из решившихся мыслить право и по надлежащему не может сомневаться, что все соделалось

новым во Христе, то рассмотрим теперь, что такое обветшание и относительно чего говорено было, что соделалось восстановление его к лучшему, от несовершенной ли целости и неповрежденное, или же от повреждения и нечаянного перехода к тому состоянию, в кодером оно не было в начале. Таким образом, всякий поймет, и весьма правильно, к чему клонится цель предлагаемой нами речи, и никоим образом не скроется от нас истинный смысл повествуемого.

2. Высочайший Художник всяческих Бог, во всем, что должно было делать, пользуясь своею вседетельною силою, то есть Сыном: ибо *вся Тем быша, и без Него ничто же бысть* (Ин. 1, 3), в начале и, прежде всего другого, небо и землю сотворил и призвал к бытию, хотя они никогда не существовали. Если же, быть может, кто-либо спросит, каким образом и откуда, то он услышит от нас следующее мудрое и поистине превосходное слово: *Кто разуме ум Господень! или кто советник Ему бысть?* (Рим. 11, 34.) Если кто хочет познать это, для того не будет сомнения в том, что во всяком случае его ум и рассудок далеко не имеет многого по сравнению с умом Божиим. А что все наше малозначительно и даже совершенно ничтожно в сравнении с Божественным, это заявляет Сам Бог, говоря: *Не суть бо совети Мои, якоже совети ваши, ниже*[*] *якоже путие ваши, путие Мои. Но якоже отстоит небо от земли, тако отстоит путь Мой от путей ваших, и помышления ваша от мысли Моея* (Ис. 55, 8-9). Итак, пусть оставлено будет как излишнее и не достигающее цели исследование о сем, потому что Бог творит, как знает и как может. После того как сотворены были небо и земля в начале, а затем множество вод собралось в одно место, необходимо повинуясь Говорящему: *да соберется вода в собрание едино* (Быт. 1, 9), стала покрываться земля, повсюду зазеленела разнообразными травами и необычным путем дала от себя бытие крепкоствольным плодовитым деревьям. Появились круги солнца и луны, и за-

[*] Ниже – и не.

кон Божий распределил каждому из этих светил меру начала его, ибо то поставлено на день и свет, а это на ночь и тьму. И самое небо наше явилось все усеянным звездами. Даже и то, для какой цели они соделаны, Бог определил, говоря: *И да будут в знамения и во времена, и во дни и в лета. И да будут в просвещение на тверди небесней, яко светити по земли* (ст. 14-15). Поелику же Зиждитель всяческих по природе своей есть жизнь, то и самую природу вод соделал матерью плавающих в них и летающих по воздуху. Земле же опять повелел произвести многообразную природу скотов и бесчисленные роды диких зверей. И, несомненно, Он произвел все, что Ему было угодно и выше всякого ума. В каждом из сотворенных дел Зиждителем было Слово, и одно только мановение давало бытие всему. А после того, как и Самим Художником всяческих было одобрено благоукрашение во всем происшедшем, наступило, наконец, время к сотворению того, ради которого все оное приведено в бытие, разумею человека, ибо поистине должно было, чтобы Зиждитель всяческих, будучи благ по естеству, или, лучше, будучи самою благостию, какова она есть, был познан и нами. Должно было, чтобы земля была полна теми, которые умели бы Его славословить, и чтобы от красоты созданий была усматриваема слава Создавшего все, как написано (ср.: Рим. 1, 20); ибо, как говорит пророк Исаия, Ты *не вотще* сотворил *ю*, то есть землю, *но на вселение* (Ис. 45, 18). Итак, необходимо было образовать на ней животное разумное, после того как наперед явилось все то, что служило к увеселению его и казалось хорошо сотворенным. Поэтому, явив наперед в подобающем украшении землю и небо, и все, что на них, Бог приступает к сотворению человека, бытие которого Он имел в мысли раньше того. И всякое другое создание Он творил сразу повелением Своим и приводил в бытие словом Своим как Бог. Поелику же человек есть животное поистине благообразное и богоподобное, то, дабы не показалось, что он — подобие высочайшей славы,— сотворен одинаково с тем,

что не таково же, как он, Бог удостоивает его создание предварительного совета и личного участия. Образовав фигуру тела его из земли, Он делает его разумным животным и, чтобы он выделялся из всех разумностию своей природы, тотчас же назнаменал его нетленным и животворящим духом, ибо написано: *и вдуну в лице его дыхание жизни, и бысть человек в душу живу* (Быт. 2, 7). Затем удостоил его рая сладости и даровал ему власть над всем, что на земле, поставил его начальником над плавающими и летающими, подчинил ему стада диких зверей, даже и породы ядовитых животных вместе с другими подчинил ему. А чтобы человек имел страх, Он повелел ему повиноваться естественным законам. Итак, человек был отображением высочайшей славы и образом боголепной власти на земле. Но поелику достигшему такой славы и сладости, во всяком случае, должно было знать, что он Бога имеет своим Предстоятелем, Царем и Господом: то, дабы от избытка благоденствия он не впал весьма легко в помысл об освобождении от власти и преобладания Имеющего державу, Он тотчас дал ему закон и ближайшим последствием преступлений поставил наказующую угрозу. Доколе существовал один и только один человек, еще не было на земле и никакого способа грешить. А чтобы он был и под законом, для него придуман был и некоторый вид сохранения заповеди: ибо *от всякого древа,* сказано, *еже в раи́, снедию снеси: от древа же, еже разумети доброе и лукавое, не снесте от него: а в оньже аще день снесте от него, смертию умрете* (Быт. 2, 16-17).

Затем из одного взятого у Адама ребра Бог творит жену, имевшую и служить ему для рождения детей, и сожительствовать ему как существо однородное с ним, и наконец просто пребывать с ним. Когда же лестию диавола она увлечена была к преступлению и вкусила от запрещенного древа, а вместе с нею пал и сам праотец Адам, то природа их была тотчас осуждена на смерть. И к жене Бог взывал: *в болезнех родиши чада* (Быт. 3, 16); а к Адаму: *проклята земля в де-*

лех твоих (ст. 17). И сверх этого они лишены были того многовожделенного местопребывания, которым пользовались в начале, а также и рая сладости. И только тогда познали они, что были наги и лишены одежды, а потому имеют нужду в одеждах. По милосердию Божию, у них явились для сего нижние одежды кожаные. И матерью своею они признали землю, подверглись уловлению в сети тления и вообще, как я думаю, ничего недоставало у них к тому, чтобы оказаться в крайне бедственном состоянии.

3. Но кто-нибудь, думаю, скажет: если сотворенный человек имел дойти до столь великого несчастия, то не справедливо ли думать, что ему гораздо лучше было бы и не иметь бытия? Бог соделал славным и досточудным того, который спустя немного времени имел быть жалким и достойным сострадания, повинным проклятию и наказанию. Бог как Зиждитель по естеству, конечно, не мог не знать будущего. Поелику же, ведая это, творил Он его, то не обличает ли Себя более вреда, нежели пользы принесшим человеку, если имеющим быть несчастными поистине лучше было бы совершенно не родиться, согласно слову самого Спасителя, сказанному Им об ученике-предателе: *добрее было бы ему, аще не бы родился человек той* (Мк. 14, 21). На это я скажу, что очень опасно и близко к крайнему безумию, или, лучше, прямо было бы безумием и даже гораздо более того — порицать Божественные намерения как неправильные и естество высочайшее или не считать заботящимся о надлежащем, или же считать его способным погрешать относительно полезного и лучшего для нас. Лучше было бы, если бы мы, считая естество Божественное непогрешимым в его советах и делах, удерживались от того, чтобы *мудрствовати паче, еже подобает мудрствовати* (Рим. 12, 3), и оставляли излишнее занятие этим как не свободным от вины. И сверх того, думаю, должно было обратить внимание еще на следующее: тем, которые получили бытие и притом

во благо, лучше ли было бы не родиться или родиться и соделаться причастниками благости Зиждителя? Но в этом, как я думаю, никто не усомнится, ибо как имеющим быть несчастными, если они уже приведены в бытие, по справедливости лучше и вожделеннее было бы не получать этого бытия, так точно, думаю, наоборот, и для тех, которые не будут таковыми, является добрым и достохвальным делом — произойти на свет и жить. Так что же? Полагаю, что наша речь об этом должна быть переносима и на существа гораздо высшие нас: разумею блаженных Ангелов. Сотворены от Бога и из небытия приведены в бытие Ангелы и Архангелы, Престолы и Власти, Силы и Начала, и превысшие их Серафимы. В числе приведенных в бытие был и сам змий- отступник, и бывшие с ним лукавые силы. Они были вместе с другими святыми и разумными созданиями, наполняя вышние обители, отличаясь славою и по сравнению с нами находясь в состоянии несравнимо лучшем и превосходнейшем. Потому и от Господа сказано: *с* Херувимами *вчиних тя* (Иез. 28, 14). Но святые Херувимы имеют утвердившуюся славу и твердо сохраняют свое первоначальное состояние. *Тысящи тысящ* служат Богу, *и тмы*[*] *теми предстояху Ему* (Дан. 7, 10). Вместе с другими пал сатана и лишился своей славы. Итак, когда он вознамерился оставить свое первоначальное состояние, тогда, произвольно склонившись к оскорблению Бога, произвел то, что Зиждитель всяческих престал от творения, разумею святых Ангелов, и отверг столь славное и досточудное создание. После того как же не казалось бы обидным, если б не приводимо было в бытие доселе предстоящее и служащее Ему множество, соблюдающее себя в целости по отношению к сотворившему его Богу и не допускающее помысла о том, чтобы прийти в забвение о своем первоначальном состоянии? И что́ же, скажи мне, очень вредного для сего в том, что некоторые, вследствие надмения, утратили свое прежнее благосостояние? Те,

**Тма – мрак, тьма, ин. десять тысяч, ин. неопределенное множество.*

которые лучше сих, остаются с Богом, и, богатно исполняемые Его благостию, воздают Ему честь продолжительными и непрерывными славословиями. И о них-то, думаю, говорит блаженный Давид: *блажени* все, *живущие в дому Твоем: в веки веков восхвалят Тя* (Пс. 83, 5). Окончив речь о сем, теперь то же самое исследование приложим и к себе самим.

4. Человек сотворен был в начале наделенный властию над собственными своими хотениями и, обладая свободным стремлением к чему бы ни захотел, ибо свободно Божество, по образу Которого он сотворен. Так, думаю, а не иначе он был бы достохвален, если бы являлся свободным делателем добродетели и чистоту в делах имел бы, как плод расположения, а не как последствие естественной необходимости, которая совершенно не позволяла бы ему выходить из пределов добра, хотя бы он захотел делать и не то, что таково. Итак, человек в начале получил свободное и непринужденное стремление ума ко всему тому, что должно было делать; но по обольщению от змия неразумно обратился к тому, что не следовало делать, и за ничто почел совершить преступление. За это и осужден был на смерть и тление, так как Бог, думаю, предвидел имевшую быть от происшедшего большую пользу, ибо как скоро человек однажды уклонился ко греху и естество его стало недуговать стремлением к порочному, почти наподобие того, как и естество нечистых духов, он постоянно изобличаем был во зле, совершаемом им на земле. Итак, с пользою придумана смерть плоти, не к совершенной погибели приводящая животное, но скорее к обновлению и, так сказать, к будущей переделке соблюдающая его, как бы разбитый сосуд. А что живому существу придется потерпеть нетление, этого не не ведал Зиждитель, но напротив знал, что вместе с этим последует и разрушение непотребных дел, и уничтожение тления, и возведение к лучшему состоянию, и восприятие первоначальных благ. Он знал, что пошлет по времени Сына Своего в чело-

веческом образе, имевшего умереть за нас и разрушить державу смерти, дабы обладать и живыми, и мертвыми. Но что же? Если не все уверовали, то уже самое бесчисленное множество спасенных как бы ослабляет значение погибели оных и являет пустою печаль о них, едва не говоря так: *снедят своих путей плоды* (Притч. 1, 31), потому что, имея возможность, если бы захотели быть спасенными и избежать зла, в которое впали, они не приемлют Искупителя, то есть Христа. Так если бы какой садовник наполнил свой сад превосходнейшими деревьями, но затем не всем деревьям по разным причинам случилось бы избежать повреждения, то не подумает никто, чтобы решившийся заняться садоводством не хотел правильно вести это дело. И никто, думаю, не стал бы порицать его. Даже и напротив: он прилагал всю должную заботу о посаженных деревьях, а они пострадали от своей слабости. Неужели мы скажем, что лучше бы он совершенно не приступал к садоводству и не усаживал бы сада превосходнейшими растениями, но, напротив, уничтожил бы совсем способы садоводства, чтобы не потерпели вреда некоторые из посаженных растений? Не совершенно ли неразумно было бы считать это правильным?

5. ...Зиждитель промышлял о созданиях Своих и устроил нам как бы второй корень рода, возводящий нас в прежнее нетление, чтобы как образ первого и земного назнаменал нас необходимостию смерти и уловлением в сети тления, так, наоборот, второе после оного начало, то есть Христос, и уподобление Ему духом назнаменал о нас свободою от погибели; и чтобы как в том (Адаме) непослушание привело нас к наказанию, так в этом (Христе) уступчивость и благопокорливость во всем явила нас причастниками благословения свыше и от Отца. Так и сказано: *бысть первый человек Адам в душу живу, последний Адам в Дух животворящ* (1 Кор. 15, 45). И еще иначе разъясняет нам это Апостол, говоря: *первый*

человек от земли перстен; вторый человек Господь с небесе. Яков*** перстный, такови и перстнии, и яков небесный, тацы же и небеснии: и якоже облекохомся во образ перстнаго, да облечемся и во образ небесного* (ст. 47-49). И опять: *Христос ны искупил есть от клятвы законныя, быв по нас клятва* (Гал. 3, 13). *Смирил Себе,* как написано (Флп. 2, 8), и добровольно снизошел до всего того, что есть в нас, Единородный — Слово Божие, не для того чтобы вместе с нами быть в подданстве царству смерти, так как бы и на Него Адам перенес смертность (ибо Он Сам есть все оживотворяющий), но для того чтобы, явив вид подчиненным тлению, перевести его к жизни. Поэтому-то Он и *плоть бысть* (Ин. 1, 14). Так и премудрый Павел пишет: *понеже бо человеком смерть бысть,* и *человеком воскресение мертвых. И якоже о Адаме еси умирают, такожде и о Христе еси оживут* (1 Кор. 15, 21-22). Ибо неразумно было бы думать, что земнородный и простой человек Адам силу положенного на него проклятия, как бы какое наследство, естественно переходящее, распространил на весь род; а Тот, Который свыше и с небеси, Который есть Бог по естеству, Еммануил, восприявший на Себя подобие нам и соделавшийся для нас вторым Адамом, в свою очередь, не соделал в избытке причастными Его жизни тех, которые захотели бы приобщиться к родству с Ним по вере. Мы соделались сотелесниками Его чрез таинственное благословение. Соединены мы с Ним и иным способом, поелику соделались общниками Божественного естества Его чрез Духа? ибо Он обитает в душах святых, и как блаженный Иоанн говорит: о *сем разумеем, яко пребывает в нас, от Духа, Егоже дал есть нам* (1 Ин. 3, 24). Итак, Он Сам есть жизнь наша, Сам и оправдание. Написано также еще: *темже убо, якоже единого прегрешением во вся человеки вниде осуждение? такожде и единого оправданием во вся человеки вниде оправдание жизни* (Рим. 5, 18). И еще:

*Перстный – земляной, происшедший из праха.

**Яков – каков.

якоже бо ослушанием единого человека грешни быша мнози, еще и послушанием единого человека *праведни будут мнози* (ст. 19). Итак, ясно, что и в первом Адаме прообразуемо было тогда таи́нство Христа, не во всем сходные черты образа сохраняющее, но различные и даже противоположные. Именно тот был для рода человеческого началом к смерти, проклятию и осуждению; а Сей — ко всему противоположному: к жизни, благословению и оправданию. Тот принял жену *в плоть едину* (Быт. 2, 24) и чрез нее погиб; Христос же, соединяя с Собою Церковь духом, избавляет и спасает, и делает ее победительницею лести диавольской. Поэтому Апостол и убеждает вопиять: *не неразумеваем бо умышлений его* (2 Кор. 2, 11). Праотец Адам в возмездие за грех и в наказание за преступление получил тление; Христу же вменена была в вину праведность, по безумию иудеев. Посему за страсть смертную Он и увенчивается *честию и славою,* по слову блаженного Павла (Евр. 2, 9; сн.: Флп. 2, 9). И Адаму едва подчинено было одно то, что есть на земле: Христу же все; ибо Ему *всяко колено поклонится, небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос в славу Бога Отца* (Флп. 2, 10-11). Аминь.

Библиотека отцов и учителей Церкви:
Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 2-я.– М., 2001.– с. 7, 8-18.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1891

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 588

Святоотеческое учение

О Каине и Авеле

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна, по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс. 118, 105).

О Каине и Авеле

1. Природа человеческая в Адаме как в начальнике рода, как я сказал недавно, подверглась *смерти и греху:* искуплена же не иначе, как только чрез одного Христа. Так и ученик Его пишет: *несть иного имене под небесем, даннаго в человецех, о немже подобает спастися нам* (Деян. 4, 12), ибо подлинно нужно было, чтобы Тот, чрез Которого все приведено в бытие, соделался и возобновителем растленного и устранил повреждение, произведенное грехом, упразднил зло и снова богатно даровал благо тем, которые произведены им. Я признал бы славным делом боголепной силы и власти как то, чтобы привести из небытия в бытие, так и то, чтобы уклонившееся от состояния добра и неповрежденности едва не снова призывать к благосостоянию. Итак, в Адаме показан был образ сего. Но всякий может видеть, что не менее того ясно этот образ начертывается и в происшедших от него. Во Христе Бог и Отец возглавляет все, что на небесах и что на земле, и падшее до состояния не надлежащего возводит к состоянию первоначальному, так как чрез Него только одного привзошедшее по времени уничтожается, и то, что на земле, восстановляется к обновлению твари, ибо в Нем — *нова тваръ* (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15); и это слово истинно. Итак, усматривай и в Авеле, и в Каине таинство Христа, чрез которое мы спасены. В книге Бытия написано так: *Адам же позна Еву жену свою, и заченши, роди Каина, и рече: стяжах человека Богом. И приложи родити брата его, Авеля. И бысть Авель пастыръ овец: Каин же бе делаяй землю. И бысть по днех, принесе Каин от плодов земли жертву* Господу: *и Авель принесе и той от первородных овец своих, и от туков их: и призре Бог*

на Авеля и на дары его: на Каина же и на жертвы его не внят. И опечалися Каин зело, и испаде лице его. И рече Господь Бог Каину: вскую прискорбен был еси? и вскую испаде лице твое? Еда, аще право принесл еси, право же не разделил еси, не согрешил ли еси? Умолкни. К тебе обращение его, и ты тем обладаеши (Быт. 4, 1-7). И немного спустя: *и рече Каин ко Авелю брату своему: пойдем на поле. И бысть внегда быти им на поле, воста Каин на Авеля брата своего, и уби его. И рече Господь Бог ко Каину: где есть Авель брат твой?* Он же *рече: не вем. Еда страж брату моему есмь аз? И рече* Бог: *что сотворил еси сие? Глас крове брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты на земли, яже разверзе уста своя, приати кровь брата твоего от руки твоея.* Поелику *делаеши землю, и не приложит силы своея дати тебе: стеня и трясыйся будеши на земли. И рече Каин ко Господу: вящшая вина моя, еже оставитися ми. И аще изгониши мя днесь от лица земли, и от лица Твоего скрыюся, и буду стеня и трясыйся на земли, и будет, всяк обретаяй мя, убиет мя. И, рече ему Господь Бог: не тако: всяк, убивый Каина, седмижды отмстится. И положи Господь Бог знамение на Каине, еже не убити его всякому, обретающему его. Изыде* же *Каин от лица Божия* (ст. 8-16).

2. Итак, Каин, а равно и Авель, оба родились от Адама и были как бы нежные и цветущие отпрыски, происшедшие в начале от одного и первого корня; и на них естество человеческое впервые упражнялось в плодородии и только начало являть способность раститься и множиться и укрепляться в силе. Но Каин в отношении к рождению предшествовал на несколько времени. Авель же следовал за ним и родился после него; и пока они оба были нежны и юны, они как бы какие птенцы воспитывались у родителей. Когда же из юношеского пришли в более зрелый возраст и уже оказывались в возрасте мужеском, то обратились к различным занятиям.

И Каин, услаждаемый свежестью земной зелени и особенно видя землю украшенною прекрасными деревьями и зрелыми плодами, думал, что при стараниях она должна представляться очам взирающих на нее еще более возделанною; и о том, что само по себе и естественно вызывало к себе любовь и само собою достигает до такой красоты, он размышлял,— и по справедливости, — что если приложить к сему земледельческий труд, то оно будет являться взору несравненно более красивым. Так он вел жизнь, приличествующую земледельцам, и хотел достигать цели, пользуясь всею силою телесною. Природа дала ему ве́дение о сем, а Божественный и неизреченный закон начертал в уме его познание о том, чего он хотел. К этому прилагал старание и труд Каин. Мудрый же Авель, оставив труд над деревьями и заступом, не держась за серп, обратился к стадам овец. Привели его к такой мысли, быть может, ягнята, еще тонким голосом блеющие в подражание своим матерям, даже едва блеющие, нежными и только что укрепившимися ногами легко прыгающие по цветущей траве, а также и блеющие козы, без труда перепрыгивающие на высочайшие крутизны скал. И прекрасно, как я думаю, решение, по которому он, будучи очень мудрым, предпочел пастырскую жизнь, полагая ее как бы каким предварительным упражнением в управлении людьми и считая таковым это дело. Называть правителей племен, городов или народов пастырями народов обычно и самому богодухновенному Писанию[1], и избранным писателям эллинским[2]. Итак, когда оба юноши склонились, один к земледелию, а другой к превосходнейшему занятию, именно к пастырству, то с течением

[1] Так, например, в Иез. 34, 23 и 37, 24 именуется царь Давид.

[2] Так, например, у Гомера называются Агамемнон (Ил. II, 243. 254. 772; IV, 413 и мн. др.), Ахиллес (Ил. XVI, 2), Нестор (Ил. II, 85; XXIII, 411; Од. XV, 151 и др.) и многие другие. Ср. также Платона, О Закон. 321; Фил. 38; Полит. IV, 440 и др.

времени у Каина сады наполнились густыми деревьями и зрелыми плодами, у Авеля же собралось великое множество скота. Потом закон врожденного нам богопознания побудил этих мужей к исполнению долга приносить благодарственные жертвы всех Зиждителю и Подателю нам всякого блага Богу. Ибо, хотя и повреждена и, быть может, не является истинною точка зрения идолопоклонников на то, кто есть творец всяческих, однако врожденный и необходимый закон производит и самопроизвольное познание возбуждает в нас мысль о существе высшем и несравненно превосходнейшем нас, то есть Боге. Так священный и премудрый Авель приводит отборное и наилучшее из своего стада. *Принесе,* сказано, *от первородных овец своих, и от туков их,* то есть превосходнейшее и избранное. Не ведая и самый способ священнодействия, он предлагает туки. Каин же не так, но гораздо небрежнее: наилучшие из плодов он оставил для своего удовольствия, а второстепенными почтил всех Бога, и тем оскорбил Его. Таким образом, сошедший с неба на дары Авеля огонь, истребив их, уготовал жертвоприношение. *На Каина же и на жертвы его не внят,* сказано, ибо не обычным образом сошел на принесенное в жертву огонь. Поэтому Каин очень опечаливается и ужасно падает духом. Зная же причину отвращения и предпочтения жертвы Авеля, он не обратился к исправлению своей вины, но, пришедши в неумеренный гнев, первый из людей зачинает неукротимое убийство. Но едва не самому Богу всяческих мстя за отвращение, он с коварством подходит к почтенному брату и попирает закон любви, имея ум, наполненный диавольскою злобою и нечестивыми намерениями, а на словах подделываясь под доброту: *пойдем,* говорит, *на поле.* Слышишь ли, как он вызывает его на поля, как будто бы с тем, чтобы он мог быть зрителем его прилежания в земледелии и насладиться разнообразным зрелищем цветов? Но он нечествует и отдает единокровного как бы в первую добычу и

начаток смерти, и таким образом открывает природе человеческой путь к скверноубийству. Когда же Бог спрашивал его и говорил: *где Авель брат твой?* несчастный прибегает к лжи и сурово отвечает, говоря: *не вем.* А после того как изобличен был в убийстве и подвергнут проклятию, он стал думать в свою очередь, что и сам умрет, хотя этого Бог и не желал, и что этим разрешится гнев Божий на него. Он говорил: *аще, изгониши мя днесь от лица земли, и от лица Твоего скроюся, и буду стеня и трясыйся на земли, и будет, всяк обретаяй мя, убиет мя.* Но что всячески и во всяком случае он будет подлежать проклятию и понесет наказание за свои нечестивые деяния, проводя на земле несчастнейшую жизнь, это было несомненно, так как Бог ясно говорил: *не тако,* поелику *всяк, убивый Каина, седмижды отмстится.* А семь полагает вместо многого, как бы так говоря: за многие и нечестивые прегрешения наказание братоубийце Каину откроет тот, кто лишит его телесной жизни. Если же кто захотел бы сказать, что отмщение касается именно числа семи, то и в этом нет ошибки. В таком случае первый грех у Каина был тот, что он неправильно разделил и не посвятил Богу того, что было превосходнее всего. Второй — тот, что он, познав грех, не обратился к покаянию и не исправил прегрешения своего обращением к лучшему, но возгорел гневом и раздражен был прославлением ближнего, тогда как должно было бы лучше соревновать последнему, а не считать его врагом и взирать на него неправедными очами. Третий же и как бы какой приступ к совершению дикого убийства — неукротимая зависть. Четвертый — то самое: *пойдем на поле* — доказательство коварства и лести. Пятый — преступление нечестивого скверноубийства. В шестой грех ему может быть вменена ложь перед Богом. В седьмой же — мысль, что он может, вопреки изволению Божию, избежать наказания, будучи лишен телесной жизни недобровольно. Но *положи,* сказано, *Бог знамение на*

Каине, еже не убити его всякому, обретающему его. Изыде же Каин от лица Божия. И тотчас он подвергся проклятию, и последовал способ отвращения, ибо каким образом всечистое и святейшее естество может взирать на человека, дошедшего до крайнего предела всякого зла?

3. Это пусть сказано будет нами пока в буквальном и историческом смысле. Но как бы наводя краски на очертание образа, заключающуюся в букве тень преобразуя в истину и тонко исследуя каждую подробность, скажем теперь и то, что всякий может видеть и таинство Христово предызображенным вначале как бы в тени,— в совершившемся. Так как естество человеческое впало в грех и неожиданно уловлено было в сети смерти, то должно, поистине должно было, чтобы предвозвещено было таинство восстановления к лучшему и чтобы не было неизвестным то, что ради нас и за нас умрет по времени Христос. Итак, сотворен был праотец Адам, по свидетельству Священных Писаний, *по образу и по подобию Божию*. От него родились и произошли – первый Каин, а второй после него – Авель. Каин пусть представляет у нас лице Израиля. И Сам Христос, указывая на одинаковость нравов народа Иудейского с нравами Каина, предозначал его. Именно Он говорил: *аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете. И уразумеете истину, и истина свободит вы* (Ин. 8, 31-32). Они же, не разумея красоты отеческой свободы, пытались блистать плотскою славою, говоря: *семя Авраамле есмы, и никому же работахом николиже: како ты глаголеши: яко свободны будете?* (ст. 33). Что же на это отвечал Христос? *Аще чада,* говорит Он, *Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили. Нынче же ищете Мене убити, человека, Иже истину вам глаголах, юже слышах от* Отца: *сего Авраам несть сотворил* (ст. 39-40). А как на отца их, указывает на сатану, говоря: *вы творите дела*

отца вашего. Он человекоубийца бе искони, и во истине не стоит, яко ложь есть, как *и отец лжи* (ст. 41 и 44). Правильно разумея эти слова, мы никак не можем думать, что Христос упоминает здесь о лукавом и виновнике зла демоне. Нет! Бесновавшимся иудеям и замышлявшим против Него нечестивое сквернoубийство Он дает в отцы первого человекоубийцу и виновника лжи, разумею Каина и отца последнего — сатану[1], изобретателя греха. Так как некоторые спрашивают, кого мы дадим в отцы диаволу, или что мы называем первообразом злонравия его, то мы ответим, что как бы отображением первообраза в Каине Он считает тех, которые во всем недугуют подобием присущего ему нечестия. А что Спасителю Христу обычно называть сатаною того, кто уподобляется ему нравом, это мы без большого труда можем увидеть из Его слов к святым ученикам: *не Аз ли вас двanадесяте избрах, и* вот *един от вас диавол есть?* (Ин. 6, 70.) Так должно уподобить Каину и Израиля, о котором написано: *сын Мой первенец Израиль* (Исх. 4, 22). После же первородного Израиля как бы вторым по времени и самым младшим явился Христос, Который и Сам был сын Адама. Потому-то и *Сыном Человеческим* Он мудро и смотрительно именовал Себя повсюду[2]. Но Израиль думал чтить Бога приношением вещей привременных и легко увядающих, и весьма неважных, и как бы весь ум свой прилагал к занятиям земным. Ибо Каин обратился к земледелию, *Авель же бысть пастырь овец,* так как Еммануил управляет словесным стадом, и Сам есть *Пастырь добрый* (Ин. 10, 11), Который *на месте тучне* и на пажити хорошей, как написано (Ис. 30, 23), пасет вышние и земные стада. К Нему взывало и пророческое слово: *паси люди Твоя жезлом* стражбы тво-

[1] Чтобы понять смысл этого изъяснения, нужно иметь в виду, что в греческом подлиннике Ин. 8, 44 в конце стиха поставлено: *καὶ αὐτοῦ — и отец его,* а в славянском переведено: *и отец лжи.*

[2] См. напр.: Мф. 8, 20; 9, 6; 10,23; 11,19; 12, 8. 32. 40 и др. Мк. 2, 10. 28; 8, 38; 9, 9. 12. 31 и др. Лк. 5, 24; 6, 5. 22; 7, 34; 9, 22. 26. 44 и др. Ин. 1,52;3, 13-14; 6, 27.53. 62 и др.

ей, *овцы наследия Твоего* (Мих. 7, 14). Итак, Израиль чтил Бога земными вещами, плодонося дела, совершаемые по закону, и посвящая нежеланные для Него жертвы. Поэтому и слышал из уст святых слова: всесожжения овнов твоих, *и тука агнцев, и крове юнцов и козлов не хощу. Ниже приходите явитися Ми: кто бо изыска сия из рук ваших? Ходити по двору Моему не приложите. Аще принесете Ми семидал всуе: кадило, мерзость Ми есть* (Ис. 1, 11-13). И еще: *вскую Мне кадило от Савы*[1] *приносите, и кинамон*[2] *от земли дальния? Всесожжения ваша не суть приятна, и жертвы ваша неусладиша Мя* (Иер. 6, 20). Это ясно означается тем, что Бог не обратил внимания на жертвы Каина.

Праведный же Авель, то есть Христос, дароприносил Богу первородное из словесных стад, то есть мягких сердцем, младенчествующих злобою, избранных по добродетелям и в уподоблении Ему носящих славу первородства. Ибо собрание званных чрез веру к освящению именуется у божественного Павла Церковию *первородных на небесех написанных* (Евр. 12, 23). А священнодействователем этого святого собрания и стада первородных соделался Христос. *Зане Тем имамы приведение в Дусе* к Богу *и Отцу* (Еф. 2, 18; Рим. 5, 2). И мы соделались жертвою доброю и благоприятною *паче тельца юна, роги износяща и пазнокти*[3] (Пс. 68, 32), ибо приношение кровавое есть низменное и земное и не имеет благоухания пред Богом. Служение же в Духе и чрез Христа гораздо более приятно Отцу. Так и к тем из сынов Израилевых, которые приносили в жертву земное, Бог взывал: *не приму от дому тво-*

[1]Сава – область счастливой Аравии (Иер. 6, 20), откуда получалась смола в Палестине, известная в древности вообще благовонными веществами, золотом и драгоценными камнями (см. Ис. 60, 6; Иезек. 27, 22; ср.: Пс. 71, 10).

[2]Кинамон (греч.) – корица (Исх. 30, 23; Песн. 4, 14; Синакс. в Велик. среду).

[1]Пазногть, пазнокть – задняя щиколотка у четвероногих животных(Пс. 68, 36; Левит. 11, 3).

его тельцов, ниже от стад твоих козлов, Яко Мои суть ее зверие дубравнии, скоти в горах и волове. Познах вся птицы небесныя, красота сельная со Мною есть. Аще взалчу, не реку тебе: Моя бо есть вселенная и исполнение ея (Пс. 49, 9-12). К нам же, оправдываемым во Христе и освященным в Духе, Он взывал, говоря: *пожри Богови жертву хвалы, и воздаждь Вышнему молитвы твоя: и призови Мя в день скорби своея, и изму тя, и прославиши Мя* (ст. 14-15). Итак, духовные приношения лучше земных, и жертва, приносимая чрез Христа, гораздо превосходнее жертвы, приносимой по закону. И не к жертвам Каиновым склонялся Бог, но к жертвам Авелевым. По какой же причине? Израиль приносил правильно, ибо должно было приносить жертвы Богу; но он разделял неправильно, успокаиваясь на образах и думая, что Бог услаждается сению. Посему он и согрешил, и получил повеление молчать, то есть прекратить древние и совершаемые по закону обычаи и ставить вождем Христа. Ибо Каину было сказано: *согрешил еси, умолкни;* об Авеле же: *к тебе обращение его, и ты тем обладаеши* (Быт. 4, 7). Но если бы Израиль, отвергнув приношение земного и бесполезное служение по закону, восхотел ставить Христа начальником и руководителем на пути к лучшему, то был бы вместе с нами свободен и написан *в книге животной,* по Писаниям (Апок. 3, 5). Поелику же, подобно Каину, прославление Спасителя нашего он сделал поводом к зависти и началом сквернoубийства, то подпал проклятию и соделался повинным семикратному отмщению. И подлинно многим отмщениям они повинны стали, и тяжким наказаниям подвергнуты, стеня и трепеща, проводят жизнь несчастные: везде они странники и пришельцы, везде живут полные страха и не имея дерзновения, которое наиболее всего приличествует свободным. Впрочем, Каин получил знамение, чтобы никто не убивал его, и Израиль не совсем погиб, но спасен от *него останок,* по слову пророка (Ис. 10, 21), который,

ведая о сем, предвещал, говоря: *и аще не бы Господь Саваоф оставил нам семене, яко Содома убо были быхом, и яко Гоморру уподобилися быхом* (1, 9). Сверх того также и божественный Псалмопевец умолял Бога всяческих, чтобы Израиль не совсем был истреблен: *не убий их, да не когда забудут закон Твой* (Пс. 58, 12). Кроме того, Каин удалился от лица Божия. А написано так: *изыде же Каин от лица Божия* (Быт. 4, 16). Нечто подобное потерпели и израильтяне, которым сказано было устами пророка: *егда прострете руки ваша ко Мне, отвращу очи Мои от вас: и аще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове* (Ис. 1, 15). Ибо они убили Господа всяческих и дерзнули сказать от чрезмерного нечестия: *кровь Его на нас и на чадех наших* (Мф. 27, 25). Впрочем, кровь Авеля, быть может, вопияла только против одного убийцы; честная же Кровь Христова вопияла против жестокости и неблагодарности иудеев, но избавила мир от греха, как пролиянная за него. Поэтому божественный Павел говорит, что мы, оправдываемые верою, приступили к *крови кропления, лучше глаголющей, нежели Авелева* (Евр. 12, 24).

Библиотека отцов и учителей Церкви:
Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 2-я.– М., 2001.– с. 7, 18-25

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 1973

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 589

О Ное и ковчеге

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна, по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс. 118, 105).

О Ное и ковчеге

Ной был человек добрый, истинный любитель высшего благочестия и славу в этом предпочитавший всему (ср.: Быт. 6, 9). Поскольку же был славен, обращал на себя общее внимание, весьма знаменит был и известен, будучи увенчан высшими похвалами, то по справедливости был предметом удивления. Итак, речь наша обращается к нему, и мы, полагая в совершившемся относительно его как бы какое изображение и прообраз спасения чрез Христа, немало, думаю, принесем пользы читателям. Будем же разъяснять, насколько возможно, в отдельности все, до него касающееся, уменьшая грубость исторического смысла и совершившееся в действительности искусно возводя к духовному созерцанию.

2. От Адама, после убиения Авеля, родился Сиф, от Сифа же Енос, который *упова призывати имя Господа Бога* своего (Быт. 4, 26), ибо Енос от современников своих назван был богом. Удивившись величию присущей ему праведности, они наименовали его богом, думая, что такое наименование более всего приличествует добродетели этого мужа. От Еноса же, названного богом, произошли другие, после которых [произошел] и Ламех, отец Ноя, оказавшийся пророком при рождении сына, подобно тому как и Захария при рождении блаженного Крестителя. Ибо Ламех наименовал сына своего Ноем, что значит *успокоение,* если перевести это слово на наш язык. Как бы представляя причину такового названия, Ламех говорит: *сей упокоит нас от дел наших, и от земли, юже прокля Господь Бог* (Быт. 5, 29). При таких-то светлых и весьма блестящих надеждах предвозвещено

было древним рождение Ноя. И он был десятый от Адама, если вести родословие чрез Сифа, и достиг того, что происшедшие от Еноса, прозванного богом, от всех названы были богами. Но *бе Ное,* сказано, *лет пятисот, и роди сыны три, Сима, Хама, Иафета* (Быт. 5, 32). И Сим, если перевести это слово с еврейского на греческий язык, означает *совершенство* или *растение,* Хам же — *теплоту,* а Иафет — *широту*[1]. Затем Священное Писание говорит: *и бысть егда начаша человецы мнози бывати на земли, и дщери родишася им. Видевше же сынове Божии дщери человечи, яко добры суть, пояша себе жены от всех, яже избраша. И рече Господь Бог: не имать Дух Мой пребывати в человецех сих вовек, зане суть плоть: будут же дние их лет сто двадесять. Исполини же бяху на земли во дни оны. И потом, егда вхождаху сынове Божии к дщерем человеческим, и раждаху себе: тии бяху исполини, иже от века, человецы именитии* (Быт. 6, 1-4). После того как род человеческий распространился до великого множества, *сынове Божии,* сказано, впали в неразумнейшую похотливость к женщинам и *пояша себе жены от всех, яже избраша.* Мы знаем, что некоторые из списков Библии ясно имеют такое чтение: *видевше* же ангелы *Божии дщери человечи*[2]. Затем некоторые отклоняют обвинение в плотолюбии (от ангелов) и вину в столь гнусной похоти возлагают на падших ангелов, *не соблюдших своего начальства,* как написано (Иуд. 1, 6)[3]. Я же утверждаю и соглашаюсь с тем, что им приличествует всякий недуг духовный; но мне кажется, было бы безрассуднее всего и вполне несообразно с здравым разумом придавать этому веру в отношении к самому делу. Наша цель — усматривать истину во всем написанном, но во всяком случае не уразумевать недуги скопища демонов. Мы видим, что похоти всегда и всего более следуют существующим в нас самих и врожденным нам

[1] Имя Сим, с еврейского , собственно, значит знак, *знамение, имя, известность, слава.* См.: Быт. 11, 4; 2, 19-20; 12, 2; 3 Цар. 5, 11 и др. Имя последнего сына Ноева производят и от — *расширять,* как объясняет св. Кирилл, и от — *красивый,* относя это имя к Иафету, как родоначальнику племен европейских.

[2] Таково именно чтение кодексов греческой Библии, обозначаемых у издателей буквами АХ. Большинство же кодексов имеет чтение: *сынове Божии.*

[3] Ср.: *Ориген,* Contra Celsum. t. XIX, pag. 271, ed. Lommatzsch. Berolini, 1846.

побуждениям: ибо мы или плотские страсти любим, или имеем обыкновение считать за весьма важное то, посредством чего совершаются дела плоти. И удовольствия не отдаляют нас от законов естественных, как мне самому кажется хорошим и истинным. Как например, ястие и питие, а также и естественное общение с женщинами суть дела и страсти плотские. А желания богатства и славы служат удовольствием плоти, и почти все страсти в мире происходят чрез это, согласно сказанному мудрым учеником (Христовым): *яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская* (1 Ин. 2, 16). Такого рода горестные и опасные похоти легко уловляют нас к тому, чтобы думать и делать дела плоти. А любить то, что вне тела и неестественно, никакое слово не убедит нас. Затем не было ли бы почти безумием говорить, что духи, которые превыше плоти и свободны от нее, любят плотское? Какое бы имели они естественное побуждение к тому, или какой закон побуждал бы их, подобно как нас самих побуждает к тому, чтобы жаждать таких и других подобных страстей? Мы, конечно, не освобождаем демонское скопище от вины в этом, ибо оно нечестиво и скверно, и удобопреклонно ко всему гнусному. Пусть оно недугует вместе с другими, если угодно, и противоестественными удовольствиями. Но когда Божественное Писание говорит, что они сходились с женщинами, а женщины родили так называемых исполинов, то есть огромные чудовища, впрочем, все-таки людей разумных, то как об этом должно рассуждать? Ведь не от духов, совершенно свободных от плоти, может произойти в женщине зарождение человека. Пустословят же некоторые и мудруют над этим, вероятными, как они думают, умозаключениями, прикрывая невозможное, ибо происшедшее среди людей зло они считают демонским и чрез них полагают совершившимся ввержение семени. Но мы найдем мнение их весьма нелепым и полным невежества, ибо чего не изрекло Божественное Писание, то каким образом мы можем принять и считать за истинное? Мы будем читать скорее: *видевше же сынове Божии дщери человечи, яко добры суть, пояша себе жены от всех, яже избраша*. В правильности этого чтения утверждает нас и перевод других толковни-

ков. Например, Акила говорит: *сыны богов, увидев дщерей человеческих*. Симмах же вместо: *сыны богов*, перевел: *сыны владычествующих*. Сынами богов, а также владычествующих они именовали происшедших от Сифа и Еноса, ради присущей им святости и любви к Богу и ради того, что они в силах побеждать всех противовосстающих, причем, как и справедливо, Бог помогал им и ясно являл этот род священнейшим и святым. Род этот не смешивался с другим, то есть с происшедшими от Каина и Ламеха, который, идя по следам отца, был даже убийцею; ибо признается, *яко мужа убих в язву мне, и юношу в струп мне*. Доколе священный род пребывал сам по себе и не смешивался с худшим, красота благочестия пред Богом сияла в них чистою и неподдельною и делала их досточудными. Когда же они впали в плотоугодие и, увлеченные женскою красотою, уклонились к отступничеству: *пояша*, сказано, *от всех, яже избраша* из дщерей человеческих, то есть происшедших от Каина, то, хотя именовались богами и сынами богов, владычествующих, однако напоследок уклонились к нравам оных и к постыдному, и скверному житию и жизни. И жены стали рождать чудовища, так как Бог обезображивал и самую красоту тел человеческих за невоздержание тогдашних людей в блудных стремлениях. Рождаемые были *исполины*, то есть дикие и крепкие силою, страдавшие великим безобразием и превосходившие других величиною тела.

3. Когда таким образом роды смешались одни с другими и все уклонились к необузданному греху, тогда увидел *Господь Бог*, сказано, *яко умножишася злобы человеков на земли: и всяк помышляет в сердцы своем прилежно на злая во вся дни, и помыслы Бог*, или раскаялся, по другому переводу, разумею Акилы, *яко сотвори человека на земли, и размысли, и рече: потреблю человека, егоже сотворих, от лица земли, от человека даже до скота, и от гад даже до птиц небесных: зане размыслих, яко сотворих я. Ное же обрете благодать пред Господем Богом* (Быт. 6, 5-8). Понимаешь ли, что Бог решил истребить всякого человека? Поскольку же Ной украшен был подвигами благочестия, то его одного пощадил Бог и не погубил с други-

ми, а спас со всем домом. И говорит ему: *время всякого человека прииде пред Мя, яко исполнися земля неправды от них: и се Аз погублю их и землю. Сотвори убо себе ковчег от древ (негниющих) четвероуголных: гнезда сотвориши в ковчезе, и посмолиши его внутръуду и внеуду смолою. И тако сотвориши ковчег: трехсот локтей долгота ковчега, и пятидесяти локтей широта, и тридесяти локтей высота его. Собирая сводом сотвориши ковчег, и в локоть свершиши его свыше* (Быт. 6, 13-16). И немного спустя еще: *внидеши же в ковчег ты и сынове твои, и жена твоя,* говорит, *и жены сынов твоих с тобою, и от всех зверей, и от всех скотов, и от всяких плоти два два. От всех введеши в ковчег, да питаеши с собою: мужеский пол и женский будут. От всех пернатых по роду, и от всех скотов по роду, и от всех гадов ползающих по земли по роду их, два два. От всех внидут к тебе питатися с тобою, мужеский пол и женский. И от всех чистых седмь седмь* собери, *а от нечистых два два* (ст. 18-20; ср.: 7, 2-3). Итак, когда все это было исполнено, как повелел Бог всяческих, погублена была всякая плоть, так как всю поднебесную наводнили дожди и ливни и стремительнейшие потоки вод, посланных свыше и с неба. Ковчег же плавал на поверхности, имея грузом своим души праведных. А когда воды немного опали, *то седе,* сказано, *ковчег на горах Араратских. И отверзе Ное оконце ковчега, и посла врана видети, аще уступила вода от лица земли:* он же *не возвратися.* Затем *посла голубицу по нем, и не обретши,* сказано, *голубица покоя ногама своима, возвратися к нему в ковчег, яко вода бяше по всему лицу земли: и простер* Ной *руку свою, приятю, и внесе ю к себе в ковчег.* И по истечении семи дней выслана была другая голубица, *и возвратися к вечеру,* имея *сучец масличен во устех своих.* Тогда чрез семь дней выслал еще третью; она же *не приложи,* сказано, *возвратитися к нему потом* (8, 4 и 6-12). Таким образом, он понял наконец, что вся вода иссякла на земле, и что земля снова стала сухою, равно как и то, что находится на ней. Когда же он вместе с детьми своими и со всеми собранными в ковчег вышел из него и увидел землю освобожденною от вод, он тотчас воздвиг жертвенник и поста-

рался принести во всесожжение чистых и нескверных из скота и пернатых, вознося, как я думаю, благодарственные жертвы спасшему его Богу. Когда это совершено было, *обоня,* сказано, *Господь* Бог *воню благоухания, и рече Господь* Бог, *размыслив: не приложу ктому проклясти землю за дела человеческая: зане прилежит помышление человеку прилежно на злая от юности его: не приложу убо ктому поразити всякую плоть живущую, якоже сотворих. Во вся дни земли сеятва и жатва, зима и зной, лето и весна, день и нощь не престанут* (ст. 21-22). А кроме того еще и *благослови,* сказано, Господь Бог *Ноя и сыны, его, и рече им: раститеся и множитеся, и наполните землю и обладайте ею. И страх* ваш *и трепет ваш будет на всех зверех земных, и на всех скотех, и на всех птицах небесных, и на всех движущихся по земли, и на всех рыбах морских: в руце ваши вдах (я)* (9, 1-2).

4. Когда таким образом слово наше достигло сего, состоя в изложении буквального смысла и истории, то с этой стороны, как я думаю, совершенно ничего не опущено. Теперь по следам сказанного, проводя сокровенное внутри его умозрение, исследуем таинство Христа и покажем — как образ совершенного чрез Него спасения — самого Ноя и относящееся к ковчегу мудрое и неизреченное домостроительство. Итак, Ной рожден Ламехом, не тем, который убил мужа и юношу, но одноименным ему, происшедшим от Сифа. И Господь наш Иисус Христос произошел от Израиля, святого ради отцов, но от народа, единонравного Ламеху и единомышленного убийце и даже одноименного убийце. В одном месте сказано иудеям: *кого от пророк не убиша отцы ваши?* (Деян. 7, 52.) И от Христа: *и вы исполните меру отец ваших* (Мф. 23, 32). А также и устами Исаии сказано: *егда прострете руки (ваша) ко Мне, отвращу очи Мои от вас: и аще умножите моление, не услышу вас: руки бо ваша исполнены крове* (Ис. 1, 15). Затем Ной — одиннадцатый от Адама. В свою очередь и Христос родился по плоти как бы в крайнее и одиннадцатое время и начал домостроительство нашего спасения. Что все это так было и истинно, в том можешь быть убежден

от Священных Писаний. Нанимавший делателей в виноградник за вознаграждение в одиннадцатом часу взывал к некоторым, а это были язычники: *что зде стоите весь день праздны!* Когда же они откровенно сказали: *никтоже нас наять,* — ибо прежде пришествия Спасителя нашего никто не призывал язычников к богопознанию, — Он благостно и милосердно говорит им: *идите и вы в виноград Мой, и еже будет праведно,* отдам вам (Мф. 20, 6-7). И закон, данный чрез Моисея, повелел совершать заклание агнца вечером и при светильниках (Исх. 29, 39 и 41; Чис. 28, 4 и др.), ибо, когда время приходило уже как бы к самому западу и едва не сокращался настоящий век, Единородный — Слово Божие соделался человеком и претерпел за всех заклание, освобождая от наказания и осуждения и делая уверовавших весьма далекими от всякого страха за сие. Сам Он есть истинный Ной, то есть правда и покой: так толкуется это имя; ибо мы оправданы, по Писаниям, *не от дел* праведности, *ихже сотворихом мы, но по* многой *Его милости* (Тит. 3, 5; Рим. 3, 24). Итак, Христос соделался для уверовавших правдою и покоем, если истинно сказанное: *Той мучен бысть за беззакония наша* и предан был *за грехи наша, и язвою Его мы исцелехом.* И еще: *Господь предаде Его грех ради наших,* по слову пророка (Ис. 53, 5-6). Таким образом, поскольку Христос пострадал за нас плотию, мы блаженны и достойны соревнования. Что же? Ужели не к тому мы призваны? Ужели не наслаждаемся небесных дарований и не обогащаемся причастием их, и, свергши неудобоносимое бремя греха, не успокаиваемся наконец в благоденствии духовном? Он Сам призывал нас к сему, говоря: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обременении, и Аз упокою вы. Возмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 28-29). Что Христос имел упокоить нас, об этом и Архангел Гавриил предвозвещал Святой Деве, говоря: *не бойся Мариам: обрела бо еси благодать у Бога. И се зачнеши во чреве, и родиши сына, и нарече имя Ему Иисус: Той бо спасет люди Своя от грех их* (Лк. 1, 30-31; Мф. 1, 21). А также и божественные пророки точно предвозвещали имевший чрез Него быть покой. Так один из них гово-

рил: *дерзай Сионе, да не ослабеют руце твои. Господь Бог твой в тебе сильный спасет тя, и обновит тя в любви Своей* (Соф. 3, 16-17). Исаия же едва не наглядно представляет дело, говоря: *укрепитеся, руце ослабленыя и колена разслабленая; утешитеся, малодушнии умом, укрепитеся, не бойтеся: се Бог наш. Се Господь с крепостию идет, и мышца Его со властию. Аки пастырь упасет паству свою, и мышцею своею соберет агнцы, и имущия во утробе утешит* (Ис. 35, 3-4; 40, 10-11).

5. Но скажем теперь и о бывшем смешении, и взаимном слиянии родов, святого, говорю, и не такового, то есть скверного и гнуснейшего. Как происшедшие от Еноса, по прозванию бога, воспламенились любовию к дщерям человеческим, вследствие чего тотчас соделались инонравными и, решившись жить по их нравам и законам, стали недуговать отпадением ко всему наихудшему, так и происшедшие от семени Израиля пока проводили святолепное житие и были ревностнейшими подражателями прародительского благочестия, удаляли от себя всякий вид порочности и соблюдали в себе совершенно неповрежденною похвалу доброхвального жития. Когда же вошли в общение с сопредельными племенами (языческими), хотя закон и осуждал это, то вскоре исполнились присущей им мерзости, стали удобопреклонны и легко совратимы ко злу, и в чем самом дурном не могли быть изобличены? И вот что всего более странно: язычники, хотя и служили твари помимо Создателя и Творца и уклонились в заблуждение многобожия, однако с полною искренностию чтили демонские скопища; Израиль же, святой по происхождению свыше и от отцов, совершенно за неважное считал отступничество. Посему Бог устами святыми говорит ему: *приидите во островы Хеттим, и видите, и в Кидар послите, и разсмотрите прилежно, и видите, аще сотворена быша таковая: аще премениша языцы боги своя, и тии не суть бози; людие же Мои премениша славу свою на то, от негоже не уползуются. Ужасеся небо о сем и вострепета* земля *по премногу зело, глаголет Господь. Два бо зла сотвориша людие Мои: Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы*

сокрушения, иже не возмогут воды содержати (Иер. 2, 10-13). И еще: *по числу бо градов твоих, быша бози твои, Иудо, и по числу путей Иерусалимских жряху Ваалу. Вскую глаголете ко Мне? Вси вы беззаконновасте, и вси вы нечествовасте ко Мне, глаголет Господь* (ст. 28-29). Они доходили до такой степени развращения мыслей, или лучше действий, что имели сообщение с женщинами, блудно живущими. Когда же они рождали, и когда нужно было тотчас же назнаменать младенцев признаками служения иудейского, именно обрезанием в восьмой день и жертвами при сем; тогда они уносили от освященного народа в дар нечистым демонам. И в этом-то смысле, как я думаю, сказано о них устами пророка: *сынове чуждии* рождены им (Пс. 17, 46). Посему, так как святой род чрез соприкосновение с худшим был, наконец, поврежден и, что касается до качества и различия в мнении, образе жизни, и нравах, все это сведено было в нем к одному, то Зиждитель всяческих по справедливости решил погубить Израиль и все народы, существующие на земле. Но побеждаемый врожденною благостию, Он навел гнев, не равносильный грехам их. Дабы не совсем погиб род земной, Он предуказал чрез Ноя как бы оправдание в вере и отпущение чрез воду. Посему-то соделался человеком *и с человеки поживе* Единородный, согласно написанному (Вар. 3, 38),— истиннейший Ной, который в прообразе древнего оного и славного ковчега устроил Церковь. Входящие в нее избегают угрожающей миру погибели. Так и божественный Павел истолковывает таинство о ковчеге, говоря: *верою ответ приим Ное, сотвори ковчег во спасение дому своего* (Евр. 11, 7), в *немже,* как и Петр говорит, *мало, сиречь, осмь душ спасошася от воды, егоже воображение ныне и нас спасает крещение, не плотския отложение скверны, но совести благи вопрошение у Бога* (1 Пет. 3, 20-21). Каким образом был устроен ковчег? *Трех* сот локтей, сказано, *сотвориши долготу ковчега, и пятидесяти широту, высоту же тридесяти. Собирая сводом сотвориши ковчег, и в лакоть свершиши его свыше* (Быт. 6, 14-16). А что такое устройство указывало на таинство Христа, хотя и очень неясно, это для всякого может быть явно, и очень легко, из того, что божественный Павел пи-

шет к оправдываемым в вере, что он творит о них непрерывную молитву: *да* возмогут *разумети со всеми святыми, что широта и долгота и высота и глубина, разумети же преспеющую разум любовь Христову* (Еф. 3, 18-19).

6. Какой смысл размеров ковчега? Они представляют прямое и отчетливое указание на Святую и Единосущную Троицу, и на Единое Божество, имеющее целость и совершенство во всем. Это может видеть всякий указываемым в предлежащих числах, обращая внимание на то, что богодухновенному Писанию обычно делать символами совершенства те числа, которые имеют кругообращение в самих себе. Так, например, седмеричное число, начинаясь от первого, в субботе завершается в седьмом дне. Затем опять мы исчисляем дни по порядку, начиная от первого и доводя опять до седьмого. Подобным образом и достигши десятого числа, мы опять идем, начиная от первого в следующем десятке. Точно таким образом и на том же основании слагается и совершенное из совершенных число, то есть сто, состоящее из десяти десятков и имеющее кругообращение и возвращение опять к единице. Как я сказал, символом совершенства в Божественном Писании служит всякое число, как бы возвращающееся назад по достижении приличествующего ему и назначенного предела. Итак, усматривай же всесовершенство Святой Троицы как бы в трехстах локтей: ибо такова длина ковчега. А что совершенство совершенств, так сказать, есть Божество в единице, на это очень хорошо указывает широта, достигающая пятидесяти локтей, то есть как числа, состоящего из семи седмиц, с присоединением единицы, потому что естество Божества едино. Да и самая высота не иную порождает в нас мысль, как эту. Она достигает трех десятков локтей, но сокращается опять в одном самом верхнем и превысшем, ибо *тридесяти,* сказано, *локтей высота его,* и в один *локоть свершиши его* (Быт. 6, 15-16). И Святая Троица, как бы расширяясь в три различия Ипостасей и собственных Лиц, так сказать, сокращается во едином естестве Божества. Эллины чтут путь заблуждения многобожия. Мы же, Отца и Сына и Святаго Духа, счисляя и полагая Их

истинно в собственных Ипостасях, обыкли венчать единством естества. И в тождестве существа едва не собирая все к вершине, завершаем в одном локте долгий и широкий и высокий ковчег. Итак, спасает нас верою Христос и как бы в ковчег вводит нас в Церковь, в коей пребывая, мы избавимся от страха смерти и избегнем осуждения вместе с миром, ибо с нами праведный Ной, то есть Христос.

7. Заслуживает, я думаю, тщательного и тонкого исследования также то, кого должно разуметь под вошедшими с Ноем в ковчег и получившими спасение чрез веру и воду. Написано, что *вниде Ное в ковчег, и сынове его, и жена его, и жены сынов его с ним* (Быт. 7, 7). Вместе с ними ввел он туда и из всех животных и пернатых, чистых по семи, а нечистых по два. Так угодно было постановить Богу. Имена сынам его были: Сим, Хам, Иафет. Сим значит *растение* и *совершенный,* Хам — *теплота,* а Иафет — *широта*[1], ибо спасены во Христе чрез веру мы, из несовершенного как бы жительства по закону, наподобие некоторых нежных веток, пересаженные на совершенство евангельского наставления. Посему и божественный Давид порицал народ Иудейский, не принимавший оправдания во Христе, говоря: *возлюбил еси злобу паче благостыни, неправду неже глаголати правду. Возлюбил еси вся глаголы потопныя, язык льстив* (Пс. 51, 5-6), ибо они неудержимо злословили Сына. *Сего ради,* говорит он же, *Бог разрушит тя до конца: восторгнет тя, и преселит тя от селения твоего и корень твой от земли живых* (ст. 7). О возлюбивших же оправдание и жизнь во Христе: *насаждени в дому Господни, во дворех Бога нашего процветут* (Пс. 91, 15). А что не без Божественного и мысленного огня и не без теплоты Духа произвел в нас Еммануил посылаемую от Него благодать, в этом удостоверит нас и божественный Павел, желающий, чтобы призванные к освящению являлись *духом горяще* (Рим. 12, 11). Отнюдь не менее того утверждает нас и мудрый Иоанн, говоря: *аз убо крещаю вы водою в покаяние, Грядый же по мне креплий мене есть, Ему же несмь достоин сапоги поне-*

[1] Ср. выше объяснение тех же имен.

сти. Той вы крестит Духом Святым и огнем (Мф. 3, 11). Ибо охладела любовь иудеев по той причине, что умножилось беззаконие их, как написано (Пс. 15, 4). Очень теплы к тому же и мы. Посему говорим: *кто ны разлучит от любве Божия? скорбь ли, или теснота, или глад, или гонение, или нагота, или беда, или меч?* (Рим. 8, 35.) Итак, очень ясным образом горящих духом может служить Хам, имя которого значит теплота. А что мы приведены и к широте сердца, избегая скорби жизни законной, на это указывает нам третий, Иафет, имя которого означает *широту,* ибо к иудеям взывал Бог устами Исаии: *услышите слово Господне мужие озлобленнии, и князи людей сущих в Иерусалиме* (Ис. 28, 14). И еще: *услышите* утесняемые (Ис. 66, 5). Вышедший из этой тесноты в законе Павел взывает к некоторым, уже уверовавшим: *уста наша отверзошася к вам, Коринфяне. Сердце наше распространися. Не тесно вмещаетеся в нас, утесняетеся же во утробах ваших. Тожде же возмездие, якоже чадом глаголю, распространитеся и вы. Не бывайте (удобь) преложни ко иному ярму, якоже неверни* (2 Кор. 6, 11-14), ибо они еще следовали правилам иудейским и бесполезным пустым советам. Поет также в одном месте и Давид Спасителю всяческих Христу как бы от лица нового, христианского народа: *путь заповедей Твоих текох, егда разширил еси сердце мое* (Пс. 118, 32); ибо расширился ум наш для премудрости, так как вселился и обитает в душах всех чрез Духа Еммануил. Таковы суть те, которые — во Христе чрез веру.

8. Что чистейшее общество оправданных верою весьма многочисленно, а общество иудейское гораздо меньше, это без труда может всякий узнать из нижеследующего. Ной ввел в ковчег по семи из животных чистых, но по два — из нечистых, то есть убийц Господа иудеев, ибо спасен *останок,* по слову пророка (Ис. 10, 22; ср.: Рим. 9, 27). Но предызображено было опять и то, что некоторые из племени Израилева по времени имели отступить и уклониться от веры; ибо *посла,* сказано, из ковчега *врана видети, аще уступила вода:* он же *не возвратися* (Быт. 8, 7). Утонул он, я думаю, в водах, не нашедши опоры и

места для стояния. Посему отпадение и удаление от веры Христовой во всяком случае причиняет погибель. Так и блаженный Павел говорит тем, которые после принятия веры усовершаются или думают быть совершенными в законе: *упразднистеся от Христа, иже законом оправдаетеся: от благодати отпадаете. Мы бо духом от веры, упования правды ждем* (Гал. 5, 4-5). Смотри же, как ворон из нечистых пернатых был отступником, ибо были некоторые из иудеев, которые после принятия оправдания во Христе возвращались назад к теням закона. И о них-то, я думаю, также мудрый Иоанн пишет: *от нас изыдоша, но не беша от нас: аще бы от нас были, пребыли убо быша с нами* (1 Ин. 2, 19). И Дух ясно говорит, что *в последняя времена отступят нецыи от веры, внемлюще духовом лестчим* (1 Тим. 4, 1). Усматривай из сего ясный образ в том, что совершилось чрез Ноя. Он послал первую и вторую голубицу с намерением увидеть, стал ли уменьшаться потоп. Они же возвратились в ковчег, как бы в клетку, причем одна имела в устах своих некоторую ветку, как написано (Быт. 8, 11); а это была ветвь маслины. Посылаются и от Христа святые с тем, чтобы видеть мир и тех, которые в нем. Но они возвращаются, как бы возвещая мир, ибо на это, я думаю, косвенно указывается масличною веткою в устах голубицы, так как это растение всегда служит символом мира. Итак, боголюбивы очищенные верою и как бы в кротости евангельского жития избранны у Бога. Но что и из них некоторые отступят в последние времена, как я сказал недавно, на это также указано в прообразе. Именно третья и последняя голубица посылается и уже не заботится о возвращении, но остается. Когда же потоп окончился, *седе ковчег на горах Араратских* (Быт. 8, 4), имя которых толкуется, как *свидетельство схождения,* ибо высоки и как бы на горах находятся по причине возвышенности евангельского жития сущие во Христе чрез веру, свыше и с небеси снисшедшего Бога Слово всюду проповедующие, к которым и Сам Бог взывал устами пророка: *будите Ми свидетели, и Аз свидетель, глаголет Господь Бог и Отрок, Его же избрах* (Ис. 43, 10). Итак, похвалы тех, которые во Христе, выше мирских предметов.

9. А что Еммануил соделался для нас и Архиереем, чрез Которого мы *имамы* и *приведение ко Отцу* и Богу (Еф. 2, 18) и обновлены в изначальное состояние, с разрешением проклятия,— разумею положенное на первозданного,— об этом смотри в написанном далее. После того как высохла земля, *изыде,* сказано, *Ное из ковчега* и все, которые были *с ним. И созда,* сказано, *жертвенник* Богу: *и взя от всех скотов чистых, и от всех птиц чистых, и вознесе во всесожжение на жертвенник. И обоня* Бог *воню благоухания, и рече Господь Бог размыслив: не приложу ктому проклясти землю за дела человеческия* (Быт. 8, 18-21). И чрез несколько слов опять: и *благослови* Господь *Бог Ноа и сыны его, и рече им: раститеся и множитеся, и наполните землю, и обладайте ею. И страх ваш и трепет будет на всех зверех, и на всех скотех земных, и на всех птицах небесных, и на всех движущихся по земли, и на всех рыбах морских: в руце ваши вдах (я)* (Быт. 9, 1-2). Итак, когда Христос соделался Архиереем нашим, и мы принесены были Им мысленно в воню благоухания Богу и Отцу, тогда мы богатно удостоены были и благоволения Его и имеем твердое обетование, что смерть уже не будет иметь силу над нами. Прекращены и последствия гнева, устранены и последствия оного древнего проклятия. Мы благословены во Христе, чрез Которого и с Которым Богу Отцу слава со Святым Духом во веки веков. Аминь.

Библиотека отцов и учителей Церкви:
Свт. Кирилл Александрийский. Творения.
Книга 2-я.– М., 2001.– с. 30-44 (в сокращении).

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 1500 экз. Заказ № 2041

О наготе Ноя и о Хаме
О столпе и его устройстве

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна, по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс. 118, 105).

О наготе Ноя и о Хаме

1. После того как все совершено было относительно ковчега и прошел потоп, когда Ной стал возделывать землю, тогда пусть слово наше исследует еще то, что сделано было ему от Хама. Оно, конечно, убедит избравших жизнь законную совсем ничего не ставить выше уважения к родителям и избегать, как самого опасного во всех отношениях дела, насмешки над ними, хотя бы они, увлекаемые немощью природы, легко уклонялись и к неприличному. Что мы обязаны всегдашним почтением к родителям, о том и Божественный закон наставляет нас. Повелев наперед любить единого и по естеству Бога от всей души и от всего сердца, он говорит: *чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли* (Исх. 20, 12), ибо родители как бы изображают собою Бога и подражают Ему. *Помяни,* сказано, *яко тема* [теми] *рожден еси* (Сир. 7, 30). Посему еще сказано: *око, ругающееся отцу и досаждающее старости матерни, да истогнут е вранове от дебрия* (Притч. 30, 17). Итак, что проклятием и осуждением преследуется мысль о том, что не должно чтить родителей и оказывать им всякое уважение, об этом всякий очень легко может узнать и из примера Хама. *Быша,* сказано, *сынове Ноевы, изшедшие из ковчега: Сим, Хам, Иафет; Хам же бяше отец Ханаань. Трие сии суть сынове Ноевы: от сих разсеяшася по всей земли. И начат Ное человек делатель (быти) земли, и насади виноград, и испи от вина, и упися, и обнажися в дому своем. И виде Хам, отец Ханаань, наготу отца своего и, изшед вон, поведа обема братома своима. И вземше Сим и Иафет ризу, возложиша (ю) на обе раме свои, и идоша вспять*

зряще, и покрыша наготу отца своего. И лице их вспять зря, и наготы отца своего не видеша. Истрезвися же Ное от вина, и разуме елика сотвори ему сын его юнейший. И рече: проклят (буди) Ханаан отрок, раб будет братиям своим. И рече: благословен Господь Бог Симов, и будет Ханаан отрок (раб) ему. Да распространит Бог Иафета, и да вселится в селениих Симовых, и да будет Ханаан раб ему (Быт. 9, 18-27).

Ной, насадив виноград, покончил труды свои и впал в необычное состояние опьянения. Вследствие неожиданного опьянения, он невольно обнажился и в таком положении был дома, не видимый многими. Не твердый же в мыслях, разумею Хама, сделал неприличие зрелища сего поводом к преступной насмешке, тогда как должен был бы одеть и даже защитить родителя, побежденного опьянением и подвергшегося дурным последствиям излишнего употребления вина. Но оставив это и пренебрегая почтением к родителю, он стремится сделать и других свидетелями этого зрелища и, сделав из старца как бы театральную сцену, убеждает и братьев к смеху. Они же были выше его худого совета и, порицая случившееся и безобразие зрелища скрывая одеждами, шествовали *вспять зряще*. Они предпочитали быть благочестивыми и уважать чресла отца, чрез которые получили и бытие. Когда же отец, пробудившись, узнал дело, то сейчас проклял того, который безрассудно нарушил законы приличия и уважения к нему, и по справедливости наложил на него иго рабское, именуя Ханаана ради происшедших от него хананеев, которые и имели быть причастными наказанию его, ибо он наказываем был со всем родом своим. Но почтившие Ноя были благословены от него.

2. Гадательно указываемо было еще и на другое таинство, касающееся иудеев. Три народа было всех: бывший в первое время, как и Сим; бывший в среднее время, соответственно проклятому Хаму, наконец третий, подразумеваемый в послед-

нем — Иафете, имя которого толкуется как *широта*. Когда же Бог и Отец открыл нам Сына Своего, Который означается посредством чресл и, насколько можно сказать в отношении к мысленной красоте Божества, безобразен и непривлекателен по причине человечества, ибо Он, *не имеяше вида, ни доброты,* по слову пророка (Ис. 53, 2),— тогда, и только тогда, как могло бы засвидетельствовать и самое событие вещей, первый и последний народ, то есть как в начале и в числе первых уверовавшие, так и призванный в последних, постыдились Еммануила. Они же и благословены чрез Него от Бога и Отца. А бывший посреди двоих как бы посмеявшийся над Христом по причине безобразия человечества и от Бога явившегося Сына многообразно обесчестивший подпал состоянию рабства и потерял свободу отцов. Но что уверовавшие в последние времена из иудеев имели быть общниками и едва не домочадцами первых так же, как и собранными в один город или двор, или дом, то есть в Церковь, на это указал, сказав: *да распространит Бог Иафета* (Быт. 9, 27), то есть третьего и последнего, так как Иафет — третий; *и да вселится в селениих Симовых* (ст. 27), то есть первого, *и да будет Ханаан раб их* (там же). Это, я думаю, означает то же самое, что сказал Христос народу Иудейскому: *аминь, аминь глаголю вам; яко всяк, творяй грех, раб есть греха. Раб же не пребывает в дому во век, сын пребывает во век. Аще убо Сын вы свободит, свободни будете* (Ин. 8, 34-36). Ибо посмеявшиеся над домостроительством Спасителя нашего несчастные иудеи, не почтившие Его откровения, бывшего к нам от Бога и Отца, пребыли в духе рабства.

О столпе и его устройстве

Ничего недоставало для человеческой природы к тому, чтобы быть хорошею и благоденствовать, ибо Творец всяческих сделал ее полною и исполненною всякого блага. Но

прежде бывшая великою, в короткое время она, вследствие повреждения, уменьшилась, потеряв то, чрез что была почтенною и прекрасно созданною для великой славы. Каким образом? — Посредством изменения нетления в Адаме в тление, ибо сказано было ему: *земля еси и в землю отыдеши* (Быт. 3, 19). Затем она лишена была духа, потому что, когда Бог видел, что живущие на земле хотят думать об одних только нечестивых и гнуснейших страстях плоти, то сказал: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Но вот она испытывает еще и иное нечто.

Некоторые, осужденные за нечестивые намерения и безрассудные пустые советы, начинают говорить и языком иным и несогласным. *Бе,* сказано, *вся земля устне едине, и глас един всем. И бысть внегда поити им от восток, обретоша поле в земли Сенаарстей, и вселишася тамо. И рече человек ближнему: приидите, сотворим плинфы, и испечем их огнем. И бысть им плинфа в камень, и брение вместо мела. И рекоша: приидите, созиждем себе град и столп, егоже верх будет даже до небесе, и сотворим себе имя, прежде неже разсеятися по всей земли.* Затем сходит Бог, как говорит Священное Писание, смешивает языки их и рассеивает их по всей земле (Быт. 11, 1-9). Бог всяческих не одобрял их предприятий и не допустил исполнения их; но так как они задумали нечто надменное, то Он, руководясь врожденною благостию, останавливает их предприятия смешением языков, означая этим, что намерения, превышающие возможность человеческую и неисполнимые, Он не оставляет ненаказанными. Он смешивает самые языки, которые и нуждаются в одном только художестве и могуществе Зиждителя, и относиться могут не к кому другому, как только к Нему Одному.

Преобразование языка и разделение речи на звуки различные всякий по справедливости и поистине припишет также только Одному и по естеству Зиждителю. И по

справедливости совершенное ими вполне заслуживает осмеяния, ибо они предположили,— не знаю каким образом,— что они во всяком случае и непременно могут из кирпича и земли построить столп вышиною до самых небес. Могут быть, думаю, и они образом неразумия иудеев, предполагавших найти свое родство с Богом, но только не в приближении к небу, не в желании делать угодное и любезное Ему, не в вере во Христа, а как бы восстановлением некоторого столпа,— в невежественном превозношении одною только пустою славою отцов. Они постоянно изобличаемы были в том, что повсюду выставляли имя Авраама и как бы созидали славу свою на земных похвалах. Но Бог положил запрещение на строивших столп и разделил их на многие языки. Случившееся тогда с ними мы считаем как бы некоторым предвозвещением случившегося с иудеями, ибо и их, очень высоко думавших о себе и искавших пути на небо не посредством того что должно, Бог рассеял во многие языки, то есть во все народы.

Будучи изгнаны из страны, города и домов своих, они рассеяны и стали *заблуждающии во языцех,* по слову пророка (Ос. 9, 17). Но во Христе многоязычие было добрым знамением, ибо, когда собраны были ученики в день Пятидесятницы в один дом, *бысть,* сказано, *внезапу с небесе шум, яко носиму дыханию бурну, и исполни весь дом, идеже бяху седяще, и явишася им разделени языцы, яко огненни, седе же на едином коемждо их. И исполнишася вси Духа Свята, и начаша глаголати иными языки, якоже Дух даяше им провещавати* (Деян. 2, 2-4). Что же говорили они? С помощию Духа говорили о шествии на высоту, о восхождении на небеса во Христе чрез веру и о стечении всех языков вселенной, или народов, или племен к единению в Духе, ибо всякий язык смертных исповедывался Христу и глаголал тайны Его. Итак, многоязычие при столпотворении было знамением рассеяния и изгнания во все народы, а при Христе — знамением стечения к единению чрез Духа и шествия на высоту, ибо Христос

соделался для нас столпом *крепости,* по слову Псалмопевца (Пс. 60, 4), преводя находящихся на земле в вышний град и соединяя с ликами святых Ангелов.

Библиотека отцов и учителей Церкви: Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 2-я.– М., 2001.– с. 44-48.

2004 год

Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография».
Тираж 1500 экз. Заказ № 2088

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 591

“Се́рдца требует Господь...”

Из писем святителя Филарета (Дроздова), митрополита Московского и Коломенского

Поистине благо человеку, когда Господь Иисус Христос есть его сердце и его жизнь, и не только ему, но через него и приближающимся к нему. Ибо всякая сила в средоточии, такая распространяется и в окружности и действует в ней. И обратно, лишающий себя сего дара своим нерадением лишает чего-нибудь, может быть, и других. Господу помолимся, да будет сердцем живущих Ему и животом умерших себе и миру, смертью же для тех, в коих живет еще ветхий человек, дабы по крайней мере не распространять жизни ложной, когда надлежало бы жить истиной и ее распространять.

Если жалуемся на леность и холодность, то надобно поискать, не впал ли в душу какой из тех помыслов, кои тяготят долу, а не воспаряют горе, а это помыслы, в коих что-либо присвояется или приписывается себе: успех дела, похвала, замечание недостатков ближних с перевесом в нашу пользу.

Из глубины в день можно видеть звезды. Только глубина должна быть узкая и крутая, малодоступная солнечному свету. Чем глубже человек в смирении, тем лучше видит небо.

Наше дело нести налагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским терпением, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях, а бодрствовать над собой и крепиться, дабы, изнемогши, не лишиться уготованной награды. Господь не говорит: уходите, когда вам трудно, нет, будьте там, где поставлены, делайте порученное вам до последней

возможности. Только тогда, когда гонят, не сражайтесь, а отходите. Если бы смотрели только на свое недостоинство, то все могли бы убежать от своих должностей, но мы должны взирать на волю и устроение Божие и, где Провидением Божиим поставлены, там по возможности трудиться и действовать.

В уповании на Бога понесем трудности и сохраним наш мир, хотя бы не встречали его со стороны других. Ибо речено: "С ненавидящими мира бех мирен" (Пс., CXIX, 6—7). Да дарует же Господь и им возлюбить мир.

Горьким горькое усладить не можно, а только сладким. Так и горькие случаи не могут быть услаждены горьким о них суждением, а кротость, терпение и любовь могут не только усладить проистекшее из горького источника, но и горький источник исправить.

Приятно вспоминать в молитве души, о которых знаешь, что они зрят к Господу и в Нем сближаются с нами, и Он один ведает, кто из двух более благотворит другому — молящийся или просящий молитвы. Молитва приближает к Богу, и близ сего средоточия существ и миров неразлучно то, что является разлучением в мире перемен.

Сердца требует Господь. Молитву Церковь влагает в уста, чтобы она проникла в сердце. Душа молящаяся усильно не входит ли в общение с тем, за кого молится? В сем общении не простирается ли иногда ток силы к душе, ищущей помощи?

Смотрите спокойно на людей, которые не видят, что творят, произнося немирные слова и, следовательно, лишая мира самих себя прежде, нежели нарушат его в других. Я сказал бы: смотрите на них с сожалением, если бы не опасался того, чтобы тут не вкралось осуждение ближнего. Бывало, искали достоинства в том, чтобы

говорить мягко, а теперь ищут его в том, чтобы говорить резко, и потому говорят иногда хуже, нежели думают.

Если за благотворительное дело надобно заплатить терпением неприятных слов, пусть Вас не затрудняет чистая уплата. Хорошо, что надобно платить такой монетой, которую не нужно занимать в долг. Не неправедно и не бесполезно будет меру терпения наполнить водою кротости и возлить на огнь ревности, чтобы он горел тихо и не разгорался без нужды до пожара, могущего сверх опасения повредить мирные скинии любви, снисхождения и смирения.

В наш расслабленный век едва ли можно епитимии вести точно следом за правилами — надобно более всего по состоянию кающегося наблюдать, чтобы епитимия вела его к исправлению, предохраняя от двух крайностей — от бесстрашия по причине послабления и от отчаяния по причине строгости.

Теперь посторонние к нам строги, а мы хотим быть к себе снисходительны. По порядку, посторонние должны быть к нам снисходительны, а мы к себе строги. Прекрасен совет отца Серафима не бранить за порок, а только показывать его срам и последствия. В минуты негодования и гнева не надобно позволять себе говорить и действовать, а надобно взять время, утишить страсть рассуждением и молитвою и потом с умеренностью произнести обличение и со снисхождением определить наказание согрешившему. Плод правды сеется в мире творящим мир. Минута искушения показывает, столько ли мы преуспели в духовности, как казалось нам в минуты восторга или в часы мира. Мне кажется, врагов бывает мало, а более — недоброжелательствующих по ошибочному пониманию людей и дел их. На порицание лучше отвечать кротостию, нежели порицанием. Чистою

водою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь. Надлежало бы более трудности находить в том, чтобы судить людей, нежели в том, чтобы смотреть на них просто, как смотрят на колеблемые ветром дерева или на текущую реку, но, видно, и в том есть трудность, чтобы не судить. Что же делать? Надобно учиться постепенно, сперва осуждать себя за осуждение ближних, потом удерживаться от осуждения словом, когда мысль на то подвигнется, далее удерживать самую мысль. Кто довольно знает и судит себя, тому недосужно судить других.

Не бегайте упорно людей: между ними есть люди Божии. Надобно стараться и добрые дела вести с осторожностью, чтобы впереди их не шло наше мудрование и наша воля.

В отношении к людям разных исповеданий надобно со всею свободою и силою открывать убеждение в достоинстве православного исповедания, но в обличении заблуждений и заблуждающихся терпимость, спокойствие, кротость, снисхождение, осторожность так же нужны, как и ревность. Только спокойные и кроткие обличения вразумляют людей, жестокие — более раздражают, нежели пользуют. Можно стучать в запертую дверь с молитвою, но с советами можно войти только в отверстую.

Лучше избыток доверия, нежели избыток подозрения. Ибо лишнее доверие — моя ошибка, а лишнее подозрение — обида ближнему.

Научитесь быть просты, не называть людей изысканными именами, которые выше их, и не заниматься ненужными убеждениями.

В молчании все родится и растет. Дела, о которых рано провозглашают, часто кончаются звуком слов. Хорошо молчание с кротостью и со смирением, хорошо и слово с любовью к добру и ревностью к правде.

Радуйтесь о Господе и тогда, когда образ мира сего не обещает радости, или, что не лучше, прельщает людей веселием, подобным треску терния, горящего под котлом. Наши изуродованные суетой обычаи, не исправляемые и грозным временем, угрожают более, нежели внешние враги. В наше время мы много хвалимся и недовольно каемся. А время советует меньше хвалиться и больше молиться.

Некто, живущий не в монастыре, но монастырски, слышал в видении: монастыри плачут, и вопль их восходит на небо. Я думаю, что монастыри плачут о том, что живущие в них много строят стен каменных, а мало пекутся о созидании дома душевного, от них же первый есмь аз.

Видеть невидимые, но подлинные грехи человеку иногда препятствуют видимые, но мнимые добродетели. Иной, например, без истинной надобности по собственной воле и выдумке обременит тело свое веригами и думает, что он уже вступил в чин истинных Христовых крестоносцев по духу, а не замечает, что на внутренней стороне вериг написано: “В самовольном служении и изнурении тела” (Кол. II, 23). Это, впрочем, говорю не против вериг, для которых есть люди, и времена, и причины. Я знал человека, который, сделавшись болен, говорил себе: “Теперь Господь не требует от тебя ни усилий, которые, может быть, ты употребил бы не вполне, или неверно, или не к делу, ни дел, за которые тебе надлежало бы отвечать, но требует, чтобы ты просто и послушно принимал то, что Он творит с тобою”, и, таким образом, имел в болезни мир более, чем в здоровом состоянии.

Если Вас любят, благодарите Бога за имеющих любовь и за то, что Он дает Вам утешение видеть сие. Бойтесь только думать, что Вы заслужили сие. В чадах Божиих

любит любовь Божия, а она любит и недостойных по снисхождению и человеколюбию. Посему не может человек сказать: “Видно, я достоин, если меня любят”. Нет, милость Божия — то, что тебя любят добрые души; питайся их добротой и любовью и взаимно служи им любовью.

Двум связанным дружбой до того, что скорбь от разлучения их жительством простирается до припадков, надобно сказать, что “в доме Отца Небесного обителей много” (Ин., XIV, 2); что они не могут требовать от Него помещения в одну небесную обитель, ибо там дается каждому то, что уготовано по вере, делам и предопределению; что человек приносит в будущую жизнь то, что стяжал в настоящей; что, следовательно, если бы и на небесах их разделили и поместили в разные обители, они со своей частной привязанностью и скорбью друг о друге не могли бы блаженствовать и, следовательно, были бы неспособны для рая. А поэтому надобно благовременно упрямую частную привязанность умерять и подчинять общей любви, кроткой и послушной. С таким и подобным вразумлением надобно чрезмерно связанных дружбой побудить самих постепенно приучить себя благодушно переносить разлучение.

Кто долго жил любовью к сотворенному, хотя и небеззаконной, и потом познал долг и потребность жить любовью к Несозданному, тот пусть терпеливо переносит ощущение скудости любви. Оно должно иметь место по порядку, когда тварная любовь должна умереть, дабы родилась любовь Божественная. Вы желаете, чтобы Вас научили любить Господа. Но учил ли нас кто любить некоторых любезных нам человеков? Не любили ли мы сильно, не учась любить сильно? Неужели удобнее любить то, что менее достойно любви? “Отпускаются грехи ее

многие, ибо она возлюбила много" (Лк., VII, 47). Где училась она так любить? Вместо елея у нее были слезы покаяния. Любовь Божия к кающемуся, как небесный огонь, упала на них, и светильник ее возгорелся.

"В мире стало пусто,— говорите Вы.— И столь не большое число любезных душ составляет полноту мира". Верно ли это? Почему пусто там, где, как и прежде, пребывает везде Сый и вся Исполняяй? "Я с вами во все дни до скончания века" (Мф., XXVIII, 20). Когда же могло сделаться пусто? Христос с Вами, "исполненный благодати и истины"! (Ин., I, 14).

(Филарет (Дроздов), святитель, митрополит Московский и Коломенский. Мысли и изречения. М., 1999. С. 3-5, 7-8, 13-16, 24, 29-30, 37, 41, 44-45, 52, 64, 72, 81, 84, 98, 110; Принадлежу всем вам: Жизнеописание игумении Спасо-Бородинского монастыря Марии (Тучковой): Письма святителя Филарета Московского к ней. М., 2003. С. 101,103-104,111-116,126,123,130-131, 139, 146.). Календарь на 2005 г. издания Соловецкого монастыря. С. 186-189.

***

В совершенстве владея словом, святитель Филарет необычайно обогатил сокровищницу церковного красноречия. Многие его проповеди переведены на иностранные языки. Он автор богословских трудов: «Записки на книгу Бытия» и «Начертание церковно-библейской истории». Им составлен «Христианский катехизис Православной Церкви». При поддержке святителя начался выпуск «Творений св. Отцев..»

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2006 г.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 592

Об Аврааме и Мелхиседеке

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна, по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс. 118, 105).

Об Аврааме и Мелхиседеке

1. Бог всяческих дал в помощь закон, ибо так написано (Гал. 3, 24). Но то, что закон детоводит, а усовершает уже таинство Христово, не трудно нам видеть из самих Священных Писаний, если мы будем тщательно изыскивать удостоверения в этом и собирать истинное. Достаточно же, думаю, и того, что говорит божественный Павел о двух заветах: *отлагание*[1] *убо бывает прежде бывшия заповеди за немощное ея и неполезное. Ничтоже бо совершил закон: привведение же есть лучшему упованию, имже приближаемся к Богу* (Евр. 7, 18-19). Итак, войти, и очень легко, в близость к Богу может кто бы то ни было не чрез первую, Моисееву, заповедь, но чрез привведение, как сказано, упования, которое взирающему на истину тайноводителю угодно было венчать высшим одобрением. Он ясно говорит об отлагании того, что заключается в законе, и, определяя, что прежде бывшая заповедь не может ни в чем усовершить, пишет к Евреям: *аще бо бы первый он непорочен был, не бы второму искалося место. Укоряя бо их, глаголет: се дние грядут, глаголет Господь, и совершу на дом Израилев, и на дом Иудов завет нов: не по завету, егоже сотворих отцем их в день, воньже емшу Ми их за руку, извести их от земли Египетския, зане тии не пребыша в завете Моем, и Аз нерадих от них, глаголет Господь. Яко сей завет, егоже завещаю дому Израилеву по онех днех, глаголет Господь, дая законы Моя в мысли их, и на сердцах их напишу их, и буду*

[1] Отлагание – отменение.

им Бог, и тии будут Мне людие. И не имать научити кийждо искренняго своего, и кийждо брата своего, глаголя: познай Господа, яко еси уведят Мя от мала даже и до велика их, зане милостив буду к грехам *их, и беззаконий их не имам помянути ктому* (Евр. 8, 7-12). А к сему тотчас присовокупляет: *внегда же глаголет, нов, обветши перваго, а обветшавающее и состаревающееся близ есть истления* (ст. 13). Итак, немощен закон и представляется уже очень недейственным к тому, чтобы, говорю, быть в силах усовершать к освящению. А что оправдание во Христе и служение лучше, о том ты можешь слышать Бога, ясно взывающего устами пророков к тем, которые чтили законное служение и как бы неотступно привязаны были к обветшавшей заповеди, в одном случае: *измыйтеся, (и) чисти будите* (Ис. 1, 16), а в другом: *милости хощу, а не жертвы, и уведения Божия, нежели всесожжения* (Ос. 6, 6; сн.: Мф. 12, 7). Ибо мы помилованы во Христе и в Нем мысленно созерцаем Отца и познаем Того, Который есть Бог по естеству.

2. Очень легко было бы к сказанному прибавить и еще бесчисленное множество подобного же, а к тому присовокупить и слова святых пророков, из которых всякий может видеть, и очень ясно, что служение по закону неприятно Богу. Но чтобы не отвлечь слово от предположенной цели и не сделать длинною речь, переводя ее на другую как бы стезю, мы перейдем к самому божественному Аврааму. Он, когда узнал, что сын брата его Лот неожиданно подвергся опасности (а жил он в Содоме и уже попал в рабство, будучи пленен в войне), вооружает домочадцев своих и некоторых иных из союзников,— Есхола, Анну и Мамврия[2], выводит их против победителей не без мужества и освобождает

[2] Место Библии, которое здесь имеется в виду, читается собственно так: известили Авраама, *иже живяше у дуба Мамврийского, Аморреа брата Есхоля, и брата Авнаня, иже беша союзницы Авраамовы* (Быт. 14, 13)

человека из-под власти их. И вместе с ним спасает великое множество других, обиженных и подвергшихся опасности так же, как он. Когда же он возвращался домой и нес славные знамения мужественно веденной против врагов войны, то к нему естественно вышли навстречу получившие пользу от его трудов. Об этом написано так: *изыде же царь Содомский в сретение ему, повнегда возвратитися ему от сеча Ходоллогоморскаго, и царей сущих с ним, в юдоль Савину* (Быт. 14, 17). Это было поле царя. Прибавляет же, что *и Мелхиседек царь Салимский изнесе ему хлебы и вино, бяше же священник Бога Вышняго. И благослови Аврама, и рече: благословен Аврам Богом Вышним, Иже созда небо и землю. И благословен Бог Вышний, Иже предаде враги твоя под руки тебе, и даде ему десятину (Аврам) от всего* (ст. 18-20). Замечай, как ясно блистают в Мелхиседеке образы совершенства, которое во Христе, и насколько ниже мера служения по закону. Несомненно, что всячески и во всяком случае *меншее от большаго благословляется,* согласно написанному (Евр. 7, 7). А между тем как бы корень происшедших от Израиля, божественный Авраам, а также преимуществующее и избранное в нем самом, — Левий увенчивается славою Божественного священства. Но *он еще в чреслех (отчиих) бяше* (ст. 10), потому что блаженный Авраам был в возможности отцом имевших по времени произойти от него. И это, я думаю, значит мудро сказанное о Левие: *еще бо в чреслех отчиих бяше, егда срете его Мелхиседек* (там же). Итак, праведность по закону благословена от служения во Христе, прообразом которого служит Мелхиседек. А что несравненно превосходнее это благословение, нежели благословение, лишенное силы благословения, в этом разве может кто-либо сомневаться? Но на этом мы ненадолго остановимся более тонким и отчетливым рассмотрением.

3. Быть может, кто-либо и прежде других желающий христианского научения, полюбопытствует о том, кто такой был Мелхиседек. Различные мнения о нем выдумывают некоторые, неразумно впадшие в пустую болтовню и не очень внимающие обычаям богодухновенного Писания. Так одни говорят, что победившему Аврааму встретился и ему одному явился в видении и только в образе человеческом Дух Святый. Другие же не так рассуждают. Опасаясь, как я думаю, уклонения в нелепость при этом мнении, они утверждают, что это была славная и превосходная сила из множества Ангелов. Но их привел к такому мнению недеятельный, как кажется, и презренный их ум. Поскольку, говорят они, Салим значит: *мир* (ср.: Евр. 7, 2); а царем Салимским наименован Мелхиседек, то под ним должен разуметься не человек, а Дух. Мир свойственен Богу, и Сам Он один есть начальник мира. Прибавляют же к сему: если он не имеет *ни начала днем, ни животу конца* (Евр. 7, 3), то не было ли бы поводом к обвинению в безрассудстве усвоение человеку безначальности и бесконечности? Итак, под ним должен разуметься Дух. Хотя он и уподобляется, говорят, Сыну Высочайшего, однако пребывает и священником вовек. Каким же образом мы не будем считать Мелхиседека во всех отношениях не человеком? Затем, приплетая к этим еще другие соображения, они думают утверждать истину, не знаю, на каком основании. Мы же необходимо должны говорить то, что приходит на ум, противопоставляя их предположениям наилучшее и правильное мнение[3]…

9. Будучи научен в законе, Павел ведет речь с иудеями не на основании простых соображений, но на основании Моисеевых

[3] Ср. свод различных мнений о Мелхиседеке и разбор их в книгах св. *Епифания* против ересей т. 2, с. 435-453 по изданию в русском переводе при Московской Духовной академии.

писаний, которым даже и поневоле должны были уступать они, привыкшие ратовать против истины. Итак, он принимает Мелхиседека за подобие и предызображание Христа, называя его царем *правды и мира* (ст. 2), ибо это может приличествовать одному только Тому, Который в таинственном смысле есть Еммануил. Он-то явился виновником и раздаятелем правды и мира для сущих на земле. В Нем мы оправданы (Рим. 5, 1; 1 Кор. 6, 11), отвергнув бремя греха. Имеем и мир с Отцом и Богом, омывшись от стоявшей между Им и нами и разделявшей нас от Него нечистоты нравов и как бы соединяясь с Ним посредством духа, и*бо прилепляяйся Господеви,* сказано, *един дух есть* (1 Кор. 6, 17). Итак, в переводе на греческий язык *Мелхи* значит: царь, а *Седек — правда.* И всякий может видеть, что Мелхиседек, по собственному своему названию и по силе значения этого названия, есть *царь правды;* а по названию *царя Салимскаго* есть *царь мира* (Евр. 7, 2). Так, на основании ясного и очевидного уподобления Мелхиседека, божественный Павел применил таковое же и ко Христу. Но он принимает и образ высшего, нежели законное, священства в благословении Авраама и в предложении ему вина и хлебов, ибо мы не иначе благословляемся от Христа, великого и истинного священника. Мы благословляемся по благословению божественного Авраама, мужественнейшим образом воюя с князьями века сего, являясь сильнейшими руки неприятельской и ни в чем мирском не нуждаясь, а напротив, считая мысленным богатством то, что происходит от Бога, и славное и неувядающее разделение вышних дарований. Обрати внимание на то, что Авраама, победившего врагов и возвращавшегося *от сеча царей,* как написано (Быт. 14, 17), но не удостоившего взять что-либо от князя Содомского в свою собственность, благословил Мелхиседек (ст. 19). Вождь содомлян говорил Аврааму, как победителю: *даждь ми мужи, а*

кони возми себе (ст. 21); он же, не желая присвоить себе ничего из принадлежащего тому, говорит ему: *воздвигну руку мою к Богу Вышнему, Иже сотвори небо и землю, аще от нити до ременя сапожного возму от всего твоего, да не речеши: аз обогатих Авраама* (ст. 22-23), ибо у святых нет обычая радоваться мирскому богатству. Итак, побеждая видимых и невидимых врагов и ничего не принимая от мира, а напротив, чествуя вышнее богатство, мы получаем благословение чрез Христа, Царя мира. Получаем же благословение, принимая таинственное, как бы дар неба и напутствие жизни. Пусть же будет умолчано об этом пока, если угодно. Благословляемся же от Христа и посредством предстательства Его за нас пред Богом. Мелхиседек благословлял Авраама, говоря так: *благословен Бог Вышний, Иже предаде враги твоя под руки тебе* (ст. 20). Господь же наш Иисус Христос, очистилище для всех нас, говорит: *Отче святый, соблюди их во* истине Твоей (Ин. 17, 11 и 17). И из самого толкования имен Апостол извлекает полезное для предызображения Христа. И самый образ священства делает ясным указанием на то же. *Мелхиседек изнесе хлебы и вино* (Быт. 14, 18). Но чтобы он был *без отца* или *без матере,* или же *без причта рода,* или *ни начала днем, ни животу конца имея* (Евр. 7, 3), на это нигде не указало Священное Писание. Так что же, скажет, пожалуй, кто-либо, стало быть божественный Павел обманул нас? Мы не говорим этого. Да не будет! Он говорит истину. Даже более того: искусный тайноводитель принимает и установленное домостроительством повествование о сем, возводя его к прообразу славы Еммануила. Ибо, что Мелхиседек был только священник, об этом объявило нам богодухновенное Писание, не поименовав рода его, или того, от какого отца или матери произошел он; но мы не находим сказания о том, до какого числа лет дожил он, или какие пре-

емства священства оказывается имеющим. Итак, повествование о сем как бы изображает пред нами вечность и безначальность Христа, поскольку Он мыслится как Бог. Безначальность же разумею в отношении к количеству, то есть по времени, ибо Он Сам есть Творец веков. Указывает, кроме того, и на непрерывность священства. Потому, говорит блаженный Павел о Мелхиседеке, что *ни начала днем, ни животу конца имея, уподоблен же Сыну Божию,* он и *пребывает священник выну* (Евр. 7, 3). Но казалось бы, можно еще и нечто иное мудрое предложить; а что это такое, о том я попытаюсь высказаться, насколько могу.

10. Иудеи противодействовали проповеди о Христе и дерзали едва не насмехаться над стараниями апостольскими, противопоставляя следующие два возражения: первое, что невозможно оставлять без исполнения данную отцам устами премудрого Моисея заповедь и отвергать закон, против ожидания вводя иные правила жизни, никому из древних неизвестные; второе же, что не должно, как утверждали они, славе священства выходить за пределы избранного колена, то есть Левиина, так как повсюду Бог устраняет от служения при храме тех, которые не из этого колена, и определяет им прямо крайнее наказание за дерзновение приступать к этому служению. Итак, наученный в законе Павел ведет борьбу против сего и пытается доказать, как из соображений здравого разума, так и из самого богодухновенного Писания, что и обновление закона, и пременение самого священства были предвозвещены в нем, и что указание на то и другое предвоссияло в прообразах. Так он выставляет на вид, что Мелхиседек был не из колена Левиина. Затем показывает, что он есть священник Бога Вышнего, принесший хлебы и вино, и так сказал о нем: *видите же,*

елик сей, ему же и десятину дал есть Авраам патриарх от избранных. И приемлющии убо священство от сынов Левиин, заповедь имут одесятствовати люди по закону, сиречь братию свою, аще и от чресл Авраамовых изшедшую; не причитаемый же родом к ним, одесятствова Авраама, и имущаго обетования благослови; без всякаго же прекословия меншее от большаго благословляется (Евр. 7, 4-7). Но не в природе Мелхиседека мы полагаем преимущество его, а в образе священства, чего не отвергал и праотец Авраам, напротив даже как бы приписывал ему преимущество тем, что оказал ему честь и принес десятины. Получают десятины с народа, хотя и с братии, происшедшие от колена Левиина; а между тем не причитаемый родом к ним, то есть Мелхиседек (ибо он не был из колена Левиина), одесятствовал Авраама и благословил его.

И образ в сем состоит. Христос же, в свою очередь, изображаемый в тенях, не причисляемый к родословию тех, которые на священство поставлены по закону (ибо Он воссиял из колена Иудина, *о немже Моисей о священстве ничесоже глагола,* Евр. 7, 14), одесятствовал сынов Левия, то есть священство законное. Одесятствовал же древле в Мелхиседеке, а впоследствии в Аароне, так как и этот последний одесятствовал сынов Левия, нося в себе образ священства Христова, как мы уже прежде о том сказали.

11. Итак, на Мелхиседеке доказано, что некогда отнимется звание священства от священствовавшего по закону колена, и что воссияет иной образ и закон священнодействия. Ибо необходимо было, чтобы вместе с изменением и отнятием священнодействия изменен и отменен был и самый закон. Посему и божественный Павел любомудрствует об этом и говорит: *аще убо совершенство левитским священством было, людие бо на нем взаконени быша, кая еще потреба, по чину*

Мелхиседекову иному востати священнику, а не по чину Ааронову глаголатися? Прелагаему бо священству, по нужди и закону пременение бывает (ст. 11-12). И опять: *и лишшее еще яве есть, яко по* чину *Мелхиседекову востает священник ин, иже не по закону заповеди плотския бысть, но по силе живота неразрушаемаго: свидетельствует бо, яко ты еси священник во век по чину Мелхиседекову* (ст. 15-17). Видишь ли, как осуждает законное священство, как не могшее привести ни к какому совершенству, показывая всю пользу привнесения лучшей заповеди. Ибо если бы в оном, говорит, была необходимость, то почему не лучше было бы явиться иному священнику по чину Аарона, а не по чину Мелхиседека, который был подобием и образом Христа, уже отнюдь не по плоти священствовавшего, но скорее *по силе живота неразрушаемаго!* Он воспитывает нас для неувядающей жизни таинственными священнодействиями, хотя Аарон священствовал и по плоти. Чрез Аарона совершаемы были принесение волов в жертву и заклания овец и пепел телиц, окроплявший приобщавшихся ему для чистоты плоти, и все другое, кроме сего, не приводившее служащих к совершенству по совести. *Невозможно бо крови юнчей отпущати грехи* (Евр. 10, 4). Итак, когда введен к нам иной способ священнодействия, удаляющий от первых и древнейших обычаев, то иной, конечно, должен быть и священник. И если Бог обетовал Новый Завет, так как первый обветшал, то священником по чину Мелхиседекову, которого прилично было бы представлять и существующим вовек, может быть, не кто иной, как только Господь наш Иисус Христос, чрез Которого и с Которым Богу и Отцу слава со Святым Духом, во веки веков. Аминь.

Библиотека отцов и учителей Церкви: Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 2-я.– М., 2001.– с. 48-51; 63-67.

2004 год
Издание отпечатано в ГУП «Псковская областная типография».
Тираж 1500 экз. Заказ № 2171

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 593

Пресвятая Богородице, спаси нас!

О паниковском крестном ходе

ТРАДИЦИОННЫЙ ПАНИКОВСКИЙ КРЕСТНЫЙ ХОД

Велико заступничество Богородицы! Древняя Псковская земля помнит много случаев чудного ходатайства за тех, кто с верою и надеждой прибегает к Ее всесильному покровительству.

До 1949 года были дальние крестные ходы из Псково-Печерского монастыря: в Печки, Лавры, Качаново, Локно, Залесье и т. д. Сегодня речь пойдет об осеннем крестном ходе в д. Паниковичи. Установлен этот крестный ход 135 лет назад, в 1870 году в память об избавлении Печорского края от холеры по молитвам Божией Матери.

Вспоминает один из старейших прихожан нашей псково-Печерской обители Добролюбов Георгий Иванович: «Около 200 лет назад в погосте Паниковичи и окрестных селениях свирепствовал мор. Было множество жертв. Деревни стали вымирать. И тогда жители обратились в Псково-

Печерский монастырь с просьбой прийти к ним крестным ходом с иконой Божией Матери “Умиление”. Просьба была удовлетворена: монашествующие и миряне, неся на руках чудотворный образ, вышли из монастыря и пришли в Паниковичи крестным ходом. Служились молебны. Верующие с надеждой и упованием молили Пречистую о заступничестве,– и произошло чудо: мор прекратился. Не может не услышать мать детей своих, просящих ее; так и Пречистая Преблагословенная Владычица наша не может не прийти на помощь вопиющим к Ней, ибо Она матерински возлюбила всех, искупленных кровию Сына Своего. Она наша скорая Помощница и Заступница в бедах и скорбях».

С тех пор в воспоминание происшедшего каждый год, в воскресенье сентября, которое следует за усекновением главы святого Иоанна Предтечи, из Псково-Печерского монастыря совершался крестный ход в д. Паниковичи. Икону носили на руках. Обгонять крестный ход было нельзя, и поэтому многочисленное шествие сопровождали телеги и повозки. Навстречу монастырскому крестному ходу выходил местный крестный ход. Встреча происходила у деревни Рассолово, а затем все вместе шли в Паниковскую церковь. Торжественно, под колокольный звон икона вносилась в Паниковский храм, где служились Всенощное бдение и на следующий день Литургия. Шествие, вместе с конными повозками, растягивалось на многие километры. На крестный ход назначались лучшие иеромонахи, иеродиаконы и послушники-певчие. Всю дорогу народ пел ирмосы, каноны, псалмы и разные молитвы. В деревнях, по которым проходили, прямо на улицах служили молебны.

В Паниковичах и теперь этот день не забывается. В 1996 году по просьбе тогдашнего настоятеля Паниковского прихода иеромонаха Сергия (Малецкого) Наместником Псково-Печерского монастыря архимандритом Тихоном испрошено благословение Высокопреосвященнейшего Архиепископа Евсевия Псковского и Великолукского, Свято-Успенской Псково-Печерской обители Священноархимандрита на ежегодное принесение иконы Пресвятой Богородицы «Умиление» в Паниковичи – в память того времени, когда Царица Небесная посещала храмы и селения Печорского края.

После Литургии икона “Умиление” возвращалась обратно в монастырь, а одна из икон, принимавших участие в крестном ходе, на повозке объезжала окрестные деревни. Ее вносили в каждом селении в каждый дом.

На ночлег останавливались в больших домах, где служились молебны и Всенощное бдение. Люди со всех концов стекались, чтобы помолиться и поблагодарить Пресвятую Богородицу. Крестный ход продолжался месяц – до Покрова Божией Матери.

До 1940 года икона носилась на руках, а после ее возили на машине в сопровождении нескольких иеромонахов. Богослужение совершалось на двух языках: церковнославянском и эстонском. Крестные ходы были очень многочисленны: и пешие, и конные, так что в Паниковичах, когда туда приносили икону, трудно было найти место для ночлега”.

И 12 сентября 2004 года иноки Псково-Печерского монастыря также совершили традиционный крестный ход в погост Паниковичи с иконой Божией Матери «Умиление».

Погода в этот день была пасмурная, но она не испортила праздника. К встрече Псково-Печерской иконы Божией Матери прихожане приготовили яркую дорожку из осенних цветов, которая вела от ворот к храму. К началу Литургии храм был полон, но все подходили и подходили люди: и из ближних деревень, и из-за границы – с эстонской земли: женщины, дети, старики – все нарядно одетые, радостные. Все прикладывались к иконе Царицы Небесной. Кто-то, встав на колени, долго молился Божией Матери о своем сокровенном. Неспешно, торжественно служилась Литургия четырьмя священниками, молитвенно пел небольшой хор. Очень многие причащались.

Крестный ход вокруг фундамента Троицкого храма, сгоревшего во время Великой Отечественной войны, продолжался около часа. Во время крестного хода служились и молебен по живущим, и панихида по умершим у кладбищенского креста. Настоятель Печорского храма в честь Сорока мучеников Севастийских отец Григорий произнес трогательное слово о возоб-

Икона Божией Матери «Умиление» из Псково-Печерского монастыря
в Николо-Троицком храме д. Паниковичи

Фундамент Троицкого храма, сгоревшего в 1944 году

новлении Паниковского крестного хода: «Много лет Божия Матерь к нам не ходила, а теперь по благословению святой обители Псково-Печерской возвратилась, чтобы Ее благословение почивало и на нас всех. Проявите веру и любовь к Божией Матери, и Она вас услышит, от Вас требуется только смирение и любовь. Матерь Божия, молись о нас, чтобы Сын Божий избавил нас от бед Твоими молитвами».

Потом все прошли под иконой Божией Матери, и настоятель отец Иннокентий окропил всех святой водой.

Ждали Псково-Печерскую икону Божией Матери и в погосте Залесье, в храме Святой Троицы. И хотя было уже около четырех часов дня, народ не расходился. И здесь крестным ходом также по цветочной дорожке икону пронесли в храм. Белокаменный залесский храм величественный, построен в виде корабля, классической архитектуры. Чтобы сфотографировать его, пришлось выйти за ограду, настолько храм велик. Построен он в 1791 году на средства помещика Василия Степановича Плеще-

Встреча иконы Божией Матери «Умиление» в д. Залесье

ева. Есть в нем и придельный храм в честь святых мучеников Флора и Лавра.

Настоятель отец Георгий отслужил с большим воодушевлением молебен, пели же все, пришедшие в храм: «Пресвятая Троице, помилуй нас! Пресвятая Богородице, спаси нас! Святые Флоре и Лавре, молите Бога о нас!» В заключение отец Георгий сказал: «Пресвятая Богородица наша заступница и помощница. Она самая смиренная, самая добрая, самая кроткая, самая лучшая. Она ближе всех к нам и в этой жизни, и в будущей, загробной. Честнейшая Херувим и славнейшая без сравнения Серафим. К нам пришла наша Царица, Преблагословенная Богородица. Молитесь Ей, просите у Нее, и Она поможет вам. Аминь».

Для всех, молившихся перед иконой Божией Матери из Псково-Печерского монастыря, этот день был великим праздником. Пресвятая Богородица всех принимает и всех, приходящих к Ней, щедро одаривает.

Уцелевшая часть ограды Николо-Троицкого храма д. Паниковичи

Из истории Николо-Троицкого храма д. Паниковичи

Село Паниковичи (сетус.– Панкявитса, эст.– Пангевитса) расположено в 1,5 км. от шоссе Рига-Псков. Откуда точно произошло название села, неизвестно. Народ же объясняет это следующим образом, что вполне вероятно: через село протекает небольшая речка Паниковка, которая в километре от него при деревне Кудрово поникает в землю, т.е. пропадает. Это место в народе зовется «паником».

Начало православия в приходе было положено преподобным Корнилием, игуменом Псково-Печерского монастыря. Монастырь издревле был форпостом Русской земли на ее западных рубежах и первым принимая удары Ливонских рыцарей, он одновременно принимал под свою защиту беглых эстов. С этой целью святой преподобномученик Корнилий выпрашивал у Московских Государей пустопорожние земли для монастыря и поселял на них всех обездоленных.

Так, известно из одной грамоты, что в 1539 г. преподобномученик Корнилий получил леса на три версты от немецкого рубежа, на юго-восток от замка Вастселийна, в Паниковской волости. Тут святой игумен поставил в 1541г. пять деревень, в которых, судя по названиям, поселились латыши, чудь и русские.

Точных данных о том, что преподобный Корнилий устроил в Паниковичах церковь – нет, но, однако, в народе бытует предание, что первый храм был построен именно им.

В 1697 году в д. Паниковичи была перенесена из погоста Тайлова деревянная церковь. О ней упоминается в 1763 г. в полном списке церквей Псковской епархии, причем указано, что прихожан при ней было 1775 человек.

Новая деревянная церковь во имя святителя Николая построена в 1771г. Она сгорела в 1871г., а вместе с ней погиб и церковный архив.

В 1877г. прихожанами и при содействии местного помещика Казимира Антоновича Богушевского была построена новая деревянная церковь на каменном фундаменте и освящена в том же году. Была выстроена и колокольня, на которой висело 6 колоколов. 10-ти пудовый колокол пожертвовал владелец пустоши Приданка Григорий Вавилов в 1914г. Иконостас в церкви был устроен в 1885г., а в притворе – в 1907г.

До 1919г. храм имел довольно благолепный вид, но в этом году был разбит снарядами, серебряные ризы с икон, облачения и вся утварь были похищены. Особенно пострадала от военных действий восточная часть церкви и алтарь, половина иконостаса была полностью уничтожена, сгорел шкаф с документами, разрушена железная печь, уничтожены запрестольные киоты, пожертвованные в 1913 г. крестьянином дер. Воронкино Павлом Захаровым.

Сразу же с приходом мирного времени было приступлено к залечиванию ран. Окончательно церковь отремонтирована в 1924г.

Согласно реформе Эстонского правительства от 22 мая 1935 г. Паниковский приход был разделен на два: Эстонский Свято-Николаевский и Русский Свято-Троицкий.

Эстонский Свято-Николаевский приход

Начало самостоятельности эстонского прихода положено 25 августа 1921г., когда Паниковскую церковь посетил Высокопреосвященный Александр, архиепископ Таллинский и всея Эстонии. К нему обратилась группа прихожан сету с просьбой открыть здесь самостоятельный эстонский приход. Просьба прихожан была удовлетворена только частично: приход открыт не был, но сюда был назначен священник эстонец о. Иоанн Мильтоп (Мельтсаар). Но, как пишет церковная хроника: «Местные эсты (сету) литературного языка не понимают и с детства привыкли слушать богослужения на славянском языке, то и богослужение поэтому большей частью совершались на славянском языке».

Однако 4 декабря 1921г. в Напиской вспомогательной школе Паниковского прихода, находившейся на хуторе Эллерхейна, было совершено Всенощное бдение Петсерийским благочинном архимандритом Иоанном (Булиным) на эстонском языке. Далее эстонские службы в Напи совершал о. Иоанн Мильтоп. Количество молящихся с каждым разом все увеличивалось, и маленькое молитвенное помещение уже не вмещало всех желающих.

В праздник Воскресения Христова 1922 года в Паниковском храме выступил Написко-Лухамааский церковный хор под руководством И. Мореля. Здесь надо ответить, что богослужения в Напи стали посещать и соседние лютеране Вастселиинаского прихода. В 1922 г. учителем в Лухамааскую школу был назначен священник И. Кыйв, который регулярно стал совершать богослужения. В 1923г. в Паниковской церкви состоялась первая катихизация Лухамааской молодежи. Первая литургия в районе Напи-Лухамаа была совершена с благословения митрополита Александра 2 августа 1923г. в Ильинской часовне дер. Теасте (Синицына Гора). Указом Эстонской Апостольской Православной Церкви от 6 марта 1928г. был открыт самостоятельный Лухамааский Свято-Духовский приход, к которому отошло 15 эстонских деревень Паниковского прихода. Но часть деревень, находящихся вблизи Паникович, продолжали оставаться в числе Паниковского смешанного прихода. 5 мая 1935г. произошло общее собрание прихожан, на котором было решено разделиться на два прихода. Окончательное разделение произошло 1 июля 1935г., и службы стали совершаться поочередно: одно воскресение на славянском языке, другое – на эстонском. 10 февраля 1936г. приступили к перестройке храма, т.е. к разделению его на два. Причем больший, Никольский, был оставлен сету.

Много горя перенес приход в 1944 г. В августе-месяце село оказалось на передовой линии отступающих немцев, которые установили пулемет на колокольне храма, наступающие же русские выстрелили зажигательным снарядом по церкви, и она сгорела.

В 1945г. были проведены новые границы между Эстонией и Псковской областью. Большая часть прихода вместе с Панико-

Современный вид Паниковского Николо-Троицкого храма

вичами отошли к РСФСР. Сету, оказавшиеся в Эстонии, объединились в самостоятельный приход.

Паниковские сету, оставшиеся без храма, стали совершать богослуяения в доме протоиерея о. Бориса Бежаницкого. 9 марта 1945 г. о. Борис был переведен в приход Хаанья-Плаани, заведующим эстонским приходом стал о. Леонид Поспелов. Он не захотел отдельных богослужений и стал служить смешанные службы *в* сторожке. В это же время указом Псковского епархиального начальства оба прихода соединены в один с названием Николо-Троицкий.

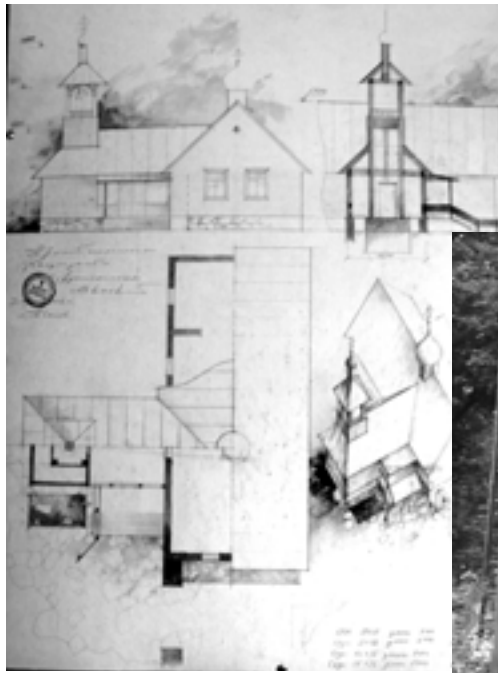
Русский Свято-Троицкий приход

Как уже говорилось выше, русский приход возник в 1935 году. Его нуждам была отдана трапезная храма. 10 февраля была начата перестройка: надо было отделять большой храм от трапезной сплошной стеной, устроить алтарь. Ма-

Крестный ход с иконой Божией Матери «Умиление» к храму в д. Залесье

лое освящение храма было совершено 5 апреля 1936 г. 11 июня в храм прибыл Высокопреосвященнейший Александр, митрополит Таллинский и всея Эстонии, Преосвященный Николай, архиепископ Петсерийский и благочинный округа протоиерей о. Николай Рааг для принятия работ от подрядчика-мастера Михаила Петровича Ульянова. Торжественное освящение храма состоялось 14 июня 1936г. Его совершили: Архиепископ Николай в сослужении священников: о. Н. Раага, о. И. Коведяева, о. В. Быстрова, о. Л. Бурова, о. И. Толстякова; о. Б. Бежаницкого и о. В. Великотного при диаконах: о. В. Савине и о. В. Поспелове. На освящении пело два хора: русский под управлением М. Кая и эстонский под управлением Н. Бежаницкого. В 1939г. было решено строить новый храм. Приступили к сбору средств, но это благое мероприятие не увенчалось успехом.

После уничтожения храма русский приход стал совершать богослужения в сторожке, маленькой и неустроенной. Постепенно это помещение стало расти: в июне 1946 г. с востока был пристроен трехстенок, в октябре 1947г. пристроен коридор, а в мае 1948 г. прирублен еще один трехстенок с запада.



Генеральный план реконструкции Николо-Троицкого храма, утвержденный Архиепископом Псковским и Великолукским Евсевием

Звонница. Современный вид

В настоящее время молитвенный дом бревенчатый и обшитый тесом, на крыше небольшой купол. Внутри храм расписан в 1950 году А. Сергеевым. Иконостаса как такового нет, а имеется сплошная стена с Царскими вратами, полученными в 1973г. из придельного храма Печерского монастырского Успенского собора. Нынешний Антиминс освящен 20 апреля 1958г. и подписан епископом Иоанном (Разумовым). Звонница рядом с храмом. Устроена в 1950 году, и на ней колокола, полученные из Тайловской церкви.

Разработан сейчас и генеральный план реконструкции, с тем чтобы построить вместо молитвенного дома новый вместительный храм с колокольней.

Из истории Троицкого храма погоста Залесье

Каменный храм в честь святой Троицы построен в 1791 году на собственные средства помещика села Новотроицкого Василия Степановича Плещеева. Им же подарены храму 52 гектара земли. Освящен храм в в 1796 году, имеет придел в честь святых мучеников Флора и Лавра. Храм прекрасной классической архитектуры в виде корабля. Над притвором трехъярусная колокольня, завершающаяся шпилем.

В 1919 году в период военных действий храм в течение двух месяцев находился под обстрелом. От артиллерийских снарядов, рвавшихся в храме и близ него, здание оказалось в 17 местах поврежденным сквозными пробоинами. Ни одного стекла в окнах и рамах не уцелело, иконостас главного храма наполовину сгорел. В 1919 году приход приступил к капитальному ремонту храма. Восстановительные рабо-

ты были закончены в 1923 году. Освящение обновленного храма было торжественно совершено 23 сентября 1923 года.
Часовен в деревнях Залесского прихода было девять, и все деревянные. Старое кладбище обнесено каменной оградой, но на нем не хоронят с начала XX века. Новое кладбище рядом со старым.

После молебна
в Троицком храме
д. Залесье

Участники крестного хода 12 сентября 2004 года с иконой Божией Матери «Умиление» из Псково-Печерского монастыря в Паниковичи – Залесье

2004 год
Издание отпечатано в ГППО «Псковская областная типография».
Тираж 2000 экз. Заказ № 2465

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 594

Духовное утешение

страждущей душе

Из писем преподобного Анатолия (Зерцалова), старца Оптинского, к монахиням

Духовное утешение страждущей душе

Из писем преподобного Анатолия (Зерцалова),
старца Оптинского, к монахиням

Кто от каких скорбей изнывает, а мы с тобой несем скорби собственного сочинения. Господу все хочется, чтобы мы смирялись и походили бы на Него, смиренного и кроткого, и понесли бы, подобно Ему, скорби, хотя и не такие, какие Он нес за наши грехи, а маленькие и в тысячную долю, а мы и совсем не хотим Божиего, а чтоб непременно было хоть хуже, да наше.

Господу, Спасителю нашему, за спасение наше умершему позорною крестною смертию, хочется всех спасти. Он зовет, учит, угрожает — а мы что? Мы себе почиваем на одре лени и самообольщения, а о спасении и думать забыли. Некогда: надо то пороптать, то поспать, то посудить других, а других-то много, ну и некогда подумать о душе своей и о вечности!

"Наказуя, наказа мя Господь; смерти же не предаде мя" (Пс, CXVII, 18). Для чего же? Чтобы мы покаялись. И остепенились. А мы с тобой так, кажется, и сгнием бессознательно. Нам все мгла-то страстей не нравится. Поди ты. Нам бы все солнце правды сияло, а люди за это молились бы, постились. Люди бы смирялись, а мы бы смеялись. И утешение все-таки нам подавай. Неразумная *послушница, да в этом-то* весь и секрет, чтобы потомить-то нас. "Елико внешний человек тлеет, толико внутренний обновляется по всяк день" (2 Кор., IV, 16). А нам бы с тобой с салом так и ввалиться бы в рай. Господь хочет нам не только даровать вечную жизнь, но и еще

сделать искусными, а без скорбей сего сделать нельзя. “Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ”. Значит, и мы, если хотим умертвить свою смерть, должны умереть произволением.

Уныние неизбежно для тебя, потому что никаких вольных скорбей не несешь. От скорбей и напастей лучшее средство — не утешение, а терпение. Кому нужно и полезно понести скорбь, тому вся мудрость Соломона не поможет. Потому что мудрость и совет научают, а скорбь выбаливает страсть или грех. И научает человека не словом, а делом. Потому-то и велики святые, что научились духовной мудрости от опыта и боли сердечной.

Ты просишь наставления и назидательного урока, как бы тебе не сбиться с истинного пути. Начни со смирения, делай со смирением и кончай смирением — и вчинишься со святыми. Это путь, то есть путь смирения, самый надежный и, как говорят отцы, “непадательный”. Ибо куда может упасть смиренный, когда он считает себя хуже всех? Да и как не смиряться, когда Иисус, Бог богов и Господь господей, “смирил Себя даже до смерти, смерти же крестныя”? (Флп., II, 8)

Сестра уже преклонных лет, 26-й год живет на свете. И все еще ее не оставили страсти. Удивительно — такая почтенная старость — и страсти. Должно быть, ты слышала, да не поняла, что “седина есть мудрость человека, а возраст старости житие нескверное” (Прем. Солом., IV, 9). Бывает, что Господь, особенно смиренным, дает рано бесстрастие, а то так и умрет в борьбе. Но такой не значит погиб. А сказал некто: таковый сопричислится к мученикам. А тебе хочется узнать, в каких годах оставят страсти? Давно сказано: “Несть ваше разумети времена и лета, яже положи Бог во власти Своей” (Деян., I, 7).

Кто учится мастерству какому-нибудь, то неужели сразу возьмет шило, дратву или там топор, кисть и сделает тотчас сапог, шкаф, картину?

Если этого не может быть в действительности, то как же ты хочешь сразу научиться науке наук? Стало быть, и здесь, как в мастерских, человек грешный, поступающий в монастырь для приготовления себя к вечной жизни, не делается сразу святым, а прежде многажды погрешает, портит начатое дело и за это получает от близких, особенно от высших себя, укоризны или наказания. Так и живет, учась и смиряя себя. И возрастает потом незаметно в меру возраста исполнения Христова.

Еще прочти у аввы Дорофея в середине 14-го поучения о лестнице. Прочти да заруби, хорошенько заруби где-нибудь у себя. И благодушествуй. Если бы ты помнила эту лестницу, то не поспешила бы смутиться, что в сердце не можешь смириться. Ну, скажи, пожалуйста, куда ты лезешь?! Ведь ты сигаешь-то целиком на верхние ступеньки. Посвящаемый во иеродиакона великий Моисей Мурин на оскорбление его сказал: “Смутихся и не глаголах”. А каширская преподобная не хочет равняться с Моисеем. Ей дай такое смирение, чтобы и в сердце не копало. Ты хоть наружно-то смирись! А то смирение постигается и достигается не горбом и ползаньем, а силою Животворящего Духа.

Пишешь, что тебе кажется, ты лишняя, хотя этого тебе никто не говорил. И спрашиваешь, отчего это? Тебе эту задачу разрешил бы наш почти всякий послушник: “Оттого, что ты не первая”. Если бы у тебя было чувство христианского смирения, ты никогда и не подумала бы, что о тебе обязаны другие помнить, что ты стоишь того, чтобы быть в ряду,— словом, что ты не лишняя. Тотчас же просишь совета, как от этого избавиться и что ты нетерпелива и раздражительна. Как избавиться, давно изрекла Истина: “Научитеся от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем и обрящете покой” (Мф., XI, 29).

Известно, от чего гнев происходит. Пес, когда не дают ему или отнимают кусок мяса, рвет и лает. Значит, и мы с тобою

любим свою вольку. И если нам препятствуют улучить ее или не обещают покоя, мы, особенно я, лаем и, пожалуй, кусаем брата (а сестра сестру). Всмотримся же в истинную причину зла и познаем дело. И поспешим врачеваться. Или по крайней мере зазрим себя.

Тебе кажется, что у тебя послушание более всех, а мне кажется, что у тебя гордости более всех. Иначе не пришла бы тебе в голову такая мысль. А что трудно тебе, в этом я уверен. Ибо всем трудно спасти свою душу.

А что тебя не жалуют, не смущайся. Когда нужно смирить человека, то не только начальница, сестры, чужие, свои, даже, по слову Исаака Сирина, вся тварь восстанет на такого человека. А ты еще говоришь, что хуже всех — и ленива, и сонлива, а вот делом стали смирять, мишура смиренномудрия твоего и сползла, и показала суть.

Очень жалею, что тебя немилосердные сестры на крест повесили. А может быть, им велел это сделать Сам Господь Иисус Христос, чтобы ты уподобилася Ему? А кто уподобляется Христу в распятии, тот уподобляется и в воскресении, и вознесении на небо. Это верно. А потому не жди, чтоб я тебе сказал: “Сниди со креста”. Ибо и Господь, когда Ему это говорили жиды, не послушал их. Повиси еще на кресте, дозреешь, вкусный плод Небесному Жениху будешь!

Святой Исаак Сирин учит, что “грешаща человека милует Бог кающагося, ропотника же не простит, если не накажет”. И потому всеми силами смиряйся. А что строги к тебе иные, тем не смущайся. Строгость многих спасла, а поблажка многих погубила. Учись быть кроткой и молчаливой — и будешь любима всеми. А раскрытые чувства — то же, что ворота растворенные: туда бежит и собака и кошка и гадят.

Ты меня истинно утешила, когда написала, что молитва для тебя уже не так трудна, как была прежде. Говорю о молитве Иисусовой. И слава Тебе, Господи, снисходящему нашим немощам! Постоянно творить ее тебе еще нельзя, ибо, пока не

“вкусит человек, яко благ Господь” (Пс, XXXIII, 9), трудно непрестанно иметь в сердце Иисуса. Но и за то, что есть, слава Богу! Значит, пока держится молитва, не оставляй ее. А главное, во время молитвы окаявай себя, как недостойную произносить имя, непрестанно славословимое на небеси и на земли, ангелами и человеками. А скорби собирай, как сокровище, ибо это очень способствует Иисусовой молитве. А потому враг и научает, и подстрекает всех, кто только может досадить тебе. Я тебя предупреждал давно, что всякий христианин, чем больше держится за эту молитву, тем больше озлобляет диавола, не терпящего имени Иисусова и направляющего на такого людей, даже и близких. Я видел девицу, которую отец родной так возненавидел, что хотел убить. Только та проходила умную, чего тебе нельзя еще.

Постись по силе. Молитва требует тоже крепости. Не люблю тех, кто в церкви говорит. Ну, от помыслов не уйдешь, а за язык-то кто тебя тянет? Молитвы, или правило, когда исполнишь, благодари Бога, а не исполнишь, зазри себя. Хульные помыслы старайся не принимать и не веруй им, и Господь простит тебя. Когда помыслы находят, не принимай их и не отражай, а тем больше не заклинай их и не противоречь — это не твоей меры! А прибегай к Господу с молитвою и смирением. Блудный помысл и боязнь попускаются за гордость нашу. Укоряй себя и старайся не глядеть на соблазняющего — и минет искушение.

Одна глупенькая молоденькая девочка просит: “Испроси мне просвещение сердца, чтоб я могла различать правый помысл от вредного”. Ну, что тут прикажешь отвечать? Берешь ты высоко! Есть кого вопросить, и спрашивай! Получишь ответ — и будет с тебя. Испроси ей еще дар рассуждения! Да это дар выше всех добродетелей христианских! Дай ей! Ишь куда лезет?! Макарий Великий ходил на старости лет к Антонию вопрошать. Пимен Великий ходил с помыслами своими к Иосифу Панефосскому. Памва, Аммун и многие, многие великие

святые не смели дерзать на такую добродетель! А М. Г-вой подай! Экая гордая...

Еще ты открываешь мне что-то новое. Пишешь: "Не могу так каяться, чтобы раскаяние могло дойти до Бога". Ишь ты, хитрая какая! Узнала секрет, когда раскаяние ее доходит до Господа, а когда нет! А я вот около 30 лет твержу духовную азбуку и доселе не могу узнать, когда мое раскаяние доходит и когда нет. В случае открой секрет. А я и доднесь считал, что один Сердцеведец знает цену покаяния.

Господь всех призывает, всех любит, за всех пролил Свою святейшую кровь, чтобы спасти человека, а не погубить. И вот видим — Святая Церковь воспевает спасенных блудников, разбойников, мытарей, хищников, и мы со Святой Церковью молимся: "Господи, сопричти мя мытарю, разбойнику и блуднице". Вот какие спасаются! А ты какую ахинею взвалила на мою голову, будто ты не спасешься.

А что ты не ходишь к утрене, ленишься, не имеешь ни смирения, ни терпения, за все это нужно укорять себя и окаявать. Да еще благодарить Господа, что Он не дал бодливой корове рогов! А то вишь ты, как мудрствуешь: "Я ничего не делаю — чем спасуся?" Да разве нас могут спасти наши ничтожные добродетели? Разве не помнишь слова Божии: "Вся правда человеча пред Богом есть рубище жены нечистыя". Ищи-ка лучше милости у Владыки нашего, а не платы за труды. И спасешься скорее, чем неразумные труженики.

Нам вменится великая жертва, принесенная Сладчайшим Иисусом на Кресте Вечной Правде, а у нас нет ничего хорошего. Делай по силе и не цени сама своих заслуг и не считай добродетелей, а зри и счисляй свои немощи и грехи, и Господь тебя не оставит никогда.

Господь сказал возлюбленным ученикам: "Не бойся, малое Мое стадо! Яко изволи Бог даровати вам" — что? думаешь отраду? богатство? наслаждение? Нет! "Царство!" (Лк., XII, 32) И какое Царство! Где не только все блага, все возможные сокро-

вища, и красота, и слава, свет, радость, горящая любовь, божеская жизнь и веселие вечное. Царство это — Царство всех веков, перед которым все величайшие царства мира сего — дым, смрад! И в том-то Царстве света и веселия тебе уготовано и всем возлюбившим Господа Иисуса царское место. "Приведутся Царю девы в след Ея" (Пс, XLIV, 15) — Царицы Небесной. Только потерпи — все это получишь с лихвою.

Просишь помочь отцу твоему в скорби — письмом *утешить его. Да ведь он не меньше* меня образован! А что наше знание? По теории он читал и писал и с кафедры в церкви поучал, что надо терпеть, верить Богу, а как практика куснула — и растерялся. Так и я с утешениями. Практика, то есть слово Божие, говорит: "Даждь кровь, и приими дух", а наша ученость хитрит: нельзя ли уловить "духа" так, чтобы не портить крови? И не уловит. А вечная-то мудрость ищет, толкает, зовет не к мечтательной жизни, а к истине. Вот и посылает удар! Учит апостол: "Искушение соделывает терпение; терпение же искусство" (Рим., V, 3—4). Нам же хочется как-нибудь объехать искушение и терпение и попасть в искусные. А этого нельзя! "Даждь кровь",— говорит практика! Святой Марк Подвижник пишет: "Хорошо помогать ближнему советом и делом, но лучше — молитвой".

(Письма великих Оптинских старцев. XIX век. М., 2001. С. 516—518, 521, 525—526, 529, 539—541, 546—547, 555—556, 558, 565—566, 568—569, 575, 590, 598—599, 602, 621, 623, 626, 629, 636.)

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

2004 год
Издание отпечатано в ГП «Псковская областная типография»
Тираж 2000 экз. Заказ № 2382

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 595

Об Аврааме и обетовании относительно Исаака, и о том, что чрез них предызображено было таинство веры

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна, по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим (Пс. 118, 105).

Об Аврааме и обетовании относительно Исаака, и о том, что чрез них предызображено было таинство веры

1. Божественный Павел пишет, что Христос соделался *святителем и посланником исповедания нашего* (Евр. 3, 1); утверждал он ясно и то, что, принесши нам несравненно лучшую и превосходнейшую, нежели древняя, данная чрез Моисея, заповедь, разумею евангельскую, Он *лучшаго завета бысть испоручник* (7, 22). И это слово истинно, если *закон гнев соделовает* (Рим. 4, 15) и служит указателем греха, оправдывает же нас даруемая благостию Спасителя нашего благодать. Ибо и Сам Он говорит в одном месте, что *не пришел, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 12, 47; 3, 17).

Таинство оправдания в вере провозвещено прежде обрезания в законе, и что израильтянам преднаписан был образ того, что не иначе они могут быть некогда спасены, как только чрез одного Христа, Который оправдывает нечестивого и отпускает вины. Кроме сего, скажем и о том, что рожденные от обетования, данного блаженному Аврааму в Исааке, суть наследники Божии и сопричислены будут к самым законным чадам Божиим.

3. ...И это обстоятельство весьма ясно изображено для нас в таинстве, относящемся до Исаака. Но скажем об этом, насколько возможно, предлагая на рассмотрение самые писания Моисеевы. А в них содержится следующее: *но глаголех же сих,* сказано, *бысть слово Господне ко Авраму в видении,*

глаголя: не бойся Авраме: Аз защищаю тя, мзда твоя многа будет зело. Глагола же Аврам: Владыко, что ми даси? аз же отпущаюся безчаден: сын же Масек домочадицы моея, сий Дамаск Елиезер. И рече Аврам: понеже мне не дал еси семене, домочадец же мой наследник мой будет. И абие глас Господень бысть к нему, глаголющий: не будет сей наследник твой, но иже изыдет из тебе, той будет наследник тебе. Изведе же его вон, и рече ему: воззри на небо, и изочти звезды, аще возможеши исчести я. И рече: тако будет семя твое. И верова Аврам Богу, и вменися ему в правду (Быт. 15, 1-6). Ибо сопряжена была с ним и была сожительницею ему блаженная Сарра (а имя ея толкуется: начальствующая[1], *жена, отличавшаяся красотою и бывшая весьма благообразною: так* свидетельствует о ней и Священное Писание. За нею следовала по сожительству с ним бывшая как бы во втором и незаконном с ним браке домочадица, то есть Агарь (ея имя толкуется: *пришельствие*)[2]. Но Сарра, еще не зачинавшая законных чад, оплакивала свое бездетство. Агарь же родила Исмаила. При таком положении дел по истории, Бог сказал Аврааму, говоря: *Аз защищу тя, мзда твоя многа будет зело.* А сей что на это говорит? *Владыко, что ми даси? аз же отпущаюся безчаден: сын же Масек домочадицы моея, сий Дамаск Елиезер.* Примечай точность речи. Что ми, говорит, даси, Владыко? Понимаешь ли, как говорит, что он совершенно не нуждается ни в каких земных приобретениях, но даже, если бы он сделался обладателем и еще большего, то не считал бы, говорит, этого приятным, если не будет иметь законного наследника, родившегося от брака с свободною, сына по истине. Смотри, как он стремится к ясному познанию о полезном, влекомый к

[1] Совершенно так же толкует это имя и иудей Филон. См. de Abrahamo pag. 285; также de mominum nutatione, pag. 817. Coloniae, 1613.

[2] Или странствование. Ср. подобное же толкование у Филона в de Cherubim, pag. 83, 84 и de sacrif. Abel, et Cain. pag. 105

тому природою, а не писаными законами. Ибо хотя и был у божественного Авраама сын, разумею Исмаила, однако он именовал себя бездетным. Так природа знала, и очень ясно, что вообще по справедливости не может быть именуем сыном тот, кто родился от прелюбодейных и незаконных брачных уз; ибо *он не даст корения в глубину,* как написано (Прем. 4, 3). А что, если бы и родился у кого-либо когда-нибудь сын от служанки, то это дело во всяком случае бесполезное и пустое, и не может быть так приятно, как если бы он был от свободной, на это указал он еще, говоря: *сын же Масек домочадицы моея, сий Дамаск Елиезер.* То есть останется для меня последним утешением рожденный от крови домочадицы. Ибо Дамаск значит утешение[1]. Но он вменится также и в заступничество, и помощь от Бога. Ибо это значит Елиезер[2]. Это подобно тому, как если бы он ясно говорил: вместо крови законной и любви к законному, утешением крови и заступничеством от Бога как бы по необходимости будет домочадец мой; он же будет и наследником моим. *Так что же ми даси?* Если я не буду иметь законного преемника, то во всяком случае и непременно будет под гнетом позора твой Авраам, Владыко. Ибо бездетный означает лишенного детей истинных и рожденных от свободной. Но ненадолго оставил Бог праведника в печали. Он тотчас обетовал ему в Исааке семя, о котором сказал и то, что оно равночисленно будет множеству безмерного количества звезд. Утверждал также, что он будет назван отцом бесчисленного множества народов, хотя и потрясен страхом бездетства. *Верова* же, сказано, *Аврам Богу, и вменися ему в правду.* Итак, наградою имеет правду тот, кто чтит Владыку всяческих верою. Ибо чрез это Бог засвидетельствовал, что все может сде-

[1] Имя Дамаск, с еврейского, собственно значит: деятельность, быстрота, поспешность. Ср. Филона, Quis rer. divin. haeres sit, pag. 382 ed. cit., где это имя толкуется сходно с толкованием св. Кирилла.

[2] Имя Елиезер, с еврейского, и значит: того, кому Бог служит в помощь.

лать для него. Неверующий же и небрежный будет самохвалом и обидчиком, а потому, конечно, подпадет суду и ответу. Итак, *верова Аврам Богу* и оправдан от Него...

6. ...А что он получит в обладание и землю, показанную ему от Бога, ибо *тебе,* сказал Он, *дам землю* сию (Быт. 17, 8), об этом он также, для полной уверенности, спрашивал Бога, говоря: *Владыко, по чесому уразумею, яко наследити ю имам?* (Быт. 15, 8.) В ответ на это Бог повелел взять рассеченные на части *юницу трилетну,* а вместе с нею и *козу,* также *овна, горлицу и голубя.* И четвероногих из животных Авраам *раздели на полы и положи я противолична едина к другому,* то есть в ряд; *птиц же не раздели.* Он даже и отгонял от них тех из пернатых, которые хотели им наносить вред. Когда же солнце склонялось уже к самому западу, тогда Бог в виде огня прошел *между растесании сими* (ст. 9-17).

Какой же должно применить к сему духовный смысл, об этом мы скажем теперь по возможности.

7. Как бы первым сыном у Бога всяческих был Израиль по плоти. Ибо сын Мой, говорит Он, *первенец Израиль* (Исх. 4, 22), но только как бы от рабыни и из Египта искупленный. Однако не удостоил Бог сопричислить его к чадам (ибо природа любит свободное и законное); Он искал народа, угодного Ему, то есть рождаемого чрез веру во Христа по обетованию, в каковом народе явились и отцы многих народов подобно божественному Аврааму. Ибо они наследовали славу его, не в Израиле по плоти, но в тех из язычников, которые спасены чрез веру. А засвидетельствует об этом Павел, пишущий: *не законом бо обетование Аврааму, еже быти ему наследнику мирови, но правдою веры* (Рим. 4, 13). Получаем право именовать Авраама отцом своим мы, уверовавшие в необрезании и по подобию ему оправдываемые от Бога. Это Божественное та-

инство весьма уяснит нам наученный в законе Павел. Именно так пишет он в Послании к Галатам, укоряя их за то, что они, получив совершенство во Христе, как бы назад возвращались: *глаголите ми, иже под законом хощете быти, закона ли не слушаете? Писано бо есть, яко Авраам два сына име: единого от рабы, а другого от свободныя. Но иже от рабы, по плоти родися; а иже от свободныя, по обетованию. Яже суть иносказаема: сия бо еста два завета: един убо от горы Синайския, в работу раждаяй, иже есть Агарь. Сина бо гора есть во Аравии, прилагается же нынешнему Иерусалиму, работает бо с чады своими. А вышний Иерусалим свободь есть, иже есть мати всем нам. Писано бо есть: возвеселися неплоды не рождающая; расторгни и возопи не болящая, яко много чада пустыя паче, нежели имущая мужа. Мы же, братие, по Исааку обетования чада есмы. Но якоже тогда по плоти родивыйся гоняше духовного, тако и ныне. Но что глаголет Писание? изжени рабу и сына ея, не имать бо наследовати сын рабынин с сыном свободныя. Мы же, братие, несмы рабынина чада, но свободныя, свободою, еюже Христос нас свободи. Стойте убо, и не паки под игом работы держитеся* (Гал. 4, 21-31; 5, 1).

Итак, понимаешь ли, как ясно называет он Агарь и Сарру образами двух заветов. И служанку уподобляет матери иудеев, то есть земному Иерусалиму, поелику он подчинен законам рабства и не отличается свободным духом. О первой же и свободной, разумею Сарру, имя которой посему и толкуется как начальствующая, говорит, что она носит на себе образ вышнего и горнего Иерусалима, и ясно утверждает, что она соделалась матерью оправданных верою и по обетованию Божию призванных к тому, чтобы быть чадами Авраама. Ибо *мы*, говорит он, *по Исааку обетования чада есмы*, так как освобождены во Христе, чрез Которого и в Котором получая Боже-

ственного и вышнего Духа, становимся в положение чад Божиих, *вопием, Авва Отче* (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6), и соделываемся наследниками обетованных святым благ, в удостоверение чего Бог едва не клянется Самим Собою. В виде предмета клятвы Отца принимается Сын, или таинство Его. Ибо Отцу обычно клясться как бы Своею силою — Сыном. И это значит клясться Самим Собою, потому что Сын не есть иной по сравнению с Ним, говорю в отношении к существу и тождеству Божества. Посему и божественный Моисей, когда показывает нам Бога клянущимся, представляет Его очень ясно говорящим и следующее: *воздвигну на небо руку Мою, и кленуся десницею Моею* (Втор. 32, 40). Ибо десницею Бога и Отца служит Сын, чрез Которого Он всем управляет, и как бы все содержит дланию и боголепно действует, призывая несуществующее к бытию и наделяя благами то, что уже приведено в бытие. Итак, в употреблении клятвы, утверждающей наследников в верности обетования, как бы содержится таинство Спасителя нашего. И Христос предызображаем был как бы в юнице (телице), а также в козе и овне, равно как и в двух птицах, то есть в горлице и голубе. А какой подразумевается в сем смысл, это я изъясню, по возможности.

8. Иногда Христос, по причине великой крепости и непреоборимой силы, очевидно боголепной, уподобляется *тельцу*; иногда же, по причине человечества и пребывания под законом, именуется *юницею*. Ибо женский пол стоит всегда позади и ниже мужеского пола, как начальствующего и преимуществующего, потому что Сын превыше всякой твари и несравнимыми преимуществами превосходит природу и славу сотворенного, имея высочайший корень, то есть Отца всяческих и Бога; когда же родился подобно нам, то стал подчиненным закону. Посему Он и говорил: *не приидох разорити*

закон, но исполнити (Мф. 5, 17). Приписывать должны мы состоянию истощания и сие, если хотим право мыслить. По этой причине Христос есть юница, причем Моисей олицетворяет собою закон, или же сам определенный чрез него закон. Уподобляется Он также и *козе*. По какой причине? По той причине, что принес Себя Самого за грехи наши по Писаниям (Евр. 9, 12; 10, 12; 1 Пет. 1, 19 и др.).

Козел же по закону есть жертва за грех (Лев. 16, 9). Приравнивается Он также и *овну* по той причине, что является вождем словесных стад. *Един бо есть учитель* наш, *Христос* (Мф. 23, 8 и 10), и мы людие пажити Его и овцы подручные Ему, как написано (Пс. 78, 13). Но после того как Христос уподобился во всем братиям, то есть нам, допустив Себя до истощания, Он изображается и в *овне*, и мыслится как вождь. Ибо овны всегда находятся впереди стада. Он же есть и *юница*, по причине пребывания под законом, а также и коза, как жертва за грех; и кроме того овен, как вождь. Желая идти по следам Его и ревностно стремясь к тому, мы будем *на пажити блазе и на месте тучне*, по слову пророка (Иез. 34, 14), и во дворах священных будем покоиться. Ибо вселит нас в вышние обители Тот, Который Сам есть и овен, и архипастырь, и подзаконный, как один из нас, и превысший закона, как Бог, — Который Сам есть всякое оправдание, хотя и *со беззаконными вменися* (Ис. 53, 12), и за нас потерпел заколение. Прообразуем Он был опять и в горлице, и в голубе. Ибо Он есть единая мысленная и громогласнейшая горлица, поистине доброгласная птица, слетевшая с неба и свыше, как усладивший евангельскою проповедию всю поднебесную. К Нему и сама невеста, то есть Церковь из язычников, взывает: *яви ми зрак твой, и услышан сотвори ми глас твой: яко глас твой сладок, и образ твой красен* (Песн. 2, 14). Он же Сам есть и простый, незлобивый и не имеющий коварства голубь: ибо не об-

ретеся лесть во устех Его, как написано (Ис. 53, 9). Он также есть и трехлетняя юница, равно как предызображается и в других животных. Ибо Господь всесовершен. Совершенный возраст животных превосходно указывает как бы на совершенство в Божестве Единородного. Далее животные делятся на части, потому что рассекаются. Пара же птиц остается нерассеченною. Какое основание к сему? Поскольку Единородный — Слово Божие *плоть бысть* (Ин. 1, 14), Он как бы подвергся рассечению, и речь о нем исходит от двоякого созерцания. Ибо мы то умопредставляем Его Божественное и неизреченное рождение от Отца, а то говорим о тайне вочеловечения, едва не раскрывая глубину домостроительства и едва не исследуя эту глубину, для познания ее теми, которые не ведают ее.

Но хотя речь о Нем и стала как бы двоякою, однако Сам Он есть один и тот же во всяком случае, не разделяемый надвое, после соединения с плотию. Он не рассекается на двоицу сынов: Христос един и неразделим. Ясным образом сего служит то, что птицы не рассекались: ибо *птиц,* сказано, *не раздели.* И как сущий от земли по человечеству, Он знаменуем был в тельце, а также в козе и овне, но с другой стороны, умопредставляется и как сущий с неба и свыше (так как Он есть Бог) в образе птиц. А что хотя Он и потерпел за нас вольное заколение, однако *плоть Его не виде,* как написано, *истления* (Деян, 2, 31; ср.: Пс. 15, 10), и что, согласно слову Псалмопевца, *ничтоже успеет враг на него и сын беззакония не приложит озлобити его* (Пс. 88, 23), это может показать, и очень ясно, как бы в прообразе опять божественный Авраам, отгонявший хищных птиц от рассеченных частей животных. Когда же предвозвещено было Аврааму имевшее быть по времени в Египте потомкам его, то есть Израилю, притеснение и чудесное избавление, то *заходящу,* сказано, *солнцу, пещь дымящися, и*

свещы огненны проидоша между растесании. Ибо прежде исполнения обетованного воссиял данный чрез Моисея закон, заключавший в себе для слушателей его длинные повествования о рабстве израильтян и об искуплении. В последние же времена века, и как бы к вечеру Слово плоть бысть. Ибо это, думаю я, и ничто иное значит то, что Божественное и неизреченное естество, как бы в виде огня, прошло между рассеченными на части животными.

Но *бысть,* сказано, *пламень* огненный, *и пещь огненная, и свещы огненны:* потому что честное таинство вочеловечения поистине соделалось для людей, не желающих веровать и склонных к необузданности, пещию и пламенем, и невыносимейшим из всех и высшим наказанием. Так и об израильтянах, которые, неразумно оскорбляя таинство Христово, изобличаемы были, как худоумные и надменные, Давид говорит Отцу всяческих и Богу: *положиши их яко пещь огненную во время лица Твоего: Господи, гневом Твоим смятеши я, и счесть их огнь* (Пс. 20, 10).

Под временем же лица Отчаго по справедливости разумеется время вочеловечения, если и Лице, и образ Бога и Отца есть Сын. Итак, жестокий пламень и пещь ожидают тех, которые хотят отвергать тайну вочеловечения Единородного; познавшим же *явление Его,* как написано (2 Тим. 4, 8), Он будет светильником, сияющим в темноте, рассеивающим густоту мрака диавольского и не допускающим того, чтобы собрание чтителей Его претыкалось на встречающиеся соблазны. Так нам именовал Сына Бог и Отец и устами Исаии, говоря: *Сиона ради не умолчу, и Иерусалима ради не попущу, дондеже изыдет яко свет правда Моя, и спасение Мое яко светила разжжется* (Ис. 62, 1). Ибо спасением и правдою от Бога и Отца соделался для нас Сын, если истинно то, что в Нем мы получаем оправдание и, побеждая издревле владычествовав-

шую над нами смерть, возвращаемся к нетлению, и преобразуемся в то состояние, в каком природа наша была в начале.

9. А что необходимо было, чтобы, когда уже явился Еммануил и когда таинство Его было явлено в мире, прообразы Моисеева служения подчинились евангельским наставлениям и как бы уступили лучшим и совершеннейшим заповедям, это также опять было сеннописуемо как бы в грубом образе. В чем состоит этот образ, я скажу. Когда Сарра не рождала, Агарь же зачала во чреве Исмаила, то последняя гордилась пред свободною и превозносилась пред нею. А Сарра не могла выносить ее надменности и озлобляла египтянку (Быт. 16, 6).

Она же убежала из дому и блуждала по пустыне. Ангел с небеси спрашивал ее, куда она идет и откуда пришла. Она же на это сказала: *от лица Сары госпожи моем аз бегу* (ст. 8). Но что на это Божественный Ангел? *возвратися,* говорит он, *к госпоже своей, и покорися под руку ея* (ст. 9). Этим предуказано было рождающее Израиля служение по закону. Будучи же как бы служанкою (ибо в нем не было свободного духа), оно едва не родило народ Египетский прежде нового и евангельского наставления. Поэтому-то оно и много думало о себе и преследовало христиан, и многообразно изобличаемо было в том, что высоко поднимало голову против евангельских постановлений. Ибо запрещала святым Апостолам синагога иудейская, ясно говоря: *запрещением запретихом вам не учити о имени сем, и се исполнисте Иерусалим учением вашим* (Деян. 5, 28). Видишь, как поднимается египтянка против Сарры и какую дерзость обнаруживает служанка пред свободною. Но побеждена была по времени и некоторым образом убежала предпочитавшая необузданность. Она получила повеление устами Ангела не отказываться от свободной, то есть от наставления, призывающего к достоинству свободы, но напротив, даже покориться под руки ее. Ибо служение

по закону, шествуя чрез образы и предызображения, некоторым образом рабствует евангельским наставлениям, в себе самом показывая неясною красоту истины. Итак, чрез Ангелов древле определен был закон Моисеев, и чрез глас Ангела получает повеление как бы преклонить выю пред заповедями Христовыми, подчиниться свободной и поневоле уступить. Это, думаю, значит в духовном смысле подчинение Агари под руки Сарры. Но необходимо памятовать, что и божественный Павел поставил их обеих в прообразы двух заветов,— одну, как рождающую в рабство, применяемую же к нынешнему Иерусалиму; а другую, как рождающую в достоинство свободы, разумею Сарру (Гал. 4, 23-26). А что, когда уже явился Христос, тогда провоссияло время обрезания в духе, этому ясно научал блаженный Авраам. Ибо узаконил Бог совершение обрезания, предуказуя, думаю, мысленное посредством плотских примеров. Обрежется, сказал Он, у тебя *всяк мужеский пол* (Быт. 17, 10). И за небрежение об этом полагает в наказание истребление и погибель; потому что говорит, что *необрезанный мужеский пол, иже не обрежет плоти крайния своея в день осмый, погубится душа та от рода своего: яко завет Мой разори* (ст. 14).

Видишь, что обрезание во плоти было некоторым прообразом обрезания в духе и истине. Ибо оно совершается в восьмой день, в который Христос воскрес из мертвых. И время уже было соделаться причастными Святого Духа и принять обрезание в Нем, не для произведения боли в плоти, но для очищения духа, не для избавления от телесных скверн, но для разрешения от душевных наших недугов. Ибо только тогда, когда Христос воскрес, разрушив державу смерти, Он даровал святым ученикам как бы некий начаток Духа; *дуну,* сказано, на них, говоря: *приимите Дух Свят* (Ин. 20, 22). С этим согласен и премудрый Иоанн, говорящий: *не у бо бе Дух Святый,*

яко Иисус не у бе прославлен (Ин. 7, 39). А прославлен Он по востании из мертвых, в восьмой день. Посему и на нас перенесен Дух, и в Нем мы обрезаны обрезанием нерукотворенным и мысленным. Ибо угоден Богу сей способ обрезания. Так и божественный Павел говорит в одном месте: *не бо иже яве, иудей есть, ни еже яве во плоти, обрезание: но иже в тайне иудей, и обрезание сердца духом, (а) не писанием: емуже похвала не от человек, но от Бога* (Рим. 2, 28-29).

10. А что с упразднением служения по закону, с усилением служения нового, во Христе, и с появлением верующих народов, которые полагаются и в числе чад свободной, не имея раболепного духа (так как вопиют: *Авва, Отче*), настало уже время к тому, чтобы иудейское согласие и синагога были устранены, и чтобы происшедший из нее народ был как бы лишен наследства в обетовании, на это также указывает Священное Писание. Равно также указывает оно и на то, что синагога иудейская по времени обратится и будет принята, и получит милость свыше и от Отца, так как познает Спасителя всех и Искупителя. Ибо играли между собою оба мальчика, то есть Исаак и Исмаил, упражняясь в прыгании. Гонение же (Гал. 4, 29), как я думаю, было одним из видов игры, причем гонящим был Исмаил, а Исаак бежал от него. Но негодовала на это душа свободной, разумею Сарру. И она сказала божественному Аврааму: *изжени рабу сию, и сына ея: не наследит бо сын рабы сея, с сыном моим Исааком* (Быт. 21, 10). С беспокойством услышал Авраам слова эти; но услышал он также и повеление от Бога — повиноваться словам Сарры. Снабдив Агарь хлебами и водою на дорогу, он приказал ей удалиться вместе с сыном из господского дома. И она пошла, сетуя и плача, но заблудилась в пустыне. Когда же сын ее находился в опасности и плакал, *отверзе,* сказано, *Бог очи Агари, и узре кладязъ воды живы и напои его* (Быт. 21, 19).

Смотри, как небесполезна для познания таинства даже и самая игра детей. Гнал Исаака Исмаил. Но что происшедший от служанки, то есть Исмаил, будет по времени гнать происшедшего от свободной, или народ верующий и христианский, это разъяснил блаженный Павел, так говоря об Исмаиле и Исааке: *но якоже тогда по плоти родивыйся гоняше духовного, тако и ныне* (Гал. 4, 29). Поелику же Исмаил ратовал против происшедших от свободной, то высылается, наконец, синагога иудейская, имея скудное и малое напутствие,— хлеб и воду (то есть соответственное некоторым образом мере разумения ее слово познания и благочестия), с помощью коих ей естественно можно было бы не совсем дойти до смерти. Ибо сказал в некотором месте Бог, как бы некоторый остаток и малое семя законного благочестия оставляя в Израиле: *и буду им во освящение мало в странах, аможе внидут тамо* (Иез. 11, 16). Малое освящение, говорит Он, будет у израильтян, после рассеяния среди народов, вследствие того, что иудеи не очень сильны и деятельны даже в том, чтобы исполнять закон Моисеев и едва соблюдать самомалейшее, как, например, обрезание и неделание в субботу. Итак, едва лишь водою и хлебами напутствуется рождающая в рабство, то есть синагога иудейская. И тяжело было Аврааму переносить удаление Агари; однако он отпустил ее, следуя повелению Божию. Ибо, несомненно, огорчал святых Апостолов и Евангелистов отпадший Израиль. Впрочем они отделены были от него, и не по своей воле, но по воле Божией и по любви ко Христу. Так и божественный Павел пишет, *яко скорбь ми есть велия и непрестающая болезнь сердцу моему: молил бых ся бо сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти, иже суть Израилите* (Рим. 9, 2-4). Быв изгнана, матерь иудеев долгое время блуждала и была в опасности совершенно погибнуть. Но если они по времени с воплем великим обратятся к Богу, то во всяком случае и непременно помилованы будут.

Ибо Он откроет их очи мысленные, и они сами узрят источник живой воды, то есть Христа; и пия от нее, в Нем будут живы; также омывшись, они будут чисты, по слову пророка (Ис. 1, 16). А что Христос есть источник жизни, это уяснит и Псалмопевец, говорящий Небесному Отцу и Богу: *яко умножил ми милость Твою, Боже: сынове же человечестии в крове крилу Твоею надеятися имут. Упиются от тука дому Твоего, и потоком сладости Твоея напоиши я. Яко у тебе источник живота* (Пс. 35, 8-10). Этот источник есть не другой какой-либо, как только Христос, чрез Которого и с Которым Богу и Отцу слава и держава, со Святым и единосущным Его и животворящим Духом во все и нескончаемые веки веков. Аминь.

Библиотека отцов и учителей Церкви: Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 2-я.– М., 2001.– с. 68, 70-72; 76-84.

ИЗДАНИЕ СВЯТО-УСПЕНСКОГО ПСКОВО-ПЕЧЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 596

О жертвоприношении Авраама, чтоб оно было прообразом домостроительства Христова

Из творений
святителя Кирилла Александрийского

Испытайте писаний, взывал к народу Иудейскому Христос (Ин. 5, 39), весьма ясно говоря, что не иначе может достигнуть вечной жизни кто бы то ни было, как только если он, как бы некое сокровище, раскапывая письма закона, будет отыскивать сокровенный в нем бисер, то есть Христа, в Немже суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна, по слову блаженного Павла (Кол. 2, 3). О столь почтенной и досточудной премудрости и разуме сказал в одном месте и Соломон: "Аще взыщеши ея яко сребра, и якоже сокровища испытаеши ю: тогда уразумееши страх Господень, и познание Божие обрящеши" (Притч. 2, 4-5). И с сим ничто не может сравниться для тех, которые восхваляют непорочную жизнь, решились совершать одно только лучшее из всего и превосходнейшее, и наполняют свой ум светом Божественным, потому что должно непрестанно услаждаться тем, что говорится о Боге и как бы неким светильником поставлять для себя Священное Писание, согласно с святым Псалмопевцем, взывающим и говорящим: "Светильник ногама моима закон Твой, и свет стезям моим" (Пс. 118, 105).

О АВРААМЕ И ИСААКЕ

1. И бысть по глаголех сих, Бог искушаше Авраама, и рече ему: Авраме, Авраме. Он же рече: се аз. И рече: поими сына твоего возлюбленного, егоже возлюбил еси, Исаака, и иди на землю высоку, и вознеси его тамо во всесожжение, на едину от гор ихже ти реку (Быт. 22, 1-2). Таково повеление Божие. Тогда праведник, без замедления оседлав осла своего, как написано (ст. 3), и распорядившись, чтобы за ним следовали только двое слуг, а также взяв возлюбленного сына, отправился на жертвоприношение. Когда же достиг оного священного места едва не на третий день, то сказал слугам своим: *сядите зде со ослятем: аз же и детищ пойдем до онде, и поклонившеся возвратимся к вам* (ст. 5). Затем возложив на сына дрова, нужные для всесожжения, и убедив его идти так, следовал за ним. Когда же дитя спрашивало отца, говоря: *се огнь и дрова, где есть овча еже во всесожжение?* то он ответил: *Бог узрит себе овча во всесожжение, чадо* (ст. 7-8).

Воздвигнув Божественный жертвенник, он сложил на нем дрова; а когда положил на них и связанного отрока и взял в руки нож, то глас Ангела воспрепятствовал ему, говоря, что не должно ему закалать дитя, так как Бог уже познал присущее ему доброе намерение. Затем праведник, увидев овна, рогами удержанного в кустарнике сада Савек, совершил жертву, принесши его вместо сына. И таким образом спустился с горы к слугам своим, ведя к ним сына здравым (ст. 9-19). Теперь, обрезая широту истории и как бы сокращая в одну небольшую речь слово о том, что в ней полезно для доказательства предызображения в сем таинства Спасителя нашего, не отяготимся высказаться об этом по возможности. И если не все, содержащееся в истории, будет соответствовать духовному смыслу, то никто пусть не винит нас. Ибо в излишних частях истории часто скрывается духовный смысл, подобно тому

как и в лугах благоуханнейшие из цветов прикрываются совне малозначащими листьями, которые, если кто обрежет, то найдет обнаженным приятное и полезное. Так пусть же слово наше войдет в иносказательный смысл этой истории.

2. Что блаженный Авраам был искушаем и получил повеление принести в жертву возлюбленного сына, и что хотя он, вероятно, как родитель, с трудом переносил мысль об этом и как бы по сильному требованию природы расположен был любить сына, однако предпочитал благие последствия такового дела, на это нам указывает, и весьма ясно, изречение Спасителя: *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единородного дал есть, да всяк веруяй в Онь не погибнет, но имать живот вечный* (Ин. 3, 16; ср.: 1 Ин. 4, 9). Ибо если судить по-человечески и сказать что-либо для ясного доказательства этой мысли, то посылавший за нас на смерть Сына Бог и Отец некоторым образом испытывал боль, хотя и ведал, что Он ничего не потерпит вредного, так как и Сам Он был бесстрастен, как Бог. Однако помышляя о пользе, имевшей произойти от смерти Его, разумею спасение и жизнь всех, Он не заботился о любви, свойственной Ему, как Отцу. Посему и Павел удивлялся Ему, говоря: *иже убо Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его* (Рим. 8, 32). Ибо в чем по справедливости состоит чудо любви к нам Бога и Отца, как не в том, что Он, по-видимому, потерпел то, чего не желал, предав за нас Своего Сына? Так думать побуждает нас Павел, говорящий: *не пощаде,* что говорится не о всякой случайности, но только о совершающих какое-либо великое дело, как, например, в том случае, о котором сказано: *разшири ужя твоя, и колия твоя укрепи. Еще на десно и на лево простри,* а при сем еще: *водрузи, не пощади* (Ис. 54, 2-3). И еще: *избави ведомыя на смерть, и искупи убиваемых, не щади* (Притч. 24, 11; ср.: Пс. 81, 4). Вот что пришло нам на мысль при словах: *поими сына твоего возлюбленного* (Быт. 22, 2). А сопровождавшие старца и шествовавшие с ним в течение трех дней двое слуг могут быть образами призванных к рабству чрез закон двух народов, разумею Израиль и Иуду. И они думали, что должно следовать только повелениям Бога и Отца, как те — Аврааму, еще не помышляя о Сыне, *Имже вся быша* (Ин. 1, 3; Кол. 1, 16; Евр. 1, 2), и не зная о Наследнике Отца, прекраснейший образ Которого

нам представляет малый и на лоне своего отца лежавший Исаак, который еще не имел власти, приличествующей господину. Ибо Сын был и есть всегда Господь и Бог всесовершенный. Но так как Он не для всех виден был, особенно же для нечестивых иудеев, взирающих на одну только плоть, то почитаем был за малого и обычного человека. Помышлению всех о Нем соответствовало и познание о Нем. И малое ищется в малом, а великое в великом. Так и пророки говорят, что Он *Велий и страшен есть над всеми окрестными Его* (Пс. 88, 8), то есть над всеми, которые находятся близ Него по причине великой проницательности. Болезнует также и Павел о некоторых, *дондеже вообразится Христос в них* (Гал. 4, 19), то есть доколе великие и чрезвычайные образы Божества Его хотя несколько напечатлеются в душах их. А то, что слуги следовали за Авраамом, притом до третьего дня, и что им не позволено было восходить на землю высокую и священную, а напротив повелено сидеть с ослом, указывает на последование тех двух народов Богу чрез закон, продолжавшееся до третьего времени, то есть до последнего, в которое явился к нам Христос. Ибо тремя временами измеряется весь век: прошедшим, настоящим и будущим. Таким образом, в третьем заключается конец. А Божественное Писание говорит, что Христос пришел в последние времена века. Итак, Израиль, следовавший Богу чрез закон, притом до времен пришествия Спасителя нашего, не захотел путем веры последовать Христу, шествовавшему на смерть, за всех приемлемую, но и напротив не допущен был до нее по причине многих грехов. Ибо ослепление было с Израилем отчасти, что знаменуется чрез осла, бывшего тогда с слугами: осел есть образ крайнего неразумия; а ослепление и есть плод неразумия. Далее то, что отец вместе с сыном отделился и удалился от слуг, и сказал, что он возвратится, — потому что *аз,* говорит он, *и детищ пойдем до онде, и поклонившеся возвратимся к вам* (Быт. 22, 5), — означает временное удаление Бога от сынов Израилевых и имеющее быть при конце веков возвращение к ним, совершаемое чрез веру во Христа. *Ибо когда исполнение языков внидет,* тогда *весь Израиль спасется* (Рим. 11, 25-26). А то, что блаженный Авраам не говорил ясно о том, что восходит на гору с целью принести сына в жертву, предлогом же выставлял следующее: *пойдем до онде,* может служить явным знамением того, что народу Иудейскому не вверено

таинство Христово. И для нас истинным представится о сем слово, когда мы увидим Иисуса беседующим с иудеями как бы в притчах и загадочно и говорящим к ученикам своим: *вам есть дано ведати тайны Царствия Божия: прочим же в притчах* (Лк. 8, 10; сн.: Мф. 13, 11; Мк. 4, И). На отрока же, то есть Исаака, отец своими руками возлагает бремя дров, нужных для всесожжения и отправляется до места жертвоприношения. Ибо и Христос, неся на плечах крест свой, *вне врат пострадати изволил* (Евр. 13, 12), не человеческою силою вынужденный к страданию, но по своей воле и по совету Бога и Отца, согласно сказанному от Него к Понтию Пилату: *не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше* (Ин. 19, 11). Но будучи положен на дрова, Исаак избегает смерти и страдания.

Для жертвоприношения же восходит на жертвенник данный Богом овен. И воссиявшее из существа Бога и Отца Слово поистине было в собственной храмине, то есть воспринятой от Девы, и пригвожденной к древу. Будучи же бесстрастен и бессмертен как Бог, Он избавляет Себя от смерти и страдания. Но восходит в воню благоухания Богу и Отцу чрез тело Свое, которое Сам, говорит, получил от Отца, согласно сказанному как бы от лица Его Самого в псалмах: *жертвы и приношения не восхотел еси, тело же свершил Ми еси: всесожжений и о гресе не благоволил еси. Тогда рех: се прииду. В главизне книжне писано есть о Мне: еже сотворити волю Твою восхотех* (Пс. 39, 7-9; сн.: Евр. 10, 5-7). А что содержащееся в предложенной нами истории весьма хорошо может быть отнесено ко Христу, об этом Он Сам засвидетельствует, говоря: *в главизне книжне писано есть о Мне.* Все премудрое писание Моисея есть книга, разделяющаяся на пять частей. Глава же как бы и начало всей книги есть книга, называемая книгою Бытия, в которой это написано о Христе. А что опять глава в Божественных Писаниях знаменует начало, в этом хорошо убедиться может всякий, кто понимает следующие слова, сказанные Павлом: *яко всякому мужу глава Христос есть, глава же жене муж: глава же Христу Бог* (1 Кор. 11, 3; ср.: Еф. 5, 23). Начало мужа есть Христос, как приведший его из небытия в бытие. А начало жены есть муж, по причине того, что сказано и истинно сделано: *сия наречется жена, яко от мужа своего взята бысть* (Быт. 2, 23). Началом же Христа называет Самого Бога, поелику от

Него по естеству происходит Сын, и Безначальный имеет началом Родителя, а вместе с тем и сосуществует Ему вечно.

3. Итак, превосходно, по моему мнению, может быть применено к словам истории таинство Христово. Но заслуживает, я думаю, полного удивления нашего и высшей похвалы божественный Авраам. А кроме того, мы должны ясно усматривать в этом глубину Божественной премудрости. Божественный Авраам был искушаем, хотя Бог и знал имевшее быть: ибо ничто не может укрыться от ума Всеведущего. Посему и говорит Бог: *кто сей скрываяй от Мене совет, содержай же глаголы в сердце, Мене же ли мнится утаити?* (Иов 38, 2.)

И еще устами Исаии: *яко Аз есмъ Бог, и несть еще разве Мене: возвещаяй первее последняя, прежде неже быти им, и абие сбышася* (Ис. 46, 9-10). Итак, право мысля, мы будем считать совершенно безумным и несообразным думать, будто Бог всяческих не знал будущего и потому испытывал Авраама. Но необходимо было, чтобы не одним только ведением о Боге блистала глава праведника, но и изобиловала величайшею славою и засвидетельствована была чрез испытание ее познанием обо всем и опытностью во всем наилучшем. Должно было, чтобы и Священные Писания возвещали, сколь велико его послушание и сколь высок смысл повелений Божественных, выше которых нет ничего. Он дошел до такой степени усердия и готовности, что не заботился и о самой любви к сыну и не убоялся вины детоубийства. Но что еще удивительнее, он ожидал в нем отца многих народов. Знал он также и то, что Бог в этом не мог солгать. Затем он готовился принести в жертву детище, не будучи в неведении относительно обетованного, но предав во власть Господа исполнение обещанного с клятвою, как Он Сам знает. И не бесплодно для него было дело сие, хотя он шел к исполнению его и путем горького опыта. Ибо из того, что имело случиться, он научен был превышающему всякий разум и достопримечательному чуду воскресения из мертвых, а кроме того и честному и великому таинству вочеловечения Единородного. Так и божественный Павел говорит: *верою приведе Авраам Исаака искушаем, и единородного приношаше обетования приемый. К немуже глаголано бысть: о Исааце наречется тебе семя: помыслив, яко и из мертвых воскресити силен есть Бог: темже того и в притчи прият* (Евр. 11, 17-19). Поскольку Бог и Отец

имел намерение по времени явить его как бы корнем и началом бытия бесчисленных народов, так как Еммануил умер за мир, то посему праведник чрез самое искушение научен был чрезвычайной и невыразимой любви Бога и Отца к нам, *Иже убо Своего Сына не пощаде, как мы уже прежде сказали, но за нас всех предал есть Его* (Рим. 8, 32), оправданных верою и сопричисленных к чадам праотца Авраама. Ибо если судить по-человечески, то я сказал бы, что блаженному Аврааму было тягостно и невыносимо повеление Бога — принести в жертву Исаака; потому что каким образом, думаешь ты, настроен был в то время Авраам, получивший повеление сделать это? Он был муж, достигший глубокой старости, получивший единственного и притом поздно родившегося сына, лишенный надежды даже и по времени быть отцом других детей, имевший и самую сожительницу состарившуюся (ибо и сама Сарра была стара).

И вот такой муж получает повеление без замедления заклать столь вожделенного сына, единородного и многожеланного.

Но какою рукою намерен был старец направить меч на выю отрока и дерзнуть совершить столько достойное сожаления заклание в отношении к собственному сыну? Разве не последовательно было бы думать, что ряд горьких и неприятных помыслов с докучливостию обнимал душу праведника? И то природа влекла к любви, а то Божественное откровение подавляло эту любовь и как бы по необходимости призывало к невольной благопокорливости. Итак, поистине великого удивления достоин праведник, и всякой похвалы достойна его любовь к Богу. Ибо он принес словесную жертву и тем, что отверг законы природы, и тем, что попрал побуждение неизбежной любви, и наконец тем, что ничего земного не ставил выше любви к Богу. Посему и прославлен был, и назван другом Божиим. И то, чего ожидал он, сбылось для него сверх чаяния: он соделался отцом многих и даже бесчисленных народов во Христе, чрез Которого и с Которым Богу и Отцу слава со Святым Духом во веки веков. Аминь.

Библиотека отцов и учителей Церкви: Свт. Кирилл Александрийский. Творения. Книга 2-я.– М.,2001.– с. 84--90.

2008 год, издание 2-е
Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 597

Христова любовь

Возлюбленные во Христе отцы, братия и сестры!

Сердечно, от всей души поздравляем Вас с Высокоторжественными праздниками Рождества Христова, Новым годом и Святым Богоявлением Господним!

Мысленно предстоя перед яслями Богомладенца Христа, принесем Ему в дар крепкую веру в Него как нашего Господа и Спасителя, проявим свою веру в конкретных добрых делах.

Благодатный свет Рождества Христова да осветит наш жизненный путь и приведет всех нас в вечные Небесные обители.
Благословение Божие да пребудет со всеми Вами.
Аминь.

С Рождеством Христовым!

Духовный собор
Псково-Печерского монастыря

Христова любовь

В братолюбии любовь.
2 Пет. 1, 7.

Христианство есть выражение всеобщей, всемирной любви. Оно учит нас любить и благотворить не одним нашим близким, а всему человечеству; любить тех даже, с которыми мы ни в чем не сходимся, любить ненавидящих нас. Христианская любовь не похожа ни на какую другую любовь. Любовь человеческая простирается на людей, которые привлекают нас высокими качествами, но любовь Христова идет искать и спасти погибшего, она следит издали за блудным сыном и идет к нему навстречу, она отыскивает прокаженных, она призывает всех отверженных.

Дивная любовь Христа! Озари и меня Твоими лучами! В моей грешной земной любви есть еще столько себялюбия. Я часто, думая любить других, ищу в этой любви только себя; но я жажду другой любви, я бы хотел обнять моей любовью недостойных, погибших, павших братьев, тех, от которых все отвернулись.

В Тебе одном могу я найти эту любовь. Вдохни в меня Твой Дух Животворящий, осени меня славою Твоего Креста, которая поможет мне носить на себе чужое бремя; наложи на меня Твое иго, которое будет мне легко, потому что оно уничтожит

во мне всякое себялюбие; расширь пределы моей любви, чтобы я мог понять всю глубину любви Твоей и назвать все человечество моими братьями.

Закон и благодать

Если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное.

Мф. 5, 20.

Царство Небесное есть то великое и драгоценное сокровище, о котором возвещается нам в Евангелии. Но только одни совершенные праведники имеют в нем часть. «Будьте святы, потому что Я свят»,— сказал Господь. Итак, праведность, открывающая нам дверь в это благодатное Царство Божие, должна вполне соответствовать святости Божией. Она должна быть совершенна и, следовательно, должна превосходить праведность книжников и фарисеев. По словам Христа, их праведность недостаточна для Царства Небесного: они, творя дела закона по букве его, не ходили перед Богом в той истинной, совершенной любви, которой требует Царство Божие; такое хождение возможно только при действии благодати, дарованной нам во Христе. «Закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1, 17). Закон Моисея, как закон писанный, есть дело несовершенное, откровение недостаточное. Свет его, не переставая быть светом, уступает, однако, свету, открывшемуся нам в воплощенном Слове, в Богочеловеке Иисусе Христе, Который есть полнота откровения Божия, Слово, вмещающее в Себе все слова Божии. С Ним прекращается все несовершенное, все недостаточное. «Не убивай»,— говорит закон, но тот еще дале-

ко не свят и не совершен, кто по букве не нарушает эту заповедь. Кто лишь настолько любит брата своего, что не убивает его, того любовь недостаточна для Царствия Небесного. Господь как бы говорит этим: ты хорошо делаешь, что не убиваешь брата своего, ибо это заповедь Божия; но ты этим не достигаешь того, чего требует закон любви; для вступления в более тесное общение с Богом необходима совершенная святость. Необходимо не только не убивать брата своего, но и не гневаться на него напрасно; не только не совершать греха на деле, но и в мыслях.

Роса благодатной любви

И небеса Его каплют росу
Втор. 33, 28.

Действие Духа Святаго на человеческую душу подобно действию росы, орошающей, освежающей царство природы. Как все мы нуждаемся в этом благотворном влиянии! Без благодати Духа Святаго душа наша не что иное, как земля сухая, как увядающее, погибающее растение. Оно обновляется, освежается этой благодатной росой, ниспосланной Богом.

Дух Божий дает нам жизнь и все то, что жизнь с собою приносит. Одаренные дарами Духа Святаго, мы чувствуем себя счастливыми, добрыми, сильными, и у нас ни в чем нет недостатка. Но без этого священного дара мы бессильны. Молитва наша остается сухою, чтение Слова Божия не приносит нам пользы, слова жизни превращаются для нас в мертвую букву, наша деятельность нас не удовлетворяет, в душе нашей нет жизни духовной.

Какое это чудное обещание: «Небеса Его каплют росу» — эти слова дают нам уверенность в том, что Господь нас не

оставит. Знойный ветер сомнения и соблазна, готовый опалить удалившихся от Господа, будет отвращен спасительным действием благотворной росы. Дух Божий победит в нашем сердце духа злобы, Он преобразит всю нашу жизнь, Он откроет наш ум к уразумению Слова Божия и чудным Своим светом озарит окружающий нас мрак.

Господи, Ты, Который насыщаешь землю живительной влагой, Ты, Который жалеешь бессловесные растения, умилосердись и над моей изнывающей душой, оживи меня, Господи, Духом Твоим Святым, ниспошли мне благотворную росу Твоей любви, утоли жажду души моей и не дай мне погибнуть!

Жертва Богу - дух сокрушен

> И, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну.
>
> Мф. 2, 11.

Волхвы не удовольствовались одним поклонением Младенцу Иисусу и наружным выражением своих чувств, но принесли свои дары к Его ногам. И мы должны принести Ему дары наши, залог нашей любви, повергая ее перед Ним, не довольствуясь одними песнопениями и коленопреклоненною молитвой. Есть большая примесь напускной чувствительности в человеческом поклонении божеству. Люди готовы воспевать хвалебные песни Творцу, но останавливаются перед жертвою своего сокрушенного сердца, которая одна угодна Богу. Они просят Бога «послать делателей в виноградник Свой», но не отвечают сами на Его призыв. Волхвы же не только принесли дары, но дары богатые, драгоценные, то, что они имели лучшего. И нам следует принести Богу то, что мы ценим всего больше, чистое золото нашей любви, фимиам лучших

наших чувств, драгоценную смирну наших лучших побуждений. Слишком часто мы отдаем Богу лишь жалкие остатки духовных наших сокровищ; то, что мы не могли применить в нашей себялюбивой жизни, то, что не нужно нам, то мы жертвуем Богу, от Которого получили все. Нет, лучшую часть нашего существа, самое дорогое, самое возвышенное отдадим Ему на служение.

Прими в сердце Спасителя

Не было им места в гостинице.

Лк. 2, 7.

Вспомним трогательный рассказ о Рождестве Христовом и проникнемся чувством глубокого духовного значения этого величайшего события. Не нашлось места в гостинице для Того, Кто пришел спасти человечество, Кто был Сын Божий и Царь мира!

Наплыв в Вифлееме был слишком велик, все спешили туда для того, что казалось им самым важным в эту минуту, и это вытеснило из их среды Самого Спасителя! Приближаясь к воспоминаниям о величайшем событии христианского мира и готовясь встретить праздник Рождества Христова, не дадим земным заботам заглушить главное в нашем сердце, дадим в нем первое место нашему Спасителю, примем Его в свое сердце с тою любовью, которая стремится помочь и утешить, облегчить жизнь наших братьев.

Среди шума житейской суеты, сопровождающей обыкновенно большие праздники, будем постоянно иметь перед глазами образ Божественного Младенца, чтобы нельзя было сказать, что у нас Ему не нашлось места!

И во Имя Его будем творить добро, отложив земные заботы.

Рождество Христово

Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение.

Лк. 2, 14.

По всей земле, где только проповедуется имя Христа, празднуется Рождество Христово. И каждый год этот праздник приносит с собою как бы свежую струю любви и света. В каждом доме, в каждой семье ежегодно идут приготовления к этому дню. Дети ожидают его с радостным нетерпением, родители с любовью думают о предстоящем детям удовольствии, мысль о праздничной елке наполняет все сердца.

Но не надо забывать, что Рождество есть прежде всего день священный, божественный день, который мы чтим по воспоминанию о той бесконечной Любви, не пожалевшей Сына Своего для спасения рода человеческого. Итак, чтобы достойно встретить и провести этот праздничный день, каждый должен исполниться благоговения перед Пречистым образом Младенца Иисуса, иначе исчезает все значение праздника. Празднуя Рождество Христово, будем молиться, чтобы дух Его любви проснулся и возродился в нашем сердце, пусть в нем найдутся ясли, готовые Его принять, драгоценные дары, готовые Ему принадлежать. Значение Рождества есть любовь, мир и благоволение, а благоволение — это всепрощение, это желание добра всем и каждому, это полное самозабвение и любовь, объемлющая все человечество.

Будем же все стремиться к осуществлению среди нас, в правде и в истине праздника Рождества Христова. Тогда и в наши дни повторится то дивное чудо: Христос снова сойдет на землю, потому что Дух Его будет обитать в каждом из нас, и звуки ангельской песни постоянно будут звучать в нашей душе, наполняя ее радостью бесконечною.

Печатается по: Каждый день – подарок Божий. Дневник православного священника. М., 2004, 2-е изд. (1-е изд.– День за днем. СПб., 1908).– С.188-189; 459-465.

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2004 год

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ ЛИСТОК № 598

О МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ

ДОКЛАД
Архиепископа Орехово-Зуевского
АЛЕКСИЯ
на рабочей группе
Архиерейского Собора 2004 г.

Архиерейский собор
Русской Православной Церкви

Ваши Высокопреосвященства! Ваши Преосвященства!

Тема нашей встречи — монастыри и монашество, современная монастырская жизнь. В порядке обсуждения этой темы позвольте кратко остановиться на основных вопросах, имеющих, как видится, актуальность и предполагающих обсуждение и оценку.

На канонической территории Русской Православной Церкви в настоящее время открыты и действуют 655 монастырей, из которых мужских насчитывается 321, женских — 334. Число монастырских подворий и скитов превышает 200. В непосредственном ведении Святейшего Патриарха Московского и всея Руси состоят 25 ставропигиальных монастырей. В монашеских обителях на территории Российской Федерации проходят церковное послушание более 10 тысяч насельников и насельниц.

Число подвизающихся в монастырях братьев и сестер имеет тенденцию к некоторому увеличению. Этот рост связан не только с расширением состава монашеских общин, но и с постоянным ростом числа самих обителей. Как известно, почти на каждом заседании Священного Синода преподается благословение на возрождение монашеской жизни в нескольких вновь открываемых монастырях, которые существовали исторически либо вновь образуются на базе приходов. 17 августа текущего года Святейший Патриарх и Священный Синод отдельным Постановлением обратили внимание Епархиальных Преосвященных на необходимость представления подробных исторических справок и описания современного состояния обителей при ходатайстве об их открытии, а также аргументированных обоснований преобразований приходов в монастыри. Безусловно, вопрос открытия или образования новой монашеской обители требует серьезной и всесторонней подготовки, чтобы, говоря евангельски, не начинать строительство башни, не вычислив прежде издержек (Лк. 14, 28). Каждому архипастырю понятно, сколь сложно поднять из руин монастырь, а главное, скольких трудов и скорбей, какого терпения и любви потребует возрождение в нем собственно иноческого бытия. Стремление насадить и взрастить монашескую общину, особенно если число действующих в епархии монастырей невелико, вполне закономерно. И все же, думается, дело не в количестве монастырей, а в том, чтобы они соответствовали своему предназначению, становились островами духовности, духовными твердынями и оплотом Православия, утверждая правду Божию среди житейского моря мира сего, во зле лежащего (1 Ин. 5, 19). Очень важно, чтобы люди, посещающие монастырь, обретали в нем возможность

обновления и преображения своей жизни, чтобы они нуждались в монастыре как великой святыне. Нет необходимости поэтому говорить о том, что благополучие епархии в деле возрождения монашества измеряется не числом действующих монастырей, а состоянием жизни в них.

На некоторых аспектах опыта и проблем устроения современных монастырей и иноческой жизни в них хотелось бы остановиться подробнее.

Прежде всего, нельзя не отметить, что возрождение монастырей и монашества происходит во всех традиционных формах служения. Монастыри активно действуют в области духовного просвещения, благовествуют слово Христовой истины, совершают миссионерские труды. Отдельные обители сосредотачивают свою деятельность именно на миссионерском служении, получают особый статус монастырей с миссионерской направленностью. Этот вид служения становится особенно актуальным в тех епархиях, где удаленность населения от храмов и центров духовной жизни остается ощутимой проблемой, требующей решения. Миссионерская работа требуется от монастырей в регионах, население которых подвергается нашествию раскольников, проповедников протестантского толка, сектантов, в том числе деструктивного свойства, деятельность которых не только препятствует приобщению людей истинной вере, но разлагающе влияет на личность человека и представляет опасность для общества. Работа по противодействию сектантам монастырями ведется и требует развития. Просветительское служение монастырей приносит добрые плоды и в тех землях, где люди исторически принадлежат к инославию. Еще Поместный Собор Православной Российской Церкви 1917-1918 годов в Определении «О монастырях и монашествующих» постановил: «Просветительная деятельность монастырей, расположенных среди населения, подвергающегося влиянию сектантства, раскола и иноверия, должна носить миссионерский характер. Монастыри, расположенные среди инородческого населения, могут посвятить себя исключительно благовестническому служению... и открывать училища с миссионерскими задачами»[1].

Духовно-просветительская работа в современных монастырях обычно включает в себя создание Воскресных школ для детей и взрослых, формирование паломнических служб, организацию катехизических бесед с прихожанами монастырских храмов. Но служение обителей делу просвещения не ограничивается монастырскими стенами. Монастыри организуют молебные пения на открытых местах, привлекая к ним множество народа, проводят массовые крестные ходы, в том числе возрождают исторические традиции дальних крестных ходов по святым местам теми маршрутами, которыми под хоругвями с молитвой

проходили наши предки. Во многих монастырях возрождено книгоиздание и распространение святоотеческой, богословской и другой душеполезной литературы. Отдельные обители сотрудничают с государственными и негосударственными учебными заведениями, открывают в них домовые храмы, имеют возможность проводить учебные занятия теологического и культурологического направлений, иногда даже в рамках учебных планов. Радует умножение числа семинарий, училищ, богословских и регентских курсов, открываемых при монастырях.

Но и сам факт существования монастыря служит духовному "просвещению, ибо к действующей обители неизбежно начинают тянуться жители окрестных селений, а со временем и из более отделенных населенных пунктов. История и многовековой опыт поколений показывают, что возможность прикоснуться к древним святыням обителей, напитаться спасительным словом и священнодействием уставного, благоговейно совершаемого богослужения, неспешно и внимательно исповедаться, подготовиться и причаститься Святых Христовых Таин, принять посильное участие в монастырских трудах, — все это благотворно и укрепляюще действует на душу человека, надолго запечатлевается в памяти, лучше всякого внешнего примера наставляет в вере и возвращает на путь обретения подлинных духовных ценностей.

Конечно, определяющее значение при этом имеет уровень благочестия в самих монастырских братствах и сестричествах, духовное состояние монашествующих и послушников, то, насколько они стремятся «подвигом добрым подвизаться» (2 Тим. 4, 7). Навряд ли человек, лишь недавно переступивший порог храма, будет убежден в необходимости изменить свою жизнь, утвердиться в Православии и стать достойным христианином, если он, посетив монастырь, увидит в братстве иноков, то есть людей иных по отношению к миру, вместо братской любви — неприязнь, вместо подвига — леность и праздность, вместо послушания — своеволие, вместо самоукорения — самооправдание, вместо благого молчания и молитвы — пересуды и суесловие, вместо мира — раздоры. Этого вопроса, то есть внутренней монастырской жизни и ее состояния в современных монастырях, я хотел бы несколько позже коснуться подробнее.

Благополучно, в целом, проходит становление и развивается монастырское хозяйствование. Большинство монастырей успешно проводят строительные и реставрационно-восстановительные работы. Слава Богу, народ наш не оскудевает жертвователями и благотворителями, ответственно относящимися к своему будущему и будущему своей страны, радеющими о духовном возрождении Отечества. Делая вклады в возрождение монастырей, они продолжают добродетельную тра-

дицию благочестивых предков, помогают обителям восставать после длительного периода запустения, поругания и разорения, содействуют возвращению им былых благоустроенности и благолепия. Нельзя не отметить каждодневный неленостный труд настоятелей и настоятельниц, насельников и насельниц наших монастырей. Милостью Божией и благодаря их верности избранному пути постепенно восстанавливается уклад монастырской жизни, устраивается быт иноческих братств и сестричеств, и все это повсеместно в нелегких условиях. Молитвой и трудом созидались обители во все времена, и сегодня молитвой и трудом современных ревнителей монашества поднимаются, словно из небытия, наши древние святыни.

Широкое распространение получила возрожденная традиция учреждения монастырских подворий и скитов. Позвольте, в качестве напоминания, подчеркнуть, что подворье, в основном, образуется с целью материальной, хозяйственной поддержки монастыря либо для образования на его базе особых братств или сестричеств для ведения социальной, патронажно-попечительской или миссионерской работы, либо в представительских целях. Иными словами, деятельность подворья направлена на внешнее служение. Скит создается, как правило, на небольшом отдалении от монастыря с целью обеспечения более опытным монашествующим условий для собственно монашеского делания, духовных трудов и ничем извне не стесненной молитвы. В скитах могут нести послушание новоначальные, врученные духовному руководству скитских иноков или инокинь. Само собой, для совершения богослужений и обеспечения жизнедеятельности в скиту исполняются обычные монастырские послушания. Но жизнь в нем сугубо ориентирована на устроение внутреннего мира подвизающихся, на упражнение в молитве и духовное трезвение. Обычно скит не имеет ни административной, ни юридической самостоятельности, что отвечает цели его создания, и полностью пребывает в зависимости от монастыря. Скитоначальником назначается наиболее опытный в духовной жизни и, по возможности, старший по возрасту из числа монастырской братии.

Подворье же может быть образовано на значительном удалении от обители, в другом регионе или даже в другом государстве. Поэтому монастырское подворье в большинстве случаев должно иметь определенную самостоятельность, государственную регистрацию, нести ответственность и вести отчетность о своей финансовой и хозяйственной деятельности. Священным Синодом 20 апреля 2000 года принят типовой Устав подворья мужского или женского монастыря, имеющего епархиальное подчинение, для употребления его на всей канонической территории Русской Православной Церкви. Существующие и вновь об-

разуемые монастырские подворья должны иметь гражданский устав, утвержденный Правящим архиереем, и регистрацию в государственных органах. Это особенно важно для обеспечения нормальной деятельности подворья, если оно расположено в ином, чем монастырь, государстве или субъекте Российской Федерации.

На упомянутое традиционное различие между подворьем и скитом прошу обратить внимание. В отдельных обителях есть скиты, подвизающиеся в которых с раннего утра до позднего вечера заняты попечением о домашнем скоте, пастбищах, огородах и прочем хозяйстве. Ясно, что изначальное предназначение скита как благоприятной врачебницы души и места внимательных молитвенных трудов в таком случае утрачивается. Дело не столько в наименовании, сколько в том, чтобы настоятели и настоятельницы глубоко и твердо сознавали, в чем состоит смысл монашества и наставляли вверенных братьев и сестер на путь спасения.

Можно сказать, что практически все обители, которые уже преодолели начальный этап возрождения, развивают социальное и патронажное служение. На уже упоминавшемся Поместном Соборе 1917-1918 годов было уделено немалое время дискуссии по вопросу о служении монастырей по образу Марфы и по образу Марии. В принятом на Соборе Определении сказано прямо, что монастыри обязаны обеспечивать приют и уход престарелым и больным инокам: «Если монастыри каждый в отдельности не могут устроить своих богаделен и лазаретов, то изыскиваются средства на учреждение общих для всех монашествующих епархии богадельни и лазарета в одном из монастырей»[2]. Думается, к этому положению, продиктованному традицией монастырской жизни, необходимо возвращаться, чтобы иноки и инокини, достигшие преклонных лет и не имеющие здоровья для несения общих послушаний, пользовались монастырским попечением и жили не на квартирах, а в стенах монастыря в согласии с данным в пострижении обещанием пребыть в обители до конца своих дней. В больших епархиях устройство епархиальной богадельни для монашествующих на базе одного из монастырей, хозяйственно более крепкого и материально более других обеспеченного, имеющего достаточное число насельников или насельниц, представляется делом нужным и возможным.

Относительно социального служения в том же разделе Соборного Определения говорится: «Для удовлетворения нужд богомольцев и местного населения монастыри устраивают, где возможно: а) приемные покои и аптеки, б) приюты для сирот, в) убежища для инвалидов, г) странноприимные дома. Монастыри приходят на помощь населению во время народных бедствий,... помогают семьям заключенных в тюрь-

мах, кормят нищую братию и одевают нагих»[3]. В той или иной форме это служение возрождено в ныне действующих обителях. Мы знаем об открытии при десятках монастырей, в первую очередь женских, собственных приютов для детей, оставшихся без родителей, о действующих при монастырях богадельнях для престарелых, о благотворительных столовых для малоимущих или не имеющих работы и постоянного места жительства, о гуманитарных складах одежды для них. Подобная социальная деятельность развивается при крупных, более стабильных в хозяйственном отношении монастырях. Но к посильным видам социального служения должны подключаться все обители. Простые люди на территории бывшего советского пространства живут бедно, а местами — чрезвычайно бедно.

Монастыри не могут оставаться безучастными к самым насущным, жизненно важным потребностям людей, и это в традиции русского монашества. Быть милосердным — евангельский призыв Христа Спасителя, обращенный к каждому из нас. Кроме того, надо стремиться к созданию при всех монастырях трапезных и гостиниц для паломников, пусть даже небольших, и простейших медицинских пунктов для оказания самой элементарной медицинской помощи.

Внимание к нуждам заключенных также необходимо рассматривать как направление монастырской благотворительности. Видов работы здесь немало — от помощи в создании домовых храмов в колониях и тюрьмах до ответов на письма заключенных, направления адресной помощи в виде продуктовых посылок, организации сбора и отправки в места лишения свободы предметов одежды, духовной литературы, почтовых принадлежностей. Что-либо из перечисленного может понести любой монастырь, и на практике это подтверждается.

Серьезной помощи сегодня требуют учреждения социальной защиты населения — интернаты, детские дома и дома инвалидов. К работе в них надо привлекать молодежь, устанавливать шефство над социальными учреждениями, с благословения Епархиального архиерея образовывать при монастырях братства и сестричества милосердия.

Таковы некоторые направления современного служения монастырей.

Нельзя не сказать, что по-прежнему актуальным для большого числа обителей остается вопрос возвращения монастырских зданий и сооружений, получение прав на землевладение как в отношении территорий самих монастырей, так и земельных участков за их пределами для ведения подсобных хозяйств. По-прежнему монастыри на своей исторической территории вынуждены соседствовать с учреждениями культуры и иными организациями. В таких случаях проявление му-

дрости и терпения должно сочетаться с аргументированным и твердым отстаиванием законной позиции монастыря. Нередко ситуации бывают непростыми, их преодоление затягивается, но всегда надо находить общий язык и стараться избегать конфликтов, которые только тормозят решение вопроса и создают ненужный ажиотаж в средствах массовой информации. Многое здесь зависит от опыта, административных способностей, последовательности и разумной настойчивости настоятелей и настоятельниц, умения своевременно и грамотно обращаться в органы государственной власти и местного самоуправления, от осведомленности в юридической стороне дела.

Позвольте теперь уделить внимание некоторым вопросам внутренней монастырской жизни.

«Вы — свет мира», — обращается Господь к сердцу каждого христианина (Мф. 5, 14). И тем более этот призыв относится к монашествующим, которые вышли из мира и сподобились быть сопричисленными той общности, которая справедливо названа жертвой Богу за мир. Современный нам подвижник и духовный писатель архимандрит Софроний (Сахаров, I1993) замечает: «Отречение от мира не есть единожды совершаемый акт; отречение от мира — непрерывный подвиг всей жизни»[4]. Быть вне мира, отрываться от него, не принадлежать ему, стремиться к горнему и, не приобщаясь миру, жертвенно служить тем, кто в мире, следуя путем Христовым, «ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3, 16). Таково неизменное назначение монашества, от первых веков предначертанное основоположниками этого «трудного, скорбного, многоболезненного, но все же блаженного подвига воистину совершенной христианской жизни»[5] и засвидетельствованное сонмом преподобных подвижников ведомых и неведомых, от лет древних до наших дней подвизавшихся.

Поэтому необычайно важно, чтобы настоятели и настоятельницы были предельно внимательными к тем, кто переступает порог обители, имея намерение стать иноком. Внимание должно быть обращено на то, чем руководствуется человек, прося о принятии в монастырь, каковы мотивы его жизнеопределяющего поступка. Если выбор не осознан, если это не приход к Богу, а попытка бегства от житейских трудностей, от семейных неурядиц, дополняемых неудачами на работе, то в самом ближайшем будущем такого человека и в монастыре ждет довольно сложный период, ибо «блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает» (Рим. 14,22). Если кандидат в послушники движим не любовью к Богу и не желанием молитвы, а суетной надеждой хоть в стенах монастыря устроить себе карьеру взамен не сложившейся в миру, — ка-

кой послушник и какой монах из него получится? Он так и будет жить мирскими задачами и по мирским критериям, не осознавая, в каком месте он находится. Именно на монастырское начальство возложена обязанность должным образом испытать приходящего, прежде чем принять его в число послушников. Многих нестроений и соблазнов в обители можно избежать, трезво и ответственно подходя к вопросу приема в монастырь. В самом деле, лучше малое стадо, но верное. И не может быть оправданием нередко слышимое: кто же будет трудиться в монастыре, с кем возрождать обитель? «Аще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущий», — воспевает псалмопевец Давид (Пс. 126, 1). «Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал»,– говорит Спаситель (Ин. 15, 16). Обитель составляют не случайно пришедшие или, точнее сказать, зашедшие, но те, которых Господь призвал служить на этом месте и созидать обитель Богу в своем сердце и вокруг себя. И горе званным, если они оказываются не достойными избрания (см. Мф. 22, 2-14). В этом смысле не только и не столько послушник выбирает себе обитель, сколько монастырь обретает в нем свое чадо и своего послушника. Вот почему Правила святых отец и древние уставы предписывали иноку пребывать на месте своего пострижения и не переходить в другие монастыри.

Древняя монастырская традиция — вручать новоначального старцу. Прежде уставами и, позднее, даже нормативными документами предписывалось каждой обители иметь своего старца, а также и духовника. В упоминавшемся выше Соборном Определении сказано: «В каждой обители для духовного окормления насельников ее желательно иметь старца (старицу)» и дана следующая характеристика: «Старцы (старицы) суть иноки (инокини), преуспевшие в духовной жизни, знакомые со словом Божиим, отеческими творениями и правилами святых отец и способные к руководительству в духовной жизни, коим поручается назидание братии»[6]. Ясно, что сегодня обеспечить выполнение этого требования невозможно не то что во всех современных 655-ти монастырях, но хотя бы даже в половине их числа. Потребуются десятилетия внешне нестесненного развития монастырей, чтобы в них родились духовно опытные старцы и старицы, способные к руководству в духовной жизни и наставлению монашествующих. Решение пока видится в том, чтобы обращаться к опыту известных крупных монастырей, сохранивших традицию духовного наставничества или возродивших ее задолго до массового возвращения обителей Церкви.

Относительно духовников можно сказать, что тем же Соборным Определением их присутствие в монастырях оговорено не как жела-

тельное, а как обязательное: «В каждой обители должен быть духовник для братии. Духовник избирается настоятелем с участием всей монашествующей братии и утверждается Епархиальным архиереем. В женских монастырях для мантийных монахинь духовник назначается из монашествующих Епархиальным архиереем»[7]. Святейший Патриарх неоднократно говорил, что проблема духовничества в монастырях остается достаточно острой. Она требует усилий от Правящих архиереев. Духовников для обителей необходимо подбирать и воспитывать, особенно для женских монастырей, где духовник всегда назначается извне, в то время как в мужских монастырях духовники состоят в братстве обители и часто вырастают из него.

В женском монастыре духовник и штатный священник, вообще говоря, не одно и то же лицо. Но на практике это зачастую очень трудно обеспечить. В штат женских монастырей, как правило, должны назначаться женатые священники. За формирование у сестер должного монашеского устроения они не отвечают и не могут отвечать. И, во всяком случае, мантийным монахиням непременно надо иметь возможность духовного окормления у монашествующего духовника, что продиктовано опытом монастырей в прошлом. Конечно, желательно, чтобы духовник пребывал в стенах обители, поскольку это влияет на послушание сестер настоятельнице. В действительности нередко получается, что если и есть в женском монастыре постоянный священник, то он и богослужения совершает, и исповедь у сестер принимает, а монашествующий он или женатый, осуществляется ли им духовное руководство как таковое, знает ли он жизнь сестер или просто исповедует перед причастием,— остается за рамками обсуждения. В некоторых женских монастырях, причем не вчера открытых, священник и вовсе появляется только в дни великих праздников, поскольку на него возложено окормление прихода и, может быть, не одного.

Безусловно, вопрос о монастырских духовниках трудный. Но, возможно, обмен опытом между Епархиальными архиереями будет содействовать если не решению его, то хотя бы продвижению на пути решения. Заниматься проблемой духовного руководства в монастырях требуется безотлагательно, иначе целостность и жизнеспособность монастырского организма, его соответствие своему предназначению окажется под угрозой, и вопрос воспитания достойных монашествующих, которых по высоте служения Богу и ближним святые отцы уподобляют Ангельскому чину, так и останется вопросом.

Другой актуальной и, я бы сказал, животрепещущей и болезненной является проблема послушания. Приходится отмечать, что во многих обителях нет правильного отношения к послушанию не только у по-

слушников и новоначальных, но и насельников и насельниц, проживших в постриге не один год. Беда не в том, что не формируется глубокого сознания смысла послушания, а в том, что нет зачастую желания, не говоря о решимости бороться со своеволием. Но если, по слову архимандрита Софрония, «акт произвольного отречения от своей воли делает наше восхождение разумным проявлением нашей любви к Богу»[8], то можно сказать, что не желающий отсекать свою волю не имеет в себе любви к Богу. Иной раз, беседуя в монастырях, задаешься вопросом: если послушник или послушница уязвляется отеческим — именно отеческим назиданием, замыкается в обиде, настаивает на своей правоте, то что приобретает он или она, находясь в монастыре; послушник ли это или, как старцы говорят, ослушник?

Немощен современный человек, где уж нам понести труды, хоть отдаленно напоминающие подвиги самоотречения, кротости и дивного послушания старцу, настоятелю и братии, явленные святыми подвижниками древних монастырей. Поэтому большое терпение, рассудительность и трезвомыслие необходимо настоятелям, настоятельницам и духовникам в заботе о постепенном восхождении вверенных им братьев и сестер в духовной жизни. Не только к пострижению в рясофор и мантию, но и к облачению в подрясник или хитон послушника или послушницу надо терпеливо готовить, испытывая в них и твердость намерения идти иноческим путем, и старание отсекать свою волю. Эта воспитательная работа требует длительного времени, иногда целого ряда лет, а не такого, мягко сказать, упрощенного отношения, когда человек весьма юных лет, переступив порог обители, уже через год ходит в рясофоре.

Серьезные жизненные потрясения в таких случаях, как правило, не заставляют себя ждать. Есть определенный возрастной ценз, продиктованный практикой Церкви, опытом многих поколений монашествующих, и надо им руководствоваться: пострижение в мантию не ранее 30-летнего возраста, в рясофор можно постригать и по достижении 25 лет. Конечно, это определяется в каждом случае индивидуально, и могут быть исключения. Но именно исключения, а не норма: в отдельных обителях рясофорные инокини находятся в возрасте не старше 20-ти лет.

Хочется обратить внимание на отношения старших и младших, и особенно в женских монастырях. Нередко это отношения не христианского единения и любви, а разобщенности по принципу — кто кем командует. Приводит это к нарочитому унижению младших, к возложению на них тяжелых физических трудов, никак не сообразуемых ни с возрастом, ни с телесной крепостью. Подобные отношения напоми-

нают пресловутую армейскую «дедовщину» и непременно должны вызывать незамедлительное вмешательство Монастырского совета (или Духовного собора монастыря), чтобы столь пагубные явления устранялись сразу и безвозвратно.

О физическом труде в монастырях стоит сказать особо. Сопровождаемые молитвой труд и рукоделие с древнейших времен занимали свое важное место в монастырях как имеющие пример апостольский и святоотеческий. Послушник не может быть праздным, в идеале у него вовсе не должно быть свободного, то есть ничем полезным не занятого времени. Преподобный Ефрем Сирин говорит: «Леность разрушает благоговение и тому, кто приобрел ее, приносит укоризненное имя»[9]. Однако во всем требуется умеренность и благоразумие, поэтому и послушания возлагаются в соответствии с силами и способностями каждого. Да, в монастыре надо много трудиться, и у современных послушников это остается проблемой. Но и превращать обитель в некую ремесленную или сельскохозяйственную артель вовсе не годится. Ведь не ради достижений в овощеводстве, скотоводстве или бесконечной вышивке гладью приходит человек в монастырь, а для спасения души. Богослужение и молитва всегда должны оставаться в центре монастырской жизни, быть ее средоточием, а труд неизменно входит в нее, и не столько в части возведения монастырских стен и корпусов, сколько помогая послушнику избегать праздности, пустословия, неполезного общения и недобрых помыслов. И конечно же, труд не должен изматывать, истощать и лишать сил послушника. «Бог наложил на человека труд не в наказание и мучение, — говорит святитель Иоанн Златоуст, — но для вразумления и научения его»[10].

С проблемой послушания связан вопрос монастырской дисциплины. Бесспорно, она должна соблюдаться сообразно уставу общежительного монастыря и быть основанной на полном послушании настоятелю или настоятельнице, без ведома которых в монастырях, как известно, ничего предпринимать нельзя. Однако дисциплина в монастыре не может строиться на принуждении. В этом смысле монастырь — уникальный организм, который составляют свободные личности, по любви к Богу и желанию совершенной жизни во Христе свободно отказывающиеся от своей воли. И если послушника к послушанию принуждают — это не может находиться в согласии с монашеской и церковной традицией. Насильно в Царство Небесное не затащишь. Не дисциплиной и даже не соблюдением устава созидается монастырское братство, а только любовью, да и сами уставы свидетельствуют о любви. Поэтому об оставляющих монастырь можно лишь констатировать апостольски: «Они вышли от нас, но не были наши, ибо если бы они были наши,

то остались бы с нами» (1 Ин. 2, 19). Но убеждать необходимо, ибо убеждение – один из способов наставления и руководства.

Тем же монашествующим, которые не желают жить в монастыре, согласно святоотеческому установлению не должно дозволять ношение монашеских одежд. Святейший Патриарх, по практике Пюхтицкого монастыря, советует предлагать таковым принести и положить свое иноческое облачение к чтимому образу или иной святыне монастыря и тогда быть свободными уйти из обители. Оставившие монастырь не подлежат приему в другую обитель; перевод в другой монастырь возможен только в каноническом порядке. Необходимо быть внимательными к фактам посещения монастырей подобными «беглыми» иноками. Во избежание соблазнов нецелесообразно допускать общение с ними монастырских братьев, сестер и трудников. Монашествующие священнослужители из других епархий не могут допускаться в алтарь и, тем более, к участию в богослужении, если у них нет отпускной грамоты от Епархиального архиерея или удостоверения на право временного отбытия из своей епархии или своего монастыря с формулировкой о несостоянии под каноническим прещением. Приходится, увы, обо всем этом говорить, поскольку в современной церковной практике встречаются подобные негативные примеры.

Отдельный вопрос — отношения настоятелей и настоятельниц с Епархиальным архиереем. Из факта синодального назначения настоятеля или настоятельницы вовсе не следует неподконтрольность и непослушание последних своему архипастырю. Епархиальный монастырь всецело находится в ведении Правящего епископа, по благословению которого ведутся дела и решаются все вопросы, связанные с благоустроением обители, ее внешней и внутренней жизнью. Протоколы заседаний Монастырского совета или Духовного собора подлежат обязательному направлению Правящему архиерею на рассмотрение и утверждение.

С ведома Епархиального архиерея разбираются личные дела насельников и насельниц. Участились случаи, когда монашествующие обращаются с жалобами прямо в Синодальные учреждения, в обход благочинного и Епархиальной власти. К сожалению, бывает, когда инок подает жалобу в светские инстанции или отправляет ее в средства массовой информации. Вообще, сам факт обращения монашествующего с жалобой чаще всего говорит о его неправильном, немонашеском внутреннем устроении. Вспоминается недавний неприятно поразивший случай, когда на настоятеля одного из российских епархиальных монастырей жаловался... схимонах, и даже не сам, а при посредничестве другого схимонаха. Излишне, наверное, комментировать этот

эпизод. Тяжело об этом говорить, но в наших обителях встречаются иноки, которые не в любви пребывают и не к благочестию стремятся, которые «ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу» (Флп. 2, 21).

Но большинство обителей сегодня переживают трудный период возрождения. Для многих, ставших послушниками и иноками, но не получивших воспитания в религиозной среде, традиция монашества представляется как нечто малознакомое и неизведанное, с чем они еще не сроднились и в чем им только предстоит укорениться.

В завершение своего слова хотел бы отметить, что затронул лишь некоторые стороны монашеской жизни, отдельные вопросы и проблемы, которые представляются актуальными. И в первую очередь, самого серьезного внимания и основательного устроения сегодня требует внутренняя жизнь монастырей, воспитание насельников и насельниц достойными монашеского знания, жаждущими подлинной жизни во Христе.

Ссылки

[1] **Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Выпуски 1-4. М., 1994. — Вып. 4-й, с. 38.**

[2] **То же. — С. 39.**

[3] **То же.**

[4] **Софроний (Сахаров), архимандрит. Подвиг богопознания. Письма с Афона. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь: Эссекс, Англия. Изд-во «Паломникъ»: М., 2003. — С. 235.**

[5] **То же. — С. 133.**

[6] **Собрание Определений и Постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917-1918 гг. Цит. изд. — С. 34-35.**

[7] **То же. — С. 35.**

[8] **Софроний (Сахаров), архимандрит. Цит. соч. — С. 153.**

[9] **Творения иже во святых отца нашего Ефрема Сирина. Ч. 1. Изд. 3-е. М., 1881. — С. 549.**

[10] **Творения святаго отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константинопольскаго. Т. 2. Ч. 1. Изд. 2-е. СПб., 1899. — С. 40.**

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2004 год
Тир. 500 экз.

Божие милосердие и вечные муки

И идут сии в муку вечную, праведницы же в жизнь вечную (Мф. 4, 17). Разум и нравственное чувство человека отказываются признать вечные муки. Бог есть Бог любви, а вечный ад противоречит такому пониманию Бога.

Поэтому и сомневаются некоторые в том, что муки, действительно, будут вечными, несмотря на то, что это слова Самого Спасителя. Но Бог столько же милосерд, сколько и правосуден. Так же как будет нескончаемо блаженство праведников, будет во веки веков нескончаема мука грешников. Мука будет так же вечна и бесконечна, как и жизнь вечная – бесконечна.

Безгранична любовь Божия, но и свобода человека неисчерпаема и бездонна, и глубина ее непроницаема для разума. Как распорядится человек этой бездонной непостижимой свободой? Вот теперь адские муки у тебя перед очами, а ты все-таки грешишь, а за это-то и следует тебе мучиться вечно. Тебе следовало бы ежечасно благодарить правду Божию, которая открыла пред тобой пропасть адскую, дабы пресечь тебе путь злобы твоей. Да если бы муки адские имели конец, то какова была бы жизнь христиан? Воистину праведен суд Божий! (Исаия Минятий). Праведен, но в самой правде своей исполнен милосердия. Вечно будет томиться грешник жаждой потерянного блаженства, но если бы и мог он получить это блаженство, то не в радость себе. Как несносны лучи солнечные для очей больных, так не может грешник вынести лицезрения Божия. Как не может рыба жить в воздухе, так не способен грешник к райской жизни.

Нигде не сказано, что Бог возьмет тебя в рай, потому что Он безгранично милосерд, но сказано, что употребляющие усилие входят в него. Вечное блаженство, вечная жизнь – для тех, кто употреблял усилия. Потому что в ад можно прийти или упасть, хотя того не хочешь и не думаешь о том. На небо нельзя взойти, когда того не хочешь и не думаешь о том (Митр. Филарет Московский). Вечное блаженство готово для нас, но нужно нам всеми силами души стремиться к нему, дабы не исполнилось на нас слово псалмопевца: *не восхоте благословения и удалится от него* (Пс. 108, 17).

Как мы будем вечно жить, если не научимся здесь не оскорблять Бога своим грехом? Если бы мы жили вечно, то и грешили бы вечно.

Не произвольно скажет Судия одному: стань одесную, а другому стань ошуюю. Пока еще есть время, пока еще не поставлен престол суда, еще не явился Судия, еще мы не предстали судилищу, еще не изречено слово суда, и еще не разверз челюсти ад, подумаем, куда мы идем, ибо идем уже либо на десную, либо на шуюю сторону страшного суда Христова.

Из Троицких Листков 1896-1899гг.

‡

Никогда не называй Бога справедливым. Если бы Он был справедлив, ты давно был бы в аду. Полагайся только на Его несправедливость, в которой – милосердие, любовь и прощение (Исаак Сирин). Часто приходилось мне слышать мысль сомнения, что существование ада и вечных мук несообразно с милосердием Божиим. Однажды, после такой беседы, когда оставил меня беседовавший со мною посетитель, я погрузился невольно, не замечая сам того, в задумчивость. Грустно было мне на сердце. В этом состояло впечатление, оставленное мне посетителем. И как не остаться грустному впечатлению, когда я слышал христианина, дерзавшего прямо противоречить Христу, дерзнувшего признать слова Бога ложью, вымыслом суеверия! Ведь Сам Спаситель сказал: *и идут сии в муку вечную* (Мф. 25, 46).

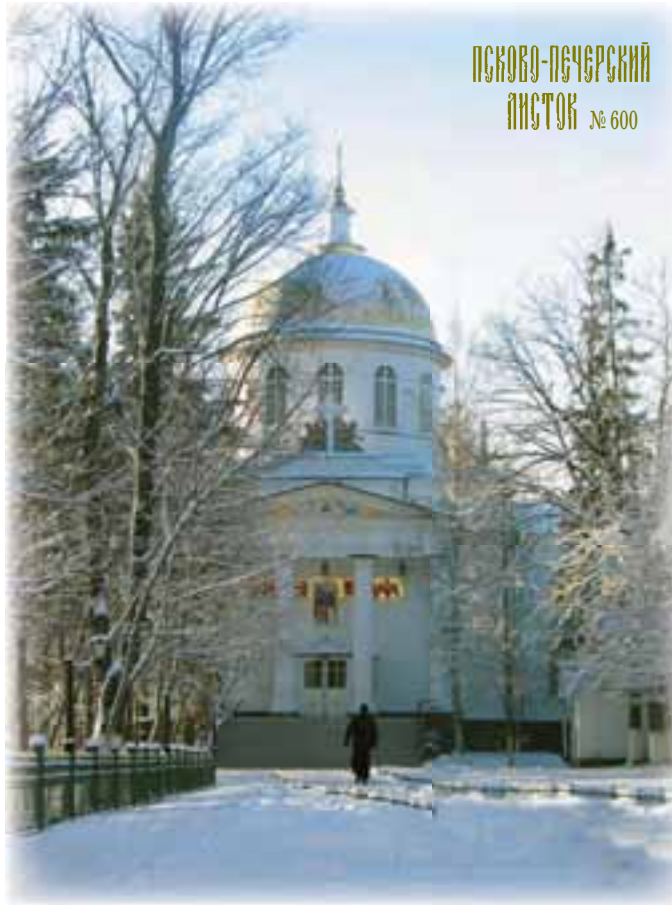
Внезапно предстает мне мысль, предлагающая путешествие по всему свету. Мысль была так светла, произвела во мне такое приятное ощущение, что я нисколько не задумался о ней. Водимый ею, лечу как бы в воздушном шаре. Вижу все страны, ничто не останавливает меня на пути моем, несусь мимо заоблачных гор, переношусь быстро чрез реки, чрез озера, чрез моря. В кратчайшее время осмотрел всю вселенную, — притом сидя спокойно в моих креслах. Что видел я во время моего путешествия? Страдание человечества. Да! Я видел мучения физические и нравственные, — не встретил ни одного человека, который бы не страдал. Я видел страдание во дворцах и на троне, я видел его среди преливающегося изобилия. Где тело было здраво и насыщено, там сердце было голодным и больным и из-за лютой болезни издавало непрестанные стоны. Я видел заключенных, погребенных на всю

жизнь в душные и мрачные темницы, видел людей в пропастях земных, куда не достигает свет солнечный, где добывается золото – средство к наслаждению одних чрез постоянное бедствие тех, которые добывают. Я видел в государствах образованнейших целые семейства, умирающие с голоду, видел большую часть населения в бедствии от нищеты и недостатка нравственности. Я видел человечество, униженное преступлениями! Я видел человечество, искаженное заблуждениями! Я видел человечество, обезображенное варварством! Я видел человечество, низведенное до подобия скотов бессловесных и зверей хищных! Там производится ловля людей, как животных, там торгуют ими как товаром бездушным, как скотом – и на этом торжище человек – товар малоценный: цена ему меньше, чем цена домашнему скоту. Там человек живет почти как бессловесное животное, а там живет он как зверь лютый, находя наслаждение в пролитии крови, пожирая с бешеным, исступленным веселием себе подобных. Ах! Лучше бы не существовать, чем существовать так ужасно! Такова картина обыкновенного человеческого быта на земле. Надо вспомнить и о бедствиях, которым подвергается человечество по временам и местами – о землетрясениях, эпидемиях, междоусобиях, о мече завоевателей, так обильно льющем кровь. И вот – уже несколько тысячелетий, как сменяется на земле одно поколение другим, сменяется единственно для страданий. Однако ж на все это смотрит Бог, Творец и Владыка всего, всемогущий и всеблагий. Это ужаснейшее зло, в котором страждет род человеческий на земле, не препятствует Богу пребывать всеблагим. Сколько ни придадим чисел к бесконечному, сколько ни отнимем их от него, оно не изменится, пребывает бесконечным!..

Но если взглянуть так на землю, на которой поочередно страдали, на которой вымерло смертью, более или менее лютой, столько поколений – мысль о аде и вечных муках перестает уже быть странной!.. Род человеческий – разряд существ падших. Земля — преддверие ада с первоначальными казнями для преступных. (Но) **Спаситель соделал ее** (же и) **преддверием рая.**

По писъмам свт. Игнатия (Брянчанинова)

Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 2004 год



Размышления
кающегося грешника

КАЮЩИЙСЯ ГРЕШНИК

Размышления,

взятые из сочинений: **Филарета,** Митрополита Московского; **Иннокентия,** Архиепископа Херсонского; **Димитрия,** Архиепископа Волынского; **Феофана,** бывшего Епископа Владимирского; **Порфирия,** бывшего Епископа Чигиринского и других.

Одобрено Ученым Комитетом Министерства Народного Просвещения для ученических библиотек средних и низших учебных заведений.

С-Петербург.
Издание 3-е, книгопродавца И. Л. Тузова.
1901

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче, утренюет бо дух мой ко Храму Святому Твоему, храм носяй телесный весь осквернен; но яко щедр, очисти благоутробною Твоею милостию».

«На спасения стези настави мя, Богородице, студными бо окалях душу грехми, и в лености все житие мое иждих; но Твоими молитвами избави мя от всякия нечистоты».

«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое».

«Множества содеянных мною лютых помышляя окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго; но надеяся на милость благоутробия Твоего, яко Давид вопию Ти: помилуй мя, Боже, по велицей Твоей милости!»

(Церковные песни)

2007 год
Издание 5-е

Размышления кающегося грешника

Быт. 1, 1-28

Филарет, митрополит Московский, находя соотношение и соответствие между творением мира и возрождением человека, рассуждает следующим образом:

I

«“Каждый человек имеет свое небо и землю, дух и плоть, внутреннее и внешнее, остаток первобытного совершенства и хаос греховного растления, из которого действием благодати постепенно устрояется новая тварь” (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15). Возникая из нравственного ничтожества, он находит себя землею неустроенною и пустою, и тьма закрывает глубину его сердца от него самого. Но на слезные воды покаяния нисходит Дух Божий, и слово Божие производит в нем вышний свет, который, чем выше сияет, тем более отделяется, и становится ощутительнее собственная тьма человека».

II

«За днем покаяния следует день очищения и отрады, в который Бог устрояет *твердь* в духе и сердце, отделяя *вышние воды от нижних*,— кроткие и чистые слезы благодати от чувственных *слез горести* и сокрушения».

III

«По заключении вод сокрушения в некоторых пределах, человек открывает в самопознании новую страну *сухую,* неукрашенную, бесплодную, обнаженную пред светом правосудия Божия, не орошенную никакими утешениями благодати. Но после сего испытательного томления, силою воссозидающего слова, из мертвой сухости начинают произрастать благие чувствования и добродетели, сперва слабые и кратковременные, потом — твердые и возвышенные, долженствующие принести плоды правды. И то, и другое состояние есть *добро* в путях Божиих, хотя ведомая ими душа вначале и не понимает их».

IV

«Если человек постоянно продолжает внимать глаголющему о нем слову Господа — свет веры в вышних силах души его становится *Солнцем,* которое освещает сокровеннейшие глубины ее, согревает и оживляет ее. Он образует также некоторые частные озарения, откровения, видения, которые, как *звезды,* бросают некоторые лучи в самую глубокую нощь естественного неведения».

V

«Иисус Христос, будучи Солнцем, сияющим в душе, и Словом, в ней глаголющим, производит в ней *внутреннюю новую жизнь*. Из самых *вод* скорбей внутренних и внешних возникают живые и животворные дела любви, возрастают и умножаются; в *тверди* очищенного духа, в минуты восхищения, являются превыспренние помышления».

VI

«Благодать и на мертвой прежде земле ветхого, чувственного, внешнего человека — час от часу более — полагает впечатление истинной жизни внутренней. И земные помыслы получают выш-

нее направление; и страсти проницаются Божественною любовию; а рабский страх очищается духом сыновней Богу покорности.

Таким образом, весь человек воссозидается *во образ Сына Божия,* и тогда совершенно в него вселяется, в нем живет, в нем владычествует, в нем покоится, его освящает Святый, во святых почивающий» (Записки на книгу Бытия)».

Божественная благодать все это сделала над каждым христианином в первоначальных таинствах — Крещения и Миропомазания. Начала возрождения каждому из нас даны; следовало бы каждому христианину развиваться по этим началам и постепенно возрастать в мужа *совершенна,в меру возраста исполнения Христова,*дабы образовать из себя *новую тварь* — совершенного Божия человека, готового на всякое доброе дело. Но, со стороны благодати Божией, возрождение наше сделано было над нами тогда, когда мы ничего еще не понимали,— в первом младенческом возрасте нашем; а родители и воспитатели наши, к величайшему нашему несчастию, не сказали нам, что с нами было сделано,— не выяснили нам всей силы и значения нашего возрождения и не указали нам правил, руководствуясь которыми мы постепенно сделались бы новою тварию.

И вот мы, в совершенном неведении, жили сами по себе, да только то и делали, что грешили, имея самые поверхностные понятия о христианстве, и нагрешили так много, что сиявшая прежде в душе нашей печать дара Духа Святаго стала засыпанною в нас, как сором каким негодным, и не видно следов ее. Наши небо и земля снова смешались, образовался хаос; нужны опять слезные воды, нужен Святой Дух, нужно Слово Божие, нужен свет, нужна твердь, нужны светила и проч. для нашего воссоздания. Все это, по неизреченной милости Божией, дается нам в новом возрождении — втором крещении — в покаянии.

Поняв дух, силу, значение и требования христианства, чувствуем, что не так живем, как бы следовало христианам, не

Христовы, не христиане, не новая тварь, а ветхая; чувствуем это и сознаем, что пора нам измениться, исправиться.

Войдем же в себя и займемся этим, как следует. Исповедание грехов не представит больших затруднений, когда человек успеет совладать с собою и положит намерение оставить грехи. Но он не совладает с собою, пока не раскается; не раскается, пока не осудит себя; не осудит, пока не познает грехов своих и значения их. Итак, исходное дело в покаянии — познание грехов своих, за которым последует сокрушение о них с намерением больше не грешить, а исповедь завершит это великое дело.

+

Если будешь трудиться въ прекрасной добродѣтели и не почувствуешь, что внушаешь отъ нея наслажденіе; то не дивись. Ибо, пока не смирится человѣкъ, не получаетъ награды за свое дѣланіе. Награда дается не за дѣланіе, но за смиреніе; кто оскорбляетъ послѣдніе, тотъ теряетъ и первую.

Добродѣтель есть матерь печали, а отъ печали рождается смиреніе, а смиренію дается благодать. Воздаяніе же бываетъ уже не добродѣтели и не труду ради ея, но рождающемуся отъ нихъ смиренію. Если же оно утрачено, то первыя будутъ напрасны.

Дѣланіе добродѣтели есть храненіе заповѣдей Господнихъ Об

А
Познание греховности

Всякий войди в себя самого и займись прежде всего рассмотрением жизни своей и всего, что в ней было неисправного. Конечно, всякий говорит о себе, что он грешен и не только говорит, а нередко и чувствует себя таковым; но эта греховность наша представляется нам в виде смутном и неопределенном. Этого мало. Истинное покаяние и должная исповедь требуют определенно разъяснить себе, что именно в нас нечисто и грешно и в какой мере — узнать свои грехи ясно и раздельно, как бы численно.

Для этого вот что советуют сделать: поставь, с одной стороны, закон Божий, а с другой — собственную жизнь и смотри, в чем они сходны и в чем не сходны. Бери или свои дела и подводи их под закон Божий, чтобы видеть, законны ли они; или бери закон и смотри, исполняется ли он, как следует, в жизни твоей. Например: ты был оскорблен — и отомстил: так ли велит закон христианский? Видишь погрешности других и осуждаешь, так ли это по заповедям Господним? Сделаешь что доброе — и высишься, или трубишь пред собою; позволительно ли так делать христианину? Или: закон велит в церковь ходить неленостно и в церкви стоять благоговейно — во внимании и молитве; исполняется ли тобою это? Закон велит не похотствовать, не гневаться, не завидовать, не присвоять чужого и проч.; исполнено ли все это?

Чтобы ничего не опустить в этом важном деле самоиспытания,— хорошо держаться в нем какого-либо порядка. Например: вообрази себе, как можно яснее, все обязанности свои — в отношении к Богу, ближним и самому себе; и потом, как можно точнее и подробнее, просмотри свою жизнь — по всем этим отношениям. Или: перебирай заповеди десятословия одну за другою, со всеми частными предписаниями, содержащимися в них, и смотри — исполнил ли ты все, требуемое ими? Читай также или припоминай нагорную беседу Спасителя, где Он изъясняет закон, восполняя его духом христианским; или — послания Апостольские, в последних главах, где излагаются обязательные для христиан дела и расположения, напр. Римл. с 12 главы, Ефес. с 4, Иакова, Иоанна Богослова и проч. Смотрись во все это, как в зеркало, и увидишь, где в тебе есть какое пятно и какое безобразие?

Вследствие такого пересмотра жизни откроется — в числе наших дел, слов, чувствований, помышлений, желаний — множество или прямо противоположных закону, или полузаконных, то есть таких, в коих нечисты намерения, хоть они внешне сообразны с законом; или опущенных, коим следовало бы быть, но мы не хотели их выполнить; соберется всего этого многое множество, и — может быть — вся жизнь окажется составленною из одних дел недобрых, как непрерывная цепь или непрерывный ряд изделий безобразных и отвратительных.

Внешнее в покаянии сделано. Но на этом не должно останавливаться. Надобно идти далее по пути познания своей греховности или — входить глубже в греховное сердце. Под делами и словами, под частными мыслями, желаниями и чувствованиями лежат постоянные расположения сердца, служащие для них источником. Совокупность этих расположений составляет личность человека и определяет его характер. Их-то потому особенно и надобно определить; труда здесь не очень много: добросовестность наша пред собою не позволяет нам скрыть, чем облачается наше сердце и какие обитают в нем властители;

а то и осязательного можно указать о том свидетеля, и именно: какие недобрые дела часто нами повторяются и вырываются с такою силою, что мы совладеть с собою не можем?.. Это значит, что они имеют корень в сердце; там, должно быть, скрывается постоянный их производитель, т. е. соответственная им склонность или страсть. Какая в особенности страсть господствует во мне, препятствуя моему покаянию и удерживая в оковах греха? Это можно узнать по следующим признакам: все, с чем труднее нам расстаться — чем наиболее привыкло утешаться наше сердце — о чем наиболее всего мечтаем мы и наяву, и во сне — что особенно стараемся мы скрыть не только от других, но и от самих себя,— в чем тяжелее всего признаться пред отцем духовным,— чего особенно не хочется объявить на исповеди — все это, очевидно, господствует над нами и держит нас в плену; во всем этом скрывается внутренний змий, который отравляет нас своим ядом. Против сего-то именно недуга душевного и должно направить все усилия и всю духовную бдительность. Кто не победит своей господствующей страсти, тот никогда не исправится и не выйдет на свободу от грехов. При всяком порыве вознестись горé, господствующая страсть влечет и повергает долу. Итак, какая же во мне господствующая страсть? Известно, что корень всему злу есть *самолюбие*. Из самолюбия выходят: *гордость,корыстность и страсть* к наслаждениям,— а от них уже и все прочие страсти. *Они все есть у всякого,кто грешит,но не у всех в одинаковой степени.* У одного гордость преобладает, у другого — корыстность, у третьего — страсть к наслаждениям. И гордый не чужд корыстных видов и наслаждений, но легко приносит их в жертву, когда они могут унизить его. И своекорыстный готов потешиться, если это ему ничего не стоит, и проч. Так, у всякого одна какая-либо страсть господствует, а другие стоят как бы в тени. Эту-то господствующую страсть и надобно увидеть и определить, чтобы потом на нее решительнее и действовать можно было. Один святой отец говорит: «Господь требует от тебя восстановления целомудрия, а ты милостыню

раздаешь, да богадельни и часовни строишь,— исправь прежде первое, и второе приятно будет». Легко узнавать и частные пороки, которыми кто страждет. Если, например, кто, указывая на другого, в одном случае скажет: «Смотри, что он делает!» — в другом с досадою повторит: «какая несообразность!» — а то мину покажет насмешливую и вообще охотнее и больше говорит о поступках других и с невыгодной стороны — тому нетрудно догадаться, что он страдает богопротивным пороком осуждения и т. п.

И еще далее надо идти в познании себя. После всего надобно определить общий дух жизни нашей или одну отличительную ее черту. Кому мы служим: Господу или себе и греху? Что имеем в виду — себя или Господа — славу Его, угождение Ему? За кого всегда стоим — за имя Божие или за себя? Но сказать это может только совесть наша, втайне — пред лицом Господа. Ее и вопросите. Дела же и добрые не суть доказательства, что мы служим Господу, ибо можно и их делать себя ради. Эта черта определяет, что мы такое и чего потому ожидать должны. Познанием же этой черты *возглавляется* или завершается *самопознание.* Так, наконец, вообразится вся картина нашей греховности и вся история нашей греховной жизни: дела, чувства, расположения и главный дух жизни *(Из 42 Слова Епископа Феофана к Владимирской пастве. Стр. 230-236).*

Начнем теперь *суд совести,* т. е. будем давать ей вопросы, а она пусть отвечает нам добросовестно.

1. **По отношению к Богу**

Считаю ли я священным долгом своим — приобретать верное и отчетливое познание о Боге и о прочих истинах и предметах святой веры?

Люблю ли Бога всем сердцем и всей душой — более всего?

Любовь и благоговение мое к Богу не нарушал ли я часто помыслами неверия или маловерия, холодностью, или рассеянностью при Богослужении, во храме — или дома, стоя на молитве

— опущением ежедневных молитв, утром и вечером, и даже совершенным небрежением о них?

Не прогневлял ли я Бога невниманием к урокам, подаваемым нам жизнию, путями промысла Божия?

Не огорчал ли я Господа малодушным ропотом на неправедные якобы судьбы Его промысла — или неблагодарностию за благодеяния, или глумлением над предметами святой веры, над святыми угодниками Божиими, священными обрядами и постановлениями церковными?

2. По отношению к ближним.

Люблю ли я ближних моих, по заповеди Христовой, как самого себя?

Уважаю ли в них достоинство людей, во всем подобных мне, имеющих одни со мною нравственные силы и права на одно и то же царствие в загробной жизни?

Ценю ли в них высокое титло христиан, запечатленных даром Духа Святаго, искупленных кровию Христовой, назначенных к наследию вечного блаженства?

Не смотрел ли на ближних, как на орудие к удовлетворению нечистых страстей, как на средство к достижению постыдных целей?

Не оскорблял ли их — неосновательным подозрением или недоверием, презрением, клеветою, ненавистию, осуждением, злопамятством, мстительностью, злорадованием при их скорбях и печалях?

Не присвоил ли чужой собственности хищничеством или обманом, лихоимством или другим образом?

Не нанес ли вреда имуществу, чести, доброму имени и даже здоровью ближних?

3. По отношению к самому себе.

Дорожу ли я своим достоинством человеческим и христианским?

Храню ли чистоту своей души и тела?

Удерживаюсь ли от всего, что противно трезвости и целомудрию?

Избегаю ли грехов невоздержания, неумеренности в пище и питии, так воспламеняющих нечистые страсти в душе и беспорядочные движения в теле?

Верен ли я обетам, данным Богу?

Не употреблял ли очей своих, рук, ног и всего тела на вред себе и на пагубу другим?

Достойно ли вел себя в звании, в коем поставлен я Промыслом?

Богатство, честь и другие дары и преимущества свои употреблял ли с пользою и достойно славы Божией?

(Читай катихизис о заповедях и блаженствах).

4. **Приникни в ум свой, чтобы видеть.**

Какой в нем образ мыслей, какими водится он убеждениями?

Светит ли в нем свет веры, озаряя все пути жизни, или же он мудрствует по стихиям мира, а не по Христе — по духу века, а не по духу Евангелия Христова?

Так ли он судит о всем, как учит слово Божие, или — как требует самолюбие наше и другие страсти?

Не прилагает ли он истину Божию во лжу,— не представляет ли доброе лукавым и лукавое добрым — свет тьмою, а тьму светом?

5. **Приникни в сердце свое, чтобы видеть.**

Чем живет оно, что любит и ненавидит, чего желает и отвращается, к чему стремится и от чего удаляется, что наиболее радует и огорчает нас?

Где главная цель, к которой мы стремимся всеми желаниями и мыслями,— на небе или на земле?

Какими правилами преимущественно руководствуется в своих действиях — взятыми из Евангелия или из обычаев мира и внушений гордости житейской?

Какими побуждениями — наиболее — одушевляемся в наших желаниях, предприятиях и действиях,— желанием ли угождения Богу, спасения души своей и наследия жизни вечной, или — похотию плоти, похотию очес и гордостью житейской?

Что — наиболее — радует или печалит нас — преуспеяние ли в добродетели или — удачи в земных предприятиях, победа над какою-либо страстию или исполнение наших прихотей, достижение честолюбивых и корыстолюбивых целей?

6. **Приникни в свою совесть, чтобы видеть.**

Так ли верно различает она доброе от лукавого, как различает слово Божие?

Так ли зорко и неусыпно следит она за нашими действиями, как видит их чистое око Божие?

Так ли строго и неумолимо осуждает она всякое преступное движение души нашей, как осуждает слово Божие?

7. **Спросим еще себя:**

Как располагается моя внешняя жизнь — по уставам ли святой Церкви или по требованиям и обычаям света, противным обычаям христианским; по правилам ли благоразумия христианского или по прихотям развращенного сердца?

8. **Испытаем, наконец, со всем вниманием:**

В каком состоянии мы находимся в отношении к своему спасению, то есть положено ли в нас начало спасения посредством истинного, всесовершенного и нераскаянного покаяния, хотя бы и встречались в нашей жизни преткновения и даже падения?

Живем ли мы благодатною жизнию христианской или находимся в состоянии греха, нечувствия, нераскаянности и мертвости духовной, хотя и исповедуемся часто?

Желаем ли мы искренно спасения души своей, то есть сознаем ли тяжесть греха, которым оскорбляется величие Божие, прогневляется любовь и милосердие Отца Небесного, попирается святая Кровь Сына Божия, бесчестится благодать всесвятаго Духа?

Чувствуем ли всю опасность греховной жизни, которая лишает нас славы чад Божиих, изгоняет из светлого царства Божия, делает душу нашу предметом отвращения святых Ангелов, игралищем злых и нечистых духов, и из существа богоподобного обращает нас в скотов несмысленных?

Трепещет ли сердце наше при одной мысли об утрате жизни вечной, о лишении царства Божия на всю вечность?

Содрогается ли все существо наше при помышлении о нескончаемой вечности мучений, ожидающих грешника по смерти?

Возьми жизнь святых и грешных в Слове Божием и сравни с ними свою — от начала до конца — изо дня в день, из часа в час. Святым много лет жизни требовалось, чтобы достигнуть полного самопознания.

Если мы почитаем себя окаянными грешниками, коим угрожает погибель вечная, и оживлены верою в Сына Божия, в Его крестную жертву за нас — прилепляемся сердечною любовию к Нему, Единому могущему спасти нас, и стараемся сколько возможно более сообразовать себя с Его учением, освящать себя Его благодатию, подражать Его святой жизни; если, при всех случайных уклонениях и невольных преткновениях, главною целию наших действий, постоянным правилом поведения, главным побуждением к трудам и источником одушевления есть мысль о Боге и вечном спасении; если постоянно одушевляемся ревностию быть совершенными, *яко Отец наш Небесный совершен есть,* желаем быть благоугодными пред Богом, страшимся оскорбить Его любовь и милосердие и быть в числе отверженных; если после каждой исповеди — мы чувствуем себя лучше; если все порочное и нечистое не только теряет для нас свою прелесть, но со дня на день становится омерзительнее, а все доброе и благое — со дня на день живее привлекает к себе наше сердце, занимает ум и воображение, то это признак, что мы — со дня на день — более и более умираем греху и оживаем для Бога и вечности и, следовательно, находимся на пути спасения.

Напротив, если началом наших мыслей, чувств и действий служит самолюбие или другая какая-либо страсть,— если греховные навыки владеют душею нашею,— если мы любим грех, услаждаемся им внутренно, ищем случая удовлетворения своим похотям; то

хотя бы жизнь наша украшалась какими-либо внешними делами благочестия, как мертвый труп украшают цветами, мы не в числе спасающихся и мертвы пред Богом, а, следовательно, находимся на пути погибели… (Из Собрания Слов, Речей и Бесед, говоренных в разные времена Архимандритом Димитрием, Ректором Киевской Духовной Академии, Т. I. Киев, 1849 г.).

Такие и подобные размышления приводят нас к познанию греховности, производят истинную печаль по Боге и *соделывают покаяние наше нераскаянным,* без чего покаяние и исповедь наши бесплодны, и после покаяния мы опять остаемся во грехах своих.

О, Боже! мы непрестанно оскорбляем Тебя, всемогущего Творца и Благодетеля нашего; мы безбоязненно оскорбляем в себе образ Твой, по которому созданы, дерзко попрали святые заповеди Твои и безумно пренебрегаем великими щедротами Твоими, дарованными нам незаслуженно в недрах Православной Христовой Церкви; мы не любим небесного света Евангельского учения, коим просвещены, не внемлем попечительному гласу Церкви, разнообразно руководствующей нас ко спасению; не попечению о нас; огорчаем Тебя пренебрежением братий наших, унижением в себе человеческого достоинства до скотоподобия жизнию непотребною; оскорбляем Тебя, Отца Небеснаго и Христа Спасителя, возлюбившего нас до смерти крестной, и всесвятаго Духа Твоего, всегда готового устроить наше спасение благодатию Своею. И во всем этом не считаем себя виновными; обо всем этом нимало не скорбим в душе своей, не сетуем, не сокрушаемся совестию. И причиною тому не что другое, как только пагубное зло – незнание себя, происходящее от привычки никогда не испытывать себя, не поверять своей жизни, не заглядывать в свою душу и ея сокровенные изгибы. О, сколько величайших зол для души, сколько потери в деле спасения происходит от незнания себя! Господи, Владыко мой! Сам открой меня для меня, и научи меня Своею благодатию познати Себя.

ніе же дѣланія — вотъ доброе
пріуготовленіе ума. Оно состоитъ
въ смиренномудріи и храненіи. Когда
оскудѣетъ сила первыхъ, вмѣ-
стоимъ пріемлется это. Христосъ
же требуетъ не дѣланія запо-
вѣдей, но исправленія души, для
котораго узаконилъ заповѣди
подзаконнымъ.

Въ иныхъ, охраняющихъ себя,
и недостатки бываютъ храни-
телями правды. Дарованіе без
искушеній — погибель для пріем-
лющихъ оное. Если дѣлаешь до-
брое предъ Богомъ, и дастъ тебѣ
дарованіе; умоли Его дать тебѣ
познаніе, сколько прилично для
тебя смириться, или приставаю
къ тебѣ страха надъ дарованіемъ
или взять у тебя оное, чтобы
оное не было для тебя причиною
погибели. Ибо не для всѣхъ безвред-
но хранить богатство

(Преп. Исаакъ Сир., слов. 3;

Б.
Сокрушение о греховности

След за познанием себя надобно возболезновать о себе или – оплакать грехи свои. Это – второе дело.

Познавши свою греховность, не будь холодным ее зрителем; не проходи ее мимо с таким же равнодушием, как ходят по чужому, запущенному и заросшему дурною травою полю. Приблизь сие сознание к совести и с нею начни возбуждать *спасительные покаянные чувства.* Этим чувствам естественно следовало бы происходить в нас; но не всегда бывает так. Сердце огрубевает от греха. Как чернорабочий человек естественно грубеет от *свойства своих работ*, так грубеет сердце у человека, который сам себя предает на черную работу греху — копать рожцы и питаться ими. Потому нелегко оно умягчается, когда нужно бывает возводить его к раскаянию. Вот и еще труд, и труд еще более значительный, ибо в деле раскаяния все почти зависит от чувств сердца.

В этом деле прежде всего понуди себя дойти до того, чтобы обличить себя во грехе и чтобы обличение это было осознано; напрягись возбудить в себе чувство виновности, так чтобы ты в сердце сказал: виноват. Тут будет борьба с самооправданием или извинениями своих падений и грехов. Чтобы обличить себя, устрани все из внимания. Оставь себя одного и Бога Судию, и без укрывательства укажи себе, что ты знал, что не надо грешить,

мог воздержаться и избежать увлечения, и совесть тебе претила, а ты, наперекор всему, сделал грех. Сообрази место, время, обстоятельства и из всего извлеки такие сведения, чтобы и совесть твоя и сердце сказали: виноват, ничего не имею в оправдание себя. Так переходи от одного грешного дела к другому, от одного нечистого расположения к другому, и ко всему, как подпись какую, прилагай: виноват.

Совершая добросовестно это действие обличения, ты сердечно утвердишь за собою все грехи свои; сознаешь, что и в том виноват, и в другом, и в третьем, и ничего не останется, в чем бы не был виноват,— во всем виноват! Как бы облечешься в грехи свои, почувствуешь, что они на тебе лежат всею тяжестию своею; сознаешь себя безответным в них и воззовешь: "окаянен я,— и то не хорошо, и это не хорошо, и я сам виноват, что оно не хорошо и есть во мне".

После того, как произнесешь ты в сердце своем: "окаянный я, виноват безответно",— поспеши вслед за тем – возбудить болезненные чувства, составляющие сущность или содержание истинного покаяния, именно: *печаль,* что оскорбил Бога; *стыд,* что довел себя до того; *жаление,* что мог, да не воздержался, и – *досаду* на себя и свой произвол. Чувства сии – и сами собой – готовы будут возрождаться после сознания грехов, но и ты помогай им развиваться сильнее и сильнее. Пусть горит в них душа, как в огне: чем больше будет гореть и чем сильнее горение, тем спасительнее. Предел, до которого надобно довести сие болезнование о грехах, есть омерзение грехом и отвращение к нему.

Хорошо, наконец, безответному грешнику образно представить свое ужасное положение. Например: представь себе, что ты совершенно без одежды, грехи обнажили тебя, что ты весь в ранах неисцелимых, грехи изъязвили тебя, что ты в темную, холодную, осеннюю ночь среди обширной, безлюдной степи сидишь и крепко стонешь от страха, холода и боли, над самою пропастью оврага, в котором кровожадные звери ждут тебя, чтобы

растерзать; поворота и исхода тебе – нет, тьма греховная окружает тебя, и адский холод оледеневшей от страстей души трясет тебя до скрежета зубов; все оставили тебя – и Бог, и люди; ты беспомощен, одинок, потому что грехи сделали тебя недостойным никакой помощи, и сам ты сделался совершенно бессилен... Что остается тебе!.. О!!! Упасть в адскую бездну навеки и сделаться добычею исконного врага... Или так размысли сам с собою: “Вижу себя схваченным и держимым разбойниками. Они связали меня крепкими веревками, оковали тяжелыми цепями, привили ко мне неисцелимые недуги. И, что странно, я сам помогал им совершать надо мною ужасное злодеяние. От болезненности я пришел в расслабление, потерял способность к деятельности. Ощущаю, что жизнь едва жива во мне. Окован я оковами внутри меня, в душе моей. Оковы отняли у меня способность к движению. Разбойники приставили ко мне неусыпную и немилосердную стражу. Болезнь моя – многообразная греховность; язвы – мои страсти; железные цепи – это греховные навыки, насильно влекущие к совершению ненавистных мне грехов; разбойники – духи злобы. И сам не имею сил, и они не дают мне возвратиться в Иерусалим,— не дают сосредоточиться в сердце помыслам, рассеянным и скитающимся по вселенной – без нужды и цели, не дают мне там – в храме истиннаго Бога – поклоняться Богу духом и истиною”. Вообрази себя в таком положении и носи этот образ в душе своей до тех пор, пока он приведет тебя к живому сознанию твоей греховности и побудит тебя к сокрушению о грехах твоих. Живо представь себе все это,— и невольно придешь в ужас, и греховность твоя по необходимости опротивеет тебе, ты не в состоянии будешь выносить ее и терпеть более.

В этом отвращении – опора решимости не грешить и надежда самоисправления. Кто отвращение возымел ко греху, тот стал вне его или изверг его из себя и имеет полную свободу действовать, не чувствуя *извлечений* его. Вот минута, когда смело можешь приступить к обету,— не грешить, который произнесется в сердце твоем пред лицем Господа. Пади тогда пред Господом и

скажи Ему: “Не буду, никогда не буду грешить, хотя бы умереть пришлось, только спаси и помилуй!” Этот сердечный обет должен увенчать чувства раскаяния и засвидетельствовать, что они не бесплодны. Он – не в слове, а в чувстве и составляет внутренний завет сердца с Богом или восстановление религии сердца.

Итак, начни распознанием своей греховности, пройди чрез обличение себя и оплакание грехов или болезнование о них, и окончи решимостью не грешить, закрепив ее обещанием того и другого пред лицем Господа. Кто пройдет весь ряд этих действий, тому никакого труда не будет потом говорить на исповеди: *виноват, не буду,*— тот произносит полную, искреннюю, безжалостную на себя исповедь и за то получит вседейственное разрешение от Господа, которое исполнит глубоким миром и обрадованием все существо его. Благодать всесвятаго Духа, немогшая обитать в сердце грехолюбивом, снова вселится в него, и он явится *новою тварию,* обновленным, как вначале вышел из купели (Из “Писем о христианской жизни” епископа Феофана).

Но для размягчения и умиления сердца, загрубевшего от долговременного пребывания во грехах, весьма полезны еще следующие молитвенные размышления:

1. Господи,да не яростию Твоею обличиши мене!

Знаю, Господи, какой ужас и трепет постигнет, когда пред лицем вселенной, на Страшном Суде Твоем, откроешь все соделанные мною грехи: “множества содеянных мною лютых помышляя, окаянный, трепещу страшнаго дне суднаго!”... Знаю... трепещу... и не дерзаю, Господи, просить совершенного прощения многих моих грехов, ибо я согрешил пред Тобою, безмерно оскорбил Твое святое имя, пред лицем всех людей.— Я не повиновался Твоим повелениям; зле расточил Твои сокровища; наследие, данное мне Тобою, я иждил на беззакония; я растлил храм Твой – тело мое; душу мою – образ Твой я, осквернив, погубил; время, данное мне, я провел с врагами Твоими; заповедей Твоих не сохранил ни одной; одежду, которою Ты облек меня, я запятнал; светильник, уготованный мне Тобою,

я, задремав, угасил! Знаю, что все, сделанное мною, Ты, Господи, обличишь, и не могу сего я избежать: я буду, буду обличен. Но, Господи, да не яростию Твоею обличиши мене! Одного только этого прошу у Тебя, Единаго, Милосердаго. Сам Ты верно знаешь все мои тайные прегрешения, но не обличай меня, не являй моих грехов всем Ангелам и человекам — всей вселенной, к моему стыду и поношению!..

2. Помилуй мя,Господи,яко немощен есмь.

Немоществует тело, немоществует душа, немощен ум, немощен помысл: *оскуде крепость моя* (Пс. 7, 9),— *оскудеша в суете дние мои* (Пс. 77, 33) — вижу приближающийся конец. Но, Господи, простри мне руку, утопающему в глубине страстей: отверзи мне, недостойно толкущему, и не заключи для меня двери милосердия Твоего! Ибо если Ты заключишь, то кто отверзет нам? Никто, кроме Тебя, истинного Бога. Даруй мне время жизни и время покаяния, победи окаменение сердца и соверши исправление мое! Ибо если Ты не сделаешь, то все, что я сделаю, будет слабо и нетвердо; на что бы я ни покусился, все будет бессильно и непрочно; к чему я ни приступлю, все будет бесполезно и несовершенно. Не закосни, Господи, но скоро прииди и спаси Твое создание! Ты Сам сказал, Господи, *яко без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Предвари обращением души моей время моей жизни. Противоборствует мне враг мой, противоборствуют помыслы, природа, злое намерение и особенно лукавый обычай. Помилуй мя, Боже, яко немощен есмь: враг обессилил меня, сделал слабым и сокрушенным; а слабый и сокрушенный сам не может помочь себе посему: *Помилуй мя, Боже,яко немощен есмь.*

3. Исцели мя,Господи,яко смятошася кости моя,и душа моя смятеся зело!

Смятение духа и тела объяло меня, Господи! Я подпал душевным и телесным страстям, сделав душу и тело орудием

их. Что могло бы давать мне силу, то все ослаблено во мне: и вера, и надежда, и любовь, и мудрость, и умеренность, и воздержание, и кротость, и смирение, и правда, и благочестие — все сокрушено, как сокрушаются телесные кости. Я вижу, что сила души моей ослабела, время оскудело, конец приближается, старость наступает, класы нивы моей наклонились и зреют для жатвы, жнец приблизился, серп готов, секира поднята, посечение несомненно, *и душа моя смятеся зело*... Вижу наступление трудного перехода из сей жизни в будущую, но не имею спутника – *и душа моя смятеся зело*... Вижу, что заимодавец приближается, требует от меня долг, срок исполнился, и мне нечем уплатить,— Судия представляет мне приговор, и готовы исполнители казни,— много обвинителей и ни одного нет защитника, *и душа моя смятеся зело*... Трепещу и смущаюсь, и не знаю что делать... Просить продолжения жизни? Но боюсь, чтобы не прибавить еще согрешений и не отойти все-таки неготовым. Не знаю, с каким лицем предстану я Судии, когда увижу себя при конце... Лукавый не перестает оскорблять меня; брань плоти не умолкает; лукавые помыслы не утихают! Посему Сам, *исцели мя,Господи, яко смятошася кости моя,и душа моя смятеся зело.*

4. Обратися,Господи,избави душу мою,спаси мя ради милости Твоея!

Мое нечестие да не победит Твоего милосердия; мое нерадение да не победит Твоего человеколюбия. Призри на меня, Господи, по милости Твоей и уврачуй моя немощи ради имени Твоего Святаго.

5. Не вниди в суд с рабом Твоим (Пс. 142, 2).

Если ты захочешь судиться с нами,— уста всех заключатся, и никто не оправдается. Ибо чем мы можем воздать Твоей неизреченной благости за толикие благодеяния? Ты от небытия воззвал нас в бытие, сотворил, размножал, покрывал, распространял, *вся покорил под ноги наша* (Пс. 8, 7). Потом

заблудших обратил, погибших взыскал, нашел, взял на рамена, искупил Своею Кровию, нагих облек одеждою, уничиженных обогатил, сделал нас Своими братьями, наследниками и сонаследниками. И что мы против сего можем сказать в оправдание? Чего не дано нам? Чего мы не имели, чтобы жить свято и богоугодно?! Посему *не вниди в суд с рабом Твоим; отврати лице Твое от грех моих* (Пс. 50, 9). На сторону милосердия приклони чашу весов, дабы безмерная тяжесть моих грехов не послужила к моему обвинению. Спаси меня по Твоему милосердию, которым спаслись все достигшие спасения. Согрешил Моисей, согрешил Петр, и никто не чист от греха. Посему ищу спасения через веру, а не через дела, чтобы и мне Человеколюбец сказал: *Вера твоя спасе тя,иди в мире* (Лк. 7, 50). Из всех помилованных Тобою никто не слышал: "дела твои спасли тебя, иди в мире". Ибо вся правда наша пред лицем Твоим, яко порт нечистый (Ис. 64, 6). Посему опять взываю: спаси мя по милости Твоей. *Милость Твоя да поженет мя вся дни живота моего* (Пс. 22, 6). Милость Твоя да поженет мя, зле от Тебя отбегшего беглеца, который всегда спешит ко греху. Милость Твоя да поженет мя, и постигнет, браздами и уздою да востягнет меня, неприближающегося к Тебе (Пс. 31, 9). *Ты един Бог творяй чудеса велия* (Ис. 135, 4), *удиви милости Твоя,спасаяй уповающия на Тя* (Пс. 16, 7), являющий милость паче надежд и паче прошения! (Из "Духовной Беседы", 1858 г., № 12-й: "Чувствования грешника и проч.").

6. При этом весьма полезно обозреть всю свою жизнь с молитвою: *помилуй мя,Боже,помилуй мя!* Это такая молитва, которая при обозрении нашей жизни сама собою приходит на мысль и по временам исторгается из самых уст. Взойдем ли к самому началу бытия нашего на земле? Там мрак и нечистота, похоть и страсти. *В беззакониях зачат есмь,и во гресех роди мя мати моя,* вопиет за всех нас св. Давид. Зачатый в беззаконии, я и сам потому беззаконен; рожденный во грехе, я и сам потому грешник. И не сие ли самое означали болезни моего рождения?

За что страдали и рождающая, и рождаемое, если не было вины и нечистоты? Не это ли самое выражал и вопль мой при появлении на свет? Что вопияло тогда во мне? Не разум, не память, не воображение,— вопияла вся природа моя. Чем смущалась она и от чего страдала? От внутреннего прирожденного расстройства, нечистоты и виновности. Первый вопль мой обращен был не к земле, а к небу,— к Тебе, Жизнодавец, Который образовал меня во утробе матерней и Который Един мог воссоздать меня и вне утробы матерней.

Представляя все сие теперь в моем уме, вникая мыслию в образ моего явления на свет, я и теперь поникаю лицем долу, стыжусь нечистоты моего происхождения, боюсь наследия, мною принесенного, и вопию: *помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Будь милосерд к бедному созданию, которое явилось на свет со всеми нечистотами отцев и праотцев, которое вместо наследия принесло с собою ужасную преклонность к злу, коему предстояла и предстоит борьба со множеством скорбей, соблазнов и искушений! *Помилуй мя,Боже,помилуй мя!*

Вслед за первым рождением от плоти и крови последовало другое высшее и лучшее рождение от Духа. Несмотря на мою нечистоту и бесчувственность, меня тотчас по рождении приняла в объятия св. Церковь, смыла скверну природы моей в купели крещения, освятила благодатию Духа, запечатлела знамением креста, облекла в белую одежду невинности; из чада гнева я стал чадом благодати. Но где теперь царское благолепие? Где дары, на меня излиянные? Увы, и я, подобно невесте у Соломона, должен сказать: *положиши мя стража в виноградех,и винограда моего не сохраних* (Песнь Песн. 1, 5). Не сохранил я благодати крещения, не пребыл верным Тому, Кому сочетался! Осквернил белую одежду невинности! Потерял благодать и Духа! Одно взял мир; другое похитили страсти; то пропало от нерадения и беспечности; весь я подобен человеку, впадшему в разбойники; от ног до головы нет во мне целости. К кому обратиться за помощию, кроме Тебя, Всеблагий Творец и Всемогущий Промыслитель мой! *Помилуй мя,*

Боже,помилуй мя! Заблудих яко овча погибшее,взыщи раба Твоего (Пс. 118, 176). *Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему!* (Пс. 141, 8). *Сердце чисто созижди во мне,Боже, и дух прав обнови во утробе моей!* (Пс. 50, 12).

За летами моего неразумного младенчества, о коем самый первый мудрец не может не сказать ко Господу с Давидом: *скотен бых у тебе* (Пс. 72, 22), наступили лета отрочества и юности. Время драгоценное, в которое человеку при раскрытии в нем разума и воли, можно сказать, самому дается быть в некотором смысле творцем духовного бытия своего. В это время и я, подобно прародителям моим, находился в раю невинности, и предо мною было древо жизни с обетованием и древо смерти с заповедию. Мог я не простирать руки к плоду запрещенному; властен был я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать крещения, и голос совести, и родители, и воспитатели, но – увы, ничто не удержало! И мне змий-искуситель представился достовернее моего Творца и Благодетеля; и для меня древо смерти показалось добрым в снедь, угодным очима еже видети и красно еже разумети; и я — стократ неразумнее прародителей моих, ибо имел их опыт пред собою,— и я, несчастный, вкусил дерзновенно горькие снеди и потерял рай. Ах, кто не пожелал бы, чтобы возвратились дни его юности, драгоценные те дни, когда от нас зависело вступить на путь Господень или уклониться на распутия греха и суеты мирской! Но сии дни не возвратятся, и каждому из нас, воспоминая их, остается только восклицать из глубины души: *Помилуй мя,Боже,помилуй мя! Грех юности и неведения моего не помяни. Помяни же мя ради благости* (Пс. 24, 7), единой благости *Твоей!*

Настало время мужества и лет зрелых. Мы вошли в различные связи семейства, дружества, знакомства, вступили на путь служения общественного, облеклись различными обязанностями; многие из нас засвидетельствовали клятвою, что они будут верными истине, непреклонными хранителями правды для себя и для других. Чего бы надлежало ожидать от нас после сего? Надлежало бы

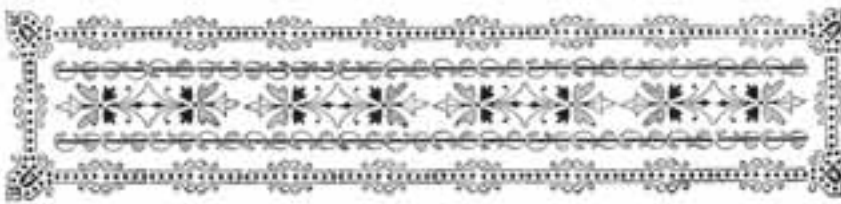
ожидать твердого и неуклонного исполнения своих обязанностей, мужественной борьбы с пороком во всех его видах, благоразумного употребления даров счастия, кому они посланы, и великодушного перенесения ударов несчастия, кого они постигали, что мы всегда будем готовы на всякое дело благое, удалены от всякой лжи и неправды, будем воздержанны и строги к самим себе, великодушны и милосерды к ближним нашим, кротки, искренни и любвеобильны ко всем и каждому, непамятозлобивы к самим врагам. Но многие ли из нас могут похвалиться сими качествами? Кто, бросив самый поверхностный взор на свои обязанности, не скажет: ах, я не исполнил и не исполню их как должно! При святом алтаре – я не предстою с тою чистотою и благоговением, кои подобают служителям Бога Вышняго; в суде – я не храню правды и истины с тем самоотвержением, какого требует участь подсудимых собратий моих; во святилище наук я дорожу не столько истиною, сколько суетною славою моего имени, и готов нередко защищать ложь, для меня приятную; в купле и продаже я своекорыстен; на господстве жесток и своенравен; в низкой доле лукав и строптив. Сколько времени погибло и погибнет у меня напрасно! Сколько данных от Бога талантов погублено и теряется всуе! Многократно я решался на доброе и доселе творю худое. Вижу, что я иду не тем путем, а иду непрестанно. И когда окончится во мне эта злополучная борьба совести со страстями? Где конец моему душевному плену и рабству? Творец Всемогущий, к Тебе молитва моя: помилуй бедное создание Твое! Дай силы расторгнуть узы греховных навыков и страстей! Отврати очи мои, во еже не видети суеты! Коснись грехолюбивого сердца, да перестанет оно биться для праха и тления! *Помилуй мя, Боже,помилуй мя!* Спаси меня от меня самого!

Наступят и лета старчества. Тело мое ослабеет, чувства одно за другим будут закрываться, и льстящий теперь мир сам начнет убегать от меня. Но и все это обратит ли меня к Богу и вечности? Употребится ли мною хотя сей жалкий остаток жизни на дела благие? Не разделят ли и его между собою те же похоти и те же страсти? Ах, сколько старцев, кои с летами видимо юнеют

в злобе и любви к миру! Сколько стоящих у дверей гроба и смотрящих вспять! Не буду ли подобен им и я? Не пройдут ли и мои последние годы и дни в суете и ослеплении, как проходят у многих? Милосердый Господи! Не попусти мне впасть в сие ужасное ослепление. Пощади от сего адского нечувствия! *Помилуй мя,Боже,помилуй мя!*

Вслед за немощами старости придет последняя болезнь. Ляжем на одре, с коего не встанем более: врач отступится, священник приблизится, сродники и присные окружат одр наш и будут ожидать нашей кончины, а, может быть, и сего не будет... В этот грозный час, среди последнего томления тела и духа, среди всеконечного смятения мыслей и чувств, какая молитва нужнее нам, кроме молитвы: *помилуй мя,Боже,помилуй мя!* Помилуй грешника, коего жизнь исчезла в суете и грехах! Яви последний знак милосердия и даруй, да изыду из темницы плоти моей с чувством покаявшегося на кресте разбойника!

Ударит, наконец, час смертный,— душа разлучится с телом и пойдет на суд Божий. Тогда среди неба и ада, между Ангелами и духами отверженными, что будешь чувствовать ты, бедная душа моя? Не будешь ли до самого страшного, всемирного суда, который решит участь твою на всю вечность, непрестанно взывать: *помилуй мя,Боже,помилуй мя!* (Из слова во вторник 1 недели Великаго поста – Иннокентия, Архиепископа Херсонского “Великий пост”).



В
Исповедь кающегося грешника

I

Исповедь частная, домашняя, молитвенная – пред Господом Богом

Благодарю Тебя, Господи Боже мой, всем существом моим, за то особенно, что сохранил Ты меня, много и великогрешного, доселе в живых: знаю, Господи, что *благость Твоя на покаяние мя ведет.*

Итак, благодарю и раскаиваюсь пред Тобою. О, Боже, милостив буди мне грешному, и приими мое искреннее раскаяние в моих тяжких грехах!

“Воззри на мя, Боже Спасе мой, милостивым Твоим оком и приими мое теплое исповедание!”

“Человеколюбче, хотяй всем спастися, Ты воззови мя и приими, яко благ, кающегося!”

1. Христианин должен быть чужд мира и всего мирского. Не любите мира,ни яже в мире. Аще кто любит мир,несть любве Отчи в нем: яко все,еже в мире,похоть плотская,и похоть очес и гордость житейская несть от Отца,но от мира сего есть. И

мир преходит и похоть его,а творяй волю Божию пребывает во веки (Ин. 2, 15-17).

А я весь предан миру сему и люблю деньги, наряды, роскошь, почести, славу, потехи, пляски и особенно живые картинки, хотя и знаю по опыту, что после них, как после потешных огней, ничего не остается, кроме смрада и мрака.

О, Боже, милостив буди мне грешному! Ослабь и охлади во мне любовь к миру сему прелюбодейному и грешному, и хочу ли, не хочу ли – веди меня путем спасения.

2. Христианин всегда должен проводить покаянную жизнь. Истинное и слезное покаяние есть строгое осуждение себя пред Богом, сокрушение о грехах,— неослабное внимание к делу душевного спасения и посильное заменение проступков своих противоположными делами.

А я, действительно, иногда осуждаю себя, но не слишком строго, и ничего из этого не выходит, а все чаще извиняю грехи свои; иногда сокрушаюсь о них, но слез очистительных не имею; иногда порываюсь примириться с Богом и с своею совестию, а добра, противоположного злу, не делаю.

О, Боже, милостив буди мне грешному, и подаждь мне дар истинного покаяния!

3. Христианин всегда должен помнить, что вездесущий и всеведущий Бог видит его насквозь, и что это воспоминание удерживает его от грехов и поощряет к добру.

А я что ни делаю, все делаю, помышляя не о всеведущем Боге, а о людском мнении о мне и о собственной пользе.

О, Боже, милостив буди мне грешному; прости мое забвение о Тебе и скажи мне: “Я Господь – Вседержитель: благоугождай предо Мною и будь непорочен” (Быт. 17, 1).

4. Христианин постоянно помнит последняя своя, то есть смерть и страшный суд, и таким образом обуздывает свои худые страсти и удерживается от грехов, особенно смертных, каковы: гордость, ненависть, чревоугодие, блуд, убийство, беспечность о спасении души и отчаяние.

А я, забывая о своей будущей загробной участи и живя одним настоящим, беспечно предаюсь греховным страстям и порокам смертным, убивающим мою душу для жизни вечноблаженной.

О, Боже, милостив буди мне грешному, Сам разбуди меня от сна греховного и прогони, имиже веси судьбами, мою беспечность, мое забвение и мое нерадение!

5. Христианин живет воздержанно и обуздывает свое тело установленными постами и, таким образом, пребывает покорным сыном Церкви.

А я постов в точности не соблюдаю и вообще живу невоздержанно, по своим прихотям, а не по правилам Церкви.

О, Боже, милостив буди мне грешному и непокорному *святой Твоей Церкви* и вразуми меня *поститься постом приятным, угодным Господеви!*

6. Христианин уклоняется от сообщества с людьми вольномыслящими и неблагонравными.

А я видаюсь с таковыми и, если не увлекаюсь их учениями и примерами, то поблажаю им, из своих недобрых видов.

О, Господи, осуждаю себя в этом пред Тобою и прошу Тебя избавить меня от всякого худого человека!

7. Христианин в простоте сердца каждодневно читает Библию, особенно Евангелие и Апостольские послания, а также – другие душеполезные книги.

А я не всегда читаю должное, зачитываясь тем, что питает праздное любопытство, нечистое воображение и душепагубные страсти.

О, Господи, направи стопы моя *по словеси Твоему,* да не обладает мною всякое беззаконие!

8. Христианин в храме Божием усердно молится молитвою соборною, которая возносит душу его к Богу, и внимательно следит за службою Божиею, разумевая каждое действие ея и сообразуя с ним молитву свою.

А я, если и бываю когда в церкви, то стою там рассеянно, невнимательно, мечтаю, засматриваюсь на живые картинки,

празднословлю, смеюсь – словом, забываю, где стою и пред Кем стою...

О, Боже, милостив буди мне грешному; прости мне мою рассеянность, невнимание, холодность и небрежность, и научи меня поклоняться Тебе духом и истиною вместе с верующими.

9. Христианин никогда не произносит имени Божия всуе, помня заповедь Спасителя: *буди же слово ваше: ей,ей,ни,ни* (Мф. 5, 37).

А я божусь, клянусь, иногда бессовестно, и преступаю свою клятву.

О, Господи, помилуй меня грешного и напиши оную заповедь на скрижали сердца моего!

10. Христианин никогда не лжет, не хитрит, не лукавит, не обманывает, не клевещет, а руководится простодушием, прямотою, откровенностию, истиною и справедливостью во всем.

А я лгу весьма часто и ложью то прикрываю свои проступки, то предотвращаю заслуженные упреки или наказания, подаю повод другим к смехотворчеству и осуждению тем, о ком говорю ложно или преувеличенно, то сплетаю сети моим ближним.

О, Боже, милостив буди мне грешнику; не помяни лжи моей, ни легкомысленной, ни вредной, исполни сердце мое страхом Твоим и любовию к истине и справедливости!

11. Христианин всегда говорит и действует искренно, без всякого притворства, без человекоугодия и лести, без злого умысла.

А я часто говорю не то, что чувствую, действую притворно, лицемерно, льщу, служу не делу, а лицам, кажусь только ласковым и добрым.

О, Боже, милостив буди мне грешному. Осуждаю пред Тобою непрямодушие свое, *лицемерие, коварство, иудино лобзание и молю Тебя: очисти меня от этой скверны и соделай меня младенцем на злое.*

12. Христианин помнит, что каждый человек есть образ и подобие Божие, и никого не бесчестит поносными названиями, по заповеди Божией (Мф. 5, 22).

А я, особенно во гневе, изливаю на образ и подобие Божие все нечистые и даже срамные подонки человеческого слова.

О, Боже, прости меня грешного, осквернившего святой дар Твой, дар слова и поносившего образ Твой и подобие Твое воспрещенными законом Твоим названиями.

13. Христианин не осуждает ближних своих по заповеди Господней: *не судите,да не судими будете* (Мф. 7, 10); а когда ему приходится говорить о них, то порицает пороки или грехи, а не грешников.

А я приписываю другим пороки, не быв уверен, имеют ли они их; осуждаю чужие слабости, несмотря на свои собственные, и забывая, что один Судия всех — Бог.

О, Боже, милостив буди мне грешному; прости мое злоречие, обременяющее совесть мою, и благослови меня любить всех людей с недостатками их.

14. Христианин всегда скромен и кроток: похвалою не надмевается, унижением не обижается, веселится тихо, говорит благоразумно, никого не оскорбляя, везде и со всеми обходится благодостойно, чей-либо гнев укрощает молчанием либо ласкою.

А я? Когда похвалят меня,— всем рассказываю данную мне похвалу, да еще с прибавлением к ней; когда же предпочитают мне других,— обижаюсь, скорблю, кричу. Беседы мои – насмешливые, соблазнительные и похабные; веселье – шумное и буйное; обращение с людьми часто дерзкое; на гнев у меня ответ – запальчивость, а то и побои.

О, Господи, прости мне все это неистовство мое и даруй мне, рабу Твоему, скромность, кротость и благовременную молчаливость!

15. Христианин всегда бывает послушен не только властям, но и всем умным и опытным людям; не навязывает им своих мнений; возражения и опровержения их выслушивает спокойно; основательные доказательства принимает охотно; в противном случае спорит кротко и миролюбно, высказывая не самолюбие свое или остроумие, или находчивость, или объем сведений, а – одно желание знать истину или правду.

А я считаю себя умнее всех,— возражений не терплю,— все хочу упорно поставить на своем,— прения веду с запальчивостью, даже с оскорблением личности собеседника, но от того ровно ничего не выигрываю, а только всех утомляю и обнаруживаю свое мнимое высокомерие, упрямство и гордость.

О, Боже, милостив буди мне грешному; положи хранение устам моим и даруй мне, рабу Твоему, разумное послушание и смиренномудрие!

16. Христианин соблюдает во всем меру. Он не слишком снисходителен, не слишком строг, не слишком ласков и ненадолго грозен. Он воздает каждому свое, справедлив без ласкательства и без жестокости; а превосходство своей личности прикрывает смирением и любезностью для пощады чужого самолюбия.

А я – или на все смотрю сквозь пальцы, или – взыскиваю даже за мелочи; ласками своими или – надоедаю, или даже порчу ласкаемого; гневаюсь долго – не до захождения солнца; справедливость сказываю жестокую; дарованиям завидую; доблести унижаю; во всех люблю находить слабую сторону и ни с кем не равняюсь.

О, Боже, милостив буди мне грешному; прости мои уклонения от благоразумия, правды, любви и приличия, да буду всегда равен себе самому; да не укоряет меня совесть в том, что я поступаю, хотя и благоразумно, но не очень справедливо,— хотя и справедливо, но жестоко и неприлично.

17. Христианин никого не обижает, а причиненные ему обиды и оскорбления прощает и бывает благосклонен к обидевшим его даже в присутствии их.

А я оскорбляю и обижаю многих: на оскорбивших меня ярюсь, грожу им и мщу; в обществе прикидываюсь великодушным к оскорбителям своим, долго помню зло и потихоньку стараюсь чернить их.

О, Боже, милостив буди мне грешному! Осуждаю пред Тобою мою ярость, мстительность, лицемерное великодушие и действительное злопамятство, и молю Тебя, даруй мне искренно великодушное перенесение обид и благодать молитвы за врагов.

18. Христианин любит врагов своих.

А я злюсь на них, ненавижу их и склонен вредить им.

О, Боже, помилуй мя грешного и помоги мне благодатию Твоею любить врагов моих и смотреть на них, как на благодетелей в нравственном самопознании.

19. Христианин тихо страдает пред лицем Бога всеведущего и готовящего великую мзду страдальцам, и не жалуется на виновников страданий.

А я раздражаюсь, жалуюсь на них и таким образом сам грешу и других ввожу в грех, слагаю свою вину на других, преувеличиваю свои страдания пред другими, разнеживаюсь...

О, Господи, помилуй меня грешного и благослови меня страдать тихо, молиться молитвою Спасителя моего: "если возможно, да мимо идет чаша сия; если же нельзя, то да будет воля Божия!"

20. Христианин помнит, что блаженные миротворцы нарекутся сынами Божиими, и миротворит.

А я, окаянный, сам со многими ссорюсь и других ссорю между собою.

О, Господи, помилуй меня грешного и укроти мой нрав жестокий и злой!

21. Христианин постоянно и неизменно любит всех близких к сердцу его, всех родных, друзей и знакомых,— любит в Боге.

А моя любовь ко всем порывиста, стремительна, но и не продолжительна, если ею не удовлетворяется мое самолюбие.

О, Боже, прости непостоянство любви моей; благослови меня любить всех ради Тебя бескорыстно!

22. Христианин не корыстуется чужим добром и не завидует ему; сострадателен к несчастным, милостив к бедным и добр для тех, которые окружают его. Своих родных и друзей достойных он любит искренно и защищает крепко, а услуги их награждает щедро, и все это делает во имя Бога, Который есть Любовь.

А я завидую счастью ближних, наживаюсь не всегда праведно,— скуп, мало помогаю несчастным,— живу в свое удовольствие, не награждаю, как следует, окружающих меня и

служащих мне,— за друзей вяло ходатайствую, щадя свое самолюбие и дорожа своим покоем, помогаю бедным лениво, и иногда с раздражением, негодованием и не всегда по чистой благосклонности.

О, Господи, помилуй меня грешного, не имеющего ни чистой, ни сильной благодати сердца, и благодатию Твоею очисти и укрепи ее.

23. Христианин целомудрен. Он знает, что тело его – храм Духа Святаго, и борется с похотью, прося у Бога дара чистоты (Премудр. Гл. 8), не давая воли воображению, памяти, сладострастным помыслам, не пресыщая чрева, проводя дни в трудах, а на ночь осеняя себя крестным знамением и поручая себя Ангелу Хранителю, борется до старости и достигает чистоты бесстрастия... А когда по немощи человеческого естества падает, то сейчас же и восстает, плачет о своих грехах, рвется к Спасителю и, ринувшись в пучину милосердия Его, со слезами и воздыханиями принимает пречистую Кровь Его и таким образом очищается от всякого греха своего.

А во мне нет этого всего.— Я плотоугодник. Живу сладострастно, и от любодейства теряю деньги, имение, здоровье, честь, а наживаю болезни, раннюю старость, тупоумие, душевную пустоту; грешу всегда, воспоминая прежние любодеяния свои и услаждаясь такими воспоминаниями; а таким образом и в душе я крайне нечист от мечтаний, помыслов, желаний и похотений сладострастных, и делаюсь вполне достойным гнева Божия и вечного мучения, как грешник нераскаянный.

О, Господи, не смею и очей моих возвести на небо, куда не войдет ничто скверное; но молю Тебя из глубины души: помилуй меня по великой милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих очисти беззаконие мое, наипаче омый мя от беззакония моего и от греха моего очисти меня; яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну; прости грехопадения моя и даруй мне, рабу Твоему, целомудрие.

24. Христианин всегда имеет святое смирение. Оно есть чувствование нашей душевной немощи и сознание нашей грехов-

ности, усвоение Богу всего доброго в нас. Памятование всех Его милостей к нам и покорность мудрой и святой воле Его.

А я горд, самонадеян; хвалюсь своими мнимо добрыми качествами, люблю одни похвалы, а замечаний не терплю и обижаюсь ими, тщеславлюсь, превозношусь, гневаюсь, раздражаюсь, злословлю, пересуживаю, спорю, обижаюсь, любуюсь собой.

О, Господи, помилуй меня грешного, подобного подкрашенному гробу. Осуждаю пред Тобою самонадеянность и гордость свою со всеми исчадиями их и молю Тебя: исторгни их из сердца моего и насади во мне благодатное смирение.

25. Христианин всегда исполнен страхом Божиим, чувствует везде присутствие Бога, благоговеет пред Ним, изумляется величию Его, поражается святостию и правдою Его, и таким образом сковывает страсти свои, обуздывает своеволие свое, удерживается от нарушения заповедей Божиих.

А во мне нет страха Божия, нет и спасения и боязни попирать закон Божий, я делаю все то, что велят мне делать мои страсти, дурные наклонности, привычки, живу вдали от Бога, и живу беззаконно.

О, Боже, милостив буди мне грешнику! Осуждаю пред Тобою забвение спасительных прещений и заповедей Твоих, своеволие мое и неблагоговение пред Твоим величием, и молю Тебя: насади во мне страх Твой!

26. Христианин имеет неослабное рвение к исполнению всех заповедей Господних и постоянную, сильнейшую жажду оправдания верою в заслуги Спасителя; ибо не может исполнить *всех* заповедей, а если и все исполняет, то неточно и не всегда по чистым побуждениям.

А во мне действует неослабное рвение к нарушению всех заповедей Господних: и если я жажду оного оправдания, то лишь тогда, когда готовлюсь к исповеди, и только в эти дни, а во все остальное время грешу и только грешу.

О, Боже, милостив буди мне грешному: приими и минутное раскаяние мое; помоги мне положить начало спасения, а веру

в Спасителя моего укрепи, как росток христианской жизни, могущий со временем принести плод свой!

27. Христианин всегда имеет у себя духовную рассудительность, испытывающую законность и чистоту мыслей, желаний, наклонностей, действий, и дающую лучшее направление его христианской жизни.

А я невнимателен к себе самому; менее всего забочусь о душе своей и не знаю ее состояния; не даю себе ежедневно ответа в помыслах, желаниях и действиях своих. Не знаю себя и не стараюсь усовершенствоваться.

О, Боже, милостив буди мне грешному. Прости мое нерадение и неведение себя самого,— помоги мне благодатию Твоею распознавать примесь во мне чувственного к духовному,— искоренять худые наклонности и привычки мои и усовершенствоваться духовно.

28. Христианин непрестанно молится. Молитва его есть сладостное соединение с Богом, выражение любви к Нему и надежды на Него, утешение в скорбях, встреча немощи с благодатию Святого Духа, ключ души всем силам ее: “приидите поклонимся Цареви нашему Богу”. В молитве своей он и славословит Бога, благодарит Его за все и просит прощения грехов и всего потребного к жизни своей и других. Молитва – стихия его и дает самое лучшее направление всей жизни его.

А я даже не имею ясного понятия о такой молитве. Кладу поклоны, прочитываю разные молитвы, но холодно, без участия сердца, по привычке, нехотя, а часто и так не молюсь, и потому не исправляюсь. Не зная хорошо себя, не умею и молиться о себе: гордый не прошу Бога смирить душу мою,— ленивый на все доброе не вымаливаю страха Божия,— сладострастный не рвусь к Спасителю,— роскошный не испрашиваю благ духовных,– темный не прошу мудрости,— жестокий и раздражительный не вымаливаю сердечной благости.

О, Боже, милостив буди мне грешному и научи меня поклоняться Тебе духом и истиною! О, Господи, помилуй меня грешного

и благослови начать молиться хоть с *Отче наш*, хоть с *Господи, помилуй! Не отвержи мене от лица Твоего,и Духа Твоего Святаго не отыми от мене... Сердце чисто созижди во мне,Боже,и дух прав обнови во утробе моей... Воздаждь ми радость спасения Твоего и Духом Владычним утверди мя!*.. Умоляю Тебя со слезами и с сокрушением сердечным.

29. Христианин верует в Бога триединого, Творца, Промыслителя, Спасителя, Освятителя и Судию. Но вера его – живая сила, производящая в нем благоговение и смирение пред величием Бога и страх прогневать Его,— благодарение вечное за все милости Его,— стремление к соединению со Христом чрез подражание святой жизни Его и жажду даров Святого Духа.

А во мне вера эта похожа на неясный очерк великолепной картины без красок и выражения: вера мертвая, не возбуждающая в душе добродетелей христианских, требуемых живою верою; я часто сомневаюсь в догматах веры потому только, что не понимаю их своим умишком, стыжусь исповедать ее пред сынами века, а чаще всего и не помышляю о святых истинах веры...

О, Господи, помилуй меня грешного, и приложи мне ту веру, которую имеют истинные христиане и которая одна может оправдать меня пред Богом, дав лучшее направление моей жизни. *Верую,Господи,помози моему неверию.*

30. Христианин, веруя в Бога, постоянно надеется на Него: ожидает Божией помощи, правды и милости во всех многобедных обстоятельствах временной жизни, и живо чает блаженства вечного; передает себя и все свое воле Божией и бывает во всем послушен Единому Богу,— говорит: да будет воля Божия всегда и во всем!

А я, хотя и надеюсь на Него, но надежда моя не полна, не тверда, не чиста, не сильна. Много надеюсь на себя и на других,— слишком много забочусь без нужды и от этого не имею душевного и телесного спокойствия, мучу сам себя: унываю, тоскую, печалюсь, стремлюсь переменить место служения своего, все кажется не по мне, а внутренно не переменяюсь,— покаяние отлагаю.

О, Господи, Боже мой! Осуждаю перед Тобою все эти грехи свои: самонадеянность, многозаботливость, съедающую тело и душу, непрестанную тревогу от воображаемых опасностей и страхов, всякое уныние, тоску, печаль непомерную, ропот, робость, беспечность о спасении своем и откладывание покаяния на время неизвестное, и молю Тебя: помилуй мя грешного и даруй мне то упование на Тебя, которое имеют истинные христиане!

31. Христианин любит Бога всей душой и всем существом своим; стремится к Нему всеми силами души своей – умом, как к Высочайшей истине,— волею, как к Высочайшему Добру,— сердцем, как к Высочайшей Красоте,— в Нем находит все свои идеалы и полагает все свое блаженство; вследствие такой пламенной любви своей к Богу горячо ревнует о славе Его: рвется к исполнению всех заповедей Его, способствует, сколько может, распространению истинной веры и жизни христианской. Душа христианина, любящая Бога, в Нем одном живет, мыслит, чувствует, действует, покоится, блаженствует, преобразуется по образу и по подобию Его, соединяется с Ним.

А я, грешный, такой любви к Богу не имею. Воображаю, что люблю Бога, а заповедей Его не исполняю, тогда как угождаю всем прихотям любимого человека. Умом, волею и сердцем ищу идеалов истины, добра, красоты вне Бога, в предметах сотворенных, и в них мечтаю обрести все свое блаженство: “временное предпочитаю, а о славе вечной забываю”; и нисколько не забочусь о славе Божией. Весь век свой живу, мыслю, чувствую, действую как-то отдельно от Бога, не помышляя о Нем. Не люблю Бога, в Котором одном – покой и блаженство; а не находя покоя и блаженства ни в ком и ни в чем помимо Его, терзаюсь преждевременно муками ада.

О, Боже, милостив буди мне грешному. Осуждаю пред Тобою забвение мое о Тебе, Подателе жизни, мудрости, добродетели, бессмертия, истины, добра, блаженства,— осуждаю равнодушие свое к ревностному распространению Славы Твоей,— осуждаю свое своеволие и молю Тебя: воспламени во мне совершенную

любовь к Тебе, ту любовь, которая вопиет в глубине души: *Авва Отче,* да с Петром могу сказать Тебе: *ей,Господи,Ты знаешь,что я люблю Тебя!* Да успокоюсь и получу мое блаженство в Тебе едином, ибо, кроме Тебя, нет для меня нигде – ни в ком и ни в чем – покоя и блаженства!

32. Христианин подражает Христу, Спасителю своему, кроткому, смиренному, милосердому, праведному, прощавшему врагов Своих, не имевшему лести в устах, чистейшему, долготерпеливому, трудившемуся, покорному воле Отца Небесного, творившему волю Его, молившемуся, страдавшему безропотно... Оттого все христианские добродетели, как звезды небо, украшают душу христианина; а венец ее – внутренний мир, то есть лад всех сил души: воображения, памяти, разума, воли, совести и покой ее в Боге, происходящий от живого ощущения благоволения Божия к ней после того, как она сделалась образом и подобием Христа Спасителя. Такой мир или покой приобретается после долговременного уравновешивания сил души, после соблюдения всех заповедей и исполнения всех добродетелей – от покаяния до любви к Богу.

Мне ли, грешному, получить такой мир и покой, когда у меня разум с сердцем не в ладу и все силы души в разладе,— когда я, окаянный, и не думаю подражать земной жизни и деятельности Христа, Спасителя моего? А от этого добрых дел у меня или вовсе нет, или очень мало, да и те с примесью моего самолюбия и тщеславия, заповеди же почти все нарушены мною. Хоть бы Господь сподобил меня насладиться тем спокойствием души, которое бывает тотчас после исповеди и отпущения грехов! И это спокойствие – великое благо; по нему можно, по крайней мере, судить и иметь понятие о всегдашнем блаженном мире и покое души!

Жажду мира и покоя душе моей бедной, волнующейся, и из глубины сердца вопию к Тебе, Боже, Спасителю мой: *буди милостив мне грешному;* приими искреннее раскаяние и прости все грехи мои вольные и невольные, исцели душу мою больную и дай ей хоть капельку благодатного успокоения в Тебе! Умиротвори

все силы души моей; дай мне силы творить заповеди Твои, исполнять волю Твою благую, угодную и совершенную, да сознаю я в себе перемену гнева Твоего на милость ко мне, да ощутит душа моя благоволение Твое к ней, и мир и покой Твой да водворится во мне!...

33. Христианин, вслед за первым рождением от плоти и крови, получает другое, высшее и лучшее рождение от Духа. Несмотря на мою нечистоту и бесчувственность, меня тотчас по рождении из объятий матери приняла в объятия свои святая Церковь: омыла скверну природы моей в купели крещения; освятила благодатию Святого Духа: запечатлела в белую одежду невинности.— Из чада гнева я стал чадом благодати.

А я, окаянный, сбросил с себя это царское облачение: раскидал дары, излитые на меня,— *винограда моего не сохраних*... Не сохранил я благодати крещения; не пребыл верен Тому, Кому сочетался; осквернил белую одежду невинности; потерял благодать Святого Духа... Одно взял мир; другое похитили страсти; то пропало от нерадения и беспечности; весь я подобен человеку, впадшему в разбойники: от ног до главы нет во мне целости...

К кому обратиться за помощью, кроме Тебя, Всеблагий Творец и Всемогущий Промыслитель мой? Помилуй мя, Боже, помилуй мя! *Заблудих яко овча погибшее,взыщи раба Твоего! Изведи из темницы душу мою исповедатися имени Твоему! Сердце чисто созижди во мне,Боже,и дух прав обнови во утробе моей!*

34. Христианин-дитя, воспитываясь на лоне матери, в объятиях отца, приучается повиноваться им и почитать Отца Небесного и благодатную Мать свою Церковь,— по примеру Христа Спасителя, растет, укрепляясь возрастом и духом, исполняясь премудростию и укрепляясь благодатию у Бога и людей (Лк. 2, 40, 52).

А я не всегда, как должно, повиновался родителям моим, не чтил Церкви и Отца Небесного почитанием святым, не подражал Спасителю моему. Ленился учиться, лгал, божился, упрямился, не хотел просить прощения, передразнивал, озорничал, бранился, кое-что брал без спросу и утаивал, завидовал, перенимал худое и пытался сделать его, не открывал правды...

О, Господи, помилуй и спаси меня! Так я сам из чада благодати более и более опять делался чадом гнева, тело мое возрастало, а дух ослабевал, вместо мудрости я исполнялся глупостями, вместо благодати укреплялся в худых навыках: Господи, прими мое раскаяние, просвети и спаси меня!..

35. Христианин-отрок, подобно прародителям своим, находится в раю невинности, пред ним древо жизни с обетованием и древо смерти с заповедию: он имеет всю возможность не простирать руки к плоду запрещенному,— властен он остаться на пути правды и непорочности, все удерживает его,— и благодать крещения, и голос совести, и родители, и воспитатели...

А меня, увы, ничто не удержало! И мне змий-искуситель представился достовернее моего Творца и Благодетеля; и для меня древо смерти показалось добрым в снедь, угодным очима и красным к разумению; и я, несчастный, вкусил *дерзостно горькия снеди и потерял* рай.

О, Господи, Боже мой, если бы возвратились дни моей юности, я вступил бы на путь Твой, уклонился бы от распутий греха и суеты мирской! Но дни эти не возвратятся для меня; остается мне из глубины души восклицать: Помилуй мя, Боже, помилуй мя! *Грехов юности и неведения моего не помяни! Помяни же мя ради благости,*единой благости *Твоей!*

36. Христианин-юноша, воспитанный в христианском законе, исполнен страха Божия, который обуздывает всякое своеволие его, послушен и почтителен к старшим себя, сострадателен, скромен, стыдлив, целомудрен. Подобно Спасителю своему, он во всем творит волю Господню, поучается в законе Господни день и ночь и, учась наукам, никогда не оставляет всемирного училища святой Церкви.

А я не богобоязнен, а потому своеволен, непочтителен, насмешлив, дерзок, жесток, зол, бесстыден и недевствен; закону Божию не внимаю, Церкви святой не слушаюсь и, если учусь, то учусь только для любознательности и своекорыстия.

О, Господи, приими мое раскаяние и исцели мою душу!

37. Христианка-девица, пока принадлежащая одному Богу, должна быть свята телом и душой; она хранит девственность свою; отличительные ее свойства – целомудрие, смирение, кротость, скромность, стыдливость, послушание, сострадательность и молитвенная сосредоточенность в Боге. От этого ее все уважают, и вольности в обращении с ней никто себе не дозволяет.

А я горда, вспыльчива, болтлива, насмешлива, упряма, зла, ленива, мечтательна, неосторожна, так что сама даю повод мужчинам обращаться со мною вольно, дружба моя с ними не безгрешна; я скорее разжигаю молодых людей на похоть, чем уцеломудриваю их; часто бываю сущим вертопрахом, а Богу молиться ленюсь; рассеянная.

О, Господи, приими мое раскаяние и исцели мою душу.

38. Христианин зрелых лет твердо и неуклонно исполняет свои обязанности, мужественно борется с пороком во всех его видах, благоразумно употребляет дары счастия, великодушно переносит удары несчастия, всегда готов на всякое дело благое, удален от всякой лжи и неправды, воздержан и строг к самому себе, великодушен и милосерд к ближним своим, кроток, искренен, любвеобилен ко всем, непамятозлобен даже к врагам своим.

А я не исполняю своих обязанностей как должно: порок часто овладевает мною совершенно,— в счастии я горд, заносчив, неприступен, жесток, своенравен, в несчастии низок, лукав, строптив, подл,— к добру вовсе не расположен, не дорожу истиною и правдою, себе самому во всем поблажаю,— а с ближними нетерпелив, скуп, строптив, лукав и хитр, любить их не расположен и помню зло очень долго.

Творец всемогущий, к Тебе молитва моя: помилуй бедное создание Твое! Дай силы расторгнуть узы греховных навыков и страстей! Отврати очи мои во еже не видети суеты! Коснись грехолюбивого сердца, да престанет биться для праха и тления! Помилуй мя, Боже, помилуй мя! Спаси меня от меня самого.

39. Христианин-супруг любит свою жену, молится о ней, уважает ее, не изменяет ей, обращается с ней благопристойно и воздержанно, не огорчает ее, недостатки ее скрывает от других

и исправляет кротко, считает ее своею помощницею, просит ее совета и согласия в делах семейных, заботится о благосостоянии семейства, дом свой держит в благочестии.

А я долга своего не исполняю. Не всегда люблю свою жену, не молюсь за нее, не уважаю ее, изменяю ей, потворствую рассеянности ее, часто огорчаю ее, мучу подозрением, ревностью, скупостью, гордостью, вспыльчивостью, ссорами, разглашаю ее недостатки, унижаю ее, не прошу и не слушаю ее добрых и полезных советов,— не радею о доме и семействе, имущество трачу на стороне.

О, Боже, буди милостив мне грешному, прости беззакония мои и исцели душу мою!

40. Христианка-супруга, любя, почитая, уважая и молясь о муже, покоряется ему, боится охладить любовь его, хранит верность ему, недостатки его переносит терпеливо и кротко, мало-помалу исправляет их с благоразумием. Богу она угодница, мужу помощница, детям вторая благодать, домашним пример порядка, чистоты, благонравия, не прихотлива и не роскошна бездельно.

А я непостоянна; не всегда покоряюсь и угождаю мужу,— хотя и могу, и должна; часто огорчаю его своею вспыльчивостью, сварливостью, упрямством, прихотями, роскошью не по состоянию, страстью к нарядам с недобрыми целями; люблю брать верх над мужем: многое делаю по-своему; детей люблю, а примером благочестия им не служу; домашние не всегда довольны мною; хозяйством отягощаюсь; живу не богоугодно.

О, Господи, прими мое раскаяние и исцели душу мою!

41. Христианин, как господин,— бывает кроток, милосерд и сострадателен к своим домочадцам, щадит их силы, довольствует их, исправляет, дарит и делает им возможное и нужное пособие; как домочадец,— служит господам своим так, как служил Самому Христу, исполняет все приказания их почтительно, добросовестно, точно, трудится с усердием, бережет хозяйскую собственность, как свою, не разглашает о слабостях своих господ, не клевещет на них.

А я, как господин,— обращаюсь с подчиненными мне иногда жестоко, не забочусь о них, рассчитываю только по договору, не снабжаю их пособием; а, как подчиненный,— служу нерадиво, не жалею господских вещей и порчу их; обманываю и обкрадываю господ своих, и других слуг обман и воровство скрываю и, если не клевещу на своих господ, то осуждаю и разглашаю слабости их.

О, Боже, милостив буди мне грешному: помилуй и спаси меня!

42. Христианин-монах всегда помнит свои обеты, особенно – нестяжательность, послушание и целомудрие, постоянно пребывает в молитве – церковной и домашней; любит свою келлию и в ней бывает занят или богомыслием, или чтением духовных книг, и таким образом дни и ночи проводит один с Единым Богом.

А я – нецеломудрен, непослушен, любостяжателен; редко молюсь, да и то – мало и сухо; часто хожу по мирским домам и там провожу время в пустой болтовне, в ядении и питии; соблазняю и соблазняюсь, а о богомыслии и чтении и не думаю; ищу сообщества, но не с Богом; рассеян, и вовсе живу не по-монашески.

О, Боже, милостив буди мне грешному, избави мя от всякия мирския злыя вещи; да даруй мне жизнь сокровенную с Тобою во Христе; да не сходит с моих уст сердечная молитва: *Господи, Иисусе Христе,Сыне Божий,помилуй меня грешного!*

43. Христианин-священник всегда имеет в мыслях своих клятву и обещание (присягу), проходит свое служение согласно с словом Божиим, с правилами церковными и указаниями начальства; он первым своим делом считает попечение о спасении душ, ему вверенных, неленостно и бескорыстно вразумляет заблуждающихся и обращает их на путь истины; никогда не оставляет своих прихожан без поучения и назидания словом и примером; богослужения и таинства совершает со тщанием и благоговением, трезвенно и неспешно, с разумением смысла и силы их, с должным приготовлением к ним; к себе и другим всегда внимателен, со всеми ласков и любезен, как отец с

детьми; трезвение, бдительность, рассудительность, молитва и благоговение – его отличительные черты.

А я, окаянный, и невнимателен к своему делу, и нерадив, и корыстолюбив, своею жизнию подаю худые примеры, — пространно питаюсь,— небрегу о спасении своем и вверенных моему руководству,— приготовляюсь к богослужению невнимательно,— служу неблагоговейно, торопливо, небрежно,— обращаюсь с прихожанами сурово, а иногда даже и дерзко, показывая власть свою; таинства и требы исполняю по привычке, весьма невнимательно, особенно исповедь, бываю не трезв; с святыней обращаюсь без благоговения, как с обыкновенными вещами; не подаю нужных разумных советов, говоря больше наобум, как и что попало; молиться ленив до крайности.

О, Боже, милостив буди мне грешному; дай мне дух и ревность древних духоносных пастырей, да не погибнет от моего корыстолюбия, невнимания, нерадения, худого примера ни одна словесная овца из Твоего стада! Сам возгрей во мне дар священства, данный мне Тобою, и очисти мя от всякия скверны плоти и духа!

44. Христианин-старец всецело обращается к Богу и вечности, когда тело его слабеет, чувства одно за другим закрываются, льстивый мир сам начинает убегать от него; весь, хотя уже жалкий, остаток своей жизни он употребляет на дела благие; беспрестанно помнит грозный час смерти и Страшного суда Божия, и то и делает, что всевозможно приготовляется к переходу в вечность…

А мою дряхлую жизнь доедают те же похоти и те же страсти; с летами я, видимо, юнею в злобе и любви к миру; стою у дверей гроба и смотрю вспять; последние мои годы и дни проходят в суете и ослеплении; живу как бы мне никогда не умирать и не являться пред грознаго Судию, и не думаю о приготовлении к смерти…

О, милосердый Господи, избавь меня от этого ужасного ослепления,— пощади от сего адского нечувствия: помилуй мя,

Боже, помилуй мя! Помилуй старого грешника, коего жизнь исчезла в суете и грехах! Яви последний знак милосердия Твоего и даруй ми ныне наконец положити начало спасения, да изыду из темницы плоти моей с чувством покаявшегося на кресте разбойника!.. (Из соч. Порфирия, епископа бывшего Чигиринского).

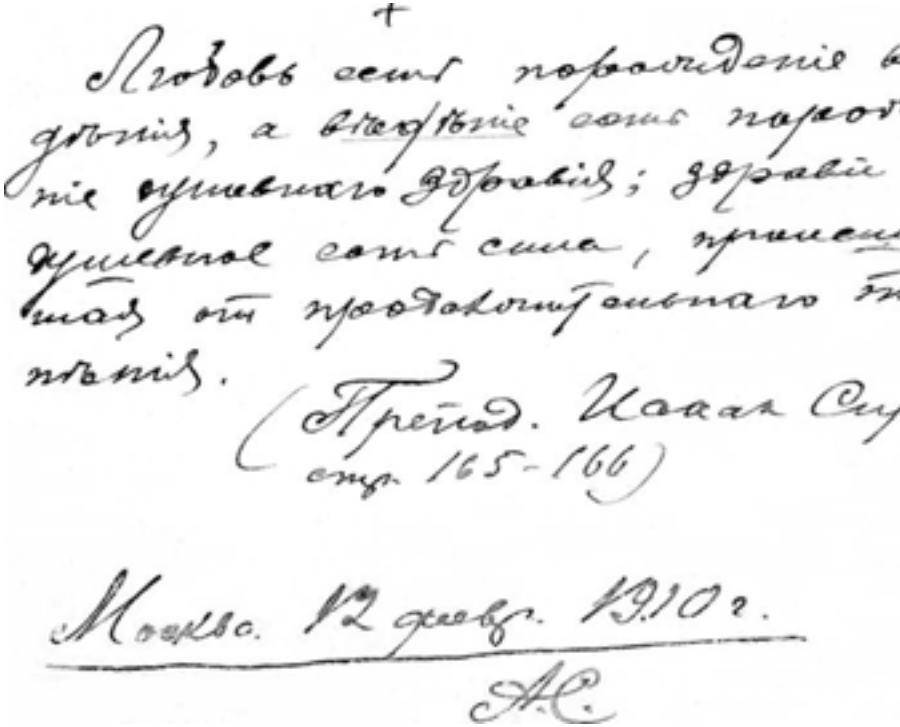
Не возгнушайся мене, Спасе, не отрини от Твоего лица, возьми бремя от мене тяжкое греховное, и яко благоутробен, даждь мне грехопадений оставление.

Вольная, Спасе, и невольная прегрешения моя, явленная и сокровенная, и ведомая и неведомая, вся простив, яко Бог, очисти и спаси мя.

От юности, Христе, заповеди Твоя преступих, всестрастно небрегий, унынием преидох житие: темже зову Ти, Спасе, поне наконец спаси мя.

Богатство мое, Спасе, изнурив в блуде, пуст есмь плодов благочестивых, алчен же зову: Отче щедрот, предварив Ты мя ущедри!

Согреших, исповедуюся Тебе, Господи, блудный аз, не смею на небо воззрети очами, оттуду бо отпад, бых окаянен: согреших на небо и пред Тобою, и несмь достоин нарещися сын Твой, самого себе отрицаю, не требую оглагольников, ниже паки свидетелей; имам обличающий мя блуд, имам обличающее злое житие, имам посрамляющую обдержащую мою наготу, к срамоте же рубы, ими же одеян есмь. Благоутробне Отче, Сыне Единородный, Душе Святый, кающаяся мя приими и помилуй мя! (Самогласен на стиховне во Вторник 3 седмицы Великаго Поста, глас 7-й).



+

Любовь есть порожденіе в
дѣнія, а вѣдѣніе есть поро-
жденіе душевнаго здравія; здравіе
душевное есть сила, происши-
шая от продолжительнаго то-
пѣнія.

(Препод. Исаак Сир
стр. 165-166)

Москва. 12 февр. 1910 г.

А.С.

Из сочинений Иустина, епископа Рязанского и Уфимского

2

Исповедь общая, церковная словесная, пред священником духовным

Исповедуюся Господу Богу Вседержителю, во Святой Троице славимому и покланяемому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и преблагословенной Приснодеве Богородице Марии, и всем святым, и Тебе, Честный Отче, во всех моих грехах.

Во грехах зачатый, во грехах рожденный, во грехах воспитанный, от самого крещения до сих пор живущий во грехах, исповедую, что согрешил я против всех заповедей Божиих:

против первой заповеди – маловерием и неверием,— сомнением и вольным мнением,— суеверием и самонадеянностию,— нерадением и отчаянием в своем спасении, надеждою на себя и на людей более, чем на Бога, и неразумною (излишнею) надеждою на милосердие Божие,— забвением о правосудии Божием и недостатком преданности воле Божией, непокорностию распоряжениям Промысла Божия и упорным желанием, чтобы все было по-моему,— нетерпеливостию и ропотом, когда что-

нибудь делается не по моему желанию,— человекоугодием и пристрастною любовию к твари,— нестаранием раскрыть в себе полного познания Бога и воли Его, веры в Него, благоговения к Нему и страха Его,— надежды на Него, преданности воле Его и послушания Ему,— любви к Нему, стремления всем существом к Нему и ревности о славе Его;

против второй заповеди – порабощением себя страстям: сладострастию, корыстолюбию, гордости, раболепством духу времени и мирским обычаям, против совести, с нарушением заповедей Божиих, лицемерием и ханжеством;

против третьей заповеди – богохульством и кощунством,— ложною клятвою и нарушением клятвы,— нарушением обетов, легкомысленною божбою,— неуважением к благочестию и людям благочестивым, презрением и насмешками над ними,— стыдливостию показаться набожным и вообще – христианином в кругу мирских людей;

против четвертой заповеди – непочитанием праздников и занятиями, неподобающими праздникам: работами, играми, разгулом, неблагоговейным стоянием в церкви и невниманием к чтению и пению, блужданием помыслов, разговорами и смехом в церкви, леностию в молитве, в чтении Слова Божия и других благочестивых книг, оставлением утренних, вечерних и других молитв,— утаиванием грехов на исповеди и нестаранием о должном приготовлении к причащению Св. Таин, неблагоговейным, небрежным совершением богослужения,— неуважением к священным вещам и небрежным изображением на себе крестного знамения,— несоблюдением постов по уставу Церкви,— леностью к труду и недобросовестным исполнением порученных работ и дел по должности службы,— терянием попусту многого времени в праздности, рассеянности, забавах, пиршествах;

против пятой заповеди – недолжным почитанием родителей и холодностию к родственникам,— непочитанием начальников и неуважением к старшим,– неблагодарностию к благодетелям, беззаботностию о воспитании в благочестии подчиненных, потворством или строптивым обращением с ними, нерадением о благосостоянии их и жестокими поступками с ними;

против шестой заповеди – нравственным или физическим убийством себя или другого,– притеснением и лишением средств к жизни ближнего, неподаянием помощи к сохранению жизни ближнего от преждевременной смерти,— оскорблением ближнего суетным гневом, строптивостию в обращении, злословием, ненавистию, причинением вреда ближнему, враждою, злопамятством, соблазном на грех, бездеятельностию, пресыщением себя, упорным сопротивлением истине, ожесточением в грехах, совершенною нераскаянностию, неприучением себя не только не оскорблять ни словом, ни делом, но и обходиться со всеми кротко, вежливо, дружелюбно, назидательно,– с гневающимися примиряться, обиды терпеливо переносить и прощать,– благотворить всем,– даже врагам;

против седьмой заповеди – плотскими грехами – блудом, прелюбодеянием, малакиею, сладострастием во всех его видах – страстными поцелуями с другим полом, нечистым осязанием, засматриванием на красивые лица с вожделением, сквернословием, любовными песнями, бесстыдными телодвижениями, кокетничеством, волокитством, сводничеством, услаждением нечистыми мечтами, произвольным похотным разжжением, чрезмерною привязанностию; неумеренностию в плотских удовольствиях, невоздержанием в посты, воскресные и праздничные дни, кровосмешением в духовном и плотском родстве, пресыщением в пище и питии, чтением романов, рассматриванием соблазнительных картин, вольным обращением и играми с другим полом, излишним щегольством, с желанием нравиться и прельщать других;

против осьмой заповеди – воровством, присвоением чужой собственности, обманом, ложным письменным документом, обмериванием, обвешиванием, обсчитыванием, ложною монетою, продажею худого товара вместо хорошего, утаиванием найденной вещи, скрыванием вора и покражи, неуплачиванием долга под предлогом мнимой несостоятельности и других ложных причин, поджигательством, попущением чужой вещи затеряться или попортиться, препятствием выгодам других, тунеядством, лихоимством, продаванием по высоким ценам вещей, особенно пищи, во время общей крайней нужды, взиманием подарков, святотатством, святокупством, несострадательностью к несчастным, немилосердием к бедным, неподаянием милостыни или помощи нуждающимся, скупостью, расточительностью, роскошью, пьянством, игрою в карты, вообще беспорядочною жизнию, несправедливостью, жестокосердием;

против девятой заповеди – ложным доносом, ложным свидетельством на суде, оклеветанием, очернением доброго имени ближнего и чести, разглашением грехов и слабостей их, подозрительностью, сомнением в чести ближнего, перетолкованием слов и действий его в худую сторону, осуждением, пересудами, двоедушием, сплетнями, насмешками, остротами на счет других, непристойными шутками, злонамеренным ябедничеством, ложью, лукавством, обманом, лицемерным обращением с другими, лестью, пресмыкательством пред высшими, болтливостью, празднословием; не имею прямодушия, искренности, простоты, верности, правдивости, уважительности, степенности, осторожности в словах, благоразумной молчаливости, охранения и защищения чести и доброго имени ближних;

против десятой заповеди – худыми желаниями и помыслами, завистию, внутренним прелюбодеянием, мыслями и желаниями корыстолюбивыми и властолюбивыми, самолюбивыми и горделивыми, своекорыстием и плотоугодием: не имею любви с

самоотвержением, воздержания, целомудрия, скромности в словах и поступках, чистоты сердца, бескорыстия, нестяжательности, щедрости, милосердия, смиренномудрия, самоотвержения. Вообще неусердно забочусь об искоренении в себе греховного расположения и страстей и об утверждении себя в добродетелях. Зрением, слухом, вкусом, обонянием, осязанием похотным и нечестивым, и всеми помышлениями и словами, желаниями и делами погубил я себя, потому что и в этих и в прочих всех беззакониях, которыми человеческая немощь может согрешить против Господа и Создателя своего, или помышлением, или словом, или делом, или услаждением, или вожделением согрешил я и сознаю себя более всех людей виновным пред лицом Божиим, и исповедуюсь в этих всех и других бесчисленно моих грехах, которые мною сделаны волею и неволею, ведением и неведением, самим мною или через других и с другими, которых всех и припомнить не могу по причине их множества, которые же припомнил, те все без утаения сказал. Повинен, безответен я пред Господом Богом моим; каюсь во всех сказанных и не сказанных мною грехах, душевных и телесных прегрешениях, которыми Бога моего и Творца прогневал, ближнего моего онеправдовал и себя самого очернил: искренно об этом жалею и желаю раскаяться и больше не грешить – всевозможно удерживаться от грехов. Но, как слабый и вовсе бессильный – сам по себе – на дела благая, смиренно, со слезами молю Тебя – Господа Бога – Спасителя моего, помози мне утвердиться в моем намерении – жить прочее время жизни для Тебя, единого Бога моего, богоугодно; а прошедшие согрешения мои прости милосердием Своим и разреши от всех моих сказанных пред Тобою, грехов, яко Благий и Человеколюбец. Смиренно молю Пресвятую и Преблагословенную Деву Богородицу и все небесные силы, и всех святых угодников Божиих, и тебя, честный отче, в присутствии которых все сие я исповедал, да будете мне свидетелями в день судный против диавола, врага и ненавистника рода человеческого, что все это я исповедал, и да помолитеся о мне грешном Господу Богу моему. Прошу и тебя, честный отче, как имеющего данную тебе от Христа Бога власть – разрешать

исповедавшихся,– отпущать и оставлять грехи их,– прошу разрешить меня от всех грехов моих, которые я высказал пред тобою, очистить меня от всех их, простить и дать епитимию, необходимую для моего исправления. Ибо искренно сожалею о моих согрешениях, желаю раскаяться в них и впредь при помощи Божией, сколько возможно, блюстись от них. Прости меня, отче святый, и разреши, и помолись о мне грешном. Аминь.

После исповеди приготовься как следует ко причащению Святых Таин – Тела и Крови Христовых.

И после исповеди,и после причащения всегда спрашивай самого себя.

Надлежащим ли образом иду по пути благочестия?

Ослабевает ли во мне сила греха и оживает ли более и более стремление к добру?

Реже ли подвергаюсь тем падениям, которым подвергался прежде?

Менее ли чувствую над собою силу страстей, которые господствовали во мне прежде?

Легче ли становится упражнение в духовных подвигах и добродетелях, которые прежде казались так трудными?

Возрастает ли и укрепляется ли во мне вера, любовь и упование, смирение, самоотвержение и терпение?

Более ли нахожу удовольствия, духовной сладости и веселия в молитве, в чтении слова Божия и книг душеполезных?

Отставая от одного недостатка или порока, не вдаюсь ли в другую крайность?

Прилепившись к одному доброму, не оставляю ли других, не менее нужных и важных?

Стараясь освободиться от одной страсти, не покоряюсь ли другой, более благовидной, но не менее опасной?

Уклоняясь от одного вида удовольствий, не порабощаюсь ли другим, более утонченным, но не менее греховным?

В этом вся сущность покаяния.

Содержание

Размышления кающегося грешника 3
Познание греховности 8
Сокрушение о греховности 18
Исповедь кающегося грешника 29
Исповедь частная, домашняя, молитвенная – пред Господом Богом 29
Исповедь общая, церковная словесная, пред священником духовным.....50

Свято-Успенский
Псково-Печерский
монастырь